

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P Slav 176 - 25

Bd. March, 1887.

Harvard College Library

FROM THE FUND OF

CHARLES MINOT

(Class of 1828).

Received *29 Nov. - 27 Dec. 1886*

NOV 29 1886

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ИЗДАЮЩЕГОСЯ.

ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ГОДЪ.—КНИГА II-я.

6
НОЯБРЬ, 1886.

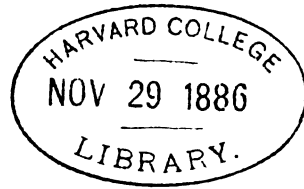
ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 11-я. — НОЯБРЬ, 1886.

Стр.

I.—ВАСИЛІЙ ІВАНОВИЧЪ. — Картины морской жизни. — Изъ далекаго прошлаго. — VIII-XIV. — Окончаніе. — И. Ст.	5
II.—СЕМЬЯ ПРИНЦЕЛЬЦЕВЫХЪ. — Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ. — В. А. Крылова.	49
III.—ТИПЫ ЛАТИНСКАГО КВАРТАЛА. — V-VIII. — Окончаніе. — И. Б.—въ.	139
IV.—К. Д. КАВЕЛИНЪ. — Матеріалы для біографіи, изъ семейной переписки и воспоминаній. — VII. Первое время моего знакомства съ К. Д. Кавелинымъ, — 1865 г. — Д. А. Корсакова.	162
V.—А. С. ДАРГОМЫДСКІЙ, по его автобіографіи, письмамъ и произведеніямъ. — I-II. — П. А. Трифонова.	195
VI.—СТИХОТВОРЕНІЯ. — I. Andante. — II. Подслушанный мотивъ. — III. Безсонница мысли. — Мартова.	226
VII.—МЕЛОЧИ ЖИЗНИ. — I-V. — Н. Щедрина.	229
VIII.—СТИХОТВОРЕНІЯ. — Осеннею дорогою. — В. С. Соловьева.	269
IX.—ЛОНДОНСКІЕ ПРОЛЕТАРІИ. — Романъ Вальтера Безанта. — VIII-XIV. — А. Э.	270
X.—ЗОРІАНЪ ДОЛЕНГА-ХОДАКОВСКІЙ. — Біографическій очеркъ. — А. Н. Пыпина.	305
XI.—ОТРЫВОКЪ. — Стих. С. А. Андреевскаго.	358
XII.—ХРОНИКА. — ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Официальныя и неофициальныя отзывы о земствѣ. — Отчетъ крестьянскаго поземельнаго банка за 1885 г. — Вопросъ о доплатахъ и о задаткахъ. — Водорожаніе продажныхъ цѣнъ; его разлѣры, причины и результаты. — Общая характеристика дѣятельности банка. — Проектируемыя постановленія о ростовщическихъ сдѣлкахъ. — Возможность соединенія денежной пенн съ лишеніемъ свободы.	361
XIII.—ИЗЪ ПРИ-АЗОВСКАГО КРАЯ. — Письмо въ Редацію. — П. А.—овъ.	385
XIV.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Болгарскія дѣла и общій результатъ хода ихъ за послѣдній мѣсяцъ. — Побѣда барона Каульбарса по Болгаріи и выборы въ великое Собраніе. — Нота 7-го октября и отправка въ Варну двухъ клиперовъ. — Отношеніе Турціи къ болгарскому вопросу. — Истинное значеніе партій въ Болгаріи. — Сравненіе нынѣшняго положенія Балканскаго полуострова съ положеніемъ Апеннинскаго въ концѣ 50-хъ годовъ. — Правительственное сообщеніе, 21-го октября	401
XV.—ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЛЕКЦІЯ ПРОФ. ЯГИЧА по славянской филологіи, въ вѣнскомъ университетѣ. — Письмо изъ Вѣны. — А. Н. Веселовскаго.	412
XVI.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — М. Е. Салтыкова, Двадцать-три сказки. — Полное собраніе сочиненій В. Гюго, въ переводѣ русскихъ писателей. Т. I. — К. К. — Разсказанія, В. П. Межова. — Историческое обозрѣніе Сибири, П. А. Словцова — А. П.	416
XVII.—СТАРАЯ И НОВАЯ РОССІЯ ВЪ КАРТИНАХЪ. — Матеріалы для русской пеографіи, Д. А. Ровинскаго. — В. В. Статова.	429
XVIII.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ. — Наша ежедневная печать и иностранная политика. — Взаимное отношеніе газеты и журнала. — Обязательна ли для земства поддержка церковно-приходскихъ школъ? — Новое обостреніе старой агитации. — Любимыя традиціи реакціонной печати, не выдерживающія собственной ея критикъ. — А. Н. Языковъ †.	441
XIX.—ВИБІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — Сочиненія Н. Н. Пирогова, т. I. — Современный обычай и древній законъ, М. Ковалевскаго. — Какъ намъ надо жить, чтобы здоровыми быть, С. М. Винниевскаго — Елисей Разбигаель, романъ въ стихахъ, Л. Гусляка. — Русскіе писатели послѣ Гоголя, Ореста Миллера, ч. I и II. — Всеобщій Календарь на 1887 г. Изданіе Готше.	

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: XVI стр.

ВѢСТНИКЪ Е В Р О П Ы

ДВАДЦАТЬ-ПЕРВЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ VI.

— ТОМЪ ССХСХVI. — 1/12 НОДБРЯ, 1886.

ВѢСТНИКЪ
Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-ДВАДЦАТЬ-ВТОРОЙ ТОМЪ

ДВАДЦАТЬ-ПЕРВЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ VI

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Острову, 2-я линія, № 7.	Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академич. переулокъ, № 7.
--	--

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1886

Р. Слав 176. 25

~~131.84~~

~~Слав 30.2~~

1886, Nov. 29 - Dec. 27.

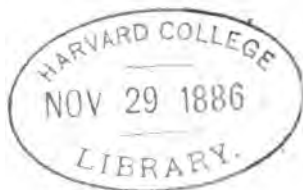
Кинот фонд.

ВАСИЛІЙ ИВАНОВИЧЪ

Картинки морской жизни.

Изъ далекаго прошлаго.

Окончаніе.

VIII *).

Вслѣдъ за короткими сумерками, смѣнившимися ослѣпительный блескъ тропическаго дня, темный вечеръ опустился надъ островомъ, скрывъ отъ глазъ, почти внезапно, его роскошную красоту. Тамъ, гдѣ, купаясь въ зелени, бѣлѣлъ городъ, теперь въ темнотѣ замелькали огни. Дома у пристани казались какими-то фантастическими тѣнями неопредѣленныхъ очертаній. Стоявшіе на рейдѣ корабли чернѣли исполинскими силуэтами съ огненными глазами на мачтахъ, которыхъ верхушки терялись во мракѣ. Но рейдъ еще жилъ. Огоньки невидимыхъ шлюпокъ, оставлявшихъ за собою яркій слѣдъ въ видѣ фосфорическихъ лентъ, то-и-дѣло безшумно скользили взадъ и впередъ по рейду, и гортанная канацкая пѣсня, говоръ и смѣхъ, нарушали порой тишину этой нѣжной, волшебной тропической ночи. Потемнѣвшій океанъ по прежнему былъ спокоенъ и дремалъ подъ тихій ропотъ своей переливающейся зыби. Милліоны яркихъ звѣздъ засвѣтились въ темносиней выси, и среди нихъ особенно красиво сіяла, испуская нѣжный, тихо льющійся свѣтъ, красавица южнаго неба—звѣзда Креста.

— Экая благодать Господня!—тихо говорятъ матросы, разсыпавшіеся кучками по палубѣ.

*) См. выше: октябрь, стр. 425.

Проспавъ до поздняго вечера тѣмъ крѣпкимъ, безмятежнымъ сномъ, какимъ спалось только на рейдѣ, Василій Ивановичъ собрался, наконецъ, на берегъ, заранѣе пригласивъ Карла Карловича поужинать вмѣстѣ. Докторъ, уѣхавшій на берегъ тотчасъ послѣ обѣда, охотно согласился и обѣщалъ занять для Василя Ивановича хорошенкій номеръ въ гостинницѣ. Карлъ Карловичъ никогда не отказывался отъ ужина съ тонкими винами, особенно если не ему приходилось платить, и любезно исполнялъ роль переводчика, когда у Василя Ивановича „заѣдало“, какъ онъ выражался на морскомъ жаргонѣ, при объясненіяхъ на иностранныхъ діалектахъ съ дамами, раздѣлявшими иногда ихъ компанію. Случалось, самъ Карлъ Карловичъ, помогая товарищу, увлекался до того, что забывалъ роль переводчика, и говорилъ дамамъ любезности отъ своего лица, оправдывая свою мимолетную невѣрность фрейлейнъ Амаліи соображеніями чисто медицинскаго характера, и Василій Ивановичъ всегда его успокаивалъ, подтверждая соображенія доктора собственной теоріей о необходимости „давать толчки природѣ“. Какъ люди солидные, они умѣли держать про себя свои маленькіе секреты и, разумѣется, никогда не рассказывали въ каютъ-компаніи о своихъ ужинахъ; вотъ почему и тотъ, и другой—охотно ужинали иногда вмѣстѣ.

Пробило восемь стѣлянокъ (8 часовъ), когда Василій Ивановичъ, одѣтый въ легкую чечунчу, въ индѣйской каскѣ, обвитой кисеей, и съ тросточкой въ рукѣ, вышелъ на верхъ, распространяя вокругъ себя тонкой ароматъ духовъ.

Вахтенный гардемаринъ проводилъ старшаго офицера до выхода. Два матроса (фалгребные) съ фонарями въ рукахъ освѣщали спусковой трапъ. Простившись съ вахтеннымъ, Василій Ивановичъ быстро спустился къ ожидавшему вельботу.

— Отваливай!—проговорилъ онъ, садясь въ шлюпку.

Послѣ нѣсколькихъ дружныхъ ударовъ веселъ вельботъ быстро понесся впередъ, разсѣвая воду, подъ равномерный, отрывистый всплескъ веселъ и глухой ихъ стукъ объ уключины. Матросы гребли, какъ артисты своего дѣла. Всѣ семь человекъ, какъ одинъ, слѣдуя за „загребнымъ“, одновременно откидываясь всѣмъ корпусомъ назадъ, загребали веслами и затѣмъ снова наклонялись впередъ, держа передъ новымъ гребкомъ нѣсколько секундъ неподвижно вывернутыя плашмя лопасти, съ которыхъ брызги воды сыпались въ темнотѣ брилліантами.

— Шабашъ!—тихо скомандовалъ Василій Ивановичъ, любившійся все время греблей, когда, минутъ черезъ десять, шлюпка приблизилась къ освѣщенной пристани.

Весла словно сторѣли, и всѣ гребцы сидѣли неподвижно на банкахъ, за исключеніемъ послѣдняго, на носу, который съ крюкомъ въ рукахъ стоялъ на-готовѣ остановить разбѣжавшуюся шлюпку. Вельботъ плавно подошелъ къ пристани, не коснувшись ея. Василій Ивановичъ умѣлъ отлично приставать.

— По чаркѣ водки пей завтра за меня, ребята! — весело промолвилъ старшій офицеръ, выскакивая со шлюпки.

— Поворно благодаримъ! — отвѣчалъ за всѣхъ загребной — молодой, красивый, здоровый матросъ, ускоренно дыша своей широкой раскрытой грудью. Прикажете дожидаться, ваше благородіе?

— Нѣтъ. Поѣзжай, братцы, на клиперъ!

— Дозвольте, ваше благородіе, сбѣгать двоимъ фрукты купить? — попросилъ тотъ же матросъ.

— купи, купи, братецъ... Только водки, смотри, не покупай...

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе!

Василій Ивановичъ останавливается на набережной, любопытно озираясь.

На набережной оживленіе. Напротивъ пристани два жалкихъ ресторана, и тутъ же, подъ легкими навѣсами изъ широкихъ листьевъ, помѣщаются фруктовыя лавочки, освѣщенные цвѣтными фонарями.

Живописными группами рассыпались здѣсь гуляющіе: чернокожіе канаки, одѣтые, полуодѣтые и совсѣмъ раздѣтые, съ кускомъ какой-то тряпицы, опоясывающей чресла; каначки, въ своихъ легкихъ, яркихъ тканяхъ, надѣтыхъ на голое тѣло и плотно облегающихъ, обрисовывая формы, женскіе торсы; англійскіе, французскіе, голландскіе и нѣмецкіе матросы съ китобойныхъ судовъ, часто зимующихъ въ Гонолулу, въ бѣлыхъ рубашкахъ, въ шапкахъ на затылкахъ, съ ножами, висящими на длинныхъ ремняхъ, прикрѣпленныхъ къ поясамъ.

Среди этой толпы идетъ шумный говоръ на всѣхъ языкахъ и раздаются пьяный космополитическій смѣхъ. Матросы-китобой любезничаютъ на разные лады съ развязными и снисходительными шололадными красавицами, которыя задорно смѣются, показывая свои ослѣпительно-бѣлые зубы. Чудное звѣздное небо, вкратке глядящее сверху, и нѣжный, ласкающій вечеръ располагаютъ, повидимому, людей не стѣсняться. И тутъ не стѣсняются. Раздаются звонкіе поцѣлуи и дѣлаются пантомимныя объясненія въ любви, напоминающія первобытнаго человѣка... Понимающія другъ друга пары, безъ словъ, при помощи какой-нибудь серебряной монеты, безъ церемоній удаляются, обнявшись, въ темнѣющую

въ двухъ шагахъ густую листву, при веселомъ, одобрительномъ смѣхѣ этихъ необыкновенно добродушныхъ, привѣтливыхъ черномазыхъ канавовъ, которыхъ предки не особенно давно съѣли Кука.

Двое нашихъ матросовъ съ вельбота торгуютъ фрукты у молодой, толстогубой туземки съ ребенкомъ на рукахъ, котораго она кормитъ своей огромной черной грудью. За десятицентовую монету каначка даетъ нѣсколько связокъ душистыхъ банановъ и десятокъ крупныхъ апельсиновъ и не въ счетъ предлагаетъ по апельсину каждому.

— А вѣдь ничего себѣ баба?..—говоритъ молодой загребной, обращаясь къ товарищу.

— Убористая, шельма!..—отвѣчаетъ, смѣясь, товарищъ.

— Ты, молодка, бонъ-баба!—обращается молодой матросъ къ каначкѣ и игриво треплетъ ее по плечу...—Тре-бонъ!.. Понимаешь?..

Въ отвѣтъ каначка улыбается, говоритъ что-то на своемъ гортанномъ языкѣ подошедшей старой женщины и отдаетъ ей ребенка.

— Не понимаешь? Вери-гутъ, голубушка! — продолжаетъ матросъ, подмигивая ухарски глазомъ и выпячивая впередъ грудь.

Каначка смѣется и ласково озираетъ молодого, краснощекаго матроса своими большими черными, влажными глазами. Потомъ наклоняется къ нему, гладитъ нѣжно рукой по его лицу и тихо говоритъ, коверкая слова:

— You are very handsome!

И снова смѣется, скаля зубы.

— А вѣдь ты, Николашка, понравился черномазой!—не безъ зависти восклицаетъ его товарищъ.

— А чтожъ?.. Ей богу, братецъ, ничего себѣ баба! — хохочетъ Николашка, обхватывая рукой талию шоколадной сирены.

Она, повидимому, довольна авансами матроса. Закрывъ глаза, она вдругъ даритъ своего поклонника долгимъ поцѣлуемъ, затѣмъ отступаетъ назадъ и, указывая рукой вглубь улицы, манитъ его куда-то...

— Ишь ты, шельма!.. Николашка! Она, братъ, приманиваетъ! — смѣется его товарищъ.—Некогда намъ, мамзель!—обращается онъ къ черной красавицѣ.—Ужъ жди завтра... моргенъ... какъ на берегъ спустятъ... Понимаешь?

Но каначка ничего не понимаетъ и вопросительно глядитъ на матроса, нѣсколько сконфуженнаго слишкомъ откровеннымъ выраженіемъ ея симпатіи.

Тотъ, въ свою очередь, нѣсколько разъ повторяетъ и снисходительно треплетъ ее по спинѣ. Она, кажется, поняла, весело киваетъ головой и суетъ матросу нѣсколько апельсиновъ. Но матросъ не беретъ.

— Однако, адью, черномазая! Моргенъ!—ласково говоритъ Николашка, протягивая на прощанье руку.

Повернувшись, матросы увидали передъ собой Василия Ивановича, который любопытными глазами наблюдалъ за этой сценой. Николашка конфузится. Оба они отдають честь, прикладывая пятерни ко лбу, и топчутся на мѣстѣ.

— Что, ребята, фрукты покупали?

— Точно такъ, ваше благородіе!—отвѣчаетъ Николашка и, принимая степенный видъ, прибавляетъ:—Совсѣмъ безстыжій народъ, ваше благородіе... Счастливо оставаться, ваше благородіе... Валимъ, братъ, на вельботъ! — озабоченно обращается онъ къ товарищу, и оба торопливо уходятъ.

Василия Ивановича манитъ широкая, полутемная аллея впереди. Ужинать еще рано, да и грѣшно въ такой дивный вечеръ сидѣть въ комнатѣ—лучше побродить! Онъ освѣдомляется у встрѣчнаго „каптъайна“, гдѣ гавайскій отѣлъ, чтобы ориентироваться. Оказывается, что отѣлъ въ двухъ шагахъ, на набережной, за консульскими домами... Василий Ивановичъ благодаритъ и медленнымъ шагомъ направляется въ аллею.

Гуляющіе встрѣчаются часто. Словно тѣни, мелькають въ темнотѣ людскія фигуры, вдругъ освѣщаемыя, попадая въ полосу рѣдкихъ фонарей вдоль аллеи. Тихій говоръ и смѣхъ таинственно разносится въ воздухъ. Порой раздается лошадиный топотъ, и при громкомъ смѣхѣ галопшируютъ женскія фигуры каначекъ, сидящихъ верхомъ по-мужски. Изъ-за темной листвы мелькають огоньки канацкихъ домиковъ, спрятавшихся среди приземистыхъ, раскидистыхъ банановыхъ деревьевъ и стройныхъ пальмъ. Цвѣтные фонари у пороговъ освѣщаютъ семейную идиллію чернокожихъ семействъ, сидящихъ группами у раскрытыхъ дверей.

Василий Ивановичъ вдыхалъ полной грудью прохладный воздухъ, полный раздражающаго аромата юга, и его охватило мечтательное настроеніе съ отгѣнкомъ нѣкоторой игривости.

„Право, эти шельмы каначки вовсе не такъ противны!“ — прошепталъ онъ, вспоминая молодую торговку фруктами, кокетничавшую съ заgreбнымъ. „Онѣ куда лучше малаекъ, отъ которыхъ за версту несетъ кокосовымъ масломъ!“

И Василий Ивановичъ продолжалъ бродить наугадъ, вглядываясь въ встрѣчавшихся женщинъ съ любопытствомъ влюбленнаго

бота. Онъ заглянулъ въ открытыя двери маленькаго ресторана, гдѣ играли на билліардѣ капитаны витокои, окруженные любопытными зрителями туземцами; зашелъ потомъ подъ навѣсъ какого-то освѣщеннаго сарая и, пробравшись сквозь толпу, смотрѣлъ, какъ танцовали національный танецъ „уле-уле“, полный страсти и нѣги, снова вышелъ на воздухъ и попалъ въ какую-то полутемную аллею, готовый на всякія авантюры, приличныя его солидному возрасту...

Нѣжное, заунывное женское пѣніе, раздавшееся вдругъ изъ-за деревьевъ, заставило Василю Ивановича остановиться и повернуть голову. Изъ-за листвы, среди цвѣтныхъ фонарей, повѣшенныхъ на деревьяхъ, выглянулъ маленький бѣлый домикъ, крытый зеленью, и вслѣдъ затѣмъ на порогѣ показалась темнокожая пѣвунья въ бѣломъ европейскомъ капотѣ, нескромно распахнувшаяся на груди.

Василій Ивановичъ любопытно придвинулся поближе, жадными глазами пожирая пѣвицу. Она была не очень черна и походила скорѣй на креолку, чѣмъ на каначку. Черты ея лица показались Василю Ивановичу положительно красивыми. Вдобавокъ она была стройна, хорошо сложена и достаточна полна.

Пѣніе скоро прекратилось. Перегнувшись съ лѣнливой граціей, темнокожая дама сорвала бананъ и начала медленно его ѣсть, прикусывая плодъ зубами, сверкавшими изъ-подъ ярко-красныхъ, пышныхъ губъ. Василій Ивановичъ придвинулся еще ближе, не замѣчая, что вступилъ въ полосу свѣта, бросаемаго фонаремъ, и какъ-то усиленно подсапывалъ носомъ, сдерживая дыханіе. Простоявъ нѣсколько минутъ, онъ осторожно попытался назадъ, собираясь уходить, какъ вдругъ тихій, ласковый смѣхъ остановилъ его на мѣстѣ. Неужели она его замѣтила? Онъ взглянулъ на незнакомку. Она привѣтливо наклонила голову въ его сторону, дѣлая граціозный манящій жестъ своей темной оголенной рукою, на которой блестѣла серебряная змѣйка браслета.

Въ первую минуту Василій Ивановичъ оробѣлъ и нерѣшительно топтался на мѣстѣ.

— Идите... идите, не бойтесь! — раздался пѣвучій грудной голосъ, медленно выговаривающій англійскія слова, и вслѣдъ затѣмъ прелестная незнакомка лѣнливымъ движеніемъ руки запахла обнаженную грудь.

Василій Ивановичъ больше не медлитъ. Онъ подходитъ пѣтушкомъ, любезно распарывается и мѣтеть въ молчаніи, недоумѣвая, къ кому онъ попалъ.

А дама, ласково улыбаясь, протягиваетъ ему руку и приглашаетъ его, если онъ хочетъ, заглянуть въ ея скромную хижину.

Василій Ивановичъ раскланивается въ знакъ полнаго своего согласія, нѣсколько разъ повторивъ выразительно: „о yes!“ и вслѣдъ за незнакомкой входитъ въ небольшую, довольно чистенькую комнату съ нѣсколькими плетеными стульями и диваномъ около круглаго стола, съ фотографіями на чисто выбѣленныхъ стѣнахъ, съ большой, пышной кроватью въ углу, задернутой наполовину мустикеркой.

— Пожалуйста, садитесь... Очень рада васъ видѣть...

И съ этими словами дама уходитъ и черезъ минуту возвращается съ тарелкой банановъ и апельсиновъ, которую ставитъ передъ Василиемъ Ивановичемъ, приглашая ихъ отвѣдать.

Затѣмъ опускается на маленькій плетеный диванчикъ напротивъ и спрашиваетъ:

— Вы, должно быть, голландецъ?.. Китобой?

— Нѣтъ, нѣтъ... Русский! — энергично протестуетъ Василій Ивановичъ, нѣсколько обиженный, что его приняли за голландца да еще китобоя...

— Русский? Съ военного клипера, который пришелъ вчера? — съ возрастающимъ интересомъ спрашиваетъ незнакомка.

— О, yes! о, yes! — повторяетъ Василій Ивановичъ, все еще не зная, „на какой румбъ ему держать“ съ этой гостеприимной и очаровательной дамой.

Дама между тѣмъ выражаетъ живѣйшее удовольствіе, узнавъ, что передъ нею русский офицеръ, и въ доказательство протягиваетъ и крѣпко жметъ руку русскаго офицера. Она встрѣчалась съ русскими. Въ прошломъ году, когда сюда заходилъ корветъ „Viegnu“, она познакомилась съ нѣсколькими офицерами... Они очень милые и добрые джентльмены, эти русскіе... совсѣмъ не похожи на тѣхъ страшныхъ людей, которые — какъ ей прежде говорили — живутъ далеко, далеко отсюда, въ странѣ, гдѣ вѣчный холодъ и гдѣ съ людьми обращаются какъ съ животными. Она теперь знаетъ, что это неправда... Только фамиліи у нихъ такія трудныя, всѣхъ не припомнишь... Впрочемъ, позвольте... Mister Sitnikoff... и еще... Mister Bourkoff...

— Вы знаете этихъ джентльменовъ?..

— Какъ же, знаю... О, yes!

— Славные эти русскіе офицеры!.. Они выучили меня говорить нѣсколько русскихъ словъ...

И, видимо желая щегольнуть знаніемъ этихъ русскихъ словъ, молодая женщина съ наивной серьезностью, стараясь выговаривать какъ можно яснѣе, произнесла своимъ нѣжнымъ, пѣвучимъ голосомъ нѣсколько самыхъ неприличныхъ словъ изъ русскаго лексикона.

— Ваши офицеры говорили, что это значить: „какъ ваше здоровье?“... Я вѣрно произношу—не правда ли?..

Василій Ивановичъ нѣсколько конфузится и мысленно ругаетъ мистеровъ Ситникова, Бурекова и другихъ соотечественниковъ съ болѣе трудными фамиліями, оставившихъ за далекими морями слѣды русскаго просвѣщенія въ такой своеобразной и чаще всего практикуемой моряками формѣ. Не безъ затрудненій объясняетъ онъ на своемъ собственномъ англійскомъ языкѣ, что эти слова означаютъ не то... Она не такъ произноситъ ихъ...

Однако англійскій языкъ Василія Ивановича понимается дамой, повидимому, не совсѣмъ удовлетворительно, и потому она считаетъ болѣе удобнымъ—говорить самой... Она—вдова; зовутъ ее Эмми...

— Хорошее имя Эмми! — храбро вставляетъ Василій Ивановичъ.

— Да?.. Вамъ нравится?—улыбается миссисъ Эмми, продолжая сообщать свою автобіографію.

Мужъ ея недавно умеръ... Онъ былъ богатъ, имѣлъ нѣсколько плантацій, но разорился передъ смертію, такъ что она теперь—бѣдная женщина. Она сама не канадка... нѣтъ!.. Она креолка... Отецъ ея былъ американскій матросъ, давно поселившійся въ Гонолулу, а мать—канадка...

Въ свою очередь и Василій Ивановичъ не совсѣмъ отчетливо понимаетъ темную вдову, и частью словами, частью пантомимой проситъ ее спѣть что-нибудь—она такъ хорошо пѣла.

Миссисъ Эмми охотно поетъ нѣсколько пѣсень, и поетъ ихъ превосходно. А Василій Ивановичъ слушаетъ, склонивъ нѣсколько набокъ голову и бросая по временамъ умильные взгляды на темно-смуглую красавицу. Она, кажется, замѣчаетъ эти взгляды и ласково улыбается доброй, простодушной улыбкой, открывая при этомъ свои ослѣпительные зубы.

— Нравится вамъ? Это все канацкія пѣсни! — говоритъ она, окончивъ пѣніе.

Пора, однако, уходить, и Василій Ивановичъ поднимается. Ему хочется выразить молодой женщинѣ благодарность за доставленное удовольствіе, хочется извиниться за то, что такъ безцеремонно явился къ ней, и вмѣстѣ съ тѣмъ—попросить позволенія еще разъ навѣстить ея; но, къ крайнему его сожалѣнію, запасъ англійскихъ словъ, которыми онъ владѣетъ, оказывается недостаточнымъ, да и знакомыя слова какъ-то плохо складываются въ фразы, такъ что бѣдному Василю Ивановичу вмѣсто горячей рѣчи невольно приходится ограничиться нѣсколькими прилагательными и пантомимами, въ родѣ привлаживанія руки къ

сердцу. Покончивъ съ этой трудной частью задачи, Василій Ивановичъ, „волнуясь и спѣша“, достаетъ изъ кармана золотую монету, незамѣтно кладетъ ее на окно и окончательно расшаркивается.

Молодая женщина, однако, замѣтила монету и, нѣсколько удивленная, возвращаетъ ее назадъ.

— Не за что!— значительно говорить она и какъ-то странно смѣется.

Бѣдный Василій Ивановичъ совсѣмъ сраженъ, и не знаетъ, какъ ему быть... Рѣшительно онъ какою-то пентюхъ съ женщинами!

Тогда миссисъ Эмми, словно угадывая мысли Василія Ивановича, промолвила:

— Куда-жъ вы? Развѣ ужъ соскучились со мной?

— О, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!—энергично протестовалъ Василій Ивановичъ.—Чортъ его дери, этотъ англійскій языкъ!—невольно прибавилъ онъ по-русски, досадуя, что не можетъ болѣе подробно выразить свои чувства.

Напрасныя заботы! И застланный, томный взглядъ его маленькихъ, еще болѣе съузившихся глазокъ, и достаточно глупая улыбка раскраснѣвшагося лица краснорѣчивѣе всякихъ словъ свидѣтельствовали о его чувствахъ.

И миссисъ Эмми, повидимому, отлично поняла ихъ, потому что подарила Василія Ивановича такимъ ласковымъ взоромъ, что послѣ него Василій Ивановичъ вдругъ пріосанился, выставилъ ножку впередъ и не безъ кокетства сталъ крутить усы, поглядывая на миссисъ Эмми безъ прежней робости.

— Ну, садитесь, дорогой гость. Я вамъ еще спою нѣсколько нашихъ пѣсенъ...

И Василій Ивановичъ остался слушать пѣсни.

Прощаясь черезъ нѣсколько времени съ миссисъ Эмми, Василій Ивановичъ обѣщалъ навѣстить ее на другой день... Она такъ хорошо поетъ!.. Можно?..—спрашивалъ онъ, ломая англійскій языкъ уже съ мѣньшимъ стѣсненіемъ.

Разумѣется, можно... Она всегда дома и рада будетъ видѣть такого милаго гостя. Домикъ ея легко найти... стоитъ только спросить миссисъ Эмми... Найдеть ли онъ дорогу въ гостинницу? Она проведетъ его до ближайшей улицы.

Они вышли вмѣстѣ, отлично понимая другъ друга. На поворотѣ они остановились. Миссисъ Эмми указала, куда идти, подарила на прощанье звонкій поцѣлуй и скрылась въ темнотѣ, крикнувъ ему вслѣдъ слово: „душенька!“, которому успѣлъ уже ее

выучить Василій Ивановичъ, пожелавшій, въ свою очередь, приобщить прелестную туземку къ отечественному языкознанію.

Съ видомъ побѣдителя, весело мурлыкая себѣ подъ ность какой-то мотивъ, шелъ Василій Ивановичъ къ огонькамъ фонарей, мелькавшихъ на набережной. „Кто могъ ожидать, что наклонится такое приключеніе... Эта Эмми очень недурна... Очень! То-то Карлъ Карловичъ удивится, когда узнаетъ!“

Вотъ и гостинница, освѣщенная среди темнаго сада съ высокими деревьями, на которыхъ дрожить свѣтъ огней. — Эка, какъ славно въ саду! — говоритъ Василій Ивановичъ, направляясь къ открытымъ настежь дверямъ.

Смуглолицый, сухощавый, подвижной старикъ-французъ съ коротко-остриженной сѣдой головой и горбатымъ носомъ, сидѣвшій въ конторѣ, радушно привѣтствовалъ Василю Ивановича и тотчасъ же произвелъ его въ капитаны. Взявъ ключи и лампу, онъ повелъ Василю Ивановича по устланной коврами лѣстницѣ во второй этажъ и не умолкалъ ни на секунду, знакомя Василю Ивановича вкратцѣ съ главнѣйшими эпизодами своей бурной эпопеи. Когда онъ ввелъ „капитана“ въ прохладный, роскошный номеръ въ концѣ коридора, Василій Ивановичъ уже зналъ, что этотъ уроженецъ Аркашона, дезертировавшій въ 1826 году отъ военной службы въ Америку, былъ сперва парикмахеромъ въ Нью-Йоркѣ, затѣмъ помощникомъ капитана и капитаномъ китобойной шкуны, далѣе извозчикомъ въ Сиднеѣ, золотоискателемъ въ Калифорніи, поваромъ его величества гавайскаго короля Камеамеа и въ настоящую минуту состоитъ хозяиномъ гавайскаго отеля.

— Чѣмъ могу служить господину капитану? — любезно заключилъ онъ, подавая Василю Ивановичу карту...

Василій Ивановичъ проголодался послѣ прогулки. Просматривая названія блюдъ, онъ сладко причмокивалъ сочными губами. Сперва омары, соусъ *poivrade*, а дальше? И ростбифъ, и телячьи котлеты, и дикая коза одинаково дразнили его аппетитъ. Изъ затрудненія его вывелъ все тотъ же веселый, словоохотливый гасконецъ, попросивъ позволенія составить меню хорошенькаго ужина... Сперва омары, затѣмъ онъ дастъ телячью котлету, кусочекъ дикой козы, зелень, сладкій тортъ, фруеты и сыр... А какое угодно вино?... Сперва красное, не правда-ли?..

— Нѣтъ, мы будемъ пить одно шампанское...

— Одно шампанское? Отлично! Господа русскіе имѣютъ хорошій вкусъ и любятъ это благородное вино прекрасной Франціи! — съ чувствомъ воскликнулъ гасконецъ, вспомнивъ родину.

Онъ можетъ порекомендовать настоящее шампанское, а не ту дрянъ, что фабрикуютъ эти собаки-янки въ С.-Франциско... Такъ въ десяти часамъ ужинъ будетъ поданъ въ комнату, для двухъ персонъ, и шампанское заморожено. Вѣрно, скоро придетъ и другъ господина капитана, этотъ ученый докторъ въ золотыхъ очкахъ, а въ ожиданіи — не позволить ли господинъ капитанъ предложить чего-нибудь прохладительнаго?

— Пожалуй! — согласился Василій Ивановичъ.

— Какого вы мнѣнія насчетъ шеггу соблаг, капитанъ? Или вы, какъ морякъ, предпочтете коньякъ съ содовой водой? Нѣтъ? Такъ, шеггу соблаг! Это, пожалуй, лучше! Сію минуту вы его получите! — прибавилъ хозяинъ и, наконецъ, откланялся.

Черезъ нѣсколько минутъ Василій Ивановичъ уже „кейфовалъ“, беззаботно растанувшись въ просторномъ лонгъ-шэѣ у раскрытаго окна и потягивая черезъ соломинку холодный напитокъ. Темная, звѣздная ночь обдавала его своимъ нѣжнымъ, теплымъ дыханіемъ, навѣвая лѣнивыя грѣзы о гонолулускомъ „розанчикѣ“. Кругомъ стояла тишина. Только снизу доносились звуки шумнаго говора, и порой рѣзкія русскія восклицанія отчетливо врываются въ окно.

— Это, вѣрно, фендрики наши шумятъ! — проговорилъ Василій Ивановичъ, улыбаясь сочувственной, доброй улыбкой.

IX.

Дѣйствительно, человѣкъ восемь „фендриковъ“, какъ шутя называлъ Василій Ивановичъ гардемариновъ и кондукторовъ, изрядно-таки шумѣли, собравшись въ одномъ изъ номеровъ нижняго этажа. Ужинъ былъ оконченъ, но бутылки еще не были допиты. Только-что принялись за кофе съ коньякомъ и закурили манилки. Разговоры стали оживленнѣе и шумнѣе. Дѣлились впечатлѣніями проведеннаго дня, мечтали о скоромъ полученіи приказа, который дастъ желанные мичманскіе эполеты и, какъ водится, перемывали косточки адмиралу, вспоминая, какъ онъ „разносилъ“ во время своего короткаго плаванія на клиперѣ.

Когда анекдоты объ адмиралѣ были исчерпаны, кофе выпито и кто-то послѣ шампанскаго потребовалъ нѣсколько бутылокъ эля, заговорили о морской службѣ — этой любимой тѣмъ споровъ юныхъ моряковъ, для которыхъ морская профессія еще полна была заманчивой прелести, помимо служебныхъ надеждъ и мечтаній.

— Служба наша, господа, тѣмъ хороша, что закаливаетъ характеръ, приучаетъ къ самообладанію, даетъ широкій просторъ власти, — возбужденно заговорилъ Непенинъ, прозванный еще въ корпусѣ „Юлкой“ за умѣнье очаровывать начальство, — маленький, чистенькій, блѣлокурый юноша, съ первымъ пушкомъ на румяныхъ щекахъ и бойкими смѣющимися глазами, оживлявшими его красивое лицо. — Прелесть плаванія не въ томъ, чтобы любоваться природой... это все вздоръ! — вызывающе прибавилъ онъ съ напускнымъ презрѣніемъ къ этому „вздору“, бросая взглядъ на сосѣда.

— Чтб!?! Вздоръ!? Природа — вздоръ!? — вдругъ сорвался его сосѣдъ, гардемаринъ съ „задорнымъ вихоркомъ“, допекавшій стараго артиллериста Оому Оомича за его „допотопные взгляды“, отчаянный спорщикъ и добрыйшій малый. — Ты послѣ этого, Юлка...

— Сидоровъ! Не перебивай... Дай Юлкѣ докончить! — закричали со всѣхъ сторонъ.

— Я ему не дамъ говорить... Пусть онъ прежде откажется отъ своихъ словъ!..

— А еще либераль! — насмѣшливо замѣтилъ Непенинъ. — Восхищаешься англійскимъ парламентомъ и не даешь слова сказать!

Этотъ аргументъ оказываетъ на Сидорова чарующее дѣйствіе.

— Ну, чортъ съ тобой, говори, говори! Я послѣ тебѣ докажу, что ты глупъ, если природа — вздоръ! — не безъ досады замѣчаетъ Сидоровъ.

— Докажешь!?. Ты только умѣешь ругаться какъ боцманъ, а не доказывать!.. — раздраженно бинулъ Непенинъ въ досадѣ, что его перебили... — Да, господа, вся прелесть морской службы именно въ торжествѣ ума, энергіи и власти... Развѣ не заманчиво, чортъ возьми, быть командиромъ какого-нибудь красавца клипера, а?.. Штормъ... дьявольскій штормъ... Клиперъ подъ зарифленнымъ фокомъ, штормовой бизанью и фортъ-стенги-стакселемъ... Ты стоишь на мостикѣ и только покрикиваешь рулевымъ: „Право! Лѣво! Одерживай!“ Развѣ не наслажденіе сознавать, что все зависитъ отъ тебя, отъ твоего умѣнья, отъ твоей воли, что всѣ, начиная съ послѣдняго матроса и кончая старшимъ офицеромъ, — лишь безпрекословные исполнители, и ничего болѣе. Одинъ ты отвѣчаешь за все и за всѣхъ... Ты — царь на своей палубѣ! — восторженно восклицалъ юноша, слегка возбужденный виномъ и своими завѣтными мечтами.

— А главное, Юлка, отличное содержаніе у капитана. Можно

откладывать! — неожиданно вставилъ внимательно слушавшій Непенина плотный, коренастый, скромнаго вида молодой человѣкъ.

Взрывъ хохота огласилъ комнату. Юлка презрительно взглянулъ на товарища.

— Ну, ты, Нефедка, извѣстный „копчинка“ ¹⁾. Тебѣ въ банкиры идти... Тутъ не въ содержаніи дѣло, а въ идеѣ власти... Понимаешь? И-де-я си-лы, власти! Разумѣется, дисциплина должна быть настоящая... Стро-жайшая!.. Безъ этого невозможно... Не даромъ законъ разрѣшаетъ капитану въ исключительныхъ случаяхъ повѣсить ослушника... Сантиментальности тутъ по-боку!..

Сидоровъ уже давно, въ порывѣ негодованія, сдѣлалъ изъ своего вихорка какую-то сосиску, но уваженіе къ англійскому парламенту сдерживало его нетерпѣніе задать Юлкѣ „ассаже“. Но, несмотря на пристрастіе къ парламентскимъ нравамъ, долѣе онъ терпѣть не могъ, и воскликнулъ:

— Юлка! Ты порешь дичь въ родѣ Θомы Θомича... Нѣтъ!.. Хуже!.. хуже еще!.. Сила власти!.. Дисциплина!.. Ахъ, ты ретро-градина! Не желаешь ли ты, ради дисциплины, возстановить кошки, а?—гремѣлъ, снова распуская свой вихоръ, Сидоровъ... — Мало ему еще дисциплины... Надо „стро-жайшую“!?. Ишь какой Наполеонъ на клиперѣ напелся!.. Того и гляди, господа, обгонитъ онъ насъ всѣхъ по службѣ — не даромъ онъ — Юлка: сдѣлается капитаномъ и кого-нибудь изъ насъ да повѣситъ!..

— И повѣшу, если нужно будетъ! — вызывающе крикнулъ Юлка, сверкая глазами.

— Ради идеи власти или ради карьеры? — ядовито протянулъ Сидоровъ.

— И тебя перваго, Сидорова, повѣшу! Тебя перваго, если ты попадешь ко мнѣ подъ начальство и не исполнишь моего приказанія! — проговорилъ, задыхаясь и злясь, Юлка. — Не посмотрю, что ты товарищъ, а вздерну на фока-реѣ!

— Но прежде все-таки получишь въ рожу, Юлка! Вѣрь со-вѣсти!

Всѣ за столомъ раскохотались.

Не смѣялся только блѣднолицый, долговязый блондинъ, сидѣвшій у окна, положивъ свою большую бѣлобрысую голову на ладони и, казалось, погруженный въ созерцаніе звѣздъ, сверкавшихъ на небѣ. При послѣднихъ словахъ Юлки лицо молодого человѣка омрачилось. Онъ поднялся съ мѣста и медленно направился къ столу.

¹⁾ Скулой.

Это былъ Лѣсовой, давно прозванный „Мечтателемъ“. Въ его юношескомъ художавомъ, нѣжномъ лицѣ дѣйствительно было что-то задумчиво-мечтательное, оправдывавшее кличку, особенно въ сосредоточенномъ взглядѣ большихъ свѣтло-сѣрыхъ глазъ. Онъ пользовался среди товарищей авторитетомъ правдивой души и былъ любимцемъ матросовъ; онъ постоянно „лясничалъ“ съ ними и читалъ имъ книжки. Зато въ сношеніяхъ съ начальствомъ онъ напускалъ на себя суровую холодность заправскаго кадета, но былъ исправный служака, страстно любилъ море и еще въ корпусѣ мечталъ о путешествіяхъ и объ открытіи полюса.

— Ты, Юлка, пьянъ и врешь на себя! — тихо проговорилъ онъ при наступившемъ молчаніи. — Развѣ можно и въ шутку говорить такія вещи?!..

— Юлка не пьянъ... Юлка ничего не пилъ!.. — вставилъ Сидоровъ.

— У каждаго, братъ, свои убѣжденія! — уклончиво отвѣчалъ Юлка, нѣсколько притихая передъ этимъ серьезнымъ взглядомъ Мечтателя.

— Повѣсить!? — съ укоромъ проговорилъ тотъ, и при этомъ чувство страха и отвращенія исказило его черты.

Онъ остановился на секунду и продолжалъ:

— Ударить матроса, и то... отвратительно, а ты: „повѣсить“!

— А если у тебя на суднѣ бунтъ? — вдругъ задалъ вопросъ Юлка.

— Бунтъ? — переспросилъ Лѣсовой съ такой серьезностью, точно и въ самомъ дѣлѣ онъ очутился въ несчастномъ положеніи капитана, у котораго на кораблѣ свирѣпствуетъ возмущеніе.

— Ну да, бунтъ, форменный бунтъ! Уже боцмана просвистали: „Попелъ всѣ на верхъ, командира за бортъ выдать!“ — а ты сидишь въ каютѣ и... мечтаешь! — иронически прибавилъ Юлка, взглядывая съ насмѣшливой улыбкой на Мечтателя.

И всѣ юные моряки, оставивъ стаканы недопитыми, устались на Лѣсового.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ поступить человѣкъ, котораго собираются немедленно швырнуть въ море?

Въ виду такой перспективы казалось вполне естественнымъ, что Мечтатель на минуту задумался.

— У Лѣсового не можетъ быть бунта! — воскликнулъ Сидоровъ, видимо болѣе всѣхъ сочувствовавшій затруднительному положенію товарища и не желавшій, чтобы такой хорошій человѣкъ, какъ Лѣсовой, вынужденъ былъ прибѣгнуть къ насилию. —

Противъ него никогда не взбунтуются! Ты, Юлка, напрасно думаешь смутить его своимъ дурацкимъ вопросомъ!

— Постой, Сидоровъ! — остановилъ Лѣсовой своего защитника... — Я ему отвѣчу... Я согласенъ, что мной недовольны, и меня хотятъ бросить за бортъ... Но кто виноватъ, что матросы взбунтовались? Разумѣется, одинъ я... Понимаешь ли, Юлка, я! — говорилъ Мечтатель тономъ, не допускавшимъ сомнѣнія въ его виновности. А если виноватъ я, и если я не окончательный подлецъ, то неужли я еще долженъ наказывать людей за свою вину?.. Вѣдь надо сдѣлать много, чтобы довести людей до бунта...

— Не въ томъ вопросъ: кто виноватъ... Я спрашиваю: какъ ты поступишь? — торопилъ Юлка.

— Да, да... Какъ ты поступишь?.. — раздались нетерпѣливые голоса.

— Трудно сказать, какъ я поступлю; но думаю, что выйду на верхъ и брошусь въ море прежде, чѣмъ меня кинутъ за бортъ... Смерть лучше жизни, обогрѣнной кровью другихъ!.. — медленно, словно бы въ раздумѣ, проговорилъ юноша.

Признаться, ни одинъ изъ слушателей не ожидалъ, что Лѣсовой выйдетъ изъ положенія столь трагическимъ образомъ. Такой исходъ, видимо, не удовлетворилъ молодыхъ моряковъ.

— Ты могъ бы уговорить матросовъ! — предложилъ поправку Сидоровъ. — Ты бы сказалъ имъ рѣчь... ну, объяснилъ бы, что впередъ будешь обращаться съ ними лучше...

— Арестовалъ бы зачинщиковъ... — подсказывали другіе...

— Еще короче — повѣсить одного для спасенія всѣхъ! — замѣтилъ Непенинъ.

— Юлка, Юлка, какъ тебѣ не стыдно! — крикнулъ Лѣсовой, бросая на товарища взглядъ, полный сожалѣнія и укора, и оставшись, повидимому, при своемъ рѣшеніи броситься въ море, пожалъ плечами и отошелъ отъ стола на прежнее мѣсто, не считая нужнымъ говорить болѣе.

— Ты... извѣстный Мечтатель! Тебѣ нельзя быть капитаномъ! — усмѣхнулся Непенинъ.

— А тебѣ можно? — поддразнилъ Сидоровъ. — Потерпи немножко, Юлка! Сперва отзвони мичманомъ лѣтъ пять, потомъ лейтенантомъ лѣтъ десять, и тогда мечтай о томъ, какъ будешь заводить строжайшую дисциплину!.. Только къ тому времени такихъ ретроградовъ, пожалуй, будутъ выгонять въ отставку... Или ты тогда въ либералы обратишься?

— Во всякомъ случаѣ постараюсь звонить меньше, чѣмъ ты...

— Дудки! Раньше не произведутъ! Возьми хоть нашего

Чистоту Ивановича! Сколько лѣтъ звонилъ, пока сдѣлался старшимъ офицеромъ...

— Нашелъ кого привести въ примѣръ... Чистоту Ивановича! Ему никогда не выдвинуться... Онъ порядочная дура для того — Чистота Ивановичъ! — презрительно воскликнулъ Непенинъ.

Всѣ вступились за Василю Ивановича. Положимъ, онъ большой педантъ и старыхъ взглядовъ, но онъ славный и добрый. Особенно взволновался отзывомъ Непенина Мечтатель. Хотя онъ и находился съ Василюмъ Ивановичемъ въ натянутыхъ, чисто официальныхъ отношеніяхъ, и недавно еще „развелъ“¹⁾ съ нимъ, за что посаженъ былъ на салингъ, — тѣмъ не менѣе онъ горячѣе всѣхъ защищалъ старшаго офицера.

Очевидно, сдерживая свое негодованіе, онъ значительно проговорилъ, оканчивая свою защиту:

— Каковъ бы ни былъ Василю Ивановичъ, не тебѣ бы, Юлка, такъ презрительно о немъ отзываться!

Юлка промолчалъ, взглянувъ на блѣдное, взволнованное лицо Лѣсового. Потомъ посмотрѣлъ на часы и замѣтилъ:

— Однако пора на клиперъ! Я общалъ Кошкина смѣнить въ 10 часовъ... Лѣсовой! Заплати за меня, что слѣдуетъ!..

И съ этими словами, нѣсколько сконфуженный, вышелъ изъ комнаты.

Вслѣдъ за нимъ незамѣтно ушелъ и Лѣсовой.

Слова: „порядочная дура“ — отчетливо донесли до Василю Ивановича и на секунду его ошеломили. Онъ не вѣрилъ своимъ ушамъ. Какъ!? Неужели это голосъ его любимца, голосъ Непенина, къ которому онъ относился съ нѣжностью старшаго брата, съ заботливой лаской одинокаго человѣка, искавшаго привязанности? Неужели о немъ такъ презрительно отзывался этотъ юноша, платившій, казалось, привязанностью за привязанность и выказывавшій всегда особенное расположеніе въ своихъ интимныхъ бесѣдахъ? Значить, все это была ложь... одна ложь!.. Нѣтъ, это не его голосъ! Такая испорченность невозможна въ мальчикѣ!..

— Не можетъ быть! — шепталъ Василю Ивановичъ, стараясь себя обмануть.

Онъ поднялся, чтобы поскорѣе захлопнуть окно, боясь новой обиды, какъ вдругъ подъ окномъ раздались голоса, и Васи-

¹⁾ „Развести“ на морскомъ жаргонѣ значитъ рѣзко отвѣтить начальнику.

лій Ивановичъ, чтобъ не быть замѣченнымъ, снова опустился въ кресло.

— Я не хотѣлъ объясняться съ тобой при товарищахъ, Юлка! Намъ нужно объясниться! — сказалъ Лѣсовой.

— По поводу чего? — нетерпѣливо проговорилъ Непенинъ.

— Ты понимаешь... по поводу твоей выходки противъ Василія Ивановича. Скажи — мнѣ нужно знать: — ты отозвался о немъ такъ презрительно ради краснаго словца, или таково твое мнѣніе?..

— Разумѣется, мое мнѣніе...

— Такъ почему ты такъ хорошъ съ Василюмъ Ивановичемъ!? Я до сихъ поръ думалъ, что ты любишь и уважаешь его... ну, тогда ваши отношенія понятны... Но развѣ можно оказывать расположеніе человѣку, пользоваться его дружбой, занимать у него деньги, хвалить въ глаза его педантизмъ и за глаза отзываться съ презрѣніемъ?!.. Значить, ты все время лицебрюилъ съ нимъ, Юлка! А вѣдь, я знаю, Василій Ивановичъ искренно тебя любить...

— Это еще что за инвизиція? — перебилъ Непенинъ.

— Это необходимо... Я, Юлка, былъ съ тобой друженъ... Я не вѣрилъ, когда товарищи обвиняли тебя въ пролазничествѣ... Я всегда защищалъ тебя — ты знаешь... Мнѣ, правда, не нравились твои честолюбивыя идеи, твое самолюбіе, твое желаніе выставиться передъ адмираломъ, твои отношенія къ матросамъ, полныя пренебреженія, но ты — умный человѣкъ, Юлка; я многое прощалъ тебѣ и думалъ, что ты самъ поймешь свои недостатки и избавишься отъ нихъ... Я думалъ, что ты иногда рисуешься, напуская на себя безсердечіе... Но теперь... Послушай, Юлка, мнѣ тяжело говорить, но я долженъ... Ты обманываешь людей...

Еслибы Лѣсовой, говорившій свою филиппику съ горячностью и негодованіемъ правдивой, оскорбленной души, могъ видѣть жесткую, презрительную улыбку, искривившую губы его нетерпѣливаго слушателя, онъ навѣрное замолчалъ бы съ первыхъ же словъ. Но темнота не позволяла ему видѣть лица Непенина, и потому Мечтатель, вѣровавшій, какъ и всѣ мечтатели, въ чужую совѣстливость, продолжалъ:

— Послушай, Юлка!.. Ты поступаешь... скверно: вѣдь играть людьми — подло! Я понимаю: тяжело сознаться въ подлости, но лучше сознаться, чѣмъ продолжать двойную игру... Ты обязанъ завтра же откровенно объясниться съ Василюмъ Ивановичемъ. Пусть, по крайней мѣрѣ, онъ не заблуждается на твой счетъ.

— То-есть, придти и сказать ему: „Василій Ивановичъ! Вы —

добродушный дуракъ, влюбленный въ чистоту и гоняющійся за пустяками, созданный для того, чтобы работать, какъ волъ, и оставаться въ тѣни!“.. Очень остроумно придумано... Спасибо за умный совѣтъ!—проговорилъ Непенинъ съ насмѣшкой.

— Ты, значить, отказываешься?—сухо спросилъ Лѣсовой.

— А ты думалъ—послушаюсь тебя и разыграю болвана? Благодарю! Я проживу и своей головой, и буду пользоваться дураками, какъ мнѣ вздумается, не отдавая никому отчета!

— Въ такомъ случаѣ съ этого момента наши отношенія кончены... Мы болѣе не говоримъ!—промолвилъ медленнымъ, грустнымъ голосомъ Мечтатель.—Можешь, какъ угодно, объяснить товарищамъ нашъ разрывъ. Я никому ни слова не скажу о причинѣ!—прибавилъ онъ.

Въ саду раздался звукъ шаговъ по песку, и все стихло.

Василій Ивановичъ поникъ головой и какъ-то весь съёжился въ креслѣ. Нѣсколько времени онъ сидѣлъ неподвижно...

„Господи! сколько подлости въ этомъ мальчикѣ!“—наконецъ, прошепталъ онъ.—„А этотъ Лѣсовой... какая разница! А я еще считалъ его холоднымъ, скрытнымъ, сухимъ, и нерѣдко придирался къ нему!“—вдругъ вспомнилъ Василій Ивановичъ.

Безсердечный, сухой эгоистъ—его любимецъ, этотъ „открытый, симпатичный“ Непенинъ, какимъ считалъ его до этой минуты Василій Ивановичъ... Хорошъ симпатичный юноша!..

И чувство обиды, разочарованія и сожалѣнія охватило правдивую, безхитростную душу Василя Ивановича, забывшаго и объ ужинѣ, и о *cheerful collar*, и о миссисъ Эмми.

Х.

— Вы понимаете, Василій Ивановичъ, какая исторія?—восторженно восклицалъ Карлъ Карловичъ, уписывая за обѣ щеки таладъ изъ омаровъ.—И тутъ апельсины, и тамъ апельсины... Вездѣ апельсины и апельсины! О, это очень красиво было смотреть, Василій Ивановичъ... Вамъ непременно надо поѣхать... Да!.. Итакъ, мы все ѣхали, ѣхали и весело разговаривали, пока не пріѣхали къ одному... къ одному... Ахъ, какъ это по-русски?..

И Карлъ Карловичъ, всегда любившій обстоятельно и подробно передавать свои впечатлѣнія, остановился на срединѣ рѣчи, досадуя, что не можетъ приискать соответствующаго выраженія.

— Къ озеру, что-ли? — наобумъ подсказалъ Василій Ивановичъ.

— Ахъ, нѣтъ! Какое озеро!—возразилъ съ досадою Карлъ Карловичъ.—Ну, однимъ словомъ, узкое такое мѣсто... Ну, да... Ущелье!—воскликнулъ Карлъ Карловичъ, обрадованный, что нашелъ слово.—Ну, мы пріѣхали въ ущелье...

— А дальше чтó было?

— Дальше, Василій Ивановичъ, вообразите себѣ, за этимъ ущельемъ сейчасъ—крутой обрывъ. И мы всѣ вышли туда смотреть это историческое мѣсто, Василій Ивановичъ... Много лѣтъ тому назадъ... Я позабылъ, сколько именно лѣтъ тому назадъ, хотя проводникъ и говорилъ намъ, но я забылъ... Такъ много лѣтъ тому назадъ, Василій Ивановичъ, была здѣсь война... гражданская война... Одни хотѣли одного короля, другіе хотѣли другого короля... И вотъ одни канаки загнали другихъ канаковъ въ это ущелье, и давай ихъ съ обрыва внизъ... Очень нехорошо... Бррр!.. Прямо въ море... Вы понимаете, какая исторія!—снова повторилъ докторъ свое любимое выраженіе, употребляемое имъ встати и некстати.

Карлъ Карловичъ остановился, подложилъ себѣ еще омаровъ, проговоривъ:—Очень вкусные омары!,—и продолжалъ свой обстоятельный, подробный и скучный рассказъ о томъ, какъ они поѣхали назадъ и какъ опять видѣли „и тутъ, и тамъ, и вездѣ апельсины“.

Василій Ивановичъ, обыкновенно кушавшій съ наслажденіемъ обжору, смакуя куски, на этотъ разъ лѣниво ковырялъ вилокъ, разсѣянно слушая увлеченнаго своимъ рассказомъ Карла Карловича. Противъ обыкновенія, онъ то-и-дѣло подливалъ себѣ и доктору вина, потягивая бокалъ за бокаломъ.

— А что же вы, Василій Ивановичъ?—вдругъ спросилъ Карлъ Карловичъ, широко раскрывая глаза при видѣ пустой тарелки Василя Ивановича.

— Не хочется что-то...

— Не хочется?—удивился Карлъ Карловичъ.—Чтó это значить? У меня такъ послѣ прогулки недурной аппетитъ!—прибавилъ докторъ и стыдливо посмотрѣлъ на свою тарелку, словно бы извиняясь за свой аппетитъ.

— Кушайте, кушайте на здоровье, Карлъ Карловичъ! Да чтожъ вы не пьете?.. Давайте-ка вашъ бокалъ...

— Danke schön, Василій Ивановичъ! За ваше здоровье! Но отчего это у васъ нѣтъ аппетита? У васъ всегда былъ прекрасный аппетитъ, Василій Ивановичъ...

И, принявъ серьезный докторскій видъ, онъ поправилъ очки, внимательно посмотрѣлъ на Василя Ивановича и впервые замѣтилъ озабоченное, подавленное выраженіе его лица.

— Гм... гм... Я вижу, вы не совсѣмъ въ духѣ, Василій Ивановичъ, э!.. Чтò съ вами?—спросилъ онъ съ участіемъ.

— Такъ что-то... Плохо, должно быть, выпался послѣ обѣда, Карлъ Карловичъ!—уклончиво отвѣчалъ Василій Ивановичъ.

Но Карлъ Карловичъ, въ качествѣ пріятеля, искренно расположеннаго къ Василію Ивановичу, не могъ, разумѣется, оставить его въ покоѣ. Онъ снова пытливо посмотрѣлъ на него и послѣ минутнаго молчанія спросилъ:

Ничего не болитъ?

— Нѣтъ...

— Такъ это не то, Василій Ивановичъ... это не оттого, что вы плохо выпались. Съ вашего позволенія, я скажу вамъ, отчего у васъ нѣтъ аппетита и почему вы не совсѣмъ въ духѣ.

— Отчего же?..

— Вы, Василій Ивановичъ, засидѣлись на клиперѣ и очень давно не были на берегу. Вы понимаете, какая исторія?—привавилъ Карлъ Карловичъ и добродушно подмигнулъ глазомъ... Вамъ необходимо, Василій Ивановичъ, какъ вы выражаетесь, дать маленькій толчокъ природѣ... Вотъ чтò я посоветую вамъ, какъ докторъ, Василій Ивановичъ!

И, сдѣлавъ это открытіе, Карлъ Карловичъ засмѣялся веселымъ, добродушнымъ смѣхомъ, поглядывая изъ-подъ очковъ торжествующимъ взглядомъ, который, казалось, говорилъ: „Меня вы, Василій Ивановичъ, не проведете. Я понимаю, отчего вы не въ духѣ!“

— Офицеры говорили, что здѣсь въ отѣлѣ одна дама изъ С.-Франциско живетъ... Очень, очень красивая американка! Вы понимаете, какая исторія, Василій Ивановичъ!—тайнственно проговорилъ докторъ.

Но, къ удивленію Карла Карловича, эта „исторія“ не произвела на Василія Ивановича того оживляющаго дѣйствія, какое на него обыкновенно производили подобныя конфиденціальныя сообщенія. Онъ, правда, невольно улыбнулся проворливости добряка Карла Карловича, но разговора о красивой американкѣ не поддержалъ, а снова налилъ себѣ и доктору вина и сказалъ:

— Дадимъ другой толчокъ природѣ—выпьемъ, Карлъ Карловичъ! Это, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, тоже не вредно... Какъ у васъ на этотъ счетъ въ медицинѣ, а?..

— И это не вредно... Ха-ха-ха!.. А все-таки... прехорошенькая американка!

— Ваше здоровье, Карлъ Карловичъ! Тамъ видно будетъ! Когда подали десертъ и еще двѣ бутылки шампанскаго, Ва-

силій Ивановичъ и Карлъ Карловичъ были, что называется, „на второмъ вѣводѣ“. Василій Ивановичъ пребывалъ въ молчаливой меланхоли, а Карлъ Карловичъ уже совсѣмъ расчувствовался и, окончивъ разсказъ о прогулкѣ, замечталъ вслухъ на любимую свою тѣму—о будущемъ своемъ счастьи...

— Еще одинъ годъ, Василій Ивановичъ, и я, Карлъ Карловичъ фонъ-Шенгутъ, буду счастливый человѣкъ... Да, самый счастливый человѣкъ!—восклицнулъ, въ порывѣ телячьего восторга, Карлъ Карловичъ, наливая себѣ по этому случаю еще бокаль... Отличное шампанское!.. Ваше здоровье, Василій Ивановичъ!.. Вы—превосходный человѣкъ, Василій Ивановичъ, и я васъ очень много уважаю... Да!.. Это я всегда скажу, и въ глаза, и за глаза... безъ фальши... Главное, вы—справедливый человѣкъ, и я—справедливый человѣкъ... Мы оба—справедливые человѣки... Вы любите, чтобы всегда чистота и порядокъ, и я люблю, чтобы всегда чистота и порядокъ... Да... И вы благородно съ людьми обращаетесь... вотъ чтѣ... Матросы васъ любятъ и тоже говорятъ, что вы—справедливый человѣкъ.. Да... И съ вами пріятно служить, Василій Ивановичъ за то, что вы намъ прекрасный товарищъ... Вашу руку, Василій Ивановичъ!

Онъ пожалъ протянутую руку и продолжалъ:

— И когда вы пожелаете ко мнѣ въ Кронштадтъ, въ мою скромную квартиру, Василій Ивановичъ, я васъ тоже угощу отличнымъ обѣдомъ. Амальхенъ—отличная хозяйка, и у насъ будетъ много, много шампанскаго, и Амальхенъ не будетъ жалѣть.. Ахъ, что это за благородная дѣвушка, моя милая Амальхенъ, Василій Ивановичъ... Ну, да вы хорошо знаете, какая это дѣвушка, Василій Ивановичъ... Помните, какъ въ послѣднемъ письмѣ она пишеть: „Не отказывай себѣ въ удовольствіяхъ, дорогой Карлъ! Не стѣсняйся тратить на себя, милый Карлъ!“ А, Василій Ивановичъ!?. Вотъ какая это благородная дѣвушка!—проговорилъ съ волненіемъ Карлъ Карловичъ при воспоминаніи о такомъ проявленіи благородныхъ чувствъ фрейлейнъ Амаліи.

— Но я, Василій Ивановичъ, не слушаю ея!—продолжалъ Карлъ Карловичъ послѣ небольшой остановки.—Я скупъ на свои удовольствія, Василій Ивановичъ,—вы знаете, почему?... И зато теперь ужъ меня двѣ тысячи пятьсотъ долларовъ, да вещей на полторы тысячи долларовъ!.. А какъ вернусь въ Россію, у меня будетъ не менѣе трехъ съ половиною тысячъ долларовъ... Вѣдь это около шести тысячъ рублей на наши деньги, Василій Ивановичъ... Шестъ тысячъ!—повторялъ онъ, захлебываясь отъ счастья, что у него будутъ такіа деньги.—Двѣ тысячи на обста-

новку, Василій Ивановичъ, и четыре тысячи положимъ въ банкъ... Да... Амалия и не догадывается, что я привезу цѣлый капиталъ... Я общалъ ей привезти три тысячи и... вдругъ: „Амальхенъ, считай!“..

И Карлъ Карловичъ весь сіялъ восторгомъ при одной мысли, какъ фрейлейнъ Амалия будетъ пріятно удивлена при счетѣ шести тысячъ.

— И она стбитъ, Василій Ивановичъ, эта милая дѣвушка, такого сюрприза... Другая совѣтовала бы беречь деньги, а она: „Не отказывай себѣ въ удовольствіяхъ, дорогой Карлъ!“ О, какъ я это чувствую, Василій Ивановичъ! — прибавилъ въ умиленіи Карлъ Карловичъ, утирая навернувшуюся слезу.

— И давно вы, Карлъ Карловичъ, познакомились съ вашей невѣстой?—спросилъ Василій Ивановичъ.—Вы объ этомъ никогда не рассказывали.

— О, да... очень давно... Когда я былъ, Василій Ивановичъ, еще студентомъ въ Дерптѣ, на четвертомъ курсѣ, я въ одно воскресенье увидѣлъ Амалию—ей было тогда шестнадцать лѣтъ—влюбился и сказалъ себѣ: „Карлъ! Если ты имѣешь характеръ, эта дѣвушка должна быть твоей женой“... И мы оба, Василій Ивановичъ, имѣли характеръ... Вы понимаете, какая исторія, Василій Ивановичъ! Жениться при сорока-двухъ рубляхъ въ мѣсяцъ жалованья можетъ только какой-нибудь довольно глупый человѣкъ, а я не глупый человѣкъ и не согласился такъ жениться и сдѣлать несчастье двумъ человѣкамъ—danke schön! И я пришелъ къ фрейлейнъ Амалии и сказалъ: „Я васъ очень люблю. прекрасная Амальхенъ, и очень хочу жениться, но будемъ лучше подождать!“ И она сказала: „Я очень люблю васъ, Карлъ, и тоже очень хочу жениться, но будемъ лучше подождать!“ Она и тогда была умная дѣвушка, Василій Ивановичъ! Она тоже понимала, что на очень маленькое жалованье нельзя жениться и надо ожидать... да!..

„Давно бы я женился!“ подумалъ Василій Ивановичъ. И, прихлебнувъ вина, проговорилъ:

— Терпѣливый вы человѣкъ, Карлъ Карловичъ... Долго же вы ожидали!

— Но Амальхенъ будетъ моей женой, Василій Ивановичъ!.. Будетъ!

И, словно увидавъ вдругъ передъ собой какое-нибудь неожиданное препятствіе къ тому, чтобы фрейлейнъ Амалия стала его женой, Карлъ Карловичъ съ такимъ грознымъ видомъ ударилъ при этомъ по столу кулакомъ, что Василій Ивановичъ поднявъ на него свои ословѣвшіе глаза и, казалось, спрашивалъ: „Съ чего такъ расходился Карлъ Карловичъ?“

Но онъ ужъ снова улыбался добродушно-блаженной улыбкой подвыпившаго человѣка и продолжалъ:

— И мы будемъ очень счастливо жить, Василій Ивановичъ... Мы знаемъ другъ друга и будемъ какъ слѣдуетъ добрымъ супругамъ, а не то что кошка съ собакой!.. Да!.. И у насъ... вы понимаете какая исторія!.. у насъ, Василій Ивановичъ, будетъ два ребенка... сынъ и дочь... Больше не надо, Василій Ивановичъ!

— Отчего же не надо?..—удивился Василій Ивановичъ.

— Много дѣтей—много расходовъ... И многіе ученые говорятъ, что много не надо... Двухъ довольно, Василій Ивановичъ... Вы непременно пожалуйста ко мнѣ на свадьбу. Мнѣ очень пріятно, Василій Ивановичъ, видѣть васъ на свадьбѣ... И когда вы увидите, Василій Ивановичъ, какъ хорошо жениться на благородной дѣвицѣ, вы подумаете, подумаете—и тоже женитесь на благородной дѣвицѣ... Nicht wahr, Василій Ивановичъ?

Но Василій Ивановичъ пребывалъ въ меланхоліи и мрачно тянулъ шампанское, повидимому, не обнаруживая намѣренія послѣдовать совѣту Карла Карловича.

— О, вамъ непременно надо жениться и имѣть парочку дѣтей. И вы тогда всегда будете въ хорошемъ духѣ и всегда будете имѣть хороший аппетитъ, Василій Ивановичъ!—прибавилъ Карлъ Карловичъ, и добродушно залился смѣхомъ, видимо довольный своими словами.

— Не стоить привязываться къ людямъ—вотъ что я вамъ скажу, Карлъ Карловичъ!—вдругъ проговорилъ Василій Ивановичъ съ видомъ мрачнаго философа.

— Какъ не стоить? Я позволю спросить, Василій Ивановичъ, почему не стоить?—взволнованно возразилъ докторъ, принимая обиженный видъ.—Кажется, моя невѣста стоить... Фрейлейнъ Амалия...

— Да что вы все: фрейлейнъ Амалия да фрейлейнъ Амалия, Карлъ Карловичъ!—вспылил Василій Ивановичъ.—Я не трогаю фрейлейнъ Амалию... Я знаю, что она достойная дѣвушка... Я не про фрейлейнъ Амалию, Карлъ Карловичъ!

— О, извините, Василій Ивановичъ!.. Я не понялъ... Я думалъ, вы хотите сказать, что не стоить жениться на фрейлейнъ Амалии... Я немножко пьянъ, Василій Ивановичъ!

— Я не про фрейлейнъ Амалию... Женитесь себѣ съ Богомъ, Карлъ Карловичъ, и будьте счастливы... Я, кажется, не завистливый человѣкъ... Я вообще говорю, что не стоитъ привязываться къ людямъ! Лучше, знаете ли, подальше отъ нихъ... Пусть говорятъ, что хотятъ... Чортъ съ ними!..

Карлъ Карловичъ вытаращилъ отъ изумленія глаза. Что это съ Василюмъ Ивановичемъ? Положимъ, онъ выпилъ сегодня лишнее; но никогда онъ, добродушный Василий Ивановичъ, и послѣ шампанскаго не высказывалъ такого мрачнаго взгляда на людей.

— Вы привязались, положимъ, къ человѣку, полюбили, думали—хорошій, добрый человѣкъ, а онъ вдругъ окажется свинья—вотъ что обидно, Карлъ Карловичъ... Понимаете?

Но Карлъ Карловичъ не понималъ и хлопалъ глазами.

— Не тѣ обидно, что васъ обманули... да... обманули... что за ваше расположеніе, за ваши услуги васъ же назвали дуракомъ... Понимаете: дура-комъ!.. Положимъ, и это обидно. Но Богъ съ нимъ!.. Главное, обидно, Карлъ Карловичъ, что человѣкъ окажется форменный подлець... Вотъ что больно! — съ грустью воскликнулъ Василий Ивановичъ, выпивая по этому случаю новый бокалъ.

И, помолчавъ, онъ продолжалъ:

— Хорошо-съ!.. Ну, поступи такъ какой-нибудь человѣкъ нашего возраста, Карлъ Карловичъ... Оно все не такъ обидно... А то вдругъ: молодость... такъ сказать, начало жизни... и подлость! Развѣ это возможно, Карлъ Карловичъ?.. Мо-ло-дость и под-лость! — повторялъ грустно Василий Ивановичъ, начиная немного заплетать языкомъ.

— Но зачѣмъ же любить фальшиваго человѣка! — воскликнулъ Карлъ Карловичъ. — Вы извините, Василий Ивановичъ, а это неблагоразумно... да! О, я никогда не любилъ фальшиваго человѣка. Я прежде узнаю, какой человѣкъ со всѣхъ сторонъ. Меня не обманетъ фальшивый человѣкъ... О, нѣтъ!..

И, принимая вдругъ сосредоточенно-озабоченный видъ, Карлъ Карловичъ таинственно прибавилъ, понижая голосъ:

— Я догадался, Василий Ивановичъ. Вы хотите маскировать... Вы, вѣрно, любили одну фальшивую дѣвицу, и она обманула такого благороднаго человѣка! И вы вспомнили, и... стали не въ духѣ... Но я прямо говорю: она неблагородно поступила!.. Да! Извините — неблагородно, Василий Ивановичъ! И я бы пошелъ и сказалъ ей: „Сударыня!.. Вы неблагородно поступили съ честнымъ человѣкомъ!“... И забылъ бы фальшивую дѣвицу, а полюбилъ бы благородную дѣвицу, Василий Ивановичъ!..

— Дѣвицу!? Какую дѣвицу? — воскликнулъ Василий Ивановичъ, недоумѣвая. — Женщины, Карлъ Карловичъ, лучше мужчинъ...

— Такъ вы не про дѣвицу?.. — удивился Карлъ Карловичъ.

— По-ни-маю! У васъ, вѣрно, былъ фальшивый другъ, Василій Ивановичъ?

— Другъ!.. Другъ— великое слово, Карлъ Карловичъ!.. „Положи животь за други своя“... Другъ!.. Былъ у меня давно другъ... Платоша Осетровъ... Это былъ другъ!.. еще съ корпуса... Но онъ потонулъ, Карлъ Карловичъ... Катался на катерѣ... налетѣлъ шкваль... не успѣли отдать шкотовъ, и катеръ перевернуло...

— И вашъ другъ не умѣлъ плавать?

— Платоша Осетровъ не умѣлъ плавать?!—воскликнулъ Василій Ивановичъ, бросая на доктора недовольный взглядъ. — Плюньте тому въ рожу-съ, Карлъ Карловичъ, кто вамъ скажетъ, что Платоша Осетровъ не умѣлъ плавать-съ! Онъ былъ первый пловецъ! Пять разъ, бывало, обплывалъ вокругъ корабля... Да-съ...

— О, я не зналъ, Василій Ивановичъ! — успокоивалъ докторъ!

— То-то, я вижу, что не знали... Онъ зацѣпился кортикомъ за уключину, и потому погибъ, бѣдный!.. Подумайте — молодой мичманъ, всего двадцать лѣтъ, и погибъ изъ-за кортика... Да-съ!.. Вотъ это былъ другъ, настоящій другъ! И съ благородными правилами человѣкъ. Простыня-человѣкъ... душа чистая... Съ тѣхъ поръ не было у меня друга!

— Такъ про кого же вы говорили, Василій Ивановичъ?..

— Про кого я говорилъ?..

Имя Непенина чуть было не сорвалось съ языка. Но Василій Ивановичъ вдругъ спохватился и дипломатически замѣтилъ:

— Я вообще говорилъ, Карлъ Карловичъ... Я вспомнилъ одинъ анекдотъ, Карлъ Карловичъ... Не со мной — нѣтъ... Съ моимъ знакомымъ! — продолжалъ Василій Ивановичъ, чувствуя все-таки потребность поговорить о своей обидѣ.

— Анекдотъ?.. Ну, очень радъ, очень радъ!—весело воскликнулъ Карлъ Карловичъ.—А я смотрю: вы не въ хорошемъ духѣ и съ такимъ сердцемъ говорили... я и подумалъ: неужели у Василя Ивановича былъ фальшивый другъ?.. И мнѣ было очень неприятно, что у васъ былъ фальшивый другъ.. Я, конечно, не имѣю права, Василій Ивановичъ, быть вашимъ другомъ... О, знаю, что вы меня не можете считать другомъ... Но я очень много уважаю васъ, Василій Ивановичъ... Постойте, Василій Ивановичъ... Позвольте мнѣ вамъ сказать, какъ я уважаю и цѣню васъ, Василій Ивановичъ... Я немножко выпилъ, но могу сказать... И вотъ что я вамъ скажу: вы знаете, я долженъ жениться и беречь деньги... Долженъ ли я беречь деньги, Василій Ивановичъ?..

— Очень ужъ вы дорожите деньгами, Карлъ Карловичъ!

— Да... потому, что я хочу жениться... Но придите вы, Василий Ивановичъ, и скажите: „Карлъ Карловичъ! дай мнѣ пятьсотъ долларовъ въ займы!“—и Карлъ Карловичъ сейчасъ же принесетъ пятьсотъ долларовъ... Скажите: „дай тысячу!“—и онъ принесетъ тысячу! Я никому, вы знаете, не дамъ, потому что я долженъ жениться, а вамъ дамъ, Василий Ивановичъ!—воскликнулъ умиленно Карлъ Карловичъ.— Да!.. Вотъ что я хотѣлъ вамъ высказать... Ваше здоровье, Василий Ивановичъ!.. Теперь я буду слушать вашъ анекдотъ.

Василій Ивановичъ былъ нѣсколько тронутъ и проговорилъ:

— Спасибо, Карлъ Карловичъ... Я вѣрю вамъ... Вы не фальшивый человѣкъ... У васъ есть правила...

— О, у меня есть правила, Василий Ивановичъ!

— Да... правила... Вы даже жениться хотите по правиламъ и дѣтей имѣть по правиламъ... Я тоже люблю правила, но только не могъ бы по правиламъ жениться и имѣть дѣтей... Ну, да это ваше дѣло, Карлъ Карловичъ! Вотъ когда нѣтъ правилъ или одна подлость... Слушайте, Карлъ Карловичъ! Вотъ какой анекдотъ былъ...

И Василій Ивановичъ сталъ рассказывать, какъ его знакомый, человѣкъ простой и довѣрчивый, „имѣлъ глупость“ привязаться къ одному юнцу.

— Знакомый этотъ, знаете ли, былъ одинокій, въ родѣ меня, ну и, знаете ли, тоже потребность дурацкая... пригрѣтъ юнца... Ну-съ, и пригрѣлъ, тоже питалъ чувства... Какъ же! Въ родѣ какъ будто къ сыну, даже... хотѣлъ изъ него бравого, честнаго офицера сдѣлать... Ну, вѣрилъ, что я онъ съ своей стороны... А онъ... онъ... Что бы вы думали?..

Непривыкшій много пить, Василій Ивановичъ начиналъ хмѣлѣть, и языкъ его плохо слушался.

— О, я догадался!..—воскликнулъ Карлъ Карловичъ.

— До-га-да-лись?.. Онъ...

— Вышелъ неблагородный молодой человѣкъ!

— Да... Подлецъ!

— Фу!.. Какъ это нехорошо, Василій Ивановичъ! И вашъ знакомый пришелъ къ нему и сказалъ: „я буду васъ презирать!“

Но Василій Ивановичъ отрицательно махнулъ головой.

— Онъ этого не сказалъ?.. Станный человѣкъ вашъ знакомый, Василій Ивановичъ! Какъ же онъ поступилъ?

Но Василій Ивановичъ молчалъ, задумчиво устремивъ ослото-

ѣмъ глаза на пустую бутылку, словно бы въ ней скрывалось рѣшеніе вопроса.

— Я бы, Василій Ивановичъ, разсердился—очень разсердился и сказалъ бы фальшивому человѣку: „Милостивый государь! Вы есть фальшивый человѣкъ, а я есть благородный человѣкъ,—и по этой причинѣ не могу имѣть съ вами знакомства!“ Да!.. Вотъ какъ бы я поступилъ, Василій Ивановичъ!

— А я не знаю, какъ онъ поступилъ! —наконецъ протянулъ Василій Ивановичъ.—Не знаю... Но только онъ не сердился... да... не сердился, Карлъ Карловичъ!

— Это довольно странно, Василій Ивановичъ, что не сердился... Съ нимъ такъ, можно сказать, подло поступили, и онъ не сердился!

— Странно, а онъ не сердился!.. Нѣтъ! — Подло поступили, а онъ не сердился... Да! Но ему было очень обидно... Это вѣрно... Это я знаю... У-вѣ-ррентъ!.. Но только онъ не такъ поступилъ, какъ вы говорите... Не такъ! — повторилъ Василій Ивановичъ въ какомъ-то пьяномъ раздумѣ.

Докторъ увидалъ, что они оба уже достаточно дали „толчокъ природѣ“ и подаль совѣтъ—не пора ли теперь отдохнуть?

— Отдохнуть... Изъ бухты вонъ, отдай якорь!? Отлично... Ляжемъ въ дрейфъ, любезный Карлъ Карловичъ...

— Именно въ дрейфъ, Василій Ивановичъ.

— Но только онъ не такъ поступилъ, Карлъ Карловичъ!.. Не такъ, братъ!—снова повторилъ Василій Ивановичъ, грузно поднимаясь изъ-за стола.

— Да чортъ съ нимъ!.. Стоить ли изъ какого-то неблагороднаго человѣка волновать себѣ кровь... Тьфу!.. Вы сегодня совсѣмъ не въ духѣ... А все оттого, Василій Ивановичъ, что рѣдко съѣзжаете на берегъ... Да... Понимаете, какая исторія?..

— Я-то понимаю... И исторія была... Можно сказать—романъ... Миссисъ Эмми.. Знаете ли... брюнеточка... Поетъ... Я по англійски: такъ и такъ... Да!—А вы вотъ, Карлъ Карловичъ, хоть и хо-ро-шій человѣкъ... правила... двое дѣтей, а не понимаете, почему онъ такъ не поступилъ!—повторялъ Василій Ивановичъ, сбрасывая платье... А теперь лучше давай, братъ, уснемъ... забудемъ обиду... Вы на клиперъ не ѣздите... Лучше почуйте здѣсь... Сейчасъ скомандуемъ другую кровать!—Вы, Карлъ Карловичъ, тоже... да?

Карлъ Карловичъ не хотѣлъ кровати. Онъ отлично выспится на диванѣ. Черезъ нѣсколько минутъ слуга принесъ подушку и бѣлье, и скоро въ номерѣ раздавался громкій храпъ.

XI.

Послѣ вчерашняго „толчка природѣ“ Василій Ивановичъ проснулся поздно и съ головою болью. Доктора уже не было. Онъ уѣхалъ на клиперъ осматривать своего единственнаго больного.

Нѣсколько озабоченный своимъ долгимъ пребываніемъ на берегу (хотя капитанъ вчера снова повторилъ, что пробудетъ весь день на клиперѣ), Василій Ивановичъ торопливо одѣлся, выпилъ сельтерской воды, заплатилъ по счету и отправился въ лавки искать платокъ съ птицами для Антонова. Обойдя нѣсколько лавокъ, онъ спѣшилъ на пристань, не сдѣлавъ даже обѣщаннаго визита миссисъ Эмми.

Когда, наконецъ, послѣ полудня онъ отвалилъ отъ пристани и увидалъ красивый, стройный, съ чуть-чуть подавшимися назадъ мачтами, клиперъ, покоившійся на зеркальной глади водъ во всемъ своемъ великолѣпіи, — Василія Ивановича охватило радостно-спокойное чувство человѣка, увидавшаго любимый домъ послѣ долгаго отсутствія. Шутка ли: онъ не ночевалъ на клиперѣ! Въ теченіе двухъ-лѣтняго плаванія это была, кажется, третья ночь, проведенная имъ на берегу. Онъ сжилъ съ клиперомъ и любилъ его той странной любовью, которою любятъ свои пловучіе дома страстные моряки и свои тюремныя кельи — узники, давно забывшіе свободу. Онъ такъ привыкъ, просыпаясь, видѣть полированные, гладкія, свѣтлыя „переборки“ (стѣны) своей каюты, освѣщенной скуднымъ свѣтомъ круглаго иллюминатора, и затѣмъ — блѣлорысую голову Антонова, выглядывающаго изъ-за дверей, чтобы доложить, что команда встаетъ, — онъ такъ привыкъ, наскоро одѣвшись и прочитавъ свое обычное „Отче нашъ“ передъ маленькимъ образомъ Спасителя, — носиться съ утра по клиперу, наблюдая за уборкой, къ восьми часамъ появляться на мостикѣ съ рапортомъ и затѣмъ хлопотать до вечера, живя по судовому расписанію, — что всякое отступленіе отъ подобнаго образа жизни являлось какимъ-то диссонансомъ. И теперь, подъѣзжая къ клиперу, ему казалось, будто онъ давно не былъ на немъ, и безъ него, чего добраго, что-нибудь не доглядѣли, и клиперъ не прибранъ какъ слѣдуетъ.

Зоркимъ, любовнымъ глазомъ страстнаго любителя своего дѣла оглядывалъ онъ клиперъ снаружи, и не нашелъ ничего, что бы могло оскорбить его требовательный морской взглядъ. Все въ порядкѣ. Ни сучка, ни задоринки!

И онъ бойко выскочилъ на палубу и приостановился, погля-

дывая на фалгребныхъ ласковымъ взглядомъ, словно бы давно не видалъ ихъ и обрадовался, что увидѣлъ.

Приложивъ руку къ козырьку, встрѣтилъ его у входа Непенинъ. Василия Ивановича точно кольнуло что-то въ сердце. Онъ вдругъ вспомнилъ вчерашнее, смутился, неловко протянулъ руку и торопливо пошелъ по шванцамъ.

— Сегодня утромъ почтовый пароходъ пришелъ изъ С.-Франциско, Василий Ивановичъ!—Есть новости... Въ Японію идемъ!—говорилъ Непенинъ, спѣша первымъ сообщить старшему офицеру эти извѣстія.

Василій Ивановичъ остановился и взглянулъ на Юлку. Онъ былъ, по обыкновенію, свѣжій, чистенькій, щеголевато одѣтый, и привѣтливая, нѣсколько заискивающая улыбка играла на его лицѣ. Василиій Ивановичъ вдругъ почувствовалъ желаніе оборвать своего бывшаго любимца. Но вмѣсто „обрыва“ онъ проговорилъ, глядя въ сторону:

— Кто ѣдетъ съ командой на берегъ?

— Лѣсовой и Кошкинъ!

— Развѣ не ваша очередь-съ?—вдругъ строго спросилъ Василий Ивановичъ.

— Нѣтъ-съ. Я въ Нангасаки ѣздили!—почтительно отвѣчалъ нѣсколько удивленный этимъ тономъ Непенинъ.

И Василиій Ивановичъ снова смутился на этотъ разъ отъ стыда, что, увлекшись личнымъ чувствомъ, допустилъ служебную несправедливость.

— Виноватъ-съ! Я думалъ, что ваша, Непенинъ! — мягко проговорилъ онъ, торопливо спускаясь внизъ.

Въ каютъ-компаніи только-что отобѣдали. На неубранномъ еще столѣ лежали газеты, нѣсколько журналовъ и конверты отъ писемъ, только-что полученныхъ изъ Россіи. Большинство офицеровъ было занято чтеніемъ. При появленіи Василия Ивановича всѣ такъ радостно привѣтствовали его, такъ торопились сообщить ему новости, полученные съ почтой, что непріятное впечатлѣніе первой встрѣчи съ Непенинымъ, послѣ вчерашняго, потеряло свою остроту. По тону привѣтствій, по взглядамъ, онъ чувствовалъ, что всѣ къ нему расположены, что всѣ ему искренно рады. Это сознаніе общаго расположенія подѣйствовало на Василия Ивановича сегодня особенно пріятно, и онъ съ какой-то непонятной для другихъ явной ласковостью пожималъ всѣмъ руки, отвѣчая на привѣтствія.

— Въ Хакодате идемъ, Василиій Ивановичъ!

— Отъ адмирала получено предписаніе... Говорять, соберется вся эскадра...

— Кажется, через три дня уйдемъ, Василій Ивановичъ!..
— Карлъ Карловичъ отъ фрейлейнъ Амаліи письмо получилъ!—Читаетъ теперь!—замѣтилъ кто-то, смѣясь.
— Да вѣдь вы не обѣдали, Василій Ивановичъ?
— Нѣтъ... вотъ сейчасъ пойду переодѣнусь...
— Эй! Подавать обѣдать старшему офицеру!—крикнулъ вѣстовымъ второй лейтенантъ, содержатель каютъ-компаніи. Сегодня, Василій Ивановичъ, вашъ любимый супъ съ фрикадельками и отличный ростбифъ...

Довольный этимъ общимъ ласковымъ вниманіемъ и въ то же время нѣсколько озабоченный новостями и близкимъ адмиральскимъ смотромъ, Василій Ивановичъ скрывается въ каюту, чтобы, переодѣвшись, явиться къ капитану.

Антоновъ уже ждетъ Василія Ивановича въ каютѣ. Вода въ рукомойникѣ приготовлена. Свѣжая, безукоризненная сорочка и бѣлый китель аккуратно разложены на постели.

— Здравствуй, Антоновъ!.. Ну, вотъ тебѣ, братецъ, платокъ,—говоритъ Василій Ивановичъ, отдавая вѣстовому свертокъ.—Не знаю, понравится ли?

— Очень форсистый, ваше благородіе!—говоритъ Антоновъ, съ восторгомъ разсматривая большой шелковый платокъ съ павлиномъ на красномъ фонѣ... Поди, два доллара стоитъ, ваше благородіе!

— Два доллара!?!.. Ты ничего не понимаешь, Антоновъ... Всего полъ-доллара!—весело вретъ Василій Ивановичъ, заплатившій за платокъ цѣлыхъ четыре.

— Очень сходно купили, ваше благородіе...^{*} Не приважете ли окатиться?.. Въ колодцѣ ¹⁾ отлично... Господа оказывались...

— Некогда... некогда!..—торопится Василій Ивановичъ и, приведя себя въ надлежащій порядокъ, идетъ въ капитанскую каюту.

— Честь имѣю явиться!

— Что такъ рано?—Мало погуляли, Василій Ивановичъ!—радушно привѣтствуетъ капитанъ, усаживая Василія Ивановича рядомъ съ собою на диванъ и подвигая папиросы.

— Дѣлать нечего на берегу, Павелъ Николаевичъ! — И то долго пробылъ...

— Соскучились?—улыбнулся капитанъ.—Скоро придется уходить... Ужъ, вѣрно, слышали?.. Я говорилъ ревизору, чтобъ былъ готовъ.

¹⁾ Такъ называется пространство, куда поднимается вѣнть.

— Какъ же, слышалъ.

— Адмиралъ торопить идти на соединеніе съ эскадрой. Ран-деву—Хакодате. Оттуда клиперъ получить особое назначеніе, но какое—предписаніе умалчиваетъ.

— Ужъ не пойдетъ ли онъ съ нами куда-нибудь? — испуганно спросилъ Василій Ивановичъ.

— Все можетъ быть.. Вы вѣдь знаете: адмиралъ любитъ дѣлать сюрпризы!—проговорилъ капитанъ съ улыбкой. — Помните, какъ въ прошломъ году мы рассчитывали идти въ Австралію, а попали на Ситху?.. Да вотъ прочтите предписаніе!

Василій Ивановичъ пробѣжалъ предписаніе...

— Тамъ сказано, Павелъ Николаевичъ: „немедленно идти“, —озабоченно проговорилъ Василій Ивановичъ, чувствуя какой-то благоговѣйный страхъ передъ бумагами начальства.

— „Немедленно идти по готовности“... Мы дадимъ командѣ освѣжиться на берегу, вытянемъ такелажъ и пойдемъ... Дня въ три справимся вѣдь, Василій Ивановичъ?

Василій Ивановичъ выговорилъ еще денегъ про запасъ. Порѣшили идти черезъ четыре дня.

Василій Ивановичъ вышелъ отъ капитана съ той озабоченностью на лицѣ, которая всегда бывала у Василія Ивановича при ожиданіи адмиральскаго посѣщенія и при какихъ-нибудь работахъ на клиперѣ. Зато въ серьезныя минуты — когда приходилось выдерживать штормъ или требовалась быстрая находчивость — Василій Ивановичъ, напротивъ, удивлялъ своимъ спокойствіемъ.

Тѣмъ не менѣе у него сегодня былъ отличный аппетитъ. Онъ ѣлъ все, что ни подавали, и похваливалъ, въ крайнему удовольствію содержателя каютъ-компаніи, принимавшаго чуть ли не за личное оскорбленіе всякое неодобрительное замѣчаніе насчетъ блюдъ.

— Когда снимаемся, Василій Ивановичъ?—спрашивали его со всѣхъ сторонъ.

— Черезъ четыре дня.

— Это вѣрно, что идемъ въ Японію?

— Вѣрно...

— А отсюда куда, Василій Ивановичъ?

— А этого не знаю...

— Говорятъ, Василій Ивановичъ, въ Камчатку...

— За бобрами, что-ли?.. смѣется Тома Томичъ.—Я бы купилъ себѣ бобрика.

— „Говорятъ“?—усмѣхнулся Василій Ивановичъ. Я по крайней мѣрѣ ничего не слышалъ. А впрочемъ, чтожъ?.. Пошлютъ въ Камчатку—пойдемъ въ Камчатку!

Объ „особомъ назначеніи“ старшій офицеръ умолчалъ, такъ какъ капитанъ не уполномочивалъ его объ этомъ говорить. Въ случаѣ надобности Василій Ивановичъ умѣлъ быть нѣмъ, какъ рыба.

— А не слышно ли, Василій Ивановичъ, скоро ли вернется въ Россію адмиралъ?—допрашиваютъ мичмана.

— И этого не слыхать... Вы лучше спросите у самого адмирала!—шутитъ Василій Ивановичъ.—Скоро его увидите.

Входитъ разсылный и докладываетъ, что команда готова ѣхать на берегъ, и Василій Ивановичъ, выпивъ стаканъ портерку, идетъ на верхъ.

— Смотри, братцы, не очень налегай на вино!.. Чтобы въ лежку не привозили! Да другъ отъ дружки не отбивайся... По кучкамъ гуляй!—наставляетъ Василій Ивановичъ, обходя по фронту.

— Слушаемъ, ваше благородіе!..

— Сажайте людей на барказъ!

— Пошелъ на барказъ!—раздается команда.

Матросы, одинъ за другимъ, бѣгутъ въ-припрыжку къ выходу и спускаются по трапу.

— Завтра, братъ Щукинъ, будемъ такелажъ тянуть... Такъ ужъ ты пожалуйста...—тихо говоритъ Василій Ивановичъ, любуясь расфранченнымъ старымъ боцманомъ.

— Постараюсь, ваше благородіе!—тоже тихо отвѣчаетъ боцманъ, и съ сознаніемъ собственного достоинства направляется къ выходу, расталкивая матросовъ.

Василій Ивановичъ смотритъ съ мостика, какъ люди садятся. Тѣснясь, какъ сельди въ боченкѣ, матросы занимаютъ мѣста при сдержанномъ говорѣ и смѣхѣ, перекидываясь шутками, и скоро барказъ полонъ бѣлыми рубашками.

— Въ которомъ часу прикажете отваливать съ берега?—спрашиваетъ, подходя къ старшему офицеру своей медленной походкой, Лѣсовой.

— Здравствуйте, Федоръ Петровичъ! мы съ вами сегодня, кажется, не видались!—какъ-то особенно ласково говоритъ Василій Ивановичъ, называя Лѣсового, противъ обыкновенія, по имени и отчеству, и крѣпко жметъ ему руку.

Лѣсовой, послѣ такого вниманія со стороны старшаго офицера, становится еще серьезнѣе и повторяетъ свой вопросъ еще болѣе официальнымъ тономъ: „я, молъ, съ тобой пришелъ не ласы точить!“

— Въ которомъ часу?—переспрашиваетъ Василій Ивановичъ, и вмѣсто отвѣта смотритъ на Мечтателя такъ привѣтливо и сердечно, что тотъ нѣсколько удивленъ, и снова замѣчаетъ:

- Барказъ съ людьми ждетъ, Василій Ивановичъ!
- Ахъ, виновать... виновать! Въ девять часовъ отвалите!
- Есть!

„Экій славный какой этотъ парень!“ — думаетъ про себя Василій Ивановичъ, провожая глазами отвалившій отъ борта барказъ съ сидящимъ на рулѣ Лѣсовымъ, и невольно сравниваетъ съ нимъ Непенина.

ХП.

Черезъ двѣ недѣли клиперъ подъ всѣми парусами, съ ровнымъ попутнымъ вѣтромъ, входилъ на Хакодатскій рейдъ, салютуя адмиральскому флагу.

Боцманъ только-что рявкнулъ: „Пошелъ всѣ на верхъ, на якорь становиться!“ — и всѣ были на своихъ мѣстахъ.

Капитанъ ходилъ тихими шагами по мостику, по временамъ останавливаясь, чтобы посмотреть въ бинокль на стоявшіе на рейдѣ суда. Кромѣ четырехъ судовъ русской эскадры, на рейдѣ было нѣсколько иностранныхъ военныхъ судовъ, не считая многихъ „кушцовъ“ и джоновъ. Василій Ивановичъ тоже, разумѣется, на мостикѣ, готовый командовать авраломъ. Опершись о поручни, онъ стоитъ на навѣтренной сторонѣ и зорко глядитъ впередъ.

Оба они, повидимому, совершенно спокойны, но въ дѣйствительности оба они въ душѣ испытываютъ волненіе, зная отлично, что со всѣхъ военныхъ судовъ устремлены бинокли, и моряки всѣхъ націй ревниво будутъ слѣдить за маневрами красавца-клипера, которому предстоитъ не легкая задача — пройти подъ парусами къ эскадрѣ среди множества судовъ, стоявшихъ на дорогѣ.

Слегка накренившись и съ тихимъ гуломъ разсѣвая воду, легко поднимаясь съ волны на волну, приближался „Голубчикъ“ къ судамъ. Полнѣйшая тишина царитъ на клиперѣ. Только изрѣдка раздается звучный теноръ Василя Ивановича:

— На бакѣ! Впередъ смотрѣть!

И отвѣтъ боцмана:

— Есть! Смотримъ!

И снова тишина.

Всѣ понимаютъ, что для моряковъ это — торжественныя минуты, что входъ на рейдъ подобенъ появленію какой-нибудь блестящей красавицы среди ревнивыхъ соперницъ, и что теперь посторонніе разговоры неумѣстны, да и не идутъ на умъ. У всѣхъ, начиная съ капитана и кончая вотъ этимъ маленькимъ матросомъ, стоящимъ у своей снасти, одна мысль: какъ бы клиперу не осра-

миться и войти въ люди, какъ слѣдуетъ военному судну. Всѣ посматриваютъ на мостикъ, и, видя спокойныя, увѣренныя лица капитана и Василия Ивановича, чувствуютъ, что клиперъ не осрамится.

И онъ не осрамился, а лихо пропелъ мимо французскаго фрегата, „обрѣзалъ кормы“ двумъ англійскимъ корветамъ и шель теперь къ русской эскадрѣ.

— Придется рѣзать корму адмирала! Иначе не пройдемъ. Вотъ этотъ „купецъ“ намъ мѣшаетъ! — тихо замѣчаетъ капитанъ Василию Ивановичу, указывая рукой на „купца“.

— Есть! — такъ же тихо отвѣчаетъ, но уже безъ обычной почтительной аффектаціи Василий Ивановичъ, одновременно съ капитаномъ подумавшій о томъ, что придется рѣзать корму адмирала. — На якорь станемъ за „Красавцемъ“?

— Да.

— Лѣво! Больше лѣво! Стопъ такъ! — нервно, отрывисто командуетъ рулевымъ Василий Ивановичъ, бросая сердитый взглядъ на стоявшаго на дорогѣ „купца“.

И клиперъ, бросившись къ вѣтру, проходитъ сквозь рядъ судовъ и джонокъ и благополучно минуетъ „купца“, пробѣжавъ у него подъ самымъ носомъ.

— Право!.. Право! Такъ держать!

— Есть! Держимъ! — отвѣчаетъ старшій рулевой, быстро вворачивая штурвалъ.

Клиперъ теперь несется прямо на корму адмиральскаго корвета. Уже онъ такъ близко, что отлично видна приземистая, кражистая фигура адмирала съ биноклемъ въ рукѣ, стоявшая, подавшись впередъ, на ютѣ впереди другихъ зрителей. Казалось, вотъ-вотъ, сейчасъ „Голубчикъ“ врѣжется въ корму „Грознаго“. Всѣ затаили дыханіе. Ни звука на палубѣ. Капитанъ пересталъ ходить и напряженно смотреть впередъ, измѣряя зоркимъ взглядомъ разстояніе между клиперомъ и корветомъ.

„Пора, однако, спускаться!“ — мелькнула у него мысль, и онъ, пощипывая въ волненіи бакенбарду, только-что хотѣлъ объ этомъ сказать Василию Ивановичу, какъ уже раздался увѣренный, звучный голосъ Василия Ивановича:

— Право, на бортъ! Одерживай!

И, послушный рулю, какъ добрый конь уздѣ, клиперъ лихо пронесся подъ самой кормой адмиральскаго корвета, и Василий Ивановичъ улыбнулся, словно этой улыбкой благодарилъ клиперъ.

— Здорово, ребята! — раздался среди тишины довольный голосъ адмирала.

Громкое: „Разъ-ддва!“ — разнеслось по воздуху, когда уже клиперъ, приведя къ вѣтру, шелъ далѣе.

Пройдя мимо „Дротика“ и „Красавца“, клиперъ круто повернулъ противъ вѣтра.

— Паруса на-готовѣ! Изъ бухты вонъ, отдай якорь! — раздавался голосъ Василя Ивановича. — Марсовыя къ вантамъ!

Не прошло и пяти минутъ, какъ исчезли, словно волшебствомъ, паруса; клиперъ недвижно стоялъ недалеко отъ „Красавца“, и капитанскій вельботъ уже былъ у борта, готовый везти капитана къ адмиралу съ рапортомъ.

— Славно стали на якорь, Василій Ивановичъ! — замѣчаетъ капитанъ.

— Да, кажется, ничего себѣ! — отвѣчаетъ какъ будто спокойно Василій Ивановичъ, сіяя отъ удовольствія.

Но эта радость внезапно исчезаетъ, и на лицѣ его снова смущенное, озабоченное выраженіе, не покидавшее его во всѣ двѣ недѣли.

— Вѣрно, адмиралъ скоро будетъ... А мы еще не убрались, Павелъ Николаевичъ!

— Нечего убираться!.. У васъ клиперъ — игрушка... Чего еще, Василій Ивановичъ! — говоритъ капитанъ, и вслѣдъ затѣмъ уходитъ внизъ облакаться въ мундиръ, чтобъ ѣхать къ адмиралу.

Черезъ часъ капитанъ возвратился съ адмиральскаго корвета. Смотръ назначенъ черезъ два дня. Черезъ недѣлю клиперъ уйдетъ въ отдѣльное крейсерство на сѣверъ.

— Но адмиралъ съ нами не пойдетъ, Василій Ивановичъ! — прибавилъ съ улыбкой капитанъ, торопясь успокоить старшаго офицера.

Вмѣстѣ съ тѣмъ капитанъ привезъ и радостное для „фендриковъ“ извѣстіе о производствѣ ихъ въ офицеры. Пригласивъ ихъ къ себѣ въ каюту, капитанъ, съ бокаломъ шампанскаго въ рукѣ, поздравилъ молодыхъ мичмановъ и сказалъ маленькій спичъ.

— Всѣ вы, господа, остаетесь у насъ на клиперѣ, чему я, конечно, радъ... Одинъ г. Непенинъ отъ насъ уходитъ... Адмиралъ назначаетъ васъ флагъ-офицеромъ, г. Непенинъ! Сегодня же потрудитесь явиться къ адмиралу!

Непенинъ не ждалъ такого радостнаго извѣстія. Быть поближе къ начальству, имѣть возможность отличиться — это были его заветныя мечты. Онъ вспыхнулъ отъ удовольствія.

— Вы, кажется, очень довольны назначеніемъ? — съ едва замѣтной улыбкой спросилъ капитанъ.

— Я крайне благодаренъ вамъ, Павелъ Николаевичъ!

Капитанъ съ удивленіемъ поднялъ глаза на молодого человѣка.

— Благодарите не меня, а адмирала... Я тутъ ни-при-чемъ. Не я рекомендовалъ васъ на эту должность. И, признаться, я не вижу особенной причины радоваться... Для молодого офицера лучшая школа—строевая служба... А впрочемъ желаю вамъ всякихъ успѣховъ, г. Непенинъ!

Непенинъ закусилъ губы отъ досады. Сидоровъ насмѣшливо улыбался. Никто изъ товарищей не завидовалъ назначенію Юлки.

Въ каютъ-компаніи молодыхъ мичмановъ встрѣтили шумными поздравленіями и шампанскимъ. Черезъ пять минутъ ужъ у всѣхъ на скютукахъ были мичманскіе погонны. Василій Ивановичъ провозгласилъ тостъ за милую молодежь и со всѣми перецѣловался.

— Дай вамъ Богъ всего хорошаго, Непенинъ!—мягко проговорилъ онъ, поздравляя Непенина.

— Вы, Василій Ивановичъ, пожелайте Юлкѣ блестящей карьеры... Ужъ онъ ее началъ... Онъ теперь особа... Адмиральскій флагъ-офицеръ!..—съ хохотомъ подхватилъ Сидоровъ.

— Чтѣ карьера?.. Не съ карьерой жить... Не это главное... Вы вотъ все зубоскалите!—Многое хотѣлось сказать Василю Ивановичу. Онъ все еще не хотѣлъ вѣрить въ безнадежную испорченность своего бывшаго любимца и все еще сохранялъ уголокъ для него въ своемъ любящемъ сердцѣ. Но Непенину было не до изліяній. Онъ торопился явиться къ адмиралу и даже не обратилъ вниманія на насмѣшку Сидорова.

Вечеромъ онъ совсѣмъ перебрался на адмиральскій корветъ, протиснувшись съ Василю Ивановичемъ такъ небрежно и холодно, забывъ даже упомянуть о своемъ долгѣ, что Василій Ивановичъ только грустно усмѣхнулся ему вслѣдъ, ни слова не сказавъ на прощанье.

ХІІІ.

Смотръ прошелъ блистательно.

Куда только ни заглядывалъ адмиралъ—онъ вездѣ встрѣчалъ образцовый порядокъ. О чистотѣ и говорить нечего! Когда, въ сопровожденіи свиты, спустившись въ машину, его превосходительство изволилъ провести пальцемъ въ бѣлоснѣжной замшевой перчаткѣ по крышкѣ цилиндра, то Василій Ивановичъ, признаться, струсиль, и у него по спинѣ забѣгали мурашки. А чтѣ, какъ вдругъ на пальцѣ окажется черное, ужасное пятно?!

Но этого, конечно, не случилось, и Василій Ивановичъ напрасно струсиль.

Его превосходительство съ довольнымъ видомъ поднесъ палецъ почти къ самому носу сопровождавшаго его флагъ-капитана и весело проговорилъ:

— Посмотрите!

Флагъ-капитанъ посмотрѣлъ, но, какъ опытный дипломатъ, ничего не сказалъ.

— Ни пылинки!.. Это не то что на „Дротикъ“! Здѣсь — приятно быть. Видно, что настоящее военное судно! — проговорилъ онъ и пошелъ на верхъ.

Всѣ ученія производились на славу. Перебѣна марселей сдѣлана была въ пять съ половиной минутъ; клиперъ „приготовился“ къ бою въ три минуты; десантъ былъ посаженъ на шлюпки, готовый разить враговъ, въ четыре съ половиной минуты. Чего еще болѣе желать, если желаешь воевать на смотрахъ?!

Адмиралъ, стоя на мостикѣ, нѣсколько разъ принимался благодарить капитана. Но капитанъ, повидимому, недостаточно чувствовалъ себя счастливымъ отъ адмиральскихъ комплиментовъ, принимая ихъ съ официальной сдержанностью. И адмиралъ, любившій взаимность чувствъ, подъ конецъ смотра сдѣлался скупѣе на комплименты.

Онъ обратился-было съ выраженіемъ благодарности къ Василию Ивановичу; но Василий Ивановичъ, приложивъ руку къ треугольнику, такъ упорно молчалъ, что адмиралъ, взглянувъ на вспотѣвшее, красное, нѣжно улыбающееся лицо Василия Ивановича, поспѣшилъ отвернуться, не желая длить агонію старшаго офицера.

Смотрѣть, кажется, болѣе нечего. Всѣ ученія окончены. Адмиралъ обходитъ команду, опрашиваетъ претензіи (претензій нѣтъ) и благодаритъ матросовъ за лихія работы. Затѣмъ благодаритъ офицеровъ, Василия Ивановича, капитана и уѣзжаетъ.

— Сплавил! Сплавил, наконецъ, адмирала! — весело кричать мичмана, вбѣгая въ каютъ-компанію. — А васъ, Карлъ Карловичъ, благодарилъ адмиралъ? — обращаются къ доктору.

— Меня? За что меня благодарить? — скромно отвѣчаетъ докторъ.

— Какъ за что? А за то, что больныхъ нѣтъ!

— Онъ у меня въ лазаретѣ, однако, былъ...

— Былъ, и что же?

— Какъ-же, былъ; посмотрѣлъ и сказалъ: „У васъ очень здѣсь хорошо, докторъ!“ Вотъ что онъ мнѣ сказалъ!

— А мнѣ хоть бы слово! — раздражительно проговорилъ Тома Томичъ. — Тоже, кажется, видѣлъ, каково артиллерійское уче-

ніе... Ну, да стоитъ ли насъ благодарить!.. Мы не флотскіе!.. Вѣрно, и вамъ ничего не сказалъ, Захаръ Матвѣевичъ? — обратился артиллеристъ къ старому штурману.

— Мы и такъ обойдемся! — иронически усмѣхнулся низенькій, кривоногій Захаръ Матвѣевичъ. — Да и къ чему намъ благодарность? Изъ нея шубы не сошьешь!

— Да я не къ тому... Ну, скажи ты хоть слово... Ну, замѣть, по крайней мѣрѣ!

— Благодарите Создателя, Гома Гомичъ, что хоть не разнесъ. А вы — ишь чего захотѣли: благодарности!

— Э, полноте, полноте, господа! — вмѣшивается Василій Ивановичъ, боявшійся этихъ щекотливыхъ разговоровъ объ антагонизмѣ между флотскими и офицерами корпусовъ. — Вѣдь онъ насъ всѣхъ благодарилъ, когда уѣзжалъ... Все было отлично... Эй, Антоновъ! — кричить онъ.

Но Антоновъ ужъ самъ догадался и несетъ бутылку портера.

— Да ты чтожъ это одну бутылку?.. Вали еще! Не прикажете ли, Гома Гомичъ?.. Захаръ Матвѣевичъ!.. Выпейте стаканчикъ... Уфъ! — отдувался Василій Ивановичъ. — И жарко же сегодня, господа... Ну, теперь ужъ не скоро будетъ новый смотръ! — весело говоритъ Василій Ивановичъ и по обыкновенію всѣхъ угощаетъ...

— А Юлка-то нашъ... замѣтили, господа? — говоритъ Сидоровъ, обращаясь къ молодежи.

— А что?.. форсить?..

— Отлично вошелъ въ роль... Такъ и леталъ, исполняя адмиральскія порученія на смотре. Настоящій флагъ-офицеръ!

— Назначъ васъ, и вы бы летали! — вступается Василій Ивановичъ. — Ужъ такая, батенька, должность!

— Летать-бы, положимъ, леталъ, Василій Ивановичъ...

— Такъ чтожъ другихъ осуждать...

— Но только не было бы у меня написано на рожѣ, какъ у него, что я летаю въ восторгѣ.

Всѣ смѣются. Улыбается и Василій Ивановичъ.

— Ну... ну, полно зубоскалить-то про товарища!.. Лучше выпейте-ка, батенька, стаканчикъ портерку!.. Не бойтесь: васъ не назначать флагъ-офицеромъ!

Василій Ивановичъ только-что отпилъ послѣ ужина чай и взялся-было, отъ нечего-дѣлать, за газету, но долго читать не могъ — слипались глаза. Да и не особенно интересно читать о томъ, что было полгода назадъ! Девять часовъ — можно и на-

боковую! Послѣ сегоднѣшняго дня, полнаго тревогъ и волненій, не грѣшно лечь пораньше. Да и скучновато сидѣть одному. Въ каютѣ-компаніи ни души. Послѣ смотра всѣ разѣхались. Дома только Василій Ивановичъ, отецъ Виталій, отправившійся спать тотчасъ послѣ ужина, да Сидоровъ, шагающій по мостику, ощупывая по временамъ свои новые мичманскіе погоны.

Василій Ивановичъ поднялся на верхъ посмотрѣть, по обыкновенію, какова погода; осмотрѣлъ, сколько выпущено якорной цѣпи, поболталъ нѣсколько минутъ съ Сидоровымъ на мостикѣ и, приказавъ немедленно разбудить себя, если что-нибудь случится,—спустился къ себѣ въ каюту.

— Кто гребетъ?—раздался среди тишины обычный окликъ часового наверху.

Василій Ивановичъ не узналъ отвѣтнаго голоса. „Вѣрно, Карлъ Карловичъ!“—подумалъ онъ.

Мимо открытаго иллюминатора тихо скользнула на лунномъ свѣтѣ японская шлюпка, и черезъ минуту въ каютѣ-компаніи раздались торопливые шаги и вслѣдъ затѣмъ кто-то постучалъ въ двери.

Въ каюту вошелъ Непенинъ.

„Вѣрно, адмиралъ требуетъ!“—промелькнула первая мысль у старшаго офицера.

Онъ вопросительно взглянулъ на Непенина. Тотъ былъ блѣденъ и взволнованъ, и Василій Ивановичъ сразу понялъ, что съ Непенинымъ случилось что-то необычайное.

— Вы не по службѣ?

— Нѣтъ... Я къ вамъ съ просьбой... съ большой просьбой, Василій Ивановичъ! — проговорилъ молодой человѣкъ упавшимъ голосомъ.

— Въ чемъ дѣло?..

— Спасите меня, Василій Ивановичъ! Я... я... проигралъ... чужія... деньги!—почти шопотомъ произнесъ онъ, съ мольбой въ голосѣ, видимо съ трудомъ выговаривая слова.

— Чужія деньги-съ? Проиграли?—испуганно и строго повторилъ Василій Ивановичъ.

— Да...

И Непенинъ, растерянный и жалкій, со слезами на глазахъ, безсвязно разсказалъ, какъ на дняхъ адмиралъ, поручивъ ему завѣдывать своимъ хозяйствомъ, выдалъ на расходы деньги; какъ сегодня... часъ тому назадъ, онъ зашелъ въ гостинницу... Тамъ собрались съ эскадры офицеры... играли въ ландскнехтъ... Онъ сѣлъ играть... проигралъ свои пятьдесятъ долларовъ, думалъ отыграться, и...

— Сколько?—отрывисто спросилъ Василій Ивановичъ.

— Много... Триста долларовъ!

Василій Ивановичъ серьёзно покачалъ головой и, ни слова не говоря, выдвинулъ ящикъ шифоньерки, гдѣ у него лежали деньги, и, отдавая весь свой запасъ, проговорилъ:

— Вотъ вамъ деньги, Непенинъ!

Непенинъ вздохнулъ свободнѣе и бросился благодарить Василія Ивановича.

— Не выручи вы меня, Василій Ивановичъ, я бы не зналъ, что дѣлать... Узналъ бы адмиралъ... Ужасно!.. Надѣюсь, вы никому не скажете, Василій Ивановичъ?.. Я возвращу вамъ...

Василій Ивановичъ строго остановилъ его.

— Ахъ, Непенинъ, Непенинъ! Не въ томъ бѣда, что могъ узнать адмиралъ, а то нехорошо-сь, что вы совершили поступокъ, недостойный бравого моряка... Вотъ-сь что нехорошо-сь... Надѣюсь, этотъ урокъ послужитъ вамъ въ пользу, и вамъ не придется краснѣть передъ самимъ собой...

— Повѣрьте, Василій Ивановичъ... Ничего подобного больше не случится!—смущенно говорилъ молодой человѣкъ.

— Дай Богъ!.. дай Богъ!..—въ раздумѣ проговорилъ Василій Ивановичъ.

И послѣ паузы онъ промолвилъ:

— И вотъ вамъ, Непенинъ, еще совѣтъ отъ...

Василій Ивановичъ чуть было не сказалъ: „отъ добродушнаго дурака“, вспомнивъ эпитетъ, данный ему Непенинымъ. Но онъ удержался отъ намека и продолжалъ:

— Отъ человѣка, который никому не желаетъ зла, Непенинъ! Имѣйте-сь правила въ жизни!.. Твердые правила, согласныя съ совѣстью... Безъ нихъ можно, пожалуй, имѣть успѣхъ-сь... выиграть по службѣ, что-ли, но нельзя жить въ душевномъ мирѣ съ самимъ собой!.. Это вѣрно!.. И выдерживать штормы въ жизни только тогда легко, когда совѣсть не за бортомъ-сь! А главное, будьте правдивы и съ собой, и съ людьми... Любите людей безъорыстно, если хотите, чтобъ и васъ они любили!.. Вы не будьте въ претензіи, Непенинъ! Я отъ чистаго сердца говорю, желая вамъ добра... Съ умомъ, да безъ сердца—плохо жить... Ну, теперь поѣзжайте съ Богомъ!.. Ни душа, конечно, не узнаетъ... Радъ, что могъ помочь вамъ! — заключилъ Василій Ивановичъ, прощаясь съ Непенинымъ.

Молодой человѣкъ ушелъ, сдерживая свою радость. Онъ не надѣялся, что Василій Ивановичъ такъ просто и легко выручитъ его изъ бѣды, давъ ему такую крупную сумму.

А Василій Ивановичъ, не спѣша, раздѣлся и легъ.

„Такъ ли онъ поступилъ? Не слишкомъ-ли онъ „жестко“ говорилъ съ Непенинымъ?“ — думалъ Василій Ивановичъ, лежа въ постели.

И, рѣшивъ, что онъ поступилъ правильно и что дать совѣты отъ чистаго сердца, Василій Ивановичъ скоро заснулъ.

XIV.

Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ.

„Голубчикъ“ давно проданъ на сломъ, и многіе изъ плававшихъ когда-то вмѣстѣ на немъ разбрелись въ разныя стороны, никогда не встрѣчаясь другъ съ другомъ.

Скоро по возвращеніи „Голубчика“ въ Россію, я оставилъ службу, уѣхалъ на югъ Россіи въ деревню и потерялъ изъ виду бывшихъ сослуживцевъ. О нѣкоторыхъ изъ нихъ доходили по временамъ слухи въ деревенскую глушь, но о Василіѣ Ивановичѣ я ничего не слыхалъ. Въ газетныхъ извѣстіяхъ, сообщавшихъ имена командировъ судовъ, отправлявшихся въ дальнее плаваніе, фамилія Василя Ивановича ни разу не попадалась, изъ чего я заключилъ, что служба не особенно его баловала.

Въ маѣ 187* года мнѣ пришлось, наконецъ, побывать въ Петербургѣ.

Вскорѣ послѣ пріѣзда, шель я, въ первомъ часу, по Невскому, направляясь завтракать въ ресторанъ, какъ увидалъ—на-встрѣчу идетъ маленький, низенькій, старенькій флотскій штабъ-офицеръ. Всматриваюсь: знакомое круглое, красное лицо съ небольшою луковкой среди мясистыхъ щекъ, но не гладко выбритыхъ, а опушенныхъ сѣдыми бакенбардами. Онъ шель своей мелкой, торопливой походкой, съ развальцемъ, заложивъ за спину руки. Сильно-таки постарѣлъ Василій Ивановичъ! И куда дѣлся его прежній щеголеватый видъ, какимъ онъ, бывало, всегда отличался, выходя къ подъему флага на мостикъ! Пальто теперь на немъ было потертое, перчатки на рукахъ сомнительной бѣлизны, фуражка старенькая, въ родѣ той, въ какой Василій Ивановичъ, бывало, носился по клиперу только во время утренней уборки.

Я окликнулъ Василя Ивановича, радостно бросаясь къ нему. Но онъ глядѣлъ вопросительно, не узнавая меня. Я и забылъ, что онъ зналъ меня безбородымъ мичманомъ, а видѣлъ теперь обросшаго бородой степеннаго провинціала.

Я назвалъ себя, и въ то же мгновеніе лицо его озарилось хорошо знакомой доброй, радостной улыбкой. Мы облобызались.

— Вотъ никакъ не ожидалъ васъ, батенька, встрѣтить!..—

весело говорилъ Василій Ивановичъ послѣ первыхъ привѣтствій и восхлипаній.

Я объяснилъ, что пріѣхалъ сюда два дня тому назадъ, и собирался непременно быть въ Кронштадтѣ, чтобы навѣстить Василя Ивановича.

— Вотъ спасибо, спасибо, голубчикъ, что не забыли!— обрадовался Василій Ивановичъ, видимо тронутый... Все-жъ три года вмѣстѣ плавали!.. Только я вѣдь не въ Кронштадтѣ живу, а здѣсь.

— Чтѣ же вы здѣсь дѣлаете?—удивился я.

— А вотъ-съ граню тротуары!.. — какъ-то грустно усмѣхнулся онъ. — Да разъ въ двѣ недѣли дежурю совѣтникомъ въ адмиралтействѣ... Вотъ и вся моя служба-съ!— прибавилъ Василій Ивановичъ съ горечью въ тонѣ.

— Развѣ больше не плаваете?

— Я и забылъ ужъ, какъ плавають-съ... Давно сухопутнымъ морякомъ сталъ-съ... Въ родѣ швейцарскаго адмирала... Недавно вотъ въ опереткѣ съ женой смотрѣли...

— Вы женаты, Василій Ивановичъ?

— Какъ-же-съ... Скоро будетъ пять лѣтъ, какъ женился на старости лѣтъ!—проговорилъ, застѣнчиво улыбаясь, Василій Ивановичъ.—Можетъ, знавали покойнаго Душкина?

— Зналъ... Онъ старше меня годомъ по выпуску.

— Ну, такъ я на вдовѣ его женатъ... Какъ-же-съ... Дочь инженеръ-механика Купоросова... Померъ старикъ. Вотъ зайдете ко мнѣ... Я въ Коломнѣ живу... дешевле, знаете ли—прибавилъ онъ, сообщая свой адресъ...—Познакомитесь съ женой... дѣтей увидите... Ну, а вы какъ, батенька? Хорошо ли плаваете по морю житейскому?..

Мнѣ хотѣлось обстоятельнѣе побесѣдовать съ Василюмъ Ивановичемъ, вспомнить старину, и я пригласилъ его идти завтракать.

Но онъ вдругъ замаялся.

— Да вы не свободны, что-ли, Василій Ивановичъ?..

— Я бы не прочь... да, видите ли...

И Василій Ивановичъ, нѣсколько конфузясь, объяснилъ, что жена поручила ему кое-что купить въ гостинномъ дворѣ.

— Знаете-ли, батенька, финтифлюшки тамъ разныя... ленточки-съ, кружева... И я общалъ черезъ два часа принести.

Насилу я его уговорилъ отложить покупки. Онъ согласился, наконецъ, но все-таки прежде отправилъ къ женѣ записку съ посыльнымъ.

— По крайней мѣрѣ ждать напрасно не будетъ! — пояснилъ онъ мнѣ, словно оправдываясь.

Черезъ пять минутъ мы ужъ сидѣли въ отдѣльномъ кабинетѣ ресторана за завтракомъ. Само собою разумѣется, любимое вино Василя Ивановича не было забыто.

— Да-съ, батенька, — говорилъ Василій Ивановичъ: — вотъ мостовыя граню-съ вмѣсто того, чтобы въ море ходить... Нѣсколько лѣтъ тому назадъ дали корветъ, плавать на немъ два лѣта, и съ тѣхъ поръ при берегѣ.

— Да и какое нынче плаваніе-съ? — продолжалъ онъ, помолчавъ. — Нынче все броненосцы-съ пошли!.. Плавать на нихъ настоящему парусному моряку не особенно лестно-съ. Это не то, что на „Голубчикѣ“. Помните, какъ въ Хакодате на рейдѣ входили-съ, а? — оживился Василій Ивановичъ. — По крайней мѣрѣ шеола для молодежи была... да-съ!

— Такъ вы ничѣмъ и не командуете, Василій Ивановичъ?

— Ничѣмъ-съ. Общались-было мониторъ да не дали. Нашего брата много-съ, а судовъ въ плаванье ходить мало-съ... Надо хлопотать, проситься; а это, знаете ли, батенька, не въ моихъ правилахъ-съ... Коли достоинъ — сами назначаютъ, безъ напоминаній. Со стороны виднѣе-съ. Да, видно, и въ самомъ дѣлѣ негоденъ. Пора и въ словъ-съ!.. Вотъ только трудненько жить на береговое жалованье! — прибавилъ Василій Ивановичъ, горько усмѣхаясь. — Семья большая. У жены-то отъ перваго мужа четверо дѣтей. А куда пойдешь? Поздно ужъ за другую службу приниматься.

Василій Ивановичъ примолкъ и черезъ минуту вдругъ сказалъ:

— И время странное, знаете ли, какое-то стало. Иной разъ думаешь, думаешь, и ничего не понимаешь. Какъ-то совсѣмъ безъ правилъ стали люди жить!..

— То-есть какъ это безъ правилъ?

— А очень просто, какъ живутъ безъ правилъ. Сегодня — одно правило, завтра — другое. Каждый только свою линію ведетъ и только и думаетъ, что о рублѣ. Какой-то духъ сталъ яръиническій... право.

— Это ужъ такой духъ времени, Василій Ивановичъ.

— Именно духъ времени. Прежде, бывало, каждый рвался въ дальнее плаваніе... лестно, знаете ли, молодому человѣку поплавать, а нынче... Какой-нибудь мичманёнокъ — и уже рассчитываетъ: гдѣ больше содержанія достанется. Такъ-съ, знаете, досконально до копѣйки высчитываетъ, — и гдѣ больше этихъ самыхъ копѣекъ, туда и просится. Нѣтъ, знаете ли, любви къ морю. И товарищества прежняго нѣтъ-съ! Да что и говорить!

Старикъ безнадежно махнулъ рукой.

— Вы думаете, пожалуй, что я брюзжу потому, что считаю себя обиженнымъ? Нѣтъ! Да и какая обида-сь, если разобрать? Не всѣмъ же въ адмиралы лѣзть. Вотъ скоро полный пансіонъ выслужу, такъ, вѣроятно, и совсѣмъ уволятъ. Чего еще держать? Послужилъ, слава Богу! А все-таки противно смотрѣть, знаете ли, на этотъ духъ времени. Вѣдь любилъ своихъ-то. Недавно еще... вообразите себѣ! Одинъ молодой человѣкъ — ревизоромъ его назначили—въ обществѣ рассказывалъ, что онъ въ плаваніи наживетъ деньги-сь! Обороты тамъ какіе-то при покупкахъ угля и провизіи... законные, говорить! И еще при дамахъ рассказывалъ... Можете себѣ представить—при дамахъ-сь! Ну, развѣ не мерзость? —прибавилъ расходившійся Василій Ивановичъ.

— Не всѣ же такіе, Василій Ивановичъ!

— Боже сохрани! Разумѣется, не всѣ... Но закваска не та. Есть славные, brave офицеры, кто говорить! Да. Странные времена-сь. Нынче труднѣе стало жить, вотъ какъ я думаю! —заклучилъ Василій Ивановичъ.

Я сталъ спрашивать о прежнихъ сослуживцахъ. Бывшій капитанъ „Голубчика“ умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ; многіе вышли въ отставку; Сидоровъ командуетъ корветомъ.

— Бравый капитанъ изъ него вышелъ!—прибавилъ Василій Ивановичъ.—А Лѣсовой... помните? Тотъ въ деревнѣ живетъ... мировымъ судьей былъ. Школы разные заводитъ. Когда пріѣзжаетъ сюда, непременно меня навѣщаетъ. Славный человѣкъ. На рѣдкость!

— А Карлъ Карловичъ гдѣ?

— Карлъ Карловичъ давно женился на своей Амаліи... помните? Имѣетъ хорошее мѣсто, но только отступилъ отъ своихъ правилъ!—засмѣялся Василій Ивановичъ.

— А что?

— Да какъ же! Говорилъ, что по правиламъ нужно имѣть двоихъ дѣтей, а у самого—цѣлыхъ шестеро!

— А Непенинъ гдѣ?

При имени Непенина Василій Ивановичъ насупился.

— Развѣ не слыхали? Онъ теперь важная персона-сь! На дняхъ встрѣтились, такъ не узналъ. Еще бы! Гдѣ узнать. Ну, да Богъ съ нимъ! Совсѣмъ безъ правилъ человѣкъ!—рѣзко проговорилъ Василій Ивановичъ, и сталъ спрашивать о моей жизни.

И. Ст.

СЕМЬЯ ПРИШЕЛЬЦЕВЫХЪ

КОМЕДИЯ

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ПЕТРЪ ИВАНЫЧЪ ПРИШЕЛЬЦЕВЪ—художникъ-живописецъ, лѣтъ подъ пятьдесятъ.

ИВАНЪ—его сынъ, студентъ-медики, двадцати-трехъ лѣтъ.

ЗИНАИДА ЯКОВЛЕВНА (Зина)—племянница Петра, двадцати-одного года.

АННА ИВАНОВНА—сестра Петра, старая дѣва, занимается литературнымъ трудомъ; за сорокъ лѣтъ.

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА—мать Петра и Анны, старушка, лѣтъ подъ семьдесятъ, но бодрая.

СУРЗИКОВЪ—другъ дома.

АНДРЕЙ НИКОЛАИЧЪ БАЛАХНИНЪ—большое чиновное лицо, служитъ въ Москвѣ.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА,—его жена, лѣтъ около тридцати, красивая дама.

ВЛАДИМИРЪ НИКОЛАИЧЪ—братъ Андрея, за тридцать лѣтъ, болѣзненная, нервная натура.

ВАСИЛІЙ—камердинеръ Владиміра.

МАША—горничная Ольги.

ГРУНЯ—прислуга у Пришельцевыхъ.

ИЗВОЗЧИКЪ.

Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ, въ наши дни. Первая, третья и вторая картины четвертаго—въ городѣ, на квартирѣ Пришельцевыхъ; второе и первая картина четвертаго—у Балахнинныхъ, на дачѣ подъ Москвой.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ:

ОБЩАЯ КОМНАТА У ПРИШЕЛЬЦЕВЫХЪ.

АННА за столомъ пишетъ; входитъ Сурзиковъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

АННА и СУРЗИКОВЪ.

СУРЗИКОВЪ.

Бонжуръ!

АННА.

Мѣшать пришли?

СУРЗИКОВЪ.

Нѣтъ-съ, я по приказанію бабушки; ея комиссіи справлялъ; пришелъ съ отчетомъ... (Въ дверь.) Бабушка!! Степанида Никитишна! есть возможность васъ видѣть?

ГОЛОСЪ—за сценой.

Сейчасъ!

АННА.

Ахъ, да! — а что же, мою-то комиссію? — искали вы мнѣ портреты Байрона?

СУРЗИКОВЪ.

Рыскалъ, сударыня; вчера, день воскресный, всѣ рынки обрыскалъ, и Сухаревку, и на Смоленскомъ былъ, — только нигдѣ встрѣтить не случилось... Портретовъ много, да все не тѣ... больше все генералы: Ермоловъ, Дибичъ Забалканскій, Скобелева теперь очень много... Митрополита Филарета; а Байрона нѣтъ.

АННА.

Вы въ старомъ хламѣ поройтесь; у этихъ продавцовъ всегда есть этакая папка со старыми рваными картинками.

СУРЗИКОВЪ.

Да мнѣ одинъ торговецъ навязывалъ какой-то портретъ, только я усумнился: безо всякой подписи. Я говорю: почему-же мнѣ знать, что это Байронъ? — вѣдь Байронъ, — говорю, былъ сочинитель англійскій, а у этого и рожа-то разбойничья. Ты его, говорю, можетъ, вчера за Пугачева продавалъ, а мнѣ за Байрона суешь... Такъ онъ мнѣ въ отвѣтъ: „что-жъ за важность! — нѣшто вы съ имъ знакомы?.. я за то дешево уступлю!“ Вотъ и разбирайся.

АННА.

Вы все-таки приглядывайтесь, коли гдѣ... можетъ, на какой хорошій портретъ наткнетесь, — брату для картины нужно.

СУРЗИКОВЪ.

Знаю-съ, вы говорили.

Входитъ Степанида Никитишна.

ЯВЛЕНИЕ II.

ТѢ-ЖЕ и Степанида Никитишна.

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

Ну, здравствуй.

СУРЗИКОВЪ.

Отсрочилъ вашъ билетикъ; два рубля сорокъ копѣекъ процентовъ взяли, шестьдесятъ копѣчекъ сдачи.

Подаетъ.

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

Я все думаю: не поискать ли гдѣ въ другомъ мѣстѣ заложить билетъ—гдѣ меньше процентовъ берутъ?

СУРЗИКОВЪ.

Вездѣ около того-съ,—много не выгадаете.

АННА.

Эхъ, шатап, охота вамъ! — давно бы этотъ билетъ продать, совсѣмъ съ нимъ развязаться.

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

Что ты? что ты? вѣдь онъ государственный, съ выигрышами!

АННА.

Ну чтожъ?—заложень и деньги прожиты; только проценты платите.

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

А какъ онъ вдругъ да выиграетъ... двѣсти... нѣтъ, хоть—ну... семь... сорокъ тысячъ?.. Мы всѣ тогда богаты... Нѣтъ, нѣтъ; ты пиши тамъ, ты—фантазерка сочинительница, переводи свои книги, да статьи пиши; а ужъ дѣлами это не тебѣ заниматься! (Сурзикову.) Поди сюда, поди, сядь; я еще насчетъ моего процесса хотѣла тебѣ сказать... я вѣдь, батюшка, теперь вспомнила: имъ никакъ не отвергнется. Можно въ архивъ сыскать, что эта самая земля еще при покойномъ моемъ дѣдушкѣ...

АННА.

Вонъ еще когда!.. Что вы, шатап, себя на смѣхъ отдаете? Никогда вы этого процесса не выиграете, только даромъ заставляете Григорія Карпыча бѣгать.

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

У него, все равно, занятія никакого нѣтъ. Пиши, не слушай насъ. (Сурзикову.) Въ архивъ непременно должно это быть. У моего дѣда насильно взяли землю; тогда какіе порядки-то были?—вре-

менщики, фавориты, — кто хотѣлъ, тотъ и тѣснилъ; но въ архивахъ документъ долженъ быть такой.

Пошелъ Иванъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ-ЖЕ И ИВАНЪ.

ИВАНЪ.

Ага! ты ужъ бабушкинъ процессъ берешься вести?!

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

Пошелъ, пошелъ, не твое дѣло!

ИВАНЪ.

Возьмись, возьмись! Только вѣдь всей и надежды нашей, что бабушкинъ процессъ да бабушкинъ билетъ. Одинъ онъ у насъ, сердечненькій, на все наше семейство, — и тотъ въ тюремномъ заключеніи, заложенъ. Да не выигрываетъ что-то.

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

Ну, постой, ну, погоди, смѣйся!.. Всѣ вы мнѣ будете кланяться, дай срокъ!

ИВАНЪ.

Какъ же не кланяться, коли двѣсти тысячъ или, вотъ, по процессу, цѣлый кварталъ московскій вапъ будетъ?!

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

За твои насмѣшки — погоди... ни копѣечки ты у меня не выпросишь, ни грошика!

ИВАНЪ.

Эй, бабушка, — вы добренькая. Я тогда жаленькимъ прикинусь, — вы простите.

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

Не прощу, — ни, ни!.. Пошелъ, пошелъ, убирайся!..

СУРЗИКОВЪ.

Ахъ, ты, преступленіе мое, нераскаянное! неймется тебѣ старость обижать?

ИВАНЪ.

За тебя же вступаюсь, за тунеядца, что они твое тунеядское званіе портятъ, тебя работать заставляютъ.

СУРЗИКОВЪ.

Какъ же ты смѣешь меня такъ называть?

ИВАНЪ.

А ты развѣ не тунеядецъ?

СУРЗИКОВЪ.

Ну, тунеядецъ.

ИВАНЪ.

Такъ чего-жъ ты обижаешься?

СУРЗИКОВЪ.

Все-таки ты этого говорить не смѣешь, потому я тунеядецъ по собственному моему праву... Я пенсію выслужилъ, глазами слабъ—на службѣ меня не держать; что же я теперь могу дѣлать?—тунеядствовать и пенсію проживать... А твоя жизнь—еще передъ носомъ; ты пройди съ мое-то, тогда увидимъ, что ты будешь.

ИВАНЪ.

Постараюсь по вашимъ стопамъ.

АННА.

И хорошо сдѣлаешь; до честной старости доживешь. А то едва изъ мальчишекъ выскочилъ, къ университету примазался, а ужъ какъ громко поговаривать сталъ! (Внезапно удивленная.) Батюшки! что это у тебя за галстухъ?

ИВАНЪ—смущенъ.

Новый галстухъ, ну что же? развѣ нельзя мнѣ новый надѣть?

АННА.

Ванича франтить началъ!—ого! вотъ ужъ куда идетъ дѣло!

ИВАНЪ.

Куда? куда?—что за намѣки?

АННА.

Да ужъ понятно: съ богатыми, съ разряженными барынями мы теперь водиться стали, какъ намъ не франтить? Я сама скоро локоны буду завивать и шлейфъ себѣ прилею.

ИВАНЪ.

Это придибочки, тетушка; придибочки-съ...

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА—Сурзикову.

Ты меня слушай; что на нихъ зѣвать?—ты меня...

Входитъ Петръ Ивановичъ Пришельцевъ съ дорожнымъ мѣшкомъ, пледомъ и зонтикомъ въ рукахъ. За нимъ извозчикъ втаскиваетъ чемоданъ, свертки этюдовъ, и проч.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ-же и Петръ Пришельцевъ.

АННА.

А! братъ пріѣхалъ.

Всѣ спѣшать ему на-встрѣчу.

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

Петича!..

ИВАНЪ.

Рукопожатія и подѣлки.

Папаша!

ПЕТРЪ.

Здравствуйте! — Нѣтъ ли тридцати копѣекъ? Я послѣдній пятиалтынный носильщику отдать.

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

Заплачу сейчасъ.

Расплачивается съ извозчикомъ: онъ уходитъ.

АННА.

А мы тебя по письму-то еще чрезъ недѣлю ждали.

ПЕТРЪ.

Слава Богу, раньше управился.

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

Ну, какъ погулялъ, потѣшился?

ПЕТРЪ.

Да, хороша прогулка, нечего сказать! Еслибъ да не этотъ долгъ мой купцамъ Андроновымъ, что я два года съ нимъ развязаться не могъ, ужъ не поѣхалъ бы я на все лѣто закабалиться въ ихъ деревняхъ. Двѣ церкви пришлось реставрировать: сельскую да фабричную. Грязь, духота, а ты сиди день-деньской, подмазывай, что православныя спины по стѣнамъ потеряли. Въ фабричной-то церкви весь иконостасъ заново написалъ... Ну, да ужъ зато расквитался—какъ меня этотъ долгъ тяготилъ!—теперь я чистъ и свободенъ!

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

А все въ карманѣ ни гроша.

ПЕТРЪ.

Теперь будутъ! — Была бы свобода. Спасибо, удалось тамъ хоть нѣсколько этюдовъ сдѣлать... Одинъ пречудесный вышелъ, — увидишь, Анна. Сосѣдній помѣщикъ триста рублей предлагалъ, да я не отдалъ; жаль было разстаться.

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

Ты, гляди, больше полутора мѣсяца проѣздить?

ПЕТРЪ.

Почти два. И хоть бы кто изъ васъ письмецо какое прислалъ! Всѣ умереть могли—не узналъ бы.

АННА.

Ну, съ меня не взыщи; я такъ много пишу круглый день, что мнѣ и взглянуть на перо тошно.

ИВАНЪ.

И ничего интереснаго не случилось. Тетенька вонъ все свои статьи работаетъ. Бабушкинъ билетъ еще не выигралъ, — все ждемъ.

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

Жди, жди, — ты-то ничего не дождешься!

ИВАНЪ.

Зато процессъ бабушкинъ — тоже ни тпру, ни ну... но онъ теперь въ хорошихъ рукахъ. Тунеядецъ хлопотать соглашается.

ПЕТРЪ—смѣясь.

Нѣтъ?!. И процессъ тебѣ же навязали? Какой-же ты тунеядецъ? ты нашихъ дамъ бесплатный коммиссіонеръ.

ИВАНЪ.

Медицина моя вотъ какъ въ ходъ пошла — бѣда! Практика у меня по дачамъ завелась: всѣхъ дворниковъ да кухарокъ перелечилъ... Ба! — главное-то и забылъ: мы Зину въ гувернантки пристроили.

ПЕТРЪ.

Въ гувернантки? совсѣмъ вонъ изъ дому? мою-то любимицу племянницу? — выгнали?

АННА.

Ужъ и выгнали! Пускай зарабатываетъ свой хлѣбъ.

ПЕТРЪ.

Да кабы не у чужихъ людей жить. Какъ брать покойный надъ ней горевалъ: на кого, молъ, ты, дочка, останешься?.. Словно ей въ своемъ домѣ и мѣста нѣтъ!

АННА.

Ахъ! — глупости!

ПЕТРЪ.

Къ кому-жъ это она поступила?

АННА.

Есть такой статскій генералъ, Балахнинъ, важная персона какая-то въ Москвѣ, — такъ къ его восьмилѣтней дѣвочкѣ.

ИВАНЪ.

Семейство прекрасное, папа, — ты напрасно охаетъ.

СУРЗИКОВЪ.

Семейство-то оно, конечно, тоже съ душкомъ.

АННА.

Какъ бы ни было, да хотъ не дураки, занятьямъ не мѣшаютъ.

ИВАНЪ—Сурзикову.

Оттого что Балахнинъ считается строгимъ начальникомъ,

такъ и не угодилъ?.. Надо бы сперва, любезный, разобрать: почему и какъ? на всю жизнь посмотрѣть, на отношенія къ другимъ, къ окружающимъ. Какъ вотъ, на примѣръ, они съ Зиной обращаются... Вѣдь Ольга Павловна... (Отцу.) Это мать Зининой дѣвочки... (Сурзикову.) Я вѣдь такой любви къ дочери, такой деликатности въ гувернантѣй,—я и не видывалъ. Да что!—она добра и проста ко всѣмъ на свѣтѣ. (Отцу.) Тамъ у нихъ, папа, захворалъ сынишка кучера, такъ Ольга Павловна сама въ кучерскую приходила, — и не одинъ разъ... И что это было за вниманіе, сколько участія!.. Она—рѣдая женщина, единственная женщина!

АННА.

Вотъ, вотъ: я ужъ замѣтила, что тебѣ Ольга Павловна особенно нравится.

ИВАНЪ.

Ну! — опять та же исторія!.. Я не одинъ этого мнѣнія... (Входитъ Зина.) Да вотъ и Зина... Вотъ встать!.. Пускай она сама скажетъ.

ЯВЛЕНИЕ V.

ТѢ-ЖЕ и Зина.

ЗИНА.

Дядя! наконецъ-то вернулся! Здравствуй, голубчикъ!

Цѣлуются.

ПЕТРЪ.

Ты что же это, измѣнница, безъ меня сбѣжала?

ЗИНА.

Коли иначе никакъ не пробиться.

ПЕТРЪ.

Вонъ тетя пробивается.

ЗИНА.

Она—талантъ! да и то: десять лѣтъ литературствуетъ, гнетъ спину до трехъ часовъ ночи, а что зарабатываетъ? — спроси. Нѣтъ, на то мы женщины, прозятое племя, одна намъ дорога торная: коли не замужъ, такъ въ гувернантки.

ПЕТРЪ.

Ходила прежде изъ дому уроки давать.

ЗИНА.

Гдѣ ихъ достанешь теперь? Кто потолокъ, все въ гимназію отдають; а въ купеческихъ домахъ, не успѣетъ барышня до Бира, царя персидскаго добратся, а ужъ ее и замужъ отдають. Шестнадцати лѣтъ весь свой университетъ кончаютъ.

ПЕТРЪ.

Какъ же у этихъ-то теперь? хорошо?

ЗИНА.

Совсѣмъ хорошо; точно я не гувернантка, а родня имъ. Ученица у меня милая, послушная, тихая; маменька ея, Ольга Павловна, старается быть мнѣ другомъ, самымъ преданнымъ другомъ.

ИВАНЪ.

Ну-съ, изволите видѣть!

СУРЗИКОВЪ.

Что говорить, — не безъ хитрости.

ЗИНА.

И остальные всѣ... друзья... Всѣ, кажется, хорошіе люди.

ИВАНЪ.

Ты ужъ все говори; тутъ свои, чужихъ нѣтъ. Тамъ у нея хозяйскій братецъ за ней ухаживаетъ.

АННА.

Какія у тебя свѣрныя выраженія, Иванъ: ухаживаетъ!.. На свой аршинъ мѣряешь: самъ завертѣлся, и видишь вездѣ волокитство. Владиміръ Николаевичъ — человѣкъ серьезный, и совсѣмъ не то, что его сановный братецъ или твоя важная Ольга Павловна. Они къ намъ ни разу и заглянуть не хотѣли; а онъ со всѣми перезнакомился. Рѣдкую недѣлю къ намъ сюда раза два не зайдетъ, и съ тобой друженъ, и Григорія Карпыча любитъ; мы просто ему по-сердцу припились — всѣ, не одна Зина.

ИВАНЪ.

Да, да, — такъ бы онъ и сталъ съ тобой спорить о самопознаніи да о саморазвитіи, еслибъ не плѣнялся Зиной!

ПЕТРЪ.

Про кого вы это? — я не пойму.

ЗИНА.

Дядя моей ученицы, Владиміръ Николаевичъ, братъ ея отца.

ПЕТРЪ.

И онъ здѣсь у насъ бываетъ?

СУРЗИКОВЪ.

Зачастую. Это — простякъ, это — хорошая душа.

АННА.

Человѣкъ научно образованный; онъ погруженъ въ науку.

ИВАНЪ.

И влюбленъ въ Зину.

АННА.

Ахъ, все бы тебѣ вратъ пустяки!

ИВАНЪ.

Вонъ Зина-то честнѣе тебя, тетюшка; она молчитъ, она не опровергаетъ.

ЗИНА.

Что-жъ мнѣ опровергать?.. Я Владиміра Николаевича очень люблю; потому что онъ умный, начитанный, прекрасной души, добрый... Я съ нимъ разговариваю всегда съ величайшимъ наслажденіемъ... И онъ отъ меня не сторонится, и очень вѣроятно, что ему мое общество пріятно: всегда онъ доволенъ, когда меня видить, и готовъ проводить со мной цѣлыя часы сряду... А влюбленъ ли онъ? — это ужъ тебѣ, Иванъ, должно быть лучше извѣстно: ты вѣдь знаешь въ этомъ дѣлѣ.

АННА.

Носъ получилъ!

ИВАНЪ.

Совсѣмъ не носъ, а подтвержденіе моихъ словъ. Увидите, что мы его съ Зиной обвиняемъ.

СУРЗИКОВЪ.

Парочка бы.

АННА.

Чепуха, чепуха!.. Ахъ, мѣщанство какое!.. Чуть мужчина съ дѣвушкой заговорился, сейчасъ — женихъ и невеста, къ попу, въ церковь!

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

Да ты что горячишься? — пускай ихъ влюбляются, пускай женятся... Живите вы, дѣтки, весело, не разсуждайте много; что спорить!

ПЕТРЪ.

Вотъ это маменька резонно разсудила: спорить тутъ пока нечего. — Какъ же ты, Зина, теперь-то урвалась изъ дому?

ЗИНА.

Меня отпустили съ тобой повидаться.

ПЕТРЪ.

Почемъ же ты знала, что я пріѣхалъ? — вѣдь я невзначай, никто не ждалъ.

ЗИНА.

Вчера Владиміръ Николаевичъ говорилъ, будто здѣсь телеграмма получена, что ты навѣрное сегодня будешь.

ПЕТРЪ.

Какая тамъ телеграмма? У меня бы и денегъ не хватило. Никому не было извѣстно; откуда онъ могъ знать?

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

Не зналъ, такъ угадалъ; что за разборъ? — благо прѣхалъ, и ее, вотъ, отпустили встать... и хорошо...

ИВАНЪ.

Онъ — ясновидящій, Владиміръ Николаевичъ: впередъ чувствуетъ.

ЗИНА.

Вчера вечеромъ такъ увѣренно говорилъ... Странно!.. При немъ и рѣшили, что я сюда пойду въ часть, пока дѣвочка съ няней будетъ гулять. А потомъ Ольга Павловна сама за мной зайдетъ.

СУРЗИКОВЪ.

Какъ?.. и она сюда будетъ?

ЗИНА.

Отъ портнихи хотѣла захватъ, взять меня.

АННА.

Ольга Павловна—къ намъ?.. (Ивану.) Объясняю себѣ вашъ новый галстухъ.

ИВАНЪ.

Изумительно!

АННА.

Ты зналъ, что она будетъ здѣсь?

ИВАНЪ.

Да, у насъ любовное свиданіе назначено; я ее похитить собираюсь.

АННА.

Въ первый разъ къ намъ является; что ей нужно? — интересно будетъ посмотреть.

СУРЗИКОВЪ.

Въ такомъ случаѣ, господа, прощайте. Гусь свинѣ не товарищъ.

ИВАНЪ.

Ужъ ты и брякнешь поговорочку! Кто же ты-то тутъ будешь: гусь или свинья?

СУРЗИКОВЪ.

Изъ поговорки слова не выкинешь; умнѣ насъ съ тобой люди сочиняли.

ПЕТРЪ.

Чего тебѣ спѣшить?

СУРЗИКОВЪ.

Очень мнѣ страшно богатыя барыни... Я пока на бульварчикѣ посижу; увижу, какъ и подъѣдетъ, какъ и уѣдетъ, тогда вернусь.

ПЕТРЪ.

Что въ нихъ страшнаго?

СУРЗИКОВЪ.

Какъ же не страшно?—вдругъ я ей на шелковую юбку наступлю! этакій ужасъ! Нѣтъ, нѣтъ, я послѣ вернусь.

Уходитъ.

ЯВЛЕНИЕ VI.

ТѢ-ЖЕ, ВЕЗЪ СУРЗИКОВА.

ПЕТРЪ.

Ишь у васъ какія мистеріи безъ меня тутъ завелись, и не поймешь васъ! Ну, я разбираться уйду, а вы чайку приготовьте... Оно хоть и не по времени...

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

Для чаю какое время?—чай съ утра до ночи пить можно; и я выпью чашечку.

ПЕТРЪ.

Никто не откажется; знаю, знаю.

Уходитъ.

АННА.

Булокъ нѣтъ; я послѣднюю доѣла, а кухарка въ баню пошла... Кто за булками сходить?

ЗИНА.

Давайте, я схожу.

АННА—Ивану.

Срамникъ! молодой человѣкъ—не можешь сбѣгать, допускаешь сестру!

ИВАНЪ.

Она лучше меня знаетъ папашинъ вкусъ; лучше выберетъ, что онъ любитъ.

ЗИНА.

Ничего, ничего, я схожу.

Уходитъ.

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА—Аннѣ.

Да что ты на молодца-то все нападаешь сегодня? чѣмъ онъ провинился?

АННА.

Такъ, мнѣ чувствуется, что онъ изъ колеи выѣзжаетъ, пошатывается что-то; чистоты прежней нѣтъ.

ИВАНЪ.

Ты меня, тетя, спутала съ какимъ-нибудь героемъ романа... Большой вредъ, что ты романы переводишь... Спутала, матушка, спутала...

АННА.

Ты-то герой? Ахъ ты обезьяна! обезьяна настоящая, больше ничего!

Уходить.

ЯВЛЕНИЕ VII.

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА и ИВАНЪ.

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

Что она, въ самомъ дѣлѣ, тебя допекаетъ? Кайся бабушкѣ-то: завертѣлся, какъ-ни-на-есть?

ИВАНЪ.

Ничуть не бывало.

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

Кайся ужъ, что! — я вѣдь добрая, я молодежь понимаю; молодежь должна завертѣться — пройдетъ... Что такое?

ИВАНЪ.

Почемъ я знаю, что тетѣ на умъ взбрело?.. Должно быть, желудокъ у нея разстроенъ, вотъ и пошла читать мораль.

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

Она даромъ не станетъ; вѣрно, учишься, что-ли, не такъ... У нея глазъ такой, она видитъ.

Въ дверяхъ появляется Ольга Павловна.

ЯВЛЕНИЕ VIII.

ТѢ-ЖЕ и ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Здѣсь Пришельцевы?

ИВАНЪ.

Ахъ! Ольга Павловна!.. Пожалуйста, пожалуйста!.. (Тихо Степанидѣ Никитишнѣ.) Это она! (Ольга Павловна входитъ, — ей.) Вотъ это наша бабушка.

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

Пожалуйте, — намъ Зина говорила, что вы хотѣли заѣхать, — милости просимъ!..

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Я немножко раньше прѣехала, чѣмъ думала...

ИВАНЪ.

Всѣ дома... Бабушка, вы бы папашѣ сказали...

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

А самъ не можешь?.. (Тихо ему.) Вижу ужъ, вижу, что тетѣ права; уйду, уйду, хорошо... Заметался, заметался, затрясся!..

ИВАНЪ.

Ну, вотъ, теперь по всему дому пойдутъ эти разговоры.

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА—Ольгѣ Павловнѣ.

У насъ онъ только-что пріѣхалъ, Петръ Ивановичъ-то... Я ему сейчасъ скажу.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Пожалуйста; очень рада буду съ нимъ познакомиться.

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА—тихо Ивану.

Плутъ... ой, плутъ!..

Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Ольга Павловна и Иванъ.

ИВАНЪ.

Наконецъ-то, Ольга Павловна, и вы нашу лачугу удостоили посѣщеніемъ! Я, какъ узналъ, что вы будете, даже отъ послѣдней лекціи убѣжалъ, отъ любимаго профессора.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Такую жертву принесли? — нехорошо... Во-первыхъ, нехорошая жертва; мнѣ совсѣмъ непріятно, что изъ-за меня вы лишились хорошей лекціи.

ИВАНЪ.

А есть и во-вторыхъ?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Во-вторыхъ, если приносишь какую-нибудь жертву женщинѣ, никогда не слѣдуетъ этого ей прямо высказывать: жертва терять цѣну; надо, чтобы женщина сама догадалась.

ИВАНЪ.

Никакой тутъ жертвы нѣтъ; еслибъ я не горѣлъ желаніемъ васъ встрѣтить, я не пришелъ бы,—не сомнѣвайтесь.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Почему же это вы такъ горѣли желаніемъ?

ИВАНЪ.

Потому что тотъ день для меня не потерянь, когда я встрѣчаю васъ.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Въ какомъ отношеніи?

ИВАНЪ.

Во всѣхъ. Вы—удивительная женщина! въ вашемъ... какъ бы это назвать? во всей постановкѣ вашего обихода съ людьми есть что-то необыкновенно интересное, чего я до сихъ поръ ни въ комъ не замѣчалъ. При всей вашей этой...

Ищетъ слова.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Чопорности, что-ли?

ИВАНЪ.

Нѣтъ, а... ну, хоть при этомъ внѣшнемъ видѣ тѣхъ деликатныхъ особъ, съ которыми нашему брату всегда какъ-то неловко, вы все-таки такъ просты, такъ непринужденны... такъ... нѣтъ въ васъ никакой фальши, что всякому человѣку съ вами легко... и это въ васъ очень поучительно.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Вы разбираете меня, какъ анатомическій субъектъ.

ИВАНЪ.

Я думаю, нѣтъ такого общества, гдѣ бы вы не чувствовали себя дома, гдѣ бы не считали васъ своей... На именинахъ какой-нибудь попадѣ вы будете такъ же у мѣста, какъ на великосвѣтскомъ балу или даже въ крестьянскомъ хороводѣ. Вездѣ счумѣете стать въ уровень со всѣми, никого не оскорбить, хотя очень хорошо видите и недостатки, и глупости каждаго. Вы даже на нихъ уважете и подсмѣетесь, но такъ мягко, такъ безобидно, что только хочется благодарить васъ за это.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Вы подавляете меня вашей любезностью.

ИВАНЪ.

Если это выходитъ любезность,—я не виноватъ. Я говорю искренно, а не по расчету... Надо мной смѣются, что я восторгаюсь вами; да кто же вами не восторгается, когда узнаетъ васъ ближе? всѣ восторгаются, — Зина тоже.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Ну, будетъ объ этомъ. Скажите мнѣ: откуда вы узнали, что я сегодня буду здѣсь?

ИВАНЪ.

Владиміръ Николаевичъ мнѣ сказалъ. Онъ даже прямо назначилъ часъ и просилъ меня быть дома.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Вы дружны съ нимъ?

ИВАНЪ.

Онъ во всей нашей семьѣ очень расположенъ, безпрестанно бываетъ у насъ... мы всѣ съ нимъ сошлись... онъ мнѣ даже какъ-то помогаль составить статистику по одному медицинскому вопросу.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Мнѣ бы хотѣлось, чтобъ вы съ нимъ сдружились какъ можно ближе... Братъ Владиміръ — натура очень эксцентричная, капризная, какъ всѣ болѣзненные люди.

ИВАНЪ.

Развѣ онъ боленъ?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Вѣ, какъ медикъ, должны были это замѣтить; онъ съ самаго ранняго дѣтства постоянно хворалъ, и тогда еще доктора не разъ приговаривали его къ смерти. Онъ отходилъ, но болѣзнь оставила слѣды... У него какая-то мозговая форма... и онъ это знаетъ... это сильно повліяло на его характеръ.

ИВАНЪ.

Въ какомъ смыслѣ?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Вотъ въ этомъ-то и главное дѣло. Братъ Владиміръ до послѣдняго времени былъ совсѣмъ не такимъ, какимъ вы его знаете; онъ былъ всегда какой-то дикій, озлобленный, мрачный, избѣгалъ общества, сидѣлъ со своими книгами и нивого знать не хотѣлъ... Теперь съ нимъ большая перемѣна.

ИВАНЪ.

Сколько я его знаю, онъ—самый добродушный и веселый человѣкъ въ мірѣ.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Да; и это меня очень беспокоитъ.

ИВАНЪ.

Веселость беспокоитъ?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Въ немъ она — признакъ большого нервнаго возбужденія; это вредно.

ИВАНЪ.

Иногда.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Скажите: онъ вамъ ничего не говорилъ про Зинаиду Яковлеву?

ИВАНЪ.

Про Зиночку?—мало. Онъ вообще скрытенъ; но онъ всегда ее такъ хвалитъ, что...

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Вы подозреваете — любовь?

ИВАНЪ.

Если ужъ вамъ угодно знать мое мнѣніе: подозреваю.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Вотъ этого-то я и боюсь.

ИВАНЪ—обидчиво.

Почему-же-съ?.. Зиночка—прекрасная дѣвушка и...

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

А! не въ этомъ смыслѣ... Я вашу кузину сама очень люблю; она не гувернантка у меня, она моя сестра; я ей желаю всякаго счастья, и пускай бы братъ женился на ней, но... но все это совсѣмъ не счастье ни для нея, ни для него.

ИВАНЪ.

Почему?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Если братъ Владиміръ серьезно начнетъ увлекаться, это будетъ его гибель... доктора это прямо ему сказали... А если еще и она увлечется имъ, то тѣмъ хуже... Онъ одного года съ ней не проживетъ, — и потерять любимаго человѣка въ первыя минуты величайшаго блаженства — ужаснѣе этого ничего нѣтъ на свѣтѣ! Лучше ужъ и не ждать блаженства, и не встрѣчать любимаго человѣка.

ИВАНЪ.

Жалко!

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

И, пожалуй, еще я опоздала моимъ предупрежденіемъ; мнѣ не надо было допускать ихъ близости... а между тѣмъ, взявши ее къ себѣ въ гувернантки, я сама этому способствовала, — и меня мучить совѣсть.

ИВАНЪ.

Какъ же бы вы могли препятствовать?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Слушайте, — мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы добились его полного довѣрія и разузнали его цѣли: есть тутъ что-нибудь серьезное, — или такъ, это все проходящее... Сдѣлайте это изъ привязанности къ вашей кузинѣ и изъ уваженія ко мнѣ.

ИВАНЪ.

Къ вамъ? изъ уваженія? только изъ уваженія?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА — улыбаясь.

Ну! если у васъ найдутся и другія побудительныя причины...

ИВАНЪ.

Вѣра въ васъ... что всякое ваше порученіе непременно ведетъ къ чему-нибудь очень хорошему... (горячо) что вы...

ОЛЬГА ПАВЛОВНА — лутливо, перебивая его.

Ну, ну, ну! ай! ай! (Встаетъ. Серьезно.) Зачѣмъ такіе порывы... сплпомъ юношескіе!.. Видите, какъ я съ вами отервенна: я надѣюсь на вашъ умъ и на вашъ тактъ... Владиміръ что-то затѣваетъ; это онъ меня просилъ зайти сюда сегодня познако-

миться съ семействомъ нашей гувернантки... Но если онъ еще
назвалъ и васъ, это еще подозрительнѣе.

Входитъ Балахнинъ.

ЯВЛЕНИЕ X.

Тѣ-же и Балахнинъ.

БАЛАХНИНЪ.

Странный домъ! все открыто... (Увидя жену.) А! и ты здѣсь?

ИВАНЪ.

Ахъ, ваше превосходительство!..

БАЛАХНИНЪ.

Здравствуйте... У васъ, должно быть, украсть нечего, что все
открыто?

ИВАНЪ.

Нѣтъ, знаете, горничная въ баню... горничная ушла куда-то...
сейчасъ придетъ... Что же это папаша? Я его пойду позову.

Уходитъ.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Какъ ты сюда попалъ?

БАЛАХНИНЪ.

Да Владиміръ прибѣжалъ умолять меня, чтобъ я непременно
былъ здѣсь въ часъ — онъ здѣсь?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Нѣтъ... но... и тебя тоже?... Я начинаю бояться... Онъ всѣхъ
созвалъ сюда въ часу, и насъ, и вужена... Это очень нехорошій
знакъ.

БАЛАХНИНЪ.

Какой?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Какой!.. Съ твоими дѣлами какъ ты сталъ равнодушенъ и
невнимателенъ въ своей семьѣ! — ты словно не видишь, что Вла-
диміръ совсѣмъ перерождается съ тѣхъ поръ, какъ Зинаида
Яковлевна у насъ. Онъ неузнаваемъ при ней... Теперь эта стран-
ная сходка здѣсь... да еще какъ настаивалъ вчера, чтобъ и ее
я сюда отпустила сегодня...

БАЛАХНИНЪ.

Капризъ! — мало ли у него сумасбродныхъ выходовъ!

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Да... но эта выходка такого рода...

БАЛАХНИНЪ.

Любовного, — ты думаешь?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Ничего невозможнаго нѣтъ. Оба они молоды, оба умны и начитаны. Заговорятся, такъ всегда надо разбить, а то и конца нѣтъ разговору. Для него она — первая хорошенькая, интересная женщина; первый огонекъ радости, живой радости. Для нея, кромѣ всѣхъ хорошихъ качествъ Владиміра, это еще и — партія... выгодная... ужъ навѣрно же она знаетъ, что у него тридцать тысячъ годового дохода...

БАЛАХНИНЪ.

Тебѣ, мой другъ, все какія-то невообразимыя мысли представляются. Я еще, пожалуй, тутъ готовъ допустить извѣстное увлеченіе... ну, хоть симпатію... тѣмъ болѣе, что это гувернантка нашей дочери... но чтобъ Владиміръ женился...

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Кто-жъ ему помѣшаетъ?

БАЛАХНИНЪ.

Его трусость и благоразуміе... Онъ знаетъ, что боленъ, что женитьба для него можетъ быть смертью, и не рискнетъ... Потому его честность... онъ самъ говорилъ мнѣ, что не имѣетъ права обзаводиться семьей, что считалъ бы преступленіемъ имѣть дѣтей такихъ же болѣзненныхъ, какъ онъ самъ... Оттого онъ такъ привязанъ къ намъ: наша семья — его семья, нашихъ дѣтей онъ считаетъ своими собственными...

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Знаю, знаю все, что ты ему втолковалъ; но когда человекъ влюбленъ, и если другіе съумѣютъ оттолкнуть твое вліяніе на него...

БАЛАХНИНЪ.

Послѣ поговоримъ... идутъ.

Входятъ Петръ, Степанида Никитишна и Иванъ.

ЯВЛЕНИЕ XI.

Тѣ-же: Петръ, Иванъ, Степанида Никитишна, потомъ Анна.

ИВАНЪ.

Вотъ папа и бабушка.

Уходитъ въ другія комнаты.

ПЕТРЪ.

Очень пріятно, — извините, мнѣ только-что сказали. Наслышанъ, наслышанъ; хоть только-что вернулся, а ужъ наслышанъ.

Признаться, мнѣ это сюрпризъ былъ, что Зиночка ушла въ гувернантки.

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

Онъ съ ней за это браниться хотѣлъ.

ПЕТРЪ.

Да право... чего ей дома не жилось?... Вѣдь это каторжное занятіе—гувернанткой быть... Родители, большею частью, народъ капризный, самодурный, люди безсердечные; дѣтей балуютъ... гувернантѣй куда солоно приходится.

БАЛАХНИНЪ.

Надѣюсь, что у насъ не солоно.

ПЕТРЪ.

То-то, слышу—вы совсѣмъ другого рода. Очень радъ, пожалуйста руку; очень пріятно познакомиться... Да что же мы? садитесь, сдѣлайте милость.

Анна появляется въ дверяхъ.

АННА.

Ольга Павловна, будете чай пить?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Здравствуйте прежде всего.

АННА.

Ахъ, да, бишь, здравствуйте... будете пить чай? — мы пьемъ.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Пожалуйте.

АННА.

А супругъ?

БАЛАХНИНЪ.

Супругъ не будетъ, — благодарю васъ.

Анна уходитъ.

ПЕТРЪ—ей вслѣдъ.

Да сливочекъ, Анна!

Входитъ Зина съ бумажнымъ мѣшкомъ въ рукахъ.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ-же и Зина, — потомъ Груша.

ЗИНА.

Ахъ!.. я и не знала, что ужъ вы... и Андрей Николаевичъ!

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Что это вы принесли? — Милая! она за булевами ходила.

ПЕТРЪ.

Давай, давай, чего ты конфузишься?—вѣдь ты ихъ не украла,

на деньги купила, на заработанныя... Что сама-то сбѣгала? его превосходительство за преступленіе не сочтетъ.

Входитъ Груша (лицо красное послѣ бани), несетъ подносъ съ чаемъ. Возвращается Анна; она пьетъ чай изъ стакана и курить. Иванъ возвращается.

БАЛАХНИНЪ—женѣ тихо.

Куда меня занесло? что за сборище?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Что дѣлать? — это друзья брата Владиміра.

ПЕТРЪ.

Особенно радъ... позвольте прямо сказать: особенно радъ, что вы къ намъ самолично пришли; это меня еще болѣе удостоиваетъ насчетъ васъ и успокоиваетъ насчетъ Зины.

БАЛАХНИНЪ.

Какимъ образомъ?

ПЕТРЪ.

Значить, воспитаніе для васъ не мыльный пузырь какой, что наваль гувернантку, да только взыскивай съ нея; вы интересуетесь воспитательницей, въ какой семьѣ она выросла, съ какими людьми.

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

Ужъ за нашу Зиночку можно поручиться.

ПЕТРЪ.

Значить, вы и къ ея семьѣ съ участіемъ и съ расположеніемъ; такъ ужъ вѣрно ее самое не обидите.

АННА.

Слышите? а? каковъ идеалистъ?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

А вы думаете, — обидимъ?

АННА.

Какъ онъ это все сразу обдумалъ и расписалъ, точно у васъ въ головѣ сидѣлъ да въ сердцахъ!

ПЕТРЪ.

Развѣ не справедливо?

АННА.

Почемъ ты знаешь, какія цѣли у его превосходительства? зачѣмъ онъ къ намъ пожаловать?

БАЛАХНИНЪ.

Какія же могутъ быть цѣли?

АННА.

Мало ли какія цѣли бываютъ? всякія. Литераторъ присматри-

вается въ людямъ, чтобъ съ нихъ романы списывать; околоточный надзиратель—чтобъ они вели себя благочинно; мошенникъ и разбойникъ—чтобъ кого-нибудь обобрать... мало ли!

БАЛАХНИНЪ.

Ха, ха! я думаю, насъ вы въ такихъ цѣляхъ не заподозрите?

АННА.

Такъ неужели же сейчасъ вообразить, что приходите непременно изъ участія къ намъ? Что за сохворище для васъ нашъ муравейникъ?

ИВАНЪ.

О чемъ ты, тетя, говоришь такъ это неумѣстно?

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

И чего доискиваться?—вздумали и пришли.

АННА.

Ну, это не такъ!—къ его превосходительству въ канцелярію и не добраться: пять курьеровъ кабинетъ стерегутъ. А если сюда самъ приходитъ, такъ ужъ, конечно...

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Вамъ, Анна Ивановна, нашъ визитъ какъ будто непріятенъ?

АННА.

Не непріятенъ, а, коли правду говорить, не совсѣмъ въ толкъ возьму: почему именно.

БАЛАХНИНЪ.

Станный вопросъ!

ИВАНЪ.

Очень странный... но тетя Анна иногда любитъ такъ удивлять человѣчество какой-нибудь выходкой.

АННА.

Всякій удивляется тому, что для него удивительно. Я, напримѣръ, не могу понять: почему это люди должны ко мнѣ съ участіемъ относиться только оттого, что Зина у нихъ гувернантка? Зина—сама по себѣ, я—сама по себѣ; Зина можетъ быть мила, а я противна.

ИВАНЪ.

Потому, Анна Ивановна, что у иныхъ людей есть чутье и добрая душа,—и въ ней найдется откликъ всему хорошему, гдѣ бы оно ни встрѣчалось.

ПЕТРЪ.

Перестань, Анна!

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Господа, напрасно вы нападаете на Анну Ивановну; она

совершенно права. Она сама никогда ничего не дѣлаетъ безъ цѣли, потому и ото всѣхъ требуетъ того же... Но мы хуже васъ, дорогая моя; мы иногда поступаемъ безъ всякой задней мысли: дѣлаемъ, что намъ подсказываетъ внутренній голосъ; оттого и теперь пришли взглянуть, гдѣ жила наша Зинаида Яковлевна.

ИВАНЪ.

Что, тетя?! какъ тебя срѣзали!

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Называйте это расположеніемъ или нѣтъ, какъ хотите, но мы не ходимъ къ людямъ, если они намъ непріятны. И вы тоже, Анна Ивановна, намъ далеко не противны, какъ вы выразились;—напротивъ, ваша прямота просто очаровательна... я не всегда къ ней умѣю примѣняться, но прямоу вашу люблю, хоть вѣрьте, хоть не вѣрьте.

АННА.

Да мнѣ рѣшительно все равно.

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

Что ты злой притворяешься? Вѣдь у тебя душа совсѣмъ не злая.

ИВАНЪ.

У тетуски только такая манера выражаться,—она думаетъ, что чѣмъ грубѣе, тѣмъ лучше скажется.

АННА.

Ахъ, какой идиотизмъ! какъ глупо!..

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

Чего ты разгорячилась?

АННА.

Я горячусь, потому что меня въ принципѣ возмущаетъ, какъ молодой, развитой человѣкъ можетъ нюни распустить, ни соображать, ни вглядываться.

ИВАНЪ.

Доживу до твоихъ лѣтъ, такъ буду такъ же недовѣрчивъ, какъ ты.

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

Иванъ, смѣешь ты такъ тетѣ говорить!

ИВАНЪ.

Когда она меня упрекаетъ за то, что я въ людяхъ ищу кою-шю сторону, что я не считаю всѣхъ негодяями!

АННА.

Ты знаешь, за что я тебя упрекаю, ты знаешь! за то, что ты идоламъ поклоняться начинаешь; ты меня поймешь.

ПЕТРЪ.

Это еще что такое?

ЗИНА.

Тетя, затѣмъ теперь?..

АННА.

Оставьте меня пожалуйста!

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

Что за споръ? Какіе мы кому судьи? какіе мы судьи?

Послѣднія рѣчи почти одновременно сливались въ споръ.

БАЛАХНИНЪ—въ сторонѣ, женѣ.

О, Господи! это сумасшедшій домъ! я уйду отсюда.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Это друзья Владиміра.

АННА—въ сторонѣ Зинѣ.

Я знаю, не учи... но меня бѣситъ этотъ Иванъ!.. дуракъ эта-
кій!.. Какое обаянье!.. галстухъ новый купилъ!—шутъ какой!

ОЛЬГА ПАВЛОВНА—увидя входящаго Владиміра.

А! Владиміръ!

ЯВЛЕНИЕ XIII.

Тѣ-же, Владиміръ и Сурзиковъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Въ сборѣ?—прекрасно.

БАЛАХНИНЪ.

Слава Богу, что ты пришелъ... я ужъ собрался уходить.

ВЛАДИМІРЪ.

Это было бы очень нехорошо... Мнѣ нужно было собрать
вась всѣхъ сюда сегодня,—необходимо нужно... Вотъ этотъ прія-
тель еще отъ меня прятался на бульварѣ, я и его насильно за-
тащилъ... онъ тоже близкій человѣкъ.

СУРЗИКОВЪ.

Я стану къ сторонѣ. Я ни слушать, ни говорить ничего
не буду,—будто что нѣмой и глухой.

ВЛАДИМІРЪ.

Какъ не будешь слушать, когда я хочу объявить величай-
шую новость всей моей жизни?

СУРЗИКОВЪ.

Вась-то я буду слушать,—вы человѣкъ достойный; но на все
другое закрываю глаза.

ВЛАДИМІРЪ.

Прошу слушать, господа... (Зажѣта Петра.) Ахъ, простите, я еще

съ вами незнакомъ, Петръ Ивановичъ? вѣдь угадалъ?.. Вернулись благополучно?

ПЕТРЪ.

Ну, чего тамъ знакомиться!—говорите, что вы начали...

ВЛАДИМИРЪ.

Господа, я васъ собралъ всѣхъ, чтобы объявить вамъ мое непреклонное рѣшеніе.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Владимиръ, что съ вами? вы такъ взволнованы, это вредно вамъ; успокойтесь.

ВЛАДИМИРЪ.

Сестрица, мнѣ надоѣло такъ нянчиться съ собой. Я съ дѣтства какой-то проклятый: все въ тискахъ да въ рамкахъ. Я задурѣлъ отъ той жизни, которую мнѣ до сихъ поръ создавали... Я тоже жить хочу, какъ люди, какъ всѣ,—хоть бы и мало, все-таки жить.

БАЛАХНИНЪ.

Я не понимаю тебя, Владимиръ; ты какъ будто осуждаешь насъ за то, что мы о тебѣ заботились..

ВЛАДИМИРЪ.

Да!.. я былъ до сихъ поръ чужимъ для всѣхъ и для всего, и все было мнѣ чужое.. Я бѣгалъ отъ людей; даже если мнѣ хотѣлось заняться наукой,—на каждомъ шагѣ я встрѣчалъ препятствіе. Когда я читалъ, меня пугали, что я утомляю себя; когда я хотѣлъ писать, меня пугали, что я слишкомъ отдаюсь моей фантазій; все это мнѣ вредно,—вредно для здоровья, и для того, чтобы поддержать мою жизнь, у меня ее отнимали.

БАЛАХНИНЪ.

Боже праведный!..

ВЛАДИМИРЪ.

И вотъ, я встрѣтилъ семью,—немножко беззаботную семью; но эти люди умѣютъ пользоваться жизнью. Они всѣ работники и всѣ стоятъ другъ за друга, хоть поминутно бранятся между собой не на животъ, а на смерть. Они не заиски, какъ я; они заставили меня понять, что или надо жить, какъ они, или, если это моему здоровью вредно, то и совсѣмъ жить не стоитъ.

БАЛАХНИНЪ—жестъ.

Онъ съ ума сошелъ!

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Нѣтъ, его забрали въ руки.

ВЛАДИМИРЪ.

Въ этой семьѣ я нашелъ дѣвушку, которая открыла мнѣ

высшую радость человѣческую... Вотъ эта дѣвушка! я люблю ее. Зина, хочешь быть моей женой? (Она протягиваетъ ему руку; онъ обнимаетъ ее) Поздравляйте меня!

БАЛАХНИНЪ.

Это Богъ знаетъ что такое!..

ПЕТРЪ.

Я въ первый разъ васъ вижу, но чувствуется, что вы—хорошій человѣкъ, и потому не могу не дать моего согласія.

ВЛАДИМІРЪ.

Кто васъ спрашиваетъ о вашемъ согласіи, если ужъ Зина согласна?!. Здѣсь всякій дѣйствуетъ, какъ хочетъ; но ваша сила только въ томъ, что всякій хочетъ такъ, какъ дѣйствуютъ всѣ.

ПЕТРЪ.

Урра! какъ вы насъ узнали хорошо!.. Шампанскаго!.. У кого есть деньги?

ВЛАДИМІРЪ.

Вотъ, возьмите.

ПЕТРЪ.

Отъ васъ?—съ чего вы взяли?—Вы сами пока у насъ гость. Какъ вы смѣете предлагать?

АННА.

Я сейчасъ пошлю.

Уходить. Сурзиковъ въ группѣ другихъ цѣлуется съ Владиміромъ.

БАЛАХНИНЪ—тихо женѣ.

Ты угадала.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

И онъ нарочно устроилъ эту комедію здѣсь, при всѣхъ, не совѣтуясь съ нами, чтобъ ты не могъ его отговорить... Онъ боялся, что, по слабости характера, уступить тебѣ.

БАЛАХНИНЪ.

Пойдемъ отсюда.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Владиміръ, вы насъ извините: это такъ неожиданно, такъ внезапно... Не подумайте, чтобы мы не сочувствовали вашему счастью... и Зиночкѣ... мы ее такъ полюбили... поздравляемъ васъ... но тутъ есть много, о чемъ надо разсудить...

БАЛАХНИНЪ.

Я—тоже... чтожъ?.. съ своей стороны, но я не совсѣмъ здоровъ... и здѣсь душно немножко...

ОЛЬГА ПАВЛОВНА—Зинѣ.

Дорогая моя!.. (Цѣлуетъ ее.) Если вы его въ самомъ дѣлѣ лю-

бите... Ахъ, вы не знаете, что для него эти возбужденія... два-три такихъ получаса, какъ теперешнее, и онъ свалится въ постель. Онъ упрямъ, капризенъ; я знаю, наше присутствіе только хуже теперь... Повліяйте на него: привезите его скорѣй домой. (Тихо Ивану.) Мнѣ надо васъ видѣть; не забудьте, о чемъ мы говорили.

БАЛАХНИНЪ.

Пойдемъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Ну, Богъ съ вами! Вижу, вижу, что это вамъ непріятно.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Не то, милый другъ, не то... не торопитесь приговоромъ: можетъ быть, никто здѣсь такъ не преданъ вамъ, какъ вашъ братъ и я. Время это докажетъ.

Оба ушли.

ВЛАДИМІРЪ.

Да, да, хорошо ваше сочувствіе! въ ту минуту, какъ я оживать начинаю, вы спину повернули... Ступайте, ступайте!..

ЗИНА.

Дорогой! не надо сердиться! береги себя!

ВЛАДИМІРЪ.

Зина! никогда ты мнѣ этого не говори... и не поминай мнѣ про мое здоровье! Еще Богъ вѣсть, не оттого ли оно и худо было, что слишкомъ много о немъ заботились. Довольно. Будемъ счастливы сейчасъ, сію минуту, а что будетъ черезъ часъ, о томъ не думай.

АННА — возвращаясь.

Вотъ вамъ и шампанское... Только, господа, предупреждаю: деньги мои ушли на шампанское, и потому обѣда сегодня не будетъ. Сыръ есть и чай есть, а обѣда не будетъ.

ПЕТРЪ.

Сегодня обойдемся, а завтра я деньги получу.

ЗИНА.

Да у меня...

ПЕТРЪ.

Ну, что о пустякахъ говорить! — берите бокалы! (Сурзикову.) Нѣтъ, постой, ты вотъ этотъ стаканъ лучше возьми; а то я знаю твою привычку: выпьешь, и—бокаль въ дребезги... а это стаканъ да и надтреснутъ, такъ не жаль.

СУРЗИКОВЪ.

За здоровье жениха и невесты! урра!

Выпиваетъ изъ стакана и бросаетъ его на полъ.

ВСѢ.

Урра!!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Садъ. Слева домъ. На первомъ планѣ окно, коего подоконникъ отъ земли выше роста человека. Потомъ кругомъ выступаетъ балконъ. Среди сцены цвѣтникъ, окруженный скамьями. Въ глубинѣ деревья. Справа—небольшая площадка, обсаженная высокой акаціей; и здѣсь тоже садовая мебель.

ЯВЛЕНІЕ I.

Иванъ и Маша.

Иванъ справа крадется и прячется за акаціей. Мама сходитъ съ балкона и озирается, ищетъ что-то.

МАША — замѣтить Ивана.

Кто тамъ?.. Иванъ Петровичъ, никакъ это вы?

ИВАНЪ — смущенно.

Я... ну, чтожъ?.. я, конечно.

МАША.

Чего-же вы хоронитесь?

ИВАНЪ.

Я такъ... я рядомъ на дачѣ пріятеля... помогать ему пере-
бѣжать... думалъ зайти,—да нѣтъ, поздно.

МАША.

Гдѣ-то тутъ барыня книжку забыла; не видали ли вы? (Увидать
книгу.) А! вотъ она!.. Пожалуйста, напш чай пьютъ.

ИВАНЪ.

Андрей Николаевичъ уѣхалъ въ Москву?

МАША.

Нѣтъ, баринъ въ столовой.

ИВАНЪ.

А Зинаида Яковлевна?

МАША.

Пошли барышню улаживать. Сказать имъ что-ли про васъ?

ИВАНЪ.

Нѣтъ... никому не говорите, что меня видѣли... Я уйду сей-
часъ, мнѣ некогда... (Мама смѣется.) Что вамъ смѣшно.

МАША.

Такъ; вы какой-то...

Смѣется и уходитъ въ домъ.
Вошелъ Сурзиковъ.

ИВАНЪ.

Какой я въ самомъ дѣлѣ неловкій! сейчасъ и выдаю себя.

Дѣлаетъ шагъ и останавливается, испуганный, увидавъ Сурзиковъ.

ЯВЛЕНИЕ II.

ИВАНЪ и СУРЗИКОВЪ.

СУРЗИКОВЪ.

Что ты словно курицу украдъ? какъ тебя отшелохнуло!

ИВАНЪ.

Я тебя не узналъ... въ особенности здѣсь встрѣтить не ждалъ... Совсѣмъ-бы, кажется, тебѣ тутъ быть не мѣсто.

СУРЗИКОВЪ.

Мнѣ вездѣ мѣсто, потому я тунеядствую; а вотъ ты зачѣмъ здѣсь, такъ это дѣйствительно разбирательства требуетъ. Ты—интеллигенція, учащаяся молодежь, умственный работникъ, будущій оплотъ отечества; кого ты тутъ по чужимъ садамъ лечить собираешься? да еще въ позднюю пору, когда спать пора ложиться,—интересно!

ИВАНЪ.

Я у Зины былъ.

СУРЗИКОВЪ.

И врешь. Я видѣлъ, какъ ты и къ рошѣ подѣхалъ, десяти минутъ не будетъ.—Ты Зину и видѣть не успѣлъ, да и крался ты въ заднюю калиточку; я ужъ по твоимъ стопамъ. Теперь къ ночи-то насъ бы съ главнаго хода дворникъ не пустилъ.

ИВАНЪ.

Ну, вру, и прекрасно; никому до этого дѣла нѣтъ.

СУРЗИКОВЪ.

Рандеву съ горничной?

ИВАНЪ.

Что же это тебѣ моя тетушка-литераторша, что-ли, приказала за мной присматривать? Эхъ вы, либералы! Не встаетъ бы вамъ, кажется, шпионствомъ-то заниматься. Небось она въ статьяxъ-то да въ разговорахъ какія широты воззрѣній проводить,—свобода да свобода; а тутъ соглядатая поставила. Честно! благородно!

СУРЗИКОВЪ.

Какой же ты, посмотри я, болванъ, даромъ что интеллигенція. Нужда великая за тобой гоняться! Кабы ты зналъ, для чего я здѣсь, тебя бы совѣсть въ краску бросила, что о близкихъ своихъ нисколько не думаешь.

ИВАНЪ.

Для чего же ты здѣсь?

СУРЗИКОВЪ.

Не скажу; недостойно знать, — сперва оправься.

ИВАНЪ.

Ну, и не надо. Чай, философія какая-нибудь, съ тетужкой вмѣстѣ выдумали?

СУРЗИКОВЪ.

Ты бы тетѣ-то поклонился, что она тебя жучить. Ты думаешь, что коли ты умственная молодежь, такъ тебѣ и завертѣться нельзя.... Такъ, братъ, завертѣться можешь, что чертамъ тошно будетъ!.. Самъ заплачешь, да поздно.

ИВАНЪ.

Пророкъ! — прорицай!

СУРЗИКОВЪ.

Прорицать не мудрено. Сколько ты экзаменовъ-то пропустилъ. Пора бы диссертацию писать, а у тебя еще экзамены не кончены. Хорошо будешь, какъ еще оттянешь лекарскій-то дипломъ; радостно для всей семьи!

ИВАНЪ.

Я семью собой обременять не стану, не безповойтесь... еслибъ и завертѣлся, такъ за помощью не приду.

СУРЗИКОВЪ.

Еще глупѣй!.. А ты думаешь, тебѣ такъ погибать и дадутъ, и не вступятся? Тѣмъ хуже, коли ты не придеешь: надо еще будетъ искать тебя. Ты-то можешь отъ семьи отмахнуться, но семья отъ тебя не отмахнется; только больше хлопотъ надѣлаешь.

ИВАНЪ.

Да что же я такое сдѣлалъ? кажется, еще въ тюрьму не попалъ.

СУРЗИКОВЪ.

Бываетъ, — туда попадешь, что хуже тюрьмы...

ИВАНЪ.

Прощай; что тебя слушать!

Уходить.

СУРЗИКОВЪ.

Что онъ такое тутъ путаетъ? Хорошо еще, коли только насчетъ горничнаго предмета, — перебѣсится... а какъ хуже... (На балконѣ появляются Балахнинъ, Ольга Павловна и Василій.) Тѣфу васъ! Куда этотъ Владиміръ подѣвался?

Уходить.

ЯВЛЕНИЕ III.

БАЛАХНИНЪ, ОЛЬГА ПАВЛОВНА и ВАСИЛІЙ.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Не зачѣмъ тебѣ идти къ Владиміру, предоставь его мнѣ, и поѣзжай; тебя секретарь давно ждетъ въ Москвѣ.

БАЛАХНИНЪ.

Коляска подана, успѣю... Но я непокоенъ, я долженъ хоть взглянуть на Владиміра, я непокоенъ послѣ этой исторіи.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Василій, вѣрно, преувеличиваетъ.

ВАСИЛІЙ.

Ваше превосходительство, какъ же это преувеличиваетъ?.. Я Владиміру Николаевичу, кажется, ужъ служу; подумать не успѣю, а я ужъ сдѣлалъ... Такъ развѣ можно изъ такихъ пустяковъ, да этакъ... Чтожъ я?.. письмо съ ихъ стола взялъ прочитать, какъ вы мнѣ приказывали... чтобъ вамъ доложить... И откуда онъ подкрался—вдругъ пистолеть!

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Попугать васъ хотѣлъ.

ВАСИЛІЙ.

Какое ужъ попугать!?.. вѣдь я вижу: и глаза, и какъ говорить... тихо такъ, но внушительно... забыть нельзя... „Если, говорить, ты еще хоть разъ какую-нибудь бумажку тронешь — видишь пистолеть?—убью, какъ собаку!“—Позвольте...

БАЛАХНИНЪ.

Любезнѣйшій мой, вѣдь я тебя приставилъ къ брату потому, что я совсѣмъ на тебя не смотрю какъ на простого лакея. Вѣдь я тебя съ желѣзной дороги взялъ, изъ канцеляріи взялъ, по особенной рекомендаціи... Большой чиновникъ такого жалованья не получаетъ, какъ ты у меня.

ВАСИЛІЙ.

Благодарю покорно.

БАЛАХНИНЪ.

Твое дѣло совсѣмъ не лакейское: ты смышленный человекъ и долженъ понимать, что служишь больному. Ты не долженъ обижаться на него, если что.

ВАСИЛІЙ.

Ужъ какая тутъ обида, ваше превосходительство!—тутъ ужъ не до обиды, какъ пулю въ лобъ пустать.

БАЛАХНИНЪ.

Служи его къ себѣ приручить... Наконецъ, вѣдь это и не

надолго; пока выяснится это дѣло дурацкой свадьбы... и ты будешь награжденъ за все... хорошо награжденъ.

ВАСИЛІЙ.

Опять-таки: покорно благодарствуйте; только, коли мнѣ изъ этой награды надгробный памятникъ дѣлать придется, — Богъ съ ней и съ наградой!

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Вотъ мы сейчасъ пойдемъ съ нимъ переговоримъ.

ВАСИЛІЙ.

Вѣдь вотъ они иногда раздражены бываютъ, Владиміръ Николаевичъ, — напомнишь имъ, что спать пора, — обругаютъ... развѣ я что? — входишь въ ихъ положеніе, что они не въ себѣ; но вѣдь ужъ когда до убійства дойдетъ...

БАЛАХНИНЪ.

Пустяки это, не можетъ быть это...

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Смотрите, онъ сюда идетъ...

ВАСИЛІЙ.

Я лучше удалюсь.

Отступаетъ. Входитъ Владиміръ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ-же и Владиміръ.

ВЛАДИМІРЪ.

Куда? куда? мой гувернеръ!.. жаловаться приходилъ, а?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА — упоризненно.

Владиміръ!

ВЛАДИМІРЪ.

Сестрица, милая, прикажите вы ему не разглядывать моихъ бумагъ!.. Положимъ, я, по вашему мнѣнію, сумасшедшій; да вѣдь у сумасшедшаго могутъ быть заветныя вещи.

БАЛАХНИНЪ.

Мнѣ очень грустно, братъ, что послѣ всей нашей близости, съ самаго твоего дѣтства, теперь въ тебѣ является какая-то ожесточенность, злоба и желчь противъ насъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Да нѣтъ, не злоба...

БАЛАХНИНЪ.

Будь справедливъ ко мнѣ: я тебѣ до сихъ поръ ни единымъ словомъ и не заикнулся о твоихъ новыхъ привязанностяхъ, объ этихъ друзьяхъ и о твоёмъ увлеченіи... Я не хотѣлъ бы думать, чтобъ между нами сталъ кто-нибудь, кто бы насъ могъ ссорить

и рознить; но ты твоимъ ожесточеньемъ самъ наводишь на эти мысли.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Вы такъ говорите съ нами, Владиміръ,—право, надо думать, что вы возстановлены противъ насъ.

ВЛАДИМІРЪ.

О! ради Бога не думайте такъ; главное, не думайте, чтобъ тутъ были при чемъ-нибудь моя Зина и ея родные!.. Мнѣ это было бы ужасно больно, ужасно!.. такое подозрѣніе...

БАЛАХНИНЪ.

Однако ты все-таки не тотъ, какимъ былъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Но они тутъ ни-при-чемъ, ей Богу;—и чтобъ вы этого не думали, я на все согласенъ: пускай этотъ гувернеръ читаетъ мои письма, пускай укладываетъ меня спать въ девять часовъ и запираетъ на ключъ на всю ночь, — только не подоврѣвайте Зину, что она способна ссорить насъ!

ВАСИЛІЙ.

Я, Владиміръ Николаичъ, прошилъ, чтобъ меня отпустили.

ВЛАДИМІРЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, ты остаешься... я буду ласковъ съ тобой и послушенъ, какъ съ нянькой. И пистолетъ тебѣ отдамъ, чтобъ ты не боялся сумасшедшаго... Тебя рекомендовали мнѣ мой братъ и сестра моя, ты мной будешь доволенъ. Видите, друзья, что со мной дѣлаетъ любовь; а ужъ вы хотѣли упрекнуть Зину!

БАЛАХНИНЪ—цѣлуетъ его.

Спасибо!—все понимаю и цѣню... Спасибо... Ну, успокойте ты меня. Прощайте пока... я на одинъ день уѣзжаю въ Москву. (Цѣлуетъ жену. Владиміру.) Прощай. (Цѣлуетъ его.) Спасибо. Не ходите за мной, не надо.

Уходить.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

И я васъ благодарю за мужа, — его такъ испугала ваша выходка съ пистолетомъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Не буду, не буду, не буду! (Василію.) Милая нянюшка, ступай приготовить мнѣ постельку; я только прощусь съ моимъ ангеломъ.

Василій уходитъ.

ЯВЛЕНИЕ V.

Владиміръ и Ольга Павловна.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

„Не буду, не буду“... такъ зачѣмъ же эта насмѣшка: „нянюшка“?—вѣдь этимъ все-таки вы хотите сказать, что мы васъ на помочахъ водимъ.

ВЛАДИМИРЪ.

Я шучу; неужто и шутки не позволите?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Въ каждой шуткѣ есть кое-что серьезное, и если это серьезное несправедливо, то и шутка обидна. Съ вашимъ характеромъ, съ вашей—немножко—распущенностью,—простите,—и при вашемъ слабомъ здоровьи такой аккуратный человѣкъ, какъ Василій, сокровище. Какъ же иначе себя въ тискахъ держать, когда самъ слабъ и разсѣянъ?.. Намъ же легче, когда намъ напоминаютъ то, что нужно для нашего здоровья,—самимъ думать не надо. Иной ставитъ будильникъ на столъ, чтобы встать рано, и спать спокойно, зная, что будильникъ свое дѣло сдѣлаетъ... Что же? и будильникъ тоже—нянюшка?.. Милый другъ, нянкой тяготятся только капризные дѣти, а разумный человѣкъ видитъ въ ней преданнаго друга и помощника.

ВЛАДИМИРЪ.

Вы, дорогая сестрица, рождены быть профессоромъ. Тутъ вы правы; но я вамъ тоже сдѣлаю упрекъ,—и именно вамъ, а не брату, потому что братъ такъ занятъ,—ему некогда во все это входить.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Ну! какой упрекъ?

ВЛАДИМИРЪ.

Всѣ мои горькіе намеки и злыя выходки вызваны тѣмъ, что въ вашей ласкѣ, въ вашей любезности къ моей невѣстѣ звучитъ какая-то фальшивая нота... словно вы только покоряетесь тому, что случилось, а не раздѣляете моего счастья.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Вы ошибаетесь.

ВЛАДИМИРЪ.

По совѣсти?—да?—я ошибаюсь?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Владиміръ, я вамъ скажу откровенно... можетъ быть, я въ самомъ дѣлѣ виновата, но, ей Богу, это помимо моей воли... И то не передъ Зиной, а скорѣе передъ всѣми этими ея дядюшками тетусками, братцами.

ВЛАДИМИРЪ.

Они вамъ не нравятся?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Я не привыкла къ людямъ такого сорта, я часто не понимаю ихъ, и не знаю, какъ съ ними обходиться... это моя вина, разумѣется... и потому я предубѣждена противъ такихъ людей.

ВЛАДИМИРЪ.

Почему?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Сознаюсь, что предубѣждена, — стало быть, признаюсь, что несправедлива; меня не надо спрашивать объ нихъ.

ВЛАДИМИРЪ.

Почему предубѣждены?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Все равно, это инстинктивно; не обращайтесь на это вниманія.

ВЛАДИМИРЪ,

Отчего же не сказать?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Оттого, что это и у васъ можетъ вызвать непріятное чувство.

ВЛАДИМИРЪ.

Я хочу знать.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Говорю же вамъ, что это моя фантазія, — несправедливая... затѣмъ?

ВЛАДИМИРЪ.

Вы меня мучите.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Голубчикъ мой, это не можетъ васъ касаться.

ВЛАДИМИРЪ.

Такъ отчего не сказать?.. Такія полуфразы меня раздражаютъ.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Ну, не сердитесь, я скажу. Помните, лѣтъ пять тому назадъ, въ Одессѣ былъ такой скандальный процессъ; тогда еще объ немъ много говорили: цѣлая семья, повидимому, очень добродушныхъ людей, съ красавицей дочкой... при ея посредствѣ они забрали въ руки несчастнаго, разбитаго параличемъ старика; онъ былъ очень богатъ... женили его, обобрали... ну, такая грязная исторія была. Помните, я еще рассказывала, что знала ихъ лично. Теперь я не могу отъ этого отдѣлаться: Пришельцевы мнѣ ихъ напомнили... конечно, тутъ общаго ничего нѣтъ, тутъ только случайное сопоставленіе... Я чувствую, я ужасно, ужасно несправед-

лива къ вашимъ друзьямъ, и мнѣ очень больно, что вы заставили меня все это высказать.

ВЛАДИМИРЪ.

Такъ вы думаете, что это цѣлый семейный заговоръ? съ разсчетомъ на мои тысячи дохода?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Вотъ видите, — вамъ не надо было этого говорить.

ВЛАДИМИРЪ.

И еще, можетъ быть, съ разсчетомъ на мое слабое здоровье... Стало быть, и въ Зинѣ любви ко мнѣ нѣтъ, и все это — ложь и притворство?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

А! Владиміръ, вы злоупотребляете моей откровенностью. Я же сказала вамъ, что это только такъ, глупый призракъ, что тутъ и тѣни смысла нѣтъ. Я вѣдь только оправдаться хотѣла передъ вами. Я впередъ не буду такъ откровенна.

ВЛАДИМИРЪ.

Вы больше меня людей изучили: я — дикарь. Зачѣмъ вы мнѣ это сказали!

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Зачѣмъ было спрашивать?

ВЛАДИМИРЪ.

Вы знаете, какой я подозрительный, какой недоувѣрчивый къ себѣ. Я ужъ не разъ задумывался о томъ, что ей не за что меня любить: и что старъ я для нея, и жизнью, и привычками не совсѣмъ подходящъ. Зачѣмъ вы мнѣ это сказали! — теперь всякій пустякъ можетъ навести меня на гадкія мысли.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Не надо объ этомъ думать.

ВЛАДИМИРЪ.

Да, не надо думать, не надо... если только можно не думать.

Входитъ Зина.

ЯВЛЕНИЕ VI.

Тѣ-же и Зина.

ЗИНА

Ольга Павловна, Катюша все не засыпаетъ; она проситъ васъ придти къ ней проститься и ее перекрестить.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Иду.

ЗИНА — Владиміру.

Покойной ночи.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Развѣ вы не хотите минутку остаться съ вашимъ женихомъ?

ЗИНА.

Я думала, ужъ поздно—и можетъ быть...

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Куда вамъ торопиться? — останьтесь, развлеките его. Онъ сегодня мрачно настроенъ. Докажите ему, что въ немъ много качествъ, за которыя его должна полюбить такая умная, молоденькая и хорошенькая дѣвушка, какъ вы.

Уходить въ домъ.

ЯВЛЕНИЕ VII.

Владиміръ и Зина, потомъ Сурзиковъ.

ЗИНА.

Что это значить, Владиміръ?

ВЛАДИМІРЪ.

Скажи мнѣ, Зина, ты счастлива со мной?

ЗИНА.

Даже не знаю, за что... Такъ все это сразу съ неба свалилось. Садись... Стыдно людямъ въ глаза глядѣть; всякій упрекнуть меня можетъ: зачѣмъ мнѣ такъ хорошо, а не всѣмъ?

ВЛАДИМІРЪ.

Какой умный отвѣтъ! — словно ужъ онъ давно обдуманъ и быть готовъ, словно ужъ кому-нибудь прежде ты такъ отвѣчала.

ЗИНА.

Владиміръ, это нехорошо ты говоришь.

ВЛАДИМІРЪ.

Пойми же, какъ трудно мнѣ вѣрить, что я—больной, безхарактерный, ничтожный—могу дать счастье!.. чѣмъ?

ЗИНА.

Искренностью чувства прежде всего... и добротой сердца,—умомъ и знаніемъ... да нѣтъ, я не хочу тебя хвалить,—ты возгордишься.

ВЛАДИМІРЪ.

Такъ я... (Увидавъ входящаго Сурзикова.) Кто тамъ?

СУРЗИКОВЪ.

Не бойтесь, Владиміръ Николаевичъ, это я. Простите, поѣхалъ вашимъ восторгамъ. Но вѣдь вамъ—блаженствовать много времени остается, а тутъ дѣло голодное.

Пожимаетъ обѣимъ руки.

ВЛАДИМІРЪ.

Что такое? что надо? говори, любезный тунеядецъ; садись... что поздно пришелъ?

СУРЗИКОВЪ.

Сегодня было необходимо васъ видѣть. Боюсь, чтобъ нашъ Петръ Ивановичъ не начудилъ.

ЗИНА.

Дядя Петя?

СУРЗИКОВЪ.

Бѣда маленькая съ нимъ—съ вашимъ дядюшкой случилась..

ЗИНА—тревожно.

Что такое?

СУРЗИКОВЪ.

Художникъ, какъ есть художникъ—пустой человѣкъ. Деньги съ него требуютъ по чужому векселю. Опять поручился за вдову какую-то неимущую съ сынишкой съ гимназистомъ.

ЗИНА.

Ахъ, этотъ дядя!..

СУРЗИКОВЪ.

Вѣдь сколько разъ ему говорю: куда тебѣ за другихъ ручаться, когда иной день и самъ постомъ да молитвой питаешься!—что ты за банкиръ—рванныя галоши!?

ЗИНА.

Вѣрно, было необходимо.

СУРЗИКОВЪ.

Мало ли что необходимо! можетъ, министру финансовъ необходимо, чтобъ за него передъ Европой поручились, такъ и тутъ онъ же будетъ ручаться?

ВЛАДИМИРЪ.

Вотъ ты зачѣмъ! пришелъ денегъ у меня просить?

СУРЗИКОВЪ.

Онъ объ этомъ не знаетъ, художникъ-то нашъ... Прорѣхи, прорѣхи, а гордость какая ужъ! Поглядѣли бы сегодня, ему вексель предъявили,—онъ-было: „отсрочить, за другого плачу“, да увидѣлъ улыбку іудейскую,—какъ хватить кулакомъ: завтра же все будетъ выплачено..

ВЛАДИМИРЪ.

Такъ онъ увѣренъ, что достанетъ деньги?

СУРЗИКОВЪ.

Да вѣдь извѣстно, какъ онъ достаетъ: или потомъ вдвое оплачиваетъ, или ярмо себѣ надѣнетъ—малярную работу. Вотъ вѣдь онъ въ деревню-то ѣздилъ—такая же исторія была: за чужіе же грѣхи запутался, и просидѣлъ за то два мѣсяца, церковныя стѣны расписывалъ. Ну, освободился, вздохнулъ,—вдругъ теперь опять то же.

ЗИНА.

О, нѣтъ! этого еще разъ допустить нельзя.

СУРЗИКОВЪ.

Подите-ка, остановите его! Никогда онъ своей картины не кончить. Его душа на полотно просится, а онъ заказные портреты съ купцовъ пиши, масляныя рожи разрисовывай... да еще по одному сердоболію, — тѣфу!! Вѣдь это передъ своимъ отечествомъ преступленіе: талантъ въ грязь затаптывать. Выручайте, Владиміръ Николаичъ!

ВЛАДИМІРЪ.

Сколько нужно?

СУРЗИКОВЪ.

Всего девятьсотъ рублей. Я мигомъ сбѣгаю, выкуплю вексель и снесу къ нему. Деньгами-то онъ еще пожалуй заартачится брать... и поскорѣй надо ему этотъ сюрпризъ сдѣлать, чтобъ онъ не успѣлъ въ омутъ головой кинуться.

ВЛАДИМІРЪ.

Скорѣй тебѣ? сейчасъ тебѣ выдать эти деньги?

СУРЗИКОВЪ.

Неужто васъ девятьсотъ рублей затруднять? или вы сомнѣваетесь? Онъ отдастъ! развѣ возможно!.. вѣдь только бы ему время выгадать, чтобъ не запутаться. Чтѣ вы такъ смотрите? или ужъ вамъ жаль?

ВЛАДИМІРЪ.

Не жаль мнѣ: ни тысячи, ни десятка тысячъ, ни всего состоянья не жаль... одного моего чувства мнѣ жаль, одного чувства!..

ЗИНА.

Чтѣ съ тобой, Владиміръ?

ВЛАДИМІРЪ.

Ничего, ничего, — не надо думать объ этомъ, хоть теперь, хоть сію секунду, не надо думать... мнѣ было такъ хорошо!

СУРЗИКОВЪ.

А добро сдѣлавши, еще лучше будетъ. Пишите-ка къ вашему домоправителю, чтобъ онъ мнѣ выдалъ деньги. Вотъ вамъ и бумага, и перо, и чернила, — я, старый стрекулистъ, все съ собой захватилъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Предусмотрительно.

СУРЗИКОВЪ.

Да, думалъ, у васъ-то въ квартирѣ на брата или на Ольгу

Павловну наскочишь; а такъ-то живо: гдѣ сцапалъ одного, тамъ мнѣ и пиши.

ВЛАДИМИРЪ.

Что жъ ты ихъ боишься, что-ли?

СУРЗИКОВЪ.

Не боюсь, а терпѣть ихъ не могу... ужъ извините, коли это вамъ знать захотѣлось.

ВЛАДИМИРЪ—написавъ бумагу.

На, бери и сгинь, пропади; чтобъ я объ тебѣ и не вспомнилъ.

СУРЗИКОВЪ.

Владимиръ Николаичъ, что вы все больно не въ тонъ?.. Коли вамъ это не въ удовольствіе или что... вѣдь не надо, чтожъ! — вѣдь не надо...

ВЛАДИМИРЪ.

Оставьте, оставьте, ступайте.

СУРЗИКОВЪ.

Я, можетъ быть, маху далъ, что такъ безцеремонно въ карманъ лѣзу... я думалъ вѣдь, что вы—настоящій Владимиръ Николаичъ, такой, какой у меня тутъ, въ головѣ, сидитъ... что вамъ самимъ талантъ гибнущій, вамъ...

ВЛАДИМИРЪ.

Ну, полно, полно, не гнѣвайся... Немножко нехстати припелъ ты...

СУРЗИКОВЪ—весело.

Не продолжайте, понимаю!.. Ахъ, я старый дуракъ! Вѣдь вы тутъ съ невѣстой вдвоемъ, и вечеръ насталъ, и птички замолкли, и отъ цвѣтовъ свѣжій запахъ пошелъ... объ деньгахъ ли тутъ!.. Ну, да ужъ извините, нельзя было... зато сейчасъ пропаду... Пропалъ, совсѣмъ пропалъ!.. (Уходитъ декламируя.) „Шопотъ, робкое дыханье, трели соловья, серебро и колыханье“...

Уходитъ. Къ концу сцены лунный свѣтъ справа.

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Владимиръ и Зина, потомъ Ольга Павловна.

ЗИНА.

Какой ты тревожный сегодня! Сვაжи мнѣ, родной мой, ты нехорошо себя чувствуешь?—сважи.

ВЛАДИМИРЪ.

Ахъ, Боже мой!.. Зачѣмъ человѣкъ такое разумное существо! Такъ способенъ на ухищренія, такіе планы строить, цѣли...

и если хочешь жить, нужно все это разгадывать... и чѣмъ больше разума видишь, чѣмъ больше, — тѣмъ непонятнѣе, къ чему онъ ведетъ... Развиваетъ ли онъ чистоту отношеній, строгость, божественную прелесть чувства, или все сушитъ и губитъ сухимъ расчетомъ.

ЗИНА.

Владиміръ, тебя тревожатъ какія-то тяжелыя мысли; скажи мнѣ...

ВЛАДИМИРЪ — крѣпко цѣлуетъ ее.

Зина, я люблю тебя, я люблю тебя!.. Вѣдь ты стоишь такой любви, какъ моя? Ты хорошая, честная, чудная дѣвушка?

ЗИНА — шутиво.

Я неподобная, лучше меня на свѣтѣ нѣтъ.

ВЛАДИМИРЪ.

Не шути, Зина, не смѣйся, я серьезно говорю... голубка моя!.. Вѣдь твой каждый шагъ — правда? твое каждое слово — правда?.. иначе и быть не можетъ.

ЗИНА.

Владиміръ, скажи мнѣ: отчего ты такой странный сегодня?

ВЛАДИМИРЪ.

Ни съ того, ни съ сего. У меня не можетъ быть причинъ, не должно...

ЗИНА.

Тяжело тебя такимъ видѣть: словно ты что-то скрываешь... Если ты еще не совсѣмъ знаешь меня, не настолько знаешь, чтобъ не имѣть отъ меня затаенныхъ мыслей, — узнавай... Я тебя не тороплю женитьбой; я не хочу, чтобъ ты женился на мнѣ, пока не можешь говорить со мной какъ съ самимъ собой... чтобъ я видѣла твою душу до малѣйшаго уголка... Я буду лучше ждать.

ВЛАДИМИРЪ.

Ждать, Зина! — любить и ждать?

ЗИНА

Любить и ждать. Я съ дѣтства привыкла покоряться тому, что нужно; моя среда меня къ этому приучила... и потому я — женщина... женщины терпѣливѣе васъ.

ВЛАДИМИРЪ.

Это слишкомъ разсудительно, Зина, слишкомъ холодно для меня.

ЗИНА.

Я бы и большее страданье вынесла, еслибы знала, что оно тебѣ на пользу и на счастье.

ВЛАДИМИРЪ.

Дорогая моя, дорогая... люби меня, ради Бога, люби!.. У меня въ мірѣ нѣтъ ничего, кромѣ тебя... Теперь ужъ ты не можешь отступить: ты сказала, что будешь любить,—зачѣмъ говорила? зачѣмъ общала?—ты не смѣешь отступить, ты у меня всю душу отняла...

ЗИНА.

Глупый!.. что за слова такія? что за мысли?

ВЛАДИМИРЪ—внезапно мѣняя тонъ.

Ты не знала, что этотъ старикъ придетъ?

ЗИНА.

Почемъ же я могла знать?

Въ глубинѣ появляется Ольга Павловна;
она, крадучись, проходитъ по сценѣ, слѣва
направо.

ЗИНА.

Что это? мнѣ шорохъ слышался.

ВЛАДИМИРЪ.

Не обращай вниманья!

ЗИНА.

Какъ будто кто прошелъ.

ВЛАДИМИРЪ.

Чего испугалась?—ты со своимъ женихомъ; приглаживать за нами можетъ всякій, кто хочетъ.

ЗИНА.

Кому нужда?

ВЛАДИМИРЪ.

Это, вѣрно, моя нянюшка, Василій, не рѣшается сразу подойти, чтобы сказать, что мнѣ спать пора.

ЗИНА—встаетъ.

Стало быть, и надо проститься,—будь здоровъ.

ВЛАДИМИРЪ.

Какъ жалко! такая чудесная ночь!

ЗИНА.

Ступай, мой милый, простимся.

ВЛАДИМИРЪ.

Прощай! (Цѣлуетъ ее.) Какая ты хорошенькая!—да еще подъ этимъ луннымъ свѣтомъ... И какъ я счастливъ, что, кромѣ меня, никто тебя теперь не видитъ... никто не долженъ видѣть, — я одинъ... и видѣть, и цѣловать!.. одинъ! одинъ!.. каковъ бы я тамъ ни былъ,—ты моя!

Цѣлуетъ ее.

ЗИНА.

Оставь, довольно!

ВЛАДИМИРЪ.

Иди, открой окно твоей спальни!—я полюбуюсь тобой въ этой темно-зеленой рамкѣ.

ЗИНА.

До свиданья!

Уходитъ на террасу.

ВЛАДИМИРЪ—оглядывается кругомъ.

Не можетъ быть! не можетъ быть...

ЗИНА—появляется въ окнѣ.

Покойной ночи, дружокъ!

Маленькая пауза; онъ любитъ ея.

ВЛАДИМИРЪ.

Зина, ты не знала, что старикъ придетъ за деньгами?

ЗИНА.

У тебя все какія-то странныя мысли бродятъ!

ВЛАДИМИРЪ—сильно взволнованный.

Оттого... милая женщина... помни это!—что къ тебѣ я чувствовать могу только или любовь, какъ теперь,—до изступленія; или ненависть,—тоже до изступленія... если правда...

ЗИНА.

Владимиръ, я не могу тебя отпустить съ этими словами... ты долженъ объяснить...

ВЛАДИМИРЪ.

Нѣтъ, нѣтъ... прощай!.. сегодня ни за что... Я только—знаешь?—я еще разъ приду поцѣловать твою руку, когда мой Василій заснетъ. Я опять одѣнусь и тихо проберусь къ тебѣ; ты погоди ложиться... я приду добрымъ и тихимъ.

ЗИНА.

Но все-таки не откровеннымъ? я подожду до завтра. Тебѣ запрещено такъ долго не спать.

ВЛАДИМИРЪ.

Я, все равно, скоро не могу заснуть,—такъ я взволнованъ... Право, точно у меня предчувствіе чего-то недобраго... позволь, Зина...

ЗИНА.

Нѣтъ, мой золотой, не дѣлай этого, нѣтъ! Ты обѣщалъ брату, что будешь беречь себя; ты далъ слово... Еще въ нашей жизни будетъ много свѣтлыхъ минутъ.

ВЛАДИМИРЪ—рѣшительно.

Прощай... до завтра.

Скрывается въ глубинѣ.

ВИНА—одна, какъ бы ему вслѣдъ.

До завтра, милый!.. Завтра ты мнѣ расскажешь, что тебя тревожило сейчасъ, и я тебя успокою, и разсѣю твои сомнѣнья. До завтра, моя радость!

Скрывается въ окнѣ. Справа на авансценѣ появляется Ольга Павловна; она тревожно глядитъ за кулисы, потомъ быстро входитъ Иванъ.

ЯВЛЕНИЕ IX.

Ольга Павловна и Иванъ.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Что вы надѣлали!.. Я вамъ сказала, чтобъ вы изъ-за куста посмотрѣли, куда онъ пройдетъ, а вы прямо вышли на дорожку. Владиміръ васъ замѣтилъ?

ИВАНЪ.

Да.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Онъ не пошелъ за вами?

ИВАНЪ.

Нѣтъ; онъ подозвалъ кого-то, кажется, — садовника или лакея, — что-то говорилъ, жестикулировалъ... а тотъ куда-то побѣжалъ.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Какъ все вышло нехорошо! Вы должны были остановиться, пойти навстрѣчу.

ИВАНЪ.

Я совсѣмъ растерялся.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

И этимъ погубили меня... А какъ я была слаба, какъ непростительно слаба, что поддалась вашему увлеченью, и пришла на вашу просьбу! Какъ я наказана за мое снисхожденіе къ вамъ!

ИВАНЪ.

Вернитесь въ домъ; я спрячусь, — садъ большой.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Какъ же вы не понимаете, что Владиміръ, вѣрно, распорядился поднять на ноги людей? Богъ знаетъ, за кого онъ васъ принялъ! — теперь искать будутъ.

ИВАНЪ.

Я уйду.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Куда? калитку навѣрное теперь заперли, кругомъ всего сада заборъ.

ИВАНЪ.

Я перелѣзу.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Васъ могутъ замѣтить, — это еще хуже.

ИВАНЪ.

Я скажу, что пришелъ къ Зинѣ.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Ночью, когда всѣ спать ложатся?

ИВАНЪ.

Что-нибудь могло случиться въ нашемъ домѣ, — я торопился сообщить.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Зачѣмъ же тогда крадучись, не прямо въ дверь? прятаться отъ горничной? бѣжать отъ Владиміра?

ИВАНЪ.

Я не знаю! — я готовъ на все, что хотите, но выдумайте только.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Если вы честный человѣкъ, вы не можете отдавать меня на позоръ. Пойдите, вотъ что... Зина можетъ спасти насъ, да... Вотъ ея окно... Вызовите ее... шепните, что васъ преслѣдуютъ... что васъ подозрѣваютъ въ дурномъ сообществѣ по какому-нибудь злему, политическому дѣлу, что какой-нибудь другъ вашъ арестованъ, и полиція нашла на ваши слѣды...

ИВАНЪ.

Хорошо!

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Просите, чтобъ она васъ спрятала... но тише, ради Бога, чтобъ прислуга не увидала!.. Зина добрая и любитъ васъ, она согласится; а я, между тѣмъ, остановлю Владиміра... я объясню ему, что мы прячемъ васъ отъ прислуги, и этимъ отведемъ глаза... Ступайте скорѣй!.. я пойду на-встрѣчу Владиміру.

Идетъ въ глубину. Иванъ подбѣгаетъ къ окну Зины.

ИВАНЪ.

Зина! Зина, отвори окно, Зина!

Окно открывается.

ЗИНА — выглядываетъ и узнаетъ Ивана.

Иванъ? — зачѣмъ ты здѣсь?

ИВАНЪ.

Пусти меня въ твою комнату. Я тамъ тебѣ все расскажу.

Пусти, спрячь меня,—не то можетъ случиться большое горе, большое горе!

ЗИНА.

Что же такое?

ИВАНЪ.

Я убѣждалъ отъ ареста!—за что? я тебѣ все расскажу потомъ... но только спрячь меня скорѣй! Все это вздоръ, я оправдаюсь; но теперь мнѣ важно, чтобъ меня не схватили! спаси меня.

ЗИНА.

Я скажу Ольгѣ Павловнѣ, -- мы вмѣстѣ...

ИВАНЪ.

Нѣтъ! ты взбutoraжишь весь домъ... люди увидать, и послѣ могутъ сказать, что я былъ здѣсь. Пусти меня къ себѣ. Въ домѣ я безопасенъ; вездѣ въ другомъ мѣстѣ я непременно попадусь.

Въ глубинѣ появляются Владиміръ и Ольга Павловна.

ЗИНА.

Влѣзай скорѣй въ окно! я посторожу, чтобъ никто не видалъ.

Она скрывается. Иванъ влѣзаетъ въ окно. Владиміръ, тѣтно удерживаемый Ольгой Павловной, выступаетъ.

ЯВЛЕНІЕ X.

Владиміръ и Ольга Павловна, потомъ Василій, Зина и прислуга.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Погодите же, Владиміръ; надо узнать, что это такое? почему это?

ВЛАДИМІРЪ—внѣ себя.

Глазамъ... не вѣрю... не вѣрю глазамъ... Какъ? къ ней? къ моей Зинѣ?... Обманъ?... гнусный обманъ?... А! ядовитая... (Поднимаетъ камень.) Ты разбила мою жизнь, какъ я разбиваю теперь это проклятое окно, откуда свѣтило мнѣ такое счастье! такое блаженство!

Бросаетъ камень въ окно.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Владиміръ, Владиміръ, сдержите себя! (Входитъ Василій.) Ахъ! вотъ Василій... Идите, идите скорѣй! онъ себя не помнитъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Оставьте меня! теперь ваши заботы не нужны! теперь не нужно мнѣ здоровье!.. и жизни мнѣ надо только немного... на-

столько, чтобъ сказать еще разъ этой... этой... какъ сильно я любилъ ее и какъ глубоко ее теперь ненавижу!

ЗИНА — въ окнѣ.

Что это? Владиміръ...

Быстро скрывается.

ВЛАДИМІРЪ.

Иди! иди лгать, иди увѣрять меня, что ты меня любишь!

ВАСИЛІЙ.

Пойдемте, Владиміръ Николаевичъ...

ЗИНА — сходя съ террасы.

Владиміръ, кто тебя...

ВЛАДИМІРЪ.

Остановитесь... Не подходите ко мнѣ... (На террасѣ появляются Маша и лакей.) Зовите людей, чтобъ они охраняли васъ. Въ такую минуту вамъ со мной быть опасно... я могу убить васъ...

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Остановитесь, ради Бога!

ВЛАДИМІРЪ.

Я — сумасшедшій, да! но не такъ легко ладить съ сумасшедшимъ, какъ вы думаете... А! ты тоже о моемъ здоровьѣ заботилась? ты не позволила мнѣ вернуться, ты прогнала меня! зачѣмъ?.. чтобъ пустить къ себѣ негодяя, съ которымъ ты обманывала меня!

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Владиміръ!..

ВЛАДИМІРЪ.

Чтожъ ты молчишь? чтожъ ты не оправдываешься?.. или не хватаетъ лжи, когда уличили на мѣстѣ?.. Говори же: какого вора пустила ты влѣзть къ себѣ въ окно?

ЗИНА.

Я ничего не скажу... а!!..

Съ подавленнымъ стономъ, обезсиленная, опускается на скамью.

ВЛАДИМІРЪ.

Какой стонъ! ты стонать умѣешь! Такъ подозрѣнья оправдались? такъ васъ одна шайка, вся семья?.. Вы разставили сѣти и пустили тебя, какъ яркую приманку, чтобъ заманить сумасшедшаго съ его богатствомъ?.. Только умнѣй надо было дѣйствовать, безжалостные, глупые люди! умнѣй!.. надо было до конца выдержать это милое добродушіе, эту трудолюбивую гордость, всѣхъ этихъ тетусекъ, братцевъ и друзей проходимцевъ!.. Вы обезумѣли въ своей жадности!.. Что вамъ эти девятьсотъ рублей, которые стянулъ сегодня простодушный старичокъ

во имя таланта и искусства? вамъ бы тысячи достались, только бы подождать, чтобъ умеръ больной!.. десятки тысячъ... Но надо было выдержать подлую личину до конца!

Послѣднія слова говорить задыхающимся голосомъ и падаетъ безъ чувствъ на руки Василя.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Комната перваго дѣйствія. Зина сидитъ у стола и пишетъ. Степанида Никитишна сидитъ подлѣ, вяжетъ шарфъ. Входитъ Груня.

ЯВЛЕНІЕ I.

Зина, Степанида Никитишна и Груня.

Груня.

Барышня!.. хотите яблочко?

Зина.

Спасибо, Груня,—не хочу.

Груня—подастъ яблоко.

Право, возьмите... хорошее... золотое сѣмечко называется... мнѣ сестра принесла; вчера на именинахъ была, гостинецъ съ именинъ... Купайте, барышня.

Зина.

Не хочется мнѣ теперь, Груня; ѣшь сама.

Груня.

Ну, потомъ скушаете... это вамъ, это вамъ, это вамъ.

Положила яблоко на столъ и убѣжала.

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

Смѣшная!.. это она тебя яблокомъ утѣшить хочетъ... Да!—еслибъ этотъ подлецъ-то, твой женихъ, могъ чувствовать, да еслибы у родныхъ его совѣсть-то была бы человѣческая... Вонъ: простой человѣкъ, кухарка... чтó она? дура дѣвка, посуды путемъ вымытъ не умѣетъ, а въ сердцѣ отеликъ... чувствуетъ, что ты бѣдненькая у насъ... (Цѣлуетъ ее въ голову.) обиженная у насъ... хоть яблокомъ тебя утѣшить.

Гладить по головѣ.

Зина.

Бабушка, вы мнѣ мѣшаете.

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

Брось!.. Много ты наработаешь? вишь ты, у тебя и глаза всё въ слезахъ. Какое писанье сквозь слёзы? что это Анна выдумала глупости!

ЗИНА.

Ахъ, бабушка, вы знаете, это у нея слѣзная работа; она и то запоздала. Ей надо этотъ переводъ завтра въ журналъ сдать, а тутъ еще цѣлый печатный листъ осталось переводить.

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

Ну, подождутъ; поспѣютъ напечатать. Куда торопиться? и такъ на свѣтъ много книгъ; слава Богу, есть что читать и безъ ея романа.

ЗИНА.

Мнѣ самой приятно ей хоть немножко помочь... хоть странички четыре переведу ей, пока она хлопочетъ. Для меня же вѣдь она хлопотать побѣжала.

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

Какое для тебя—для твоего дяди, ему деньги доставать.

ЗИНА.

Ради меня это нужно...

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

Важность какая! ради тебя!.. ты несчастненькая!.. (Цѣлуетъ ее.) Ради тебя всё побѣжимъ... Что же, въ насъ жалости, что-ли, нѣтъ?

ЗИНА.

Ахъ, бабушка!..

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

Ну что!—ну что: „Ахъ, бабушка“!.. Не выносить мое сердце такой несправедливости... Какъ онъ, сумасшедшій дуракъ, чистую дѣвицу такъ позорить смѣетъ! за что?.. воли онъ дуракъ,—разбери, узнай сперва; а онъ нѣ вотъ что!! Да какъ онъ смѣлъ? по какому праву?—вѣдь за это въ тартарары извести слѣдуетъ... Что онъ сумасшедшій, такъ все ему и позволяй?!.. (Зина плачетъ.) Ну, ну! ну, ну!.. кошечка ты моя, перестань... перестань плакать... Богъ съ нимъ!.. Не пройдутъ ему, негодному, даромъ твои слёзы... Полно же... Мы за тебя... погоди... мы ихъ всѣхъ въ такой стыдъ вгонимъ, краснѣ раба печенаго будутъ... (Суетливо, не зная, какъ Зину утѣшить.) Помнишь, какъ мы тебя маленькую-то утѣшали, когда ты, бывало, заревешь: „Зишка, Зизишка, не плачь, перестань!“—а ты такъ и расхохочешься... (Серьёзно.) Перестань же, не сердь меня!

Вошла Анна.

ЯВЛЕНІЕ II.

Зина, Степанида Никитишна и Анна. Потомъ безъ Зины.

АННА—Зинѣ.

Что это? опять кислота пошла? — слѣзы?.. Ахъ, Зина, какая ты дрянъ, право; смотрѣть тошно.

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

Ну, ужъ ты-то не обижай ея; и безъ тебя она горькая горемыка.

АННА.

Я-то не обижаю; вы, маман, скорѣй ей обидное дѣлаете: охаете, охаете надъ ней; жалѣете, жалѣете, — тутъ поневолѣ вздумаешь, что несчастнѣе ея нѣтъ въ мірѣ человѣка. Вѣрно, и двухъ строкъ не написала мнѣ?

ЗИНА.

Три страницы перевела.

АННА.

Что же нить-то?.. Кажется, было объ этомъ говорено, порѣшено и обѣщано, чтобъ больше не унижаться до слезъ. Ну, понюжили, всѣ понюжили—и будетъ. Теперь за-ново крѣпко, бодро!—не всю жизнь нюхать... Фу, Зина, какъ это северно!

ЗИНА.

Довольно... видишь, я опять спокойна.

АННА.

Глупой не надо быть... Прежде всего не надо быть глупой. Вотъ тебѣ изюмъ и рисъ, ступай-ка въ кухню да сдѣлай намъ въ обѣду пуддингъ; бабушка его очень любитъ, и тебѣ онъ всегда удастся.

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

Что я люблю! какіе теперь пуддинги? не до пуддинговъ!

АННА.

Оставьте, маман... Ей-богу, вы меня только раздражаете! Ступай, Зина. (Зина уходитъ.) Вы удивительны, мамаша! вы непостижимы, ей-богу; вы, коли въ человѣку расположены, такъ вы его своимъ участіемъ въ постель уложите.

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

До того ли ей!—помилуй... что ты ее заставляешь переводы свои дѣлать... или еще вотъ пуддингъ... кому онъ въ горло пойдеть, твой пуддингъ?

АННА.

Хоть бы никто его и не тронулъ; выкиньте его потомъ.

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

Зачѣмъ же ты ее...

АННА.

Ахъ, мамаша!.. какъ же вы не понимаете, что теперь необходимо Зинѣ?

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

Тише говори,—вѣдь она рядомъ.

АННА.

Теперь необходимо, чтобъ Зина постоянно чѣмъ-нибудь была занята,—это отвлечь ея мысли... теперь надо ея мысли отвлекать отъ всей этой исторіи; чтобъ она и не думала объ этомъ... А вы все только заводите: „бѣдная да несчастная“... какъ тутъ надъ собой не заплакать!.. Ужъ это вы повѣрьте, что во всѣхъ такихъ кризисахъ одно спасеніе—трудъ, какой угодно трудъ, только чтобъ было занятіе, занятіе, занятіе; чтобъ некогда было распускаться, копошиться въ мечтаньяхъ; встряхнуть надо и ободрить. Вы ее съ ума сведете вашими сожалѣніями.

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

Да совсѣмъ я уже такъ не охаю, какъ ты говоришь; я больше все возмущалась на вашего Владиміра; сокровище нашли! юродивый!

АННА.

Какъ возмущались?

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

Ругала его,—очень просто.

АННА.

Прекрасно!—вотъ ужъ истинно, ей-богу, прекрасно!

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

Терпѣть не могу несправедливости.

АННА.

Вы бы про себя терпѣть не могли,—не громко, не ей въ глаза. Удовольствіе вы Зинѣ доставили?!.. вѣдь она не кисейная какая-нибудь барышня: разъ, два—разлюбила, позабыла... вѣдь она, чай, до сихъ поръ его любитъ; а вы его браните... вѣдь вы ей въ душу пальцемъ тычете.

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

Ничего я не тычу,—отстань пожалуйста.

АННА.

Тычете, тычете, въ самое сердце тычете... Какъ же: любимого человѣка, да еще въ ту минуту...

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

Не кричи!

АННА.

Въ ту минуту, когда теряешь любимого человѣка, вы его браните... Вѣдь это вы душевную рану трогаете, больное мѣсто... Она и такъ страдаетъ; ее надо заставить забыть... Ну, разберите сами психологически...

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

Психологически! Ахъ, Господи! ну тебя! поди ты съ твоей психологіей! Вы хоть кого спутаєте: не знаешь ужъ, какъ и жить! — Горевать не смѣй!.. Она мнѣ внучка.

АННА.

Вы горюйте про себя, втихомолку.

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

Отвяжись!

АННА.

Ужъ это я и не знаю... это чтó за любовь такая удивительная!

Входить Сурзиковъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА, АННА и СУРЗИКОВЪ.

СУРЗИКОВЪ.

Мое глубочайшее; вотъ и я-съ. Всѣ ли дома?

АННА.

Братъ еще не возвращался.

СУРЗИКОВЪ.

А Иванъ?

АННА.

Иванъ такъ и не бывалъ.

СУРЗИКОВЪ.

Чтó за чудеса!.. четвертый день!.. куда онъ пропалъ?

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

Отецъ его сегодня разыскивать хотѣлъ.

СУРЗИКОВЪ.

Я говорю, надо въ полицію обратиться—чтó дѣлать!.. Чудной же вѣдь онъ, ей-богу. Мнѣ тогда встрѣтился въ самомъ дѣлѣ такіъ разстроенный,—взволнованъ. Ну, сказалъ бы мнѣ прямо, я бы ужъ какъ-нибудь укрѣлъ его... по-дурацки такъ сдѣлалъ, по-мальчишески.

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

Вѣдь это ты, сѣдая крыса, старая, вездѣ ужомъ вывернешься, — онъ молодъ.

СУРЗИКОВЪ.

Сказалъ онъ Зинѣ, что боится изъ саду выйти, а какъ пошла

кутерьма—убѣжалъ съ крыльца. Стало быть, онъ, вѣрно, полиціи въ руки попалъ... что же дѣлать? справиться надо.

АННА.

Петръ хотѣлъ справиться.

СУРЗИКОВЪ.

Пропадать ему не дадимъ; ужъ какъ-никакъ, а выручимъ. Ну, пожалуйста, давайте считаться. Денегъ у меня по карманамъ теперь количество невообразимое. Коли меня сейчасъ продать, можно въ Парижъ прокатиться. Извольте меня потрошить, чтобъ мнѣ въ прежнюю цѣну вернуться. Гдѣ у васъ счеты?

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

Какіе счеты? у насъ отродясь не бывало.

СУРЗИКОВЪ.

Ахъ, да,—это я у купца сейчасъ на счетахъ считаль... Берите же карандашикъ и бумажку; записывайте; надо свѣрить все... Первымъ дѣломъ, бабушкинъ билетъ.

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА—со вздохомъ.

Продаль?

СУРЗИКОВЪ.

Продаль-съ.

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

Прощай, голубчикъ!—пятнадцать лѣтъ берегла!

АННА.

Мамаша, мы должны тысячу рублей человѣку, который насъ кровно обидѣлъ. Пока мы ему этихъ денегъ не отдали, мы не только не можемъ высказать ему свое негодованье, мы ему на глаза показаться не смѣемъ. О чемъ тутъ горевать?

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

Знаю, знаю... нѣтъ, я не горюю... я только такъ говорю: пятнадцать лѣтъ...

СУРЗИКОВЪ.

Цѣна двѣсти-двадцать рублей, заложенъ за сто-пятьдесятъ, чистаго выручено семьдесятъ рублей... записали?

АННА.

Ну?

СУРЗИКОВЪ.

Съ книгами вашими просто воспотѣлъ. Безъ малаго въ нихъ пудъ вѣсу, а я съ ними всю Москву обмаршировалъ. Безобразно дешево даютъ... да и оскорбительно слушать... этихъ букинистовъ... Это, говорить, книжки негодящія; онѣ умныя, ученныя; на эти книги теперь спросу нѣтъ.

АННА.

Такъ какъ же?

СУРЗИКОВЪ.

Даже думалъ ихъ лучше заложить въ кассѣ ссудъ; такъ меня оттуда такъ турнули: „Ступай, ступай, не нужно!.. Много васъ тутъ ходить въ очкахъ да въ пладахъ съ книгами... еще, поди, ворованныя али запрещенныя какія! У насъ книгъ не берутъ“... Невѣжество!—ахъ...

АННА.

Куда-жъ вы ихъ дѣвали?

СУРЗИКОВЪ.

Все-таки спустилъ... шестнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ выручилъ,—пишите.

АННА.

Еще что?

СУРЗИКОВЪ.

Пальто ваточное заложилъ за шесть рублей... Рубль на проценты и за храненіе... пять рублей запишите... Теперь еще отъ совѣсти купца Бальшуткова пятьдесятъ рублей.

АННА.

Это какимъ образомъ?

СУРЗИКОВЪ.

А вы забыли: Бальшутковъ-то Петру Ивановичу три года сто рублей долженъ! за портретъ не додалъ!.. И вцѣпился же я въ этого купчину: и стыдилъ-то, и корилъ-то,—геенну огненную поминалъ; ничего не беретъ. Однимъ только и донялъ его: ну, говорю, борода, не отдашь ты хоть пятидесяти рублей, сдѣлаемъ мы заклинаніе—и станетъ твой портретъ глазами хлопать. Ну, онъ отшучивался, отшучивался, а, гляжу, въ бумажникъ полѣзъ,—испугался.

АННА.

Пятьдесятъ рублей. Все?

СУРЗИКОВЪ.

Нѣтъ, еще приписочку. Отъ добродѣтелей тунеядца двадцать-четыре рубля восемь гривенъ.

АННА.

Что это значить?

СУРЗИКОВЪ.

Деньги, мной вырученныя отъ продажи всякихъ моихъ ненужныхъ мнѣ вещей.

АННА.

Это зачѣмъ? этого ужъ совсѣмъ не нужно было.

СУРЗИКОВЪ.

Да ужъ страсть обуяла... Какъ рѣшили мы эту тысячу набрать, такъ у меня и разгорѣлись глаза; такъ руки и чешутся, чтобы взять да продать!.. Передъ окнами магазиновъ останавливаться сталъ; такъ бы и схапалъ что-нибудь, да и снесъ на рынокъ... ну, вотъ, и у себя комнату осматрѣлъ: подсвѣчники продавъ... кресло у меня было по случаю куплено... платья носильнаго на четыре рубля съ полтиной... наконецъ, не утерпѣлъ: и турчанку свою—фюйтъ! прощай!

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

Какую это турчанку?

СУРЗИКОВЪ.

Подушка такая у меня была выпитая; во дни мои юные отъ любви сердца подаренная... Представлень шатерьъ, и турчанка лежить: рожа у ней четвероугольная, и глаза четвероугольные, и ротъ тоже... но когда, помнится, принесли мнѣ ее... что это было!—словно мнѣ царствіе небесное подарили... потому рука ее вышивала любящая... И куда теперь дѣвалась эта рука? и гдѣ эта любовь? и все?.. Ахъ!.. время, какъ свинья, все пожираетъ... Ну! стало быть, валяй и турчанку туда же.

АННА.

Не для чего было это дѣлать; не умно... двадцатью рублями немного прибавили, а себя лишили.

СУРЗИКОВЪ.

Ни въ чемъ я себя въ жизни лишить не могу; потому что ничего у меня нѣтъ. Я ужъ этой турчанкѣ, должно быть, порядкомъ надоѣлъ, потому двадцать-восемь лѣтъ голова моя на ней покоится... Ну-съ, сосчитайте, сколько у васъ денегъ оказаться должно?

АННА—считаетъ.

Пять да восемь. (Продолжаетъ считать про себя.) Сто-шестьдесятъ-шесть рублей тридцать копѣекъ.

СУРЗИКОВЪ.

Только?—я думалъ, больше будетъ; у меня всѣ карманы полны денегъ... извольте получать. (Вынимаетъ изъ кармана деньги.) Вотъ это купеческія пятьдесятъ, вотъ за билетъ... вотъ еще... Позвольте, гдѣ же у меня еще?.. ахъ, Господи, куда же я?.. Неужто двадцать рублей потерялъ?.. нѣту!.. нѣту!.. Ахъ, Создатель!.. неужто я, скотъ такіій...

Мгновенно останавливается съ рукой въ карманѣ; озабоченность и страхъ на лицѣ исчезаютъ и появляется широкая улыбка.

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

Что веселье стало?

СУРЗИКОВЪ.

Слава Богу!—дыра въ карманѣ. (Выкладываетъ деньги.) Вотъ онѣ, въ подкладку завалились... Считайте, всѣ ли теперь?

АННА—приложивъ поданные деньги.

Сто-шестьдесятъ-шесть рублей.

СУРЗИКОВЪ.

А тридцать копѣекъ я нищей старухѣ подаль; пристала такъ, — да я и самъ-то ужъ очень обрадовался, что денегъ много.

АННА.

Стало быть, сто-шестьдесятъ-шесть; да я взяла въ редакціи впередъ гонораръ:—двѣсти-пятьдесятъ рублей...

СУРЗИКОВЪ.

Ого!!.. бабушка, слышали?... вотъ что значить талантъ!.. мы съ вами по грошамъ, по грошамъ, а тутъ сразу...

АННА.

Да Зининыхъ шестьдесятъ-восемь рублей... всего четыреста-восемьдесятъ-четыре рубля; до тысячи далеко.

СУРЗИКОВЪ.

Все-жъ таки половина... Еще Петръ Ивановичъ принесетъ... Ну, не хватитъ, достанемъ, еще достанемъ.

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

Гдѣ? гдѣ достанешь-то? теперь ужъ и билетъ проданъ... и все.

СУРЗИКОВЪ.

Не знаю гдѣ, а достанемъ, это вѣрно... У меня ужъ примѣта такая: когда деньги нужны, — будутъ, — конечно. (Входитъ Петръ.) Вотъ и ты наконецъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ-же и Петръ.

ПЕТРЪ.

Ивана не было?

АННА.

Нѣтъ.

СУРЗИКОВЪ.

А ты справлялся?

ПЕТРЪ.

Погоди. Деньги достали?

АННА.

У насъ четыреста-восемьдесятъ-четыре рубля.

ПЕТРЪ.

Стало быть, сегодня же можно идти отдавать.

АННА.

А ты сколько достала?

ПЕТРЪ.

Этюдъ свой продалъ.

АННА.

Триста-пятьдесятъ, какъ предлагали?

ПЕТРЪ.

Да. Да подрядился портретъ написать за двѣсти-сорокъ.

СУРЗИКОВЪ.

Эге! Да у насъ, стало быть, денегъ-то больше, чѣмъ нужно.

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

Можетъ быть, и не слѣдовало билетъ-то продавать?

ПЕТРЪ—Ангѣ, подавая деньги.

На-во... подсчитай деньги-то... тысячу отсчитай. (Проаживается.) Ну!!.. теперь мы съ вами поговоримъ, Владиміръ Николаевичъ, господинъ... выложимъ вамъ деньги ваши и поговоримъ... спросимъ васъ, господинъ, отъ кого вы право получили... такъ оскорблять дѣвушку?... Узнаете вы, господинъ, съ какими людьми вы имѣете дѣло.

СУРЗИКОВЪ.

Хотѣлъ бы я на его фізіономію посмотрѣть, какъ онъ это восприметъ.

Входитъ Зина.

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ-ЖЕ И ЗИНА—ПОТОМЪ ГРУНЯ.

ЗИНА.

Слышу, дядя пришель... Ну, что же? гдѣ Иванъ?

ПЕТРЪ.

Никакого слѣда сыскать не могъ. Одно знаю только, что полиція его арестовывать и не думала...

ЗИНА.

Слава тебѣ, Господи!

АННА.

Почемъ ты это можешь знать, —навѣрно-то?..

ПЕТРЪ.

У меня знакомый такой есть, служащій; я ему поручилъ справку навести... онъ всѣ нити знаетъ, всѣ уголки... ну, онъ справлялся.

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

И ничего?

ПЕТРЪ.

Нигдѣ 'объ Иванѣ и разговоръ не было.

АННА.

Странно; съ чего же онъ взялъ?..

СУРЗИКОВЪ.

Кто-нибудь напуталъ ему вздоръ какой-нибудь.

ЗИНА.

Но гдѣ же онъ пропадаетъ, главное?.. Тогда, ночью, вѣдь Богъ знаетъ что могло случиться.

ПЕТРЪ.

Коли не арестованъ, такъ объявится; важнаго ничего не могло быть. Звѣрей дикихъ у насъ въ лѣсахъ не водится, а мошеннику на него нападать никакой корысти нѣтъ.

СУРЗИКОВЪ.

Какая корысть! у него, чай, всего капиталу въ карманѣ не больше двугривеннаго было.

ПЕТРЪ.

Поискать еще поищемъ, а то и подождемъ... Теперь, стало быть, прежде всего къ Владиміру. (Взявъ деньги у Анны.) Тысяча ровно?

АННА.

Да.

ПЕТРЪ.

Хорошо. (Зинѣ.) Гдѣ у тебя подарки?

Дверь быстро открывается — впопыхахъ въбѣгаетъ Груня.

ГРУНЯ.

Баринъ, Иванъ Петровичъ сыскался!.. пришли, вотъ...

Держитъ дверь открытою; входитъ Иванъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ-же и Иванъ.

ПЕТРЪ.

Ваня!.. да куда же ты пропалъ? (Цѣлуетъ его.) Всѣхъ насъ съ ногъ сбилъ... перепугалъ, право,—гдѣ ты?..

АННА—перебивая его.

Ты не боленъ, Ваня?.. ты похудѣлъ.

ПЕТРЪ.

И то вѣдь...

ЗИНА.

Что съ тобой было?

АННА.

Измѣнился, право... смотрите, шамап.

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

Да, да...

СУРЗИКОВЪ.

Ты хворалъ, что-ли?

ПЕТРЪ.

Ты хворалъ?.. (Иванъ падаетъ на грудь отцу и плачетъ.) Да что такое?
Ваня, Ванечка!.. ну что такое?..

ИВАНЪ.

Я очень... очень несчастный человекъ!

ЗИНА.

Что съ тобой случилось?.. Ваня, скажи, голубчикъ!

ИВАНЪ.

Зина, не тебѣ меня утѣшать, — у тебя свое горе... тѣмъ больше,
что... ахъ! не могу я больше терпѣть этого...

АННА.

Будь же женщиной, Иванъ; что такъ духомъ упалъ? стыдись!

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

Онъ нездоровъ; ты видишь, онъ нездоровъ.

ИВАНЪ.

Нѣтъ, бабушка... тетя вѣрно говорить: надо владѣть собой...
Но, право, тетя Анна... когда я опять вотъ тутъ вижу всѣхъ
васъ, всю мою семью... и вижу, какъ вы заботливы ко мнѣ,
какъ вы меня любите — и какъ я этого не стою... мнѣ еще
тяжелѣй, мнѣ еще тяжелѣй, тетя!

АННА.

Отчего ты не стоишь?

ИВАНЪ.

Зина даже свое собственное горе забыла изъ-за меня, а я...

АННА.

Отчего ты не стоишь?

ИВАНЪ.

Нѣтъ, не могу передъ всѣми... дайте мнѣ поговорить наединѣ
съ отцомъ... уйдите всѣ на минуту... я не хочу, чтобъ вы всѣ
сразу разлюбили меня; мнѣ надо высказаться отцу.

АННА.

Да что-жъ ты такого сдѣлалъ страшнаго?

СУРЗИКОВЪ.

Что сдѣлалъ? что сдѣлалъ? — все равно... дайте ему съ отцомъ
говорить. . Мальчишка, можетъ, важное значеніе пустякамъ при-
даетъ.

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

Пускай говорить, пускай... Я тебѣ поѣсть приготовлю... Иди, Груня... чай, голоденъ: ишь худой какой; навѣрно, голоденъ.

Уходить съ Груней; за ними Анна и Зина.

СУРЗИКОВЪ.

Ну, вотъ и ладно!.. вотъ мы опять веселы будемъ... вытряхай душу-то передъ отцомъ, и чтобъ этому былъ конецъ... по прежнему пойдеть все.

ПЕТРЪ.

А Зинино горе ничего?

СУРЗИКОВЪ.

Молодое горе упругое — заживчатое. Благо ужъ теперь-то опять всѣ вмѣстѣ и въ согласіи... все ладно пойдеть, все. Деньги собраны... этотъ мерзавецъ вотъ воротился (Цѣлуетъ Ивана.) Негодай ты этакій! (Цѣлуетъ его.) Скотина ты! (Цѣлуетъ.) Вытряхай душу-то, вытряхай!

Уходить.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Иванъ и Петръ.

ПЕТРЪ.

Ну!.. что же ты молчишь?

ИВАНЪ.

Трудно мнѣ говорить... не знаю какъ... Ты—отецъ мнѣ, ты —самый любимый, самый дорогой мнѣ.

ПЕТРЪ.

Ваня, Ваня... что ты?

ИВАНЪ.

Такъ скажи мнѣ... Еслибъ такъ случилось съ тобой, что красивая, умная женщина... такая женщина, которая сразу захватила бы всего тебя... чтобъ эта женщина наметнула тебѣ, что и ты ей милъ... и разгорѣлось бы въ тебѣ къ ней безумное юношеское, страстное чувство любви... скажи мнѣ: устоялъ ли бы ты отъ искушенія идти дальше, искать ее... искать безотчетно, зачѣмъ, не думая о томъ, что бы изъ этого ни произошло... скажи, устоялъ ли бы ты?

ПЕТРЪ.

Не знаю... можетъ быть, и нѣтъ.

ИВАНЪ.

Такъ скажи мнѣ еще, отецъ, скажи... еслибъ такъ случилось, что эта женщина позвала тебя на свиданье, и ты прибѣжалъ бы, охваченный восторгомъ, не вѣря, что тебѣ такое счастье, не

понимая, что съ тобой дѣлается? и еслибъ вдругъ кто-нибудь помѣшалъ этой чудной встрѣчѣ, — и она, твоя боготворимая, стала бы просить тебя: „спасите меня, спасите мое доброе имя!.. сдѣлайте то, что я вамъ скажу!“.. ты бы сдѣлалъ?

ПЕТРЪ.

Вѣроятно.

ИВАНЪ.

Но потомъ, отецъ, когда бы ты созналъ, что этимъ поступкомъ своимъ ты сдѣлалъ величайшую низость... что ты на всю жизнь заклеилъ себя подлымъ клеймомъ... что тогда?

ПЕТРЪ.

Ты, вѣрно, преувеличиваешь... ты не могъ бы...

ИВАНЪ.

Я тебя не о себѣ спрашиваю; я тебѣ ставлю прямой вопросъ и прошу, какъ отца и честнаго человѣка, такъ же прямо мнѣ отвѣтить.

ПЕТРЪ.

Почемъ я знаю?—это такъ несообразно... такъ невозможно! Легче пустить себѣ пулю въ лобъ, чѣмъ сознать себя негодяемъ.

ИВАНЪ.

Я зналъ, что ты это скажешь, — мнѣ хотѣлось въ этомъ убѣдиться.

ПЕТРЪ.

Но ни я, ни ты, мы не можемъ, надѣюсь...

ИВАНЪ.

Не надѣйся!—на меня не надѣйся. Мнѣ страшно подумать о томъ, что я сдѣлалъ. Я сказалъ Зинѣ, что меня ищетъ полиція, я я лгалъ... ничего этого не было... я подло лгалъ, какъ самый гнусный шпионъ,—я пользовался ея довѣріемъ, ея добрымъ чувствомъ, состраданіемъ ко мнѣ; я навязывалъ ей преступленіе, зная, что Зина не остановится ни передъ чѣмъ, чтобъ спасти меня,—какъ всѣ вы тоже... И погубилъ ее!.. Ты правъ: съ такимъ поступкомъ на совѣсти жить нельзя.

ПЕТРЪ.

Да это невозможно, Иванъ, чтобъ ты... это невозможно!

ИВАНЪ.

Хуже того... я и теперь выгораживаю себя, оправдываюсь увлеченіемъ и страстью. Но развѣ увлеченіе даетъ право забыть всякія связи? забыть, насколько передъ вами я обязанъ отвѣчать за всю мою жизнь? — а я забывалъ; я отстранялся отъ васъ, я стокровенничалъ съ чужими и скрытничалъ съ близкими,—я допустилъ, что меня затанули въ интригу и даже не далъ себѣ

труда замѣтить это. И въ тотъ страшный вечеръ, когда воспользовались первымъ удобнымъ случаемъ... и мной воспользовались, какъ орудіемъ, противъ васъ... развѣ я подумалъ хоть секунду о Зинѣ, влѣзая въ окно?.. развѣ хоть малѣйшая мысль остановила меня?.. что кто-нибудь можетъ увидѣть, услышать... что я честную дѣвушку, что я сестру подвожу подъ гибель... Вѣдь я же могъ... Что-же?.. застигнутый въ саду... какую бы глупость я ни сказалъ, было бы все-таки лучше... но я ни о комъ не думалъ... все гибни! все!—ради меня и моей возлюбленной!

ПЕТРЪ.

Да ты на себя наговариваешь.

ИВАНЪ.

Зину позорили, а я трусливо прятался и убѣждалъ. Въ эти послѣдніе дни я бродилъ, не зная, что дѣлать — и понялъ, что это такъ. Я писалъ Ольгѣ Павловнѣ, — мнѣ не отвѣтили; я ходилъ къ ней, — меня не приняли... И теперь я не тотъ, что былъ... я не смѣю быть здѣсь, я не принадлежу семьѣ, ея участь давить, — я предалъ ее.

ПЕТРЪ.

Ты наговариваешь на себя... вѣдь вотъ теперь же ты понимаешь, что это предательство! — какъ же тогда-то? какъ тогда-то?.. Ты что-нибудь смѣшиваешь, ты не такъ объяснилъ.

ИВАНЪ.

Кому нужда навязывать себѣ горе?!

ПЕТРЪ.

Но какъ же такъ?.. ты? ты, Иванъ?.. Вѣдь это такая гадость, такая гадость!.. вѣдь послѣ этого честному человѣку въ глаза глядѣть нельзя. А я-то хотѣлъ сейчасъ идти туда! Говорить, — всю голую правду говорить... отъ имени всей семьи, гордой, незапятнанной семьи... когда свой же, свой, самый дорогой, такъ позорно затопталъ въ грязь наше лучшее, наше...

ИВАНЪ — почти задыхаясь.

Зачѣмъ ты мнѣ... какъ будто... я не знаю и самъ!

ПЕТРЪ.

Зачѣмъ же ты пришелъ? зачѣмъ рассказалъ, не скрылъ? зачѣмъ сразу отнял у меня моего сына?.. Хоть бы ты солгалъ, выдумалъ что! — Неужели ты не понимаешь, что мнѣ легче было бы, еслибъ ты совсѣмъ не вернулся, чѣмъ такъ-то? Мы бы хоть имѣли право ждать, что ты вернешься прежнимъ, или грустить о томъ, что ты погибъ.

ИВАНЪ.

Я застрѣлюсь, отецъ, — и тогда все кончено.

ПЕТРЪ.

Стрѣляйся, негодай... стрѣляйся; въ твоёмъ положеніи ничего другого не придумаешь.

ИВАНЪ.

Я былъ увѣренъ, что ты это скажешь.

ПЕТРЪ.

Да!... но, но... ты лучше отъ этого не будешь, ты этимъ не поправишь преступленія.

ИВАНЪ.

Я не буду лучше, но мнѣ будетъ лучше, — и такихъ словъ я больше не услышу.

ПЕТРЪ.

Стало быть, вотъ изъ-за чего? Тебѣ тяжело слышать заслуженный упрекъ?.. ты сдѣлалъ мерзость, и не хочешь нести наказанія?.. тебѣ больно, что мы отъ тебя отворачиваемся, и не думаешь: каково намъ отворачиваться?.. чтобы со всѣмъ и совсѣмъ развязаться, ты хочешь сразу развязаться съ жизнью?.. Это похвально, это почтенно... одно стоитъ другого... Ступилъ первый шагъ, такъ ужъ иди и дальше по этой дорогѣ эгоизма и сверснаго себялюбія!

ИВАНЪ.

Ты самъ сейчасъ...

ПЕТРЪ.

Нѣтъ!.. если твое сознаніе заставляетъ тебя страдать, — страдай!.. живи и страдай... Смерть не поправитъ дѣла.

ИВАНЪ.

Ты противорѣчишь себѣ.

ПЕТРЪ.

Я не зову тебя на самоубійство.

ИВАНЪ.

Ты самъ сказалъ.

ПЕТРЪ.

Ахъ, Боже мой, мало ли что я могъ сказать! теперь говорю другое. Развѣ я такое совершенство, что сейчасъ по первому слову говорю изреченія мудрости?.. сгоряча я тоже могу и сказать, и сдѣлать глупость, — это тебѣ не оправданье.

ИВАНЪ.

Когда другого исхода нѣтъ... Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, еслибъ я не вернулся...

ПЕТРЪ.

Это не то же самое... Не зная всего, мы бы не перестали

любить; зная,—нѣтъ... такое самоубійство не достойно ни жалости, ни прощенія.

ИВАНЪ.

Какъ твой умъ хуже твоего безотчетнаго чувства!.. какимъ-то путанымъ разсужденіемъ ты хочешь затемнить, что такъ ясно вывалось у тебя подъ первымъ впечатлѣніемъ.

ПЕТРЪ.

Первое впечатлѣніе порывисто.

ИВАНЪ.

И правдиво.

ПЕТРЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! Я отрекаюсь отъ моихъ словъ, я отрекаюсь!!..

ИВАНЪ.

Ты видѣлъ, съ какой радостью, какъ сочувственно они всѣ меня встрѣтили... Когда узнаютъ, что я сдѣлалъ, они отвернутся отъ меня, какъ ты... Я не пощадилъ тебя; помоги мнѣ пощадить ихъ... прости, что я далъ тебѣ это горе! не дадимъ его другимъ... скрой отъ нихъ все, что случилось... и что случится.

ПЕТРЪ.

Да развѣ я могу?.. о, Господи! я разсудокъ теряю... я не знаю, какъ... развѣ можно отрѣзать руку, и чтобъ не было больно всему тѣлу?.. развѣ я могу затаить? они по лицу моему догадуются, они въ глазахъ моихъ прочтутъ... И самъ-то я въ состояніи ли перенести? Я тоже обыкновенный человѣкъ... не Богъ вѣсть какой сильный. Чувствовать, что все это такъ случилось,—и ничего не найти... кромѣ смерти... нѣтъ, нѣтъ, не дѣлай этого, Иванъ, не дѣлай!.. вѣдь живой человѣкъ—все-таки живой... у него впереди... и такой, какъ ты... молодой... послѣ такого страшнаго... урока!

ИВАНЪ.

Дай же мнѣ надежду!.. Я хочу вернуться къ вамъ и загладить зло. Дай надежду,—сильнѣе надежды ничего въ мірѣ нѣтъ... не стой безучастнымъ предо мной... я вѣдь вижу, что ты любишь меня, можетъ быть, больше прежняго... какъ любить то, что больно потерять... протяни мнѣ руку! (Протягиваетъ ему руку, Петръ рѣзко отворачивается отъ него.) Нѣтъ? нѣтъ?.. ты не хочешь поддержать меня?!.. не хочешь?

ПЕТРЪ.

Ты разбилъ жизнь твоей сестры... ее прежде всѣхъ долженъ ты просить. Если она будетъ достаточно сильна, чтобъ забыть свое несчастье...

ИВАНЪ—съ отчаяніемъ.

О! это слишкомъ!!.. Еще такую сцену выдержать, еще одно признание... и ей, Зинѣ, въ глаза сказать! Я хотѣлъ умолять тебя, чтобъ ты скрылъ отъ нея. Самому сказать?! усилить боль, которую сдѣлалъ я?! за любовь ко мнѣ сдѣлалъ?! нѣтъ, это слишкомъ!! я не хочу, я не могу. Эгоизмъ или нѣтъ, все равно!.. пускай эгоизмъ... Разъ вы меня ужъ презираете живымъ, вы не больше будете презирать меня мертвымъ!!.

Идетъ къ двери.

ПЕТРЪ.

Постой, Иванъ!.. остановись! постой!!.

Дверь въ глубинѣ быстро распахивается; на порогѣ появляется Зина. Иванъ невольно останавливается.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ-же и Зина, потомъ Анна и Сурзиковъ.

ЗИНА.

Куда ты, сумасшедшій?!.. или ужъ совсѣмъ отъ насъ отшатнулся, что и понимать насъ пересталъ. Радостнѣй мнѣ, что-ли, заживется, когда... ко всему... еще твоя смерть на душѣ будетъ?!.. Оставайся. (Протягиваетъ ему руку.) Я простила.

ИВАНЪ.

Зина, Зина!!.. и я тебѣ снова братъ?!.. ты все слышала, ты все знаешь, и прощаешь мнѣ?!.. о! дорогая, милая дѣвушка!!.. сестрица! сестрица!!.. сестрица!

Заливаясь слезами на колѣняхъ, цѣлуетъ ея руки. Вошли Анна и Сурзиковъ.

СУРЗИКОВЪ—взволнованъ.

Вставай!.. полно... вставай!

ИВАНЪ—встаетъ.

Какъ! вы всѣ тутъ?.. вы всѣ подслушивали?

СУРЗИКОВЪ.

Дуракъ!—конечно, подслушивали... что мы каменные, что-ли, чтобъ намъ не подслушивать?

ЗИНА.

Прости ему, дядя! (Петръ протягиваетъ Ивану руку; Иванъ ее цѣлуетъ.) Всѣ простите!.. Я хочу, чтобъ все было забыто... все, что одного Ивана касается.

ИВАНЪ.

О! лишиться такой семьи!!.. Нѣтъ, я бы не пережилъ!

Томъ VI.—Ноябрь, 1886.

8

ПЕТРЪ.

Теперь къ Владиміру... деньги отдать, и чтобы все кончено было...

ЗИНА.

Пускай идетъ Иванъ... дядя, прошу тебя... это ему будетъ испытанье... Я знаю, тебѣ трудно туда идти... и ты можешь не выдержать... сказать, что не надо... пускай Иванъ...

ИВАНЪ.

Спасибо, сестрица, спасибо: ты мстишь добромъ. Позвольте мнѣ идти къ Владиміру. О! какъ теперь я за тебя заступиться съумѣю, сестра моя... сколько негодованья!.. Я выскажу все, чѣмъ я полонъ теперь, и онъ въ ногахъ у тебя будетъ вымаливать, чтобы ты его снова взяла.

АННА.

Ты хочешь мириться съ нимъ, Зина?

ЗИНА.

Не бойся, Анна! онъ не понялъ меня, да и ты, кажется, тоже... Нѣтъ, Иванъ, ничего ты не долженъ говорить; тѣмъ-то и покажи свое раскаяніе, что всякую злобу сдержи... Мы задолжали ему деньги,—вотъ онъ... снеси эти деньги, и подарки его, и письма... Добейся видѣть его... Передай ему все это изъ рукъ въ руки, молча... Передай еще... вотъ это письмо отъ меня... Что бы онъ ни спрашивалъ, что бы ни говорилъ, не отвѣчай ничего,—и молча уйди.

АННА.

Прочитай намъ письмо, Зина.

ЗИНА.

Ты мнѣ не довѣряешь?.. ты все думаешь, что я его вернуть себѣ хочу? нѣтъ... Я лучше всѣхъ васъ знаю, насколько онъ для меня потерянъ. Всякое зло бываетъ немножко на пользу... Весь этотъ случай показалъ мнѣ, насколько, все-таки, Владиміръ далекъ отъ всѣхъ насъ... Онъ могъ заподозрить!.. онъ въ другомъ воздухѣ выросъ, онъ не нашъ.. между имъ и нами—его деньги, его родня, его вся обстановка... благо въ время все это открылось... Вотъ это все я ему и пишу.

СУРЗИКОВЪ.

Но онъ же долженъ знать, что нельзя оскорблять... Надо высказать...

ЗИНА.

Зачѣмъ? — если не додумается самъ, слова наши будутъ только пустой бранью... да наконецъ (твердо.) я такъ хочу!.. Я

здѣсь обиженная, и мое первое слово... Я не хочу, чтобъ его бранили; отдай все молча и уйди.

Отходить, скрывая слезы.

ПЕТРЪ—тихо Аннѣ.

Не спорь съ ней... ты видишь, она еще любить его.

АННА—Ивану.

Бери все и ступай. Ея правда: много разговаривать тутъ нечего; возьмите, молъ, ваше—и будемъ посторонними людьми.

Входить Степанида Никитишна.

ЯВЛЕНИЕ IX.

Тѣ-же и Степанида Никитишна.

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

Куда онъ?

АННА.

Оставь, мамаша, оставь;—все будетъ хорошо.

ИВАНЪ.

До свиданья, отецъ! до свиданья всѣ... сестрица дорогая! (Цѣлуетъ Зину.) Ты меня къ жизни вернула. Спасибо тебѣ, моя спасительница!.. Все сдѣлаю, какъ ты мнѣ приказала... все, все...

Убѣгаетъ. Зина, не выдержавъ, падаетъ въ кресло, рыдая; Степанида Никитишна и Сурзиковъ бросаются ее утѣшать; Петръ ихъ останавливаетъ.

ПЕТРЪ.

Пускай порыдаеть... Это облегчить.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Картина первая.

Въ павильонѣ Владиміра.

ЯВЛЕНИЕ I.

Василій, одинъ, привираетъ комнату; потомъ Ольга Павловна.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА—за сценой.

Можно войти?

ВАСИЛІЙ—отворяя дверь.

Пожалуйте, Ольга Павловна, я одинъ. (Ольга Павловна входитъ.) Владиміръ Николаевичъ вышли въ садъ. Слава Богу, что вы вернулись; я ужъ хотѣлъ нарочнаго посылать за вами въ Москву.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Ахъ, Господи! На одинъ день нельзя уѣхать съ дачи—жди новаго несчастья.

ВАСИЛІЙ.

Несчастья нѣтъ-съ; а только очень трудно мнѣ возиться съ Владиміромъ Николаевичемъ. Не сообразишь, какъ поступать.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Что же опять?

ВАСИЛІЙ.

Мучаются такъ, что, право, не знаю...

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Съ чего это? мы, кажется, оставили его такимъ спокойнымъ...

ВАСИЛІЙ.

То-то, спокойнымъ ли?.. Мнѣ тогда не удалось вамъ шепнуть передъ отъѣздомъ; но вѣдь въ то утро они дворника Андрея разспрашивали.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

О чемъ?

ВАСИЛІЙ.

Объ этой исторіи... хотѣли знать, кто именно влѣзалъ въ окно... Андрей вѣдь потомъ видѣлъ, какъ Иванъ Петровичъ убѣжалъ... ну, отъ Андрея Владиміръ Николаевичъ и узналъ про то, что это братецъ былъ Зинаиды Яковлевны.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Такъ онъ знаетъ?!

ВАСИЛІЙ.

Извините... какой такой у васъ разговоръ былъ съ Владиміромъ Николаевичемъ передъ отъѣздомъ?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Дружескій, семейный разговоръ... мы утѣшали его, умоляли измѣниться, разсѣяться...

ВАСИЛІЙ.

А его превосходительство что говорили?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

И мужъ тоже... мы вмѣстѣ... у насъ почти рѣшено, что Владиміръ поѣдетъ со мной за границу, въ Италію; такъ и докторъ совѣтуетъ.

ВАСИЛІЙ.

Только объ этомъ и былъ разговоръ?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Ну, и о другихъ вещахъ...

ВАСИЛІЙ.

Простите, Ольга Павловна, необходимо спросить: объ имуществѣ Владиміра Николаевича было говорено?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Вотъ что?!.. Да, Владиміръ предложилъ брату, что сдѣластъ дарственную запись: передать все свое состояніе намъ и будетъ получать годовое содержаніе, пожизненно.

ВАСИЛІЙ.

Что же его превосходительство?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Согласился. Владиміръ такъ просилъ избавить его отъ хлопотъ. Это тоже рѣшено; я даже нотариуса привезла, чтобъ написать бумагу.

ВАСИЛІЙ.

Ольга Павловна, не поторопились ли? очень ужъ они... Какъ вы съ ними простились послѣ этого разговора?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Дружески. Правда, онъ былъ мраченъ и руки у него дрожали, но онъ расцѣловался и со мной, и съ братомъ.

ВАСИЛІЙ.

Вотъ и объясните: тутъ же, какъ проводилъ васъ Владиміръ Николаевичъ, заперся здѣсь въ комнатѣ, и что съ ними стало—непостижимо... и рыдалъ, и по комнатѣ бѣгалъ, и портретъ цѣловалъ какой-то...—я въ окно подсмотрѣлъ: изъ темноты-то не видно...—не раздвываясь, проспалъ ночь на диванѣ.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Почему же вы думаете, что это въ связи съ разговоромъ о дарственной?

ВАСИЛІЙ.

Такъ-съ, по намекамъ разнымъ вчера... Докторъ пріѣхалъ, Владиміръ Николаевичъ его не приняли... говорятъ: „не докторъ онъ, а полиція... я, говорятъ, подъ надзоромъ полиціи здѣсь живу“... Бросился я имъ что-то услужить,—они говорятъ: „не старайся, я скоро буду голъ... все братъ возьметъ, все состояніе у меня отниметъ“...

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Отниметъ!?!..

ВАСИЛІЙ.

Именно это слово; оно-то меня больше и рѣзнуло... А въ двѣнадцать часовъ совсѣмъ собрались въ Москву ѣхать.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Владиміръ?—въ Москву?

ВАСИЛІЙ.

Насилу я ихъ отговорилъ, — на лошадей сослался, что лошадей нѣтъ, подковываютъ, а извозчика здѣсь не достать, семь верстъ отъ Москвы; случаемъ развѣ какой наѣдетъ, и то рѣдко. Да вчера-то еще можно было отговорить, не въ силахъ онъ былъ и ѣхать; къ вечеру совсѣмъ разнемогся; опять все плакалъ, письма читалъ, писалъ что-то...

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

А сегодня?

ВАСИЛІЙ.

Какъ будто поуспокоился; но рѣшенія у нихъ задуманы: сейчасъ мнѣ телеграмму велѣлъ послать на желѣзную дорогу, — къ управляющему тамбовскимъ имѣніемъ, чтобъ управляющій сюда ѣхалъ.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Странно!

ВАСИЛІЙ.

И эту мысль еще не оставили ѣхать въ Москву; ужъ о лошадяхъ справлялись. Такъ я и растерялся, — какъ мнѣ быть: и съ телеграммой-то, и съ лошадями.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Вы меня такъ смутили этимъ извѣстіемъ, что... Онъ самъ вѣдь...

ВАСИЛІЙ.

То-то я думаю-съ: не хитрость ли это была — предлагать братцу все состояніе, чтобъ посмотрѣть, какъ, молъ, его превосходительство къ этому отнесутся? Владиміръ Николаичъ очень раздраженно говорили и объ его превосходительствѣ, и о васъ.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Да, правда; мы поторопились. Можетъ быть, надо было на первый разъ отказаться. Но это-жъ его пойметъ?.. и какъ съ нимъ ладить?.. при его положеніи нельзя терять времени... онъ каждую минуту въ состояніи сдѣлать какое-нибудь безумное распоряженіе своимъ имуществомъ. (Почти про себя.) Неужели все-таки онъ вернется къ этому? Цѣловалъ портретъ! — чей? — конечно, невѣсты... Читалъ ея письма... писалъ... что онъ могъ писать?

ВАСИЛІЙ.

Ужъ, вѣрно, то же.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Здѣсь спрятано?

ВАСИЛІЙ.

Заперто тутъ, въ столѣ.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Кажется, готова бы столъ сломать, чтобъ посмотрѣть, что онъ такое затѣваетъ?

ВАСИЛІЙ.

Я зналъ-съ... зачѣмъ ломать?.. ключъ очень простой... у меня были старые, я подобралъ; не подумайте, чтобы... нѣтъ, самъ я не отпираю, сохрани Богъ!—но вамъ передаю...

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Вы—истинно преданный намъ человѣкъ; вы въ этомъ не рас-
саетесь.

ВАСИЛІЙ.

Помилуйте, Ольга Павловна, я очень хорошо понимаю, что это превосходительство для меня сдѣлали и еще могутъ сдѣлать. Да и по чувству: для Владиміра Николаича, для ихъ пользы... Вѣдь они истинно, что внѣ себя-съ... Коли теперь упустить время и не понаблюсти...

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Послѣ будетъ поздно... для него-же это нужно,—да.

Береть ключъ.

ВАСИЛІЙ.

Только, Бога ради, Ольга Павловна, будьте осторожны, не уносите ничего и все положите, какъ было. Позвольте, извините, я вамъ посоветую: вы погодите отпирать ящикъ; — я схожу взглянуть, что онъ дѣлаетъ, и сейчасъ дамъ знать. А то бываетъ, что и невзначай вдругъ явится откуда и не ждешь... Какъ бы не замѣтилъ.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Хорошо, ступайте.

ВАСИЛІЙ.

Я сейчасъ,—только взгляну.

Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Ольга Павловна одна, потомъ Иванъ, въ концѣ Василий.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА—пробуетъ ключъ.

Отперъ... Запру дверь... пока будетъ стучаться, успѣю. (Запираетъ дверь и отпираетъ ящикъ стола.) Портретъ! — ея, конечно, такъ и знала. (Внимаетъ портретъ и роется въ столъ.) Листки почтовой бумаги... все начатыя письма. (Читаетъ.) „Зина моя, еслибъ ты знала“... (Говоритъ.) И не кончено. (Читаетъ.) „Зина, Зина, ты никогда такъ не любила, какъ я любилъ и люблю... ты не можешь. Еслибы ты могла, ты поняла бы“... (Говоритъ.) И опять брошено. (Читаетъ.) „Я не-

счастнѣй! я несчастнѣй! кто несчастнѣе меня? я самъ свое счастье“... (Прислушивается.) Чтѣ тамъ? (Запираетъ портретъ и отходитъ къ двери.) Нѣтъ... кажется, нѣтъ. (Снова отпираетъ столъ и роется.) А!.. вотъ оно!! (Внимаетъ письмо.) „Зинаидѣ Яковлевнѣ Пришелецовой“. Стало быть, все-таки кончилъ; написалъ и даже запечаталъ... клеевой конвертъ; ничего не стоитъ распечатать. Только десять минутъ спокойствія. (Слышно, что кто-то ломится въ дверь. Ольга Павловна пугается, быстро запираетъ ящикъ стола, второнякъ забывчиво кинувъ письмо на столъ. Потомъ подбѣгаетъ къ двери.) Кто это?.. не умѣетъ отворить двери!.. (Быстро отпираетъ дверь. Появляется Иванъ.) Вы?

ИВАНЪ.

Ольга Павловна? не ждалъ васъ одинѣхъ здѣсь встрѣтить... но радъ этому случаю.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Какъ вы вошли сюда?

ИВАНЪ.

То-есть, какъ добрался? какъ меня допустили?.. на прислугу не сердитесь; они васъ строго сторожатъ... никто меня не пускалъ; я самъ, какъ воръ, въ заборѣ высмотрѣлъ, гдѣ доску вынуть можно было; по кустамъ крался... вы же меня выучили въ окна лазить.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Что же вы хотите?

ИВАНЪ.

Исполнить то, что приказала мнѣ моя семья. Вы, впрочемъ, не бойтесь; это васъ не касается. Постѣ того, какъ вы обошлись съ нами, самъ-то, можетъ быть, я и былъ бы способенъ... я молодъ... и былъ бы способенъ не сдержатъ себя... но, къ счастью, я не одинъ, и въ нашемъ муравейникѣ мы другъ друга отъ ошибокъ бережемъ.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Я вамъ...

ИВАНЪ.

Мы за зло платить зломъ не станемъ; мы только оградимъ себя отъ него и уйдемъ отъ него.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Зло? какое же зло я вамъ сдѣлала? вамъ въ особенности?.. вы здѣсь зло всѣмъ надѣлали, а не я. Еще пишеть записку, пытается меня видѣть,—зачѣмъ? Кажется, можно бы помнить, что я и жена, и мать... что и по положенію мужа мой каждый шагъ на виду.

ИВАНЪ.

Какъ-же, однако...

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Вся эта несчастная исторія разыгралась передъ лакеями. Дворникъ видѣлъ, какъ вы убѣжали. Или вы не знаете, къ чему ведутъ всякіе лакейскіе разговоры по кухнямъ да по людскимъ сосѣдямъ? Если ужъ вы такъ въ два дня измѣнились, что стали равнодушны и къ моей доброй славѣ, и къ моей семьѣ,—такъ хоть бы изъ уваженія къ дѣлу моего мужа, къ общественной пользѣ... вы ею дорожили прежде... могли бы понять, что ужъ ради этой одной пользы я должна охранять и мужа, и свою семью, отъ нареканія... Вѣдь малѣйшая тѣнь, съ какой бы стороны она ни легла на человѣка,—и злые люди съумѣютъ всегда схватиться за нее во вредъ всему хорошему, что отъ этого человѣка можно ожидать. Вы, такой чуткій ко всему этому—и врываетесь теперь сюда!

ИВАНЪ.

Не беспокойтесь, я сейчасъ уйду.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Что вамъ нужно? Я считала васъ лучше, чѣмъ вы есть. Ну, вотъ, я не скрываю: да, я увлекалась вами!.. но именно оттого, что въ вашихъ словахъ всегда было что-то такое широкое, честное. Я была увѣрена, что вы входите немножко въ мое положеніе. Я бы сама васъ отыскала—потомъ, когда бы все улеглось... отъ времени... я бы не могла не сыскать васъ: такого человѣка какъ вы, нельзя легко потерять... такого, какимъ я васъ считала; но вы хуже. Прежде вы умѣли приносить свои личные... свои близкіе интересы на жертву.

ИВАНЪ.

Вамъ!? благодарю васъ, что вы это сказали,—я было началъ заслушиваться пѣнья сирены... вы образумили меня. Вамъ! на вашу пользу надо жертвовать и собой, и своими близкими, родными, друзьями!.. вашу добрую славу надо охранять! для нея и для вашихъ выгодъ топтать въ грязь мою семью!..

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Зачѣмъ вы пришли? теперь не время спорить, уйдите!—уйдите.

ИВАНЪ—схвативъ ее за руку.

Я четыре дня, наединѣ съ самимъ собой, обдумывалъ все это; я каждое ваше словечко припомнилъ; каждый поступокъ, каждый взглядъ... я теперь знаю, что вы такое.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Ну, конечно!—исчадіе порока!—все-таки...

ИВАНЪ.

Не шутите этимъ словомъ!—вы, можете быть, не давали себѣ отчета въ томъ, чего добивались, а между тѣмъ... взгляните хорошенько: съ улыбкой на губахъ, съ заботой и лаской вы изъ года въ годъ убивали родного брата, чтобъ не ушли изъ вашихъ рукъ его деньги. Вы испугались его любви къ Зинѣ, какъ будто васъ обокрасть хотѣли... вы толенули меня на отвратительное дѣло съ такой прелестной обстановкой хорошихъ чувствъ, что кто бы имъ не повѣрилъ?! О! я за это расплатился—повѣрьте... Еслибъ моя семья не подняла меня, не ободрила, еслибъ Зина сама не поторопилась простить, меня бы теперь уже не было на свѣтѣ. Вотъ чего вы хотѣли!.. Разберите себя, и вы увидите, что иногда и мелочныя, гаденькія цѣли прямо ведутъ къ злодѣйству.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Да скажите мнѣ лучше спасибо за это злодѣйство! — вы медикъ... оно спасло вашу сестру... Посмотрите на Владимира: одно такое потрясеніе, и въ немъ уже стали показываться признаки сумасшествія.

ИВАНЪ.

Стало быть, скоро вы можете и опеку надъ нимъ назначить?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

А! вы недостойны, чтобъ я вамъ отвѣчала.

Въ окнѣ появляется Василій.

ВАСИЛІЙ—быстро.

Идетъ!

Исчезаетъ.

ИВАНЪ—пораженъ.

Какъ это у васъ хорошо все организовано!

На порогѣ двери появляется Владиміръ и останавливается, увидѣвъ Ивана.

ЯВЛЕНІЕ III.

Ольга Павловна, Владиміръ и Иванъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Иванъ!? (Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ; Ольга Павловнѣ.) И вы здѣсь? (Идетъ къ Ивану.) Здравствуй, здравствуй! какъ ты встать!

ИВАНЪ.

Владиміръ Николаичъ!

ВЛАДИМІРЪ.

Погоди!—послѣ будешь говорить, послѣ говори, что хочешь,

какъ хочешь, укоряй и брани!.. но прежде дай спросить. Я бы и самъ пришелъ къ тебѣ... дай спросить.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Владиміръ, не сердитесь, что я васъ останавливаю... изъ любви къ вамъ... позвольте вамъ посовѣтовать: не спрашивайте его ни о чемъ; вѣрьте: то, что онъ вамъ скажетъ, васъ не утѣшитъ, а, наоборотъ, вамъ хуже будетъ.

ВЛАДИМИРЪ.

Такъ вы знаете, о чемъ я хочу спросить его—и даже... что онъ мнѣ отвѣтитъ? Вы, можетъ быть, справедливо догадываетесь; но, какова бы ни была правда, она лучше обмана... простите, но на этотъ разъ я васъ не послушаю. Скажи мнѣ, Иванъ: вѣдь это былъ ты въ тотъ вечеръ... зачѣмъ ты это сдѣлалъ?.. вѣдь я знаю, кто ты... зачѣмъ же ты прятался? зачѣмъ?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА—Ивану.

Что же вы молчите?

ИВАНЪ.

Что-жъ мнѣ отвѣчать?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Я стѣсняю васъ? вы ждете, чтобъ я ушла, и тогда съумѣете наговорить даже то, чего не было. Я вижу, надо разомъ положить конецъ всему этому, чтобъ, по крайней мѣрѣ, на меня не лгали. Вы непремѣнно хотите себѣ новаго горя, Владиміръ... вы заставляете меня говорить... я не буду виновата.

ВЛАДИМИРЪ.

Вы никогда ни въ чемъ не виноваты!

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Въ тотъ вечеръ онъ приходилъ, чтобъ видѣться со мной... тайкомъ отъ другихъ. (Пауза.) Почему я это допустила?—объясненія не нужны. Я могу упрекнуть себя только въ излишней снисходительности къ юношѣ... въ которомъ видѣла много добрыхъ стремлений... больше ни въ чемъ... и никто ни въ чемъ больше меня упрекнуть не смѣетъ... я хотѣла сдѣлать лучше... и если не могла...

ВЛАДИМИРЪ.

Какъ? вы знали? и допустили, чтобы я...

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Я васъ останавливала.

ВЛАДИМИРЪ.

И четыре дня держите меня въ этихъ мукахъ!—и не говорите мнѣ правды!

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Для чего? Ну, чтожь? теперь вамъ легче стало, когда вы ее знаете? Зина для васъ, все равно, потеряна, — не лучше ли вамъ было думать, что вы были правы, оскорбляя ее?.. не сильнѣйшее ли горе для васъ сознание, что вы съ ней поступили дурно и сами причина своего несчастья?.. Я не хотѣла этого горя... для васъ.

ВЛАДИМИРЪ.

Замолчите! ради Бога!.. вы такъ умны! — я сталъ бояться васъ... отъ вашего участія ужасомъ вѣетъ; оно опутало меня, какъ цѣпями... я долженъ скрывать отъ васъ каждую мысль, долженъ прятать каждую пустую записку. (Увидавъ на столѣ письмо.) Что это? (Беретъ письмо и глядитъ на нее.) Какъ этотъ конвертъ вышелъ изъ стола?.. онъ въ столѣ былъ запертъ, — я сейчасъ самъ заперъ его. (Судорожно прячетъ письмо въ карманъ.) Вы рылись тутъ у меня? откуда вы взяли ключъ? Нѣтъ, вотъ онъ, мой ключъ... Вы и ключъ поддѣляли... все изъ участія... воровка!!

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Опомнитесь, Владиміръ!!..

ВЛАДИМИРЪ.

Такъ это правда, страшная правда, все, что я у этого стола передумалъ, о чемъ плакалъ, чему вѣрить не хотѣлъ... вы, воровка, вы все уерали у меня!.. и я могъ вамъ поддаться и оттолкнуть Зину!.. самъ!.. Невинную, чистую, прелестную... Боже! Боже! Боже!

Рыдаеть.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА—Ивану.

Зачѣмъ вы пришли?—вотъ что вы надѣлали! — онъ погибъ.

ИВАНЪ.

Вамъ этого хотѣлось.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Лжете!—я еще докажу... мы увидимся.

Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Иванъ и Владиміръ.

ВЛАДИМИРЪ.

За что?.. Что я имъ сдѣлалъ?.. если нужно было что, развѣ я отказывалъ?.. развѣ не видѣли моей братской любви... или ужъ такъ завидно моему счастью стало... въ первый разъ въ моей жизни!!! въ единственный... за что?..

Рыдаеть.

ИВАНЪ.

Владиміръ Николаевичъ...

ВЛАДИМІРЪ.

Да... это ты, Иванъ?.. Ты? (Оглядывается.) Она ушла... мы одни съ тобой?.. ты отъ Зины... ты... я чувствую, что ты принесъ; я боюсь, Иванъ... я боюсь...

ИВАНЪ.

Вотъ деньги, Владимиръ Николаевичъ... мы вамъ должны... вы Григоріи Карпычу дали.

ВЛАДИМІРЪ.

Да, да... да да...

ИВАНЪ.

Вотъ... подарки... ваши... Зинѣ... и письмо вамъ... отъ нея...

ВЛАДИМІРЪ—лихорадочно прочитавши письмо.

Ну, что-жъ?.. это правда... ея правда... Больше ничего?

ИВАНЪ.

Ничего.

ВЛАДИМІРЪ—открываетъ ящикъ.

Подарки мои, подарки!.. да... да... Вотъ они и часы... съ ея вензелемъ... и браслетъ и... все... все... тутъ... все!!.. Иванъ, это жестоко! Вѣдь тутъ цѣлая жизнь въ этомъ одномъ ящикѣ! Цѣлая жизнь!

Рыдаеть.

ИВАНЪ.

Владиміръ!

ВЛАДИМІРЪ.

Хорошо... что-жъ?.. ея правда...

ИВАНЪ—въ крайнемъ волненіи.

Владиміръ... я... когда сестра передала мнѣ эти вещи и письмо... столько негодованія, столько злобы прилило мнѣ къ сердцу!.. Звѣрское чувство какой-то радости, что я тебѣ отомщу за сестру, что уничтожу моимъ словомъ... Сестра не позволила мнѣ... эта милая, эта кроткая дѣвушка запретила... сказала: „отдай молча и уйди“... Я смирился... немного... я думалъ: отдамъ и уйду отъ проклятаго мѣста... но, Владимиръ... видя тебя такимъ, я не могу уйти, я не могу...

ВЛАДИМІРЪ.

Зачѣмъ?.. все равно... зачѣмъ?

ИВАНЪ.

Ты меня еще разъ заставляешь переживать, что я только-что пережилъ передъ ней: этотъ стыдъ, это униженіе, это сознаніе подлости моего поступка... Пойдемъ къ ней!.. Вѣдь ты еще

не знаешь, какая она хорошая.. какіе они всѣ хорошіе... ты не знаешь...

ВЛАДИМИРЪ.

Нѣтъ, нѣтъ... она права... она права... она права!.. Мы чужіе... Я надѣялся, я хотѣлъ быть; но нѣтъ... Мы чужіе...

ИВАНЪ.

Пойдемъ, Владиміръ... Чѣмъ бы оно ни кончилось, это свиданье... я не знаю... я даже сообразить не могу... но чутьемъ какимъ-то мнѣ чувствуется, что оно нужно... Вы не можете, вы не должны такъ разстаться... Ты долженъ еще разъ видѣть ее...

ВЛАДИМИРЪ.

Да... видѣть, да... вѣдь я такъ и хотѣлъ... такъ и рѣшилъ; еще разъ видѣть, еще разъ слышать голосъ ея... и потомъ все равно... Пойдемъ.

Оба идутъ. На порогѣ Владиміръ готовъ упасть, схватываетъ руку Ивана.

ИВАНЪ.

Что съ тобой?

ВЛАДИМИРЪ.

Поддержи!.. сердце замерло... Пойдемъ.

Оба уходятъ. Иванъ поддерживаетъ Владиміра.

Картина вторая.

У Пришельцевыхъ.

Анна и Степанида Никитишна кроютъ и шьютъ сѣрую блузу. Петръ сидитъ у мольберта и пишетъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Петръ, Анна и Степанида Никитишна.

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

Ужъ тутъ ты меня не учи, это не сочиненье писать. Шитьемъ-то я вамъ никому не уступлю.

АННА.

Приложите къ старой блузѣ. Ну, вотъ видите, — длинны рукава.

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

Гдѣ же длинны? — вѣдь это ушьется.

АННА.

Много ли ушьете?

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

Сдѣлай милость, не спорь. Я еще и замужемъ не была, всю нашу семью обшивала. У меня дядя былъ, я ему въ именинамъ персидскій архалукъ сшила; такъ онъ этотъ архалукъ до самой смерти не снималъ!.. Петя, поди сюда. (Петръ подходитъ.) Протяни руку, я примѣрю. (Петръ протягиваетъ руку.) Ну вотъ... Да... въ самомъ дѣлѣ длинны. Ну, чтожъ? можно укоротить.

АННА.

Вы, ужъ, пашап, дѣлайте рукава, а я грудь вошью.

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

Да ты постой, ты, можеть быть, не такъ... ну, ну, ну, ну!—вижу, вижу... хорошо.

ПЕТРЪ.

Толѣю, Анна, пожалуйста, воротъ пошире; я вотъ въ этой блузѣ такъ и не застегиваю пуговицу... у меня шея жирѣть стала.

Отходить къ мольберту.

АННА.

Я на два пальца припустила.

Входить Сурзиковъ.

ЯВЛЕНИЕ II.

Тѣ-же и Сурзиковъ.

СУРЗИКОВЪ.

Ну, господа, какой каравай вздулся! — отъ одного запаху слюнки текутъ. Вотъ ужъ Зинаида Яковлевна... ахъ, какая Зинаида Яковлевна у насъ пирожица, повариха... состряпала, — вотъ какъ состряпала!..

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

Пирогъ—это ея дѣло... пудинги разные она печь мастерица.

СУРЗИКОВЪ.

Хоть кондитерское заведеніе отърываай. Чисто, аккуратно: и миндальчикъ лежитъ, и изюмчикъ лежитъ...

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

Ее на это взять.

СУРЗИКОВЪ—подходить къ Петру.

Покажи-ка, покажи, что ты тутъ пишешь? Что же это у тебя намалевано? ничего не поймешь.

ПЕТРЪ.

Нечего и понимать, — еогда ничего нѣтъ. Началъ что-то такое, да не понравилось, — размазалъ.

СУРЗИКОВЪ.

Вотъ чтѣ!.. А я думалъ, что ты это хаосъ преждевременный написать хочешь, что-ли! или бурю какую морскую, взволнованную.

ПЕТРЪ.

Мерещился такъ сюжетецъ одинъ, изъ жизни взятый, изъ современнаго быта, какъ Каинъ Авеля побиваетъ... да нѣтъ, не выходить, не могу теперь, ничего не могу...

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

Пора бы Ивану вернуться.

АННА.

Вотъ ужъ нашелъ современный сюжетъ!.. Каинъ былъ честнѣе теперешнихъ. . какъ онъ Авеля убилъ?—открыто, прямо: взялъ дубинку—хлопъ. Теперь совсѣмъ не такъ: теперь братъ брата обнимаетъ да цѣлуетъ, да исподтишка—ножъ въ сердце.

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

Тѣфу! чтѣ вы болтаете, слушать тошно.

СУРЗИКОВЪ.

Несообразное, матушка, несообразное говорить; истинное ваше замѣчаніе. (Петру.) Гдѣ тебѣ Каина писать? ахъ ты похвальбишка! Каина писать, надо злобу понимать; а ты развѣ понимаешь злобу? Ты и понять-то ее не можешь, гдѣ тебѣ? да и на что?

ПЕТРЪ.

Въ назиданіе.

СУРЗИКОВЪ.

Охъ вы, назидатели!.. Все-то вы пугалъ пишете, и никого-то вы ими не пугаете. Хоть бы на огородъ глянули: и воробей къ пугалу придружится, а человѣку чтѣ? — тѣфу! только для привычки. Чѣмъ ты ему чаще говоришь: воръ да воръ, убійца да убійца, тѣмъ онъ тебѣ чаще грабить и убивать станетъ. А ты пиши вотъ чтѣ: хочешь, я тебѣ сюжетъ дамъ?

ПЕТРЪ.

Ишь расходился!—художникъ какой!

СУРЗИКОВЪ.

Да. Вотъ тебѣ и художникъ! Напиши ты, будто-что поле или роща какая... и цвѣтокъ въ ней, и земляничка... и солнцемъ ее грѣетъ... и сижу въ ней я, ну да, вотъ я: тунядець... локти у меня будто продраны, на головѣ вихры торчатъ; а гляжу я кругомъ, и улыбка у меня во всю мою толстую рожу.

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

Ну, ужъ картина!

СУРЗИКОВЪ.

Настоящая для сердца... Чтобъ взглянулъ человѣкъ, и весело ему стало, и радостно,—чтобъ всякое горе забылъ и душа размякла, глядячи на меня, на веселаго дурака... чтобъ и у злодѣя руки опустились, и у добраго человѣка желчь улеглась.

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

Анна, Анна, гляди!.. куда ты шовъ-то повела? А еще меня учишь!

АННА—быстро отеревъ слезу.

Ничего... я распорю.

Входить Зина.

ЯВЛЕНИЕ III.

Тѣ-же и Зина, потомъ Иванъ.

ЗИНА—подавая бумаги Аннѣ.

Тебѣ, Анна, корректуру принесли.

АННА.

Ушелъ разсылный?

ЗИНА.

Ушелъ. Завтра придетъ. (Входитъ Иванъ.) Ахъ!—ты...

Общее движеніе, но никто не рѣшается говорить. Иванъ кладетъ фуражку и садится. Послѣ паузы.

ПЕТРЪ.

Отдать?

ИВАНЪ.

Отдать.

АННА.

Ну, говори же! что ты молчишь? Вѣдь ты видишь—мы все ждемъ,—разсказывай.

ИВАНЪ.

Разсказывать нечего. Какъ мнѣ Зина сказала, такъ я и сдѣлалъ: отдать молча, но говорить,—это правда,—говорить мнѣ надо... говорить то, что я думаю и зачѣмъ я его сюда привелъ.

ПЕТРЪ.

Ты привелъ?

ЗИНА.

Онъ здѣсь?

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

Зачѣмъ? я его на порогъ не пущу! Налгалъ, навралъ на дѣвицу честную, наругался—а ты его ведешь!

ПЕТРЪ.

Богъ съ нимъ, Богъ съ нимъ! только бы все это улеглось, забыть бы только...

Томъ VI.—Ноябрь, 1886.

АННА.

Ты долженъ былъ подумать о сестрѣ; каково ей встрѣтиться?..

ИВАНЪ.

Зина молчитъ.

АННА.

Что же ей говорить?.. Ты скажешь, — онъ образумился, понялъ всю свою мерзость... раскаивается?.. Но развѣ Зина, развѣ кто-нибудь изъ насъ хоть на минуту сомнѣвался, что рано или поздно это должно случиться?.. Зачѣмъ же Зина послала письмо?.. Если для того только, чтобы заставить раскаяться... и съ нимъ помириться... что же это за комедія? что за пошлость?

ИВАНЪ.

Анна, я самъ думалъ такъ же, когда шелъ туда, и, можетъ быть, хуже тебя думалъ... но передо мной случилось такъ, что пришлось ему убѣдиться въ истинѣ...

ПЕТРЪ.

Ну! чтожъ ты остановился?

ИВАНЪ.

Мнѣ тяжело вспомнить объ этомъ... О! я негодовалъ на Владимира больше вашего; но тутъ мнѣ стало жалко его... до того жалко, что невольно пришло въ голову, какъ, еще нѣсколько часовъ тому назадъ, я вошелъ сюда съ тяжелымъ камнемъ на сердцѣ, съ мыслью о самоубійствѣ, — и какъ вы меня приняли... Мнѣ думалось: я былъ причиною всего, я своей гнусностью заполонилъ и его, и всѣхъ... и все-таки мнѣ простили, меня обласкали, мнѣ отдали жизнь... неужели же не отдадутъ ея Владиміру?

АННА.

Между вами есть разница.

ИВАНЪ.

Я больше виноватъ.

АННА.

Неправда... у тебя была только страсть и любовь... гадкая, нелѣпая, но все-таки страсть... ты все-таки нашъ... Владиміръ не нашъ.

ИВАНЪ.

Онъ былъ слѣпъ; онъ хорошій, честный человѣкъ!

АННА.

Но онъ не нашъ. Самая страшная вспышка любви и ревности простительна, — даже симпатична; но у Владимира ревность была: онъ упрекалъ въ томъ, чего нѣтъ гаже, о чемъ никто изъ насъ и подумать не могъ... онъ упрекалъ, что ему льстили изъ-за его денегъ, что его обобратъ хотѣли... Съ этимъ помириться нельзя...

ИВАНЪ.

Зина, выслушай меня, Зина...

АННА.

Я думала, что, когда Зина писала письмо, она сознавала это... оттого и писала.

ПЕТРЪ.

Ты правду говоришь, Анна, но ты его защищаешь больше, чѣмъ Иванъ.

АННА.

Какъ?

ПЕТРЪ.

Именно оттого, что Владиміръ не нашъ, ему и могли придти эти гадкія мысли о деньгахъ и мошенничествѣ... оттого, что онъ еще мало зналъ насъ, не сроднился съ нами... что ему его близкіе напѣли это...

ИВАНЪ.

Да, да, отецъ... и когда онъ будетъ намъ близокъ, тогда иначе будетъ думать... тогда и взыскивай съ него, Анна... О! позвольте мнѣ привести его... Зина, отецъ!.. Еслибъ вы знали, какъ онъ несчастенъ!.. онъ ничего не проситъ... онъ отказался отъ мысли быть здѣсь тѣмъ, чѣмъ былъ... онъ хочетъ только разъ еще войти сюда... увидѣть Зину... услышать, что его про-стили — и уйдетъ... Въ этомъ нельзя ему отказать... въ этомъ отказать мы не имѣемъ права.

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

Ну, Богъ съ нимъ!.. я встрѣчаться не хочу.

Уходить.

АННА.

Ну! если такъ... отчего же?.. пускай придетъ... онъ все-таки лучше многихъ людей.

ИВАНЪ.

Зина, что же ты молчишь?

ЗИНА.

Пускай говорятъ другіе... Чтѣ я бы сказала—знають всѣ; но я сама не знаю—насколько хорошо то, чтѣ я бы сказала.

ПЕТРЪ.

Гдѣ онъ?

ИВАНЪ.

Въ саду.

ПЕТРЪ.

Приведи.

СУРЗИКОВЪ.

Я... сейчасъ...

Уходитъ..

ПЕТРЪ.

Анна... гдѣ у меня эскизъ малороссійскій, помнишь?.. пойдѣмъ-ка, помоги мнѣ сыскать.

Петръ и Анна уходятъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЗИНА и ИВАНЪ.

ЗИНА.

Братъ! ты отеликнулся молодымъ сердцемъ; ты понялъ лучше ихъ всѣхъ и меня, и Владиміра... Благодарю тебя.

ИВАНЪ.

Они его не видали... Теперь еслибъ они видѣли, какъ я, они бы также говорили, какъ я.

ЗИНА.

Но посмотри же, — всѣ ушли... они не хотятъ видѣть.

ИВАНЪ.

Нѣтъ, Зина, это не оттого... они его стѣснить не хотятъ и тебя тоже... и я лишній при вашемъ свиданьи.. я тоже уйду...

ЗИНА.

Какъ хочешь... Я не знаю, что надо... какъ надо...

ИВАНЪ.

Я уйду...

Идетъ — входитъ Владиміръ.

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ-ЖЕ и Владиміръ.

ВЛАДИМІРЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, Иванъ, остановись, не уходи!.. при тебѣ мнѣ не такъ страшно... Вотъ она... Зина... Зина... О, Господи, что я сдѣлалъ?!..

Падаетъ въ кресло, рыдая.

ЗИНА.

Владиміръ Николаевичъ, полно... не будемъ поминать... Мы слишкомъ поспѣшили, мы мало знали другъ друга... надо было узнать прежде... подождать... Помните, я учила васъ терпѣнью... любить и ждать.

Владиміръ со слезами цѣлуетъ жадно ея руки; потомъ останавливается.

ВЛАДИМІРЪ.

Довольно... не считайте, пожалуйста, меня сумасшедшимъ; никогда я не былъ менѣ сумасшедшимъ, чѣмъ теперь... Я хо-

тѣмъ видѣть мою прежнюю Зину, потому что прежняя Зина злобы на меня въ душѣ не сохранить. Но если вы думаете, что я мечтаю вернуть себѣ прежнее счастье, то вы ошибаетесь.

ИВАНЪ.

Зачѣмъ ты это говоришь?

ВЛАДИМИРЪ.

Чтобъ она знала, какъ я ее люблю. Я гдѣ-то читалъ разсказъ, какъ одна падшая женщина полюбила честнаго юношу... онъ хотѣлъ оторвать ее отъ порока, жениться на ней; но она не согласилась, она сама отказала ему и отравилась... Она такъ любила его, что считала такой бракъ оскорбленіемъ своей любви... считала себя слишкомъ недостойной... Вотъ такъ и я... теперь, еслибъ ты мнѣ сама сказала, Зина, что возьмешь меня, я откажусь... я недостойнъ... я не хочу тебя обидѣть, навязавши такого, какъ я.

ЗИНА.

Владимиръ...

ВЛАДИМИРЪ.

Не глупость это и не сумасшествіе, право... это искреннее чувство сознательной безграничной любви. Я все порѣшилъ, какъ мнѣ дѣлать. Я не вернусь больше къ брату и къ этой... женщинѣ... Я чужой вамъ,—ты права; но я теперь стать чужой и мнѣ, ей Богу. Я уйду далеко, въ мое имѣнье... буду хозяйничать... не падать духомъ; напрягая всѣ силы ума... думая о тебѣ; чтобъ подняться въ твоихъ глазахъ... Зина... и теперь прошу только о двухъ вещахъ: пойдемъ туда, въ вашу столовую... сядь еще разъ подлѣ меня, у окна, какъ ты сидѣла, когда я въ первый разъ почувалъ это новое мнѣ, это чудное чувство!.. И еще вотъ чтó: Иванъ, я написалъ письмо къ ней... пересмотри его съ родными.

ЗИНА.

Письмо ко мнѣ? — о чемъ?

ВЛАДИМИРЪ.

Я прошу... прочитать и сказать: можно ли такъ?... я хотѣлъ бы... пожалуйста, прочти Аннѣ и отцу... обсудите... можно ли такъ.

ИВАНЪ—взявъ письмо.

Хорошо.

ВЛАДИМИРЪ—съ умоляющимъ взглядомъ.

Зина...

ЗИНА.

Пойдемте... въ столовую...

ВЛАДИМИРЪ.

Такъ... все такъ было... тогда кругомъ, какъ теперь... это кресло здѣсь, и столъ, и этажерка... и розанъ на окнѣ... но тогда онъ былъ въ полномъ цвѣтѣ... теперь осталась одна зелень... ты стояла такъ же, какъ теперь, и такъ же сказала мнѣ: „пойдемте“... и вспыхнула вся... о, Господи!!

Съ рыданьемъ уходитъ; Зина за нимъ.

ЯВЛЕНИЕ VI.

Иванъ одинъ, потомъ Петръ, Анна и Сурзиковъ.

ИВАНЪ—въ дверь.

Папа, поди сюда!.. Анна!

Входитъ Сурзиковъ.

СУРЗИКОВЪ.

Ну, что? онъ успокоился хоть немножко?

ИВАНЪ.

Не знаю... не пойму...

Входятъ Петръ и Анна.

ПЕТРЪ.

Что?

ИВАНЪ.

Прочти, онъ просилъ.

АННА.

Что такое?

ПЕТРЪ—удивленно.

Письмо къ Зинѣ? что за странность? онъ самъ тебѣ отдалъ?

— ИВАНЪ.!!

Просилъ прочитать и сказать, можно ли.

ПЕТРЪ.

Дивлюсь. (Вскрываетъ конвертъ и читаетъ.) „Зина, я сознаю, что оскорбилъ тебя, хоть не прошу прощенья, потому что мнѣ простить нельзя. Но, разставаясь съ человѣкомъ, котораго ты любила, ты не можешь не исполнить его честной просьбы. Я уѣзжаю въ мое имѣнье и прошу тебя взять все принадлежащее мнѣ здѣсь въ Москвѣ“.

АННА—съ недовольствомъ.

Что?

ПЕТРЪ.

„Не затѣмъ, чтобы дать тебѣ роскошную обстановку, въ которой ты не нуждаешься, или безпечность бездѣйствія, что несвойственно твоей богатой натурѣ; но для того, чтобы дать лишнюю силу твоему труду и дарованію. Я знаю, ваша семья не будетъ жить—не можетъ жить иначе, какъ теперь, какими

бы средствами она ни располагала,—и прошу, и умоляю, во имя твоей бывшей любви ко мнѣ, взять мое имущество и распорядиться какъ найдешь лучше; я увѣренъ, что въ твоихъ рукахъ оно пойдетъ на добро“.

Общее недоумѣніе.

СУРЗИКОВЪ—взявъ письмо.

Когда-жъ онъ это успѣлъ написать? (Ивану.) Стало быть, когда ты пришелъ, у него это было готово?

ИВАНЪ.

Да. Ты видѣлъ конвертъ... даже запечатано.

ПЕТРЪ.

Стало быть, страданьемъ души до правды дошелъ прежде, чѣмъ отдали ему его подарки и деньги.

Появляется Ольга Павловна.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ-же и Ольга Павловна; потомъ Зина и Степанида Никитишна.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Простите. (Входитъ.) Мы очень перепуганы. Владиміръ внезапно скрылся отъ насъ, никто не видалъ какъ. Онъ навѣрно будетъ у васъ.

ИВАНЪ—выступая.

Онъ здѣсь. Онъ ушелъ со мной.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА—только теперь замѣтивъ его.

А!!! Вы, Иванъ Петровичъ, ужъ вернулись... и привели его.

ИВАНЪ.

Вамъ хотѣлось предупредить насъ?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Я хотѣла видѣть Зинаиду Яковлевну, для ея же пользы... но если ужъ Владиміръ снова принять въ вашу семью по прежнему,—вѣроятно, мои слова будутъ лишними.

АННА.

Я тоже думаю.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Я ошиблась... я слишкомъ уважала васъ... я не думала, что вы такъ легко миритесь.

АННА.

Вы клеветали ему на насъ; теперь захотѣли клеветать намъ на него?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА—пожавъ плечами.

Клеветать!?!.. такъ вы не считаете оскорбленіемъ то, что Владиміръ говорилъ Зинѣ?

АННА.

Уйдите лучше, если...

ПЕТРЪ—жестомъ останавливая сестру.

Оскорбленіе, сударыня, только тогда тяжело, когда изъ него вырваться нельзя... когда ты одинокъ и безпомощенъ, чернять тебя люди, и одному тебѣ противъ многихъ бороться нельзя. Но отъ насъ, сударыня, оскорбленіе отвалится скоро... насъ нечистая передрага не сломить; мы крѣпко держимся другъ друга и каждый каждому всегда поможетъ. Въ какую путань это изъ насъ ни попади, какъ насядемъ дружнымъ напоромъ—всякую путань порвемъ.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

И оскорбителю—прощенье?

ПЕТРЪ.

Если заслужить.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА—вспыхнувъ.

Если богатъ.

ИВАНЪ.

Несчастливая вы!

ПЕТРЪ—останавливая его.

Да на что намъ богатство?—развѣ мы въ нуждѣ? Да богаче насъ никого въ мірѣ нѣтъ! Нашъ трудъ всегда намъ удастся, потому что если у одного неудача, такъ удача у другого... Веселье у насъ всегда полное, потому что всѣ веселятся, когда весело одному. Если горе кому, такъ разберемъ его на всѣхъ, и легко оно. Вѣдь только тотъ нищій на свѣтѣ, кто ото всѣхъ, отшатнулся, кто никого не любитъ; а гдѣ истинная любовь, тамъ и богатство. Домъ нашъ открытъ для неимущаго, насколько можемъ мы ему помочь; но и не оттолкнемъ мы отъ себя честнаго, хорошаго человѣка изъ боязни, что онъ богатъ и негодянъ станутъ говорить, будто мы льнемъ къ его деньгамъ.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА—послѣ нѣкотораго колебанія.

Прощайте.

Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, но останавливается, услыжавъ крики Зины.

ЗИНА—за сценой.

Иванъ! Иванъ! спасите! (Появляется у порога) Скорѣй! скорѣй! онъ помертвѣлъ! онъ умираетъ!

Всѣ бѣгутъ въ комнату, гдѣ Владиміръ, кромѣ Ольги Павловны и Сурзикова.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Припадокъ... его нервный припадокъ... онъ можетъ умереть скоропостижно.

Хочетъ тоже идти за всѣми; Сурзиковъ останавливаетъ ее.

СУРЗИКОВЪ.

Не ходите туда... Коли живъ, ему будетъ тяжело васъ видѣть; да и затрудните помощь... а коли умеръ...

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Пустите!

СУРЗИКОВЪ.

Прошу васъ, оставьте... Повѣрьте, это лучше.

АННА—выходя, Сурзикову.

Дайте скорѣй пальто! (Сурзиковъ бѣжитъ за пальто. Она кличетъ въ дверь.)
Мама! (Ольга Павловна.) Ради Бога, не ходите туда!

СУРЗИКОВЪ—подавая пальто.

Куда вы?

АННА

Въ аптеку. Страшный сердечный припадокъ, — весь похолодѣлъ и безъ сознанія... выживетъ ли, Богъ вѣсть. (Входитъ Степанида Никитишна.) Мама, есть у васъ тамъ кипятокъ?

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

Есть. Что съ тобой?

АННА.

Скорѣй налейте въ бутылки. (Сурзикову.) Сдѣлайте вы.

Уходить.

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

Что случилось?

СУРЗИКОВЪ.

Владиміръ Николаичъ умираетъ... Пойдемте, я вамъ помогу.

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

Ахъ, бѣдный!

Оба убѣгаютъ.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА—одна.

Что же мнѣ дѣлать?—Господи!.. что дѣлать?.. Здѣсь я помочь не могу... надо дать знать его брату (Увидѣвъ письмо, которое уронилъ Сурзиковъ.) А! вотъ оно!—это письмо. (Пробѣгаетъ письмо.) Вотъ что!.. Это чувствовалось... Онъ бы законнымъ порядкомъ все отдалъ ей. Взять это письмо?.. Отчего же не взять?.. вѣдь въ немъ никакой законной силы нѣтъ... это пустая бумага... но можетъ послужить къ сплетнямъ... если... Наконецъ, потомъ можно и отдать, если нужно. Скорѣй къ Андрею,—надо, чтобъ брать сюда приѣхать.

Уходить. По сценѣ пробѣгаетъ Сурзиковъ съ бутылками. За нимъ торопливо входитъ Степанида Никитишна.

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

Погоди, погоди... я еще.

Входитъ Зина, поддерживаемая Петромъ.

ПЕТРЪ.

Ты только мѣшаешь Ивану, милая,—дай ему дѣйствовать.

ЗИНА.

О!.. я не переживу его, я не переживу... это слишкомъ страшно! Зачѣмъ я написала это письмо?!..

Рыдаеть.

ПЕТРЪ.

Иванъ молодцомъ справляется... погоди, погоди отчаиваться.

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

Посмотри-ка, ей дурно... дай воды. (Петръ подаетъ воду; они хлопчуть около Зины.) Потри виски.

ЗИНА—очнувшись.

Ничего... мнѣ ничего.

ПЕТРЪ.

Ободришь, голубка, ободришь... еще не все потеряно... собери свое терпѣнье... все собери терпѣнье и жди.

ЗИНА.

Да, будемъ терпѣть, пока еще надежда... Ты говоришь: не ходить мнѣ туда?.. Хорошо, не пойду... если надо... для него... будемъ терпѣть.

Анна возвращается.

СТЕПАНИДА НИКИТИШНА.

Вотъ и Анна.

АННА—сбрасывая пальто.

Ну, чтó?

Иванъ появляется на порогѣ. Общее движеніе. Всѣ замерли.

ЗИНА.

Иванъ... ты... ты...

ИВАНЪ.

Ему лучше... не бойся, Зина, мы отстоимъ его... онъ будетъ живъ... Не отходите отъ него, я побѣгу къ моему профессору... его приведу.

ЗИНА—съ крикомъ восторга.

А!—мой братъ!

Бросается Ивану въ объятья.

Викторъ Крыловъ.

ТИПЫ ЛАТИНСКАГО КВАРТАЛА

Окончаніе.

V ¹⁾.

АРАБЪ АЛЕЙКУМЪ.

Когда Алейкумъ поступилъ въ медицинскую школу, ему не было и двадцати лѣтъ. Теперь ему 25, но онъ все еще числится на первомъ курсѣ.

Наше знакомство началось на диссекціонныхъ работахъ. Смуглый, съ черными курчавыми волосами, съ огромными, выкатившимися бѣлками темныхъ глазъ, съ типичными мелкими бурыми пятнышками на лицѣ, Алейкумъ сразу выдался въ глаза и сразу выдавалъ свое арабское происхожденіе. Говорилъ онъ по-французски хорошо, свободно, безъ ошибокъ и почти безъ акцента. Но слова какъ-то лѣнились сходить съ его языка; онъ былъ донельзя флегматиченъ и вялъ. Ходилъ онъ такъ же лѣнливо, какъ говорилъ, иногда переваливался съ ноги на ногу, иногда хромалъ, всегда жаловался на мозоли и постоянно обливался потомъ. Выраженіе лица его мѣнялось вмѣстѣ съ позой, въ которой онъ находился: нѣсколько безпокойное и тоскливое, когда Алейкумъ шелъ или стоялъ, оно дѣлалось въ высшей степени блаженнымъ и счастливымъ, какъ только онъ садился.

Пять мѣсяцевъ мы работали вмѣстѣ. Онъ рѣзалъ, крошилъ, умудрялся портить самыя простыя вещи и никогда не читалъ анатоміи. Я думаю, что въ теченіе всего полугодія онъ едва-ли

¹⁾ См. выше: окт., 701 стр.

выучилъ пять-шесть названій мускуловъ, да и тѣ, вѣроятно, по наслышкѣ. Онъ приходилъ обыкновенно поздне положеннаго, клалъ свой портфель на окно, затѣмъ подходилъ къ нашему столу и неизмѣнно повторялъ одну и ту же фразу: „Sapristi! je suis en retard aujourd'hui!“ Причины позднаго появленія онъ объяснялъ различно. „Я сегодня пошелъ рано, но, подходя уже, вспомнилъ, что забылъ анатомію: пришлось возвращаться. Sapristi! ça ne m'arrivera plus!“—говорилъ онъ въ первый разъ. „У меня отстали часы!“—объяснилъ онъ во второй. „Мнѣ нездоровилось, и я совсѣмъ не хотѣлъ приходить сегодня; я работать не буду, а такъ посижу“,—слышали мы въ третій разъ.

Если неисправность не мотивировалась болѣзнию, то онъ тотчасъ же надѣвалъ блузу, вынималъ изъ портфеля два огромныя руководства по анатоміи, клалъ ихъ передъ собой на табуретку и болѣе къ нимъ не возвращался. Вооружившись скальпелемъ и пинцетомъ, онъ облокачивался на столъ и, вода по воздуху этими смертоносными орудіями, начиналъ разсуждать.

— Я недавно купилъ сочиненія ванъ-Бенедена,—объявлялъ онъ.—Но это совсѣмъ не научная книга, совсѣмъ не научная. Его читать не стоитъ: онъ спиритуалистъ.

— Но, можетъ быть, факты, сообщаемые имъ, интересны, а на точку зрѣнія можно не обращать вниманія,—возражалъ кто-нибудь изъ собесѣдниковъ.

— Не знаю. Я прочелъ только предисловіе,—признавался Алейкюмъ.—Но болѣе читать не стану: онъ спиритуалистъ.

Разговоръ прерывался.

— А вотъ читали ли вы „Происхожденіе видовъ“ Дарвина?—вновь начиналъ Алейкюмъ.—Вотъ это стоитъ прочитать; я купилъ.

— Неужели же вы до сихъ поръ не читали?—недоумѣвали собесѣдники.

— Нѣтъ еще, не читалъ, но, какъ будетъ время, прочту.

Собесѣдники начинали другой разговоръ, болѣе соотвѣтствовавшій общему настроенію, чѣмъ вопросы о происхожденіи видовъ и о спиритуализмѣ. Нѣкоторые погружались въ чтеніе анатомическихъ книгъ. Алейкюмъ медленно перерѣзывалъ два-три мускула, которые необходимо было сохранить, и снова принимался за философствованія.

— Читали ли вы сочиненія Рибо? Я купилъ его „Болѣзни памяти“. Вотъ это не спиритуалистъ. Это достойно вниманія и научно. Замѣчательная книга. Я купилъ ее недѣли двѣ назадъ. Хотите, я вамъ дамъ прочитать?

— Если вы прочли, то я съ удовольствіемъ возьму на нѣсколько дней, — говорилъ одинъ изъ слушателей.

— Я еще не читалъ, но могу вамъ дать, потому что у меня теперь нѣтъ времени. Этотъ проклятый экзамень отбиваетъ все время...

Таковы были постоянныя разсужденія Алейкюма. Онъ расхваливалъ или порицалъ какую-нибудь книгу, сейчасъ же преспокойно сознавался, что никогда ея не читалъ, общался со временемъ прочесть и всегда заявлялъ, что отъ такихъ разговоровъ чувствуетъ себя выше и „научнѣе“.

Ровно въ половинѣ третьяго онъ начиналъ собираться. Медленно укладывались въ ящикъ инструменты, исчезали въ портфель огромные, остававшіеся неоткрытыми, учебники анатоміи, снималась блуза, и въ три часа (ранѣе трехъ уходить не дозволялось) Алейкюмъ уже подавалъ намъ руки и говорилъ: „Je suis pressé aujourd'hui. Au plaisir de vous revoir“...

Аккуратно два раза въ недѣлю онъ манкировалъ. На слѣдующій день происходилъ обычный разговоръ съ прозекторомъ.

— Вы вчера не пришли, monsieur Алейкюмъ, — говорилъ прозекторъ. — Я васъ запишу отсутствовавшимъ.

— У меня была diarrhée. Cet affreux cadavre me rend malade.

— Это возможно, — соглашается прозекторъ и отмѣчаетъ Алейкюма присутствовавшимъ.

— У васъ снова была diarrhée? — спрашивалъ онъ послѣ слѣдующаго отсутствія.

— Вчера я долженъ былъ встрѣчать родственниковъ, приѣхавшихъ на нѣсколько дней въ Парижъ.

Прозекторъ пожималъ плечами, усмѣхался, но отсутствія не отмѣчалъ.

Собственно говоря, Алейкюму было безразлично — отмѣчаютъ его присутствовавшимъ, или нѣтъ: работы по анатоміи обязательны лишь для выдержавшихъ первый экзамень; онъ же занимался ими по доброй волѣ — для чего и затѣмъ? — одинъ Богъ вѣсть...

Въ концѣ семестра, т.-е. въ мартѣ мѣсяцѣ, когда диссекціи окончились, онъ объявилъ, что намѣренъ усиленно готовиться къ первому экзамену, и попросилъ меня заниматься съ нимъ два въ недѣлю. Я согласился. Въ назначенный день и часъ я былъ у него. Алейкюмъ спалъ.

— Извините, пожалуйста, — началъ онъ своимъ обычнымъ лѣнивымъ тономъ: — вчера такъ долго читалъ, что сегодня не могъ

встать раньше. Удивительная эта книга—автобіографія Ренана. Я вчера купилъ и читалъ. Замѣчательная вещь. Хотите, я вамъ дамъ прочитать?..

Я посмотрѣлъ „замѣчательную вещь“: въ ней было разрѣзано не болѣе десяти страницъ.

Алейкомъ скрылся въ другой комнатѣ, откуда цѣлые полчаса доносилось плесканье воды, плеванье, старческій кашель, шлепанье туфлями, и, наконецъ, онъ вышелъ съ полотенцемъ въ одной рукѣ, головной щеткой и маленькимъ зеркальцемъ въ другой.

— Посмотрите мою бібліотеку, — началъ онъ, прихоращиваясь передъ зеркаломъ. — Вотъ здѣсь, тамъ, тутъ... Онъ указалъ въ разные углы комнаты.

Книгъ у него было много. Въ стройномъ порядкѣ, на полкахъ, на столѣ, на комодѣ, лежали онѣ, блистая новизной и красивыми переплетами. Тутъ были и столь любимые Алейкомомъ Дарвинъ и Рибо, и „спиритуалистъ“ ванъ-Бенеденъ, и Спенсеръ, и Поль Жанэ, и Катюль-Мандесъ, и медицинскій словарь, и всевозможныя руководства по естественнымъ и медицинскимъ наукамъ. Я развернулъ нѣкоторыя: кромѣ Катюль-Мандеса и „Mademoiselle de Maupin“, въ рѣдкой было разрѣзано болѣе 15—20 страницъ. Переплетенныя книги лежали отдѣльно на комодѣ, причемъ качество переплета, очевидно, опредѣляло мѣсто книги. Такъ, на лѣвой сторонѣ комода и немного спереди лежали въ роскошныхъ переплетахъ „Стихотворенія“ Мюссэ, географія Реклю, астрономія Фламмаріона, „Жизнь Иисуса“, Ренана, и Коранъ на арабскомъ языкѣ. Справа помѣстились болѣе скромные переплеты анатоміи Sappey, „Тружениковъ моря“ Гюго, „Химіи“ Вюрца, стихотвореній Ришпэна, и т. д.

— Знаете чтó?—прервалъ мои наблюденія Алейкомъ. — У меня сегодня болитъ голова отъ вчерашняго чтенія. Не отложимъ ли мы занятій до завтра или послѣ-завтра? Sapristi! je n'ai pas été eхact ce matin. Ça ne m'arrivera plus...

Въ назначенный день я получилъ записку, въ которой Алейкомъ извинялся, что, вслѣдствіе болѣзни одного товарища, не можетъ заниматься. Онъ назначалъ свиданіе черезъ два дня, и прибавлялъ: „sans faute!“ Но прошли два дня, и новая записка извѣстила меня, что Алейкомъ ѣдетъ для поправленія разстроенаго здоровья въ Венсенскій-Лѣсъ...

Черезъ три недѣли мы случайно встрѣтились у Дювала.

— Ah! comment ça va-t-il?—обрадовался онъ и заковылялъ ко мнѣ. — Я вчера купилъ Шекспира на французскомъ языкѣ.

Замѣчательная книга. Переводъ Гюго—знаете, того самаго Гюго, который написалъ „L'homme qui rit“ и „Les travailleurs de la mer“. Замѣчательная вещь! Я вчера цѣлый вечеръ читалъ.

— Ну, а ваши занятія по медицинѣ?

— Завтра начинаю. Приходите, пожалуйста, завтра.

Я отказался.

— Вы не можете представить себѣ, какъ мнѣ надоѣлъ этотъ первый экзаменъ,—сознался Алейкюмъ.—Вѣдь, вотъ, я читаю, и съ удовольствіемъ читаю, философскія книги; вотъ Дарвина читаю, Поля Жанэ, еще... какъ его?.. Ah! sapristi!.. mais ce gros gaillard qui était député?

Я сказалъ, что такихъ много.

— Ну, все равно. Такъ, вотъ, его читалъ. И анатоміей съ удовольствіемъ занимаюсь: вы сами видѣли, какъ я цѣлый семестръ работалъ... А первый экзаменъ мнѣ надоѣлъ...

Онъ грустно покачалъ головой.

— Тѣмъ не менѣе,—прибавилъ онъ съ рѣшимостью,—я завтра же начинаю къ нему готовиться...

Бѣдный Алейкюмъ! Экзаменъ отравлялъ ему всю жизнь; онъ не позволялъ пользоваться тѣми удовольствіями, къ которымъ влекла его натура; онъ возставалъ препятствіемъ при разговорахъ съ знакомыми; онъ всегда и вездѣ напоминалъ о себѣ: въ кафѣ, въ ресторанѣ, на улицѣ, даже въ театрѣ. Алейкюмъ не любилъ разгульной жизни; онъ почти никогда не напивался пьянъ, не кричалъ, не шумѣлъ, не заводилъ громкихъ споровъ въ кафѣ или ресторанахъ. Но онъ любилъ наблюдать эту бьющую ключомъ, шумную и суетливую парижскую жизнь. Онъ приходилъ въ кафѣ, спрашивалъ стаканъ кофе и въ теченіе долгихъ часовъ оставался въ позѣ безмолвнаго созерцанія. Вокругъ него играли, шумѣли и спорили постоянные посѣтители кафѣ; мимо него бѣгали гарсоны, гремѣла посуда, входили и уходили новые посѣтители, а онъ все сидѣлъ, смотрѣлъ и слушалъ. Широкая улыбка озаряла его лицо; выраженіе глубокаго спокойствія и безмятежной радости, сознаніе комфорта и полного удовлетворенія сказывались во всей фигурѣ. Онъ былъ счастливъ, онъ ничего болѣе не желалъ, ни о чемъ не думалъ... Но вдругъ, гдѣ-нибудь сбоку, неожиданно и рѣзко раздавался веселый голосъ: „А, здравствуйте, Алейкюмъ. Ну, какъ вашъ экзаменъ?“... Очарованіе исчезало, улыбка сходила съ лица; беспокойное выраженіе смѣняло прежнюю тихую радость; Алейкюмъ съ небесъ спускался на землю. „Я завтра начинаю готовиться; буду скоро держать,—бормоталъ онъ;—скоро,—непремѣнно скоро буду держать. А вотъ я купилъ недавно Шопенгауэра въ

изложеніи Бюхнера, переведено на французскій... Пойдите, я забылъ, кѣмъ переведено... Замѣчательная книга! Хотите, я вамъ дамъ прочитать?".. Знакомый отходилъ, но Алейкумъ уже не могъ, какъ прежде, безмятежно предаваться созерцанію: гармонія его души была нарушена, очарованіе исчезало, миръ отлеталъ. Онъ торопливо бросалъ гарсону десять су и выходилъ на улицу. Здѣсь вновь парижская атмосфера охватывала его. Неуклюже переваливаясь, неслись, полные пассажирами, огромные omnibuses, стучали чудовищные камьоны, трубили tramsways, хлопали бичи кучеровъ, сновала по троттуару разношерстная толпа, кричали разносчики газетъ, кричали продавцы дѣтскихъ игрушекъ, кричали ораторы всевозможныхъ „ликвидаций“. Все сливалось въ одинъ общій гулъ, гдѣ трудно было разобрать отдѣльные звуки,—и этотъ гулъ вновь уносилъ мысли Алейкума далеко отъ медицинской школы. Онъ забывалъ о горестяхъ своей жизни; онъ чувствовалъ себя вновь въ этомъ дивномъ Парижѣ, гдѣ такъ хорошо ходить, но еще лучше—сидѣть и наблюдать. Онъ выбиралъ укромное мѣстечко снаружи кафе, спрашивалъ рюмеку сигаро, и прежній благодатный покой вновь осѣнял его душу. Онъ не требовалъ газетъ, не разговаривалъ съ сосѣдями; онъ только созерцалъ и созерцалъ. Проходилъ omnibusъ, — онъ смотрѣлъ, сколько остается незанятыхъ мѣстъ, какъ мотаетъ головой правая лошадь, какъ искусно править одной рѣкой кучеръ; пробѣгала швея изъ магазина, — онъ смотрѣлъ, какъ быстро она перебираетъ ногами, какъ улыбается ея набѣленное лицо, какъ вертится въ разныя стороны турнюръ; кричалъ разносчикъ газетъ, — онъ слушалъ, какъ ясно отчеканивается онъ заученную фразу: — *Voilà La France*, *journal du soir, vient de paraître; voilà „La France“!* — Онъ чувствовалъ себя частью независимой, созерцающей частью этого огромнаго, шумнаго Парижа, онъ оживалъ среди криковъ, гула и движенія... „А, здравствуйте, Алейкумъ! Ну, какъ вашъ экзаменъ?“ Проклятіе! Новый знакомый подкрадывался незамѣтно, и роковая фраза вновь спугивала тихое очарованіе. Передъ Алейкумомъ вновь возставали стѣны медицинской школы, суровыя лица профессоровъ, процедура экзамена, а главное, долгія недѣли труда, чтенія, подготовки... Онъ слѣшилъ уйти; но улица уже не навѣвала прежняго настроенія: онъ вездѣ видѣлъ улыбающееся лицо, слышалъ веселый голосъ и роковыя слова: „А, здравствуйте, Алейкумъ! Ну, какъ вашъ экзаменъ?“ „Здравствуйте, Алейкумъ!“ кричалъ разносчикъ газетъ. „Какъ вашъ экзаменъ?“ спрашивала проходившая модистка. „Экзаменъ, экзаменъ!“ выводили колеса экипажей и бичи кучеровъ. Онъ шелъ въ театръ, но на галѣ-

реѣ, въ партерѣ, въ ложахъ онъ видѣлъ знакомыя лица, онъ слышалъ тотъ же вопросъ, чувствовалъ то же безысходное положеніе, онъ торопился бѣжать. Измученный и убитый, приходилъ онъ домой и укладывалъ на полку только-что купленную книгу. Видъ тихой комнаты, полной книгъ, гостепріимный трескъ пылающаго камина, мягкій диванъ—нѣсколько разсѣивали его мрачныя думы. Голову начинало клонить на подушку, тѣло охватывала пріятная истома,—онъ вытягивалъ ноги и начиналъ засыпать. Но разсыпавшіеся въ каминѣ уголья заставляли его раскрывать глаза. Желтоватый отблескъ огня падать на полку и освѣщать огромный учебникъ ботаники Балльона. „Экзаменъ!“ кричалъ этотъ учебникъ. „Экзаменъ!“ подхватывала на комодѣ „Физика“ Гарьеля. „Экзаменъ! экзаменъ!“ вопили со стола „Химія“ Гримо и „Зоологія“ Ланнесана... На слѣдующій день Алейкомъ увѣзжалъ въ Венсенскій Лѣсъ для поправленія разстроеннаго здоровья...

Бѣдный Алейкомъ! Сколько огорченій я ему нанесъ, совершенно не помышляя объ этомъ! Сколько разъ говорилъ я ровковую фразу: „здравствуйте! какъ вашъ экзаменъ?“ Сколько разъ заставлялъ его покидать кафѣ или ресторанъ! сколько разъ отправлялъ ему удовольствія улицы! Помню, какъ, возвратившись въ ноябрѣ послѣ лѣтнихъ каникулъ, я встрѣтилъ его въ ресторанѣ Дювала. Онъ расцвѣлъ, потолстѣлъ и, повидимому, забылъ, что я принадлежу къ числу его враговъ. Онъ разсказалъ мнѣ, какъ ѣздилъ лѣтомъ въ Каиръ, какой длинный крюкъ принужденъ былъ сдѣлать, чтобы избѣжать карантиновъ, какъ северно въ Лондонѣ, какъ онъ любитъ Парижъ, и т. д. и т. д. Это былъ совсѣмъ другой человѣкъ; онъ не искалъ тѣмы для разговора и удобнаго случая улизнуть; онъ, повидимому, искренно былъ радъ поговорить и посидѣть вмѣстѣ. Но я испортилъ все: я заговорилъ объ экзаменахъ, и прежній Алейкомъ выросъ предо мною.

— Я еще не держалъ экзамена, — началъ онъ. — Нельзя было... я былъ разстроенъ; но въ нынѣшнемъ году я непременно буду готовиться... А, вотъ, вы читали сочиненія Фейербаха? Я хочу учиться нѣмецкому языку, и купилъ себѣ... постойте, какъ это называется? Забылъ. Но это все равно. Замѣчательный философъ! Этотъ ужъ не спиритуалистъ. Хотите, я вамъ дамъ прочитать?

— По моему, прежде, чѣмъ покупать Фейербаха, вамъ надо бы выдержать экзаменъ. А то, подумайте, Алейкомъ: вѣдь вы уже пятый годъ на первомъ курсѣ!

Я не знаю, какъ эти слова сорвались съ моего языка, но эффектъ ихъ вышелъ необычайный. Алейкомъ весь какъ-то съе-

жился, прищурилъ глаза, торопливо застегнулъ сюртукъ и забор-мotalъ:

— Да, да, непременно... во всякомъ случаѣ... конечно... дѣйствительно... Экзаменъ... пятый годъ. Я болѣе читать не буду. Я завтра же начинаю заниматься. Дѣйствительно, пятый годъ!

Онъ сокрушенно покачалъ головой и робко посмотрѣлъ на меня.

— Какъ думаете: не полезно ли будетъ записаться на прак-тическія работы? — началъ онъ.

— Запишитесь.

— Непремѣнно запишусь. Только, вотъ, на что лучше запи-саться: на физику или на химію?

— Запишитесь лучше всего на ботанику: это будетъ по-лезнѣе.

— Такъ я лучше запишусь на всѣ три. А на анатомію — какъ вы думаете — записываться или нѣтъ?

— Пока лучше оставьте. Когда выдержите первый экзаменъ, тогда и запишетесь.

— Хорошо, хорошо! Я такъ и сдѣлаю.

Мы вышли изъ ресторана вмѣстѣ. Алейкумъ передъ уходомъ долго смотрѣлъ на толстую кассиршу.

— Не даромъ Эпикуръ проповѣдывалъ свое ученіе, — началъ онъ, когда мы были на улицѣ. — Человѣкъ — эгоистъ. Вотъ, для чего я смотрѣлъ на кассиршу? Цѣлей у меня никакихъ нѣтъ. Просто изъ эгоизма. Вотъ я недавно купилъ одну замѣчательную книгу...

Онъ вдругъ оскѣся, вспомнивъ, какъ неуважительно я ото-звался объ его библіофильской тенденціи.

— Какъ думаете: можно ли сейчасъ же записаться на прак-тическія работы? Я побѣгу въ школу.

— Теперь уже поздно.

— Ну, такъ завтра. Завтра непременно запишусь, а послѣ-завтра начну работать. Au plaisir.

Онъ поспѣшно скрылся въ первый попавшійся переулочекъ. Съ этихъ поръ наши добрыя отношенія кончились: я сдѣлался для него чѣмъ-то въ родѣ тьютора, которому онъ считалъ необхо-димымъ давать отчетъ въ своихъ занятіяхъ въ томъ случаѣ, когда нельзя было улизнуть.

— Мнѣ не удалось записаться на практическія работы тогда, когда хотѣлъ, — началъ онъ съ перваго же слова, когда мы съ нимъ встрѣтились черезъ мѣсяцъ. — Нашли какія-то препятствія. Надо будетъ идти къ секретарю: онъ все это устроитъ. Мнѣ

непремѣнно надо заниматься, а эти проклятыя формальности мѣшаютъ. Ну, да завтра все устрою, а послѣ-завтра начну работать...

— Сейчасъ иду за разрѣшеніемъ къ декану, — говорилъ онъ черезъ два мѣсяца. — Секретарь сказалъ, что это зависитъ не отъ него, а отъ декана. Удивительная процедура! Вотъ изъ-за нихъ ничего не дѣлаю. А еслибы вы знали, какъ мнѣ хочется работать! Сейчасъ иду къ декану и попрошу все устроить завтра.

— Сегодня деканъ не принимаетъ.

— Какъ не принимаетъ?

— Нѣтъ! Приемный день суббота, а сегодня четвергъ.

— Ну, такъ я пойду въ субботу, — обрадовался Алейкумъ, но сейчасъ же спохватился и принялъ грустное выраженіе. — Цѣлыхъ два дня! Sapristi! Какъ надоѣло ждать! Ахъ, эти формальности!..

Послѣ этого мы долго не видѣлись. Уже въ іюнѣ, незадолго до начала экзаменовъ, я встрѣтилъ его въ Люксамбургскомъ саду. Онъ гулялъ своей обычной ковыляющей походкой, помахивая тросточкой, куря сигару и наслаждаясь видомъ бьющихъ фонтановъ. Преступникъ, скрывающійся отъ полиціи, не обнаруживаетъ такихъ признаковъ безпокойства при видѣ жандарма, какіе обнаруживаетъ онъ, завидѣвъ меня. Первымъ его движеніемъ было спрятаться за дерево, но такъ какъ мое намѣреніе подойти къ нему было слишкомъ ясно, то маневръ не удался.

— Ah! — восторженно закричалъ онъ, какъ будто видъ моей особы доставлялъ ему необычайное удовольствіе. — Ah! comment ça va-t-il? Sapristi! какъ давно мы не видались! Вы больше не ходите къ Дювалю? Нѣтъ? А, какой сегодня день! Какъ хорошо теперь въ саду! Вы давно гуляете? Я только-что вышелъ пройтись.

Онъ лебезилъ и торопился говорить, но я сурово смотрѣлъ на него; я чувствовалъ, что онъ виноватъ.

— Алейкумъ! — сказалъ я строгимъ голосомъ: — Алейкумъ! почему вы до сихъ поръ не начинали работать?

— Я записался... Я уже мѣсяцъ, какъ записался на практическія работы, но не могъ работать, потому что болѣла нога... Я завтра же начну. Непремѣнно! Честное слово!

— Но до экзамена вамъ остается лишь три недѣли. Десятидневныя практическія работы ни вамъ не принесутъ пользы, ни поднимутъ васъ во мнѣніи экзаменаторовъ.

— Ахъ, это правда! Да, теперь уже поздно начинать. Я лучше усиленно займусь теоріей и выйду на экзаменъ хорошо подготовленнымъ...

Черезъ нѣсколько дней онъ дѣйствительно записался на экзамень. Онъ уже не избѣгалъ знакомыхъ, не боялся разговоровъ о предстоящемъ испытаніи; онъ храбрился и всѣхъ увѣрялъ въ своемъ полномъ спокойствіи. „Приходите послушать, какъ я буду отвѣчать“, — говорилъ онъ мнѣ: — „я сегодня получилъ письмо отъ секретаря; экзамень назначенъ въ понедѣльникъ“.

Но присутствовать на этомъ зрѣлищѣ мнѣ не удалось. Въ день и часъ его экзамена я долженъ былъ быть въ Медонѣ. Я проходилъ по узенькой улицѣ близлежащей деревушки, разговаривая съ знакомымъ, какъ вдругъ видъ человѣка, сидѣвшаго снаружи портерной, привлекъ мое вниманіе. Это былъ Алейкюмъ. Передъ нимъ стоялъ бокалъ пива и кусочекъ сыра; на головѣ его красовалась невиданныхъ размѣровъ соломенная шляпа, изъ-подъ которой можно было съ трудомъ различить широкую блаженную улыбку и полный спокойствія взоръ, обращенный къ вучерамъ, пировавшимъ за сосѣднимъ столикомъ.

— Алейкюмъ! — крикнулъ я. — Вѣдь вы сегодня экзаменуетесь!

Но Алейкюмъ уже не слышалъ конца фразы: при первыхъ звукахъ моего голоса онъ надвинулъ шляпу и бросился бѣгомъ по пустынной улицѣ... Несчастный бѣжалъ отъ экзамена въ Медонскій лѣсъ...

VI.

ГРЕКИ.

Греки были первые иностранцы, которыхъ мнѣ пришлось увидѣть въ Парижѣ. Маленькая комната, которую я занималъ на Avenue des Gobelins, отдѣлялась узкимъ корридормъ отъ комнаты, занятыхъ ими.

Ихъ было двое. Оба были высокаго роста, плотные, широкоплечіе и крупные; оба были доктора; оба говорили рѣдко и мало по-гречески, еще рѣже и меньше по-французски; оба были сумрачны и суровы. Но Теодоропуло былъ женатъ, а Каріокинезисъ холостъ. Теодоропуло былъ блондинъ съ широкимъ бѣлымъ лицомъ, опушеннымъ жиденькимъ пушкомъ свѣтлыхъ волосъ; Каріокинезисъ черенъ, какъ негръ, съ густой щетиной блестящихъ волосъ, съ рѣзкими чертами и густыми, нависшими бровями. Въ голубыхъ глазахъ Теодоропуло проглядывало всегда безпокойное ожиданіе какой-нибудь обиды или оскорбленія. Черные, какъ смоль, глаза Каріокинезиса смотрѣли исподлобья со злобой и нескрываемымъ желаніемъ дать сдачи. Когда вы разговаривали

съ Теодоропуло, онъ инстинктивно откидывался назадъ, какъ бы для того, чтобы предохранить свои мягкія щеки отъ удара. Если вы обращались къ Каріокинезису, то онъ становился бокомъ, смотрѣлъ искоса, и въ его глазахъ вы могли прочесть: „тронь только — увидишь!“ Теодоропуло походило на собаку, поджимающую хвостъ при малѣйшемъ движеніи прохожаго; Каріокинезисъ былъ похожъ на затравленнаго волка, готоваго дорого продать свою шкуру: такъ же щетинились его волосы; такъ же алчно и злобно сверкали глаза; такъ же инстинктивно сокращались мускулы. Теодоропуло молчалъ и подчинялся; Каріокинезисъ молчалъ и повелѣвалъ.

Оба уже давно жили на одной квартирѣ. Madame Теодоропуло — маленькая, нервная, припадочная женщина — большую часть времени проводила, лежа на кушеткѣ. Она молча смотрѣла на своего неразговорчиваго супруга, молча указывала ему головой на стаканъ сахарной воды, стоявшій на каминѣ, молча принимала этотъ стаканъ и также молча откидывалась на кресло. Только во время нервныхъ припадковъ съ ея устъ срывались какія-то непонятныя слова, руки судорожно охватывали шею нагнувшагося надъ ней Каріокинезиса, а ноги отпихивали стоявшаго въ недоумѣніи Теодоропуло. Во время этихъ припадковъ Каріокинезисъ держалъ себя, какъ слѣдуетъ мужчинѣ. Онъ подходилъ къ больной, бралъ ее пульсъ, а когда она повисала на его шеѣ, отпихивалъ ее и, махнувъ рукой, говорилъ: „пройдетъ!“ Теодоропуло же совершенно терялся. Опустивши руки, онъ молча смотрѣлъ на объята жены и пріятеля, и только тогда, когда Каріокинезисъ говорилъ: „пройдетъ!“ — съ облегченнымъ вздохомъ удалялся въ уголъ и спокойно смотрѣлъ оттуда, какъ корчится и бьется въ конвульсіяхъ его жена.

Послѣ припадковъ madame Теодоропуло чувствовала себя обыкновенно лучше. Въ этихъ случаяхъ ее можно было увидѣть на улицѣ вмѣстѣ съ мужемъ и его пріятелемъ: Каріокинезисъ и Теодоропуло шли подъ-руку, а madame Теодоропуло слѣдовала за ними. Всѣ трое молчали. Такъ они проходили бульваръ Port-Royal, спускались по Avenue de l'Observatoire и доходили до Люксембургскаго сада. Здѣсь Каріокинезисъ и Теодоропуло садились на скамейку, madame Теодоропуло присаживалась къ нимъ. Такъ они сидѣли часъ, полтора, иногда два часа, всѣ молчаливые, серьезные и задумчивые. Куда тогда неслись ихъ мысли: къ берегамъ ли Эллады, во времени ли Ликурга и Солона, или просто къ торговлѣ губками на Красной площади? — неизвѣстно. Теодоропуло молча смотрѣлъ въ землю; Каріокинезисъ глядѣлъ передъ

собой и курилъ; madame Теодоропуло слѣдила за синенькимъ дымкомъ, шедшимъ отъ его сигары. Въ извѣстный моментъ Каріокинезистъ бросалъ сигару, и тогда вся компанія поднималась. Теодоропуло просовывалъ руку въ калачикъ, образованный рукой пріятеля, madame Теодоропуло занимала свое мѣсто сзади, и всѣ шли домой такъ же тихо, молчаливо и мрачно, какъ пришли.

Я долго задавался вопросомъ: какія обстоятельства наложили на нихъ печать вѣчнаго безпокойства, вѣчнаго ожиданія бѣды и готовности ихъ встрѣтить? Волновалъ ли ихъ философскій вопросъ: „а завтра гдѣ ты, человѣкъ?“ Мучило ли ихъ безпричинное безпокойство, свойственное людямъ чрезмѣрно нервнымъ и склоннымъ къ меланхоліи? Или, наконецъ, въ ихъ прошедшемъ таилось какое-нибудь печальное событіе, что-нибудь въ родѣ „скелета въ домѣ“ или общаго преступленія? Я не зналъ, и потому видъ этого тріо производилъ на меня непріятное и жалкое впечатлѣніе. Корридоръ, отдѣлявшій насъ, былъ невеликъ, но ни разу не приходилось мнѣ слышать оживленнаго разговора, ни разу чей-нибудь голосъ не поднимался выше тихаго шопота, и только изрѣдка слышались рыданія бывшей въ припадкѣ madame Теодоропуло. Что-то тяжелое и давящее висѣло надъ всей семьей, и я все болѣе и болѣе склонялся къ убѣжденію, что здѣсь скрыта какая-нибудь мрачная тайна. Воображеніе рисовало мнѣ людей, соединенныхъ преступленіемъ, дрожащихъ и боящихся открытія тайны, видящихъ въ каждомъ человѣкѣ врага, сыщика, судью.

И однако ничего подобнаго не было. Ни Каріокинезистъ, ни Теодоропуло, ни его нервная супруга, не сдѣлали никакого злодѣянія, которое наказывалось бы уголовными законами; ихъ души въ этомъ отношеніи были такъ же чисты, какъ душа вновь назначеннаго кассира. Ни грабежей, ни убійствъ, ни похищенія дѣвицъ, ни несвоевременныхъ жертвоприношеній, ничего изъ того, что возбуждало гнѣвъ боговъ противъ ихъ отдаленныхъ предковъ, они не совершали. И если, подобно Одиссею, они должны были странствовать по чужимъ землямъ, то въ этомъ надо было скорѣе видѣть милость, чѣмъ гнѣвъ боговъ. Вообще родство моей троицы съ Ахиллесомъ или Агамемнономъ подвержено большому сомнѣнію: открытаго, разрушительнаго, смѣлаго въ нихъ не было ничего. Оффенбаховскій Калхасъ былъ ближе имъ; они сохранили его духъ, его манеры, его принципы; наконецъ, Калхасъ не дѣлалъ ничего въ юридическомъ смыслѣ преступнаго, и однако его всегда въ чемъ-то подозрѣвали; ему приписывали самыя низкія побужденія; его преслѣдовали. Вслѣдствіе этого онъ самъ при-

обрѣлъ манеры готового быть уличеннымъ вора и передалъ ихъ во всей неприкосновенности своимъ потомкамъ, Каріокинезису и Теодоропуло.

Я не знаю, справедливо ли распространенное въ Парижѣ убѣжденіе, что грекъ непременно—воръ и плутъ. Сказать кому-нибудь „grec“—значить, оскорбить его не меньше, чѣмъ названіемъ вора; дуэль или, въ болѣе счастливомъ случаѣ, потасовка могутъ быть результатомъ такого неудачнаго способа выраженія. Un grec сдѣлалось нарицательнымъ именемъ для обозначенія шулера. Очень можетъ быть, что il y a du vrai là-dedans. Но, что касается моей троицы, я могу увѣрить, что ни одинъ изъ нихъ не бралъ карты въ руки. Ни въ карты, ни въ кости, ни въ домино, ни во что, гдѣ казую-нибудь роль игралъ случай, они не играли. И однако ужимки готового быть уличеннымъ вора были имъ такъ же присущи, какъ неопытному шулеру. Подозрительность и беспокойство были въ ихъ движеніяхъ; страхъ и надежда вывернуться свѣтились въ глазахъ...

Madame Теодоропуло я потерялъ изъ виду, какъ только перѣхалъ на другую квартиру. Но Каріокинезиса и Теодоропуло мнѣ приходилось встрѣчать въ госпиталѣ, лабораторіяхъ, диссекціонныхъ павильонахъ, и я нѣсколько понялъ причину ихъ безпокойнаго вида. Въ первый разъ мнѣ случилось ихъ видѣть у кровати больного въ то время, какъ профессоръ объяснялъ многочисленнымъ слушателямъ симптомы болѣзни и результаты выслушивания. Каріокинезисъ стоялъ у кровати и приложилъ свое ухо къ груди больного, какъ только профессоръ окончилъ свое изслѣдованіе. Около него стояли десятки студентовъ въ ожиданіи очереди. Каріокинезисъ слушалъ, закрывши глаза и только изрѣдка вскидывая ими по направленію къ стоявшему сзади Теодоропуло. Постѣдній тихо проталкивался впередъ и мало-по-малу приближался къ кровати. Каріокинезисъ все слушалъ и слушалъ. Нетерпѣніе окружающихъ росло; ближайшіе ждали возможности занять его мѣсто; но, разъ завладѣвши кроватью, онъ не отдавалъ ея. Онъ присосался, какъ пиявка, къ груди больного и слушалъ, слушалъ, слушалъ, не мѣняя положенія и не двигаясь. Вдругъ онъ откинулся назадъ, и въ тотъ же мигъ на груди больного оказалась голова Теодоропуло. Какъ и когда онъ успѣлъ пробраться и опередить стоявшихъ передъ нимъ студентовъ—осталось неизвѣстнымъ. Такъ продолжалось и съ другими больными. Каріокинезисъ пробивался первымъ, слѣдомъ за нимъ шелъ Теодоропуло, а остальнымъ предоставлялась свобода смотрѣть и слушать постѣ ихъ подробнаго изслѣдованія. Со всѣхъ сторонъ слы-

шались протесты, но греки продолжали дѣлать свое дѣло. Они дѣйствовали локтями, неосторожнымъ наступали на ноги, пролѣзали между сплотившимися рядами студентовъ тамъ, гдѣ, повидимому, не могла бы проползти мышь; а въ томъ случаѣ, если сопротивление было сильно, выбирали удобный моментъ и ныряли подъ-руку, чтобы вынырнуть какъ разъ у постели больного.

И такъ поступали они вездѣ: въ больницахъ, лабораторіяхъ, диссекціонныхъ павильонахъ, музеяхъ, лекціяхъ, всюду и всегда. Вездѣ, гдѣ была малѣйшая возможность, не стѣсняясь деликатностью, пробиться впередъ, Каріокинезисъ и Теодоропуло шли и ползли,—и добивались своего. На лекціяхъ они занимали первую лавку, а если мѣста не было—садились между вами и вашимъ сосѣдомъ, для того, чтобы, въ концѣ концовъ, вытѣснить обоихъ. Въ диссекціонныхъ павильонахъ они вполне завладѣвали препаратами, показываемыми прозекторомъ. Всюду и вездѣ они учиняли какую-нибудь гадость. Если они встрѣчали васъ на улицѣ, будьте увѣрены, что и въ тѣ 5 минутъ, которыя вы посвящали на разговоръ съ ними, вы успѣвали остаться въ убыткѣ; съ ихъ зонтовъ капало на васъ; а если они были безъ зонтовъ, то подбирались подъ вашъ, любезно оставляя вамъ края, съ которыхъ шли цѣлые потоки. Если вы сидѣли въ Люксамбургскомъ саду на скамейкѣ и они подсаживались къ вамъ, то дымъ отъ ихъ сигаръ шелъ на васъ въ то время, какъ ваша папироска дымила въ другую сторону. Въ театрѣ они ходили по вашимъ ногамъ; въ омнибусѣ они занимали полтора мѣста на каждого, оставивъ вамъ маленькій уголокъ, на которомъ можно было сидѣть лишь бокомъ; въ кафѣ они изъ-подъ носа у васъ выхватывали газету; въ библіотекѣ... но перечислить всѣхъ ихъ дѣяній нѣтъ возможности.

О, конечно, они не совершали грабежей. Конечно, лучшему сыщику Парижа не удалось бы отыскать въ ихъ жизни какой-нибудь проступокъ, за который можно бы было засадить въ тюрьму. И Теодоропуло, и Каріокинезисъ, были вполне легальные, незапятнанные и неинтересные для полиціи люди. Но каждый день, каждый часъ, каждую минуту они совершали сотни маленькихъ ненаказуемыхъ преступленій противъ правилъ общежитія, противъ деликатности, противъ всего того, что принято въ болѣе или менѣе приличномъ обществѣ. И эти маленькія преступленія были по своему количеству такъ велики, что вся ихъ нравственная, умственная и физическая фізіономія должна была носить на себѣ отпечатокъ сознанія этихъ преступленій. Не то, чтобы они понимали всю гадость ежедневно ими совершаемаго,—въ этомъ отно-

шенія они были неуязвимы,—но они знали, что за нарушеніемъ правилъ общежитія обыкновенно слѣдуетъ возмездіе. И ожиданіе этого возмездія накладывало на нихъ печать вѣчнаго безпокойства, вѣчной готовности встрѣтить бѣду, вѣчной боязни и трепета. Madame Теодоропуло не участвовала въ ихъ маленькихъ преступленіяхъ. Но привычка постоянно видѣть около себя безпокойныя лица, тревожные взоры, боязливый шопотъ, сдѣлала и ее въ высшей степени нервной, трепещущей, вздрагивавшей отъ малѣйшаго шороха и видѣвшей въ каждомъ новомъ человѣкѣ карающаго судью. Она жалась и сторонилась отъ прохожихъ на улицѣ; она прерывающимся голосомъ спрашивала въ лавкѣ на два су макаронъ; широко отертыми глазами смотрѣла она предъ собой дома и ждала, что, вотъ-вотъ, изъ этого темнаго угла появится грозная тѣнь и могильнымъ голосомъ потребуетъ ихъ къ отвѣту...

Неисправимое стремленіе Каріокинезиса и Теодоропуло всегда нарушать интересы товарищей неминуемо должно было приводить ихъ къ столкновеніямъ съ студентами другихъ національностей. Когда, окончивъ изслѣдованіе больного, они отходили отъ кровати, имъ посылались въ догонку нелестные эпитеты, брань, иногда даже угрозы. Но Каріокинезисъ и Теодоропуло старались ихъ не слышать. Они быстро оставляли залу и уходили, сопровождаемые общимъ негодованіемъ. Иногда отъ объясненія нельзя было уйти. Тогда затравленный волкъ во всей силѣ вырисовывался въ Каріокинезисѣ. Ожесточенная злоба противъ этой надвигающейся на него толпы, боязнь за свою шкуру и тоскливое желаніе удрать боролись на его лицѣ. Ощетинившіеся волосы, плотно сжатые кулаки и едва вздрагивающая верхняя губа, открывавшая по временамъ рядъ бѣлыхъ, крѣпко стиснутыхъ зубовъ, обличали высшую степень волненія. Онъ ничего не отвѣчалъ на оскорбленія; онъ, казалось, выбиралъ жертву, чтобы схватить ее своими крѣпкими зубами за горло и, проложивши путь, убѣжать. Одинъ разъ его спасло отъ серьезнаго оскорбленія только несовершенное знаніе французскаго языка. Притиснутый къ стѣнѣ, осыпанный оскорбленіями, криками: „грес, грес!“, красный отъ бѣшенства, онъ вдругъ нагнулся къ ближайшему французу и голосомъ, полнымъ ярости, закричалъ: „tous les grecs sont des héros!“ Громкій смѣхъ всей толпы былъ отвѣтомъ на эту выходку; вслѣдствіе неумѣстнаго *liaison*, Каріокинезисъ назвалъ своихъ соотечественниковъ: „zéro“. „Пропустите zéro! дайте пройти zéro! m-g zéro, вы можете идти!“—кричали отовсюду. Каріокинезисъ поспѣшилъ уйти, бормоча про себя какое-то греческое ругательство... Теодоропуло

въ этихъ случаяхъ прятался за спину своего дюжаго пріятеля. Если же онъ былъ одинъ, то держалъ себя еще съ меньшимъ достоинствомъ. Однажды на лекціи онъ помѣстился на первой скамьѣ между двумя французами. Мѣсто, въ сущности, было недостаточно и для ребенка, а для плотной фигуры супруга м-ше Теодоропуло тѣмъ менѣе. Сосѣди протестовали; но Теодоропуло сидѣлъ съжившись, опутивъ голову и всей фигурой представляя олицетворенный страхъ. „Monsieur!“—говорилъ сосѣдъ съ правой стороны: „это въ высшей степени нахально“. „Monsieur!“—говорилъ лѣвый сосѣдъ: „вы мнѣ сдавили бока своимъ локтемъ“. Теодоропуло ѣжился еще больше, начиналъ трепетать, но мѣста не оставлялъ. „Monsieur! я васъ прошу уйти!“—вновь начиналъ правый сосѣдъ. „Monsieur! вы меня принудите оставить мое мѣсто!“—слышалось съ лѣвой стороны. „Mais donc“... вдругъ вырывалось у Теодоропуло. Должно быть, въ этомъ восклицаніи было что-нибудь смѣлое, до такой степени смѣлое, что оно въ конецъ пугало самого Теодоропуло, и, согнувшись окончательно, онъ съ замираніемъ сердца ждалъ возмездія... Есть такіа маленькія собачки, которыхъ все существо проникнуто страхомъ и боязнью. Стащить эта собачонка гдѣ-нибудь кость, забьется въ уголъ и съ трепетомъ слѣдитъ за всѣми вашими движеніями. Вы подошли—она дрожитъ; вы протянули руку—ея дрожь усиливается; вы взяли кость—она вдругъ оскаливаетъ бѣлые зубы, но затѣмъ, испугавшись собственной смѣлости, окончательно поджимаетъ хвостъ и визжитъ, визжитъ, визжитъ, какъ будто бы вы ее распиливали на-двое...

Грековъ вообще не любятъ въ Парижѣ. Повторяю, я не знаю, насколько справедливо распространенное о нихъ мнѣніе, какъ о шулерахъ. Очень можетъ быть, что мои Каріокинезисъ и Теодоропуло дадутъ совершенно достаточный матеріалъ для судебного слѣдователя, но пока въ чисто-студенческой сферѣ они его не представляютъ. Я знаю только ихъ студенческую жизнь,—всеже остальное: ихъ помыслы, убѣжденія, стремленія, симпатіи и антипатіи для меня покрыты мракомъ неизвѣстности. Знаю я еще, что нигдѣ и никогда они не упустятъ своей выгоды. О женевацахъ сложилась поговорка: „если женевецъ бросается изъ окна пятаго этажа,—смѣло слѣдуй за нимъ; навѣрное есть выгода“. То же можно сказать о моихъ грекахъ, съ небольшою прибавкою: „если только не намнутъ бока“...

Недавно я ихъ встрѣтилъ всѣхъ трехъ на желѣзно-дорожномъ вокзалѣ. Каріокинезисъ окончилъ медицинскія занятія въ Парижѣ и отплывалъ къ берегамъ Эллады. Новый цилиндръ кра-

совался на его головѣ, копѣчная сигара торчала во рту, въ рукахъ была дорожная сумка; побѣдитель оставлялъ покоренную страну. Но и въ эту минуту, въ моментъ побѣды и упоенія, его лицо не потеряло безпокойнаго выраженія. „Скорѣе бы улизнуть!“ — говорила вся его фигура. Боялся ли онъ, что у него отнимутъ дипломъ, думалъ ли онъ, что покоренные народы возстанутъ и отомстятъ за массу мелкихъ обидъ, нанесенныхъ имъ, оставлялъ ли онъ за собой заложенные мины, — кто знаетъ? Чета Теодоропуло провожала его. Бѣдная madame Теодоропуло! она совсѣмъ согнулась подъ тяжестью вѣреннаго ей чемоданчика, въ то время, какъ ее мужъ поддерживалъ пріятеля подъ руку.

Они подошли къ *salle d'attente*. По нелѣпому парижскому обычаю, выходя на платформу безъ билета воспрещается, но нѣсколько су, данныхъ сторожу, отворяютъ двери. Каріокинезисъ показавъ свой билетъ, объяснилъ, что *m-g* и *m-me* его провожаютъ и засунувъ руку въ карманъ съ многообѣщающимъ жетономъ. Сторожъ понялъ, пропустилъ обоихъ Теодоропуло и ждалъ награды. Тогда Каріокинезисъ вынулъ руку и, ничего не давши сторожу, молча прошелъ на платформу.

Побѣздъ отошелъ. Чета Теодоропуло вышла изъ *salle d'attente*. Обманутый сторожъ ихъ обругалъ. Глаза madame были красны; на лицѣ *monsieur* можно было прочесть: „чтожъ? бейте! я теперь остался одинъ“...

VII.

РУМЫНЫ.

На углу С.-Мишельскаго бульвара и *rue des Écoles* находится такъ-называемый *café Vachette*. Это одинъ изъ наиболѣе посѣщаемыхъ и любимыхъ кафе Латинскаго квартала. Тутъ вы можете встрѣтить почти всѣ національности: французовъ, арабовъ, русскихъ, и т. д. Идетъ игра въ карты, въ кости, въ триктракъ; за однимъ столомъ разсуждаютъ о достоинствѣ профессоръ, какъ экзаменаторовъ; за другимъ — разсказываютъ вчерашнія похождения; за третьимъ — проектируютъ *parties de plaisir* на цѣлую недѣлю. Одни кричатъ, другіе шепчутся, третьи напѣваютъ. Въ кафе стоитъ несмолкаемый гулъ съ 11-ти часовъ утра до полуночи. Здѣсь почти во всякое время дня вы можете встрѣтить и румынъ.

Вотъ двое изъ нихъ сидятъ за разными столиками; они пьютъ кофе послѣ завтрака и на всю комнату перекидываются другъ

съ другомъ французскими фразами. Синій узенькій пиджакъ, бѣлая жилетка, сѣрые обтянутыя брюки, красный галстухъ, заостренныя штилеты съ guêtres'ами цѣта café au lait и перламутровыми пуговицами—таково одѣяніе одного изъ нихъ. Полосатая визитка, обтягивающая талию, такая же жилетка, свѣтлосѣрые штаны, неизмѣнныя guêtres, бѣлый пластронъ съ огромной булавкой, изображающей мертвую голову, новенькій цилиндръ—таковъ костюмъ второго. Они знакомы со всѣми французскими дѣлами, лучше французскихъ студентовъ знаютъ имена (и не только имена) всѣхъ кокотовъ Латинскаго квартала, бывають на бѣгахъ, интересуются vie sportive, имѣють понятіе о томъ, что въ Парижѣ есть палата депутатовъ и сенатъ, бывали во всѣхъ театрахъ и очень часто посѣщаютъ кафѣ-шантаны. На лекціи ходять иногда для того, чтобы увидѣться другъ съ другомъ, хотя для этой цѣли обыкновенно предпочитаютъ café или brasserie. Въ карты играютъ roug s'amuser, читають „Gil Blas“ и „Charivari“ и съ особеннымъ шикомъ произносятъ излюбленную французскими студентами фразу: „je ne m'occupe point de politique“. Ихъ разговоръ ведется отрывочными фразами.

— Mais c'est épatant!—слышится визгливый голосъ одного изъ нихъ.—Sais-tu que ta vieille carcasse de Suzanne vienne m'embêter tous les jours?

— Fiche moi la paix avec cette vieille garde!—отвѣчаетъ басомъ второй.

Оба хохочутъ. Въ комнату врывается струя холоднаго воздуха; въ дверяхъ показываются фигуры двухъ новыхъ румынъ.

— Mais c'est épatant!—кричитъ одинъ изъ нихъ, прерывая свою рѣчь приказаніями гарсону.—C'est épatant... Un mazagran, s'il vous plait... Figurez-vous que... Ou mieux une chartreuse... Figurez-vous... Non! non! pas de chartreuse: un curaçao sec... Figurez vous que...

Новый пришелецъ, наконецъ, рассказываетъ исторію, происходившую вчера ночью между нимъ, его пріятелемъ и нѣсколькими женщинами квартала.

— C'est épatant!—замѣчаетъ одинъ изъ слушателей.

— Mais c'est épatant!—соглашается другой.

— Assurément, c'est épatant!—подтверждаетъ третій.

— C'est épatant!—воскликаетъ самъ рассказчикъ...

Épatant—слово, наиболѣе употребительное въ Латинскомъ кварталѣ. Постоянно имѣть его на языкѣ—значить, быть французомъ; водиться съ женщинами квартала—значить, быть французомъ; вести „откровенную“ жизнь—значить, быть французомъ;

говорить громко въ кафѣ о самыхъ интимныхъ подробностяхъ жизни—значить, быть французомъ; кричать: „je ne m'occupe pas de politique“—значить, быть французомъ. Таково мнѣніе этого квартета. Съ настойчивостью и усердіемъ всѣ четверо продѣлываютъ эту программу и потому считаютъ себя французами.

Таковъ ихъ идеаль; они его достигли, и счастливы. Быть похожимъ на француза, считать себя въ числѣ хозяевъ этого огромнаго, ликующаго, веселаго и завлекательнаго Парижа, знать всѣ остроумныя, игривыя и откровенно-милыя слова, съ которыми можно адресоваться къ бульварнымъ женщинамъ; жить той вольной, безпечной, счастливой жизнью, которая выпадаетъ на долю немногихъ баловней судьбы,—что можетъ быть лучше, что можетъ въ такой степени удовлетворить чувству тщеславія, гордости и стремленію насладиться благами цивилизаціи?! Главная вещь,—для этого не требуется никакой предварительной подготовки. Нѣсколько сотъ франковъ въ мѣсяцъ и безпредѣльная готовность осуществить указанную программу жизни,—вотъ все, что нужно. Готовность есть всегда: она не знаетъ границъ, для нея нѣтъ препятствій. Деньги? Это вопросъ болѣе сложный, но и онъ можетъ быть разрѣшенъ. Румынъ, принадлежащій къ ихъ компаніи, является въ Парижъ, по большей части, съ деньгами; онъ привозитъ съ собой три, четыре, иногда больше, тысячъ франковъ. На первое обзаведеніе достаточно; о дальнѣйшемъ позаботится судьба. Онъ обмундировывается у одного изъ лучшихъ портныхъ, онъ ходитъ въ кафѣ, онъ заводитъ знакомство съ женщинами. У него много денегъ; его любятъ всѣ: кокетки, портные, гарсоны и... болѣе, впрочемъ, нѣтъ никого: вся его жизнь проходитъ между этими тремя представителями различныхъ отраслей національнаго труда. Проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ; гарсоны, портные, кокетки привязываются къ нему все сильнѣй и сильнѣй. Недостатокъ денегъ не уничтожаетъ ихъ любви; ему вѣрятъ въ долгъ, ему предлагаютъ даже займы. Онъ завелъ уже крупныя связи; онъ постоянно ждетъ денегъ съ родины; онъ общается заплатами. Ему даютъ займы, сначала потому, что вѣрятъ въ близкую присылку денегъ, потомъ—потому, что питаютъ надежду на ихъ отдаленное полученіе, затѣмъ, наконецъ, потому что должникъ дѣлается дорогъ, и отказъ въ кредитъ можетъ повести къ разлукѣ, очень прискорбной для кредиторовъ...

Вотъ его времяпрепровожденіе. Французы, по большей части, встаютъ рано. Онъ тоже старается подняться съ постели, по возможности, раньше. Ему дѣлать нечего; первые два утренніе часа—самое несчастное время его жизни. Онъ сбѣгалъ въ бу-

лочную за *croissant*'омъ и ждетъ десяти часовъ. Вотъ, наконецъ, они: можно идти въ кафѣ выпить *apéritif* передъ завтракомъ. Возбуждающимъ аппетитъ средствомъ является абсентъ съ водой или вермутъ. Онъ геройски пьетъ то или другое, съ непривычки морщась отъ тошнотворной мутной бурды. Въ одиннадцать съ четвертью онъ поднимается съ мѣста и идетъ въ ресторанъ завтракать. Послѣ завтрака—*rendez-vous* съ пріятелями въ кафѣ за рюмкой ликёра или стаганомъ кофе. Нѣсколько партій на биллиардѣ, пиветъ, игра въ кости дозволяютъ просидѣть въ кафѣ до пяти часовъ. Пріятель расходится и самостоятельно гуляетъ по С.-Мишельскому бульвару въ ожиданіи шести часовъ. Тогда каждый идетъ въ новый кафѣ для выпивки *apéritif*'а, затѣмъ въ ресторанъ для обѣда. Послѣ обѣда наступаетъ очередь *brasseries*, кафѣ-штановъ и дѣвицъ...

Увы! Несмотря на столь счастливо-намѣченную программу жизни, несмотря на неуклонное и стойкое проведеніе ея, румынъ непохожъ на французскаго студента. Непохожъ онъ ничѣмъ: ни акцентомъ, ни туго обтянутымъ скортучкомъ, ни щегольскими *guêtres*'ами, ни краснымъ галстукомъ, ни безпечнымъ „*je m'en fiche*“, ни трогательнымъ „*c'est épatant*“. Непохожъ онъ даже на тѣхъ франтиковъ, которыхъ здѣсь называютъ *gommeux*. Непохожъ онъ уже по одному тому, что у него ничего нѣтъ своего. Французъ, какъ бы мало оригиналенъ онъ ни былъ, какими бы избитыми фразами онъ ни сыпалъ, всегда говорить и дѣйствуетъ отъ себя. Когда онъ говоритъ: „*je ne m'occupe pas de politique*“; когда онъ повторяетъ слова Гамбетты: „*patriote avant tout, je ne mets rien au dessus de ce titre*“, когда, по примѣру отцовъ, онъ кричитъ противъ образованія женщинъ,—онъ остается самимъ собою, онъ не подражаетъ никому. Родительскіе совѣты, родительская мораль, вопли въ его плоть и кровь, и, повторяя чужія слова и избитыя мысли, онъ говоритъ то, что думаетъ самъ. Румынъ говоритъ то, что думаетъ французъ.

Вотъ, напримѣръ, вопросъ о политикѣ. Французскихъ студентовъ часто упрекаютъ въ политическомъ индифферентизмѣ. Эти упреки приходится имъ выслушивать и со стороны известной части прессы, и въ разговорахъ, и на всевозможныхъ общественныхъ *réunions*. Но, строго соблюдая традиціи Латинскаго квартала, они не обращаютъ вниманія на упреки и продолжаютъ думать, что студенту прилично заниматься весельемъ и лекціями, а все остальное приложится послѣ. Правильно или неправильно они разсуждаютъ, есть ли логическая связь между словами: „*patriote*

avant tout“ и политическимъ индифферентизмомъ, — это другой вопросъ; но ихъ презрительное „à bas la politique!“ имѣтъ raison d'être, имѣтъ основаніе и смыслъ. Но для чего и зачѣмъ, всегда и вездѣ, на лекціяхъ и въ кафѣ, въ знакомомъ и незнакомомъ обществѣ, мужчинамъ и женщинамъ, румынъ кричить: „je ne m'occupe pas de politique“? Никто никогда не думалъ его обвинять въ пристрастіи къ политикѣ; сидитъ только посмотрѣтъ на его довольную и блаженную фizioномію, стоитъ только разъ услышать его безмятежное: „c'est épatant!“, чтобы понять, насколько чужды ему и политическіе, и какіе угодно „вопросы“. Онъ выкрикиваетъ эту фразу просто потому, что находится въ Латинскомъ кварталѣ, потому, что, по его мнѣнію, благодаря ей, онъ становится больше похожъ на француза. И это постоянное заявленіе о ненависти къ политикѣ выходитъ такъ же глупо, смѣшно и нелѣпо, какъ бессмысленно и излишне было бы заявленіе Колупаева: „Венера Милосская меня не интересуетъ“. Румынъ также, какъ и большинство французовъ, не имѣтъ „вопросовъ“. Но у француза все взвѣшено и опредѣлено, все рассчитано заранее, и отсутствіе сомнѣній и колебаній объясняется проторенностью пути и очевидностью цѣли. У румына нѣтъ ничего подобнаго. Единственный идеалъ, единственная цѣль, которую онъ имѣтъ, — это быть похожимъ на француза. Къ этой цѣли его приближаетъ каждая новая рюмка сигасао, каждое заученное на бульварѣ слово, каждая новая кокетка, съ которой онъ познакомился. Таково, по крайней мѣрѣ, его мнѣніе, и сообразно съ нимъ онъ дѣйствуетъ.

Рѣшится ли онъ въ самыхъ мелкихъ вещахъ мыслить иначе, нежели французъ? Онъ вообще не рѣшается мыслить; тѣмъ болѣе не рѣшится онъ „смытъ свое сужденіе имѣтъ“. Но, какъ большинство адептовъ, онъ утрируетъ и доводитъ до смѣшного воззрѣнія своихъ учителей. Если французъ одѣвается чисто, хорошо и изящно, то румынъ одѣнется такъ, какъ одѣваютъ вывѣсочныхъ куколъ въ магазинахъ готового платья, т.-е. франтовски, картинно и пестро. Если французъ разъ или два въ день зайдетъ въ кафѣ, то румынъ будетъ проводить тамъ цѣлые дни и ночи. Если французъ скажетъ разъ въ пріятельской компаніи: „je m'en fiche“, то румынъ надобѣтъ этой фразой и знакомымъ, и незнакомымъ, и кокеткамъ, и приличнымъ женщинамъ. Если французъ назоветъ женское медицинское образованіе „школой разврата“, то румынъ съ пѣной у рта будетъ рассказывать, какую развратную жизнь ведутъ женщины-студентки. Онъ не постѣсняется ничѣмъ: онъ укажетъ на лица, подробно опишетъ мѣсто, въ слу-

чай надобности, выставить самого себя героемъ. Женскій вопросъ его *bête noire*. Противъ студентовъ онъ готовъ кричать всегда, но, если при этомъ есть французы, онъ кричитъ съ удвоенной силой. Онъ надѣется такимъ путемъ возвыситься въ мнѣніи послѣднихъ...

Спѣшу оговориться. Очень можетъ быть, и даже навѣрное, среди румынъ, населяющихъ Парижъ, многіе и очень многіе не подходятъ къ описанному типу. Очень возможно даже, что большинство представляетъ высоко-благородныя, симпатичныя и чловѣчныя черты характера. Но я и не выставляю своихъ героевъ, какъ типичныхъ представителей румынской національности. Я рассказываю лишь то, что видѣлъ. Я знаю, что существуетъ немалая кучка румынъ, которые обладаютъ приписанными мной имъ качествами; навѣрное, существуютъ и другіе, но мнѣ ихъ не приходилось наблюдать...

Мнѣ пришлось встрѣтить недавно двухъ изъ описанныхъ посѣтителей *café Vachette* на лекціи. Меня нисколько не удивляла тема ихъ разговора—они говорили о женскомъ образованіи—но, къ величайшему моему удивленію, одинъ изъ нихъ оказался сторонникомъ этого образованія.

— Нѣтъ, *mon ami*!—кричалъ онъ своему товарищу: нѣтъ! Ты ихъ не знаешь. Я былъ твоего мнѣнія, пока не узналъ на себѣ, какъ много значитъ образованіе для женщины.

Онъ забатилъ глаза и восторженно подернулъ узенькими плечами.

— Да ты самъ женщина, что-ли?—прервалъ рядомъ сидѣвшій французъ.—Какъ ты могъ узнать на себѣ, что значитъ образованіе для женщины?

— Узнавши ихъ, *mon ami*, узнавши этихъ женщинъ...

— Гдѣ же ты ихъ узналъ?

— Кхе!—румынъ лукаво подмигнулъ глазомъ и крякнулъ.— Ты знаешь *Céléstine*?—продолжалъ онъ, смотря прищуренными глазами на француза.

— Знаю. Ну?

— Вотъ уже недѣля, какъ я съ ней живу.

Céléstine была толстая, высокая, тридцати-пятилѣтняя матрона. По профессіи *sage-femme*, она съ молодости почувствовала призваніе къ другой дѣятельности. На ея глазахъ начали и кончили курсъ уже три поколѣнія студентовъ. Въ каждомъ поколѣніи она имѣла по десятку любовниковъ и, переходя отъ одного медицинскаго студента къ другому, усовершенствовала тѣ меди-

цинскія познанія, которыя прибрѣла въ школѣ повивальныхъ бабокъ.

— Поздравляю съ наслѣдствомъ! — насмѣшливо сказалъ французъ.

— Не смѣйся, mon ami! c'est une femme supérieure.

— Да? Ну, тѣмъ лучше для тебя. Все же я не понимаю, какихъ образованныхъ женщинъ ты узналъ.

— Какъ? А Célestine?

— Такъ это ты про нее! Ха, ха, ха!

Французъ покотился со смѣху. Другой румынъ ему вторилъ. Счастливый любовникъ Célestine былъ задѣтъ за живое.

— Вы оба не знаете, къ чему способна образованная женщина, какъ она умѣетъ разнообразить удовольствія.

— Да, если онѣ такъ будутъ образовываться, я ничего противъ этого не имѣю.

И французъ опять пустился хохотать. Пріятель m-lle Célestine надулся. — Imbécile! — прошепталъ онъ.

Черезъ четверть часа пріятели ушли мириться въ кафѣ...

VIII.

Русскіе.

О нихъ когда-нибудь въ другой разъ...

И. Б—въ.

КОНСТАНТИНЪ ДМИТРИЕВИЧЪ КАВЕЛИНЪ

МАТЕРИАЛЫ ДЛѢ БІОГРАФІИ, ИЗЪ СЕМЕЙНОЙ ПЕРЕПИСКИ И ВОСПОМИНАНІЙ.

VII ¹⁾.

ПЕРВОЕ ВРЕМЯ МОЕГО ЗНАКОМСТВА СЪ К. Д. КАВЕЛИНЫМЪ.

(1865-й годъ.)

Весною 1864 года я кончилъ курсъ въ казанскомъ университетѣ. Кавелину въ это время было не до меня: онъ былъ занятъ срочными учено-литературными работами въ Боннѣ и озабоченъ устройствомъ своихъ собственныхъ дѣлъ. Только вернувшись въ Петербургъ и устроивъ свои дѣла, онъ привѣтствовалъ мое вступленіе на самостоятельный путь въ жизни. 22-го марта 1865 г. онъ писалъ мнѣ:

„Любезный другъ Дмитрій! Наконецъ, вотъ и ты — народившійся самостоятельный гражданинъ удивительной страны, называемой Россіей, — гражданинъ шестой части свѣта и шестой доли земного шара, непохожей ни на одну изъ нихъ, — какого-то сфинкса, котораго никто не понимаетъ, а мы, кажется, всего меньше. Съ большой радостью и съ большимъ раздумьемъ смотрю я на каждаго юношу, выступающаго въ жизнь у насъ, и этого

¹⁾ См. выше: октябрь, 731 стр.

чувства не может побѣдить грустное сознаніе, что вы—тайные и явные враги наши, гордо, беззаботно или легкомысленно идущіе намъ на смѣну въ великой борьбѣ, которая называется жизнью.

„Ты отлично дѣлаешь, что, кончивъ курсъ отлично, со всѣми оцѣнами, —какъ говорилъ одинъ чудакъ, — веселишься до упаду. Книжную пыль надо стряхнуть и пожить, — пожить сердцемъ, наблюденіемъ, дать распрямиться на просторѣ нравственной природы, спеленанной строгими и потому отчасти сухими пеленками науки. Черезъ жизнь и опытъ она глубже войдетъ въ плоть и кровь, обратится во вторую природу и перестанетъ быть въ твоихъ глазахъ отвлеченной схемой, которая существуетъ Богъ вѣсть для чего въ головѣ, наполняя ее разными ненужностями. Отдохнувши и познакомившись съ дѣйствительной жизнью, ты лучше оцѣнишь науку, и она оживетъ тогда вполне въ твоей молодой душѣ.

„Что ты намѣренъ дѣлать? Полагаю, что чинъ генерала, штатскаго или военнаго, не составляетъ для тебя идеала жизни. Этотъ идеалъ сильно полинялъ. Нашъ практическій вѣкъ ищетъ денегъ, власти, вліянія, дѣятельности, *et ne se paue pas de mots*... Ты, конечно, не хотѣлъ бы быть митрополитомъ, потому что тебѣ хочется силы, власти, вліянія, которыхъ у митрополитовъ, со временъ Петра Великаго, нѣтъ. Что-жъ ты намѣренъ дѣлать? Я вижу теперь только двѣ дороги для нарождающихся силъ: это школа, въ обширномъ смыслѣ, университетъ, гимназія, до приходскаго училища включительно; или служба въ земскихъ учрежденіяхъ, со включеніемъ мирового суда. Земскія и мировыя учрежденія—вотъ карьера для дѣятельности плодотворной и для честолюбія или властолюбія, если хочешь, потому что канцеляріямъ теперь время „тлѣть“, земскимъ и мировымъ учрежденіямъ—„цвѣсти“. Первые трехлѣтія имъ, несчастнымъ, придется купаться по горло въ тинѣ и вонючей грязи російской дѣйствительности, —которая, впрочемъ, пахнетъ ничуть не хуже канцелярской, а потому все это начнетъ понемногу обмываться, соскребываться и очищаться, тогда какъ канцеляріи совсѣмъ не имѣютъ этого въ перспективѣ. Видимо, недалеко время, когда изъ земскихъ и мировыхъ учреждений начнутъ у насъ браться люди для государственнаго управленія, которое теперь пополняется одними генералами, штатскими и военными. Это логическій ходъ вещей, такой же логическій, какъ освобожденіе крестьянъ и введеніе земскихъ и мировыхъ учреждений. И потому, если школа тебѣ улыбается—иди въ школу; не чувствуешь себя къ ней способнымъ—старайся, въ томъ или другомъ видѣ, занять мѣсто въ земскихъ или мировыхъ учрежденіяхъ, на что даетъ тебѣ право состояніе

твоего отца. Не смотри на то, что они сначала будутъ нека-
зисты. Вашему поколѣнію надо ихъ взростить и выхолить, какъ
нашему поколѣнію выпало на долю сломить и похоронить крѣ-
постное право. Твоя мать за тебя честолюбива, и это понятно.
Твое дѣло — объяснить ей, въ чемъ наше время измѣнило пред-
метъ, формы честолюбія, и гдѣ ему надо теперь искать пищи.
Ей еще могутъ мерещиться Петербургъ, министерства, etc. etc.
Ты долженъ убѣдить ее, что теперь все это — мишура, полиня-
лая позолота, кулисы, а не дѣйствительность. Дѣйствительность
же готовится у васъ въ провинціи, въ новыхъ учрежденіяхъ
земства и суда. Это, разумѣется, нисколько не мѣшаетъ тебѣ
поболтать въ Петербургѣ и за границей, если хочешь — въ перво-
престольной д..., выжившей изъ ума и сдѣлавшейся центромъ
всевозможной неофициальной ветоши и отсталости, подѣ-стать
Василію Блаженному и Кремлю, какъ Петербургъ есть центръ
всякой официальной отсталости и ветоши. Живыя, свѣжія силы
плаваютъ пока, какъ незамѣтные атомы, посреди этой гнили,
отечественной и иноземной. Насъ въ Петербургѣ заѣдаетъ кан-
целярія, Москву — воспоминанія о боярствѣ, прикрытыя дыравой
хламидой англійскаго парламентаризма, дни котораго тоже изо-
чтены суть. Прокладываются новые пути, и они въ провинціи не
такъ завалены хламомъ, какъ Петербургъ и Москва, гдѣ перегни-
ваетъ толстый слой прошедшихъ эпохъ нашей исторической жизни.
Для Россіи, видимо, начинается совсѣмъ иная жизнь. Мы попали
въ самый переломъ и стали калѣками; вамъ надо начинать жить
по другому, не имѣя передъ собой того, съ чѣмъ намъ пришлось
бороться, проведя лучшіе годы жизни то въ затумленной духотѣ,
то въ сумасшедшемъ домѣ.

„Но довольно объ этомъ. Увидимся нынче лѣтомъ, если буду
живъ, и тогда обо всемъ переговоримъ вдосыть... Я очень за-
нятъ. Мое письмо докажетъ тебѣ, съ какимъ искреннимъ, сердеч-
нымъ участіемъ я получилъ вѣсть о твоихъ университетскихъ
успѣхахъ и твое милое письмо, хотя, по правдѣ сказать, ты и
трактуешь меня въ немъ почти какъ маститаго старца. Меня
очень, очень глубоко интересуешь, какъ пойдетъ твоя жизнь, что
изъ тебя выработается и какое дѣло придется тебѣ больше по
душѣ. Буду слѣдить за тобой съ участіемъ человѣка, который
лично тобой интересуется и который больше всего на свѣтѣ лю-
битъ Россію, видитъ впереди великія ея судьбы, предчувствуетъ
ихъ и, жалѣя, что не можетъ быть ихъ свидѣтелемъ, мечтаетъ
за новыя русскія поколѣнія. Вы должны быть умнѣе, лучше,
сильнѣе и счастливѣе насъ; а если не будете, — то это ваша

собственная вина. Ваши обстоятельства, ваша обстановка не въ примѣръ лучше нашей.

„Обнимаю тебя! Будь здоровъ, веселись, пока не надоѣстъ, и не морщись безъ нужды лба. Передъ тобой много времени и много жизни. Твой отъ души К. Кавелинъ“.

4-го мая 1865 г., Кавелинъ написалъ моему отцу большое, въ высшей степени интересное письмо, и развилъ въ немъ свои излюбленныя мысли о задачахъ дворянства послѣ освобожденія крестьянъ. Къ сожалѣнію, въ бумагахъ Кавелина не сохранилось того письма моего отца къ нему, въ отвѣтъ на которое послѣдовало письмо Константина Дмитриевича; но изъ этого послѣдняго можно видѣть точку зрѣнія моего отца на положеніе дѣлъ въ Россіи въ шестидесятыхъ годахъ. Для выясненія близкихъ отношеній къ нему Кавелина и лучшаго уразумѣнія послѣдующей ихъ откровенной переписки, считаю необходимымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о моемъ отцѣ, — человѣкѣ, котораго всѣ признавали весьма достойнымъ по своему характеру и по разумному пониманію жизни.

Отецъ мой, Александръ Львовичъ Корсаковъ, принадлежалъ къ поколѣнію гораздо старѣйшему, чѣмъ поколѣніе Кавелина, и по натурѣ, образованію и житейскому поприщу былъ совершенно иной, такъ сказать, общественной формаціи. Родился онъ въ 1794 году, обучался въ пажескомъ корпусѣ и служилъ въ военной службѣ (въ артиллеріи) съ 1812 по 1839 годъ. Не получивъ солиднаго школьнаго образованія, онъ взамѣнъ того прошелъ тяжелую житейскую школу: военная служба въ его время — въ мрачную пору Аракчеевщины и въ царствованіе императора Николая Павловича — была нелегка; но отецъ мой не очерствѣлъ, не огрубѣлъ душой и не сгустился умственно въ этой атмосферѣ. Военная служба оставила на немъ одни лишь хорошіе результаты. Суровая дисциплина приучила его къ строгому исполненію долга, обязанностей, какъ по отношенію къ другимъ, такъ, въ особенности, по отношенію къ самому себѣ, и къ стойкости, даже къ упорству въ трудѣ. До конца жизни сохранилъ отецъ мой чистую, благородную душу, открытую ко всему хорошему и честному, и постоянное стремленіе къ серьезному знанію и къ самообразованію. Произведенный въ тридцатыхъ годахъ въ генералъ-майоры, онъ вскорѣ послѣ того вышелъ въ отставку по очень важнымъ побужденіямъ... Въ 1842 г., онъ женился и поселился съ семьей въ своей казанской деревнѣ, селѣ Арыш-

хаздѣ, посвятивъ себя всецѣло сельскому хозяйству. Много труда и денегъ стоило ему его имѣніе, но онъ привелъ его изъ разстроеннаго въ цвѣтущее состояніе: арышхаздинскіе крестьяне до сихъ поръ считаются въ околотеѣ самыми зажиточными и съ великою признательностью вспоминаютъ отца. Съ крестьянами онъ былъ требователенъ, строгъ, но всегда справедливъ, и въ хозяйствѣ не преслѣдовалъ лишь свои выгоды, а заботился и о благосостояніи крестьянъ. Онъ былъ убѣжденнымъ сторонникомъ ихъ освобожденія, хотя и не раздѣлялъ воззрѣній на это дѣло Кавелина и редакціонныхъ комиссій, и много потрудился для него, будучи членомъ и вице-президентомъ казанскаго дворянскаго комитета объ улучшеніи крестьянскаго быта. Съ Кавелинымъ у отца моего были двѣ общія черты—искренность и честное отношеніе къ дѣлу. Расходась въ воззрѣніяхъ, они сознавали нравственную связь между собою, которая служила основаніемъ для ихъ тѣсной дружбы. Отецъ мой скончался 7-го іюня 1873 г., а 30-го іюня того же года Кавелинъ писалъ мнѣ: „О покойномъ твоёмъ отцѣ я всегда думалъ какъ объ отличномъ, честномъ, серьёзномъ, достойномъ человѣкѣ. Разница въ нѣкоторыхъ взглядахъ никогда не мѣшала мнѣ питать къ нему глубокое уваженіе и самыя искреннія чувства. Ты тысячу разъ правъ: честное имя, неутомимый трудъ и характеръ—лучше этого наслѣдства не можемъ мы оставить нашимъ нисходящимъ“.

Вотъ что писалъ Кавелинъ моему отцу 4-го мая 1865 года:

4 (16) мая 1865 г. С.-Петербургъ, Васильевскій Островъ, 13-я линія, д. Лихонной.

„Любезнѣйшій и глубокоуважаемый другъ Александръ Львовичъ! Ваше письмо было для меня очень, очень пріятнымъ и радостнымъ яичкомъ къ Христову празднику, тѣмъ болѣе, что я его никакъ не ожидалъ. Вы ко мнѣ писали рѣдко и мало, къ тому же въ послѣднее время были тяжело больны, о чемъ я искренно сожалѣлъ.

„Прежде чѣмъ стану отвѣчать вамъ на ваше длинное и весьма, весьма интересное письмо, позвольте устранить нѣкоторыя недоразумѣнія. Вы полагаете, что я васъ считаю крѣпостникомъ и плантаторомъ? Еслибъ я такъ думалъ, мнѣ было бы очень удобно пройти этотъ пунктъ благоразумнымъ молчаніемъ. Но именно потому, что я такъ не думаю, я считаю своею обязанностью протестовать. Въ моихъ глазахъ крѣпостникъ и плантаторъ—не тотъ, кто защищалъ или защищаетъ начало крѣпостного права и его послѣдствія честнымъ и открытымъ образомъ, поступаая при этомъ

благородно и честно; такихъ людей я имѣю достаточно въ числѣ своихъ друзей и, не раздѣляя ихъ образа мыслей, отъ сердца подаю имъ руку и дорожу ихъ пріязнью. Крѣпостникъ и плантаторъ для меня—тотъ, кто подлымъ и тайнымъ образомъ, вопреки божескимъ и человѣческимъ законамъ, пользовался или пользуется до сихъ поръ крѣпостнымъ правомъ, чтобъ обирать, притѣснять и угнетать своихъ людей и мужиковъ, нерѣдко одѣвая эти свои дѣйствія въ самыя блестящія и пышныя фразы парламентаризма, конституціи, гражданскихъ правъ, началъ политической экономіи, etc. etc. Вотъ этихъ я ненавижу и презираю, наравнѣ съ тѣми, которые, проповѣдуя одинъ со мною образъ мыслей, пользуются имъ какъ личиною для достиженія весьма житейскихъ цѣлей,—креста, чина, аренды, мѣста, etc. etc. Вашъ личный характеръ я всегда уважалъ и теперь уважаю, можетъ быть, еще болѣе, съ тѣхъ поръ, что вы достойнымъ и вполне просвѣщеннымъ образомъ отнеслись къ практическому приложенію освобожденія крестьянъ. Съ гордостью скажу вамъ, что хоть я и принадлежу къ образу мыслей, котораго вы не раздѣляете, но въ моей жизни вы тоже не найдете ничего такого, что бы набрасывало тѣнь на мое личное достоинство. Я думаю, слѣдовательно, что мы вполне достойные другъ друга представители разныхъ взглядовъ, и потому можемъ разсуждать и спорить между собою, не предполагая другъ въ другѣ заднихъ мыслей, отравляющихъ всякую серьезную бесѣду о весьма серьезныхъ предметахъ. Это положеніе очень желанное и, къ сожалѣнію, очень рѣдкое у насъ на Руси, гдѣ невѣжды, краснобаевъ, мазуриковъ и дураковъ гораздо больше, чѣмъ честныхъ, умныхъ и понимающихъ людей.

„А потомъ, положи руку на сердце, скажу вамъ: мнѣ кажется пора бы бросить и забыть взаимныя попреки, съ одной стороны, въ „крѣпостничество“ и „плантаторствѣ“, съ другой—въ „безпутномъ либерализмѣ“ и „безмозгомъ прогрессѣ“. Крѣпостного права нѣтъ больше, и вызванное имъ раздраженіе и страсти должны быть забыты, въ виду очень серьезныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ мы теперь находимся, и которыя, что ни день, становятся серьезнѣе, запутаннѣе и сложнѣе. Съ обѣихъ сторонъ есть серьезные и честные люди; это—почва, около которой и на которой должны сходиться всѣ мыслящіе, безпристрастные люди, искренно желающіе добра отечеству. Изъ брани и грубыхъ взаимныхъ обвиненій вопросы должны подняться выше, на степень различныхъ точекъ зрѣнія, съ которыхъ представляется все, о чемъ бы мы ни стали разсуждать. Во всякомъ образѣ мыслей, если изъ него устранить страсти, ненависти, пошлости, своеко-

рыстные виды и недоразумѣнія—особенно недоразумѣнія!—найдется доля правды, которая пойдетъ въ прокъ и дѣло. Давно пора объясниться, и я съ радостью хватаюсь за случай, который вы мнѣ даете вашимъ милымъ письмомъ. Чтобъ доказать вамъ полное мое безпристрастіе и добросовѣстность, скажу вамъ, что съ вашего письма я снялъ копію, исключивъ только вещи личные, до меня касавшіяся, и передалъ кому слѣдуетъ, по адресу. Могу васъ завѣрить честию въ одномъ: оно найдетъ такого же безпристрастнаго, честнаго, добросовѣстнаго и мыслящаго читателя, какъ мы съ вами.

„Картина, которую вы рисуете, мрачна, но, къ сожалѣнію, вѣрна. Ваши сѣтованія—общія, и доходятъ до насъ, съ небольшими варіаціями, отовсюду. Очевидно, есть зло—и глубокое, съ которымъ нужно бороться. Относительно торговли виномъ, сколько я знаю, проектируются правила, основная мысль которыхъ сходна съ вашей, только не знаю, будетъ ли она проведена такъ рѣшительно, какъ бы вы желали. Вы скажете: опять сдѣлки, опять рліе, опять ни то, ни сѣ, а какая-то половинчатость, изъ которой ничего не выходитъ! Но взгляните совершенно безпристрастно, и вы невольно призадумаетесь! Не стану защищать передъ вами нашу бюрократію. Это была бы задача неблагодарная и вдобавокъ не совсѣмъ честная. Но нельзя также не сказать, что ей—я разумѣю лучшихъ людей—приходится бороться съ такими неодолимыми трудностями, что надо удивляться, какъ у нея не опускаются руки! Вы говорите:—казна, пожертвуй 15—20 милліоновъ! Легко сказать! А у насъ ежегодно дефицитъ въ бюджетѣ. Вы говорите: 20% государственнаго дохода тратится непроизводительно! Это правда; но вѣдь бюрократія, сорящая деньги направо и налево, вѣдь это мы же сами, а не какіе-нибудь пришлые завоеватели, которые подчинили насъ своему игу. Привычка къ мотовству, къ безпутнѣйшему, непроизводительнѣйшему транжиренію трудовыми и потовыми грошами народа, вѣдь это легкомысліе, невѣжество, слабоуміе и своекорыстіе мы несемъ въ бюрократію изъ нашихъ домашнихъ и общественныхъ нравовъ. Какимъ чудомъ—скажите—бюрократія наша была бы лучше насъ, образцовой по экономіи, порядочности, просвѣщенію, самоотверженію, патріотизму, когда мы сами, во всѣхъ слояхъ, и невѣжды, и грубые, и глупые, и моты, и воры, и думаемъ только о сегодняшнемъ днѣ, да и то глупо и безъ разсчета? Исключенія, во всѣхъ классахъ, блещутъ какъ рѣдкія точки, заволачеченныя густымъ слоемъ всякой грязи и пошлости. Вы говорите: затѣмъ частые наборы? Я васъ, въ свою очередь, спрошу: а затѣмъ мы составили государство съ необо-

зримымъ пространствомъ, съ громадными пустырями, съ наименее выгодѣйшими границами для защиты? Зачѣмъ всѣ государства держатъ огромныя войска? Я видѣлъ письмо изъ Парижа, въ которомъ передается отзывъ государственныхъ людей Франціи. Не будь,—говорятъ они,—такого быстрого развитія военныхъ силъ Россіи во время послѣдняго польскаго возстанія, Франція непремѣнно начала бы войну. Положимъ, что такой миръ хуже всякой войны; да вѣдь не рискнешь же, вслѣдствіе такого разсужденія, на войну; и приходится содержать дорогой миръ, упрятывать массу всякихъ силъ—и денежныхъ, и людскихъ—въ войско... а затѣмъ выбирать изъ страны огромныя подати, не мытьемъ, такъ катаньемъ, чтобъ оплатить бюджетъ. Попробовали разоружиться, и что-жъ вышло? Чуть не съѣли собаки!

„Вы знакомы хорошо съ механикой, и знаете, что всякая сила, по своей природѣ, когда не встрѣчаетъ препятствія и сопротивленія, развивается безгранично. То же явленіе повторяется во всемъ—въ развитіи страстей, въ развитіи живыхъ организмовъ, точно также въ общественномъ и политическомъ развитіи. У насъ образовалась, вслѣдствіе множества внутреннихъ причинъ, централизованная бюрократія, которая властвуетъ безгранично и не встрѣчаетъ ни малѣйшаго сопротивленія. Нравами она не лучше, но и не хуже всего русскаго общества, не умнѣй и не глупѣй его. Корень ея сидитъ въ насъ такъ глубоко, что до конца его и не докопашься. Изъ насъ самихъ выросло это многовѣтвистое дерево. Стало быть, какой-нибудь живой, насущной, неотразимой потребности народа этотъ продуктъ отвѣчаетъ. Рядомъ съ этимъ, властвуя безгранично, централизованная бюрократія приноситъ много существеннаго вреда, какъ всякая сила, какъ все на свѣтѣ. Я не знаю блага въ мірѣ, которое бы не имѣло своей оборотной стороны медали; не знаю и зла въ мірѣ, которое бы не приносило свою относительную, иногда значительную пользу.

„Вы спросите меня: къ чему ведутъ эти общія разсужденія и какую они могутъ имѣть практическую пользу? А вотъ какую: у насъ всѣ и все протестуютъ противъ бюрократіи; прогрессисты протестовали, дворяне протестовали, и всѣмъ рты были зажаты. Литература тоже протестовала, и ей былъ наложенъ намордникъ молчанія. Что-жъ это показываетъ? То, что бюрократія есть страшная, громадная сила, сильнѣй всего остального, и что съ этой силой надо считаться. Это не „мечта“, какъ называлъ Чичиковъ умершаго—не помню—портного или сапожника Собакевича, а живая дѣйствительность, которая практически существуетъ и даетъ себя чувствовать. Это сила, а съ силой надобно считаться такой

же, равной ей силой. Какъ только явится и образуется въ Россіи что-нибудь, что будетъ лучше отвѣчать тѣмъ же потребностямъ русскаго общества, которымъ теперь, дурно или хорошо, отвѣчаетъ наша бюрократія, послѣдняя начнетъ необходимо съжиматься и приведется естественнымъ образомъ въ свои настоящія границы; станетъ русское общество поправственнѣе и попросвѣщеннѣе, и бюрократія станетъ просвѣщеннѣе и нравственнѣе; будетъ въ русскомъ обществѣ больше чувства и сознанія законности и правъ, и бюрократія перестанетъ быть такой произвольной и незаконной; водворятся въ русскомъ обществѣ получше нравы и привычки, — они не замедлятъ перейти и въ бюрократію; все это потому, что бюрократія есть собственно отвлеченное понятіе, а лица, изъ которыхъ она составляется, все тѣ же мы сами.

„Вы видите, куда я подбираюсь. Въ Европѣ бюрократіи не дали разыгратъ сначала церковь, съ самостоятельнымъ устройствомъ, аристократія, городскія общества и вообще среднее сословіе. Каждый изъ этихъ общественныхъ элементовъ, отстаивая свои права или приобрьтая ихъ, вырабатывалъ понятія и привычки права и законности, которыми и общество, и бюрократія пропитались насквозь, сверху до низу. Это поражаетъ нашего брата за-границей. Даже въ теперешнія времена, когда политическій и общественный бытъ европейскихъ народовъ сильно потрясенъ и колеблется въ самыхъ основаніяхъ, и теперь вы чувствуете во всемъ и всюду, какъ сильны привычки права и законности, когда имъ иногда и недостаетъ яснаго сознанія.

Посмотрите же у насъ. Самостоятельной церкви нѣтъ; аристократіи, городского сословія и не бывало! Огромная, несмѣтная масса мужиковъ, не знающихъ грамоты, не имѣющихъ даже зачатковъ религіознаго и нравственнаго наставленія, да 150 т. дворянскихъ семействъ — землевладѣльцевъ, изъ которыхъ почти все взрослое мужское поколѣніе находится въ рядахъ бюрократіи. Извольте тутъ найти образовательныхъ элементовъ въ борьбѣ сословій, въ противодѣйствіи слоевъ общества всепоглощающей силѣ централизованной бюрократіи! Простите, — а я не могу безъ сожалѣнія вспомнить о протестахъ, рѣчахъ и адресѣ московскихъ дворянъ! Мнѣ все это представляется кукольной комедіей —

Все это было бы смѣшно,
Когда бы не было такъ грустно!

„N. N. ѣдетъ въ Москву, пускаетъ подъ руку слухи, что правительство ждетъ инициативы отъ дворянства, чтобъ произвести

реформу въ центральномъ государственномъ управленіи. Дворянство идетъ на эту удочку. Другой—ученый магистръ права, отличившійся тѣмъ, что съ негодованіемъ возвратилъ петербургскому городскому обществу дипломъ на петербургскаго гражданина (а онъ здѣсь домовладѣлецъ), потому-де, что не принадлежитъ къ „среднему роду“ людей, а къ знаменитому роду. Вотъ кто стоялъ во главѣ московскаго движенія! N. N. воспитывался въ Кембриджѣ и, говорятъ, читаетъ классиковъ на подлинномъ языкѣ, греческомъ и латинскомъ, что не мѣшало ему выказывать въ рѣчи своей дѣтское незнаніе, и предложить публикѣ меньше простора для печати и мысли, чѣмъ дастъ даже теперешнее правительство. Поощрительно для друзей его! Когда N. N. возвратился въ Петербургъ, его не пригласили на придворный балъ, и онъ былъ въ отчаяніи! За напечатаніе адреса въ газетѣ „Вѣсть“, его и Скарятина ¹⁾ потянули къ слѣдствію, и N. N., либераль и аристократъ, не могъ никакъ примириться съ тѣмъ, что его позвали къ слѣдственному приставу, предлагали формально вопросы и соблюдали очередь съ другими просителями. Когда онъ жаловался шефу жандармовъ за такое униженіе: какъ же—поставить его наряду съ другими смертными!—то князь Долгоруковъ, говорятъ, замѣтилъ ему очень мѣтко: „да вѣдь это необходимые спутники той реформы, которой вы желаете!“

„Съ глубокою грустью и негодованіемъ спрашиваю я самого себя: да долго ли будетъ наше провинціальное дворянство давать водить себя за носъ такимъ олухамъ царя небеснаго? Неужели оно никакъ не понимаетъ, что ни демонстраціями, ни протестами, ни рѣчами ничего не подѣлаешь? Неужели ему не ясно, какъ дважды два—четыре, что его интересы и интересы петербургскихъ остроумниковъ не имѣютъ ничего между собою общаго?.. Имъ, кромѣ собственныхъ интересовъ, нѣтъ ни до чего никакого дѣла. Провинціальное дворянство поставлено лицомъ къ лицу съ народомъ, съ бюрократіей, съ дѣлами, практикой. Оно несетъ на себѣ всю тягость мѣстныхъ нуждъ и неурядицъ, которыми мы такъ богаты. Неужели оно еще не убѣдилось, что только тяжкимъ, будничнымъ, ежедневнымъ, скучнымъ трудомъ можно наладить, наконецъ, машину на добрый путь, завоевывая шагъ за шагомъ, въ деталяхъ, мелочахъ, добро—и давая, точно также шагъ за шагомъ, въ мелочахъ и подробностяхъ, отпоръ злу; что время нужно и на ѣду, не только на улучшеніе положенія и нравовъ; что только выдержкой, терпѣніемъ, дальновиднымъ выжиданіемъ и

¹⁾ Редакторъ „Вѣсти“.

трудомъ можно чего-нибудь достигнуть, а не протестами и демонстраціями? Безъ выпаса, руководящаго сословія не бывало и не можетъ быть благоустроенной страны. Дворянство приготовлено всѣмъ — и исторіей, и образованіемъ, и матеріальнымъ положеніемъ — быть такимъ высшимъ, руководящимъ сословіемъ. Освобожденіе крестьянъ и земскія учрежденія вывели его изъ прежней колеи, потрясли, отчасти обѣднили его и создали ему совершенно новое положеніе. Признаюсь вамъ, я сильно надѣялся на то, что оно скоро пойметъ, въ чемъ дѣло, и постарается поскорѣе найтись въ новыхъ условіяхъ. Съ отдѣльными лицами это такъ и вышло, но голосъ ихъ и усилія остались втунѣ посреди непониманія, равнодушія, вѣтренности и близорукаго своекорыстія огромнаго большинства. Грустно это выговорить, а между тѣмъ это такъ! Правду вы говорите, что ни намъ, ни нашимъ дѣтямъ не дождаться лучшаго! Это лучшее не дается какъ кладъ! А оно совершенно немислимо, пока провинціальное дворянство не приметъ серьезно за дѣло. Бюрократія останется все та же, мотовство все то же, произволъ администраціи и безалаберщина тѣ же, пока у васъ, въ провинціяхъ, не образуется просвѣщенный, умный, честный, достаточный классъ, около котораго сгруппируются мѣстные элементы, къ которому мѣстная и центральная бюрократія, волея-неволей, должны будутъ относиться съ нѣкоторымъ уваженіемъ. Пока такого класса не будетъ, — а главный матеріалъ для него въ дворянствѣ, — до тѣхъ поръ вы будете ругать бюрократію и прогрессистовъ на-попалъ, а они будутъ помыкать вами, какъ имъ вздумается, и жить въ свое удовольствіе; люди же честные, умные и образованные, всѣхъ цвѣтовъ, мнѣній и лагерей, будутъ, какъ и теперь, съ горестію и сжатымъ сердцемъ смотрѣть на эту печальную картину, потому что ни умъ, ни образованіе, ни честность тутъ не помогутъ. Нужна среда, слой, элементъ, который бы представлялъ практическіе интересы, имѣлъ бы независимое и видное положеніе, на первый разъ хоть въ провинціи только, и настолько былъ бы образованъ и уменъ, чтобы понимать, что, защищая общественную пользу и интересы всѣхъ классовъ, отстаивая законъ, права, образованность для всѣхъ и cadaго въ данной мѣстности, что только этимъ способомъ онъ можетъ что-нибудь сдѣлать, до чего-нибудь порядочнаго доработаться. Къ такой средѣ, слою, элементу, примкнуло бы быстро все: и масса мужиковъ, и тѣ носящіеся всюду въ русскомъ обществѣ о дѣльные атомы знанія, таланта, образованности, которые теперь р сгаряются совершенно бесплодно, потому что они безсильны, не имѣютъ никакой точки опоры. Не мнѣ васъ учить; вы знаете не хуже

меня, что никогда, ни въ какой странѣ въ мірѣ, обществомъ и государствомъ не двигали безплотныя идеи. Когда говорятъ, что философы и безбожники подготовили французскую революцію, то вѣдь это курамъ на смѣхъ! Ее подготовило положеніе дѣлъ, а они только его высказывали въ литературной или научной формѣ. Только интересы, положеніе дѣлъ приводятъ за собой перемѣны, а отнюдь не книжки и мысли. Такъ и у насъ: освобожденіе крестьянъ вынуждено обстоятельствами; нынѣшнему царствованію принадлежать только честь и заслуга, что оно ихъ поняло. Земскія учрежденія—тоже порожденіе обстоятельствъ, результатъ совершенной невозможности вести дѣло одной бюрократіей, невозможности громадному государству существовать и управляться безъ всякаго участія заинтересованныхъ въ управленіи лицъ, по крайней мѣрѣ на мѣстахъ, въ провинціяхъ. И пока земскія учрежденія не сложатся, не принесутъ пользы странѣ, не выкажутъ пониманія мѣстныхъ интересовъ и умѣнія вести ихъ хорошо, до тѣхъ поръ я не жду никакой хорошей перемѣны въ центральномъ управленіи государствомъ.....

„Посмотрите, какъ шли дѣла въ Европѣ.

„Одинъ классъ, слой, элементъ смѣнялъ тамъ другой въ управленіи общественными дѣлами. Сперва церковь, потомъ аристократія, потомъ среднее сословіе. Теперь и оно распаталось, потому что тяжело давить на народъ, на массы, и отсюда вся неурядица теперешнихъ европейскихъ порядковъ, которымъ грозитъ великая опасность въ ближайшемъ будущемъ. Мы, повидимому, счастливѣе ихъ. У насъ теперь есть матеріалъ въ дворянствѣ, дѣй капли воды сходный съ тѣмъ, какой господствовалъ въ Англіи въ XVIII-мъ вѣкѣ, и создалъ ея блистательное правленіе. Это элементъ достаточныхъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ (gentry), на которомъ до сихъ поръ стояло зданіе англійской государственности,—ибо изъ этого класса вышла почти вся теперешняя аристократія; старинная давно вымерла и перевелась. Къ этому превосходному элементу, сильному и прочному, присоединяется у насъ, къ великому нашему счастью,—и чего нѣтъ у Англіи,—сильное, громадное, въ высшей степени консервативное мужицкое сословіе,—консервативное потому, что оно, къ счастью, теперь тоже землевладѣлецъ. Гдѣ въ мірѣ лучше условія для государственной жизни? Выдумывать, такъ не выдумашъ ничего лучше! А между тѣмъ изъ этихъ превосходныхъ условій у насъ ничего не выходитъ, и не выходитъ единственно потому, что дворянство не понимаетъ, да и не хочетъ понимать своего положенія; протестуетъ, сердится, проживается на вздоръ, держитъ себя особнякомъ и, по

возможности, устраняется отъ труда и работы на общее дѣло въ провинціи. Въмѣсто того, чтобъ заниматься дѣломъ, оно твердитъ зады, мотаетъ, ѣздитъ за границу, старается жить въ свое удовольствіе. Я не говорю о людяхъ бѣдныхъ, а о достаточныхъ, которые могли бы и должны бы быть заглавами, — а на нихъ жалко смотрѣть!

„Совершенно понимаю, многоуважаемый другъ, что роль дворянства у насъ, и при теперешнихъ обстоятельствахъ, несравненно труднѣе, чѣмъ она когда-либо была въ другія времена и въ другихъ странахъ. Знаю, что вездѣ и всегда классы, господствующіе въ странѣ, опирались на привилегіи, которыя облегчали имъ дѣло, тогда какъ русское дворянство ихъ не имѣетъ. Но зато, какъ же и измѣнились общія условія во всей Европѣ! Наполеонъ раздавилъ всѣхъ своихъ враговъ внутри Франціи, опираясь на массы; въ Англіи готовится расширеніе избирательнаго закона, которое введетъ въ парламентъ народныя массы; Бисмаркъ, нѣмецкій баронъ, какихъ спѣсивѣе и г... на свѣтѣ нѣтъ, и тотъ видитъ, что съ горожанами, которые засѣдаютъ въ камерѣ, сладу нѣтъ, и задумывается нѣчто въ родѣ всеобщей подачи голосовъ, на манеръ Наполеона, которому это такъ удалось. Въ цѣломъ мірѣ массы выступаютъ впередъ, самую силою вещей. Время сословныхъ привилегій прошло безвозвратно, и опять-таки не потому, что вольнодумцы и прогрессисты трубили и трубятъ объ этомъ въ газетахъ и книгахъ, а потому, что обстоятельства такъ слагаются, и все къ тому идетъ неотразимо. Религіозные люди скажутъ: таковы ужъ пути Провидѣнія; философы скажутъ: таковъ законъ исторической необходимости; политики разсуждаютъ: такова логика вещей! Но такъ или иначе, но это видимо, что въ этомъ направленіи движется вся жизнь, какъ видимо, что младенецъ ползаетъ на четверенькахъ, а взрослый ходитъ на двухъ ногахъ. Чтѣмъ ни шагъ, общественная жизнь становится сложнѣй, тоньше, и потому труднѣй. Говорятъ, что одно очень высокопоставленное лицо замѣтило по поводу польской революціи: „Тактика революціонеровъ стала несравненно хитрѣй, — адской, въ сравненіи съ прежнимъ образомъ ихъ дѣйствій!“ Ему можно было бы замѣтить, что все стало хитрѣй, тоньше, искуснѣй и искусственнѣй, — и правительства, и народы, и общество, и сословія, и чиновники, и наука, и юристы, и фабриканты, и духовенство.

„Положеніе дворянства въ провинціяхъ чрезвычайно трудное. Соразмѣрно съ тѣмъ, усилія его должны быть больше; больше и желаніе — глубже вглядѣться въ свои интересы, нужды, права, обсудить путь, которымъ предстоитъ идти и дѣйствовать. Голоса, ко-

торые слышу кругомъ, въ сожалѣнію, не соответствуютъ важности задачи и серьёзности дѣла. Пока это все варіаціи на прежнія темы, которыя бесплодны и ни къ чему не ведутъ.

— „Что-жъ дальше?—спросите вы:—наговорилъ ты много всякой всячины, а проку изъ этого никакого! Скажи-ка мнѣ лучше, какъ уменьшить пьянство и развратъ въ народѣ, сдѣлать соль подешевле, облегчить намъ обузу земскихъ повинностей и податей, да какъ пообуздатъ воровство, произволъ и мотовство нашихъ и вашихъ чиновниковъ, отъ которыхъ намъ житья никакого нѣтъ? А то ты пишешь какую-то великолѣпную дичь, отъ которой, какъ отъ козла, ни шерсти, ни молока!

„Я, право, не знаю, что вамъ на это сказать. Прежде люди вѣрили въ революціи. Я имъ рѣшительно не вѣрю! Не вѣрю имъ и въ Европѣ, не только у насъ. Прежде люди вѣрили въ тайныя общества; и имъ я не вѣрю, какъ никогда не вѣрилъ. Вѣрили въ чудеса, въ личности, геніальныя или добродѣтельныя, и ими надѣялись обновить міръ, въ гласность и свободное обличеніе, въ конституцію наконецъ. Я и этому ничему не вѣрю. Я вѣрю непоколебимо только въ ходъ дѣлъ, въ правильное, безпристрастное, умное пониманіе положенія вещей и въ общественныя права, которые складываются подъ вліяніемъ этихъ двухъ главныхъ дѣятелей. По моему глубокому и глубочайшему убѣжденію, ключъ къ лучшему порядку дѣлъ въ Россіи—въ рукахъ провинціального нашего дворянства. Какъ оно будетъ смотрѣть на вещи, какъ поведетъ себя, что будетъ дѣлать, и какъ дѣлать,—въ этомъ, и ни въ чемъ другомъ, лежитъ разгадка нашего ближайшаго будущаго. Чѣмъ дольше оно останется такимъ, каково оно теперь,—я все-таки говорю о его массѣ,—такимъ же легкомысленнымъ и пустымъ, несерьезнымъ, живущимъ со дня на день, тѣмъ дольше продолжится то, на что всѣ мыслящіе и порядочные люди въ Россіи такъ горько жалуются. Какъ только оно измѣнится къ лучшему, тотчасъ же все пойдетъ иначе. Не добродѣтели и героизма я отъ него требую, а ума и пониманія, пониманія и ума, и опять-таки ума, ума и ума, пониманія, пониманія и пониманія!—А въ чемъ же этотъ умъ и пониманіе должны заключаться? спросите вы.—Вотъ въ чемъ, по моему слабому разумѣнію: учите народъ грамотѣ елико возможно, что силъ есть; богатые и достаточные, идите толпами въ земскія учрежденія, не только избирателями, гласными, членами управъ, но и въ мировые посредники, и въ училищныя совѣты, и въ мировые судьи, и въ приходскіе совѣты, и всюду, куда только пускаютъ служить по выборамъ; считайте общественную казну, учитывайте приходы и расходы ея безпоощадно, хоть

бы пришлось уличить друга завадычнаго. Изучите законъ, хоть насколько онъ касается земства; умудритесь во всѣхъ лазейкахъ, какія онъ даетъ, чтобъ отстаивать земскіе интересы отъ всякаго произвола, откуда бы онъ ни шелъ; изучите въ мельчайшей подробности средства и нужды и цѣлой мѣстности, и каждой малѣйшей ея точки,—и въ пять лѣтъ не узнаешь Россіи! Другая жизнь въ ней начнется, другіе люди будутъ, другая администрація очутится на мѣстѣ теперешней, и другіе будутъ законы. Въ земскихъ учрежденіяхъ—громадная цѣлительная сила для всѣхъ нашихъ недуговъ, а въ дворянствѣ, и именно въ провинціальномъ дворянствѣ—главный ихъ движущій нервъ, единственный источникъ обновленія Россіи. Все, что до сихъ поръ у насъ дѣлалось, было въ рукахъ администраціи. Что теперь дѣлается, этого никакого въ мірѣ правительство, будь у него семь пядей во лбу, сдѣлать не можетъ. Создать элементы правительство не властно, и мы напрасно будемъ къ нему взывать или выражать наше недовольство,—наши мольбы и жалобы останутся равно тщетными, еслибъ оно даже и имѣло,—какъ въ нынѣшнее царствованіе,—самыя благія, великодушныя намѣренія.

„Не примите, дорогой другъ Александръ Львовичъ, это письмо за реплику. Не подумайте, чтобъ я хотѣлъ хитрыми изворотами отыгаться отъ вопроса и перебросить къ вамъ назадъ мудреный мячикъ, которымъ вы въ меня кинули. Пишу вамъ отъ глубины убѣжденія, желая, подобно вамъ, разъяснить дѣло, которое занимаетъ всѣхъ и каждого. Прибавлю, что я упрямъ въ мелочахъ житейскихъ, но не упрямъ, когда рѣчь идетъ о мнѣніяхъ, общихъ матеріяхъ, близкихъ каждому порядочному человѣку въ Россіи. Если я неправъ, исправьте мой взглядъ,—я отступлюсь отъ прежняго. Но теперь, пока, я думаю такъ, и до сихъ поръ все, что вижу и слышу, только утверждаетъ меня болѣе и болѣе въ моихъ мысляхъ...

„Обнимаю васъ и остаюсь искренно васъ любящимъ, уважающимъ и преданнымъ—К. Кавелинъ“.

Несмотря на то, что Кавелинъ, въ послѣднемъ его письмѣ ко мнѣ, совѣтовалъ „не морщиться безъ нужды лба“, — именно какъ разъ весной того же 1865 года я сталъ сильно „морщиться лобъ“. Я задумалъ готовиться къ экзамену на магистра русской исторіи; но занятія шли неправильно, плохо,—и я захандрилъ... Мой отецъ просилъ Кавелина извѣстить насъ раньше о времени, когда онъ поѣдетъ, по обычаю своему, въ

наши края: мнѣ очень хотѣлось проѣхать съ нимъ по Волгѣ и потолковать хорошенько о моихъ личныхъ дѣлахъ... Кавелинъ извѣстилъ насъ своевременно, что 19-го іюля онъ будетъ, проѣздомъ въ свое самарское имѣнье, въ Казани и отправится оттуда на другой день. 19-го іюля я былъ въ Казани и встрѣтилъ Кавелина на пароходной пристани, а 20-го мы отплыли съ нимъ внизъ по Волгѣ на пароходъ Волжскаго Общества „Царевичъ“. Эта поѣздка вѣзлась въ моей памяти столь же живо, какъ и первое мое знакомство съ Кавелинымъ¹⁾.

Едва вошли мы съ нимъ на пароходъ, какъ возобновили начатую еще въ Казани бесѣду по поводу моихъ мрачныхъ мыслей... День былъ ясный, солнечный; мы вышли изъ душной каюты и усѣлись на палубѣ.

— „Воля пріобрѣтается упражненіемъ, — говорилъ Кавелинъ: — только работой надъ собой можно достигнуть чего-нибудь путнаго... Наблюдать себя, анализировать свое я, съ цѣлью серьезной работы надъ самимъ собой, дѣло необходимое. Но это самонаблюденіе можетъ быть крайне вредно, если оно будетъ вести къ безплодному самоанализу, съ предубѣжденіемъ къ самому себѣ... Необходима ясно установленная цѣль въ занятіяхъ. Назначьте ее себѣ, ограничьтесь при этомъ самой миниатюрной рамкой, не задавайтесь широко — и выполните задуманное. Если разъ, два, три раза исполните вы то, что себѣ назначили, — вы увидите, какую вы получите силу, какую ощутите увѣренность въ самомъ себѣ. А это главное. Безъ увѣренности въ своихъ силахъ руки опускаются, дѣло валится изъ рукъ — и начинается Grübeleien. Начинайте заниматься понемногу. Вдругъ не наваливайте на себя кучи занятій — это вредно. Сначала поработайте одинъ часъ въ день, но непремѣнно; потомъ два часа, потомъ три, и т. д. Послѣ вы сами незамѣтно втянетесь въ работу. Чтобы не надорвавшись испробовать свои физическія силы, нельзя прямо поднять три пуда, а надо начинать съ одного фунта и идти далѣе постепенно, все увеличивая и увеличивая вѣсъ. Точно тотъ же пріемъ долженъ быть употребленъ и относительно силъ умственныхъ и нравственныхъ, которыя растутъ отъ постепеннаго упражненія, точно также, какъ сила физическая. Раппо не вдругъ сдѣлался извѣстнымъ силачомъ; Кантъ не вдругъ написалъ „Критику чистаго разума“. Посмотрите на магнитъ. Онъ не сразу притягиваетъ къ себѣ пудъ желѣза; сначала прибли-

¹⁾ По возвращеніи домой изъ этой поѣздки, я подробно ее записалъ. Этими записками я и пользуюсь теперь для воспроизведенія всѣхъ подробностей поѣздки.

жаютъ къ нему меньше фунта и затѣмъ все больше и больше. Вдругъ ничего не дается. Ту же систему постепенности приложите къ своимъ житейскимъ дѣламъ и научнымъ занятіямъ. Начинайте съ малаго—дойдете до большого. Упражняйте свою волю на мелочахъ; а не то, чтобы вдругъ этакъ ударить кулакомъ по столу, да и сказать: „прошлое къ чорту—я начну новую жизнь!“ Это невозможно... Нужна работа надъ собой, нужно упражненіе умственныхъ и нравственныхъ силъ. Если вы предоставите самому себѣ вашу умъ, не будете упражнять вашей воли, тогда вы непременно лишитесь и ума, и воли. Посмотрите на этотъ пароходъ и сравните его съ человѣкомъ. Въ немъ механизмъ устроенъ такъ, что онъ плыветъ по водѣ, но предоставьте вы этотъ механизмъ самому себѣ, и теченіемъ занесетъ пароходъ на подводный камень, или ударитъ и разобьетъ о берегъ. Нуженъ руль. При рулѣ пароходъ идетъ именно по должному пути. У человѣка тоже есть свой руль: это—воля. Движеніе есть сила, присущая какъ матеріи, такъ и человѣческому духу. Вы знаете, что современное естествознаніе всѣ силы природы сводитъ къ одной главной—къ движенію. Безъ движенія—нашъ умъ, наше чувство, наша воля—атрофируются и камениются. Только тамъ жизнь, гдѣ есть движеніе“.

— „...Не воображайте, пожалуйста,—говорилъ мнѣ Кавелинъ,—что ваше теперешнее моральное состояніе есть что-то исключительное, что-то ни съ кѣмъ небывалое. Вамъ оно представляется именно такимъ, — я это знаю заранѣе,—да? Это одинъ изъ симптомовъ подобной болѣзни. Ваше моральное состояніе есть моментъ духовнаго развитія, опредѣляемый вашимъ возрастомъ и вашей организаціей. Это—россійская болѣзнь, общая всѣмъ намъ. Я въ ваши года испыталъ то же самое...“

Мнѣ было крайне отрадно услышать отъ самого Кавелина сравненіе меня съ нимъ.

— Вы мнѣ льстите, дядюшка,—сказалъ я ему,—сравнивая себя со мной...

— Повѣрьте мнѣ въ одномъ, дорогой мой,—отвѣчалъ онъ, съ чувствомъ пожимая мнѣ руки и нѣжно смотря прямо въ глаза: —повѣрьте мнѣ, что я никому, никогда, ни въ чемъ не льстилъ и не льщу; да и что же это за лесть...

На мои разочарованныя воззрѣнія на самого себя, на мои увѣренія въ моей неподготовленности къ научнымъ занятіямъ, Кавелинъ спросилъ меня:

— А чувствуете вы себя къ чему-нибудь болѣе способнымъ?

И на отрицательный отвѣтъ съ моей стороны онъ замѣтилъ:

— „Слѣдовательно, вамъ прежде всего нужно только упорядочить ваши научныя занятія и достичь въ нихъ чего-нибудь опредѣленнаго. Выучитесь сначала, какъ нужно заниматься наукой, и займитесь ею. Какъ можно убѣждать себя и другихъ, напримѣръ, въ томъ, что я де не могу плавать, когда я не испробовалъ сначала, какъ слѣдуетъ плавать?“...

Долго проговорили мы съ Кавелинымъ на эту тему. Я не обращалъ вниманія на красавицу-Волгу и ея берега—очень живописныя въ ея среднемъ теченіи. Мы прошли восхитительныя мѣста горнаго и луговаго берега; миновали извѣстныя Жегулевы горы... Я весь превратился въ слухъ.

Послѣ обѣда мы съ Кавелинымъ стали прогуливаться по палубѣ. Въ то время онъ слѣдовалъ очень правильному режиму, въ составъ котораго входили непремѣнныя прогулки два раза по одному часу въ теченіе дня—утромъ и послѣ обѣда. Онъ исполнялъ это даже на пароходѣ. Одинъ пассажиръ невольно остановилъ на себѣ наше вниманіе. Особенно пытливо вглядывался въ него Кавелинъ. Пассажиръ этотъ былъ высокаго роста, довольно полный и красивый, съ просѣдою, на видъ лѣтъ 50-ти. Одѣтъ онъ былъ щегольски, отличался развязностью манеръ, самоудовольствомъ и необыкновенно громкой, самоувѣренной рѣчью. Онъ разговаривалъ на палубѣ съ пассажирами I класса и, между прочимъ, съ m-me Р—ръ, дамой, знакомой Кавелину. Говорилъ онъ по-французски бѣгло и очень остроумно, постоянно пересыпая свою рѣчь подлинными отрывками изъ разныхъ извѣстныхъ русскихъ писателей въ стихахъ и прозѣ, приводимыхъ имъ весьма ловко и кстати. Слушатели его отъ души смѣялись. Съ пассажирами II и III классовъ господинъ этотъ снисходительно шутилъ, уже на русскомъ языкѣ, произнося инныя слова не совсѣмъ правильно, очевидно съ намѣреніемъ. Особенно эффектно разговаривалъ онъ съ пароходнымъ поваромъ, точно производилъ гастрономическій экзаменъ, перебирая одно за другимъ самыя мудренныя названія французскихъ блюдъ.

Встрѣчаясь съ Кавелинымъ, пассажиръ этотъ оглядывалъ его полупрезрительно, съ высоты величія. Нужно замѣтить, что Кавелинъ въ своихъ поѣздкахъ по Волгѣ одѣвался и велъ себя чрезвычайно своеобразно. Онъ ѣздилъ постоянно во II-мъ классѣ, любилъ проводить время на палубѣ между пассажирами III-го класса: крестьянами, рабочими, мелкими купцами, и получать отъ нихъ свѣденія объ экономическомъ и общественномъ состояніи Поволжья. Носилъ Кавелинъ легкое и очень длинное темное пальто, а на головѣ фуражку; толстая палка, простая бересто-

вая тавлинея съ нюхательнымъ табакомъ и большой фуляровый платокъ — довершали его костюмъ. По такому наряду третьеклассная публика принимала его за своего брата мелкаго торговца и, охотно ведя съ нимъ бесѣду, почтительно величала его: „ваше степенство“...

— Пари готовъ держать, что этотъ баринъ какой-нибудь „губернскій аристократъ!“ — говорилъ Кавелинъ, давая ему дорогу и сторонясь отъ него.

Увидавъ, что „губернскій аристократъ“ подсѣлъ къ м-ше Р—рь, Кавелинъ тоже къ ней присосѣдился и началъ разговаривать на изящномъ французскомъ языкѣ. „Губернскій аристократъ“ былъ озадаченъ... Онъ замолкъ и вскорѣ ушелъ.

— Знаете, кто этотъ баринъ? — говорилъ мнѣ спустя нѣсколько времени Кавелинъ: — я спрашивалъ о немъ м-ше Р—рь; это — графъ Владиміръ Александровичъ Соллогубъ, извѣстный русскій литераторъ. Не правда-ли, хорошъ?..

— Ну, ужъ задамъ же я ему, если онъ подойдетъ ко мнѣ! — воскликнулъ Кавелинъ, видя, что графъ Соллогубъ направляется въ нашу сторону. Это было уже вечеромъ. Солнце садилось; мы заканчивали нашъ разговоръ съ Кавелинымъ, и онъ заводилъ бесѣду съ разными лицами изъ третьеклассной публики.

— Я васъ не узналъ, Константинъ Дмитріевичъ, давно мы съ вами не видались! — любезно и по-русски произнесъ графъ Соллогубъ, подходя къ Кавелину и пожимая ему руку. Тонъ графа былъ уже совсѣмъ иной. Онъ говорилъ совершенно просто и очень вѣжливо. Онъ вдругъ превратился въ образованнаго и свѣтскаго человѣка, чѣмъ онъ и былъ въ дѣйствительности.

— Да, давненько, графъ, — отвѣчалъ Кавелинъ: — сколько мнѣ помнится, въ послѣдній разъ я видѣлся съ вами въ Москвѣ, у Герцена. Это было въ 1846 или въ 1847 году, передъ самымъ отъѣздомъ его за границу.

Графъ Соллогубъ сдѣлалъ недовольную мину... Около насъ было много публики и притомъ очень разнохарактерной...

— Сколько переменъ съ тѣхъ поръ и какихъ! — сказалъ задумчиво графъ Соллогубъ, и, оглядѣвшись кругомъ, продолжалъ разговоръ на французскомъ языкѣ. Долго бесѣдовали они съ Кавелинымъ о Герценѣ... Затѣмъ перешли къ обсужденію коренныхъ русскихъ общественныхъ вопросовъ и, прежде всего, разумѣется, освобожденія крестьянъ и только-что начинавшихся вводиться новыхъ судебныхъ уставовъ и земскихъ учреждений. Третьеклассная публика недоумѣвала... Удивленно вытаращивъ глаза, вслушивалась она, какъ „его степенство“, только-что говорившій съ

ними запросто, затараторилъ вдругъ „по-барски“, на чужомъ языкѣ...

Кавелинъ съ жаромъ и увлеченіемъ излагалъ графу Соллогубу свои воззрѣнія на эти реформы, а въ особенности на крестьянскую и на задачи и будущность великорусскаго племени.

Графъ Соллогубъ возражалъ Кавелину съ точки зрѣнія такъ-называемой „партіи“, выразившей въ то время свои воззрѣнія въ газетѣ „Вѣсть“ и прикрывавшей свои сѣтованія на освобожденіе крестьянъ „дырявой хламидой англійскаго парламентаризма“, по выраженію Кавелина. Графъ утверждалъ, что противниковъ освобожденія крестьянъ не было вовсе, а были только различныя убѣжденія относительно средствъ освобожденія. Затѣмъ онъ свелъ бесѣду къ доказательствамъ, что освобождать крестьянъ съ землей не представлялось необходимости. Онъ видѣлъ въ поспѣшныхъ и неосторожныхъ мѣропріятіяхъ русскихъ „бюрократовъ-освободителей“ (подъ ними разумѣлъ онъ редакціонную комиссію съ Н. А. Милутинымъ во главѣ) и въ особенности въ законоположеніяхъ о выкупѣ причину нашего будущаго финансоваго кризиса.

— Финансовый кризисъ русскій народъ перенесетъ, какъ перенесъ онъ тысячи общественныхъ бѣдствій,—возражалъ Кавелинъ:—но зато освобожденіе крестьянъ съ землею спасло Россію отъ крестьянскаго пролетаріата и отъ революціонныхъ потрясеній.

— А финансовый кризисъ—развѣ не зародышъ революціи?—возражалъ графъ Соллогубъ... Затѣмъ онъ сталъ высказывать свои пессимистическія воззрѣнія на русскій народъ, на его будущность, напоминая Потугина, одного изъ героев Тургеневскаго „Дыма“, но идя въ своемъ пессимизмѣ по отношенію къ Россіи еще дальше Потугина.

Долго шла бесѣда на эту тѣму. Оба антагониста разгорячились и оба, при діаметрально-противоположныхъ воззрѣніяхъ на вещи, вели диспутъ необыкновенно увлекательно. Слушать ихъ доставляло мнѣ большое наслажденіе. Не разъ слыхалъ я до того о мастерствѣ графа Соллогуба вести разговоръ, „causer“, какъ выражаются французы, но дѣйствительность превзошла всѣ мои ожиданія. Графъ говорилъ легко, свободно, фельетонно-остроумно, пересыпая свою рѣчь множествомъ разныхъ афоризмовъ и анекдотовъ. Несмотря на то, что Кавелинъ ни въ чемъ съ нимъ не соглашался, онъ не могъ не увлечься формой рѣчи своего противника, и отъ души смѣялся, выслушивая его мѣткія замѣчанія.

— Я никогда не былъ оптимистомъ ни въ чемъ,—говорилъ графъ Соллогубъ,—и, простите меня, розовыя надежды тепереш-

нихъ либераловъ-реформаторовъ и ихъ сторонниковъ невольно напоминають мнѣ одну восточную сказку.

И графъ Соллогубъ разсказалъ слѣдующее:

„Гдѣ-то на Востокѣ жилъ пустынный, подвижась въ пещерѣ. Все окрестное населеніе почитало благочестиваго старца за святого и приходило къ нему за совѣтами и наставленіями. Но никто никогда не проникалъ къ нему въ пещеру. Въ числѣ другихъ часто навѣщалъ пустытника весьма бѣдный юноша, который ему очень полюбился. Разъ, разговаривая съ нимъ, старецъ сказалъ:

„— Сынъ мой, войди ко мнѣ въ пещеру. Я долго жилъ, много жилъ, жизнь тяготитъ меня. Ты молодъ и полюбился мнѣ. Я въ жизни довольно потрудился, скопилъ несмѣтные богатства и храню ихъ въ моей пещерѣ. Я завѣщаю ихъ тебѣ.

„Пустынный отперъ тяжелую желѣзную дверь. Они вошли. Юноша широко раскрылъ глаза отъ удивленія и восторга... Онъ очутился въ обширной комнатѣ, наполненной серебряными слитками, вещами и монетами.

„— Сынъ мой, это все твое—сказалъ старецъ,—но съ однимъ условіемъ: ты долженъ оставить здѣсь какую-нибудь изъ твоихъ вещей для того, чтобы послѣ моей смерти было ясное доказательство, что мое наслѣдіе дѣйствительно принадлежитъ тебѣ.

„Юноша, не думая долго, снимаетъ съ себя металлическія запястья и кладетъ ихъ въ комнатѣ. Пустынный отворяетъ передъ нимъ дверь въ слѣдующую комнату, всю наполненную золотомъ.

„На повтореніе старцемъ прежняго условія, растерявшійся юноша торопливо снимаетъ съ себя всю верхнюю и нижнюю одежду...

„Пустынный ведетъ его дальше. Въ третьей комнатѣ необыкновенно яркій свѣтъ ослѣпляетъ его. Всѣ стѣны и своды унизаны алмазами, жемчугами, драгоценными каменьями. Бриллианты, яхонты, изумруды, сапфиры—грудями лежатъ на полу.

„Старецъ обращается къ юношѣ съ прежнимъ предложеніемъ.

„— Святой отецъ! — восклицаетъ тотъ въ отчаяніи.—Какъ быть? Видишь, я нагъ, у меня ничего нѣтъ больше...

„— Добывай, какъ знаешь... Впрочемъ это какъ тебѣ угодно, — спокойно отвѣчаетъ неумолимый старецъ.—Не оставишь чего-нибудь здѣсь изъ принадлежащаго тебѣ—все исчезнетъ мгновенно, и ты будешь бѣднѣе, чѣмъ былъ прежде.

„Несчастный юноша долго стоялъ въ раздумѣ... Наконецъ, онъ въ изнеможеніи сѣлъ... и проснулся. То былъ сонъ. Юноша

лежалъ на своей постели въ крайне непріятномъ положеніи, въ томъ положеніи, въ какомъ находится новорожденный младенецъ въ колыбели, когда безпечная няня не перемѣнитъ ему во время пеленоевъ“...

— Мораль сей сказки ясна,—заклучилъ графъ Соллогубъ.— Нашимъ оптимистамъ грезятся золото и драгоценныя каменья тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ; это ихъ галлюцинація, сонъ; а та грязь, что обрѣлъ у себя на ложѣ злосчастный юноша, является печальной дѣйствительностью.

Грубость сравненія, несмотря на мастерской рассказъ графа Соллогуба, вывела изъ себя Кавелина. Такое пониманіе общественнаго оптимизма, съ цинической откровенностью брошенное прямо въ глаза ему, лучшему изъ оптимистовъ, не могло не задѣть Кавелина за живое, не повліять на него самымъ оскорбительнымъ образомъ. Кавелинъ измѣнилъ тонъ и въ рѣзкихъ выраженіяхъ сталъ возражать графу. Я ушелъ въ каюту. Было непріятно присутствовать при дальнѣйшихъ преніяхъ. Вскорѣ графъ Соллогубъ сошелъ съ парохода.

Кавелинъ прибѣжалъ ко мнѣ въ каюту красный, раздосадованный.

— И вотъ они, цѣнители и судьи!—раздраженно восклицалъ онъ, передавая мнѣ исходъ своего разговора съ графомъ Соллогубомъ.—Вотъ вамъ образчикъ людей, мечтающихъ о политическомъ представительствѣ, грезящихъ о власти, о значеніи! Попадаи дѣйствительно къ нимъ въ руки власть—что будетъ?! Конечно, вонючій зипунъ русскаго мужика во сто кратъ симпатичнѣе всей этой Соллогубовщины.

Съ тѣхъ поръ „Соллогубовщина“ явилась у Кавелина кличкой столь несимпатичнаго ему направленія, и много лѣтъ спустя онъ не могъ вспомнить равнодушно своей встрѣчи съ авторомъ „Тарантаса“. Чтобы освѣжиться послѣ продолжительной бесѣды съ графомъ Соллогубомъ, Кавелинъ поднялся вмѣстѣ со мной на капитанскій трапъ. Было часовъ 11 вечера. Волга представляла чудесную картину. Теплота разливалась въ воздухѣ. Полная луна освѣщала русскую рѣку-царицу, дробясь въ золотистую пыль въ водяныхъ брызгахъ отъ пароходныхъ колесъ и разстилаясь огненнымъ потокомъ въ струйкахъ, оставляемыхъ за собой пароходомъ. А еще дальше видѣлась обширная, спокойная, величавая, ничѣмъ не возмущаемая водяная поверхность, и на ней—серебристая широкая полоса свѣта отъ той же луны... Кругомъ—горы и равнины... Огненный фонтанъ изъ пароходной трубы, заунывный, однообразный шумъ пароходныхъ колесъ и рѣдкіе возгласы вахтеннаго

матроса на носу, дѣлающаго промѣры фарватера, нарушали тишину. На пароходѣ всѣ пассажиры спали, кромѣ насъ съ Кавелинымъ. Какое-то спокойствіе, миръ навѣвались на душу; дышалось легко...

Кавелинъ пришелъ опять въ прекрасное расположеніе духа, и рѣчь его лилась задушевно, свободно, краснорѣчиво. Характеризовалъ онъ мнѣ своихъ петербургскихъ друзей и недруговъ, единомышленниковъ и противниковъ, сравнивалъ свое время, 40-ые годъ, съ теперешнимъ, проводилъ параллель между тогдашнимъ отрицаніемъ и отрицаніемъ 60-хъ годовъ. Онъ понималъ отрицаніе своего времени во имя предносившагося имъ идеала, но никакъ не могъ примириться съ нарождавшимся въ 60-хъ годахъ скептицизмомъ, именно за отсутствіе у него идеала... Затѣмъ разговоръ перешелъ на любимую тему Кавелина—о необходимости нравственныхъ основъ въ дѣятельности человѣческой.

22-го іюля, на разсвѣтѣ, Кавелинъ высадился въ Балаковѣ, извѣстной приволжской хлѣбной пристани, чтобы оттуда въ экипажѣ проѣхать въ свое имѣнье, а я проплылъ далѣе, въ Саратовъ. Въ Саратовѣ я посѣтилъ управляющаго удѣльной конторой, Н. А. М—ва, хорошаго знакомаго Кавелина. М—въ, очень умный и начитанный человѣкъ, производилъ весьма пріятное впечатлѣніе. О многомъ поговорили мы съ нимъ, а въ особенности о Кавелинѣ. М—въ очень любилъ Кавелина, но не сходилъ съ нимъ въ воззрѣніяхъ. Въ нихъ видѣлъ онъ больше увлеченія, чѣмъ правды.

— Русскій народъ, напримѣръ, о богатыхъ задаткахъ и свѣтлой будущности котораго такъ любятъ распространяться вашъ дядюшка,—говорилъ М—въ,—развѣ, въ дѣйствительности, заключаетъ въ себѣ тѣ элементы, которые желаютъ въ немъ видѣть Кавелинъ и другіе народолюбцы? Да и что такое вообще народъ? это—фикція. Посмотрите, изъ кого на дѣлѣ состоитъ та преобладающая масса населенія русской государственной территоріи, которую принято называть русскимъ народомъ: изъ мужика, бабы, дьячка и солдата. То, что могутъ понимать и высказать эти составныя его части, высказываетъ и весь русскій народъ; а тѣ высокіе его идеалы, о которыхъ намъ постоянно твердятъ, вымышлены книжниками, теоретиками и навязаны русскому народу...

Въ такомъ смыслѣ не одинъ М—въ, а очень многіе понимали Кавелина. Но въ предыдущей главѣ уже было замѣчено, что Кавелинъ въ основѣ расходился съ славянофильскимъ ученіемъ; онъ не раздѣлялъ также и позднѣйшихъ воззрѣній такъ-называемыхъ „народниковъ“. Вообще онъ не навязывалъ русскому на-

роду никакихъ чуждыхъ ему идей, но онъ искренно любилъ русскаго простолюдина, прежде всего за его естественность, хотя въ большинствѣ случаевъ грубую и несуразную. Убѣжденный врагъ всего лживаго, напускнаго, внѣшняго, Кавелинъ ставилъ такую естественность неизмѣримо выше всякой лжецивилизаци; какъ оптимистъ, т.-е. человѣкъ, способный находить во всѣхъ явленіяхъ преимущественно свѣтлую, хорошую сторону, онъ поражался оригинальными особенностями умственнаго и бытового склада русскаго народа, а какъ натура увлекающаяся — приходилъ въ восторгъ отъ этихъ особенностей...

Поездка по Волгѣ вмѣстѣ съ Кавелинымъ живительно на меня подѣйствовала. Съ нетерпѣніемъ ожидалъ я его пріѣзда въ нашу деревню на обратномъ пути изъ самарской степи, и на этотъ разъ онъ не заставилъ себя ждать. 8-го августа Кавелинъ былъ уже у насъ въ деревнѣ и прогостилъ въ Арышхадѣ не 2—3 дня, какъ въ предыдущіе пріѣзды, а цѣлую недѣлю. Въ это свиданіе съ Кавелинымъ я особенно съ нимъ сблизился и имѣлъ возможность лучше, чѣмъ прежде, оцѣнить его рѣдкое сердце, его человѣчность и оригинальность его воззрѣній. Я былъ всю эту недѣлю неразлученъ съ нимъ и наслаждался вполнѣ его бесѣдами. Утромъ и послѣ обѣда мы дѣлали продолжительныя прогулки въ лѣсу. Послѣ вечерняго чая всѣ мы долго проводили время за разговорами, сидя за чайнымъ столомъ; а когда Кавелинъ удалялся на ночлегъ въ отведенную для него комнату, я приходилъ къ нему и снова бесѣдовалъ нерѣдко до поздней ночи...

Двѣ основныя тѣмы поглощали по прежнему все его вниманіе: 1) вопросъ крестьянскій, въ связи съ другими современными русскими вопросами, и 2) вопросы по психологіи и этикѣ. Около этихъ двухъ тѣмъ группировались всѣ его разговоры, всѣ сужденія.

Положенія 19-го февраля 1861 года являлись для него лишь первоначальнымъ наброскомъ, первымъ шагомъ какъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ въ частности, такъ и въ преобразованіи русской гражданственности вообще. На реформы земскую и судебную смотрѣлъ онъ какъ на дальнѣйшіе шаги въ этомъ направленіи и видѣлъ въ перспективѣ еще цѣлый рядъ неизбежныхъ реформъ для преслѣдованія все той же цѣли улучшенія соціальнаго, экономическаго и умственно-нравственнаго быта массы русскаго народа. — Какъ ни коверкали послѣ Петра В. его идей, — говорилъ Кавелинъ: — какъ ни взываютъ и теперь славянофилы о ложности его реформы, а то, что сдѣлалъ Петръ В., передѣлать

нельзя: Россія не начнетъ жить съизнова идеями XVI и XVII вв. Поправки въ реформы Петра В. необходимы; многія излишества ея замѣтны намъ теперь болѣе, чѣмъ ея современникамъ, но я говорю про общую мысль реформы, про ея основной характеръ... Да, я безконечно счастливъ, что дожилъ до 19-го февраля. Когда умру, прошу сдѣлать на моей могилѣ двѣ надписи: 1) „Нынѣ отпускаеши раба твоего, Владыко, по глаголу твоему съ миромъ, яко видѣсть очи мои спасеніе твое“. 2) „Идѣ же бо есть сокровище ваше, ту будетъ сердце ваше“.

Столь же отрадное чувство, какъ и въ прежнія свои поѣздки, вынесъ Кавелинъ изъ пребыванія въ самарскомъ имѣніи. — „Не могу вамъ передать, милая кузина, — писалъ онъ М. Я. Бели, 23-го іюля 1865 года, изъ Кавелинки, — сколько мнѣ было радости въ деревнѣ, когда я пріѣхалъ. Старъ и малъ — всѣ пришли съ крестьянскими дарами, поздороваться. Еще ѣдучи въ деревню, я всюду встрѣчалъ въ степи привѣтливыя слова: „мы тебя знаемъ, не только мужики, но и бабы; ты своихъ Кавелинскихъ крестьянъ счастливыми сдѣлалъ“. Можете себѣ представить, какъ эти слова на меня дѣйствовали! Въ любовь къ простому нашему народу, вы это знаете, я усадилъ почти всю свою жизнь, и теперь, подѣ старость, жну плоды того, что сѣялъ въ молодости, что вытекало изъ самой глубины моего сердца и убѣжденія“. Во всемъ околоте Кавелинъ пользовался необыкновенною популярностью. Къ нему приходили какъ Кавелинскіе, такъ и сосѣдніе крестьяне разбирать свои тяжбы и недоразумѣнія, и онъ былъ для нихъ мировымъ судьей задолго до введенія въ самарскомъ краѣ мировой юстиціи. Рѣшенію Кавелина, всегда безусловно справедливому, крестьяне подчинялись безпрекословно. Кавелинъ рассказывалъ много случаевъ изъ этихъ разбирательствъ, передавалъ много подробностей изъ своихъ отношеній къ крестьянамъ сельца Кавелинки. Не могу не припомнить по этому поводу одного характеристическаго эпизода, относящагося къ зимѣ 1865—1866 года.

Управлялъ самарскимъ имѣніемъ Кавелина бывший его крѣпостной крестьянинъ Митрофанъ Кондратьевичъ Каширинъ, котораго онъ особенно любилъ. Зимой 1865—1866 года онъ пригласилъ Каширина къ себѣ въ Петербургъ и возилъ его по столицѣ, показывая ея достопримѣчательности и знакомя со многими изъ своихъ друзей. При этомъ два эпизода вывели изъ себя Кавелина, и онъ написалъ о нихъ рѣзкую замѣтку въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“. Разъ онъ съ Каширинымъ садился въ конку, вовнутрь вагона. Кавелина кондукторъ, разумѣется, про-

пустилъ безпрепятственно, а Каширина, какъ „мужика“, попросилъ сѣсть навверхъ, на имперіаль вагона. Кавелинъ серьёзно рассердился и настоялъ на томъ, чтобы Митрофанъ Кондратьевичъ получилъ мѣсто въ вагонѣ. То же самое повторилось въ одномъ изъ петербургскихъ ресторановъ, куда Кавелинъ завелъ Каширина. Его не пускали въ ресторанъ, потому что онъ былъ не въ „нѣмецкомъ платьѣ“. Кавелинъ опять одержалъ побѣду.

— Русскій народъ—утилитаристъ прежде всего и въ высшей степени консервативенъ: въ этомъ—наше великое благополучіе. Поэтому много выдержки нужно, чтобы успѣшно вести съ нимъ дѣло,—говорилъ Кавелинъ ¹⁾:—съ нимъ постоянно нужно входить въ соглашенія, въ сдѣлки, постоянно лавировать и постоянно повторять ему на разные лады одну и ту же мысль, но при этомъ необходимо относиться къ нему вполне честно. Только этимъ путемъ съ нимъ можно добиться толку. Всѣ реформы, всѣ положенія, всѣ учрежденія—ничто, если они не будутъ послѣдовательно усваиваться сознаниемъ массы; а для этого нужна усиленная работа со стороны мыслящихъ и честныхъ людей. Законы, учрежденія—только орудія, средства для улучшенія народнаго быта. Это—азбука общественности, и злость беретъ при взглядѣ на нашу безграмотность! У насъ издадутъ положеніе, создадутъ новое учрежденіе—и думаютъ, что все сдѣлали!..—На такой-то путь честной работы и призывалъ Кавелинъ провинціальное дворянство; видя, какъ оно, въ общей массѣ, отнеслось къ факту освобожденія крестьянъ, онъ былъ увѣренъ, что оно способно выполнить эту задачу, и придавалъ историческое значеніе дѣятельности дворянскихъ комитетовъ по улучшенію быта крестьянъ и роли первыхъ мировыхъ посредниковъ.

Изъ событій прошлаго царствованія, Кавелинъ, послѣ освобожденія крестьянъ, всего болѣе останавливался, въ своихъ мысляхъ бесѣдахъ, на польскомъ вопросѣ, имѣвшемъ непосредственную связь съ дѣломъ упраздненія крѣпостного права; онъ считалъ его вопросомъ жизни и смерти для Россіи, ея Гамлетовскимъ „быть или не быть“, и не задумывался разрѣшать его въ смыслѣ русскихъ интересовъ.—Польскій мятежъ 1863 г. отрезвилъ насъ, русскихъ, — говорилъ онъ. Теперь мы очень хорошо понимаемъ, *à quoi nous en tenir*, и что скрывалось подъ либеральными и даже радикальными программами многихъ польскихъ „патріотовъ“. Сочувствуя обузданію въ Польшѣ магнатовъ и

¹⁾ Подъ „русскимиъ народами“ Кавелинъ вездѣ разумѣетъ великоруссовъ, какъ преобладающее и господствующее племя; малоруссовъ и бѣлоруссовъ онъ зналъ весьма поверхностно.

всендзовъ и восстановленію въ западно-русскомъ краѣ русской народности, Кавелинъ не одобрялъ, однако, многихъ мѣропріятій правительства въ этомъ направленіи, и, вполнѣ симпатизируя дѣятельности Н. А. Милютина въ царствѣ польскомъ, съ большимъ неодобреніемъ относился къ суровымъ мѣрамъ М. Н. Муравьева въ западномъ краѣ. Для Кавелина, какъ я уже упоминалъ выше, были одинаково ненавистны несправедливость и жестокость, съ какою бы стороны, изъ какаго бы лагеря онѣ ни выходили.

Не разъ заводилъ Кавелинъ въ тѣ дни рѣчь объ историческомъ значеніи крѣпостного права въ Россіи. Онъ развивалъ все то же воззрѣніе на великорусское племя и его исторію, которое высказывалъ раньше, въ своихъ чтеніяхъ въ профессорскомъ клубѣ въ Боннѣ и въ бесѣдахъ со мной въ 1863 году. При этомъ Кавелинъ, между прочимъ, высказалъ слѣдующее любопытное соображеніе:

— Въ мое время, въ 40-хъ годахъ, — говорилъ онъ, — интеллигентные кружки, въ которыхъ группировались мыслящіе люди, представляли собою почти микроскопическіе оазисы среди безконечной умственной и нравственной пустыни, погруженной въ хроническую спячку, въ преслѣдованіе узкихъ, эгоистическихъ, грубыхъ интересовъ, при полномъ господствѣ крѣпостного права. Крѣпостничество, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, проникало насквозь весь складъ этой жизни, въ которомъ маломальски мыслящему человѣку можно было задохнуться. По образу и подобию крѣпостного права складывался весь общественный и государственный бытъ Россіи того времени. Это было ея тогдашнимъ „правовымъ порядкомъ“. Иныя отдѣльныя личности въ кружкахъ достигали высокаго умственного развитія, но то были тепличныя растенія, не имѣвшія подъ собою дѣйствительной, реальной почвы. Весьма естественно, что эти люди искали своихъ идеаловъ не въ окружающей ихъ дѣйствительности (найти ихъ тамъ было немислимо), а внѣ ея, и относились къ ней отрицательно. Иные искали идеаловъ въ западно-европейской мысли и общественности; другіе — въ прошломъ русской земли, и тѣ, и другіе смотрѣли черезъ розовыя очки на источники своихъ идеаловъ. Тѣмъ не менѣе кружки сослужили славную службу русскому просвѣщенію. Мнѣ даже сдается, что и въ прошломъ Россіи все новое, все прогрессивное исходило изъ кружковъ. На Руси никогда не было сословій въ западно-европейскомъ смыслѣ; не изъ борьбы между собою интересовъ сословныхъ выросталъ у насъ общественный прогрессъ, какъ на Западѣ, а изъ совокуп-

ной дѣятельности небольшого числа лицъ, понимавшихъ современное имъ положеніе дѣлъ и стремившихся идти впередъ. По всей вѣроятности, въ кружкахъ московской интеллигенціи XIV и XV вв. выносила и созрѣла мысль о „собираніи земли русской“; такіе же кружки группировались и около Іоанна III, и около Іоанна Грознаго, и около Петра Великаго. И они отрицательно относились къ окружавшей ихъ дѣйствительности, и они черпали свои идеалы извнѣ — изъ Византіи, изъ Польши, изъ западной Европы. А припомните кружки XVIII и XIX вв. — масоновъ и политическіе кружки такъ-называемыхъ декабристовъ. Теперь время кружковъ и заимствованіе идеаловъ извнѣ и изъ прошлаго родной земли отслужило свой вѣкъ. Возрѣнія западниковъ и славянофиловъ — анахронизмы. Теперь возможно одно только возрѣніе — національное, русское, основанное на изученіи реальныхъ явленій въ жизни русской земли, русскаго народа, прошлой и настоящей, безъ всякой предпосылки. Безпринципность во всемъ теперь у насъ страшная, поражающая! Самымъ нагляднымъ выразителемъ ея является такъ-называемый нигилизмъ, это безшабашное, грубое російское отрицаніе. Нигилизмъ зародился и выросъ среди того поколѣнія, которое лишено было въ юности здоровой умственной пищи, вслѣдствіе печальныхъ условій нашей общественности послѣ 1848 года, — и является патологическимъ результатомъ этихъ условій. Это — фаза нашего развитія, знаменующая переходное время, переживаемое нами, которая скоро должна окончиться...

Много поразсказалъ мнѣ Кавелинъ, въ этотъ прїѣздъ свой, изъ исторіи Россіи ближайшихъ къ намъ годовъ и изъ современной политической и общественной жизни. Но весьма интересные его разсказы объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ, о событіяхъ и людяхъ 40-хъ, 50-хъ и 60-хъ годовъ, его мѣткія характеристики государственныхъ дѣятелей и писателей тѣхъ эпохъ — все это до поры до времени должно остаться подъ спудомъ. Всѣ эти разсказы Кавелина были записаны мною тогда же.

Начавъ со мной на пароходѣ разговоръ о необходимости работы надъ собой, о роли въ духовной жизни человѣка воли, Кавелинъ нѣсколько разъ возвращался къ этой темѣ. Онъ много разсуждалъ о свободѣ воли, о возникновеніи и развитіи въ человѣкѣ сознанія, о формированіи въ умѣ отвлеченныхъ понятій и о процессѣ мышленія вообще, о сущности индивидуальной и общественной нравственности и о нравственныхъ основахъ въ дѣятельности человѣка. Всѣ возрѣнія на эти вопросы, изложенныя имъ впослѣдствіи печатно, въ общихъ чертахъ намѣчались

у него въ 60-хъ годахъ ¹⁾). Весьма естественно, что при обсужденіи всѣхъ этихъ вопросовъ Кавелинъ долго останавливался на христіанской морали. Онъ не только не считалъ православія самымъ прямымъ и чистымъ выраженіемъ христіанства, но имѣлъ самостоятельныя, свободныя религіозныя убѣжденія, причемъ, однако, ставилъ весьма высоко христіанское ученіе о нравственности. „Выше этого пониманія основъ нравственности никогда не было преподаано человѣчеству!“ — восклицалъ онъ въ душевномъ умиленіи. Онъ любилъ читать и прекрасно читалъ Евангеліе и апостольскія посланія. Особенно приводило его въ восторгъ опредѣленіе любви апостоломъ Павломъ (1-е посланіе къ Коринѣянамъ, гл. 13). Какъ теперь вижу Кавелина, въ нашей деревенской залѣ за чайнымъ столомъ, необыкновенно задушевно произносящимъ:

„Любѣ долготерпѣть, милосердствовать; любѣ не завидѣть; любѣ не превозноситься, не гордиться, не безчинствовать, не ищетъ своихъ си, не раздражается, не мыслить зла, не радуется о неправдѣ, радуется же о истинѣ“...

По поводу разсужденій о христіанствѣ заходила рѣчь объ извѣстной книгѣ Ренана: „Vie de Jésus“. Кавелинъ считалъ этотъ трудъ французскаго гебраиста весьма поверхностнымъ подражаніемъ солидному нѣмецкому ученому труду Штрауса и приходилъ въ негодованіе отъ легкомыслія Ренана, отъ его непониманія основы христіанскаго ученія — самой высокой, всепроникающей, всепрощающей любви...

Таковы были главныя, основныя тѣмы разговоровъ Кавелина. Онъ развивалъ и разнообразилъ ихъ съ тѣмъ ему свойственнымъ талантомъ, о которомъ я подробно говорилъ въ предыдущей главѣ.

Сопровождаемый самыми искренними пожеланіями всего лучшаго отъ всей нашей семьи, Кавелинъ уѣхалъ отъ насъ 14-го августа, а на другой день отплылъ изъ Казани въ Нижній. Долго мы не получали писемъ отъ Кавелина и тревожились этимъ. Наконецъ 18-го сентября онъ откликнулся на наши письма. Отцу моему онъ писалъ:

„Глубоко уважаемый и дорогой другъ Александръ Львовичъ! Благодарю васъ много и много разъ за ваше письмо. Я не пи-

¹⁾ Впервые Кавелинъ изложилъ печатно нѣкоторыя изъ своихъ философскихъ воззрѣній въ статьѣ по поводу магистерской диссертациі Н. А. Неклюдова: „Мысли о современныхъ научныхъ направленіяхъ“, помѣщенной въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 1865, №№ 132, 133, и вышедшей въ томъ же году особой брошюрой.

сать о своемъ прїѣздѣ, и очень благополучномъ, въ С.-Петербургъ потому, что не подумалъ о томъ, что это можетъ представиться вамъ вопросомъ. При теперешнихъ удобствахъ сообщенія съѣздить отъ васъ къ намъ и отъ насъ къ вамъ — почти то же, что съ Вас. Острова на Гороховую. Но отчасти я не писалъ и по другой, очень важной причинѣ. Тотчасъ по прїѣздѣ я узналъ, что моя жена тяжело заболѣла въ Ишлѣ (Австрія). Глупыя телеграммы встревожили меня еще болѣе; я тотчасъ же послалъ туда нашу старую няню и былъ на чеку, не придется ли самому ѣхать. Теперь уже вторая недѣля, что жена прїѣхала, совершенно больная, и лежитъ въ постели... Благодаря очень искусному здѣшнему врачу, ей теперь лучше. Сегодня первый день, что онъ вовсе не прїѣхалъ. Но жена смотритъ на лечение съ точки поэтическихъ вольностей: позволяетъ себѣ разныя фантазіи, отступленія отъ категорическихъ предписаній врачей, и тѣмъ, разумѣется, по мѣрѣ силъ и способностей, замедляетъ выздоровленіе, которое, по самому свойству болѣзни, можетъ быть лишь весьма и весьма медленное...

„Много разъ благодарю васъ за извѣстіе о казанскихъ земскихъ выборахъ. Подробности очень любопытны. Что у насъ во всемъ и всегда ложка дегтю на бочку меду, — это дѣло извѣстное, заобычное, къ которому пора привыкнуть. Пока безтолочь родная преобразится во что-нибудь правильное — пройдетъ много, много времени... Дѣйствіе земскихъ учреждений началось по с.-петербургской губерніи, какъ и всюду, засѣданіями уѣздныхъ собраній. Мнѣ случилось разговаривать съ помѣщиками ямбургскими и петергофскими и слышать отзывы о томъ, что было въ царскосельскомъ уѣздѣ. Впечатлѣніе то, что крестьяне держатъ себя очень хорошо, прилично, съ тактомъ, и что никакихъ словенныхъ столновеній нѣтъ. Мнѣ рассказывалъ это вовсе не партизанъ крестьянъ, тономъ отчасти удивленнымъ. П—въ, царскосельскій предводитель, выбранный въ предсѣдатели управы, хочеть — говорятъ — требовать расширенія крестьянскаго представительства, находя, что крестьяне не довольно сильно представлены. Вообще же мнѣ показалось, что у дворянъ петербургской губерніи направленіе какое-то критическое къ земскимъ учреждениямъ. Они поднимаютъ вопросы о недостаткахъ Положенія и хотять требовать измѣненія разныхъ статей. Замѣчанія ихъ справедливы. Но, на мой взглядъ, не слѣдовало бы съ этого начинать; поправка Положенія и инструкцій вызовется необходимо сама собою, когда земскія учреждения начнутъ дѣйствительно и серьезно вести и разрабатывать земское дѣло. Имъ нужно сперва зареко-

мендовать себя полезною дѣятельностью, которая одна и придастъ большой вѣсъ ихъ мнѣнію и требованіямъ. Таково мнѣніе горожанъ и крестьянъ, и я думаю, что они правы...

„...Будьте здоровы, почтенный и дорогой другъ! Съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю время, проведенное у васъ въ Арышхадѣ. Крѣпко васъ обнимаю и желаю вамъ всего лучшаго. — Преданнѣйшій вамъ — К. Кавелинъ.“

Мнѣ онъ писалъ, отъ того же 18-го сентября, слѣдующее:

„Любезнѣйшій другъ Дмитрій Александровичъ! Благодарю за письмо и добрую память; благодарю за любопытныя подробности о казанскихъ выборахъ въ земскія учрежденія. По тому интересу, который я въ немъ питаю, можешь себѣ представить, какъ я ими упитывался. Хочу прочесть выдержки изъ твоего письма и батюшки моимъ разнымъ пріятелямъ, которые точно также интересуются этимъ дѣломъ; а кто же, немного хоть мыслящій человекъ, имъ не интересуется?..

„Отъ всей души радуюсь, что ты серьезно, съ сознаніемъ и твердой волей сбрасываешь съ себя злѣйшаго врага русскихъ и всего русскаго — безплодное жеванье и пережевыванье самого себя, — этотъ восточный недугъ, эту браминскую и ламаитскую отрыжку, которая дала нашимъ писателямъ возможность набросать нѣсколько любопытнѣйшихъ субъектовъ психологической патологии, — но какимъ-то проклятіемъ лежитъ она на русской жизни. Это болѣзнь заманчивая, и потому крайне опасная. Дай Богъ, чтобъ она тебя вовсе оставила. Положительныя обязанности, положительная радость, положительное горе, положительное дѣло, — все положительное, не пошлое и бессмысленное, а имѣющее свои твердыя очертанія и опредѣленныя границы, формы, — вотъ лекарство, и самое вѣрное, противъ этой язвы, отъ которой погибло въ Россіи столько живыхъ, здоровыхъ силъ. Держитесь упорно на этомъ пути, не балуйте себя, не поддаваясь физическому нерасположенію; часто хандра только потому и беретъ насъ надолго, что мы не переломили себя въ самомъ началѣ какимъ-нибудь механическимъ занятіемъ. Что вы помогаете отцу въ его заботахъ, — это превосходно. Сознаніе исполненнаго долга поддержитъ васъ морально, помимо физическаго упражненія; оттого силы накопятся и окрѣпнутъ на борьбу и трудъ, — это назначеніе человека, его жизнь, смыслъ его жизни, залогъ всякаго, и вѣшняго, и внутренняго, блага. Выдержите такъ годы — и трудъ обратится въ привычку и потребность; будете много разъ себя переламывать, и у васъ родится сознаніе господства надъ собою,

мѣра въ себя и свои силы, безъ которыхъ человѣкъ — дрянь, ничтожество, хуже послѣдней твари. Та свое дѣло дѣлаетъ; онъ тоже долженъ дѣлать свое. И не думай, чтобъ громадность труда, громадность усилий надъ собой вела къ цѣли. Мѣра должна быть въ уровень съ силами; изъ двухъ золъ — лучше не исчерпать силъ, чѣмъ надорвать; главное и первое — постоянство, выдержка работы надъ собой, которая капитализируетъ силы, удешевляетъ и усотворяетъ ихъ привычкой. Въ этомъ есть своя геометрическая прогрессія. Доработаемся до виртуозности, если только, наблюдая за собой, отыщемъ мѣру своихъ силъ, которая у каждого своя. Вашему поколѣнью особенно нужна такая работа надъ собой, и потому что дряблость, безхарактерность дошла до апогея, съ которой долженъ начаться поворотъ, да и потому, что вы увидите многое, чего мы ужъ не увидимъ. Вы, видимо, попадете, въ самый цвѣтъ силъ, въ такое время, которое потребуетъ отъ людей, кромѣ знанія и сердца, — характера и дѣла, а ни Тенетниковы, ни Печорины, ни Рудины, ни *tutti quanti*, имъ подобные, на дѣло неспособны, потому что прохандрили всю свою жизнь и, не имѣя характера, растеряли и знанія, и умъ, и чувства, и стали ни къ чему годными людьми. Прочтите „Обломова“, „Кто виноватъ“, да „Сапу“, Некрасова, гдѣ является такой же господинъ, и посмотрите хорошенько — ихъ и вполнѣ порядочными людьми-то назвать нельзя, — такъ они запропали оттого, что не имѣютъ никакого характера и воли. Объ этомъ, впрочемъ, довольно. Боюсь оскомину тебѣ набить, повторяя на разные лады то, объ чемъ мы столько говорили. Предупреждаю только, что ты не долженъ очень радоваться и довѣряться тому, что теперь встрахнулся и починился. Это улетучиваніе въ неопредѣленность, тоскливое и лѣнивое погруженіе въ себя безъ точнаго предмета передъ умомъ и чувствами, — все это вдругъ не проходить; оно, ни съ того, ни съ сего, можетъ возвратиться, и, вѣроятно, возвратится еще не разъ. Мы обыкновенно ожидаемъ, чтобы изъ него выйти, какого-нибудь внѣшняго возбужденія, и мечемся, какъ больной на своей постели, пока снизойдетъ на насъ манна небесная. А лекарство — въ насъ самихъ и нигдѣ больше. Надобно принудить себя къ работѣ, хоть бы только внѣшней; надо, несмотря ни на что, точно и пунктуально ее выполнить, сегодня, завтра и послѣ-завтра. Въ этомъ — побѣда надъ собой, которая и есть единственное и вѣрное лекарство. Жди припадковъ и готовься къ нимъ, какъ пловецъ къ бурѣ, чтобы они не застали тебя врасплохъ.

„Статью „Современника“¹⁾ читалъ. Если бы было время, — отвѣтилъ бы, не для того, чтобы считаться съ критикомъ, — онъ того точно не стоитъ, — а чтобы, придравшись къ этому, яснѣе и больше высказать свою мысль. Но рѣшительно некогда, некогда и некогда! А очень бы надо. Эти господа скрываютъ за трескучими фразами необыкновенную бѣдность пониманія, плоскость мысли и удивительное незнаніе.

„Обнимаю тебя, мой милый, милѣйшій Дмитрій Александровичъ! Отъ всего сердца желаю, чтобы твоя рѣшимость не хандрить оставалась и тогда, когда хандра придетъ. Пока ея нѣтъ — легко съ ней справляться; а когда она явится — гораздо труднѣе. Тутъ-то нужна, особенно на первыхъ порахъ, вся сила воли, все ея напряженіе. Нужно вооружиться механикой, — механическимъ, приневоленнымъ, наружнымъ выполненіемъ обязанностей, когда хандра подсказываетъ, что этого вовсе не нужно. Безъ привычки, эта борьба — страшная! Я ее знаю. Чтобы сдѣлать ее возможной, не нужно задавать себѣ слишкомъ большихъ уроковъ и обязанностей на это время, какъ я вамъ уже говорилъ.

„Ну, прощайте! Обнимаю васъ крѣпко... Вашъ отъ души — К. Кавелинъ“.

Д. Корсаковъ.

¹⁾ Въ 7-й книгѣ „Современника“ за 1866 г. была помѣщена статья по поводу брошюры Кавелина: „Мысли о современныхъ научныхъ направленіяхъ“, за подписью: „Посторонній сатирикъ“.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢВИЧЪ ДАРГОМЫЖСКІЙ

ПО ЕГО АВТОБІОГРАФИИ, ПИСЬМАМЪ И ПРОИЗВЕДЕНІЯМЪ.

Начало композиторской дѣятельности А. С. Даргомыжскаго совпадаетъ съ тѣмъ періодомъ времени, когда общее вниманіе было обращено на произведенія М. И. Глинки. Даргомыжскій выступилъ въ той же области оперной музыки, гдѣ съ такимъ изумительнымъ величіемъ проявилъ свой геній Глинка, создавшій новый, самостоятельный стиль національной русской драматической музыки. Сопоставленіе одновременно двухъ художниковъ въ одной и той же области искусства всегда отражается неблагоприятно для менѣе сильнаго изъ нихъ. Колоссальный геній Глинки подавлялъ Даргомыжскаго, оставляя въ тѣни его произведенія, которыя, конечно, не могли конкурировать съ такими величайшими произведеніями драматической музыки, какъ „Жизнь за Царя“ и „Русланъ и Людмила“. Поэтому Даргомыжскому трудно было занять прочное положеніе; долгое время его считали не болѣе какъ музыкантомъ-дилеттантомъ, писавшимъ недурные, талантливые романсы, а на его оперы смотрѣли какъ на произведенія, не имѣющія серьезнаго значенія. Тогда его оперы исполнялись на сценѣ рѣдко, плохо, небрежно, и долгое время даже его „Русалка“, сдѣлавшаяся въ настоящее время одною изъ любимѣйшихъ и популярнѣйшихъ оперъ, не имѣла почти никакого успѣха. Даргомыжскому приходилось бороться и противъ предубѣжденія театральной дирекціи относительно достоинства его оперъ, и противъ равнодушія публики, оказывавшей мало къ нему вниманія. Въ этой неравной борьбѣ, убивавшей энергію Даргомыж-

скаго и подрывавшей въ немъ увѣренность въ своихъ творческихъ силахъ, прошли многіе годы, почти совсѣмъ безплодные для его артистической дѣятельности, оставшейся вслѣдствіе того весьма ограниченной, далеко не соотвѣтствующею степени его композиторской талантливости. Общественное мнѣніе относительно значенія Даргомыжскаго въ искусствѣ измѣнилось сравнительно уже поздно, послѣ 1865 г., когда опера „Русалка“, — спустя десять лѣтъ послѣ того какъ она была написана, — возобновленная на сценѣ Маріинскаго театра, въ болѣе удовлетворительномъ видѣ и при хорошемъ составѣ исполнителей, имѣла неожиданный громадный успѣхъ. Тогда только пріобрѣлъ Даргомыжскій болѣе громкую извѣстность, и за нимъ было признано неоспоримое право на почетное мѣсто среди лучшихъ композиторовъ. Вскорѣ затѣмъ наши музыкальные критики постарались, однако, умалить значеніе талантливаго художника своими злобными нападками на его послѣднюю оперу, „Каменный гость“, — самое талантливое и самое оригинальное изъ всѣхъ его произведеній, гдѣ болѣе чѣмъ во всѣхъ другихъ выразились самобытность и своеобразность его творчества. Подобное отношеніе къ Даргомыжскому не могло, конечно, способствовать правильному и безпристрастному сужденію о его композиторской дѣятельности, относительно которой до сихъ поръ еще не установленъ опредѣленный взглядъ критики и въ публикѣ распространены не всегда вѣрные толкованія. Между тѣмъ дѣятельность Даргомыжскаго, несмотря на ея ограниченность въ количественномъ отношеніи, имѣетъ въ высшей степени важное значеніе, такъ какъ она пустила глубокіе корни въ почву музыкальнаго искусства въ Россіи, и ея вліяніе отразилось существеннѣйшимъ образомъ на произведеніяхъ современныхъ русскихъ композиторовъ. „Русалка“ и особенно „Каменный гость“, вмѣстѣ съ операми „Жизнь за Царя“ и „Русланъ и Людмила“, составляютъ краеугольные камни, которые служатъ основой современной русской драматической музыки.

Долгое время публикѣ нашей не было извѣстно никакихъ подробностей о личности и жизни Даргомыжскаго; только съ 1875 г., когда была напечатана полная его автобіографія ¹⁾, довольно значительное число его писемъ и воспоминанія лицъ, находившихся въ близкихъ къ нему отношеніяхъ, — появились нѣкоторые матеріалы для его біографіи.

¹⁾ Автобіографія Даргомыжскаго сначала была напечатана въ извлеченіи въ „Нувелистѣ“ (1866 г.), а потомъ, съ значительными пропусками, въ журналѣ „Музыка и Театръ“ (1867 г.); въ „Русской Старинѣ“ (1875 г., февраль) она впервые появилась безъ сокращеній.

I.

Жизнь Александра Сергѣевича Даргомыжскаго, какъ и большей части нашихъ художниковъ и талантливыхъ людей, не богата важными событиями и не представляетъ ничего особеннаго, исключительнаго. Если и въ настоящее время положеніе русскихъ композиторовъ не отличается благоприятными условіями для широкой артистической дѣятельности, то въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, во времена Глинки и Даргомыжскаго, эти условія были еще хуже. Непониманіе и равнодушіе публики были тогда еще сильнѣе, чѣмъ теперь; та область, въ которой наши композиторы могли проявлять свою дѣятельность, была еще ограничѣннѣе; препятствія къ распространенію ихъ произведеній встрѣчались еще чаще. Условія были печальныя для развитія музыкальнаго искусства, тягостныя и невыносимыя для художниковъ, вынужденныхъ, вмѣсто широкой общественной жизни, какою живутъ композиторы западной Европы, замѣниться въ рамки личной жизни и отдаваться творчеству единственно ради индивидуальныхъ требованій своей художественной натуры. Въ этихъ, конечно, обстоятельствахъ кроются причины, почему какъ Глинка, такъ и Даргомыжскій, писали сравнительно очень немного, и нѣтъ сомнѣнія, что, при болѣе благоприятныхъ условіяхъ, ихъ творческая дѣятельность была бы несравненно богаче и принесла бы лучшіе результаты.

Даргомыжскій родился 2-го февраля 1813 г., въ тревожную эпоху отечественной войны. Его отецъ, помѣщикъ смоленской губерніи, Сергѣй Николаевичъ Даргомыжскій, былъ женатъ на княжнѣ Коваловской; спасаясь отъ нашествія французовъ, онъ долженъ былъ удалиться съ семьей изъ своего родового имѣнія въ небольшую деревню тульской губерніи, гдѣ и родился его сынъ Александръ. Мальчикъ, довольно слабый отъ рожденія, физически развивался медленно и до 5-ти-лѣтняго возраста не начиналъ говорить, внушая опасенія, что останется нѣмымъ. Въ концѣ 1817 г., семья Даргомыжскаго переселилась изъ деревни въ Петербургъ, который съ того времени оставался постояннымъ мѣстопребываніемъ Александра Сергѣевича до самой его смерти. Отецъ его не жалѣлъ средствъ на образованіе сына и, между прочимъ, съ 6-лѣтняго уже возраста заставилъ его учиться на фортепіано. Сначала мальчикъ бралъ уроки у какой-то Луизы Вольгеборнъ, а потомъ у Адріана Трофимовича Данилевскаго, весьма хорошаго, по словамъ самого Даргомыжскаго, музыканта. Нѣсколько позднѣе

мальчикъ началъ учиться также на скрипкѣ, подъ руководствомъ Воронцова,—музыканта изъ славившагося въ свое время домашняго оркестра богача Юшкова. Съ самаго дѣтства Даргомыжскій обнаруживалъ рѣшительную наклонность къ искусству и особенно къ театру; онъ самъ устраивалъ кукольныя сцены и сочинялъ для нихъ нѣчто въ родѣ водевилей. Къ музыкѣ онъ также проявлялъ большія способности и настолько сильное влеченіе, что, несмотря на многочисленные уроки съ приходящими русскими и иностранными учителями, онъ на 11-мъ и 12-мъ году возраста сочинялъ самоучкой разныя фортепیانныя пьески и романсы. Его учитель Данилевскій, съ которымъ ученикъ вѣчно спорилъ, занимаясь болѣе сочинительствомъ, чѣмъ задаваемыми ему фортепіанными упражненіями, не поощрялъ его композиторскихъ стремленій и даже уничтожалъ его рукописи, такъ что изъ нихъ уцѣлѣли немногія, долго, однако-же, сохранявшіяся у Даргомыжскаго, какъ память о дѣтскихъ попыткахъ. Дальнѣйшее усовершенствованіе въ фортепіанной игрѣ Даргомыжскій приобрѣлъ подъ руководствомъ Шоберлехнера (извѣстнаго ученика Гуммеля), считавшаго талантливаго мальчика своимъ лучшимъ ученикомъ; затѣмъ онъ также пользовался кое-какими уроками пѣнія у Цейбиха. Этимъ ограничивались его учебныя музыкальныя занятія; руководителя въ композиторскихъ работахъ онъ не имѣлъ и, несмотря на отсутствіе теоретическихъ свѣдѣній, продолжалъ сочинять музыку, чисто практическимъ путемъ совершенствуя и развивая свои способности къ музыкальному творчеству.

Въ тридцатыхъ годахъ Даргомыжскій уже пользовался извѣстностью талантливаго, хорошаго исполнителя какъ на фортепіано, такъ и на скрипкѣ. Онъ участвовалъ во многихъ любительскихъ концертахъ и славился превосходнымъ чтеніемъ нотъ съ листа. Въ квартетахъ онъ исполнялъ партіи второй скрипки и альты, и притомъ такъ хорошо, что лучшіе петербургскіе артисты того времени (Бемъ, Мейнгартъ, Ромбергъ), играя съ нимъ, оставались вполне довольными его исполненіемъ. Въ то время, т.-е. когда Даргомыжскому было лѣтъ 17 — 18, имъ было написано большое количество музыкальных произведеній: много блестящихъ пьесъ для фортепіано и скрипки, два квартета, нѣсколько кантъ и множество романсовъ; изъ числа послѣднихъ нѣкоторые долгое время были въ ходу между любителями пѣнія ¹⁾.

Въ 1831 г., Даргомыжскій поступилъ на службу въ контроль

¹⁾ „Дѣва и Роза“, „Ты хорошенькая“, „Кафсь, дядя“, „O, ma charmante“, „Камень тяжелый“, „Голубые глаза“, „Владыко дней моихъ“, „Баба старая“.

министерства двора, причѣмъ ему была поручена работа по отдѣленію императорскихъ театровъ. Но на службѣ онъ оставался недолго; выйдя въ отставку въ 1835 г., съ чиномъ титулярнаго совѣтника, онъ съ того времени болѣе нигдѣ не служилъ.

Около того же времени, Даргомыжскій познакомился съ М. И. Глинкой, и это знакомство принесло Даргомыжскому большую пользу и, можетъ быть, имѣло важное значеніе относительно направленія его творческой дѣятельности. „Одинаковое образованіе, одинаковая любовь къ искусству, — писалъ Даргомыжскій въ своей автобіографіи, — тотчасъ сблизили насъ, несмотря на то, что Глинка былъ 10-ю годами старше меня. Мы въ теченіе 22-хъ лѣтъ сряду были съ нимъ постоянно въ самыхъ короткихъ, самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Дружба наша не поколебалась даже и въ послѣдніе годы жизни Михаила Ивановича, когда напшились, по обыкновенію, пріятели, старавшіеся всѣми силами возбудить между нами артистическое соревнованіе; образованность Глинки и искреннее мое уваженіе къ его таланту превозмогли надъ сплетнями“¹⁾.

Частыя, постоянныя сношенія съ Глинкой, — который писалъ въ то время „Жизнь за Царя“, — первыя репетиціи его оперы, дѣлаемыя съ оркестромъ князя Юсупова и въ которыхъ Даргомыжскій принималъ дѣятельное участіе, наконецъ, совѣты Н. Кузьмича, заставили Даргомыжскаго серьезнѣе отнестись къ музыкѣ, чѣмъ онъ относился до того, и постараться пріобрѣсть необходимыя для того знанія по теоріи композиціи. Для этой цѣли послужили тѣ же самыя тетрадки, по которымъ учился Глинка и которыя были написаны для него берлинскимъ профессоромъ Де-

¹⁾ Думаемъ, что въ этихъ строкахъ Даргомыжскій дѣйствительно вполнѣ искренно выражалъ уваженіе къ таланту Глинки и дружескія къ нему чувства. Врядъ-ли справедливо мнѣніе, что у Даргомыжскаго было много зависти и неприязни къ Глинкѣ. Правда, въ нѣкоторыхъ напечатанныхъ письмахъ Даргомыжскаго находятся довольно рѣзкія сужденія по отношенію къ Глинкѣ, но это касалось исключительно нѣкоторыхъ дѣйствій Глинки и его взглядовъ на вещи, которыхъ не оправдывалъ и не раздѣлялъ Даргомыжскій. Въ другихъ же письмахъ Даргомыжскій не скрывалъ своего уваженія къ Глинкѣ и отличалъ слабыя стороны его характера отъ его колоссальнаго таланта, выражаясь, напр.: „Глинка — человѣкъ, какъ и всѣ мы грѣшныя, а талантъ онъ, въ глазахъ моихъ, зело великій“. — А такіа, напр., фразы въ его письмахъ, какъ: „Я считаю произведенія его (Глинки) весьма важными не только для русской, но даже для всякой другой музыки. Зато сколько онъ отнялъ у насъ. Публика хочетъ всѣхъ мѣрять на его аршинъ, отъ этого и мудрено намъ выдерживать“. Или изъ другого письма: „при высокомъ талантѣ онъ былъ человѣкъ европейски-образованный, добрый и милый товарищъ; оригинальный умъ его не уступалъ мягкому и благородному сердцу“ — подобныя фразы скорѣе доказываютъ теплое чувство, неподдѣльное уваженіе, признаніе превосходства, чѣмъ неприязнь или зависть.

номъ. Даргомыжскій собственноручно списалъ эти тетради и усвоилъ по нимъ ученіе о гармоніи и контрапунктѣ весьма легко, такъ какъ былъ уже подготовленъ къ этому своими прежними практическими композиторскими работами. Затѣмъ, съ инструментальной онъ знакомился, вѣроятно, подъ руководствомъ Глинки; въ автобіографіи Даргомыжскаго упоминается, что первые опыты въ оркестровѣ были имъ сдѣланы для концертовъ, устраиваемыхъ имъ, вмѣстѣ съ Глинкой, съ благотворительною цѣлью; первые опыты въ этомъ родѣ были вполнѣ удачны. Тогда явилось естественное желаніе испытать свои силы на самостоятельномъ обширномъ произведеніи. Даргомыжскій задумалъ написать оперу и выбралъ сюжетъ: „Лукреція Борджіа“; но, составивъ планъ оперы и написавъ нѣсколько нумеровъ, Даргомыжскій, по совѣту В. А. Жуковскаго, не продолжалъ этой работы далѣе, видя, что избранный имъ сюжетъ для оперы былъ рѣшительно невозможенъ въ то время для сцены въ Россіи. Недолго искалъ Даргомыжскій новаго либретто для оперы и остановился выборомъ на романѣ В. Гюго — „Notre Dame de Paris“, на сюжетъ котораго существовало уже готовое оперное либретто, подъ заглавіемъ „Эсмеральда“, сдѣланное самимъ Гюго для французской музыкальной писательницы Louise Bertin (дочери основателя „Journal des Débats“). Даргомыжскій началъ писать музыку на французскій текстъ либретто „Эсмеральда“, работалъ съ увлеченіемъ, свободно и легко преодолевая препятствія. Быстро подвигалась впередъ его первая оперная партитура, внушая, конечно, молодому музыканту самыя розовыя надежды на открывавшееся передъ нимъ широкое поле композиторской дѣятельности. Въ 1839 году опера „Эсмеральда“ была окончена, ея французскій текстъ переведенъ самимъ Даргомыжскимъ на русскій языкъ и партитура представлена въ театральную дирекцію. Несмотря на одобрительные отзывы капельмейстеровъ императорскихъ театровъ о достоинствахъ оперы, несмотря на постоянныя хлопоты, старанія и просьбы Даргомыжскаго о постановкѣ его произведенія на сценѣ, театральная дирекція въ теченіе многихъ лѣтъ не давала ему опредѣленнаго отвѣта. „Эсмеральда“ пролежала у меня въ портфель цѣлыхъ восемь лѣтъ, — писалъ Даргомыжскій въ автобіографіи; — вотъ эти-то восемь лѣтъ напраснаго ожиданія и въ самые кипучіе годы жизни легли тяжелымъ бременемъ на всю мою артистическую дѣятельность“.

„Эсмеральда“, большая лирическая опера въ 4-хъ дѣйствіяхъ, — произведеніе далеко не зрѣлое, для настоящаго времени уже устарѣлое и слабое. Въ ряду произведеній Даргомыжскаго она

занимаетъ такое же мѣсто, какъ напримѣръ у Мейербера давно забытыя оперы: „Cenci“, „Марія Анжуйская“ и др., или у Вебера оперы „Абу-Гассанъ“ и „Петръ Шмоль“, произведенія также первоначальныя, писанныя когда стиль музыки этихъ композиторовъ еще не установился, не выработался. „Эсмеральда“ замѣчательна только какъ первая попытка въ оперной музыкѣ будущаго автора „Русалки“ и „Каменнаго Гостя“; но въ этой оперѣ нѣтъ ничего, что могло бы характеризовать композиторскую дѣятельность Даргомыжскаго именно съ той стороны, съ которой она имѣетъ существенное значеніе и оказала вліяніе на дальнѣйшее развитіе русской оперной музыки. Однако уже въ „Эсмеральдѣ“ виденъ несомнѣнно талантливый композиторъ, обладающій изобрѣтательностью, а также легкостью и свободой композиціи; музыка „Эсмеральды“ отличается мелодическою плавностью, хорошимъ расположеніемъ вокальных партій и недурнымъ въ нихъ голосоведеніемъ; встрѣчаются иногда гармоніи новыя и интересныя для того времени, когда написана опера, т.-е. 45 лѣтъ назадъ; въ этой партитурѣ можно указать на страницы безусловно талантливыя и не лишенныя оригинальности. Существенный недостатокъ „Эсмеральды“ — неопредѣленность стиля музыки; замѣтно, что Даргомыжскій писалъ по образцамъ оперъ французской школы, преимущественно оперъ Галеви, но видно вліяніе и Мейербера, а также итальянскихъ композиторовъ. Впрочемъ, при болѣе близкомъ знакомствѣ съ „Эсмеральдой“, по нѣкоторымъ оборотамъ мелодіи и гармоническимъ комбинаціямъ, можно подмѣтить, что этой музыкѣ присуще нѣчто особенное, характеризующее славянскую національность автора; этотъ славянской элементъ, лишь слабо проявившійся въ „Эсмеральдѣ“, въ позднѣйшихъ произведеніяхъ Даргомыжскаго обнаруживается явственнѣе, а въ „Русалкѣ“ онъ совсѣмъ преобладаетъ, придавая этой оперѣ характеръ чисто національно-русскій.

Даргомыжскій терпѣливо ждалъ, чѣмъ рѣшить театральная дирекція относительно его „Эсмеральды“, и свой досугъ посвящалъ мелкимъ композиторскимъ работамъ. Въ письмѣ къ своему другу В. Г. Кастріоту-Скандербеку, отъ 10-го августа 1843 г., сообщая о своихъ неудачахъ съ постановкой на сценѣ „Эсмеральды“, Даргомыжскій, между прочимъ, писалъ: „Но какъ бы тамъ ни было, не подумай, что я все это время оставался въ праздности. Не считая большого числа музыкальных пьесъ, написанныхъ мною для любительскихъ спектаклей, для музыкальных альбомовъ и особенно для серенадъ, которыя я въ прошломъ году давалъ на Черной Рѣчкѣ, я написалъ большую кан-

тату, съ хорами и тремя партіями для пѣнія соло, содержащую пять большихъ музыкальныхъ нумеровъ. Я взялъ текстъ у нашего безсмертнаго Пушкина: „Торжество Вакха“. Я ничего не измѣнилъ въ этой поэмѣ, вакхической и сладострастной отъ начала и до конца. Я еще не давалъ пробовать мою кантату и никому не игралъ ея; но если ты хочешь знать, что я самъ про нее думаю, то я тебѣ скажу, что, мнѣ кажется, я никогда ничего лучше этого не напишу. Впрочемъ я, можетъ быть, ошибаюсь“. Написанныя въ то время Даргомыжскимъ мелкія пьесы для пѣнія (числомъ 30) были тогда же изданы музыкальнымъ магазиномъ Ли и, по появленіи ихъ въ продажѣ, тотчасъ же начали быстро распространяться. „Здѣсь въ Петербургѣ, — писалъ Даргомыжскій Скандербеку, 20-го января 1844 г., — романсы мои до такой степени поются, что и мнѣ надобѣли; однако все еще изрѣдка пишу новенькіе“. Къ композиторскимъ работамъ прибавились тогда у него еще другія, тоже музыкальныя занятія; онъ взялся быть дирижеромъ образовавшагося въ Петербургѣ небольшого музыкальнаго общества, въ которомъ составилъ изъ любителей маленькій оркестръ и хоръ; Даргомыжскій охотно отдавалъ свое время на занятія съ любителями, тѣмъ болѣе, что могъ исполнять съ ними отрывки изъ своей оперы, слышать которую другимъ способомъ онъ былъ лишенъ возможности.

Въ концѣ сентября 1844 г., Даргомыжскій поѣхалъ за границу, откуда вернулся въ апрѣлѣ 1845 г., побывавъ въ Вѣнѣ, въ Парижѣ и въ Брюсселѣ. Тамъ онъ лично познакомился съ Оберомъ, Мейерберомъ и другими композиторами, но ближе всѣхъ сошелся съ музыкальнымъ теоретикомъ и критикомъ Фетисомъ въ Брюсселѣ и съ композиторомъ Галеви въ Парижѣ. Хотя за границей Даргомыжскій не являлся какъ композиторъ ни въ какихъ публичныхъ концертахъ, но исполненіе разныхъ его произведеній на частныхъ вечерахъ въ Брюсселѣ, Парижѣ и Вѣнѣ вызвало весьма одобрительные отзывы въ нѣкоторыхъ иностранныхъ газетахъ. Немногія сохранившіяся письма Даргомыжскаго изъ-за границы даютъ мало понятія о вынесенномъ имъ впечатлѣніи изъ этого перваго его путешествія; пять его писемъ изъ Парижа къ отцу свидѣтельствуютъ, однако, о его наблюдательности, о его шутовскомъ остроуміи, а что всего главнѣе и важнѣе, о его самостоятельномъ и независимомъ взглядѣ на искусство, на музыку и музыкантовъ. Въ этихъ письмахъ немало дѣльныхъ и оригинальныхъ сужденій о знаменитыхъ въ то время въ Парижѣ артистахъ, — сужденій иногда замѣчательныхъ вѣрностью и мѣткостью приговора. Пропуская отзывы Даргомыжскаго объ извѣстныхъ пѣвцахъ и пѣви-

цахъ того времени (Falcon, Duprez, Штольцъ, Маріо и др.), оставшимся на тѣхъ замѣчаніяхъ его о нѣкоторыхъ композиторахъ, въ которыхъ онъ выражалъ свои взгляды на искусство. О Мейерберѣ, находившемся тогда въ апогеѣ своей славы, Даргомыжскій писалъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Мейерберъ въ драмѣ не силенъ. Сюжетъ „Роберта“ — преданіе, фантастическая сказка средняго вѣка, и онъ совершенно впадаетъ въ колею призванія Мейербера. Въ „Гугенотахъ“ — религіозный фанатизмъ и сильная драма: неистовство народное и злоба католицизма выражены превосходно; въ нихъ есть нѣчто сатаническое, сродное перу Мейербера, но драматическія сцены — шумны, замысловаты и куда какъ далеки отъ натуры! Сидя въ оперѣ, я держалъ въ рукахъ либретто: каждую драматическую сцену я зналъ впередъ, и, слушая музыкальную идею вслѣдъ затѣмъ, не нашелъ ни одной идеи, писанной по увлеченію. Мастерство и умъ — неимовѣрные, но никакое мастерство и никакой умъ не поддѣлаются подъ сердце человеческое. Самый высокій художникъ не есть еще поэтъ.“ — Въ этихъ немногихъ строчкахъ очень удачно очерченъ характеръ произведеній Мейербера; при этомъ вѣдсь ясно выражается стремленіе самого Даргомыжскаго къ музыкально-драматической правдѣ и къ выраженію сердечныхъ чувствъ не холодною музыкою, рассчитанною на эффектность, а тою музыкою, проникнутою искренностью, увлеченіемъ и страстью, какую находимъ, напримѣръ, въ „Русалкѣ“ и въ „Каменномъ Гостѣ“. Вотъ еще другой приговоръ Даргомыжскаго о французскомъ композиторѣ Фелисьенѣ Давидѣ, провозглашенномъ парижской прессой вторымъ Бетховеномъ, и исполненіе произведеній котораго было тогда обставлено особою торжественностью, увлекшею весь Парижъ. „Французы бѣсновались отъ восхищенія, — писалъ Даргомыжскій, — но мы смотримъ другими глазами. Нельзя отказать Давиду въ нѣкоторомъ талантѣ, но онъ столько же Бетховенъ, сколько мой кукишъ — Вандомская колонна. Первая его симфонія очень недурна, но съ промахами, изобличающими ученика. Лучшее всего понравился мнѣ финалъ этой симфоніи, который много — въ родѣ Обера. Потомъ гѣли разные его романсы, мелодіи и хоріки. Это просто никуда не годно. — Наконецъ, является знаменитая симфонія „Le Désert“. Тутъ слышна степь, видно пѣнье аравитянъ. Тутъ буря, ночь, восходъ солнца и многое еще другое. Вообще музыка писана правильно и является довольно мыслей, хотя не оригинальныхъ. Несмотря на то, что Давидъ ѣздилъ на Востокъ за мелодіями для этой симфоніи, я въ ней нашелъ такъ мало арабскаго духа и столько французскаго пуха, что ее надо назвать:

„Les boulevards de Paris“. — Остроумныя сравненія въ этомъ родѣ у Даргомыжскаго всегда весьма удачны; такъ, напримѣръ, относительно шаблонности итальянскихъ оперъ, составляемыхъ по разъ установленному типу, онъ пишетъ по поводу оперы „Linda di Chamouni“ Доницетти: „объ этой музыкѣ говорить нечего. Впервые, вы услышите ее въ Петербургѣ, а во-вторыхъ, когда медаль или монета отчеканены и описаны, надо ли еще описывать слѣдующія за ними медали и монеты, которыя чеканятся по той же формѣ и тою же машиною?“ По этимъ выдержкамъ можно судить о характерѣ писемъ Даргомыжскаго, всегда интересныхъ, съ дѣльными, разумными замѣчаніями, полныхъ хорошаго юмора, и нельзя не пожалѣть, что неизвѣстно большее число писемъ этого періода; нѣтъ сомнѣнія, что и въ другихъ нашлось бы немало интереснаго, еще болѣе поясняющаго взгляды Даргомыжскаго на композиторовъ и на различные музыкальныя произведенія и характеризующаго какъ самого Даргомыжскаго и его стремленія, такъ и направленіе его композиторскихъ работъ.

По возвращеніи изъ-за границы, Даргомыжскій не переставалъ хлопотать о постановкѣ „Эсмеральды“ на сценѣ, и наконецъ этотъ вопросъ былъ разрѣшенъ въ благопріятномъ для него смыслѣ. Весьма возможно, что, какъ полагалъ Даргомыжскій, отзывы иностранныхъ газетъ о нашемъ композиторѣ нѣсколько содѣйствовали рѣшенію допустить его оперу на императорскую сцену. Однако прошло все-таки болѣе двухъ лѣтъ, прежде чѣмъ состоялось первое представленіе „Эсмеральды“, и то не въ Петербургѣ, а въ Москвѣ; первый разъ опера исполнялась 5-го декабря 1847 г. на сценѣ московскаго театра, и имѣла хорошій успѣхъ. Позднѣе, именно въ 1851 г., „Эсмеральда“ была поставлена также въ Петербургѣ, на Александринскомъ театрѣ, но исполнялась тогда всего три раза, хотя имѣла такой же успѣхъ, какъ и въ Москвѣ, несмотря на скудную, даже жалкую постановку и на сдѣланныя при исполненіи значительныя сокращенія, нарушавшія цѣльность оперы и ослаблявшія производимое ею впечатлѣніе. Бывшій въ то время въ Петербургѣ извѣстный итальянскій пѣвецъ Тамбурини просилъ о разрѣшеніи ему поставить „Эсмеральду“ для своего бенефиса на итальянской сценѣ, но получилъ отъ дирекціи театровъ рѣшительный отказъ, ничѣмъ не мотивированный и совсѣмъ непонятный. Затѣмъ „Эсмеральда“ появлялась вновь на сценѣ, также въ Александринскомъ театрѣ, въ 1859 г., и съ тѣхъ поръ болѣе уже не возобновлялась.

„Еще въ 1840-хъ годахъ, — писалъ Даргомыжскій въ своей автобіографіи, — во время тягостнаго ожиданія постановки „Эсме-

рабды“, набросаны были мною нѣсколько нумеровъ небольшой, но довольно широко задуманной, лирической оперы „Торжество Вакха“, на текстъ Пушкина. Кончать ее мнѣ не хотѣлось, не слышавъ еще на сценѣ и въ оркестрѣ и первой моей оперы“. Изъ приведеннаго выше письма къ Скандербеку (отъ 10-го августа 1843 г.), въ которомъ Даргомыжскій упоминаетъ о написанной имъ кантатѣ „Торжество Вакха“, можно было заключить, что онъ въ то время совсѣмъ оставилъ идею относительно разработки этого сюжета для оперы. Но въ автобіографіи его находимъ опять слѣдующее: „Ободренный успѣхомъ въ Москвѣ,—успѣхомъ настоящимъ, потому что, живя постоянно въ Петербургѣ, я не имѣлъ тамъ ни одной знакомой души, я въ 1848 г. поспѣшилъ окончить „Торжество Вакха“ и представилъ его въ дирекцію театровъ. Но дирекція положительно отказала мнѣ въ постановкѣ этой оперы на сцену, не объявивъ даже причины этого отказа“. Такимъ образомъ, прежняя кантата была превращена въ оперу въ одномъ дѣйствіи. Превращеніе это заключалось въ томъ, что къ имѣвшимся уже вокальнымъ нумерамъ Даргомыжскій приписалъ нѣсколько нумеровъ балета (въ письмѣ къ Скандербеку, отъ 30 сентября 1848 г., Даргомыжскій, между прочимъ, упоминалъ: „лѣтомъ писалъ я балетъ къ оперѣ, что я выкроилъ изъ Пушкина оды: „Торжество Вакха“). Подобная передѣлка кантаты въ оперу не могла быть удачной. „Торжество Вакха“ названо Даргомыжскимъ „опера-балетъ“; здѣсь вокальной части отведено столько же мѣста, какъ и хореографической, но названіе „опера“, какъ сценическое произведеніе, менѣе всего свойственно этой партитурѣ. Здѣсь все сценическое дѣйствіе возложено на хореографію и заключается въ шествіяхъ, танцахъ и картинахъ; вокальная же часть находится внѣ дѣйствія и состоитъ въ томъ, что пѣвцы и пѣвицы,—именно пѣвцы и пѣвицы (1-й и 2-й грекъ, 1-ая и 2-ая гречанка и хоръ), а не дѣйствующія лица, поютъ положенные на музыку стихи Пушкина, объясняющіе происходящее на сценѣ. Когда, по первоначальному плану, эта музыка носила названіе „кантаты“, Даргомыжскій оставался ею совершенно доволенъ, что было вполне резонно, такъ какъ вокальная часть партитуры „Торжество Вакха“ представляетъ весьма приличную кантату, пригодную для исполненія въ концертной залѣ. Присоединеніе же сюда нѣсколькихъ нумеровъ балета, среди которыхъ есть и недурные, отнюдь не превращаетъ кантаты въ сценическое оперное произведеніе, и самая идея такой неудачной амальгамы составляетъ прискорбный промахъ, непростительный для такого даровитаго художника, какимъ былъ Даргомыжскій. По отношенію къ стилю

музыки „Торжество Вагха“ — болѣе самостоятельное и выработанное произведеніе, чѣмъ „Эсмеральда“, и вообще въ этой партитурѣ найдутся мѣста весьма недурныя, задуманныя и выполненныя оригинально и талантливо.

Одновременно съ окончаніемъ „Торжества Вагха“, т.-е. въ 1848 г., была начата и третья опера „Русалка“, также на текст Пушкина. Въ томъ же письмѣ Даргомыжскаго къ Скандербеку, отъ 30-го сентября 1848 г., находимъ такую фразу: „теперь принимаюсь за „Русалку“, изъ коей я тебѣ уже игралъ нѣкоторые нумера“. При этомъ Даргомыжскій жалуется, что его озабочиваетъ и затрудняетъ либретто, писать стихи для котораго ему приходится самому, такъ какъ съ поэтами „ладу никакого нѣтъ; смотреть на тебя съ высоты высотъ и презираютъ“. Новое произведеніе подвигалось впередъ медленно; потомъ, подъ вліяніемъ отказа дирекціи театровъ поставить „Торжество Вагха“ на сценѣ, не вида опредѣленной цѣли, которая поощряла бы къ такому продолжительному и сложному труду, какъ композиція большой оперы, Даргомыжскій совсѣмъ оставилъ „Русалку“ и не принимался за нее почти цѣлыхъ пять лѣтъ. „Драматическое творчество мое охладѣло“, — пишетъ онъ въ своей автобіографіи; — я началъ писать множество отдѣльныхъ вокальныхъ пьесъ: романсы, пѣсни, аріи, дуэты, тріо, квартеты, изъ коихъ почти половина (числомъ болѣе 100) изданы здѣсь въ Петербургѣ“. На этихъ работахъ Даргомыжскій все болѣе и болѣе развивалъ и совершенствовалъ свой стиль вокальной музыки, тотъ стиль, въ которомъ, по выразительности, по тѣсному сліянію музыки съ текстомъ, по драматической правдѣ и по безупречной декламаци, онъ мало имѣлъ соперниковъ.

Въ талантѣ Даргомыжскаго заключались всѣ данныя, обуславливающія хорошаго вокальнаго композитора. Начать съ того, что онъ самъ былъ превосходнымъ исполнителемъ вокальныхъ произведеній, дакъ своихъ, такъ и чужихъ, хотя обладалъ голосомъ съ тѣмъбромъ непріятнымъ и совсѣмъ не красивымъ; даже разговорная его рѣчь поражала какимъ-то рѣзкимъ хрипловатымъ фальцетомъ. По собственнымъ рассказамъ Даргомыжскаго, въ 18-ти-лѣтнемъ возрастѣ онъ застудилъ явившуюся у него корь; сыпь перешла на легкія, и онъ какимъ-то чудомъ спасся отъ смерти; начавшійся-было образовываться у него въ то время теноръ исчезъ, и вмѣсто того остался навсегда странный, некрасивый по звуку голосъ. Но несмотря на такія плохія голосовыя средства, Даргомыжскій умѣлъ вносить въ свое пѣніе столько выразительности, столько энергіи, и притомъ фразировалъ такъ безподобно,

что положительно очаровывать слушателей, производя на них неотразимое впечатлѣніе. Объ этомъ одинаково свидѣлствуютъ всѣ бывавшіе на домашнихъ музыкальныхъ вечерахъ Даргомыжскаго и слышавшіе его пѣніе. Понятно, что подобное превосходное исполненіе нельзя приписать систематическому изученію пѣнія, чѣмъ Даргомыжскій и не занимался, если не считать кое-какихъ уроковъ, взятыхъ имъ въ юности у какого-то Цейбиха; въ его пѣніи сказывалась высоко-одаренная натура, какъ бы самой судьбой предназначенная для культивированія вокальной музыки; его мастерство пѣнія было ему подсказано его талантливостью и развито наблюдательностью. „Обращаясь постоянно въ обществѣ пѣвцовъ и пѣвицъ,—пишетъ Даргомыжскій въ автобіографіи,—мнѣ практически удалось изучить какъ свойства и изгибы человѣческихъ голосовъ, такъ и искусство драматическаго пѣнія. Могу смѣло сказать, что не было въ петербургскомъ обществѣ почти ни одной извѣстной и замѣчательной любительницы пѣнія, которая бы не пользовалась моими уроками или, по крайней мѣрѣ, моими совѣтами (Билибина, Бартенева, Шиловская, Бѣленицына, Гирсъ, Павлова, кн. Манвелова и десятки другихъ, менѣе извѣстныхъ)“.

Какъ упомянуто выше, Даргомыжскій, потерпѣвъ неудачу съ своей оперой „Торжество Вакха“, посвятилъ свою дѣятельность почти исключительно композиціи романсовъ и пѣсенъ. Къ этому роду музыки онъ всегда проявлялъ особенную склонность; первые изъ напечатанныхъ его романсовъ, какъ напримѣръ: „Какось, дядя“, „Голубые глаза“, „Ты хорошенькая“, „Дѣва и роза“, написаны были въ началѣ тридцатыхъ годовъ. Даргомыжскій началъ съ подражанія романсамъ Глинки¹⁾; хотя онъ не достигалъ звуковой красоты и пластичности мелодій и вообще музыкальнаго изящества романсовъ его геніальнаго предшественника, но однако же въ послѣдствіи опередилъ его въ отношеніи силы экспрессіи, ея разнообразія и замѣчательно вѣрной декламаціи, въ чемъ Даргомыжскій имѣлъ существенное преимущество передъ Глинкой. Область романсовъ и пѣсенъ была особенно свойственна дарованію Даргомыжскаго, и мало кто изъ композиторовъ можетъ соперничать съ нимъ въ этой области. Изъ многочисленныхъ его романсовъ, — совсѣмъ слабыхъ сравнительно немногихъ, большая же часть ихъ составляютъ произведенія, заслуживающія вниманія и изученія. Одно изъ главныхъ достоинствъ романсовъ Даргомыжскаго заключается въ полномъ соотвѣтствіи музыки съ текстомъ,

¹⁾ Исключеніе составляетъ самый первый изъ напечатанныхъ романсовъ Даргомыжскаго: „Какось, дядя, чортъ попуталъ“, — вполне самостоятельный и оригинальный по характеру и стилю музыки.

въ превосходной передачѣ музыкальной настроенія и содержанія стихотворенія, взятаго для романса, и въ чудесной соразмѣрности музыкальной формы романса съ литературной формой стихотворенія. Даргомыжскій—большой мастеръ на изобрѣтеніе замѣчательно выразительныхъ музыкальных фразъ и разнообразнѣйшихъ тонкихъ деталей, прекрасно характеризующихъ настроеніе и, такъ сказать, воспроизводящихъ слово въ звукахъ, увеличивающихъ его экспрессию и усиливающихъ впечатлѣніе. При этомъ, выразивъ музыкой все, что заключается въ текстѣ, онъ этимъ кончается, нерѣдко оставаясь весьма лаконичнымъ, не идетъ дальше, не расширяетъ искусственно своего романса повтореніемъ фразъ или отдѣльных словъ, какъ это дѣлаютъ многіе другіе композиторы, но вполне сохраняетъ форму стихотворенія, и въ этомъ отношеніи его романсы могутъ служить образцовыми примѣрами. Затѣмъ, его романсы отличаются всегда безупречно правильною декламаціею, иногда достигающею художественнаго совершенства, большою простотою и ясностью стила; наконецъ, они пѣвучи, написаны очень удобно для голоса и, по совокупности всѣхъ своихъ достоинствъ, представляютъ настоящій кладъ для пѣвцовъ и пѣвицъ, не только какъ прекрасныя произведенія для исполненія, но и какъ превосходная школа для изученія музыкальной фразировки, декламаціи и тонкой нюансировки въ пѣніи. Аккомпаниментъ въ романсахъ Даргомыжскаго всегда весьма простъ и даже однообразенъ; у него партія фортепіано не имѣетъ такого существеннаго значенія, какъ напримѣръ въ романсахъ Шумана, Листа или современныхъ русскихъ композиторовъ; но, ограничиваясь простыми, даже скучными средствами аккомпанимента, Даргомыжскій, тѣмъ не менѣе, достигалъ большой выразительности, производящей сильное, а иногда глубокое, потрясающее впечатлѣніе. Тѣ начала, тѣ, такъ сказать, принципы, къ которымъ стремился Даргомыжскій, и которые онъ осуществилъ въ лучшихъ своихъ романсахъ, можно резюмировать такъ: тѣсное сліяніе музыки съ текстомъ; естественная, вѣрная, основанная на условіяхъ разговорной рѣчи, декламація, не допускающая ни малѣйшаго искаженія ни фразъ, ни словъ текста; соотвѣтствіе музыкальной формы романса съ литературной формой стихотворенія; предоставленіе голосу главной, первенствующей, почти исключительной роли.

Ни у кого изъ композиторовъ нѣтъ столько разнообразія въ романсахъ, какъ у Даргомыжскаго; онъ писалъ музыку на стихотворенія Пушкина, Лермонтова, Жуковского, Языкова, барона Дельвига, Щербины, Кольцова, Баратынскаго, Д. Давыдова, Беранже, Курочкина, Вейнберга, Ю. Жадовской, гр. Растопчиной и др.;

у него есть романсы лирическіе, драматическіе, юмористическіе, комическіе, баллады и непритязательныя простыя пѣсни. Въ каждомъ жанрѣ онъ умѣлъ быть и совершенно оригинальнымъ, и достигать такой степени художественности, что нѣкоторые изъ его романсовъ до сихъ поръ остаются лучшими образцами этого рода музыки. Изъ лирическихъ романсовъ Даргомыжскаго, выделяющихся красотой музыки, а также теплотою и искренностью чувства, можно назвать слѣдующіе: „Мнѣ грустно потому, что я тебя люблю“ (слова Лермонтова); „Восточный романсъ“ и „Что въ имени тебѣ моемъ“ (Пушкина); „Что мнѣ до пѣсней“; „Разстались гордо мы“; „Ты вся полна очарованья“ (Языкова); „О, дѣва-роза, я въ оковахъ“; „Я помню глубоко“; особенно же хороши романсы: „Моя милая, моя душечка“ (слова Д. Давыдова); „Я все еще его люблю“ (слова Ю. Жадовской); „Не скажу никому“, съ его красивою, полною задушевности музыкою, и „Мнѣ все равно!“—романсъ, производящій неотразимое, глубокое впечатлѣніе изумительно правдивымъ выраженіемъ сильнаго, щемящаго сердце, чувства грусти, напрасно старающагося затаяться подъ высказываемымъ равнодушіемъ ¹⁾. Сила драматической концепціи Даргомыжскаго прекрасно выразилась въ такой талантливой и капитальной вещи, какъ драматическая пѣсня „Старый Капраль“, написанная на извѣстный текст Беранже, въ переводѣ Курочкина. Эта скорбная повѣсть стараго солдата, мужественно идущаго на казнь, передана въ звукахъ съ такою художественною простотою и вмѣстѣ съ тѣмъ съ такою выразительностью, правдою, глубокимъ чувствомъ, что при хорошемъ исполненіи производитъ сильнѣйшее, потрясающее впечатлѣніе. Другая капитальная вещь въ подобномъ же родѣ, баллада „Паладинъ“ (на текстъ Жуковского)—также образцовое произведеніе, едва-ли даже не превосходящее „Стараго Капрала“ по совершенству декламации, по колоритности и по своей формѣ замѣчательно сжатое, и потому придающее всей балладѣ необыкновенно энергическую, страстную выразительность ²⁾.

¹⁾ Достоянныя вниманія фактура этого романса; онъ написанъ въ куплетной формѣ, соответствующей тремъ строфамъ стихотворенія, но каждый куплетъ только начинается одною и тою же музыкальною фразою, даѣе же мелодическая декламация каждый разъ является въ измѣненномъ видѣ. Точно такъ же измѣняется гармонизация: медленные аккорды, сопровождающіе эту чудесную декламацию, каждый разъ появляются въ новыхъ комбинаціяхъ, изумительно разнообразныхъ и чудесныхъ.

²⁾ Смѣлая концепція баллады „Паладинъ“, по формѣ и по декламации произведенія единственнаго въ своемъ родѣ, поставила въ недоумѣніе нѣкоторыхъ музыкальных критиковъ, которые, за новизною и оригинальностью фактуры этой баллады, не

Разносторонность таланта. Даргомыжскаго въ вокальной музыкѣ рельефно выразилась въ его юмористическихъ и комическихъ романсахъ, въ которыхъ онъ проявилъ особенную оригинальность и самобытность. Юморъ въ романсахъ Даргомыжскаго является въ разныхъ степеняхъ и въ разныхъ видахъ. Иногда онъ введенъ въ музыку въ видѣ тонкой мимолетной ироніи, какъ напримѣръ въ романсахъ: „Мчить меня въ твои объятія“, или „Что дѣлать съ ней?“. Въ другой разъ весь романсъ проникнутъ юморомъ, но посреди веселости слышно горе — романсъ: „Охъ, тихъ-тихъ-ти“. Наконецъ, нѣкоторые изъ его романсовъ, какъ напримѣръ „Червякъ“ (слова Беранже), „Титулярный Совѣтникъ“ и др., полны неподдѣльнаго комизма, вызывающаго веселость и смѣхъ. До Даргомыжскаго никто такъ смѣло не вводилъ въ музыку комическаго элемента, и ни у одного изъ прежнихъ композиторовъ не находимъ такихъ прекрасныхъ образцовъ въ этомъ жанрѣ, какъ у Даргомыжскаго, который именно въ комическую музыку внесъ много новаго, совершенно самостоятельнаго, не ограничиваясь только областью юмористическихъ пѣсенъ и романсовъ, но, какъ увидимъ ниже, съ еще большею талантливостью и большею оригинальностью разрабатывая комическій элементъ въ оперной музыкѣ и въ музыкѣ оркестровой.

II.

Такимъ образомъ, періодъ времени 1848—1853 гг., когда, по собственному выраженію Даргомыжскаго, его „драматическое творчество охладѣло“, и онъ писалъ исключительно мелкія вокальныя произведенія, — обогатилъ музыкальную литературу рядомъ чудесныхъ романсовъ и важенъ въ томъ отношеніи, что въ теченіе этихъ пяти лѣтъ талантъ Даргомыжскаго зрѣлъ и развивался все болѣе и болѣе, и на мелкихъ композиторскихъ работахъ совершенствовался тотъ стиль его музыки, который въ позднѣйшихъ его произведеніяхъ отличается своеобразною оригинальностью. Однако время шло; Даргомыжскій приближался уже къ тому возрасту, когда съ каждымъ годомъ сознается все яснѣе и яснѣе, что молодость проходитъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ утрачивается живость впечатлѣній и сила фантазіи. Между тѣмъ для такого талантливаго художника, какимъ былъ Даргомыжскій, написаннаго имъ до

замѣтили художественныхъ красотъ этого произведенія и отвергали въ немъ всякое достоинство.

того времени было еще очень немного; къ тому же онъ начиналъ чувствовать, что здоровье его не было въ достаточно хорошемъ состояніи. „Работай усерднѣе, покуда здоровъ,—писалъ онъ Скандербеку въ ноябрѣ 1850 г.;—я на опытѣ начинаю узнавать, что болѣзни и недуги вдругъ нагрянутъ на человѣка, и хотя не могутъ уничтожить въ немъ силы творческой, но непрерывно останавливаютъ его въ трудѣ исполнительномъ. Со мною, напримеръ, не бываетъ двухъ недѣль сряду, чтобы физическая боль не отвлекала меня отъ работы. Задумаешь въ мгновеніе, создашь въ утро, а обработка и изложеніе должны ждать здоровыхъ часовъ, которые стали рѣдки“. Въ такомъ положеніи, и видя притомъ, что итальянская опера совершенно завладѣла петербургскимъ обществомъ, которое „глубоко презираетъ русскую оперу“, находившуюся тогда въ самомъ плачевномъ, заброшенномъ состояніи, Даргомыжскій понималъ, что писать для русской оперной сцены былъ бы трудъ по меньшей мѣрѣ бесполезный, и что, окончивъ и новую задуманную имъ оперу, онъ, какъ и прежде, встрѣтилъ бы препятствія къ постановкѣ ея на сцену. Поэтому начатая-было еще въ 1848 г. опера „Русалка“ оставалась безъ движенія. Конечно, Даргомыжскому нуженъ былъ какой-нибудь импульсъ, который вызвалъ бы охоту къ труду, нужно было что-нибудь такое, что дало бы ему надежду на успѣхъ и служило бы доказательствомъ, что его трудъ не будетъ совершенно чуждъ обществу.

Такой импульсъ, такую побудительную причину онъ, наконецъ, нашелъ, когда была поставлена его „Эсмеральда“ въ Петербургѣ на Александринскомъ театрѣ, хотя въ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ этотъ фактъ, было мало удовлетворяющаго его авторскому самолюбію. Опера исполнялась всего только три раза, и „слушателей и любопытныхъ собралось очень немного“,—какъ упоминаетъ самъ Даргомыжскій въ одномъ изъ своихъ писемъ. Но Даргомыжскій былъ радъ, что эти немногіе его слушатели „явно, искренно и лестно“ обнаружили ему свое удовольствіе; еще болѣе радовало его то, что лучшіе артисты, какъ Гензельтъ, Мауреръ, Ласковскій, Тамбурины и др., слушали его оперу со вниманіемъ во второй и въ третій разъ, и всѣ любезно отдали справедливость его музыкѣ. „Изъ этого ты видишь, — писалъ Даргомыжскій въ февралѣ 1852 г.,—что я, какъ художникъ, доволенъ, но, какъ членъ петербургскаго общества, сожалью, что музыкальное искусство такъ упало у насъ. Ты себѣ представишь не можешь, что за сочиненія имѣютъ здѣсь успѣхъ: цыганскія аріи да польки самаго пошлаго свойства. На итальянской сценѣ ставятъ Верди и Алари: все общія мѣста, приправленные страш-

нѣйшимъ шумомъ“. Далѣе, въ этомъ же письмѣ, Даргомыжскій прибавляетъ, что собирается снова приняться за „Русалку“, которую было бросилъ, не надѣясь дать на сценѣ;— „но лестное вниманіе, оказанное мнѣ въ настоящемъ году публикой, какъ будто обязываетъ меня произвести, на старость лѣтъ, созданіе національное“.

Вскорѣ затѣмъ еще разъ представился Даргомыжскому случай убѣдиться, что среди петербургской публики есть не мало относящихся съ интересомъ къ его произведеніямъ. Въ апрѣлѣ 1853 г., Даргомыжскій, по предложенію князя В. О. Одоевскаго и А. Н. Карамзина, устроилъ концертъ, въ которомъ были исполнены нѣкоторые изъ его произведеній. Концертъ вполне удался, Даргомыжскому была сдѣлана овація и поднесена капельмейстерская палочка великолѣпной работы. Этотъ успѣхъ послужить новымъ ободреніемъ для Даргомыжскаго и давалъ новый толчокъ его композиторской дѣятельности, побуждая его энергичнѣе приняться за работу надъ задуманной оперой. „Я давалъ большой концертъ въ залѣ дворянскаго собранія, — писалъ онъ Скандербеку: — публика приняла мои произведенія съ энтузіазмомъ, въ самомъ дѣлѣ превосходящимъ ихъ достоинство, а это подняло противъ меня всю синагогу (какъ говоритъ Глинка) и всѣхъ маленькихъ композиторовъ и журналистовъ. А чтобы пуще ихъ взбѣсить, я лѣтомъ примусь за дѣло и постараюсь сдѣлать что-нибудь въ самомъ дѣлѣ порядочное“.

Дѣйствительно, лѣтомъ 1853 г., Даргомыжскій усердно работалъ и въ іюнѣ того года писалъ князю В. О. Одоевскому: „Покуда вы въ Выборгѣ наслаждаетесь сельскими удовольствіями, я здѣсь тружусь надъ своею „Русалкою“. Что больше изучаю наши народные музыкальные элементы, то больше открываю въ нихъ разнообразныхъ сторонъ. Глинка, который одинъ до сихъ поръ далъ русской музыкѣ широкій размѣръ, по-моему затронулъ еще только одну ея сторону, — сторону лирическую. Драма у него слишкомъ заунывна, комическая сторона теряетъ національность. Говорю о характерѣ его музыки, потому что фактура у него вездѣ превосходная. По силѣ и возможности я въ „Русалкѣ“ своей работаю надъ развитіемъ нашихъ драматическихъ элементовъ. Счастливъ буду, если успѣю въ этомъ хотя въ половину противъ Михаила Ивановича Глинки; очень буду доволенъ, если и вы, по возвращеніи вашемъ, приложите къ труду моему печать вашего одобренія“. Работа пошла успѣшно, хотя труда было много. Взятая Даргомыжскимъ для своей оперы драматическія сцены Пушкина представляли для опернаго композитора такіа

задачи, для выполненія которыхъ приходилось много обдумывать, изобрѣтать новые приемы, создавать новыя оперныя формы, такъ какъ въ такому сюжету, какъ „Русалка“, задуманная Даргомыжскимъ съ наивозможно меньшими отступленіями отъ Пушкинскаго текста, образцы прежнихъ традиціонныхъ оперъ были рѣшительно непримѣнимы. Кромѣ того, предпринимая оперу въ русскомъ національномъ характерѣ, онъ вступалъ въ ту область, въ которой такъ гениально заявилъ себя его непосредственный предшественникъ Глинка. Послѣ оперъ „Жизнь за Царя“ и „Руслана“ въ русской драматической музыкѣ могли быть предъявлены не иначе какъ очень высокія требованія; Даргомыжскій хорошо понималъ это, выражаясь: „публика хочетъ всѣхъ мѣрять на его (Глинки) аршинъ, отъ этого и мудро намъ выдерживать“, — и если рѣшился приняться за оперу въ русскомъ національномъ характерѣ, то, конечно, сознавалъ, что ему предстоятъ серьезный трудъ значительной важности, для выполненія котораго необходимы выдающіяся творческія силы. Въ 1855 году „Русалка“ была окончена и въ маѣ слѣдующаго года поставлена на сценѣ театра-цирка (нынѣ Мариинскій театр).

Въ сравненіи съ двумя первыми операми Даргомыжскаго, „Русалка“ представляетъ громаднй шагъ впередъ; первыя двѣ были только первоначальные опыты молодого композитора, съ неустановившимися взглядами на задачи искусства, съ невыработаннымъ еще стилемъ музыки, а „Русалка“ — произведеніе, свидѣтельствующее о силѣ, самобытности и зрѣлости таланта художника, съ увѣренностью преслѣдующаго опредѣленные цѣли, новыя и оригинальныя, и прекрасно осуществляющаго свои намѣренія.

Одно изъ существеннѣйшихъ достоинствъ оперы „Русалка“ заключается въ самомъ выборѣ текста. Говорить о достоинствѣ извѣстныхъ драматическихъ сценъ Пушкина и неумѣстно въ настоящей статьѣ, и излишне; — важенъ тотъ фактъ, что Даргомыжскій выбралъ именно Пушкинскую „Русалку“, представляющую для оперы благодарную, но трудную задачу, а не шелъ легкимъ рутиннымъ путемъ другихъ оперныхъ композиторовъ, не придающихъ серьезнаго значенія либретто своихъ оперъ и часто пишушихъ музыку на самый плохой, невозможный текстъ ¹⁾. Еще важнѣе то, что Даргомыжскій сохранилъ Пушкинскія сцены почти въ неприкосновенной цѣлости, сдѣлавъ лишь весьма незначитель-

¹⁾ Сколько теряетъ, напр., „Русланъ“ вслѣдствіе дурнаго либретто; какъ абсурдны по содержанію оперы Мейербера, съ нагроможденными въ нихъ, безъ логической послѣдовательности, сценическими эффектами; какъ жалки оперы на Шекспировскіе сюжеты („Отелло“, „Гамлетъ“, „Ромео и Джульета“), въ передѣлкѣ либреттистовъ.

ныя сокращенія въ нѣкоторыхъ стихахъ, присочинивъ недостающій текстъ для хоровъ и придѣлавъ окончаніе, котораго у Пушкина не было (драматическія сцены „Русалка“ не окончены), что исполнено весьма удачно самимъ Даргомыжскимъ. Такимъ образомъ, музыка „Русалки“ написана не на какое-нибудь либретто, составленное согласно требованіямъ композитора, а большею частью на подлинныя стихи гениальнаго поэта, не имѣвшаго въ виду, что его драматическія сцены послужатъ текстомъ для оперы (на что обращаемъ особенное вниманіе, такъ какъ это фактъ почти единственный въ своемъ родѣ, повторенный впоследствии тѣмъ же Даргомыжскимъ, но еще съ большею послѣдовательностью и рациональностью); поэтому предпринятая Даргомыжскимъ опера представляла весьма трудную задачу, хотя, съ другой стороны, заключающіяся въ сценахъ Пушкина прекрасныя лирическія мѣста, сильный драматизмъ и, наконецъ, фантастическій элементъ дѣлаютъ этотъ сюжетъ весьма благопріятнымъ и благодарнымъ для опернаго композитора.

Къ сожалѣнію, разнообразный матеріалъ для музыки, заключающійся въ „Русалкѣ“, не весь въ одинаковой степени соответствовалъ характеру музыкальной талантливости Даргомыжскаго; не все ему удалось съ одинаковымъ совершенствомъ, и въ его оперѣ, рядомъ со сценами изумительными по оригинальности концепціи и талантливости выполненія, находимъ мѣста довольно слабыя, несовсѣмъ удачныя. Талантъ Даргомыжскаго былъ сильный, яркій, самобытный, но въ то же время нѣсколько односторонній. Какъ мелодистъ—онъ не отличался способностью изобрѣтенія мелодій широкихъ особенной красоты и пластичности; но не затруднялся въ выборѣ тѣмъ естественныхъ, колоритныхъ, удачно характеризующихъ настроеніе, и съ особеннымъ искусствомъ находилъ коротенькія музыкальныя фразы, самыхъ разнообразныхъ характеровъ, необыкновенно выразительныхъ и изящныхъ. Какъ гармонистъ, Даргомыжскій былъ изобрѣтателемъ, оригиналенъ и индивидуаленъ настолько, что его произведенія легко отличить по его гармоническимъ приемамъ; въ этихъ приемахъ чувствуется иногда нѣкоторая рѣзкость, жесткость, натянутость, вслѣдствіе нѣсколько рискованныхъ модуляцій, но это не было результатомъ какихъ-нибудь нарочито придумываемыхъ гармоническихъ комбинацій, ради оригинальности, а являлось вполне естественно, такъ какъ нѣкоторая доля рѣзости была присуща самой натурѣ Даргомыжскаго. Что касается музыкальных формъ, то это была слабая сторона Даргомыжскаго; вокальными формами оперной

музыки онъ владѣлъ настолько, что могъ удовлетворительно написать арію, дуэтъ или какой бы то ни было ансамбль; но въ тѣхъ произведеніяхъ, гдѣ нужна болѣе сложная и широкая тематическая разработка, тамъ у него почти всегда чувствуется недостатокъ цѣльности, единства, замѣтна несоразмѣрность деталей, нѣкоторая отрывчатость, уклоненіе отъ общаго плана. Подобные недостатки видны отчасти въ хоровыхъ нумерахъ его оперы, а еще болѣе въ оркестровыхъ, гдѣ бы требовалась симфоническая разработка. Поэтому въ „Русалкѣ“ увертюра и танцы (славянскій и цыганскій во 2-мъ дѣйствіи и танцы русалокъ въ 4-мъ дѣйствіи) не принадлежатъ къ лучшимъ нумерамъ оперы. Къ тому же и по отношенію къ инструментовкѣ произведенія Даргомыжскаго оставляютъ желать большей тонкости, большаго разнообразія тембровъ и красоты звука, хотя въ общемъ не лишены хорошихъ качествъ въ смыслѣ колоритности и звучности оркестра.

При такихъ общихъ композиторскихъ качествахъ, въ талантѣ Даргомыжскаго была одна сторона, составлявшая главную его силу и наибольшее его достоинство, — именно, уже указанная выше, его выдающаяся способность къ музыкальной декламации, столь существенно важной въ вокальной музыкѣ. Находясь въ области драматической музыки, на почвѣ драматической декламации, Даргомыжскій обладаетъ дѣйствительнѣйшими средствами къ передачѣ настроеній и чувствъ въ наиболѣе соответствующихъ и естественныхъ музыкальныхъ звукахъ, и въ этомъ отношеніи безусловно не имѣетъ соперниковъ. Главную его при этомъ заботу составляетъ достиженіе правды музыкальнаго выраженія; поэтому прежде всего Даргомыжскій старается вполне подчинить свою музыку тексту оперы, заставить ее слѣдовать за различными сценическими положеніями и какъ можно тѣснѣе сближаться съ драматическимъ дѣйствіемъ. Его музыкальныя фразы слѣдуютъ за всѣми иногда даже мельчайшими измѣненіями текста, увеличивая интересъ и силу выраженія рѣчи, и до такой степени тѣсно сливаются съ словомъ, что трудно представить музыку безъ текста, и, наоборотъ, текстъ невольно вызываетъ въ памяти музыку, его сопровождающую. Понятно, что, преслѣдуя такимъ образомъ цѣли драматической декламации, Даргомыжскій старался освободиться отъ стѣсненій традиціонными оперными формами, и хотя въ „Русалкѣ“, въ общемъ планѣ, придерживался прежнихъ приемовъ и формъ, но предоставилъ себѣ обширный просторъ въ мелодическомъ речитативѣ, которому отвелъ въ „Русалкѣ“ весьма значительное мѣсто и который онъ разрабатывалъ съ такою тщательностью, что именно

речитативная часть ¹⁾ оперы представляет наибольшій интересъ и производитъ наисильнѣйшее впечатлѣніе. То, что въ „Русалкѣ“ написано въ законченныхъ, закругленныхъ формахъ, какъ-то: аріи,

¹⁾ Такъ какъ въ настоящей статьѣ часто придется употреблять выраженіе: мелодическій речитативъ, то для устраненія недоразумѣній необходимо сдѣлать небольшое разъясненіе. Подъ словомъ „речитативъ“ не слѣдуетъ понимать исключительно тотъ родъ речитативовъ, которые встрѣчаются въ итальянскихъ и французскихъ операхъ; речитативы этого рода состоятъ изъ послѣдованія нотъ, произносимыхъ говоркомъ, въ извѣстномъ размѣрѣ, ритмѣ и въ опредѣленной тональности; всѣ они пишутся по одному и тому же шаблону, однообразны до крайности, сухи, прозрачны и анти-музыкальны. Но наиболѣе талантливые вокальные композиторы внесли и въ речитативы пѣвучесть, мелодичность и музыкальное содержаніе; напримѣръ у Вебера (оп. „Эврианта“), у Шумана (оп. „Геновеа“ и романсы), у Глинки (оп. „Жизнь за Царя“ и „Русалка“) находимъ превосходные мелодическіе речитативы, состоящіе изъ красивыхъ музыкальных фразъ и имѣющіе существенное художественное значеніе. Укажемъ для наглядности общезвѣстные речитативы Глинки: въ „Жизни за Царя“—„Бѣдный конь въ полѣ палъ“... или речитативъ Сусанина въ сценѣ въ лѣсу (4-й актъ) и въ „Русалкѣ“—„О, поле, поле, кто тебя усыпалъ“... или „Добро пожаловать, мой сынъ“... Никто, конечно, не станетъ отвергать, что подобные речитативы отличаются прекрасною мелодичностью и что въ нихъ гораздо болѣе музыкальнаго содержанія, художественнаго достоинства и значенія, чѣмъ въ шаблонныхъ сладковзвучныхъ кантатенахъ, которыми изобилуютъ „Лючія“, „Травиата“, „Семирамида“ и tutti quanti. Кромѣ указанныхъ примѣровъ, можно привести еще множество другихъ, свидѣтельствующихъ, что речитативъ есть одно изъ существенныхъ средствъ драматической музыки и нерѣдко имѣетъ значительное преимущество передъ другими оперными формами. У наиболѣе рациональныхъ оперныхъ композиторовъ нѣтъ особенно рѣзкаго различія между речитативами и кантатенами, написанными въ закругленныхъ, законченныхъ формахъ. Основа тѣхъ и другихъ одна и та же: музыкальная тема, мелодія, каковыми мы называемъ всякое послѣдованіе звуковъ, имѣющее органическую связь и опредѣленный музыкальный смыслъ, независимо отъ того, будутъ ли это короткія музыкальныя фразы, или болѣе широкіе мотивы, состоящіе изъ періодовъ, предложеній и ходовъ по всѣмъ правиламъ ученія о музыкальных формахъ. Затѣмъ, напримѣръ, въ аріи или вообще въ законченныхъ оперныхъ формахъ, музыкальная тема подвергается развитію, повторенію, измѣненію, для удовлетворенія требованій симметріи, единства, закругленности, законченности, согласно установившимся правиламъ музыкальной эстетики; тема подвергается извѣстнымъ опредѣленнымъ манипуляціямъ съ цѣлю заполнить рамки музыкальной формы. Речитативъ же, наоборотъ, пользуется совершенной свободой: здѣсь музыкальная тема или нѣсколько музыкальных темъ, широкихъ мелодій или короткихъ фразъ, могутъ быть повторены или проходить эпизодически, могутъ развиваться или оставаться въ своемъ первоначальномъ видѣ, завися исключительно только отъ текста, который они сопровождаютъ, нисколько не подчиняясь условіямъ установленныхъ музыкальных формъ; здѣсь нѣтъ руководящихъ правилъ, нѣтъ заранее опредѣленныхъ рамокъ,—все зависитъ отъ творчества и вдохновенія композитора. Отсюда истекаетъ и трудность изобрѣтенія хорошихъ мелодическихъ речитативовъ, вполне удовлетворяющихъ своему назначенію. Не всякій хорошій мелодистъ можетъ успѣшно писать въ декламационно-речитативномъ стилѣ; наоборотъ, композиторъ, разрабатывающій этотъ стиль, непременно долженъ быть изобрѣтательнымъ, тонкимъ мелодистомъ.

ансамбли, хоры, танцы, не составляет лучшей части оперы и нередко по своимъ музыкальнымъ достоинствамъ довольно слабо. Когда же Даргомыжскій оставлялъ стѣсняющія его традиціонныя формы и отдавался драматической декламации, тогда онъ выказывалъ замѣчательную изобрѣтательность, самобытность, силу вдохновенія и въ этой области музыкальнаго творчества дѣйствительно достигалъ высокой художественности. Нельзя не удивляться его неистощимой фантазіи въ изобрѣтеніи массы музыкальных тѣмъ, сопровождающихъ текстъ оперы, причемъ каждая фраза является до такой степени естественной, правдивой, выразительной, что, кажется, и лучший актеръ не нашелъ бы болѣе вѣрной, болѣе совершенной декламации. Замѣтимъ, что подобная превосходная фразировка, составляющая наиболѣе сильную сторону дарованія Даргомыжскаго, сохраняется не только въ мелодическихъ речитативахъ или въ партіяхъ соло, но также во всѣхъ ансамбляхъ у каждаго голоса отдѣльно; поэтому всѣ дѣйствующія лица въ этой оперѣ во всѣхъ положеніяхъ являются со всею своею индивидуальностью, со всѣми своими характеристическими чертами, такъ, какъ они выведены въ сценахъ Пушкина. Къ тому же Даргомыжскій выказалъ большое мастерство въ музыкальной характеристикѣ дѣйствующихъ лицъ, не только главныхъ, но и второстепенныхъ. Безподобно охарактеризована личность мельника, съ его юморомъ въ 1-мъ дѣйствіи и глубокимъ драматизмомъ въ 4-мъ актѣ. Хорошо выдержаны роли князя и княгини; менѣе другихъ въ этомъ отношеніи удалась партія Наташи, хорошую характеристику которой находимъ только въ 1-мъ дѣйствіи, въ остальныхъ же—ея партія слаба и безцвѣтна. Способность Даргомыжскаго къ музыкальной характеристикѣ выразилась особенно рельефно въ комическихъ эпизодахъ оперы и въ примѣненіи къ комическимъ ролямъ. Комическій элементъ Даргомыжскій разработывалъ очень талантливо, умно, а главное, вполне оригинально и своеобразно, и притомъ гораздо полнѣе и смѣлѣе, чѣмъ всѣ его предшественники. Даргомыжскій не ограничивался чисто внѣшнимъ комизмомъ итальянскихъ и французскихъ оперъ, сцены-буффъ которыхъ представляютъ одну только смѣшную сторону; онъ достигалъ комическаго впечатлѣнія оригинальными оборотами музыкальных фразъ, умышленно причудливою гармонизаціею и особенными приемами инструментовки, однимъ словомъ, вводилъ комизмъ въ самую музыку. Подобными приемами, сдѣланными съ большимъ умѣньемъ, вкусомъ и неподражаемою талантливостью, Даргомыжскій достигалъ такихъ прекрасныхъ результатовъ, что въ его комической музыкѣ не одинъ только веселый, смѣхотворный элементъ (въ родѣ,

напримѣръ, скороговорки сценъ-буффъ итальянскихъ оперъ), но она вся проникнута юморомъ; иногда въ ней чувствуется ѣдкость, сарказмъ. Доказательствомъ, какъ прекрасно пользовался Даргомыжскій комическою музыкою, можетъ служить, напримѣръ, въ „Русалкѣ“ небольшая комическая роль свата, который охарактеризованъ музыкой необыкновенно живо, рельефно и притомъ безъ всякой утрировки; въ этой небольшой роли, можно смѣло сказать, созданъ настоящій музыкальный типъ. Чудесно проведенъ комическій элементъ въ партіи мельника и также прекрасно выдержана небольшая комическая роль Ольги, подруги княгини. Менѣе всего удался Даргомыжскому въ „Русалкѣ“ фантастическій элементъ, какъ несоотвѣтствующій его таланту. Даргомыжскій, если можно такъ выразиться, былъ композиторъ-реалистъ; онъ прекрасно воспроизводилъ живую разговорную рѣчь, прекрасно характеризовалъ музыкой дѣйствующихъ лицъ, ихъ настроеніе и сценическія положенія; но для изображенія въ звукахъ фантастическаго міра (что такъ прекрасно удавалось, напримѣръ, Берлиозу, Глинкѣ, а изъ современныхъ композиторовъ — Листу и Римскому-Корсакову) онъ не обладалъ въ достаточной степени тонкими гармоническими и оркестровыми красками, необходимыми для приданія музыкѣ той волшебности и призрачности, которыя находимъ въ лучшихъ образцахъ музыки этого рода. Въ оперѣ „Русалка“ подобныя замѣчанія можно сдѣлать, напримѣръ, относительно хора русалокъ (3-й актъ), танцевъ русалокъ (4-й актъ) и пѣсни Наташи (2-й актъ); всѣ эти нумера задуманы и сдѣланы умно, логично, пожалуй, въ извѣстномъ смыслѣ, талантливо, но ихъ существенный недостатокъ, именно, въ отсутствіи необходимаго въ этихъ случаяхъ фантастическаго музыкальнаго элемента.

Постараемся въ краткомъ детальномъ разборѣ оперы „Русалка“ болѣе выяснить сдѣланные нами общіе выводы и дополнить то, что осталось недосказаннымъ. Увертюру къ оперѣ „Русалка“, какъ уже упомянуто, нельзя причислить къ лучшимъ произведеніямъ этого рода; хотя въ общемъ она написана талантливо и видна оригинальность въ планѣ интродукціи, основанной на темахъ характеризующихъ четыре главные момента ¹⁾ оперы, но фактура увертюры свидѣтельствуетъ, какъ мало способенъ былъ Даргомыжскій къ симфонической музыкѣ. Первая арія мельника,

¹⁾ Эти четыре момента слѣдующіе: 1) свадебный хоръ; 2) вступленіе къ 3-му дѣйствію, характеризующее грусть княгини, покинутой мужемъ; 3) отчаяніе Наташи при прощаніи съ княземъ въ 1-мъ дѣйствіи, и 4) призывъ Наташи-русалки, обращенный къ князю въ послѣднемъ дѣйствіи.

читающаго наставленія своей дочери Наташѣ, пѣвучая, очень благодарная въ вокальномъ отношеніи, по своей естественности выраженія, по правдѣ и соответствію съ сценическимъ положеніемъ, по хорошо введенному въ музыку юмору, не оставляетъ желать ничего лучшаго. Наташа, молча внимавшая наставленіямъ отца, слышавъ топотъ коня, съ энергической речитативной фразой бросается на-встрѣчу къ своему возлюбленному князю. Въ слѣдующемъ затѣмъ терцетѣ сначала идутъ естественныя живыя рѣчи, въ которыхъ чудесно обрисовывается музыкальная характеристика дѣйствующихъ лицъ и которыя слушаются съ большимъ интересомъ; но пѣвучее анданте терцета и большое аллегро (съ довольно плохой тѣмой), написанныя въ рутинной и притомъ же мало удавшейся формѣ, нарушаютъ хорошее впечатлѣніе начала. Далѣе, постѣ трехъ хоровъ ¹⁾ (пришедшихъ на мельницу крестьянъ), сдѣланныхъ очень талантливо и прекрасно выдержанныхъ въ русскомъ народномъ характерѣ, слѣдуетъ одна изъ лучшихъ сценъ оперы—объясненіе Наташи съ княземъ. Музыка въ этомъ дуэтѣ вполне подчиняется слову и сценическому дѣйствію, композиторъ идетъ рука объ руку съ поэтомъ, музыкой воспроизводится каждое слово этой поэтической сцены, и каждая музыкальная фраза свидѣтельствуетъ о несомнѣнно высокомъ талантѣ композитора и его способности къ драматизму. Какъ чудесно выражена здѣсь нерѣшительность князя высказать своей возлюбленной правду; сколько нѣжности и ласки въ обращеніи къ нему Наташи, понемногу догадывающейся о грозящей ей разлукѣ; какъ обаятельно дѣйствуетъ на слушателей эта безподобная музыка, производящая глубокое драматическое впечатлѣніе, постепенно возрастающее до крика отчаянія: „ты женишься!“ Далѣе—еще лучше, еще выше, еще художественнѣе! Эпизодъ, когда Наташа, пораженная горемъ, не можетъ собраться съ мыслями и, наконецъ, вспоминаетъ терзающую ее фразу: „я скоро матерью должна назваться“,—охарактеризованъ музыкой съ такою глубиною чувства, съ такою искренностью и такою правдивостью, что этотъ эпизодъ слѣдуетъ признать однимъ изъ лучшихъ образцовъ драматической музыки. Здѣсь именно проявляетъ музыка свою

¹⁾ Лучшій изъ этихъ хоровъ—первый, D-moll („Ахъ ты, сердце мое“) для однихъ мужскихъ голосовъ съ сопровожденіемъ гобоя; мастерски введенъ въ этотъ хоръ разговоръ мельника съ дѣвушками въ естественныхъ речитативныхъ фразахъ. Второй хоръ A-dur („Защелтиса, плетень“) съ очень красивою тѣмою, съ интересными деталями и прекраснымъ голосоведеніемъ. Третій хоръ („Какъ на горѣ мы пиво варили“), веселый, живой, съ пляской, по фактурѣ своей уступаетъ двумъ первымъ; красиво и восточно окончаніе этого хора.

силу и могущество для выраженія страданія и чувствъ, не объяснимыхъ словомъ. У Пушкина эта сцена написана безподобно; но никакая актриса не можетъ достигнуть такого захватывающаго, потрясающаго впечатлѣнія, какое производитъ эта же сцена съ музыкой Даргомыжскаго, дающей пѣвицѣ и готовую декламацию, и силу экспрессіи, и чарующіе звуки музыки, сразу охватывающіе слушателя, сразу приводящіе его въ настроеніе, соответствующее драматизму сценическаго положенія. Хорошо контрастируетъ съ предыдущей драматической сценой комическій эпизодъ мельника („Ба, ба, что вижу!“) въ такомъ же характерѣ, какъ и первая его арія, но уступающій нѣсколько этой послѣдней по музыкальнымъ достоинствамъ; этимъ эпизодомъ начинается дуэтъ мельника съ дочерью, въ которомъ хороши речитативы Наташи, поясняющей отцу свое горе. Затѣмъ, въ финалѣ 1-го акта можно отмѣтить удачный хоръ крестьянъ за сценой, прекрасные речитативы мельника и Наташи, можно похвалить недурныя детали; но въ общемъ финалъ не производитъ достаточно сильнаго впечатлѣнія. По тексту здѣсь очень много драматизма; Наташа, передъ собравшимся народомъ, открыто признается въ своемъ позорѣ, съ большою энергіей укоряетъ она отца и въ порывѣ величайшаго отчаянія бросается въ рѣку. Нельзя не пожалѣть, что Даргомыжскій и здѣсь не достигъ такой же силы и правды музыкальнаго выраженія, какъ и въ предыдущей сценѣ.

Второе дѣйствіе—свадебный пиръ князя—начинается хоромъ („Какъ во горницѣ, во свѣтлицѣ“), построеннымъ на тѣмъ массивной, ясной, празднично-торжественной, напоминающей, по своему настроенію и чисто русскому характеру, народныя подблюдныя пѣсни. Это одинъ изъ удачнѣйшихъ у Даргомыжскаго хоровъ, въ ритмѣ и гармонизаціи котораго видны новизна и оригинальность. Другой хоръ въ этомъ дѣйствіи („Да здравствуетъ нашъ князь молодой!“) хотя довольно характеренъ, какъ настоящій заздравный хоръ, и написанъ широкимъ размахомъ, но по своей тѣмѣ и по фактурѣ много слабѣе перваго. Затѣмъ въ этомъ дѣйствіи можно указать на речитативъ князя ¹⁾, выдающійся по выраженію того достоинства, съ которымъ князь привѣтствуетъ своихъ гостей, и слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на всю партію свата, на его чудесные, полные юмора речитативы („Чтожъ, красныя дѣвицы, вы примолкли?“ „Ай да медъ, и въ голову, и въ ноги такъ и бьетъ!“ и т. п.), на его сцену съ дѣвушками

¹⁾ Речитативъ этотъ оригиналенъ по своему ритму; онъ написанъ (и, очевидно, исполненъ) разнѣра такта, вслѣдствіе неправильно чередующихся ритмовъ въ

преlestный хористъ этихъ послѣднихъ („Сватушка, сватушка“). Остальное во 2-мъ дѣйствіи все значительно слабѣе: арія княгини, дуэтъ князя и княгини, танцы славянской и цыганской— все это только посредственная музыка, довольно безцвѣтная и ординарная. Финаль этого акта задуманъ очень широко: здѣсь и грустныя предчувствія княгини, и раскаяніе князя, узнавшаго въ таинственной пѣснѣ голосъ покинутой имъ и погибшей Наташи, и контрастирующія съ ними оживленно-ритмическія фразы комическихъ лицъ, свата и Ольги, и возгласы смущенныхъ гостей. Но Даргомыжскій не справился съ такой задачей; этотъ финаль, въ которомъ, пожалуй, есть недурныя детали, по музыкѣ слабъ, по фактурѣ рутиненъ, и при исполненіи не производитъ сильнаго впечатлѣнія.

Третье дѣйствіе начинается небольшимъ оркестровымъ вступленіемъ, связаннымъ съ аріей княгини, оплакивающей утраченную любовь мужа. Арія раздѣляется на речитативную часть и собственно арію въ законченной формѣ. Трудно представить болѣе правдивое по выраженію, болѣе изящное по музыкѣ, болѣе ясное и понятное для сцены, какъ этотъ речитативъ: „Чу! кажется, трубятъ. Нѣтъ, онъ не ѣдетъ“ (слово въ слово по тексту Пушкина); рядомъ съ нимъ арія: „Дни минувшихъ наслажденій“, несмотря на свою недурную музыку, на хорошую декламацию, на соответствіе музыкальнаго настроенія съ сценическимъ положеніемъ, безусловно блѣднѣетъ и много теряетъ съ предшествующимъ ей речитативомъ ¹⁾. Въ слѣдующей затѣмъ сценѣ, — гдѣ Ольга, подруга княгини (замѣняющая Пушкинскую мамку, съ сохрaненіемъ, впрочемъ, Пушкинскаго текста) старается развеселить случаяющую княгиню, — веселая, игривая музыка, полная граціи и юмора, служитъ доказательствомъ изобрѣтательности Даргомыжскаго въ музыкальной характеристикѣ дѣйствующихъ лицъ и сценическихъ положеній, самыхъ разнообразныхъ; милая сценка эта всегда слушается съ большимъ удовольствіемъ и интересомъ.

Вторая картина 3-го акта почти вся превосходна; исключе-

¹⁾ Удачный примѣръ для нагляднаго опроверженія мнѣнія, что речитативъ — это будто-бы голая декламация, прозаическая, разсудочная рѣчь—никогда не можетъ возвыситься до цѣльнаго лирическаго настроенія большихъ музыкально-закругленныхъ нумеровъ, никогда не можетъ произвести впечатлѣнія такого же сильнаго, цѣльнаго, какъ эти послѣдніе. Въ нашемъ примѣрѣ мы видимъ обратное: речитативная часть производитъ впечатлѣніе несравненно болѣе глубокое и полное, чѣмъ слѣдующая за нимъ арія въ музыкально-закругленной формѣ, которая, въ сущности, ничего не добавляетъ къ выраженію грустнаго настроенія княгини, вполнѣ достаточно характеризованнаго нѣсколькими тактами оркестроваго вступленія и речитативами

ніе составляет хоръ русалокъ, который по музыкѣ недурень, но лишенъ, какъ уже упомянуто, надлежащаго фантастическаго характера. Речитативъ и каватина князя: „Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ меня влечетъ невѣдомая сила“, и т. д., — прекрасный музыкальный монологъ, въ которомъ лиризмъ воспоминаній, поэзія прошлаго, минувшаго счастья нашли глубокое и искреннее музыкальное выраженіе; это одинъ изъ самыхъ красивыхъ и изящныхъ нумеровъ оперы, и опять здѣсь речитативъ лучше и производитъ болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ каватина. Затѣмъ слѣдуетъ капитальнѣйшая сцена: встрѣча князя съ сумасшедшимъ мельникомъ. Задумана и выполнена эта сцена въ музыкальномъ отношеніи въ высшей степени оригинально и самобытно и притомъ изумительно талантливо; сколько здѣсь проявлено художественной изобрѣтательности, сколько прекрасныхъ деталей, гармоническихъ и оркестровыхъ, сколько выразительности и музыкально-драматической правды! Невозможно передать словами, какъ чудесно охарактеризована музыкой дикая личность сумасшедшаго, какое потрясающее впечатлѣніе производитъ его рассказъ, что онъ хотѣлъ броситься въ воду за дочерью, но у него выросли крылья, онъ сталъ ворономъ, и т. д. Во всей оперной музыкѣ трудно найти болѣе сильную по драматизму: эта оригинальная, неподобная сцена ¹⁾, окончаніе которой, къ сожалѣнію, испорчено самымъ формальнымъ, рутиннымъ дуэтомъ и хоромъ охотниковъ съ весьма слабой и ординарной музыкой.

Четвертый актъ менѣе удаченъ, чѣмъ всѣ остальные. 1-ая картина изображаетъ подводное царство русалокъ — прекрасный поводъ для фантастической музыки; но Даргомыжскій здѣсь ничего не сдѣлалъ, кромѣ обыкновеннаго балетнаго нумера — „Танцы русалокъ“, — по музыкѣ не интереснаго и совсѣмъ лишеннаго фантастическаго элемента. Слѣдующая затѣмъ арія Наташи-русалки тоже неудачна, особенно въ началѣ, съ весьма плохой тѣмой въ анданте; много лучше вторая часть аріи, аллегро, гдѣ жажда любви и мести выражена энергично и съ нѣкоторою долею страсти. 2-ая картина, составляющая финалъ оперы, заключается мало хорошей музыки; довольно безцвѣтное тріо, когда княгиня и Ольга стараются отклонить князя отъ намѣренія послѣдовать за маленькою русалочкою — его дочерью, отзывается формальностью и нѣкоторою шаблонностью. Но здѣсь неподобенъ

¹⁾ Сіровъ, который далеко не былъ приверженцемъ Даргомыжскаго, писалъ въ своемъ разборѣ „Русалки“, что „эта сцена, превосходная по задачѣ, по музыкальному изобрѣтенію, по плану, по „Глуковской“ правдѣ выраженія и по всѣмъ подробностямъ мелодіи, обработки ея и оркестровки, — сдѣлала бы честь самому оытному и европейски-прославленному композитору.

вставленный въ тріо коротенькій эпизодъ призыва Наташи, обращеннаго къ князю; сколько здѣсь горячаго увлеченія, любви, страсти! Это одна изъ самыхъ счастливыхъ, вдохновенныхъ страницъ оперы; здѣсь даже, въ видѣ исключенія, удался Даргомыжскому и фантастическій элементъ,—въ этомъ призывѣ слышится что-то роковое, мистическое. Далѣе тріо продолжается въ болѣе страстномъ характерѣ; въ аккомпаниментѣ въ басу настойчиво выдерживается коротенькая фраза изъ четырехъ нотъ ¹⁾, на которыхъ построена и мелодія только-что упомянутаго призыва Наташи; эта коротенькая четырехъ-нотная фраза своимъ образомъ придаетъ музыкѣ характеръ какой-то фатальности. Съ появленіемъ мельника, послѣ его недурныхъ речитативовъ, идетъ квартетъ точно также съ мало-интересной музыкой, но въ концѣ удачно изображенъ хохотъ русалокъ, когда мельникъ сталкиваетъ князя въ рѣку. Опера заканчивается картиной подводнаго царства русалокъ, сопровождаемой оркестровой музыкой, которой Даргомыжскій хотѣлъ придать торжественный характеръ; это совсѣмъ плохая музыка,—неудачная, какъ и неудачна сама идея закончить оперу какимъ-то балетнымъ апофеозомъ, совсѣмъ неумѣстнымъ для такого выдающагося произведенія драматической музыки, какъ опера „Русалка“, стиль и характеръ музыки которой доказываютъ, что ея авторъ главнымъ образомъ служилъ идеѣ правды музыкальнаго выраженія и естественности сценическаго дѣйствія, пренебрегая внѣшними эффектами, такъ часто употребляемыми другими оперными композиторами.

„Русалка“ при первой постановкѣ ея на сценѣ въ 1856 г. не имѣла въ публикѣ значительнаго успѣха. Постановка оперы была плохая, исполненіе мало-удовлетворительное. Даргомыжскій въ своей автобіографіи высказываетъ сожалѣніе, что театральное начальство, капельмейстеръ, режиссеръ и др., считали „Русалку“ оперою неудачною, вслѣдствіе чего она исполнялась артистами второстепенными, давали ее рѣдко, кое-какъ, въ лѣтніе мѣсяцы, а зимой вовсе не давали. Очевидецъ первыхъ представленій „Русалки“, В. Т. Соколовъ, въ своихъ воспоминаніяхъ о Даргомыжскомъ ²⁾, пишетъ, что опера была поставлена съ старыми деко-

¹⁾ Эта четырехъ-нотная фраза (Н, С, Н, О) часто встрѣчается въ произведеніяхъ Даргомыжскаго (напр., въ нѣсколькихъ мѣстахъ „Русалки“, въ аккомпаниментѣ хора волшебныхъ дѣвъ въ неоконченной оперы „Рогдана“; эти четыре ноты составляли незамысловатую мелодію пѣсен, которую, по рассказамъ Даргомыжскаго, убавкивала его въ дѣтствѣ его нянька. (См. „Сборникъ русскихъ народныхъ пѣсенъ“ Римскаго-Корсакова, изд. В. Бесселя и Ко, часть 1-я, № 25).

²⁾ „Русская Старина“, 1886 май.

раціями, набранными изъ разныхъ оперъ, съ старыми, истасканными костюмами, неряшество которыхъ доходило до крайней степени, равно какъ и небрежность всѣхъ аксессуаровъ; что тогдашній капельмейстеръ русской оперы, К. Н. Лядовъ, почему-то болѣе всѣхъ враждовалъ противъ Даргомыжскаго. Небрежность его при исполненіи „Русалки“ была чрезвычайная; онъ позволялъ себѣ произвольное измѣненіе тѣмповъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на замѣчанія Даргомыжскаго; кромѣ того, дѣлалъ купюры, выпуски, ничѣмъ не мотивированные и искажающіе самое содержаніе оперы. Понятно, что при такой постановкѣ и при подобномъ исполненіи ¹⁾ „Русалка“ не могла давать хорошихъ сборовъ, была снята съ репертуара и сдана въ архивъ.

Печать въ то время мало содѣйствовала успѣху „Русалки“; музыкальные рецензенты, въ родѣ Ростислава (Θ. Толстой) въ „Сѣверной Пчелѣ“ или какого-то И. М. въ „Отечественныхъ Запискахъ“, судили о новой оперѣ веривъ и вбось, порицали лучшія мѣста и хвалили то, что было послабѣе. Самый обстоятельный, подробный и дѣльный разборъ „Русалки“ (въ десяти статьяхъ) былъ написанъ Сѣровымъ и напечатанъ въ „Музыкальномъ и Театральномъ Вѣстникѣ“ 1856 г.; Сѣровъ признавалъ большое значеніе за „Русалкой“, находилъ въ ней глубокий драматизмъ, вдохновеніе, правду музыкальнаго выраженія, и ставилъ „Русалку“, какъ оперу, какъ музыкальную драму, выше даже „Жизни за Царя“. Въ общемъ заключеніи о „Русалкѣ“ онъ писалъ, что изъ 20-ти нумеровъ оперы—неудачныхъ только два или три, и въ каждомъ изъ остальныхъ самая взыскательная критика найдетъ красоты первостепенныя; что очень многіе нумера были бы украшеніемъ современной оперы европейскаго репертуара, а двѣ сцены: дуэтъ князя съ Наташей въ 1-мъ актѣ и дуэтъ князя съ мельникомъ—по „Глуковской“ правдѣ драматизма и по необыкновеннымъ красотамъ музыкальнымъ—мало имѣютъ соперницъ въ самыхъ образцовыхъ произведеніяхъ; что способность къ драматической характеристикѣ лицъ, способность къ высоко-художественной музыкальной правдѣ, такъ сильна въ авторѣ „Русалки“, что должна быть очевидна для всѣхъ, сколько-нибудь разумѣющихъ искусство.

Не лишены интереса письма Даргомыжскаго, писанныя лѣтомъ 1856 г., къ Сѣрову ²⁾, по поводу статей послѣдняго о

¹⁾ Въ то время это была общая участь всѣхъ русскихъ оперъ; такую же небрежность постановки и исполненія испытывали также оперы „Жизнь за Царя“ и „Русланъ и Людмила“.

²⁾ „Музыкальный Сезонъ“, 1870 г., № 5.

„Русалкѣ“. Приводимъ изъ нихъ тѣ мѣста, которыя нѣсколько объясняютъ какъ отношенія Даргомыжскаго къ своему критику, такъ и его взглядъ на свое произведеніе. „Душевно благодарю васъ за умныя и добрыя рѣчи ваши по поводу моей „Русалки“, — писалъ Даргомыжскій послѣ разбора 1-го дѣйствія его оперы. — Обо многомъ самъ судить не могу, но вполне довѣряю вамъ; въ остальномъ, только въ одной бездѣлицѣ, не могу съ вами согласиться. А какая она — не скажу для того, чтобы придратъся къ случаю и лично побесѣдовать съ вами“. Въ другомъ письмѣ, относительно дуэта князя съ мельникомъ въ 3-мъ актѣ, находимъ такія выраженія: „Душевно благодаренъ вамъ — не за похвалу, а за необыкновенно-глубокое вниканіе въ сокровенныя и даже часто безотчетныя мои помыслы. Я, право, не думалъ, что дуэтъ мой такъ удаченъ, — но я уже говорилъ, что вы имѣете счастливый даръ освѣтить со всѣхъ сторонъ разбираемый вами предметъ. За то ужъ и пятнышки въ немъ не укроются“. По поводу разбора послѣдняго дѣйствія оперы, раскритикованнаго Сѣровымъ довольно безпощадно, Даргомыжскій писалъ съ большимъ тактомъ: „Я вѣрю вашимъ впечатлѣніямъ, тѣмъ болѣе, что они одинаковы съ другими стыдящимися и нестыдящимися рецензентами, — но странно, что любимый мой нумеръ оперы — это все-таки послѣдній финалъ; впрочемъ самъ авторъ въ этихъ случаяхъ — плохой судья. При свиданіи, скажу вамъ, въ чемъ показалась мнѣ маленькая неловкость въ выведенныхъ вами сравненіяхъ въ концѣ статьи“.

Критическія статьи Сѣрова о „Русалкѣ“ были напечатаны въ журналѣ („Музык. и Театр. Вѣстникъ“), не имѣвшемъ большого распространенія, и потому остались для большей части публики совсѣмъ неизвѣстными. Впослѣдствіи же Сѣровъ отступился отъ того, что писалъ въ 1856 г. относительно „Русалки“, и въ фельетонахъ „Journal de St.-Petersbourg“, 1869, отрицалъ талантливость и самобытность Даргомыжскаго, называя его только блѣднымъ подражателемъ Глинки; но это было въ то время, когда Сѣровъ, въ увлеченіи своимъ фанатизмомъ къ Вагнеру и въ раздраженіи подъ вліяніемъ журнальной полемики, нападалъ и на Глинку, особенно за его „Руслана“, и на Берліоза съ Листомъ, признавался въ своей „ненависти“ къ Шуману и его послѣдователямъ и вообще высказывалъ крайне тенденціозныя мнѣнія и сужденія.

П. Трифоновъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

ANDANTE.

Ни сладостныхъ надеждъ, ни горькихъ сожалѣній,
На сердцѣ нѣтъ давно... Пусть молодость ушла,
Унесся вихрь борьбы, любви и наслажденій
И замерла душа безъ свѣта и тепла...

Пусть дивныхъ звуковъ нѣтъ, что въ пѣсню окрылялись,
И счастья нѣтъ до слезъ, и нѣтъ любви до мукъ,—
Пусть одной тоски томленія остались,
И скуки мертвенной пусть врадется недугъ...

Но здѣсь, на торжествѣ ликующей природы,
Подъ яркимъ золотомъ веселыхъ майскихъ дней,
Среди родныхъ степей, средь ихъ родной свободы,
Я жизнь люблю еще безумнѣй и страстнѣй...

И голубыхъ небесъ спокойную пустыню,
И царственной рѣки бушующій разливъ,
И дальнихъ горъ зубчатую твердыню,
И бора темнаго синѣющей извивъ.

Люблю!.. Люблю людской толпы наивный смѣхъ и лепетъ,
Люблю нашъ старый, запустѣлый садъ,
И сердца моего больного тихій трепетъ,
И мой усталый слухъ, и утомленный взглядъ...

Ни сладостныхъ надеждъ, ни горькихъ сожалѣнй
 На сердцѣ нѣтъ давно, но я безумно радъ,
 Что снова предо мной—вихрь счастья и мученй,
 Потерянные мной навѣтъ и рай, и адъ...

II.

ПОДСЛУШАННЫЙ МОТИВЪ.

Въ голубой пустынѣ неба
 Ходятъ звѣзды золотыя;
 Незнакомы имъ желанья
 И мученія земныя...

Имъ знакома только вѣчность
 Ихъ невольнаго скитанья,
 Имъ знакомо только солнца
 Вѣковѣчное сіянье...

Такъ и люди съ мертвымъ сердцемъ,
 Люди съ мертвою душою,
 По земной пустынѣ идутъ
 Заодно съ толпой людскою...

Имъ знакома только скука
 Ихъ безцѣльнаго скитанья,
 Имъ знакомо только правды
 Безотрадное сознанье...

III.

* * *

Бессонница мысли, но холодъ въ душѣ,
 Томящее чувство безстрастья,
 Безъ трепета смотришь въ туманную даль,
 Кругомъ и назадъ—безъ участья...

Не любишь, не вѣришь, съ толпой заодно
 Идешь безконечной дорогой,—
 И злобы, и горечи много въ душѣ,
 Презрѣнья безсильнаго много...

А сердце чуть бьется, нѣмѣютъ уста,
 Дорога безцѣльная вьется,
 И тянется скорбная жизнь безъ конца,
 Покуда съ проклятьемъ порвется...

Такъ слыльные идутъ по мертвой тайгѣ,
 И свѣжны вихри бурановъ
 Скрываютъ и горькую правду отъ нихъ,
 И сладкую прелесть обмановъ...

А сердце чуть бьется, нѣмѣютъ уста,
 Дорога проклятая вьется,
 И тянется скорбная жизнь безъ конца,
 Покуда съ проклятьемъ порвется.

МАРТОВЪ.

МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

I *).

Всякій истый петербуржецъ, на три мѣсяца въ годъ, обрекаетъ себя на нечеловѣческое житье. Конечно, я говорю не о „барахъ“, которые развѣзжаются по собственнымъ деревнямъ и за границу, а о простыхъ смертныхъ, которые расплзаются по дачамъ, потому что за зиму Петербургъ ихъ задавилъ. Кто по-экономнѣе, тотъ забираетъ изъ заднихъ комнатъ мебелишку и старую разнокалиберную посуду, увязываетъ на возъ, садитъ сверху кухарку и ѣдетъ. Другіе нанимаютъ дачи съ мебелью и посудой и находятъ обломки и черепки. Постелей нѣтъ, или такіа, что привыкать надо. вмѣсто простора—тѣснота, вмѣсто тишины — судаченье сосѣдей, вмѣсто воздуха — сырость, вмѣсто возстановляющихъ солнечныхъ лучей—туманъ и дожди.

Именно такъ было поступлено и со мной, больнымъ, почти умирающимъ. вмѣсто того, чтобы везти меня за границу, куда, впрочемъ, я и самъ не чаялъ доѣхать, повезли меня въ Финляндію. Дача—на берегу озера, которое во время вѣтра невыносимо гудитъ, а въ прочее время разливаетъ окрестъ пріятную сырость.

*) Первые двѣ главы „Мелочей жизни“ были напечатаны въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“. Но по мѣрѣ того, какъ работа подвигалась впередъ, авторъ убѣждался, что она ляжетъ въ болѣе цѣльномъ видѣ, будучи напечатана въ большомъ журналѣ, нежели въ газетѣ, гдѣ, по самому способу изданія, авторскій трудъ по-невозмѣ дробится. Поэтому авторъ рѣшился продолжать „Мелочи жизни“ въ ежемѣсячномъ изданіи. Да не посѣтуетъ читатель, что, вслѣдствіе того, первые двѣ главы повторяются здѣсь, для установленія общей ихъ связи съ новыми, послѣдующими главами.

Асм.

Домикъ маленький, но веселенькій, мебель сносная, но о зеркалѣ и въ поминѣ нѣтъ. Поэтому, утромъ, я наливаю въ рукомыльникъ воды и причесываюсь надъ нимъ. Простору довольно и большой садъ для прогулокъ.

Боленъ я, могу безъ хвастовства сказать, невыносимо. Недугъ впился въ меня всѣми когтями и не выпускаетъ изъ нихъ. Руки и ноги дрожать, въ головѣ—цѣлдневное гудѣніе, по всему организму пробѣгаетъ судорога. Несмотря на врачебную помощь, изможденное тѣло не можетъ ничего противопоставить недугу. Ночи провожу въ тревожномъ снѣ, пишу рѣдко и съ большимъ мученьемъ, читать не могу вовсе и даже—слышать чтеніе. По временамъ самый голосъ человѣческой мнѣ нестерпимъ.

Что это такое, какъ не мучительное и ежеминутное умираніе, которому, по горькой насмѣшкѣ судьбы, нѣтъ конца?

Знаетъ ли читатель, что такое значить „пять минутъ“? — Конечно, знаетъ. Нѣтъ того русскаго человѣка, который многократно не отсчиталъ бы эти „пять минутъ“, сидя въ пріемной, въ ожиданіи нужнаго человѣка. Но вотъ, наконецъ, нужный человѣкъ появился въ дверяхъ,—сказалъ мимоходомъ два-три слова,—и все забыто. Теперь помножьте эти пять минутъ на часы, на сутки, мѣсяцы, на годъ,—что это такое? Сидишь и смотришь, какъ одна минута ползетъ за другой. Вотъ, наконецъ, допозвля; начинаются слѣдующія пять минутъ... ужасно! Нѣчто подобное долженъ испытывать сидящій въ одиночномъ заключеніи...

Что привело меня къ этому положенію?—на этотъ вопросъ не обинуясь и увѣренно отвѣчаю: писательство. Ахъ, это писательское ремесло! Это не только мука, но цѣлый душевный адъ. Капля по каплѣ сочится писательская кровь, прежде нежели попадетъ подъ печатный станокъ. Чего со мною ни дѣлали! И вырѣзывали, и урѣзывали, и перетолковывали, и цѣликомъ запрещали, и всенародно объявляли, что я—вредный, вредный, вредный. Трудно повѣрить, а въ провинціи власть имущіе дѣлали гримасы, встрѣтивъ гдѣ-нибудь мою книгу. „Какимъ образомъ этотъ „вредный“ писатель попалъ сюда?“—вотъ вопросъ, который считался самымъ натуральнымъ относительно моихъ сочиненій, встрѣченныхъ гдѣ-нибудь въ библіотекѣ или въ клубѣ. Одинъ газетчикъ, которому я не мало помогъ своимъ сотрудничествомъ при началѣ его журнальнаго поприща, теперь прямо называетъ меня не только вреднымъ, но паскуднымъ писателемъ. Мало того: въ родномъ городѣ нѣкто пожертвовалъ въ мѣстный музей мой бюстъ. Стоялъ-стоялъ этотъ бюстъ годъ или два благополучно—и вдругъ его куда-то вынесли. Оказалось, что я—вредный...

Надѣюсь, что этого достаточно для самой богатой надѣрбаной элитафи...

Итакъ я провелъ лѣто въ Финляндіи. Финляндія—это та самая страна, гдѣ, по свидѣтельству Пушкина, жила злая волшебница Наина и добрый волшебникъ Финнъ. Финнъ долго боролся съ Наиной, но потомъ махнулъ рукой и уѣхалъ въ Швейцарію доить симентальскихъ коровъ. Наина осталась одна, и сколько она дѣлаетъ всякихъ пакостей своему отечеству — этого ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать. Наводитъ тучи, изъ которыхъ, въ продолженіе цѣлыхъ мѣсяцевъ, льютъ дожди; наполняетъ страну вѣтрами, наворачиваетъ камни на камни, зарываетъ деревни на восемь мѣсяцевъ въ снѣга и, наконецъ, въ послѣднее время выслала сюда тьму-тьмушую русскихъ піонеровъ.

Здѣшніе русскіе піонеры — люди интеллигенціи по преимуществу. Провозятъ изъ Петербурга чай, сахаръ, апельсины, табакъ и, миновавши теріовскую таможену, крестятся и повѣряютъ другъ другу:

— Вы что провезли?

— Папиросы для мужа.

— А я,—цѣлую голову сахару... Угадайте—гдѣ она у меня была?

Шопотъ.

— Ахъ, проказница!

Я не имѣю свѣденій, какъ идетъ дѣло въ глубинѣ Финляндіи, проникли ли и туда обрусители, но, начиная отъ Теріокъ и Выборга, верстъ на двадцать по побережью Финскаго залива, нѣтъ того ничтожнаго озера, кругомъ котораго не засѣли бы русскіе землевладѣльцы. И всѣ изъ всѣхъ силъ стараются. Деньги бросаютъ пригоршнями, несутъ явные и значительные убытки, и, въ концѣ концовъ, все-таки только и слышишь, что то одинъ, то другой мечтаютъ о продажѣ своихъ дачъ. Правда, что на мѣсто убывающихъ являются новые заселенцы; но выйдетъ ли когда-нибудь изъ этого толкъ—трудно сказать. Уходитъ масса денегъ — вотъ все, что до сихъ поръ ясно. И все—благодаря пущеннымъ слухамъ о необыкновенной живительности здѣшняго воздуха, — репутация, далеко не на всѣхъ оправдывающаяся.

Мнѣ кажется, что еслибы лѣтъ сто тому назадъ (тогда и „разговаривать“ было легче) пустили сюда русскихъ старообрядцевъ и дали имъ полную свободу относительно богослуженія, русское дѣло, вообще на всѣхъ окраинахъ, шло бы толковѣе. Старообрядцы — это цвѣтъ русскаго простолюдья. Они трудолюбивы, предприимчивы, трезвы, живутъ союзно и, что всего важнѣе,

имѣютъ замѣчательную способность въ пропагандѣ. Въ настоящее время они имѣли бы здѣсь массу прозелитовъ, какъ имѣютъ ихъ среди зырянъ, пермяковъ и прочихъ инородцевъ отдаленнаго сѣвера. Укрываясь отъ преслѣдованій въ глубь лѣсовъ, несмотря на „выгонки“, они сумѣли покорить сердца полудикихъ людей и сдѣлать ихъ почти солидарными съ собою...

Но вмѣсто того, чтобы воспользоваться ихъ колонизаторскими способностями, ихъ били кнутомъ, рвали ноздри, урѣзывали языки и вызвали (такъ сказать, создали) ужасный обрядъ самосожженія.

За это, даже на томъ недалекомъ финскомъ побережьи, гдѣ я живу, о русскомъ языкѣ между финнами и слыхомъ не слыхать. А новѣйшіе русскіе колонизаторы выучили ихъ только тремъ словамъ: „риби“ (грибы), „ривенникъ“ (гривенникъ) и „двуривенникъ“. Тѣмъ не менѣе, въ селѣ Новая-Кирка есть финны изъ толстосумовъ (торговцы), которые говорятъ по-русски довольно внятно.

Финны живутъ разрозненно и селятся починками въ два-три дома. Есть, однако, большое село—Новая-Кирка, которое, впрочемъ, составляетъ тоже грудку починковъ. Народъ трудолюбивъ и любитъ страстно свою землю. Работаетъ неустойчиво, хотя частыя непогоды мѣшаютъ земледѣльческому труду. Землю удобряютъ исправно и держатъ достаточно скота, въ особенности овецъ и свиней. Но коровы здѣшнія малорослы, потому что въ Финляндію, по какому-то недоразумѣнію, безусловно запрещено ввозить скотъ изъ другихъ странъ, а слѣдовательно и совершенствовать мѣстную породу трудно. Нынѣшній годъ все уродилось прекрасно, но съ полей убрать было нелегко: цѣлый мѣсяцъ лили дожди. Мастеровыхъ кругомъ совсѣмъ нѣтъ, кромѣ одного пекаря, который продаетъ въ-разносъ выборгскіе крендели. Отхожихъ промысловъ тоже нѣтъ, а стало быть, нѣтъ и бывалыхъ людей. Финнъ замуравился въ своей деревнѣ, зарылся въ снѣгахъ на двѣ трети года и не двигается ни направо, ни налево. Есть, впрочемъ, въ нашемъ сосѣдствѣ два-три хозяина, которые скупаютъ бруснику и вѣзутъ, въ сентябрѣ, въ Петербургъ продавать ее.

О честности финской составилаcя proverbialная репутація, но нынче и въ ней стали сомнѣваться. По крайней мѣрѣ, русскихъ піонеровъ они обманываютъ охотно, а нерѣдко даже и поворачиваютъ. Въ петербургскихъ процессахъ о воровствахъ слишкомъ часто стали попадать финскія имена—стало быть, способность есть. Защитники Финляндіи (изъ русскихъ же) удостовѣряютъ, что финновъ научили воровать проникшіе сюда вмѣстѣ съ піонерами русскіе рабочіе—но вѣдь клеветать на невинныхъ легко!

Есть у финнов и способность къ пьянству, хотя вина здѣсь совсѣмъ нѣтъ, за рѣдкимъ исключеніемъ корчемства, строго преслѣдуемаго. Но, дорвавшись до Петербурга, финнъ напивается до самозабвенія, теряетъ деньги, лошадь, сбрую и возвращается домой голъ какъ соколъ.

Талантливы ли финны — сказать не умѣю. Кажется, скорѣе, что нѣтъ, потому что у громаднаго большинства ихъ вы видите въ золотушныхъ глазахъ только недоумѣніе. Да и о выдающихся людяхъ не слышать. Еслибъ что-нибудь было въ запасѣ, все-таки кто-нибудь да создалъ бы себѣ извѣстность.

О финскихъ пѣсняхъ знаю мало. Мальчики-пастухи что-то поютъ, но тоскливое и все на одинъ и тотъ же мотивъ. Можетъ быть, это такія же пѣсни, какъ у ихъ соплеменниковъ, вотяковъ, которые, увидѣвъ заборъ, поютъ (вотяки, по крайней мѣрѣ, русскимъ языкомъ щеголяютъ): „ахъ, забѣрь!“, увидѣвъ корову — поютъ: „ахъ, корова!“. Впрочемъ одну финскую пѣснь мнѣ перевели. Вотъ она:

Давидовой коровѣ Богъ послалъ теленка,
Ахъ, теленка!
А на другой годъ она принесла другого теленка,
Ахъ, другого!
А на третій годъ принесла третьяго теленка,
Ахъ, третьяго!
Когда принесла трехъ телятъ, то пасторъ узналъ объ этомъ,
Ахъ, узналъ!
И сказалъ Давиду: ты, Давидъ, забылъ своего пастора,
Ахъ, забылъ!
И за это увелъ къ себѣ самаго большаго теленка,
Ахъ, самаго большаго!
А Давидъ остался только съ двумя телятами,
Ахъ, съ двумя!

Я, впрочемъ, не ручаюсь за вѣрность перевода. Можетъ быть, даже самый текстъ вымысленъ, но, во всякомъ случаѣ, онъ близокъ къ „перлу созданія“ и характеризуетъ роль, которую играютъ здѣсь пасторы.

О наукѣ финской я ничего не знаю; ей отгорожено мѣсто въ Гельсингфорсѣ, а что она тамъ дѣлаетъ — неизвѣстно.

Исправниковъ и становыхъ здѣсь днемъ съ огнемъ не сыщешь. Но паспорта у русскихъ дачниковъ съ нѣкотораго времени начали требовать.

Но обращаюсь къ „мелочамъ жизни“.

Напрасно пренебрегаютъ ими: въ основѣ современной жизни

лежить почти исключительно мелочь. Испугъ и недоумѣніе нависли надъ всею Европой, а что же такое испугъ, какъ не сдѣленіе обидныхъ и деморализирующихъ мелочей?

Вотъ уже сколько лѣтъ сряду, какъ каникулярное время посвящается преимущественно распространенію испуговъ. Сѣзжаются, совѣщаются, пьютъ „молчаливые“ тосты. „Графъ Кальноки былъ съ визитомъ у кн. Бисмарка, а черезъ полчаса кн. Бисмаркъ отдалъ ему визитъ“; „графъ Кальноки пріѣхалъ въ Варшаву, куда ожидали также представителя отъ Италіи“,—вотъ что читашь въ газетахъ. Король Миланъ тоже ѣдитъ, кланяется и пользуется „сердечнымъ“ пріемомъ. Даже черногорскій князь удосуужился и сѣздалъ въ Вѣну, гдѣ тоже былъ „сердечно“ принятъ.

Что все это означаетъ, какъ не фабрикацію испуговъ въ умахъ и безъ того взбурораженныхъ простецовъ? Зачѣмъ это понадобилось? съ какого права признано необходимымъ, чтобы Сербія, Болгарія, Боснія не смѣли устроиваться по своему, а непременно при внимательствѣ Австріи? Съ какой стати Германія берется помогать Австріи въ этомъ дѣлѣ? Почему допускается вопиющая несправедливость къ выгодѣ сильнаго и въ ущербъ слабому? Зачѣмъ нужно держать въ страхѣ сосѣдей?

Добрые геніи пролагаютъ желѣзные пути, изобрѣтаютъ телеграфы, прорываютъ громадные каналы, мечтаютъ о воздухоплаваніи, однимъ словомъ, дѣлаютъ все, чтобы смягчить международную рознь; злые, напротивъ, употребляютъ всѣ усилія, чтобы обострить эту рознь. Политиканство давитъ успѣхи науки и мысли и самыя существенныя побѣды послѣднихъ умѣетъ обращать исключительно въ свою пользу.

Потомъ: „нѣмецкіе фабриканты совсѣмъ завладѣли Лодземъ“; „нѣмецкіе офицеры живутъ въ Смоленскѣ“; „нѣмецкіе офицеры генеральнаго штаба появились у Троицы-Сергія, изучаютъ русскій языкъ и ярославское шоссе, собираютъ статистическія свѣдѣнія, дѣлаютъ съемки“, и т. д. Что имъ понадобилось? Ужели имъ, этимъ офицерамъ, мало дѣла у себя дома? Ужели они мечтаютъ, что германское знамя появится на ярославскомъ шоссе и село Братовщина будетъ примешивано къ германской имперіи?

Вотъ какія постыдныя мелочи наполняютъ современную жизнь...

Это по части нѣмцевъ; а по части россіянъ еще лучше.

„Фабриканты и заводчики разсчитываются съ рабочими купонами девяностыхъ годовъ“...

„Фабриканты и заводчики ходатайствуютъ объ увеличеніи ввозныхъ пошлинъ“...

„Фирма X проникла въ земство и распоряжается по произволу выборами мировыхъ судей“...

„Фирма Z скупила чуть-ли не цѣлую губернію“...

„Лѣса наши гибнутъ, рѣки мелѣютъ“...

„Крестьяне годъ отъ году бѣднѣютъ, помѣщики также; а рядомъ съ этимъ всеобщимъ обѣднѣніемъ вырастаютъ милліоны, сосредоточенные въ немногихъ рукахъ“.

Это ужъ мелочи горькія, но повсюду никто ихъ еще не пугается; а когда наступитъ очередь для испуга,—можетъ быть, дѣло будетъ уже непоправимо.

Всѣ мы каждодневно читаемъ эти извѣстія, но едва-ли многимъ приходитъ на мысль спросить себя: въ силу чего же живетъ современный человѣкъ? и какимъ образомъ не входитъ онъ въ идиотизмъ отъ испуга?

Еще одна характеристичная мелочь. Въ послѣднее время многіе огудно обвиняли нашу интеллигенцію во всѣхъ неурядицахъ и неустройствахъ и предлагали противъ нея по истинѣ неслыханныя, по своей нелѣпости, мѣры. Въ числѣ ихъ немалую роль игралъ самосудъ живорѣзовъ московскаго Охотнаго ряда, а нѣкоторые не отступали даже передъ топленіемъ въ Москвѣ рѣкъ. Разумѣется, все это было говорено на-вѣтеръ, но все-таки даетъ понятіе о степени злопыхательства. И никому не пришло на мысль сказать во всеуслышаніе хотя бы умѣренное слово въ защиту интеллигенціи. Хотя бы то, напримѣръ, что единичные факты слѣдуетъ судить единично же; что обобщенія въ подобныхъ случаяхъ неумѣстны и вредны; что, наконецъ, если и можно забить интеллигенцію въ грязь—что же тогда останется?

Не будь интеллигенціи, мы не имѣли бы ни понятія о чести, ни вѣры въ убѣжденія, ни даже представленія о человѣческомъ образѣ. Остались бы „чумазые“ съ ихъ исконнымъ стремленіемъ расцѣпять общественный карманъ до послѣдней нитки.

Идетъ чумазый, идетъ! Я не разъ говорилъ это и теперь повторяю: идетъ, и даже уже пришелъ! Идетъ съ фальшивою мѣрою, съ фальшивымъ аршиномъ и съ неутолимою алчностью глотать, глотать, глотать...

Интеллигенція наша ничего не противопоставитъ ему, ибо она ни откуда не защищена, и гибнетъ безпомощно, какъ быліе въ полѣ...

Скучно и тяжело смотрѣть, какъ умы, вмѣсто того, чтобы питаться здоровою пищею, постепенно заполняются испугомъ. Испугъ до того въѣлся въ насъ, что мы даже совсѣмъ не сознаемъ его. Это уже не явленіе, приходящее извнѣ, а вторая природа.

Мы перечитываемъ всевозможныя загадочности, и безусловно вѣримъ, что таинственная ихъ сила управляетъ міромъ, и что судьбы исторіи всецѣло отданы имъ во власть. Но еще мучительнѣе думать, что этому мыслительному плѣну не предвидится конца, потому что и подростающее поколѣніе, прислушиваясь къ непрерывному голошенію старшихъ, незамѣтно заражается имъ. Простую мелочь, которая исчезла бы отъ одного дуновенія здороваго, освѣжающаго воздуха, мы съумѣли превратить въ мелочь изнурающую.

Стѣбитъ прислушаться къ говору невольныхъ плѣнниковъ, возвращающихся изъ душнаго Петербурга на дачи, чтобы убѣдиться, до какой степени всѣми овладѣла вѣра въ загадочность будущаго.

— Слышали?—раздается въ вагонахъ:—графъ Кальноки былъ съ визитомъ у Бисмарка?

— А черезъ полчаса князь Бисмаркъ отдалъ визитъ Кальноки, и опять оба имѣли продолжительное совѣщаніе...

— И при семъ присутствовалъ итальянскій министръ Лампопд...

— Ну, ужъ и Лампопд?..

— Всѣ они тамъ Лампопд... всѣхъ бы ихъ...

— А слышали вы, что прусскіе офицеры у Сергія-Троицы живыми-живутъ?

— Зачѣмъ ихъ нелегкая принесла?

— Утереть бы имъ носъ, этимъ паршивцамъ-нѣмцамъ,—вотъ и вся недолга...

— То-то, что платковъ нѣтъ...

— А слышали вы, какъ купецъ Z съ рабочими купонами 90-го года расчитался?

— Вотъ такъ съ праздникомъ сдѣлать!

— Крестьяне, разумѣется, жаловаться; однако...

— А слышали вы, какъ купецъ X все земство въ своемъ уѣздѣ своими людьми заплотилъ?

— Неужто? а я еще его дворовымъ мальчигомъ помню...

— Да, батюшка, нынче хамы—сила!

— Станція Теріоки! — провозглашаетъ кондукторъ.

Плѣнники вскакиваютъ съ мѣстъ и разбѣгаются по дачамъ. А на дачѣ мать семейства, встрѣчая своего главу, сообщаетъ:

— А вѣдь графъ-то Кальноки... каковъ! Вотъ „наши“ такъ не умѣютъ... У Троицы, сказываютъ, нѣмца видѣли...

— Ну, ну, ладно, матушка! Какіе-такіе тамъ „наши“! То же... туда же... Велика подавать супъ и будемъ обѣдать!

II.

А съ Баттенбергомъ творится что-то неладное. Его начали „возить“. Сначала увезли, потомъ опять привезли. Съ какою цѣлю? для чего лишній расходъ? чего смотрѣлъ маіоръ Пановъ?

Бѣдный маіоръ Пановъ! Сдается мнѣ, что долго не быть ему подполковникомъ. Развѣ новый Баттенбергъ пріѣдетъ и напишетъ: „Въ воздаяніе вашихъ заслугъ по увозу Баттенберга I-го жалую васъ“... Да и тутъ наврядъ ли отдадутъ ему старшинство, потому что вѣдь эти Баттенберги подозрительны. Скажетъ: одного ужъ увезъ,—пожалуй, увезетъ и другого...

И затѣмъ Баттенбергъ воротился?! Попилъ въ княжескомъ юнакѣ, пожуроваль—и будетъ. Наконецъ, совсѣмъ-было уѣхалъ—вдругъ телеграмма: „возвращайтесь! нашли надежную прислугу“.—И онъ возвратился. Даже не спросилъ себя: достаточно ли надежна прислуга и долго ли ему придется опять пожуровать? Жить бы да поживать ему гдѣ-нибудь въ Касселѣ или Гомбургѣ, на хлѣбахъ у нѣсколькихъ монарховъ—

А онъ, мятежный, ищетъ бури,
Какъ будто въ буряхъ есть покой!..

Вотъ гдѣ нужно искать дѣйствительныхъ космополитовъ: въ средѣ Баттенберговъ, Меренберговъ и прочихъ штабъ и оберъ-офицеровъ прусской арміи, которыхъ обездолилъ кн. Бисмаркъ. Рыщутъ по блу-свѣту, теплыхъ мѣстечекъ подыскиваютъ. Слушайте! вѣдь онъ, этотъ Баттенбергъ, такъ и говоритъ: „Болгарія—любезное наше отечество!“ и языкъ у него не запелся, выговаривая это слово! Отечество! Какимъ родомъ очутилось оно для него въ Болгаріи, о которой онъ и во снѣ не видалъ? Вотъ ужъ именно: не было ни гроша—и вдругъ алтынъ.

А болгары что?—„Они съ такимъ же восторгомъ привѣтствовали возвращеніе князя, съ какимъ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, встрѣтили вѣсть объ его низложеніи“. Вотъ что пишутъ въ газетахъ. Скажите: ну, чѣмъ они плоше древнихъ афинянъ? Только вотъ насчетъ аттической соли у нихъ плоховато.

Конечно, Баттенбергъ можетъ сказать: моему возвращенію рукоплескали. Но такихъ ли рукоплесканій я былъ свидѣтелемъ въ молодости! Пріѣдешь, бывало, въ Михайловскій театръ, да выйдетъ на сцену Луиза Майеръ въ китайскомъ костюмѣ (водевиль „La fille de Dominique“), да запоетъ:

Je suis Tchinn-ka la blonde,
Esclave du Sultan,
Et je parcours le monde
En dansant, en chantant...

какъ весь театръ Михайловскій словно облютовать. „Bis! bis!“—зальются хоромъ люди всѣхъ вѣдомствъ и всѣхъ оружій. Вотъ еслибы эти рукоплесканія слышалъ Баттенбергъ, онъ навѣрное сказалъ бы себѣ: теперь я знаю, какъ надо приобретать народную любовь!

И находятъ еще антики, которые увѣряютъ, что весь этотъ хламъ исторія запишетъ на свои скрижали... Хороши будутъ скрижали! Нѣтъ, время такой исторіи ужъ прошло. Я увѣренъ, что даже современные болгары скоро забудутъ о Баттенберговыхъ проказахъ и вспомнятъ о нихъ лишь тогда, когда его во второй разъ увезутъ: „Ба!—скажутъ они:—да вѣдь это ужъ, кажется, во второй разъ! Какъ бы опять его къ намъ не привезли!“

Помните ли вы, читатель, Наполеона III-го?—навѣрное, позабыли! Между тѣмъ онъ почти 20 лѣтъ сряду громилъ не одну Францію, но и всю Европу—и никто не замѣчалъ праха, который до краевъ наполнялъ этого человѣка. Все преклонялось передъ нимъ, все считало его серьезною силою. Новогодніе приемы его представляли собой какъ бы политическую программу на цѣлый годъ,—программу, которая принималась безоговорочно къ исполненію. Но, наконецъ, пробилъ-таки часъ, когда гноище, на которомъ онъ возлежалъ, раскрылось само собой. И что же? Съ послѣднимъ громомъ пушекъ—все смолкло, точно ничего и не было! Несмотря на его паденіе и смерть, событія продолжали идти своимъ чередомъ, какъ будто онъ никогда никакимъ „концертомъ“ не дирижировалъ. И теперь имя его до того погрузилось въ мракъ, что не только никто объ немъ не говоритъ, но даже и не помнитъ его существованія. Концерты европейскіе продолжаютъ разыгрываться безъ него, какъ разыгрывались при немъ, а жизнь народная продолжаетъ по прежнему свое теченіе, особо отъ концертовъ.

Имена Ньютоновъ, Франклиновъ, Галилеевъ, Ломоносовыхъ будутъ переходить изъ вѣка въ вѣкъ; имена Наполеоновъ и другихъ концертантовъ потонутъ въ болотныхъ топяхъ. Таковъ законъ вещей, и никакое насиліе не поможетъ его обойти. Не обойдетъ его и исторія.

Правда, что Наполеонъ III-й оставилъ по себѣ цѣлое чужезд-

ное племя Баттенберговъ, въ видѣ Наполеонидовъ, Орлеановъ и пр. Всѣ они бодрствуютъ и ищутъ глазами, всегда готовые броситься на добычу. Но исторія сумѣетъ разобратся въ этомъ наносномъ хламѣ и отыщетъ, гдѣ находится дѣйствительный центръ тяжести жизни. Если же она и упомянетъ о хламѣ, то для того только, чтобы сказать: было время такой громадной душевной боли, когда всякій авантюристъ овладевалъ человечествомъ безъ труда!

Скажетъ она это потому, что душевная боль не давала человечеству ни развиваться, ни совершать плодотворныхъ дѣлъ, а слѣдовательно и въ самой жизни человѣческихъ обществъ произошелъ какъ бы перерывъ, который нельзя же не объяснить. Но, сказавши,—обведетъ эти строки черною каймою и болѣе не возвратится къ этому предмету.

Ахъ, эти мелочи! Какъ чесоточный зудень, впиваются онѣ въ организмъ человѣка, и точатъ, и жгутъ его. Сколько всевозможныхъ „союзовъ“ опутало человѣка со всѣхъ сторонъ; сколько каждый индивидуумъ ухитряется придумать лично для себя всякихъ стѣсненій! И всему этому, и пришедшему извнѣ, и придуманному ради удовлетворенія личной мнительности, онъ обязывается послужить, т.-е. отдать всю свою жизнь. Нѣтъ мѣста для работы здоровой мысли, нѣтъ свободной минуты для плодотворнаго труда! Мелочи, мелочи, мелочи—заполнили всю жизнь.

Возьмемъ для примѣра хоть страхъ завтрашняго дня. Сколько постыднаго заключается въ этой трехсловной мелочи! Какимъ образомъ она могла вѣсться въ существованіе человѣка, существа по преимуществу предусмотрительнаго, обладающаго зиждительною силою? Чтѣ придавило его? чтѣ заставило такъ безусловно подчиниться простой и постыдной мелочи?

Встрѣчаете на улицѣ пріятеля и видите, что онъ задумчивъ и угнетенъ.

— Чтѣ такъ задумались?

— Да какъ-то не по себѣ... Боюсь.

— Бойтесь? чего же?

— Да завтрашняго дня. Все думается:—чтѣ-то завтра будетъ!

Не то боязнь, не то раздраженіе чувствуешь... смутное что-то. Стараюсь вникнуть, но до сихъ поръ еще не разобрался. Точно находишься въ обществѣ, въ которомъ собравшіеся всѣ разбрелись по угламъ и шушукуются, а ты сидишь одинъ у стола и пере-

сматриваешь лежащія на немъ и давно надѣвшіе альбомы... Вотъ это какое ощущеніе!

— Ахъ, пустяки какіе!

— Пустяки—это вѣрно. Но въ томъ-то и сила, что одолѣи насъ эти пустяки. Плывутъ со всѣхъ сторонъ, вливаются, рвутъ сердце на части.

— Но что же можетъ быть завтра такого страшнаго?

— То-то, что ничего неизвѣстно. Будетъ—не будетъ, будетъ—не будетъ?—только на эту тему и работаетъ голова. Слышишь шопоты, далекое урчанье, а яснаго—ничего.

— Все-таки я не вижу, что же тутъ общаго съ завтрашнимъ днемъ?

— И завтра, и сегодня, и сейчасъ, сію минуту,—развѣ это не все равно? Голова заполонена; кругомъ—пустота, неизвѣстность или нелѣпая и разнорѣчивая болтовня; опускаются руки и самъ незамѣтно погружаешься въ омутъ шопотовъ или нахальной болтовни... Вотъ это-то и омерзительно.

И дѣйствительно, кругомъ слышатся только шопоты да гулъ какой-то загадочной работы при замкнутыхъ дверяхъ. По неволѣ вспомнятся стихи Пушкина:

Смутно всюду, темно всюду.

Быть тутъ чуду! Быть тутъ чуду!

Только не „чудо“ является въ результатѣ, а простой изнуряющій вздоръ.

Возьмемъ теперь другой примѣръ: образованіе. Не о высшей культурѣ идетъ здѣсь рѣчь, а просто о школѣ. Школа приготовляетъ человѣка къ воспринятію знанія; она даетъ ему основные элементы его. Это достаточно указываетъ, какая тѣсная связь существуетъ между школой и знаніемъ.

Извѣстно и даже за аксіому всѣми принято, что знаніе освѣщаетъ не только того, кто непосредственно его воспринимаетъ, но, черезъ посредство школы, распространяетъ лучистый свѣтъ и на темныя массы. Извѣстно также, что люди одаряются отъ природы различными способностями и различною степенью восприимчивости; что ежели практически и трудно провести эту послѣднюю истину во всемъ ея объемѣ, то во всякомъ случаѣ непростоительно не принимать ея въ соображеніе. Наконецъ, признано всѣми, что насильственно суживать предѣлы знанія вредно, а еще вреднѣе наполнять содержаніе его всякими случайными примѣсами.

Посмотримъ же, въ какой мѣрѣ примѣняются эти истины къ школьному дѣлу.

Прежде всего, надъ всей школой тяготѣетъ нивелирующая рука циркуляра. Опредѣляются во всей подробности не только предѣлы и содержаніе знанія, но и число годовыхъ часовъ, посвящаемыхъ каждой отрасли его. Не стремленіе къ распространенію знанія стоитъ на первомъ планѣ, а глухая боязнь этого распространенія. О характеристическихъ особенностяхъ учащихся забыто вовсе: всѣ предполагаются скроенными по одной мѣркѣ, для всѣхъ преподается одинъ и тотъ же обязательный масштабъ. Переводный или непереводный баллъ—вотъ единственное мѣрило для оцѣнки, причемъ не берется въ соображеніе, насколько въ этомъ баллѣ принимаетъ участіе слѣпая случайность. О личности педагога тоже забыто. Онъ не можетъ ни остановиться лишнихъ пять минутъ на такомъ эпизодѣ знанія, который признаетъ важнымъ, ни посвятить пять минутъ меньше такому эпизоду, который представляется ему недостаточно важнымъ или преждевременнымъ. Онъ обязывается выполнить букву циркуляра—и больше ничего.

Но въ такомъ случаѣ для чего же не прибѣгнуть къ помощи телефона? Набрать бы въ центрѣ отборныхъ и вполне подходящихъ къ уровню современныхъ требованій педагоговъ, которые и распространяли бы по телефону свѣтъ знанія по лицу вселенной, а на мѣстахъ содержать только тьюторовъ, которые наблюдали бы, чтобы ученики не повѣсничали...

Мало того: при самомъ входѣ въ школу о всякомъ жаждущемъ знанія наводится справка.

Дворянинъ или мѣщанинъ?

Какого вѣроисповѣданія: православный, католикъ или, наконецъ, еврей?

Для послѣднихъ, въ особенности, школа—время тяжкаго и жгучаго испытанія. Съ юношескихъ лѣтъ еврей воспитывается въ себѣ сердечную боль, проходитъ всѣ степени неправды, униженія и рабства. Чтò же можетъ выработаться изъ него въ будущемъ?

Нѣтъ ни общей для всѣхъ справедливости, ни признанія челоуѣческой личности, ни живого слова. Ничего, кромѣ задачника Буренина и Малинина и учебниковъ грамматики всѣхъ возможныхъ сортовъ.

Чтò можетъ дать такая школа? Что, кромѣ *tabula rasa* и особенной болѣзни, къ которой слѣдуетъ примѣнить специальное наименованіе „школьнаго худосочія“?

Сонливые и бессильные высыплютъ массы юношей и юницъ изъ школы на арену жизни, сонливо отбудутъ жизненную повинность и сонливо же сойдутъ въ преждевременныя могилы...

А вотъ и третій примѣръ. Представьте себѣ, что студентъ Хорьковъ женился на Липочкѣ Большой (извѣстныя лица изъ комедій Островскаго). Липочка вышла замужъ, потому что случайно отдалась Хорькову, и надо же „прикрыть грѣхъ“; Хорьковъ женился, потому что принялъ Липочкину наглость за „святую простоту“. При этомъ, само собой разумѣется, старикъ Большовъ надулъ Хорькова и не далъ за Липочкой никакого приданнаго, кромѣ тряпокъ. И вотъ они недолгѣ опознали другъ друга. Липочка увѣрилась, что Хорьковъ не въ состояніи дарить ей трепрапельчатыхъ платьевъ; Хорьковъ убѣдился, что мечты его о „святой простотѣ“, при первомъ же столкновеніи съ дѣйствительностью, разбились въ прахъ.

Что можетъ выйти изъ этого сожитія? Что, кромѣ клѣтки, въ которой сидятъ два звѣря, прикованные каждый къ своему углу и готовые растерзать другъ друга при первой возможности?

И, наконецъ, четвертый примѣръ. Передъ вами человѣкъ вполне независимый, обезпеченный и культурный. Онъ могъ бы жить совершенно свободно, удовлетворяя потребностямъ своей развитости. Но его такъ и подмываетъ отдать себя въ рабство. Онъ чувствуетъ своимъ извращеннымъ умомъ, что есть гдѣ-то лѣстница, которая ведетъ къ почестямъ и власти. И вотъ онъ взбирается на нее. Скользитъ, оступается и летитъ стремглавъ назадъ. Это, однакожъ, не останавливаетъ его. Онъ вновь начинаетъ взбираться медленно, мучительно, ступень за ступенью, и, наконецъ, успѣваетъ придти къ цѣли. Тутъ его встрѣчаютъ щелчки за щелчками, потому что онъ чуженинъ въ этой средѣ, чужого поля ягода. Тѣмъ не менѣе руководители среды очень хорошо понимаютъ, что отъ этого чуженина отдѣлаться не легко, что онъ упоренъ и не уйдетъ назадъ съ одними щелчками. Его, наконецъ, пристроиваютъ, даютъ пріютъ и мало-по-малу привыкаютъ звать „своимъ“. Въ отвѣтъ на это вынужденное радушіе, онъ ходко впрягается въ плугъ и начинаетъ работать съ ревностью прозелита. Идеалы, свобода, порывы души—все забыто, все принесено въ жертву рабству. А черезъ короткое время въ результатъ получается заправскій рабъ, въ которомъ все сгнило, кромѣ гнущей спины и лгушаго языка во рту.

Довольно ли этихъ примѣровъ?

Я не знаю, какъ отнесется читатель къ написанному выше, но что касается до меня, то при одной мысли о „мелочахъ жизни“ сердце мое болитъ невыносимо.

Несомненно, что весь этот угарь, эта разнокалиберная фантасмагорія устраняется сама собой; но спрашивается: сколько увлекутъ за собой жертвъ одни усилія, направленные съ цѣлью этого устраненія?

Мнѣ скажутъ, быть можетъ, что я смѣшалъ въ одну кучу „мелочи“ совсѣмъ различныхъ категорій: Баттенберговы приключенія со школою и т. д. Я и самъ понимаю, что, въ существѣ, это явленія вполнѣ разнородныя, но и за всѣмъ тѣмъ не могу не признать хотя косвенной, но очень тѣсной связи между ними. Дѣло въ томъ, что Баттенберговы проказы не сами по себѣ важны, а потому, что, несмотря на свое ничтожество, заслоняютъ тѣ горькія „мелочи“, которыя заправскимъ образомъ отравляютъ жизнь. Подъ шумъ всевозможныхъ совѣщаній, концертовъ, то-стовъ и другихъ политическихъ сюрпризовъ прекращается русловое теченіе жизни, и вся она уходитъ внутрь, но не для работы самоусовершенствованія, а для того, чтобы переполниться внутренними болями. И умственный, и матеріальный уровень страны несомненно понижается; исчезаетъ предусмотрительность; разрывается связь между людьми, и вмѣсто всего на арену появляется существованіе въ одиночку и страхъ передъ завтрашнимъ днемъ. Все это, конечно, равносильно доброй войнѣ.

Войну клянуть; собираютъ митинги, пишутъ трактаты объ устраненіи поводовъ къ ней или о замѣнѣ ея другимъ судомъ, менѣе безчеловѣчнымъ. Но забываютъ, что прелиминаріи войны гораздо мучительнѣе, нежели самая война. Война открываетъ доступъ самымъ дурнымъ страстямъ (одни подрядчики и казнокрады чего стоятъ!); она изнуряетъ страну матеріально; прелиминаріи къ войнѣ производятъ въ странѣ умственное и нравственное разложеніе, погружаютъ ее въ мракъ ничтожества. Все дурное, не-правое и безнравственное назрѣваетъ подъ вліяніемъ смуты, заставляющей общество метаться изъ стороны въ сторону безъ руководящей цѣли, безъ всякаго сознанія сущности этихъ беспорядочныхъ метаній.

Общество, не знающее иного содержанія, кромѣ сплетенъ и насильственно созданныхъ путъ, можетъ быть, способно лишь къ прозябанію. Спрашивается, однакожъ: возможно ли безсрочное прозябаніе, и не должно ли оно постепенно перейти въ гніеніе?

Признаюсь откровенно: какъ ни мучителенъ для меня утвердительный отвѣтъ, но я вынужденъ сказать: да, прозябаніе не безсрочно.

III.

Чтобы вполне оцѣнить гнетущее вліяніе „мелочей“, чтобы оцѣнить ихъ во всей осязаемости, перенесемся изъ большихъ центровъ въглубь провинціи. И чѣмъ глубже, тѣмъ яснѣе и яснѣе выступитъ ненормальность условій, въ которыя поставлено человѣческое существованіе ¹⁾.

Въ губерніи вы прежде всего встрѣтите человѣка, у котораго сердце не на мѣстѣ. Не потому оно не на мѣстѣ, чтобы было переполнено заботами объ общественномъ дѣлѣ, а потому, что все содержаніе настоящей минуты исчерпывается однимъ предметомъ: огражденіемъ прерогативовъ власти отъ дѣйствительныхъ и мнимыхъ нарушеній.

Прерогативы власти — это такого рода вещь, которая почти недоступна вполне строгому опредѣленію. Здѣсь настоящее гнѣздовище чисто личныхъ возрѣній и оцѣнокъ, такъ-что ежели взять два крайнихъ полюса этихъ возрѣній, то между ними найдется очень мало общаго. Все тутъ неясно и смутно: и предѣлы, и степень, и содержаніе. Одно только прямо бросается въ глаза — это власть для власти, и, само собой разумѣется, только одна эта цѣль и преслѣдуется съ полнымъ сознаніемъ.

Въ спокойное время, на помощь къ этой разнокалиберщинѣ является циркуляръ. Онъ старается съютировать противоположные полюсы личныхъ возрѣній, приводитъ примѣры, одно одобряетъ, другое порицаетъ, и въ заключеніе все-таки взываетъ къ усмотрѣнію. Но вѣдь въ спокойное время человѣкъ, у котораго сердце не на мѣстѣ, и самъ сидитъ спокойно. Онъ равнодушно прочитываетъ полученную рацею, и говоритъ себѣ: „у меня и безъ того смирно — чего еще больше?.. Иванъ Ивановичъ! — обращается онъ къ приближенному лицу: — кажется, у насъ ничего такого нѣтъ?“ И есть ли, нѣтъ ли, циркуляръ подшивается къ числу прочихъ — и дѣлу конецъ.

Совсѣмъ въ другомъ видѣ представляется дѣло въ такъ-называемыя переходныя эпохи, когда общество объято недоумѣніями, страхомъ завтрашняго дня и исканіемъ новыхъ жизненныхъ основъ. Это — время „строгости и скорости“. Тутъ циркуляръ не только теряетъ свое разъяснительное значеніе, но положительно запутывается. Что такое: „а посему“? Почему „посему“? — безпо-

¹⁾ Прошу читателя имѣть въ виду, что я говорю не объ одной Россіи: почти всѣ европейскія государства въ этомъ отношеніи устроены на одинъ образецъ. — *Авт.*

койно спрашиваетъ себя адрессатъ. И вотъ начинаются утягиванья, натягиванья, и наконецъ личное усмотрѣніе вступаетъ въ свои права. „Строгость и скорость“ — только и всего. Власть для власти, подозрительность, выѣшательства, — все призывается на помощь, лишь бы успокоить встревоженное сердце.

Наступаетъ истинный переполохъ. И у себя дома, и въ канцеляріяхъ, и въ гостяхъ у частныхъ лицъ, и въ общественныхъ мѣстахъ — вездѣ чудятся дурныя страсти, безначаліе и подрывы основъ, подъ которыми, за неясностью этого выраженія, разумѣются тѣ же излюбленныя прерогативы власти. Пускаются въ ходъ благосклонныя или язвительныя улыбки (смотря по обстоятельствамъ), нахмуренныя брови, воркотня; поднимается самъ собой указательный палецъ и грозитъ въ пространство. Уже не циркуляръ является руководителемъ, а газета, съ ея толками и инсинуаціями...

Все это я не во снѣ видѣлъ, а во очію. Я слышалъ, какъ провинція наполнялась кривою, перекатывавшимся изъ края въ край; я видѣлъ и улыбки, и нахмуренныя брови; я ощущалъ ихъ дѣйствіе на самомъ себѣ. Я помню такъ-называемыя „столеновенія“, въ которыхъ одинъ толкался, а другой думалъ единственно о томъ, какъ бы его не затолкали вконецъ. Я не только ничего не преувеличиваю, но, скорѣе, не нахожу настоящихъ красокъ.

Я не говорю уже о томъ, какъ мучительно жить подъ условіемъ такихъ метаній, но спрашиваю: какое горькое сознаніе униженія должно всплыть со дна души при видѣ одного этого неустанно угрожающаго указательнаго перста?

— Иванъ Ивановичъ! кажется, къ намъ затесался анархистъ... Вотъ этотъ, черноватый, съ длинными волосами... И видъ у него такой, точно съѣсть хочется...

— Это у него отъ природы-съ, — робко пытается разубѣдить Иванъ Ивановичъ.

— Природа! знаемъ мы эту природу! Не природа, а порода. Природу нужно смягчать; торжествовать надъ ней надо. Нѣтъ, знаете ли что? лучше намъ подальше отъ этихъ лохматыхъ! пускай онъ идетъ съ своей природой, куда пожелаетъ. А вы, между тѣмъ, шепните ему, чтобъ онъ держалъ ухо востро!

Указательный палецъ поднимается самъ собой, а „лохматый“, въ немалому своему испугу и удивленію товарищей, обязывается исчезнуть съ лица земли.

Или:

— А вѣдь у васъ, Федоръ Федоровичъ, въ вѣдомствѣ не совсѣмъ-то благополучно.

— Что такое? — озабоченно спрашивает Федоръ Федоровичъ.

— Да такъ... не скажу, чтобъ явное противодѣйствіе, а душкѣ проявляется-таки. И при этомъ не безъ ироніи...

— Помилуйте-съ!

— А вы припомните, какъ вы мнѣ отвѣтили на мой запросъ о необходимости имѣть въ сердцахъ страхъ божій? Конечно, я васъ лично не обвиняю, но письмоводитель вашъ — шпилька!

— Но что же я такое отвѣтилъ?

— А отвѣтили: „въ моемъ вѣдомствѣ страха божія очень достаточно“... н-да-съ...

Къ счастью, въ это время подвертывается Емельянъ Семеновичъ съ колодой картъ.

— Повинтить-съ?

— Съ удовольствіемъ.

Человѣкъ, у котораго сердце не на мѣстѣ, усаживается за винтъ; но когда кончается условленное число роберовъ, онъ все-таки не преминетъ напомнить Федору Федоровичу:

— А насчетъ письмоводителя вы все-таки имѣйте въ виду. Я давно въ немъ замѣчаю. Нѣтъ у него этой теплоты чувства, этой, такъ сказать...

Таковъ человѣкъ, у котораго сердце не на мѣстѣ; а за нимъ слѣдуетъ цѣлая свита людей, у которыхъ тоже сердце не на мѣстѣ, у каждаго по своему вѣдомству. И опять появляются на сцену лохматые, опять слышатся слова: „противодѣйствіе“, „иронія“.

Мнѣ скажутъ, что все это мелочи, что въ извѣстныя эпохи отдѣльныя личности имѣютъ значеніе настолько относительное, что нельзя формализироваться тѣмъ, что они исчезаютъ безслѣдно въ круговоротъ жизни. Да вѣдь я и самъ съ того началъ, что всѣ подобныя явленія называлъ мелочами. Но мелочами, которыя опутываютъ и подавляютъ...

Такимъ образомъ, губернія постепенно приводится къ тому томительному однообразію, которое не допускаетъ ни обмѣна мыслей, ни живой дѣятельности. Вся она твердитъ одни и тѣ же подневольныя слова, не сознавая ихъ значенія и только руководствуясь однимъ соображеніемъ: что эти слова идутъ ходко на жизненномъ рынкѣ.

Канутъ ли эти мелочи въ вѣчность безслѣдно, или будутъ имѣть какія-нибудь послѣдствія? — не знаю. Одно могу сказать съ нѣкоторою достовѣрностью, что есть мелочи, которыя, подобно снѣжному шару, чѣмъ дальше катятся, тѣмъ больше нарастаютъ, и, наконецъ, образуютъ изъ себя глыбу.

Ежели мы спустимся ступенью ниже—въ уѣздъ—то увидимъ, что тамъ мелочи жизни выражаются еще грубѣе и еще меньше встрѣчаютъ отпора. Уѣздъ изстари былъ вмѣстилищемъ людей одинаковой степени развитія и одинаковаго отсутствія образа мыслей. Теперь, при готовыхъ девизахъ изъ губерніи, разномысліе исчезло окончательно. Даже жены чиновниковъ не ссорятся, но единомысленно подымаютъ: „ахъ, какой циркуляръ!“

Была минута, когда мировыя и земскія учрежденія внесли нѣкоторое оживленіе въ эту омертвѣлую среду, но время это памятно уже очень немногимъ современникамъ. Нынче, и мировые, и земскіе дѣятели одинаково погрузились въ общую пучину единомыслія и одинаково твердятъ одни и тѣ же заветныя слова. Пришли новые люди и принесли съ собой сознаніе о вредѣ такъ-называемыхъ пререканій и о необходимости безусловно покориться вѣяніямъ минуты. А ежели и остались немногіе изъ недавнихъ „старыхъ“, то они такъ легко выдержали процессъ переодѣванія, что опознать въ нихъ людей, которые еще наканунѣ плели лапти съ подковыркою, совсѣмъ невозможно.

Главная цѣль, къ которой нынѣ направлены всѣ усилія уѣздной административной дѣятельности—это справляться дома, своими средствами, и какъ можно меньше беспокоить начальство. Но такъ какъ выраженіе „свои средства“ есть не что иное, какъ вольный переводъ выраженія „произволь“, то, для подкрѣпленія его, явилось къ услугамъ и еще выраженіе: „въ законахъ нѣтъ“. Цѣлыхъ пятнадцать томовъ законовъ написано, а все отыскать закона не могутъ! Стоятъ эти томы въ шкапу и безмолвствуютъ; а ключъ отъ шкапа заброшенъ въ колодезь, чтобъ прочтѣ дѣло было.

Соберутся уѣздные дѣятели на воскресномъ пирогѣ у соборнаго протоіерея (нынѣ и онъ играетъ очень немаловажную роль) и ведутъ единомысленную бесѣду.

— Я въ своемъ участіи одного человѣка запримѣтилъ, — ораторствуетъ мировой судья: — надо бы къ нему легонечко подойти.

— А у насъ тутъ мѣщанинишко въ городѣ завелся, — подхватываетъ непремѣнный членъ: — газету выписываетъ, книжки читаетъ... да и поговариваетъ. Въ базарные дни всякій народъ около его лавчонки толпится, а онъ сидитъ и газету въ рукахъ держать... долго ли до грѣха!

Исправникъ слушаетъ и безмолвствуетъ, только усами шевелить.

— Сократить бы! — изрекаетъ отецъ-протопопъ.

— Всенепременно-съ, — подтверждаетъ предсѣдатель земской управы: — и я за однимъ человѣкомъ примѣчаю... Я ужъ и говорилъ ему: мы, братъ, тебя безъ шуму, своими средствами... И представьте себѣ, какой нахаль: „попробуйте, говоритъ!“

— Чтожъ, попробовать можно! — вставляетъ свое слово городской голова, усмѣхаясь въ бороду.

— И попробуемъ! — рѣшаетъ предводитель.

— И по-про-бу-емъ! — восклицаетъ исправникъ, вставая изъ-за стола.

Пирогъ съѣденъ, гости разошлись по домамъ, а на другой день „свое средство“ уже въ ходу.

Такъ, изо дня въ день, течетъ эта безразсвѣтная жизнь, вся поглощенная мелочами, чего-то отыскивающая и ничего не обрѣтающая, кромѣ усмотрѣнія.

Недаромъ же такъ давно идутъ толки о децентрализациі по расширенію власти. Плоды этихъ толковъ, до сихъ поръ, впрочемъ, остававшихся подъ спудомъ, уже достаточно выяснились. „Эти толки не даромъ! въ нихъ-то и скрывается настоящая интимная мысль!“ — разсуждаетъ провинція, и, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, начинаетъ приводить въ исполненіе не законъ и даже не циркуляръ, а простые газетные толки, не предвидя впереди никакой отвѣтственности...

Спустимся еще ступенью ниже — въ деревню, и мы найдемъ ее всецѣло отданною въ жертву мелочамъ. Тутъ мы прежде всего встрѣтимся съ „чумазымъ“, который всюду пронизъ съ сомнищами своихъ агентовъ. Эти агенты рыщутъ по деревнямъ, устанавливаютъ цѣны, скупаютъ, обвѣшиваютъ, обмѣриваютъ, обчитываютъ, платятъ неосуществившимися деньгами, являются на аукціоны, отъ которыхъ плачетъ недоимщикъ, чутко прислушиваются къ бабьимъ стонамъ и цѣлыми обществами забалаютъ людей, считающихся свободными. Словомъ сказать, вездѣ, гдѣ чувствуется нужда, горе, слезы — тамъ и „чумазный“ съ своимъ копелемъ. Мало того: чумазный внѣдрился въ самую деревню въ видѣ кабатчика, прасола, кулака, міроѣда. Эти ужъ дѣйствуютъ не наѣздомъ, а постоянно и не торопясь. Что касается до мірскихъ властей, то они безусловно отдались въ руки чумазому и думаютъ только объ исполненіи его прихотей.

Затѣмъ мы встрѣчаемся съ общиной, которая не только не защищаетъ деревенскаго мужика отъ внѣшнихъ и внутреннихъ неурядицъ, но сковываетъ его по рукамъ и по ногамъ. Она не даетъ простора ни личному труду, ни личной инициативѣ, губить въ самомъ зародышѣ всякое проявленіе самостоятельности и, въ

заключеніе, отдастъ въ кабалу или выгоняетъ на улицу слабыхъ, не успѣвшихъ заручиться благорасположеніемъ міроѣда. Было время, когда надѣялись, что община обезпечитъ хоть кусокъ хлѣба слабому члену, но нынче и эти надежды разсѣялись. Оставленные надѣлы, повинутыя и заколоченныя избы достаточно свидѣлствуютъ о сладостяхъ деревенской жизни. Куда дѣвались обитатели этихъ опустѣлыхъ избъ? Увы! скоро самая память о нихъ исчезнетъ въ деревнѣ. Они получили паспорта и „ушли“ — вотъ все, что извѣстно; а удастся ли имъ, въ родного гнѣзда, разрѣшить поставленный повойнымъ Рѣшетниковымъ вопросъ: „Гдѣ лучше?“ — на это все прошлое достаточно ясно отвѣчаетъ: нѣтъ, не удастся.

Наконецъ, мы встрѣчаемся съ крестьянской избой, переполненной сварой, семейными счетами и непрестаннымъ галдѣніемъ. Въ этомъ миниатюрномъ ковчегѣ нерѣдко ютится нѣсколько поколѣній, отъ грудного младенца до ветхаго старика, который много лѣтъ, не испуская жалобы, лежитъ на печи и не можетъ дожидаться смерти. Всевозможныя насѣкомыя ползутъ по стѣнкамъ и сыплются съ потолка; всевозможныя звуки раздаются съ утра до вечера: тутъ и крикъ младенца, и назойливое гоношеніе подростка, и брань взрослыхъ, и блеяніе обьягнившейся овцы, и мычаніе теленка, и вздохи старика. Цѣлый адъ, который только лѣтомъ, когда изба остается цѣлый день пустою, нѣсколько смягчаетъ свои сатаннскіе крики.

Ахъ, этотъ жалкій старикъ! Помнится, читалъ я въ одномъ изъ сборниковъ Льва Толстого сказку о старомъ коршунѣ. Вздумалось ему переселиться изъ родной стороны за море — вотъ онъ и сталъ переносить по-очереди своихъ коршунятъ на новое мѣсто. Понесъ одного, долетѣлъ до середины морской пучины, и началъ допрашивать птенца: будешь ли меня кормить? — Натурально, птенецъ испугался и запищалъ: буду. Тогда старый коршунъ бросилъ его въ пучину водную и возвратился назадъ. Полетѣлъ онъ съ другимъ коршуненкомъ, и опять повторилась та же сцена. Опять вопросъ: будешь ли меня кормить? — и отвѣтъ: буду! Бросилъ старый коршунъ и этого птенца въ пучину и полетѣлъ за третьимъ. Но третій былъ настоящій коршунъ, безпощадный и жестокій. На вопросъ: будешь ли меня на старости лѣтъ кормить? — онъ отвѣчалъ прямо: не буду! И старый коршунъ бережно донесъ его до новаго мѣста, воспиталъ и улетѣлъ прочь умирать.

Точно то же и тутъ. Выкормилъ — выполилъ старый Кузьма своихъ коршунѣвъ и полѣзъ на печку умирать. Сколько ужъ

лѣтъ онъ мреть, и все окончаніи этому умиранію нѣтъ. Кости да кожа, ноги мозжатъ, всего знобить, спину до ранъ пролежалъ, и когда-то когда влѣзетъ въ нему на печь молодуха и обрядить его.

— Долго ли, батюшка, намъ съ тобой маяться? — нетерпѣливо спрашиваетъ его большакъ-коршунъ.

— Видно уже, пока смерть... — чуть слышно вздыхаетъ въ отвѣтъ старикъ. — Тюрьки бы мнѣ... поѣсть хочется!

Въ такой обстановкѣ человѣкъ по-неволѣ дѣлается жестокъ. Куда скрыться отъ домашняго гвалта? на улицу? — но тамъ тоже гвалтъ: сходъ собрался, — судать, рядать, сбѣуть. Со всѣхъ сторонъ, купно съ міроѣдами, обступило сельское и волостное начальство, всякій спрашиваетъ, и передъ всякимъ отвѣтъ надо держать... А вотъ и кабакъ! Слышите, какъ Ванюха Безчастный на гармонию заливается?

Какъ живутъ массы при такихъ условіяхъ? — Еще недавно на этотъ вопросъ я отвѣчалъ бы: они живутъ особливую жизнью, независимо отъ культурныхъ ухищреній. Но теперь, разобравшись ближе въ тинѣ мелочей, я не могу остаться при прежнемъ объясненіи. Культурный человѣкъ сдѣлался проницателенъ; онъ понялъ свою зависимость отъ жизни массъ, и потому приспособляетъ послѣднюю такъ, чтобъ будущее было для него обезпечено. Отсюда такая безконечная масса проектовъ, трактующихъ объ упрощеніи и устраненіи. Семейная жизнь крестьянина, его отношеніе къ землѣ, къ промысламъ, къ нанимателю, къ начальству — все выступило на арену и всему предполагается учинить отчетливую и безвыходную регламентацію. Конечно, все это покуда „толки“, но, какъ я сказалъ выше, въ извѣстной средѣ „толкамъ“ дается даже большее значеніе, нежели ясно высказанному слову. Культурный глазъ проникнетъ въ мельчайшія подробности крестьянской жизни, а культурныя намѣренія несомнѣнно дадутъ ей соотвѣтствующую окраску. Самая возможность самостоятельнаго развитія исчезнетъ надолго, а сумма мелочей не только не умалится, но увеличится. И будетъ катиться эта глыба впередъ и впередъ, покуда не застрянетъ среди дороги и не сдѣлаетъ ея непроходимой.

И много породитъ несчастливцевъ эта глыба, много, въ своемъ нарастаніи, увлечетъ она жертвъ въ могилы.

Вотъ настоящія, удручающія мелочи жизни. Сравните ихъ съ приключеніями Наполеоновъ, Орлеановъ, Баттенберговъ и проч.

Сопоставьте съ европейскими концертами, и отвѣтите сами: какія изъ нихъ, по всей справедливости, должны сдѣлаться достояніемъ исторіи и какія будутъ отмечены ею. Что до меня, то я даже ни на минуту не сомнѣваюсь въ ея выборѣ.

Говорятъ, будто Баттенбергъ прослезился, когда ему доложили: карета готова! Еще бы! Все лучше быть какимъ ни на есть державцемъ, нежели играть на билліардѣ въ берлинскихъ кофейныхъ. Притомъ же, на первыхъ порахъ, его беспокоитъ вопросъ: что скажутъ свои? папенка съ маменькой, тѣтеньки, дяденьки, братцы и сестрицы? — какъ-то встрѣтятъ его прочіе Баттенберги и Орлеаны? Наконецъ, ему вѣдь придется отвыкать говорить: „Болгарія — любезное отечество наше!“ Нѣтъ у него теперь отечества, нѣтъ и не будетъ!

Но всѣ эти тревоги скоро пройдутъ. Забудется Болгарія, забудется война съ Сербіей, и начнетъ Баттенбергъ переходить изъ кофейни „Золотого Оленя“ въ кофейню „Золотого Рога“, всюду, гдѣ въ окнѣ вывѣшено объявленіе: „продается пиво прямо изъ бочки“. Русскую ли партію онъ будетъ играть на билліардѣ съ засаживаніемъ шаровъ въ лузу, или нѣмецкую съ одними карамболями? — Нужно полагать, что, несмотря на неудачный конецъ, онъ все-таки сохранить благодарную память и предпочтетъ русскую партію всякой другой. А впрочемъ... кто можетъ измѣрить глубину будущаго? — кто можетъ сказать заранѣе, оснуется ли Баттенбергъ навсегда въ кофейнѣ „Золотого Оленя“ или... А вдругъ состоится новый концертъ, и привезутъ его опять въ Болгарію, и опять онъ обрѣтетъ „любезное отечество“.

Случайно или не-случайно, но съ окончаніемъ Баттенберговскихъ походовъ затихли и европейскіе концерты. Визиты, встрѣчи и совѣщанія прекратились, и всѣ разъѣхались по домамъ. Начинается зимняя работа, настаетъ время собирать матеріалы и готовиться къ концертамъ будущаго лѣта. Таковъ оно и пойдетъ колесомъ, повуда есть на-лицо человѣкъ (имя рекъ), который держитъ всю Европу въ испугѣ и смутѣ. А исчезнетъ со сцены этотъ имя рекъ, на мѣстѣ его появится другой, третій.

„Паны дерутся, а у хлоповъ чубы болятъ“, говоритъ старая малороссійская пословица, и въ настоящемъ случаѣ она съ удивительною пунетальностью примѣняется на практикѣ. Но только понимаетъ ли заманиловскій Авдей, что его злополучіе имѣетъ какую-то связь съ „молчаливымъ тостомъ“? что отъ этого зависитъ война или миръ, повышение или пониженіе курса, дороговизна или дешевизна, наличность баланса или отсутствіе его?

— А нутко, Авдей, отвѣчай, знаешь ли ты, что такое балансъ?

IV.

Вспомнимъ сравнительно недавнее прошлое, — и мы почувствуемъ себя среди цѣлой сѣти самыхъ вопіющихъ мелочей.

Я выросъ на лонѣ крѣпостного права, вскормленъ молокомъ крѣпостной кормилицы, воспитанъ крѣпостными мамками и, наконецъ, обученъ грамотѣ крѣпостнымъ грамотѣмъ. Всѣ ужасы этой вѣковой кабалы я видѣлъ въ ихъ наготѣ.

Самые разнообразныя виды рабской купли и продажи существовали тогда. Людей продавали и дарили, и цѣлыми деревнями, и по-одиночкѣ; отдавали въ услуженіе друзьямъ и знакомымъ; законтрактовывали партіями на фабрики, заводы, въ судовую работу (бурлачество); торговали рекрутскими квитанціями и проч. Въ особенности жестоко было крѣпостное право относительно дворовыхъ людей: даже волосы крѣпостныхъ дѣвокъ эксплуатировали, продавая ихъ косы парикмахерамъ. Хотя законъ, изданный, впрочемъ, уже въ нынѣшнемъ столѣтіи, и воспрещалъ продажу людей въ-одиночку, но находили средства обходить его. Не дозволяли дворовымъ вступать въ браки, и продавали мужчинъ (особенно поваровъ, кучеровъ, выездныхъ лакеевъ и вообще людей, обученныхъ какому-нибудь мастерству) по-одиночкѣ, съ придачею стариковъ, отца и матери — это называлось продажей цѣлымъ семействомъ; выдавали дѣвокъ замужъ въ чужія вотчины — это называлось: продать дѣвку на выводъ. Женскій персоналъ помѣщичій былъ, по преимуществу, выдумчивъ по этой части. Не въ рѣдкость было въ то время слышать такіе разговоры:

— Что же, сударыня, продадите, что-ли, дѣвку-то? — спрашивалъ сосѣдъ-помѣщикъ помѣщицу-кулака, черезъ-чуръ дорожившуюся живымъ товаромъ.

— Да дешево ужъ очень даете.

— Помилуйте! — шестьдесятъ рублей (на ассигнаціи)! — ихъ нынче по сорока рублей за штуку — сколько угодно!

— А вы за кого ее замужъ хотите отдать?

— Есть у меня, видите ли, вдовецъ. Не старъ еще, да дѣтей куча, тагла править не въ силахъ. Своихъ дѣвокъ на выданье у меня во всей вотчинѣ хотъ шаромъ покати, — по-неволѣ въ люди идешь!

— Вотъ видите ли, за вдовца! За шестьдесятъ рублей я дѣвку несчастною должна сдѣлать!

— Да прибавь ей, сударь, пять рубликовъ! — вступается мужъ помѣщицы-кулака.

— Ну, видно, нечего съ вами дѣлать. Извольте шестьдесятъ-пять рублей.

— Хорошо, я согласна. Хоть и дешевенько, да для сосѣда. Торгъ заключался. За шестьдесятъ рублей дѣвку не соглашались сдѣлать несчастной, а за шестьдесятъ-пять — согласились. Синенькую бумажку ея несчастье стоило. На другой день дѣвѣ объявляли черезъ старосту, что она — невѣста вдовца и должна навсегда покинуть родной домъ и родную деревню. Поднимался вой, плачь, но „задатоеъ“ былъ уже взятъ — не отдавать же назадъ!

То же продѣлывалось съ рекрутчиной, которая представляла уже серьезную статью дохода. Торговать рекрутами законъ не позволялъ, но продавать зачетныя рекрутскія квитанціи было разрешено. Главный контингентъ для этого рода эксплуатаціи доставляли тѣ же дворовые люди. Встарину помѣщики охотно переводили крестьянъ въ дворовые, особливо ежели крестьянское семейство приходило почему-либо въ упадокъ. Дворовые люди представляли несомнѣнную выгоду. Во-первыхъ, имъ не нужно было давать „дней“ для работы на себя, а можно было ежедневно томить на барской работѣ; во-вторыхъ, при ихъ посредствѣ можно было исправлять рекрутчину, не нарушая цѣлости и благосостоянія крестьянскихъ семей.

Я помню, какъ еще при первыхъ слухахъ о предстоящемъ наборѣ помѣщичьи гнѣзда наполнялись шушуканьемъ. Помѣщики и помѣщицы, во время обѣда, чая и ужина, начинали говорить по-французски; лакеи настороживали уши, усиливаясь понять, на кого падеть жребій. Вообще весь воздухъ, начиная отъ конюшенъ и кончая барскими хоромами, наполнялся томительнымъ ожиданіемъ. За всѣмъ тѣмъ нужно замѣтить, что въ крестьянской средѣ рекрутская очередь велась неупустительно, и всякая крестьянская семья обязана была отбыть ее своевременно; но это была только проформа, или, лучше сказать, средство для вымогательства денегъ. Зачетныя семьи, въ большинствѣ случаевъ, откупались, и тутъ-то, вотъ, и шли въ ходъ зачетныя квитанціи. Большая часть ихъ расходилась между своими, излишнія — продавались на сторону.

Передъ отвозомъ людей въ рекрутское присутствіе, сохранялась глубокая тайна относительно назначенныхъ въ рекруты. Послѣднихъ даже приголубливали, выказывали имъ удовольствіе. („Ванька! да никакъ ты ужъ и пить пересталъ! Молодецъ братъ!“) Но нѣкоторые чутьемъ угадывали ожидающую ихъ участь и скрывались, несмотря на строгій надзоръ. Большинство не уходило

дальше своего же лѣса и скиталось тамъ, несмотря на зимній холодъ, все время, покуда длилась процедура отвоза. Тѣмъ, которыхъ застигали врасплохъ или излавливали, набивали на ноги колодки, надѣвали желѣзные поручни или приковывали къ „стулу“ (такъ называлось толстое бревно, сквозь которое продѣта была желѣзная цѣпь, оканчивающаяся желѣзнымъ ошейникомъ). Я думаю, что въ нѣкоторыхъ старинныхъ помѣщичьихъ гнѣздахъ эти орудія пытки сохранились и по-днесъ, во свидѣтельство пропалаго.

Самая барщина представляла рядъ распоряженій, которые даже въ то незнавшее законовъ время считались незаконными. Законъ требовалъ, чтобы три дня въ недѣлю крестьянинъ работалъ на помѣщика, а остальные три дня предоставлялъ ему для собственныхъ работъ. Но у рѣдкихъ помѣщиковъ барщина odbyвалась „братъ на брата“; у большинства—совсѣмъ не велось никакого учета, или же послѣдній велся смотря по состоянію погоды и по другимъ хозяйственнымъ соображеніямъ. При продолжительномъ ненастьѣ, первые ведреные дни отдавались исключительно барщинѣ, причемъ предполагалось, что крестьяне уже воспользовались „своими днями“ прежде, и т. д. Словомъ сказать, нельзя не только было разобраться въ этомъ хаосѣ, но и опредѣлить, какъ изворачивается крестьянинъ, какъ онъ устроивается на зиму и чѣмъ живетъ. Но онъ жилъ—это считалось достаточнымъ.

И было время, когда всѣ эти ужасающія картины никого не приводили въ удивленіе, никого не пугали. Это были „мелочи“, обыкновенный жизненный обиходъ, и ничего больше; а тѣ, которыхъ онъ возмущали, считались подрывателями основъ, потрясателями законнаго порядка вещей.

Да, видно, каждая эпоха имѣетъ свои мелочи, свой собственный мучительный аппаратъ, при посредствѣ котораго люди безъ особыхъ усилій доводятся до изступленія.

Но что всего замѣчательнѣе: даже тогда, когда само правительство обращало вниманіе на злоупотребленія помѣщичьей власти и подвергало ихъ изслѣдованію,—даже тогда помѣщики рѣшались, хоть косвеннымъ образомъ, протестовать въ пользу „мелочей“. При такъ-называемыхъ повальныхъ обыскахъ сосѣди-помѣщики заявляли, что поступки злоупотребителя не выходятъ изъ категоріи дѣйствій, безъ которыхъ немислимы ни порядокъ, ни доброе хозяйство; а депутатское собраніе, основываясь на этихъ отзывахъ, оставляло дѣло безъ послѣдствій. Такимъ образомъ, и тѣ рѣдкія попытки, которыя предпринимались для смягченія крѣпостныхъ узъ, пропадали даромъ.

Это до такой степени вѣрно, что въ позднѣйшія времена мнѣ случилось слышать отъ нѣкоторыхъ помѣщиковъ, уже захудалыхъ и безпріютныхъ, такого рода наивныя ретроспективныя жалобы:

— Кабы мы въ то время были умнѣе, да не мирволили бы своимъ раскисшимъ собратамъ, такъ, можетъ быть, и теперь крѣпостное право существовало бы по прежнему!

Какъ же, дожидаетесь!

Наканунѣ крестьянскаго освобожденія, когда въ наболѣвшія сердца началъ уже проникать лучъ надежды, случилось нѣчто въ высшей степени странное. Правительственныя намѣренія были уже заявлены; мѣстные комитеты уже начали свою тревожную работу; но старые порядки, даже въ самыхъ вопіющихъ своихъ чертахъ, еще не были упразднены. Благодаря этому упущенію, несмотря на избѣжность грядущей „катастрофы“, какъ тогда называли освобожденіе, крѣпостныя отношенія не только не смягчились, но еще болѣе обострились.

Помѣщики потеряли всякую почву подъ ногами и взамѣнъ того приобрѣли даръ прозорливости. Провидѣли будущихъ грубіановъ и смутителей, припоминали прежнія провинности, слѣдили за выраженіемъ физіономій, истолковывали тѣлодвиженія и улыбки, видѣли тревожные сны, вѣрили въ гаданья и т. д. Словомъ сказать, образовался цѣлый помѣщичій бредъ, имѣвшій цѣлью обезпечить спокойствіе въ будущемъ. И такъ какъ старый законъ не былъ упраздненъ, то обезпеченіе представлялось дѣломъ легкимъ и удобоисполнимымъ. А именно, въ распоряженіи помѣщика находилось два очень простыхъ средства: рекрутчина и ссылка въ Сибирь „по волѣ помѣщика“ (такъ эта операція и называлась).

На этотъ разъ помѣщики дѣйствовали уже вполне безкорыстно. Прежде отдавали людей въ рекруты, потому что это представляло хорошую статью дохода (въ Сибирь ссылали рѣдко и въ крайнихъ случаяхъ, когда уже, за старостью лѣтъ, провинившагося нельзя было сдать въ солдаты); теперь они уже потеряли всякій расчетъ. Даже тратили собственныя деньги, лишь бы успокоить взбурѣженныя паникою сердца.

Это было уже въ 1859 году, и я служилъ тогда въ одной изъ ближайшихъ къ Москвѣ губерній. Въ то же время въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ процвѣталъ и имѣлъ громадную фабрику купецъ Чумазый. Онъ очень ловко воспользовался паникою, овладѣвшею помѣщичьей средою, и предлагалъ желающимъ очень

выгодную сдѣлку. Сдѣлка состояла въ томъ, что крестьянамъ и дворовымъ людямъ, тайно отъ нихъ, давалась „вольная“, и затѣмъ, тоже безъ ихъ вѣдома, отъ имени каждаго, въ качествѣ уже вольноотпущеннаго, заключался долгосрочный контрактъ съ хитроумнымъ фабрикантомъ. Все это за дешевую плату легко оборудовалъ мѣстный уѣздный судъ, несмотря на то, что въ числѣ закабалившихъ себя были и грамотные ¹⁾. И вольная, и контракты прямо отданы были въ руки фабриканту; закабаленные же полагали, что надъ ними продѣлываются остатки старыхъ порядковъ, и что помѣщикъ просто отдалъ ихъ въ работы, какъ это дѣлывалось и прежде. Затѣмъ, разумеется, они надѣялись, что завтрашняя свобода сама собой сниметъ съ нихъ оковы сегоднешняго рабства и освободитъ отъ насильственныхъ обязательствъ.

Для помѣщиковъ эта операція была несомнѣнно выгодна. Во-первыхъ, Чумазый уплачивалъ хорошую цѣну за одни крестьянскія тѣла; во-вторыхъ, оставался задаромъ крестьянскій земельный надѣлъ, который въ тѣхъ мѣстахъ имѣетъ значительную цѣнность. Для Чумазова выгода заключалась въ томъ, что онъ на долгое время обезпечивалъ себя дешевой рабочей силой. Что касается до закабалаемыхъ, то имъ оставалась въ удѣлъ надежда, что невзгода настигаетъ ихъ... въ послѣдній разъ!

Однакожъ дѣло раскрылось раньше, нежели на это рассчитывали. Объявлена была девятая народная перепись, и всѣ такъ-называемые вольные немедленно обязаны были приобрести себѣ права состоянія и приписаться къ какому-нибудь обществу. Можно себѣ представить удивленіе закабаленныхъ, когда фабричное начальство погнало ихъ приписываться къ мѣщанскому обществу города Z.

— Мы не вольноотпущенные! — возопили они въ одинъ голосъ: — мы на дняхъ сами будемъ свободные... съ землей! Не хотимъ въ мѣщане!

И вслѣдъ за этимъ нагрянули цѣлой толпой въ губернский городъ съ жалобой на то, что накануне освобожденія ихъ сдѣлали вольными помимо ихъ желанія.

Началось слѣдствіе, и тутъ-то раскрылись поползновенія Чумазого, въ то время только-что начинавшаго раскидывать сѣти на всю Россію.

Дѣло надѣлало шума; но даже въ самый разгаръ эмансипа-

¹⁾ По закону, уѣздный судъ обязанъ былъ вручить вольную каждому отпускаемому лично, въ присутствіи суда, и опросить, желаетъ ли онъ быть вольнымъ.

паціонныхъ надеждъ рѣдко кто усмотрѣлъ его вопіющую сущность. Большинство культурныхъ людей отнеслось къ нему какъ къ „мелочи“, болѣе или менѣе остроумной.

Въ клубѣ раздавался неудержимый хохотъ.

— Однако, догадливъ-таки Петръ Ивановичъ! — говорилъ одинъ про кого-нибудь изъ участвовавшихъ въ этой драмѣ: — сдѣлать деревню Чумазому — и правъ... ха-ха-ха!

— Ну, да и Чумазому это дѣло не обойдется даромъ! — подхватывалъ другой: — тутъ всѣ канцелярскія крысы добудутъ ребятишкамъ на молочишко... ха-ха-ха!

Выискивались и такіе, которые даже въ самой попыткѣ защищать закабаленныхъ увидѣли вредный примѣръ посягательства на освященные вѣками права на чужую собственность, чуть не потрясеніе основъ.

— Шутка сказать! — восклицали они: — наканунѣ самой „катастрофы“ и какое дѣло затѣяли! Не смѣть, изволите видѣть, помѣщикъ оградить себя отъ будущихъ возмутителей! не смѣть распорядиться своею собственностью! Слава Богу, правъ-то еще не отняли! чтó хочу, то съ своимъ Ванькой и дѣлаю! Вотъ завтра, какъ нарушите права — будетъ другой разговоръ, а покуда аттанде-сь!

Чумазый тоже горько жаловался на постигшее его злоключеніе.

— Помилуйте! — говорилъ онъ: — мы испоконъ вѣка такіа дѣла дѣлали, завсегда у господъ людей скупали — иначе гдѣ же бы намъ работниковъ для фабрики добыть? А теперь, натево, чтó случилось! И во снѣ не гадалъ!

Само начальство, возбуждившее преслѣдованіе, едва-ли не раскаявалось: все-таки хлопоты.

Чѣмъ кончилось это дѣло, я не знаю, такъ какъ вскорѣ я оставилъ названную губернію. Вѣроятно, Чумазый порядочно заплатился, но затѣмъ, включивъ свои траты въ графу „издержки производства“, успокоился. Возвратились ли закабаленные въ „первобытное состояніе“ и были ли вновь освобождены на основаніи Положенія 19-го февраля, или и по-днесъ скитаются между небомъ и землею, оторванные отъ семей и питающіе горькимъ хлѣбомъ поденщины?

Разсказывая изложенное выше, я не разъ задавался вопросомъ: какъ смотрѣли народныя массы на опутывавшія ихъ со всѣхъ сторонъ бѣдствія? — и долженъ сознаться, что пришелъ къ убѣжденію, что и въ ихъ глазахъ это были не болѣе, какъ

„мелочи“, какъ искони установившійся обиходъ. Въ этомъ отношеніи онѣ были вполне солидарны со всѣми кабальными людьми, выросшими и состарѣвшимися подъ ярмомъ, какъ бы оно ни гнело ихъ. Онѣ привыкли.

Было время, когда люди выкрикивали на площадяхъ: „слово и дѣло“, зная, что ихъ ожидаетъ впереди застѣнокъ со всѣми ужасами пытки. Нерѣдко они возвращались изъ застѣнокъ въ „первобытное состояніе“, живые, но искалѣченные и обезображенные; однако это ни мало не мѣшало тому, чтобы у нихъ во множествѣ отыскивались подражатели. И опять появлялось на сцену „слово и дѣло“, опять застѣнки и пытки... Словомъ сказать, цѣлое повѣтріе своеобразныхъ „мелочей“.

Правда, что массы безмолвны, и мы знаемъ очень мало о томъ внутреннемъ жизненномъ процессѣ, который совершается въ нихъ. Быть можетъ, что продлившееся ихъ ярмо совсѣмъ не представлялось имъ мелочью; быть можетъ, онѣ выносили его далеко не такъ безучастно и тупо, какъ это кажется по наружности... Прекрасно; но ежели это такъ, то какимъ же образомъ онѣ не вымирали сейчасъ же, немедленно, какъ только сознаніе коснулось ихъ? Одно сознаніе подобныхъ мукъ должно убить, а онѣ жили.

Поколѣнія нарастали за поколѣніями; старики населяли сельскіе погосты, молодые хоронили стариковъ и выступали на арену мучительства... Ужели все это было бы возможно, ежели на помощь не приходило бы нѣчто смягчающее, въ формѣ исконнаго обихода, привычки и представленія о неизбывныхъ „мелочахъ“?

Шли въ Сибирь, шли въ солдаты, шли въ работы на заводы и фабрики; лили слезы, но шли... Развѣ такая солидарность съ злосчастіемъ мыслима, ежели послѣднее не представляется обыденною мелочью жизни? И развѣ не правы были жестокія сердца, говоря: помилуйте! или вы не видите, что эти люди живы? А коли живы — стало быть, имъ ничего другого и не нужно...

Я могъ бы привести здѣсь примѣры изумительнѣйшей выносливости, но воздерживаюсь отъ этого, зная, что частные случаи очень мало доказываютъ. Общее настроеніе общества и массъ — вотъ главное, что меня занимаетъ, и это главное свидѣтельствуется вполне убѣдительно, что мелочи управляютъ и будутъ управлять міромъ до тѣхъ поръ, пока человѣческое сознаніе не вступитъ въ свои права и не научится различать терзающія мелочи отъ Баттенберговскихъ.

Когда наступитъ пора для этого различенія? — Это можетъ это угадать! Но сдается, что придется еще пережить эпоху чу-

мазовскаго торжества, чтобы понять всю глубину обступившаго массы злосчастія. А что чумазый будет держаться за свое торжество упорно—за это ручаются его откровенно-нахальные замашки и самоуверенная безсовѣстность.

Нѣтъ опаснѣе человѣка, которому чуждо человѣческое, который равнодушенъ къ судьбамъ родной страны, къ судьбамъ ближняго, ко всему, кромѣ судебъ пущеннаго имъ въ оборотъ алтына. Таковъ современный чумазый. Повторяю то, что я уже сказалъ въ предыдущей главѣ: русскій чумазый перенялъ отъ своего западнаго собрата его алчность и жалкую страсть къ вѣшнимъ отличіямъ, но не усвоилъ себѣ ни его подготовки, ни трудолюбія. Либо панъ, либо пропалъ,—говоритъ онъ себѣ, и ежели легкая нажива не удастся ему, то онъ не особенно ропщетъ, попадая, вмѣсто хоромъ, въ навозную бучу.

Русскій крестьянинъ, который такъ терпѣливо вынесъ на своихъ плечахъ иго крѣпостнаго права, мечталъ, что съ наступленіемъ момента освобожденія онъ поживетъ въ мирѣ и тишинѣ и во всякомъ благомъ поспѣшеніи; но онъ ошибся въ своихъ скромныхъ надеждахъ: кабала словно приросла къ нему. Чумазый преподнесъ ее ему на новоселье въ новой формѣ, но съ содержаніемъ горшимъ противъ старой. Старая форма давала раны, новая—даетъ скорпіоны; старая—томила барщиной и произволомъ (былъ, впрочемъ, очень значительный разрядъ помѣщичьихъ имѣній, оброчныхъ, гдѣ крестьянинъ не зналъ барщины и жилъ, сравнительно, довольно льготно), новая—донимаетъ голодомъ. Чумазый вторгся въ самое сердце деревни и преслѣдуетъ мужика и на деревенской улицѣ, и за околицей. Обставленный кабакомъ, лавочкой и грошевой кассой ссудъ, онъ обмѣриваетъ, обѣшпиваетъ, обсчитываетъ, доводитъ питаніе мужика до минимума, и въ заключеніе взываетъ къ властямъ объ укрощеніи людей, взволнованныхъ его же неправдами. Поле деревенскаго кулака не нуждается въ наемныхъ рабочихъ: мужикъ обрабатываетъ его не за деньги, а за процентъ или въ благодарность за „одоженіе“. Вонъ онъ, домъ кулака! вонъ онъ высится тесовой крышей надъ почернѣвшими хижинами односельцевъ; изда-дека видно, куда скрылся паукъ и откуда онъ денно и ночью стелетъ свою паутину.

Хирѣетъ русская деревня, съ каждымъ годомъ все больше и больше бѣднѣетъ. О „добрыхъ щахъ и братѣ“, когда-то воспѣтыхъ Державинымъ, нѣтъ и въ поминѣ. Толокно да тюря; даже гречневая каша въ рѣдкость. Населеніе растетъ, а границы земельного надѣла остаются тѣ же. Отхожіе промыслы, благодаря

благосклонному участию чумазаго, не представляют почти никакого подспорья.

Періодъ помѣщичьяго закрѣпощенія кануль въ вѣчность; наступилъ періодъ закрѣпощенія чумазовскаго...

V.

И нельзя сказать, чтобъ не было дѣлаемо усилій къ огражденію массъ отъ давленія жизненныхъ мелочей. Конечно, не мелочей нравственнаго порядка, для признанія которыхъ еще и теперь не наступило время, а для мелочей матеріальныхъ, для всѣхъ одинаково осязаемыхъ и наглядныхъ. И за то спасибо.

Вспомните до-реформенное административное устройство (я не говорю о судахъ, которые были безобразны), и вы найдете, что въ немъ была своего рода стройность. Не скажу, чтобъ въ результатѣ этого строя лежала правда, но что вся совокупность этого сложнаго и искусственно-соображеннаго механизма была направлена къ огражденію отъ неправды—это несомнѣнно. Жандармъ утиралъ слезы; прокуроръ съ цѣлою арміею стряпчихъ собиралъ слезы въ урны. Затѣмъ, и платки, и урны отсылались по начальству; начиналась переписка, запросы; требовались объясненія; нерѣдко оказывались и видимыя послѣдствія этихъ объясненій въ формѣ увольненій, отдачи подъ судъ и т. д. Самая администрація имѣла организацію коллегіальную, каждый членъ которой тоже утиралъ слезы и собиралъ ихъ въ урну. Не больше, какъ лѣтъ тридцать тому назадъ, даже было строго воспрещено производить дѣла единолично и не въ коллегіи. Словомъ сказать, сказывалось безспорное усиліе оградить провинцію отъ скверны личнаго произвола.

Сколько тогда однихъ ревизоровъ было—страшно вспомнить! И для каждого нужно было дѣлать обѣды, устраивать пикники, катанья, танцевальныя вечера. А уѣдетъ ревизоръ—смотришь, черезъ мѣсяцъ записки въ три пальца толщиною, и въ ней все неправды изложены, а правды ни одной, словно ея и не бывало. Почесываютъ себѣ затылокъ губернскіе властелины, и начинаютъ изворачиваться.

— Это въ благодарность за мои обѣды!—молвить одинъ.

— А я еще ему на дорогу цѣлый коробокъ съ провизіей послалъ!—отзовется другой.

Но, дѣлать нечего, отписываться все-таки приходилось. И отписывались...

Каждые два года приѣзжалъ въ набору флигель-адъютантъ, и тоже утиралъ слезы и подавалъ отчетъ. И отчеты не объ одномъ наборѣ, но и обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ, объ управленіи вообще. Существуетъ ли въ губерніи правда, или нѣтъ ея, и что нужно сдѣлать, чтобы она существовала не на бумагѣ только, но и на дѣлѣ. И опять запросы, опять отписки...

Я не говорю уже о сенаторскихъ ревизіяхъ, которыя назначались лишь въ крайнихъ случаяхъ и производили сущій погромъ. Ни одна метла не мела такъ чисто, какъ мель ревизующій сенаторъ. Камня на камень не оставалось; чины, начиная отъ губернатора до писца низшихъ инстанцій, увольнялись и отдавались подъ судъ массами, хотя обѣды, вечера и пикники шли своимъ чередомъ. Сенаторъ приѣзжалъ съ цѣлою свитою, и каждый членъ этой свиты старался что-нибудь запримѣтить, кого-нибудь подсадить. Иногда даже безъ особенной надобности, а только чтобы выполнить задачу утиранія слезъ... и, можетъ быть, чтобы положить основаніе своей будущей карьерѣ.

И вдобавокъ, въ тѣ времена не было рѣчи ни о благонамѣренности, ни объ образѣ мыслей, ни о подрываніи основъ и т. д. Ничего подобного и не подозревали. Просто прислушивались, не плачетъ ли кто, и ежели до слуха доходило нѣчто похожее на плачь, то поспѣшали на помощь. „Рекрутство сопровождается несправедливостями и подеупомъ; повинности выполняются неправильно и беспорядочно; слѣдственные дѣла представляютъ картину сплошного взяточничества“, — вотъ и все, о чемъ тогда говорилось и писалось. Но развѣ этого мало? Помилуйте! да еслибы ко всему этому прибавить еще „неблагонадежность“, то вышло бы настоящее вавилонское столпотвореніе...

Однакожъ все-таки оказывалось, что — мало, даже въ смыслѣ простого утиранія слезъ; до такой степени мало, что нынче отъ этой хитросплетенной организаціи не осталось и воспоминаній. Ревизоры приѣзжали и уѣзжали; на мѣсто ихъ приѣзжали другіе ревизоры, и тоже уѣзжали; губернскіе чиновные кадры убывали и вновь пополнялись, а слезы все капали да капали... Нынѣ, и платки, и урны, сданы въ архивы, гдѣ они и хранятся на полкахъ, въ ожиданіи, что когда-нибудь найдется любитель, который заглянетъ въ нихъ и напишетъ два-три анекдота о томъ, какъ утираніе слезъ постепенно превращалось въ наплеваніе въ глаза. Словно бѣлка въ колесѣ, вертѣлся этотъ взаимный административный контроль, ничего не защищая и не обезпечивая, кромѣ формъ и обрядовъ. Въ результатѣ оказывалось нѣчто въ родѣ игры въ *casse-tête*, гдѣ каждая фигурка плотно вкладыв-

вается въ другую, покуда не образуется нѣчто цѣлое, должствующее выполнить изъ кучи кусочковъ нарисованную въ книжкѣ фигуру, не имѣющую никакого значенія внѣ процесса игры. Кончилась игра, надоѣла; спрятали кусочки въ коробку—и будетъ.

Я слишкомъ достаточно говорилъ выше (III) о современной административной организаціи, чтобы возвращаться къ этому предмету, но думаю, что она основана на тѣхъ же началахъ, какъ и въ былыя времена, за исключеніемъ коллегій, платковъ и урнъ. Къ послѣднимъ административнымъ приѣмамъ нынѣ относятся уже иронически, предпочитая строгость и скорость, и оправдывая это предпочтеніе нарожденіемъ неблагонадежныхъ элементовъ. Но такъ какъ законъ упоминаетъ о татяхъ, разбойникахъ, расхитителяхъ, мздоимцахъ и проч., а неблагонадежные элементы игнорируетъ, то можно себя представить, каковы разнообразнымъ и неожиданнымъ толкованіямъ подвергается это новоявленное выраженіе.

Впрочемъ я отнюдь не хочу утверждать, чтобы нынѣшняя администрація была плоха, нерасторопна и неспособна къ утиранію слезъ; я говорю только, что она, подобно своей предшественницѣ, лишена творческой силы.

Не утверждаю также, что такъ-называемые неблагонадежные элементы существуютъ только въ взбурораженныхъ воображеніяхъ. Всякій порядокъ вещей хранить въ своихъ нѣдрахъ и споспѣшествующіе элементы, и неспоспѣшествующіе. Первые прозываются—благонадежными; вторымъ присвоиваютъ наименованіе неблагонадежныхъ. Все это не только не противорѣчитъ истинѣ, но и вполне естественно. Поэтому примириться съ этимъ явленіемъ необходимо, и вся претензія современнаго человѣка должна заключаться единственно въ томъ, чтобы оцѣнка подлежащихъ элементовъ производилась спокойно и не черезъ-чуръ расторопно. Недостаточно сказать: вотъ (имя рекъ) неблагонадежный элементъ!—надо еще доказать, дѣйствительно ли онъ неблагонадеженъ и по отношенію къ чему.

Можетъ быть, самъ по себѣ взятый, онъ совсѣмъ не такъ неблагонадеженъ, какъ кажется въ попыткахъ. Въ до-реформенное время, по крайней мѣрѣ, не въ рѣдкость бывало встрѣтить такого рода аттестацію: „человѣкъ образа мыслей благороднаго, но въ исполненіи служебныхъ обязанностей весьма усерденъ“. Вотъ видите ли, какъ тогда правильно и спокойно оцѣнивали человѣческую дѣятельность: и благороденъ, и казеннаго интереса не чуждъ... Какая же въ томъ бѣда, что человѣкъ благороденъ?

Очевидно, что надежда на внѣшнюю помощь, въ смыслѣ удаленія терзающихъ мелочей, навсегда останется тщетною. Все въ этомъ дѣлѣ зависитъ отъ подъема уровня общественнаго сознанія, отъ кореннаго преобразованія жизненныхъ формъ и, наконецъ, отъ тѣхъ внутреннихъ и матеріальныхъ преуспѣхнй, которыя должны представлять собой постепенное раскрытіе находящихся подъ спудомъ силъ природы и усвоеніе человѣкомъ результатовъ этого раскрытія. Исчезновеніе призраковъ — вотъ существеннѣйшая задача, къ осуществленію которой естественно и неизбежно должно идти человѣчество, чтобы обезпечить себѣ спокойное развитіе въ будущемъ.

Старинные утописты были вполне правы, утверждая, что для новой жизни и основанія должны быть даны новыя, и что только при этомъ условіи человѣчество освободится отъ удручающихъ его золъ. Они наглядно рисовали картины новой жизни, вводили въ самыя нѣдра ея, показывали ее въ полномъ дѣйствиіи. Вліяніе утопистовъ на общество чувствуется и теперь, хотя и до сихъ поръ задача о новыхъ основаніяхъ заставляетъ метаться человѣчество въ уныніи и безнадежности. Жажда жизни пожираетъ сердца, но, въ концѣ концовъ, даетъ очень мало удовлетворенія и требуетъ слишкомъ много жертвъ.

Ошибка утопистовъ заключалась въ томъ, что они, такъ сказать, усчитывали будущее, уснащая его мельчайшими подробностями. Стоя почти исключительно на почвѣ психологической, они думали, что человѣкъ самъ собой, независимо отъ внѣшней природы и ея тайнъ, при помощи одной доброй воли, можетъ создать свое конечное благополучіе. Между тѣмъ человѣчество искони связано съ природой неразрывной связью и, сверхъ того, обладаетъ прикладною наукой, которая съ каждымъ днемъ приноситъ новыя открытія. Фурье провидѣлъ ненужныхъ анти-львовъ и анти-буль и не провидѣлъ ни желѣзныхъ дорогъ, ни телеграфа, ни телефона, которые несравненно радикальнѣе вліяютъ на ходъ человѣческаго развитія, нежели анти-львы. Его смущалъ вопросъ объ удаленіи нечистотъ изъ помѣщеній фаланстеровъ, и для разрѣшенія его онъ прибѣгнулъ къ когортамъ самоотверженныхъ, тогда какъ, въ недалекомъ будущемъ, дѣло устроилось проще при помощи ватерклозетовъ, дренажа, сточныхъ трубъ и, наконецъ, цѣлаго подземнаго города, образецъ котораго мы видимъ въ катакомбахъ Парижа. Въ заключеніе, онъ думалъ, что комбинарованная имъ форма общежитія можетъ существовать во всякой средѣ, не только не рискуя быть подавленною, но и подготавливая своимъ примѣромъ къ воспріятію новой жизни самыхъ

закоренѣлыхъ профановъ—и тоже ошибся въ расчетахъ. Затѣмъ большинство его послѣдователей было таково, что придерживалось именно буквы ученія и, въ особенности, настаивало на его подробностяхъ. Въ результатѣ оказалось явное противорѣчіе съ непрерывно нарастающими жизненными требованіями, а за противорѣчіемъ послѣдовало недовѣріе, смѣхъ, наругательства. Великія основныя идеи о привлекательности труда, о гармоніи страстей, объ общедоступности жизненныхъ благъ, и проч., были заслонены провидѣніями, регламентаціей и, въ концѣ концовъ, забыты или, по крайней мѣрѣ, рассыпались по мелочамъ.

Тѣмъ не менѣе, идея новыхъ основаній для новой жизни, идея освобожденія жизни, исключительно при помощи этихъ новыхъ основаній, отъ мелочей, дѣлающихъ ее постылою, остается пока во всей своей силѣ и продолжаетъ волновать мыслящіе умы. Но къ ней прибавилась и еще безспорная истина, что жизнь не можетъ и не должна оставаться неподвижною, какъ бы ни совершенны казались, въ данную минуту, придуманныя для нея формы; что она идетъ впередъ и развивается, вѣрная общему принципу, въ силу котораго всякій новый успѣхъ, какъ въ области прикладныхъ наукъ, такъ и въ области социологіи, долженъ принести за собою новое благо, а отнюдь не новый недугъ, какъ это слишкомъ часто оказывалось донинѣ.

Что исторія изобрѣтеній, открытій и вообще борьбы человѣка съ природой и донинѣ представляетъ собой сплошной мартирологъ, съ этимъ согласится каждый современный человѣкъ, если въ немъ есть хоть капля правдивости. Желѣзныя дороги уничтожаютъ на протяженіи своемъ цѣлую серію промысловъ, дававшихъ цвѣтеніе и жизнь. Села и деревни пустѣютъ; населеніе бѣжитъ; дома, дававшіе пріютъ массѣ путниковъ, уныло стоятъ съ заколоченными ставнями; лошади и другой скотъ сбываются за безцѣнокъ; наконецъ, появляется особая категория дотолѣ неизвѣстныхъ преступныхъ дѣяній. Новая ткацкая машина, новый плугъ, сѣнокосилка, жнея — все это угоняетъ меньшинство и обездоливаетъ цѣлыя массы рабочихъ силъ. Конечно, пройдутъ десятки лѣтъ, и массы пріобьютъ, найдутъ новые источники существованія, такъ что, въ общемъ, измѣненіе произойдетъ даже къ лучшему. Но вѣдь эти десятки лѣтъ надо прожить.

И такимъ образомъ идетъ изо дня въ день съ той самой минуты, когда человѣкъ освободился отъ ига фатализма и открыто заявилъ о своемъ правѣ проникать въ завѣтнѣйшіе тайники природы. Всякій день непредвидимый недугъ настигаетъ сотни и тысячи людей, и всякій день „благополучный человѣкъ“ продол-

жасть твердить одну и ту же поговорку: перемелется—мука будет. Онъ твердить ее даже на крайнемъ Западѣ, среди ужасовъ отщепенія, все глубже и шире раздвигающаго свои предѣлы.

Ясно, что идетъ какая-то знаменательная внутренняя работа, что народились новые подземные ключи, которые кипятъ и вырываютъ съ очевидной рѣшимостью пробиться наружу. Исконное теченіе жизни все больше и больше заглушается этимъ подземнымъ гудѣніемъ; трудная пора еще не наступила, но близость ея признается уже всѣми.

Въ особенности, на Западѣ (во Франціи, въ Англіи) попытки отдалить моментъ общественнаго разложенія ведутся очень дѣятельно. Предпринимаются обезпечивающія мѣры; устроиваются компромиссы и соглашенія; раздаются призывы къ самопожертвованію, къ уступкамъ, къ удовлетворенію наиболѣе вопіющихъ нуждъ; наконецъ, имѣются на-готовѣ войска. Словомъ сказать, въ усиліяхъ огородиться или устроить хотя временно примиреніе съ „дикимъ“ человѣкомъ недостатка нѣтъ. Весь вопросъ—будутъ ли тѣ усилія имѣть успѣхъ?

На мой взглядъ, желанный успѣхъ не только сомнителенъ, но и прямо невозможенъ. Выражу здѣсь мою мысль вполне откровенно. Чѣмъ больше дѣлается попытокъ въ смыслъ компромиссовъ, чѣмъ больше возлагается надеждъ на примиреніе, тѣмъ выше становится уровень требованій противной стороны. Это аксіома, быть можетъ, очень неутѣшительная, но все-таки аксіома. По-неволѣ приходится отказаться отъ попытокъ и оставить дѣло въ томъ видѣ, въ какомъ застала его минута.

Но, съ другой стороны, и оставить мудрено. Нутро заинтересовано,—поймите: нутро! Сердце бьется, весь организмъ болитъ, какъ тутъ не заговорить! А при этомъ приличіе требуетъ оставаться, хоть наружно, спокойнымъ, казаться доброжелательнымъ, дѣйствительно жаждущимъ примиренія безъ задней мысли:—завтра, дескать, посмотримъ! — Тщетно! завтрашній день настанетъ при тѣхъ же условіяхъ, какъ и сегодняшний; завтра выступать тѣ же требованія и та же безконечная канитель переговоровъ... Эта перспектива раздражаетъ еще сильнѣе.

Спрашивается, однакожъ: что дѣлать, чтобъ устранить грядущую смуту?

Повторяю: я выражаю здѣсь свое убѣжденіе, не желая ни прать противъ рожа, ни, тѣмъ менѣе, дразнить кого бы то ни было. И сущность этого убѣжденія заключается въ томъ, что человечество бесрочно будетъ томиться подъ игомъ мелочей, ежели заблаговременно не получится полной свободы въ обсужденіи

идеаловъ будущаго. Только одно это средство и можетъ дать ощутительные результаты.

Господствующее мнѣніе, руководимое политиками, не только у насъ, но и въ цѣлой Европѣ, не признаетъ, однакожъ, этой истины. Политиканы охотнѣе допускаютъ расширеніе свободы въ обсужденіи задачъ политическихъ, нежели соціальныхъ. Послѣднія считаются не только преждевременными и ни къ чему не ведущими, но и положительно опасными. Самая постановка ихъ будто бы равносильна посягательству на существующій порядокъ вещей, возбужденію дурныхъ страстей и несбыточныхъ надеждъ. Ежели и политическія новшества влекутъ за собой зло, не легко поправимое, то, по крайней мѣрѣ, они скользятъ по поверхности, не затрогивая коренныхъ основъ, на которыхъ искони зиждутся общество и государство. Напротивъ того, новшества соціальныя проникаютъ въ самую глубь массъ, порождаютъ въ нихъ озлобленіе, будятъ инстинкты зависти и алчности и, наконецъ, вызываютъ на открытую борьбу. Однимъ словомъ, вредъ, принесенный старинными утопистами и ихъ позднѣйшими послѣдователями, сдѣлался, въ глазахъ политикановъ, настолько ясенъ, что поощрять утопію и даже оставаться къ ней равнодушнымъ не представляется никакой возможности.

Нельзя не признать, что въ этомъ сужденіи есть извѣстная доля правды, и именно въ томъ, что касается политическихъ новшествъ. Послѣднія дѣйствительно только скользятъ по поверхности, перемѣщая центръ власти изъ однихъ рукъ въ другія (отъ Баттенберга къ Меренбергу и т. д.) и отчасти расширяя (впрочемъ, очень умѣренно) кадры правящихъ классовъ. Въ массы народныя они проникаютъ въ видѣ отдаленнаго гула, не измѣняя ни одной черты ни въ ихъ бытѣ, ни въ ихъ благосостояніи. Поэтому массы относятся къ подобнымъ новшествамъ не только равнодушно, но и съ удивленіемъ, не понимая, почему у кормила понадобился въ данную минуту Гизо, а Тьеръ оказался ненужнымъ.

Напротивъ, то же господствующее мнѣніе оказывается совершенно неправымъ относительно новшествъ соціологическихъ. И неправо оно, во-первыхъ, потому, что въ основаніи соціологическихъ изысканій лежитъ предусмотрительность, которая всегда была главнымъ и существеннымъ основаніемъ развитія человѣческихъ обществъ, и, во-вторыхъ, потому, что ежели и справедливо, что утопіи производили въ массахъ извѣстный переполохъ, то причину этого нужно искать не въ открытомъ обсужденіи идеаловъ будущаго, а скорѣе въ стѣсненіяхъ и преслѣдованіяхъ, которыми постоянно сопровождалось это обсужденіе.

Встрѣчаются и понынѣ люди, на которыхъ простое напоминаніе о правѣ человѣка массъ на участіе въ благахъ жизни производитъ дѣйствіе пытки. Но это уже дѣло личнаго темперамента или стариннаго, вкоренившагося предрасудка — и ничего больше. Еслибъ эти люди умѣли разсуждать, еслибъ они были зъ состояніи проникать въ тайны человѣческой природы, то они поняли бы, что одну изъ неизбѣжныхъ принадлежностей этой природы составляетъ развитіе и повышеніе уровня нравственныхъ и матеріальныхъ потребностей. Немыслимо, чтобы человѣкъ смотрѣлъ и не видѣлъ, слушалъ и не слышалъ, чтобы онъ жилъ, какъ растеніе, цвѣтя или увядая, смотря по уходу, который ему дается, независимо отъ его дѣятельнаго участія въ немъ.

Самая наглядная очевидность требуетъ, чтобы общественные вопросы всегда стояли на-очереди и постоянно подвергались разработкѣ. Нѣтъ нужды, что разработка эта не обойдется безъ ошибокъ и заблужденій — при открытомъ обсужденіи, не только ошибки, но и самыя нелѣпости легко устраняются при помощи полемики. Во всякомъ случаѣ, такое обсужденіе представляетъ гораздо менѣе риска, нежели тайныя общества и подземная работа нарастающихъ общественныхъ элементовъ, которые, при отсутствіи свѣта и воздуха, невольнымъ образомъ обостряются и приобрѣтаютъ угрожающій характеръ.

Затѣмъ естественно возникаетъ вопросъ: если ужъ нельзя не ощущать паники при одномъ словѣ „новшества“, то какія изъ нихъ заключаютъ въ себѣ наибольшую сумму угрозъ: политическія или соціальныя?

На мой взглядъ — первыя. Прежде всего, они почти всегда настигаютъ общество внезапно; сверхъ того, сравнительно бѣдныя результатами, они непосредственно затрогиваютъ личные интересы и уязвляютъ личные честолюбія. Повторяю: они перемѣщаютъ центры власти, въ ущербъ или къ выгодѣ немногихъ заинтересованныхъ личностей, но безъ существенной пользы для массъ. Напротивъ того, соціальныя новшества ежели и не влекутъ за собой прямого освобожденія массъ отъ удручающихъ мелочей, то представляютъ собой непрерывную подготовку къ такому освобожденію.

Подготовка эта, безъ сомнѣнія, получить вполне спокойное развитіе, если при этомъ не будетъ встрѣчаться внѣшнихъ усложненій. А для этого нужно только терпѣніе и свобода отъ предразсудковъ — ничего больше.

Сами массы совсѣмъ не такъ нетерпѣливы и не представляютъ черезъ-чуръ несоразмѣрныхъ требованій, какъ объ этомъ

привыкли вопіять встревоженные умы. Прислушайтесь къ этимъ требованіямъ, и вы безъ труда убѣдитесь, что даже тахіумъ ихъ, сравнительно, не очень великъ. И причина этой умѣренности очень проста: человѣку массъ не откуда взять идеаловъ роскоши пресыщенія и даже простого довольства, — онъ не знаетъ ихъ. Всѣ его желанія по части новшествъ ограничиваются лишь тѣмъ, что составляетъ дѣйствительную и неотложную нужду. Парижскій рабочій не мечтаетъ ни о ракахъ à la bordelaise, ни о житьѣ въ пространнѣхъ палаццо, среди роскошной обстановки; но онъ, конечно, не откажется ни отъ choucroute, ни отъ свѣтлаго и хорошо вентилированнаго помѣщенія. Непритязательность этой претензіи уже начинаетъ уясняться для самихъ политикановъ, и предусмотрительнѣйшіе изъ нихъ не отказываются отъ попытокъ въ смыслѣ ихъ удовлетворенія. Только попытки эти представляютъ собой каплю въ морѣ и потому достигаютъ лишь очень немногихъ частныхъ результатовъ.

Само собой, впрочемъ, разумѣется, что я говорю здѣсь вообще, а отнюдь не примѣнительно къ Россіи. Послѣдняя такъ еще молода и имѣетъ такъ много задатковъ здороваго развитія, что относительно ея не можетъ быть и рѣчи о какихъ-либо новшествахъ.

Итакъ, терпѣніе, милостивые государи! Терпѣніе съ небольшою прибавкой доброжелательства и рѣшимости разрѣшать назрѣвающіе вопросы жизни не одной постановкой обнаженнаго fin de non recevoir, но и съ участіемъ свободнаго анализа.

Н. Щедринъ.

ОСЕННЕЮ ДОРОГОЙ

Меркнетъ день. Надъ усталой, поблекшей землей
Неподвижныя тучи стоятъ.
Подъ прощальнымъ уборомъ листвы золотой
И березы, и липы сквозятъ.
Душу обняли нѣжно-тоскливые сны,
Замерла безконечная даль,
И роскошно-блестящей и шумной весны
Примиренному сердцу не жаль.
И какъ будто земля, отходя на покой,
Погрузилась въ молитву безъ словъ,
И спускается съ неба невидимый рой
Блѣднокрылыхъ безмолвныхъ духовъ.

Владиміръ Соловьевъ.

ЛОНДОНСКІЕ ПРОЛЕТАРІИ

Романъ Вальтера Безанта.

VIII. — Лотти умираетъ *).

Послѣ двухдневнаго отдыха Лотти должна была бы, по всѣмъ правиламъ приличія, поправиться. Если она этого не сдѣлала, то только вслѣдствіе извѣстной всему свѣту неблагодарности бѣдняковъ. Сколько бы вы имъ ни помогали, они все не поправляются; больная старуха, которой зы привели доктора и дали лекарство, продолжаетъ низко и неблагодарно хворать, а слонявшійся безъ работы работникъ продолжаетъ не находить работы, и вы начинаете убѣждаться, что или вы должны взять ихъ себѣ на пенсію, или же уйти и оставить вашего паціента въ худшемъ положеніи, нежели вы его нашли.

Но не думаю, чтобы Лотти хотѣла быть неблагодарной; она бы предпочла, я увѣренъ, силу — слабости и здоровье — болѣзни; но она провела очень худо ночь съ воскресенья на понедѣльникъ, и когда, утромъ, Валентина заглянула въ комнату, она нашла дѣвушку въ очень нехорошемъ состояніи. Нѣсколькихъ вѣтокъ винограда, двухдневнаго отдыха и настоящаго, не-призрачнаго обѣда оказалось, какъ видите, недостаточно, чтобы поставить ее на ноги. Валентина вспомнила, что говорилъ старикъ нижняго этажа о дамахъ, воображающихъ, что онѣ все могутъ уладить нѣсколькими любезностями. Но даже корзины винограда изъ теплицы, по четыре шиллинга за фунтъ, недостаточно, чтобы исправить зло, причиненное восемью долгими годами липеній и тяж-

*) См. выше: октябрь, стр. 620.

баго труда. Валентина съ такимъ же успѣхомъ могла бы поstarаться помощью коробки пудры вернуть молодость старухѣ нижняго этажа. Любезности имѣють свою цѣну, но не могутъ воскресить изъ мертвыхъ.

Лотти лежала на спинѣ блѣдная и съ закрытыми глазами. Обѣ дѣвушки стояли у ея постели, испуганныя.

— Ей очень плохо, — сказала Лиззи. — Она всю ночь не спала. И это не отъ голода, потому что вчера было воскресенье, и у насъ была говядина на обѣдъ. Поговорите съ ней, если хотите; она не спитъ.

— Не говорите, Лотти. Мы перенесемъ васъ въ мою комнату. Тамъ спокойнѣе и постель мягче. Мы втроемъ перенесемъ васъ.

Меленда выразительно дернула плечомъ.

— Меленда, неужели вы такъ горды, что не можете перенести, чтобы вашей пріятельницѣ оказали помощь?

— Дѣлайте, что хотите! — отвѣчала Меленда.

И она залилась слезами ревниваго бѣшенства и безсилія.

— Я отъ васъ ничего не приму. О, Лотти! — продолжала она, обнявъ пріятельницу: — я ничего не могу для тебя сдѣлать, милая, а думала, что все могу. Я не могу помочь тебѣ тогда, когда ты всего болѣе нуждаешься въ помощи, и должна предоставить посторонней помогать тебѣ.

Валентина ничего не отвѣтила, и Меленда, переставъ плакать, утѣшилась тѣмъ, что стала распоряжаться, какъ перенести Лотти.

Та комната была несомнѣнно спокойнѣе и прохладнѣе, и постель не была такъ жестка. Послѣ того онѣ послали за докторомъ.

Пришелъ тотъ самый молодой человѣкъ, который разговаривалъ съ Валентиной въ воскресенье вечеромъ. Но сегодня онъ казался грубѣе по виду и по манерамъ.

— Свалилась-таки! — сказалъ онъ: — ну, я давно это предвидѣлъ.

— Что такое?

— Она теперь не можетъ больше работать и должна лежать и не двигаться. Слышите ли, дѣвушки, и не говорите мнѣ, что этого нельзя. Ей нуженъ покой и хорошая пища.

— Покой и хорошая пища! — горько повторила Меленда. — О, Боже! ужъ вы бы прямо говорили, что ей нужны устрицы, цыплята и портовейнъ?

— Хорошая пища? — повторила Лиззи и взглянула на Валентину.

— Покой и хорошая пища, — повторилъ и докторъ: — и работать ей больше нельзя будетъ до скончанія ея дней; и этого ждать недолго, — прибавилъ онъ, понижая голосъ.

— Я доставлю ей и покой, и хорошую пищу, — сказала Валентина.

Самая горькая обида для бѣднаго человѣка — это когда ему дадутъ почувствовать, что онъ безсиленъ помочь страданію, которое однѣ деньги могутъ устранить.

Глаза Меленды засверкали, точно она собиралась разразиться какимъ-нибудь бѣшеннымъ восклицаніемъ или поступкомъ; но она сдержала себя въ присутствіи доктора, хотя усиліе, очевидно, стоило ей большихъ трудовъ, такъ что слезы навернулись у нея на глазахъ.

— Пойдемъ, Лиззи; надо работать, — сказала она.

— Теперь мы останемся съ тобой вдвоемъ, — продолжала она: — Лотти больше не вернется. Она будетъ кормить ее виноградомъ, и говядиной, и какао, такъ что той не захочется назадъ. Она уже подарила ей новое платье и чулки. Она хочетъ, чтобы Лотти насъ возненавидѣла. Можетъ быть, и ты скоро уйдешь отъ меня, Лиззи? Чтожъ, прекрасно! Я одна останусь. Если тебѣ хочется меня бросить, то бросай. Можетъ быть, она будетъ тебя постоянно кормить обѣдами и завтраками, если ты будешь такъ глупа, что примешь ихъ.

— Не говори пустяковъ, Меленда. Лотти насъ не бросила. Почему ты не можешь быть вѣжлива съ сестрой? Почему она не должна помогать Лотти? Я очень рада, что она сюда пріѣхала. Слышишь? — очень рада!

Въ другое время Меленда обуздала бы этотъ духъ неповиновенія, но сегодня она была слишкомъ разстроена, чтобы воевать, и смолчала.

Дни слѣдовали за днями, но Лотти не вставала съ постели. Иногда Меленда сидѣла около нея съ работой въ рукахъ, кроткая съ Лотти, но съ сердцемъ полнымъ ненависти къ Валентинѣ. Иногда Лиззи смѣялась ей. Но большею частью Валентина читала, пѣла ей, разговаривала съ ней и ухаживала за ней. Бываютъ женщины, одно присутствіе которыхъ успокоиваетъ больного, отъ прикосновенія которыхъ затихаетъ боль, которыя родятся сидѣлками. Валентина была изъ ихъ числа.

— Все еще не вытащили карманнаго евангелія на свѣтъ божій? — спрашивалъ опять докторъ.

Онъ стоялъ у кровати и глядѣлъ на свою пациентку. Онъ снялъ шляпу—церемонія, которой не придерживался вообще во время своихъ визитовъ,—руки его были засунуты въ карманы, и онъ глядѣлъ такъ, какъ будто хотѣлъ выразить, что презираетъ пошлыя детали свѣтскаго обращенія.

— Такъ карманное евангеліе еще не появилось на сценѣ?

— Нѣтъ... Почему вы это спрашиваете?

— Потому... потому, что лѣтомъ жарко, а здѣсь шумно, и вы исполняете дѣло больничной сидѣлки; а, судя по виду, казалось бы, вамъ слѣдовало обитать гдѣ-нибудь на морскомъ берегу или въ загородномъ домѣ, среди деревьевъ. Короче сказать: къ чему вы все это дѣлаете?

— Затѣмъ вы спрашиваете о мотивахъ? Вы сами говорили намеренія, что существуетъ одинъ только мотивъ всѣхъ людскихъ поступковъ — чистѣйшій эгоизмъ.

— Это правда. Его называютъ религіей, патриотизмомъ, добротой, милосердіемъ—какъ угодно. Но все это не что иное, какъ чувство самосохраненія.

— И для бѣднаго человѣчества такъ-таки и невозможенъ безкорыстный поступокъ?

— Бываютъ иллюзіи. Женщины дѣлаютъ чудеса для мужчинъ—изъ любви, какъ онѣ это называютъ. Мужчины называютъ любовью, когда покоряютъ женщину и обратятъ ее въ свою рабу. Почему женщинамъ нравится быть рабами — этого я не знаю. Итакъ, все въ мірѣ — иллюзія. Все, исключая того, что вы можете видѣть глазами, да и это часто тоже иллюзія. Когда жизнь пройдетъ, что такое прошлое, какъ не иллюзія? Мы родимся, живемъ и страдаемъ, и затѣмъ умираемъ, и насъ забываютъ. Такова исторія Иви-Лэви, гдѣ живетъ восемьсотъ душъ и бываетъ каждую недѣлю два рожденія и одни похороны. Но васъ я не понимаю. Если когда-нибудь сюда пріѣзжаетъ барыня, то она поглядитъ на насъ, и кажется разочарованной оттого, что мы все еще имѣемъ образъ и подобіе человѣческіе; затѣмъ подастъ два-три мѣдныхъ гроша и уѣзжаетъ съ сознаниемъ, что сумма нищеты значительно понизилась отъ ея посѣщенія. Она видѣла страданія, которыя причинили ей боль; она облегчила свою боль, и это доставило ей удовольствіе. Но вы... вы отдаете себя самое. Ну,—перемѣнилъ онъ круто разговоръ:—какого вы мнѣнія о рабочихъ дѣвушкахъ? Вы уже имѣли случай изучить трехъ. Такихъ, какъ онѣ — тысячи.

— Я могу думать только объ этихъ трехъ и о томъ, какъ помочь имъ.

Онъ отвѣтилъ на это, но не прямо. Взявъ руку Лотти и обнажить ее до локтя.

— Видите: сильная кость и хорошей длины. Природа предназначала эту руку высокой, сильной женщинѣ. И плечи хорошаго размѣра также. Природа рѣшительно хотѣла сдѣлать изъ нея хорошій образчикъ женской силы. Поглядите на ея лобъ: онъ широкъ и низокъ—умный лобъ; а ротъ—видите, какъ тонки и, вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣзки его очертанія; этотъ ротъ предназначался благородной женщинѣ, съ сильными иллюзіями насчетъ мужа и дѣтей. И, однако, мы видимъ, что этотъ великолѣпный экземпляръ загубленъ.

— Бѣдная Лотти!

— Мы постоянно губимъ и портимъ прекрасныя модели. Эта улица полна людскими развалинами. Вы видѣли двоихъ изъ нихъ въ нижнемъ этажѣ—м-ра Лэна, писца и старуху. Что это значить?

— Можете вы мнѣ сказать, что это значить?

— Природа говорить человѣку: „изучи мои тайны, или я убью тебя; я никого не жалѣю, и убью тебя, если ты не проникнешь въ мои тайны“. Хорошо: нѣкоторые изъ насъ, немногіе счастливыцы, постоянно изучаютъ эти тайны и спасаютъ людей отъ когтей природы. Но человѣкъ сказалъ своему брату: „если ты недостаточно силенъ, чтобы обороняться отъ меня, то я сдѣлаю тебя своимъ рабомъ; ты будешь работать на меня на тѣхъ условіяхъ, какъ я захочу“. Я не знаю, кто болѣе жестокъ: человѣкъ или природа. Вотъ вы видите...—онъ дотронулся до щеки Лотти.

Дѣвушка не понимала ни одного слова изъ того, что онъ говорилъ; но онъ былъ докторъ, и еслибы онъ сталъ рѣзать ей руку, то она и не помыслила бы сопротивляться.

— Вотъ передъ нами образчикъ того, что человѣкъ, не встрѣчая сопротивленія, сотворилъ по своей злой волѣ, утверждая, что повинуются законамъ политической экономіи. Онъ обратилъ эту дѣвушку въ машину, чтобы она работала больше, чѣмъ слѣдуетъ, за меньшую плату, чѣмъ слѣдуетъ, и питалась такъ, какъ женщинѣ недостаточно питаться. Природа на самый худой конецъ поступила бы съ ней не хуже, чѣмъ человѣкъ.

— Что же намъ дѣлать?

Онъ сѣлъ и мрачно взглянулъ ей въ лицо.

— Я не знаю. Еслибы я зналъ, и всѣ бы знали. Есть только два способа помочь рабочимъ женщинамъ, и одинъ изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, невозможенъ: это—чтобы женщины вышшихъ классовъ образовали лигу покровительства своимъ рабочимъ сестрамъ.

— Почему это невозможно?

— Потому, что имъ нѣтъ дѣла до рабочихъ сестеръ. Вы интересуетесь ими только потому, что жили между ними и узнали, какъ онѣ страдаютъ. Но какое вообще дѣло барынямъ до рабочихъ дѣвушекъ? Сознайтесь, — вѣдь никакого?

Валентина не хотѣла сознаться.

— Ну, хорошо. Можетъ быть и другой способъ. Это — самимъ рабочимъ помочь образоватъ лигу или братство труда — мужчинамъ и женщинамъ вмѣстѣ — и контролировать трудъ и заработную плату. Я не вижу, почему бы такая лига не могла образоваться. Если мужчины могутъ образоватъ лиги по отдѣльнымъ отраслямъ труда, то, казалось бы, они могли образоватъ одну общую лигу по всѣмъ отраслямъ труда.

— Почему же они ея не образуютъ?

— Потому, что масса, которую бы слѣдовало на это подвинуть, такъ колоссально велика, что потребовался бы не одинъ пророкъ, проповѣдующій одно и то-же евангеліе, но десять тысячъ пророковъ. Но любопытно мнѣ было бы видѣть, чтѣ бы изъ этого вышло?

— Чтѣ бы вышло?

— Да; намъ всегда слѣдуетъ принимать въ соображеніе людскую алчность и людской эгоизмъ. Какъ бы то ни было, такая лига, еслибы осуществилась, то...

Онъ сѣлъ, засунувъ руки въ карманы и глядя на Валентину, но какъ будто ея не видя.

— Я часто думаю: чтѣ бы вышло изъ такой лиги? По всей вѣроятности, въ результатѣ явилась бы невообразимая тираннія. Все должно было бы служить общему благу. Хотя я думаю, что лига попыталась бы быть справедливой — въ человѣкѣ есть природный инстинктъ, отвращающій его отъ несправедливости — но такая лига была бы самымъ могущественнымъ орудіемъ, какое когда-либо существовало; она бы контролировала правительство и издавала бы — это несомнѣнно — всякаго рода законы, ограничивающіе свободу. Я полагаю, что мужчинамъ не позволяли бы жениться раньше тридцати, а женщинамъ — раньше двадцати-пяти лѣтъ. Что касается людей съ землей и капиталомъ, общество и компаній, владѣющихъ имуществомъ, то полагаю, что лига между ними не была бы популярна. Одну вещь такая лига сдѣлала бы непременно и немедленно по своему образованію.

— Чтѣ такое?

— Она бы настояла, чтобы эта дѣвушка и всѣ ей подобныя работали вполонину меньше и получали вдвое больше.

— Ну, я не вижу разницы между вашей лигой и социализмом Сама,— сказала Валентина.

— Я не имѣю удовольствія знать м-ра Сама, но между нами та разница, что моя лига должна образоваться самимъ народомъ для народа, а социалисты хотятъ навязать свои задачи народу.

— Почему бы и нѣтъ, если онѣ хороши?

— Потому, молодая барышня, что вы не можете исправить народъ никакими задачами, указами или законами. Онѣ долженъ самъ исправиться. Вы не имѣете понятія объ его упрямствѣ. Онѣ не хочетъ ни чтобы имъ руководили, ни поправляли его, ни указывали ему, куда идти. Онѣ хочетъ только идти по доброй волѣ. А по нѣкоторымъ путямъ и никогда не пойдетъ.

— Я бы желала, чтобы братство или лига уже образовались,— сказала Валентина.

— Но ваши друзья и вы лишились бы, можетъ быть, своего имущества и денегъ!

— Зато мы освободили бы Меленду.

— Да, для нея было бы это очень хорошо, да не думаю, впрочемъ, чтобы было худо и для васъ. Что до меня касается, то у меня нѣтъ денегъ, и я зарабатываю ихъ столько, сколько какой-нибудь слесарь или механикъ, а потому тоже не могу ничего потерять.

Онѣ всталъ и застегнулъ пальто.

— Ну, Лотти, лежите смирно. Я иногда думаю,— обратился онѣ снова къ Валентинѣ, — что, пожалуй, доживу до того, что увижу лигу труда.

— Меленда велѣла сказать, что пришелъ Самъ,— сказала Лиззи, просовывая голову въ дверь:—если вы хотите его видѣть, то идите скорѣй. Меленда злится, и они непремѣнно сдѣлаются.

Самъ Монументъ время отъ времени вспоминалъ, что у него есть сестра, и приходилъ навѣстить ее. Это случалось не часто; съ тѣхъ поръ, какъ онѣ сдѣлалъ карьеру, онѣ не очень гордился бѣдными родственниками. Тѣ немногіе изъ насъ, которые вышли въ люди, поймутъ Сама. Кромѣ того, ему стыдно было даже подумать о Мелендѣ, а ея нищета и лохмотья заставляли его кипѣть и волноваться сильнѣе Спиллы и Харибды, сильнѣе Мальстрома и Ниагарскаго водопада. Кромѣ того, существуетъ правило, котораго слѣдовало бы придерживаться каждому, навѣщая бѣдныхъ родственниковъ, а именно: навѣщать ихъ не иначе, какъ въ теплую, но пасмурную погоду. Когда тепло, люди бы-

вають добрѣе, а когда пасмурно, то лохмотья и бѣдность не такъ бросаються въ глаза.

Самъ пришелъ въ Иви-Лэнъ великолѣпнымъ лѣтнимъ вечеромъ, и въ лучахъ заходящаго солнца все красивое и опрятное казалось еще прекраснѣе, а некрасивое и грязное выступало еще рельефнѣе.

Когда Валентина отворила дверь, Самъ стоялъ спиной къ камину въ воинственной позѣ. Меленда сидѣла у стола, но не шила, и сверкающіе глаза ея показывали, что она только ждетъ минуты, чтобы завязать сраженіе.

— Ого!—проговорилъ Самъ съ какимъ-то ироническимъ присвистомъ, завидя входящую Валентину:—и зы здѣсь! Клодъ говорилъ мнѣ объ этомъ. Надѣюсь, что вы довольны тѣмъ, что здѣсь напли. Вамъ нравится здѣсь? Вамъ нравится, какъ живетъ ваша сестра? Хорошее мѣсто, не правда-ли? и работа прекрасная, здоровая, хорошо оплачиваемая, не правда-ли? Вашимъ богатымъ друзьямъ есть чѣмъ гордиться. Къ чему вы пріѣхали сюда?—продолжалъ онъ.—Зачѣмъ вы оставили вашихъ друзей и пріѣхали сюда? Здѣшній народъ—вашъ врагъ: рабочій народъ—естественный врагъ тунеядцевъ, я вамъ уже это говорилъ. Я вамъ говорилъ, когда видѣлъ васъ въ первый разъ, чтобы вы выбирали одно изъ двухъ. Если вы бросите своихъ богатыхъ друзей,—скажите слово, и я найду вамъ работу.

— Самъ,—отвѣчала Валентина:—вы человѣкъ ученый и имѣли возможность изучить рабочій вопросъ въ вашемъ положеніи,—въ вашемъ исключительномъ и высокому положеніи, Самъ,—а потому, вмѣсто того, чтобы иронизировать, подайте намъ совѣтъ, что намъ дѣлать?

Онъ не сѣлъ, но взялъ стулъ изъ ея рукъ, поставилъ его передъ собой, положилъ руки на его спинку, такъ что устроилъ себя нѣчто въ родѣ каеэдри.

— Ему нечего намъ сказать,—вмѣшалась Меленда,—кромѣ того, что это срамъ, и что мы должны составить стачку и забастовать.

— Виновата вся система,—началъ Самъ.—Я готовъ подать вамъ хорошій совѣтъ, если только вы готовы его послушаться. Виновата во всемъ гнилая система конкуренціи. Вы должны отмѣнить ее. Что касается того, чтобы вамъ, дѣвушкамъ, составлять стачки и забастовки, то этого вамъ не сдѣлать. Я вамъ предлагалъ это когда-то, но теперь вижу, что женщины до этого не доросли. Для организаціи стачки требуется здравый смыслъ, а у васъ его нѣтъ, и нѣтъ необходимой для того храбрости.

— Но мы не можемъ измѣнить систему, — замѣтила Валентина: — по крайней мѣрѣ, безъ большихъ хлопотъ и въ непродолжительномъ времени, — поспѣшила она прибавить. — А пока я бы желала, чтобы вы придумали что-нибудь для Меленды и Лиззи, въ ожиданіи, когда вы измѣните всю систему.

— Кому нужна его помощь? — спросила Меленда. — Говорю вамъ, что онъ умѣетъ только говорить, что это — стыдъ и срамъ. Вотъ и все, чего отъ него добьешься.

— Я не могу помочь имъ, — отвѣчалъ Самъ, — и никто не можетъ. Повторяю вамъ, что виновата система.

— Измѣнить систему мы не можемъ ни сегодня, ни завтра; а что дѣлать пока Мелендѣ и Лиззи?

— Мы будемъ работать, — отвѣтила Лиззи.

— Что сдѣлаете вы пока для вашей сестры, Самъ? — настаивала Валентина.

— Меленда можетъ... она можетъ... жить со мной, — договорилъ онъ съ геройской рѣшимостью. — Если только общается вести себя прилично, — добавилъ онъ.

— Ну, такъ какъ я не общаюсь, то, значить, и не могу жить съ тобой, — отрѣзала Меленда. — Я ни съ кѣмъ не буду жить, не буду вести себя прилично и буду дѣлать то, что мнѣ угодно.

— Прощайте, Самъ! — холодно сказала Валентина. — Я просила у васъ совѣта, а вы предлагаете новую систему. Идите своей дорогой и ораторствуйте противъ системы, а мы будемъ спасать ея жертвы.

IX. — Достопочтенный Рандаль Смитъ.

Викарнымъ священникомъ св. Агаты — то была та самая церковь, гдѣ во время утренней службы не бывало ни души — былъ достопочтенный Рандаль Смитъ.

Этотъ юный джентльменъ постепенно и въ силу естественнаго хода вещей сталъ большимъ пріятелемъ Валентины. Ихъ дружба, правда, была основана на томъ, что, по утверженію доктора, лежитъ въ основаніи всякой дружбы — на эгоизмѣ.

Сначала онъ самъ представился ей на улицѣ — у нихъ не было другой нейтральной почвы для встрѣчъ — остановившись передъ нею и приподнявъ шляпу.

— Извините, — произнесъ онъ. — Извините: это вы, кажется, пѣли намереніи въ Иви-Лэнъ?

— Очень можетъ быть.

— Я... я также узналъ (этому такъ трудно было повѣрить), что вы—сестра одной изъ тѣхъ дѣвушекъ.

— Очень можетъ быть.

Это былъ маленькаго роста молодой человѣкъ, не болѣе пяти футовъ съ небольшимъ, съ бритымъ лицомъ, съ блѣдной и незначительной фizioноміей. Что касается его вѣры, то онъ принадлежалъ къ небольшой и ограниченной сектѣ ритуалистовъ, и объ этомъ заявляла міру его широкополая шляпа и большіе отложные воротнички у рубашки; во всѣхъ другихъ отношеніяхъ викарій священникъ принадлежалъ къ такому сорту людей, которые никогда не переводились между нами, а въ послѣднее время умножились. Это не умнѣйшій сортъ, не ученѣйшій и способнѣйшій на строго-логическое разсужденіе. Но у этого сорта людей есть одно великое достоинство: они ясно сознали, что существуетъ образъ жизни, возможный для всякаго, кто избересть его, и что этотъ образъ жизни будетъ подражаніемъ, хотя бы и далекимъ, Искупителю людей. И дѣйствительно, никакой пустыльникъ, никакой монахъ сѣраго, чернаго и бѣлаго ордена не слѣдовалъ примѣру Искупителя, какъ люди этого сорта. Двадцатитрехъ лѣтъ отъ роду, т.-е. такъ рано, какъ только позволяютъ обстоятельства, они безусловно и навѣки отрекаются отъ міра и его прелестей; они отрекаются отъ общества, культуры, образованія, искусства и всякаго рода удовольствій; они съ головою погружаются въ обширное житейское море, гдѣ волны бурны, а вода грязна. Короче сказать, они дѣлаются викаріями священниками въ бѣдномъ приходѣ и рабами бѣднаго люда; у нихъ не бываетъ индивидуальной жизни, и они не преслѣдуютъ никакихъ личныхъ цѣлей.

— Я... я слышалъ ваше пѣніе,—повторилъ онъ,—и оно мнѣ очень понравилось. Для необработаннаго голоса...

— Вы находите?—серьезно проговорила Валентина.

Но въ глазахъ ея засвѣтился тотъ огонекъ, для котораго нѣтъ, къ сожалѣнію, болѣе красиваго слова, какъ „лукавый“.

— Но, простите, быть можетъ вы учились пѣть?..

— Продолжайте, пожалуйста.

— У меня есть институтъ для рабочихъ мальчиковъ. Я подумалъ, что... можетъ быть, вы согласитесь спѣть для нихъ.

— Не знаю. Покажите мнѣ вашъ институтъ.

Онъ повелъ ее въ одну изъ улицъ, упирающихся концами въ два перекрестка, и остановился у углового дома.

— Вотъ тутъ,—сказалъ онъ.—Мы здѣсь собираемъ по вечерамъ рабочихъ мальчиковъ, и учимъ, и развлекаемъ ихъ.

Дверь растворилась не въ сѣни или въ корридоръ, а прямо въ большую комнату неправильной формы, заставленную скамьями и однимъ или двумя узкими столами; на одномъ концѣ былъ большой каминъ, а на другомъ—фортепіано на низкой эстрадѣ. На стѣнахъ видѣлись полки, вмѣщавшія бібліотеку мальчиковъ.

— Наверху, — пояснилъ юный клерджименъ, и глаза его блестяли, когда онъ показывалъ свой любезный институтъ, — классныя комнаты и рекреаціонная зала, гдѣ мальчики могутъ курить, если хотять. На дворѣ у насъ устроена гимнастика. А это наша гостиная и читальня, гдѣ мы иногда пробуемъ пѣть. Къ несчастію, меня не учили ни пѣть, ни играть. Я могу подпѣвать, конечно; что касается аккомпанимента, то я учусь подбирать простые аккорды. Можетъ быть, я могъ бы аккомпанировать и вамъ.

— Попробуемъ, — сказала Валентина.

Его познанія въ музыкѣ были ограничены, а аккорды несложны. Онъ признался, что каждое утро встаетъ въ шесть часовъ, для того, чтобы учиться играть на фортепіано, но до сихъ поръ успѣхи незначительны.

— Что вы дѣлаете съ вашими мальчиками? — спросила она.

Оказалось изъ его объясненій, что вечера его вполне посвящены занятіямъ съ мальчиками, которыхъ онъ учитъ, просвѣщаетъ, забавляетъ. Когда онъ говорилъ о нихъ, лицо его просіялось, и онъ забылъ про манерность рѣчи и обращенія. Это было то дѣло, которое онъ любилъ.

Валентина почувствовала, что стоитъ на порогѣ совсѣмъ новой жизни. Она продолжала спрашивать его. У него была и другая работа, и пропасть ея, хотя и не такая интересная. Ему хотѣлось бы ничего другого не дѣлать, какъ заниматься съ мальчиками, въ умы которыхъ онъ заронялъ мысли, долженствовавшія привести ихъ туда, куда—онъ и самъ не зналъ. Но, кромѣ того, онъ долженъ былъ служить каждый день въ церкви, навѣщать больныхъ, помогать бѣднымъ; — трудиться приходилось не покладая рукъ, и круглую недѣлю безъ отдыха и срока.

— Трудная ваша жизнь, — сказала Валентина, удивляясь мужеству тѣхъ, кто рѣшается избрать такую жизнь.

— Это мое дѣло, — отвѣчалъ онъ, снова впадая въ неестественный и напыщенный тонъ.

Валентина подумала, что онъ — одинъ изъ тѣхъ героевъ, которые выигрываютъ заглазно. Такихъ много, и когда они умрутъ, жизнеописанія ихъ, когда ихъ читаешь, кажутся прекрасными.

Она сѣла за фортепіано и, задумавшись объ этомъ человѣкѣ и его жизни, разсѣяннo перебирала пальцами клавиши.

Наконецъ, она взглянула на него и сказала:

— Я буду пѣть для вашихъ мальчиковъ, когда вамъ угодно.

— Благодарю васъ.

— Вы хорошо знаете всѣхъ своихъ прихожанъ? вы знаете рабочихъ женщинъ?

— Я стараюсь узнать ихъ. Я обязанъ знать ихъ всѣхъ. Приходское духовенство опекаетъ ихъ души.

— Думаете ли вы о нихъ когда-нибудь? Можете ли вы мнѣ сказать, что можно для нихъ сдѣлать?

— Можно бы, еслибы онѣ ходили въ церковь и подчинились дисциплинѣ.

— Я не говорю объ ихъ религіи, но о матеріальномъ благосостояніи. Нельзя ли достать для нихъ болѣе легкую и дороже оплачиваемую работу?

— Не знаю. Въ обязанности приходского священника не входитъ вопросъ о работѣ.

— Вы проводите цѣлыя дни среди бѣдныхъ рабочихъ женщинъ, и никогда не думали объ этомъ вопросѣ? Не могли же вы не видѣть ихъ бѣдности!

— Какая была бы польза думать объ этомъ? Я ничего не могу сдѣлать. Я думаю, что нищета всегда была и будетъ: „нищіе всегда будутъ съ вами“!

— О! — вскричала Валентина нетерпѣливо: — никто не дѣлаетъ никакихъ попытокъ имъ помочь. Я спрашивала школьнаго учителя, и доктора, и ученаго и, наконецъ, священника, — и никто изъ нихъ не могъ ничего мнѣ присовѣтовать. Неужели же никому въ мірѣ нѣтъ дѣла до бѣдныхъ рабочихъ женщинъ?

— Церковь обо всѣхъ равно печется, — отвѣчалъ онъ напыщенно и свысока. — Она простилась съ нимъ и ушла. Значить, нельзя было ждать помощи отъ мужчинъ, даже отъ тѣхъ, которые постоянно вращаются въ народѣ и видятъ страданія женщинъ и ихъ терпѣніе?

Но тутъ оракулъ провѣщалъ ей отвѣтъ. Нѣтъ надобности непременно отправляться въ Дельфы: голоса слышатся и въ другихъ мѣстахъ. Голосъ, просвѣтившій Валентину, принадлежалъ старушкѣ. Двѣ ихъ стояло на порогѣ дома; одна держала краюху хлѣба подъ фартукомъ, другая — ключъ въ рукѣ. Обѣ были чистенькія и почтенныя на видъ старушки.

Когда Валентина проходила мимо нихъ, одна говорила другой:

— Нѣтъ, милая, бесполезно отъ нихъ чего-нибудь ждать; если вы хотите, чтобы дѣло было сдѣлано, то дѣлайте его сами.

Эти слова Валентина набожно приняла какъ оракулъ или голосъ свыше.

Проходя дальше по улицѣ, послѣ того, какъ услышала оракулъ, Валентина встрѣтила человѣка, котораго всего менѣе ожидала встрѣтить въ Говстонѣ.

— Какъ? это вы, м-ръ Конейрсъ!

И дѣйствительно, то былъ самъ великій Конейрсъ, повидимому, сконфузившійся отъ этой встрѣчи.

— Да, это я. Но какъ вы сюда попали, миссъ Валентина?

— Я гошу у друзей.

— Да, помню. Ваша сестра говорила мнѣ объ этомъ. Я думаю, однако, что вы отправились въ Уайтчепель. Всѣ теперь ѣздить въ Уайтчепель. А я слоняюсь по Лондону, въ поискахъ за новой моделью для моей картины. Всѣ лица мнѣ пріѣлисы; хочется найти необыкновенное.

— Чтожъ? нашли?

— Самъ еще не знаю.

Она оставила его и пошла своей дорогой.

„Она гостить у друзей“, подумалъ м-ръ Конейрсъ, задумчиво глядя ей вслѣдъ. „Я радъ, что не повстрѣчался ей пять минутъ тому назадъ вмѣстѣ съ волоокой дѣвушкой. Это могло бы ее скандализировать. Она гостить у друзей... своихъ родственниковъ. Віолета говорила мнѣ объ этомъ и о томъ, что Клодъ ее опекаетъ. Возможно ли, чтобы лэди Мильдредъ отпустила родную дочь жить въ такомъ мѣстѣ, подъ опекой Клода? Лэди Мильдредъ можетъ быть либеральна въ своемъ родѣ, но должна же она дорожить репутаціей дочери. О! никакого сомнѣнія болѣе быть не можетъ!“

Довольная улыбка появилась у него на губахъ. Онъ думалъ о Беатрисѣ Эльдриджъ и о самомъ себѣ, и о блаженной жизни безъ труда и заботъ, посвященной однимъ наслажденіямъ. „На мой взглядъ,—подумалъ онъ, Валентина красивѣе Віолеты,—но когда у той мѣшокъ съ деньгами, то какое же можетъ быть сравненіе!“

Тѣмъ временемъ волоокая дѣвушка, которая была не кто иная, какъ Лиззи, медленно шла домой, раздумывая о томъ, что ей говорилось въ десятый разъ, такъ какъ человѣкъ этотъ никакъ не хотѣлъ отъ нея отстать. Соблазнъ промѣнать тяжкій трудъ на привольную жизнь сталъ почти непреодолимымъ. Чѣмъ болѣе она видѣла Валентину, тѣмъ сильнѣе ей хотѣлось жить какъ она. Недовольство, которое Самъ желалъ вселить во всѣхъ женщинъ, охватило ее, но произвело совсѣмъ не тотъ результатъ,

какъ онъ думалъ. Лиззи не чувствовала желанія образоваться съ другими дѣвушками. Она желала, напротивъ того, убѣжать отъ нихъ и никогда ихъ болѣе не видѣть.

Вечеромъ Валентина пѣла мальчикамъ. Ихъ было около двадцати или тридцати вмѣстѣ съ Рандалемъ Смитомъ. Она сначала играла на фортепиано, а затѣмъ спѣла съ полдюжины пѣсень, и мальчики слушали съ восторгомъ и разинутымъ ртомъ.

Кончивъ пѣть, она обратилась къ нимъ съ небольшою рѣчью.

— Мальчики!—сказала она:—скоро вы будете мужчинами, способными постоять за самихъ себя. Подумайте тогда о вашихъ сестрахъ, о дѣвушкахъ, которымъ некому помочь. Вы будете работать ограниченное число часовъ и получать хорошую плату; онѣ же работаютъ весь день и получаютъ гроши. Ваше дѣло—помочь имъ; я не знаю, какъ это сдѣлать, но вы сами должны найти къ тому способъ. Между ними будутъ и ваши невѣсты. Неужели вы допустите, чтобы любимыя вами дѣвушки были въ такомъ пренебреженіи и обидѣ? Подумайте о нихъ. Я буду иногда приходить и пѣть вамъ, если хотите. Но каждый разъ буду напоминать вамъ о вашихъ обязанностяхъ по отношенію къ своимъ сестрамъ—рабочимъ дѣвушкамъ.

Х.—Шаги мертвеца.

Умъ хорошо, а два лучше,—говорить пословица. До сихъ поръ чужой умъ научалъ Валентину не болѣе того, чему училъ чужой умъ патриарха Іова. Она обращалась къ разнымъ людямъ съ вопросами, которые задаетъ всякій, кто начинаетъ вникать въ простые факты. Но ни отъ кого не получила отвѣта, кромѣ Сама; а тотъ предлагалъ просто-на-просто разрушить карточный домъ и затѣмъ выстроить такой же.

Она вспомнила про старушку въ богадельнѣ. Быть можетъ, отъ нея она можетъ получить практическій совѣтъ, такой, какой поможетъ ей спасти Меленду, помимо „всеобщей революціи“ Сама и „всеобщаго союза труда“ доктора.

Въ силу прирожденнаго инстинкта, человѣчество во всѣ времена и во всѣхъ случаяхъ обращалось за совѣтомъ къ старымъ женщинамъ, потому что никто такъ не постигъ мудрость житейскую, какъ старухи, и въ особенности тѣ, что живутъ въ богадельнѣ, хотя послѣднее вообще мало извѣстно. Всѣ онѣ болѣе или менѣе—Сибиллы.

Я не знаю, какой отвѣтъ дала бы миссисъ Монументъ на

вопросы Валентины, потому что, къ несчастію, послѣдней помѣшало ихъ задать одно странное обстоятельство.

Дѣло было такъ: Валентина нашла старушку одну и необыкновенно взволнованную, съ дрожащими руками и трясущимися губами.

— Что съ вами, матушка?—спросила она:—ваши руки дрожать и губы также. Вамъ нездоровится?

— Нѣтъ, Полли, нѣтъ. О, благодарю моего Создателя, что ты пришла, моя милая! Я сама не своя сегодня. Когда ты сейчасъ заговорила, мнѣ показалось, что это—голосъ милэди, и я совсѣмъ не слышала, какъ ты вошла. Дай мнѣ свою руку, милая! Ну, вотъ такъ; теперь я чувствую себя въ безопасности, потому что ты здѣсь.

— Въ чемъ дѣло, матушка?

— Я отослала Роду, послѣ обѣда, домой, потому что не могу выносить ея шумливыхъ движеній. Лучше ужъ и не пить совсѣмъ чаю. А сама пошла въ часовню, но и тамъ не могла успокоиться! О! Боже, Боже мой! какъ я рада, что ты пришла, Полли!

— Но что же случилось?

— Я слышала шаги, Полли.

— Шаги?

— Полли, я не могу всего сказать тебѣ; молодые люди не понимаютъ, каково это услышать шаги, которыхъ не слыхалъ въ продолженіе двадцати лѣтъ... шаги человѣка, который уже умеръ, и думать, зачѣмъ онъ воскресъ и что ему нужно?! И затѣмъ вспомнить, какую бездну горя причинили бы эти шаги, еслибы человѣкъ не умеръ. Я знаю, что онъ умеръ. Я вполнѣ въ этомъ увѣрена. И все-таки я ужасно испугалась, душа моя. Мнѣ кажется, что еслибы я тебѣ не призналась въ этомъ, то я бы съ ума сошла. Я должна была кому-нибудь объ этомъ сказать. Развѣ я могла не сказать?—и Джо никогда бы мнѣ этого не простилъ. Она не должна ничего знать. И Клодъ тоже, да и Самъ тоже.

— Чьи же это были шаги?

— Полли, дай опять мнѣ твою руку. О! какое ты для меня утѣшеніе! Твое настоящее имя Марла, потому что онъ такъ хотѣлъ; но я всегда звала и буду звать тебя Полли. Это были шаги твоего отца, моя душа, который умеръ и схороненъ.

— Моего отца? Но если онъ умеръ... да вѣдь уже двадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ умеръ?

— Всего только пять; Джо принесъ мнѣ эту вѣсть, и я заплакала отъ радости. Да.

— Всего только пять лѣтъ? Но мы всѣ думали...

— Я сказала миледи двадцать лѣтъ тому назадъ, что онъ умеръ. Это была неправда; но онъ все равно, что умеръ для меня и для дѣтей, да и для всего міра также. Я не знаю, кто— весь міръ или я были довольнѣе, что онъ умеръ. Я не знаю, кто изъ насъ жарче молился о томъ, чтобы онъ больше никогда не воскресалъ?

— Но, матушка, чтѣ же это все значить?

Горечь этихъ словъ и выраженіе, съ какимъ они были сказаны, поразили и испугали Валентину.

Чтѣ должно было это означать? Она поблѣднѣла отъ внезапнаго предчувствія бѣды.

— Я сказала неправду лэди Мильдредъ. Ей она не могла повредить, а я не могла... не могла сказать ей правду. Это была моя тайна и тайна Джо. Бываютъ вещи, которыхъ женщина не можетъ рассказывать. Но тебѣ я могу сказать это, Полли, потому что съ тобой я такъ откровенна, какъ не могу быть ни съ Мелендой, ни съ мальчиками, но, милая моя, еслибы ты знала, какое счастье имѣть дочь, съ которой можно разговаривать!

— Продолжайте, матушка,—замѣтила Валентина.

— Ну, такъ вотъ чтѣ, моя душа: если былъ когда на свѣтѣ дурной человѣкъ, такъ это твой отецъ. Господи, спаси его жену и дѣтей! И если былъ другой человѣкъ, болѣе склонный въ зло и болѣе гордившійся дурной и недостойной жизнью, то я про него не слыхала.

— Гдѣ же былъ онъ тогда, когда считался мертвымъ для васъ?..

Тутъ она умолкла, но щеки ея внезапно вспыхнули, точно ее ударили, потому что она поняла, гдѣ онъ былъ.

— Матушка,—сказала она:—онъ былъ въ тюрьмѣ?

— Тш-ш!.. душа моя!—прошептала ей мать:—не говори такъ громко. Да! онъ былъ въ тюрьмѣ. Никто этого не знаетъ, кромѣ Джо и меня. Джо былъ достаточно великъ, чтобы понимать, когда его отца взяли въ тюрьму. Когда онъ впервые появился въ нашемъ селеніи и сталъ ухаживать за мной, онъ вскружилъ мнѣ голову, потому что былъ красивъ собой, а я была хороша. Обращеніе его было тонкое, точно у настоящаго джентльмена, и онъ былъ на всѣ руки мастеръ. Онъ божественно игралъ на скрипкѣ; бывало, заставитъ тебя и плакать, и смѣяться, и плясать, какъ ему вздумается. Умѣлъ показывать всякіе фокусы

и рассказывать всякія исторіи; прекрасно рѣзалъ по дереву, а ужъ въ своемъ ремеслѣ, слесарномъ, не зналъ себѣ равнаго. Ну, прекрасно; я никогда не спрашивала его, зачѣмъ онъ пришелъ въ нашу деревню, и хотя, пока онъ въ ней жилъ, три дома были ограблены ночью, но никому, а тѣмъ менѣе мнѣ, и въ голову не приходило подозрѣвать моего Джемса. А по воскресеньямъ онъ всегда садился въ церкви рядомъ со мной, съ молитвенникомъ въ рукахъ, и нашъ въикарій считалъ его очень хорошимъ молодымъ человѣкомъ, и всѣ поздравляли меня, что я подцѣпила такого молодца. И когда насъ обвинчали въ церкви, то не было женщины счастливѣе меня.

— Но развѣ у него не было никакихъ родственниковъ?

— Нѣтъ, я ни про какихъ не слыхала; вотъ тутъ есть книги у меня на полкѣ, которыя, какъ онъ говорилъ, принадлежали его отцу, и онъ говорилъ, что его отецъ былъ джентльменъ, хотя я не знаю, что это за джентльменъ, когда у него былъ такой сынъ. Ну, и вотъ, Полли, я жила, какъ говорится, точно къ раю: онъ никогда не напивался, не ругался, не дрался, и хотя не любилъ работать и часто оставлялъ меня одну, но я любила его и считала себя счастливѣйшей женщиной въ мірѣ. Счастливой? Да, я была счастлива, какъ невинный ягненокъ въ полѣ. Джо былъ трехмѣсячнымъ младенцемъ, когда я узнала истину. Его присудили къ десяти годамъ (Валентина вздрогнула) — къ десяти годамъ тюремнаго заключенія. Онъ попался въ грабежѣ. Его ящикъ съ инструментами стоялъ въ нашей квартирѣ, и сундукъ, полный украденныхъ вещей; и былъ даже разговоръ о томъ, чтобы судить и меня вмѣстѣ съ нимъ, но меня все-таки не судили. Душа моя, я даже ни о чемъ и не подозрѣвала. Десять лѣтъ! тогда я взяла Джо и всѣ деньги, какія у меня были, и уѣхала въ Гакней-Маршъ, и снова приняла свое дѣвическое имя, и занялась прачешнымъ ремесломъ.

— А послѣ десяти лѣтъ, онъ снова вернулся назадъ?

— Раньше того: онъ вернулся съ отпускнымъ билетомъ, и ужъ, конечно, разыскалъ меня. Я не знаю, какъ онъ это сдѣлалъ, но только разыскалъ. Онъ вернулся и повелъ очень странную жизнь. Меня онъ увѣрялъ, что исправился, а между тѣмъ по мѣсяцамъ пропадалъ изъ дому. Хорошее исправленіе, нечего сказать! Дома онъ былъ смиренъ и увѣрялъ сосѣдей, что служить матросомъ, и носилъ матросскую куртку. Онъ не бралъ моихъ денегъ, и я не притрогивалась къ его деньгамъ; и никогда онъ не обѣдалъ и не завтракалъ дома, а только сидѣлъ въ прием-

ной, курилъ сигару, читалъ книжки и пилъ портвейнъ, какъ настоящій джентльменъ.

Два раза онъ уходилъ и не возвращался по полутора года, такъ что я думаю, что его опять сажали въ тюрьму. Но послѣ каждаго отпуска онъ возвращался ко мнѣ, и мы вели такую жизнь въ продолженіе долгихъ семи лѣтъ, моя душа. Я не разспрашивала его, и ему не приходилось мнѣ врать. Семь лѣтъ. Сначала родился Самъ, потомъ Клодъ, потомъ Меленда. Но прежде даже, чѣмъ тебя окрестили твоимъ именемъ, то-есть Марлой, его опять засадили. Онъ опять попался въ грабежъ, и на этотъ разъ съ насиліемъ, и его присудили на двадцать-пять лѣтъ въ тюрьму, то-есть все равно, что на всю жизнь,—говорилъ Джо,—и что намъ нечего бояться, что онъ опять вернется.

— И это все?

— Все, моя душа; и теперь ты и я,—знаемъ эту тайну, но не говори ея ни Мелендѣ, ни мальчишкамъ.

— Ни за что! Бѣдный Клодъ! Какъ его звали?

— Его звали Керью, Джемсъ Керью. Да, душа моя, ты слишкомъ молода, чтобы помнить это; но тридцать лѣтъ тому назадъ всѣ газеты были полны его именемъ, и вся страна толковала объ его грабежахъ. Была даже составлена его біографія въ Лондонѣ и продавалась по одному пенни. Но, конечно, ты никогда не видала этой книги.

Нѣтъ. Валентина не испытывала никакого желанія прочесть эту біографію. Между тѣмъ въ голосѣ старушки звучала какъ бы гордость, когда она упоминала объ этой книгѣ.

— Погляди на полку, Полли. Тамъ лежатъ его книги. На нихъ вытиснена фамилія его отца. По крайней мѣрѣ, онъ говорилъ, что это книги его отца; но кто можетъ знать въ сущности, какая его настоящая фамилія и исторія?

Валентина замѣтила рядъ хорошо-переплетенныхъ книгъ, еще въ первое свое посѣщеніе; главнымъ образомъ потому, я думаю, что книги не часто можно видѣть въ Тотенгэмской богадельнѣ. Теперь она взяла ихъ и стала разсматривать. Первая книга была: „Divina Comedia di Dante Alighieri“, по-итальянски; великолѣпно переплетенный экземпляръ очень рѣдкаго изданія, какъ извѣстно было Валентинѣ. Такія рѣдкія изданія не часто встрѣчаешь въ богадельнѣ. Она взяла другую книгу съ полки То была: „Купидонъ и Психея, англійскій переводъ съ латинскаго, Апулея“, въ четвертую долю листа, въ кожаномъ переплетѣ, и на ней былъ выставленъ 1741 годъ. Потомъ шли „Хроники Фруассара“, въ четырехъ большихъ томахъ, въ четвертую долю

листа, въ переводѣ Джоннеса. Затѣмъ изданіе Гудчинсона „Дергамъ“; потомъ еще изданіе Лафонтэна „Contes et nouvelles“, съ великолѣпными иллюстраціями; потомъ еще нѣсколько другихъ книгъ, въ великолѣпныхъ переплетахъ; но Валентина перестала ихъ разсматривать, потому что вдругъ сообразила, откуда могли явиться эти книги.

— Развѣ эти книги принадлежали моему отцу?—спросила она.

— Да, моя душа, а до него—его отцу.

— Кто былъ его отецъ?

— Не знаю, душа моя, потому что онъ мнѣ никогда не говорилъ. Я всегда думала, что мой мужъ—сынъ любви. Онъ оставилъ мнѣ книги, когда ушелъ отъ меня. Вѣроятно, онъ не могъ взять ихъ туда, куда...

— Нѣтъ, разумѣется,—перебила Валентина,—не могъ. Значитъ, отецъ его былъ джентльменъ?

— Онъ всегда это говорилъ, моя душа, но, я думаю, онъ былъ сынъ любви. И онъ говорилъ, что у него важные знакомые, и всегда при этомъ хохоталъ и хвалился, что они дѣлаютъ большую честь его фамиліи, хотя и не помогаютъ ему.

— Странно! — сказала Валентина: — онъ не объяснялъ, какимъ образомъ онъ такъ низко палъ?

— Нѣтъ, никогда; что же касается до того, чтобы низко пасть, то онъ, напротивъ того, увѣрялъ, что стоитъ высоко, и ни за что не хотѣлъ согласиться, что его образъ жизни позоренъ и безчестенъ.

— О! — вскричала Валентина, вдругъ охваченная ужасомъ. — Представьте, что онъ вовсе не умеръ! Какой ужасъ, если онъ вернется назадъ!

— Онъ умеръ, — отвѣчала вдова спокойно. — Я слышала шаги его призрака. Ему нѣтъ, значить, покоя въ могилѣ. Еслибы онъ не умеръ, то онъ давно былъ бы здѣсь. Но я знаю навѣрное, что онъ умеръ и схороненъ. И знаешь что, Полли: я жалѣю, что тебѣ это рассказала!

XI. — Конвейрсъ ухаживаетъ за сфинксомъ.

Было условлено, что ни писемъ и никакихъ вѣстей Валентина не будетъ получать отъ своей семьи во все время своей отшельнической жизни. Ничто изъ того, что могло случиться, не должно было доходить до Валентины. Да, за исключеніемъ одного эпизода, весьма, впрочемъ, ничтожнаго, ничто и не случилось. Лэди Мильдредъ и Віолета отправились въ Иль-Фракомбъ,

и внезапно туда явился и мистеръ Конейрсъ. Это былъ единственный интересный эпизодъ. Онъ пробылъ три недѣли, и какъ только появился, такъ тотчасъ стало ясно, что онъ пріѣхалъ, чтобы ухаживать за Віолетой. Онъ гулялъ съ лэди Мильдредъ и сопровождалъ Віолету, когда та ходила снимать виды съ окрестностей. Ему позволили даже ѣздить кататься съ ней въ лодкѣ. У нея была своя собственная лодка и лодочникъ, приглашенный специально къ ея услугамъ.

„Я наблюдаю за ними, — писала лэди Мильдредъ своей пріятельницѣ Бергъ; — онъ можетъ забавлять ее, но никогда, я увѣрена, не тронетъ ея сердца. Начать съ того, что онъ не настоящій джентльменъ, хотя, вообще, умѣетъ вести себя въ обществѣ, но онъ не джентльменъ въ нашемъ смыслѣ слова. Я не знаю, кто такіе его родственники, и полагаю, что они не принадлежатъ къ высшему свѣту, потому что еслибы это было, то я бы о нихъ слышала. Онъ не ѣздитъ верхомъ, не стрѣляетъ и не охотится; онъ никого не знаетъ, и я не знаю, откуда онъ взялся. Непохоже, чтобы онъ жилъ съ умными, хорошо воспитанными или богатыми людьми, и я думаю, что онъ бѣденъ. Если онъ пробьетъ себѣ дорогу, какъ живописецъ, то это ему поможетъ войти въ нашъ кругъ. Можетъ быть, какъ ты говоришь, Берга, онъ надѣется жениться на богатой наслѣдницѣ; пусть его въ такомъ случаѣ старается“.

Тѣмъ временемъ Конейрсъ совершенно убѣдился, что лэди Мильдредъ ни за что бы не позволила родной дочери жить одной, среди бѣдняковъ, въ такомъ мѣстѣ, какъ Говстонъ. Никто изъ дамъ его собственной фамиліи не считалъ бы подобную вещь возможной — потому что въ его собственной фамиліи были дамы, хотя про нихъ онъ никогда не говорилъ и не приглашалъ ихъ на свою квартиру въ Пивадили. Ужъ, разумѣется, онѣ знали, хотя и не принадлежали къ высшему свѣту, что прилично и что неприлично. Мѣщане особенно хорошо знаютъ то, что прилично. Мистеръ Конейрсъ не могъ даже вообразить, что какая-нибудь молодая барышня, тѣмъ болѣе дочка баронета и внучка графа, осмѣлится пренебречь законами приличія, которые составляютъ катехизисъ для буржуазіи. Онъ былъ такъ въ этомъ увѣренъ, что рискнулъ высказаться. Онъ пошелъ къ лэди Мильдредъ и попросилъ позволенія переговорить съ ней.

— Коротко сказать, лэди Мильдредъ, я влюбился въ одну изъ вашихъ дочерей.

— Вы говорите о Віолетѣ? — холодно спросила она.

— Я еще не рѣшился говорить съ ней объ этомъ, и не

знаю, пользуюсь ли ея расположеніемъ. Но я видѣлъ ее каждый день, благодаря вашей добротѣ.

— И предполагаете, что влюбились въ нее? Вамъ извѣстна исторія обѣихъ дѣвушекъ?

— Одна изъ нихъ—родная сестра моего дорогого друга Клода Монумента, а другая—ваша дочь.

— Одна—богатая наслѣдница, а другая—бѣдная дѣвушка.

— Повѣрьте мнѣ, лэди Мильдредъ, я буду счастливъ съ Віолетой даже и въ послѣднемъ случаѣ.

— Это дѣлаетъ вамъ честь.

Слова были дѣйствительно хорошія, но въ нихъ звучала фальшивая нота.

— Это дѣлаетъ вамъ честь, но, мистеръ Конейрсъ, такъ какъ вы могли бы соблазниться и сказать Віолетѣ объ этомъ теперь же, то я попрошу васъ уѣхать, и если въ октябрѣ мѣсяцѣ, когда мы вернемся, вы будете въ томъ же настроеніи, то я разрѣшаю вамъ тогда переговорить съ ней.

Онъ ушелъ, не совсѣмъ довольный, и вернулся въ Лондонъ. Городъ былъ почти пустъ, но Алисія была дома. А у Алисіи ждалъ его всегда вкусный обѣдъ, какой любила Алисія, съ прекраснымъ краснымъ виномъ, которое тоже любила Алисія.

Для развлечения,—была дѣвушка въ Гокстонѣ. Въ послѣднее время что-то случилось съ этой дѣвушкой, какая-то переменъ въ манерахъ и разговорѣ: она стала застѣнчива; грубыя уличныя выраженія, безпрестанно вырывавшіяся у нея, теперь слышались гораздо рѣже:—„это вліяніе моихъ разговоровъ съ ней“, думалъ онъ. Она лучше была одѣта, у нея появились новая шляпа, новое платье и новыя ботинки. Она вдругъ пополнила и покорошѣла. Лицо ея сдержало, что обѣщало, и уже не поражаало одними большими глазами, а вообще стало прекрасно.

Кромѣ того, она держалась прямѣе и приличнѣе. Все это было результатомъ обѣдовъ, которыми ее кормила Валентина, при мѣтра Валентины и ея подарковъ. Дѣвушка была смышлена; она стала застѣнчива съ своимъ поклонникомъ, потому что понимала, что дѣло серьезное, и боялась того, что ее ждетъ впереди. Меленда объявила, что Валентина скоро уѣдетъ и забудетъ о нихъ. Она также—ей слѣдовало бы называться Кассандрой—предсказала близкую смерть Лотти. Тогда старая жизнь начнется снова; но будетъ хуже, гораздо хуже, потому что теперь она узнала лучшую жизнь. Конечно, ей бы не слѣдовало ходить на свиданія съ нимъ; Валентина очень бы разсердилась, еслибъ узнала; а между тѣмъ какое будущее ожидаетъ ее? И если этотъ человѣкъ

будетъ настаивать на томъ, чтобы она ушла съ нимъ и служила ему моделью, то что она ему отвѣтитъ?

— Мистеръ Конейрсъ уѣхалъ, милая Віолета, — сказала лэди Мильдредъ: — это тебя огорчаетъ?

— Пожалуй. Онъ очень забавенъ; я люблю разговаривать съ настоящимъ притворщикомъ. Кромѣ того, меня забавляло наблюдать за его любовью къ Беатрисѣ. Ему бы очень хотѣлось жениться на этой молодой особѣ. Онъ воображаетъ, что можетъ обмануть меня и заставить повѣрить, что влюбленъ въ меня.

— Віолета!

— Но онъ плохой актеръ; его насквозь видно.

— Милое мое дитя!

— Желала бы я знать, годенъ ли онъ на что-нибудь? Клодъ говорилъ, что онъ рисуетъ. Надо думать, что онъ не безъ таланта. Но когда человѣкъ называетъ самого себя художникомъ и въ продолженіе трехъ недѣль не притрогивается къ карандашу, когда онъ ходитъ и глядитъ, какъ другой рисуетъ, а самъ не предложить ни нарисовать, ни поправить... Милая мама, право, я думаю, что мистеръ Конейрсъ — шарлатанъ.

— Онъ просилъ позволенія предложить тебѣ свою руку, Віолета; я позволила ему, но только просила отложить до нашего возвращенія въ городъ.

— Благодарю васъ, дорогая. Желала бы я знать, откуда онъ взялся? Онъ, кажется, никого не знаетъ. Ахъ, желала бы я знать, что-то дѣлаетъ теперь Валентина? Бѣдная Валентина! Жить съ Мелендой! Мама, я вполне, вполне увѣрена, что Беатриса — мистеръ Конейрсъ ошибся, когда сказалъ вамъ, что влюбленъ въ меня — откажетъ этому человѣку.

ХІІ.—Безполезное преступленіе.

Жизнь вся состоитъ изъ случайностей, хотя въ романахъ, которые должны бы быть картинами дѣйствительной жизни, этимъ случайностямъ придаютъ такое значеніе, какъ будто бы онѣ были рѣдкой вещью. Это выходитъ потому, что онѣ хотя и обыкновенны, но драматичны. Нечего изумляться поэтому, что Валентина снова услышала про Джемса Керью и тамъ, гдѣ всего менѣе этого ожидала.

Ей довелось услышать о немъ не отъ кого иного, какъ отъ старика-писца, мистера Лэна.

Валентина встрѣтила его разъ вечеромъ, вскорѣ послѣ того, какъ выслушала признаніе въ богадельнѣ. Онъ брелъ вдоль улицы домой, съ согбенной спиной, съ опущенной внизъ головой, и скрутку его казался еще оборваннѣе, чѣмъ въ тотъ день, когда она съ нимъ познакомилась. Она остановилась и протянула ему руку. Онъ не взялъ ея, но сдѣлалъ жестъ, какъ бы собираясь снять шляпу. Эта привычка, какъ уже было выше замѣчено, бываетъ неотъемлемымъ признакомъ хорошаго воспитанія. Другимъ признакомъ служить умѣнье обращаться съ вилокъ и ножомъ. Третьимъ — правильное произношеніе англійскаго языка. Мистеръ Лэнъ не привелъ въ исполненіе своего намѣренія и не снялъ шляпы, потому что въ-время вспомнилъ, что она такъ стара, что можетъ развалиться при этомъ движеніи. Но все-таки этотъ жестъ наполнилъ Валентину жалостью, потому что напомнилъ ей, что этотъ человѣкъ былъ когда-то джентльменомъ. И какимъ образомъ, вслѣдствіе каковаго проступка, лишился онъ своего положенія въ обществѣ?

— Могу ли я идти съ вами? — спросила она: — намъ по пути.

— Разумѣется, — отвѣчалъ мистеръ Лэнъ, — разумѣется. Давно уже со мной не гуляли молодые леди, очень давно! Цѣлыхъ двадцать-пять лѣтъ!

Она замѣтила, что онъ двигается съ трудомъ, и что колѣни его дрожатъ.

— Я сейчасъ буду пить кофе, мистеръ Лэнъ; не выпьете ли вы со мной?

— Вы хотите напоить меня кофе?

Онъ слегка засмѣялся музыкальнымъ, но невеселымъ смѣхомъ.

— Вы очень добры; я съ удовольствіемъ принимаю ваше предложеніе.

Онъ сказалъ ей, когда они вошли въ кафѣ, что сегодняшній день былъ особенно несчастливъ, и онъ ничего не могъ заработать. Она угостила его бараньей котлеткой, вмѣстѣ съ чашкой кофе, и такимъ образомъ дала ему случай продѣлать тѣ фокусы съ ножомъ и вилокъ, которые характеризуютъ англійскаго джентльмена на всемъ земномъ шарѣ. Ему, повидимому, особенно не везло въ послѣднее время, такъ что, хотя онъ могъ уплачивать деньги за квартиру, но ему не на что было питать свое брѣнное тѣло. Сегодня вечеромъ, въ особенности, ему пришлось пробѣгаться, и свалившаяся съ неба котлетка была особенно кстати.

— Еще разъ благодарю васъ, — сказалъ онъ. — Я, должно быть, дѣйствительно низко палъ, если не чувствую униженія отъ того, что меня накормили ужиномъ.

— Не говорите объ униженіи! развѣ мы не друзья и сосѣди?

— Сосѣди, конечно, благодаря божественному Промыслу. Друзья? Врядъ-ли. У людей, какъ я, бываютъ сосѣди; тѣмъ ниже мы падаемъ, тѣмъ больше у насъ сосѣдей. Но друзья?— Нѣтъ, у нихъ не бываетъ друзей. Дружба начинается гораздо выше. Сначала идетъ человѣкъ, который голодаетъ и борется— бокъ-о-бокъ съ другимъ въ грязи; его работѣ нѣтъ конца, а глазу не на чемъ отдохнуть; онъ и его товарищъ соприкасаются другъ съ другомъ въ поискахъ за пищей, какъ морскія чайки, летающія надъ водой; но эти люди—не друзья. Затѣмъ, бываютъ сотоварищи по ремеслу, на борту общаго корабля или въ общей мастерской. Эти люди—товарищи, но не друзья. Затѣмъ, бываютъ люди, участвующіе въ общихъ плутняхъ; они—сообщники, но не друзья. Дружба, молодая леди, можетъ образоваться лишь на извѣстной степени цивилизаціи.

— О! но бываетъ же такая дружба, какъ дружба Лотти, Меленды и вашей дочери Лиззи.

— Эти дѣвушки держатся другъ друга и борются за-одно противъ голодной смерти. Называйте это дружбой, если хотите, но...

Онъ замолчалъ и задумался.

— Мнѣ припомнились старинные стихи:

Любовь безкорытна
И не ищетъ личнаго удовольренія.

— Но можетъ ли тотъ, кто голоденъ, ничего не искать для себя и быть безкорыстнымъ? У голодныхъ нѣтъ мѣста для дружбы или для естественныхъ привязанностей. Дочь моя ѣстъ свой хлѣбъ и пьетъ свой чай въ одной комнатѣ, а я ѣмъ свой хлѣбъ въ другой. Она идетъ своимъ путемъ, и я не спрашиваю—не имѣю права спрашивать—какой это путь. Друзья? У насъ нѣтъ друзей.

— Приведенные вами стихи—Блэза?—замѣтила Валентина, немного удивленная.

— Можетъ быть, не помню. Идемъ домой?

Когда они дошли до Иви-Лэнъ, Валентина вошла къ нему въ комнату непрошенная.

— Расскажите мнѣ что-нибудь о вашихъ грѣзахъ, — попросила она.

— О моихъ грѣзахъ? О! да. О моихъ грѣзахъ. Эти грѣзы никогда меня не покидаютъ; онѣ длятся уже тридцать-пять лѣтъ. Мои грѣзы? Это моя жизнь. Все остальное—пустая тѣнь и при-

зраки—рядъ дней и часовъ, которыми завладѣли насмѣшливые демоны, исключая того, когда вы ко мнѣ приходите. Но даже и вы, въ сущности, тѣнь и призракъ. Это не моя жизнь. Развѣ можно было бы жить такой жизнью? Вы—грѣза, и Иви-Лэнъ—грѣза, и Лиззи—грѣза, и все холодно, и нищета, и бѣдность—тоже грѣза. Но то, что вы называете моею грѣзой, то—есть моя дѣйствительность, то—есть моя жизнь. Я былъ когда-то клерджи-менъ. Я грежу о собственной жизни, какою она могла бы быть.

— Пожалуйста, продолжайте.

— Мой старшій сынъ—я былъ женатъ тридцать-пять лѣтъ тому назадъ—только-что получилъ ученую, университетскую степень; мой второй сынъ успѣшно учится въ Винчестерѣ, гдѣ учился и я; дочери мои сидятъ вмѣстѣ со мной въ моемъ кабинетѣ; а моя жена—но нѣтъ, она умерла.

Лицо его совсѣмъ измѣнилось. Неужели жена его была не совсѣмъ грѣзой?

Валентина ждала, что будетъ дальше.

— Тридцать-пять лѣтъ тому назадъ, я былъ женатъ—недавно еще женился—когда со мной случилась ужасная вещь. Великій Боже! Зачѣмъ ты допустилъ, чтобы это случилось?

— Не говорите объ этомъ! Забудьте, если можете, и продолжайте ваши грѣзы.

— Я долженъ говорить. Бываютъ времена, когда я долженъ это сказать кому-нибудь, хотя бы это меня убило. Въ послѣдній разъ я сказалъ доктору. Онъ приходилъ вчера меня провѣдать, но говорилъ только о васъ.

Валентина покраснѣла.

— Онъ влюбленъ въ васъ. Конечно, онъ въ васъ влюбленъ. Каждый долженъ въ васъ влюбиться. Вѣдь вы это знаете. Я рассказалъ ему это не вчера, но давно, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ.

Лицо его подергивалось, а пальцы нервно двигались.

— Я долженъ рассказать вамъ.

— Но это волнуетъ и мучитъ васъ. Не рассказывайте. Поговоримте лучше о вашихъ грѣзахъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, иногда я понимаю, что мои грѣзы—только грѣзы, а что моя жизнь—здѣсь, среди этихъ лохмотьевъ; и тогда я долженъ кому-нибудь рассказать, хотя бы это меня убило... Онъ пріѣхалъ къ намъ въ деревню и прожилъ три мѣсяца въ деревенскомъ трактирѣ. Мы всѣ съ нимъ познакомились. Викарій въ приходскомъ домѣ, то-есть я самъ, и сэръ Вилльямъ въ замкѣ. Онъ у всѣхъ у насъ бывалъ, вкрадчивый и при-

личный; не настоящій джентльменъ, но человѣкъ, который могъ быть допущенъ въ общество джентльменовъ. Онъ бывалъ въ церкви каждое воскресенье; чудесно игралъ на скрипкѣ, а я игралъ на виолончели, а жена моя на фортепіано; не часто бываетъ, чтобы хорошій скрипачъ пріѣзжалъ въ деревню, и мы играли тріо. Я былъ женатъ всего лишь шесть мѣсяцевъ. Я могъ бы жениться и раньше, еслибы не университетскіе долги. Я не думаю, чтобы въ мірѣ былъ человѣкъ счастливѣе, чѣмъ я былъ въ то лѣто...

— Не волнуйтесь, рассказывайте спокойно.

— Рассказывать спокойно? О! вы не знаете...—Щеки его были блѣдны, лицо конвульсивно подергивалось, и весь онъ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ.

— Но вы правы. Докторъ тоже велитъ мнѣ быть спокойнымъ. Я постараюсь. Въ то самое лѣто случился грабежъ въ замкѣ, и всѣ драгоценности милэди были похищены. Я иногда думалъ, что и это можетъ быть дѣло рукъ Джемса Керью.

— Какъ вы его называли?

— Джемсъ Керью.

— Джемсъ Керью?!

Впрочемъ она была не особенно удивлена. Трудно, чтобы существовали два такихъ негодяя подъ общей фамиліей. Но все же было странно услышать о немъ такъ скоро и въ томъ же самомъ домѣ, гдѣ жила его дочь. Какую новую гадость услышитъ она?

— Когда вы услышите мою исторію, вы встанете и уйдете отъ меня.

— Нѣтъ, нѣтъ, не уйду!

— Это исторія про великаго негодяя и несчастнаго грѣшника. У меня былъ старинный, неуплаченный долгъ, и онъ меня очень мучилъ.

Онъ рассказывалъ исторію прерывисто, ходя по комнатѣ и размахивая руками.

— Кредиторъ грозилъ. Я могъ заплатить ему черезъ три мѣсяца, но онъ не хотѣлъ ждать. Меня все это ужасно беспокоило. Этотъ человѣкъ, Керью, вкрался въ мое довѣріе, и я ему все рассказалъ. Я былъ опекуномъ вмѣстѣ съ другимъ господиномъ одной дѣвочки. Ей были оставлены деньги, положенныя въ банкъ на наше имя. Керью научилъ меня, что сдѣлать. Я бы не долженъ былъ слушать его. Я долженъ бы былъ пойти къ моему соопекуну, и онъ далъ бы мнѣ деньги взаймы, но мнѣ было стыдно. Керью сказалъ мнѣ, что дѣлать, и вотъ я соблазнился и согрѣшилъ передъ Богомъ и людьми. Я написалъ чекъ на сто-двад-

цать фунтовъ и подписать его моимъ именемъ, а Керью подписался именемъ опекуна — изъ дружбы, какъ онъ говорилъ. И такимъ образомъ я составилъ фальшивый чекъ... Но почему же вы не встаете и не уходите?.. Я долженъ былъ заплатить деньги черезъ шесть мѣсяцевъ, и никто ничего не узнаетъ, говорилъ онъ. Когда мы подписали чекъ, Керью пошелъ въ банкъ, взять деньги для меня, но что бы вы думали онъ сдѣлалъ? Онъ остановился и захохоталъ. — Онъ не вернулся съ деньгами ко мнѣ, и я его больше не видалъ. Да, а я оказался виновнымъ въ поддѣлкѣ. Это сразу обнаружилось, ужъ, право, не знаю какъ; мой почеркъ былъ хорошо извѣстенъ, и эксперты клялись, что подпись поддѣлана мной. Въ моей конторкѣ нашли пропасть бумажекъ съ пробой поддѣлаться подъ подпись. Керью подложилъ ихъ туда. Узнали и про кредитора и его угрозы, — защита была невозможна; да я и не жалуюсь. Только я думаю, что онъ былъ больше негодай, чѣмъ я. Я былъ только бѣдный, жалкій червякъ, заслужившій свою долю.

— Керью умеръ, — сказала Валентина.

— Онъ умеръ? Онъ умеръ? — въ голосъ его слышалось какъ будто разочарованіе. — Не могу представить себѣ, что онъ умеръ, потому что тридцать-пять лѣтъ сряду я только и думалъ о томъ, какъ бы встрѣтиться съ нимъ лицомъ къ лицу. Умеръ! и моя собственная жизнь близится къ концу. Великій Боже! и какая жизнь!

Онъ съ трудомъ перевелъ духъ и приложилъ руку къ сердцу, но спазма прошла.

— Я былъ приговоренъ къ каторжной работѣ. Я былъ выброшенъ изъ общества. Все это я заслужилъ. Я былъ обезчещенъ, сосланъ и превратился въ нищаго голая. Я не жалуюсь. Но вѣдь и тотъ тоже заслужилъ наказаніе!

— Онъ умеръ въ тюрьмѣ! Онъ наказанъ еще тяжелѣе, чѣмъ вы! Не думайте о немъ. Расскажите мнѣ про вашу жизнь съ тѣхъ поръ. Вы нашли любовь, у васъ есть дочь.

— Любовь! Неужели вы думаете, что въ той безднѣ, куда я свалился, есть мѣсто для любви? Я встрѣтилъ бѣдную дѣвушку на улицѣ, такую же несчастную, какъ моя дочь, такую же голодную и, вдобавокъ, изобиженную. Я женился на ней. Затѣмъ? Полагаю, чтобы хоть сколько-нибудь облегчить ея страданія. Я женился на ней, и, можетъ быть, она была менѣе несчастна нѣкоторое время, но затѣмъ умерла. Я вырастилъ свою дочь; вы видѣли, какова она; больше я ничего не могъ для нея сдѣлать.

— Бѣдный человѣкъ! бѣдное дитя!

Валентина взяла его за руку, продолговатую и нервную руку, худую и костлявую, какъ у скелета. Но тутъ вдругъ лицо его страшно исказилось, глаза выпучились, и всего его стало корчить. Валентина вскочила съ мѣста, но ничего не могла сдѣлать. Припадокъ длился нѣсколько секундъ. Затѣмъ онъ упалъ на кровать, блѣдный и изнеможенный.

— Это былъ дьяволъ, — прошептала онъ: — онъ всегда хватаетъ меня за сердце, когда я думаю о Джемсѣ Керью. Я думалъ, что на этотъ разъ онъ меня убьетъ.

— Не говорите, лежите тихо и спокойно. Я сейчасъ приведу доктора.

— Нѣтъ, нѣтъ, уже прошло. Дайте мнѣ этотъ пузырекъ. Докторъ ничего не сдѣлаетъ.

Она сѣла у кровати и утѣшала его, какъ могла. Наконецъ онъ заснулъ.

Было уже давно за-полночь, когда Валентина вернулась въ свою комнату. Лотти уже спала. Луна глядѣла въ окно; съ со-сѣдняго двора доносились визги разсерженной женщины и ругань разсерженного мужчины. Но, наконецъ, они утихли, и все затихло.

Въ часъ полнолуны Валентина услышала шаги на лѣстницѣ. То была Лиззи, дитя улицы, вернувшаяся изъ своихъ странствій. Лиззи прошла въ свою комнату и заперла дверь.

Тогда Валентина прислонилась къ окну и задумалась, глядя въ безмолвное небо, раскидывавшееся надъ нею, о великихъ вопросахъ, волнующихъ человѣчество: зачѣмъ мы родимся, зачѣмъ страдаемъ, зачѣмъ умираемъ? Въ ясномъ ночномъ небѣ плыла царица ночи; нѣкоторые изъ звѣздъ были видны; Валентинѣ казалось, что она слышитъ миллионы голосовъ вокругъ себя, и всѣ они повторяютъ тѣ же вопросы, иные съ воплями, иные со вздохами, а иные съ удивленіемъ.

И ей страстно захотѣлось уйти въ ту мирную пустыню, гдѣ патріархи приходили въ общеніе съ самимъ Богомъ. Увы! шумъ, и толкотня большого города заглушаютъ и подавляютъ такое общеніе. Однако есть люди, — припомнилось Валентинѣ, — которые находятъ утѣшеніе въ вѣрѣ, что небо не глухо и не нѣмо. Иначе лучше бы всѣмъ намъ умереть, и пусть бы земной шаръ вертѣлся самъ по себѣ въ пространствѣ, ненося на себѣ такого жалкаго созданія, какъ человѣкъ. И современемъ — мы и этому должны вѣрить — на всѣ эти вопросы найдется отвѣтъ, и въ тотъ день, всѣ люди научатся прощать себѣ и другимъ, и не будутъ больше знать ни стыда, ни раскаянія.

XIII.—НЕ ПРОСИТЕ ВОЛЬШЕ НИЧЕГО.

— Вы слишкомъ близко все принимаете къ сердцу, Валентина,—сказалъ Клодъ.

Они сидѣли у хорошенькаго фонтана въ паркѣ Викторія. Было половина перваго, когда всѣ гуляющіе въ этомъ паркѣ объдаютъ, и паркъ былъ подобенъ эдему, не только по красотѣ, но и потому, что въ немъ была только одна пара, мужчина и женщина. Они разговаривали о вопросахъ, волновавшихъ Валентину, и сегодня она казалась болѣе разстроенною, чѣмъ обыкновенно.

— Этого нельзя не принимать близко къ сердцу.

Слезы навернулись у нея на глазахъ и губы задрожали.

— Я надѣялась,—мягко прибавила она, и не столько эти слова, сколько ея слезы могли служить упрекомъ Клоду:—я надѣялась, что вы намъ поможете, Клодъ.

Слезы Валентины сильно тронули Клода.

— Я не забылъ своего обѣщанія, Валентина,—поспѣшно сказалъ онъ:—я помню все, что вы мнѣ говорили. Но это очень серьезный вопросъ.

— Вы и въ самомъ дѣлѣ думали о насъ?

— Я и думалъ, и читалъ; но, Валентина, я чувствую себя безсильнымъ что-либо посовѣтовать вамъ.

— Но вы все же займетесь этимъ вопросомъ? О, Клодъ, я каждый день вижу Меленду.

— Нѣтъ никакого сомнѣнія,—началъ онъ,—что рабочія женщины подчинены принципу столь дорогому для нанимателей—спросу и предложенію. Если этотъ принципъ вѣренъ, то я полагаю, что онѣ не имѣютъ права жаловаться.

— Не имѣютъ права жаловаться?

— Спросъ и предложеніе означаетъ то, что женщины получаютъ наибольшую плату, какая только возможна; въ борьбѣ за существованіе онѣ сбиваютъ цѣну другъ другу до тѣхъ поръ, пока она не падетъ такъ низко, ниже чего не можетъ быть. Въ этомъ весь вопросъ, Валентина. Предприниматель даетъ самую низкую цѣну, какую только согласны взять. Тутъ вопросъ не въ справедливости, не въ добротѣ и не въ милосердіи. Они это зовутъ закономъ политической экономіи, которому слѣдуетъ повиноваться.

— Развѣ это тоже законъ политической экономіи, чтобы мужчины, нанимающіе женщинъ, богатѣли? Кто составляетъ эти законы? Я полагаю—фабриканты. Такъ составимъ же сами законы

для женщинъ, и пусть первымъ изъ нихъ будетъ тотъ, чтобы женщинамъ платили какъ слѣдуетъ, все равно, выгодно ли это для предпринимателя, или нѣтъ.

— Тогда наниматели перестанутъ ихъ нанимать.

— Такъ нельзя ли безъ нихъ обойтись?

— Женщины не могутъ образовать стачекъ, подобно мужчинамъ. Онѣ не привыкли дѣйствовать за-одно. Ихъ слишкомъ много. И у нихъ нѣтъ общественнаго духа.

— Я все это слышала раньше, Клодъ.

— Быть можетъ, онѣ могли бы образовать стачки, еслибы ихъ поддерживали мужчины; но какъ добиться этого? Какъ заставить рабочаго мужичку помогать своей сестрѣ?

— Научите ихъ этому, Клодъ.

— Вы настойчивы, Валентина. Каждый день глаза ваши укоризненно смотрятъ на меня.

— Я вовсе не хочу васъ упрекать.

— И однако упрекаете. И каждый день бремя, которое вы хотите навалить мнѣ на плечи, кажется мнѣ тяжелѣе.

— Возьмите его, Клодъ, и съ каждымъ днемъ оно станетъ легче. Надо было бы убѣдить женщинъ дѣйствовать за-одно. Надо было бы убѣдить рабочаго помогать своей сестрѣ. Надо было бы убѣдить женщинъ высшихъ классовъ вступить за рабочихъ женщинъ.

— Вы требуете невозможнаго, Валентина!

— Только мужчина можетъ убѣдить женщину. Вы должны убѣдить ихъ, Клодъ. Вы умѣете говорить краснорѣчиво, отъ всего сердца.

— Странное дѣло, — продолжалъ Клодъ, не отвѣчая ей и слѣдя за собственными мыслями: — странное дѣло! Угнетеніе рабочей женщины — вещь не новая. Оно было открыто не вчера и не сегодня; его описывали и о немъ толковали вдоль и поперекъ; года не проходитъ, чтобы кто-нибудь не написалъ негодующей статьи о томъ, какъ съ ними обращаются. Всего пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, какъ написана Гудомъ „Пѣснь о рубашкѣ“, и сорокъ лѣтъ, какъ миссисъ Броунингъ написала: „Плачъ дѣтей“, и вотъ съ тѣхъ поръ дѣтей освободили, а женщины все еще остаются въ рабствѣ.

— Это потому, что мы жалѣемъ дѣтей, — сказала Валентина, — но не жалѣемъ другъ друга.

— Громадная литература написана объ этомъ предметѣ, написана кровью, и никто не обращаетъ на это вниманія. Исторія лондонской швеи такъ ужасна, что можно удивляться, почему

не проповѣдуются крестовые походы для ея освобожденія. Впрочемъ крестовые походы и проповѣдуются, но никакого толка изъ этого не выходить.

— Это потому, что проповѣдуютъ женщины, и никто не хочетъ ихъ слушать. Имъ нуженъ мужчина проповѣдникъ, Клодъ, — имъ нужны вы, Клодъ.

— Имъ нуженъ болѣе сильный человѣкъ, чѣмъ я.

— Я могу объяснить вамъ, что мы, женщины, за созданія. Я нарочно съ этой цѣлью изучала самое себя. — Мы — избѣженные и избалованныя созданія. Мы любимъ, чтобы все шло гладко и пріятно. Мы никогда не спрашиваемъ, откуда что берется. Мы считаемъ, что міръ созданъ только для нашего наслажденія. Мы ненавидимъ, когда намъ рассказываютъ печальныя исторіи, и удаляемъ съ глазъ долой некрасивые предметы. Намъ надо заставлять насильно выслушивать истину; не говорите о нашихъ мягкихъ сердцахъ, а бичуйте насъ упреками въ нашемъ жестокосердіи, до тѣхъ поръ, пока мы не заплачемъ отъ стыда и раскаянія!

— Вы слишкомъ строги, Валентина.

— Намъ нуженъ мужчина, — повторила она: — онъ долженъ быть молодъ и великодушенъ, краснорѣчивъ и безстрашенъ, и при этомъ образованный человѣкъ, и долженъ знать бытъ рабочихъ женщинъ. Онъ долженъ быть связанъ съ ними болѣе тѣсными узами, нежели обыкновенныя. Вы вполне отвѣчаете всѣмъ этимъ условіямъ, Клодъ. Клодъ! сестра ваша Меленда зоветъ васъ спасти ее изъ той бездны нищеты и отчаянія, въ которой она находится. Вы не можете не слышать ея голоса: онъ звучитъ такъ яростно и грозно. О, Клодъ! еслибы вы видѣли, какъ эти дѣвушки несчастны!...

Она остановилась, потому что голосъ измѣнилъ ей.

— Клодъ, извините меня, я больше не буду беспокоить васъ. У васъ свои собственные, честолюбивые планы. Вы намѣтили себѣ свой путь, и все, что я могу сдѣлать, это — оставаться среди нихъ, и помогать одной или двумъ.

Раньше она побѣдила его музыкой, теперь она поворила его слезами. Онъ взялъ ея руку и склонился надъ ней головой, говоря:

— Берите меня, Валентина, и дѣлайте со мной, что угодно. Я весь вашъ.

— Клодъ! — слезы ея мгновенно высохли, и она вскочила съ мѣста: — это вѣрно, что вы говорите? совсѣмъ вѣрно? О! какъ я

рада! Я была такъ несчастна отъ сознанія своего безсилія, но теперь, когда вы со мной, всѣ трудности будутъ устранены.

— Что касается до меня, то я чувствую, что трудности только — что начинаются; но вы поможете мнѣ справиться съ ними.

— Да, я помогу вамъ, если могу. Я сначала не понимала, а теперь понимаю, что это дѣло должно поглотить всю вашу душу и всѣ ваши силы, Клодъ, все ваше время и, быть можетъ, всю вашу жизнь. Согласны ли вы отдать все это вашимъ сестрамъ, которыя все это возьмутъ, и, быть можетъ, даже и не поблагодарятъ васъ? Всю вашу жизнь, Клодъ? Вы увѣрены, что никогда объ этомъ не пожалѣете?

— Мнѣ нечѣмъ больше пожертвовать, какъ своей жизнью, Валентина, и я готовъ ее отдать. И даже отказаться, — онъ покраснѣлъ и засмѣялся, — и даже отказаться отъ мѣшка съ шерстью, и никогда не быть лордомъ-канцлеромъ.

Она не поняла — ни одна женщина не въ состояніи этого понять — всей великости жертвы Клода.

— Что вы мнѣ дадите, Валентина, взаменъ мѣшка съ шерстью?

— О! — отвѣчала она: — вамъ ничего не надо. Вы избираете самую благородную жизнь; даже неудача не уменьшить ея значенія, но вамъ удастся! И взаменъ вамъ будутъ принадлежать сердца сотенъ тысячъ женщинъ, которыхъ вы выведете изъ нищеты. Развѣ этой награды не достаточно?

Когда исторія спроситъ — какъ она это навѣрное и сдѣлаетъ — какимъ образомъ страна лишилась такого превосходнаго лордъ-канцлера, какъ Клодъ Монументъ, и почему онъ не сдѣлался сэромъ Клодомъ Монументомъ, а затѣмъ барономъ Монументомъ, а затѣмъ графомъ Гакней-Маршъ, — я надѣюсь, что эта глава послужитъ достаточнымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ. Никто не виноватъ, кромѣ его самого, а его мы тоже не можемъ очень сильно винить, потому что онъ поступилъ такъ, какъ его отецъ: когда женщина его соблазняла — далъ себя соблазнить.

XIV. — ОТКРЫТІЕ ВРАТА ДЖО.

Обращеніе Клода, или его пробужденіе, или безумный поступокъ, — называйте какъ хотите, — которымъ онъ безусловно отказался и отвергъ блестящую карьеру, какая могла бы удовлетворить любого честолюбиваго молодого человѣка, произо-

шелъ утромъ въ субботу, двадцать-девятого августа, а въ воскресенье утромъ онъ узналъ весьма важную семейную тайну.

Въ воскресенье утромъ онъ отправился навѣстить мать въ богадельню. Старушка все время толковала о необыкновенной добродѣтели своей дочки Полли. Джо, который тоже пришелъ къ матери, выслушивалъ эти похвалы, хитро посмѣиваясь.

— Чему ты смѣялся все время, Джо?—спросилъ его Клодъ, когда они вышли изъ богадельни.

— Еще бы не смѣяться, когда она носится съ своей, будто-бы дочкой Полли, хо! хо! хо!

— Чтѣ ты хочешь этимъ сказать, Джо?

Джо остановился и взглянулъ на брата.

— Неужто же ты до сихъ поръ не догадался?

— Догадался? О чемъ, Джо?

— О томъ, которая настоящая Полли.

— А ты почему же узналъ, Джо?

— Почему? Развѣ ты не помнишь, какъ я призывалъ Роду и поставилъ ее рядомъ съ двумя молодыми барышнями? Какъ ты думаешь, для чего я это сдѣлалъ? А для того, что какъ Рода стала рядомъ съ ними, я и узналъ, которая настоящая Полли. Помилуй! вѣдь сходство поразительное. Слѣпой бы увидѣлъ его.

— Однако я ничего не увидѣлъ.

— Это потому, что ты ни о чемъ не думалъ, кромѣ этихъ двухъ хорошенькихъ барышень. Твоя голова набита ими. Что же касается моей Роды, то на мою Роду ты и не глядишь, — а вѣдь моя Рода прехорошенькая дѣвушка и какъ двѣ капли воды похожа на нашего отца, какимъ онъ долженъ былъ быть, когда былъ шестнадцати-лѣтнимъ мальчикомъ. Погляди на Роду—и ты все равно, что поглядѣлъ на своего отца. А затѣмъ припомни-ка, которая изъ барышень похожа на мою Роду.

Клодъ перемѣнился въ лицѣ; онъ началъ понимать.

— Не тани такъ, Джо, не тани! Расскажи мнѣ все.

— У батюшки, видишь-ли,—продолжалъ тянуть Джо,—было деликатное личико, съ выразительными, какъ говорятъ женщины, глазами и нѣжнымъ, улыбающимся ротикомъ. О! онъ былъ очень красивъ! Еслибы ты былъ тогда постарше, ты бы никогда его не забылъ. Онъ былъ похожъ на джентльмена. Ну, вотъ, у Роды какъ разъ тѣ же глаза и то же нѣжное личико, а у барышни, которую матушка зоветъ Полли,—совсѣмъ не такое. А у той, другой, точь-въ-точь такое. Она какъ двѣ капли воды

похожа на мою Роду; вотъ почему я ихъ и поставилъ тогда рядомъ, чтобы и ты могъ видѣть; теперь понимаешь?

Сомнѣнiя больше не могло быть. Дуракъ понялъ бы.

— Возможно ли?! Увѣренъ ли ты въ томъ, что говоришь, Джо?

— Еще бы не увѣренъ! Вотъ почему, когда эта пришла безъ всѣхъ своихъ фалборокъ, и увѣряетъ, что она Полли, и вернулась, чтобы ухаживать за матушкой, я и не могъ не смѣяться.

— Не говори матушкѣ, Джо. Пусть она сама узнаетъ, когда время придетъ, а можетъ быть никогда не узнаетъ!

— Не скажу, капитанъ. Не бойся, бригадиръ.

— Возможно ли?!—опять повторилъ Клодъ.

— Что же касается этой, которую вы зовете Валентиной, а матушка зоветъ Полли,—она, должно быть, миссъ Беатриса, я полагаю, и дочка лэди Мильдредъ; но—надо отдать ей честь—ни капельки не горда, поетъ какъ жаворонокъ, и чай сама заваривается, и пыль выметаетъ, и ласкова со старухой, которая въ ней души не чаетъ.—Джо набилъ трубку и закурилъ.

— Ты хорошо помнишь батюшку?—спросилъ Клодъ.

Лицо Джо опять переимѣнилось, и Клодъ это замѣтилъ; но на этотъ разъ солнечный лучъ замѣнился облакомъ, и глаза потемнѣли.

— Да,—коротко отвѣтилъ онъ:—я хорошо его помню.

— Удивительно, что я такъ мало о немъ знаю,—замѣтилъ Клодъ.

— Ну, что же тутъ удивительнаго? Особеннаго и знать нечего; онъ умеръ; что говорить о человѣкѣ, когда онъ умеръ? Умеръ, и все тутъ!

— Почему онъ былъ похожъ на джентльмена?

— Не могу сказать, — отвѣчалъ Джо:—потому что онъ мнѣ этого никогда не говорилъ.

— Слесаря обыкновенно не бываютъ похожи на джентльменовъ.

— Не знаю; я слесарь, и маляръ, и декораторъ, но, полагаю, не очень похожъ на джентльмена. Развѣ въ воскресенье утромъ, когда надѣваю праздничныя штаны и чистую рубашку и несу домой пиво къ обѣду, тогда я чувствую себя джентльменомъ съ головы до пятокъ. Ну, а вотъ ты всегда похожъ на джентльмена, Клодъ, такъ что и сомнѣнiя быть не можетъ! Ну, вотъ и батюшка тоже. Только онъ не былъ такимъ франтомъ, какъ ты, капитанъ.

— Я жалѣю, что не помню его.

— Жалѣешь? — повторилъ Джо съ страннымъ выраженіемъ въ глазахъ. — Ну, что же тутъ жалѣть? Ну, былъ онъ слесарь, честный, хорошій человѣкъ; главное — хорошій человѣкъ. Довольно говорить о немъ. И, пожалуйста, никогда не говори о немъ съ матушкой, потому что она этого не любитъ. Я думаю, что вдовы, вообще, не любятъ говорить о своихъ мужьяхъ; вѣдь это натурально, не правда ли?

Какъ общее правило, это можетъ и оспариваться; но что касается его матери, то Джо былъ правъ. Миссисъ Монументъ не любила говорить о своемъ покойномъ мужѣ.

А. Э.

ЗОРІАНЪ ДОЛЕНГА-ХОДАКОВСКІЙ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Имя Ходаковского пользовалось большою славой въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ, да и надолго послѣ ставилось въ ряду замѣчательныхъ изслѣдователей славянской и русской народной старины, тѣхъ, которые, въ первое время этихъ изученій, пролагали новые пути, бросали свѣтъ на темное еще поле древности и народнаго преданія. Литературное поприще Ходаковского было очень кратко; при жизни онъ успѣлъ напечатать лишь нѣсколько небольшихъ статей; болѣе обширныя работы его явились долго спустя послѣ его смерти; иное осталось въ рукописяхъ, которыя частью неизвѣстно гдѣ обрѣтаются; самая біографія его, до послѣдняго времени, оставалась темной и загадочной, — но это не мѣшало его извѣстности. Карамзинъ съ интересомъ прислушивался къ его идеямъ; позднѣе Погодинъ, въ рукахъ котораго собрались его рукописи и который напечаталъ значительную ихъ часть въ изданіяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей, былъ великимъ его почитателемъ; въ польской литературѣ Ходаковский (родомъ полякъ) до послѣдняго времени сохранилъ великую славу, какъ одинъ изъ первыхъ начинателей народныхъ изученій и какъ человѣкъ, который своимъ обращеніемъ къ народности положилъ первое основаніе новому направленію польской поэзіи, давшему ей Мицкевича и поэтовъ украинской школы. Пересматривая теперь труды Ходаковского, можно не разъ вывести впечатлѣніе, что его значеніе было преувеличено его современниками, русскими и польскими, и до сихъ поръ преувеличи-

вается въ новѣйшей польской литературѣ¹⁾; но такое впечатлѣніе вообще легко получается, когда, послѣ цѣлаго періода научной и литературной исторіи, мы обращаемся къ ея первымъ начинаніямъ: намъ бросаются въ глаза всѣ несовершенства этихъ первыхъ начатковъ, всѣ ошибки, давно отстраненныя позднѣйшими работами. Но вѣрный выводъ получится, когда мы возьмемъ условія времени; а, съ другой стороны, высокое мнѣніе составлялось подъ вліяніемъ оригинальной личности Ходаковского. Намъ осталось мало современныхъ свѣдѣній объ этой личности, о характерѣ, о способѣ работы, — но по всему видно, что это былъ энтузіастъ, говорившій о своей любимой древности и народности съ такимъ одушевленіемъ, которое дѣйствовало даже на людей равнодушныхъ, такъ что, при всѣхъ преувеличеніяхъ проповѣдника, видѣлся, однако, въ его словахъ какой-то новый міръ имъ неизвѣстныхъ дотолѣ понятій; имъ казалось, что они имѣютъ передъ собой открытіе. И дѣйствительно, въ этихъ идеяхъ было нѣчто новое, что должно было занять мѣсто въ наукѣ и принести богатые результаты, хотя зерну, изъ котораго выросалъ новый плодъ, надо было исчезнуть.

Ходаковский былъ археологъ и этнографъ. Онъ умеръ въ 1825 г. (лѣтъ сорока), когда только-что начиналъ свои работы Шафарикъ, полагавшій прочное основаніе наукѣ о славянской древности, когда высказывались первыя неясныя мысли о значеніи до-исторической старины и томъ важномъ содержаніи, которое скрыто въ народно-поэтическомъ преданіи. Ходаковский, какъ говорятъ, еще съ юношескихъ лѣтъ, при скудномъ школьномъ образованіи, проникся страстью къ этой темной старинѣ и сталъ рьянымъ проповѣдникомъ ея изученія и восторженнымъ любителемъ живой народной поэзіи. Какъ развились въ немъ эти стремленія? Что внушило ему эту страсть, когда его собственныя научныя средства были очень умѣренны, когда его окружала искусственная литература совсѣмъ иного склада, когда подобные вопросы были совсѣмъ чужды его средѣ? Передъ нами стоитъ вопросъ, который не разъ является въ исторіи литературы и общества, когда мы наблюдаемъ первое неясное возникновеніе понятій, которымъ суждено впоследствии стать великой движущей силой, и когда, повидимому, данная среда не даетъ никакихъ поводовъ къ зарожденію стремленій, несогласныхъ со всѣмъ окружающимъ. Новый элементъ является какъ будто безъ причины;

¹⁾ Относительно перваго уважемъ, напр., русскіе отзывы Погодина, Старчевскаго; относительно втораго — отзывы Д. Ходзько, Скимборовича, Лелевеля, „Всеобщей Энциклопедіи“ и т. д.

на дѣлѣ онѣ, конечно, существуютъ — въ извѣстныхъ общихъ условіяхъ и въ частныхъ обстоятельствахъ біографіи новаго историческаго дѣятеля. Потому біографія людей, открывающихъ новыя направленія литературы, бываютъ особенно любопытны: онѣ даютъ указанія объ источникахъ дѣлаго историческаго движенія. Къ сожалѣнію, какъ сейчасъ увидимъ, вопросъ о біографіи Ходаковского представляется довольно труднымъ.

Еще недавно тотъ, кто желалъ бы познакомиться съ біографіей Ходаковского, могъ встрѣтить въ исторіяхъ польской литературы ¹⁾ и энциклопедіяхъ совершенно разнорѣчащія свѣденія о томъ, гдѣ родился Ходаковский, какую проходилъ школу, вообще какъ прожилъ первыя тридцать лѣтъ своей жизни. Согласіе біографическихъ источниковъ начиналось только съ послѣднихъ годовъ его жизни, когда онъ окончательно предался своимъ археологическимъ и этнографическимъ изысканіямъ и выступилъ съ ними въ литературѣ. При жизни Ходаковского, біографія его была мало известна или извѣстна въ совершенно превратномъ видѣ, даже людямъ, которые были съ нимъ въ близкихъ дружескихъ отношеніяхъ; и впослѣдствіи, долго спустя по смерти Ходаковского, его біографія передавалась въ двухъ разныхъ видахъ, не имѣвшихъ между собой ничего общаго (кромѣ послѣднихъ лѣтъ десяти его жизни) и, что приводило въ особое недоумѣніе, объ эти біографіи опирались на личныхъ показаніяхъ самого Ходаковского. Только въ недавнее время это противорѣчіе было, наконецъ, разрѣшено.

Когда Ходаковский умеръ, то первыя біографическія свѣденія о немъ изложены были въ извѣстныхъ „Библіографическихъ Листахъ“ Келпена (1826), въ слѣдующемъ видѣ:

„Польскій дворянинъ, Зоріанъ Яковлевичъ Долуга-Ходаковский (Zorijan Dołęga Chodakowski), родился въ Комовѣ, чтѣ въ Хелмской землѣ (Царства Польскаго) 24-го дек. 1784 года. Съ 1796 по 1803 г. онъ обучался въ межирецкомъ училищѣ ксендзовъ піаровъ; потомъ, продавъ доставшееся ему (въ Восточной Галиціи) послѣ родителей небольшое имѣніе, онъ съ 1806 по 1810 г. обучался въ волынской гимназіи (въ Кременцѣ). Состоя поручикомъ въ польской военной службѣ, онъ съ 5-мъ пѣхотнымъ полкомъ въ 1812 г. былъ въ Курляндіи, подѣ начальствомъ Макдональда. Взятъ въ плѣнъ казаками при ретирадѣ изъ Москвы, подѣ Борисовымъ, и отправленъ съ прочими плѣнниками въ черниговскую губернію. Тутъ сталъ онъ искать отряды въ кнѣ-

¹⁾ Въ исторіи русской литературы его имя довольно забыто.

гахъ, и съ сего времени совершенно посвятилъ себя ученымъ изслѣдованіямъ. Варшавское Общество Любителей наукъ избрало его своимъ членомъ, еще до выѣзда его изъ Польши въ Россію, когда онъ занимался частными дѣлами князя А. Чарторыжскаго; а Имп. Виленскій университетъ снабдилъ его открытымъ листомъ, рекомендуя его, какъ изыскателя словенскихъ древностей, наипаче всѣмъ обладателямъ библиотекъ и архивовъ. Представленный имъ въ 1819 году проектъ его путешествія (на совершеніе котораго ему, по Высочайшему повелѣнію 4-го іюля 1820 г., отпущено три тысячи руб. сер.), былъ предварительно рассмотрѣнъ нѣкоторыми отличными учеными, и приведеніе онаго въ дѣйствіе, по мнѣнію Главнаго Правленія училищъ, могло принести пользу наукамъ. Не взирая на нѣкоторыя странности или предубѣжденія г-на Ходаковского, знатоки умѣли цѣнить въ немъ усердіе въ любопытнымъ изслѣдованіямъ, полезнымъ для первобытной исторіи Россіи и всѣхъ вообще словенъ. Особенное вниманіе онъ всегда обращалъ на такъ-называемыя городища, небольшіе окопы, которые онъ обрѣталъ по всему пространству, нѣкогда обитаемому словенами. Неоднократно бесѣдуя съ нимъ, мы, между прочимъ, замѣтили, что, по его наблюденіямъ, таковыя городища имѣли, по большей части, выходъ къ востоку, — что оныя одно отъ другого нерѣдко находились въ опредѣленномъ разстояніи (которое, однако, разнствовалало по разнымъ странамъ), — что около таковыхъ городищъ урочища весьма часто и почти постоянно имѣли одни и тѣ же названія, наконецъ, и самыя городища, которыя, можетъ быть, да служили идолопоклонническими капищами, имѣли свои названія. Намъ даже и самимъ, при случаѣ, удавалось по примѣтамъ г-на Ходаковского, развѣдывать и узнавать о таковыхъ городищахъ (помнится, въ тверской губерніи), почему и не сомнѣваемся въ томъ, что замѣчанія его заслуживаютъ уваженіе ревностныхъ изслѣдователей отечественныхъ древностей, которые, впрочемъ, не оставляютъ безъ вниманія и сужденій о семъ предметѣ К. Θ. Калайдовича. Къ отличнымъ свойствамъ нашего изслѣдователя причислить должно способность его бесѣдовать съ простолюдинами. На торжищахъ, въ хижинахъ ихъ, въ своей собственной обители, онъ и жена его всегда съ успѣхомъ умѣли пользоваться ихъ простодушными повѣствованіями, преданіями, мѣстными познаніями и самымъ суевѣріемъ. Такимъ образомъ, онъ успѣлъ собрать драгоцѣнные матеріалы, въ числѣ коихъ мы всегда, съ особеннымъ удовольствіемъ, вспоминали о географическихъ его фоліантахъ и собраніи народныхъ пѣсней, подслушанныхъ имъ какъ въ Польшѣ, такъ и въ Россіи, и обыкно-

венно записывавшихся со словъ самихъ поселенъ. Сказываютъ, что бумаги сего необыкновеннаго изслѣдователя, который въ течение послѣднихъ годовъ управлялъ имѣніями одного помѣщика тверской губерніи, въ коихъ онъ и скончался въ ноябрѣ 1825 г., будутъ приобрѣтены Московскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ, и что съ оныхъ и въ С.-Петербургѣ, къ одному изъ почтеннѣйшихъ изслѣдователей отечественной исторіи, будутъ доставлены списки. Говоря откровенно, мы не думаемъ, чтобы г. Ходаковский могъ систематическимъ образомъ воспользоваться собранными имъ матеріалами; но потеря его, во всякомъ случаѣ, для наукъ весьма значительна, ибо безъ его собственныхъ показаній и постоянного содѣйствія, едва ли кто успѣетъ привести все въ надлежащій порядокъ и приготовить къ изданію, дабы тѣмъ принести существенную пользу наукамъ?“¹⁾

Издатель „Библиографическихъ Листовъ“ съ самаго начала своей ученой дѣятельности отличался какъ трудолюбивый и точный собиратель фактовъ, и то, что онъ написалъ о Ходаковскомъ, было самымъ обстоятельнымъ изображеніемъ жизни „необыкновеннаго изслѣдователя“, какое онъ могъ дать. Между тѣмъ, хотя Кёппенъ лично зналъ Ходаковского и его свѣденія шли, какъ увидимъ, изъ собственныхъ показаній Ходаковского, оказывается, что приведенная біографія вплоть до послѣднихъ годовъ совершенно не соответствуетъ дѣйствительнымъ фактамъ: напр., отецъ Ходаковского и самъ онъ не были Ходаковскіе, онъ не учился въ межирецкой школѣ и въ Кременцѣ, не былъ подъ Борисовымъ взятъ въ плѣнъ казаками и т. д.

Въ 1835 году было переиздано въ Краковѣ небольшое сочиненіе Ходаковского (напечатанное первоначально по-польски, въ 1818) „О славянщинѣ передъ христіанствомъ“, съ примѣчаніями и біографическими замѣтками извѣстнаго польскаго изслѣдователя славянской древности, Суровецкаго; здѣсь повторены были факты, сообщенные Кёппеномъ, какъ факты подлинныя²⁾.

Источникомъ этихъ свѣденій была, повидимому, та самая автобіографическая записка, которую Ходаковский сообщилъ (кажется, въ 1822 году) Н. А. Полевому, съ которымъ былъ тогда близокъ. Полевой только долго спустя, именно въ 1839, напечаталъ эту записку, гдѣ заключаются, нѣсколько съ большими

¹⁾ Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи, собираемые Петромъ Кёппеномъ. № II. Библиографическіе Листы 1825 года. Спб. 1826, стр. 562—564.

²⁾ Z. D. Chodakowskiego, O Słowiańszczyźnie przed Chrześcijaństwem, i W. Surowieckiego Zdanie o piśmie témże z dodaniem krótkiej wiadomości o Chodakowskim i korespondencyi jego. W Krakowie, 1835. Малое 8°, 51 стр.

подробностями, тѣ данныя о начальной жизни Ходаковскаго, которыя были приведены Кёппеномъ въ его некрологѣ.

„Жаль,—писалъ Полевой,—что до сихъ поръ никто не описалъ жизни и трудовъ Ходаковскаго—оригинала, добраго, страннаго и достойнаго памяти. Я коротко зналъ его, любилъ, и у меня сохраняется собственноручная его записка объ его жизни, которую просилъ я составить мнѣ для воспоминанія нашей дружбы. Предлагаю здѣсь упомянутую записку слово въ слово“ ¹⁾... Здѣсь именно говорится, что Ходаковскій родился въ селѣ Комовѣ, въ Хелмской землѣ, которая, по послѣднему раздѣлу Польши, перешла во владѣніе австрійское и заключалась въ новой Галиціи, а съ 1809 г. принадлежала къ герцогству Варшавскому, переименованному послѣ въ Царство Польское (выходило, такимъ образомъ, что Ходаковскій родился свободнымъ полякомъ, а потомъ былъ австрійскимъ подданнымъ). О родителяхъ его говорится, что они были дворянскаго состоянія и назывались Яковъ и Анна Долуга-Ходаковскіе; мать была изъ рода Кореневскихъ, т.-е. по-польски Корженевскихъ. „Они,—продолжаетъ Ходаковскій,—въ томъ селѣ имѣли небольшое владѣніе, состоящее въ 7-ми дворахъ крестьянскихъ; 1790 года, по смерти отца моего, мать моя завезла меня на Волынь къ дядьямъ и природнымъ опекунамъ моимъ; одинъ изъ нихъ, Антоній Ходаковскій, бывший судья повѣтовый Кременецкій, владѣвшій имѣніемъ Михалковцами въ Острожскомъ повѣтѣ, отдалъ меня въ училище Межирецкое Ксендзовъ Піаровъ. 1803 года окончилъ я сіе училище. 1804 года возвратился я въ Новую Галицію, гдѣ, по смерти моей матери, долженъ я былъ управлять разстроенное хозяйство, уплатить долги, и ради того въ будущемъ году 1806-мъ продалъ оное вѣчно. Отъ 1806 до 1810 года, въ волынской губернской гимназій въ Кременцѣ, которая на особенномъ положеніи, слушалъ наукъ въ высшихъ курсахъ, и по оныхъ, 1810 года, въ осени, поѣхалъ къ родственникамъ моей матушки въ Холмскій повѣтъ, и послѣ въ Варшаву, гдѣ я опредѣлился въ полковую военную службу. По желанію моему, я былъ назначенъ въ 5-й пѣхотный полкъ, стоявшій въ Пруссіи, и послѣ на предѣлахъ прусскихъ. 1811 года, въ Бытошци, произведенъ былъ въ адъютанты подъ-офицеры. 1812 года въ подпоручики. Въ войнѣ, открывшейся противъ Россіи, я былъ въ корпусѣ маршала Макдональда, въ Курляндіи, и оттуда отправленъ въ Москву. Въ ретирадѣ, подъ Борисовымъ, взятъ въ плѣнъ однимъ отрядомъ казачьимъ, и заведенъ

¹⁾ „Синъ Отечества“, 1839, томъ 8, отд. VI, стр. 89—90.

въ Черниговѣ, гдѣ по разнымъ мѣстечкамъ содержался я съ прочими плѣнными. Послѣ того, какъ государь императоръ, всемилостивѣйшимъ манифестомъ своимъ, уволилъ всѣхъ поляковъ изъ плѣна, возвратился я на Волынь. Бывъ прежде свидѣтелемъ величайшихъ событій, случая въ неизвѣстности, я искалъ утѣшенія въ книгахъ, полюбопытствовалъ знать начала того государства, которое менѣе всѣхъ намъ было извѣстно и столь сильно дѣйствовало въ нашихъ глазахъ; въ тому же послѣ присоединилась надежда, что Славянскіе народы отнынѣ могутъ болѣе и болѣе возвращаться въ первобытное свое единство, я занялся извѣстнымъ изслѣдованіемъ“.

За исключеніемъ послѣдней фразы, здѣсь опять нѣтъ ни слова правды. Но еще раньше напечатанія этой автобіографической записки Полевымъ, въ польской литературѣ были уже намѣчены настоящіе факты біографіи Ходаковского ¹⁾, которые потомъ получали все новыя подтвержденія. Нѣкто Л. Войниловичъ ²⁾, обративъ вниманіе на то, чтѣ писалось о „Ходаковскомъ“, заявилъ, что имѣетъ о немъ совершенно достовѣрныя свѣденія, какъ самый близкій его сосѣдъ (по словамъ его, только одна межа отдѣляла его отъ того мѣста, гдѣ первоначально воспитывался мнимый Ходаковский), какъ свидѣтель его дѣтства и ревностный читатель оставшихся послѣ него бумагъ. Войниловичъ заявлялъ, что Зоріанъ Доленга-Ходаковский на самомъ дѣлѣ былъ Адамъ Чарноцкій, что родился онъ въ минскомъ воеводствѣ 4-го апрѣля 1784 года, что учился онъ въ слудкой школѣ, жилъ потомъ въ Слуцкѣ и въ новогрудскомъ уѣздѣ, въ 1813 году былъ въ Галиціи, гдѣ, „неизвѣстно по какому поводу“, перемѣнилъ свою фамилію и назвался сначала Хржановскимъ, а потомъ принялъ имя Зоріана Доленги-Ходаковского. „Я не имѣлъ цѣли оцѣнить и разобрать сочиненія Ходаковского, — писалъ Войниловичъ, — но хотѣлъ только сорвать завѣсу заблужденія, и голосомъ правды произнести надъ могилою заслуженнаго соотечественника его настоящее имя, чтобы позднее потомство могло съ благодарностію сохранить это имя“. — Но здѣсь все-таки осталось недосказаннымъ главное.

Новая біографія Ходаковского явилась въ 1841 г. въ „Энциклопедическомъ Лексиконѣ“ Плюшара ³⁾. Біографъ зналъ о статьѣ

¹⁾ Encyklopedia powszechna, изд. Однѣцкомъ въ Вильнѣ, 1838, IV, стр. 270—272.

²⁾ Въ литературныхъ прибавленіяхъ къ „Варшавской Утренней Газетѣ“, 1840, № 15, статья подъ названіемъ: „Кто именно былъ Зоріанъ Доленга-Ходаковский?“

³⁾ Томъ XVII, стр. 97—102, подписано: Н. В. С., вѣроятно: Савельевъ-Ростиславичъ.

Войниловича, явившейся „къ общему удивленію“ (такъ всѣ увѣрены были въ прежней біографіи); но такъ и остался въ недоумѣніи о томъ, какъ согласить данныя собственноручной записки Ходаковского, не предназначавшейся вовсе для печати, съ неожиданными показаніями Войниловича.

Между тѣмъ явилось нѣсколько писемъ Ходаковского въ „Атенеѣ“ Крашевскаго ¹⁾, которыя опять бросали свѣтъ на дѣйствительную біографію Ходаковского, но гдѣ повторяется и прежнее жизнеописаніе, несмотря на то, что оно опровергалось новыми фактами. Такъ, оно было опять повторено въ статьѣ Старчевскаго: „Русская историческая литература въ первой половинѣ XIX-го вѣка“ ²⁾. Старчевскій, не зная статьи въ „Энциклопедіи“ Одынца, зналъ (вѣроятно, по „Лексикону“ Плюшара) о статьѣ Войниловича и уже называетъ Ходаковского Черноцкимъ („если вѣрить Войниловичу“), но опять не умѣлъ помирить противорѣчій. Что „открытіе“ Войниловича о настоящей фамиліи Ходаковского было вѣрно, доказательство этому Старчевскій видѣлъ въ томъ, что еще въ 1823 году Ходаковский сообщилъ въ „Сѣверный Архивъ“ одну статью—подъ именемъ статьи г-жи Черноцкой,—но г. Старчевскій былъ все-таки въ недоумѣніи ³⁾. „Сообразивъ все сказанное о Черноцкомъ или Ходаковскомъ,—говоритъ онъ,—нельзя заключить о причинахъ, по которымъ онъ скрывалъ настоящую фамилію; можетъ быть, это была безпричинная манія, отъ которой несвободны даже и ученые люди. Во всякомъ случаѣ, мы считали нужнымъ изложить и его собственные показанія, и показанія о немъ другихъ“.

Недоумѣнія разрѣшены были въ концѣ 1850-хъ годовъ лицами, которыя имѣли въ рукахъ другія, скрывавшіяся до тѣхъ поръ въ тайнѣ, также личныя показанія самого Черноцкаго. Это были статьи Доминика Ходзьки, Ипполита Сениборовича и особливо Іоахима Лелевеля ⁴⁾. Не повторяя ихъ разнорѣчій, приведемъ

¹⁾ Athenaeum, 1842, oddz. II, zeszyt II, стр. 204—218.

²⁾ „Карамзинскій періодъ съ 1800 до 1825 года“, въ „Библ. для Чтенія“ 1852, томъ 112, Науки, ст. 49—108. О Черноцкомъ стр. 95 и слѣд.

³⁾ Такая статья дѣйствительно была помѣщена въ „Сѣв. Архивѣ“, какъ переводъ съ польскаго (подъ заглавіемъ: „Остатки славянской міеологіи, сохранившіеся у бѣлорусскихъ поселянъ“, Сѣв. Арх. IV, стр. 463—473), но она не имѣетъ никакого отношенія къ Ходаковскому. Въ подлинникъ она была напечатана въ польскомъ журналѣ „Tygodnik Wileński“ 1817, и авторша названа Маріей Чарновскою; характеръ статьи вовсе не въ духѣ Ходаковского.

⁴⁾ Wzmianka o życiu i pismach Adama Czarnockiego, przez Dominika C. Chodźkę,—въ журналѣ „Tekka Wileńska“, 1857, Numer drugi, стр. 27—53, или 277—303.

— Jeszcze o Zoryanie Chodakowskim czyli Adamie Czarnockim,—Koresp. z War-

основные факты, какъ они были выяснены новыми выпшедшими на свѣтъ документами и личными воспоминаніями Лелевеля. Два главныхъ документа, которые не оставляютъ сомнѣнія о дѣйствительной біографіи Ходаковского, были, во-первыхъ, его письмо къ офиціальному лицу, минскому губернатору З. Я. Карнѣеву, писанное въ 1809 году (у Д. Ходзьки), и собственноручный дневникъ, веденный многіе годы и высланный Ходаковскимъ въ 20-хъ годахъ къ одному изъ друзей на родину въ пакетъ, который онъ просилъ раскрыть только послѣ его смерти (у Скимборовича и Лелевеля). Лучшій сводъ извѣстій о біографіи Ходаковского находится въ статьѣ Лелевеля, который самъ былъ современникомъ Ходаковского и имѣлъ въ рукахъ его бумаги. Изъ сравненія этихъ источниковъ и другихъ свѣденій подлинная біографія Ходаковского представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Настоящее его имя было Адамъ Чарноцкій. Онъ родился въ минскомъ воеводствѣ 4-го апрѣля 1784 года, отецъ его назывался Якобъ; мать была не Корженевская, а Бородзичъ. Она умерла довольно рано; отецъ съ 1792 до 1795 г. жилъ въ Мазовѣ въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ; потерявши много отъ политическихъ волненій края, онъ занимался управленіемъ имѣніями; но средства его были такъ скудны, что онъ не могъ дать сыну никакого обученія. Поэтому отецъ отвезъ Адама къ болѣе богатымъ родственникамъ, жившимъ въ слудкомъ уѣздѣ; Ксаверій Чарноцкій, витебскій подстолий, помѣстилъ Адама въ своемъ имѣніи, гдѣ онъ и прошелъ первую школу; потомъ онъ продолжалъ ученіе въ тогдашнемъ уѣздномъ слудкомъ училищѣ. Одинъ изъ біографовъ рассказываетъ, что Чарноцкій съ самыхъ раннихъ лѣтъ отличался большими способностями и особенно громадной памятью, и изъ наукъ всего больше любилъ исторію и географію; говорить, что еще юношей онъ задавалъ себѣ историческіе вопросы и спорилъ противъ застарѣлыхъ, общепринятыхъ тогда понятій, и чтеніе старыхъ книгъ и рукописей было для него любимымъ занятіемъ. Біографы удивляются, что въ то время, когда польская литература еще не знала настоящей исторической критики, когда польская поэзія жила искусственной жизнью въ тѣсныхъ рамахъ рутиннаго стихотворства, Чарноцкій, еще небогатый знаніями, не владѣвшій иностранными языками, кромѣ нѣко-

szawy Hip. Skimborowicza, — тамъ же, 1858, Numer szosty, стр. 243—253 или 457—467.

— Adam Czarnocki, przez Joachima Lelewela, — въ львовской газетѣ Dziennik Literacki, 1859, № 79, стр. 941—944.

— Другіе біографическіе матеріалы о Чарноцкомъ указаны въ статьѣ Скимборовича, стр. 252 (466).

торого знанія школьной латыни, не встрѣчая никакого особеннаго поощренія и, напротивъ, навлекая на себя осужденіе старшихъ и насмѣшки, говорилъ, однако, съ жаромъ о необходимости болѣе внимательнаго изученія исторіи, о воскрешеніи національной поэзіи, о собираніи народныхъ пѣсенъ, объ изслѣдованіи преданій и обычаевъ, освященныхъ древностью. Говорятъ, что уже въ 1800 году онъ составилъ карту одного имѣнія съ исторической записью всѣхъ его владѣтелей съ 1591 года до 1800, отъ Олельковичей до Ксаверія Чарноцкаго. Отецъ Чарноцкаго женился во второй разъ, живя въ минскомъ краѣ, но вскорѣ умеръ (1-го февраля 1800). Черезъ годъ по смерти отца, Адамъ кончилъ свое школьное ученіе (30-го іюня 1801); потомъ прожилъ два года у разныхъ знакомыхъ людей и практически изучалъ право у адвоката въ Новогрудкѣ; затѣмъ онъ оставался въ Минскѣ до 1807 г. Еще не выбравши себѣ никакого постояннаго занятія, онъ посвящалъ все это время изученію мѣстнаго права, рылся въ архивахъ, пересматривалъ старые документы и пріобрѣталъ въ этомъ дѣлѣ большое знаніе. Въ Минскѣ онъ частнымъ образомъ помогалъ многимъ обывателямъ, имѣвшимъ въ судахъ процессы, и хотя получилъ (20-го декабря 1805) „инструментъ“, т.-е. патентъ, на „земскую регенцію“ въ Слуцкѣ, но не хотѣлъ сдѣлать адвокатуры своей профессіей и не хотѣлъ занять какового-нибудь мѣста при судахъ. На рукахъ его оставались еще малолѣтніе братъ и сестра (кажется, отъ второго брака отца); онъ помѣстилъ ихъ у родныхъ, но и самъ заботился объ ихъ обезпеченіи, хотя его личныя средства были весьма ограничены.

Въ 1807 г., 2-го марта онъ взялъ частную должность, кажется, помощника управляющаго у гр. Несѣловскаго, воеводы новогрудскаго, въ тогдашней гродненской губерніи, новогрудскаго уѣзда; затѣмъ, по смерти управляющаго, онъ одинъ занялся обширными и запутанными дѣлами своего довѣрителя. Здѣсь онъ неутомимо работалъ, разобралъ запутанный архивъ, и хотя біографъ упрекаетъ его въ излишней ревности, вслѣдствіе которой онъ затѣвалъ процессы тамъ, гдѣ можно было бы улаживать дѣло мирнымъ соглашеніемъ, но рядомъ съ этимъ біографъ восхваляетъ его неутомимое трудолюбіе, способность быстро схватывать сущность дѣлъ и всегда руководившее имъ чувство справедливости. Въ позднѣйшихъ замѣткахъ онъ высказывалъ, однако, что эта жизнь на чужой службѣ очень его тяготила.

Но здѣсь ожидали его и бѣдственныя обстоятельства, бросающія мрачную тѣнь на всю его жизнь. Между прочимъ, онъ близко сдружился съ однимъ молодымъ родственникомъ Несѣловскаго.

Этотъ молодой человѣкъ, обуреваемый патріотизмомъ, перебрался черезъ границу и поступилъ въ войско, которое формировалось тогда въ великомъ герцогствѣ варшавскомъ, и письмомъ звалъ къ себѣ Чарноцкаго. Послѣдній отвѣчалъ, что желалъ бы сколько можно скорѣе покинуть Литву, и, въ неосмотрительной торопливости послать отвѣтъ, отправилъ его почтой. Въ то время тайный выѣздъ изъ края строго преслѣдовался; письмо Чарноцкаго, перехваченное на почтѣ, навлекло на него суровое преслѣдованіе. Ночью, 25-го марта 1808 г., онъ былъ арестованъ въ имѣніи Ворончѣ, гдѣ онъ жилъ, и отвезенъ былъ подъ стражей въ Гродно; отсюда, послѣ допроса, его отвезли въ Петербургъ, гдѣ онъ пробылъ въ заключеніи отъ 30-го апрѣля до 31-го декабря, послѣ чего, вмѣстѣ съ другими заключенными, отправленъ былъ въ Новгородъ. Здѣсь только каждый изъ нихъ узналъ о рѣшеніи своей участи. Чарноцкій былъ лишенъ дворянства и отданъ въ солдаты во 2-ю дивизію генерала Глазенапа, стоявшую въ Омскѣ, тобольской губерніи ¹⁾.

Отсюда, новый источникъ для біографіи Чарноцкаго является въ другомъ, также собственноручномъ документѣ, извлеченія изъ котораго сообщаютъ Скимборовичъ и Лелевель; это—записная книжка или дневникъ, начатый Чарноцкимъ во время его пути въ Сибирь и доведенный потомъ, повидимому, до 1821 года.

Біографы говорятъ, что Чарноцкій съ мужествомъ переносилъ постигшее его бѣдствіе (ему было тогда 24 года). Прибывши на мѣсто, онъ успѣлъ приобрести расположеніе своего начальника, что должно было очень облегчить его положеніе. Онъ пробылъ въ Омскѣ ²⁾ четыре года, и это по крайней мѣрѣ принесло ему ту пользу, что онъ хорошо научился русскому языку.

Въ своемъ дневникѣ Чарноцкій отмѣчаетъ свой путь черезъ Новгородъ, Москву, Владимірѣ-на-Клязьмѣ, Казань, Пермь и т. д. Печаль охватила его, когда онъ переѣзжалъ Волгу, какъ будто послѣднюю границу Европы. И тогда уже въ немъ сказался

¹⁾ Ходзько, излагая эти данныя, замѣчаетъ; „Всѣ до сихъ поръ помѣщенные подробности жизни Чарноцкаго я взялъ изъ его собственной записки. Эту записку Чарноцкій писалъ въ Новгородѣ, въ первыхъ дняхъ января 1809 г., къ бывшему минскому губернатору Каріѣеву, прося его о заступничествѣ для смягченія его наказанія. Я имѣлъ въ рукахъ экземпляръ этой записки, писанный собственною рукою Чарноцкаго, частью по-польски, частью по-русски, но больше по-польски, потому что въ то время онъ еще очень мало зналъ русскій языкъ. Дальнѣйшія подробности,—прибавляетъ Ходзько,—я почерпнулъ изъ подлинныхъ писемъ Чарноцкаго и изъ разсказовъ хорошо его знавшихъ лицъ“.

²⁾ Т.-е. собственно въ заключеніи и въ солдатствѣ; въ самомъ Омскѣ онъ жилъ недолго.

любопытный наблюдатель и выносливый путешественникъ. По дорогѣ онъ записываетъ, что приходилось слышать, напр., о черемисахъ, чувашахъ, вотякахъ, вогулахъ, киргизахъ и пр. Въ полгода онъ сдѣлалъ почти четыре тысячи верстъ; въ одномъ мѣстѣ записной книжки, онъ, по замѣчанію Скимборовича, „помѣщаетъ рядъ именъ земляковъ“ (imiön krajówusch), т.-е., разъясняетъ Лелевель, польскихъ сосланныхъ семействъ отъ временъ Пулавскаго; онъ описываетъ ихъ положеніе, занятія отцовъ, сыновей и внуковъ, для нѣкоторыхъ устроилъ сношенія съ родными, оставшимися дома, особливо на Волыни, пишетъ за нихъ письма и т. п. Онъ замѣчаетъ, гдѣ что растетъ и чего нѣтъ, записываетъ обычаи, которые случалось наблюдать, выписываетъ мысли изъ читанныхъ сочиненій (напр. эклогу о обычаяхъ сѣверныхъ народовъ J. U. N.,—указываетъ Скимборовичъ, а Лелевель объясняетъ: Нѣмцевича); записываетъ мѣстные лечебные секреты; отмѣчаетъ, къ кому въ то время писалъ, вносить извѣстія о горныхъ рудахъ, татарскіе стихи, названія славянскихъ мѣстностей, теперь переименованныя, наконецъ, слова и выраженія или словарики на языѣ черемисъ, чувашъ, татаръ, вотяковъ и т. д.

Полеъ, въ которомъ служилъ Чарноцкій, получаетъ приказъ двинуться къ Литвѣ. Маршъ начался въ понедѣльникъ 12-го сентября 1810 года; на зимовку полеъ расположился въ Перми, отъ 7-го ноября 1810 года до 18-го февраля 1811 г. ¹⁾ Въ лагерѣ подъ Бобруйскомъ стояли два мѣсяца, отъ 21-го іюня до 21-го августа. Здѣсь, по выраженію Скимборовича, Чарноцкій „устроилъ себѣ выѣздъ въ Польшу“ ²⁾, и вещи его, какъ умершаго, отосланы были въ слувцкій уѣздъ, а по словамъ Лелевеля, Чарноцкій, исполняя одно служебное порученіе, пропалъ; доказано, что его смерть была засвидѣтельствована официально ³⁾. Говоря проще, Чарноцкій бѣжалъ.

Такимъ образомъ Чарноцкій былъ, что называется, военнымъ дезертиромъ; вотъ причина, почему съ этого времени онъ мѣняетъ свое имя и тщательно скрываетъ свое прошлое; съ этой цѣлью, когда потомъ допрашивались у него объ его жизни, онъ придумалъ ту автобіографію, которую передалъ Полевому, и которую зналъ Кѣшпентъ. Какъ мы видѣли, эта поддѣльная біогра-

¹⁾ Лелевель замѣчаетъ, что въ Омскѣ Чарноцкій пробылъ только іюль и августъ, и что пребываніе въ Перми объясняетъ, какъ онъ могъ заниматься чувашами и черемисами.

²⁾ „Tam wyrobił sobie wyjazd do K. i L.“, т.-е. въ Корону и Литву.

³⁾ Замѣтимъ, что Скимборовичъ писалъ въ виленскомъ изданіи, подъ русской цензурой, а Лелевель—въ львовскомъ журналѣ.

фія долго считалась самой подлинной, не только у русских, но и у польских его почитателей, пока не явились объясненія Одынца, Войниловича и новѣйшихъ біографовъ.

Въ декабрѣ 1811 года Чарноцкій пишетъ уже изъ Варшавы. Въ дневникѣ помѣщены черновыя письма къ князю Іосифу Понятовскому— „съ объясненіемъ плана одного изъ городовъ“, по объясненію Скимборовича, и вѣроятно Бобруйска,—по указанію Лелевеля; письма къ Соболевскому и другимъ, съ различными проектами. Въ 1812 году, 18-го февраля, онъ доноситъ князю Радзивиллу, что назначенъ въ 5-й пѣхотный полкъ, адъютантомъ подъ-офицеромъ, что Ходаковский, вѣроятно не безъ цѣли, правильно отмѣчаетъ и въ автобіографической запискѣ, данной Полевому.

Лелевель замѣчаетъ прямо, что, „появившись въ Варшавѣ, Чарноцкій передалъ тамошнимъ военнымъ властямъ нарисованный имъ планъ Бобруйска: онъ не записалъ этого въ своей книжкѣ, но мнѣ извѣстно объ этомъ отъ военныхъ, которые его знали и видѣли планъ, а именно, отъ А. Р“.

Дальше, Скимборовичъ опять сообщаетъ отрывочныя свѣденія изъ дневника Чарноцкаго.

„Въ письмѣ къ о. Ипполиту греческаго обряда (т.-е. уніату) Чарноцкій подписался Зоріаномъ Любраньскимъ (это былъ первый его псевдонимъ).

„Маршаломъ Даву онъ былъ посланъ на Нѣманъ и, по данному ему порученію, подавалъ рапорты 4-го и 19-го мая 1812 г., которыми командиръ былъ доволенъ, какъ говорить самъ Адамъ или также Зоріанъ Любранскій, Хржановскій, Ходаковский, а собственно Чарноцкій.

„Мая 30-го онъ по собственной просьбѣ получилъ увольненіе отъ службы и, имѣя неограниченный отпускъ, находился при главной квартирѣ корпуса, принимая на себя, вѣроятно, особенныя порученія. По отступленіи Наполеоновской арміи и своемъ отъ Смоленска, послѣ приключенія подъ Борисовымъ (?), онъ по многимъ обстоятельствамъ долженъ былъ урываться около Кезгаловицъ, у С.

„Наконецъ онъ записываетъ въ дневникѣ, гдѣ онъ былъ отъ 15-го апрѣля до 10-го сентября 1814 года (?)...

„Имя Хржановскаго онъ принял на себя въ Галиціи, гдѣ былъ обломкомъ, оставшимся отъ французской арміи“.

Эти неясныя свѣденія понятнѣе излагаетъ Лелевель. „Въ долгое пребываніе свое въ Варшавѣ,—говоритъ онъ,—Чарноцкій приобрѣлъ личныя знакомства. Онъ исполнилъ какую-то тайную

военную службу и былъ также употребленъ и для услуги иного рода. Наполеонъ намѣренъ былъ устроить славянскую іерархію греческаго обряда (т.-е. униатскую). Съ этой цѣлью прибыло въ Варшаву нѣсколько духовныхъ лицъ изъ Далмаціи. Чарноцкій, подъ вымышленнымъ именемъ, велъ съ ними дѣло и также „бѣгалъ“ въ русскія губерніи въ духовенству греческаго обряда. Именъ духовныхъ лицъ онъ не называетъ, а свое прибранное записалъ въ книжку (имя Любраньскаго). За эти различныя услуги онъ получалъ отъ князя Іосифа Понятовскаго и отъ Даву благодарственныя письма, которыя вписалъ въ свою книжку. Когда готовился Наполеоновскій походъ, онъ былъ захваченъ тяжелою болѣзнію. Слабый отъ болѣзни онъ былъ въ Торуни, и тамъ зрѣлище Наполеона быстро сдѣлало его здоровымъ, не зрѣлище извѣстной его низкой шляпы, но появляющіяся надежды на возрожденіе Польши.

„Онъ бросается опять въ службу; ему хотѣли дать офицерскій рангъ, но онъ заявилъ, что можетъ оказать большія услуги какъ волонтеръ въ солдатскомъ мундирѣ, если въ этомъ будетъ надобность. Такимъ образомъ онъ пошелъ съ великой арміей до Смоленска. Когда наступила ретирада, онъ остался въ новогрудскомъ уѣздѣ... На амнистію, великодушно данную Александромъ, онъ разсчитывать не могъ: Чарноцкій не могъ ожить. Болтливость женщинъ дѣлала жизнь его тамъ небезопасной, и онъ скрылся тогда въ Галицію, гдѣ явился подъ именемъ Зоріана Доленги-Ходаковскаго“.

Лелевель ничего не говоритъ „о приключеніи подъ Борисовымъ“. Припомнимъ, что по поддѣльной біографіи Ходаковскій былъ взятъ въ плѣнъ подъ Борисовымъ казаками и отведенъ въ Черниговъ, гдѣ потомъ воспользовался амнистіей Александра ¹⁾. Повидимому, этого плѣна подъ Борисовымъ вовсе не было, и обстоятельство это придумано (въ подложной біографіи) только для того, чтобы подвести Ходаковскаго подъ амнистію и тѣмъ покрыть его прошлое. Дальше увидимъ, что „приключеніе подъ Борисовымъ“ послужило, однако, тѣмой для легендарныхъ разсказовъ.

Повидимому, съ этого времени онъ въ первый разъ отдался со страстью той народной археологіи, которая заняла вторую половину его жизни ²⁾. Какъ собственно шли его странствія и

¹⁾ Ходзько (стр. 38—283) вѣрить еще въ эту амнистію для Ходаковскаго и недоумѣваетъ, почему онъ измѣнилъ теперь свою фамилію.

²⁾ Въ 1818 и 1819 г. онъ ссылается на четыре и пять лѣтъ своихъ археологическихъ и этнографическихъ изысканій.

ислѣдованія, чѣмъ онъ существовалъ, объ этомъ извѣстно мало точнаго. Мы упоминали, что для своихъ соотечественниковъ Хо-даковскій остался чрезвычайно популярнымъ изслѣдователемъ на-родности, которому они приписываютъ великую заслугу, какъ начинателю новаго отношенія къ народности. О немъ шла молва, какъ потомъ шла подобная молва и въ Россіи, гдѣ у него были не менѣе ревностные почитатели, чѣмъ въ Польшѣ. Леле-вель рассказываетъ такъ:

„Въ Галиціи Ходаковскій отдался начатымъ, въ его молодые годы, изслѣдованіямъ народныхъ пѣсенъ и преданій, урочищъ, могилъ, древнихъ кладбищъ, городищъ и ихъ названій. Поддержка, какую онъ могъ получить отъ Чарторыйскаго или изъ какого иного частнаго источника, была бы во всѣхъ отношеніяхъ не-достаточна. Онъ мечталъ о гораздо болѣе широкомъ изслѣдованіи славянщины, о пріисканіи средствъ къ этому. Онъ посѣтилъ Волинь, гостилъ въ Кременцѣ, бывалъ въ Кіевѣ и въ полтав-ской губерніи. Плоды своихъ трудовъ онъ посылалъ въ „Обще-ство друзей наукъ“ (Towarzystwo przystajacych do nauk) въ Варшавѣ, гдѣ Стапицъ говорилъ о пособіи на путешествіе, настаивая на томъ, чтобы изслѣдователь началъ прежде всего съ обзорѣнія Мазовіи. Ходаковскій не могъ отважиться ходить въ области великаго князя (Константина), гдѣ знали Адама Чарноцкаго. Кураторъ (виленскаго учебнаго округа) Чарторыйскій могъ рас-полагать денежными средствами, назначенными на путешествіе, но не торопился тронуть ихъ самъ для Ходаковскаго, и только представилъ дѣло университету, гдѣ рѣшеніе оказалось также не-спѣшнымъ.

„Зоріанъ отчаявался, что найдетъ что-нибудь въ кругу земля-ковъ. Въ 1819 году онъ отправился въ Петербургъ. Пока онъ былъ на польской землѣ, онъ могъ все достать на дорогѣ; но едва онъ миновалъ границу Польши, ему пришлось плохо. На почтовыхъ станціяхъ ни хлѣба и никакого подкрѣпленія. Утом-ленный и наскучившій этимъ, онъ встрѣтилъ между проѣзжими живую и ловкую панну, которая каждый разъ умѣла себѣ что-нибудь найти, что-нибудь сварить и устроить такъ, что не оста-валась голодна. Смотри на это, Ходаковскій подумалъ, что именно такую и нужно было ему жену для задуманныхъ странствій. На-чалось знакомство, ухаживаніе и освѣдомленія; они были приняты любезно. Это была панна Констанція Флемингъ, инфляндка, воз-вращавшаяся къ родителямъ въ Петербургъ. Во Псковѣ нашелся католическій ксендзъ; онъ повѣнчалъ ихъ, а въ Петербургѣ роди-тели не отказали молодымъ въ своемъ благословеніи...

„Зоріанъ развернулъ въ столицѣ имперіи. Онъ имѣлъ, конечно, нѣкоторыя рекомендаціи, но приобрѣталъ знакомства самъ даже съ тѣми, которые разбирали дѣло Адама Чарноцкаго и полагали его рѣшеніе“...

Нѣсколько иначе рассказываетъ другой біографъ. „Въ Галиціи,—пишетъ Ходзько,—не имѣя никакого постоянного занятія, Ходаковскій отдался любимой склонности изысканія древней славянщины и добыванія изъ преданій народа болѣе чистыхъ историческихъ понятій. Привыкнувъ къ неудобствамъ, любя странствовать, онъ задумалъ обозрѣть цѣлое славянское племя и изъ него вывести рядъ новыхъ представленій, столь необходимыхъ для объясненія древней исторіи сѣвера. Не разъ, онъ одинъ, съ тростью въ рукѣ, съ мѣшкомъ съѣстныхъ припасовъ за плечами, ходилъ по мѣстечкамъ и деревнямъ, говорилъ со стариками, записывалъ народныя пѣсни, раскапывалъ старыя могилы, которыя мѣтко называлъ „жальниками“, отъ слова „żal“ ¹⁾, пересматривалъ старые документы и рукописи, словомъ—пользовался всѣми способами, чтобы открыть помраченные вѣками слѣды давней сѣверной исторіи.

„Среди этихъ ученыхъ странствій, онъ посѣтилъ Пулавы ²⁾ и далъ узнать себя ближе опекунамъ наукъ, князьямъ Чарторийскимъ, которые тотчасъ оцѣнили его дарованія и стремленія. Съ ихъ помощью онъ обозрѣлъ остальную Галицію и нѣсколько ближайшихъ польскихъ воеводствъ, затѣмъ отправился на Волинь въ Кременецъ. Чарторийскіе, видя необычную жажду Чарноцкаго посвятить себя исторической наукѣ, дѣятельнѣе и усерднѣе всѣхъ оказывали ему помощь; наконецъ, рекомендовали его вниманію и покровительству истиннаго любителя, опекуна и знатока наукъ, канцлера графа Румянцова. Чарноцкій, въ 1819, отправился въ Петербургъ. Тамъ, любезно принятый канцлеромъ, онъ вскорѣ познакомился съ лучшими русскими учеными, какъ, напр., съ исторіографомъ Карамзинымъ, адмираломъ Шишковымъ, Уваровымъ, попечителемъ казанскаго университета Магницкимъ ³⁾, профессоромъ права Кукольникомъ и многими другими, а также съ ученымъ землякомъ, католическимъ митрополитомъ Станиславомъ Сестренцевичемъ. Наконецъ, Румянцовъ представилъ его императору Александру I, который утвердилъ поданный Чарноцкимъ проектъ путешествія по славянскимъ землямъ, приказалъ

¹⁾ Это названіе вовсе не было придумано Ходаковскимъ; это—народное русское названіе древнихъ кладбищъ.

²⁾ Знаменитое имѣніе и резиденція Чарторийскихъ.

³⁾ Одинъ изъ „лучшихъ ученыхъ“!

зачислить его въ число чиновниковъ министерства просвѣщенія, одарилъ значительной пенсіей, поручилъ ему изслѣдованіе давняго славянства по цѣлой Россіи; а для наибольшаго облегченія его въ такомъ громадномъ трудѣ, онъ издалъ приказы всѣмъ губернаторамъ государства и другимъ высшимъ чиновникамъ, чтобы при каждомъ обращеніи ему доставляемо было всякое содѣйствіе "... Биографу представляется, наконецъ, что Ходаковскаго „окружилъ всеобщій почетъ“, что передъ нимъ открылись двери цесарскія и важнѣйшихъ русскихъ пановъ; нѣсколько ученыхъ обществъ, польскихъ и русскихъ, приняли его въ число своихъ членовъ...

На дѣлѣ это было вовсе не такъ великолѣпно. Лелевель изображаетъ исторію Ходаковскаго въ Россіи проще, гораздо болѣе мрачно и болѣе близко къ истинѣ. Здѣсь есть уже опредѣленные русскія свѣденія, на которыя мы указывали. Явившись въ Петербургъ съ рекомендаціями отъ Чарторыйскаго, Ходаковскій встрѣтилъ интересъ къ своимъ предпріятіямъ въ графѣ Румянцовѣ и князѣ Голицынѣ, тогда министръ народнаго просвѣщенія; составленный имъ проектъ археологическаго путешествія по Россіи и славянскимъ землямъ переданъ былъ на разсмотрѣніе Карамзину и главнаго управленія училищъ, и по одобренію его представленъ былъ Голицынымъ на усмотрѣніе императора Александра и былъ принятъ. По высочайшему повелѣнію 4-го іюля 1820 года на издержки путешествія назначено было Ходаковскому 3,000 руб. Кромѣ того, его снабдили открытыми листами отъ министра внутреннихъ дѣлъ, графа Кочубея, къ мѣстнымъ начальствамъ объ оказаніи содѣйствія его изслѣдованіямъ. Ходаковскій видѣлъ исполненіе своихъ давнишнихъ желаній. „Слѣдствіемъ того насталь въ моей жизни праздничный годъ, jubileus annus“, писалъ онъ объ этомъ времени ¹⁾. Путешествіе должно было продолжаться четыре года. Ходаковскій намѣренъ былъ проѣхать Россію съ сѣвера на югъ въ четырехъ линіяхъ, а потомъ съ востока на западъ, т.-е. отъ Уральскихъ горъ до устья Дуная ²⁾. Когда путешествіе было рѣшено, онъ напечаталъ въ журналахъ подробный его планъ, вѣроятно, тотъ самый, который былъ на разсмотрѣніи Карамзина и получилъ официальное одобреніе. Печатавъ планъ, онъ хотѣлъ познакомить „благомыслящихъ россіянъ“ съ своимъ предпріятіемъ и просилъ „всѣхъ внуковъ Радогоста содѣйствовать ему въ изысканіяхъ древнѣйшихъ памятниковъ ихъ знаменитыхъ предковъ“.

Но путешествіе не было счастливо.

¹⁾ Р. Историческій Сборникъ, т. I, кн. 3, стр. 5.

²⁾ „Сынъ Отечества“, 1820, ч. 63-я, стр. 527—528.

Въ 1820 году, 17-го августа, онъ выѣхалъ изъ Петербурга вмѣстѣ съ женой, „неразлучной товаркой“ его путешествія. Ходаковский осматрѣлъ мѣста по Невѣ и около Ладоги, раскапывалъ старые курганы и могилы около Новгорода, между прочимъ, такъ-называемую могилу Гостомысла ¹⁾, потомъ около Твери и въ 1821 г. прибылъ въ Москву. Въ Ладогѣ у него родился сынъ: Ходаковский хотѣлъ дать ему какое-то древне-славянское имя ²⁾, но священникъ (кажется, православный) не согласился на это, и ребенка окрестили подъ именемъ Александра. Они отдали его на руки какой-то знакомѣ, но ребенокъ, повидимому, отъ невнимательнаго ухода, умеръ, и Ходаковский похоронилъ его „среди древней церкви въ замкѣ Старой Ладоги“. Въ Москвѣ, съ разрѣшенія межевой канцеляріи, Ходаковский занялся изученіемъ подробныхъ картъ, разсмотрѣлъ планы двадцати-одной губерніи, составилъ общую карту славянскаго „городства“ и огромный географическій словарь, о которомъ скажемъ дальше. Въ 1822 г., 13-го іюля, онъ послалъ изъ Москвы „Донесеніе“ о результатахъ своего путешествія, и разсмотрѣніе его (въ какой-то комиссіи) поручено было извѣстному Калайдовичу. Около этого времени Калайдовичъ самъ занимался археологическими изслѣдованіями въ рязанской губерніи; какъ ученый, это былъ человекъ совсѣмъ иного склада, чѣмъ Ходаковский; онъ отнесся несочувственно къ выводамъ послѣдняго (собственно къ теоріи городищъ), въ которыхъ находилъ слишкомъ много произвольнаго, и его отзывъ имѣлъ фатальныя послѣдствія для Ходаковского: послѣдній потерялъ правительственную поддержку, остался безъ всякихъ средствъ не только къ продолженію своихъ трудовъ, но и къ самому существованію. Въ Москвѣ, какъ и въ Петербургѣ, онъ приобрѣлъ знакомства въ ученомъ и литературномъ кругу и въ особенности сблизился съ Полевымъ, который, повидимому, относился къ нему съ искреннимъ участіемъ и оказывалъ ему матеріальную помощь. По смерти первой жены, онъ женился во второй разъ, кажется, на русской, но это, какъ говорятъ, не устроило его домашняго благополучія. Наконецъ, нужда заставила его принять на себя должность управителя у одного земляка, тверского помѣщика. Онъ продолжалъ еще работать: въ его громадномъ рукописномъ словарѣ, хранящемся въ Публичной Библіотекѣ въ Петербургѣ, мы видѣли дополнителныя замѣтки отъ 1824 года. Здѣсь, въ тверской губерніи, въ селѣ Петровскомъ, Ходаковский умеръ

¹⁾ Ср. Лехевеля Polska srednich wiek. IV.

²⁾ „Nazwaliśmy go Olesiem, bo protorej nie chciał chrzcić go pod imieniem sławianskim“ (O Słow. przed Chrześc., стр. 49).

своропостижно 17-го ноября 1825 г. на сорокъ-первомъ году жизни ¹⁾).

Передъ поѣздкой въ Петербургъ, Ходаковскій оставилъ въ рукахъ своихъ друзей, а по другимъ свѣденіямъ, выслалъ имъ изъ Петербурга ту записную книжку, о которой мы выше говорили и которая заключала его подлинную біографію. По словамъ Скимборовича, Чарноцкій, живя долго на Волыни, оставилъ эту книгу у домашняго учителя своего пріятеля, извѣстнаго археолога и этнографа Луки Голембѣвскаго. (этого учителя, кажется, звали Cieszej). Рукопись была запечатана, и на пакетъ Ходаковскій надписалъ: „можно открыть только послѣ моей смерти“. Голембѣвскій убѣждалъ владѣльца, чтобы онъ принесъ эту драгоценную память въ даръ существовавшему тогда „Обществу друзей наукъ“, въ Варшавѣ. Сдѣлалъ ли это упомянутый Цѣпей, и если сдѣлалъ, то находится ли эта книга въ бывшей бібліотекѣ Общества, объ этомъ Скимборовичъ не зналъ. Онъ утверждалъ только, что Голембѣвскій лично зналъ Чарноцкаго по бібліотекамъ, сначала Порыцкой, а потомъ Пулавской, въ которыхъ тотъ проводилъ не мало времени, и очень интересовался узнать подробности его жизни, и когда въ 1826 и 1827 годахъ всѣ уже знали, что Ходаковскій умеръ, тогда Цѣпей распечаталъ рукопись, а Голембѣвскій, не ожидая того неопредѣленнаго времени, когда рукопись дойдетъ до коллекціи Общества друзей наукъ, выписалъ изъ нея наиболѣе любопытныя вещи и въ 1840 г. собственноручно переписалъ ихъ для Скимборовича, какъ своего пріятеля ²⁾).

Лелевель рассказываетъ объ этомъ такъ. Упомянувши о жизни Ходаковскаго въ Петербургѣ, онъ замѣчаетъ: „Въ то время Адамъ-Зоріанъ, кажется, сходилъ съ польскаго свѣта. Онъ запечаталъ свою записную книжку и переслалъ Обществу друзей наукъ, съ просьбою, чтобы она была открыта только по его смерти. Воля его была исполнена. По его смерти мы открыли рукопись; я выписалъ, что въ ней находилось, и теперь повторяю по памяти. Мое воспоминаніе, можетъ быть, не полно, но въ цѣломъ съ увѣренностью повторяю то, что—не Зоріанъ, а Адамъ Чарноцкій записалъ о себѣ въ теченіе 1810—1820 годовъ“... Лелевель считаетъ невѣроятнымъ, чтобы Чарноцкій разстался съ своей книжкой на Волыни въ 1818 или 1819 г., пускаясь въ путь въ Петербургъ... „Мнѣ неизвѣстно, какъ эта книжка досталась

¹⁾ „Podobno zabity“, замѣчаетъ Лелевель.

²⁾ Teka Wilenska, 1868, VI, стр. 249—463.

въ Общество друзей наукъ, но я имѣлъ ее въ рукахъ въ библиотекѣ Общества, запечатанную, съ предостереженіемъ открыть ее только послѣ смерти. Когда книжка была открыта, я дѣлалъ изъ нея замѣтки въ библиотекѣ Общества, но онѣ пропали и остались только въ памяти... Чарноцкій разстался съ своей книжкой развѣ только послѣ 1821 года, а не раньше. До Общества она дошла, можетъ быть, черезъ посредство Луки Голембѣвскаго... Всѣ рассказы его, противорѣчащіе этой книжкѣ, были выдумкою; и повѣсть Ходаковскаго, написанная для дорогого пріятеля, Николая Полевого, есть слишкомъ явная выдумка. Въ своемъ положеніи Ходаковскій не могъ говорить о Чарноцкомъ¹⁾.

„Теперь скажу, что случилось мнѣ знать о Зоріанѣ еще при жизни Чарноцкаго; быть можетъ, это пригодится на что-нибудь тѣмъ, кто займется біографіей и плодами трудовъ знаменитаго нашего соотечественника. Ходаковскій, потерявши свою первую жену Флемингъ, женился потомъ на русской и не былъ такъ счастливъ, какъ прежде: по этому поводу говорили, что ему недоставало его ежегоднаго пособія¹⁾; подвинувши усѣпно свои свѣденія, онъ могъ обдумать и начертать общіе выходы своихъ изысканій. Съ этой цѣлью онъ приготовилъ прекрасную общую карту округовъ городищъ въ Россіи и, съ краткимъ описаніемъ, листахъ на двухъ, прислалъ въ Общество друзей наукъ въ Варшаву. Изъ Варшавы этотъ интересный трудъ пересланъ былъ къ Твардовскому, ректору вилenskaго университета. „Я иду отъ ректора и видѣлъ эту работу,—сказалъ мнѣ профессоръ гимназіи Шидловскій, порядочно выпивавшій:—но панъ ректоръ говорилъ мнѣ, что это—не Ходаковскій, а Чарноцкій“. Меня пронала дрожь. Кромѣ столь распространенныхъ слуховъ, опасность не переставала грозить Чарноцкому.

„Я видѣлъ эту прекрасную работу, какъ бы суммировавшую его изысканія, и хотѣлъ скопировать ее себѣ, но она пропала у Твардовскаго. Тѣмъ временемъ положеніе Ходаковскаго омрачалось. Были люди, къ нему нерасположенные, а онъ не умѣлъ прилаживаться къ обстоятельствамъ. Довольно долго онъ прожилъ въ Москвѣ. Днемъ онъ ходилъ по площадямъ и рынкамъ, спрашивалъ людей, сходявшихся съ разныхъ сторонъ, и, получивъ разрѣшеніе, даже со свѣчей разсматривалъ многія подробныя топографическія карты. Быть можетъ, съ такого разсматриванія картъ и слѣдовало всего лучше начать путешествіе, но

¹⁾ Это кажется, не точно, потому что это пособіе Ходаковскій имѣлъ, повидимому, только на одинъ годъ и въ 1822 году уже потерялъ его.

нашлись просвѣщенные россіяне, ворчавшіе, что водить пальцемъ по картѣ—не значить ходить по землѣ, и упрекавшіе Ходаковскаго, что онъ пренебрегаетъ путешествіемъ.

„Въ то время Зоріанъ любилъ писать научныя письма, хотя они не доставляли ему никакихъ объясненій. Онъ самъ жалуется, что получилъ только четыре увѣдомленія изъ Россіи и одно изъ Польши. Въ своихъ письмахъ онъ иногда весело задыбалъ Карамзина, который раздражителенъ, но отъ котораго, однако, зависитъ все будущее ¹⁾. Я знаю это отъ Лобойки ²⁾ и видѣлъ записки этого рода.

„Надо было, наконецъ, приготовить донесеніе о результатахъ минувшихъ двухлѣтнихъ усилій; оно было огромное... Посылая его, Зоріанъ выразился съ особеннымъ уваженіемъ о Карамзинѣ, отдавая свою работу только на его судъ, потому что хотя и есть въ комиссіи просвѣщенные мужи, но что это слишкомъ бы ихъ утрудило, а онъ легко можетъ оцѣнить дѣло и положить рѣшеніе. Черезъ три дня по представленіи донесенія въ комиссію, положено было оффиціальное мнѣніе, что трудъ Ходаковскаго очень хорошъ, но что издержки на него излишни. Это съ удовольствіемъ выразилъ Калайдовичъ. Этимъ все было прервано. Ходаковский остался на мели (osiadł na kozzu)“.

Если не ошибаемся, до сихъ поръ еще не было сообщено подробностей о ходѣ этого дѣла; наши извѣстія говорятъ только, что Калайдовичъ дѣйствительно принималъ участіе въ разсмотрѣніи донесенія Ходаковскаго, и отрицательное рѣшеніе приписывается именно ему. Около того же времени Калайдовичъ высказался и въ литературѣ противъ изслѣдованія Ходаковскаго, и въ бумагахъ послѣдняго остался обширный отвѣтъ, напечатанный Погодинымъ послѣ смерти обоихъ противниковъ.

„Всѣ рукописи Ходаковскаго остались у Полевого,—продолжаетъ Лелевель.—Начальство припомнило о нихъ и довѣрило ихъ Погодину, который напечаталъ въ „Наблюдателѣ“ сочиненіе Зоріана о системѣ могилъ славянскихъ, обнимающихъ въ извѣстной связи всю древнюю славянщину. Шло дѣло объ изданіи собранныхъ Ходаковскимъ малорусскихъ пѣсенъ. Меня спрашивали, будутъ ли онѣ имѣть сбытъ въ Польшѣ; я отвѣчалъ, что будутъ, если будутъ напечатаны латинскими буквами. Максимовичъ на-

¹⁾ Рѣчь идетъ, конечно, о томъ времени, когда шелъ вопросъ о первомъ устройствѣ путешествія.

²⁾ Лобойко былъ тогда профессоромъ виленскаго университета и былъ въ сношеніяхъ съ русскими учеными.

печатаѣ ихъ своими. Латинскія буквы въ Москвѣ были бы поражющею ересью, и, можетъ быть, вызвали бы перуны ¹⁾...

„Изъ переписки Ходаковскаго кое-что уже издано. Изъ многихъ писемъ не одно заслуживаетъ быть сообщеннымъ свѣту и, конечно, будетъ сообщено. Къ сожалѣнiю, Адамъ велъ свои изслѣдованiя на почвѣ нетвердой и темной,—не старой, а болѣе новой славянщины, въ странахъ, позднѣе заселенныхъ славянами, и притомъ уже крещенными. Можно ли было тамъ искать чисто-языческихъ элементовъ? Книжка собственныхъ записокъ Адама Чарноцкаго, о которой я вспоминалъ, можетъ быть, отыщется въ Петербургѣ. Она заслуживаетъ изданiя цѣликомъ. Въ ней нѣтъ ничего, чтó оскорбляло бы русскихъ, но, конечно, она имъ не понравится. Для насъ она будетъ неоцѣненна, потому что даетъ узнать мысль и сердце дорогого Адама Чарноцкаго“.

Приведенные отзывы Лелевеля, который былъ не только горячiй польскiй патриотъ, но и большой ученый, даютъ понятiе о томъ сильномъ впечатлѣнiи, какое производила дѣятельность Ходаковскаго еще при его жизни и которое потомъ надолго окружило его имя уваженiемъ. Можно было бы привести цѣлый рядъ другихъ отзывовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, какимъ сильнымъ толчкомъ была эта дѣятельность Ходаковскаго и въ польской, и въ русской литературѣ. Ограничимся нѣсколькими примѣрами. Припомнимъ отзывъ Вацлава Залѣсскаго ²⁾. „Ходаковский,—пишетъ Залѣскiй о двадцатыхъ годахъ,—внушалъ мнѣ истинное почитанiе. Его разсужденiе о „Славянщинѣ передъ христіанствомъ“, полное глубокихъ мыслей, свидѣствовало объ основательномъ знанiи дѣла, о рѣдкомъ дарѣ изслѣдованiя, наконецъ о любви къ предмету и долгихъ занятiяхъ имъ. Я слышалъ о его способѣ собиранiя народныхъ пѣсень, какъ онъ, въ коротенькомъ божухѣ, съ котомочкой за плечами и фляжкой водки подъ мышкой, ходитъ отъ деревни до деревни, отъ ксендза до ксендза, отъ органиста до органиста, отъ дьяка до дьяка, отъ одной бабы-пѣвуньи до другой, отъ одного сельскаго музыканта или дѣда-лирника до другого, и какъ онъ вездѣ, то просьбой и уговорами, то угощенiемъ и принужденiемъ, то самъ запѣвая пѣсни, умѣетъ извлечь все, чтó только касается славянства. Это есть единственный и настоящiй способъ собиранiя пѣсень“.

¹⁾ Максимовичъ, печатаѣ малорусскiя пѣсни русскими буквами, руководился просто тѣмъ соображенiемъ, что малоруссы вообще употребляютъ русскую азбуку, которою писана вся ихъ литература.

²⁾ См. „Обзоръ малорусской этнографiи“, „Вѣстн. Евр.“ 1885, ноябрь, стр. 361—362.

Люди новыхъ поколѣній говорили о Ходаковскомъ съ меньшимъ удивленіемъ: „Есть люди великаго сердца и души,— писалъ одинъ изъ польско-руси́нскихъ народниковъ 1860-хъ годовъ,—которымъ дана была сила опережать настоящую минуту, чтобы понять будущее и, предавая себя въ жертву, служить тому дню будущаго, который закрыть для другихъ таинственнымъ покрываломъ. Бѣдные пророки! — Ихъ судьба быть побитымъ камнями отъ тѣхъ, которымъ они хотятъ объявить вѣщую истину... Этотъ день будущаго есть народная жизнь... Гдѣ же тѣ, которые вѣрили бы ему? Гдѣ люди, которые не покрывали бы насмѣшками имѣющихъ это убѣжденіе? Лучшие изъ нихъ—усмѣхнутся съ состраданіемъ; и мало, очень мало такихъ, которые повѣрятъ вѣщимъ словамъ и поднимутъ на себя трудъ—пролить потъ и кровь, готовя пути святой будущности! Человѣкъ, которому будущее будетъ ставить памятники, нашъ племенной апостолъ и пророкъ, есть Адамъ Черноцѣй, иначе называемый Зоріаномъ Ходаковскимъ. Онъ первый развернулъ знамя будущности, первый указалъ намъ его конечную цѣль—народъ; первый взялся за вѣковую трудъ и всѣхъ призывалъ къ нему. Честь ему и слава на вѣки! И несмотря на свою великость, онъ сошелъ со свѣта неузнанный, безъ признанія его генія, и теперь еще люди, занимающіе высокое положеніе въ научномъ мірѣ, говорятъ о Зоріанѣ съ нѣкотораго рода сожалѣніемъ, точно о капризномъ ребенкѣ, котораго своевольная шалость не требуетъ наказанія, но все-таки есть капризная шалость. И, однако, славянство имѣло не много подобныхъ людей“¹⁾.

Панегрикъ слишкомъ восторженный, но Ходаковский не безъ основанія могъ считаться пророкомъ народности, человекомъ, указывавшимъ новый путь для науки и для національнаго сознанія. Его вліяніе, хотя бы и не прямое вліяніе самихъ его работъ, но нравственное вліяніе самой личности, не подлежитъ сомнѣнію, и не только въ польской, но и въ русской литературѣ. Имя его уже вскорѣ стало окружаться легендой, чему не мало помогла долгая и заботливо оберегаемая друзьями тайна, окружавшая жизнь этого человека, которому пришлось съ молодости испытать много тяжелыхъ невзгодъ, сохранить подъ ихъ гнетомъ неодолимое влеченіе въ народную среду, собирать усиленнымъ трудомъ тѣ знанія, какія обыкновенно обезпечиваетъ обыкновен-

¹⁾ См. въ воспоминаніяхъ о Вагилевитѣ, Стахурскаго-Свенцицкаго—въ журналѣ „Siolo“, Львовъ, 1866, вып. 1, стр. 79—80.

ная школа, и, наконецъ, искать опоры для своего труда тамъ, гдѣ открытіе его тайны могло навлечь ему величайшую опасность. Извѣстно было, что Ходаковскій—не даромъ прибравшій себѣ такой псевдонимъ—любилъ и умѣлъ жить и говорить съ народомъ, чего тогда не умѣлъ никто, особливо въ польской средѣ, и эта черта была разработана его почитателями до цѣлаго грандіознаго подвига: Ходаковскій представлялся исходящимъ чуть не всю славянщину—„отъ Камы до Эльбы и отъ Балтійскаго моря до Дуная“; фигура его рисовалась такъ, какъ напримѣръ представлялась она Вацлаву Залѣсскому: это былъ образецъ народнаго изыскателя и другъ народа. Такую легенду о Ходаковскомъ написалъ, напр., одинъ изъ очень извѣстныхъ польскихъ писателей той особой группы тридцатыхъ годовъ, которая подъ вліяніемъ перваго расцвѣта славянскаго возрожденія увлекалась этнографическими интересами и питала въ себѣ извѣстную долю панславизма—Луціанъ Сѣменскій. Въ его сочиненіяхъ есть рассказъ подъ названіемъ „Приключеніе путника“¹⁾, написанный въ концѣ тридцатыхъ или въ началѣ сороковыхъ годовъ. Считаемо нелишнимъ привести вкратцѣ его содержаніе, чтобы дать понятіе о томъ, какъ представлялся Ходаковскій его соотечественникамъ въ то время, когда факты его біографіи еще не были выяснены.

Дѣйствіе происходитъ, повидимому, гдѣ-то на Волыни, гдѣ живутъ польскіе помѣщики съ малорусскими крестьянами. Молодой польскій панычъ, Эмиль, изъ богатой семьи, отправляется на охоту и чуть не тонетъ въ озерѣ, желая достать подстрѣленную птицу. Его спасаетъ какой-то прохожій, который совершаетъ этотъ подвигъ очень просто, съ большимъ хладнокровіемъ и добродушнымъ юморомъ. Панычъ собирался уже умирать и волго не могъ опомниться, когда путникъ вытащилъ его изъ воды съ его ружьемъ, собакой и бекасомъ; путникъ, взявши свою палку и дорожный кошель, хотѣлъ уже идти своимъ путемъ, когда панычъ, опаматовавшись, сталъ высказывать ему свою благодарность и непременно хотѣлъ зазвать его въ свой домъ и представить матери, которая, по его мнѣнію, сама захотѣла бы его благодарить. Путникъ, подшучивая надъ изнѣженнымъ панычемъ (едва для него замѣтно), соглашается. Домъ былъ важный панскій, въ немъ господствовали свѣтскія церемоніи и французскій языкъ; путникъ совсѣмъ не подходилъ ни къ этой обстановкѣ

¹⁾ „Przygoda podróżnika“. См. Dzieła Lucjana Siemieńskiego, Warszawa, 1881, VI, стр. 213—238; этотъ рассказъ (помнится, не вполнѣ) переведенъ былъ въ „Денникъ“ Дубровскаго, Варш. 1843.

своимъ грубымъ костюмомъ, ни къ этимъ людямъ съ ихъ спѣсью и французскими манерами. Хозяйка дома, какъ ни была обязана незнакомцу за спасеніе сына, никакъ не могла переварить его демократической простоты, которая представилась ей невыносимою грубостью. Путникъ относится ко всему этому съ философскимъ спокойствіемъ, подсмѣиваясь въ душѣ надъ нелѣпыми людьми, надъ спѣсивой барыней, надъ французомъ гувернеромъ и, между прочимъ, намѣренно скрываетъ свое знаніе французскаго языка. Хозяйка не могла понять, куда причислить этого человека; узнавши отъ сына, что это, кажется, антикварій, она выразила сожалѣніе, что въ ихъ краѣ нѣтъ ни готическихъ костеловъ, ни замковъ. — „Этого рода памятники, — сказалъ, какъ будто съ пренебреженіемъ, путникъ, — нисколько меня не интересуютъ; наша земля съ ея могилами, урочищами, вотъ мои древности, мои сокровища; а народное слово, преданіе, сказка, пѣсня... въ этомъ цѣлое прошедшее, котораго не найдешь въ писанныхъ книгахъ, и этого-то я ищу“.

Хозяйка все еще думаетъ удержать у себя незнакомца; дѣло идетъ къ ночи, и она спрашиваетъ, гдѣ его лошади, его слуга.

— Мои лошади? мой слуга? — Путникъ разсмѣялся и, ударивъ себя по обоимъ колѣнямъ, прибавилъ: — мои кони всегда со мною, а мой слуга никогда не потребуетъ ѣсть, — и онъ указалъ на суковатую палку, стоявшую въ углу.

— Неслыханное дѣло! Панъ вояжируетъ пѣшкомъ, какъ нѣмецкій студентъ?

— Да; чтобы поѣсть и переночевать, я захожу къ честнымъ хлопамъ, отъ которыхъ, кромѣ гостепріимства, я заимствуюсь еще многимъ.

— Но, кажется, только не хорошимъ тономъ и приличными манерами? — прервала пани маршалкова, когда какъ разъ въ эту минуту панъ Доленга протянулъ ноги и оперся головой на руку.

— О, нѣтъ, не этимъ, но честной простотой и здравымъ разсудкомъ, что, по моему мнѣнію, стоить больше, чѣмъ какой-нибудь этикетъ и модныя гримасы.

Кончилось тѣмъ, что путникъ (это былъ, конечно, Ходаковскій) ушелъ изъ панскаго палаца, къ большому смущенію панича, который чувствовалъ невольное уваженіе къ незнакомцу, искренно желалъ его чѣмъ-нибудь отблагодарить и недоумѣвалъ, не слѣдуетъ ли, напримѣръ, подарить ему за свое спасеніе часы. Вышедши изъ палаца, путникъ направился въ деревню, къ корчмѣ, въ надеждѣ, что найдетъ тамъ у кого переночевать, и какъ разъ попалъ на человѣка, который по дорогѣ къ дому

сталъ напѣвать „маршъ Домбровскаго“. Съ первыхъ словъ оказалось, что этотъ хлопъ бывалъ на войнѣ, и когда они оба вглядѣлись другъ въ друга, путникъ и крестьянинъ оказались старыми знакомцами; у нихъ нашлись общія воспоминанія — „пріключеніе подѣ Борисовымъ“, гдѣ они были оба. „Ни одинъ отецъ съ сыномъ или другъ съ другомъ не могли бы свидѣться сердечнѣе“. Дѣло въ томъ, что они были сподвижниками въ 1812 году. Старый Остафій (такъ звали крестьянина) жилъ теперь въ достаткѣ, съ семьей, и, конечно, предложилъ гостю полное гостепріимство. Они вспоминали старое. Остафій проклиналъ „предателя, который подвелъ тогда непріятелей“, жаловался на судьбу, которая такъ печально разлучила его съ „паномъ поручикомъ“; путникъ успокоиваетъ его, что „когда-нибудь будетъ лучше“, и Остафій молится, чтобы дали это „святой Іезусъ Боромельскій и святая панна Почаевская“... Путникъ проситъ Остафія, чтобы онъ не звалъ его ни паномъ, ни поручикомъ, а выдавалъ его за своего брата хлопа, Грицька или Иваса. Въ этотъ самый вечеръ въ хатѣ у Остафія оказались гости; путникъ попадаетъ какъ разъ на вечерницу. Остафій стѣснялся этимъ, но путникъ былъ именно тѣмъ доволенъ: онъ скоро сѣмѣлъ сойтись съ парнями и дѣвчатами, съ наслажденіемъ смотритъ ихъ игры и слушаетъ ихъ пѣсни, угощаетъ ихъ и, тѣмъ временемъ, тайкомъ вноситъ свои замѣтки въ записную книжку; наконецъ, является и старая баба Макрина, обладающая громаднымъ запасомъ всякихъ сказокъ о короляхъ и королевахъ, трехъ дочерахъ и трехъ сыновьяхъ, волшебникахъ, зачарованныхъ дворцахъ, о разбойникахъ, вѣдьмахъ и упыряхъ, и все это она рассказываетъ. Разошлись съ вечерницы поздно. Между тѣмъ путникъ успѣлъ выпросить своего хозяина объ окружающей мѣстности и съ утра ужъ отправляется съ Остафіемъ раскапывать оказавшійся въ соседствѣ курганъ. Остафій лучше Макрины знаетъ объ этихъ могилахъ. „Еще покойникъ отецъ сказывалъ мнѣ, что была какая-то княгиня Ольга, и что когда шелъ Батый, она убѣжала изъ одного замка въ другой, превративши себя и войско въ мышей, которыхъ, роясь подѣ землей, на много миль накопили такой валь; только гдѣ-то въ городѣ Пльснѣсѣ она сильно укрѣпилась и побила поганныхъ... Ахъ, кумъ, въ этой землѣ должны быть дорогія вещи, потому что тамъ каждый вечеръ свѣтятся деньги“. Раннимъ утромъ они отправились вдвоемъ на работу.

Тѣмъ же утромъ, но позже, въ палацѣ пани маршалъбой, въ ея покояхъ велись толки о вчерашнемъ незнакомцѣ; пришли къ заключенію, что это человѣкъ подозрительный, и старая при-

живалев полагала, что это, пожалуй, изъ шайки Кармелюка, а можетъ быть, и самъ Кармелюкъ. Панычъ Эмиль объяснялъ своему французу, что это, должно быть, ученый; но тотъ находилъ это невозможнымъ, потому что всѣ ученые ходятъ въ пудрѣ и носятъ манжеты, какъ графъ Бюффонъ. Какъ разъ въ это время является еврей-шинкарь и рассказываетъ съ большимъ волненіемъ, что Остафій съ какимъ-то другимъ человекомъ, въ короткомъ кожухѣ и пестромъ платкѣ, нашли богатый кладъ на панской землѣ и что Остафій приходилъ въ шинокъ мѣнять старыя серебряныя деньги. Извѣстіе произвело страшный переполохъ; надо, конечно, захватить грабителя—послали тотчасъ за экономомъ и за капитанъ-исправникомъ, а тѣмъ временемъ, дѣлаются предположенія о томъ, какъ поступить съ найденными сокровищами: если денегъ много, то вся семья отправится въ Парижъ, если меньше, то въ Петербургъ. Между тѣмъ привели грабителей и привезли кладъ; экономъ снялъ съ воза огромный горшокъ; незнакомецъ кричалъ ему, чтобы онъ снималъ осторожнѣе, потому что это кладъ неоцѣненный. Пани увѣрилась, что ее ограбили, и толкнула ногою горшокъ, который рассыпался. Незнакомецъ пришелъ въ ужасъ: „чѣмъ же виноватъ этотъ горшокъ? — сказалъ онъ почти со слезами: — знаешь ли ты, чего стоитъ цѣлый „жальникъ“ съ пепломъ? Знаешь ли ты, что я раскопалъ много могилъ отъ Волги до Буга и нигдѣ не могъ найти цѣлаго? Желалъ бы я лучше, чтобы твоя злость пала на меня, чѣмъ на этотъ памятникъ славянской тризны“. Между тѣмъ послышался звонъ колокольчика; подъѣхалъ капитанъ-исправникъ и дѣло выяснилось неожиданнымъ образомъ: на вопросъ исправника, путникъ, не говоря ни слова, подалъ ему свои бумаги. — „Что я вижу, — воскликнулъ чиновникъ, вставая съ почтеніемъ: — рекомендательное письмо отъ канцлера Румянцова, паспортъ для свободнаго путешествія по цѣлой Имперіи для изслѣдованія славянскихъ древностей“. Исправникъ очень извинялся за непріятность, происшедшую только отъ незнанія. Ходаковский не заявлялъ на это никакой претензіи; онъ требовалъ только, чтобы не дѣлали ничего Остафію и не мѣшали ему самому искать другого подобнаго клада.

„И на этомъ кончилось приключеніе, которымъ нашъ путникъ воспользовался такъ, что изъ собранныхъ на этой вечерницѣ преданій построилъ свою несравненную поэму — разсужденіе о „предхристіанской славянщинѣ“, а въ палацѣ произошла та великая реформа, что Эмиль часто вступалъ въ споры со своимъ менторомъ, доказывая ему свое знаніе людскихъ характе-

ровъ, когда причислилъ пана Доленгу къ ученымъ, съ тѣмъ его французъ никогда не могъ исполнѣ согласиться, говоря, что это былъ ученый *à la manière tartare*“.

Въ одномъ письмѣ Ходаковскій упоминаетъ о какой-то польской госпожѣ, которая, подобнымъ образомъ, удивлялась его пристрастію къ деревенскимъ пѣснямъ; вѣроятно, былъ съ нимъ какой-либо подобный случай, какъ бывали позднѣе въ самой Россіи, но самый рассказъ Оѣменскаго носить всѣ черты легенды. Герой его есть воображаемый Ходаковскій, въ которомъ авторъ хотѣлъ совмѣстить и военныя его дѣянія, и его любовь къ поэзіи и старинѣ, и ученыя странствія подъ эгидою Румянцева. Но рассказъ исполненъ неточностями. „Приключеніе подъ Борисовымъ“, поставленное, впрочемъ, авторомъ въ какой-то неопредѣленной тѣни, едва-ли не принадлежитъ къ выдуманнымъ фактамъ біографіи Ходаковского. Изображеніе малорусскаго крестьянина (Остафій — несомнѣнный малоруссъ; на его вечерниці поются малорусскія пѣсни) польскимъ патриотомъ есть извѣстная фикція польской украинской школы, о которой намъ случалось говорить прежде. Изображеніе вечерниці опять не точно: обыкновенно, на вечерницахъ молодежь собирается одна, безъ старшихъ, и идетъ вечерница не совсѣмъ такъ, какъ рассказываетъ авторъ. Есть и несообразности хронологическія: бумага отъ канцлера Румянцева и открытый листъ для путешествія по Россіи получены Ходаковскимъ только въ 1820 году, и въ южной Россіи онъ этими бумагами не пользовался, а книжка „о Славянщинѣ передъ христіанствомъ“ написана и напечатана въ 1818. Наконецъ, легендарна и та подробность, гдѣ Ходаковскій изображается странствующимъ отъ Камы до Эльбы и роющимъ курганы отъ Волги до Буга: дѣйствительныя работы Ходаковского не были такъ обширны.

Такимъ образомъ, рассказъ Оѣменскаго ничего не прибавляетъ къ фактической біографіи и имѣетъ интересъ лишь какъ отраженіе легенды ¹⁾. Но есть и черты вѣрныя—въ изображеніи самого Ходаковского: его увлеченія всѣмъ, въ чемъ видѣлась ему древняя славянщина, его умѣнья странствовать среди народа и говорить съ нимъ, его народнической простоты, которая могла поражать въ гостинныхъ, какъ грубость.

Эти черты подтвердить, съ другой точки зрѣнія, еще одинъ

¹⁾ Укажемъ еще такія же сочувственныя упоминанія о Ходаковскомъ въ другой статьѣ Оѣменскаго: „Książę w archeologii, poezyi, azuście“, см. *Dzieła*, t. I, Warszawa, 1881, стр. 61, гдѣ Ходаковскій называется „отцомъ теперь многолюдно расползшейся семьи археологовъ, странствовавшимъ по славянщинѣ отъ Вислы до Волги“, и т. д.

біографическій матеріалъ, который находимъ въ жизнеописаніи Н. А. Полевого. Авторъ этого жизнеописанія, Ксенофонтъ Полевой, считалъ возможнымъ относиться къ Ходаковскому свысока, вѣроятно, наслушавшись позднѣйшихъ толковъ; но сообщенныя имъ свѣденія не лишены интереса ¹⁾. Мы приведемъ его разсказъ о „достопамятномъ Зоріанѣ Ходаковскомъ“ со всѣми подробностями, въ которыхъ, несмотря на высокомѣрное отношеніе писавшаго къ „грубому“ чудаку и „невѣждѣ“, отражается, однако, и невольное уваженіе къ замѣчательному человѣку, — приведемъ тѣмъ болѣе, что эти подробности остались, кажется, неизвѣстны другимъ біографамъ Ходаковского.

„Въ наше время, софизмовъ и мнѣній, внушаемыхъ корыстолюбіемъ, изображаютъ этого человѣка непризнаннымъ гениемъ ²⁾, — говоритъ Кс. Полевой; — я опишу его, каковъ онъ былъ въ дѣйствительности. Происхожденіе его покрыто таинственностью. Въ „Энциклопедическомъ Лексиконѣ“ даже представлена, въ видѣ исторической загадки, двойственная его біографія. Несомнѣнно то, что онъ былъ польскаго происхожденія и даже не зналъ порядочно никакого другого языка, кромѣ польскаго. По-русски онъ писалъ плохо, а говорилъ съ сильнымъ польскимъ акцентомъ, и самымъ простымъ народнымъ нарѣчіемъ. Онъ самъ разсказывалъ намъ много разъ, что, во время нашествія Наполеоновыхъ армій на Россію, онъ служилъ въ корпусѣ Даву, былъ взятъ въ плѣнъ около Москвы, но вообще не любилъ распространяться объ этомъ времени своей жизни, и отклонялъ всѣ вопросы, какъ и что происходило въ глазахъ его. Казалось, ему совѣстно было представлять себя непріателемъ русскихъ, отъ которыхъ видѣлъ онъ въ послѣдствіи ласку и гостепріимство ³⁾. Карамзинъ одобрилъ его предположеніе отыскивать и описывать городки, то-есть небольшія земляныя насыпи извѣстной формы, разбросанныя на великихъ пространствахъ Россіи и, какъ полагаетъ Ходаковский, означающія древнѣйшее мѣстопробываніе славянъ, такъ что по нимъ думалъ онъ опредѣлить пространство, которое занимали славяне, а изъ сохранившихся названій городковъ вывести нѣкоторые филологическія и историческія заключенія. Огласивши въ журналахъ свой проектъ и получивъ денежное пособіе отъ нашего правительства

¹⁾ Записки о жизни и сочиненіяхъ Н. А. Полевого, составленныя братомъ его, К. Полевымъ. Часть первая (второй не было). Спб. 1860, стр. 87—94.

²⁾ Непонятно, къ кому могъ относиться этотъ укоръ: какому корыстолюбію могло быть выгодно. „Въ наше время“ (въ 1860 г. прошло уже 35 лѣтъ по смерти Ходаковского), изображать Ходаковского непризнаннымъ гениемъ? Въ нашей литературѣ едва-ли не самыя горячіе отзывы о немъ сдѣланы были Погодинимъ, и на этотъ разъ онъ былъ совершенно безкорыстенъ. Повидимому, у автора была какая-то, непонятная намъ, задняя мысль.

³⁾ Мы выше указывали, что дѣло было не въ этомъ: онъ не боялся представлять себя непріателемъ русскихъ (по словамъ того же Полевого, онъ вовсе не скрывалъ своего участія въ походѣ 1812 года), но ему серьезно опасно было сказать правду, состоявшую въ томъ, что онъ былъ дезертиромъ изъ русскаго войска.

Ходаковский началъ свои изслѣдованія съ новгородской губерніи, но въ два года не сдѣлалъ ничего ¹⁾, и ему прекратили выдачу назначенной на путешествіе его суммы. Онъ кой-какъ добрался до Москвы и былъ въ затруднительномъ положеніи. Не только продолжать свое фантастическое (?) путешествіе, но и жить ему было нечѣмъ. Оправдать возбужденныхъ имъ надеждъ онъ не могъ, и въ разговорахъ давалъ разумѣть, что правительство перестало давать пособіе для ученыхъ трудовъ его—по интригѣ Карамзина, будто бы ненавидѣвшаго его за нѣкоторыя критическія замѣтки на „Исторію государства Россійскаго“. Знакомые равнодушно выслушивали многорѣчивыя его разглагольствія, но со свойственнымъ русскому человѣку радушіемъ оказывали ему гостепріимство и пособіе. Надобно сказать, что личныя потребности Ходаковского были чрезвычайно умѣренны. Всѣгдашній костюмъ его составляли: сѣрая куртка и сѣрые шаровары, а на головѣ что-то въ родѣ колпака. Въ такомъ костюмѣ являлся онъ всюду, и обращалъ на себя вниманіе солдатскою откровенностью, близкою къ грубости. Всѣхъ дамъ, безъ различія съ простолюдинками, называлъ онъ „матушка“, всѣхъ мужчинъ „батьюшка“. Пришедши въ гости, онъ обыкновенно оставался до тѣхъ поръ, когда надобно ложиться спать. Особенно милъ бывалъ онъ съ людьми, отличавшимися изысканнымъ костюмомъ и свѣтскими манерами, и называлъ ихъ въ глаза фанфаронами ²⁾. Но никто не сердился на него за выраженія и обращеніе, которыя другому стоили бы дуэли: на такую ногу умѣлъ онъ поставить себя, что на него смотрѣли, какъ на Діогена. Смѣшно было бы вызывать на дуэль Діогена!.. Одному остроумцу сказалъ онъ, прислушавшись къ его разсказу о разныхъ успѣхахъ въ свѣтѣ: „Не вѣрю я вамъ: вы, видно, любите говорить чепуху“. Другому человѣку, замѣчательноному носомъ съ горбомъ, онъ сказалъ, увидѣвши его больнымъ: „Умрите вы, мнѣ васъ не жалъ; но жалъ только вашего итальянскаго носа, какихъ я мало видалъ въ Россіи“.

„Таковъ былъ онъ по наружности, таковъ и умомъ, и образованностью (1). Дерзкій циникъ, онъ бранилъ всѣхъ и не смущался отъ своего невѣжества. Не зная ни одного иностраннаго языка, не имѣя понятія (1) о необходимой для историка учености, онъ, однакожъ, иногда довольно мѣтко и проникательно критиковалъ Карамзина (1) и открывалъ смыслъ въ событіяхъ, затруднявшихъ другихъ изслѣдователей ³⁾. Онъ почти ничего не читалъ и у него не было никакихъ книгъ, кромѣ нѣсколькихъ, самыхъ обыкновенныхъ, поль-

¹⁾ Это неправда, потому что онъ представилъ обширное донесеніе, изданное впоследствии Погодинымъ, а прекращеніе пособія, какъ выше упомянуто, было слѣдствіемъ того, что отвергнуть былъ цѣлый теоретическій взглядъ Ходаковского,—и не совсѣмъ основательно отвергнуто цѣлое предпріятіе, которое, тѣмъ не менѣе, могло быть полезно.

²⁾ Та-же черта демократической нетерпимости, которую изображаетъ Сѣменовскій.

³⁾ Читателю Кс. Полевого вольно придать мысль, что, можетъ быть, надо бы желать такихъ невѣждъ, которые „проникательно критикуютъ“ столь авторитетныхъ писателей, какъ Карамзинъ, и открываютъ смыслъ въ событіяхъ, „затрудняющихъ другихъ изслѣдователей“.

свихъ, засаленныхъ вакъ онъ самъ. Пять, шесть разрозненныхъ томовъ „Исторіи“ Карамзина были у него исписаны замѣтками, иногда самыми циническими. Драгоцѣнностью своею почиталъ онъ карту Россіи, на которой были означены открытые имъ городки, или имена, напоминавшія городки. Почти во всякомъ разговорѣ онъ склонялъ рѣчь на этотъ предметъ, и объяснялъ, что въ Россіи множество мѣстъ и урочищъ носятъ названія, которыя скороговоркой произносили онъ неизмѣнно: „городъ, городокъ, городецъ, городня, городище“. — „Да, кромѣ того („батьшка“ или „матушка“, прибавлялъ онъ), гдѣ есть названія отъ попа, отъ бабы, отъ березы, отъ дѣда (и еще исчисленіе нѣсколькихъ именъ), тамъ вѣрно есть или было городище“. Съ такою рѣчью обращался онъ ко всякому, кого встрѣчалъ, особливо въ первый разъ... Иногда, онъ точно добивался такимъ образомъ желанныхъ свѣденій, изумлялъ знаніемъ мѣстностей, которыхъ никогда не видывалъ ¹⁾, и, услышавши о новомъ городкѣ, вносилъ его въ свой алфавитный списокъ городковъ и отмѣчалъ на картѣ. Въ этомъ состояло его занятіе въ Москвѣ. Онъ обращался съ разспросами ко всякому, нарочно ходилъ на Болотный Рынокъ, куда съѣзжаются обозы съ разными припасами изъ ближайшихъ губерній, и умѣлъ выспрашивать у русскихъ мужичковъ о городкахъ. Съ нимъ случались даже пресмѣшныя исторіи. Однажды, онъ разговорился съ мужиками, стоявшими при господскомъ обозѣ, и, замѣтивъ, что они не очень поддаются на его разспросы, пригласилъ нѣсколькихъ изъ нихъ въ трактиръ, гдѣ, при помощи водки и чаю, распаялъ ихъ сердца и выпросилъ, что было ему нужно. Продолжая разговаривать, воротился онъ съ ними къ ихъ обозу, гдѣ уже былъ приказчикъ, завѣдывавшій этимъ обозомъ, и уже знавшій, что какой-то баринъ увелъ нѣсколькихъ мужиковъ въ трактиръ. Зоріанъ съ жаромъ разспрашивалъ ихъ о всѣхъ малѣйшихъ подробностяхъ знакомой имъ мѣстности. Вдругъ приказчикъ хватаетъ его за воротъ, громко восклицая: „Пойдемъ-ка, братъ, на съѣзжую!.. Вишь, баринъ, въ кургузой курткѣ!.. Не первый ты подсылный отъ—такихъ-то“. Тутъ онъ назвалъ сосѣднихъ помѣщиковъ, съ которыми господинъ его велъ нескончаемый процессъ за тѣ самыя земли, о которыхъ разспрашивалъ Зоріанъ. Ошеломленный такимъ неожиданнымъ нападеніемъ, Ходаковский хотѣлъ объяснить, для чего онъ разспрашивалъ мужиковъ, повторяя, что онъ ученый; но приказчикъ тащилъ его на съѣзжую, приговаривая: „Ученый! А вотъ мы тебя выучимъ!.. Станетъ ли добрый человекъ шпионить у мужиковъ, да водить ихъ пьянствовать въ трактиръ!.. Баринъ! въ морозъ ходить по рынку въ кургузомъ кафтанѣ, да мужиковъ подговариваетъ! На съѣзжей скажешь правду!“ И онъ дѣйствительно привелъ его на съѣзжую, гдѣ объяснилось дѣло и гдѣ уже знали Ходаковского, потому что это приключеніе было повтореніемъ двухъ-трехъ прежнихъ, когда также принимали его то за вора, то за шпиона, и таскали на съѣзжую. Такому подозрѣнію способствовали его странный видъ, его костюмъ и не-русскій выговоръ.

„Надобно согласиться, что такой способъ собирать историческія

1) Припомнимъ подобное замѣчаніе въ біографической статьѣ Кёппена.

свѣденія и подробности не представлятъ никакого ручательства: многое, если не все, надлежало бы повѣрить личнымъ обозрѣніемъ ¹⁾. Но Ходаковский былъ очень доволенъ своимъ успѣхомъ въ разысканіяхъ о городкахъ, и, приходя къ намъ часто, почти каждый разъ начиналъ рѣчь словами: „Отрывается много новаго!“ А новое состояло въ томъ, что онъ разспрашивалъ какую-нибудь старуху, какого-нибудь мужика изъ дальней стороны, и та или тотъ сказали ему, что близъ ихъ деревни есть поповъ, или дѣвичій, или бабій городокъ. Иногда происходили въ глазахъ нашихъ истинно комическія сцены съ его разспросами. Входить въ комнату человѣкъ, вовсе ему незнакомый, и еще не успѣвъ этотъ человѣкъ сказать, зачѣмъ пришелъ, какъ Зоріанъ начинаетъ допрашивать его. Кой-какъ отдѣлавшись отъ допросчика, тотъ спрашиваетъ: „Что это, помѣшанный, что-ли?“ Другіе принимали его за пьянаго, иные воображали, что встрѣтились съ слѣдственнымъ приставомъ; наконецъ, большая часть ровно ничего не понимала въ словахъ его.. Безспорно, что такая страсть, имѣющая хотя отдаленную цѣлью пользу науки—почтенна; однако, по способу Ходаковского, это была самая грубая, и, что хуже, смѣшная обработка ученаго предмета, который и оставался у Холаковского въ такомъ грубомъ видѣ ²⁾. Къ оправданію (!) его можно сказать, что онъ не имѣлъ никакихъ средствъ заниматься иначе. Онъ былъ не приготовленъ, даже неспособенъ къ ученымъ изслѣдованіямъ, и къ тому еще, какъ уже я сказалъ, находился въ это время въ самомъ стѣсненномъ положеніи. У кого только могъ, онъ занималъ деньги; но долго ли можно прожить займомъ? Продавать и нечего было. Еще съ самаго начала знакомства съ Николаемъ Алексѣвичемъ (Полевымъ), онъ продалъ ему словарь Линде, единственную хорошую и цѣнную книгу свою, говоря, что она ему не нужна и даже въ тягость. Потомъ онъ сталъ занимать у него деньги; наконецъ, когда сумма занятыхъ денегъ возрасла уже до нѣсколькихъ сотенъ рублей, онъ просто выпрашивалъ по полумпериалу! Жалко было отказывать, но нельзя было и давать больше. Видя самъ необходимость заняться чѣмъ-нибудь для насущнаго хлѣба, и слѣдуя совѣту искренно желавшихъ ему добра, Ходаковский искалъ какой-нибудь должности, и, наконецъ, опредѣлился управляющимъ въ имѣніе одного помѣщика тверской губерніи. Мы разстались съ нимъ на-всегда—но при отъѣздѣ онъ увѣрялъ, что непременно заплатитъ деньги, взятые въ разное время у Ник. Алексѣвича. Осталась и росписка его въ этихъ деньгахъ (!). Кажется, еще въ Москвѣ женился онъ на единственной своей прислужницѣ, которую называлъ своей благодѣтельницею. Это обстоятельство надобно замѣтить, какъ

¹⁾ Безъ сомнѣнія, Ходаковский и желалъ бы провѣрить все это на мѣстѣ; но онъ лишенъ былъ физической возможности это исполнить. Напротивъ, чрезвычайно характерно то, что, не имѣя средствъ на путешествіе, онъ хотя этимъ способомъ хотѣлъ добиться желанныхъ свѣдѣній.

²⁾ Въ положеніи Ходаковского эти разспросы оставались единственнымъ средствомъ удовлетворить его любознательности и — потребности говорить съ народомъ, что, очевидно, стало его страстью. Самъ Кс. Полевой, наконецъ, сообразилъ это.

необходимое для объясненія слѣдствій знакомства Николая Алексѣевича съ Ходаковскимъ“¹⁾).

Жаль, что помощь, которую Н. Полевой оказывалъ несчастному Ходаковскому, испорчена этими запоздалыми упреками послѣднему за его бѣдность...

Какъ видимъ, Кс. Полевой былъ довольно щедръ на описаніе всякихъ недостатковъ Ходаковского; но, какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, онъ не усмотрѣлъ главнаго: въ чемъ же былъ интересъ этого человѣка и для Николая Полевого, и для многихъ другихъ образованныхъ людей того времени? Онъ начертилъ намъ внѣшнюю грубоватость Ходаковского, которая была естественнымъ слѣдствіемъ всей его біографіи; но не замѣтилъ, что въ ней, кромѣ демократической простоты, очевидно, была и независимость вмѣстѣ съ страстной любовью къ завѣтной идеѣ. Эту самую черту можно не разъ встрѣтить у другихъ народныхъ изслѣдователей, которымъ интересъ къ народу внушалъ въ то же время подобную антипатію къ свѣтской пустотѣ и извѣстное чудачество; это—та черта, которую указываетъ и Сѣменьскій въ своемъ разсказѣ. Нѣчто подобное было, говорятъ, у нашего Сахарова; добродушнымъ, хотя также иногда не весьма привлекательнымъ цинизмомъ отличались Якушкинъ, Шаповъ и другіе практическіе этнографы и народники; но странно было бы думать, что весь ихъ умственный и нравственный характеръ исчерпывается однимъ этимъ.

Собирая подробности, которыя доставляетъ біографія Ходаковского и его легенда, мы получаемъ слѣдующій выводъ. Это была оригинальная и даровитая личность, какія не разъ встрѣчаются въ исторіи славянскаго возрожденія и первыхъ проявленій народности—съ тѣми или другими чертами общаго типа. Выходя, болѣею частью, изъ среды самого народа, эти люди влекутся къ нему страстнымъ, хотя неяснымъ инстинктомъ; они сохраняютъ съ нимъ какъ внѣшнюю связь—простоту нравовъ, поддерживаемую постояннымъ общеніемъ, такъ и связь внутреннюю—имъ дороги всѣ особенности народнаго быта и міровоззрѣнія, которыя они стремятся воспринять и внести въ другую область, въ область литературы, гдѣ имъ хочется замѣнить народными образами и красками искусственную чуждую поэзію, и въ область исторіи, которая кажется имъ неполной и ошибочной безъ ея народнаго элемента, въ чемъ они часто угадывали истину. Подобные люди,

¹⁾ Эти „слѣдствія“ знакомства Ходаковского съ Н. Полевымъ не досказаны въ изданной части книги Кс. Полевого.

какъ мы замѣчали, представляютъ иногда какую-то загадку своимъ появленіемъ на литературномъ поприщѣ. Чтѣ вызываетъ ихъ дѣятельность, когда, повидимому, ни обстановка, ни скудная школа не вели ихъ на эту дорогу? Остается объяснять это стихійной исторической силой, которая вызываетъ людей, когда созрѣваетъ потребность въ новомъ нравственномъ направленіи общества.

Ходаковский былъ именно такой стихійный человѣкъ. Родившись въ убогой обстановкѣ, онъ не получилъ никакого правильнаго образованія. Въ своей подложной автобіографіи онъ говорилъ, что будто-бы учился у отцовъ пiarовъ (извѣстныхъ педагоговъ конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка) и въ кременецкой гимназіи (извѣстномъ тогда учебномъ заведеніи), — онъ хотѣлъ этимъ показать свою литературную правоспособность; но, къ сожалѣнію, это была совершенная неправда; его образованіе не равнялось даже обыкновенному гимназическому; онъ успѣлъ только усвоить латинскій языкъ, и недостатокъ знаній школьных дополнять, сколько могъ, чтеніемъ. Въ тогдашней польской литературѣ уже бродили первыя смутныя мысли объ историческомъ интересѣ археологическихъ изученій, но заслугой Ходаковского было то, что этотъ интересъ къ древности онъ изъ сухого книжнаго антикварства перенесъ на живую почву народной личности. Древніе люди, о которыхъ археологи могли говорить только цитатами изъ старинныхъ писателей, для Ходаковского были живыми людьми, которыхъ память сбереглась въ реальныхъ остаткахъ ихъ старыхъ жилищъ съ ихъ именами, и въ мифологическомъ и поэтическомъ преданіи, живущемъ въ народѣ до сихъ поръ. Эти два предмета онъ и сдѣлалъ главной цѣлью своихъ изысканій.

Очевидно, что это былъ въ полной мѣрѣ самоучка, и нечего удивляться тому, что въ своей любимой теоріи о городищахъ, какъ языческой святыни, онъ выходилъ за предѣлы, допускаемые строгой критикой; удивительнѣе то, что, при своей скудной подготовкѣ, онъ могъ возымѣть многія мысли несомнѣннаго научнаго достоинства. Народная археологія была въ то время дѣломъ совершенно новымъ, въ которомъ всѣ были новичками; но другіе изслѣдователи были, по крайней мѣрѣ, подготовлены на другой сосѣдней почвѣ — на классической древности, на общей исторической критикѣ. Ходаковский былъ лишенъ того и другого. Одна отгадка исторической дѣйствительности направила его на непосредственное народное преданіе, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ съ истинной проникательностью подмѣчалъ такія стороны предмета, которыя впоследствии, въ самомъ дѣлѣ, вошли въ область науки. Кромѣ соображенія фактовъ, орудіемъ его выводовъ была

и чистая фантазія, и это было весьма естественно: онъ жадно стремился нарисовать себѣ полную картину народной древности, — какъ увидимъ, онъ жалѣлъ даже, что христіанство пришло слишкомъ рано!.. Въ ту пору было еще слишкомъ мало точныхъ данныхъ, чтобы восстановить картину далекой старины. Между тѣмъ только то или другое общее представление могло объяснить массу подробностей, иначе непонятныхъ. Въ настоящее время, всѣмъ понятно значеніе фантазіи въ постройкѣ научныхъ, особливо историческихъ, системъ, и въ чемъ состоитъ, въ самомъ дѣлѣ, широкій научный взглядъ, какъ не въ соединеніи сильнаго ума съ работой фантазіи, дополняющей отсутствующія звенья фактовъ и создающей систему изъ отдѣльныхъ подробностей? Насколько поэтическая фантазія помогла самому Гриму создать систему древней мифологіи? — Опредѣляя значеніе Ходаковского, нельзя не видѣть, что эта сторона его дѣятельности, то, что онъ умомъ, фантазіей и чувствомъ сживался съ народной стариной и поэзіей, именно и произвела самое сильное дѣйствіе на его современниковъ и преемниковъ и много участвовала въ установленіи того этнографическаго стремленія, которое внушало искать въ средѣ самого народа и изъ устъ народа откровеній объ его исторической судьбѣ и его національной сущности. Строгіе судьи укоряли его за увлеченія и крайности, за недостаточность доказательствъ, но не видѣли, что его увлеченіе было и большой нравственной силой; онъ былъ энтузіастомъ своего дѣла, чуть не мономаномъ; онъ первый настойчиво говорилъ, что надо идти въ народъ не только для того, чтобы собрать въ немъ одинъ этнографическій матеріалъ, но и сжиться съ нимъ, понять народную душу и природу, которыя создаютъ народный характеръ и поэзію. Все это вмѣстѣ и заставляло потомъ съ уваженіемъ повторять имя Ходаковского, — несмотря на всѣ его ошибки, несмотря на то, что реальный вкладъ въ науку, оставшійся послѣ него, былъ невеликъ.

Намъ остается сказать о литературныхъ работахъ Ходаковского. Немного было напечатано имъ при жизни; гораздо больше издано было послѣ его смерти Погодинымъ; наконецъ, иное осталось въ рукописи и, кажется, должно считаться потеряннымъ.

Первая и самая характерная работа Ходаковского явилась въ то время, когда онъ еще занимался своими разысканіями въ южной Россіи, Польшѣ и Галиціи. Это была упомянутая нами прежде небольшая статья (20 страничекъ небольшого формата):

„О Славянщинѣ передъ христіанствомъ“. Эта статья, въ послѣдствіи изданная вновь Суровецкимъ въ 1835, появилась первоначально въ 1818 году ¹⁾. Основная мысль ея была повторена потомъ въ его русскихъ статьяхъ, о которыхъ скажемъ далѣе. Статья написана очень оригинально, какъ послѣ самъ Ходаковский выражался, „железнымъ стилемъ“ — мало выработаннымъ, угловатымъ; Суровецкій, перепечатывая ее въ своемъ позднѣйшемъ изданіи, упрекалъ автора въ неточностяхъ выраженія, даже въ неправильностяхъ языка, и упрекалъ совершенно справедливо; въ изложеніи и въ языкѣ видѣны именно самоучка, не разсчитывающій своихъ мыслей и выраженій, но посреди фантазій говорящій и такое, что было ново и плодотворно ²⁾.

Передъ наукой, — начинается Ходаковский, — исчезли исторія, обряды и обычаи наши изъ эпохи многобожія. Европейское просвѣщеніе не благопріятствовало тѣмъ временамъ, когда христіанство стало распространяться среди обширной и раздѣленной славянины. Первые проповѣдники новой вѣры не отличались умѣренностью, не хотѣли ничего пощадить для исторіи, и тѣмъ же духомъ отличаются до нашего времени ихъ преемники. Властители нашего племени одинъ за другимъ разрушали зданіе, созданное врожденнымъ вдохновеніемъ, и рядомъ съ новыми правилами вѣры не хотѣли сберечь земской особенности. Это обстоятельство есть самое главное въ исторіи славянства, потому что съ теченіемъ времени распространилось на все племя и все болѣе умножало его раздѣленіе. Новая вѣра вводила насъ въ остальную Европу, на которую мы не были похожи. Славянину, по своимъ религиознымъ потребностямъ, сталъ обращаться въ Римъ или въ Царьградъ и, проникаясь взаимной ненавистью столицъ христіанства, зажигалъ фавель вѣковыхъ междоусобныхъ войнъ. Можно было бы не вспоминать этихъ, слишкомъ долгихъ, заблужденій, еслибы они не имѣли губительнаго вліянія на тотъ періодъ нашей исторіи и не были первымъ подпопомъ подъ все-таки намъ милую народность. „Будущія времена выяснятъ ту истину, что отъ слишкомъ ранняго облитія насъ водою стали смываться всѣ отличающія насъ особенности; во многихъ нашихъ странахъ ослабѣлъ духъ независимости и, просвѣщаясь по чужому образцу, мы стали, наконецъ, чужими самимъ себѣ“.

Въ чьихъ рукахъ было первое изображеніе исторіи Сѣвера — не всѣ знаютъ, но до-христіанская эпоха, если не совсѣмъ

¹⁾ „Cwiczenia naukowe“, 1818, издававшіяся въ Бременѣ, т. II.

²⁾ По-польски онъ писалъ, слѣдовательно, также, какъ и по-русски, поспѣшно и небрежно.

у нихъ опущена или не заброшена вымыслами, выставляетъ намъ въ ихъ изображеніи только грубые обычаи, дикость и слѣпоту нашихъ отцовъ. По разсказамъ этихъ историковъ, перемѣна вѣры происходитъ съ одинаковою легкостью въ Познани, Кіевѣ и Новгородѣ. По ихъ словамъ, достаточно было примѣра и воли властителя, чтобы въ одинъ день или въ одинъ годъ народы исполнили привазаніе. Но лѣтописцы, думая такимъ образомъ, не знали упорной славянской души, не знали исторіи первобытнаго народа, у котораго жизнь и управленіе, обычаи и самый языкъ были тѣсно связаны съ наукою о богахъ. Быстро и счастливаго преобразования быть не могло и, въ дѣйствительности, не было. — Ходаковский вспоминаетъ при этомъ факты изъ древней польской исторіи, изъ исторіи Литвы, вспоминаетъ Нестора—о радимичахъ и вятичахъ, жизнеописаніе св. Войтѣха—о чехахъ, и жизнеописаніе св. Беннона, епископа мейссенскаго — о поморянахъ, и приходитъ въ заключенію, что человѣкъ, живущій въ своей средѣ, никогда не можетъ быстро измѣниться.—„Потому что не легко возстать противъ самого себя, измѣнить способъ жизни, мышленія, покинуть все, что есть милого, и, въ особенности, дать иной оборотъ языку, привыкшему чтить многообразныя божества и полному тѣхъ метафоръ, присловій и прирожденныхъ особенностей, которыя наполняли его обрядовыя пѣсни, игрища, обычную рѣчь и всегда дышали его вѣрой“.

Въ давней исторіи,—продолжаетъ Ходаковский,—наше племя занимаетъ уже свое мѣсто. Оно не собралось изъ изгнанныхъ, изъ остатковъ какихъ-нибудь упавшихъ царствъ, но было всегда племенемъ первобытнымъ, особеннымъ и единымъ. Еще неизвѣстны время и причины, когда нашъ народъ оставилъ сосѣдство „индійскаго стана“, какъ долго былъ на великомъ пути, пока вступилъ въ Европу и занялъ половину ея съ азіатской стороны. Извѣстно только, что славяне заняли огромныя пространства отъ Балканъ и Адриатики до скандинавскаго Сѣвера. Съ этимъ различіемъ земель произошли нѣкоторые измѣненія въ почитаніи небесныхъ свѣтилъ, измѣненія въ метафорическомъ языкѣ, взятомъ отъ природы; но славяне подѣлились на одинаковыя сотни ¹⁾, подчиняясь однимъ уставамъ, обрядамъ и обычаямъ.

Вездѣ въ ту эпоху мы видимъ начальниковъ съ предводительскимъ знаменемъ въ мирѣ, на войнѣ и въ священныхъ обрядахъ. Соединеніе въ одномъ лицѣ такой разнородной власти

¹⁾ Sta: по этимологіи Ходаковского, конечно, ошибочной, „старости“ были именно старшины этихъ сотенъ; онъ и послѣ употреблялъ этотъ терминъ: „Starc-sta“.

открывало столько способовъ дѣятельности, что славяне въ томъ положеніи вещей и направляемые рукою чтимой природы не могли быть народомъ недѣльнымъ и усыпленнымъ. Война для обезпеченія и расширенія жилищъ, а въ мирѣ—охота, земледѣліе, нѣкоторыя ремесла, обряды, соединенные съ великими играми и пиршествами, составляли ихъ всеобщее занятіе и увеселеніе, одинаковое для обоихъ половъ. Въ памятникахъ тѣхъ вѣковъ мы довольно часто встрѣчаемся съ словами: роля, плугъ, сохи, коса, коваль, столяръ, тесло, театр, долбить, долото и даже писарь и маляръ ¹⁾, — все это было нужно и было въ употребленіи, все это находило свою честь и хвалу. Нигдѣ не видать слѣда, чтобы, предъ эпохой нашей „полировки“, на Сѣверѣ были рабы; ихъ не могло быть на переходѣ черезъ Азію въ Европу; и до сихъ поръ въ другой части свѣта не знаютъ, что значить работать на вѣчнаго пана, который, въ глазахъ своего монарха, имъ равенъ.

„Врожденные славянамъ простота, веселость, искренность, бросались въ глаза даже врагамъ; мужество, любовь, гостепріимство, которыя служили предметомъ удивленія и похвалъ для старыхъ саксовъ, были божествами цѣлой нашей земли, взаимно себя вознаграждающими. Когда мы будемъ меньше ждать и полагаться на писателей иноземныхъ и будемъ искать свѣденій о старой жизни среди себя, на собственной почвѣ, въ гнѣздѣ нашихъ отцовъ, то, быть можетъ, найдемъ больше, чѣмъ до сихъ поръ гдѣ-либо было писано. Всмотримся только въ нашу землю. Быть можетъ, славяне оставили ее для насъ какъ самую прочную книгу; быть можетъ, заклинали ее, чтобы она никогда не выходила изъ наслѣдства потомковъ, и съ этой цѣлю заворожили ее тогдашнимъ способомъ, чтобы она могла служить для самыхъ позднихъ внуковъ свидѣтельствомъ ея вѣковой принадлежности... Познакоимся ближе съ нашей землей, перечислимъ всѣ ея имена или урочища. Мы увидимъ, что, несмотря на девять вѣковъ, несмотря на столько военныхъ разрушеній, несмотря на незнаніе и самохвальное тщеславіе въ уничтоженіи старыхъ названій, все-таки сохранились и дошли до насъ имена боговъ, имена, принадлежащія къ ихъ почитанію, имена ихъ служителей и того земного существа, которое на пространствѣ вѣковъ, сопровождаемое великимъ добромъ и зломъ, на гордость человѣческаго рода и нашего языка, названо „челомъ вѣковъ“ ²⁾. На той же землѣ

¹⁾ О послѣднемъ словѣ Ходаковскій ошиблся: оно было и очень новое, и чужое.

²⁾ Такъ Ходаковскій производитъ слово: человекъ.

мы прочтемъ названія всѣхъ звѣрей и птицъ, какъ оставленныхъ въ Индіи, такъ и узнанныхъ въ здѣшнемъ климатѣ; всѣхъ деревь лѣсныхъ и плодовыхъ, цвѣтовъ и злаковъ, а также и растений, которыя могли служить для леченія и мнимаго волшебства; обозначенія всѣхъ металловъ, извѣстныхъ въ то время; названія войны со всѣми ея тогдашними орудіями, а также и мира, ведущаго съ собой длинный рядъ трудовъ и забавъ; уро-тища морскія, со всѣми отдѣлами воды и судовъ для водяныхъ сообщеній; всякія перемѣны воздушныя, извѣстныя завѣтныя числа и всякіе другіе предметы, злые и добрые, члены тѣла, всякія движенія мысли; наконецъ — мысль, память и слово, какъ связь и цѣль человѣческаго быта, короче, всю энциклопедію и весь нашъ словарь въ простомъ и переносномъ значеніи его словъ, въ единичномъ или сложномъ ихъ складѣ, раскинутый на нашей землѣ и наполняющій ея старыя „ста“ въ извѣстномъ порядкѣ. Въ старой славянщинѣ нѣтъ пяди земли, которая бы не принадлежала къ этому словесному порядку; онъ покрываетъ какъ осѣд-лыя, такъ и пустыя мѣста, полезныя и дикія, возвышенныя и низменныя, горы и доли, чистыя поля и темныя лѣса; словомъ, вся поверхность земли была столицею нашихъ боговъ и одною таблицею нашей вѣры“.

Ходаковскій уже здѣсь излагаетъ ту теорію о значеніи мѣст-ныхъ названій и городищъ, которую онъ развивалъ потомъ, изслѣдуя мѣстныя названія въ Россіи. — „Кому удастся, — гово-ритъ онъ, — сосчитать на этомъ обширномъ пространствѣ тѣ остатки сооружений, называемые городками или городищами, находящіеся почти на каждой милѣ, обнесенные вокругъ валомъ и при кото-рыхъ всегда находятся вблизи „лысыя“ или „ясныя горы“, обыкно-венно господствующія надъ мѣстностью и возвышающіяся при рѣкахъ и вообще при водѣ. Во многихъ мѣстахъ, даже при отсут-ствіи возвышенности, на равнинахъ, среди низинъ и болотъ По-лѣсья, все-таки можно найти подобныя мѣстности въ наиболѣе удобномъ положеніи. Кто слыхалъ повсюду распространенныя повѣрья о вѣдмахъ и колдуньяхъ, улетающихъ на „Лысую гору“ въ четвергъ послѣ новаго мѣсяца, тотъ не будетъ удивляться многочисленности подобныхъ названій“. Ходаковскій приходитъ къ убѣжденію, что въ славянскихъ поселеніяхъ, слѣдъ которыхъ остался именно въ городищахъ, была система, что они дѣлились на извѣстныя доли и въ нихъ было по сту земельныхъ названій, среди которыхъ наиболѣе видныя мѣста удѣлялись для „лысой горы“ и „святого городка“ и вокругъ нихъ совмѣщались осталь-ныя названія.

Онъ не думаетъ, чтобы рѣшилъ вопросъ; никакая система, по словамъ его, не можетъ быть высказана за-разъ во всей своей обширности, и „трудно на слабыхъ крыльяхъ перелетѣть отдаленныя мѣста и быстро проникнуть ихъ тайны“. Только время и усиленный трудъ, послѣ внимательнаго обозрѣнія множества отдаленныхъ мѣстностей, могутъ принести объясненіе, какинъ образомъ одно чувство или чья-нибудь воля умѣли основать на такомъ пространствѣ вездѣ себѣ подобную ткань, или придать ей то разнообразіе, которое повторяется, какъ бы переносимое цѣликомъ съ одного мѣста на другое. Осматривая почву старой славянской жизни, сколько можно найти этихъ повтореній—мы найдемъ вездѣ и Новгороды и Старгороды, Кіевы, Краковъ, Гнѣзны, Москвы ¹⁾, Познани, Премыслы, Бѣлгороды, съ присоединяющимися къ нимъ тѣми же или однозначными названіями. Сколько открывается пустословія и ошибокъ въ нашихъ описаніяхъ, которыя изъ названій странъ или поселеній выводили столько основателей!—„Опираясь на этой обширной и всюду передо мною присутствующей системѣ нашей сѣдой старины,—говоритъ Ходаковский,—я спокойно смотрю, какъ въ моихъ глазахъ исчезаетъ рой лѣтнихъ мечтаній, которыя, имѣя въ виду какое-нибудь укрытое лицо, силились—въ чешскихъ хроникахъ—создать тѣмъ богатырей изъ разныхъ мѣстныхъ названій“.

Въ этихъ славянскихъ мѣстныхъ названіяхъ Ходаковский видѣлъ иное—видѣлъ оригинальный порядокъ, свойственный только нашимъ славянскимъ предкамъ; здѣсь выражались ихъ общность, единство, здѣсь „они покрывались всѣмъ вѣнцомъ и названіемъ славы“. Онъ говоритъ, что эта картина внушала ему великое почтеніе къ мысли предковъ и возбуждала въ немъ стремленіе къ дальнѣйшему разысканію и довершенію этого образа старины.

Другимъ богатымъ источникомъ осталось преданіе, которое, за недостаткомъ современныхъ свидѣтельствъ, можетъ открыть многое. „Но кто не опредѣлилъ себѣ извѣстнаго плана, не приготовилъ извѣстныхъ вопросовъ, и также, въ мѣру обширности славянской земли, не имѣетъ запаса отваги, выдержки и знакомства съ нѣсколькими нарѣчіями, тотъ напрасно будетъ ожидать преданій; они не приплывутъ къ его берегу и не явятся сами. Необходимо пойти и спуститься (zniżyć się) подъ кровлю селянина въ разныхъ далекихъ краяхъ, надо слѣзнуть на его пиры, забавы и разные случаи его жизни. Тамъ, въ дымѣ, носящемся надъ

¹⁾ Имя Москвы онъ считалъ самымъ славянскимъ; корень ея, по его позднѣйшимъ объясненіямъ, былъ „мостъ“, „Мосткова“.

головами ¹⁾, еще снуются старые обряды, напѣваются давнія пѣсни, и, среди пляски простонародья, отзываются имена забытыхъ боговъ ²⁾. Въ этомъ горькомъ сумракѣ можно распознать свѣтящіеся имѣ три мѣсяца, три зари дѣвицы, семь звѣздъ возовыхъ ³⁾. Тамъ заря Лелева приближается къ молодому мѣсяцу и возвѣщаетъ любовь новобрачныхъ и свадьбу; тамъ заря, огражденная мѣсяцемъ или прикрытая облакомъ, означаетъ брачную клятву. До сихъ поръ еще три рѣки текутъ подъ сѣни любовниковъ и даютъ святой воды для (свадебнаго) корова и пироговъ. До сихъ поръ на тѣхъ же рѣкахъ въ подольскихъ пѣсняхъ ведутся гаданья, какъ упоминають византійскія хроники. Тихій Дунай все еще, какъ индійскій Гангъ, есть священная вода, полная чаръ любви и счастья... Вообще, эти обрядовыя пѣсни, которыя отчасти были собираемы надъ Днѣпромъ, Богомъ, Бугомъ, Сяномъ и верхней Вислой, вездѣ дышатъ милой простотой, грустью, полной метафоръ и древнихъ образовъ".—Надо думать, что когда онѣ, еще во время цѣлости стараго быта, пѣлись на народныхъ сборищахъ, на глазахъ у князей, жрецовъ и т. д., онѣ были еще характернѣе. „Къ сожалѣнію, наша земля не была защищена съ трехъ сторонъ моремъ, чтобы могла, несмотря на вѣка, сохранить столько, сколько Шотландія.— Но чего не мало надо жалѣть, это — того, что въ Чехіи при Карлѣ IV, а въ Польшѣ въ вѣкѣ Сигизмундовъ, благоприятный для наукъ и отечественнаго языка, въ вѣкѣ не такъ подавленной хаты селянина, не подумали о цѣльномъ собраніи пѣсенъ". Такое собраніе сберегло бы намъ время и работу, въ настоящее время гораздо болѣе трудную. Ходаковский жалуется на польское духовенство и іезуитовъ, а также на людей, какъ Иннокентій Гизель, которые топтали все то, чтò теперь становится цѣлью нашей любознательности. „Рядомъ съ этими винами въ западномъ краѣ, мы отдаемъ невольную похвалу русскому духовенству. Греческіе и уніатскіе попы были братья своего народа, молившіеся Богу на славянскомъ языкѣ, свободные отъ высокомерія, не вносяшіе раздора въ среду жителей своими реформами, — у нихъ было больше снисхожденія и мягкости. Послѣдствія показали это, по-

¹⁾ Т.-е. въ курныхъ избахъ.

²⁾ И послѣ, въ „Планѣ путешествія“, онъ скорбитъ, что ученые изслѣдователи не знаютъ народа, и зоветъ ихъ въ поля, луга и дубравы, „подъ сельскую кровлю“, „въ черныя хижины“, гдѣ они найдутъ историческій кладъ. „Сынъ Отеч.“ 1820, т. 63, стр. 293 и др.

³⁾ Малая Медвѣдица.

тому что русскія мѣстности несравненно больше сохранили старыхъ пѣсенъ и больше меня научили“.

Выше упомянуто, что Лелевель, по поводу петербургской жизни Ходаковского, замѣчалъ, что онъ начиналъ тамъ „сходить съ польскаго свѣта“. Это было не совсѣмъ точно, потому что Ходаковский гораздо раньше питалъ идеи и сочувствія обще-славянскія, и въ статьѣ 1818 г., которую теперь передаемъ, онъ, какъ видимъ, уже высказываетъ свое сочувствіе русскому складу быта въ отношеніи этнографическомъ. Лелевель думалъ, далѣе, что Ходаковский ошибочно искалъ больше старины на славянскомъ Востокѣ, занятомъ позднѣе славянами; Ходаковский, напротивъ, находилъ, что славянскій Востокъ болѣе научилъ его въ этомъ отношеніи, чѣмъ славянскій Западъ, одинъ край котораго онъ зналъ въ Польшѣ. Дѣйствительно, въ славянствѣ православномъ, вслѣдствіе большей первобытности отношеній, вслѣдствіе отсутствія католической нетерпимости къ народнымъ элементамъ, народная поэзія сохранилась въ гораздо большемъ богатствѣ своихъ архаическихъ преданій. Ходаковский ошибался только въ томъ, если предполагалъ, что здѣсь совсѣмъ не было преслѣдованія народнаго обычая и „языческихъ“ пѣсенъ; приведенный имъ примѣръ Гизеля не былъ единичнымъ. Ходаковский продолжаетъ:

„Въ сѣверной Россіи, въ концѣ восемнадцатаго вѣка, собирали и печатали пѣсни; издатель хвалитъ ихъ широкое разнообразіе по всѣмъ областямъ, но отдаетъ поэтическое превосходство пѣснямъ малороссійскимъ, т.-е. южной Руси. Я соглашаюсь съ этимъ по собственному убѣжденію, когда заглянулъ отчасти за Днѣпръ, въ полтавскій край. Надо сказать, однако, правду, что въ томъ сборникѣ въ двѣнадцать книгъ не видать ясной цѣли; заботились больше о массѣ пѣсенъ, чѣмъ о самой сущности; занимались этимъ лица неизвѣстныя и выбора у нихъ не сдѣлано никакого. Относительно пѣсенъ силезскихъ, чешскихъ, моравскихъ и венгерско-славянскихъ, не могу ничего сказать, еще не зная ихъ¹⁾), но забочусь объ этомъ“.

Ходаковский находилъ еще одинъ слѣдъ славянской старины: онъ думалъ, что она отразилась въ славянской, особливо польской, геральдикѣ. Нѣсколько изображеній въ шляхетскихъ гербахъ напоминали ему образы народной поэзіи, и онъ, со свойственной ему поспѣшностью, вообразилъ, что находитъ здѣсь много слѣдовъ далекой народной древности. Уже ближайшіе критики его, напр.,

¹⁾ Замѣтимъ, что тогда почти и не было еще никакихъ печатныхъ сборниковъ этихъ пѣсенъ.

Суровецкій, достаточно указали, что онъ въ этомъ совершенно заблуждался, и мы можемъ не останавливаться на этомъ эпизодѣ его разсужденій. Въ концѣ своей статьи Ходаковскій дѣлаетъ воззваніе, въ которомъ горячо проситъ о собираніи и сохраненіи остатковъ старины. „Сбережемъ,—говоритъ онъ,—случайныя, но довольно нерѣдкія открытія, какія дѣлаются въ землѣ,—эти разныя небольшія статуэтки, изображенія, металлическія орудія, посуду, горшки съ пепломъ. Сосчитаемъ и точно измѣримъ всѣ большія могилы, которыя насыпаны были нѣкогда въ честь одному лицу и одинокія прожили цѣлыя вѣка. Охранимъ отъ уничтоженія надписи, начертанныя въ подземныхъ скалахъ и большей частью намъ невѣдомыя. Снимемъ планы съ положенія мѣстностей, пользующихся давнею извѣстностью, для объясненія стараго ста, не дозволяя ни одному урочищу впасть въ забвеніе. Узнаемъ всѣ названія, какія деревенскій людъ или его лекарки въ разныхъ краяхъ даютъ растеніямъ. Соберемъ, сколько возможно, пѣсни и старыя гербы, опишемъ главнѣйшіе обряды. Внесемъ все это въ одну книгу и убѣдимся несомнѣнно о происхожденіи нашемъ изъ Индіи ¹⁾ и получимъ болѣе любящее представленіе о нашихъ предкахъ“.

„Я никогда не думалъ писать объ этомъ раньше, чѣмъ соберу всѣ запасы. Я набросалъ только нѣкоторыя мысли, вынесенныя изъ моего четырех-лѣтняго странствованія и труда для дальнѣйшаго его продолженія. Поставивши себя въ мысли за девятью валами отдаленныхъ вѣковъ, передъ обличіемъ сѣдой и важной бороды нашихъ предковъ, я не могъ уже говорить безъ нѣкотораго почтенія къ нимъ и —какъ будто отъ ихъ имени—безъ нѣкоторой смѣлости, которая, опираясь на очевидной истинѣ, выведенной изъ принадлежащихъ сюда фактовъ, всегда должна быть свойствомъ сѣверной души“.

Таковъ былъ первый археологическій и этнографическій трудъ, въ которомъ Ходаковскій на нѣсколькихъ страницахъ изложилъ свои выводы и свои мечты о славянской старинѣ, которая была для него и стариной, и современнымъ нравственно-поэтическимъ содержаніемъ его собственнаго народа. Очевидно, мы видимъ въ немъ то самое панславистическое одушевленіе, какое, нѣсколько лѣтъ спустя, наполняло Коллара, возстановлявшаго въ „Дочери Славы“ великое поэтическое прошедшее своего племени; какое наполняло Шафарика въ его пировыхъ археологическихъ изы-

¹⁾ Ходаковскій опять берется за этимологию или за игру словъ: „o pochodzie naszym z Inąd, czyli Indostanu“...

сваніяхъ, наполняло потомъ цѣлые ряды первыхъ дѣятелей возрожденія у разныхъ славянскихъ племенъ. Въ этомъ одушевленіи соединялись и научная потребность, часто неясная, бродившая на-угадъ въ потьмахъ, и живое чувство любви къ народу, чувство, которому предстояло совершить дѣйствительныя приобрѣтенія для политической и нравственной пользы этого народа. Ходаковский интересенъ именно тѣмъ, что былъ однимъ изъ первыхъ выразителей этого настроенія, однимъ изъ первыхъ начинателей того этнографическаго движенія, которое впоследствии совсѣмъ измѣнило характеръ исторіографіи и самой литературы. Дѣятельность Ходаковского принадлежала всего больше русской литературѣ, и здѣсь всего больше должна быть признана его заслуга. Наибогѣе свѣдущіе современники (Карамзинъ, Кёппенъ, Полевой, Погодинъ) понимали эту заслугу. Новѣйшіе ученые, которымъ пришлось опровергать любимую теорію Ходаковского относительно городищъ, говорили, однако, съ уваженіемъ объ этомъ человѣкѣ, потому что понимали и трудность возникавшаго вопроса, и энтузіазмъ изыскателя. Другіе, какъ Кс. Полевой, не понимали ни того, ни другого: для нихъ это былъ невѣжественный чудакъ, едва не шутъ, притомъ нищій, которому надобно было помогать; какое же онъ могъ внушать уваженіе? Это—образчикъ обыкновенныхъ сужденій толпы.

Въ статьѣ 1818 года набросаны главныя научно-поэтическія мысли Ходаковского; дальнѣйшіе труды были ихъ продолженіемъ и развитіемъ. Мы не будемъ вдаваться въ подробности этихъ трудовъ, которые принадлежатъ только исторіи науки; мы перечислимъ ихъ и замѣтимъ лишь, что въ нихъ разбросаны мѣстами весьма мѣткія замѣчанія объ исторической и народной старинѣ, свидѣтельствующія объ оригинальномъ умѣ и историческомъ талантѣ.

Первой работой Ходаковского, напечатанной на русскомъ языкѣ, была статья: „Разысканія касательно русской исторіи“, помѣченная въ Гомелѣ 19 липца (т.-е. іюля) 1819 года ¹⁾. Статья начата такими словами: „Не было примѣра, чтобы ляхъ имѣлъ особенное любопытство къ дѣяніямъ древней Руси, и, ради того, охотно бы вступать на неизмѣримое пространство ея земли. Причина тому была въ взаимной нелюбви двухъ народовъ. Но царь Александръ удовлетворилъ младшихъ братьевъ, примирилъ со старшими и показалъ имъ общее благо. Въ такое время, ко-

¹⁾ „Вѣстн. Европы“, 1819, ч. CVII, октябрьская книжка, стр. 277—302.

торое много общаетъ для грядущихъ поколѣній... ¹⁾), я осмѣлился, съ своей стороны, услужить нѣкоторымъ образомъ сему великому предназначенію, желая сдѣлать историческую развязку: когда родъ славянскій вездѣ и во всѣхъ отношеніяхъ былъ единообразный? по крайней мѣрѣ, не было ли сего до принятія нами христіанскаго закона?—Авторъ, конечно, въ этомъ увѣренъ, и, повторяя основныя мысли изложеннаго выше польскаго разсужденія, развиваетъ его новыми подробностями изъ русской древности. Онъ не вѣритъ иноземнымъ писателямъ, что „славянское младенчество окружено туманомъ грубаго невѣжества и дикости“,—и думаетъ, что есть другіе источники для сужденій о нашей древности. „Уважаая всегда ученые разсужденія, совѣтуюсь со старыми и новыми авторами на моемъ пути, увидѣлъ я, однако-жъ, что не всѣ они на землѣ нашей повѣряются и что много есть такого, къ чему ученая рука еще не прикоснулась“. Это, во-первыхъ—тѣ городища, которыя разсѣяны по нашей землѣ отъ Камы до Эльбы и отъ Сѣверной Двины до горъ Балканскихъ и Адриатическаго моря. Ходаковский видитъ въ нихъ остатки священныя оградъ, въ которыхъ совершались нѣкогда языческіе обряды и которыхъ имена напоминаютъ цѣлый кругъ древней народной жизни. Онъ настаиваетъ на необходимости признать самобытную жизнь древняго славянства и Руси, объяснять ихъ изъ нихъ самихъ ²⁾), и, между прочимъ, указываетъ, сколько любопытныхъ и важныхъ объясненій даютъ мѣстныя древнія названія, часто тождественныя въ разныхъ краяхъ стараго племени.

Между прочимъ, въ этой статьѣ авторъ не разъ дѣлаетъ возраженія Карамзину, и ее, повидимому, принимали именно какъ начало разбора „Исторіи“,—но дальнѣйшаго разбора не могло быть, потому что всѣ интересы Ходаковского кончались эпохою далекой древности. Біографы разсказываютъ подробности (которыхъ нечѣмъ провѣрить) объ отношеніяхъ Карамзина къ Ходаковскому,—что первый не любилъ критическихъ замѣчаній и, будто для умирненія Ходаковского, принималъ участіе въ его планахъ и содѣйствовалъ устройству его путешествія; съ другой стороны, говорили, что тотъ же Карамзинъ содѣйствовалъ и дальнѣйшей неудачѣ дѣла. Извѣстно, что Карамзинъ, познакомившись съ Ходаковскимъ, былъ заинтересованъ его сообщеніями и не разъ пользовался ими въ примѣчаніяхъ къ „Исторіи“ (во 2-мъ изданіи).

¹⁾ Точки въ подлинникѣ.

²⁾ Положеніе, на которомъ въ наше время настаиваетъ въ особенности И. Е. Забѣлинъ, и въ которомъ заключено, конечно, много историческаго пониманія.

О какомъ-либо участіи Карамзина въ обсужденіи позднѣйшаго „Донесенія“ пока ничего неизвѣстно ¹⁾.

Прибывши въ Петербургъ и успѣвши получить официальное разрѣшеніе и пособіе для своего путешествія, Ходаковский напечаталъ въ журналахъ свой „Проектъ ученаго путешествія по Россіи, для объясненія древней славянской исторіи“ ²⁾, помѣченный 18-го марта 1820-го года. Это цѣлый трактатъ, въ которомъ Ходаковский излагаетъ много подробностей своей теоріи, гдѣ, несмотря на исключительность и несомнѣнное преувеличеніе его взгляда на значеніе городищъ,—какъ пунетовъ языческой религіи, окруженныхъ будто бы единообразно другими городищами въ правильномъ распределеніи чуть не на каждой квадратной милѣ,—разбросано не мало любопытныхъ замѣчаній о старыхъ географическихъ названіяхъ. Свою программу онъ изложилъ въ слѣдующихъ чертахъ:

„Въ заключеніе повторяю все, что я прежде говорилъ о моемъ занятіи, то-есть, скажу, что вообще составляетъ мой предметъ:

„1. Сообразить во всѣхъ странахъ насыпи городищныя по той чертѣ, какъ показалъ я въ письмѣ изъ Гомля отъ 29-го іюня 1819-го года, и повѣрить, сколько возможно, будутъ ли онѣ на всякой квадратной милѣ. Посредствомъ оныхъ же границъ, смотря, гдѣ онѣ кончатся, узнать предѣлы древней Руси и на планѣ означить.

„2. Внутри Россіи осмотрѣть лично мѣста, по которымъ назывались округи: Вотская, Волоховская, Деревская, Голяды, Вятчи, Сѣвера, Семь, Муромъ, Меря, Вель, Мѣщера, и прочія, уважая въ томъ правило самого Нестора, который пишетъ: и прозвашася имени своими, гдѣ сѣдши на которомъ мѣстѣ, тако и прозвашася (Шлецеръ Русскій, I, стр. 113).

„3. Обратитъ вниманіе на главные нарѣчія провинціальныя,

¹⁾ Делевель (Dzienn. Lit., стр. 943) выражается такъ: „W ów czas (1819) wielkie sobie imie jedni ten co niespodzianie a zgręcznie o Karamzina dzieło zaczęli Karamzin tego nie lubił. Zorjan puścił piśmko, w Wiestniku Jewropy 1819 umieszczone, które groziło częstszym wyskokiem. Aby takowy odwrócić i uciszyć, Karamzin wziął Zorjana w opiekę i żuczenia jego porań“. Къ этимъ обстоятельствамъ относятся нѣсколько строкъ въ письмѣ Карамзина отъ 29 декабря 1819, въ „Письмахъ Карамзина къ И. И. Дмитріеву“ (съ примѣчаніями Грота и Пекарскаго. Сиб. 1866, стр. 279). Примѣчаніе издателей къ этому письму (на стр. 0129; не точно, потому что упоминаемое ими письмо Карамзина къ самому Ходаковскому, (напечатанное Погодинымъ въ „Москвитинѣ“, 1843, ч. I, № 1, стр. 273) относится уже къ другому времени, а именно къ 1822—23 г.

²⁾ Въ полномъ составѣ этотъ проектъ напечатанъ былъ въ „Сынѣ Отечества“, 1820, ч. 63—64, или № XXXIII—XXXVI, XXXVIII—XL, всего около ста стр. Въ извлеченіи онъ явился въ „Вѣстн. Европы“, 1820, ч. CXIII, № XVII—XVIII, стр. 30—56, 99—118 (сентябрь).

какъ далече простираются, въ чемъ состоитъ ихъ разница, и что могло въ оныхъ уцѣлѣть изъ древнѣйшаго славянскаго, чего письменный свѣтъ могъ еще не получить подобнымъ образомъ; какая будетъ разница въ одеждѣ, строеніи домовъ и земледѣльческихъ снарядахъ.

„4. Какія найдутся наименованія разнымъ звѣздамъ, и произведеніямъ природы, то-есть пресмыкающимся, насѣкомымъ, грибамъ и зельямъ.

„5. Обряды, свадьбы, игры, пѣсни, суевѣрія, и все, что будетъ происходить изъ древнѣйшихъ временъ.

„6. Наконецъ, все, что служить можетъ не только къ моему предмету, но и въ общую пользу ученаго свѣта, какъ-то: древнія монеты, особенно принадлежащія къ русской нумизматикѣ, и другія металлическія фигурки и посуды, нерѣдко открывавшіяся въ землѣ и могилахъ, письменныя и всякія другія достопамятности—все буду стараться получить, или доносить объ ономъ“¹⁾.

Въ „Сѣверномъ Архивѣ“ 1822-го года помѣщено извѣстіе о началѣ путешествіи Ходаковского по его письмамъ²⁾ и письмо изъ Москвы, гдѣ Ходаковский самъ рассказываетъ о своихъ наблюденіяхъ въ тверской и московской губерніи³⁾. Здѣсь, извиняясь за долгое молчаніе, онъ, между прочимъ, говоритъ о себѣ: „Не знаю, найдете ли вы въ нашемъ славянскомъ племени подобнаго стойка и упрямца, который бы, отказавшись отъ всѣхъ свѣтскихъ приличій, погрузился, подобно мнѣ, въ своемъ предметѣ! И потому неудивительно, что я, блуждая по лѣсамъ, полямъ и уединеннымъ селамъ, не могу удовлетворять обязанностямъ свѣтскихъ обществъ и дружбы“. Въ томъ же письмѣ онъ замѣчаетъ: „Я также могу ошибаться, подобно другимъ, съ тою только разницею, что я всѣмъ происшествіямъ нахожу причины дома, которыхъ тщетно другіе ищутъ на далекихъ распутіяхъ и за всѣми границами“.

¹⁾ „Сынъ Отечества“ 1820, ч. 64, стр. 297—299. Просьбы Ходаковского о сообщеніи свѣдѣній вызвали нѣкоторыя статьи, напр. „Вѣстн. Евр.“ 1820, ч. CXIII, стр. 306—310 „Письмо къ редактору“ М. Макарова и тамъ же (стр. 311) замѣтку А. Бояркина; „Записку о городищахъ, курганахъ и другихъ старинныхъ насыпяхъ въ тульской губерніи“, А. Глаголева, „Вѣстн. Евр.“ 1820, ч. CXIV, стр. 184—191, и „Другую Записку для г-на Ходаковского“ (о рязанской, тамбовской, воронежской, тульской, владимірской губ.), М. Макарова, тамъ же, стр. 191—204 и „Поправки“, стр. 317—318. Въ „Вѣстн. Евр.“ 1821, ч. CXVI (№ 4, февраль), стр. 322—326, помѣщено письмо Ходаковского по поводу статей Макарова и Бояркина и отвѣтъ Макарова.

²⁾ Часть II, стр. 314—318.

³⁾ Тамъ же, стр. 465—471.

Въ томъ же журналѣ, 1823-го года, помѣщена Ходаковскимъ небольшая замѣтка о Гуляй-городѣ ¹⁾, гдѣ онъ объясняетъ, что Гуляй-городъ не есть обозное укрѣпленіе, которое можно перевозить съ мѣста на мѣсто, какъ толковалъ его въ данномъ случаѣ Карамзинъ, а мѣстное урочище, гора около Серпухова. Въ слѣдующемъ году онъ помѣстилъ тамъ же, съ нѣкоторыми примѣчаніями, двѣ грамоты Свиртригайла и Витовта изъ пулавской библіотеки Чарторыйскихъ ²⁾. Наконецъ, тамъ же напечатана статья Ходаковского: „Опытъ изъясненія слова: князь, Xiadz“ ³⁾.

Это была, кажется, послѣдняя печатная работа Ходаковского.

Послѣ него остались рукописи. Чтò собственно дѣлалось съ ними, хорошенько неизвѣстно. Біографы единогласно указываютъ, что бумаги Ходаковского были переданы, по его смерти, Николаю Полевому, вѣроятно, по близкимъ связямъ Ходаковского съ Полевымъ въ послѣднее время и какъ бы въ вознагражденіе полученныхъ отъ него пособій; но чтò именно было передано, неизвѣстно. Впослѣдствіи о бумагахъ Ходаковского поднялся какой-то вопросъ; на нихъ какъ будто предъявлено было официальное требованіе, и онѣ очутились въ рукахъ Погодина. Погодинъ началъ печатать ихъ въ „Русскомъ Историческомъ Сборникѣ“, изданіи московскаго Общества исторіи и древностей.

Въ первой книжкѣ сборника Погодинъ напечаталъ любопытную статью Ходаковского: „Пути сообщенія въ древней Россіи“, гдѣ разъясняются именно пути водяные ¹⁾.

Въ примѣчаніи къ этой статьѣ Погодинъ даетъ слѣдующее извѣстіе о рукописяхъ Ходаковского: „Предложенныя драгоценныя извѣстія найдены мною въ уцѣлѣвшихъ бумагахъ покойнаго Ходаковского, которыя попались мнѣ только въ прошломъ 1836 году, послѣ продолжительныхъ мытарствъ, о коихъ говорить здѣсь не мѣсто. Рукопись очень запутана, испещренная послѣ перваго листа, особенно же въ концѣ, прибавленіями, переносками, помарками. Я старался разобрать извѣстія, сколько возможно, и, считая грѣхомъ держать ихъ долѣе подъ спудомъ, рѣшился напечатать въ трудахъ Общества, коего Ходаковский былъ членомъ, увѣренный, что всѣ любители исторіи прочтутъ съ удовольствіемъ и пользою это сочиненіе, проливающее большой свѣтъ на древнюю русскую исторію и объясняющее наши лѣтописи.

¹⁾ „Гуляй-городъ съ лѣвой стороны Оки, въ трехъ верстахъ отъ уѣзднаго города Серпухова“, Сѣв. Архивъ, 1823, ч. V, стр. 369—371.

²⁾ Сѣв. Архивъ, 1824, часть IX-ая, стр. 14—18.

³⁾ Тамъ же, 1824, ч. X, стр. 219.

⁴⁾ Русскій Историческій Сборникъ, издаваемый Обществомъ Исторіи и древностей русскіихъ. Редакторъ профессоръ Погодинъ. М. 1837 (1838). Томъ I, кн. I, стр. 1—50.

„Нѣтъ ли гдѣ-нибудь лучшаго, обработаннѣйшаго списка?

„Въ бумагахъ нашель я еще отвѣтъ Калайдовичу на его мнѣніе о городищахъ и вообще разборъ его археологическихъ писемъ о Рязанской губерніи. Исключая изъ него все бранное и временное, я пошлю его въ слѣдующихъ книжкахъ, дабы изслѣдователи могли еще короче познакомиться съ примѣчательнымъ ученіемъ Ходаковского.

„Кромѣ сихъ двухъ сочиненій, у меня находятся три части (изъ четырехъ) словаря Географическаго или лучше номенклатурнаго, городищъ и принадлежащихъ къ нимъ урочищъ и мѣстъ, словарь растений и нѣсколько лоскутковъ относящихся къ географіи и міеологіи, русской и литовской. Вотъ все, что уцѣлѣло изъ бумагъ Ходаковского“.

Въ третьей книжкѣ того же тома Погодинъ помѣстилъ обширную статью подѣ названіемъ: „Историческая система Ходаковского“ (стр. 2—109). Эта статья, представляющая опять массу замѣчаній о географическомъ матеріалѣ нашей старины и опять подробности о городищахъ, предназначена была служить отвѣтомъ на книгу Калайдовича: „Письма объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Рязанской губерніи“ (М. 1823), слѣдовательно писана уже въ то время, когда планы Ходаковского о дальнѣйшемъ путешествіи разрушились, и онъ велъ ту жизнь этнографа-пролетарія въ Москвѣ, которую съ такимъ недоброжелательствомъ описывалъ Ксенофонтъ Полевой. Какъ и статья о древнихъ путяхъ сообщенія, это была не отдѣланная, а черновая работа, и опять представляетъ замѣчательную начитанность въ памятникахъ русской исторіи и иногда любопытныя для своего времени попытки археологической этнографіи.

Къ этой статьѣ Погодинъ замѣчаетъ: „Эта статья есть собственно отвѣтъ Ходаковского, найденный мною въ его бумагахъ, Калайдовичу, по поводу неблагопріятнаго отзыва сего послѣдняго объ основной мысли перваго касательно городищъ, и подробный разборъ его книги „Письма объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Рязанской губерніи“, 1822. Исключивъ все временное и бранное, я представляю статью Ходаковского въ нашемъ Сборникѣ, потому что она заключаетъ въ себѣ ясное представленіе замѣчательной системы этого знаменитаго географа-историка, и множество частныхъ драгоценныхъ историческихъ извѣстій. Замѣчу еще, что статья досталась мнѣ въ черновой тетради, которую было очень трудно разбирать. Притомъ самъ авторъ не успѣлъ отдѣлать ея окончательно, что особенно примѣтно по пропускамъ“ ¹⁾.

¹⁾ Сужденія Калайдовича о Ходаковскомъ далеко не всѣмъ казались справедливыми. Сергій Строевъ, въ разборѣ „Р. Историч. Сборника“, писалъ: „Должно признать, что Калайдовичъ слишкомъ поверхностно смотрѣлъ на систему Ходаковского, даже и въ такомъ случаѣ, еслибъ дѣйствительно предпріятіе послѣдняго не имѣло полного успѣха“. Журн. Мин. Нар. Просв. 1839, т. 22, отд. VI, стр. 15—16.

Въ третьей книжкѣ III-го тома „Историческаго Сборника“ Погодинъ напечаталъ еще „Отрывокъ изъ путешествія Ходаковского по Россіи—Ладога, Новгородъ“ ¹⁾. Здѣсь, кромѣ описанія путешествія, описанія наличной старины, опять разсыяны любопытныя замѣтки о древней географіи и рядъ подробностей о современномъ новгородскомъ нарѣчьи, все это съ немалой начитанностью въ старой литературѣ лѣтописей и грамотъ.

Седьмая книга Сборника ²⁾ вся занята „Донесеніемъ о первыхъ успѣхахъ въ Россіи Зоріана Долуга-Ходаковского, изъ Москвы 13-го липца (іюля) 1822“. Въ началѣ „Донесенія“ собраны замѣчанія о племенахъ древней Руси, причемъ Ходаковский по своей славянской ревности хотѣлъ зачислить въ славянъ и нѣкоторые финскія племена; но главную часть „Донесенія“ составляетъ обширная и оригинальная работа, которой Ходаковский далъ названіе „Сравнительнаго словаря“. Это огромное собраніе географической номенклатуры, собранной изъ русскихъ и славянскихъ мѣстностей—тѣма, къ которой Ходаковский обращался не разъ и въ „Проектъ путешествія“, и въ „Исторической системѣ“ и, наконецъ, здѣсь онъ представилъ главную массу географическихъ названій, расположенныхъ по кореннымъ словамъ, напр. имена городовъ, мѣстностей, урочищъ отъ словъ: баба, берега, бѣда, бѣгъ, бѣль, бѣю, болото, боръ, борода, борть, бось, брага, брусъ и т. д. и т. д. ³⁾.

Рукописи Ходаковского попали въ 1836 году къ Погодину, какъ онъ говоритъ, „послѣ продолжительныхъ мытарствъ“, которыхъ, впрочемъ, не объясняетъ; и были ли онѣ собственностью Погодина, или московскаго Общества исторіи и древностей, неизвѣстно. Впослѣдствіи вмѣстѣ съ древлехранилищемъ Погодина онѣ перешли въ Публичную Библіотеку въ Петербургъ. Мы укажемъ здѣсь, что видѣли въ Публичной Библіотекѣ сравнительно съ тѣмъ, что упомянуто о рукописяхъ Ходаковского въ обстоятельной статьѣ „Энциклопедическаго лексикона“, 1841, писанной Савельевымъ-Ростиславичемъ.

¹⁾ М. 1839, стр. 181—200. Отрывокъ помѣченъ Новгородомъ 14-го марта 1831. Этотъ отрывокъ не вошелъ въ послѣдующее „Донесеніе“.

²⁾ Т. VII. М. 1844, 378 страницъ.

³⁾ Упомянемъ еще статью: „Путевыя записки Ходаковского“, въ Журналѣ Мин. Просв., 1838, т. 20 (декабрь), стр. 479—527. Это какъ бы черновая одной части „Донесенія“; до стр. 517-ой статья почти дословно сходна съ „Донесеніемъ“; дальше помѣщены отдѣльныя замѣтки, отчасти находящіяся уже въ „Проектѣ Путешествія“.

Къ сожалѣнію, мы не могли найти упоминаемой Лелевелемъ статьи, о системѣ могилъ славянскихъ, такъ какъ не нашли полнаго экземпляра „Моск. Наблюдателя“ въ тѣхъ библіотекахъ, какими пользовались,—если только въѣна цитата.

Въ статьѣ Савельева, въ ряду рукописей Ходаковского, на первомъ планѣ поставленъ: 1) Словарь собственныхъ именъ городищъ и селеній, на польскомъ языкѣ, четыре тома, причѣмъ разсказывается, что московское историческое Общество хотѣло приобрести всѣ бумаги своего трудолюбиваго сочлена, въ томъ числѣ и Словарь, что во время переговоровъ о покупкѣ одинъ томъ, по словамъ вдовы Ходаковского, остался у генерала Писарева, такъ что сохранилось только три тома Словаря и они были приобретены Погодинымъ. Въ настоящее время въ Публичной Библіотекѣ находятся сполна всѣ четыре тома (вѣроятно Погодинъ разыскалъ потомъ недостававшій томъ). Это — четыре громадныхъ фоліанта съ полустерпшими заглавіями на каждомъ томѣ: „Stare Sta“; здѣсь по польскому алфавиту заключается тотъ самый словарь, который позднѣе по русскому алфавиту сообщенъ былъ въ „Донесеніи“. Словарь, очевидно, представляетъ давнюю прилежную работу, съ пробѣлами для вписыванія новыхъ свѣденій; но это не была первая черновая, потому что разнородная номенклатура, кромѣ алфавита коренныхъ словъ, размѣщена уже въ извѣстной системѣ, и, повидимому, въ „Донесеніи“ не исчерпанъ весь матеріалъ рукописи.

Далѣе у Савельева названа: 2) Тетрадь малороссійскихъ пѣсенъ, безъ дальнѣйшихъ указаній. Это, вѣроятно, та самая тетрадь, которая была приобретена впоследствии Максимовичемъ. Въ предисловіи къ своему изданію малорусскихъ пѣсенъ 1827 г. Максимовичъ по поводу пѣсенъ заклинательныхъ замѣчаетъ: „образцы таковыхъ мнѣ показывалъ покойный Зоріанъ Ходаковский, послѣ коего остался знатный запасъ для изданія малороссійскихъ пѣсенъ“. Въ предисловіи къ изданію 1834 года, Максимовичъ упоминаетъ, что приобрѣлъ „извѣстное собраніе народныхъ пѣсенъ З. Я. Ходаковского, обильное пѣснями обрядными и особенно свадебными“; но сколько было этихъ пѣсенъ, гдѣ онѣ были собраны, осталось неизвѣстно. Далѣе: 3) Замѣчанія географическія и міеологическія, о которыхъ отмѣчено, что они находятся у Погодина. Самъ Погодинъ упоминаетъ „нѣсколько лоскутковъ, относящихся къ географіи и міеологіи русской и литовской“¹⁾; этихъ листковъ въ Публичной Библіотекѣ мы не видѣли. Далѣе: 4) Подробная карта съ отмѣтками, гдѣ, однако, недостаетъ четырехъ или пяти важныхъ картъ. Эта карта есть подробная карта Россійской имперіи, изданная на многихъ десятиахъ листовъ при Александрѣ I, съ именами

¹⁾ Русск. Ист. Сборн., т. I, кн. 1, стр. 50.

Сухтелена и Оппермана, и находится въ Публичной Библіотекѣ. Ходаковский отмѣтилъ на ней всѣ тѣ географическія названія, которыя его интересовали, подчеркивая ихъ краснымъ на самой картѣ и приписывая замѣтки и цитаты на поляхъ. Карта представляетъ въ переплетѣ большой атласъ. Далѣе: 5) Гербовникъ съ изслѣдованіями, о которомъ замѣчено, что онъ хранится у Максимовича. Далѣе, упомянуто еще, что должны находиться у кого-нибудь „Тетрадь славянской міеологіи“ и „Карта славянскихъ племенъ“; о томъ и другомъ ничего неизвѣстно. Припомнимъ, наконецъ, что, по мнѣнію Лелевеля, гдѣ-нибудь въ Петербургѣ должна храниться (если только упѣлѣла) та записная книжка, которая раскрыла біографію Чарноцкаго Ходаковского ¹⁾.

Намъ остается упомянуть, что въ послѣдствіи теорія Ходаковского, относительно городищъ, по новымъ изслѣдованіямъ оказалась слишкомъ поспѣшной. Городища, въ дѣйствительности, не были такъ однообразны и не могли имѣть одного того значенія языческихъ святилищъ, какое онъ имъ придавалъ, — хотя вопросъ и донинѣ остается не вполне яснымъ. Не входя въ исторію этого предмета, укажемъ только, что мнѣнія Ходаковского были приняты Погодинымъ ²⁾, но что затѣмъ, послѣ первой критики Калайдовича и недоумѣній Кёппена, на этотъ вопросъ обратили вниманіе Срезневскій ³⁾, г. Самовласовъ, въ своей

¹⁾ Въ Публичной Библіотекѣ хранится еще экземпляръ „Донесенія“, писанный четкимъ, крупнымъ почеркомъ самого Ходаковского (265 стр., въ листъ), и черновой письма отъ 19-го іюля 1823 года, адресованнаго къ какому-то Михаилу Оадѣвичу, управлявшему гродненской губерніей. Письмо очень рѣзкое: въ немъ говорится, что 9-го октября 1822 года Ходаковский посылалъ въ Гродно свои бумаги для удостовѣренія своихъ археологическихъ занятій и просилъ о присылкѣ подробной гродненской карты, недостававшей ему въ межевой канцеляріи; не только просьба его не была уважена, но ему не возвратили даже высланныхъ бумагъ, и Ходаковский осмѣляетъ Михаила Оадѣвича, своего соотечественника, укорами за невниманіе къ интересамъ науки и несоблюденіе простыхъ приличій. Въ письмѣ упоминается, что Ходаковский обращался съ подобными просьбами къ губернаторамъ малороссійскихъ, бѣлорусскихъ и другихъ губерній.

²⁾ Погодина — Изслѣдованія, Замѣч. и Лекціи, т. II, стр. 390, 400 — 414. Въ своей „Древней Русск. Исторіи до Могагольскаго ига“, М. 1871, т. III (атласъ), Погодинъ помѣстилъ слѣдующія работы Ходаковского: 1) карта, подъ названіемъ: „Указаніе славянскаго городства въ сѣверо-западной части Россіи по первому опыту въ 1822 г. Ходаковского“; 2) „Славянскія городища по изслѣдованіямъ З. Я. Доленги-Ходаковского“ (карта); 3) „Образчикъ городища по рисунку Ходаковского“ (у села Дякова, на Москвѣ-рѣкѣ).

³⁾ Въ статьѣ „О городищахъ въ земляхъ славянскихъ преимущественно западныхъ“, въ „Запискахъ одесскаго Общества исторіи и древностей“, 1850, томъ II, стр. 532 — 549.

книгѣ о древнихъ русскихъ городахъ ¹⁾ и, наконецъ, г. Барсовъ ²⁾; но вопросъ о древней славянской географіи, какъ мечта о ней Ходаковский, едва-ли можетъ считаться исчерпаннымъ въ наукѣ, а въ развитіи этнографіи за Ходаковскимъ останется неоспоримая заслуга, какъ одного изъ первыхъ восторженныхъ проповѣдниковъ изученія народности для цѣлей исторіи и народнаго достоинства.

А. Пыпинъ.

¹⁾ „Древніе города Россіи. Историко-юридическое изслѣдованіе“. Спб. 1873, стр. 100—109. Обзоръ ученыхъ мнѣній о городищахъ, стр. 94 и слѣд.

²⁾ „Очерки русской исторической географіи. Географія начальной, Несторовой глѣтонисы“. Изд. 2-е. Варшава, 1885. Стр. 25, 240 и др. Г. Барсовъ сообщаетъ, между прочимъ, что нѣсколько тетрадей Географическаго Словаря Ходаковского хранится въ библіотекѣ варшавскаго университета.

ОТРЫВОКЪ.

Чудесный вечеръ... Мы усѣлись группой
Въ травѣ зеленой, на опушкѣ лѣса,
Предъ насыпью желѣзнаго пути.
Вздыхались ели темною грядою
На свѣтломъ небѣ и кресты верхушекъ
Отчетливо, недвижные, чернѣли.
Порой надъ нами проносился поѣздъ,
И долго, долго въ гулкомъ отдаленіи
Въ тиши вечерней шумъ его катился...
Вдругъ мѣсяцъ круглый глянулъ съ вышины
Межъ двухъ шпалеръ померкнувшаго лѣса,
Какъ въ глубинѣ громадной, тихой сцены...
И всѣ мы смолели, словно притаились.
А шаръ луны, какъ незванный свидѣтель,
Все выступалъ, неотразимо-ясный,
И вырасталъ, и тихо приближался
И, наконецъ, уставился на насъ.
Мелькнули звѣзды. Раздались межъ нами
Обычные мечтанья и вопросы:
Тамъ есть ли люди? и въ мірахъ далекихъ
Намъ суждено-ль иную жизнь извѣдать?

— „Насъ тамъ не будетъ—и на куполъ звѣздный
Я избѣгаю пристально смотрѣть:
Мутится умъ и слово стынетъ въ горлѣ,
И друга благородныя черты
Мнѣ кажутся пустой и скверной маской,
А пестрый день, картинный и шумливый,—

Обманомъ жалкимъ, надъ которымъ втайнѣ
 Смѣются тамъ стальные очи мрака!..
 Къ чему дано намъ вѣчно созерцать
 Алмазную мятель и вихрь міровъ
 Въ бездонной синевѣ ночного неба —
 И ясно видѣть ихъ недостижимость?!
 Какая неотместная обида!“

— Вашъ ропотъ страненъ. Полно вамъ глядѣть
 На этотъ міръ изъ узкой, темной трубы!
 На первый планъ вы ставите себя.
 Но въ сферѣ звѣздъ никто о васъ не думалъ;
 Никто, разсудкомъ сходный съ человѣкомъ,
 Созданіемъ міровъ не управлялъ;
 Природа есть, откуда—мы не знаемъ,
 И ваши распри съ этимъ неизвѣстнымъ,
 Едва-ль носящимъ образъ существа,
 По истинѣ достойны сожалѣнья!
 Вашъ гнѣвъ измышленъ или вы больны.
 Но и въ разгарѣ затаенной злобы
 Вы дышите, вы смотрите—вамъ любо.
 А съ этой злобой, будь она правдива,
 Вамъ жить нельзя...

— „И лучше бы не жить!“

Мое несчастье и несчастье многихъ,
 Что жизнь мила при думахъ безотрадныхъ...
 Но съ каждымъ днемъ растутъ самоубійства
 И устарѣло въ наше времена
 Гамлетовское „быть или не быть?“.
 Загробныхъ сновъ никто ужъ не боится...
 Пугаетъ насъ, напротивъ, смерть ума,
 Его тлетворной, внутренней бесѣды
 Внезапное, глухое прекращенье...
 Мы съ нимъ страдаемъ и страдать не прочь
 За гранью гроба: лишь бы не разстаться!
 А многимъ страшенъ малый промежутокъ
 Удушья, муки, гадяго чего-то,
 Съ чѣмъ неразлученъ жалкій нашъ конецъ...
 Насъ гложутъ мысли. Я скажу къ примѣру:
 Прельщенъ ли я сіяньемъ этой ночи?
 Не такъ, какъ вы! Вашъ миръ ненарушимъ.
 А я—вникаю въ эту тишину

И слышу въ ней придушенные звуки
Тревожной жизни, бьющейся вокругъ:
Тамъ люди мрутъ, и въ судорожномъ хрипѣ
Колеблются безчисленныя груди...
Что, еслибы тѣ звуки слить въ одинъ?
Какой бы хоръ пронесся въ тихомъ небѣ!!
А поцѣлуевъ рой соединенный
Съ миллионъ устъ, поспѣшныхъ и безумныхъ,
Какой бы шумъ они произвели
Своимъ безсвязнымъ, птичьимъ щебетаньемъ!
А вопль родильницъ? А рыданье скорбныхъ?..
Теперь любуйтесь этой тишиной...
И вспомните, что подлогъ облаковъ
Почти отсюду дымчатою пустыней
На вышинѣ задержать надъ землею —
И никому не виденъ этотъ міръ,
И никому не слышенъ дольний звукъ,
Какъ звуки тѣни въ замкнутой могилѣ
Не слышны людямъ!.. Мы живемъ, какъ тѣни,
Водимы невѣдомой рукой
По чуждому, безвыходному замку:
Когда порой начнемъ стучаться въ окна,
Откуда насъ прельщаютъ чудеса —
Ни отзыва, ни помощи не слышно!
И всѣ мы гибнемъ, чуждые другъ другу...
Мы — тѣни! тѣни!“...

С. Андреевскій.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 ноября, 1886 г.

Официальные и неофициальные отзывы о земствѣ.—Отчетъ крестьянскаго поземельнаго банка за 1885 г.—Вопросъ о доплатахъ и о задаткахъ.—Вздорожаніе продажныхъ цѣнъ; его размѣры, причины и результаты.—Общая характеристика дѣятельности банка.—Проектируемыя постановленія о ростовщическихъ сдѣлкахъ.—Возможность соединенія денежной пени съ лишеніемъ свободы.

Еслибы въ печать не проникали, отъ времени до времени, слухи о продолжающейся работѣ по переустройству мѣстнаго управленія, наличность такой работы доказывалась бы съ достаточною ясностью образомъ дѣйствій извѣстной части прессы. Тщательно отмѣчая все могущее бросить тѣнь на дѣятельность земскаго и городского самоуправления и столь же тщательно умалчивая о явленіяхъ противоположнаго свойства, эта часть печати раздражается все чаще и чаще генеральными филиппиками противъ ненавистныхъ имъ порядковъ—и въ самомъ тонѣ этихъ филиппикъ все больше и больше звучитъ надежда на близость желанной перемѣны. Основательная ли такая надежда—покажетъ будущее; покажемъ мы можемъ только противопоставить ей нѣсколько данныхъ, позволяющихъ сомнѣваться въ безпрепятственномъ осуществленіи ретроградныхъ пожеланій той печати. „При министерствѣ внутреннихъ дѣлъ,—читаемъ мы въ передовой статьѣ „Московскихъ Вѣдомостей“, помѣщенной 8-мъ октября, — въ настоящее время печатаются материалы по земскому общественному устройству; не служитъ ли это признакомъ, что пора ожиданія свѣжихъ и новыхъ силъ въ нашемъ земствѣ ¹⁾ миновала, и что отъ словъ и предположеній о реформахъ въ мѣстномъ управленіи думаютъ, наконецъ, перейти и къ самому дѣлу?“ Зная, что разумѣется въ извѣстныхъ газетныхъ

¹⁾ Подчеркнуты нами слова заимствованы этой газетой, съ явно ироническимъ намѣреніемъ, изъ другого органа московской печати, стоящаго на сторонѣ земства.

сферахъ подъ именемъ дѣла, можно было бы не шутя задуматься надъ пророчествомъ московскихъ вѣщунѣвъ, еслибы оно не шло въ разрѣзъ съ другимъ фактомъ, гораздо болѣе вѣскимъ. По странному стеченію обстоятельствъ, оглашеніе этого факта относится именно къ тому дню, когда писалась только-что упомянутая нами статья „Московскихъ Вѣдомостей“. 8-го октября въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ напечатано слѣдующее Высочайше утвержденное положеніе комитета министровъ: „Комитетъ, усматривая, что Его Императорскому Величеству угодно было обратиться Высочайшее вниманіе на объясненіе тамбовскаго губернатора, въ всеподданнѣйшемъ отчетѣ его за 1885 г., касательно исполнѣнія удовлетворительнаго положенія въ тамбовской губерніи медицинской части, и Всемиловѣйше одобрить дѣятельность въ семъ отношеніи мѣстныхъ земскихъ учреждений и медицинскихъ чиновъ — призналъ исполнѣніемъ справедливымъ поощрить какъ мѣстныя земства тамбовской губерніи, такъ равно и отдѣльных лицъ медицинскаго персонала этой губерніи въ ея полезной дѣятельности объявленіемъ имъ Высочайшей резолюціи по сему предмету; независимо же сего, поставить въ извѣстность и прочія земства, что Его Величеству благоугодно было Всемиловѣйше найти заслуживающую похвалы и подражанія дѣятельность земства и медицинскихъ чиновъ въ дѣлѣ обезпеченія врачебною помощью населенія тамбовской губерніи“. Въ этомъ правительственномъ актѣ характеристично все, съ начала до конца: и свидѣтельство администраціи въ пользу земства, и милостивое Высочайшее одобреніе, выпавшее на долю послѣдняго, и гласность, данная словамъ Государя, — во всего характеристичнѣе, въ нашихъ глазахъ, сообщеніе Высочайшей резолюціи всѣмъ остальнымъ земствамъ. Еслибы земскія учреждения были обречены на исчезновеніе съ лица земли или на „преобразование“, мало чѣмъ отличающееся отъ „упраздненія“, незачѣмъ было бы, очевидно, поощрять ихъ къ дальнѣйшей усиленной дѣятельности указаніемъ блестящихъ результатовъ, достигнутыхъ однимъ изъ нихъ. Положеніемъ комитета министровъ не только констатированъ единичный случай удачнаго исполненія однимъ изъ земствъ одной задачи, на немъ лежащей; оно идетъ гораздо дальше: оно признаетъ возможность такого же образа дѣйствій со стороны всѣхъ земствъ вообще, во всѣхъ сферахъ, ввѣренныхъ земству. Съ такимъ довѣріемъ, съ такими надеждами нельзя было бы отнестись къ институту, доживающему послѣдніе дни своей самостоятельной жизни. Какъ ни велико муравьиное усердіе, съ которымъ газетные реакціонеры нагружаютъ фактами и фактиками излюбленную ими чашку вѣсовъ, другая чашка сразу опустилась внизъ, лишь только на нее легло положеніе комитета министровъ. Къ противовѣсу, такимъ образомъ созданному, при-

соединилась, все въ тотъ же день 8-го октября, еще одна добавочная тяжесть. Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ напечатана статья о народномъ образованіи въ тверской губерніи рѣшительно благоприятная для земства. „Въ послѣднія двадцать лѣтъ,—сказано въ этой статьѣ,—народное образованіе въ губерніи сдѣлало большіе успѣхи, несмотря на важныя препятствія, заключающіяся въ разбросанности и малолюдствѣ селеній. Двадцать лѣтъ тому назадъ приходилось, среднимъ числомъ, по одному учащемуся на 75 жителей, въ 1885 году — по одному учащемуся на 28 жителей. Изъ всего числа дѣтей школьнаго возраста (7 — 14 лѣтъ) школу посѣщаютъ около трети“. Дальше приводятся цифры, изъ которыхъ видно, что земство несетъ на себѣ три четверти всѣхъ расходовъ по народному образованію; говорится также о постоянномъ улучшеніи школьной обстановки и личнаго состава преподавателей.

Итакъ, одинъ и тотъ же нумеръ официальной газеты принесъ съ собою яркое подтвержденіе заслугъ, оказанныхъ земствомъ на двухъ важнѣйшихъ поприщахъ его дѣятельности. Правда, рѣчь идетъ, въ каждомъ данномъ случаѣ, только объ одной губерніи; но кто же не знаетъ, что для народнаго образованія много сдѣлало не одно тверское, — для народнаго здоровья — не одно тамбовское земство? Достаточно указать хотя бы на московское земство, съ большимъ успѣхомъ дѣйствовавшее и дѣйствующее въ обоихъ направленіяхъ, на работы курскаго земства по медицинской части, рязанскаго — по учебной, и т. д. Даже въ тѣхъ губерніяхъ, которыя стоятъ не на первомъ планѣ, есть уѣзды, оставляющіе желать—при данныхъ условіяхъ — весьма немногаго (таковы, напримѣръ, уѣзды петербургскій и петергофскій—въ петербургской, alexсандровскій—въ екатеринославской губерніи). Въ уѣздахъ и губерніяхъ, опускающихся ниже средняго уровня, сдѣлано все-таки безконечно много, если сравнить то, что есть, съ тѣмъ, что было до введенія земства. Народное здоровье, до начала шестидесятыхъ годовъ, не охранялось вовсе; народное образованіе подвигалось впередъ черепашьимъ шагомъ. Сознаніе важности обѣихъ задачъ, присканіе способовъ и средствъ для ихъ осуществленія, практическая повѣрка различныхъ системъ, достиженіе первыхъ крупныхъ результатовъ—все принадлежитъ здѣсь земству, одному земству. Систематическіе враги земскихъ учреждений любятъ подчеркивать цифру земскихъ расходовъ, постоянно идущую вверхъ и доходящую кое-гдѣ до весьма почтенныхъ размѣровъ, — но они забываютъ прибавить, что около половины этихъ расходовъ упадетъ на долю общественныхъ классовъ, еще недавно не принимавшихъ почти никакого участія въ государственномъ податномъ бремені. Земскіе сборы пробили первую брешь въ стѣнѣ несправед-

ливыхъ сословныхъ привилегій—и это оказалось возможнымъ только потому, что въ основаніе земства не было положено сословное начало. Безсословность—вотъ необходимое условіе, необходимая предпосылка всего хорошаго, сдѣланнаго земствомъ. Правда, она не была проведена съ достаточною послѣдовательностью и полнотою, и этимъ объясняются многіе недочеты въ итогахъ земской работы; но только на почвѣ, ею созданной, была мыслима энергичная заботливость о народномъ обученіи, о народномъ здоровьѣ. Только собранія, свободныя отъ всякихъ „повелительныхъ сословныхъ полномочій“, только собранія, каждый членъ которыхъ сознавалъ себя представителемъ общихъ интересовъ данной мѣстности, а не „опредѣленныхъ интересовъ“ того или другого „бытового союза“, — могли возложить на землю, кому бы она ни принадлежала, значительные платежи въ пользу народной массы. Земская медицина, земскія школы существуютъ преимущественно, иногда даже исключительно для крестьянъ; представители привилегированныхъ „бытовыхъ союзовъ“ никогда не получили бы отъ своихъ избирателей разрѣшенія на жертвы, приносимыя не въ интересъ этихъ союзовъ. Разсматриваемая съ этой точки зрѣнія, исторія земскихъ учрежденій представляетъ на каждомъ шагѣ массу аргументовъ въ пользу безсословнаго земства — и мы никакъ не можемъ допустить, чтобы всѣ эти аргументы были забыты въ рѣшительный моментъ земской реформы.

Мы всегда приступаемъ съ особеннымъ удовольствіемъ къ разбору отчетовъ крестьянскаго поземельнаго банка. Важность предпріятія, правильность его веденія, цѣнность достигаемыхъ результатовъ, подробность сообщаемыхъ данныхъ, полнота ихъ освѣщенія—все соответствуетъ здѣсь одно другому и ставитъ отчеты банка на первое мѣсто между однородными документами. Дѣятельность банка растетъ въ ширину и глубину, опровергая всѣ пессимистическія предсказанія рутинеровъ, всѣ карканья реакціонной прессы. „Казенное“, явное отношеніе къ дѣлу сплошь и рядомъ портило и портитъ у насъ самыя лучшія намѣренія законодателя; здѣсь, наоборотъ, мы видимъ полную гармонію между мыслью и ея исполненіемъ. Пробѣлы первоначальнаго устава банка устраняются, по крайней мѣрѣ отчасти, своевременными законодательными мѣрами, его недостатки смягчаются, по возможности, разумнымъ толкованіемъ и примѣненіемъ его постановленій. Если процессъ расширенія и регулированія дѣятельности банка встрѣчаетъ иногда кое-какія преграды, то это зависитъ не отъ самого банка. Такъ, напримѣръ, въ прошедшемъ году состоялось мнѣніе Государственнаго Совѣта, включившее въ

кругъ дѣйствій банка такъ называемыхъ десятишниковъ херсонской губерніи и земледѣльцевъ-старообрядцевъ въ пяти уѣздахъ губерніи подольской. Занося это узаконеніе въ нашу хронику, мы выразили сожалѣніе, что оно коснулось не всѣхъ мѣщанъ, занимающихся хлѣбопашествомъ. Теперь мы узнаемъ изъ отчета банка за 1885 годъ, что со стороны банка и министерства финансовъ реформа была проектирована именно въ широкомъ смыслѣ, безъ приуроченія къ данной мѣстности или къ данной категоріи хлѣбопашцевъ; размѣры ея были сужены уже при дальнѣйшемъ движеніи вопроса въ законодательномъ порядкѣ.

О степени распространенія дѣятельности банка могутъ дать понятіе слѣдующія цифры. Въ 1883 г. область дѣйствія его ограничивалась одиннадцатью губерніями; въ 1884 г. она обнимала собою уже восемнадцать, въ 1885 г. — двадцать-шесть губерній (въ 1886 г. открыто еще нѣсколько новыхъ отдѣленій). Въ 1883 г. разрѣшено было банкомъ 229 ссудъ, въ 1884 г. — 981, въ 1885 г. — 1,527. Куплено при содѣйствіи банка, въ теченіе трехъ лѣтъ, всего 546 тысячъ десятинъ, причемъ покупками воспользовалось всего 259 тысячъ душъ; на долю 1885 года приходится отсюда 318 тысячъ десятинъ, купленныхъ 154 тысячами душъ. Выдано въ ссуду всего 24 милліона рублей, изъ нихъ въ 1885 г. — болѣе тринадцати съ половиною милліоновъ. Въ дальнѣйшемъ нашемъ изложеніи мы будемъ постоянно приводить тѣ цифры, которыя относятся къ ссудамъ уже выданнымъ, т. е. къ сдѣлкамъ, окончательно осуществившимся. Такихъ сдѣлокъ было въ 1885 г. — 1180; на долю сельскихъ обществъ приходится изъ нихъ 376, на долю товариществъ — 683, на долю отдѣльныхъ крестьянъ — 121. Въ этомъ распредѣленіи числа сдѣлокъ нѣтъ ничего существенно новаго; товарищества съ самаго начала занимали, по числу сдѣлокъ, первое мѣсто между кліентами банка. Новизна заключается въ томъ, что въ 1885 г. товарищества превзошли сельскія общества не только числомъ сдѣлокъ, но и числомъ купленныхъ десятинъ, и цифрою полученной ссуды. Въ 1883 г. сельскими обществами было куплено около 52³/₄%, товариществами — около 47¹/₂% всей земли, приобрѣтенной при помощи банка; въ 1884 г. отношеніе между обѣими цифрами было еще выгоднѣе для сельскихъ обществъ (59³/₄% и 39³/₄%) — а въ 1885 г. на долю товариществъ приходится уже болѣе 54¹/₂%, на долю сельскихъ обществъ — около 45% всей купленной земли. Въ ссуду выдано товариществамъ, въ 1885 г., слишкомъ на сто тысячъ рублей больше, чѣмъ сельскимъ обществамъ. Ошибочно было бы, однако, заключить отсюда, что въ 1885 г. дѣятельность банка была менѣе плодотворной, чѣмъ въ предыдущіе годы. Увеличеніе числа и размѣра ссудъ,

выдаваемыхъ товариществамъ, объясняется увеличеніемъ содѣйствія, оказываемаго банкомъ расселенію и переселенію ¹⁾ крестьянъ—а это содѣйствіе столь же драгоцѣнно, какъ и возрастаніе крестьянской общественной собственности. Товарищества, покупающія землю для переселенія, весьма часто образуютъ тамъ новыя сельскія общества—а общества, изъ среды которыхъ отдѣлились переселенческія товарищества, получаютъ у себя дома больше простора; увеличеніе крестьянскаго земельного владѣнія происходитъ, такимъ образомъ, одновременно въ двухъ мѣстахъ. Чтобы убѣдиться въ томъ, какую важную роль играетъ переселеніе въ ссудахъ, выдаваемыхъ товариществамъ, достаточно привести слѣдующія цифры: изъ числа 143 тысячъ десятинъ, купленныхъ сельскими обществами, дальше десяти верстъ отъ мѣста нахожденія обществъ лежитъ только 3,600 десятинъ (около $2\frac{1}{2}\%$), между тѣмъ какъ изъ числа 173 $\frac{1}{2}$ тысячъ десятинъ, купленныхъ товариществами, дальше десяти верстъ отъ мѣста жительства товарищей отстоитъ около 75 $\frac{1}{2}$ тысячъ десятинъ ($43\frac{1}{2}\%$). Изъ другого мѣста отчета видно, что съ цѣлью расселенія или переселенія приобрѣтается почти вся земля, отстоящая больше чѣмъ на десять верстъ отъ мѣста пребыванія покупателей (изъ 79,636 десятинъ—77,185). Если сложить число десятинъ, купленныхъ сельскими обществами, съ числомъ десятинъ, купленныхъ товариществами въ видахъ расселенія и переселенія, то полученная сумма (слишкомъ двѣсти тысячъ) составитъ болѣе $\frac{2}{3}$ всего числа десятинъ, приобрѣтенныхъ съ содѣйствіемъ банка.

Ничтожной, сравнительно, остается по прежнему цифра десятинъ, купленныхъ отдѣльными крестьянами; она не составляетъ даже и $\frac{1}{4}\%$ общаго количества купленной земли (одна тысяча-триста-десять десятинъ изъ трехсотъ-восемнадцати тысячъ). Въ двѣнадцати губерніяхъ такихъ покупокъ не было вовсе. По прежнему также весьма значительно число покупокъ, сдѣланныхъ крестьянами безземельными и малоземельными (въ разряду послѣднихъ отчетъ относитъ всѣхъ тѣхъ, кто владѣлъ до покупки меньше чѣмъ $1\frac{1}{2}$ десятинами на душу). Такихъ крестьянъ между покупателями, воспользовавшимися помощью банка, было болѣе 60 тысячъ душъ изъ числа 154 тысячъ—т.е. около $40\frac{1}{2}\%$ (въ 1884 г.— 42% , но тогда свѣденія о размѣрахъ прежняго владѣнія были собраны далеко не по всѣмъ покупкамъ). Отъ $1\frac{1}{2}$ до 3 десятинъ на душу имѣли 49 тысячъ душъ (около 32%). Какъ и въ прошедшій разъ, составители отчета присоединяютъ къ этому распредѣленію данныхъ еще другое, исходя-

¹⁾ Расселеніемъ отчетъ банка называетъ переходъ въ мѣстность близкую, почти во всемъ сходную съ прежнею, а переселеніемъ—переходъ въ мѣстность болѣе отдаленную и рѣзко отличающуюся отъ прежней.

щее изъ той, совершенно вѣрной мысли, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ размѣръ владѣнія, не превышающій трехъ десятинъ, можетъ и долженъ считаться малоземельемъ. При такомъ взглядѣ на дѣло процентъ покушниковъ малоземельныхъ и безземельныхъ возвышается почти до 55. Повторимъ здѣсь еще разъ замѣчаніе, сдѣланное нами въ прошломъ году: мы не видимъ причины, почему покупщики безземельные не могли бы быть отдѣлены, въ отчетѣ, отъ малоземельныхъ и образовать особую рубрику, весьма важную для оцѣнки результатовъ дѣятельности банка.

Если изъ числа сдѣлокъ, совершаемыхъ при участіи банка, такая значительная часть упадетъ на долю крестьянъ безземельныхъ и малоземельныхъ, — т.-е. именно на долю тѣхъ, которые имѣютъ наибольшее право на помощь банка, — то это объясняется правильною, съ перваго раза, установкой задачъ банка и послѣдовательнымъ проведеніемъ однажды принятаго взгляда. Какъ и прежде, банкъ отказывается въ содѣйствіи крестьянамъ, достаточно обеспеченнымъ надѣльною или собственною землею и стремящимся довести свое владѣніе до такихъ размѣровъ, при которыхъ явилась бы необходимость обращенія къ наемному труду; какъ и прежде, онъ отклоняетъ просьбы покушниковъ, обращающихся къ его помощи безъ дѣйствительной надобности, съ какою-либо постороннею цѣлью (напр. съ цѣлью избѣжать платежа крѣпостныхъ пошлинъ). Цифра отказовъ, обусловленныхъ подобными соображеніями, достигаетъ, въ 1885 г., тридцати-восьми. Столь же разумны и другіе поводы къ отказу. Банкъ старается удостовѣриться въ томъ, что покупка выгодна для крестьянъ, что продажная цѣна не преувеличена, доплата — не слишкомъ обременительна, ежегодные платежи не превышаютъ вѣроятнаго дохода; если отсутствіе одного изъ этихъ условій несомнѣнно, онъ не выдаетъ просимой ссуды. Всѣхъ отказовъ этого рода въ 1885 году было девятнадцать. Одна сдѣлка, на примѣръ, не была утверждена потому, что условія доплаты могли привести къ раззоренію покушниковъ, другая — вслѣдствіе непомерно высокой продажной цѣны, третья — вслѣдствіе безводности покупаемой земли и непригодности ея для хлѣбопашества. Только при такомъ отношеніи къ дѣлу возможно огражденіе интересовъ банка, наравнѣ съ интересами самихъ покушниковъ. Пожалѣть можно лишь объ одномъ — что, несмотря на сознаваемую банкомъ опасность крупныхъ доплатъ, отношеніе доплаты къ банковской ссудѣ становится все менѣе и менѣе выгоднымъ для покушниковъ. Въ 1884 г. доплаты составляли около $13\frac{1}{2}\%$ стоимости купленной земли; въ 1885 г. это отношеніе возросло почти до 17%. Въ частности доплаты сельскихъ обществъ относились къ банковской ссудѣ въ 1883 г. какъ 1:9 $\frac{3}{4}$, въ 1884 г. —

какъ $1:8\frac{1}{4}$, въ 1885 г.—какъ $1:6\frac{1}{5}$; для товариществъ это отношеніе равнялось въ 1886 г.— $1:7$, въ 1884 г.— $1:4\frac{1}{2}$, въ 1885 г.— $1:4$, для отдѣльныхъ крестьянъ въ 1883 г.— $1:0,97$, въ 1884 г.— $1:1\frac{1}{3}$, въ 1886 г.— $1:1\frac{1}{5}$. Другими словами, сравнительная величина доплатъ, уменьшаясь нѣсколько лишь тамъ, гдѣ она всего менѣе опасна—по отношенію къ отдѣльнымъ крестьянамъ,—для двухъ остальныхъ категорій сдѣлокъ растетъ довольно быстро. Большая разница—приплатить менѣе одной десятой части покупной суммы, какъ это дѣлали сельскія общества въ 1883 г., или приплатить почти одну восьмую, какъ имъ пришлось это сдѣлать въ 1885 г. Правда, большая часть доплатъ (въ 1885 г.—около 75%) вносится при самой покупкѣ, сообразно съ чѣмъ уменьшается величина послѣдующихъ ежегодныхъ платежей; но для расплаты съ продавцомъ крестьяне, безъ сомнѣнія, часто заключаютъ долги на сторонѣ, такъ что по одному размѣру единовременной доплаты нельзя еще судить о тяжести бремени, продолжающаго лежать на покупщикахъ. Посторонніе кредиторы едва-ли, притомъ, ссужаютъ крестьянъ деньгами на столь выгодныхъ условіяхъ, на какихъ допускается разсрочка самими продавцами. Продолжительность разсрочки для трехъ седьмыхъ всей разсроченной суммы (298 тысячъ изъ 686) превышаетъ три года; большая половина этой суммы (405 тысячъ) вовсе не оплачивается процентами; въ большинствѣ остальныхъ случаевъ размѣръ годового процента—не выше 7%, а максимальная его цифра встрѣчающаяся крайне рѣдко—12%.

Крупныя и въ особенности единовременныя доплаты не только угрожаютъ состоятельности покупщиковъ—онѣ отражаются неблагоприятно и на распредѣленіи купленной земли; кто принялъ большее участіе въ доплатахъ, тотъ требуетъ и большей доли въ покупкѣ, львиная часть которой достается, такимъ образомъ, болѣе состоятельнымъ или менѣе нуждающимся изъ числа покупщиковъ. Мы встрѣчались уже съ этимъ фактомъ, когда говорили о результатахъ дѣятельности банка въ губерніяхъ саратовской и пензенской ¹⁾; изъ отчета банка мы узнаемъ, что онъ повторяется вездѣ и имѣетъ общее значеніе. Хорошо еще, что извѣстное минимальное отношеніе доплаты къ ссудѣ не принято за правило, какъ это предлагалось тѣмъ, которые видѣли въ доплатахъ единственную гарантію серьезнаго отношенія крестьянъ къ совершаемой сдѣлкѣ... По мнѣнію банка, необременительными и неопасными для крестьянъ доплаты могутъ быть признаны только тогда, когда не превышаютъ $7\frac{1}{2}$ — $8\frac{1}{2}\%$ —а мы видѣли, что на самомъ дѣлѣ онѣ вдвое больше. Весьма приятно

¹⁾ См. Внутр. Обзоръ въ № 6 „Вѣстн. Евр.“ за текущій годъ.

было, поэтому, прочесть въ отчетѣ банка, что однимъ изъ основныхъ его стремленій за послѣднее время является „указанная практикою необходимость такъ направлять покупки, чтобы онѣ дѣлались хотя и съ доплатами, но по возможности умѣренными или, по крайней мѣрѣ, не одновременными“. Иногда—напримѣръ, въ херсонской губерніи, гдѣ средній размѣръ доплаты достигаетъ 22 $\frac{1}{4}$ %,—значительность доплатъ зависитъ отъ слишкомъ низкихъ нормальныхъ оцѣнокъ, ограничивающихъ чрезъ мѣру цифру банковской ссуды. Это обстоятельство имѣется уже въ виду банка, ожидающаго, для повышения оцѣнокъ, только нѣкоторой перемѣны къ лучшему въ условіяхъ, переживаемыхъ сельскимъ хозяйствомъ на юго-западѣ Россіи.

Между причинами отказа въ банковской ссудѣ мы встрѣчаемъ еще одну, весьма характеристичную для дѣятельности банка. Три сдѣлки не были разрѣшены потому, что покупка товариществомъ, судя по чрезвычайному неравенству въ распредѣленіи покупаемой земли, прикрывала въ дѣйствительности приобрѣтеніе земли однимъ или немногими лицами. Само собою разумѣется, что подобный отказъ заслуживаетъ полнаго сочувствія; нельзя представить себѣ ничего болѣе несовмѣстнаго съ назначеніемъ банка, какъ прямое или косвенное содѣйствіе обогащенію отдѣльныхъ лицъ. Одной осторожности въ разрѣшеніи ссудъ, съ этой точки зрѣнія, еще недостаточно; равновѣсіе между товарищами-покупщиками можетъ быть нарушено не только въ моментъ покупки, но и впоследствии времени, путемъ перехода купленной земли къ одному или немногимъ товарищамъ. Такому переходу способствуетъ въ особенности неурожайная полоса, тяжело отражающаяся на менѣ зажиточныхъ товарищѣхъ и располагающая ихъ къ продажѣ своихъ участковъ. Совѣтъ банка сдѣлать все зависящее отъ него, чтобы затруднить постепенное сосредоточеніе купленной земли въ рукахъ немногихъ владельцевъ. Онъ разъяснилъ отдѣленіямъ банка, что всякая передача земли отъ одного товарища къ другому требуетъ согласія банка и всѣхъ остальныхъ товарищѣхъ; при этомъ отдѣленіямъ банка было указано, что „передача долей—явленіе нежелательное и не заслуживающее поощренія, и что допускать ее Совѣтъ банка будетъ только въ исключительныхъ случаяхъ“.

Вполнѣ цѣлесообразной представляется рѣшимость банка не допускать, по возможности, слишкомъ крупныхъ ссудъ, выдаваемыхъ нѣсколькимъ сельскимъ обществамъ въ совокупности. Такой способъ выдачи легко приводитъ къ несогласіямъ и спорамъ между обществами и подвергаетъ всѣхъ покупателей отвѣтственности за неисправность одного или немногихъ. Въ смоленской губерніи четырнадцать деревень предполагали купить сообща около шестнадцати

тысячъ десятинъ земли; въ этомъ видѣ сдѣлка не была утверждена банкомъ—и послѣдствіемъ его несогласія явилось совершеніе на ту же землю двадцати-одной отдѣльной сдѣлки, причемъ каждая группа покупателей приобрѣла участокъ, наиболѣе для нея удобный, смежный съ прежнимъ ея владѣніемъ. Не такъ легка оказывается для банка борьба съ другимъ рядомъ условій, угрожающихъ состоятельности покупателей. Крестьяне слишкомъ часто вносятъ, еще до разрѣшенія сдѣлки, крупные задатки, отказываясь отъ права требовать ихъ обратно въ случаѣ отказа въ выдачѣ ссуды, или обязываются крайне тяжелыми неустойками на случай несвоевременнаго взноса доплатъ. Совѣтъ банка могъ только разъяснить отдѣленіямъ, что желаніе предупредить потерю задатка не должно служить основаніемъ къ утвержденію сдѣлки, несомнѣнно невыгодной для крестьянъ, и затѣмъ просить о предостереженіи крестьянъ, черезъ посредство крестьянскихъ присутствій, противъ заключенія явно обременительныхъ и раззорительныхъ для нихъ сдѣлокъ. Просьба банка исполнена министерствомъ внутреннихъ дѣлъ—но ожидать отъ этого полезныхъ результатовъ едва-ли возможно, въ виду болѣе чѣмъ скромнаго вліянія, которымъ пользуются крестьянскія присутствія. Намъ кажется, что изъ двухъ главныхъ опасностей, констатируемыхъ отчетомъ банка—потери задатковъ, въ случаѣ неразрѣшенія ссуды, и включенія въ сдѣлку условій доплаты, слишкомъ невыгодныхъ для покупателей—серьезное значеніе имѣетъ только послѣдняя. Потеря задатка, вслѣдствіе несовершенія сдѣлки къ опредѣленному сроку, мыслима только тогда, когда сдѣлка не совершена по винѣ покупателя, т.-е. по причинѣ, зависѣвшей отъ его воли. Отвѣчать за чужое дѣйствіе или бездѣйствіе никто не можетъ; нельзя ставить въ вину крестьянамъ, сдѣлавшимъ съ своей стороны все необходимое для полученія ссуды, что она вовсе не разрѣшена банкомъ или что разрѣшеніе не дано къ извѣстному моменту, назначенному сторонами. Встрѣчались ли судебныя рѣшенія, разрѣшавшія вопросъ въ противоположномъ смыслѣ—этого мы не знаемъ; но мы вполне убѣждены, что такія рѣшенія не выдержали бы повѣрки высшей судебной инстанціи. Если они могли состояться и вступить въ силу, то развѣ вслѣдствіе безпомощности, слишкомъ часто свойственной крестьянамъ передъ лицомъ суда. Процессы, возникающіе изъ неосуществившагося разсчета на помощь банка, могли бы быть поставлены подъ особое покровительство закона—въ видѣ, напримѣръ, обязательнаго назначенія отвѣтчикамъ-крестьянамъ адвоката изъ числа мѣстныхъ присяжныхъ повѣренныхъ. Мысль объ усиленіи судебной защиты для крестьянъ не разъ уже была высказываема въ нашей литературѣ ¹⁾;

¹⁾ За нее стоялъ, между прочимъ, К. Д. Кавелинъ, въ своемъ „Крестьянскомъ вопросѣ“.

случай, о которомъ мы теперь говоримъ—одинъ изъ тѣхъ, когда подобная защита представлялась бы особенно цѣлесообразной. Что касается до условій доплаты, черезъ-чуръ обременительныхъ для крестьянъ—напр., громадныхъ неустоекъ за каждую просрочку въ взносѣ доплаты,—то однимъ усиленіемъ судебной защиты здѣсь ограничиться нельзя; необходима еще другая общая мѣра, направленная къ увеличенію правъ суда, къ предоставленію ему возможности не стѣсняться условіями договора, если они явно противорѣчатъ справедливости, явно нарушаютъ равноправность сторонъ. Потребность въ такой мѣрѣ чувствуется уже давно; злоупотребленія, обнаруженные практикой крестьянскаго банка—только одно изъ многихъ доказательствъ въ ея пользу.

Въ отчетѣ банка за 1883 г. вовсе не было свѣдѣній о званіи продавцовъ; въ отчетѣ за 1884 г. они были собраны относительно большей части сдѣлокъ; отчетъ за 1885 г. не представляетъ, въ этомъ отношеніи, никакихъ пробѣловъ. Продавцовъ-крестьянъ (если отнести къ крестьянамъ казаковъ и башкиръ) въ 1885 г. было сравнительно нѣсколько больше, нежели въ 1884 г., но все же очень немного (вмѣсто двухъ процентовъ—около трехъ). Желательно было бы знать, кто были, въ этихъ случаяхъ, покупатели; если сельскія общества или товарищества съ цѣлью разселенія или переселенія, то содѣйствіе банка слѣдуетъ признать вполне нормальнымъ и полезнымъ. Другое дѣло, если покупателями были отдѣльные крестьяне или небольшія группы, руководимыя исключительно цѣлью увеличенія владѣнія, и безъ того уже не слишкомъ недостаточнаго; при такихъ условіяхъ содѣйствіе банка переходу земли отъ однихъ крестьянъ къ другимъ едва-ли можетъ быть названо цѣлесообразнымъ. Количество земли, купленной отъ купцовъ и мѣщанъ, значительно возросло (вмѣсто двадцати-шести тысячъ десятинъ — сорокъ-одна тысяча); въ саратовской губерніи, гдѣ въ послѣднее время сильно увеличивалось купеческое землевладѣніе, отъ купцовъ приобрѣтена почти половина всей земли, купленной при содѣйствіи банка. Въ виду извѣстныхъ свойствъ купеческаго землевладѣнія, нельзя не радоваться усиленному переходу земли отъ купечества къ крестьянамъ—и вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не пожалѣть, что крестьянскій банкъ не былъ открытъ десятью годами раньше; сколько дворянскихъ земель досталось бы тогда прямо крестьянамъ, минуя купеческія руки!.. Утѣшительно также приобрѣтеніе земли отъ евреевъ, въ 1885 г., впрочемъ, менѣе значительное, чѣмъ въ 1884 г. (вмѣсто одиннадцати тысячъ десятинъ—семь тысячъ). Главный контингентъ продавцовъ набирается по прежнему изъ среды дворянъ и чиновниковъ; отъ нихъ куплено почти $\frac{5}{6}$ всей земли, приобрѣтенной при содѣйствіи банка (болѣе

251 тысяча десятинъ изъ 318). Большая половина проданныхъ земель принадлежала продавцамъ не по наслѣдству; въ арендѣ находилась также большая половина, причемъ арендованная земля распределялась почти поровну между мелкими и крупными сѣмщиками. Нетрудно сообразить, какъ много выиграли крестьяне отъ перехода къ нимъ въ собственность земли, которую они прежде должны были арендовать не прямо отъ владѣльцевъ, а отъ третьихъ лицъ, спекулировавшихъ землею. Не въ проигрышѣ, по всей вѣроятности, оказались, въ этихъ случаяхъ, и сами продавцы. Чтобы утѣшить тѣхъ, кто ставить въ вину крестьянскаго банка содѣйствіе, оказываемое имъ расширенію крестьянскаго землевладѣнія на счетъ дворянскаго, нужно привести еще одну характеристичную цифру: больше половины всей земли, проданной при содѣйствіи банка (почти 167 тысячъ десятинъ изъ 318), состояло въ залогѣ—а заложенная земля часто принадлежитъ владѣльцу только по имени.

Относительно исправности заемщиковъ 1885-ый годъ былъ не такъ благопріятенъ, какъ 1884-ый, когда платежи поступали почти безнедоимочно; но это объясняется полнымъ неурожаемъ въ степныхъ губерніяхъ, главномъ мѣстѣ дѣятельности крестьянскаго банка, и притомъ сумма недоплатъ отнюдь не можетъ быть названа значительною. Изъ 1.131,196 рублей, подлежащихъ взносу въ теченіе 1885-го года, не было внесено ко времени составленія отчета 167, 220 рублей (менѣе 15%); изъ нихъ разсрочено и отсрочено почти 113 тысячъ рублей, а относительно остальныхъ или не было ходатайства объ отсрочкѣ—что указываетъ на надежду заемщиковъ вскорѣ уплатить деньги, — или собираются дополнительныя свѣденія. Во всякомъ случаѣ дѣйствительность не оправдываетъ злорадныхъ предсказаній реакціонной прессы, утверждавшей, что заемщики банка съ самаго начала будутъ считать себя свободными отъ обязанности вносить срочныя платежи. По восьми губерніямъ къ 1-му января 1886 года вовсе не было просроченныхъ платежей; по четыремъ губерніямъ ихъ было менѣе тысячи рублей, по пяти—отъ двухъ до пяти тысячъ. Болѣе двухъ третей всей просроченной суммы приходилось на долю двухъ губерній—екатеринославской и полтавской, т.-е. именно тѣхъ, которыя сильно пострадали отъ неурожая. Замѣтимъ еще, что къ 1-му января сумма просроченныхъ платежей, перешедшихъ предѣлы льготнаго срока, едва превышала двадцать тысячъ рублей.

Запросъ на помощь банка, если сравнивать между собою три отчетные года, подвергается сильнымъ колебаніямъ, поднимаясь въ однихъ мѣстностяхъ, падая въ другихъ. Это послѣднее явленіе подало поводъ къ пессимистическимъ выводамъ, тѣмъ болѣе заслуживающимъ вниманія, что они принадлежатъ газетѣ, сочувствующей задачамъ и

цѣлямъ банка. Установимъ, прежде всего, нѣкоторые факты, относящіеся къ занимающему насъ предмету. Газета, которую мы имѣемъ въ виду, указываетъ на то, что изъ одиннадцати губерній, въ которыхъ отдѣленія банка открыты съ 1883 года, только четыре дали, въ 1885 г., увеличеніе суммы заявленныхъ сдѣлокъ. Это совершенно справедливо—но изъ одной суммы заявленныхъ сдѣлокъ едва-ли можно выводить какія-либо прочныя заключенія. Заявляется множество сдѣлокъ, остающихся впослѣдствіи времени безъ осуществленія, или вслѣдствіе несерьезности намѣренія сторонъ, или вслѣдствіе явной несоразмѣрности между требованіемъ продавца и дѣйствительною стоимостью земли, или вслѣдствіе неотвратимыхъ препятствій къ утвержденію сдѣлки. Понятно, что сумма заявленій должна быть особенно велика въ первое время послѣ открытія, въ данной мѣстности, отдѣленія банка, пока покупщики и продавцы не ознакомились еще съ условіями его дѣятельности. Просмотримъ, напримѣръ, въ таблицѣ заявленныхъ сдѣлокъ цифры, относящіяся къ губерніямъ, на которыя дѣятельность банка распространена лишь въ 1885 г.—и мы встрѣтимся съ колоссальными цифрами, далеко превосходящими сумму сдѣлокъ разрѣшенныхъ. Въ воронежской губерніи, напримѣръ, заявлено сдѣлокъ почти на полтора милліона, разрѣшено—на шестьсотъ тысячъ; въ донской области заявлено сдѣлокъ на 2½ милліона, разрѣшено—на 1¼ милліона. Конечно, разрѣшеніе сдѣлокъ требуетъ не мало времени, и этимъ объясняется, отчасти, разниа между суммами сдѣлокъ заявленныхъ и сдѣлокъ разрѣшенныхъ—но только отчасти; множество сдѣлокъ разстроивается какъ послѣ, такъ и до разрѣшенія ихъ Совѣтомъ банка ¹⁾. Гораздо вѣрнѣе, поэтому, обратиться къ сдѣлкамъ совершившимся или по крайней мѣрѣ разрѣшеннымъ, какъ это и дѣлаетъ въ другихъ случаяхъ газета, которой мы возражаемъ. Сумма, разрѣшенная къ выдачѣ въ 1885 г., превышаетъ соответствующую сумму 1884 года уже не въ четырехъ, а въ семи изъ одиннадцати вышеупомянутыхъ губерній, причемъ увеличеніе составляетъ нѣсколько болѣе двухъ милліоновъ, уменьшеніе—нѣсколько болѣе 1¼ милліона; разниа въ пользу увеличенія—около четверти милліона. Допустимъ, однако, что число сдѣлокъ, совершаемыхъ при содѣйствіи банка, уменьшается, въ большинствѣ случаевъ, по мѣрѣ продолжительности дѣйствій банка въ данной мѣстности, и посмотримъ, отъ чего это зависитъ и что изъ этого слѣдуетъ.

Причинъ, понижающихъ, съ теченіемъ времени, число покупокъ

¹⁾ Въ воронежской губерніи разстроилось, напримѣръ, еще до полученія разрѣшенія отъ банка, пять судъ, на сумму трехсотъ-десяти тысячъ рублей.

при содѣйствіи банка, газета насчитываетъ двѣ: существованіе доплатъ и вздорожаніе земель подъ вліяніемъ дѣятельности банка. Нашимъ читателямъ извѣстно, что мы принадлежимъ и всегда принадлежали къ числу противниковъ доплатъ; отвергать неблагоприятное ихъ вліяніе мы, конечно, не станемъ—но необходимо замѣтить, что онѣ проистекаютъ изъ самаго устава банка, изъ опредѣленія обязательныхъ для банка нормальныхъ цѣнъ и максимальныхъ предѣловъ ссуды. Мы видѣли уже, что управленіе банка сознаетъ вредныя послѣдствія доплатъ, въ особенности доплатъ крупныхъ и единовременныхъ; оно не только не требуетъ доплатъ во что бы то ни стало, но старается, особенно въ послѣднее время, по возможности ихъ ограничить. Вредъ, обусловливаемый доплатами, заключается, притомъ, не столько въ затрудненіи самыхъ сдѣлокъ, сколько въ обременительности ихъ для покупателей. Онѣ являются на сцену съ самаго открытія отдѣленія; такъ на примѣръ, въ донской области и въ новгородской губерніи, гдѣ только-что началась дѣятельность банка, онѣ составляютъ болѣе 18%, суммы заявленныхъ сдѣлокъ. Приобрѣсти значеніе тормазы, уменьшающаго, мало-по-малу, число и сумму сдѣлокъ, онѣ могутъ только въ связи съ вздорожаніемъ земли, къ которому мы теперь и переходимъ. Безспорно, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ средняя цѣна десятины, покупаемой при содѣйствіи банка, клонится къ повышенію; но всегда ли это явленіе идетъ параллельно съ ограниченіемъ дѣятельности банка? Нѣтъ. Возьмемъ, для примѣра, губерніи пензенскую и тамбовскую, въ которыхъ 1885-й годъ принесъ съ собою уменьшеніе суммы заявленныхъ и разрѣшенныхъ ссудъ—уменьшеніе, тѣмъ болѣе бросающееся въ глаза, что отдѣленія банка открыты въ этихъ губерніяхъ лишь въ 1884 г. Мы видимъ здѣсь не повышеніе, а пониженіе продажныхъ цѣнъ. Если взять за основаніе заявленія о сдѣлкахъ, то въ 1884 г. десятина земли цѣнилась въ пензенской губерніи, среднимъ числомъ, въ 95¹/₂, въ тамбовской губерніи—въ 92 рубля, а въ 1885 г. въ пензенской губерніи—въ 70, въ тамбовской—въ 64¹/₂ рубля. Тотъ же, приблизительно, выводъ дастъ и сравненіе цѣнъ, по которымъ продажа дѣйствительно состоялась; въ 1884 г. эта цѣна превышала, для обѣихъ губерній, 90 рублей съ десятины, а въ 1885 г. составляетъ для пензенской губерніи 79, для тамбовской—82¹/₂ рубля. Не ясно ли, что пониженіе суммы сдѣлокъ и тамъ, и тутъ зависѣло отъ причинъ, не имѣющихъ ничего общаго съ повышеніемъ продажныхъ цѣнъ на землю? Возьмемъ еще одну губернію, въ которой сильно уменьшилась сумма заявленныхъ сдѣлокъ—екатеринославскую; оказывается, что и въ 1884, и въ 1885 г. десятина земли цѣнилась здѣсь одинаково—въ 50 руб. Наоборотъ, есть губерніи, въ которыхъ повышеніе цѣнъ идетъ рука

объ руку съ повышеніемъ суммы сдѣлокъ. Въ кievской губерніи, на примѣръ, средняя цѣна десятины составляла, судя по заявленнымъ продажнымъ цѣнамъ, сначала 53 рубля (1883 г.), потомъ—111 (1884 г.), потомъ—93 (1885 г.); этимъ тремъ цифрамъ соответствуютъ 262, 429, 1252 тысячи рублей, какъ цѣнность заявленныхъ сдѣлокъ. При состоявшихся продажахъ средняя цѣна десятины достигаетъ въ 1885 г. для кievской губерніи ста-сорока-двухъ рублей — и все-таки это не останавливаетъ роста покупокъ. Въ курской губерніи средняя заявленная цѣна десятины была почти одинакова и въ 1884, и въ 1885 г. (съ небольшимъ 120 рублей); по отношенію къ состоявшимся продажамъ она повысилась на 22 рубля (въ 1884 г. 106, въ 1885 г. —128 рублей)—а между тѣмъ сумма сдѣлокъ по курской губерніи, какъ заявленныхъ, такъ и разрѣшенныхъ, возросла въ 1885 году весьма значительно. Если присоединить ко всѣмъ этимъ даннымъ удостовѣреніе банка, что самыми высокими бывають иногда именно первыя объявляемыя цѣны, то нельзя, кажется, не придти къ слѣдующимъ двумъ общимъ положеніямъ: 1) дѣятельность банка не всегда и не вездѣ имѣетъ послѣдствіемъ, возрастаніе цѣнъ на землю и 2) сумма сдѣлокъ не всегда и не вездѣ повышается—съ пониженіемъ, понижается—съ повышеніемъ продажныхъ цѣнъ на землю.

Прежде, чѣмъ высказать наше предположеніе о главной причинѣ колебаній, неправильно или во всякомъ случаѣ недостаточно объясненныхъ разбираемою нами газетною статьею, обратимъ вниманіе на одну черту, повторяющуюся изъ года въ годъ въ дѣятельности банка: на крайнюю неравномѣрность, съ которою сдѣлки, заключаемыя при содѣйствіи банка, распределяются между различными мѣстностями Россіи. Есть губерніи, въ которыхъ съ самаго начала совершалось и до сихъ поръ продолжаетъ совершаться очень мало сдѣлокъ; таковы, на примѣръ, губерніи волынская и подольская—на юго-западѣ, ковeнская—на сѣверо-западѣ, таврическая—на югѣ. Въ губерніяхъ волынской и подольской отдѣленія банка открыты съ самаго перваго года существованія банка,—а число сдѣлокъ, совершенныхъ за три года, не превышаетъ въ первой—21, во второй—20. Въ ковeнской губерніи, за два года, совершено 17 сдѣлокъ, въ таврической—11. Гродненская губернія обѣщаетъ идти по стопамъ своей сосѣдки, ковeнской; дѣятельность банка началась здѣсь въ февралѣ 1885 г.,—а совершено, по 1-ое января 1886 г., всего двѣ сдѣлки, между тѣмъ какъ въ харьковской губерніи ихъ совершено за тотъ же промежутокъ времени 27, въ донской области—32. Рядомъ съ мѣстностями, въ которыхъ банкъ подвигается впередъ крайне медленно, лежать другія, въ которыхъ кругъ его дѣйствій расширяется чрезвычайно быстро и сильно; таковы губерніи кievская—по отношенію къ

волинской и подольской, екатеринославская—по отношенію къ таврической, могилевская—по отношенію къ ковенской и гродненской. Продажныя цѣны въ подольской губерніи хотя и высоки, но ниже кievскихъ; въ волинской губерніи онѣ гораздо ниже. Въ таврической губерніи продажныя цѣны также уступаютъ екатеринославскимъ. Зажиточность крестьянскаго населенія, безъ сомнѣнія, играетъ немалую роль въ числѣ и цѣнности покупокъ¹⁾—но едва-ли можно допустить, что въ кievской губерніи, напримѣръ, крестьяне располагаютъ гораздо большими средствами, чѣмъ въ подольской. Размѣры крестьянскаго владѣнія въ юго-западныхъ губерніяхъ также не могутъ быть существенно различны между собою. Не наводитъ ли все это на мысль, что главную (конечно—не единственную) причину разницы, какъ между губерніями, такъ и между отчетными годами, нужно искать въ предложеніи земель на продажу? Какъ бы настоятельна ни была потребность крестьянъ въ землѣ, какъ бы ни велика готовность банка способствовать удовлетворенію этой потребности, дѣятельность банка не можетъ развиваться, если мало желающихъ продать землю, не можетъ не сокращаться, если на мѣсто продавцовъ, сбывшихъ съ рукъ свою землю, не является по меньшей мѣрѣ столько же охотниковъ послѣдовать ихъ примѣру. Мы знаемъ уже, что большая часть земли, продаваемой при содѣйствіи банка, принадлежала лицамъ, не имѣвшимъ своего самостоятельнаго хозяйства; отсюда ясно, что гдѣ больше землевладѣльцевъ, лично ведущихъ хозяйство, тамъ, вообще говоря, меньше случаевъ обращенія къ помощи банка. Весьма вѣроятно, что именно этимъ обусловливается незначительное число банковыхъ ссудъ, причитающихся на долю губерній волинской, подольской, ковенской. Этого мало: для того, чтобы могла состояться сдѣлка при содѣйствіи банка, необходимо, въ большинствѣ случаевъ (если не принимать въ расчетъ покупки съ цѣлю расселенія или переселенія), чтобы землевладѣлецъ, желающій продать землю, нашелъ крестьянъ, желающихъ купить ее, у себя подъ рукою, между своими сосѣдами. Очевидно, что такое совпаденіе обстоятельствъ имѣетъ мѣсто далеко не вездѣ; сосѣди землевладѣльца, готоваго продать землю, могутъ не нуждаться въ ней или не располагать достаточными средствами для ея покупки—и наоборотъ, крестьяне, крайне нуждающіеся въ лежащей о-боку съ ними землѣ и жаждущіе приобрести ее съ помощью банка, могутъ встрѣтить со стороны землевладѣльца рѣшительный отказъ въ продажѣ. Противъ послѣдней комби-

¹⁾ Поразительно, съ этой точки зрѣнія, тотъ фактъ, что въ двухъ бѣднѣйшихъ уѣздахъ черниговской губерніи—мглинскомъ и суражскомъ—не состоялось до сихъ поръ ни одной сдѣлки при содѣйствіи банка. Въ 1885 г. въ суражскомъ уѣздѣ заложена одна сдѣлка, въ мглинскомъ—9, но на очень небольшое количество земли.

націи условій банкъ совершенно безсиленъ—да и первая для него не всегда устранима. Ко времени открытія, въ данномъ мѣстѣ, отдѣленія банка подготавливается, большею частью, значительный запасъ сдѣлокъ, которыя заявляются—и отчасти осуществляются—въ первые мѣсяцы дѣятельности отдѣленія; неудивительно, если затѣмъ наступаетъ иногда періодъ сравнительнаго затишья. Черезъ нѣсколько времени количество земли, годной, если можно такъ выразиться, для банковаго рынка, опять, по всей вѣроятности, возрастетъ, операціи банка опять расширятся—но нельзя ожидать, чтобы онѣ постоянно оставались на одномъ уровнѣ или постоянно шли crescendo. Приливъ и отливъ неизбежны здѣсь еще больше, чѣмъ въ области другихъ имущественныхъ сдѣлокъ... Если наше предположеніе не лишено основаній, то вздорожаніе земли нисходитъ въ разрядъ второстепенныхъ причинъ изучаемаго нами явленія. Не говоримъ уже о зависимости цѣнъ отъ общаго экономическаго закона, уничтожить дѣйствіе котораго никакое учрежденіе не въ силахъ. Больше охотниковъ купить землю, больше и ея цѣна, въ особенности если покупщики—люди ограниченныхъ потребностей и физическаго труда, да еще добавокъ владѣльцы смежной земли. Для нихъ покупаемая земля дѣйствительно можетъ имѣть гораздо бѣльшую цѣнность, нежели для продавца или другого, обыкновеннаго покупателя. Ответственность за вздорожаніе земли банкъ могъ бы нести въ такомъ только случаѣ, еслибы онъ содѣйствовалъ ему пассивнымъ отношеніемъ къ несоразмѣрно-высокимъ продажнымъ цѣнамъ, безпрекословнымъ утвержденіемъ сдѣлокъ, устанавливающихъ такіа цѣны; но мы знаемъ изъ отчетовъ, что онъ поступаетъ совершенно иначе и стремится, насколько это отъ него зависитъ, къ пониженію продажныхъ цѣнъ.

Не свободны отъ недоразумѣній и другія замѣчанія газеты, направленные противъ дѣятельности банка. Въ вину банковаго управленія ставится то, что при заключеніи сдѣлокъ сельскими обществами ссуда, считая на душу, выдается въ меньшемъ размѣрѣ, нежели при заключеніи сдѣлокъ товариществами и отдѣльными крестьянами, вслѣдствіе чего въ первомъ случаѣ меньше и количество земли, приходящееся на душу. Фактъ, отъ котораго отправляется газета, не подлежитъ сомнѣнію ¹⁾, но онъ едва-ли зависитъ отъ взглядовъ и способа дѣйствій банка. Ни въ отчетахъ, ни въ другихъ источникахъ мы не встрѣчаемъ никакого указанія на то, чтобы банковое управленіе относилось къ сельскимъ обществамъ строже, чѣмъ къ

¹⁾ Въ 1885 г. на каждую душу приходится, при покупкахъ сельскими обществами, около 1½ дес., при покупкахъ товариществами—почти 3, при покупкахъ отдѣльными крестьянами—болѣе 3 десятинъ.

другимъ заемщикамъ, чтобы оно старалось уменьшить размѣръ выдаваемыхъ имъ ссудъ; гораздо основательнѣе было бы противоположное заключеніе. Если покупки сельскихъ обществъ обнимаютъ собою меньшее, сравнительно, количество земли, то главное объясненіе этому нужно искать, какъ намъ кажется, въ самомъ характерѣ покупокъ, необходимымъ условіемъ которыхъ почти всегда является смежность или большая близость покупаемой земли ¹⁾. Сельскія общества покупаютъ, болѣею частью, не ту землю, которая подешевле, а ту, которая лежитъ у нихъ подъ рукою,—покупаютъ не столько земли, сколько нужно для полнаго удовлетворенія потребности, а столько, сколько продаетъ сосѣдній землевладѣлецъ. Другое дѣло — покупка товариществами; здѣсь въ гораздо болѣе степени возможенъ выборъ, а слѣдовательно и сравнительная обширность, и сравнительная дешевизна ²⁾ покупки — въ особенности когда цѣлью покупки является расселеніе или переселеніе. Увеличить число и размѣръ покупокъ, совершаемыхъ сельскими обществами, банкъ не въ состояніи; его роль — чисто выжидательная, онъ можетъ только способствовать осуществленію слѣловъ, ему заявляемыхъ. Нужно, прежде всего, чтобы земля, удобная для покупки сельскими обществами, была предназначена въ продажу ея владѣльцемъ; нѣтъ этого условія — нѣтъ и предмета для дѣятельности банка. Самыми плодотворными покупками и мы признаемъ покупки сельскими обществами, на началахъ общиннаго владѣнія; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы въ покупкамъ товариществами можно было относиться съ безусловнымъ отрицаніемъ. Мы видѣли уже, что *de facto* онѣ иногда ничѣмъ не отличаются отъ покупокъ сельскими обществами. Нельзя отождествлять, какъ это дѣлаетъ разсматриваемая нами статья, покупки сельскими обществами — съ распространеніемъ общиннаго владѣнія, покупки товариществами — съ распространеніемъ владѣнія подворнаго. Покупки сельскими обществами встрѣчаются и въ мѣстностяхъ подворнаго владѣнія (губерніяхъ кievской, подольской, волынской), подчиняясь, въ большинствѣ случаевъ, той же системѣ — и наоборотъ, земля, купленная товарищами, поступаетъ иногда въ общинное ихъ владѣніе. Заключительный нашъ выводъ таковъ: дѣятельность банка настолько достигаетъ своей главной цѣли, насколько это возможно въ предѣлахъ устава. Измѣненіе устава — въ смыслѣ болѣе заботливости о крестьянахъ малоземель-

¹⁾ При покупкахъ сельскими обществами (въ 1885 г.) смежность выражается процентной цифрой 84¹/₂; при покупкахъ товариществами этотъ процентъ падаетъ до 58¹/₂. Изъ 148 тысячъ десятинъ, купленныхъ сельскими обществами, смежно лежитъ почти 121 тысяча, ближе одной версты — почти 11 тысячъ.

²⁾ Сельскимъ обществамъ десятина обошлась въ 1885 г., среднимъ числомъ, въ 54¹/₂ рубля, товариществамъ — въ 49⁹/₁₀ рубля.

ныхъ и безземельныхъ, большаго поощренія общиннаго владѣнія, большаго содѣйствія переселенія, большаго удешевленія покупокъ—представляется какъ нельзя болѣе желательнымъ, но полезныхъ результатовъ можно достигнуть и на почвѣ нынѣ дѣйствующаго порядка.

Продолжаемъ начатый нами въ предыдущемъ обзорѣнн разборъ той части проектируемаго уголовного Уложенія, которая относится къ имущественнымъ посягательствамъ. Съ однимъ нововведеніемъ—или, лучше сказать, съ цѣлымъ рядомъ нововведеній, касающихся акціонерныхъ обществъ,—мы уже познакомились; другое нововведеніе, не менѣе важное, имѣетъ предметомъ такъ называемые ростовщическіе договоры. Пока взиманіе процентовъ было ограничено у насъ максимальной нормой (6%), до тѣхъ поръ существовалъ и уголовный законъ, каравшій нарушеніе этой нормы; но когда, въ 1879 г., отмѣнены были узаконенные проценты, лихва—или ростовщичество—перестала считаться уголовнымъ проступкомъ. При самомъ утвержденіи закона 6-го марта 1879 г. предусматривалась, правда, возможность такихъ дѣйствій со стороны заимодавцевъ, которыя не могутъ оставаться безнаказанными; но никакихъ постановленій по этому предмету издано не было, и обсужденіе его возложено на комиссію, составляющую проектъ уголовного Уложенія. Задачу комиссіи облегчили недавнія законодательныя мѣры, принятія противъ ростовщичества въ Германіи и въ Австро-Венгріи. Германское Уложеніе 1870 г. охраняло только интересы несовершеннолѣтнихъ должниковъ, но уже въ 1880 г. оно было измѣнено и дополнено особымъ закономъ о лихвѣ (*Gesetz betreffend den Wucher*). Этотъ законъ грозитъ отвѣтственностью каждому, кто, пользуясь нуждою, неопытностью или легкомысліемъ другого лица, при займѣ или въ случаѣ отсрочки денежнаго обязательства, выговорить въ свою или чужую пользу имущественную прибыль, слишкомъ значительно превышающую обычный ростъ и явно несоразмѣрную съ оказываемою услугою. Наказуемымъ считается и завѣдомое приобрѣтеніе ростовщическаго обязательства или извлеченіе изъ него лихвенной прибыли. Обстоятельствами, увеличивающими вину, признаются: 1) искусственное прикрытие ростовщическаго характера сдѣлки, 2) обезпеченіе ея векселемъ, честнымъ словомъ, присягой и т. п., и 3) занятіе лихвою по при-
вычкѣ или въ видѣ ремесла. Наказаніе—тюрьма и денежная пеня, съ факультативнымъ или обязательнымъ лишеніемъ почетныхъ гражданскихъ правъ. Близко къ германскому закону подходитъ венгерскій, состоявшійся въ 1883 г. Австрійскій законъ 1881 г. менѣе строгъ въ томъ отношеніи, что для наказуемости лихвы онъ требуетъ

возможности раззоренія (wirthschaftliches Verderben) должника. Правило, выработанное нашею комиссіей, больше приближается къ австрійскому образцу, чѣмъ къ германскому или венгерскому. Вотъ что сказано въ ст. 526-ой проекта: „виновный въ отдачѣ капитала въ ростъ за чрезмѣрные проценты: 1) если ростовщическая ссуда была оказана при такихъ условіяхъ, при которыхъ она, завѣдомо для виновнаго, представлялась раззорительною для должника; 2) если чрезмѣрность процентовъ была скрыта подъ видомъ платы за храненіе, или инымъ способомъ,—наказывается тюрьмою. Ростъ, не превышавшій пятнадцати процентовъ, не почитается чрезмѣрнымъ“.

Цѣлесообразность уголовной кары за ростовщическія сдѣлки едва ли можетъ подлежать какому-либо сомнѣнію. Если она установлена, подъ влияніемъ горькаго опыта, въ западно-европейскихъ государствахъ, то тѣмъ болѣе необходимой она представляется въ Россіи. Бѣдность и неразвитость массы дѣлають ее у насъ особенно удобнымъ объектомъ эксплуатаціи, а самая эксплуатація легче чѣмъ гдѣ-либо ведетъ къ экономической гибели. Недостатокъ правильно-устроеннаго, дешеваго кредита открываетъ широкій просторъ для дѣятельности ростовщиковъ. Само собою разумѣется, что бороться съ этою язвой можно и должно не одними только уголовными законами, что поднятіемъ народнаго благосостоянія, увеличеніемъ крестьянскаго землевладѣнія, поощреніемъ кустарныхъ промысловъ, распространеніемъ сельскихъ банковъ, пониженіемъ налоговъ, платимыхъ бѣдными классами населенія, измѣненіемъ порядка взысканія податей можно достигнуть гораздо большаго, чѣмъ наказаніемъ нѣсколькихъ ростовщиковъ; но одинъ способъ борьбы не исключаетъ другого, менѣе дѣйствительнаго, зато скорѣе ведущаго къ цѣли. Искоренить ростовщичество уголовный законъ не въ силахъ—но уничтожить самыя крайнія, самыя вредныя его проявленія онъ несомнѣнно можетъ, и пренебрегать такимъ союзникомъ было бы большою ошибкой. Ядовитое дерево не будетъ срублено, но цвѣтъ его станетъ менѣе пышнымъ. Не лишено значенія уже и то, что вещь будетъ названа ея настоящимъ именемъ, что ростовщичество—по крайней мѣрѣ ростовщичество извѣстнаго сорта—потеряетъ право на титулъ профессіи, дозволенной закономъ. „Какъ бы ни были рѣдки случаи преслѣдованія за ростовщичество,—читаемъ мы въ объяснительной запискѣ къ проекту,—они послужатъ благодѣтельнымъ примѣромъ для общественнаго оборота, показывая, какое обогащеніе государственная власть признаетъ незаконнымъ и заслуживающимъ порицанія“. Вздорожаніе кредита, вслѣдствіе риска преслѣдованія, комиссія считаетъ невѣроятнымъ и во всякомъ случаѣ неопаснымъ; „насколько мало,—говоритъ она,—торговый оборотъ колеблется отъ наказаній за торго-

вые обманы, настолько же мало и свобода гражданскихъ сдѣлокъ можетъ быть нарушена установленіемъ наказаній за недобросовѣстныя дѣйствія одного контрагента во вредъ другому“.

Соглашаясь съ комиссіей въ основномъ принципѣ, мы расходимся съ нею въ подробностяхъ. Прежде всего намъ кажется, что изложеніе ст. 526-ой не вполне ясно и не вполне соответствуетъ цѣли и мотивамъ закона. Изъ объяснительной записки слѣдуетъ заключить, что для наказуемости ростовщичества комиссія признаетъ достаточнымъ одно изъ двухъ условий, упомянутыхъ въ ст. 526-ой (либо раззорительность ссуды, либо наличность ухищренія, направленного къ сокрытію чрезмѣрности процентовъ). Въ текстѣ статьи это не выражено съ надлежащею опредѣленностью; можно подумать, что она требуетъ соединенія, въ каждомъ данномъ случаѣ, обоихъ условий. Чтобы устранить такое толкованіе, необходимо поставить между пунктами первымъ и вторымъ союзъ: или. Гораздо важнѣе недоразумѣнія, которыя могутъ возникнуть изъ редакціи перваго пункта статьи. По буквальному его смыслу, наказуемой признается такая ростовщическая ссуда, условія которой, завѣдомо для виновнаго, представлялись раззорительными для должника. Въ объяснительной запискѣ по этому поводу сказано слѣдующее: „Завѣдомость понимается комиссіею не въ смыслѣ знанія виновнымъ всѣхъ частныхъ имущественнаго положенія кредитуемаго, а лишь въ значеніи сознанія явной тяготы условленной съ капитала прибыли, которая, по естественному ходу вещей, не можетъ быть выдержана нормальнымъ хозяйствомъ“. Мотивы идутъ, такимъ образомъ, гораздо дальше текста—а для суда обязательны только послѣднія; съ соображеніями, положенными въ основаніе закона, судъ можетъ и не справляться, если смыслъ закона не возбуждаетъ въ немъ никакихъ сомнѣній. Не лучше ли было бы, поэтому, исключить изъ текста статьи указаніе на раззорительность сдѣлки, черезъ-чуръ ограничивающее смыслъ закона, и приблизиться къ германскому образцу, гораздо больше удовлетворяющему требованіямъ жизни? Для того, чтобы сдѣлка могла считаться ростовщическою и наказуемою, вовсе не нужно, чтобы она грозила раззореніемъ должника; совершенно достаточно крайней и ничѣмъ не оправдываемой ея обременительности—или, по выраженію комиссіи, явной тяготы—для должника. Неудачнымъ кажется намъ, дальше, выраженіе: чрезмѣрность процентовъ. Лихва, по замѣчанію самой редакціонной комиссіи, не всегда состоитъ въ взиманіи преувеличенно-высокаго процента; она можетъ заключаться и въ передачѣ валюты, дѣйствительная стоимость которой гораздо ниже номинальной, и въ назначеніи громадныхъ неустоекъ. По мысли комиссіи, всѣ эти случаи

должны подойти подъ дѣйствіе статьи 526-ой—но примѣнимость ея къ нимъ, если разсматривать ее отдѣльно отъ ея мотивовъ, можетъ возбудить серьезныя сомнѣнія. У насъ въ Россіи особенно распространены—и особенно опасны—такія ростовщическія сдѣлки, которыя возлагаютъ на должника личныя обязательства, чапримѣръ обязательство отработать извѣстное число дней, вспахать извѣстное число десятинъ и т. п. О процентахъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, здѣсь нѣтъ рѣчи—но признаки лихвы могутъ быть всѣ на-лицо. Мы вполне увѣрены, что коммиссія не затруднилась бы подвести такіе случаи подъ дѣйствіе проектированной ея статьи—но далеко не убѣждены, что столь же мало затруднений примѣненіе ея въ этомъ смыслѣ встрѣтитъ и на практикѣ. Чтобы устранить возможность недоумѣній, стоить только послѣдовать примѣру германскаго законодательства и замѣнить понятіе о чрезмѣрности процентовъ понятіемъ о чрезмѣрной имущественной прибыли. Въ одномъ отношеніи слѣдовало бы, какъ намъ кажется, пойти даже дальше германскаго и другихъ западно-европейскихъ законодательствъ. Они направлены только противъ злоупотребленія кредитомъ, касаются только отношеній между кредиторами и должниками; между тѣмъ могутъ быть однородные случаи и въ другихъ сферахъ гражданскаго права. „Винovníкомъ ростовщичества,—сказано въ объяснительной запискѣ,—можетъ быть всякое лицо, получающее противозаконную лихвенную прибыль отъ имущества“; но вслѣдъ затѣмъ коммиссія отступаетъ отъ этого совершенно вѣрнаго начала, прибавляя, что „подъ именемъ капитала, ростовщическое пользованіе которымъ составляетъ преступленіе, нужно понимать какъ деньги, такъ и всякое иное имущество, замѣняющее деньги и переведенное на денежную оцѣнку въ состоявшемся договорѣ займа или ссуды“. А если такого перевода сдѣлано не было, если предметомъ договора было нѣчто отличное отъ займа или ссуды? Достаточно ли этихъ отрицательныхъ условій для устраненія всякой мысли о ростовщичествѣ, если изъ имущества была извлечена несомнѣнно лихвенная, т. е. несоразмѣрно большая и крайне отяготительная для другого прибыль? Пояснимъ нашу мысль примѣромъ. Землевладелецъ отдаетъ сосѣднимъ крестьянамъ подъ выгонъ участки земли, взимая съ нихъ за это—деньгами или работой—безобразно высокую плату и выговаривая за каждую просрочку платежа громадную неустойку. Крестьяне соглашаются на всѣ самыя невыгодныя условія, потому что выгонъ въ данномъ мѣстѣ для нихъ безусловно необходимъ. Такая сдѣлка безспорно соединяетъ въ себѣ существенныя признаки ростовщичества—а между тѣмъ она не подойдетъ подъ дѣйствіе ст. 526-ой (какъ не подошла бы и подъ дѣйствіе иностран-

ныхъ законовъ о лихвѣ), потому что она не устанавливаетъ кредитныхъ отношеній, не составляетъ ни займа, ни ссуды и не переводитъ на деньги имущества, служащаго предметомъ сдѣлки. Весьма вѣроятно, что въ Германіи и Австро-Венгріи нѣтъ практическихъ мотивовъ для преслѣдованія подобныхъ сдѣлокъ; но у насъ такіе мотивы, безъ сомнѣнія, существуютъ; — а уголовный законъ, какъ и всякій другой, долженъ приспособляться къ обстоятельствамъ времени и мѣста. Предупредить излишнее распространеніе понятія о ростовщичествѣ могло бы включеніе въ текстъ ст. 526-ой того условія, которое устанавливается законодательствами германскимъ и австрійскимъ: неспособности — со стороны лица, являющагося жертвой эксплуатаціи — противоѣствовать ростовщическимъ требованіямъ. Источниками такой неспособности германскій законъ считаетъ, какъ мы уже видѣли, нужду, легкомысліе и неопытность, австрійскій — нужду, слабость разумѣнія, неопытность, состояніе душевнаго возбужденія. Преимущество точности и полноты, въ этомъ отношеніи, слѣдуетъ признать за австрійскимъ закономъ.

Изъ трехъ обстоятельствъ, увеличивающихъ, по германскому закону, мѣру наказанія за ростовщичество, одно — искусственное прикрытие ростовщическаго характера сдѣлки — обращено редакціонною комиссіею въ самостоятельный признавъ преступленія; другими словами, оно обусловливаетъ собою наличность лихвы, хотя бы и не была доказана раззорительность сдѣлки для должника. Этотъ способъ разрѣшенія вопроса кажется намъ совершенно правильнымъ, потому что сокрытие лихвы, по справедливому замѣчанію редакціонной комиссіи, можетъ быть равносильно обману, вводя должника въ заблужденіе относительно размѣра и тяжести принимаемыхъ имъ на себя обязательствъ. Второе обстоятельство, увеличивающее вину — усиленное обезпеченіе ростовщической сдѣлки — вовсе не принимается въ расчетъ редакціонною комиссіею; объ этомъ нельзя не пожалѣть, потому что экстренныя мѣры, принимаемыя ростовщикомъ въ видахъ упроченія за собою намѣченной добычи, несомнѣнно ухудшаютъ и затрудняютъ положеніе должника. Третье обстоятельство — занятіе ростовщичествомъ въ видѣ ремесла — не упомянуто проектомъ, по всей вѣроятности, потому, что профессиональный характеръ преступленія предусмотрѣнъ въ общей части Уложенія (ст. 54-ая), какъ одинъ изъ поводовъ къ увеличенію наказанія. Объ отвѣтственности лицъ, заведомо воспользовавшихся ростовщическою сдѣлкой, ничего не сказано потому, что она вытекаетъ изъ общихъ правилъ о сообществѣ. Дальнѣйшее различіе между германскимъ закономъ и нашимъ проектомъ заключается въ томъ, что первый не ограничиваетъ понятія о ростовщичествѣ опредѣленной минимальной цифрой взимаемаго про-

цента, а послѣдній, по примѣру венгерскаго законодательства, устанавливаетъ такую цифру, и притомъ очень высокую: 15% (въ Венгріи — 8%). Необходимость подобнаго ограниченія, особенно на первое время, мы не отвергаемъ, но думаемъ, что предѣльная цифра могла бы быть понижена до 10% или 12%.—Отдѣлъ объяснительной записки, посвященный ростовщичеству, заканчивается слѣдующими словами: „весьма полезно было бы лишить ростовщиковъ права открытія ссудныхъ кассъ; но такъ какъ разрѣшеніе ихъ и закрытіе принадлежатъ администраціи, то не встрѣчается надобности упоминать объ этой мѣрѣ въ уголовномъ законѣ, тѣмъ болѣе, что установленіе здѣсь срока правопораженія могло бы стѣснить власть административную“. Последнее соображеніе комиссіи едва-ли можно признать правильнымъ. Правомъ закрытія или неразрѣшенія ссудной кассы администрація можетъ воспользоваться или не-воспользоваться, между тѣмъ какъ запрещеніе, исходящее отъ суда, имѣло бы, въ продолженіе назначеннаго судомъ срока, безусловную силу. По истеченіи этого срока, удержаніе или снятіе ограниченія зависѣло бы, на общемъ основаніи, отъ усмотрѣнія административной власти.

Вопросъ о наказаніи за ростовщическія сдѣлки возбудилъ въ комиссіи разногласіе, повторявшееся нѣсколько разъ, въ томъ же видѣ, и по отношенію къ нѣкоторымъ другимъ имущественнымъ посягательствамъ (поврежденію чужого имущества, присвоенію или растратѣ, приобрѣтенію завѣдомо краденаго). Одинъ изъ членовъ комиссіи, ссылаясь на примѣръ западно-европейскихъ законодательствъ, находилъ, что къ личному наказанію—т.-е. къ тюремному заключенію или аресту—можетъ быть присоединяема, по усмотрѣнію суда, и денежная пеня, примѣрно (въ случаяхъ доказанной лживы) до трехъ тысячъ рублей; всѣ другіе члены комиссіи возражали противъ такого соединенія наказаній, какъ ведущаго къ напраснымъ усложненіямъ и недостаточно оправдываемаго необходимостью. Мы склоняемся скорѣе на сторону одного члена. По справедливому замѣчанію его, соединеніе денежной пени съ лишеніемъ свободы допущено уже, въ принципѣ, общою частью проекта (ст. 54); остается только опредѣлить цѣлесообразность этой мѣры въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Особенно желательной она кажется намъ тогда, когда преступленіе совершается хладнокровно, обдуманно, осторожно, въ видахъ обогащенія, наживы; угроза имущественною отвѣтственностью является здѣсь далеко не безразличной, какъ прямой противовѣсъ побужденіямъ, влекущимъ къ преступленію. Излишнее при поврежденіи имущества, даже при растратѣ, болѣею частью вызываемой легкомысліемъ, соединеніе личнаго наказанія и денежной пени вполне соответствуетъ характеру ростовщичества; ударяя по ростовщику не

только дубьемъ, но и рублемъ, оно задѣваетъ самую чувствительную его струну и представляется возмездіемъ вполне заслуженнымъ. Если ограничиться тюрьмою,—говорить, въ защиту своего особаго мнѣнія, упомянутый нами членъ редакціонной комиссіи,—то наказанія, обыкновенно, будутъ избѣгать ростовщики, дѣйствующие черезъ посредство третьихъ лицъ, и мѣры уголовнаго правосудія постигнуть только ростовщиковъ подставныхъ, соломенныхъ; между тѣмъ денежная пеня могла бы быть направлена на ссудную кассу или даже получена изъ платежей, слѣдующихъ по ростовщическому обязательству, упадая, такимъ образомъ, на настоящаго виновнаго. За этими доводами нельзя, по нашему мнѣнію, не признать большой убѣдительнои силы.

ИЗЪ ПРИ-АЗОВСКАГО КРАЯ.

Письмо въ Редакцію.

„При-азовскимъ“ краемъ у насъ называютъ мѣстность, окружающую Азовское море, исключая, впрочемъ, ту часть, которая относится къ Таврическому полуострову. Къ району этого края причисляются кубанская и часть донской области, ставропольская и южныя окопечности екатеринославской и таврической губерній. Исторія экономическаго развитія при-азовскаго края знакомитъ насъ съ одною изъ характернѣйшихъ сторонъ русской жизни. Сто лѣтъ назадъ мѣстность, нынѣ называющаяся при-азовскимъ краемъ, представляла собою пустынную, безлюдную пространства, не тронутыя рукою земледѣльца, и только недавно избавившіяся отъ военныхъ эволюцій. Населеніе составляли скрытыя крѣпости, слободки, военные форштадты, кордоны, и проч.; въ кубанской области, въ то время именовавшейся „Черноморьемъ“, то тамъ, то здѣсь гнѣздились казачьи курени; на сѣверѣ — бродили калмыки. Первыми осѣдлыми обывателями сѣверной части при-азовскаго края были армяне и греки, перекочевавшіе къ намъ сто съ лишнимъ лѣтъ назадъ изъ Крыма, отъ татаръ, и основавшіе — первые г. Нахичеванъ при р. Донѣ, близъ крѣпости св. Дмитрія Ростовскаго, вторые — Маріуполь у Азовскаго моря. Эти инородцы были вызваны правительствомъ того времени (при Екатеринѣ II) и, вѣроятно, были очень желательны, такъ какъ имъ даны были большія

угодья и всевозможныя права и привилегіи, признаваемыя и утверждаемыя и послѣдующими императорами (Александромъ I и Павломъ I). Этихъ двухъ промышленныхъ инородческихъ колоній было, однакожъ, недостаточно для громаднаго края; надо было вызвать поселенцевъ изъ Россіи; влинули кличъ, но отклика не послѣдовало. Жилось ли хорошо, или боязно было идти въ далекій невѣдомый край, да еще безъ всякой существенной поддержки, — неизвѣстно, только „новыя земли“, до которыхъ наши крестьяне теперь большіе охотники, оставались пустынными, и попытки краевой администраціи заселить ихъ выходцами изъ внутреннихъ губерній оставались тщетными. И этотъ неуспѣхъ былъ очень продолжителенъ; очень можетъ быть, что это непріятное положеніе продлилось бы еще больше, еслибы одному изъ главноначальствующихъ не пришла гениальная мысль разрѣшить тяготѣвшій переселенческій вопросъ самымъ легчайшимъ способомъ: рѣшили объявить нѣчто въ родѣ амністіи всѣмъ преступникамъ, преслѣдуемымъ закономъ и такъ или иначе поставленнымъ въ необходимость скрываться отъ „глаза“ людскаго. Объявлено было, что на новыя земли примутся и запишутся всѣ безъ исключенія, безъ представленія „видовъ“, паспортовъ и документовъ, и никакихъ напоминаній о прошедшихъ проступкахъ дѣлаемо не будетъ. Средство это оказалось самымъ удобнымъ во всѣхъ отношеніяхъ: безъ всякихъ субсидій и поддержекъ на новыя земли двинулись массы непомнящихъ Ивановъ, безъ имени и родства и безъ всякаго „вида“. Ни у кого не спрашивали, кто онъ, откуда и какого званія. „Какъ тебя?“ — Иванъ Безродный. „Пиши! А тебя?“ — Иванъ Бездомный. „Пиши“, и т. д.

Вотъ эти-то непомнящіе родства Иваны и положили основаніе главнѣйшимъ городамъ при-азовскаго края—Ростову-на-Дону, Ейску, Темрюку, Анапѣ, и пр. Недаромъ эти Иваны бѣжали изъ родныхъ палестинъ: видно, они—люди не дюжинные. И дѣйствительно, благодаря энергіи и предпримчивости этихъ вольныхъ и даровыхъ поселенцевъ, край, въ сравнительно короткое время, быстро выдвинулся въ экономическомъ отношеніи, и черезъ какія-нибудь полсотни лѣтъ обогналъ коренные торгово-промышленные центры. Размноженіе населенія производилось, какъ говорится, не по днямъ, а по часамъ. На „новыя земли“ шли уже не скрывавшіеся отъ казней Оеимиды преступники, которыхъ, къ слову сказать, набралось очень много, а коренные обыватели внутреннихъ и южныхъ губерній; „на Донъ“ и „на Кубань“ гуськомъ поплелись искатели лучшихъ мѣстъ, и эти рѣзки до сихъ поръ еще кажутся тѣсящимся въ Россіи крестьянамъ млечными и благодатными. Очень скоро край заселился земледѣльческимъ классомъ, вышедшимъ преимущественно изъ Украины, и соха съ бороною

дружно начали взрывать до того еще нетронутую землю; большая часть поселившихся въ сѣверной части края, въ нынѣшнихъ мѣстѣхъ округѣ, ростовскомъ и маріупольскомъ уѣздахъ, екатеринославской губерніи—малороссы, по мѣстному—„хохлы“.

Единственная и главнѣйшая забота высшей мѣстной администраціи, такимъ образомъ, была устранена; край заселенъ людьми; дальнѣйшее экономическое развитіе края и его населенія предоставлено было ему самому; эта задача была выполнена съ успѣхомъ, отчасти благодаря предпримчивости населенія, а отчасти—природнымъ богатствамъ края и его благоприятнымъ условіямъ въ географическомъ отношеніи. Съ замиреніемъ сѣвернаго Кавказа потребовались промышленныя силы въ кубанскую и терскую область и ставропольскую губернію. Завязались тѣсныя дѣловыя сношенія съ южными окраинами края, и смѣлые піонеры промышленности двинулись вглубь новопокоренныхъ мѣстъ—„на линію“, въ „Черноморье“, къ Тамани, за Кубань—всюду, куда только можно было проникнуть. Преслѣдованіе наживы и стремленіе къ заработкамъ двигали народными массами сильнѣе всякихъ мѣропріятій. Такимъ путемъ произошло воссоединеніе интересовъ обѣихъ частей при-азовскаго края; сближеніе это становилось годъ отъ году все сильнѣе и сильнѣе, и въ настоящее время передній Кавказъ и сѣверное побережье Азовскаго моря составляютъ одно неразрывное цѣлое, вслѣдствіе общности интересовъ, причемъ южная часть, т. е. кубанская область и ставропольская губернія, являются поставщиками сырыхъ произведеній, главнымъ образомъ, хлѣбнаго зерна и затѣмъ шерсти, кожи и сала, а сѣверная—эксплуатирующею, а отчасти перерабатывающею. Съ теченіемъ времени роли эти за обѣими частями края упрочились настолько, что какое-либо разъединеніе представлялось дѣломъ немислимымъ. Въ кубанской области, ставропольской губерніи, все болѣе и болѣе развивалось хлѣбопашество и сельское хозяйство, а на сѣверѣ, централизуя у Ростова-на-Дону, упрочивалось эксплуатированіе этимъ хлѣбопашествомъ, путемъ скупки всего хлѣба и перепродажи его за границу. Сначала главная посредническая роль въ этой операціи принадлежала Таганрогу, пользовавшемуся этимъ благомъ вплоть до сооруженія ростово-владикавказской желѣзной дороги, но потомъ она перешла къ Ростову, который въ данной дѣятельности проявилъ изумительные успѣхи и готовъ былъ перешагнуть главный нашъ отпускной пунктъ—Одессу.

Нечего и говорить о томъ, что, вслѣдствіе отсутствія удобныхъ путей сообщеній и неимѣнія тѣсныхъ связей съ центрами потребленія, продукты мѣстнаго произведенія отличались баснословной дешевизной и не имѣли поэтому, въ первую пору своего развитія,

особеннаго сбыта. Напр., не дальше какъ 30—40 лѣтъ назадъ, или даже того меньше, поселяне казаки или закубанскіе черкесы привозили на рынки дрова и продавали возъ не дороже одного обазы (20 коп.); фунтъ прекрасной паюсной икры—7—8 коп., мѣру пшеницы—за пару иголокъ или пасму нитокъ; шерсть овечья пудъ—50 коп. и дешевле. Примѣры, правда, мелочные, но болѣе крупныхъ и нѣтъ. Легко изъ этого представить, какъ скоро въ тѣ времена составлялись капиталы людьми предприимчивыми и торговыми. Но, вѣроятно, не все вѣчно подъ луною; очевидно, изолированности края близился конецъ. Край будто находился и въ Россіи, а между тѣмъ сообщеніе, напримѣръ, съ Москвою требовало почти двухмѣсячной ѣзды. Сооруженіе р.-х.-азовской желѣзной дороги сразу же вызвало край изъ того оцѣпенѣнія, въ которомъ онъ находился; завязались сношенія, и очень тѣсныя, съ центральными пунктами Россіи, и требованія на его произведенія сразу же возросли; мало-помалу „новая земля“, еще недавно представлявшая собою тотъ далекій уголь, отъ котораго до Москвы въ три года не доскачешь, заняла роль необходимой и важной поставщицы всякаго рода сырья. Главнѣйшіе продукты мѣстной производительности—хлѣбное зерно, шерсть и рыба—стали занимать въ заграничномъ экспортѣ одно изъ первыхъ мѣстъ; потребовались рабочія руки, завелись земледѣльческія машины, появились нѣмцы-колонисты и вообще стали обнаруживаться всѣ признаки прогресса и цивилизаціи. Особенно двинутъ былъ край по этому направленію ростово-владикавказскою желѣзною дорогою: земледѣліе, овцеводство, рыболовство, бывшія до того занятіемъ чисто хозяйственнымъ, превратились въ промыселъ; всѣхъ обуяла промышленная горячка: сѣяли хлѣбъ, заводили овецъ и ловили рыбу съ исключительною цѣлью нажить деньги; но „нажить“ успѣли только перекупщики, хозяйство же земледѣльца, овцевода, рыболова, не поправилось, а пришло въ разстройство; экономическій упадокъ сталъ обнаруживаться съ замѣчательною быстротою. Прежній достаточный „хозяинъ“, вывозившій на рынокъ лишь излишки, теперь превратился въ мелкаго промышленника, кругомъ задолжавшаго и уже продающаго не излишки, а обязаннаго (по условію и за взятія впередъ задаточныя деньги) „доставить“ къ сроку, въ указанное мѣсто, извѣстное число четвертей пшеницы. Какіе ужъ тутъ излишки!

Явилось экономическое рабство, вольное денежное крѣпостничество. Производительныя природныя силы края выжимались народомъ, народныя—посредниками. Разумѣется, въ барышахъ оставались послѣдніе. Сразу же поставленное на дурныхъ и ложныхъ началахъ, экономическое дѣло повлекло за собою обнищаніе, и этотъ богатѣвшій край, гдѣ прежде былъ такой заманчивый достатокъ, приблизился

къ разоренію, и одинъ годъ неурожая ставилъ его лицомъ къ лицу съ голодухой. И сами промышленные двигатели, увлеченные на первыхъ порахъ легкимъ способомъ наживы и уже такъ легко относившіеся къ дѣлу и въ послѣдствіи, наивно огорчались и, въ свою очередь, близились къ разоренію, когда, по странной случайности, въ томъ или другомъ году, а иногда и два года подъ-рядъ, земля отказывалась давать требуемое и рассчитанное количество зерна, овцы—шерсти, рѣки—рыбы.

Неблагопріятное положеніе это объясняется тою, весьма, впрочемъ, обыкновенною, ненормальностью, что успѣхи цивилизаціи не прикасаются непосредственно съ „корнемъ“. Проведенныя въ при-азовскій край желѣзныя дороги, на примѣръ, связали съ внутренними центрами спроса только нѣкоторые пункты его, а весь край поработили дѣйствіями и движеніями этихъ пунктовъ. Образовались, такимъ образомъ, менторскіе указательные пальцы, по мановенію коихъ дышало и существовало все многочисленное рабочее производящее населеніе края.

Главнѣйшимъ торгово-промышленнымъ пунктомъ при-азовскаго края, на которомъ дѣйствіе неправильнаго порядка вещей отразилось съ поразительной силой,—безспорно долженъ назваться Ростовъ-на-Дону. Городъ этотъ, занимая въ географическомъ отношеніи сравнительно очень небезвыгодное положеніе, счастливымъ сочетаніемъ случайностей, быть можетъ, и не простыхъ, сталъ въ рукахъ фортуны любимой игрушкой, ради которой забрасывались въ уголъ всѣ другіе предметы. У Ростова сошлись всѣ юго-восточныя линіи желѣзныхъ дорогъ — курско-харьково-азовской и козлово-воронежско-ростовской, — слѣдовательно, къ нему стали привозить, у него же и спрашивать. Небольшой, незначительный городишко—въ двадцать-пять лѣтъ преобразился до неузнаваемости и сталъ первостепеннымъ южно-русскимъ торговымъ центромъ; по заграничному же экспорту въ иные годы онъ превосходилъ даже Одессу. Къ Ростову-на-Дону, чуть ли не исключительно, потянулись караваны съ сырьемъ изъ кубанской области, ставропольской губерніи, терской области, донской и части екатеринославской; Ростовъ все это собиралъ и отправлялъ за границу и въ то же время снабжалъ край другими потребностями: лѣсомъ, желѣзомъ, товарами, издѣліями. Ростово-владикавказская дорога довершила дѣло и, перевоза всякіе грузы съ большимъ успѣхомъ, тѣмъ „чумаки“, поощрила производителей. Ростовъ-на-Дону поднялся еще болѣе. На Ростовъ стали направляться жадные взоры со всѣхъ сторонъ и не только съ матушки-Руси, но и изъ-за границы. Греки, нѣмцы, англичане, на каждомъ шагѣ, начали гнѣздить свои земледѣльскія, коммисіонерскія и прочія конторы; сѣверяне затѣяли

заводы; поднялась „бѣлокаменная“ Москва съ своей мануфактурой, но, какъ и всегда, неудачно; открытыя ею здѣсь фабричныя торговли, за неумѣніемъ конкурировать, одна за другою стали прекращаться; въ Ростовѣ одной только Москвѣ плохо везетъ. Нѣсколько десятковъ лѣтъ ростовскіе купцы ѣздили въ Москву и привозили оттуда горы нашей мануфактуры, разсовывая ее уже отъ себя по лицу при-азовскаго края—Москва спала: „пріѣдутъ, молъ, поклонятся“. И дѣйствительно, кланялись всѣмъ: Морозовымъ, Третьяковымъ, Прохоровымъ, Разореновымъ, и пр., потому—нужда. Но, видно, всему бываетъ конецъ: народилась Лодзь и стала высылать въ край своихъ агентовъ съ образцами и товарами; раскусили купцы, что у лодзинскихъ фабрикантовъ и удобнѣе, и выгоднѣе, и дешевле—и стали, разумѣется, покупать у нихъ. Долго крѣпились москвичи: опоминатся, молъ, пріѣдутъ съ повинной. Но мѣстные купцы съ повинной не пошли; и поднялась тогда тяжелая Москва и выслала въ Ростовъ своихъ агентовъ съ товарами, да всѣ вдругъ: и Морозовы, и Симанины, и Бабакины, и Разореновы, и Ганшины и др. Кончилось тѣмъ, что начали москвичи другъ съ другомъ конкурировать и, въ виду бесплодности этой борьбы, сочли за благо возвратиться вспять, оставивъ мечту о возможности покорить лодзинскихъ фабрикантовъ, къ этому времени начавшихъ работать товары, превосходящіе московскую фабрикацію и качествомъ, и выгодностью цѣнъ.

Остановившись на иллюстраціи главенствующей отрасли торговыхъ оборотовъ г. Ростова-на-Дону—хлѣбной отпускной торговли, мы должны привести здѣсь основныя условія ея. Центръ тяготѣнія всѣхъ зерновыхъ произведеній края—Ростовъ-на-Дону. Здѣсь существуетъ до двадцати хлѣбныхъ конторъ, отправляющихъ хлѣбъ за границу; всѣ онѣ принадлежатъ грекамъ и другимъ иностранцамъ, за исключеніемъ одной лишь русской фирмы — бр. Мордовцевыхъ. Ни одна изъ этихъ конторъ не имѣетъ никакого прямого отношенія къ производителямъ, а дѣйствуютъ (покупаютъ зерновой товаръ) или черезъ перекупщиковъ, или черезъ коммиссіонеровъ, живущихъ въ Ростовѣ и имѣющихъ въ краю, по нѣскольку каждый, довѣрителей. Безъ этого посредничества, безъ коммиссіонеровъ, контора не купитъ непосредственно ни одного фунта зерна, если въ этомъ не будетъ какой-либо исключительной надобности; результатомъ такой постановки дѣла явилось необыкновенное размноженіе всякаго рода коммиссіонеровъ наживающихъ громадныя деньги отъ своего посредничества. Операции этихъ господъ заключаются въ томъ лишь, чтобы съ образчикомъ чьего-нибудь хлѣба отправиться въ контору и продать; затѣмъ получается куртажъ. Вслѣдствіе такой непоколебимой самостоятельности хлѣбныхъ конторъ, цѣны на зерно являются не слѣдствіемъ

хода дѣлѣ, а произвольныя: одному комиссіонеру контора предложить за четверть ржи 5 руб. 80 коп., допустимъ, а другому, за тотъ же самый товаръ, гривенникомъ дороже, — по одному лишь тому, что тотъ комиссіонеръ больше правится конторовладѣльцу. Законныхъ, установившихся основаній нѣтъ, потому что это и невыгодно хлѣбнымъ тузамъ: при настоящихъ условіяхъ они держатъ весь земледѣльческій край въ ежовыхъ рукавицахъ. Стоить мѣстнымъ конторамъ захотѣть — прекратить покупу хлѣба, даже по ихъ цѣнамъ, — и застой, безденежье въ край будетъ отвѣтомъ на ихъ желаніе. Продать хлѣбъ кромѣ Ростова — некуда; купить Ростовъ — спасибо, не купить — разореніе. Правда, Таганрогъ еще отправляетъ за границу; но онъ, во-первыхъ, какъ-то изолированъ отъ края, а во-вторыхъ, большинство его экспортирующихъ фирмъ принадлежитъ тѣмъ же лицамъ, что и въ Ростовѣ. Въ кубанской и терской обл. и ставропольской губ. зерновой товаръ собирается отъ производителей кулаками, причемъ обмѣръ и обвѣсъ играютъ въ приѣмъ важную роль. Насколько мужикъ эксплуатируется — видно изъ слѣдующаго факта: конторская цѣна на лень — 12 р., съ доставкой въ Ростовъ и сдачей на указанное мѣсто; кулаки, не стѣсняясь этой цифрой, въ случаѣ надобности, далеко отъ Ростова, платятъ за это же самое сѣмя 13 р. (рублемъ дороже); затѣмъ онъ перепродаетъ скупщику, а скупщикъ, черезъ комиссіонера, продаетъ, съ доставкой въ Ростовъ, конторамъ по 12 р.; между тѣмъ пользуются всѣ: и кулакъ, и скупщикъ, и комиссіонеръ, не считая расходовъ по перевозкамъ и перегрузкамъ. Всѣ хлѣбные амбары мѣстныхъ негоціантовъ расположены по берегу рѣки Дона; тянутся они на разстояніи не менѣе пяти верстъ у Ростова и Нахичевани. Сюда свозятся всѣ зерновые товары со всего при-азовскаго края, и отсюда, послѣ очистки, отправляются на баржахъ, специально для этой цѣли существующихъ, внизъ по Дону, черезъ донскія гирла на таганрогскій рейдъ (Азовское море), откуда вновь перегружаются на иностранныя пароходы, которые развозятъ хлѣбъ уже непосредственно по заграничнымъ рынкамъ. Въ лѣтнее время, на берегу Дона для нагрузки, выгрузки, очистки и прочихъ работъ коношится свыше 10 тыс. человѣкъ, получающихъ хорошую поденную плату. Но зато и трудъ каторжный: въ лѣтнюю знойную жару работаютъ отъ 4-хъ часовъ утра и до 8 вечера, почти безъ всякихъ приваловъ, т.-е. ровно 16 часовъ. Это только русскій человѣкъ можетъ вынести такую работу. Не знаю, право, сказать ли, что вся плата за этотъ нечеловѣческій трудъ въ первый же праздникъ, а многими и въ ту же ночь, пропивается въ кабакахъ и харчевняхъ до послѣдней копейки?! За береговые амбары, нанимаемые подъ складъ зерна, негоціанты, вообще избѣгающіе пріобрѣтенія недвижи-

мостей въ городѣ, платять страшныя арендыя деньги; это привожу я съ цѣлью указать, сколько повинностей ложится на при-азовскій хлѣбъ прежде, чѣмъ онъ направится къ заграничнымъ портамъ; въ амбарахъ, въ навигаціонное время, благодаря снѣжной отправкѣ, зерно задерживается недолго и тотчасъ послѣ очистки нагружается на баржи для отправки на рейдъ (у Таганрога), къ бортамъ иностранныхъ пароходовъ, на которыхъ, послѣ новой перегрузки, уже прямо идетъ за границу, если только, впрочемъ, въ Керченскомъ проливѣ не произойдетъ какой-либо задержки. За перевозку зерна отъ ростовской пристани до таганрогскаго рейда раньше, дѣтъ 8—10 назадъ, платилось по 1 руб. 50 коп. отъ четверти (разстояніе—70 верстъ), но цѣна эта постепенно падала, благодаря размноженію перевозочныхъ средствъ, и теперь средняя норма—40 коп. Между прочимъ, въ дѣлѣ уменьшенія перевозочной платы немалую роль играло улучшеніе состоянія донскихъ гирлъ.

Донскія гирла—это и богатство, и несчастіе Ростова. Богатство—потому, что они одни дали ему все то, что онъ имѣетъ, а несчастіе—оттого, что гирла никогда не отличались постоянствомъ, никогда не сохраняли должную, требуемую глубину для свободного прохода груженыхъ судовъ и чуть-ли не ежечасно измѣняли уровень своего фарватера. Случалось очень часто такъ, что малѣйшій верховой (сѣверный) вѣтеръ сгонялъ воду изъ гирлъ совершенно, и тогда, вмѣсто водяного пути, открывался сухой. Съ своей стороны, наносный илъ и песокъ возвышали фарватеръ гирлъ, такъ что сглаживалась всякая возможность совершать плаваніе. Почти сплошь и рядомъ, благодаря этимъ тормазамъ, пароходы и суда, шедшіе на море, стояли у перекатовъ по недѣлямъ и „ждали у моря погоды“—въ буквальномъ смыслѣ слова, выжидая, пока подуетъ низовой вѣтеръ и нагонитъ изъ моря воды. Для наблюденія за донскими гирлами и содержанія ихъ въ исправности существуетъ въ Ростовѣ съ 1865 года Гирловый комитетъ—очень богатое учрежденіе, но только недавно начавшее проявлять свою болѣе или менѣе фактическую дѣятельность. До сихъ поръ комитетъ довольствовался сборомъ определенныхъ въ его пользу суммъ и выдѣленіемъ изъ нихъ ежегодно въ городскую казну по 25 тыс. руб., специализируясь, впрочемъ, въ буксировкѣ своими пароходами застрявшихъ въ гирлахъ судовъ и баржъ. Труды и попытки его къ установленію постоянной глубины въ гирлахъ никогда не были удачны, и очистка фарватера ихъ землечерпательными машинами очень напоминала переливаніе изъ пустого въ порожнее: грязь, илъ, песокъ отвозились изъ главнаго рукава—„Егурча“—въ другіе, а оттуда это добро вновь попадало въ первое же гирло и вновь засоряло его; это, впрочемъ, мимоходомъ: у комитета вообще не доставало

средствъ и умѣнья успѣвать очищать гирла, такъ какъ природа обладала значительно болѣе превосходными силами для борьбы. Въ результатѣ получались: страшные расходы, бесполезность и негодность донскихъ гирлъ. Только въ очень недавнее время Гирловый комитетъ въ измѣнившемся составѣ энергичнѣе отнесся къ своимъ гирламъ и настолько подвинулъ дѣло, что въ болѣшую часть навигаціоннаго времени прошлаго года глубина въ главномъ рукавѣ гирлъ рѣдко уменьшалась до 7 футовъ—высоты воды, вполне достаточной для свободного прохожденія судовъ съ грузомъ, конечно, мелко сидящихъ. Въ этомъ году комитетъ общается еще болѣе.

Къ невыгодѣ Ростова, установленіе достаточной глубины въ гирлахъ Дона и связанныхъ съ ней удобствъ для судоходства, пришло очень поздно. Въ 1882 году, когда отвратительное состояніе донскихъ гирлъ дошло до кульминаціонной точки, а вѣстѣ съ тѣмъ, и условія хлѣбнаго экспорта стали крайне убійственны для производящаго сѣвернаго Кавказа,—враги Ростова-на-Дону ловко воспользовались этимъ обстоятельствомъ, чтобы избавиться отъ зависимости отъ него въ экономическомъ отношеніи, и нанесли ему страшный ударъ. Надо сознаться, что ударъ былъ нанесенъ во-время и по всѣмъ правиламъ экономической борьбы. Инициатива открытія ея принадлежитъ бывшему начальнику кубанской области, генералу Кармалину, съ цифрами и неопровержимыми данными выступившему предъ правительствомъ съ проектомъ сооруженія новой желѣзной дороги на переднемъ Кавказѣ и новаго порта для отпуска за границу сырья, болѣе выгоднаго для края, чѣмъ крайне неудобный монополюный Ростовъ, налагающій на при-азовскій хлѣбъ массу стороннихъ излишнихъ расходовъ, убавляющихъ приходъ производителя. Проектъ рекомендовалъ мѣстомъ сооруженія порта Новороссійскъ на Черномъ морѣ, а новымъ путемъ—желѣзнодорожную линію отъ одной изъ станцій ростово-владикавказской жел. дор. въ районѣ кубанской области. Проектъ произвелъ во всей юго-восточной окраинѣ Россіи страшную бурю; періодическая печать приняла самое горячее участіе, и большинство было за необходимость приведенія въ исполненіе проекта. „Голосъ“, доживавшій тогда послѣдніе свои дни,—незамѣтно, впрочемъ, для себя, — основательно доказывалъ законность идеи сооруженія новой желѣзнодорожной вѣтви на переднемъ Кавказѣ и съ увѣренностью предсказалъ осуществленіе этой идеи; пророчество „Голоса“ сбылось: послѣ долгихъ обсужденій, рѣшено было устроить желѣзнодорожную вѣтвь отъ ст. Тихорѣцкой, ростово-владикавказской жел. дор., черезъ Екатеринодаръ, до Новороссійска, а въ послѣднемъ — портъ. Въ 1885 году, по Высочайшему повелѣнію, приступлено было къ сооруженію дороги и порта въ Ново-

російскѣ, съ тѣмъ, чтобы въ $3\frac{1}{2}$ года работы были совершенно окончены. Устройство новороссійской вѣтви поручено было Обществу „ростово-владикавказской“ жел. дор., причемъ оно переименовалось въ „Общество владикавказской желѣзной дороги“. Къ работамъ приступили весной прошлаго года и настолько успѣшно, что поздней осенью путь отъ ст. Тихорѣцкой до Екатеринодара былъ совершенно готовъ, и началось движеніе рабочихъ поѣздовъ. Въ настоящемъ году началось движеніе товарныхъ поѣздовъ, причемъ пассажирамъ удавалось проѣзжать лишь по протекціи. Однакожъ, потребность въ пассажирскомъ сообщеніи между этими пунктами оказалась настолько настоятельною, что нашли необходимымъ обратиться куда слѣдуетъ съ ходатайствомъ объ officialномъ открытіи пассажирскаго движенія. Сооруженіе остальной половины пути, отъ Екатеринодара до Новороссійска, идетъ очень дѣятельно, и къ веснѣ будущаго года откроется движеніе; мостъ черезъ р. Кубань почти готовъ. Всѣхъ станцій будетъ между Тихорѣцкой и Новороссійскомъ 12. Нечего и говорить о томъ, что съ окончаніемъ устройства дороги и новороссійскаго порта—Ростову-на-Дону, до сихъ поръ служащему непосредственнымъ посредникомъ между Кавказомъ и внутренними и иностранными рынками, нанесенъ будетъ серьезный экономическій ударъ, и всѣ хлѣбные грузы и сырые продукты передняго Кавказа, идущіе за границу черезъ Ростовъ, направятся уже къ Новороссійску. Можно было ожидать, что, съ лишеніемъ посреднической роли, Ростовъ-на-Дону займется болѣе прочною промышленною дѣятельностью и станетъ на почву фабрично-заводскаго труда; но до настоящихъ поръ данныхъ къ энергическому стремленію къ такому обороту, въ смыслѣ какихъ-нибудь общихъ предположеній и мѣропріятій,—не замѣчается. Наоборотъ, Ростовъ, угрожаемый Новороссійскомъ, основалъ новый проектъ съ цѣлью продолженія дѣятельности облюбованнаго имъ посредническаго характера и, въ отвѣтъ на сооружаемую новороссійскую дорогу, создалъ колоссальный проектъ волго-донского канала, или, проще говоря, осуществилъ идеи Петра Великаго.

Мысль о соединеніи Волги съ Дономъ каналомъ подана была въ прошломъ году ростовскимъ головою, А. М. Байковымъ, и, признанная очень полезною, дружно была поддержана крупнѣйшими ростовскими капиталистами. Г. Байковъ довольно вѣрно опредѣлилъ тѣ выгоды, которыя можетъ имѣть Ростовъ-на-Дону отъ волго-донского канала: Ростовъ—крайній пунктъ р. Дона и первый у Азовскаго моря юго-восточный центръ всѣхъ русскихъ желѣзнодорожныхъ вѣтвей—съ устройствомъ проектируемаго канала превратится въ тотъ счастливый край, куда неуклонно будутъ стекаться природные дары и приволжскихъ, и донскихъ береговъ. Для Ростова такая постановка дѣла лучше всякой

манны небесной; и жалѣть объ уходящемъ изъ рукъ сѣверномъ Кавказѣ, пожалуй, не пришлось бы. Къ предпримчивымъ ростовцамъ примкнули не менѣе предпримчивые парижане, и компанія въ 36 человекъ (18 человекъ въ Ростовѣ и 18 въ Парижѣ) затѣяла великое общегосударственное дѣло. Получивши разрѣшеніе на производство изысканій, компанія, ассигновавъ изъ своихъ средствъ 18,000 р., командировала на мѣсто партію инженеровъ (французы и русскіе), имѣющихъ во главѣ извѣстнаго и у насъ, въ Россіи, французскаго инженера, Леона Дрю, и энергично приступила къ изслѣдованію мѣстности, по которой предполагается прорытіе канала. Въ августѣ и сентябрѣ прошлаго 1885 г. инженеры работали надъ изысканіями и, по окончаніи, всѣ добытыя данныя и свѣденія увезли въ Парижъ. Тамъ ихъ подвергли должной опѣнкѣ и разработкѣ, и въ настоящее время проектъ волго-донскаго канала готовъ со всѣми подробностями и деталями, и, по разсмотрѣніи его членами-иниціаторами канала, будетъ представленъ высшему правительству. Было бы очень странно имѣть что-либо противъ прогрессивнаго развитія нашихъ экономическихъ условій, пока очень тяжелыхъ и ставящихъ росту нашей торгово-промышленной дѣятельности массу преградъ, и противъ волго-донскаго канала въ частности; но было бы въ то же время очень желательно, чтобы эти улучшенія шли рука объ руку съ интересами общими, безъ ущерба для жизненныхъ потребностей какой-либо заинтересованной стороны, и такая эксплуатація, и такое чужездство, какія составляли исключительное качество Ростова, въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, по отношенію къ сѣверному Кавказу, поставлены были въ всякой возможности. Самый же проектъ и люди, создавшіе его, заслуживаютъ, въ интересахъ экономическаго благосостоянія нашего отечества, самаго искренняго сочувствія.

Переходя, въ заключеніе, къ административному устройству края, нельзя не остановиться на судьбѣ одного изъ главнѣйшихъ уголковъ его—юго-восточной части екатеринославской губерніи—ростовскаго уѣзда, совершенно изолированнаго отъ нея географически и отдаленнаго, и таганрогскаго градоначальства, окаймленныхъ со всѣхъ сторонъ областю войска донскаго. Самостоятельное таганрогское градоначальство составляетъ, вмѣстѣ съ ростовскимъ уѣздомъ, одну земскую единицу екатеринославскаго губернскаго земства; но ростовскій уѣздъ, подчиняясь, въ судебномъ отношеніи, таганрогскому окружному суду, административно состоитъ въ распоряженіи екатеринославскаго губернатора; въ акцизномъ отношеніи оба города съ округами подчинены Новочеркаску. Такимъ образомъ, связь ростовскаго уѣзда и таганрогскаго градоначальства съ екатеринославской губерніей все время была искусственная и, вызывая массу неудобствъ,

тяготѣла надъ населеніемъ очень продолжительное время. Такая-то ненормальная постановка дѣла съ давнихъ временъ создала вопросъ объ образованіи въ этомъ районѣ новой губерніи, причемъ въ Таганрогѣ должно было сосредоточиться губернское управленіе. Составленіе по этому вопросу проекты, очевидно, не были удовлетворительны, такъ какъ не возымѣли должнаго результата, и мечты о новой губерніи оставлены были на неопредѣленное время. Въ шестидесятихъ годахъ этотъ вопросъ вновь возникъ, но также неудачно. Между тѣмъ населеніе увеличивалось, дѣятельность оживлялась все болѣе и болѣе, и на необходимость организациі болѣе самостоятельной администраціи стала указывать сама жизнь. Это обстоятельство не прошло незамѣченнымъ, и въ послѣднее время на сцену вновь былъ выдвинутъ этотъ „жгучій“ вопросъ, но на этотъ разъ съ болѣею опредѣленностью; очевидно, было желаніе покончить съ давно-тянувшимся преобразованиемъ, такъ какъ препятствій не предвидѣлось никакихъ, и остановка была за выборомъ центра губернской администраціи. Дѣло въ томъ, что въ прежнее время на Таганрогъ указывалось, какъ на единственный пунктъ сосредоточенія губернской власти, но въ послѣднія двадцать лѣтъ сосѣдъ его, Ростовъ на-Дону, настолько развился и увеличился, а Таганрогъ, наоборотъ, упалъ, что не замѣтить Ростова при избраніи губернскаго центра было бы непростительною близорукостью. Поэтому-то въ послѣднее время возникъ новый вопросъ: гдѣ быть губернской администраціи—въ Ростовѣ или Таганрогѣ? Это обстоятельство послужило, кажется, причиной гибели проектируемаго образованія новой губерніи; проектъ разрабатывался въ теченіе десяти лѣтъ; въ районѣ новой губерніи должны были войти слѣдующія мѣстности: таганрогское градоначальство, ростовскій уѣздъ, миусскій округъ, обл. войска донскаго, бахмутскій и маріупольскій уѣзды. Понятно, что тѣ мѣстности, участь которыхъ рѣшалась, не могли оставаться безучастными; выразителями общественнаго мнѣнія явились, какъ и слѣдовало ожидать, земства и въ очередныхъ своихъ собраніяхъ рѣшили сообщить свои мнѣнія. Голоса двухъ земствъ—бахмутскаго и маріупольскаго—оказались на сторонѣ Таганрога, причемъ указывались соображенія, на которыхъ построены причины подачи голоса за Таганрогъ (отдаленность Ростова, дороговизна, его подавляющее вліяніе на край); назначеніе же Ростова губернскимъ центромъ поддерживалось единоличнымъ желаніемъ его, а включеніе въ составъ новообразуемой губерніи миусскаго округа вызывало, со стороны донскаго войска, серьезныя затрудненія. Вообще комиссію, работавшую надъ этой нелегкой задачей, преслѣдовали неудачи. Проектъ этой комиссіи, окончательно разработанный и представленный высшему правительству, возвращенъ былъ имъ

одеССкому генераль-губернатору (въ 1884 г.) для окончательнаго разсмотрѣнія, что и было исполнено начальникомъ края въ томъ же году. Объѣздивъ интересующій насъ край, генераль-губернаторъ имѣлъ въ Ростовѣ совѣщаніе съ представителями мѣстнаго населенія, гдѣ и выразилъ свое мнѣніе, что самымъ удобнымъ пунктомъ для сосредоточенія губернской администраціи представляется Мариуполь, за который высказалось также „Императорское географическое общество“. Изъ приглашенныхъ на совѣщаніе свѣдущихъ лицъ большинство высказалось въ пользу Ростова, хотя собственно его представитель, городской голова Байковъ, подалъ совершенно новую мысль: изолирование Ростова изъ вѣденія и екатеринославской, и новообразуемой губерніи, переводъ уѣзда и земства въ другой городъ и назначеніе въ немъ должности капитана порта, какъ представителя административной власти.

Вѣроятно, результатъ разсмотрѣнія вопроса генераль-губернаторомъ не говорилъ въ пользу скорѣйшаго разрѣшенія его, такъ какъ съ отъѣздомъ его изъ Ростова сразу прекратились всякіе слухи о новой губерніи, и десятилѣтніе труды канули въ Лету. Взамѣнъ новой губерніи, Ростову предложили образованіе въ немъ градоначальства; вскорѣ слухи замѣнились положительными свѣденіями, и на екатеринославскаго вице-губернатора, барона Рокасовскаго, указывали какъ на будущаго ростовскаго градоначальника. Въ составъ градоначальства должны были войти Ростовъ и Нахичевань; думы обоихъ городовъ получили запросы относительно участія ихъ въ расходахъ по содержанію канцеляріи градоначальника, исчисленныхъ въ сумму около семи тысячъ руб.; двѣ трети предлагалось принять Ростову, а треть—Нахичевани. Нерасположеніе обоихъ городовъ къ образованію градоначальства ясно проглядывало въ уклончивыхъ отвѣтахъ этихъ городовъ на означенный запросъ: ростовская городская дума отвѣтила, что она и такъ много расходуетъ на содержаніе всевозможныхъ казенныхъ учреждений, а потому не можетъ принять участія въ новыхъ расходахъ, а нахичеванская—что она приметъ весь расходъ, если центръ градоначальства будетъ находиться въ Нахичевани; это почти одно и то же, что отказъ. Тѣмъ не менѣе, слухи о предстоящемъ учрежденіи градоначальства въ Ростовѣ не прекращались, но сразу же оборвались недавно самымъ неожиданнымъ образомъ: и Ростовъ, и Нахичевань съ уѣздомъ, и Таганрогъ съ градоначальствомъ, включаются въ составъ области войска донскаго. Свѣденіе это, полученное въ Ростовѣ по телеграфу, подтвердилось лично военнымъ министромъ Ванновскимъ, проѣзжавшимъ черезъ Ростовъ, а къ 20-му іюня въ Новочеркасскъ съѣхалась, по Высочайшему повелѣнію, комиссія для разработки деталей вопроса о при-

соединеніи, такъ какъ самый вопросъ, въ принципѣ, Высочайше разрѣшенъ. Комиссія состоитъ подъ предсѣдательствомъ тайнаго совѣтника Коссаговскаго и изъ представителей вѣдомствъ — вѣстницъ, финансовъ, военнаго и внутреннихъ дѣлъ; въ качествѣ совѣщательныхъ членовъ приглашаются представители заинтересованныхъ мѣстностей.

Въ присоединяемомъ къ донской области районѣ имѣется: одно земское управленіе (ростовское уѣздное, екатеринославской губерніи), въ составъ котораго входятъ таганрогское градоначальство и ростовскій уѣздъ; четыре города съ городовымъ положеніемъ: Ростовъ, Нахичевань, Азовъ и Таганрогъ (общее населеніе—200 тыс.) и до двадцати волостей; къ этому району присоединяются: миусскій округъ и черкасскій округъ области войска донскаго, и всѣ вмѣстѣ составляютъ два округа, причемъ окружнымъ городомъ черкаскаго—будетъ Ростовъ, а миусскаго — Таганрогъ. Такимъ образомъ, къ району ростовскаго уѣзда присоединится округъ съ 16-ю казачьими станицами и 4-мя волостями, а таганрогскаго градоначальства (которое будетъ упразднено)—округъ съ одной казачьей станицей и 44-мя волостями.

Задачи комиссіи по разработкѣ условій присоединенія къ донской области новой территоріи очень серьезны: здѣсь приходится помирить двѣ рѣзкія противоположности; укажемъ на главнѣйшія изъ нихъ: 1) въ присоединяемыхъ городахъ дѣйствуетъ городовое положеніе, — въ области его нѣтъ, и попытки ввести его въ единственномъ донскомъ городѣ—Новочеркасѣ—были до сихъ поръ, благодаря протесту казачьяго населенія, безплодны; 2) въ донской области земское управленіе, послѣ кратковременнаго существованія, по настоянію кореннаго военнаго населенія, пять лѣтъ тому назадъ было упразднено, и вмѣсто земскихъ учрежденій въ области дѣйствуетъ областной земскій распорядительный комитетъ, который, находясь подъ контролемъ правительства, составляетъ вполне правительственное учрежденіе; наоборотъ, въ присоединяемой мѣстности существуетъ земское управленіе—одно изъ лучшихъ въ Россіи; 3) донская область принадлежитъ къ числу тѣхъ мѣстностей, гдѣ абсолютно воспрещается евреямъ жительство, и не далѣе какъ четыре года назадъ изъ предѣловъ области изгнаны были послѣдніе остатки евреевъ. Въ Ростовѣ же и Таганрогѣ—полная свобода для евреевъ, и въ особенности въ первомъ число ихъ возросло до 20,000 душъ; здѣсь они пользуются всѣми правами, ведутъ большую торгово-промышленную дѣятельность и участвуютъ даже въ городскомъ управленіи. Помирить эти противоположности, а также и многія другія, истекающія изъ нихъ, дѣло не легкое, да и едва-ли въ настоящее время возможное; если имѣется въ виду уравнивать „права“ и условія, то надо

сдѣлать выборъ — кому отдать предпочтеніе: правамъ и условіямъ области или новоприсоединяемыхъ мѣстностей. Между тѣмъ уже теперь извѣстно, что городское положеніе въ Ростовѣ, Нахичевани, Азовѣ и Таганрогѣ сохраняется, хотя затрудненіе встрѣчалось въ неимѣніи въ Новочеркасскѣ губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія; но такъ какъ въ немъ имѣются всѣ элементы для образованія губернскаго присутствія — нѣтъ только губернскаго городского головы — то и это препятствіе легко устранимо, имѣя въ виду претендента въ Москвѣ; московскій городской голова участвуетъ въ тѣхъ лишь засѣданіяхъ присутствія, когда стоятъ на-очереди дѣла московской думы; въ другихъ же случаяхъ приглашаются головы другихъ городовъ. Такъ точно можетъ быть и здѣсь. Вопросъ о земствѣ вызвалъ расколъ: есть сторонники его, но есть и враги. Предсѣдатель ростовскаго земства, уѣздный предводитель дворянства, Г. М. Сарандинаки, выступилъ предъ комиссіей съ запиской, въ которой, шагъ за шагомъ, очерчено историческое развитіе дѣятельности ростовскаго земства, охарактеризованы его работы и фактически изложены тѣ благотворные плоды ихъ, которые едва-ли могли быть достигнуты при другомъ видѣ мѣстнаго хозяйства. Есть полное основаніе думать, что и въ этомъ отношеніи ломки не произойдетъ; наоборотъ, можно сомнѣваться въ долговѣчности неимѣнія земскихъ учреждений, на общихъ условіяхъ, въ самой области, казачье населеніе которой, пользуясь пока традиціонными привилегіями, чуждается земства, какъ унижительнаго для нихъ „мѣщанскаго управленія“, посягающаго, по ихъ мнѣнію, на „освященные временемъ казачьи права и вольности“. Что же касается третьяго спорнаго пункта — вопроса о евреяхъ — то и онъ остается безъ измѣненія для присоединяемыхъ мѣстностей, судя по дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ — изъ надежныхъ, впрочемъ, источниковъ. Многіе евреи здѣсь имѣютъ недвижимую собственность, осѣдлость, ведутъ большія торгovyя дѣла, и изгнать ихъ, ради „присоединенія и уравниенія“ — значило бы разорить ихъ, хотя мы должны констатировать тотъ фактъ, что ненависть мѣстнаго населенія къ евреямъ стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія, что и подтверждалось погромами и выражается и теперь. Естаті, одинъ фактъ: въ виду ожидаемаго разрѣшенія вопроса о евреяхъ, ростовское мѣщанское общество, впредь до окончательнаго выясненія его, отказало въ принятіи въ свою среду нѣсколько еврейскихъ семействъ; это маленькое произвольное предупрежденіе правительственныхъ мѣропріятій хорошо характеризуетъ степень сплоченія и объединенія русскаго населенія съ еврейскимъ...

По всѣмъ признакамъ, все присоединеніе сведется лишь къ тому, что высшая мѣстная администрація перенесется изъ Екатеринослава

въ Новочеркасскъ, и вмѣсто екатеринославскаго губернатора губернская власть, для Ростова съ уѣздомъ и Таганрога, будетъ сосредоточена въ рукахъ донскаго наказнаго атамана. Всѣ же другіе порядки и условія ихъ останутся по прежнему.

При изложеніи исторіи административнаго устройства края, необходимо упомянуть здѣсь объ одномъ „моментѣ“. Ростовское уѣздное земство — одно изъ громаднѣйшихъ какъ по числу волостей, такъ и землевладѣльцевъ ¹⁾; рѣчь о раздѣленіи ростовскаго земства на двѣ отдѣльныя земскія единицы должна выступить на сцену рано или поздно: трудно управлять земскому управленію, съ одинаковою плодотворностью для всѣхъ, большимъ райономъ. Въ недавнее время, когда раздробленіе земскихъ единицъ вообще поощрялось, возбужденъ былъ вопросъ о выдѣленіи изъ ростовскаго земскаго района таганрогскаго градоначальства и нахичеванскаго округа и образованія изъ нихъ самостоятельнаго земства, но вопросъ этотъ, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, не могъ имѣть существенныхъ результатовъ. Признавая въ принципѣ большую полезность дѣятельности мелкихъ земскихъ единицъ предъ крупными, нельзя не указать на то, что возбужденіе вышеприведеннаго вопроса теперь или въ недалекомъ будущемъ было бы очень желательно.

И. А—овъ.

¹⁾ Ростовское уѣздное земство состоитъ изъ 58 гласныхъ: 19 отъ землевладѣльцевъ, 19 — отъ Ростова, Нахичевани и Азова, 12 — отъ сельскихъ обществъ и 8 — отъ Таганрога.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го ноября 1886 г.

Болгарскія дѣла, и общій результатъ хода ихъ за послѣдній мѣсяцъ. — Побѣдка барона Каульбарса по Болгаріи, и выборы въ великое Собраніе. — Нота 7-го октября, и отправка въ Варну двухъ клиперовъ. — Отношеніе Турціи къ болгарскому вопросу. — Особое значеніе партій въ Болгаріи. — Сравненіе нынѣшняго положенія Балканскаго полуострова съ положеніемъ Апеннинскаго въ концѣ 50-хъ годовъ. — Правительственное сообщеніе 21-го октября.

Мѣсяцъ тому назадъ, намъ пришлось остановиться въ болгарскихъ дѣлахъ предъ нотою 15-го сентября, въ которой нашъ дипломатическій агентъ, баронъ Каульбарсъ, требовалъ отъ регентовъ, какъ органовъ исполнительной власти, отмѣны осаднаго положенія, освобожденія всѣхъ участниковъ переворота 9-го августа и отсрочки выборовъ въ великое Собраніе. Теперь давно уже извѣстенъ и отвѣтъ регентовъ на эту ноту: осадное положеніе—объясняли они—должно быть снято и безъ того, по закону, такъ какъ при осадномъ положеніи нельзя дѣлать выборовъ; освободить участниковъ переворота можетъ только судебная власть, независимая, по существующимъ законамъ въ Болгаріи, отъ власти исполнительной; а срокъ выбора, по отреченіи или смерти князя, указанъ опять въ законѣ, а потому не зависитъ ни отъ регентовъ, ни отъ кого другого. Такой отвѣтъ, собственно говоря, легко было предвидѣть, а потому многіе тогда предполагали, что при обращеніи съ упомянутыми тремя пунктами у насъ имѣлись уже на-готовѣ всѣ мѣры къ дальнѣйшему самостоятельному дѣйствію; но такое предположеніе не оправдалось послѣдующимъ, ближайшимъ ходомъ событій; судя по нимъ, можно только думать, что нота была отправлена, дѣйствительно, въ твердой, хотя и не основанной на чемъ-нибудь положительномъ, увѣренности въ немедленномъ повиновеніи со стороны регентовъ, и въ то же время безъ всякихъ реальныхъ средствъ къ немедленному дѣйствію, въ случаѣ отказа. Вотъ почему, къ сожалѣнію, единственнымъ ближайшимъ послѣдствіемъ той ноты могло быть только ухудшеніе общаго положенія дѣлъ и новое углубленіе пропасти, начавшей въ послѣднее время отдѣлять Болгарію отъ насъ. Дѣйствительно, хотя въ половинѣ октября исполнился цѣлый мѣсяцъ со времени представленія ноты регентству, но въ общемъ ходъ дѣлъ и до сихъ поръ не было замѣтно ни малѣйшаго улучшенія или хотя

бы разъясненія ихъ,—напротивъ. Извѣстный отвѣтъ венгерскаго министра Тиссы, во второй половинѣ сентября, на запросъ, сдѣланный ему по поводу болгарскихъ дѣлъ, заставилъ иначе смотрѣть на значеніе свиданій государственныхъ людей Россіи и Германіи въ Франценсбадѣ и Берлинѣ, происходившихъ не далѣе какъ въ началѣ осени; Австрія, оказывается теперь, едва-ли занимаетъ въ тройственномъ союзѣ то мѣсто, какое ей приписывали не такъ давно при свиданіи въ Гастейнѣ. Еще болѣе была поразительна перемена тона въ главномъ органѣ князя Бисмарка. „Сѣверо-Германская Газета“ въ послѣднее время вдругъ начала выражать удивленіе тому, что принцъ Александръ Баттенбергскій отказался отъ власти, тогда какъ онъ не былъ къ тому никѣмъ и ничѣмъ вынуждаемъ, и, наконецъ, прямо объявила, что онъ будто бы является главною причиною настоящаго тяжелаго положенія: не откажись онъ,—Европа наслаждалась бы теперь полнымъ спокойствіемъ. Одна изъ французскихъ газетъ, по этому поводу, справедливо замѣтила: почему же органъ Бисмарка не высказался такимъ образомъ въ августѣ — тогда, быть можетъ, и не случилось бы того, о чемъ онъ такъ теперь сожалеетъ. Кромѣ того,—нельзя не признать, какъ это ни прискорбно, — въ теченіе именно этого мѣсяца мы много потеряли въ общественномъ мнѣніи и симпатіяхъ сосѣднихъ государствъ, и даже во Франціи, гдѣ, по извѣстнымъ причинамъ, особенно расположены были къ одобренію нашей политики на Балканскомъ полуостровѣ; и тамъ въ послѣднее время начала встрѣчаться болѣе или менѣе рѣзкая критика нашихъ отношеній къ болгарамъ. Какъ извѣстно, такая критика была вызвана, главнымъ образомъ, тѣми непосредственными сношеніями, въ какія вступали наши дипломатическіе агенты съ уличною толпою и съ войскомъ, и особенно путешествіемъ барона Каульбарса по Болгаріи. Неудачные результаты попытокъ какъ непосредственныхъ бесѣдъ съ народамъ и сношенія съ войскомъ, помимо временного правительства, такъ и самаго путешествія, послужили какъ бы оправданіемъ той критики, съ какою отнеслись къ намъ даже и тѣ органы общественнаго мнѣнія, которые до того времени оказывали очевидное расположеніе къ намъ. Съ одной стороны, наши приемы казались имъ необычными въ международныхъ отношеніяхъ, а съ другой стороны, намѣреніе барона Каульбарса ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ въ Болгаріи являлось какъ бы признаніемъ, что мы, несмотря на то, что имѣли въ Болгаріи постоянныхъ агентовъ, вовсе не были до того времени знакомы съ страной, такъ что барону Каульбарсу, вмѣсто того чтобъ дѣйствовать, приходилось еще потратить время на изученіе предмета. Невѣроятность предположенія нашего незнакомства съ Болгаріею породила опять массу нелѣпныхъ слуховъ о цѣли са-

мага путешествія, и это, конечно, не могло опять не вредить намъ въ общественномъ мнѣніи даже предрасположенныхъ къ намъ сосѣдей и не-сосѣдей.

Съ путешествіемъ барона Каульбарса совпало время выборовъ въ великое Собраніе, — выборовъ, которые производились притомъ въ противность совѣтамъ съ нашей стороны. Эти выборы, благоприятные въ результатѣ для регентства и неблагоприятные для насъ, дали опять поводъ объяснять такой ихъ чрезмѣрный успѣхъ именно тѣми подробностями, какія сообщались за границей о путешествіи барона Каульбарса; противная намъ партія не пропускала ни одной ошибки безъ того, чтобы не воспользоваться ею для себя, и пользовалась, надобно сознаться, весьма искусно. Относительно самыхъ выборовъ приходится сказать, что, при настоящемъ положеніи дѣла, они могли бы легко сопровождаться несравненно болѣе беспорядками, какими, напримеръ, были ознаменованы въ послѣднее время выборы въ Ирландіи. При этомъ, къ нашей опять невыгодѣ, тѣ, которые выдавали себя за нашихъ приверженцевъ, дѣйствовали несравненно болѣе смѣло, а потому, съ ихъ стороны, было совершено и больше насилія; такъ было въ самой Софіи, какъ о томъ свидѣлствуютъ корреспонденціи нашихъ петербургскихъ газетъ, которымъ во всякомъ случаѣ нельзя не вѣрить. Когда выстрѣлы раздались со двора нашего консульства, — говоритъ корреспондентъ одной изъ петербургскихъ газетъ, — толпа, въ которую были направлены выстрѣлы, пришла въ ярость; еще мгновение — и произошло бы ужасное, непоправимое несчастіе; но въ эту самую минуту нѣкто Ризовъ (партизанъ регентства) кинулся на встрѣчу толпѣ: — Остановитесь! что вы дѣлаете? вы погубите Болгарію! — произнесъ онъ такимъ энергическимъ и повелительнымъ тономъ, что я — говоритъ корреспондентъ — даже усомнился, точно ли это Ризовъ, о которомъ я мыслилъ болѣе худого, чѣмъ хорошаго. Какъ бы то ни было, этотъ человѣкъ предотвратилъ неминуемое кровопролитіе; ему и софійскому коменданту, майору Попову, прискакавшему на выстрѣлы изъ консульства, съ двумя офицерами и полувзводомъ конниковъ, Болгарія обязана тѣмъ, что между нею и русскимъ консульствомъ не легли человѣческіе трупы. Не такъ счастливо кончилось столкновеніе въ Дубницѣ, гдѣ люди, называвшіе себя нашими партизанами, безчеловѣчно умертвили двухъ сторонниковъ регентства, избранныхъ уже въ депутаты, а также начальника округа, изрѣзали ихъ въ куски и бросили въ рѣку, какъ рассказываетъ корреспондентъ одной изъ московскихъ газетъ.

Баронъ Каульбарсъ возвратился изъ путешествія по Болгаріи, не окончивъ той задачи, какую ему приписывали въ печати, а именно — ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ въ цѣлой странѣ; онъ ограничился

только сѣверной Болгаріею, и явился снова въ Софію какъ разъ въ то время, когда приближился срокъ открытія великаго Собранія, назначенный окончательно на 19-е октября. Результатомъ путешествія барона Каульбарса была новая нота, 7-го октября, въ которой нашъ дипломатическій агентъ протестуетъ противъ дѣйствій болгарскихъ властей по отношенію къ живущимъ въ Болгаріи русскимъ подданнымъ; въ этой нотѣ указывается на дурное обращеніе и на аресты, которымъ многіе подверглись въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ за то, что они бывали у барона Каульбарса; нота заключается увѣреніемъ, что повтореніе подобныхъ фактовъ повлечетъ за собою самыя крупныя послѣдствія. Регентство отвѣчало на ноту выраженіемъ готовности немедленно изслѣдовать все это и подвергнуть наказанію виновныхъ; но такъ какъ нота была составлена въ общихъ выраженіяхъ, то оно просило поименовать самыя лица, которыя пострадали, такъ какъ безъ того нельзя приступить и къ слѣдствію. Но вскорѣ по возвращеніи барона Каульбарса въ Софію, послѣдовавшему непосредственно за упомянутою нотой, въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ явилось сообщеніе, а именно, что, „благодаря существующему въ Болгаріи повсемѣстному безначалію, наши консульства лишены возможности защищать законные интересы пребывающихъ въ этой странѣ русскихъ подданныхъ; послѣ отъѣзда генераль-маіора барона Каульбарса изъ Варны были случаи ареста русскихъ подданныхъ подъ самыми незаконными предлогами; въ виду такого положенія дѣлъ, отправлены на-дняхъ въ Варну клиперы „Забіяка“ и „Память Меркурія“.

Если разсматривать такую отправку военныхъ судовъ какъ фактическую поддержку упомянутой ноты барона Каульбарса, то настоящий моментъ можетъ сдѣлаться новою исходною точкою для всѣхъ послѣдующихъ событій. Многое зависитъ отъ того, насколько такая отправка военныхъ судовъ была предусмотрена въ соглашеніяхъ государственныхъ людей Россіи и Германіи, и какъ отнесутся къ тому другія государства, не участвовавшія въ томъ соглашеніи. Судя по одновременнымъ сообщеніямъ въ официальныхъ органахъ не только Германіи, Австріи, но и Англіи, а именно, что, наконецъ, вся Европа признала за Россіею право на „руководящую роль“ въ дѣлахъ болгарскихъ,—можно было бы думать, что отправивъ нашихъ военныхъ судовъ къ берегамъ Болгаріи будетъ разсматриваться, именно, какъ мѣра, принятая нами съ цѣлью практическаго осуществленія признаваемой за нами „руководящей роли“,—и въ такомъ случаѣ этотъ фактъ, конечно, не повлечетъ за собою никакихъ осложненій. Но нельзя въ то же время не привести себѣ на память, что, въ другихъ только выраженіяхъ, „руководящая“ роль за Россіею была давно

признаваема всѣми, подъ именемъ преимущественнаго „вліянія“ на болгарскія дѣла; и тѣмъ не менѣе, это „вліяніе“ всегда оставалось неясно формулированнымъ:—въ чемъ же именно должно выразиться такое „вліяніе“, до какихъ предѣловъ оно можетъ доходить, и т. д. Если въ 1878 году подверглись обсужденію конференціи европейскихъ государствъ самыя наши побѣды, то нельзя ли предполагать, что и „вліяніе“, и „руководящая роль“, тѣмъ болѣе предполагають то же самое, что послѣдовало за побѣдами, — а въ такомъ случаѣ наша „руководящая“ роль можетъ превратиться въ роль простого исполнителя чужихъ приговоровъ, какъ то и случилось, до нѣкоторой степени, въ 1878 году. Если, предположимъ, защита наша русскихъ подданныхъ, проживающихъ въ Болгаріи и, по свидѣтельству нашихъ дипломатическихъ агентовъ, жестоко притѣсняемыхъ, вслѣдствіе безсилія мѣстной власти или „безначалія“, приведетъ насъ къ оккупациі страны, то будетъ ли такая оккупациа разсматриваться всѣми, какъ естественное послѣдствіе нашей „руководящей роли“ въ болгарскихъ дѣлахъ, или это опять вызоветъ необходимость конференціи, какъ вызвали конференцію въ 1878 г. наши побѣды, бывшія, повидимому, также весьма естественнымъ результатомъ войны для той стороны, которая употребила и больше усилій, и сдѣлала больше пожертвованій, нежели тѣ, которые, сложивъ руки, спокойно смотрѣли на войну, съ убѣжденіемъ, что имъ никогда не будетъ поздно сказать: „до сихъ поръ—и не дальше!“ Органъ германскаго канцлера, своими разсужденіями о необходимости для Европы признать за Россією „особое право на руководящую роль (zur leitenden Rolle) въ болгарскомъ кризисѣ“, — наводитъ именно на мысль, что Европа и въ настоящее время спокойно ожидаетъ новаго „Санъ-Стефано“, чтобы затѣмъ, — послѣ того какъ „руководящая“ роль Россіи въ Болгаріи поселить въ болгаряхъ прочную ненависть къ намъ,—обсудить гдѣ-нибудь на конференціи окончательное устройство болгарскихъ дѣлъ. По мнѣнію газеты князя Бисмарка, „военныя заслуги Россіи въ пользу болгарскаго народа неоспоримы; благодаря имъ, тамъ установился такой порядокъ дѣлъ, поддержаніе котораго составляетъ всецѣло задачу петербургскаго кабинета—при согласіи его съ остальною Европою“ (in Uebereinstimmung mit den übrigen Europa). Тотъ едва-ли ошибется, кто усмотритъ въ этомъ выраженіи вовсе даже ничѣмъ неприкрытую мысль о томъ, что, благодаря прежнимъ заслугамъ и жертвамъ Россіи въ пользу Болгаріи, Европа предоставляет ей преимущественное предъ другими право оказывать новыя услуги и принести новыя жертвы въ дополненіе уже издержаннаго миллиарда и 100 тысячъ жизней,—а затѣмъ Европа возъ-

метъ, опять на себя трудъ обсудить, насколько дѣйствія Россіи согласуются съ намѣреніями остальной Европы.

Но допустимъ, что „Сѣверо-Германская Газета“, какъ говорятъ французская пословица, свела счеты, не спросясь хозяина, что послыла клиперовъ, отправленныхъ въ Варну, вовсе не есть какая-нибудь новая попытка въ родѣ той, какаѣ сдѣлана была мѣсяцъ тому назадъ въ формѣ отправленія барона Каульбарса, и что клиперъ не ограничится посылкою новыхъ нотъ, на которыя можно дать и утвердительный, и отрицательный отвѣтъ; однимъ словомъ, допустимъ, что мы перейдемъ къ дѣйствию, въ случаѣ если и послѣдняя нота барона Каульбарса, 7-го октября, будетъ имѣть участіе его же прежней ноты, 15-го сентября; допустимъ далѣе, уже съ рискомъ нѣсколько болѣшимъ, что такой переходъ къ „дѣйствию“ оставитъ насъ по прежнему въ „согласіи съ остальною Европою“, — какого конца можно ожидать для подобнаго его начала?

Въ послѣднее время въ нашей печати дѣлались самыя розовыя заключенія изъ несомнѣннаго, впрочемъ, факта, что въ этотъ моментъ Турція находится совершенно подъ нашимъ вліяніемъ, и, слѣдовательно, окажетъ намъ реальныя услуги въ нашей борьбѣ съ регентствомъ и его, болѣе или менѣе, тайными друзьями въ западной Европѣ. Не говоримъ уже о томъ, удобно ли намъ вообще обсуждать шансы нашего соглашенія съ Турціею противъ Болгаріи, которую мы только что освободили отъ турокъ; въ нашихъ газетахъ указывалось даже, какъ на фактъ подчиненія турецкой политики нашей, на то именно обстоятельство, что турецкій агентъ, Гадбанъ-эффенди, прибывшій почти одновременно въ Софію съ барономъ Каульбарсомъ, послѣ возвращенія его изъ путешествія, объявилъ будто-бы, что онъ имѣетъ главною задачею „примирить болгаръ съ русскими“; но и при всемъ томъ намъ не слѣдуетъ забывать того, что, какъ бы ни было велико наше вліяніе на Турцію въ настоящую минуту, оно далеко еще не можетъ сравниться съ нашимъ же вліяніемъ на Турцію въ ту памятную эпоху, когда въ Константинополѣ дѣйствовалъ нашъ посолъ графъ Игнатьевъ, — а непосредственно за этимъ „вліяніемъ“ послѣдовала наша война съ Турціею. Никто и теперь не долженъ сомнѣваться въ томъ, что Турція никакимъ образомъ не можетъ искренне предпочитать имѣть въ своемъ непосредственномъ сосѣдствѣ Россію, вмѣсто Болгаріи, и, съ своей стороны, никакъ не будетъ прилагать стараній къ тому, чтобы облегчить Россіи исполненіе ея „исторической задачи“. Вотъ потому мы должны опѣнивать настоящее наше „вліяніе“ на Турцію никакъ не выше того, чего стоило это „вліяніе“ при графѣ Игнатьевѣ; оно менѣе чѣмъ надежно.

Что касается самой Болгаріи, то „фактическое“ внимательство

съ нашей стороны можетъ, даже и въ случаѣ фактическаго успѣха силы—въ чемъ нельзя сомнѣваться ни на минуту—привести, даже въ ближайшемъ будущемъ, вовсе не къ тѣмъ результатамъ, какихъ слѣдовало бы ожидать. При оцѣнѣ положенія дѣлъ въ Болгаріи насъ можетъ легко вводить въ заблужденіе названіе борющихся тамъ партій: одну называютъ „русскою“, другую—„анти-русскою“. Но мы можемъ глубоко ошибиться, если изъ такихъ названій партій выведемъ заключеніе, что торжество такъ-называемой „русской“ партіи будетъ непременно торжествомъ Россіи въ Болгаріи; партія Цанкова, въ борьбѣ съ своими политическими противниками, рассчитываетъ на содѣйствіе Россіи къ достиженію власти, и только потому называется „русскою“. Болѣе откровенные изъ корреспондентовъ нашихъ газетъ высказывали не разъ подобную мысль, и она многое имѣетъ въ свою пользу. Еще недавно „одинъ изъ русскихъ дѣятелей, знающій нынѣшнюю Болгарію и болгаръ по личному опыту“, писалъ въ одну изъ московскихъ газетъ: „насколько я знакомъ съ Болгаріею и всѣми ея дѣятелями всѣхъ партій, смѣю увѣрить, что русской партіи, т.-е. желающей владычества Россіи, въ Болгаріи нѣтъ; именующіе себя сторонниками Россіи суть также честные, въ болгарскомъ смыслѣ, патріоты, которые, при помощи Россіи, мечтаютъ о присоединеніи Македоніи и расширеніи Болгаріи до Эгейскаго моря, а въ будущемъ—до Константинополя; лозунгъ ихъ:—Болгарія для болгаръ“. Собственно говоря, этому нельзя и удивляться, или иначе было бы вовсе необъяснимо, какимъ образомъ „цанковисты“ могли бы показываться на улицѣ, еслибы въ глазахъ этой толпы они были людьми, призывающими Россію прямо для завоеванія Болгаріи; если противники „цанковистовъ“ обвиняютъ ихъ въ томъ, то это не болѣе, какъ полемическій приемъ, а въ сущности, и эта такъ-называемая „русская“ партія видитъ въ Россіи средство къ достиженію „историческихъ задачъ“ Болгаріи, и она не согласится сдѣлать изъ Болгаріи средство для достиженія „историческихъ задачъ“ Россіи. Вышеупомянутый корреспондентъ самъ всего лучше подтверждаетъ справедливость того, тѣми выводами, какіе онъ дѣлаетъ съ русской точки зрѣнія изъ своихъ собственныхъ наблюденій надъ Болгаріею: „неужели опыты съ Румыніею, Сербіею, Греціею—говорить онъ—не научили насъ, и мы будемъ покровительствовать созданію великой Болгаріи, чтобы тѣмъ окончательно преградить себѣ путь въ Царьградъ?! Къ счастью, мнѣ кажется, мы уразумѣли, насколько болгарскія мечты (о великой Болгаріи) и воздушные замки для насъ полезны; мы, русскіе, уразумѣли, какую услугу оказали намъ враги наши берлинскимъ трактатомъ, разъединивъ южную отъ сѣверной Болгаріи и тѣмъ отдаливъ на долгое, надо надѣяться,

время созданіе великой Болгаріи, второй для насъ великой Польни⁴. Едва-ли не въ первый разъ выражается въ нашей печати, съ такою ясностью и опредѣленностью, мысль объ услугахъ, содѣянныхъ намъ берлинскимъ трактатомъ, который обыкновенно рассматривается какъ оскорбленіе, нанесенное намъ нашими врагами; оказывается, что мы сами хотѣли нанести себѣ величайшій вредъ санъ-стефанскимъ договоромъ, и только берлинскій трактатъ спасъ насъ отъ такого невѣрнаго и пагубнаго шага! При всей кажущейся парадоксальности такого мнѣнія, высказаннаго лицомъ, „знающимъ нынѣшнюю Болгарію и болгаръ по личному опыту“,—это мнѣніе замѣчательно тѣмъ, что оно, повидимому, раздѣляется какъ разъ противною намъ партіею и въ самой Болгаріи; несогласны съ нимъ именно наши приверженцы, рассчитывающіе, при помощи Россіи, добиться „великой Болгаріи“. Внѣшняя сторона фактовъ какъ будто подтверждаетъ справедливость того мнѣнія: переворотъ 6-го сентября 1885 г., соединившій Болгарію и Румелію, что предполагалось нами при заключеніи санъ-стефанскаго договора, нашелъ противниковъ себѣ именно въ насъ, а защитники его явились, между прочимъ, въ Англіи, которая и была главною виновницею неудачи нашего стремленія соединить Болгарію съ Румеліей. Эта кажущаяся непоследовательность съ обѣихъ сторонъ объясняется очень просто, а именно при помощи вышеприведеннаго чисто-практическаго указанія на возможность болѣею для насъ опасности отъ „великой Болгаріи“, чѣмъ даже отъ самой Турціи, но тѣмъ самымъ вмѣстѣ объясняется и вся затруднительность рѣшенія болгарскаго вопроса: „великая Болгарія“ подѣ нашимъ „вліяніемъ“ не допускается западными европейскими государствами; „малая Болгарія“ была бы терпима и подѣ нашимъ „вліяніемъ“ (хотя и тутъ подѣ условіемъ, какъ мы видѣли, „согласія съ Европой“), но мысль о невозможности „великой Болгаріи“, какъ о фактѣ, не согласуемому съ нашими интересами, вооружаетъ противъ насъ болгарскій патріотизмъ. Вотъ въ чемъ настоящая трудность болгарскаго вопроса.

Вообще говоря, настоящее положеніе Болгаріи и всего Балканскаго полуострова напоминаетъ во многихъ отношеніяхъ то, что еще не такъ давно представляла собою Италія—въ концѣ 50-хъ годовъ. Италія до того времени находилась подѣ чужеземнымъ игомъ, и страна единовѣрная и единоплеменная Италіи оказала ей сильную помощь въ дѣлѣ освобожденія: Франція въ концѣ 50-хъ годовъ также пролила кровь за свободу Италіи, подобно тому, какъ въ концѣ 70-хъ годовъ мы принесли огромную жертву для освобожденія славянскихъ народовъ,—и что же оказалось въ окончательномъ результатѣ для Франціи?! Италія, освобожденная Франціею отъ австріи-

скаго ига, очень скоро послѣ того явилась въ рядахъ ея противниковъ, да и теперь, при современной группировкѣ государствъ, Італія стоитъ гораздо ближе къ Австріи и Германіи и почти враждебна Франціи. Между тѣмъ Франція билась еще недавно за свободу Італіи при Маджентѣ и Сольферино, и вручила ей сначала Ломбардію, а потомъ и Венецію, послѣ того какъ обѣ эти области были уступлены Австріею сначала Франціи. Все это совершилось на нашей памяти, а потому мы можемъ легко припомнить и причины такого оборота дѣлъ, вслѣдствіе котораго Італія, облагодѣтельствованная Франціею, въ минуту величайшей опасности для послѣдней, въ 1870 году, не была на ея сторонѣ. Разладъ между ними начался почти-что вслѣдъ за виллафранкскимъ миромъ, вслѣдствіе именно того, что Франція считала за собою исключительное право на вліяніе въ Італіи, между тѣмъ какъ новая Італія, освобожденная руками французовъ, начала развиваться быстрѣе, нежели сколько то было нужно, по соображеніямъ Франціи, и уже въ 1860 г. присоединила Неаполь;— Франція отозвала тогда даже своего посланника изъ Турина,—а Англія послѣшила тотчасъ же признать въ Італіи новый порядокъ вещей. Нѣчто аналогическое можно усмотрѣть и теперь въ нашихъ отношеніяхъ къ Болгаріи, въ какихъ стояла Франція, въ 50-хъ годахъ, къ Сардиніи. Но эти послѣднія отношенія давно уже сдѣлались достоинствомъ исторіи, а потому и представляютъ болѣе удобства для наблюденія и выводовъ. Еслибы Франція тогда заботилась не о „вліяніи“ своемъ въ Італіи, и не уменьшала бы тѣмъ цѣны великодушной помощи, оказанной ею единовѣрной и единоплеменной странѣ, то, безъ сомнѣнія, она нашла бы въ Італіи самую вѣрную союзницу и, быть можетъ, война 1870 года была бы ведена Франціей совсѣмъ при иныхъ условіяхъ. Но Франція, съ одной стороны, предпочла пріобрѣтеніе Ниццы и Савойи, на счетъ Італіи, и оккупацию Рима, а съ другой—требовала то преслѣдованія Гарибальди, то водворенія въ Італіи такихъ же внутреннихъ порядковъ, какіе господствовали въ то время во Франціи,—и въ то же время разсчитывала на совмѣщеніе несовмѣстимаго, а именно, хотѣла вмѣстѣ съ тѣмъ пользоваться нравственными выгодами оказанныхъ ею благодѣяній, которыя, дѣйствительно, были громадны, если подумать, что Сардинія, разбитая австрійцами на сушѣ и на морѣ, получила за свои пораженія отъ Франціи въ даръ владѣнія, превышавшія вдвое или втрое ея собственный объемъ. Вотъ почему—мы видѣли—не прошло и 10-ти лѣтъ послѣ Мадженты и Сольферино, какъ самое имя французовъ было уже ненавистно въ Італіи, и въ то же время Італія пользовалась большими симпатіями въ Европѣ, чѣмъ Франція. Имѣя въ виду такой крупный и близкій къ намъ по времени историческій примѣръ, мы

никакъ не можемъ согласиться съ вышеприведеннымъ мнѣніемъ, будто задача нашей политики должна состоять въ томъ, чтобы не допускать „великой Болгаріи“, изъ опасенія найти въ ней послѣ такого же врага, какого нашла себѣ Франція въ „великой Италиі“; болѣе правленъ былъ бы совсѣмъ другой логическій выводъ, а именно: не слѣдуетъ повторять тѣхъ ошибокъ, которыя сдѣлала Франція, и тогда легко будетъ избѣгнуть и тѣхъ печальныхъ результатовъ собственнаго благодѣянія, какіе испытала Франція въ самомъ непродолжительномъ времени.

Намъ могутъ возразить, что въ приведенномъ нами сравненіи Болгаріи съ Сардиніей есть большой недостатокъ, а именно: Апеннинскій полуостровъ заселенъ однимъ племенемъ одного языка и одной религіи; Балканскій—смѣсью самыхъ различныхъ и другъ другу враждебныхъ племенъ, на чемъ всегда собственно и опиралось турецкое господство. Но мы, дѣлая сравненіе, вовсе не имѣли въ виду буквальной точности результатовъ; уже теперь явился слухъ о какой-то федераціи балканскихъ народовъ; неожиданное и казавшееся недавно невозможнымъ сближеніе сербовъ съ болгарами хотя и приписывается намъ, т.-е. событіямъ послѣдняго мѣсяца, но уже и оно доказываетъ, что всегда завтра можетъ быть возможнымъ то, что сегодня представляется невозможнымъ, и очень часто вся задача политической мудрости состоитъ вовсе не въ томъ, чтобы предупредить какое-нибудь новое явленіе и подавить его, а наоборотъ: овладѣть имъ и стать во главѣ движенія, которое, иначе, можетъ сдѣлаться намъ опаснымъ и враждебнымъ.

Возвращаясь къ фактической сторонѣ болгарскихъ дѣлъ, мы должны занести въ заключеніе нашей хроники полученное здѣсь извѣстіе о томъ, что 19-го октября великое Собраніе было открыто въ Филиппополѣ, и слѣдующее, весьма важное сообщеніе „Правительственнаго Вѣстника“ 21-го октября, въ связи съ послѣднею нотой барона Каульбарса и въ дополненіе къ вышеприведенному официальному сообщенію:

„Какъ уже ранѣе было сообщено въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, случившіяся въ Варнѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ Болгаріи посягательства на права русскихъ подданныхъ вызвали отправку въ означенный портъ двухъ военныхъ судовъ: крейсера „Память Меркурія“ и клипера „Забіяка“. Несмотря на присутствіе нашихъ судовъ, означенныя посягательства не прекратились, вслѣдствіе чего министерствомъ иностранныхъ дѣлъ было предложено генералъ-майору Каульбарсу вновь потребовать отъ настоящаго болгарскаго правительства принятія самыхъ энергическихъ мѣръ къ прекращенію означеннаго положенія дѣлъ и, въ случаѣ неполученія въ трехднев-

ный срокъ удовлетворительнаго отвѣта, выѣхать со всѣмъ дипломатическимъ агентствомъ и консульствами изъ Болгаріи.

„На адресованную нашимъ представителемъ въ изложенномъ смыслѣ ноту болгарскій министръ иностранныхъ дѣлъ Начевичъ отвѣчалъ, что болгарскимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ предписано всѣмъ мѣстнымъ властямъ, подѣ страхомъ взысканія, принять самыя дѣйствительныя мѣры къ предупрежденію посягательствъ противъ русскихъ подданныхъ и лицъ, пользующихся русскимъ покровительствомъ. Въ той же нотѣ г. Начевичъ обратился къ генералу Каульбарсу съ просьбою о сообщеніи именъ и мѣстъ жительства какъ подданныхъ Россіи, такъ и пользующихся ея покровительствомъ лицъ, подвергшихся оскорбленіямъ, въ видахъ разысканія и преданія суду виновниковъ оскорбленій.

„Признавая вполнѣ излишнимъ удовлетворить желанію г. Начевича, въ виду того, что совершавшіяся противъ русскихъ подданныхъ посягательства не могутъ не быть хорошо извѣстны болгарскому правительству, агенты коего были главными виновниками и участниками означенныхъ посягательствъ, генераль Каульбарсъ предпочелъ объявить г. Начевичу, что онъ не находитъ возможнымъ входить въ требуемыя послѣднимъ объясненія, но что, при первомъ насиліи, которое случится гдѣ бы то ни было на болгарской территоріи, онъ будетъ вынужденъ поступить согласно прежнему своему заявленію, т.-е. выѣхать изъ Болгаріи со всѣми русскими агентами.

„Изложенный выше отвѣтъ генерала Каульбарса удостоился Высочайшаго Государя Императора одобренія“.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЛЕКЦІЯ ПРОФ. ЯГИЧА

ВЪ ВѢНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ, ПО СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Письмо изъ Вѣны.

Случай завелъ меня въ Вѣнѣ на вступительную лекцію проф. Ягича, съ которымъ мы только-что разстались въ Петербургѣ. Его лекціи въ петербургскомъ университетѣ, его дѣятельность въ нашей академіи наукъ, направленіе его Архива — все это заранѣе готовило меня къ тому, что я услышу; новость явилась въ цѣломъ, въ органической программѣ, съ которою новый, теперь вѣнскій, славистъ вступилъ въ наслѣдіе своего учителя. Заслуги Миклошича въ области славистики неоспоримы. Г-нъ Ягичъ началъ свое чтеніе торжественнымъ ихъ признаніемъ; но и въ наукѣ, и на кафедрѣ, Миклошичъ былъ главнымъ образомъ грамматикомъ, тогда какъ программа, которую г. Ягичъ считаетъ возможной и обязательной для представителя славянской филологіи въ Вѣнѣ, ставитъ ему болѣе широкія требованія, въ уровень съ ростомъ славянской науки и славянской идеи. И здѣсь честь исполненія принадлежитъ столько-же новѣйшимъ дѣтелямъ славистики, сколько ея инициаторамъ, среди которыхъ имя Миклошича никогда не будетъ забыто.

Лекторъ заявилъ себя на сторонѣ тѣхъ, кто понимаетъ славянскую филологію какъ нѣчто цѣлостное и единое (als ein Ganzes), въ томъ смыслѣ, въ какомъ говорятъ о филологіи германской или романской. Такъ разумѣли и разумѣютъ дѣло Добровскій, Миклошичъ, Шафарикъ и всѣ слависты Россіи, Германіи и Австріи. Цѣлостность основывается, главнымъ образомъ, на близкомъ взаимномъ сродствѣ славянскихъ нарѣчій и на результатахъ ихъ сравнительнаго изученія на основѣ церковно-славянскаго языка. Извѣстное открытіе Востокова въ области славянской филологіи указываетъ на блестящіе преимущества именно сравнительнаго метода.

Какія дисциплины входятъ въ понятіе славянской филологіи? Лекція Ягича посвящена была отвѣтамъ на этотъ вопросъ.

На первомъ мѣстѣ онъ поставилъ изученіе церковно-славянскаго языка, этого „санскрита“ славянской филологіи. Его значеніе для сравнительной грамматики, особливо фонетики, давно извѣстно, но выступило рельефнѣе лишь въ послѣднихъ стадіяхъ развитія грамматической науки. Позволено выразить увѣренность, что чѣмъ дольше

занимаются въ той или другой области славянства изученіемъ церковно-славянскаго языка, тѣмъ глубже и содержательнѣе становится и пониманіе соответствующаго живого славянскаго нарѣчія. Примѣромъ можетъ служить исторія польской научной грамматики: пока ученые этой народности пренебрегали нашимъ „санскритомъ“ для научной разработки своего языка, они сдѣлали очень мало; успѣхи являются у Малиновскаго и его школы, благодаря тому, что пущенъ былъ въ оборотъ и матеріалъ церковно-славянской рѣчи.

На ея основахъ лекторъ предполагаетъ заниматься и живыми славянскими языками, иногда каждымъ въ отдѣльности, либо собирая ихъ въ группы, либо въ общемъ сравнительномъ обзорѣніи. Методъ изученія будетъ историческій.

Въ связи съ предыдущими параграфами стоитъ третье общае программы: діалектологія, изученіе мелкихъ народныхъ говоровъ, на которое г. Ягичъ думаетъ обратить особое вниманіе начинающихъ славистовъ. Въ этой области кое-что начато, но еще многое остается сдѣлать, напр. для діалектологіи славянскихъ земель. Работа интересная не по однимъ своимъ ближайшимъ результатамъ: многіе спорные пункты славянской этнографіи могутъ получить окончательное рѣшеніе при помощи точнаго изученія діалектовъ. Таковъ вопросъ о діалектическихъ разновидностяхъ въ древней Руси и—связанный съ нимъ—о древности нынѣшняго населенія на русскомъ югѣ; таковъ вопросъ о древнихъ и современныхъ границахъ, отдѣляющихъ болгаръ, сербовъ, хорватовъ и словинцевъ.

Отъ языка лекторъ перешелъ къ литературѣ, ибо, вмѣстѣ съ Яковомъ Гриммомъ, желаетъ „не только строить дома, но и жить въ нихъ“. Какъ въ изученіи языковъ, такъ и славянскихъ литературъ онъ проповѣдуетъ сравнительный методъ. Здѣсь матеріала для сравненія меньше, чѣмъ для языковъ; особыя условія славянской исторіи, распаденіе славянства на византійско-славянскую и славяно-латинскую полосы не давало между ними тѣхъ точекъ соприкосновенія, какія напр. представляются въ теченіяхъ западно-европейской культуры. Тѣмъ не менѣе соприкосновеніе было. Въ теченіе цѣлыхъ столѣтій вся юго-восточная группа славянъ жила въ кругозорѣ христіанско-византійскихъ идей, и въ этотъ періодъ совершался постоянный переходъ готовыхъ литературныхъ произведеній, главнымъ образомъ переводовъ церковно-богословскихъ греческихъ сочиненій, изъ при-дунайскихъ земель, Болгаріи и Сербіи въ Россію, и наоборотъ. Для болѣе поздняго періода слѣдуетъ отмѣтить вліяніе старо-чешской литературы на старо-польскую, раскрывшееся, главнымъ образомъ, благодаря разысканіямъ Неринга, извѣстное воздѣйствіе польской письменности на русскую въ XVII-мъ вѣкѣ и т. п. — Особое

значение было придано лекторомъ понятію литературы церковно-славянской или, точнѣе, древне-славянской (altslovenisch). Какъ многие передъ нимъ, такъ и онъ самъ смотрѣлъ на эту литературу съ нѣсколько ограниченной точки зрѣнія: будто она служила исключительно церковнымъ цѣлямъ. Продолжительныя занятія г. Ягича заставили его отказываться отъ этого воззрѣнія въ пользу другого, которое, для многихъ изъ присутствовавшихъ на его вступительной лекціи профессоровъ и студентовъ, несомнѣнно было откровеніемъ. Лекторъ указалъ прежде всего на великое культурно-историческое значение того факта, что большая часть славянства создала себѣ свой собственный народный органъ для выраженія средневѣковой христіанской культуры. Скромный древне-славянский языкъ (altslovenisch), вѣроятно обнимавшій, въ качествѣ живого народнаго говора, лишь незначительное географическое пространство, достигъ такимъ образомъ значенія средневѣковаго литературнаго языка для всего юго-восточнаго славянства, наравнѣ съ средневѣковою латынью, господствовавшей на Западѣ. Можетъ быть, господство перваго было еще болѣе исключительное. Если литературныя произведенія, записанныя на этомъ языкѣ, не представляютъ столь богатаго и разнообразнаго духовнаго содержанія, какъ современная западно-латинская письменность, то объясняется это историческими условіями, опредѣлившими отличія западнаго развитія отъ восточно-европейскаго. Пока условія были благопріятны, церковно-славянская литература обнаружила замѣтельную жизненность, по крайней мѣрѣ, въ отдѣлѣ переводовъ съ греческаго: можно сказать безъ преувеличенія, что, за исключеніемъ средневѣковой латинской, никакая другая европейская литература не идетъ въ сравненіе, не говоря уже о превосходствѣ церковно-славянской въ отношеніи къ количеству переводовъ греческихъ сочиненій по богословію и патристикѣ. По этому поводу г. Ягичъ упомянулъ о заслугахъ Востокова, Срезневскаго, Горскаго и Невоструева по изданію и описанію относящихся сюда памятниковъ. — Еще и другая сторона церковно-славянской литературы не должна быть оставлена безъ вниманія: не надо забывать, что ея языкъ — эта „латынь“ славянскаго Юго-востока — былъ литературнымъ органомъ государства и его духовныхъ потребностей, свѣтскаго и церковнаго законодательства, частныхъ и правительственныхъ актовъ. Упомянувъ въ этомъ отдѣлѣ изданія Миклошича, Шафарика, Срезневскаго и Даничича, г. Ягичъ коснулся еще одной литературной области, захваченной церковно-славянскимъ языкомъ: южнославянской и особливо русской лѣтописи, о которой повторилъ восторженный отзывъ Шлѣцера.

Къ литературѣ примыкаетъ народная поэзія, также входящая, по

мысли г. Ягича, въ кругъ занятій профессора-слависта. Г-нъ Ягичъ указалъ на ея значеніе, на вопросы, ею поднятые, и современные методы разработки. Побочными дисциплинами явятся славянская міеология, палеографія и т. п.

Программа обширная, обнимающая весьма разнообразныя стороны славяновѣденія и невольно вызывающая вопросъ: какъ осилить ее одному человѣку? Въ Вѣнѣ, помимо профессуры славянской филологии, полагаются и приватъ-доценты, существуетъ и лекторъ; но главную надежду г. Ягичъ возлагаетъ на славянской семинарій, который имѣетъ открыться впервые по его почину и подъ его руководствомъ. Будущность этого семинарія и польза, какую онъ можетъ принести наукѣ славистики въ Вѣнѣ, представляются ему въ привлекательномъ свѣтѣ: онъ можетъ стать притягательнымъ центромъ для начинающихъ славистовъ, не только для живущихъ въ предѣлахъ Австріи, но и внѣ ея; новое учрежденіе должно привлекать ихъ къ себѣ, ибо будетъ исключительно служить благородной цѣли взаимнаго обученія, развитія и укрѣпленія строго-научнаго метода. Это устранить одно изъ предубѣжденій, съ которыми можетъ быть встрѣчена въ извѣстныхъ кругахъ самая мысль о семинаріѣ. Г-нъ Ягичъ разумѣетъ кипищу въ наше время борьбу народностей, предубѣжденій національных: они будутъ устранены строго-объективной, научной постановкой новаго института. Остается затѣмъ еще одно затрудненіе: дѣло потребуетъ матеріальныхъ средствъ. Но и это затрудненіе удалено: не только австрійское правительство общается средства для учрежденія семинарія, но и въ зданіи университета (кстати: чрезвычайно роскошномъ) будетъ прискано подходящее помѣщеніе: три комнаты, въ которыхъ будетъ находиться специальная бібліотека, будутъ работать студенты и соберется, быть можетъ, нѣчто въ родѣ небольшого славянскаго вещественнаго музея. Примѣръ—достойный подражанія.

Г-нъ Ягичъ окончилъ свою лекцію обращеніемъ къ студентамъ, выражая надежду, что они отнесутся къ нему съ такимъ же пониманіемъ и участіемъ, какое онъ встрѣтилъ по отношенію къ своимъ чтеніямъ и научной дѣятельности среди своихъ „незабвенныхъ“ петербургскихъ слушателей:—„Я надѣюсь на это, дай-то Богъ!“ Мы присоединяемся къ этому желанію и этой надеждѣ, но были бы счастливыѣ, еслибъ воспоминаніе г-на Ягича о слушателяхъ относилось не къ Петербургу, а къ Вѣнѣ, а семинарій его очутился бы не на берегахъ Дуная, а на нашей Невѣ. Дай-то Богъ!

А. Веселовскій.

12 октября 1886.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 ноября 1886.

— М. Е. Салтыковъ, Двадцать-три сказки. Сиб., 1886.

Сказки—своеобразныя, оригинальныя сказки, мало похожія на то, что обыкновенно понимаютъ подъ этимъ именемъ — не новый родъ для г. Салтыкова. Элементъ „волшебный“ часто и сильно вторгался въ его сатиру, то сосредоточиваясь въ отдѣльныхъ эпизодахъ, то раздвигаясь въ цѣлые рассказы (припомнимъ пропавшую совѣсть или незабвеннаго мужика, прокормившаго двухъ генераловъ). Въ нашемъ сатирикѣ всегда скрывался и до сихъ поръ скрывается поэтъ; сказка—одинъ изъ тѣхъ путей, которымъ онъ выходилъ наружу. Свободная въ своихъ движеніяхъ и пріемахъ, она соединяетъ въ себѣ юморъ—съ лиризмомъ, точное наблюденіе—съ широкимъ, смѣлымъ размахомъ фантазіи. Слишкомъ далеко отъ почвы дѣйствительности г. Салтыковъ не отдаляется никогда; онъ соприкасается съ нею даже тогда, когда, повидимому, даетъ полную волю своему воображенію. „Сказочность“ признавалась иногда отличительною чертою Щедринской сатиры; мы продолжаемъ думать, наоборотъ, что настоящей сказочности нѣтъ даже въ Щедринскихъ сказкахъ. Онѣ не уносятъ насъ въ другой міръ, не заставляютъ насъ забыть о всемъ окружающемъ; напротивъ того, онѣ напоминаютъ о немъ тѣмъ съ болѣею силою, чѣмъ ярче „волшебный“ колоритъ сказочной обстановки.

Сказки, вошедшія въ составъ вновь изданнаго тома, были напечатаны отчасти въ „Отечественныхъ Запискахъ“, отчасти въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ и въ „Недѣлкѣ“, — и послѣднія, ближайшія по времени, нисколько не уступаютъ первымъ. Какъ между тѣми, такъ и между другими, попадаются вещи сравнительно менѣе сильныя—или по недостаточной новизнѣ тѣмы (напр. „Игрушечнаго дѣла людинки“), или по способу ея развитія (напр. „Либераль“); попадаются зато и такія, которыя могутъ стать на-ряду съ лучшими произведеніями

автора („Премудрый пискарь“, „Бѣдный волкъ“, „Карась-идеалистъ“, „Сосѣди“, „Баранъ непомнящій“, „Кисель“, „Коняга“). Мольбы волка о смерти, сновидѣнія барана, страданія коняги, предсмертныя мысли пискаря — все это производитъ поразительное впечатлѣніе, глубоко врѣзывается въ память. Идея и образъ сливаются здѣсь въ одно нераздѣльное цѣлое; сильнѣйшій эффектъ достигается самыми простыми средствами. Ни одного лишняго слова — и все-таки ничего не забыто, все закончено и полно жизни. Возьмемъ хотя бы заключеніе сказки о премудромъ пискарѣ. „Вся жизнь мгновенно передъ нимъ проне-слась. Какія были у него радости? Кого онъ утѣшилъ? Кому добрый совѣтъ подалъ? Кому доброе слово сказалъ? Кого приютить, обогрѣлъ, защитилъ? Кто слышалъ объ немъ? Кто объ его существованіи вспомнить? И на всѣ эти вопросы ему пришлось отвѣчать: никому, никто. Онъ жилъ и дрожалъ — только и всего. Даже вотъ теперь: смерть у него на носу, а онъ все дрожитъ, самъ не знаетъ, изъ-за чего. Въ норѣ у него темно, тѣсно, повернуться негдѣ; ни солнечный лучъ туда не заглянетъ, ни тепломъ не пахнетъ. И онъ лежитъ въ этой сырой мглѣ, незрячій, изможденный, никому ненужный, лежитъ и ждетъ: когда же голодная смерть окончательно освободитъ его отъ безполезнаго существованія?“ Болѣе счастливымъ, чѣмъ этотъ „премудрый“ пискарь, кажется намъ даже „самоотверженный заяцъ“, сидящій подъ кустомъ въ ожиданіи волчьей резолюціи.

Много ли найдется въ нашей литературѣ такихъ картинъ русской природы — и вмѣстѣ съ тѣмъ русской жизни, — какія раскинуты въ „Конягѣ“? Послѣ Некрасова мы ни у кого не встрѣчали этихъ жгучихъ красокъ, не слыхали этихъ стоновъ душевной муки, вырываемыхъ зрѣлищемъ нескончаемаго труда надъ нескончаемой задачей. Намъ вспомнилось окончаніе „Параднаго подъѣзда“ — и мы затрудняемся сказать, что болѣе задѣваетъ за живое: произведеніе умершаго поэта или новое „стихотвореніе въ прозѣ“ (это названіе вполне подходитъ къ „Конягѣ“). „Пыльный мужицкій проселокъ узкой лентой отъ деревни до деревни бѣжитъ; юркнуть въ поселокъ, вынырнуть и опять невѣдомо куда побѣжить. И на всемъ протяженіи, по обѣ стороны, его поля сторожатъ. Нѣтъ конца полямъ; всю ширь и даль они заполонили; даже тамъ, гдѣ земля съ небомъ слилась, и тамъ все поля. Золотящіяся, зеленѣющія, обнаженные — они желѣзнымъ кольцомъ охватили деревню, и нѣтъ изъ нея никуда выхода, кромѣ какъ въ эту зіяющую бездну полей... Изъ вѣка въ вѣкъ цѣпенѣтъ грозная, неподвижная громада, словно силу сказочную въ плѣну у себя сторожить. Кто освободитъ эту силу изъ плѣна? Кто вызоветъ ее на свѣтъ? Двумъ существамъ выпала на долю эта задача: мужику да конягѣ. И оба отъ рожденія до могилы надъ этой

задачей бьются, потъ проливаютъ кровавый, а поле и по-днесъ своей сказочной силы не выдало... Нѣтъ конца полю, не уйдешь отъ него никуда! Исходилъ его коняга съ сохой вдоль и поперекъ, и все-таки ему конца краю нѣтъ. И обнаженное, и цвѣтущее, и пѣпенѣющее подъ бѣлымъ саваномъ — оно властно раскинулось въ глубь и въ ширь, и не на борьбу съ собою вызываетъ, а прямо беретъ въ кабалу. Ни разгадать его, ни покорить, ни истощить нельзя: сейчасъ оно помертвѣло, сейчасъ — опять народилось. Не поймешь, чтó тутъ смерть и чтó жизнь. Но и въ смерти, и въ жизни, первый и неизмѣнный свидѣтель — коняга. Для всѣхъ поле — раздолье, поэзія, просторъ; для коняги оно — кабала. Поле давитъ его, отнимаетъ у него послѣднія силы и все-таки не признаетъ себя сытымъ"... Еслибъ г. Салтыковъ написалъ за послѣднее время только „Конягу“, то это одно было бы достаточнымъ доказательствомъ неувидаемой силы его таланта.

— Полное собраніе сочиненій Виктора Гюго въ переводѣ русскихъ писателей. Томъ первый. Романы. Переводъ Э. К. Ватсона. Изданіе товарищества М. О. Вольфъ. Спб. и Москва, 1887.

Какъ ни велико у насъ число людей, могущихъ читать В. Гюго въ подлинникѣ, переводъ его на русскій языкъ представляется далеко не излишнимъ; усомниться можно только въ томъ, необходимо ли распространеніе этого предпріятія на всѣ сочиненія умершаго поэта. Въ массѣ написаннаго у Гюго есть вещи, никогда не имѣвшія серьезнаго значенія; есть другія, цѣнность которыхъ была случайною или временною; первыя не представляютъ никакого интереса; вторыя занимательны лишь для того, кто изучаетъ развитіе писателя или исторію его времени, — а такое изученіе предполагаетъ знакомство съ французскимъ языкомъ, устраняющее потребность въ переводѣ. Не думаемъ, напримѣръ, чтобы кому-нибудь понадобился русскій переводъ книги В. Гюго о Шекспирѣ или опернаго либретто „Эмеральда“, передѣланнаго имъ изъ „Notre Dame de Paris“. Съ большимъ разборомъ слѣдовало бы переводить и стихотворенія Гюго, въ особенности позднѣйшія, а также его „Слова и рѣчи“.

Первый томъ изданія, предпринятаго товариществомъ Вольфъ, обнимаетъ собою всѣ романы В. Гюго, за исключеніемъ „Misérables“ и „L'homme qui rit“; эти два произведенія войдутъ въ составъ второго тома. Задача, предстоявшая переводчику, была далеко не легкая, особенно по отношенію къ „Труженикамъ моря“ и „Девяностотретьему году“; своеобразный слогъ, знаменующій собою вторую манеру Гюго, выработанъ здѣсь уже вполне, со всѣми своими фантасти-

ческими узорами, со всей своей оригинальностью и оригинальничаньемъ, со всѣмъ своимъ блескомъ и всѣми причудами. Передать все это съ буквальною вѣрностью — невозможно; держаться черезчуръ близко къ подлиннику — значило бы измѣнить духу русскаго языка; черезчуръ отъ него отдаляться — значило бы обезличить и обезцвѣтить переводимаго автора. Мы не имѣли, конечно, возможности повѣрить весь громадный трудъ переводчика; мы выбрали для сличенія лишь нѣсколько отрывковъ изъ „Девяносто-третьяго года“, останавливаясь преимущественно на страницахъ самыхъ выдающихся, самыхъ образныхъ и яркихъ, а слѣдовательно и самыхъ затруднительныхъ для перевода, — и пришли къ заключенію, вполне благоприятному для переводчика. Иное, конечно, могло бы быть передано точнѣе; кое-гдѣ утрачены или измѣнены, безъ крайней необходимости, характеристичныя черты оригинала — но общее впечатлѣніе соответствуетъ тому, которое оставляетъ подлинникъ, и вмѣстѣ съ рисункомъ воспроизведены, болѣею частью, и самыя краски. Прочтите, напримѣръ, въ переводѣ г. Ватсона, рѣчь Лантенака къ Гальмало, сцену суда надъ Говзномъ, послѣднюю бесѣду между Говзномъ и Симурдэномъ — и васъ охватитъ знакомое чувство, внушаемое лучшими вдохновеніями В. Гюго. Переводъ не мѣшаетъ появленію этого чувства — и это большая заслуга со стороны переводчика. Укажемъ, въ видѣ примѣра, нѣкоторыя частности, по которымъ мы расходимся съ переводчикомъ. Въ монологѣ Радуба, когда онъ подаетъ голосъ за оправданіе Говзна, есть нѣсколько передѣлокъ, уменьшающихъ своеобразность оратора, смягчающихъ и упорядочивающихъ его простонародную, рѣзкую, безцеремонную рѣчь. Вмѣсто такихъ выраженій, какъ: „Ah ça, est-ce qu'on va être des imbéciles à présent?“.. „celui qui a fait la chose de Dol où il fallait joliment de l'esprit“... „je me pince pour savoir si je suis éveillé“ — мы читаемъ въ переводѣ: „и неужели мы теперь совершимъ глупость?.. тотъ, который такъ блистательно и умно выигралъ Дольское дѣло... мнѣ просто не вѣрится, чтобы все это творилось на яву“. Не свободна отъ погрѣшностей и слѣдующая глава: „Темница“. „La république de l'absolu, la république de l'idéal“ — это не „абсолютная“, не „идеальная республика“; это скорѣе республика абсолюта, республика идеала — т. е. республика, въ которой безусловно господствуетъ право, противопоставляемая республикѣ, которая стремится къ идеалу. Слова Симурдэна: „il y a du rêve dans l'harmonie“, и отвѣтъ Говзна: „il y en a aussi dans l'algèbre“ — переведены такъ: „гармонія — ничто иное, какъ мечта; да вѣдь и алгебра ничто иное, какъ фикція“. Изъ того, что въ гармонію, какъ и въ алгебру, входитъ, однимъ изъ составныхъ элементовъ, фикція или мечта, еще не слѣдуетъ, чтобы

гармонія или алгебра были только мечтою. „Une tempête sait toujours ce qu'elle fait. Pour un chêne foudroyé, que de forêts assainies!“ Въ переводѣ мы читаемъ: „Буря всегда знаетъ то, что она дѣлаетъ. Сломленный дубъ оздоравливаетъ лѣсъ“. Выходитъ такъ, какъ будто оздоровленіе лѣса прямо и непосредственно зависитъ отъ пораженія дуба. Гораздо правильнѣе было бы сказать: „на одинъ пораженный грозой дубъ, сколько приходится оздоровленныхъ лѣсовъ“, или: „цѣной одного пораженного грозой дуба достигается оздоровленіе цѣлыхъ лѣсовъ“. „Plus de pagias, plus d'esclaves, plus de forçats“ не значить: „долой паріевъ, долой рабовъ, долой каторжниковъ“, — а „пускай не будетъ больше паріевъ, рабовъ, каторжниковъ“. Не исполнѣ удовольствительнымъ кажется намъ, наконецъ, переводъ заключительной фразы романа („et ces deux âmes, sœurs tragiques, s'envolèrent ensemble, l'ombre de l'une mêlée à la lumière de l'autre“): „и эти двѣ души, эти двѣ сестры, улетѣли на небо вмѣстѣ: одна—свѣтлая, другая—темная“. Поэтический образъ превратился здѣсь въ довольно прозаическую антитезу; пропускъ и прибавка, сдѣланные переводчикомъ, одинаково уменьшаютъ эффектъ картины. Повторяемъ еще разъ — всѣ эти замѣчанія сдѣланы нами не съ тѣмъ, чтобы бросить тѣнь на достоинства перевода: въ выборѣ удачныхъ, безукоризненныхъ мѣстъ мы встрѣтили бы большое затрудненіе, до такой степени ихъ много; одинаковая выдержанность работы была почти невозможна, уже въ виду громадныхъ ея размѣровъ. Судить о трудностяхъ, съ которыми долженъ былъ бороться переводчикъ, можно и по приведеннымъ нами примѣрамъ. Дозволено и того, что онъ преодолѣлъ ихъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ; поправить отдѣльныя ошибки будетъ легко, если предпринятый переводъ будетъ доведенъ до конца и потребуются второе его изданіе.—К. К.

— Puschkiniana. Библиографическій указатель статей о жизни А. С. Пушкина его сочиненій и вызванныхъ ими произведеній литературы и искусства. Составилъ В. И. Межовъ. Изданіе Императорскаго Александровскаго лицея. Спб. 1886.

Пушкинскій праздникъ въ Москвѣ не обманулъ тѣхъ ожиданій, какія дѣлались тогда среди одушевленныхъ воспоминаній о великомъ писателѣ: 1880-й годъ составилъ эпоху въ изученіи Пушкина, и можно сказать безъ преувеличенія, что лишь съ этой поры устанавливается у насъ какъ его личная біографія, такъ и достаточно полная оцѣнка историческаго значенія Пушкина. Мы нисколько не уменьшаемъ заслуги, оказанной въ этомъ послѣднемъ отношеніи Бѣлинскимъ и его продолжателями 50-хъ годовъ; они уже выяснили

существенныя стороны великаго историческаго факта, представляемаго поэзіей Пушкина, но чего не доставало въ этихъ прежнихъ трудахъ, это — разработки подробностей біографическихъ и историко-литературныхъ. Историческій фактъ явится передъ нами во всей полнотѣ только тогда, когда мы получимъ возможность опредѣлить личность во всѣхъ чертахъ ея психологической жизни, со всѣми подробностями общественной обстановки, среди которой она дѣйствовала. Съ этой стороны надъ біографіей Пушкина предстояло много работы и она въ особенности сосредоточилась около 1880 года, въ ожиданіи литературнаго торжества и послѣ него. Было простое внѣшнее обстоятельство, которое въ прежнее время не позволяло дать болѣе полной біографіи Пушкина и болѣе подробнаго изложенія той литературной эпохи. Въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ время Пушкина было еще слишкомъ близко, и было просто практически невыполнимо изложеніе его дѣятельности, какое мы имѣемъ теперь. Наше время въ этомъ отношеніи было уже свободнѣе; впервые стали общедоступны рукописи Пушкина, которыя до тѣхъ поръ хранились подъ спудомъ, и въ которыхъ разъ только удалось заглянуть г. Анненкову для работъ по его изданію Пушкина; но и эти работы обставлены были недружелюбнымъ и недовѣрчивымъ надзоромъ. Впервые явилось множество біографическихъ подробностей, собиравшихся изъ разныхъ рукъ; пересмотрѣно было многое въ старой литературѣ. Такимъ образомъ теперь больше, чѣмъ когда-либо прежде собралось цѣннаго матеріала, которымъ воспользуется будущій біографъ и историкъ Пушкина. „Указатель“ г. Межова будетъ прекрасною помощію для всѣхъ, кого интересуетъ изученіе Пушкина.

Эта книга выходитъ по инициативѣ Импер. Александровскаго лицея. Въ предисловіи къ ней не упомянуто, что лицей уже и раньше заявилъ свой интересъ къ изученію Пушкина; въ 1880 году была уже издана брошюра съ тѣмъ же заглавіемъ: „Puschkiniana“: то былъ каталогъ Пушкинской бібліотеки при лицей. Въ 1879 году, въ ожиданіи Пушкинскаго праздника, начальство лицея задумало собрать въ лицей „Пушкинскую бібліотеку“, которая заключала бы всѣ отдѣльныя изданія сочиненій Пушкина; всѣ альманахи, періодическія изданія, сборники, въ которыхъ помѣщались сочиненія Пушкина; отдѣльныя сочиненія о немъ; наконецъ, періодическія изданія, въ которыхъ встрѣчаются статьи о Пушкинѣ. Эти первыя „Puschkiniana“ представляли на тридцати-шести страницахъ всего 244 нумера. Теперь, книга г. Межова представляетъ до 400 страницъ и 4587 нумеровъ, съ указателями именъ, предметовъ и мѣстностей, сочиненій и изданій Пушкина, переводовъ на иностранныя языки и, наконецъ, указателемъ отдѣльныхъ сочиненій, періодическихъ изданій и сбор-

никовъ, гдѣ помѣщались сочиненія Пушкина и статьи объ его жизни и произведеніяхъ. Самая библіографія распредѣлена слѣдующимъ образомъ. Первый отдѣлъ обнимаетъ жизнь Пушкина во всѣхъ ея подробностяхъ; лицъ, находившихся съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ; его переписку; посвященные ему стихотворенія; воздвигнутые ему памятники; описанія Пушкинскаго праздника и Пушкинской выставки. Во второмъ отдѣлѣ перечислены сочиненія Пушкина, вышедшія какъ отдѣльно, такъ и въ періодическихъ изданіяхъ и сборникахъ. Въ третьемъ—цѣльныя изданія Пушкина. Въ четвертомъ—критическія статьи, литературныя и библіографическія замѣтки о сочиненіяхъ. Въ пятомъ отдѣлѣ—переводы Пушкина на иностранныя языки и различныя статьи о немъ въ иностранныхъ литературахъ. Шестой отдѣлъ посвященъ Пушкину и его твореніямъ въ произведеніяхъ искусства; во-первыхъ, въ живописи, рѣзбѣ и скульптурѣ—портреты Пушкина, его автографы, виды мѣстъ его пребыванія, рисунки къ его сочиненіямъ, портреты родныхъ Пушкина, его друзей и знакомыхъ, медали выбитыя и скульптурныя произведенія и монументы, воздвигнутые въ честь и память Пушкина; во-вторыхъ, въ музыкѣ и драматическомъ искусствѣ—стихотворенія его, положенныя на музыку, драматическія произведенія, повѣсти и поэмы, послужившія сюжетомъ для оперъ, балетовъ, комедій и драмъ, либретто оперъ и балетовъ.

Нечего и говорить, что библіографу предстоялъ громадный трудъ: приходилось пересмотрѣть всю журнальную литературу съ 1813 года и до настоящаго времени. Г. Межовъ, по приглашенію начальства лицея, въ состояніи былъ исполнить эту работу съ половины прошлаго года, потому что уже ранѣе владѣлъ огромнымъ запасомъ библіографическаго матеріала. Г. Межовъ не ручается за абсолютную полноту своей работы. „Не могу сказать,—говоритъ онъ,—чтобы это была безусловно полная библіографія всего напечатаннаго о Пушкинѣ. Очень можетъ статься, кое-что и ускользнуло отъ моихъ самыхъ тщательныхъ поисковъ. Особенно это относится къ сочиненіямъ и статьямъ, въ которыхъ, по заглавію, нельзя было и подозрѣвать заключающихся въ нихъ свѣденій о Пушкинѣ. Кромѣ того, коллекція русскихъ повременныхъ изданій Имп. Публичной Библіотеки, которая служила основаніемъ настоящему моему труду, не полна, и мнѣ волею-неволею приходилось ограничиться только тѣмъ, что имѣется на лицо въ драгоцѣнномъ нашемъ отечественномъ книгохранилищѣ. Даже тѣ немногіе указатели къ прежнимъ нашимъ повременнымъ изданіямъ, рассмотрѣнные мною, не могли пополнить этого пробѣла. Утѣшительно только то, что число этихъ недостающихъ въ Имп. Публ. Библіотекѣ годовъ и №№ періодическихъ изданій не велико“.

Г. Межовъ находитъ также, что было бы совершенно невозможно достичь полноты относительно переводовъ, гравюръ, картинъ, музыкальныхъ пьесъ и т. д., тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ о собираніи ихъ мало заботились; онъ, съ своей стороны, отмѣтилъ все, что только могъ найти въ разныхъ коллекціяхъ.

Но при всемъ томъ трудъ г. Межова остается чрезвычайно важнымъ пособіемъ для изученія Пушкина. Абсолютная полнота остается, конечно, идеаломъ библіографа; но въ обыкновенномъ практическомъ употребленіи отсутствіе ея (если только обозначено все существенное) бываетъ незамѣтно; можно даже сказать, что эта абсолютная полнота и не нужна; полныя данныя такого рода могутъ быть нужны только для какихъ-нибудь цѣлей литературной статистики; но какую цѣну въ практическомъ отношеніи могутъ имѣть, напр., множество статей чисто компилятивныхъ, повторяющихъ, черезъ вторыя или третьи руки, одни и тѣ же давно извѣстные факты и сужденія?—Можно бы даже пожелать, чтобы изъ массы 4587 нумеровъ было выдѣлено въ особой небольшой книжкѣ только одно существенное, безъ того хлама, который здѣсь несомнѣнно присутствуетъ.

Нѣкоторые нумера указателя г. Межова могутъ возбудить недобуѣніе; напр., что такое № 3420: „Eugene Onaigin of our times. By D. Minaieff“?

— Историческое обозрѣніе Сибири. П. А. Словцова. Изданіе И. М. Сибирякова. Спб. 1886.

Исторія Сибири принадлежитъ къ числу наименѣ разработанныхъ областныхъ исторій нашего отечества, и это довольно понятно. Съ одной стороны Сибирь, съ самаго ея завоеванія, не играла никогда никакой активной роли, не была сценой никакихъ важныхъ событій въ политической исторіи государства; жизнь ея была жизнь далекой и порядочно заброшенной провинціи, гдѣ исполнялись только готовыя мѣропріятія, властвовали назначенные правители; сама страна не имѣла никакого голоса даже на то, чтобы какимъ-либо образомъ заявить о своемъ положеніи, которое не разъ становилось просто невыносимымъ. Такое существованіе дѣйствительно мало даетъ матеріала для того, что можно назвать исторіей; нужно было только описаніе состоянія страны, состоянія, происходившаго изъ условій постороннихъ для нея самой. Съ другой стороны, Сибирь издавна отличалась особенною скудостью умственной жизни и образованія; массы ея населенія вели только практическую трудовую жизнь изо дня въ день, одни—бѣдствуя, другіе—наживаясь и процвѣтая, и

обѣ не задавая себѣ какихъ-нибудь вопросовъ общественнаго свойства. Положеніе вещей таково, что даже теперь Сибирь не можетъ дожидаться открытія своего университета, давно построеннаго и готоваго дѣйствовать; остается безъ высшей школы громадная страна, составляющая треть цѣлой части свѣта,—когда всѣ жалуются, что у насъ нѣтъ просвѣщенныхъ силъ, способныхъ разрабатывать наши естественныя богатства, когда на каждомъ шагѣ даже чисто практическаго быта чувствуется недостатокъ знанія и просвѣщеннаго взгляда.

Дѣйствительно, исторія Сибири до сихъ поръ была поставлена почти такъ же, какъ исторія какой-нибудь единичной губерніи, гдѣ „исторія“ заключается только въ смѣнѣ губернаторовъ и въ разныхъ анекдотическихъ событіяхъ, въ родѣ постройки новыхъ присутственныхъ мѣстъ, рѣдкаго пріѣзда какого-нибудь высокопоставленнаго лица и т. п. Въ результатѣ получилось то, что почти и нѣтъ книгъ по исторіи Сибири; въ одномъ изъ предыдущихъ литературныхъ обзорѣннѣ мы указывали, на книжкѣ г. Андріевского, какъ самими мѣстными дѣятелями исторія ихъ родины представляется только въ видѣ выписокъ изъ Полнаго Собранія законовъ, въ видѣ ряда мѣропріятій, направившихся на сибирскую жизнь, и вѣдѣ дѣлѣ чисто официальныхъ автору не видѣлось никакихъ иныхъ событій.

Въ послѣднее время образованные люди Сибири начинаютъ отнестись иначе и къ современной внутренней жизни, и къ прошедшему своего отечества. Оживленіе конца 50-хъ и 60-хъ годовъ отразилось въ Сибири усиленнымъ интересомъ къ изученію страны и ея прошедшаго; начали появляться отдѣльные опыты изученій историческихъ, экономическихъ, археологическихъ; въ Иркутскѣ основался Сибирскій отдѣлъ Географическаго Общества; стала развиваться газетная дѣятельность, и прежній вопросъ объ исторіи Сибири, который въ старое время занималъ немногихъ любителей, становится гораздо болѣе широкимъ интересомъ образованныхъ круговъ въ Сибири и въ Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы ни было пассивно политическое положеніе страны въ триста лѣтъ ея русскаго существованія, Сибирь съ ея громадными пространствами, съ ея дѣйствительными природными богатствами, съ ея разнообразнымъ населеніемъ, составившимся изъ всякихъ разновидностей русскаго племени въ сосѣдствѣ и смѣшеніи со всякими разновидностями населенія туземнаго,—представляетъ такое обиліе своеобразныхъ явленій этнологическихъ и бытовыхъ, занимаетъ такое большое мѣсто въ цѣломъ составѣ нашего государства и народности, и имѣетъ такое обратное вліяніе на цѣлую русскую жизнь, что изученіе ея исторической судьбы не можетъ не дать наблюденій и выводовъ, важныхъ не

только въ чисто научномъ, но и въ практическомъ общественномъ отношеніи.

Въ послѣднее время мы имѣли не одинъ случай указывать на появленіе важныхъ мѣстныхъ трудовъ по этому изученію старой и современной Сибири. Очень полезный вкладъ въ эту литературу составляетъ и книга, заглавіе которой мы выписали. Г. Сибиряковъ возымѣлъ благую мысль переиздать старое сочиненіе Словцова, котораго первое изданіе явилось почти 50 лѣтъ тому назадъ и давно уже вышло изъ обращенія. Послѣ Миллера, начавшаго въ прошломъ столѣтіи впервые собирать матеріалы для сибирской исторіи, Словцовъ есть наиболѣе заслуженный труженикъ по изученію Сибири. Въ свое время онъ пользовался большимъ уваженіемъ въ учено-литературныхъ кругахъ, какъ лучший знатокъ и авторитетъ по сибирской исторіи. Несмотря на общее развитіе нашей исторіографіи, книга Словцова осталась не замѣнена и до сихъ поръ другимъ цѣльнымъ трудомъ равнаго достоинства, и новое изданіе ея является очень кстати. Представляя собой результаты старой литературы по этому предмету, она, быть можетъ, вызоветъ новый трудъ подобнаго рода, который замѣститъ ее, воспользовавшись всѣмъ новымъ накопившимся матеріаломъ.

Новое изданіе сдѣлано очень обстоятельно и соединяетъ въ одной большой книгѣ оба тома перваго изданія; присоединена также и краткая біографія Словцова. Жизнь Словцова была довольно тяжелой. Онъ былъ пермскій уроженецъ (род. 1767 г.): двѣнадцати лѣтъ онъ отвезенъ былъ въ Тобольскъ и поступилъ въ тамошнюю духовную семинарію и, кончивъ тамъ курсъ въ 1788 г., отправленъ былъ въ Петербургъ, какъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ, для поступленія въ высшую Александро-Невскую семинарію, обращенную потомъ въ духовную академію. По окончаніи здѣсь курса, Словцовъ былъ назначенъ въ тобольскую семинарію учителемъ философіи и краснорѣчія. По тогдашнему обычаю, преподаватели семинарій, какъ лица, принадлежащія къ духовнымъ заведеніямъ, говорили въ церквахъ проповѣди. Словцовъ получалъ въ Александро-Невской семинаріи хорошее духовное образованіе, но, повидимому, набрался также и такихъ идей, которыя не совсѣмъ подходили къ духовной школѣ, словомъ, — набрался нѣкотораго свободомыслія. Оно и послужило причиной его бѣдствій. По преданіямъ старожиловъ, Словцовъ имѣлъ большой успѣхъ въ Тобольскѣ какъ проповѣдникъ, хотя духовнымъ властямъ проповѣди, говорятъ, не нравились, — вѣроятно, вслѣдствіе ихъ либеральнаго направленія. Одна проповѣдь, сказанная имъ по случаю бракосочетанія цесаревича Александра Павловича (слѣд. въ концѣ 1793 года), навлекла на Словцова формальное преслѣдованіе:

она была и послѣдней его проповѣдью. Біографъ Словцова приводит ея цѣликомъ по сохранившемуся списку и находитъ, что какъ эта, такъ и другія проповѣди Словцова не представляютъ ничего особеннаго, по формѣ отличаются риторикой, а по содержанію „чужды шаблонныхъ образцовъ церковныхъ проповѣдей“; но, прочитывая эту проповѣдь, нельзя не увидѣть, что она могла подать поводъ къ нареканію и неудовольствію начальства. Словцовъ, правда, въ самомъ началѣ приглашаетъ „Россовъ“ (въ данномъ случаѣ, тобольскихъ обывателей) благословлять свою монархію и высокую чету; но затѣмъ безъ достаточно видимой связи онъ ведетъ рѣчь объ ошибкахъ монарховъ, о суетномъ честолюбіи, о „народной тишинѣ“, представляющей „молчаніе принужденное“, и т. п. Проповѣдь выходила двусмысленна, вѣроятно, какъ вслѣдствіе того, что автору хотѣлось затронуть нѣкоторые скользкіе вопросы политической жизни, такъ и вслѣдствіе неумѣнья справиться съ ними. Въ числѣ его слушателей былъ, однако, тобольскій губернаторъ. Онъ заподозрилъ въ Словцовѣ врага престола, добылъ списокъ проповѣди и прямо донесъ о ней генераль-прокурору; вскорѣ въ одно прекрасное утро въ Тобольскѣ явился фельдъегерь, который захватилъ Словцова и, не давши ему очнуться, повезъ его въ Петербургъ. „Въ теченіе слишкомъ трехнедѣльнаго путешествія до Петербурга, Словцову не было дозволено ни въ одномъ изъ городовъ выйти изъ экипажа; даже пищу въ такихъ случаяхъ давали ему чрезъ опущенное окно экипажа (1). Наконецъ, больной физически и нравственно, онъ былъ привезенъ въ Петербургъ“. Здѣсь его допрашивали сначала митрополитъ Гавріиль, потомъ генераль-прокуроръ, наконецъ извѣстный тайный совѣтникъ Шешковскій, и послѣдній сдѣлалъ заключеніе, „что сія рѣчь не похожа отнюдь на проповѣдь учившагося въ семинаріи человѣка, т.-е. ни правилъ, ни связи той нѣтъ, впрочемъ, она дерзкая и развратительная“. При этомъ случилась еще такая подробность. Словцову въ обвиненіе поставлена не только одна эта проповѣдь, но рѣзкія слова даже по отношенію къ Александру Македонскому. Въ числѣ арестованныхъ у него бумагъ найденъ листъ, гдѣ слѣдователи усмотрѣли „смѣлыя и дерзкія слова: монархъ, занятый только своимъ именемъ, завоеватель, разнесшій опустошеніе по всей Азіи, неутомимый честолюбецъ.... мнимый Великій Александръ“... Хотя Словцовъ и объяснилъ, что это имъ выписано изъ Квинта Курція и приготовлялось для класснаго сочиненія, однако, несмотря на такое объясненіе, слѣдователи увидѣли и здѣсь частицу вреднаго направленія, и тутъ же на слѣдствіи сдѣлали ему внушеніе, что „напрасно онъ такими мыслями, гдѣ дѣлается монарху поношеніе, учениковъ своихъ отягощать“... Въ концѣ концовъ, хотя

относительно проповѣди и было рѣшено, что „сіе произошло отъ слабости его смысла, однако жъ не изъ злого намѣренія“, но Словцовъ потерялъ мѣсто и отправленъ былъ на смиреніе въ Валаамскій монастырь. Вскорѣ, однако, тобольскій епископъ Варлаамъ сталъ ходатайствовать за Словцова у митрополита Гавріила (который былъ братомъ Варлааму), быть можетъ, для того, чтобы загладить непріятное впечатлѣніе исторіи, случившейся въ его епархіи. Тѣмъ временемъ Словцовъ на Валаамѣ перевелъ съ латинскаго одну душеспасительную книгу, а все это вмѣстѣ имѣло для Словцова хорошія послѣдствія: онъ былъ освобожденъ изъ Валаамскаго монастыря и назначенъ преподавателемъ краснорѣчія въ Александро-Невскую семинарію, гдѣ въ то время префектомъ и учителемъ философіи былъ Сперанскій, прежній товарищъ Словцова по тому же заведенію и его пріятель. Но и послѣ назначенія преподавателемъ свѣтская власть все еще считала Словцова находящимся подъ особымъ присмотромъ митрополита Гавріила, и только въ 1797 г. онъ былъ освобожденъ отъ этого присмотра и переведенъ въ гражданскую службу, въ канцелярію генераль-прокурора. Служба его пошла хорошо, но въ 1807 г. случилась новая непріятность: на него пало подозрѣніе въ лихоимствѣ, такъ что одно время онъ былъ даже подвергнутъ аресту. Біографъ Словцова считаетъ это обвиненіе клеветой завистниковъ; разборъ дѣла не привелъ ни къ чему, но Словцовъ потерялъ свое мѣсто въ Петербургѣ и назначенъ былъ на службу въ Tobольскъ, въ канцелярію сибирскаго генераль-губернатора. Здѣсь онъ не занималъ собственно никакой должности и питалъ надежду вернуться въ Петербургъ. Въ концѣ 1808 года, сибирскій генераль-губернаторъ отправлялся въ Петербургъ и согласился послать Словцова впередъ съ своею путевою канцеляріей; но въ Твери генераль-губернаторъ получилъ извѣщеніе, что онъ не можетъ взять съ собою Словцова, которому даже запрещенъ вѣздъ во внутреннія губерніи. Пришлось вернуться въ Tobольскъ. Словцовъ занялся службой, съ успѣхомъ исполнялъ разныя порученія и около 1815 года назначенъ былъ директоромъ училищъ иркутской губерніи. Въ 1819 году онъ снова встрѣтился здѣсь съ Сперанскимъ, ревизовавшимъ Сибирь, и послѣдній отозвался къ высшему училищному начальству съ великими похвалами о дѣятельности Словцова. Онъ все еще не покидалъ надежды перебраться въ Россію, и только въ 1828 году, при имп. Николаѣ, ему разрѣшено было продолжать службу въ Россіи, гдѣ пожелаетъ; но, по совѣту друзей, онъ уже не воспользовался этимъ правомъ и въ 1829 году совсѣмъ покинулъ службу. Съ тѣхъ поръ онъ постоянно жилъ въ Tobольскѣ и занялся собираніемъ и обработкой матеріаловъ о сибирскомъ краѣ. Первый томъ его „Истори-

ческаго Обозрѣнія Сибири“ вышелъ въ 1838 году; второй, послѣ его смерти, въ 1844. Словцовъ умеръ въ 1843 году, завѣщавши свою обширную бібліотеку тобольской гимназіи, а минералогическій кабинетъ—казанскому университету.

Свое литературное поприще Словцовъ началъ еще въ молодости—по обычаю того времени, разными стихотворными опытами, „похвальными словами“ и т. п., въ классическомъ родѣ; любопытно, однако, что въ оставшихся послѣ него рукописяхъ нашлись переводы изъ Винкельмана. Работа надъ исторіей Сибири начата была, вѣроятно, еще во время его службы. Въ послѣдніе годы жизни онъ ревностно занялся своимъ трудомъ, который сохраняетъ свою научную цѣнность и до настоящаго времени—по достоинствамъ самой книги, а также и по отсутствію новыхъ работъ. Въ изложеніи Словцовъ остался вѣренъ своей школѣ: книга написана по правиламъ старой риторики, высокимъ слогомъ, который считался приличнымъ для исторіи; но начитанность въ старыхъ актахъ и знаніе простого практическаго быта не разъ прерываютъ риторику живымъ и простымъ изложеніемъ. Новое изданіе этой книги было бы во всякомъ случаѣ желательно. — А. П.

СТАРАЯ И НОВАЯ РОССИЯ ВЪ КАРТИНАХЪ.

—Материалы для русской иконографии, Д. А. Ровинскаго.

Нельзя не удивляться тому, какъ мало распространено и даже какъ мало извѣстно у насъ одно изданіе, которое, напротивъ, во всѣхъ отношеніяхъ, не только заслуживаетъ, не только достойно, но требуетъ самаго большаго распространенія и самой большой извѣстности. Это—„Материалы для русской иконографии“, издаваемые Д. А. Ровинскимъ. Изданіе началось съ 1882 года, безъ всякой остановки продолжается уже цѣлыхъ четыре года, съ такою же необычайною тщательностью и полнотою, съ какою было начато, и однакоже, не взирая на всѣ самыя блестящія и солиднѣйшія свои качества, остается въ какой-то непостижимой безвѣстности, и не приноситъ той пользы, которую давнымъ-давно должно было бы приносить. Отчего это происходитъ, я не могу разгадать. Получило же самую широкую извѣстность, и въ самое короткое время, то изданіе Ровинскаго, которое предшествовало „Материаламъ“, а именно, собраніе лубочныхъ народныхъ нашихъ картинокъ. Несмотря на очень значительную цѣну, то изданіе быстро разошлось, и наврядъ ли еще осталось въ продажѣ хотя нѣсколько его экземпляровъ. И это было совершенно справедливо. Отдавая, при появленіи его, отчетъ Академіи Наукъ о его значеніи, я говорилъ (1883): „Изданіе г. Ровинскаго „Русскія народные картинки“ состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ изданій, изъ которыхъ каждое, взятое особо и само по себѣ, представляетъ высокій интересъ и наибаважнѣйшее значеніе для нашей отечественной науки. Дѣйствительно, еслибы г. Ровинскій занялся лишь однимъ точнымъ и подробнымъ описаніемъ всѣхъ имѣющихся, въ настоящее время, налицо русскихъ лубочныхъ картинокъ, то и тогда его заслуга была бы очень велика. Съ другой стороны, еслибы онъ ничего другого не сдѣлалъ, какъ только издалъ бы свой огромный атласъ—опять-таки заслуга его была бы для насъ необыкновенно значительна. Наконецъ, еслибы г. Ровинскій не представилъ ни полнаго описанія лубочныхъ картинокъ, ни ихъ воспроизведенія въ атласѣ, а только издалъ свое критическое изслѣдованіе о нихъ, онъ опять-таки имѣлъ бы право на полнѣйшую нашу признательность. Но что должно сказать про такой трудъ и про такое изданіе, гдѣ авторъ взялся за всѣ три задачи разомъ, и, не побоявшись громадныхъ трудностей, представляе-

мыхъ каждою изъ нихъ въ отдѣльности, одолѣлъ ихъ и представилъ такое сочиненіе, которое блистательнымъ образомъ рѣшаетъ всѣ три задачи?" Въ заключеніи своего разбора я говорилъ академіи: „Сочиненіе это есть, по крайнему моему убѣжденію, не только одно изъ очень крупныхъ явленій нашей художественно-научной литературы, но даже, смѣло скажу—изданіе монументальное. Атласъ изъ 500 картинъ, составленный изъ всего, что только есть самаго важнаго, значительнаго и интереснаго, даетъ теперь въ руки каждому изслѣдователю, русскому и иностранному, такой матеріалъ изъ области русскаго народнаго творчества, который былъ до сихъ поръ почти вовсе недоступенъ... Изданіе г. Ровинскаго есть наиболѣе зрѣлое, полное и выдержанное изъ всѣхъ до сихъ поръ выпущенныхъ имъ въ свѣтъ сочиненій. Оно приноситъ нашей историко-художественной наукѣ не только громадную пользу, но и честь...“ Эти самыя слова я долженъ былъ бы повторять о нынѣшнемъ изданіи Д. А. Ровинскаго: оно есть изданіе истинно монументальное, оно приноситъ нашей наукѣ не только громадную пользу, но и честь, оно есть изданіе, состоящее изъ трехъ отдѣльныхъ изданій: атласа, описанія и изслѣдованія, изъ которыхъ каждое само по себѣ было бы уже крупной заслугой, но Д. А. Ровинскій предпочелъ дать ихъ публикѣ всѣ за однимъ разомъ въ одной и той же книгѣ, и мы не можемъ не цѣнить такого крупнаго дѣла его. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, эта книга, наравнѣ съ „Народными русскими картинками“, есть наиболѣе зрѣлое, полное и выдержанное изъ всѣхъ до сихъ поръ изданныхъ въ свѣтъ сочиненій г. Ровинскаго.

Какимъ чудомъ, вслѣдствіе какихъ причинъ, изъ двухъ равныхъ по своему значенію и обработкѣ книгъ, одна получила у насъ немедленно огромное распространеніе, а другая—вовсе нѣтъ, вотъ что представляется для меня странною, совершенно необъяснимою загадкою.

Книга: „Матеріалы для русской иконографіи“ задумана въ необыкновенно широкихъ размѣрахъ. Въ составъ ея должны входить, по словамъ предисловія, „портреты, виды, историческіе и бытовые листы; листы, изготовленные для исторіи русской гравюры; работы гравировъ-серебряниковъ, а также отпечатки съ оригинальныхъ старинныхъ гравированныхъ досокъ этого же разряда“. Матеріалъ—огромный. Рамку такого широкаго объема рѣдко можно встрѣтить въ изданіяхъ, посвященныхъ графическому изображенію отечественной исторіи и жизни. Нѣчто подобное можно найти развѣ въ трудахъ монаховъ стараго времени, какого-нибудь бенедиктинца Монфокопа, предпринявшаго въ прошломъ вѣкѣ изданіе: „Monuments de la Monarchie Française“ (1729 — 1733), или археологовъ начала ны-

нѣшняго столѣтія, такихъ, напимѣръ, какъ Вильментъ, затѣявшій свое громадное изданіе: „*Monuments français inédits*“ въ 1806 г. У испанцевъ есть также изданіе подобнаго же рода: Кардерера-и-Ноланосъ началъ въ 1855 году изданіе „*Monumentor de la monarquía española*“. Но всѣ подобнаго рода изданія никогда не кончались. Они останавливались на нѣсколькихъ немногихъ томахъ. Авторы и издатели не могли совладать со своимъ матеріаломъ, потому-что задавались слишкомъ многимъ. Въ ихъ программу входили за одинъ разъ и архитектура, и скульптура, и живопись, и художественныя произведенія всевозможнаго рода и вида, и надгробныя памятники, и утварь, и всяческія издѣлія. Программа была безбрежна. Издатели въ ней утонали. Д. А. Ровинскій взялъ себѣ задачу болѣе ограниченную, но все-таки чрезвычайно обширную. Это—воспроизведеніе русскихъ и иностранныхъ гравюръ, съ русскимъ историческимъ содержаніемъ. Впрочемъ, Д. А. Ровинскій не удержался на однихъ гравированныхъ и отпечатанныхъ листахъ: интересный матеріалъ, иной чѣмъ первоначально избранный главною цѣлью, но близко съ нимъ соприкасающійся, иногда невольно увлекалъ Д. А. Ровинскаго и заставлялъ его выходить за предѣлы его собственной программы. Такъ, напим., въ IV-мъ своемъ выпускѣ онъ даетъ намъ цѣлыхъ восемь большихъ снимковъ съ картинъ масляными красками, изображающихъ сцены изъ исторіи Лжедмитрія и Марины Мнишекъ. Можно не только ожидать, но даже надѣяться и желать, чтобы Ровинскій и во многихъ слѣдующихъ выпускахъ своихъ выходилъ за предѣлы собственно однихъ только гравюръ, и давалъ русскому и иностранному своему читателю всякаго рода иконографическія изображенія изъ области русской исторіи и жизни, не обращая вниманія на то, идутъ ли они изъ гравюръ, или другихъ способовъ представленія.

Д. А. Ровинскій принесъ своему дѣлу величайшую пользу тѣмъ, что бросилъ, почти съ самаго начала, систематическій способъ изданія. Этотъ способъ только тормозилъ его, только связывалъ ему на каждомъ шагѣ руки. Д. А. Ровинскій началъ, въ 1882 г., съ выпуска въ свѣтъ большой тетради текста и гравюръ, носившихъ названіе: „Достоверные портреты московскихъ государей Ивана III, Василія Ивановича и Ивана IV Грознаго, и посольства ихъ времени“. Какъ изображенія гравированныя, это были самыя старыя изображенія русскихъ историческихъ личностей и всяческихъ бытовыхъ предметовъ русской жизни (одежды, сани, дуги, сѣдла, оружія, жилище, предметы богослуженія), и Д. А. Ровинскій былъ правъ, начиная свое изданіе именно съ этихъ столько же необыкновенно рѣдкихъ, сколько и важныхъ для нашего историческаго знанія и безконечно любопытныхъ изображеній. Но скоро онъ убѣдился въ неудобности

и даже опасности способа издаванія—строго систематическаго. Въ своемъ предисловіи 1884 г. онъ уже пишетъ: „Матеріаловъ для каждаго изъ намѣченныхъ мною отдѣловъ накопилось уже довольно много, но въ ряду ихъ есть все еще значительныя пробѣлы, до пополненія которыхъ изданіе въ свѣтъ систематическихъ отдѣловъ иконографіи было бы преждевременно. Всего досадило, что иногда почти готовый уже отдѣлъ не можетъ быть выпущенъ въ свѣтъ изъ-за нѣсколькихъ недостающихъ листовъ, которыхъ приходится разыскивать по частнымъ собраніямъ и за границей. Время, между тѣмъ, уходитъ, рѣдкіе и цѣнные листы, изготовленные для изданія и представляющіе, каждый въ отдѣльности, живой историческій интересъ, лежатъ въ безвѣдѣнности. Нѣкоторые изъ любителей и собирателей неоднократно приводили мнѣ въ примѣръ извѣстнаго русскаго иконографа Бекетова, который, скопивши огромное количество русскихъ портретовъ и домогаясь все болѣе и болѣе полноты, не успѣлъ издать ихъ при своей жизни; послѣ его смерти, заготовленные имъ доски были распроданы, и весь почти собранный матеріалъ пропалъ безслѣдно. Они настаивали на томъ, чтобы къ изданію снимковъ было приступлено немедленно, въ видѣ отдѣльныхъ выпусковъ, и не дожидаясь полноты, необходимой для систематическихъ отдѣловъ, которые могутъ быть выпущены въ свѣтъ и впоследствии. Назидательный примѣръ Бекетова убѣдилъ меня въ справедливости этихъ требованій, и я рѣшился приступить къ „предварительному“ изданію собранныхъ мною снимковъ, подъ общимъ названіемъ: „Матеріалы для русской иконографіи“, отложивъ до поры до времени изданіе систематическихъ отдѣловъ. По крайней мѣрѣ, добросовѣстно собранный матеріалъ поступить въ общее достояніе и не пропадетъ безслѣдно“.

До сихъ поръ издано Ровинскимъ шесть выпусковъ, въ нихъ 240 изображеній, а если прибавить 45 пьесъ изъ „Достоверныхъ портретовъ московскихъ государей и посольствъ“, то получается въ общемъ итогъ 285 пьесъ,—цифра очень значительная, особливо если имѣть въ виду, что большинство этихъ картинъ и картинокъ составляютъ необыкновенную рѣдкость, и до сихъ поръ не были извѣстны не только массѣ публики, но и самымъ специальнымъ нашимъ ученымъ. Въ этомъ числѣ есть не мало такихъ изображеній, которыя существуютъ на свѣтѣ всего въ одномъ только экземплярѣ. Не будь Ровинскаго, они, конечно, долго еще оставались бы для всѣхъ тайною, а нѣкоторыя, быть можетъ, навсегда исчезли бы безслѣдно. Нуженъ былъ такой человекъ, который соединялъ бы въ одномъ себѣ большое знаніе, долготѣльную опытность, непреклонное рвеніе и любовь къ своему дѣлу, наконецъ, рѣшимость употребить много

лѣтъ своей жизни, чтобы узнать, найти и издать все, что онъ намѣтилъ себѣ задачею въ иконографіи русской исторіи и народной жизни. Нужно было совершить много поѣздокъ по Россіи, надобно было изѣздить всю Европу, изрыть и переискать всѣ коллекции, общественныя и частныя, въ самыхъ разнообразныхъ странахъ, употребить на это пропасть труда, хлопотъ, множество матеріальныхъ средствъ. Ровинскій все это сдѣлалъ. Отъ этого-то его изданіе есть изданіе истинно-монументальное. Оно выходитъ какъ-бы второю половиною другого монументальнаго изданія того же автора: „Русскія народныя картины“. Тамъ русскій народъ являлся хотя и въ грубыхъ художественныхъ формахъ, но со всѣмъ своимъ творчествомъ, съ своею фантазіею и художествомъ; тамъ мы узнавали его мысль, взгляды, радость и горе, слышали стонъ его боли, насмѣшку, глумленіе надъ притѣснителемъ, видѣли наивное веселіе или свѣтлое ликование, религіозный строй, важную думу и глубокое чувство. Здѣсь русскій народъ является передъ нами, воспроизведенный то иностранцами, то русскими, въ своемъ внѣшнемъ проявленіи, въ своемъ портретѣ, костюмѣ, среди своего города и жилища, со своимъ царемъ и войскомъ, съ своими культурными вождями и двигателями, съ своими друзьями и недругами, съ своими великими и малыми историческими и домашними событіями.

Снимки этого громаднаго по содержанію, огромнаго по размѣрамъ (въ большой листъ) изданія сдѣланы въ одну мѣру съ оригиналами. Самые замѣчательные и рѣдкіе исполнены на мѣди, по способу Скамони, въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, или печатаны со стекла, посредствомъ альбертотипіи, въ фотографическомъ заведеніи Шерера и Набгольца въ Москвѣ и за границей, или же посредствомъ фотогалотипіи у г. Скамони. Менѣе рѣдкія и важныя картинки исполнены посредствомъ фотолинографіи.

Мы сами, да и всѣ вообще въ Европѣ, привыкли считать, что самыя древнія изображенія русскихъ и всего русскаго дѣланы все только иностранцами. Это совершенно невѣрно. Самыя древнія изображенія всего самаго коренного русскаго — дѣланы самими русскими.

Одинъ изъ наиважнѣйшихъ, художественнѣйшихъ и оригинальнѣйшихъ памятниковъ нашей старины—это „Святославовъ Сборникъ“, рукопись 1073 г. Здѣсь, въ числѣ миниатюръ, къ несчастію далеко не хорошо сохранившихся, находится изображеніе (въ краскахъ) семейства кіевскаго князя Святослава Ярославича. Тутъ представлены: самъ князь съ книгою въ рукахъ — вѣроятно, это тотъ

самый „Изборникъ“, въ которомъ помѣщается этотъ рисунокъ. Подлѣ него—его жена, книгиня, и пятеро дѣтей. Всѣ надписи надъ фигурами—русскія, всѣ одежды на представленныхъ личностяхъ—тоже чисто русскія. Нельзя, конечно, сомнѣваться (и никто изъ основательнѣйшихъ нашихъ археологовъ не сомнѣвается), что эта картинка рисована русскимъ, и что она воспроизводитъ съ величайшею точностью не только одежды и подробности внѣшней обстановки русскихъ XI вѣка, но также и самые типы, и фizioноміи русскихъ этого времени. Во всей картинкѣ нѣтъ ровно ничего ни византійскаго, ни западно-европейскаго, ни восточнаго: все тутъ, отъ начала и до конца—чисто русское, очень характерное и типичное. И окладъ лица, и носъ, и усы, и борода, и сапоги, и шапка-треухъ—все тутъ русское. Въ томъ же „Сборникѣ“ находится еще изображеніе четырехъ русскихъ церквей, конечно, кievскихъ, само собою разумѣется, въ стилѣ византійскомъ — другого тогда на Руси еще не было. Наконецъ, въ той же безцѣнной по своему русскому значенію рукописи мы встрѣчаемъ еще иныя, очень характерныя русскія изображенія. Это, именно, въ числѣ изображеній Зодіака, „Дѣва“ и „Стрѣлецъ“. Дѣва носитъ русскую народную женскую рубаху, и на головѣ у нея русская дѣвичья повязка, въ рукахъ — веретено. У Стрѣльца—русская одежда и русскіе сапоги, въ рукахъ—лукъ и стрѣла, очень характерная, съ раздвоеннымъ, въ видѣ вилки, концомъ: такой стрѣлы не было у византійцевъ; она существовала только у азіатовъ, и отъ нихъ получена была древними русскими. Все это дѣлаетъ изображенія изъ „Святославова Сборника“ необыкновенно для насъ важными. Они чисто народныя, мѣстныя. Поэтому-то надо надѣяться, что эти картинки будутъ однажды воспроизведены въ „Матеріалахъ“ г. Ровинскаго. Отъ нихъ должна вести свое начало русская иконографія. При этомъ, мнѣ кажется, никто не упрекнетъ г. Ровинскаго за помѣщеніе въ его изданіи снимка изъ рукописи, тогда какъ рисунки изъ рукописей вообще не входятъ въ его программы. Эти древнѣйшія спеціально русскія изображенія такъ важны, до того выходятъ изъ ряду вонъ, что нельзя было не сдѣлать для нихъ исключенія. Если сдѣлано у Д. А. Ровинскаго исключеніе въ пользу Самозванца и Марини Мнишекъ, т. е. XVII вѣка, когда уже много было иныхъ гравированныхъ изображеній русскихъ историческихъ личностей, если г. Ровинскій намѣренъ представить всѣ портреты русскихъ великихъ князей и царей изъ рукописи 1672 г., носящей названіе: „Собраніе, откуда произыде корень русскихъ государей“ (это имъ высказано въ выпускѣ II-мъ, въ примѣчаніи къ описанію портрета Бориса Годунова, стр. 4), то

во сколько же разъ болѣе необходимо и законно исключеніе въ пользу XI-го вѣка, памятники котораго такъ рѣдки!

Точно также слѣдуетъ непремѣнно сдѣлать нѣсколько подобныхъ исключеній для другихъ русскихъ иконографическихъ памятниковъ отъ XI-го до XV-го столѣтія, когда еще нигдѣ не существовало гравюры, но русскіе иконографическіе памятники, очень важныя и характерныя, уже были на-лицо. Слишкомъ было бы печально оставлять пробѣлы въ русской иконографіи, когда есть превосходнѣйшіе матеріалы для уничтоженія этихъ пробѣловъ. Д. А. Ровинскій имѣетъ въ рукахъ всѣ средства къ тому: матеріаль ему хорошо извѣстенъ; онъ самъ его исчисляетъ въ примѣчаніи 3-мъ на своей первой страницѣ. Сверхъ того, весь этотъ портретный матеріаль древней Россіи подробно и основательно изслѣдованъ Н. П. Собко въ его сочиненіи (удостоенномъ преміи академіи наукъ): „Древнія изображенія русскихъ царей“, стр. 1 — 4. Только Д. А. Ровинскій всѣ подобныя изображенія понапрасну называетъ „иконными“. Ни въ князѣ Святославѣ съ женой и дѣтьми, ни въ „Стрѣльцѣ“ и „Дѣвѣ“ Зодіака 1073-го года ровно ничего нѣтъ иконнаго и церковнаго. Все здѣсь до послѣдней черточки народное и бытовое.

Съ XVI-го вѣка начинаются гравюры, содержащія русскіе историческіе и бытовые сюжеты. Въ теченіе цѣлыхъ ста лѣтъ, это все были гравюры иностранныя. Русскіе и сами въ это время умѣли уже гравировать и не мало гравировали, но только до своей исторіи и своего быта, до своихъ историческихъ личностей и событій они еще не дотрогивались. Они заняты были, по части гравюры, все только задачами религіозными. Начиная съ первой печатной русской книги, московскаго Апостола 1564 года, и до начала XVII-го столѣтія, русскіе изображали въ своихъ гравюрахъ все только священные личности и сюжеты: апостоловъ и евангелистовъ, царя Давида и т. д. Оно и немудрено: печатавшіяся тогда книги были почти всѣ—книги церковнаго употребленія, апостолы, евангелія, псалтыри, осьмигласники, часословы и т. д. Лишь немногія имѣли характеръ гражданскій и житейскій: это были грамматикѣ, азбуки, Статутъ Литовскій, Трибуналь (порядокъ судопроизводства). Какъ на единственную гравюру, съ гражданскимъ, не-церковнымъ характеромъ, отпечатанную въ XVI-мъ вѣкѣ въ предѣлахъ Россіи, можно указать развѣ-что на поясной портретъ польскаго короля Сигизмунда III, помѣщенный въ „Литовскомъ Статутѣ“ 1588 года,—и именно потому, что книга эта, писанная на русскомъ языкѣ, печатана въ Вильнѣ, и Сигизмундъ III носить въ титулѣ своемъ наименованіе „князя литовскаго“. Если Д. А. Ровинскій напечаталъ два великолѣпныхъ портрета Владислава IV-го, одинъ Хондіуса, другой Ворстермана, то имѣетъ полное

право, и даже обязанность, напечатать и портретъ его отца: этотъ навѣрное больше своего сына участвовалъ въ русской исторіи XVII-го вѣка и вліялъ на нее.

Итакъ, въ теченіе XVI-го вѣка всѣ гравированныя картинки, изображающія русскихъ и все русское, рисованы и гравированы иностранцами. Но онѣ отличаются почти всегда совершенною вѣрностью и точностью въ подробностяхъ, и во всемъ согласны съ дошедшими до нашего времени описаніями современниковъ. Что же касается портретовъ, то въ нѣсколькихъ случаяхъ мы имѣемъ даже свѣденія о томъ, кто именно былъ рисовальщикъ, воспроизводившій портретъ прямо съ живого оригинала. Такъ, напримѣръ, про старѣйшій гравированный портретъ русской иконографіи мы имѣемъ свидѣтельства французскаго монаха Тевѣ, путешествовавшего по Востоку. Въ городѣ Прузѣ, въ Галатіи, онъ получилъ портретъ русскаго великаго князя Ивана III, рисованный карандашомъ, отъ какого-то грека. Портретъ великаго князя Василия Ивановича гравированъ знаменитымъ художникомъ Гиршфогелемъ съ рисунка, по всей вѣроятности, привезеннаго изъ Россіи, австрійскимъ посланникомъ при русскомъ дворѣ, знаменитымъ Герберштейномъ: этотъ самый Герберштейнъ привезъ съ собою изъ Россіи и издалъ при своей книгѣ множество любопытнѣйшихъ рисунковъ, изображающихъ Москву его времени, русскіе костюмы и вооруженіе, сани, коней, посуду, сапоги, палатки и т. д. Все это чрезвычайно вѣрно и вполне согласуется съ тѣми же подробностями русскаго быта, какъ онѣ сохранились даже въ послѣ-Петровскую эпоху, даже до самаго нашего времени.

Кромѣ портретовъ Ивана III, Василия Ивановича, Ивана Грознаго, въ XVI-му вѣку относится, въ атласѣ г. Ровинскаго, очень много наиважнѣйшихъ изображеній русскихъ сюжетовъ. Старѣйшее между всѣми ими—это изображеніе русскихъ на феррарско-флорентинскомъ соборѣ 1438 — 1439 года. На гравюрѣ представленъ папа Евгений IV, на тронѣ подъ балдахиномъ, въ богатой залѣ съ колоннами: у него въ одной рукѣ длинный жезлъ, оканчивающійся крестомъ, другою онъ благословляетъ кардинала и епископа, а между тѣмъ русскіе священники, въ длинныхъ колпакахъ, точь-въ-точь такихъ, какъ на сыновьяхъ князя Святослава Ярославича въ „Святославовомъ Сборникѣ“, и длинныхъ, узкихъ подрясникахъ, точь-въ-точь такихъ, какіе и теперь носятъ русскій священникъ и дьяконъ, повернулись къ нему спиной и уходятъ вонъ изъ залы. Они съ усами и бородами, тогда какъ всѣ другія личности на картинкѣ—бритыя. Эта картинка, очень небольшая, напечатанная, вѣроятно, около 1506 года, очень груба, даже топорна, и все-таки вѣрно передаетъ и сцену, и дѣйствующія лица. Въ нарисованномъ тутъ кардиналѣ надо, конечно,

признавать русскаго митрополита Исидора, пожалованнаго въ кардиналы за усердіе къ католичеству, но все-таки ничего не сдѣлавшаго для папы въ Россіи. У него какой-то печальный, словно озабоченный видъ. Брови у него подняты и сжаты. Уходящіе попы — это, конечно, тѣ русскіе, упорные и неподатливые, которые, несмотря ни на какую лесть и ласку, не поддались заискиваніямъ Рима: противъ нихъ-то и написана была латинская брошюра: „Изъясненіе заблужденій русскихъ“, сочиненная краковскимъ каноникомъ Яномъ изъ Освѣцина (Joannes Sacrapus), при которой приложена настоящая картинка. При другомъ изданіи этой же брошюры приложена уже иная картинка: папа опять сидитъ на престолѣ, со своимъ жезломъ въ рукѣ; опять русскіе бородатые и усатые попы, въ длинныхъ своихъ колпакахъ, уходятъ прочь, но у кардинала (митрополита Исидора) нѣтъ уже прежняго озабоченнаго и печальнаго вида: во-первыхъ, позади него стоятъ два мужчины въ русскихъ мѣховыхъ шапкахъ—эти, значитъ, восчувствовали и присоединились. Но что еще важнѣе и пріятнѣе—самъ греческій императоръ Іоаннъ Палеологъ, въ длинной мантии, съ католическимъ крестомъ, уже стоитъ передъ папой на одномъ колѣнѣ и протягиваетъ къ нему жадныя руки, чающія великія и богатая милости. Есть отъ чего расправиться морщинамъ на лбу у русскаго митрополита — перебѣжчика! Эта вторая краковская гравюра столько же груба и топорна, какъ и первая, но точно столько же правдиво передаетъ историческій моментъ и разнообразный покррой людей, тутъ участвовавшихъ. Это въ самомъ дѣлѣ страничка изъ исторіи.

Совершенно другой характеръ представляютъ русскіе изъ посольства Племянникова и Истома Малаго, 1518 года, у германскаго императора Максимилиана I, въ Инспрукѣ. Тутъ уже никакой драмы не происходитъ; все идетъ тихо, внятно и мирно, всѣ присутствующіе спокойны. Да и нечего было особенно волноваться: Максимилианъ надѣялся-было помирить русскаго великаго князя съ польскимъ королемъ, чтобы потомъ всѣмъ имъ разомъ ударить на турку. Но русскіе послы, сколько ни подобострастные, даже не смѣвшіе вначалѣ сѣсть передъ императорскимъ своимъ хозяиномъ и тароватымъ хлѣбосоломъ,—эти люди все-таки, когда рѣчь дошла до дѣла, храбро отвѣчали, что да, хорошо-молъ, вотъ польскій король ищетъ ладу и дружбы, а самъ въ то же время нападаетъ на русскія земли, да и татаръ на то же подучаетъ. Такъ посольство и разстроилось. Картинки изъ біографіи Максимилиана I, извѣстной подъ названіемъ „Бѣлый Король“ (Weisskunig), изданной съ великолѣпными иллюстраціями Бургмайра, представляютъ русскихъ посланниковъ въ пышныхъ приемныхъ залахъ австрійскаго императора, среди его двора,

спокойными, невозмутимыми, въ восточныхъ богатыхъ шубахъ, въ высокихъ мѣховыхъ шапкахъ. Картинки эти мастерски нарисованы и полны живописности.

Еще въ иную атмосферу переносить насъ огромная, гравированная на деревѣ, картина, изображающая русское посольство 1576 г. отъ Ивана Грознаго къ польскому королю Сигизмунду-Августу. Это цѣлая историческая картина, содержащая не одну, а нѣсколько сценъ. Вначалѣ русское посольство, со свитой и отрядомъ изъ 1200 чело-вѣкъ, прїѣзжаетъ въ Гродно, гдѣ тогда находился польскій король. Русское посольство блестяще: всѣ въ блестящихъ полувосточныхъ костюмахъ, русскіе джигитуютъ на великолѣпныхъ коняхъ, во весь опоръ посята на нихъ, словно черкесы или турки, ихъ музыканты бьютъ въ литавры, а сзади тянется длинный обозъ вибитокъ и телѣгъ со старинною русскою упряжью и дугами, нагруженныхъ всякимъ добромъ. На-встрѣчу русскимъ, за городомъ, въ поле, выѣхали поляки—тоже богатый и роскошно разодѣтый отрядъ. Начальники русскихъ и поляковъ сошли со своихъ коней, встрѣтились, дружески жмутъ другъ другу руку—и все-таки вся эта прїязнь, и ласки, и учтивости не что иное, какъ комедія, ложь и притворство. На самождѣлѣ, съ русскими обошлись позорно: ихъ даже не впустили въ Гродно, имъ велѣли остановиться за городомъ, на предмѣстьѣ, на пространствѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ тыномъ, какъ островокъ; къ воротамъ приставили польскую стражу, и ни одинъ русскій не смѣлъ даже пойти въ Гродно безъ провожатаго, польскаго драбанта. Русскій этотъ бивуагъ изображенъ на картинѣ. Но когда, наконецъ, польскій король назначилъ нашимъ парадную аудіенцію, они пошли въ Гродно великой торжественной процессіей, неся подарки Ивана Грознаго польскому королю: турьи рога, мѣха, шкатулка съ драгоценностями. И эта процессія опять-таки во всей подробности нарисована, но ни подарки, ни торжественность, ни церемоніи, ни вся смиренная уступчивость насчетъ житья за городомъ, не помогли: король пословъ принять-то принялъ, но ничего не сдѣлалъ, о чемъ просилъ Иванъ Грозный. И что всего было ему обиднѣе и больнѣе—не выдалъ ему князя Курбскаго, бѣжавшаго на Литву: ты—говорить—выдай мнѣ напередъ тѣхъ поляковъ, что отъ меня бѣжали къ тебѣ въ Россію, тогда и я, можетъ быть, выдамъ тебѣ Курбскаго. А не желаешь, то ничего и отъ меня тебѣ не будетъ. Съ тѣмъ русское посольство и уѣхало, ничего не добившись. Но само посольство, въ своей внѣшности, было такое пышное, такое невиданно-богатое, что поляки его нарисовали и издали въ свѣтъ. Эта картина, кромѣ самого русскаго посольства, заключаетъ много другихъ интересныхъ подробностей. Тутъ изображенъ весь городъ Гродно, въ томъ видѣ, какъ онъ суще-

ствовали въ серединѣ XVI-го столѣтія, наполовину польскій, наполовину литовскій. На переднемъ планѣ—гродненскій пригородъ или деревня. Тутъ литовцы и литвинки вышли изъ своихъ избъ съ высокими трубами, одѣтые въ свои живописные наряды, поглазѣть на невиданное зрѣлище—парадный въѣздъ русскаго посольства. На самомъ краю, къ полю, стоитъ колодезь, и литвинка, въ головномъ уборѣ въ родѣ чалмы, наклонилась съ ведрами и достаетъ воду. Внутри Гродно, нѣсколько русскихъ каменныхъ и деревянныхъ церквей, любопытной постройки, обозначенныхъ латинскими и польскими надписями; по рѣкѣ ѣздятъ лодочки съ людьми; на берегу скорняки моютъ и серебрутъ кожи въ водѣ. По ту сторону города, далеко въ полѣ, стоитъ висѣлица, приготовленная на шесть мѣстъ, и на одной изъ перекладинъ болтается трупъ казеннаго, въ кафтанѣ и съ завязанными назадъ руками. Вся эта интересная картина, столько важная для историка, для художника, для писателя, представляетъ собою необыкновенную рѣдкость. Она извѣстна всего только въ двухъ-трехъ экземплярахъ на всемъ свѣтѣ. Одинъ — въ нашей Публичной Библіотекѣ.

Я привелъ нѣсколько примѣровъ, изъ числа наиболѣе древнихъ гравированныхъ изображеній старой Руси, для того, чтобы дать читателю моему хотя небольшое понятіе о богатствѣ и значеніи того великолѣпнаго матеріала, который вносится нынче Д. А. Ровинскимъ въ русскую науку и искусство. Но это все только небольшіе образчики матеріала, для полнаго обозрѣнія и оцѣнки котораго надо было бы написать цѣлую книгу. Разставаясь съ изданіемъ Ровинскаго, я упомяну только нѣсколько самыхъ важныхъ, по содержанію или художественности, иконографическихъ памятниковъ этого изумительнаго атласа.

Между портретами, кромѣ упомянутыхъ уже выше, обращаютъ на себя вниманіе: портретъ доктора Франциска Скорины, уроженца города Полоцка, переводчика и издателя Библии на бѣлорусскомъ нарѣчій, 1517 года: рѣдчайшій портретъ этотъ рисованъ и гравированъ въ Прагѣ. Затѣмъ портреты: Бориса Годунова, князя Скопина-Шуйскаго, этого юнаго Скобелева начала XVII-го вѣка; множество портретовъ Лжедмитрія и Марины Мнишекъ и сцены изъ ихъ царской жизни; цѣлый рядъ портретовъ царей Михаила Ѳедоровича и Алексѣя Михайловича, а потовъ наирѣдчайшіе портреты царевны Софій, въ томъ числѣ знаменитый, дѣланый Леонтіемъ Тарасевичемъ, рѣдчайшій портретъ ея любовника князя Голицына, плохого полководца, но образованнаго европейца, множество портретовъ царевича Іоанна Алексѣевича и все, чтó только есть самаго рѣдкаго, значительнаго и исторически-важнаго между мно-

гочисленными портретами Петра Великаго. Изъ числа частныхъ людей являются съ своими портретами: голландецъ Масса, авторъ лѣтописи смутнаго времени, начала XVII-го вѣка, Андрей Виніусъ, тоже голландецъ, купецъ и резидентъ въ Москвѣ, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, польскіе гетманы Сапѣга, Жолѣвскій и Ходкевичъ, малороссійскіе гетманы Сагайдачный, верхомъ, въ южно-русскомъ казацкомъ костюмѣ и убранствѣ, и Богданъ Хмельницкій, тоже въ такомъ костюмѣ, кievскій подольскій Георгій Земля, конца XVII-го вѣка. Изъ портретовъ XVIII-го вѣка, у Ровинскаго представлены портреты: Мазепы, Стефана Яворскаго, князя Кантемира; императрицъ: Елизаветы Петровны и Екатерины II (самый реалистичный и поразительный по жизненной правдѣ между портретами Екатерины II—это небольшой набросокъ, гравированный о-фортомъ, по рисунку графини Головиной: императрица представлена на открытой Камероновой галереѣ, въ Царскомъ Селѣ). Потомъ портреты многихъ нашихъ знаменитостей XVIII-го и XIX-го вѣка, начиная съ звѣрскаго Бирона, и потомъ писателей (въ томъ числѣ Радищева), живописцевъ (въ томъ числѣ Ѳедора Калмыка), скульпторовъ и т. д.

Рядомъ съ этимъ идетъ цѣлая масса изображеній русскихъ военныхъ гражданскихъ костюмовъ, мужскихъ и женскихъ, XVI-го и XVII-го вѣка, по рѣдчайшимъ картинкамъ, гравюрамъ и книгамъ старинныхъ нѣмцевъ, французовъ и итальянцевъ; виды множества монастырей начала XVIII-го вѣка, видъ Коломенскаго дворца, царя Алексѣя Михайловича, конца XVII-го вѣка, съ гравюры, существующей въ одномъ только экземплярѣ, въ Императорской Публичной Библиотецѣ; „Котъ царя Алексѣя Михайловича“ и т. д.

Нашъ XIX вѣкъ также богатъ представленъ въ множествѣ историческихъ своихъ личностей. Особый громаднѣйшій отдѣлъ составляютъ карикатуры 1812 года, имѣющія громадное историческое значеніе, но въ настоящее время уже мало кому извѣстныя.

Все вмѣстѣ составляетъ такую грандіозную иконографическую галерею, какой до сихъ поръ нигдѣ не существовало, въ ея цѣлости, и которая дѣйствуетъ на читателя и зрителя—поразительно.

Одного только надо желать,—чтобы не ослабла изумительная энергія и инициатива Д. А. Ровинскаго, и чтобы онъ издалъ въ свѣтъ еще много другихъ выпусковъ своей иконографіи, подобныхъ этимъ шести (или, точнѣе, семи) своимъ „Материаламъ“.

Это — великій подарокъ русскому народу.

В. Стасовъ.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-го ноября 1886.

Наша ежедневная печать и иностранная политика.—Взаимное отношеніе газеты и журнала.—Обязательна ли для земства поддержка церковно-приходскихъ школъ?—Новое обостреніе старой агитаціи.—Любимыя традиціи реакціонной печати, не выдерживающія собственной ея критики.—А.И. Языковъ †.

Отъ времени до времени въ нашей литературѣ выдвигается на первый планъ вопросъ о значеніи и назначеніи періодической печати, объ уклоненіяхъ ея съ настоящей своей дороги, о взаимодѣйствіи между нею и читателями. Года два тому назадъ, поводомъ къ возбужденію этого вопроса послужило появленіе новаго журнала, провозгласившаго необходимость поворота отъ „политики“ къ „культурѣ“; теперь центральнымъ пунктомъ спора служить отношеніе печати къ внѣшней и внутренней политикѣ—и въ обоихъ случаяхъ разсужденія о задачахъ журналистики усложняются разсужденіями о спеціальной роли ежедневныхъ газетъ и „толстыхъ“ журналовъ. Спорящія стороны сходятся лишь въ одномъ: онѣ разсматриваютъ нашу печать какъ самостоятельную силу, зависящую только отъ вкусовъ публики, отъ требованій общества. Совершенно упускается изъ виду существованіе условій, стѣсняющихъ кругъ дѣйствій печати, предопредѣляющихъ, до извѣстной степени, и способъ ея выраженій, и даже характеръ высказываемыхъ ею взглядовъ. Мы хотимъ, по возможности, пополнить этотъ пробѣлъ; но прежде всего намъ надобно установить нѣсколько фактовъ, самая наличность которыхъ составляла и составляетъ предметъ полемики.

Можно ли утверждать, что наша ежедневная печать отводитъ, въ послѣднее время, слишкомъ много мѣста внѣшнимъ политическимъ вопросамъ, сравнительно съ внутренними? Да,—говорятъ одни,—болгарскія дѣла уже болѣе года оттѣсняють на задній планъ все остальное, наводняютъ газеты ненужными, пустыми деталями, разжевываются до пресыщенія, до тошноты. Нѣтъ,—возражаютъ другіе,—болгарскій вопросъ—вопросъ русскій, болѣе внутренній, чѣмъ самые внутренніе, и освѣщается онъ ровно настолько, насколько этого требуютъ его важность и возбуждаемое имъ вниманіе; подробная его разработка ничуть не мѣшаетъ, притомъ, исчерпывающему изложенію и разъясненію текущихъ явленій русской жизни. Намъ кажется, что сомнѣніе на этотъ счетъ возможно только для самихъ участниковъ газетной работы. Нагромождая одинъ фактъ на другой, изыскивая

всюду новые источники свѣденій, зарываясь въ постоянно растущую кучу мелочей, въблизи кажущихся крупными и важными, невольно теряешь чувство мѣры и начинаешь предполагать въ другихъ такой же преувеличенный интересъ ко всякому обороту безконечно вертящагося колеса, какой чувствуешь самъ подъ вліяніемъ привычки. Прибавимъ къ этому естественное и неизбежное соперничество газетъ, изъ которыхъ ни одна не желаетъ отстать отъ другихъ не только по качеству, но и по количеству сообщеній—и мы поймемъ, что накопленіе матеріала, относящагося къ злобѣ дня, не можетъ оставаться въ должныхъ предѣлахъ. Это—наклонная плоскость, на которой невозможно удержаться. Изъ чрезмѣрнаго обилія фактическихъ данныхъ проистекаетъ, затѣмъ, сама собою потребность безпрерывнаго встряхиванія ихъ и перебора, потребность варіацій на старую тѣму, догадокъ и предсказаній. Сложные вопросы двигаются впередъ не изо дня въ день—а передовыя статьи посвящаются имъ ежедневно; отсюда повторенія, незамѣтныя, быть можетъ, для авторовъ, но очень замѣтныя для читателей. Равновѣсіе между вопросомъ дня и всѣми другими нарушается неизбежно; непомѣрному раздуванію и разрастанію перваго соотвѣтствуетъ съѣживаніе и ступенываніе послѣднихъ. Въ нашихъ недавнихъ внутреннихъ обзорѣніяхъ намъ приходилось указывать не разъ на слабость и недостаточность отголосковъ, встрѣченныхъ въ ежедневной печати заключительными мѣрами законодательной сессіи 1885—86 г. Законы о наймѣ сельскихъ рабочихъ, о наймѣ фабричныхъ рабочихъ, объ устройствѣ быта чиншевицъ—или вовсе не подверглись въ газетахъ обстоятельному разбору, или сдѣлались съ ихъ стороны предметомъ оцѣнки, несвободной отъ очевидныхъ ошибокъ ¹⁾... Мы остановились на болгарскомъ вопросѣ только потому, что одна изъ особенностей нашей ежедневной печати выразилась здѣсь всего нагляднѣе и ярче; но не съ него начался и не имъ, по всей вѣроятности, окончится избытокъ вниманія къ иностранной политикѣ. Это явленіе—показателемъ котораго можетъ служить, между прочимъ, преобладаніе заграничныхъ корреспонденцій надъ провинціальными—имѣетъ за собою уже цѣлую исторію.

Кто пережилъ начало шестидесятыхъ годовъ, тотъ помнитъ, какую скромную роль играли въ тогдашнихъ газетахъ внутреннія, русскія дѣла. Небольшіе, сравнительно, листки—скромные прародители со-

¹⁾ Само собою разумѣется, что нѣтъ правила безъ исключеній; мы передаемъ только общее впечатлѣніе, оставленное въ насъ, въ послѣднее время, чтеніемъ наиболѣе распространенныхъ газетъ, петербургскихъ и московскихъ. Черты, замѣчательныя нами, свойственны этимъ газетамъ, безъ сомнѣнія, не въ равной мѣрѣ—но мы вовсе не имѣемъ въ виду характеристику каждой отдѣльной газеты.

временныхъ газетныхъ „простынь“—наполнялись преимущественно переводами изъ иностранныхъ газетъ; передовыя статьи, только-что входившія въ моду, были посвящены, болѣею частью, французской и англійской политической жизни (нѣмецкая политика, въ то время, мало кѣмъ изучалась, да и мало заслуживала изученія). Это положеніе дѣлъ стало измѣняться, когда наступилъ новый періодъ въ развитіи нашей ежедневной прессы—когда основанъ былъ „Голосъ“, „Московскія Вѣдомости“ перешли подъ редакцію гг. Леонтьева и Каткова, „С.-Петербургскія Вѣдомости“—подъ редакцію В. О. Корша. Все это случилось въ одномъ и томъ же, 1863-мъ, году—случилось именно въ то время, когда русское общество было взволновано польскими мятежомъ, нотами западныхъ державъ, возможностью новой европейской войны. На почвѣ польскаго вопроса внутренняя политика переплелась съ внѣшней—и завоевала себѣ мѣсто на-ряду съ послѣдней. Одинаково широкимъ это мѣсто было, впрочемъ, не во всѣхъ газетахъ—и самое расширеніе его не всегда шло впередъ одинаково быстро. Гораздо труднѣе оно давалось тѣмъ органамъ ежедневной печати, которые плыли противъ теченія; не имѣя возможности выразить всю свою мысль по внутреннимъ вопросамъ, и выразить ее именно такъ, какъ она слагалась, они чаще и больше вращались въ сферахъ сравнительно безопасныхъ и не такъ рѣшительно разрывали съ старой традиціей намековъ и иносказаній, затрогивающихъ домашнія дѣла сквозъ иностранную оболочку. Законъ 6-го апрѣля 1865 г., освободившій столичную печать отъ предварительной цензуры, измѣнилъ, до извѣстной степени, это положеніе дѣлъ, сгладилъ, отчасти, различіе въ выборѣ тѣмъ и способовъ ихъ обсужденія—но не уничтожилъ его совершенно. Административныя предостереженія гезетамъ мотивировались, почти всегда, статьями по внутренней политикѣ; отсюда необходимость особой осторожности и сдержанности, отражавшейся иногда и на самомъ распредѣленіи газетнаго матеріала. Тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ преграды, несмотря на вынужденное самоограниченіе, внутренняя политика все болѣе и болѣе заполняла собою газеты—и поступательное движеніе ея, прерывистое и неравномѣрное, но, въ концѣ концовъ, торжествующее, продолжалось до изданія, въ 1882 г., новыхъ временныхъ правилъ о печати. Съ этихъ поръ начинается поворотъ въ другую сторону, достигшій, въ послѣднее время, своего апогея. Такое совпаденіе явленій едва-ли можетъ быть признано случайнымъ; помещемъ его причины.

Въ нашемъ законодательствѣ о печати, начиная съ 1865 г. и, въ особенности, въ практическомъ его примѣненіи, легко замѣтить постепенный ростъ недовѣрія къ печати. Менѣе замѣтны, но столь же

несомнѣнны отдѣльныя, если можно такъ выразиться, наслоенія этого недовѣрія. Сначала оно сосредоточивается на двухъ пунктахъ: на періодической печати вообще и на брошюрахъ или книгахъ небольшого объема, доступныхъ по цѣнѣ и, слѣдовательно, могущихъ получить широкое распространеніе. Къ началу семидесятыхъ годовъ, объектомъ недовѣрія становятся уже всѣ книги, независимо отъ числа листовъ; къ тому же времени окончательно утрачивается довѣріе къ суду, какъ къ одному изъ регуляторовъ печати, и усиленная административная репрессія почти не оставляетъ мѣста для судебной. Нѣсколько позже вырабатывается еще одинъ оттѣнокъ недовѣрія, прямо относящійся къ нашей тѣмѣ—квалифицированное, такъ сказать, недовѣріе къ газетамъ, убѣжденіе въ томъ, что для нихъ нужны рукавицы еще болѣе суровыя, чѣмъ для журналовъ. Въ основаніи этого убѣжденія лежитъ быстро увеличивающійся (особенно со времени войны 1877 г.) кругъ дѣйствій ежедневной печати, быстро растущее число подписчиковъ и читателей газетъ. Нужды нѣтъ, что вліяніе одной газеты уравнивается вліяніемъ другихъ, что ни одна изъ газетъ не занимаетъ безспорно первенствующаго положенія, ни одна не вдается въ защиту крайнихъ мнѣній—подозрѣніе все-таки обостряется, крѣпнетъ, обнимаетъ собою, за немногими исключеніями, весь газетный міръ и создаетъ для него спеціальныя условія, съ которыми онъ, волей-неволей, долженъ считаться. Особенно яснымъ значеніе этихъ условій становится со временъ катастрофы, постигшей „Голосъ“ и заставившей его сойти съ журнальной сцены. Недаромъ же мѣсто исчезнувшей газеты остается вакантнымъ до сихъ поръ: занять его—значило бы, быть можетъ, раздѣлить ея участь. Правда, въ средѣ „толстыхъ“ журналовъ дѣло также не обошлось безъ потерь; но характеръ этихъ потерь—или, по крайней мѣрѣ, главной изъ нихъ,—былъ существенно иной, отнимавшій у нихъ значеніе прямой угрозы другимъ журналамъ. Запрещеніе „Отечественныхъ Записокъ“ было мотивировано причинами, не имѣющими ничего общаго съ жизнью журнальнаго міра; въ мотивахъ административныхъ каръ, обрушившихся на „Голосъ“, этого посторонняго элемента не было вовсе. Какъ бы то ни было, ежедневная печать не можетъ до сихъ поръ возвратиться къ уровню, къ тону 1880 или даже 1881 года—и смѣшивать эту „невозможность“ съ неспособностью или нежеланіемъ было бы въ высшей степени несправедливо. Повинуясь закону, тягнущему не надъ однимъ только физическимъ міромъ, ежедневная печать идетъ преимущественно по „линіи наименьшаго сопротивленія“—а такая линія оказывается на-лицо, болѣею частью, въ области иностранной политики. Намъ могутъ возразить, что наше объясненіе примѣнимо лишь къ газетамъ болѣе или менѣе „либе-

ральнымъ", болѣе или менѣе трепещущимъ за свое существованіе— а между тѣмъ излишнее пристрастіе къ внѣшней политикѣ свойственно не имъ одиѣмъ; но мы вовсе и не утверждаемъ, чтобы сложное явленіе имѣло только одну причину. Въ газетахъ противоположнаго „лагеря“ бѣдность внутренняго отдѣла—количественная и качественная—зависитъ отъ самаго свойства ихъ стремленій. Ретроградная печать всегда отличается сравнительно простотою и не требуетъ подробной мотивировки. Отмѣнить, уничтожить, запретить гораздо легче, чѣмъ разрѣшить, создать, устроить; о послѣднихъ пѣляхъ, о задушевныхъ надеждахъ реакціи неудобно, притомъ, говорить прямо и открыто. Разбирать подробно каждый вновь выходящій законъ—значило бы, иногда, признать себя разбитымъ или не вполне побѣдившимъ; разбирать каждый законопроектъ—значило бы преждевременно обнаружить свои вождельнія и уменьшить этимъ самымъ, шансы ихъ успѣха. Отсюда учащенные экскурсіи ретроградныхъ газетъ въ сферу иностранной политики—экскурсіи, тѣмъ болѣе пріятныя, что попутно можно уязвить и домашнихъ враговъ, разгромить ненавистныя учрежденія и идеи.

Есть еще одно обстоятельство, обусловливающее собою непропорціональный ростъ одной группы газетнаго матеріала въ ущербъ другой. Петербургская ежедневная печать, въ лицѣ главныхъ органовъ своихъ, значительно раздвинула свои наружныя рамки и продолжаетъ раздвигать ихъ, въ размѣрахъ, едва-ли соответствующихъ дѣйствительнымъ потребностямъ читающей публики. О нѣкоторыхъ интересныхъ сторонахъ этого явленія мы поговоримъ въ другой разъ; теперь насъ занимаетъ только отношеніе его къ поставленному нами вопросу. Чтобы наполнить увеличивающееся число столбцовъ, данныя западно-европейской жизни представляются ресурсомъ, по истинѣ, незамѣнимымъ; иностранныя газеты даютъ массу фактовъ, изъ которыхъ нужно только сдѣлать выборъ, да и корреспондентовъ легче найти за границей, чѣмъ въ глубинѣ Россіи. Услышать что-нибудь среди „вѣковой тишины“, подмѣтить выдающіяся черты однообразнаго, сѣренькаго, будничнаго существованія—задача несравненно болѣе трудная, чѣмъ выхватить кое-что изъ постоянно-кипящаго водоворота. Мы далеки отъ мысли, чтобы расширеніе формата совершалось исключительно насчетъ добычи, приносимой ежедневно заграничною почтой—но едва-ли можно отрицать, что обиліе извѣстій, приходящихся на долю русской провинціи, возрастаетъ съ гораздо меньшею скоростью, чѣмъ объемъ газетнаго листа. Московская ежедневная печать остается свободной отъ „маніи величины“, овладѣвшей петербургскими газетами—но той московской газетѣ, которую мы въ особенности имѣемъ въ виду, свойственно, съ технической

стороны, усердное служеніе рутинѣ, приводящее, другимъ путемъ, къ тому же результату. Иностранныя политическія извѣстія занимаютъ здѣсь много мѣста не потому, что этого требуетъ объемъ газеты, а потому, что такъ заведено издавна, и нѣтъ причины отступать отъ привычныхъ, удобныхъ порядковъ.

Выборъ матеріала и способъ пользованія имъ—далеко не одно и то же. Въ томъ, что иностранной политикѣ отводится въ газетахъ слишкомъ много мѣста, нѣтъ еще большой бѣды; гораздо важнѣе отношеніе къ ней—отношеніе, неизбѣжно зависящее отъ взгляда на свои, домашніе, вопросы. Разсматриваемый съ этой точки зрѣнія, образъ дѣйствій нашихъ газетъ по болгарскому вопросу представляетъ одну несомнѣнную странность. Разномысліе, за немногими исключениями, уступило мѣсто единодушію; сужденія, выводы, даже полемическіе приемы, оказались поразительно и неожиданно сходными между собою ¹⁾. Замолкла—хотя и не угасла—взаимная вражда; противники стали говорить однимъ и тѣмъ же языкомъ и дружно поражать многихъ отщепенцевъ, нарушавшихъ общую гармонію (припомнимъ, напримѣръ, нападенія на „St.-Petersburger Zeitung“, „Русскія Вѣдомости“, „Одесскій Листокъ“). А между тѣмъ въ виду печати не было еще безповоротно совершившагося факта, не было такой комбинаціи условій, при которой несвоевременно выраженіе „особыхъ мнѣній“; не было, во всякомъ случаѣ, необходимости пѣть въ униссонъ, употреблять одинаковые обороты и формы рѣчи. Дѣло дошло до того, что голосъ благоразумія—положимъ, вызваннаго побужденіями болѣе чѣмъ сомнительнаго свойства—раздался отсюда, откуда мы привыкли слышать только крики: ату его, ату его! Петербургскій органъ реакціи обмолвился, чуть ли не въ первый разъ, нѣсколькими разсудительными словами, не отступая даже передъ почтительнымъ возраженіемъ своему могущественному московскому собрату ²⁾. Разгадку

¹⁾ Въ подтвержденіе нашей мысли достаточно будетъ привести одинъ примѣръ. „Вторая наиболѣе враждебнымъ намъ иностраннымъ газетамъ,—читаемъ мы въ одномъ изъ газетныхъ листовъ, вышедшихъ 18-го октября,—нѣкоторые изъ нашихъ органовъ гласности, съ совершенно непонятнымъ и къ дѣлу не идущимъ рвеніемъ, ссылаются доказать, что отправка двухъ русскихъ военныхъ судовъ въ Варну не имѣетъ ничего общаго съ оккупацией... Что это за трогательное единодушіе, и почему газеты, преданныя русскимъ интересамъ, такъ дружно вторятъ заграничной печати, поставляющей себѣ цѣлью вредить Россіи, насколько возможно“? Повѣрятъ ли читатели, что эта фраза выписана нами изъ „либеральной“ газеты?..

²⁾ По истинѣ удивительна безцеремонность нѣкоторыхъ органовъ печати. Та самая реакціонная газета, о которой мы только-что упомянули, позволяетъ себѣ не только приглашать къ себѣ въ подписчики „каждаго русскаго, стоящаго за порядокъ, основанный въ стройномъ сочетаніи прошедшаго съ настоящимъ“, но и утверждать, что „даже самые искренніе недоброжелатели ея не могутъ отнять у нея добытое

всѣхъ этихъ печальныхъ явленій слѣдуетъ искать, быть можетъ, въ той же особенноти, на которую мы указали въ началѣ хроники— въ тѣхъ затрудненіяхъ и неудобствахъ, которыя составляютъ специальное достояніе нашей газетной прессы. Безусловно непреодолимымъ давленіемъ внѣшнихъ силъ мы, однако, въ данномъ случаѣ, назвать не можемъ; это доказывается уже наличностью констатированныхъ нами исключеній. Возможное для однихъ оказалось бы возможнымъ и для другихъ.

Есть еще одно давленіе, о которомъ много говорилось въ последнее время: это—давленіе читающей публики, подчиняющей себѣ тѣхъ, кого она читаетъ. Обвиняютъ публику, обвиняютъ общество и тѣ изданія, которыя признаютъ, и тѣ, которыя отрицаютъ заполненіе газетъ иностранною политикою. „Современная журналистика,—говорятъ одни,—страдаетъ не отъ чего другого, какъ отъ затхлости общественной атмосферы, пониженія ея духовной температуры и переполненія ея заразительными повѣтріями лѣни, апатіи, скептицизма“. „Наибольшій успѣхъ изданій, щеголяющихъ другъ передъ другомъ въ стараніи доставить читателю побольше анекдотовъ и всякаго вздора изъ заграничной жизни, не служить ли, — восклицаютъ другіе, — неопровержимымъ доказательствомъ виновности общества въ прегрѣшеніяхъ печати?“ Въ этихъ словахъ есть нѣкоторая доля правды, но всей правды они въ себѣ не содержатъ. Изъ-за безспорнаго вліянія общества на печать они упускаютъ изъ виду столь же безспорное вліяніе печати на общество. На самомъ дѣлѣ существуетъ взаимное дѣйствіе силъ—а намъ твердятъ только объ одностороннемъ дѣйствіи одной изъ нихъ на другую. До извѣстной степени, періодическая печать несомнѣнно служитъ наличнымъ требованіямъ общества—но это еще не значитъ, чтобы она не могла опережать ихъ, вызывая, создавая новыя потребности. Если ее ведутъ, то и она, въ свою очередь, ведетъ другихъ; пассивная ея роль не исключаетъ активной. Перенесемся мысленно къ концу тридцатыхъ и началу сороковыхъ годовъ, т.-е. къ эпохѣ перваго обновленія „Отечественныхъ Записокъ“. Публика, съ которою онѣ имѣли дѣло, была та же самая, для которой издавалась „Библіотека для Чтенія“; никакого расширенія ея рамокъ, никакого измѣненія ея состава не произошло, — и если лѣтъ черезъ восемь уровень читателей оказался другой, болѣе высокій, то это было заслугой журнала, поднявшаго до себя большинство своихъ подпис-

постоянствомъ и настойчивостью право на уваженіе къ ней, какъ къ органу печати безусловно искреннему и вполнѣ независимому“. Мы желали бы знать, на чемъ основано это заключеніе? „Недоброжелатели“ газеты, — т.-е. громадное большинство читающей публики, — никогда, сколько намъ извѣстно, не измѣняли своего отношенія къ ней, какъ не измѣнялись и ея обычныя свойства.

чиковъ. То же самое, *mutatis mutandis*, повторилось и въ началѣ шестидесятихъ годовъ, когда за реформой „толстаго“ журнала послѣдовала реформа ежедневной газеты. Читая первые нумера „Голоса“, „Современнаго Слова“, Коршевскихъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, публика не искала въ нихъ ничего другого, кромѣ прежняго, обычнаго газетнаго матеріала—но, находя ничто болѣе и лучшее, становилась, мало-по-малу, разборчивѣе и требовательнѣе. Видѣть въ журналистикѣ только воспитательное вліяніе на общество—значило бы возвышать ее выше мѣры; но не признавать за нею никакой иной роли, кромѣ слѣдованія на чужомъ буксирѣ, было бы еще менѣе согласно съ истиной... Существуетъ мнѣніе, что характеръ ежедневной печати измѣнился, вслѣдствіе вторженія въ ея сферу „улицы“, толпы, вслѣдствіе быстрого возрастанія числа читателей, вызваннаго послѣднею войною. И съ этимъ мнѣніемъ можно согласиться только отчасти. Новыя категоріи читателей примкнули почти всецѣло не къ тѣмъ газетамъ, о которыхъ мы говоримъ; онѣ нашли для себя пишу въ такъ-называемой маленькой прессѣ, болѣе общедоступной и по цѣнѣ, и по содержанію. Современная публика большихъ газетъ, по степени умственнаго и нравственнаго развитія, немногимъ отличается отъ той, которая группировалась, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, около „Голоса“ и „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“. Судить по газетамъ о читающемъ обществѣ, видѣть въ первыхъ точное отраженіе послѣдняго, нельзя уже потому, что число большихъ газетъ не растетъ пропорціонально числу читателей; оно давно уже остается неподвижнымъ; новыя органы ежедневной печати или вовсе не появляются на сцену, или сходятъ съ нея весьма быстро. Отсюда ограниченность выбора, удерживающая многихъ въ числѣ подписчиковъ такой газеты, которой они никогда не сочувствовали или давно перестали сочувствовать. Потребность въ массѣ свѣжихъ, разнообразныхъ извѣстій постоянно растетъ и въ ширину, и въ глубину; удовлетворить ей могутъ только большія газеты—понятно, что онѣ находятъ все больше и больше подписчиковъ или покупателей, даже въ средѣ лицъ, недовольныхъ ихъ тономъ или ихъ окраской.

„Газета,—говорятъ намъ уже не въ первый разъ,—убила журналъ“. Въ переводѣ на болѣе точный языкъ, это можетъ означать только одно: публика журналовъ не увеличивается вовсе, или увеличивается далеко не такъ быстро, какъ публика газетъ. Иначе и быть не можетъ. Все то, что расширяетъ сферу дѣйствія ежедневныхъ газетъ—быстрота и удобство сообщеній, желаніе быть *au courant* большихъ и маленькихъ событій дня, привычка возобновлять ежедневно, въ опредѣленное время, запасъ свѣдѣній и впечатлѣній—все это вовсе не отражается на толстыхъ журналахъ или отражается на нихъ очень мало; во

всемъ этомъ они не соперничаютъ и не могутъ соперничать съ газетами. Для журналовъ не существуетъ, далѣе, розничной продажи, играющей такую важную роль въ газетномъ обиходѣ. Журналъ гораздо долѣе сохраняетъ свою цѣнность, нежели газета; отсюда значительное число лицъ, подписывающихся не на журналъ, а на чтеніе журналовъ—и, наоборотъ, незначительное число лицъ, освобождающихъ себя этимъ путемъ отъ необходимости подписаться на газету или быть ея постояннымъ покупателемъ. Другихъ объясненій распространенности газетъ, сравнительно съ журналами, не зачѣмъ и искать—и ни одно изъ нихъ не даетъ права на чтеніе отходной „толстымъ“ журналамъ. Удержатъ за собою мѣсто въ литературѣ они могутъ и при тѣхъ условіяхъ, которыя имѣются на-лицо въ данную минуту. Ариметическими данными здѣсь нельзя доказать ровно ничего. Пускай газеты расходятся въ десяткахъ, въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ — тѣ все-таки не „убьютъ“ журнала, не убьютъ его у насъ, какъ не убили во Франціи, въ Англіи, въ Германіи ¹⁾. О „зависимости“ журнала отъ газеты не можетъ быть и рѣчи уже потому, что задачи обоихъ совершенно различны. Говорить, что „ежемесячный журналъ въ настоящее время рабски идетъ по слѣдамъ газеты“—значить забывать болѣшую половину содержанія журналовъ. Соприкасаются съ газетой только тѣ отдѣлы журналовъ, которые посвящены вопросамъ дня—обозрѣнія, хроники и т. п. И здѣсь, конечно, возможно совершенно другое отношеніе къ обсуждаемымъ предметамъ — но есть на-лицо хоть какой-нибудь поводъ говорить о „хожденіи по слѣдамъ“, благо журнальный отзывъ, по необходимости, является на свѣтъ позже газетнаго. Въ другихъ отдѣлахъ журнала сплошь и рядомъ нѣтъ уже ровно ничего общаго съ газетой; они подходятъ гораздо ближе къ книгѣ, къ брошюрѣ, и не могутъ повторять того, о чемъ вовсе не было рѣчи въ газетѣ. Не странно ли, въ виду всего этого, періодическое возвращеніе газетъ къ тѣмъ о близкой, неминуемой, почти наступившей смерти „толстыхъ“ журналовъ? Не странно ли желаніе выставить себя единственнымъ обладателемъ арены, гдѣ достаточно мѣста для всѣхъ родовъ оружія—арены, страдающей скорѣе отъ недостатка, чѣмъ отъ избытка борцовъ? Безусловное превосходство не принадлежитъ и не можетъ принадлежать одному виду періодической прессы, сравнительно съ другими; дѣло не въ характерѣ задачи, а въ способѣ ея исполненія.

¹⁾ Принимъ западно-европейскихъ государствъ имѣть еще другое значеніе: онъ свидѣтельствуетъ о томъ, что „толстые“ журналы могутъ существовать на всякой ступени общественнаго развитія, а не только въ эпоху несовершенности общества, какъ это пробовали утверждать слишкомъ усердные поклонники газеты (см. Общественную Хронику въ № 12 „Вѣсти Европы“ за 1884 г.).

Стоять ли „толстые“ журналы на высотѣ своего призванія — это вопросъ, въ разсмотрѣніе котораго мы не входимъ; мы хотѣли доказать только одно — что они могутъ стоять на этой высотѣ, до какихъ бы предѣловъ ни дошло развитіе и распространеніе ежедневной печати.

Если вѣрить одной петербургской газетѣ, въ св. синодѣ возбужденъ вопросъ о томъ, чтобы земства обязательно были привлечены къ участию въ расходахъ на содержаніе церковно-приходскихъ школъ. Болѣе несправедливой мѣры мы не могли бы себѣ и представить. Не будемъ говорить о томъ, какъ и чѣмъ заявила себя церковно-приходская школа, доказала ли она свое превосходство надъ другими типами благоустроенной народной школы или хотя бы равенство свое съ ними; допустимъ, на минуту, что настоящее положеніе церковно-приходской школы не оставляетъ желать, въ качественномъ отношеніи, ничего лучшаго, и посмотримъ, имѣетъ ли она, вслѣдствіе этого, право на вынужденную поддержку земства. Развитіе земской школы шло впередъ такъ быстро и такъ успѣшно именно потому, что земство было связано съ нею тѣсною внутреннею связью. Не распоряжаясь ею всецѣло и часто сѣтуя на недостаточность своихъ полномочій, земство сохраняло за собою, во всякомъ случаѣ, и выборъ мѣста для открытія школы, и голосъ въ назначеніи учителя, и вліяніе на вѣдѣнію обстановку школы, и участіе — черезъ посредство земскихъ членовъ училищнаго совѣта — въ управленіи школьнымъ дѣломъ; оно сохраняло за собою свободу въ опредѣленіи суммъ на народное образованіе, сообразно съ другими расходами и съ средствами земства. Представители земства посѣщали школы, знакомились съ мѣстными условіями, съ успѣхами преподаванія: отъ нихъ зависѣло настоять въ собраніи на переводѣ школы изъ одной мѣстности въ другую, на улучшеніи школьнаго помѣщенія или учебныхъ пособій, на ассигнованіи суммъ для большаго развитія той или другой стороны преподаванія ¹⁾. Въ совершенно иномъ видѣ представлялось бы участіе земства въ содержаніи церковно-приходскихъ школъ; все дѣло ограничивалось бы здѣсь выдачей денегъ расходованіе которыхъ находилось бы внѣ всякаго наблюденія земства. Церковно-приходскія школы выдѣлены изъ общей школьной системы; онѣ не подчинены ни инспекціи, ни училищнымъ совѣтамъ, онѣ стоятъ особнякомъ, въ вѣденіи корпораціи, не привыкшей дѣ-

¹⁾ До какой степени земская школа усовершенствуема, какъ много можетъ сдѣлать земство путемъ усердной заботливости о ней, объ этомъ даетъ понятіе, между прочимъ, корреспонденція изъ Приволжья, напечатанная въ № 288 „Московскихъ Вѣдомостей“.

литься съ кѣмъ бы то ни было своимъ вліяніемъ и властью. Гдѣ бы ни открывались церковно-приходскія школы, въ какой бы мѣрѣ онѣ ни удовлетворяли нуждамъ населенія, какъ бы ни велось въ нихъ обученіе, обязательный сборъ, однажды установленный, будетъ платиться безмолвно и безпрекословно—и земство, въ большинствѣ случаевъ, не будетъ даже знать, какіе результаты достигаются на его деньги. Этого мало: земскіе сборы уже теперь приблизились, во многихъ мѣстахъ, къ своему возможному максимуму; добавочнаго крупнаго расхода земскій бюджетъ не выдержитъ, и, чтобы покрыть обязательную субсидію, придется сократить, обрѣзать другія бюджетныя статьи. Весьма естественно, что сокращеніе упадетъ именно на бюджетъ земскихъ школъ; онъ будетъ уменьшенъ, въ большинствѣ случаевъ, ровно настолько, сколько потребуютъ отъ земства въ пользу церковно-приходскихъ школъ. Народное образованіе не выиграетъ, такимъ образомъ, ни копѣйки, а потеряетъ, по меньшей мѣрѣ, все то, что было бы сдѣлано для него земствомъ въ послѣдствіи времени, еслибы все оставалось по прежнему, еслибы не было рѣчи о вынужденной поддержкѣ церковно-приходскихъ школъ. Стоить только опредѣлить размѣръ этой поддержки, для каждаго уѣзда, въ цифрѣ, близкой къ существующему школьному бюджету, и земская школа исчезнетъ почти безслѣдно. Исчезнетъ вмѣстѣ съ нею и вся громадная польза, которую могло бы принести свободное соревнованіе земскихъ и церковно-приходскихъ школъ, взаимное пополненіе пробѣловъ, взаимное заимствованіе всего хорошаго, всего выдержавшаго практическій искусъ... Успокоиваетъ насъ только крайняя невѣроятность приведеннаго нами слуха. При первоначальномъ учрежденіи церковно-приходскихъ школъ несомнѣнно имѣлось въ виду поставить ихъ рядомъ съ другими, а не на мѣсто другихъ; это доказывается уже тѣмъ, что открывать церковно-приходскія школы предписано было преимущественно тамъ, гдѣ вовсе нѣтъ школъ. Надежда возлагалась, очевидно, на усердіе духовенства и на добрую волю населенія; предполагалось дѣйствовать путемъ увѣщанія, а не принужденія, въ крайнемъ только случаѣ дополняя мѣстныя и церковныя средства правительственною помощію. Съ тѣхъ поръ не прошло еще и двухъ съ половиною лѣтъ; въ такое короткое время нельзя же было убѣдиться въ недостаточности первоначально избранныхъ путей и способовъ дѣйствія, въ необходимости кореннымъ образомъ измѣнить систему распространенія церковно-приходскихъ школъ. Мы вѣримъ, что такой перемѣны не произойдетъ, что рѣшено будетъ, по крайней мѣрѣ, продлить только-что начавшійся періодъ испытанія; мы вѣримъ, что громадный, безпри-
мѣрный въ нашей исторіи трудъ, исполненный, въ двадцать лѣтъ,

земскою дѣятельностью на попринѣ народной школы, не будетъ подорванъ въ самыхъ своихъ основахъ. Для развитія церковно-приходской школы нѣтъ надобности касаться земской школы. Не говоря уже о совмѣстной ихъ работѣ, есть цѣлыя области Россіи, въ которыхъ нѣтъ земства, нѣтъ, слѣдовательно, и земской школы, а потребность въ начальномъ обученіи больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было¹⁾. Утверждая и широко распространяясь въ западномъ и юго-западномъ краѣ, церковно-приходская школа могла бы выказать вполне всѣ свои свойства, всѣ свои силы... Если мы ошибаемся, если вопросъ объ обязательномъ участіи земства въ содержаніи церковно-приходскихъ школъ дѣйствительно поставленъ на очередь въ духовномъ вѣдомствѣ, то остается желать одного: чтобы онъ былъ разрѣшенъ въ общемъ законодательномъ порядкѣ, а не тѣмъ специальнымъ путемъ, какимъ прошли правила 13-го іюня 1884 г. Возложеніе на земство новаго обязательнаго расхода составляетъ, безспорно, предметъ чисто свѣтскаго свойства, подлежащій предварительному обсужденію государственнаго совѣта.

Къ числу самыхъ печальныхъ зрѣлищъ настоящей минуты принадлежитъ походъ, предпринятый реакціонною печатью противъ министра финансовъ по поводу вопроса о нормировкѣ сахарнаго производства. По существу вопроса мы совершенно раздѣляемъ мнѣніе „Московскихъ Вѣдомостей“, возражающихъ, на этотъ разъ, противъ всякаго обогащенія однихъ на счетъ другихъ, противъ всякаго обремененія массы въ пользу немногихъ; но мы не можемъ не вспомнить всѣхъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ московская газета держалась противоположнаго взгляда—и именно въ немъ черпала матеріалъ для обвиненій противъ министерства финансовъ. Кто стоялъ во главѣ кампаніи, предпринятой съ цѣлью возложенія на казну ответственности передъ вкладчиками сѣновинскаго банка, т. е. съ цѣлью возмѣщенія народною массой потерь, понесенныхъ нѣсколькими сотнями частныхъ лицъ? „Московскія Вѣдомости“! Кто печаловался объ участи хлѣбныхъ торговцевъ, несущихъ убытки, вслѣдствіе паденія цѣнъ на хлѣбъ, и предлагалъ удешевленіе казенныхъ осудъ подъ залогъ хлѣба, равносильное искусственному повышенію цѣнъ на хлѣбъ и перенлатъ за него народомъ нѣсколькихъ милліоновъ или десятковъ милліоновъ? „Московскія Вѣдомости“! Кто стоялъ за переводъ

¹⁾ А между тѣмъ мы узнаемъ изъ реакціонной печати, что гродненскій губернаторъ говорилъ въ всеподданнѣйшемъ своемъ отчетѣ о поголовномъ почти нерадіи православнаго духовенства къ исправленію законоучительскихъ обязанностей, и что изъ 240 приведенныхъ имъ случаевъ нерадія изслѣдованіемъ подтвердилось цѣлыхъ шестьдесятъ.

заложенныхъ дворянскихъ имѣній изъ общества взаимнаго поземельнаго кредита въ дворянскій земельный банкъ, хотя бы и съ пожертвованіями со стороны казны, т. е. народа, хотя бы и съ покрѣпленіемъ этихъ пожертвованій выпускомъ новаго выигрышнаго займа? „Московскія Вѣдомости“! Кто поддерживалъ оппозицію противъ налога на процентныя бумаги, т. е. противъ привлеченія достаточныхъ классовъ къ участию въ бремени, которое иначе осталось бы всецѣло на плечахъ народной массы? „Московскія Вѣдомости“! Можно ли, въ виду всего этого, сомнѣваться въ томъ, какой характеръ, какую цѣль имѣютъ новѣйшія ихъ статьи по сахарному дѣлу? Не ясно ли, что это только продолженіе войны, давно начатой и ожесточающейся все больше и больше, по мѣрѣ того, какъ заставляетъ себя ждать побѣда? Не ясно ли, что уступки сахарозаводчикамъ—только удобный предлогъ для достиженія цѣли? Въ распоряженіи агитаціи состоятъ средства двоякаго рода; одни—болѣе грубыя, въ родѣ намековъ на политическую неблагонадежность, на „распатыванье“ власти, на образованіе какой-то партіи; другія—болѣе тонкія, въ родѣ критики мнимыхъ или дѣйствительныхъ ошибокъ. Первые пускаются въ ходъ преимущественно въ Петербургѣ (мы говоримъ, конечно, только о газетныхъ сферахъ), вторыя—въ Москвѣ; но иногда происходитъ и обменъ оружіемъ. Неизмѣннымъ остается только намѣреніе агитаторовъ и усердіе, достойное лучшаго дѣла.

Не довольствуясь подкопами подъ администраторовъ, еще не сошедшихъ со сцены, реакціонная печать возвращается отъ времени до времени къ дѣятелямъ другой, ненавистой ей эпохи—возвращается къ нимъ даже тогда, когда вспоминаются ихъ безспорныя заслуги, когда самая торжественность минуты должна была бы, по видимому, наложить молчаніе на мелкую злобу. Празднество 12-го октября, еще разъ выдвинувшее на первый планъ имена героевъ послѣдней войны, послужило поводомъ къ набѣгу, направленному противъ одного изъ самыхъ славныхъ именъ прошедшаго царствованія. Мы не станемъ защищать графа Д. А. Милютина противъ выходовъ изданія, нападками котораго можно только гордиться; мы упоминаемъ объ этомъ печальномъ эпизодѣ исключительно для того, чтобы показать, какъ упорна вражда, смѣшанная съ страхомъ—съ страхомъ передъ возможностью возобновленнаго движенія. Чествуя память побѣдъ 1877 года, можно ли было не помянуть добрымъ словомъ организатора побѣдоносной арміи? Это слово было сказано официальной газетой („Русскимъ Инвалидомъ“), сказано безъ всякихъ преувеличеній, безъ всякаго затрогиванья злобы дня, и все-таки оно оказалось достаточнымъ, чтобы вызвать наружу старыя дурныя страсти. Удивительно еще, что никому изъ газетныхъ реакціонеровъ

не пришло въ голову отрицать участіе графа Лорисъ-Меликова во взятіи Карса! Вѣдь и его имя было произнесено съ похвалою на страницахъ „Русскаго Инвалида“, а развѣ не преступленіе хвалить кого-либо, прикосновеннаго къ „новымъ вѣяніямъ“?.. Вина графа Милютина принадлежитъ, впрочемъ, къ числу самыхъ тяжкихъ; онъ доказалъ, что для русскаго солдата не нуженъ палочный режимъ, что доблесть русскаго войска не зависитъ отъ господства такъ-называемыхъ „николаевскихъ“ традицій. Этого не можетъ простить ему ретроградная печать, желающая вернуть Россію къ первой половинѣ пятидесятихъ годовъ.

Кстати о „николаевскихъ“ традиціяхъ. Защитники ихъ любятъ говорить о той вышинѣ, на которую онѣ вознесли Россію въ ряду западно-европейскихъ державъ, о томъ обаяніи, которымъ пользовалась, благодаря имъ, русская иностранная политика. Повтореніе этихъ фразъ сдѣлалось не совсѣмъ удобнымъ, послѣ того, какъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“—замѣтите, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“!—появилась первая часть обширнаго труда С. С. Татищева о „внѣшнихъ сношеніяхъ Россіи въ эпоху крымской войны“. Авторъ этого труда преклоняется передъ личностью императора Николая, тщательно выгораживаетъ его отъ упрековъ, обращаемыхъ къ русскому министру иностранныхъ дѣлъ и къ русской дипломатіи, но произноситъ самый строгій судъ надъ направленіемъ и результатами внѣшней политики, установившейся въ тридцатыхъ годахъ и не измѣнявшейся уже до самой восточной войны. „Скорбный, но поучительный генезисъ пресловутаго европейскаго концерта, до-нынѣ тяготѣющаго надъ историческими судьбами Россіи на Востокѣ“, г. Татищевъ видитъ уже въ мюнхенгредской конвенціи 1833 г., еще болѣе—въ переговорахъ, вызванныхъ второю египетско-турецкою войною (Р. В., № 6, стр. 561). Образъ дѣйствій нашего правительства въ 1839 г., когда оно не воспользовалось случаемъ привести въ исполненіе ункяр-искелесскій договоръ, авторъ называетъ „отреченіемъ Россіи отъ самостоятельной политики на Востокѣ“ (Р. В., № 7, стр. 179). О лондонской конвенціи 1/12 іюля 1841 года г. Татищевъ выражается такъ (Р. В., № 7, стр. 254—261): „принципъ, въ силу коего пять великихъ державъ имѣли обсуждать и рѣшать важнѣйшіе политическіе вопросы не иначе какъ сообща—тотъ самый принципъ, который оказался несостоятельнымъ на Западѣ и пришелъ тамъ въ полное забвеніе,—былъ торжественно и исключительно распространенъ на Востокѣ. Мы знаемъ, какъ усердно добивалась этого результата западная дипломатія въ теченіе трехъ четвертей столѣтія, какъ долго и упорно отвергала его русскій дворъ. И вдругъ, въ началѣ сороковыхъ годовъ, мы не только ему не воспротивились, но даже сами

взяли на себя починъ въ приведшихъ къ нему переговорахъ... Мы принесли въ жертву всё лучшія преданія нашей исторіи, принципъ невмѣшательства иностранныхъ державъ въ наши отношенія съ Портой и ункіарь-искелесскій договоръ, служившій блестящимъ выраженіемъ этого принципа. Умалая, такимъ образомъ, наше собственное значеніе въ Турціи, мы ревностно содѣйствовали поднятію обаянія Англіи въ глазахъ и христіанскаго, и мусульманскаго Востока... Вступивъ на ложный путь, мы должны были идти дальше, не взирая на то, что каждый шагъ ухудшалъ наше положеніе въ отношеніи къ Европѣ и къ Востоку... Созданъ былъ прецедентъ, который оправдывалъ вмѣшательство великихъ державъ во всё грядущія несогласія наши съ Портой. Обѣ лондонскія конвенціи (1840 и 1841 г.) — прямыя родоначальницы договоровъ парижскаго и берлинскаго... Въ лѣтописи вѣнскихъ сношеній Россіи эти конвенціи, обильныя столь гибельными для насъ послѣдствіями, составляютъ печальную страницу". Къ такимъ же выводамъ г. Татищевъ приходитъ и въ другой части своего труда (Р. В., № 9, стр. 83 и слѣд.), когда онъ обозрѣваетъ въ послѣдній разъ исторію событій, подготовившихъ войну 1853—56 г. Сдѣланныхъ нами выписокъ достаточно, чтобы показать, во что обращаются тенденціозныя фантазмагоріи, какъ только къ нимъ присмотрится поближе хотя бы и предубѣжденный, отчасти, взглядъ, какъ только ихъ коснется хотя сколько-нибудь безпристрастная рука. А если вѣнскія политическія тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ не заслуживаетъ ни удивленія, ни восторга, то что же остается, какъ образецъ для подражанія, отъ упомянутыхъ нами „традицій"? Не внутренній же застой, результаты котораго обнаружились съ такою убійственною ясностью въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ! Если конвенціи 1840 и 1841 г. — „родоначальницы" берлинскаго трактата, то внутренняя политика, имъ современная, съ такимъ же точно правомъ можетъ быть названа „родоначальницей" многихъ печальныхъ явленій, омрачившихъ послѣ-реформенную исторію Россіи.

Заключимъ нашу хронику нѣсколькими словами, посвященными памяти скончавшагося на дняхъ А. И. Языкова. Поэтическій талантъ, съ произведеніями котораго знакомы читатели нашего журнала, выражался не столько въ стихахъ покойнаго, сколько въ его адвокатскихъ рѣчахъ, полныхъ огня, искренности и задушевности. Поступивъ въ присяжные повѣренные въ медовые годы судебной реформы, А. И. Языковъ скоро сдѣлался однимъ изъ самыхъ выдающихся петербургскихъ адвокатовъ; всѣмъ слѣдившимъ за первыми

шагами новыхъ судовъ памятно, безъ сомнѣнія, его рѣчи по дѣлу объ убійствѣ въ Гусевомъ переулкѣ, по дѣлу объ убійствѣ фонъ-Зона и многія другія. Сила Языкова заключалась именно въ увлеченіи, которому онъ отдавался всецѣло, и которое часто сообщалъ своимъ слушателямъ. Свободный отъ напускного пафоса, отъ сантиментальности, отъ приторной чувствительности, онъ дѣйствительно чувствовалъ то, что говорилъ, горячо принималъ къ сердцу судьбу своего кліента—и это горячее отношеніе къ дѣлу было, безъ сомнѣнія, одною изъ причинъ его преждевременной кончины. Уже лѣтъ десять тому назадъ, онъ долженъ былъ, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, оставить адвокатуру, прожилъ нѣсколько времени въ деревнѣ, много работалъ въ мѣстномъ (тульскомъ) земствѣ. Возвратился онъ къ прежнимъ занятіямъ такимъ же живымъ, какъ всегда — но физическія его силы скоро оказались совершенно надломленными. Въѣстъ съ товарищами по сословію, уважавшими его дѣятельность и нѣсколько разъ выбиравшими его членомъ совѣта, въѣстъ съ друзьями, любившими его нѣжную, честную натуру, его помянуть добрымъ словомъ всѣ тѣ, кому дороги новые судебныя порядки и памятно первые работники и слуги этого дѣла.

ИЗВѢЩЕНІЯ.

Отъ Редакціи. — Въ октябрѣ мѣсяцѣ получено въ редакціи на поддержаніе сельской школы Кавелина въ селѣ Ивановѣ, тульской губерніи, бѣлевскаго уѣзда:

1) Отъ П. А. Корсакова	25 р. — к.
2) По 1-ое октября поступило	3,829 „ 64 „

Всего по 1-ое ноября . 3,854 р. 64 к.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Сочинения Н. И. Пирогова. Т. I. Съ портретомъ автора и двумя видами. Спб. 1887. Стр. 525. Ц. 3 руб.

Предлагаемое собраніе сочиненій покойнаго Пирогова ограничивается тѣми изъ нихъ, которыя представляютъ, по преимуществу, общественное значеніе и всеобщій интересъ. Вышедшій изъ первый томъ содержитъ въ себѣ весь „Дневникъ стараго врача“,—весьма любопытная автобіографія покойнаго, съ его наблюденіями, замѣтками и воспоминаніями. Этотъ „Дневникъ“ былъ отпечатанъ въ „Русской Старинѣ“ съ пропусками мѣсяца марта 1881 года; въ настоящемъ изданіи этотъ пропускъ отчасти восполненъ, и можно сказать,—это мѣсто воспоминаній Пирогова принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ и важныхъ въ общественномъ отношеніи. Въ составъ второго тома, уже находящагося въ печати, войдутъ различныя статьи, замѣтки и изслѣдованія покойнаго по преимуществу въ области педагогикъ; тамъ же будутъ помѣщены циркуляры Н. И. Пирогова изъ времени его управленія кievскими учебными округомъ.

Свѣтлыиный обычай и древній законъ, Максима Ковалевскаго. Два тома. Москва, 1886. Цѣна 4 руб.

Остатки старины, сохранившіеся посреди утѣхъ и нравовъ новаго времени, приобриая особую цѣнность съ тѣхъ поръ, какъ они стали матеріаломъ для ретроспективныхъ историческихъ выводовъ, для осмысленія эпохъ, долго сребривавшихъ въ великіишемъ мракѣ. Сравнительно-историческій методъ сплошь и рядомъ лѣзетъ, на этой почвѣ, неожиданно важные выводы,—а профессоръ Ковалевскій принадлежитъ къ числу тѣхъ, кто всего лучше владѣетъ у насъ этимъ методомъ. Предметомъ его новѣйшаго, много интереснаго труда служатъ обычное право осетинъ; съ содержаніемъ его мы надѣемся познакомить читателей въ одномъ изъ ближайшихъ литературныхъ обзоровъ.

Какъ жить надо жить, чтобы здоровыми быть. Гигіена, общепонятно изложенная. Составилъ врачъ С. М. Вишняевскій. Казань, 1886. Цѣна 80 коп.

Книга г. Вишняевскаго совершенно соотвѣтствуетъ цѣли, съ которою она написана; она отличается яснотой изложеніемъ, достаточною яснотой и большою дешевизной. Практическіе и удобнсполнимые совѣты найдеть въ ней даже тѣ, кто располагаетъ самыми небольшими средствами. Въ особенности полезной она можетъ быть для людей, стоящихъ близко къ деревнѣ и имѣющихъ малѣе на крестьянъ—для сельскихъ священниковъ, учителей и т. п.

Кислый Разыгаевъ. Романъ въ стихахъ Л. Гуляка. Спб. 1886. 8°. 179 стр. Ц. 1 рубль.

„Вѣкъ эпическихъ поэмъ“ несомнѣнно прожилъ, и даже романъ въ стихахъ становится большою рѣдкостью, и какъ рѣдкость, романъ Л. Гуляка заслуживаетъ вниманія. Авторъ, кажется, впрочемъ, самъ чувствовалъ, что выбранная имъ форма отжила свое время, и относится къ ней съ нѣкоторой скупостью. Героевъ выбранъ современный человѣкъ—испорченный и безхарактерный; исторія его дѣланій, въ которыхъ

важнѣйшее мѣсто занимають дѣланія любовныя, даетъ автору поводъ рисовать картинки современныхъ нравовъ и—по старому обычаю—отвлекаться отъ нихъ въ поэтическія разсужденія. Все это педено мѣстами остроумно, такъ что романъ прочтется охотно не особенно строгими любителями стиховъ. Философія автора—то, опята по старинному, эпикурейская—приглашеніе пользоваться жизнью; то—обличительная, и обличенія высказаны иногда весьма характерно; но авторъ не заблуждается относительно ихъ дѣйствія. Онъ говоритъ:

Я сознаюсь, съ стыду большому,
Что иѣсни шаткіи мои
Не ужаснуть, подобно грому,
Слухъ „торжествующей свиньи“.

Жаль одно, что въ довольно веселой поэзіи автора, свидѣтельствующей о присутствіи дарованія, недостаточно развито чувство формы. Эта форма не одинъ разъ—безъ надобности—грубовата, а стихи періодъ испорченъ неправильными удареніями. Напр., „первенецъ“ (стр. 4), „прѣшнѣ“ (стр. 6), „рѣдство“ (стр. 46) „современный“ (стр. 70), „выдумать“ (стр. 80) и тому подобное. Всего этого авторъ, конечно, могъ бы избѣжать при нѣсколько большемъ вниманіи къ своей работѣ.

Русскіи писатели послѣ Гоголя. Чтеніе, рѣчи и статьи Ореста Миллера. Изданіе 3-е, измѣненное и дополненное. Ч. I и II. Спб. 1886. Стр. 392 и 443. Ц. 1 р. 50 к.

Настоящее изданіе появилось въ первый разъ въ 1878 г. подъ заглавіемъ: „Публичныя лекціи“, и теперь воспроизводится съ значительными дополненіями и измѣненіями. Въмѣсто прежнихъ двухъ лекцій, посвященныхъ Достоевскому, теперь помѣщено пять лекцій; такое же пополненіе встрѣчается и въ отдѣлѣ о Тургеневѣ. Первая часть заключается замѣткою о взаимныхъ отношеніяхъ Достоевскаго и Тургенева, или, вѣрнѣе сказать, усиленіемъ оправдать Достоевскаго, который, будучи сдѣланъ мелочию завистью къ Тургеневу, утрачивалъ иногда чувство простой порядочности и способности различать средства для удовлетворенія своей жалкой ненависти къ Тургеневу. Во второй части, вышедшей надѣлѣхъ, помѣщены изслѣдованія—также значительно передѣланныя и дополнены—литературной дѣятельности Писемскаго, Салтыкова и гр. Л. Н. Толстого; статья о Гончаровѣ воспроизведена изъ прежнихъ изданій, безъ особыхъ измѣненій и также съ исключеніемъ „Фрегата Паллада“ изъ общаго обзора его произведеній.

Вскочный Календарь на 1887 годъ. Изданіе Гоппе. Спб. Ц. 1 р., въ переп. 1 р. 50 к.

Наши календари, одинаковой цѣны съ „Всеобщимъ“, представляютъ вообще значительное богатство справочнаго матеріала и въ этомъ отношеніи мало отличаются одинъ отъ другого; всякое новое изданіе, съ необходимыми перемѣнами, повторяетъ предыдущее. Впрочемъ, въ „Всеобщемъ Календарѣ“ на 1887 г. мы замѣтили одно весьма полезное усовершенствованіе—расширеніе медицинскаго отдѣла, составленнаго подъ руководствомъ врача.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

на 1887 г.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

Годъ: Полгода: Четверть:				Годъ: Полгода: Четверть:			
Безъ доставки . . .	15 р. 60 к.	8 р.	4 р.	Съ пересылкою . . .	17 „ — „	10 „	6 „
Съ доставкою . . .	16 „ — „	9 „	5 „	За границей . . .	19 „ — „	11 „	7 „

Нумеръ журнала отдѣльно, съ доставкою и пересылкою, въ Россіи — 2 р. 30 к., за границей — 3 руб.

Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычномъ уступкою.

ПОДПИСКА принимается — въ Петербургѣ: 1) въ Главной Конторѣ журнала „Вѣстникъ Европы“ въ С.-Петербургѣ, на Вас. Остр., 2-я лин., 7, и 2) въ ея Отдѣленіи, при книжномъ магазинѣ Э. Мелле, на Невскомъ проспектѣ, — въ Москвѣ: 1) при книжныхъ магазинахъ Н. И. Мамонтова, на Кулищевомъ Мосту; 2) Н. П. Карбасникова, на Моховой, д. Коха, и 3) въ Конторѣ Н. Петковской, Петровскія линіи. — Иногородные обращаются по почтѣ въ Редакцію журнала: Спб., Галерная, 20, а лично — въ Главную Контору. Тамъ же принимаются частныя извѣщенія и ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ журналѣ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку городскихъ подписчикамъ Главной Конторы и ея Отдѣленій, и тѣмъ изъ иногороднихъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму по почтѣ въ Редакцію „Вѣстника Европы“, въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, къ которому допущена выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса просить извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожительства; при перемѣнѣ адреса изъ городскихъ въ иногородние доплачивается 1 р. 30 к. изъ иногороднихъ въ городскіе — 40 коп.; и изъ городскихъ или иногороднихъ въ иностранные — недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы выслаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана по указаннымъ мѣстамъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не можетъ быть возмѣщена слѣдующаго нумера журнала.

Билеты на полученіе журнала выслаются особо тѣмъ изъ иногороднихъ, которые приложить къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академ. пер., 7.

Digitized by Google

ВЪСТАНКЪ ЕВРОПЫ
ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.
ЛІТЕРАТУРА.

YORK COLLEGE
DEC 27 1886
LIBRARY.

ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 12-я.

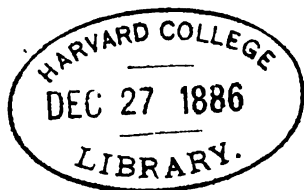
ДЕКАБРЬ, 1886.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 12-я. — ДЕКАБРЬ, 1886.

Стр.

I.—ИСТОРИЯ.—Очеркъ.—Е. Г.	457
II.—А. С. ДАРГОМЫЖСКИЙ, по его автобиографіи, письмамъ и произведеніямъ.— III—IV.—Окончаніе.—П. А. Трифопова	499
III.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—1. Фонтавъ.—2. Разбеку.—Н. Милаского	532
IV.—НОВЫЙНАЯ ПОЛЬСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ и переворотъ въ ней (1861— 1886).—I—VII.—Н. Н. Карьова	555
V.—МЕЛОЧИ ЖИЗНИ.—VI.—На лонѣ пригоды и сельско-хозяйственныхъ ухищрѣній: 1. Хозяйственный мужичокъ. 2. Сельскій священникъ. 3. Помѣ- щикъ. 4. Мироты.—Н. Щедрина	589
VI.—ОБМАНЫ СОЗНАНІЯ.—Очеркъ.—Н. Р. Тарханова	628
VII.—ИЗЪ ТЕННИСОНА.—Стихъ.—В. С. Лизачева	666
VIII.—ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ОБЪ А. Н. ОСТРОВСКОМЪ.—Матеріалы для его биографіи.—Ф. А. Бурдана	667
IX.—ВЪ СТОРОНѢ ОТЪ ЖИЗНИ.—Разсказъ.—В. Ларина	679
X.—ЛОНДОНСКІЕ ПРОЛЕТАРІИ.—Романъ Вальтера Безанта.—XV—XXVIII.— Окончаніе.—А. Э.	729
XI.—НОВЫЯ РОЗЫСКАНІЯ ВЪ НАРОДНО-ПОЭТИЧЕСКОЙ СТАРИНѢ.—А. Н. Пышина	790
XII.—ХРОНИКА.—ВОПРОСЪ О СЛІЯНІИ ВЛАСТЕЙ на высшей ступени государ- ственного управленія.—К. К. Арсеньева	825
XIII.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Отчеты фабричныхъ инспекторовъ за первый годъ ихъ дѣятельности.—Отношеніе фабрикантовъ къ правительству о малолѣт- ныхъ рабочихъ.—Уменьшеніе числа малолѣтнихъ на фабрикахъ, ихъ зарабо- токъ и школьное ихъ обученіе.—Тенденціозныя нападенія на нисеніи.— Проектируемая паспортная реформа	840
XIV.—ЗАМѢТКА.—О повитѣхъ въ улучшенію нашего денежнаго обращенія послѣ восточной войны.—И. Н. Колесова	881
XV.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Тройная рѣчь германскаго императора.— Отвѣтъ гр. Робиланта на запросъ о вѣршней политикѣ Италіи.—Законопроектъ объ увеличеніи вѣрнаго состава германской арміи.—Объясненіе Фрейсмаха пазатъ о вѣршней политикѣ Франціи.—По поводу преній о бюджетѣ въ палатѣ депутатовъ, и открытіи Дювала.—Болгарскія дѣла и отъѣздъ барона Клауд- барса въ Петербургъ	890
XVI.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—А. Клоповъ, Матеріалы для изученія хлѣбной торговли.—М. Ковалевскій, Современный обычай и древній законъ.—Geschichte der russischen Litteratur von ihren Anfängen bis auf die neueste Zeit, von Alexander v. Reinholdt.—А. В.—Стихотворенія, К. Р.	906
XVII.—НЕКРОЛОГЪ.—А. В. Головинъ.—М. С.	925
XVIII.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Толки о послѣднихъ процессахъ печати.— Судебная „пендета“ и добровольцы произвола.—Продолженіе похода противъ немецкой школы.—Петербургская дума и электрическое освѣщеніе.—Юго-Вос- точная Сибирь на Хабаровскомъ слѣдѣ.—Проф. С. А. Усовъ, ꙗ.	930
XIX.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—Отъ Редакціи.—Пожертвованія на поддержаніе сельской школы К. Д. Кавелина и на надгробный ему памятникъ.	943
XX.—МАТЕРІАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ.—„Вѣстникъ Европы“ за 1886 г.	945
XXI.—АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ авторовъ и статей, помѣщенныхъ въ „Вѣстникъ Европы“ за 1886 г.	948
XXII.—БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Сборникъ Р. Ист. Общества, т. LV.— Пестрля письма; Помпадуръ и Помпадурши, М. Салтисова.—Жизнь и труды ап. Павла, В. Фаррара.—Этюды и очерки, В. Лесевича.—Сѣверо-восточная народоправства, Н. Костомарова.—Всеобщая исторія литературы, В. Карши- нина. XX.—Русскій Календарь, А. Суворина.—Календарь для врачей, Н. Андрее- ва и Н. Вероникина.	

ИСТОРІЯ

ОЧЕРКЪ.

Въ хроникѣ „Мѣстной Газеты“, въ номерѣ 12-го, октября, появилась слѣдующая замѣтка:

„Cholera nostras. Вчера утромъ въ аптеку Фальцфиша пришла за какимъ-то лекарствомъ молодая дѣвушка, которая внезапно почувствовала себя дурно и лишилась чувствъ. Приглашенный немедленно врачъ, г-жа М., констатировала, какъ мы слышали, заболѣваніе — cholera nostras. Больная находится на попеченіи врача“.

Для черезъ два въ „Мѣстную Газету“, по поводу вышеприведенной замѣтки, было прислано слѣдующее „письмо въ редакцію“:

„Считаю нужнымъ заявить, что 11-го октября, утромъ, въ аптеку Фальцфиша, дѣйствительно, внезапно заболѣла молодая дѣвушка, которая и находится у меня на излеченіи. Что же касается ея болѣзни, то, по тщательномъ изслѣдованіи больной, какъ мною, такъ и другими врачами, у нея не замѣчено никакихъ признаковъ заболѣванія cholera nostras. Примите, и проч., — врачъ Мельницкая“.

Таковы печатные документы, касающіеся настоящей „исторіи“. Какъ и слѣдовало ожидать, только болѣе наивные читатели „Мѣстной Газеты“ удовлетворились опубликованными свѣдѣніями. Читатели болѣе проницательные искали частныхъ источниковъ для разъясненія этого „загадочнаго“ происшествія. Въ городѣ Новодворянскѣ, какъ и во всякомъ провинціальномъ городѣ, изъ частныхъ источниковъ черпаютъ обыкновенно гораздо больше свѣдѣній, чѣмъ изъ газеты. Когда появилось письмо

Мельницкой, „загадочное происшествіе“ уже имѣло свою исторію. Тѣмъ, кто ничего не зналъ, тѣ, которые всегда все знаютъ, рассказывали слѣдующее. Дѣвушка, которой въ аптекѣ сдѣлалось дурно, отравилась мышьякомъ или фосфоромъ. Ее зовутъ Раиса Николаевна Малиновская. Она пріѣхала въ Новодворянскъ въ началѣ весны и поступила, въ качествѣ бонны, въ домъ Солнцевыхъ. Это случилось въ то время, когда Марія Гавриловна, жена Ивана Васильевича Солнцева, уѣхала за границу. Фамилія Солнцевыхъ давно извѣстна въ Новодворянскѣ. Иванъ Васильевичъ нигдѣ не служилъ, жилъ въ своемъ наслѣдственномъ имѣніи, Лѣски, находящемся въ полутораверстномъ разстояніи отъ города, и занимался хозяйствомъ. Въ отсутствіе жены, — объясняютъ далѣе свѣдущіе люди, — Раиса Малиновская влюбилась въ Ивана Васильевича. Онъ не обращалъ на нее вниманія и нѣкоимъ образомъ не могъ заинтересоваться ею. Она была дурна собой, не образованна и немолода; ей было, по крайней мѣрѣ, судя по наружности, около тридцати лѣтъ. Малиновская не разъ „дѣлала Ивану Васильевичу двусмысленные намеки“, но онъ „дѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ“. Наконецъ, почти наканунѣ пріѣзда Маріи Гавриловны, Малиновская чуть не насильно заставила Ивана Васильевича выслушать признаніе. Само собой понятно, что дальнѣйшее пребываніе Малиновской въ домѣ Солнцевыхъ стало невозможно. Боннѣ отказали отъ мѣста, выдавъ, впрочемъ, жалованье за полгода впередъ.

Таковы устные преданія современниковъ, касающіяся фактической стороны дѣла. Кромѣ того, свѣдущіе люди прибавляли комментаріи.

Никто бы не узналъ о чувствахъ Малиновской, еслибы она „не вздумала отравиться“. Однако теперь ей лучше всего умереть: во всей исторіи она далеко не изображаетъ угнетенной невинности. Мельницкая окажетъ ей плохую услугу, если спасетъ ее, и т. д.

О состояніи здоровья отравившейся опредѣленныхъ извѣстій не было. Врачъ Мельницкая — женщина „дерзкая, грубая“. Многія дамы пріѣзжали къ ней, но ничего не узнали; даже не видѣли больной, которая лежитъ въ особой комнатѣ, куда никого не пускаютъ. Узнали, что Мельницкая приглашала на консилиумъ еще двухъ врачей. Подѣзжали къ нимъ. Врачи отдѣлывались короткими отвѣтами и отбили охоту спрашивать. Гораздо долѣе осаждали Мельницкую. Она была домашнимъ врачомъ Солнцевыхъ и, слѣдовательно, „могла знать очень многое“. У нея даже увеличилась практика, но, увы, одержимая любопытствомъ не

нашли исцѣленія. „Стоить, послѣ этого, лечиться у женщины!.. Изъ всего она дѣлаетъ тайну“...

Молчаливость Мельницкой интриговала многихъ. Всѣ смутно чуяли, что имъ извѣстно далеко не все, хотя, съ какой-то злостью, увѣряли въ противномъ; всѣ сознавали, что въ „исторіи“ есть нѣчто таинственное; но тѣ именно, которыхъ больше всего интересовала эта таинственность, съ ожесточеніемъ кричали, что не случилось ничего особеннаго, что все это только любовь, любовь и alte Geschichte...

Однако смутное предчувствіе таинственнаго не прошло безслѣдно. Только этимъ предчувствіемъ и можно объяснить неожиданный поворотъ общественнаго мнѣнія. Судя по тому, что разсказывали свѣдущіе люди, Иванъ Васильевичъ занималъ въ „исторіи“ мѣсто порядочнаго человѣка. Своимъ поведеніемъ, деликатностью, съ какою онъ избѣгалъ говорить объ „этомъ дѣлѣ“, онъ расположилъ въ свою пользу большинство. Если объ „отравившейся чудачкѣ“ говорили улыбаясь, то улыбка была неумѣстна, когда произносили имя Ивана Васильевича. Онъ вѣдь игралъ пассивную роль; его пристегнули къ „исторіи“ въ качествѣ безъ вины виноватаго. Но вдругъ случилось нѣчто вполне неожиданное. Только-что надъ головой Ивана Васильевича разстилалось ясное небо и свѣтило солнце, вдругъ солнце исчезло, небо покрылось тучами. Никто не зналъ, откуда взялись тучи, но всѣ чувствовали ихъ появленіе. Закипало глухое недовольство; многіе старались подавить его, искусственно взвинчивали чувство симпатіи къ Ивану Васильевичу. Зато у натуръ болѣе экспансивныхъ недовольство переходило въ гнѣвъ, въ злобу, даже въ ненависть. „Чортъ его знаетъ, какія онъ тамъ штуки выкидываетъ въ своемъ Монрепд!“... Вдругъ стали перечислять всѣ недостатки Ивана Васильевича. Вспомнили, что онъ человѣкъ легкомысленный, что на него ни въ чемъ нельзя положиться, что онъ плохой хозяинъ, разорившій свое имѣніе, что онъ лѣнтяй и хвастунъ, что ему грозитъ банкротство, а онъ разбѣзжаетъ четверикомъ, что онъ „сжегъ за собой корабли“, поддѣлывается къ „новымъ вѣяніямъ“ и надѣется получить казенное мѣсто... Вспомнили также отвѣтъ мѣстнаго богача Ворошилова, къ которому повѣренный Солнцева обращался за займомъ. „Просите,—сказалъ Ворошиловъ,—для кого угодно, для самаго послѣдняго человѣка,—дамъ. А Солнцеву не дамъ“... Теперь этимъ словамъ придавали особое значеніе,—не въ пользу Солнцева, а прежде въ нихъ видѣли „враждебное отношеніе кулака къ образованному человѣку“. Не мало толковъ вызвали „поступокъ“ Мельницкой. Оказалось, что когда, послѣ проис-

пешествія, Солнцевы прислали за нею лошадей,—она не поѣхала. Говорили, что потомъ экипажъ Солнцевыхъ не разъ останавливался возлѣ квартиры Мельницкой. Она всегда отсылала его къ другому врачу. Наконецъ, узнали, что Мельницкая категорически отказалась быть врачомъ Солнцевыхъ. Отказомъ Мельницкой пользовались какъ чрезвычайно сильнымъ аргументомъ „противъ“ Ивана Васильевича.

Какъ странно звучить это „противъ“! Вѣдь никто ни въ чемъ не обвинялъ Солнцева.

Старый, наслѣдственный домъ Солнцева только снаружи сохранилъ еще свой внушительный видъ. Внутри—грязная мерзость запустѣнія. Были двѣ-три порядочныя комнаты, въ которыхъ принимали гостей. На всемъ хозяйствѣ Ивана Васильевича разореніе и упадокъ оставили глубокіе слѣды. Поверхностный, неопытный наблюдатель не замѣчалъ ихъ. Поверхностный наблюдатель довольствовался тѣмъ, что видѣлъ, а видѣлъ онъ казовые концы. Великолѣпный паркъ съ вѣковыми деревьями, съ таинственными аллеями, горками, фантастическими бесѣдами, даже съ „лабиринтомъ“, былъ, въ сущности, жалкимъ остаткомъ огромнаго лѣса, проданнаго на-срубъ. Тамъ, гдѣ кончался паркъ, начиналось безконечное пространство, усыпанное голыми пнями. Лѣсковскій прудъ могъ очаровать поэта и художника. Вѣчно „шуршащіе“ его камыши, „матовая“ поверхность, „мертвенная неподвижность“, богатство и разнообразіе флоры: нимфеи, купырки, водокрасы—все это такъ красиво... только не для хозяина, для котораго ясно, какъ божій день, что прудъ не чищенъ много лѣтъ, что рыба въ немъ подохла, что поить въ немъ скотъ невозможно... Даже знатоки находили, что лошади, на которыхъ ѣздитъ Иванъ Васильевичъ, „не безъ крови“. Мнѣніе же знатоковъ о полуживыхъ, запаршивѣвшихъ клячахъ, которые работали „на хуторѣ“, въ сожалѣнію, неизвѣстно.

Раиса Николаевна Малиновская пріѣхала въ Лѣски по приглашенію Солнцевыхъ. Она жила въ глухой деревушкѣ у старухи тетки, владѣвшей имѣніемъ въ пятьдесятъ десятинъ. Тетка взяла Раису изъ третьяго класса гимназіи. Дѣвочку, послѣ смерти отца, мелкаго чиновника, уволили за невзносъ платы. Тетка могла бы платить за нее, но не хотѣла. Она, какъ сказали бы теперь, по вопросу о женскомъ образованіи значительно опередила свое время.

Раиса много лѣтъ безвыѣздно прожила въ деревнѣ. Изъ род-

ныхъ у нея былъ еще какой-то дядя, гдѣ-то далеко въ Сибири, отъ котораго долго не получалось никакихъ извѣстій.

Старушка-тетка охотно отпустила Раису къ Солнцевымъ. Она была пріятельницей покойной матери Маріи Гавриловны и не разъ носила на рукахъ будущую госпожу Солнцеву. Выжаясь стариннымъ слогомъ, старушка находила, что Раисѣ необходимо „увидѣть свѣтъ и узнать людей“; кромѣ того, она размышляла про себя, что, живя въ Лѣскахъ, т.-е. почти въ самомъ Новодворянскѣ, „Раинька скорѣе составитъ себѣ партію“. Марія Гавриловна, съ своей стороны, особенно настойчиво приглашала Раису. Уѣзжая за границу, она беспокоилась, что не съѣмъ оставить дѣтей. Объ этомъ, впрочемъ, она ничего не писала теткѣ. Старушка была „женщина съ предрассудками“...

Въ Лѣскахъ Раису помѣстили въ одной изъ парадныхъ комнатъ—въ кабинетѣ Ивана Васильевича. Ее приняли какъ гостью. По отъѣздѣ Маріи Гавриловны, Раиса, покрасѣвъ до ушей, сказала Солнцеву.

— Пожалуйста, не считайте меня гостьей... Я буду заниматься дѣтьми, хозяйствомъ... я люблю это... Вы не обращайтесь на меня вниманія.

Иванъ Васильевичъ поблагодарилъ. Онъ былъ искренно благодаренъ, потому что опасался, какъ бы, въ самомъ дѣлѣ, не пришлось развлекать гостью. У него совсѣмъ не было времени для этого; во-первыхъ, начинались хозяйственные работы; во-вторыхъ, онъ слѣдилъ за литературой и, въ-третьихъ, самъ писалъ большое сочиненіе „о селско-хозяйственныхъ рабочихъ“, на которыхъ, по мнѣнію Ивана Васильевича, „у насъ почему-то совсѣмъ не обращаютъ вниманія“. Онъ, впрочемъ, не торопился оканчивать свой трудъ. При „нынѣшнихъ условіяхъ печати“,—говаривалъ Иванъ Васильевичъ,—„трудно разсчитывать на его изданіе. Я провожу въ немъ социалистскія тенденціи“.

Раиса начала свою дѣятельность тѣмъ, что освободила кабинетъ Ивана Васильевича и переселилась въ спальню Маріи Гавриловны, гдѣ завела возможный порядокъ.

Простая деревенская дѣвушка, воспитанная теткой, про которую говорили, что она въ своемъ хозяйствѣ первая работница, Раиса не умѣла сидѣть сложа руки. Немудреный, но хлопотливый трудъ хозяйки, заботы о чистотѣ и порядкѣ въ домѣ—были ея привычнымъ дѣломъ, которое вполне удовлетворяло ее. Ея неразвитой умъ, лишенный широкихъ горизонтовъ, подчинился

потребностямъ окружающей обстановки. Иванъ Васильевичъ и Марія Гавриловна казались ей людьми необыкновенно умными, стоящими недосыгаемо выше ея, слишемъ образованными для того, чтобы интересоваться такими пустяками, какъ домашнее хозяйство, какъ кухня, какъ уборка въ комнатѣ, какъ даже дѣти. Дѣти находились на попеченіи няньки;—ходили всегда замусленными, въ грязныхъ, оборванныхъ платицахъ. Раиса и дѣтей, и хозяйство, взяла на свое попеченіе. Работы было по торло. Прислуга, видя въ барышнѣ настоящую хозяйку, относилась къ ней съ уваженіемъ; дѣти полюбили ее. Мальчишка шести лѣтъ она учила понемногу читать, дѣвочку трехъ лѣтъ занимала игрушками, куклами. Въ домѣ воцарились тишина и спокойствіе. Прежде дѣти, слонявшіяся безъ присмотра, кричали съ ранняго утра до поздняго вечера. Иванъ Васильевичъ вѣчно жаловался, что они мѣшаютъ ему работать. Теперь онъ почти забылъ, что у него есть дѣти.

Въ одинъ изъ праздничныхъ дней, въ концѣ апрѣля, въ Лѣски пріѣхали гости: учитель гимназіи съ женой, судебный слѣдователь съ катарромъ желудка и врачъ Мельницкая. Дѣти выбѣжали на крылечко. Мельницкая вошла въ гостиную, ведя ихъ за руки. Гостей встрѣтилъ Иванъ Васильевичъ. Раиса была въ кухнѣ.

— Иванъ Васильевичъ,—сказала, смѣясь, Мельницкая:—да это не ваши дѣти!

— А что?—спросилъ хозяинъ, не понимая, въ чемъ дѣло.

— Какъ что?—Господа, посмотрите: какая прелесть!

Она взяла на руки дѣвочку и показала ее всѣмъ. Всѣ восхищались ребенкомъ, цѣловали его, спрашивали: „какъ тебя зовутъ?“ Малютка, шепелявя, отвѣчала: „Евгенія Ивановна Солнцева“. Этому ее научила Раиса. Всѣ смѣялись и заставляли ребенка повторять одно и то же. Иванъ Васильевичъ впервые увидѣлъ, что у него такая хорошенькая дѣвочка, которая уже умѣетъ говорить. „Хорошій я отецъ!“—подумалъ онъ мимоходомъ. Дѣвочка перешла на руки къ женѣ учителя. Мельницкая ушла съ мальчикомъ въ дѣтскую. Онъ успѣлъ похвастать, что умѣетъ читать, и желалъ показать свое искусство. Мельницкая, свой человекъ въ домѣ, была поражена происшедшей вездѣ перемѣной. Проходя не-парадные комнаты, она останавливалась невольно въ каждой изъ нихъ: оборванные обои подклеены; на потолокъ и въ углахъ

нѣтъ паутиновыхъ гнѣздъ; разбитая мебель починена и стоитъ въ извѣстномъ порядкѣ; на окна повѣшены чистыя занавѣски.

— Чудеса!—воскликнула Мельницкая и, оставивъ мальчика, вернулась въ гостиную.

Она чувствовала потребность подѣлиться впечатлѣніемъ. Взявъ за руку Ивана Васильевича, она повела его чрезъ всѣ комнаты.

— Поздравляю, поздравляю! Наконецъ-то вы сдѣлались порядочнымъ человѣкомъ. Непремѣнно напишу Маріи Гавриловнѣ.

Иванъ Васильевичъ самъ съ любопытствомъ осматривалъ свои комнаты. При яркомъ свѣтѣ весенняго солнца, необычная чистота и порядокъ выдѣлялись особенно рельефно. Солнцевъ сказалъ, что все это сдѣлалъ.

— Гдѣ же она, волшебница, добрая фея? Ведите меня къ ней.

Онъ отвѣчалъ, — что неловко оставлять гостей: — „Раиса Николаевна сейчасъ придетъ“, — и ушелъ въ гостиную. Мельницкая, въ сопровожденіи мальчика, пошла отыскивать молодую хозяйку.

Гости пріѣхали на весь день. До завтрака рѣшили гулять въ лѣсу, который начинался сейчасъ за господскимъ дворомъ. Во дворѣ встрѣтились съ Мельницкой и Раисой Николаевной. Онѣ шли рядомъ и оживленно бесѣдовали, какъ старыя знакомыя. Мельницкая отыскала Раису въ кладовой и сразу завладѣла симпатіями молодой дѣвушки. Увидѣвъ гостей, Раиса хотѣла бѣжать. Мельницкая схватила ее за руки и не пустила. Она любовалась наивнымъ испугомъ дѣвушки, смущенной неожиданнѣмъ появленіемъ постороннихъ людей. Раиса Николаевна безпомощно взглянула на свои открытыя до локтей руки и на весь свой костюмъ. Ей съ трудомъ удалось убрать свѣсившюся на лицо прядь волосъ. Ея обѣ руки были заняты. Въ одной она держала передникъ съ зерномъ для голубей, въ другой — связку ключей и сито. Мельницкая сжалась надъ ней и поправила скатанные рукава.

— Какая вы хорошенькая! — успѣла она шепнуть Раисѣ.

Дѣвушка стояла съ опущенными глазами и, бросивъ ключи въ передникъ, а сито на землю, молча, подавала руку представляемому ей Иваномъ Васильевичемъ гостямъ. Ея довольно обыкновенное лицо темной блондинки было въ настоящую минуту очень красиво. И вся она была красива. Ея простой нарядъ, ситцевое платье, голубая сорочка, перехваченная въ талии кумачевымъ пояскомъ, маленькій платочекъ со свободно висящими на груди концами, тяжелая коса съ вплетенными въ нее голубыми ленточками, здоровая свѣжесть кожи, яркій румянецъ, момен-

тально вспыхнувшій на лицѣ—все это составляло рѣзкій контрастъ съ маленькой, худощавой, сухой фигуркой, желтоватымъ лицомъ и коротко-остриженными волосами Мельницею.

Иванъ Васильевичъ остановилъ на Раисѣ пристальный взглядъ. Онъ смотрѣлъ такъ, какъ будто увидѣлъ ее въ первый разъ. Раиса, послѣ церемоніи знакомства, убѣжала въ кухню; Мельницкая присоединилась къ компаніи. „Докторша“ была въ хорошемъ расположеніи духа.

— Будь я на вашемъ мѣстѣ, господа,—говорила она:—я, какъ сказочный Иванъ-царевичъ, зашла бы въ тридцатое царство, черезъ лѣса дремучіе и рѣку огненную, лишь бы добыть вотъ такую царь-дѣвицу. Ну, вы—обратилась она къ Солнцеву—хоть Иванъ, да не царевичъ... Пишите женѣ телеграмму: „Сиди, матушка, тамъ... у меня здѣсь красна-дѣвица“... Только куда ужъ вамъ!.. Ваша пѣсенка спѣта. На васъ дѣвица-то не посмотритъ...

Она махнула рукой и повернулась къ слѣдователю.

— Хотите попытать счастья? Золотая хозяйка!.. Возьмите меня свахой...

Мельницкая долго еще расхваливала Раису и посмѣивалась надъ кавалерами.

Хотя Мельницкая говорила шутя, тѣмъ не менѣе, Иванъ Васильевичъ былъ нѣсколько уязвленъ.

„Не посмотреть“...—размышлялъ онъ, въ то время, какъ гости восхищались природой:—„странно!.. Почему не посмотреть?“ Если бы онъ хотѣлъ увлечь дѣвушку, ему бы это ничего не стоило... Она относится къ нему почти съ благоговѣніемъ. Онъ до сихъ поръ не замѣчалъ ея, не обращалъ на нее вниманія. Она очень мила, въ самомъ дѣлѣ... Какая чудная коса!.. А глаза? Какіе, однако, у нея глаза? Онъ еще не видѣлъ глазъ... Кажется, синіе, а можетъ быть, сѣрые или даже черные...

Онъ рѣшилъ непременно посмотрѣть во время обѣда, какіе у нея глаза.

Гости уѣхали передъ заходомъ солнца. Иванъ Васильевичъ не забылъ о глазахъ. За обѣдомъ онъ обратился къ Малиновской съ какимъ-то вопросомъ. Она прямо взглянула на него. Онъ увидѣлъ прекрасные, большіе, темносиніе глаза.

Вечеромъ Иванъ Васильевичъ, по обыкновенію, засѣлъ въ кабинетъ. Онъ изучалъ литературу предмета, которому намѣревался посвятить свой трудъ. На письменномъ столѣ лежала брошюра въ 72 страницы, подъ заглавіемъ: „Настоятельная необходимость разрѣшенія рабочаго вопроса“. Иванъ Васильевичъ остановился

на VI-ой страницѣ предисловія. Прочитанныя пять страницъ были испещрены вопросительными и восклицательными знаками, а также слѣдами неудачныхъ попытокъ нарисовать какую-то женскую голову. Рядомъ съ брошюрой о рабочемъ вопросѣ, лежали романъ Золя, книжка толстаго журнала и нѣсколько номеровъ газеты съ каррикатурами. Иванъ Васильевичъ сидѣлъ, наклонившись надъ VI-ой страницей предисловія. Онъ опять вспомнилъ слова Мельницкой: „не посмотреть“... И опять спросилъ: „почему не посмотреть?“... Машинально пробѣжавъ до конца VI-ю страницу, онъ не поставилъ ни одного вопросительнаго знака. VI-я страница оканчивалась на полусловѣ, но Иванъ Васильевичъ не читалъ дальше. Онъ положилъ карандашъ на брошюру и вышелъ изъ кабинета въ гостиную. Ему хотѣлось еще сегодня увидѣть Раису. Стоя въ гостиной, онъ услышалъ голосъ Раисы; она была въ дѣтской и убаюкивала маленькую Женю. Иванъ Васильевичъ прошелъ нѣсколько комнатъ и остановился возлѣ двери въ дѣтскую. Оттуда доносилось тихое пѣніе. Раиса пѣла колыбельную пѣсню, которую обыкновенно поютъ всѣ няньки:

Приди, котикъ, почевать,
Приди Женичку качать;
Я за то тебѣ, коту,
За работу заплачу...

„Этотъ бессмысленный наборъ словъ“, которымъ „отуманиваютъ нѣжный умъ ребенка“, привелъ бы Ивана Васильевича въ ярость, во всякое другое время. Но сегодня онъ не обратилъ вниманія на слова. Онъ слушалъ пѣніе. Ему нравился голосъ, звучавшій „такъ трогательно, такъ нѣжно“...

Иванъ Васильевичъ хотѣлъ войти въ спальню. Вѣдь онъ имѣетъ право войти поцѣловать своего ребенка... Онъ такъ рѣдко вспоминалъ объ этомъ своемъ правѣ, что и сегодня не рѣшился воспользоваться имъ. А Раиса пѣла дальше:

Дамъ кусочекъ пирога
И кувшинчикъ молока...

„Добрая, славная дѣвушка!“ — думалъ Солнцевъ, возвращаясь въ кабинетъ.

Съ тѣхъ поръ какъ уѣхала жена, онъ спалъ въ кабинетѣ. Каждый вечеръ ему тамъ устраивали постель. На откинутомъ одѣялѣ лежало чистое бѣлье. „Это она заботится“... Иванъ Васильевичъ взялъ въ руки малороссійскую сорочку и поднесъ ее къ самому носу. Ему показалось, что она пахнетъ фіалками. Онъ бросилъ сорочку, почувствовавъ запахъ мыла. Фіалки стояли

на столѣ, въ красивомъ стаканчикѣ. Онъ не замѣтилъ ихъ раньше, а теперь догадался: „это она принесла“. Иванъ Васильевичъ долго нюхалъ букетъ. Потомъ увидѣлъ на лампѣ абажуръ изъ тонкой зеленой бумаги:— „это она сдѣлала“... Онъ сталъ осматривать всю комнату, сталъ искать слѣдовъ присутствія Раисы. Книги на эгажерѣ сложены въ полномъ порядкѣ; бронзовая статуэтка Діаны, не чищенная со дня выхода изъ магазина, блеститъ какъ новая; на окнахъ стоятъ горшки съ цвѣтами... Раньше ихъ никогда не было. Все это „она принесла“, „она сдѣлала“... Странно, что онъ ничего не замѣчалъ. Впрочемъ онъ не замѣчалъ и ее самое... Теперь вдругъ все заговорило о ней. Онъ вспомнилъ тысячу мелочей, на которыя раньше не обращалъ вниманія. Всѣ онѣ свидѣтельствовали о дѣятельности Раисы. Иванъ Васильевичъ почувствовалъ себя виноватымъ. Вѣдь Раиса ѣхала сюда не для этого... Она оставила деревенскую глушь, чтобы познакомиться съ людьми, съ городской жизнью, увидѣть что-нибудь новое, услышать живое слово... Чтѣ же оказалось? На нее взвалили все хозяйство! Она находится здѣсь въ худшемъ положеніи, чѣмъ у тетки... Цѣлый день за работой и съ дѣтьми. У нея нѣтъ времени читать, заниматься самообразованіемъ... Онъ никогда не видѣлъ ее за книгой... Ходитъ на кухню, кормитъ куръ, бесѣдовать съ ключницей... Это ужасно! Необходимо освободить ее отъ этихъ мелкихъ, бессмысленныхъ, отупляющихъ занятій... Необходимо дать ей книгъ, возить ее въ городъ, знакомить съ людьми... Необходимо...

Иванъ Васильевичъ легъ спать, преисполненный благихъ намѣреній относительно Раисы.

Утромъ онъ забылъ о нихъ, но за обѣдомъ вспомнилъ, и потому часто и пристально посматривалъ на Раису. Не привыкшая къ этимъ взглядамъ, дѣвушка конфузилась и красѣла. Вспыхнувшее румянцемъ лицо и длинныя рѣсницы опущенныхъ глазъ дѣлали ее красивой. Иванъ Васильевичъ невольно любовался ею.

Онъ продолжалъ размышлять на вчерашнюю тѣму. Не можетъ быть пріятно возиться цѣлый день съ кухаркой, съ дѣтьми, съ прачками, съ ключницей... Маруся (Марія Гавриловна) всегда говорила, что ей ненавистны эти скучныя мелочи... Она же (Раиса) всегда такая веселая... Можно подумать, что все это, въ самомъ дѣлѣ, доставляетъ ей большое удовольствіе... Она такъ деликатна... Ни малѣйшаго намека на то, что все это противно и скучно...

Если Ивану Васильевичу что-нибудь не удавалось, онъ былъ мраченъ, раздражителенъ, неразговорчивъ, даже терялъ аппетитъ. Имъ овладѣвало то нетерпѣливое недовольство, которымъ отличаются ипохондрики. Кромѣ нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствъ, вредно вліявшихъ на настроеніе Солнцева, его очень раздражало неумѣнье устроить перемѣну въ образѣ жизни Раисы. Малиновская была бы очень удивлена, еслибы узнала, что Иванъ Васильевичъ занятъ ею особою. Она замѣтила, что Солнцеву „что-то не по себѣ“, но объяснила это очень просто: онъ скучаетъ по Маріи Гавриловнѣ. Разлука двухъ любящихъ людей казалась ей самымъ ужаснымъ горемъ. Она даже удивлялась „силѣ характера“ Ивана Васильевича, который такъ долго умѣлъ владѣть собой. Она отъ всего сердца жалѣла его и горячо желала бы сдѣлать отсутствіе Маріи Гавриловны какъ можно менѣе чувствительнымъ для него. Въ обстановкѣ, во внѣшнихъ условіяхъ жизни, было предусмотрено все, до мельчайшихъ подробностей. Но вѣдь этого далеко не достаточно. Онъ человѣкъ умный, ученый; ему не съ кѣмъ поговорить, подѣлиться мыслями. Марія Гавриловна рассказывала, какъ они читали книги вмѣстѣ съ мужемъ... Впервые Раиса пожалѣла, что она „такая глупая“, „такая необразованная“. Она ничего не читала и ничего не знаетъ. Пользуясь иногда отсутствіемъ Ивана Васильевича, Раиса брала книги изъ его кабинета. Прочла „Донъ-Кихота“, смѣялась въ нѣкоторыхъ мѣстахъ книги, но рѣшила, что она написана для дѣтей. Потомъ взяла „Идіотъ“ Достоевскаго. Могла прочесть только нѣсколько страницъ—показалось непонятно. Зато одинъ изъ новѣйшихъ французскихъ романовъ она проглотила съ какой-то лихорадочной поспѣшностью. Во время чтенія она горѣла отъ стыда, дрожала отъ страха, чтобы ее не застали на мѣстѣ преступленія. Она такъ и смотрѣла на свой поступокъ, какъ на преступленіе. Книга, однако, не имѣла на нее вреднаго вліянія. Яркія картины разврата приводили ее въ недоумѣніе. Ее смущали вопросы: какъ можно писать объ этомъ? зачѣмъ писать? Особенно удивляли ее легкія отношенія между мужчинами и женщинами. Ее поражала ихъ наглая простота и полное отсутствіе идеальной любви, или любовнаго идеала, о которомъ она мечтала не разъ въ своемъ деревенскомъ уединеніи. Разсказъ о томъ, что дѣвушка, брошенная любовникомъ, отравилась, произвелъ на Раису сильное впечатлѣніе. Она горько плакала и ненавидѣла любовника. Потомъ, когда она узнала, что любовникъ, мучимый раскаяніемъ, пустилъ себѣ пулю въ лобъ, она плакала и о немъ. О Франціи у Раисы составилось убѣжденіе, что въ

этой странѣ мужчины и женщины живутъ вмѣстѣ „безъ вѣнца“. Женщины часто мѣняютъ мужей, мужчины имѣютъ по нѣскольку женъ. Считая это обычаемъ, принятымъ всѣми, она радовалась, что „у насъ не такъ“. Она не простила бы своему мужу сожительства съ другой женщиной. При одной мысли объ этомъ, все существо ея возмущалось и протестовало.

Раиса часто задумывалась о будущемъ мужѣ; ей шелъ двадцать-второй годъ...

Прочитанный романъ могъ бы служить предметомъ разговора съ Иваномъ Васильевичемъ, но Раиса скорѣе бы согласилась умереть, чѣмъ сознаться, что она прочла эту книгу. Пыталась она читать газеты; въ нихъ ее заинтересовалъ только отдѣлъ „разныхъ разностей“. Остальное было непонятно. Съ такой эрудиціей мудрено бесѣдовать о политикѣ.

Иванъ Васильевичъ сидѣлъ въ гостиной, въ большомъ креслѣ, вытянувъ ноги и закрывъ глаза. Это была его любимая поза, когда онъ находился въ пессимистическомъ настроеніи. Онъ только-что получилъ непріятное письмо: ему напоминали о срокахъ векселей...

Дверь балкона, прилегающаго къ гостиной, съ шумомъ отворилась. Въ комнату вбѣжала Раиса; за нею гнался старшій мальчикъ Петя. Она задыхалась отъ шибкаго бѣга и была возбуждена игрой съ дѣтьми.

— Ай, какой вы скучный! — набросилась она на Солнцева. — Развѣ можно быть такимъ!.. Пойдемте къ намъ!..

Она схватила его за рукавъ и тащила къ балкону. Онъ слегка упирался, но шелъ. На балконѣ Раиса оставила его руку и обратилась къ приближавшему Петѣ.

— Петя, бѣжимъ! Папа будетъ насъ ловить. Ловите! — крикнула она Солнцеву и побѣжала впередъ вмѣстѣ съ Петей.

Папа и не думалъ ловить. Онъ улыбнулся и пошелъ за ними лѣнливыми шагами. Раиса перестала бѣгать. Взявъ Петю за руку, не дожидая Солнцева, ни разу не оглянувшись, она направилась къ лѣсу, гдѣ оставила няню съ Женей. Иванъ Васильевичъ сообразилъ, что она обидѣлась. Онъ ускорилъ шаги и догналъ ее возлѣ лѣса. Она пла одна. Петя, замѣтивъ приближающагося отца, вырвался и убѣжалъ.

— Вы разсердились? — спросилъ, наклонясь къ ней, Солнцевъ.

— Нѣтъ... Я на себя разсердилась, что помѣшала вамъ... Вы не хотѣли выходить...

— О, нѣтъ. Я вамъ очень благодаренъ... Здѣсь такъ хорошо... Еслибы не вы, я бы сидѣлъ и кись въ комнатѣ... Не сердитесь, что я такъ неповоротливъ... Я не всегда такой... Мнѣ самому это непріятно...

— Зачѣмъ же дѣлать то, что непріятно?

Она перестала сердиться. На нее подѣйствовалъ тонъ его голоса—мягкій, вкрадчивый.

— Само дѣлается...—отвѣтилъ Солнцевъ со вздохомъ.

— Я вамъ завидую—прибавилъ онъ, помолчавъ немного:— вы такъ молоды, такъ энергичны...

— А развѣ вы старикъ?

Она съ удивленіемъ взглянула на него.

— Лѣтами нѣтъ... но жизнью; я въ десять разъ больше вашего прожилъ...

— Развѣ вамъ тяжело жилось?

Онъ улынулся. Станный вопросъ!.. Развѣ можно спрашивать его объ этомъ? Она знаетъ только его личную жизнь. Но личная жизнь никогда не удовлетворяла его. Онъ всегда слѣдилъ за общественной жизнью; радовался ея успѣхамъ, страдалъ при неудачахъ... Теперь общественная жизнь свихнулась съ истиннаго пути... Онъ удалился отъ нея, чтобы не идти съ толпой „торжествующихъ“... Но развѣ можетъ онъ съ спокойнымъ сердцемъ взирать на это торжество!.. Личная жизнь?! Личная жизнь—ничто. Онъ доволенъ личной жизнью... Но гибель общественныхъ идеаловъ, но попираніе всего святого...

Вотъ что сказали бы Иванъ Васильевичъ, еслибы предъ нимъ стоялъ человѣкъ „болѣе интеллигентный“. Но Раиса, „эта простая дѣвушка“, не пойметъ... Съ нею нужно говорить иначе.

— Не судите по наружности,—сказалъ Солнцевъ съ нѣкоторой торжественностью.—Можно всю жизнь прожить съ человѣкомъ, и не знать, какой адъ скрывается въ его душѣ.

— Это правда,—отвѣчала со вздохомъ Раиса.

Она тотчасъ же догадалась, что у Ивана Васильевича есть большое горе, которое онъ тщательно скрываетъ отъ людей.

Они вошли въ глубину лѣса и очутились на небольшой лужайкѣ. Тутъ подъ старой, душлистой липой стояла скамья. Они сѣли на скамью. Дѣти играли съ няней.

Иванъ Васильевичъ продолжалъ говорить. Разъ онъ началъ, ему трудно было остановиться.

— Мудрено угадать, какъ живетъ человѣку... Нужно заглянуть въ его душу... А туда не всякому позволено заглядывать... Душа—слишкомъ нѣжный предметъ... Нельзя въ ней

конаться грубыми пальцами... Да и зачѣмъ открывать людямъ свою душу?... Люди злы... Они насмѣются надъ вами, осеквернятъ вашу святиню... О, вы не знаете людей! Какъ ни страшно одиночество среди людей... Вы понимаете: иногда съ людьми можно чувствовать себя страшно-одинокимъ... Бываютъ минуты, когда убѣжалъ бы въ пустыню, чтобы не видѣть, не слышать.

Иванъ Васильевичъ говорилъ, не переставая, въ теченіе нѣсколькихъ минутъ. Онъ могъ сыпать такими шаблонными фразами, неловко нацѣпляя одну на другую, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Онъ забывалъ о томъ, что сказалъ въ началѣ, и не зналъ того, что скажетъ въ концѣ. У Раисы, внимательно слушавшей его, стоялъ въ головѣ какой-то туманъ. Она ничего не поняла; она и не старалась понять. То таинственное горе, которое „носили въ душѣ“ Иванъ Васильевичъ, объясняло все. Она не понимала смысла словъ, но музыка ихъ произвела на нее сильное впечатлѣніе. Ей стало такъ грустно, такъ горько; ей было такъ жаль Ивана Васильевича, что хотѣлось плакать. Съ нею случилось то же, что бываетъ съ грудными ребятами: когда они услышатъ грустную мелодію, то морщатъ губки и начинаютъ плавать.

Врачъ Мельницкая, которой иногда случалось выслушивать гражданскія рѣчи Солнцева, замѣчала, шутя, что онъ поетъ какъ соловей, не зная самъ, о чемъ. Иванъ Васильевичъ дѣйствительно не зналъ, о чемъ пѣлъ. Онъ видѣлъ, что производитъ впечатлѣніе—и пѣлъ.

Изъ лѣсу вышли поздно. Няня давно увела дѣтей. Ночь подералась незамѣтно, какъ-то вдругъ стало совершенно темно. Иванъ Васильевичъ взялъ Раису подъ-руку; въ первый разъ они шли такъ. Шли всю дорогу молча. Онъ не замѣтилъ, какъ сильно разстроены ея нервы; не чувствовалъ, какъ дрожить ея рука. Прощаясь, она, въ знакъ сочувствія, крѣпко пожала ему руку. Онъ обратилъ вниманіе на это пожатіе и пристально взглянулъ на нее. Лицо ея было блѣдно, глаза наполнены слезами. Последнихъ онъ не замѣтилъ.

Раиса торопливо вбѣжала въ свою комнату. Она спѣшила остаться одна, чтобы дать волю слезамъ. Но теперь, когда никто не мѣшалъ ей, когда она могла плакать, сколько угодно, слезы вдругъ исчезли, глаза высохли. Что случилось? Куда исчезла вдругъ такъ сильно овладѣвшая ею потребность слезъ?... Раиса легла въ постель, не раздѣваясь, не зажигая лампы. Закрывъ лицо руками, она спрятала его въ подушку. Она хотѣла плакать, и не могла. Она вѣдь шла сюда затѣмъ, чтобы плакать... Внезапно, какъ только она перешагнула порогъ своей комнаты,

всѣмъ существомъ ея овладѣла мысль, которая своимъ неожидан-нымъ появленіемъ испугала ее еще въ лѣсу. Но тогда ее окуталъ туманъ, поднявшійся въ головѣ отъ рѣчей Ивана Васильевича. Теперь, когда Раиса осталась одна, когда туманъ разсѣлся, мысль эта — опредѣленная, ясная, простая — все подчинила себѣ. Это она высушила слезы; это она сдавила грудь, потрясла всѣми нервами. Напрасно дѣвушка старалась освободиться отъ нея. Мысль впиалась въ ея мозгъ и жгла его съ неумолимой жестокостью. Раиса крѣпко сдавила голову руками. Потомъ руки безсильно упали. Она стала дрожать какъ въ лихорадѣ. Возбужденіе нервовъ достигло высшей степени. Она начала галлюцинировать. Ей слышались голоса, повторяющіе все ту же страшную мысль: „Онъ не любитъ жены“... „Онъ не любитъ жены“.

— Онъ не любитъ жены, — невольно шептали ея губы.

Она заснула передъ разсвѣтомъ. Способность плакать возвращалась во снѣ; во снѣ Раиса наплакалась вволю.

Иванъ Васильевичъ спать спокойно эту ночь. Онъ не предполагалъ, чтобы чувства его къ Маріи Гавриловнѣ сколько-нибудь измѣнились. Вечерней прогулкой въ лѣсу онъ былъ доволенъ. Онъ нашелъ внимательнаго, сочувствующаго слушателя, у котораго притомъ были прекрасные глаза и великолѣпные волосы. Иванъ Васильевичъ очень любилъ красивые женскіе волосы.

Марія Гавриловна писала изъ-за границы, что „вѣды и купанья дѣлають чудеса“, но что „за нихъ нужно платить“; Ворошиловъ прислалъ напомнить, что приближается срокъ протеста; крестьяне, купившіе у Солнцева землю, прислали ходатаевъ съ просьбой объ отсрочкѣ платежа до августа. Всѣ эти обстоятельства нагнали на Ивана Васильевича такую меланхолію, что Раиса въ теченіе нѣсколькихъ дней не видѣла его улыбающимся. Онъ каждый день ѣздилъ въ городъ, поздно возвращаясь домой. Онъ не говорилъ съ Райсой о своихъ денежныхъ затрудненіяхъ. Сама она не могла догадаться, въ чемъ дѣло. Она не могла представить себѣ, чтобы могъ нуждаться человѣкъ, у котораго есть земля, домъ, лошади, стада домашняго скота. Его мрачное настроеніе она объясняла по-своему.

Вечерами, отправляясь въ лѣсъ, — прогулки въ лѣсу сдѣлались довольно часты, — Раиса все ждала, что Иванъ Васильевичъ выскажется, что онъ откроетъ ей свою душу. Иванъ Васильевичъ, по обыкновенію, говорилъ много, все въ томъ же отчаянно-пессимистическомъ родѣ, но продолжалъ оставаться таинственнымъ.

Слушая его, Раиса все болѣе и болѣе утверждалась въ той мысли, которая такъ испугала ее послѣ первой прогулки въ лѣсу.

Наступили первые дни іюня, прекрасные, свѣтлые, теплые дни. Въ природѣ все уже жило полной жизнью. Въ шумящемъ окрыленными вѣтвями лѣсу, въ маленькой придорожной травкѣ, въ живомъ коврѣ, застилающемъ поля, въ хлопотливо суетящейся птичкѣ, въ неутомимой пчелѣ, словомъ—во всемъ, что способно расти, двигаться, развиваться, проснулась могучая сила жизни. Она рвется впередъ, не зная усталости, крѣпчая въ борьбѣ и отвоевывающая то, что принадлежитъ ей по законамъ природы. Изъ всего живого одинъ человѣкъ не хочетъ знать этихъ законовъ; одинъ онъ ведетъ съ ними упорную борьбу; одинъ онъ сочиняетъ свои законы, то возвышающіе его до Бога, то превращающіе его въ презрѣннѣйшую тварь; одинъ онъ, не довольствуясь проявленіями силъ природы, стремится постигнуть ихъ сущность; одинъ онъ нарушаетъ гармонію физической жизни, попираетъ ея законы и, увѣровавъ въ божественное происхожденіе свое, оказываетъ подвиги самоотверженія или совершаетъ неслыханныя злодѣяства...

Иванъ Васильевичъ съ ранняго утра впалъ въ сугубо-мрачное настроеніе. За чаемъ онъ не проронилъ ни слова. Напрасно Раиса смотрѣла на него добрыми глазами, стараясь показать, что она вполне ему сочувствуетъ. Онъ не замѣчалъ ея взглядовъ. Послѣ чая онъ уѣхалъ въ городъ, ничего не сказавъ Раисѣ. Ее беспокоило его странное поведеніе. Въ послѣднее время, благодаря лѣснымъ прогулкамъ и разговорамъ, они такъ сблизились, что перестали быть чужими; ихъ отношенія сдѣлались проще, смѣлье, даже искреннѣе. Иванъ Васильевичъ, какъ прежде не замѣчалъ Раисы, такъ теперь искалъ случая быть вмѣстѣ съ нею. Онъ раздражался, если ея не было въ комнатѣ въ то время, когда ему хотѣлось ее видѣть. Онъ проводилъ у окна цѣлые часы, ожидая появленія Раисы; нетерпѣливо слѣдилъ за ея переходами отъ кухни къ кладовой, отъ кладовой къ леднику, отъ ледника опять къ кухнѣ.

Еслибы кто спросилъ, зачѣмъ онъ ждетъ Раису, чтó ему она, не имѣетъ ли онъ что-нибудь сказать ей? — „Откуда вы взяли? — отвѣтилъ бы онъ: — Ничего подобнаго“...

И передъ Раисой онъ скрывалъ, что интересуется ею. Уходилъ въ свой кабинетъ, а потомъ появлялся и нагло глалъ.

— А я думалъ, вы все еще съ цыплятами да гусятами возитесь.

Онъ часто подтрунивалъ надъ ея увлеченіемъ хозяйствомъ. Съ виду это подтруниванье походило на добродушную шутку; но, кромѣ шутки, въ немъ было еще что-то мелко-злое, завистливое. Иванъ Васильевичъ, въ самомъ дѣлѣ, завидовалъ Раисѣ. Завидовалъ, быть можетъ безсознательно, ея душевному покою, простотѣ и искренности ея натуры.

Иванъ Васильевичъ вернулся домой поздно. Раиса была въ лѣсу. Дѣти съ няней только-что ушли; она осталась, чтобы окончить цвѣтокъ узора. Солнце уже зашло, когда она вышла изъ лѣсу, и въ двадцати шагахъ отъ лѣсной калитки встрѣтила Солнцева. Онъ только-что пріѣхалъ.

— Идемте назадъ: въ комнатахъ душно... — сказалъ онъ.

Онъ говорилъ сухимъ, жесткимъ голосомъ, точно приказывалъ. Она замѣтила, что онъ сильно озабоченъ, разстроенъ. Она послушно вернулась; они шли рядомъ.

— Вы, вѣроятно, получили какое-нибудь письмо? — заботливо спросила она.

— Письмо?.. Нѣтъ... Такъ скверно... Не знаю... Со мной часто бываетъ...

Дальше шли молча.

— Пойдемъ на наше мѣсто, — сказалъ онъ.

„Нашимъ мѣстомъ“ называлась скамейка на лужайкѣ, подъ липой. Сѣли на скамейку. Черезъ нѣсколько секундъ, Раиса спросила:

— Скажите, чтó съ вами?

Она точно боялась коснуться больного мѣста: произнесла эти слова тихо, почти шопотомъ; въ нихъ слышалась боязливая ласка и горячее участіе. Иванъ Васильевичъ былъ тронутъ. Онъ чувствовалъ потребность высказаться. Но отвѣтить на вопросъ Раисы было не легко. Чтó отвѣтить? — что ему не дали денегъ тамъ, гдѣ онъ рассчитывалъ получить навѣрняка? что завтра — срокъ векселямъ? что получена телеграмма отъ жены также съ требованіемъ денегъ? что, наконецъ, завтра придутъ крестьяне за окончательнымъ отвѣтомъ на просьбу объ отсрочкѣ? Но какое дѣло Раисѣ до всего этого? Простой, реальный отвѣтъ не соответствовалъ бы торжественности вопроса: „Чтó съ вами?..“ Вся жизнь его изуродована — вотъ что! Какъ будто суть заключается въ нѣсколькихъ жалкихъ тысячахъ рублей! Смѣшно... Смѣшно говорить о какихъ-то рубляхъ, срокахъ, отсрочкахъ... Развѣ въ деньгахъ счастье? На свѣтѣ нѣтъ ничего ничтожнѣе денегъ. Кро-

печная травка полезнѣе груды золота... Эта добрая дѣвушка слишкомъ чиста для того, чтобы посвящать ее въ мелочныя тайны житейской прозы... Она спрашиваетъ съ такимъ участіемъ... Ея голосъ трогаетъ слишкомъ нѣжныя струны... Звукъ ихъ заглушаетъ нестройные аккорды жалкой дѣйствительности...

— Не-хо-ро-шо... — произнесъ, наконецъ, Иванъ Васильевичъ, впадая въ тонъ Раисы. Онъ откинулся на спинку скамьи и закрылъ глаза. Нѣсколько мгновений длилось молчаніе. Раиса ждала съ возбужденнымъ вниманіемъ.

— Знаете ли, — тихо и медленно продолжалъ онъ: — часто приходится переживать ужасно тяжелое состояніе... Оно овладѣваетъ вами всецѣло... Трудно опредѣлить, что это такое... Вдругъ чувствуешь, что теряешь смыслъ существованія... теряешь почву... Представьте себѣ, что земля, о которую вы опираетесь ногами, вдругъ исчезла, и вы летите въ пропасть...

Раиса вздрогнула: это дѣйствительно было страшно.

— Это ужасно!.. То же испытываешь, когда потеряешь смыслъ существованія... Зачѣмъ живешь? Кому нуженъ? Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, подумайте: сегодня я живу, завтра умеръ, — измѣнится ли отъ этого что-нибудь хоть на йоту? Нисколько. По прежнему взойдетъ солнце, по прежнему люди будутъ ненавидѣть другъ друга... Проповѣдь любви!.. Сколько вѣковъ, какъ явилась эта проповѣдь... Кто же слушаетъ ее? Я самъ когда-то вѣрилъ въ проповѣдь любви... Я былъ также и социалистомъ... Положимъ, я убѣжденъ, что будущее устроится на социальныхъ началахъ. Но когда наступитъ это будущее — вотъ вопросъ. Было время, я бодро и весело смотрѣлъ на жизнь... Я строилъ планы широкой дѣятельности... Увы, тамъ, гдѣ каждый урядникъ имѣетъ право взять тебя за шиворотъ, никакая дѣятельность немыслима...

Тутъ Иванъ Васильевичъ вспомнилъ и то, что, „при другихъ условіяхъ“, онъ давно бы окончилъ и издалъ свой трудъ о рабочемъ вопросѣ.

— Отсутствіе простора для дѣятельности убиваетъ энергію... Захочется ли вамъ гулять, если васъ посадятъ въ клѣтку?..

Иванъ Васильевичъ очень любилъ сравненія.

— Разумѣется, еслибы люди были солидарны, имъ бы ничего не стоило разрушить стѣны, вырваться на волю... Одинокій человѣкъ безсиленъ, окруженъ врагами. Попробуйте выйти изъ общепризнанныхъ рамокъ... попробуйте протестовать... На васъ набросятся, и если не задавятъ, то сдѣлаютъ сумасшедшимъ...

Раиса ничего не понимала. Голова ея горѣла; руки были холодны, какъ ледъ. Она напрягала все свое вниманіе; ей хотѣ-

лось уловить хотя основную мысль, а главное, хотѣлось найти подтвержденіе своей мысли. Одно для нея было ясно, — это то, что человекъ, котораго она слушаетъ, „очень страдаетъ“. Увы, ей извѣстна причина его страданія...

Ивану Васильевичу стало, наконецъ, неловко сидѣть съ откинутой головой. У него заболѣла шея. Онъ выпрямился, положилъ руки на колѣни и, заглядывая въ лицо Раисы, сказалъ:

— Счастливица!.. Я вамъ завидую... Вы живете просто, не мудрствуя лукаво... Вы понимаете вещи такъ, какъ онѣ есть... Когда вамъ весело, вы смѣетесь; когда грустно — плачете... Я не могу такъ... не умѣю. О, это большое несчастье... И знаете: меня никто не понимаетъ...

„Я понимаю“, — самоувѣренно подумала Раиса.

— Вотъ въ чемъ весь трагизмъ!

Иванъ Васильевичъ проивнесъ эти слова съ полной безнадешностью. Въ эту минуту онъ искренно вѣрилъ, что въ мірѣ нѣтъ человека, который можетъ его понять. Иванъ Васильевичъ оперся локтями въ колѣни и опустилъ голову на руки. Весьма удобная поза для человека въ его положеніи: онъ не зналъ, что дальше говорить, но не могъ и просто молчать. Онъ молчалъ загадочно. Для загадочнаго молчанія слѣдуетъ сидѣть именно такъ, какъ сидѣлъ Иванъ Васильевичъ.

Молчаніе длилось довольно долго. Раиса смотрѣла на Солнцева, ожидая, что онъ откроетъ лицо. Онъ сидѣлъ какъ истуканъ. Она осторожно подвинулась къ нему и слегка прикоснулась къ его рукѣ.

— Вы не любите жены? Правда, да? — съ странной настойчивостью спросила она вдругъ.

Онъ не измѣнилъ позы, даже не пошевелился. Ея вопросъ ошеломилъ его. Ему въ голову не приходило ничего подобного. Онъ не ожидалъ этого вопроса; никогда не думалъ о немъ. Любить ли онъ жену? Почѣмъ онъ знаетъ. Онъ относится къ женѣ индифферентно, почти не замѣчаетъ ея отсутствія. Ему было бы нетрудно забыть о ней, еслибы она не напоминала о себѣ неприятными телеграммами. Станный вопросъ о любви!.. У него нѣтъ достаточныхъ основаній любить ее; она связала ему руки, подрѣзала крылья. Изъ-за нея, изъ-за ея дѣтей, онъ долженъ сидѣть въ этомъ медвѣжьемъ углу... Еслибы не она, развѣ бы онъ жилъ въ Новодворянскѣ? Петербургъ, Европа... Тамъ умѣютъ цѣнить даровитыхъ людей... Похоронить себя здѣсь навсегда! Это еще усиливаетъ трагизмъ положенія... Ясно: онъ не можетъ любить ее, онъ не любить... Онъ давно чувствовалъ это, но

боялся сознаться даже самому себѣ... Райса своей чуткой душой угадала... Пусть же она услышитъ отъ него это тяжелое признание, эту печальную тайну.

Онъ сказалъ только одно слово:— „Да!..“ Но какъ оно было произнесено! Оно какъ будто вырвалось послѣ продолжительной борьбы. Въ немъ было все — и изнеможеніе въ борьбѣ, и отчаяніе, и затаенное страданіе, и смиренная покорность судьбѣ... Казалось, его произнесъ какой-то внутренній голосъ, одержавшій побѣду надъ волей Ивана Васильевича.

Райса затрепетала отъ этого отвѣта. Она протянула руку угнетенному, подавленному Ивану Васильевичу и сказала чуть слышно:

— Бѣдный... мнѣ жаль васъ...

Онъ былъ растроганъ вторично. Онъ нѣжно взялъ протянутую руку и долго держалъ ее въ своей рукѣ. Ему хотѣлось поцѣловать эту маленькую, хорошенькую ручку съ блѣдными пальчиками. Торжественность минуты не позволяла. Получивъ неожиданно новую тему, Иванъ Васильевичъ опять заговорилъ.

— Благодарю васъ... Вы правы: обо мнѣ, о моей загубленной жизни, можно пожалѣть. Семь лѣтъ ношу я эту тяжесть... Семь лѣтъ притворства, лжи — это ужасно. Это изуродовало, изломало меня... Не дай Богъ вамъ испытать то, что я испытываю!.. Не дай Богъ, чтобы въ ваше существованіе вклотили такой клинъ, какъ въ мое! О, какъ трудно жить съ этимъ клиномъ!.. Представьте себѣ, что въ этотъ пень (Иванъ Васильевичъ указалъ на пень, торчавшій возлѣ скамейки) вкочленъ большой клинъ, а пень... представьте себѣ, что пень имѣетъ нервы, кровь, сердце, что онъ живой, можетъ чувствовать, мыслить, понимать... Вдругъ является человѣкъ съ желѣзнымъ молотомъ и бьетъ по клину... Бьетъ безжалостно, съ холодной жестокостью; клинъ вбивается все глубже, кровь брызжетъ вокругъ...

Сердце Райсы болѣзненно сжалось. Она живо представила себѣ пень съ кровью и нервами. Страданія этого пня (а слѣдовательно и Ивана Васильевича) казались ей такъ страшно мучительными, что она была готова на самопожертвованіе, лишь бы облегчить ихъ хоть немного. А Иванъ Васильевичъ продолжалъ:

— ...И нѣтъ доброй, ласковой руки, которая хотя бы на мигъ остановила удары молота...

И много еще говорилъ Иванъ Васильевичъ. Когда, наконецъ, далеко послѣ полуночи, они собрались идти въ комнаты, Райса еще разъ пожала руку Солнцеву. Она сказала: „Я буду вашимъ другомъ“. Послѣднему слову она придавала высоко-идеальное зна-

ченіе и произнесла его не безъ торжественности. Она думала, что выразила имъ слишкомъ много. Иванъ Васильевичъ поблагодарилъ, но былъ недоволенъ. Лѣтняя лунная ночь, ароматный воздухъ лѣса, тихій шопотъ листьевъ и настойчивое пѣніе соловья, а главное, близость красивой дѣвушки и эта маленькая ручка, лежащая въ его рукѣ, — располагали болѣе къ поцѣлу, чѣмъ къ дружбѣ.

Иванъ Васильевичъ не подозрѣвалъ, что, оторвавъ свою „тайну“ Раисѣ, онъ этимъ приобрѣлъ надъ ней такую власть, какой никогда человѣкъ не долженъ имѣть надъ человѣкомъ.

На другой день Иванъ Васильевичъ вернулся изъ города въ прѣвѣтующемъ настроеніи. Все удалось ему, все наладилось. За обѣдомъ онъ разсказалъ Раисѣ, что ѣздилъ въ городъ „по крестьянскому дѣлу“. Крестьяне просили отсрочить платежъ; онъ такъ радъ, что могъ исполнить ихъ просьбу... Его повѣренный заключилъ съ ними какой-то ужасный договоръ... Въ случаѣ неисполненія одного параграфа, крестьяне лишаются земли и платятъ неустойку. Конечно, онъ никогда не позволитъ себѣ злоупотребить...

— Вы знаете, вѣдь для крестьянъ земля—это царствіе небесное. Возмутительно, что въ странѣ съ необъятнымъ пространствомъ свободныхъ земель могутъ быть безземельные крестьяне...

Иванъ Васильевичъ разсказалъ, какъ негодовали противъ него сосѣди-помѣщики за то, что онъ продалъ землю крестьянамъ.

— Генералъ Строковъ предлагалъ мнѣ болѣе выгодныя условія... Я не согласился. Я считалъ себя не въ правѣ отказать крестьянамъ; они очень нуждались въ землѣ...

Раиса взглянула на него благодарными глазами; она всегда сочувствовала крестьянской нуждѣ и вполнѣ оцѣнила доброту сердца Ивана Васильевича.

— Собственно говоря,—продолжалъ Солнцевъ, вспомнившій вдругъ, что онъ „соціалистъ“:—они-то и есть настоящіе хозяева земли. Землей долженъ владѣть тотъ, кто ее обрабатываетъ своими руками...

Иванъ Васильевичъ говорилъ и говорилъ. Раиса слухала съ большимъ вниманіемъ. Къ сожалѣнію, слова: „экспроприація“, „націонализація“, окончательно сбили ее съ толку. Она могла только уличать себя въ невѣжество и преклоняться предъ ученостію Ивана Васильевича.

Послѣ обѣда всѣ отправились на лугъ. Тамъ только-что ско-

сили сѣно. Радужное настроеніе не покидало Ивана Васильевича. Его веселость, достигшая размѣровъ телячьего восторга, даже нѣсколько смутила Раису. Онъ бѣгалъ съ дѣтьми, кувыркался на сѣнѣхъ, прыгалъ черезъ копыны, заигрывалъ со старухой-няней, общая найти ей жениха, предлагая бѣгать въ перегонку. Старуха, улыбаясь, покачивала головой.

— Видно, письмо получилъ... Приѣдетъ скоро... барыня... — сказала она, лукаво подмигнувъ Раисѣ.

„Старая дура“, подумалъ Иванъ Васильевичъ. Онъ замѣтилъ, какъ улыбающееся лицо Раисы вдругъ сдѣлалось серьезнымъ. Онъ подошелъ къ ней и предложилъ спуститься къ пруду. Онъ хотѣлъ объяснить ей причину своей веселости. Какъ только они скрылись отъ взоровъ няньки (дѣтей къ пруду не пускали: тамъ было слишкомъ сыро), Иванъ Васильевичъ остановился.

— Васъ удивляетъ — сказалъ онъ — моя веселость... Меня также удивляетъ. Это вы сдѣлали... Мнѣ никогда не было такъ весело...

Возбужденный бѣготней на лугу, онъ говорилъ отрывистыми фразами и смотрѣлъ на Раису блестящими глазами...

— Вчера я вамъ рассказалъ все... Это облегчило меня... Вы сняли съ моей груди тяжелый камень... Мельницкая назвала васъ волшебницей... это правда. Вы волшебница... вы сдѣлали чудо... двумя словами, пожатіемъ руки... вы преобразили меня... Дайте мнѣ вашу руку... дайте, пожалуйста...

Онъ взялъ ея руку и поцѣловалъ. Дѣвушка покраснѣла, но не отняла руки. Она слушала, что онъ говорилъ.

— Я буду называть васъ доброй феей... Волшебница и добрая фея... Вы обновили меня... Весь міръ мнѣ кажется добрѣе, лучше... И вотъ это все: небо, трава, цвѣты, вода... Я чувствую такой мощный призывъ къ жизни, что... что готовъ начать жить съизнова... Какъ много значить имѣть добраго друга!..

Раиса слушала, улыбаясь, довольная, счастливая.

Всю ночь она провела въ грѣзахъ. То были новыя, невѣдомыя грѣзы безъ формъ, безъ очертаній. Онѣ возбуждали нервы, вызывали лихорадочную дрожь и невольныя порывистыя движенія. То были сладостныя грѣзы пробуждающейся страсти. Раиса не понимала, что съ ней; она отдалась новому чувству безъ колебаній, безъ критики. Оно властно подчинило ее себѣ; оно волновало молодую, горячую кровь...

Кто не знает, что люди заражены предрассудками, что жизнь полна несообразностей? Лучше всѣхъ, конечно, понимаетъ это Иванъ Васильевичъ въ данную минуту. Онъ только-что купался и чувствовалъ „въ здоровомъ тѣлѣ здоровую душу“. Въ ожиданіи приглашенія къ вечернему чаю, Иванъ Васильевичъ приводилъ въ порядокъ свой туалетъ послѣ купанья. Онъ напѣвалъ изъ „Риголетто“ и размышлялъ о несовершенствѣ человѣческой природы.

„Говорятъ, что жизнь—загадка... Какіе пустяки!.. Это выдумали люди, которые не умѣютъ просто смотрѣть на жизнь...

Сердце красавицы
Очень намѣчливо...

„Вся сила—въ простотѣ... Напримѣръ, отношенія между мужчиной и женщиной—что можетъ быть проще?..

И не-ре-мѣ-ни-во...

„Нужно только умѣть возвыситься до этой простоты. Люди живутъ по инерціи... Еслибы они жили сознательно...

Какъ вѣтерокъ полей.

„Да, это другое дѣло... Исчезнетъ масса несообразностей“... Туалетъ былъ оконченъ. Иванъ Васильевичъ отправился на балконъ, гдѣ Раиса приготовляла чай. Дѣти еще не возвратились съ прогулки.

— Вотъ я только-что думалъ — продолжалъ Солнцевъ свои мысли вслухъ. — какое странное существо человѣкъ!.. Какъ онъ самъ отравляетъ свое существованіе... Вплетаетъ въ жизнь массу ненужныхъ вещей, ненужныхъ словъ... Напримѣръ, въ отношеніяхъ между мужчиной и женщиной. Ну, что такое эти разныя ревности, измѣны? Сошлись два человѣка, полюбили другъ друга—и отлично; потомъ надоѣло, разлюбили — тоже отлично. Если меня не любятъ, конечно, я уйду... „Она полюбила другого“... Пусть себѣ идетъ къ другому... Нѣтъ, начинаются сцены, проклятія, упреки... Къ чему все это? Сантиментальные романисты выдумали, что любить можно только одинъ разъ...

— Ну да, конечно,—поспѣшилъ онъ досказать:—и истинно любить... но истинно, понимаете... Истинная любовь—рѣдкость. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ нужно проще относиться къ жизни... Не понимаю, почему жена, которая не любитъ мужа, не можетъ найти себѣ человѣка по-сердцу... Только пусть сдѣлаетъ это открыто, честно, прямо; пусть не прибѣгаетъ ко лжи, къ преступнымъ лазейкамъ...

Благородный порывъ души Ивана Васильевича былъ остановленъ неожиданнымъ появленіемъ дѣтей. Они вбѣжали на балконъ и объявили, что пріѣхали гости. Иванъ Васильевичъ всочтилъ встрѣчать гостей. Это были: актеръ Аристовъ, любимецъ новодворянской публики, красивый блондинъ съ женоподобнымъ лицомъ; двѣ дамы, поклонницы Аристова, и судебный слѣдователь. Они пріѣхали кататься на лодкѣ; такъ и объявили сразу. Рѣшили тотчасъ послѣ чая отправиться къ пруду. Иванъ Васильевичъ представилъ Раису новымъ знакомымъ, просто назвавъ ее Раисой Николаевной. Дѣвушка разливала чай и не принимала участія въ разговорахъ. Она скромно исполняла обязанности хозяйки, не хозяйки дома, а просто хозяйки. Къ ней такъ и относились, то-есть не обращали на нее вниманія. Только Аристовъ пытался разговаривать съ нею. Раиса конфузилась, отвѣчала: „да“, „нѣтъ“ — и сѣвшилась заняться дѣтьми. Дамы, отличавшіяся нѣсколько аффектированной живостью, торопили идти къ лодкѣ. Послѣ чая всѣ засуетились; одна Раиса не хотѣла идти. Ее упраскивали; особенно настаивалъ Аристовъ. Иванъ Васильевичъ также просилъ, хотя довольно сдержанно. Раиса отговаривалась тѣмъ, что ей нужно еще „пойти по хозяйству“, что изъ-за нея придется ждать всѣмъ. Тогда Аристовъ просилъ позволенія быть ея кавалеромъ. Пусть уходятъ всѣ, онъ останется ждать Раису Николаевну; они придутъ позже. Такъ и сдѣлали. Провожая съ балкона дамъ, Аристовъ шепнулъ что-то на ухо одной изъ нихъ. Дама погрозила ему кулакомъ, сжатымъ по-дамски. Солнцевъ все это видѣлъ. Онъ подозрѣвалъ, что Аристовъ шепталъ о Раисѣ. Это ему не нравилось; онъ былъ недоволенъ и тѣмъ, что Аристовъ остался съ Раисой.

Аристовъ обладалъ способностью быстро знакомиться со всѣми, въ особенности съ женщинами. Непринужденная веселость, живой, легкій умъ, свободная, даже нѣсколько нахальная манера обращенія и красивое лицо, были его вѣрными союзниками. Онъ вертѣлся возлѣ Раисы, болтая безъ умолку, „помогалъ“ ей убирать со стола: тащилъ чайникъ въ гостиную, самоваръ въ кабинетъ Ивана Васильевича, и т. п. Раиса скоро освоилась съ нимъ и перестала стѣсняться. Она забыла, что познакомилась съ Аристовымъ только часъ назадъ; онъ казался ей старымъ знакомымъ. Онъ сопровождалъ ее до кухни, потомъ въ кладовую; дорогой рассказывалъ анекдоты изъ театральной жизни, которыми смѣшилъ Раису до слезъ.

Иванъ Васильевичъ съ трудомъ скрывалъ нетерпѣніе, съ какимъ онъ ждалъ Раису. Дамы подтрунивали надъ Аристовымъ.

— Ваша барышня его очаровала... Онъ забылъ о насъ!

У Ивана Васильевича еще тамъ, на балконѣ, поднялось зло противъ „этихъ дуръ“ и „этого хлыща“. Теперь его раздражало каждое ихъ слово, раздражало тѣмъ болѣе, что онъ долженъ былъ отвѣчать любезной улыбкой. Въ головѣ его неотвязно торчалъ вопросъ: „Почему она не идетъ?“ Онъ часто смотрѣлъ въ ту сторону, откуда ждалъ ея появленія.

Лодка держалась у береговъ. Иванъ Васильевичъ, пользовавшійся славой замѣчательнаго гребца, гребъ лѣниво; весла забирали неровно, лодка качалась. Напрасно одна изъ дамъ просила:

— Ахъ, пожалуйста, гребите такъ, какъ вы умѣете... чтобы не вынимать веселъ...

Иванъ Васильевичъ отвѣчалъ, что для этого необходимо вдохновеніе. Лодкой правилъ судебный слѣдователь; Иванъ Васильевичъ коварно „подставлялъ ему ножку“, ворочалъ лодку по своему и держался берега. Дамы кричали, что слѣдователь не умѣетъ править, что они вернутся на одномъ мѣстѣ. Несчастный рулевой выбился изъ силъ, хлопая рулемъ то влѣво, то вправо и отыскивая въ умѣ „равнодѣйствующую“ для опредѣленія „направленія силы“.

Наконецъ показались Раиса и Аристовъ. Иванъ Васильевичъ быстро направилъ лодку къ берегу. Веселый смѣхъ Раисы, который онъ слышалъ издали, непріятно подѣйствовалъ на него. Аристовъ и въ лодкѣ не отсталъ отъ Раисы. Они сидѣли рядомъ, спиной къ Солнцеву, въ передней части лодки. Аристовъ вполне овладѣлъ вниманіемъ дѣвушки. Она даже не взглянула на Ивана Васильевича, когда садилась въ лодку. Онъ ждалъ, съ нетерпѣніемъ ждалъ ея взгляда, — онъ хотѣлъ послать ей молчаливый упрекъ. Это сдѣлалось невозможнымъ: они сидѣли спиною другъ къ другу. Тогда Иванъ Васильевичъ рѣшился показать себя. Онъ былъ силенъ и дѣйствительно ловко владѣлъ веслами. Онъ зналъ, что въ этомъ отношеніи Аристовъ не выдержитъ конкуренціи.

— Бросьте вашъ руль... только мѣшаете! — нарочно звонко крикнулъ онъ слѣдователю и налегъ на весла.

Лодка понеслась. Солнцевъ съ ожесточеніемъ работалъ веслами. Весла гнулись, борты лодки трещали, дамы были въ восторгѣ.

— Какая прелесть!.. Ахъ, какъ хорошо!.. Какъ красиво!.. Посмотрите, какая сила...

Всѣ смотрѣли. Только Раиса и Аристовъ не замѣчали доблести Ивана Васильевича. Раиса тихонько смѣялась, слушая раз-

сказъ актера о томъ, какъ онъ однажды влетѣлъ въ суфлерскую будку, при громкихъ крикахъ „bis“.

Иванъ Васильевичъ возненавидѣлъ Раису; онъ рѣшилъ пренебречь ея невниманіемъ и громко заговорилъ съ дамами, чтобы не слушать разговоръ Раисы съ Аристовымъ.

— Теперь такъ, чтобы веселье не было видно, — кричала неутомная дама. — Иванъ Васильевичъ, пожалуйста! — вторила другая.

Иванъ Васильевичъ исполнилъ ихъ просьбу. Весла, только что съ шумомъ бурлившія воду, влетавшія, какъ крылья птицы, вдругъ исчезли подъ водой. Иванъ Васильевичъ искусно повертывалъ ихъ ребромъ и забрасывалъ впередъ для удара, не вынимая изъ воды. При этой неслышной работѣ веселье, лодка двигалась съ прежней быстротой. Всѣ прислушивались къ неожиданной тишинѣ. Раздавалось легкое журчаніе воды и слабый шорохъ тренія весель о борты лодки.

— Шш... тс... — шептали дамы, угадывая глазами на весла.

Раиса и Аристовъ также оглянулись, но продолжали свой разговоръ шопотомъ. Это переполнило мѣру терпѣнія. Иванъ Васильевичъ затруднился бы отвѣтить, кого онъ больше ненавидитъ — Раису или Аристова. Последняго онъ охотно выбросилъ бы въ воду. Тишина раздражала его; онъ не могъ слышать „этого дурацкаго шопота“.

— Довольно! — крикнулъ онъ (конечно, мысленно адресуя это слово Раисѣ и Аристову), съ силой ударилъ веслами и заплылъ изъ „Африканы“. Иванъ Васильевичъ обладалъ звучнымъ баритономъ, но пѣлъ не совсѣмъ вѣрно. Впрочемъ, изъ присутствующихъ никто не отличался большой музыкальностью; ошибокъ не замѣчали. Дамы опять пришли въ восторгъ; какъ только Иванъ Васильевичъ кончилъ, онѣ въ одинъ голосъ закричали: — Изъ „Демона“!.. изъ „Демона“!.. — Солнце въ пропѣлъ изъ „Демона“ съ большимъ чувствомъ.

Катанье окончилось поздно. Гости спѣшили домой и отказались отъ ужина. Иванъ Васильевичъ даже обрадовался, когда они уѣхали. Ему хотѣлось поскорѣе отдѣлаться отъ нихъ, получить возможность показать Раисѣ, какъ онъ недоволенъ ея поведеніемъ, какъ онъ ненавидитъ, презираетъ ее...

Раиса также ждала съ нетерпѣніемъ минуты, когда они останутся одни. Она хотѣла сказать ему, какъ много удовольствія доставилъ ей сегодняшний вечеръ, хотѣла благодарить Ивана Васильевича. Она, какъ всѣ искренніе люди, стѣснялась при всѣхъ выражать свои чувства. Она была очарована, восхищена... конечно, не Аристовымъ, о которомъ она уже забыла, а имъ, ей

героемъ, который сегодня былъ героемъ для всѣхъ. Всѣ хвалили его, удивлялись его силѣ и ловкости, восторгались его пѣніемъ... Смѣясь остроумъ и шуткамъ Аристова, она думала только о Солнцевѣ; она незамѣтно слѣдила за нимъ; она чувствовала, какъ онъ растетъ и превращается въ героя. Когда онъ пѣлъ, каждое слово пѣсни глубоко отзывалось въ ея душѣ. Поэтъ, композиторъ и пѣвецъ слились для нея въ одно лицо. Его физическая сила также произвела впечатлѣніе на Рансу; она радовалась, что можетъ пожать могучую руку, которая заставляла лодку носиться съ такой быстротой.

Пока Иванъ Васильевичъ провожалъ гостей, Ранса осталась въ гостиной. Она была увѣрена, что онъ сейчасъ подойдетъ къ ней, заговоритъ, а она протянетъ ему руку и скажетъ „спасибо“. Вотъ онъ вошелъ. Она ждала, улыбаясь...

Онъ даже не взглянулъ на нее... Молча, какъ бы не замѣчая ея присутствія, онъ прошелъ къ себѣ въ кабинетъ.

Дѣвушка, сдѣлавшая движеніе, застыла въ неловой позѣ. Одно мгновеніе она надѣялась, что онъ выйдетъ изъ кабинета; но онъ съ шумомъ подвинулъ кресло и сѣлъ къ столу. Ранса опустила голову и медленными шагами вышла на балконъ. Она поняла, что онъ сердится. За что?.. Что она сдѣлала? Неужели что-нибудь дурное? Она старалась припомнить каждый свой шагъ, каждое слово... Она такъ мало говорила, не вмешивалась въ разговоръ... Она все время слушала болтовню Аристова... Если-бы она знала, въ чемъ ея вина... Она готова просить прощенія... Но онъ прошелъ мимо, не сказавъ ни слова, даже не взглянувъ. Ясно, что онъ недоволенъ, и что она виновата... Она слишкомъ проста, необразована, не умѣетъ слѣдить за собой... Вѣроятно, эти дамы... Онѣ все посмѣивались... вѣроятно, онѣ что-нибудь замѣтили и сказали ему...

Сознаніе виновности овладѣло ею. Ей хотѣлось просить, умолять о прощеніи... Вина ея должна быть слишкомъ велика, иначе онъ не былъ бы такъ суровъ. Мрачныя мысли наполняли ея голову.

„Если она не увидитъ его сегодня... если онъ не придетъ, тогда все кончено. Завтра они встрѣтятся какъ чужіе. Онъ не захочетъ говорить съ нею, будетъ избѣгать ея общества... Это ужасно!.. Они такъ сблизились, стали какъ родные, какъ братъ и сестра... Неужели все кончилось? Все, навсегда... Онъ остался одинъ со своимъ горемъ... какъ скоро онъ убѣдился, что она недостойна его вниманія! А она надѣялась... она—ничтожная, глупая!“

Райса стояла, прижавшись вискомъ къ деревянной колоннѣ; потомъ машинально опустилась на ступеньку лѣстницы и закрыла лицо руками. Въ головѣ ея не было ни одной мысли; тамъ царила какая-то пустота—тяжелая, гнетущая. Сердце билось неровно; откуда-то изъ глубины поднимались рыданія, подступали къ груди, схватывали за горло, жѣпали свободно дышать. Дѣвушка сидѣла неподвижно, какъ статуя. Неожиданный свистокъ ночного сторожа вывелъ ее изъ оцѣпенѣнія. Машинально и также безъ всякой мысли она вернулась въ гостиную. Голубой фонарикъ, висѣвшій на потолокъ, слабо освѣщалъ большую комнату. Широкая полоса яркаго свѣта падала изъ комнаты Ивана Васильевича. Дверь кабинета была открыта по прежнему. Райса увидѣла Солнцева въ зеркалѣ. Онъ сидѣлъ, поставивъ локти на столъ и охвативъ голову обѣими руками.

Одно мгновеніе она смотрѣла въ зеркало, потомъ сдѣлала нѣсколько шаговъ къ кабинету.

— Спокойной ночи,—тихо сказала она и повернулась, чтобы уйти. Онъ съ шумомъ оттолкнулъ кресло, вбѣжалъ въ гостиную, догнавъ Райсу и схватилъ ее за руку.

— За что вы сердитесь?—съ усиленіемъ произнесла она; губы ея дрогнули.

— Простите!—взволнованно заговорилъ онъ,—простите... Я виноватъ... виноватъ... Я также измучился... Пойдемте, я расскажу... все расскажу.

Онъ ввелъ ее въ кабинетъ. Она освободила руку и, закрывъ лицо, стала плакать. Чтобы плакать не слишкомъ громко, она зажала ротъ рукой. Отъ сдерживаемыхъ рыданій она вздрагивала всѣмъ тѣломъ. Иванъ Васильевичъ испугался. Онъ взялъ ее за талію, довелъ до кушетки и посадилъ. Онъ не переставалъ повторять:—Простите... Я виноватъ... Успокойтесь... ради Бога... Я расскажу...

Она не могла успокоиться. Это былъ нервный припадокъ; плачь сдѣлался истерическимъ. Она упала на кушетку и плакала громко. Иванъ Васильевичъ не зналъ, что дѣлать. Онъ сталъ на колѣни, тянулъ зачѣмъ-то къ себѣ руку Райсы, наконецъ всеочилъ и принесъ воды. Дѣвушка выпила и нѣсколько успокоилась. Онъ опять сталъ на колѣни.

— Я виноватъ... Я очень виноватъ... простите... Мнѣ показалось... Мнѣ было такъ обидно... этотъ хлыщъ Аристовъ... вы—все съ нимъ... Вы сидѣли такъ долго... Это невыносимо... Вы ни разу не взглянули на меня... Онъ все шепталъ вамъ что-то... Простите, я виноватъ, я не имѣю права, но...

Онъ не зналъ, что „но“. Она подсказала ему. Она уже не плакала; на лицѣ ея еще дрожали слезы, глаза были влажны, но она улыбалась. Она протянула къ нему обѣ руки; онъ цѣловалъ ихъ. Она чуть слышно шептала:

— Любите?.. Милый!.. Любите меня? Любите... правда?

Она наклонилась къ нему, обняла его голову и прижала къ своей груди.

Онъ слышалъ, какъ сильно стучитъ ея сердце. Она повторяла одно и то же:—Любите?.. Милый... скажите—любите?..

Его испугалъ этотъ сильный порывъ; одно мгновеніе онъ колебался, но оттолкнуть дѣвушку не хватило силъ. Возбужденная страстью, она была такъ хороша; онъ чувствовалъ ея горячее дыханіе, чувствовалъ прикосновеніе молодой груди съ сильно бьющимся сердцемъ; хотѣлось ласкъ, поцѣлуевъ.

— Да, да,—шепталъ онъ:—люблю, моя голубка, моя славная!

Послѣ объятій и поцѣлуевъ они сѣли рядомъ и, взявшись за руки, говорили, перебивая другъ друга. Она рассказала, какъ ждала, чтобы поскорѣ уѣхали гости, какъ любовалась имъ въ людѣ, какъ испугалась его гнѣва; онъ сознался, что ревновалъ къ Аристову, шутилъ надъ своей недавней ненавистью къ воображаемому противнику и снова просилъ прощенія за „чудовищную“ грубость. Потомъ они старались вспомнить, съ какого времени началась ихъ любовь. Она почувствовала это чуть-ли не съ перваго дня... потомъ „тамъ въ лѣсу“ и „тогда въ полѣ“. Конечно, она не смѣла надѣяться... Онъ также давно любить, но боялся своего чувства, боялся сознаться въ немъ самому себѣ.

За разговорами слѣдовали поцѣлуи, за поцѣлуями—опять разговоры. Такъ прошла вся ночь.

Они не замѣтили, какъ въ комнатѣ потухла лампа, а на небѣ зажглась заря.

Они не замѣчали времени. Для нихъ оно шло слишкомъ быстро; у нихъ было чѣмъ заполнить его. Прогулки, исканія уединенныхъ мѣстъ, мѣры предосторожности, планы будущаго. О послѣднихъ заботился, главнымъ образомъ, Иванъ Васильевичъ. Раиса жила сегодняшнимъ днемъ. Она, въ самомъ дѣлѣ, давно любила. Долго сдерживаемое чувство прорвалось съ такой ошеломляющей силой, которая уничтожала всѣ препятствія, не давала задуматься о послѣдствіяхъ. Раиса безъ малѣйшаго колебанія подчинилась власти чувства. Оно охватывало ее все сильнѣе, влекло все дальше, не разбирая пути. Непроходимая стѣна, без-

донная пропасть не остановили бы ея. Она, не задумываясь, разбила бы голову или полетѣла стремглавъ.

Иванъ Васильевичъ не могъ жить такъ. Онъ, какъ серьезный человѣкъ, не могъ не думать о завтрашнемъ днѣ. Онъ повѣрялъ свои думы Раисѣ; она слушала и соглашалась во всемъ. Развѣ могъ онъ, „такой умный, такой хорошій“, придумать что-нибудь скверное? Онъ не отдѣлялъ ея отъ себя,—ей больше ничего не нужно. Она съ вѣрой ждала будущаго; оно представлялось ей раемъ съ вѣчными радостью и счастьемъ.

Иванъ Васильевичъ твердо рѣшилъ отказаться отъ той жизни, какую велъ до сихъ поръ. „Она бессмысленна, эта жизнь паразита“. Жить здѣсь — все равно, что жить въ городѣ. А что можетъ быть хуже городской жизни? Городъ развращаетъ... Эти театры, оперетки, кафѣ-шантаны, модные магазины, чиновники — зачѣмъ все это? Кому это нужно? Въ тысячу разъ осмысленнѣе жизнь въ деревнѣ.

— Мы будемъ жить съ тобой, какъ живутъ крестьяне — говорилъ Иванъ Васильевичъ, обнимая Раису. — Это все (онъ показалъ головой на окно) я оставлю Маріи Гавриловнѣ... Намъ ничего не нужно... Мы оба сильны и здоровы, оба хорошіе работники... Ты, моя славная (поцѣлуй), моя хозяйка... Представь себѣ...

Эта мысль привела его въ восхищеніе.

— Представь себѣ: маленькій домикъ, весь въ зелени... хмель или дикій виноградъ...

Она сказала, что дикій виноградъ лучше.

— Все равно, лишь бы побольше зелени. Передъ домомъ ты разведешь цвѣтники, простой... Знаешь, какъ возлѣ каждой украинской хаты... Я буду работать, непременно самъ... самъ пахать, сѣять, словомъ, все...

— Ты не сможешь, милый...

— О-о! я гораздо сильнѣе многихъ мужиковъ... Я люблю физическій трудъ... Онъ на меня такъ хорошо дѣйствуетъ. Я пробовалъ работать... Ты увидишь, какъ я буду справляться... Лѣтомъ на полѣ, зимой — заняться литературой... Я давно мечталъ о такой жизни... А ты согласна? Ты еще не привыкла къ городу?

Она улыбнулась. „Смѣшной!“ Развѣ она можетъ быть не согласна? Она привыкла только къ нему и съ нимъ согласна жить гдѣ угодно.

Оставаясь одинъ, Иванъ Васильевичъ забывалъ о томъ, чѣмъ увлекался, бесѣдуя съ Раисой. Розовая облака будущаго съ уто-

пающимъ въ зелени домикомъ исчезали. Рисовались другія картины: веселя Ворошилова, банковый долгъ, письма Маріи Гавриловны съ напоминаніемъ о „скорѣйшей высылкѣ“. То были картины реальной дѣйствительности, картины, назойливо торчавшія передъ глазами. Подъ ихъ гнетомъ Иванъ Васильевичъ дѣйствительно чувствовалъ желаніе „вырваться изъ этого омута“, уйти, исчезнуть, провалиться сквозь землю.

Однажды, когда Раиса застала его въ кабинетѣ въ уныломъ настроеніи, и онъ проговорился о своихъ финансовыхъ затрудненіяхъ, она не только не огорчилась, но слушала его съ сіяющимъ лицомъ, точно онъ рассказывалъ что-нибудь очень веселое. Онъ еще не успѣлъ кончить, а она уже перестала слушать; она смѣялась и хлопала въ ладоши.

— Очень рада, очень рада! Милый!

Иванъ Васильевичъ сидѣлъ въ креслѣ; Раиса встала возлѣ него на колѣни; она любила такъ стоять.

— Тебѣ нужны деньги?.. Ты возьмешь у меня.

— Ты ребенокъ, Рая!—онъ погладилъ ее по волосамъ:— во-первыхъ, я у тебя не возьму; во-вторыхъ, мнѣ нужно слишкомъ много...

— Ты возьмешь... ты добрый... Я богата. Ты не знаешь: у меня десять тысячъ... Мнѣ прислалъ дядя, для приданого... Онѣ лежатъ въ банкѣ... на мое имя. Я могу взять, когда угодно.

Онъ дѣйствительно не зналъ объ этихъ десяти тысячахъ. Но, конечно, онъ не возьметъ ея денегъ.

— Нѣтъ, Рая, нѣтъ,—сказалъ онъ серьезно.—Я не могу взять у тебя. Нехорошо, если въ наши отношенія вмѣшаются денежные счета...

— Какіе счета? Ты—мой женихъ... Ты женишься на мнѣ, а это приданое...

Онъ улыбнулся, какъ улыбаются дѣтямъ, когда тѣ, подражая взрослымъ, начинаютъ разсуждать серьезно. Онъ поцѣловалъ ее въ лобъ и поставилъ на ноги. Раиса обидѣлась; она вздернула плечами, отвернулась и стояла, кусая ногти. Чтобы утѣшить ее, Иванъ Васильевичъ подошелъ къ ней и, заглядывая черезъ плечо, сказалъ конфиденціально:

— Я возьму у тебя, когда понадобится для развода...

Онъ взялъ гораздо раньше. Трудно было устоять противъ соблазна легкой возможности получить деньги; тѣмъ болѣе трудно, что нужда въ нихъ съ каждымъ днемъ сказывалась все настойчивѣе. Попытки Ивана Васильевича достать въ другомъ мѣстѣ кончились полной неудачей; кредитъ его былъ давно подорванъ.

Осенью Солнцевъ долженъ былъ получить крупную сумму за проданный съ разсрочкой лѣсъ. Ему, однако, не хотѣли ждать двухъ-трехъ мѣсяцевъ. Онъ рѣшился взять деньги Раисы. Онъ сказалъ ей, что чрезъ два мѣсяца возвратитъ банковую книжку со вписанными въ нее десятью тысячами.

Деньги Раисы хранились въ одномъ изъ кievскихъ банковъ. Отъ Новодворянска до Кіева двадцать-четыре часа по желѣзной дорогѣ. Въ концѣ іюля Иванъ Васильевичъ, вмѣстѣ съ Раисой, уѣхали въ Кіевъ.

Колоколь Софійскаго собора пробилъ двѣнадцать. Раиса считала удары. Она сидѣла, взобравшись съ ногами на подоконникъ, и смотрѣла внизъ съ высоты третьяго этажа. Солнцева, занявшаго сосѣдній номеръ, весь вечеръ не было дома. Онъ ушелъ въ университетскому товарищу, съ которымъ случайно встрѣтился на улицѣ. Раиса ждала возвращенія Солнцева; она не надѣялась видѣться съ нимъ сегодня, но хотѣла знать, что онъ дома. Въ десять часовъ она уже нетерпѣливо считала удары; одиннадцатый часъ тянулся такъ долго, что она подумала, не испортились ли часы собора, и звала горничную, чтобы узнать, который часъ. Съ чувствомъ болѣзненного раздраженія, со слезами на глазахъ, считала она полночные удары колокола. Ей стало жутко, даже страшно. Сначала она прислушивалась къ уличному шуму: ступъ экипажей, шаги пѣшеходовъ, даже многія слова долетали къ ней. Вдругъ все стихло. Городъ заснулъ. Сознаніе полного одиночества въ большомъ чужомъ городѣ тоскливо сжало сердце. „Все, все чужое“...

Она всматривалась въ мѣстность, видимую изъ окна. Громадное зданіе закрывало горизонтъ: темный пятиэтажный домъ стоялъ прямо передъ глазами; налѣво возвышалась колокольня Софійскаго собора, холодная, бѣлая, точно одѣтая въ саванъ; направо сбѣгала внизъ узкая улица, сжатая съ обѣихъ сторонъ высокими домами. Луна свѣтила сбоку улицы; тѣнь отъ домовъ закрыла всю мостовую и часть противоположныхъ стѣнъ. На мостовой было темно. Раисѣ стало страшно смотрѣть внизъ и на все окружающее. Во всемъ было что-то мрачное, враждебно мрачное; все точно по уговору пугаетъ ее. Какъ грозно гудитъ церковный колоколь! Она не только слышитъ его удары, она чувствуетъ производимыя ими колебанія воздуха, и сама начинаетъ дрожать. А его все нѣтъ. Во всемъ мірѣ у нея только одинъ онъ... И онъ ушелъ... И такъ долго, такъ мучительно долго нѣтъ его...

Страшная мысль отуманила мозгъ; голова кружится; чтобы не упасть на троттуаръ, Раиса соскочила на полъ и схватилась за раму. „Онъ не придетъ... Онъ ушелъ совсѣмъ... навсегда“...

„Онъ бросилъ ее... Она надоѣла ему... Все пропало... Забытая, покинутая, она оказалась одна... Одна во всемъ мірѣ?.. Какъ страшно! Одна, одна, одна!..“

Раиса упала на кровать и долго плакала. Когда слезы кончились, она опять подошла къ окну и заглянула внизъ: нѣтъ никого—ни одного пѣшехода, ни одного извозчика. Но теперь ей не страшно смотрѣть туда; напротивъ, она съ любопытствомъ вглядывалась въ слабо очерченныя плитки троттуара. Она рѣшила: „Если онъ не придетъ, тогда туда, внизъ“... Что-то манило ее туда. Она отошла отъ окна: еще можно ждать. Она легла въ постель, не раздѣваясь. Въ постели было душно: въ знойный юльскій день номеръ накалился. Раиса вскочила, сорвала съ себя платье, башмаки, чулки, надѣла легкую бѣлую блузу и опять легла. „Не придетъ... не придетъ... Одна... одна“...

Она старалась не думать объ этомъ, но кто-то шепталъ ей въ уши эти слова. Она безпокойно ворочалась на постели, чтобы заглушить страшный пошопъ; но онъ становился все громче, все назойливѣе. Онъ превратился въ дикій крикъ. Собралась громадная толпа; всѣ кричатъ: „Одна, одна, одна!“ Раиса хочетъ бѣжать; миллионы рукъ протягиваются къ ней со всѣхъ сторонъ. Двѣ громадныя, косматыя руки, съ длинными пальцами, схватываютъ ее и поднимаютъ на воздухъ; онѣ уносятъ ее все выше и выше... Вотъ вершина колокольни. Колоколь раскачивается и кричитъ: „одна, одна!“ Руки взмахиваютъ ее въ воздухъ и бросаютъ внизъ...

„Боже!.. Какъ страшно!..“ Она открыла глаза.

Возлѣ постели стоялъ Солнцецвъ. Онъ увидѣлъ снаружи ключъ и думалъ, что или Раиса не спитъ, или она забыла запереть дверь. Дверь не была заперта; онъ вошелъ. Увидѣвъ дѣвушку спящей, онъ хотѣлъ поцѣловать ее и уйти. Подойдя къ постели, онъ боялся прикоснуться къ Раисѣ, чтобы не испугать ея; но не могъ и уйти: онъ любовался картиной.

Луна поднялась высоко и смотрѣла прямо въ окно. Вся постель была залита свѣтомъ. Раиса, вся въ бѣломъ, лежала на спинѣ; лѣвая рука свѣсилась съ кровати; правая, обнаженная до плеча, блѣдная, какъ алебастръ, была закинута за голову; роскошныя каштановыя волосы, разсыпавшіеся по груди, рельефно выдѣлялись на бѣломъ фонѣ; голова была откинута назадъ; лицо, окруженное рамкой волосъ, скрывалось въ тѣни; лѣвый бортъ

незастегнутой блузы лежалъ на плечѣ; полуобнаженная грудь, подъ защитой волосъ, часто и высоко поднималась...

Иванъ Васильевичъ стоялъ, притаивъ дыханіе, не смѣя шевельнуть пальцемъ. Онъ сознавалъ, что долженъ уйти, но медлить. Мало-по-малу имъ овладѣвала страсть. Безумная, одуряющая, жадная, она сковала волю, разбудивъ тысячу желаній...

Около двухъ недѣль они прожили въ Кіевѣ, праздно на свободѣ медовые дни. Иванъ Васильевичъ прекрасно свылся съ новымъ положеніемъ. „Голосъ совѣсти“ скоро умолкъ предъ „голосомъ разсудка“. Какъ только послѣдній вступилъ въ свои права, стало ясно, какъ дважды два — четыре, что случилось лишь то, что неизбежно должно было случиться: „молодые, здоровые мужчина и женщина, послѣ объясненія въ любви, не могутъ кончить иначе“... Они жили слишкомъ близко другъ въ другу... Конечно, это неблагоприятно... Но съ другой стороны... собственно говоря... не случилось ничего сверхъестественнаго: „исполненъ простой законъ природы“...

Таковы, приблизительно, доводы разсудка, успокоившіе Ивана Васильевича. Онъ не сомнѣвался въ ихъ силѣ и убѣдительности, но врядъ-ли бы открыто сослался на нихъ даже въ интимной бесѣдѣ съ близкимъ человѣкомъ.

Прошло два мѣсяца—августъ и сентябрь. Въ концѣ сентября Иванъ Васильевичъ просилъ у Раисы прощенія: онъ не сошелся съ покуппиками хлѣба, а лѣсопромышленникъ его надулъ; онъ еще не могъ внести въ банкъ деньги. Раиса зажала Ивану Васильевичу ротъ, а Иванъ Васильевичъ поцѣловалъ ея ручку въ ладонь.

Время въ теченіе этихъ двухъ мѣсяцевъ, по крайней мѣрѣ для Солнцева, не шло такъ быстро, какъ въ двѣ первыя недѣли, проведенныя въ Кіевѣ. Общество Раисы утомляло его; онъ скучалъ съ нею. Поцѣлуи потеряли свой интересъ; говорить съ ней „положительно не о чемъ“. Теперь онъ былъ доволенъ, что Раиса увлекается хозяйствомъ, и не замѣчалъ ея отсутствія даже въ теченіе цѣлаго дня; она, напротивъ, пользовалась каждой свободной минутой, чтобы забѣжать къ нему въ кабинетъ, шепнуть на ухо: „милый!“ или взобраться на колѣни. Это было скучно. Однако Иванъ Васильевичъ не ропталъ, быть можетъ сознавая, что въ положеніи „соломеннаго вдовца“ трудно устроиться лучше.

О будущемъ уже не говорили. Иванъ Васильевичъ часто ѣздилъ въ городъ „по дѣламъ“. Раиса знала, что онъ энергично хлопотеть о разводѣ, и не хотѣла надоедать пустыми вопросами. Онъ ей сказалъ однажды, что „это дѣло сложное и трудное“... Конечно, онъ лучше знаетъ и сдѣлаетъ все такъ, чтобы было хорошо...

Въ первыхъ числахъ октября надъ головой Ивана Васильевича грянулъ громъ: получила телеграмма отъ жены. Черезъ три дня Марія Гавриловна будетъ въ Новодворянскѣ. Это извѣстіе оглушило Солнцева, какъ ударъ обуха по головѣ. Марія Гавриловна предполагала возвратиться только къ новому году. Солнцевъ думалъ, что у него есть еще время, что онъ еще успѣетъ написать „о разводѣ“, объ „отношеніяхъ къ Раисѣ“. Онъ зналъ, что Марія Гавриловна невысоко цѣнитъ свой супружескій союзъ, но не зналъ, какъ она отнесется къ разводу; вѣрнѣе, боялся, что она не согласится на разводъ. Вотъ почему онъ медлилъ, оттягивая рѣшительную минуту. И вдругъ эта минута приближается съ ужасающей быстротой. Вдругъ откроется все... Вся ложь, которой онъ опуталъ Раису, вся ложь, которой наполнены письма къ Маріи Гавриловнѣ...

Черезъ три дня встрѣтятся эти двѣ женщины... Что скажетъ имъ онъ — „презрѣнная тварь, гнусный обманщикъ, подлецъ и воръ“... Иванъ Васильевичъ чувствовалъ облегченіе, награждая себя такими эпитетами.

Есть одинъ выходъ: „разомъ покончить все“. Но вѣдь самоубійство... Во-первыхъ, оно не поправитъ дѣла, во-вторыхъ, — вызоветъ сплетни... Но самое главное: перенесетъ ли его Раиса? Она такъ любитъ... Она также покончитъ съ собой...

Была минута, въ которую Иванъ Васильевичъ готовъ былъ, казалось, принести искупительную жертву. Онъ чувствовалъ потребность выбиться изъ-подъ гнета опутавшей его лжи. Имъ овладѣла жажда раскаянія, жажда правды, стремленіе къ добру. Онъ хотѣлъ бѣжать къ Раисѣ, открыть ей свою душу, „свою грязную, отвратительную душу“, рассказать „все, безъ малѣйшей утайки“...

Эта минута скоро прошла. Иванъ Васильевичъ зналъ, что не сумѣетъ быть вполне искреннимъ; зналъ, что въ его „правдивую исповѣдь“ непременно вплетется новая ложь; зналъ, что это будетъ не исповѣдь, а „защитительная рѣчь“. Раиса не пойметъ „рѣчи“...

Два дня уже носилъ Солнцевъ въ карманѣ телеграмму жены

и ничего еще не придумалъ. Съ Раисой онъ былъ особенно нѣженъ. Нѣсколько разъ онъ порывался сказать ей, но тотчасъ же останавливался: „Какъ сказать? что сказать?“ Онъ рисовалъ себѣ картину: Раиса подходитъ къ нему; она обвила его шею руками; она такъ любовно, такъ довѣрчиво прижалась къ его груди... Развѣ мыслимо, развѣ возможно въ это время „ударить ее кулакомъ по темени!“ Нѣтъ, лучше бѣжать... Бросить все—Раису, жену, дѣтей... Скрыться куда-нибудь, на край свѣта, исчезнуть, пропасть...

Чтобы предохранить отъ паденія зданіе, построенное на жи, необходимо непрерывно укрѣплять его новой ложью.

Часу въ 11-мъ вечера, наканунѣ ожидаемаго пріѣзда Маріи Гавриловны, Раиса, по обыкновенію, переселилась изъ спальни въ кабинетъ Ивана Васильевича. Онъ давно не ждалъ ея съ такимъ нетерпѣніемъ. Какъ только она вошла, онъ обнялъ ее, поцѣловалъ, потомъ посадилъ къ себѣ на колѣни.

— Рая,—сказалъ онъ, улыбаясь и прижимая ее къ себѣ: —мы сегодня простимся... Придется разстаться на нѣсколько дней...

— Зачѣмъ?

Она ничего не подозрѣвала и думала, что онъ уѣзжаетъ.

— То-есть, даже не разстаться... но тебѣ нельзя будетъ приходить сюда... Входъ воспрещается!—пошутилъ онъ и, не останавливаясь, продолжалъ:—Госпожа Солнцева пріѣдетъ... въ Новодворянскъ...

Раиса откинулась назадъ и смотрѣла на Солнцева скорѣе съ удивленіемъ, чѣмъ со страхомъ. Онъ продолжалъ улыбаться, но былъ блѣденъ и съ трудомъ владѣлъ голосомъ.

— Не бойся, милая...

Онъ пересыпалъ слова поцѣлуями.

— Я самъ вызвалъ ее... Мнѣ нужно повидаться... поговорить о разводѣ... рѣшить окончательно... Нужно ускорить рѣшеніе... Я хочу жить съ тобой по-человѣчески. Это неопредѣленное положеніе тяжело... Нужно кончить, развязаться со старымъ и начать новую жизнь...

Онъ овладѣлъ собой, говорилъ серьезно, тономъ, соответствующимъ важности предмета. Раиса слушала довольно спокойно. Она боялась Маріи Гавриловны и не желала съ нею встрѣчаться; но если онъ вызвалъ ее, значитъ такъ нужно... Тѣмъ болѣе, что это ускорить ихъ свадьбу. Видя спокойствіе Раисы, Иванъ Васильевичъ говорилъ смѣлѣе.

— Я думаю, неудобно ей остановиться въ городѣ, въ гостиницѣ... Начнутся сплетни... Какъ ни тяжело, придется пригласить ее... Конечно, она не должна знать о нашихъ отношеніяхъ...

Райса испуганно прижалась къ нему.

— Милый, я боюсь!..

Онъ опять сталъ улыбаться.

— Полно, мой ребенокъ... моя маленькая трусиха!..

Онъ ласкалъ ее, говорилъ нѣжные слова, напомнилъ еще разъ, что „сегодня нужно проститься на недѣлю“, что жена можетъ пріѣхать „даже завтра“, что „входъ воспрещается на семь дней“, что поэтому сегодня имъ должно быть „въ семь разъ веселѣе“... Въ самомъ дѣлѣ, Иванъ Васильевичъ, казалось, усемерилъ силу ласкъ, поцѣлуетъ, силу страсти. Райса вѣрила всему. Она пьянѣла отъ ласкъ; въ опьяненномъ страстью мозгу не было мѣста сомнѣнію. Предчувствіе ничего не подсказало ей...

Иванъ Васильевичъ встрѣтилъ жену на вокзалѣ. Она пріѣхала, потому что „стосковалась о мужѣ, о дѣтяхъ“,—а главное, она „уже совершенно здорова“. Это признали даже врачи. Дѣйствительно, Марія Гавриловна сильно измѣнилась. Когда изъ вагона вышла высокая, стройная дама, съ нѣжнымъ, выхоленнымъ матово-бѣлымъ лицомъ, Солнцева не сразу узналъ въ ней жену. Онъ помнилъ ее такою, какою она была, уѣзжая за границу: желтая, худая, съ морщинистой, дряблой кожей, съ худымъ тѣломъ, на которомъ нескладно висѣло платье. Теперь предъ нимъ стояла изящная барыня въ модномъ платьѣ, красиво облегавшемъ безукоризненные формы. Иванъ Васильевичъ давно не видѣлъ жены такою красавицей. Здоровье возстановило ея красоту. То была красота выдающаяся, привлекающая вниманіе; въ ней поражала не правильность линій, не античность формъ, а сознаніе своей силы, нѣсколько нахальная самоувѣренность непродажной куртизанки. Взглядъ умныхъ глазъ, казалось, говорилъ: „все — для меня“; съ губъ никогда не сходила насмѣшливая улыбка.

Пока получали багажъ, Марія Гавриловна посвятила мужа въ послѣднія заграничныя „злобы дня“. Онъ давно не читалъ газетъ, и впервые отъ нея услышалъ нѣсколько важныхъ политическихъ новостей. Дорогой она упомянула вскользь о своихъ заграничныхъ поклонникахъ: о молодомъ испанцѣ, сходявшемъ съ ума, о важномъ петербургскомъ сановникѣ, давшемъ вѣявку получить командировку въ Новодворянскъ. Она болтала безъ умолку,

въ игривомъ тонѣ, не давая мужу слова сказать. Наконецъ, и ему удалось похвастать своей побѣдой.

— Помнишь, я писалъ тебѣ, — онъ говорилъ, улыбаясь, но избѣгалъ долго смотрѣть на жену: — мои подозрѣнія оправдались... Малиновская серьезно ко мнѣ равнодушна... Она почти объяснилась въ любви...

Марія Гавриловна не придавала значенія его словамъ. Очевидно, занятая какой-то своей мыслью, она сказала:

— Вишь какой ты сердцеедъ!..

— Ее очень поразила твоя телеграмма...

— Неужели она надѣялась имѣть романъ? Она вѣдь совсѣмъ простушка...

— Да, конечно... Но, знаешь, она добрая... недалекая, но добрая... Дѣти любятъ ее... такъ привязались къ ней... Она ухаживала за ними, какъ мать...

— И за тобой...

Онъ засмѣялся.

— Я съ нетерпѣніемъ ждалъ твоего возвращенія, — сказалъ онъ.

Чтобы усилить значеніе своихъ словъ, онъ наклонился къ женѣ и пожалъ ея руку.

— Если ты говоришь не шутя о Малиновской, — намъ слѣдуетъ при ней воздерживаться отъ кѣжностей, — сказала Марія Гавриловна.

— О, да... пожалуйста! — воскликнулъ Солнцевъ, можетъ быть, слишкомъ поспѣшно.

Она улыбнулась и сказала, шутя.

— Себѣ скажи... Я вѣдь не охотница...

Это правда. Она никогда не была щедра на ласки. Это составляло ея силу; этимъ она рѣзко отличалась отъ Раисы. Раиса сразу отдала все; отдала всю себя, съ душой и тѣломъ; взять у нея больше нечего... Марія Гавриловна, напротивъ, всегда заставляла ожидать чего-то большаго; — такова характерная особенность куртизанки.

Увидѣвъ Раису рядомъ съ женой, Иванъ Васильевичъ былъ пораженъ контрастомъ. Раиса показалась ему такой маленькой, жалкой, ничтожной... И онъ думалъ прожить съ нею всю жизнь!.. Дикая, нелѣпая идея!..

Ивану Васильевичу было отъ души жаль Раису.

„...Раиса — добрая дѣвушка. Ты можешь не беспокоиться о дѣтяхъ. Конечно, воспитаніе — дѣло первой важности, и я согла-

сень съ тобой, что оно должно начинаться отъ колыбели. Въ возрастѣ Жени и Пети задача воспитанія заключается въ развитіи физическихъ силъ ребенка. Въ этомъ смыслѣ, Малиновская — лучшая воспитательница. Она заботится о здоровьѣ дѣтей и умѣетъ ихъ развлекать. Она заботится также и обо мнѣ, и кормитъ меня такими обѣдами, отъ которыхъ я толстѣю съ каждымъ днемъ. Словомъ, она — превосходная хозяйка, но... только хозяйка. Она не глупа отъ природы, но совсѣмъ неразвита и не видѣла людей. Передо мной она благоговѣетъ, чуть не молится на меня. Это неприятно и даже очень скучно. Я завидую тебѣ, что ты живешь за границей. Вѣришь ли, бывають минуты, когда мной овладѣваетъ сильнѣйшее желаніе прокатиться къ тебѣ, подышать европейскимъ воздухомъ, страхнуть плесень провинціального захластья“...

Это письмо Ивана Васильевича къ женѣ Раиса читала ночью, лежа въ постели, на другой день послѣ пріѣзда Маріи Гавриловны. Рядомъ съ комнатою Раисы была дѣтская. Маленькая Женья, долго игравшая сакъ-воажемъ Маріи Гавриловны, забралась въ комнату Раисы и, вытащивъ изъ сакъ-воажя всѣ бумаги, разбросала ихъ по комнатѣ. Раиса все собрала и сложила въ сакъ-воажъ. Одинъ измятый листокъ бумаги остался незамѣченнымъ на стулѣ, возлѣ кровати. Раиса нашла его, ложась въ постель. Это былъ послѣдній листокъ письма. Письмо оканчивалось такъ: „Я встрѣтилъ бы тебя съ распростертыми объятіями, еслибы ты вернулась хоть сейчасъ. Но если необходимо для здоровья, лучше останься до Рождества. Можешь не стѣснять себя въ деньгахъ: я досталъ на выгодныхъ условіяхъ. Куплю цѣлую. Твой“ — и какая-то неизвѣстная буква. Немного ниже было написано число: „2 сентября“, а потомъ еще приписка: „Если правда, что ты „расцвѣла и похорошѣла“, то можешь догадаться, какъ я желалъ бы быть съ тобой“...

Вотъ когда Раиса почувствовала тотъ ударъ „вулака по теменю“, отъ котораго хотѣлъ уберечь ее Солнцевъ. Съ бессильно свѣщенными руками, съ блуждающимъ взглядомъ она сидѣла на постели, дрожа какъ въ лихорадкѣ. Схваченное судорогой лицо страшно измѣнилось. Дѣвушка упала назадъ и залилась истерическимъ плачемъ. Чтобы не разбудить дѣтей или няньку, она закрыла голову подушкой. Измятый листокъ бумаги валялся на полу.

Переставъ плакать, Раиса сѣла на кровати, свѣсивъ ноги. Она была спокойна, но что-то тупое, неосмысленное, появилось

въ ея лицѣ; какая-то оцѣпенѣлая неподвижность охватила весь организмъ... На лбу образовалась глубокая складка; губы шептали:

— Неправда... неправда... милый...

Она улыbnулась безсознательно, по привычѣ. Мысли путались въ головѣ. Дѣвушка съ усиленіемъ старалась припомнить что-то: „Онъ говорилъ... писалъ женѣ... не то, совсѣмъ не то... Неправда... Она сейчасъ пойдетъ къ нему. Онъ самъ скажетъ — неправда“...

Она быстро встала и вышла изъ комнаты. Безшумно ступая босыми ногами, она прошла дѣтскую, столовую и очутилась въ маленькой комнатѣ, отдѣлявшей гостиную отъ спальни Маріи Гавриловны. Чтобы попасть въ кабинетъ Ивана Васильевича, нужно было еще пройти гостиную. Въ маленькой проходной комнатѣ было темно. Изъ спальни, дверь которой была завѣшана драпировкой, падала узенькая полоска свѣта; она лежала на пути Райсы. Дѣвушка остановилась въ двухъ шагахъ отъ нея. Она боялась перешагнуть эту полоску слабого луннаго свѣта и смотрѣла на нее съ мистическимъ страхомъ.

— „Маруся, голубчикъ... разбуди же меня“...

Эти слова были произнесены въ спальнѣ; Райса узнала сонный шопотъ Солнцева. Она повернулась лицомъ къ спальнѣ и стояла, вперивъ сумасшедшіе глаза въ дверь спальни, въ маленькую щель чуть-чуть раздвинутой драпировки.

Онъ—тамъ, въ двухъ шагахъ отсюда, за этимъ кускомъ темной матеріи... И съ нимъ—она... „Маруся, голубчикъ“...

Беззвучно шевеля губами, Райса машинально повторила эти два слова. Вдругъ она почувствовала, что силы оставляютъ ее, ноги подкашиваются... что-то тяжелое навалилось на нее и давить, давить... Ей показалось, что она упадетъ сейчасъ, здѣсь, на порогъ ихъ спальни. Она отшатнулась, точно хотѣла сдвинуться съ мѣста силой собственного вѣса. Сдѣлавъ нѣсколько невѣрныхъ шаговъ, она удержалась отъ паденія, схватившись за косякъ двери. Дальше шла, какъ пьяная, пѣпляясь руками за встрѣчные предметы... Наконецъ, силы оставили ее. Медленно, какъ надломленный колось, она опустила на полъ, въ двухъ шагахъ отъ своей постели. Въ домѣ всѣ спали. Дѣвушка лежала на полу, какъ трупъ, безъ движенія, безъ признаковъ жизни. Блѣдный свѣтъ заходящей луны, пробиваясь чрезъ верхнія стекла окна, освѣщаль полуобнаженное тѣло...

Утромъ, когда всѣ проснулись, Райсы не было въ домѣ...

Многіе найдутъ, что если авторъ рѣшилъ оставить эту „исторію“ безъ конца, то могъ оборвать ее ровно двумя строками выше.

Онъ бы такъ и сдѣлалъ. Но есть читатели требовательные, даже,—извините,—нѣсколько назойливые; они, не взирая ни на что, иногда изъ одного празднаго любопытства, осаждаютъ автора тысячью вопросовъ. Этимъ читателямъ посвящается настоящая глава.

Раиса очнулась передъ разсвѣтомъ. Она знала, что фосфорныя спички въ большихъ круглыхъ коробкахъ стоятъ на этажеркѣ, въ ея комнатѣ. Она сама недавно сложила ихъ тамъ.

Раиса одѣлась, взяла коробку спичекъ, сѣла къ столу и принялась за работу, дѣлая ее спокойно, не торопясь. Блѣдное, холодное, какъ мраморъ, лицо дѣвушки было неподвижно. Она сидѣла, какъ автоматъ, который нарядили въ женское платье, посадили на стулъ и снабдили двигательнымъ аппаратомъ. Автоматъ бралъ одной рукой спичку и прижималъ ее обфосфореннымъ концомъ къ столу. Фосфорная головка отлетала; чтобы она не упала на полъ, двигательный аппаратъ заставлялъ автомата огораживать ее другой рукой. Фосфорныя головки автоматъ собиралъ въ стаканъ...

Иногда спичка вспыхивала и обжигала пальцы. Раиса не чувствовала боли, но вздрагивала отъ неожиданнаго шума.

Когда дно стакана густо покрылось разноцвѣтными крупинками, Раиса развела ихъ водой и залпомъ выпила все. Она надѣялась умереть очень скоро, и спѣшила уйти подальше отъ дома, который вызывалъ въ ней какой-то суевѣрный страхъ.

Въ десятиминутномъ разстояніи отъ Лѣсковъ начиналась городская роща. Раиса пошла туда. Чрезъ рощу протекаетъ широкая аллея, по которой ходятъ въ городъ.

Въ лѣсу было прохладно. Солнце недавно взошло; легкій вѣтеръ шумѣлъ между деревьями, срывая пожелтѣвшіе листья. Они медленно падали, кружась и качаясь въ воздухѣ и, блеснувъ на солнцѣ необсохшей росой, съ тихимъ шелестомъ ложились на землѣ.

Раиса стояла, прислонившись къ дереву. До сихъ поръ она дѣлала все какъ во снѣ, не думая, не понимая, подчиняясь вліянію невѣдомой силы. Теперь къ ней возвратилось сознание: она тихо плакала...

Когда начались физическія страданія, она не могла переносить ихъ и побѣжала въ городъ. Она надѣялась, что въ аптекѣ

ей помогутъ умереть безъ мученій. Въ неизбѣжности смерти она не сомнѣвалась...

Мельницкая, какъ оказалось, должна была оставить ее у себя и по ея выздоровленіи; впрочемъ дѣвушкѣ и безъ того некуда было дѣваться.

Солнцева живутъ пока по прежнему, но собираются переехать въ Петербургъ.

Марія Гавриловна переписывается съ своимъ сановникомъ и уговариваетъ мужа рѣшительно отказаться отъ оппозиціи. Кажется, Иванъ Васильевичъ „все“ разсказалъ женѣ. Она дала ему „хорошій нагоняй“ и простила, съ условіемъ, чтобъ это было въ послѣдній разъ. Онъ повялся...

Чтобы, наконецъ, совсѣмъ повончить съ требовательнымъ читателемъ, авторъ чистосердечно сознается: онъ забылъ упомянуть о деньгахъ Рамсы. Но вѣдь о нихъ забылъ и Иванъ Васильевичъ Солдцевъ...

Е. Г.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢВИЧЪ ДАРГОМЫЖСКІЙ

ПО ЕГО АВТОБІОГРАФИИ, ПИСЬМАМЪ И ПРОИЗВЕДЕНІЯМЪ.

Окончаніе.

III *).

Результатами постановки на сценѣ „Русалки“ Даргомыжскій не могъ быть доволенъ; малый успѣхъ его оперы въ публикѣ, мало, одобрительные о ней отзывы въ большей части періодической печати, доказывали ему, что его капитальный трудъ оставался непонятнымъ, неоцѣненнымъ. „Я не заблуждаюсь,—писалъ онъ, 9 декабря 1857 г. ¹⁾, Л. И. Кармалиной (урожд. Бѣленицыной):—артистическое положеніе мое въ Петербургѣ незавидно. Большинство нашихъ любителей музыки и газетныхъ писакъ не признаетъ во мнѣ вдохновенія. Рутинный взглядъ ихъ ищетъ льстивыхъ для слуха мелодій, за которыми я не гонюсь. Я не намѣренъ снизводить для нихъ музыку до забавы. Хочу, чтобы звукъ прямо выражалъ слово. Хочу правды. Они этого понять не умѣютъ. Отношенія мои къ здѣшнимъ знатокамъ и бездарнымъ композиторамъ еще болѣе грустны, потому что двусмысленны. Уловка этихъ господъ извѣстна: безусловно превозносить произведенія умершихъ, чтобы не отдавать справедливости

*) См. выше, ноябрь, 195 стр.

¹⁾ „Русская Старина“, 1875 г., июль, стр. 422.

современнымъ. Это ведется съ давнихъ временъ. Притомъ, неуваженіе ко мнѣ дирекціи даетъ имъ сильныя противъ меня оружія. Сколько выслушиваю я нелестныхъ намековъ, но привыкъ и холоденъ къ нимъ".—Нѣтъ сомнѣнія, что подобное положеніе немало огорчало Даргомыжскаго; но на быстрый, блестящій успѣхъ своихъ произведеній онъ мало разсчитывалъ и старался довольствоваться тѣмъ, что его „Русалка“ была хорошо оцѣнена немногими избранными, мнѣнію которыхъ онъ придавалъ серьезное значеніе. По крайней мѣрѣ, въ этомъ смыслѣ онъ высказывалъ свой взглядъ въ письмѣ къ Л. И. Кармалиной ¹⁾ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Мы съ вами видимъ многіе предметы совершенно различно, даже противоположно. Напримѣръ, вы вполне удовлетворены еиміаомъ иностранныхъ газетъ; считаете его достойнымъ вознагражденіемъ за вашу талантъ, труды и проч. ²⁾“. Съ вашей точки зрѣнія вы правы. Но когда вы пишете, что Россія меня не оцѣнила,—меня, которому слѣдуетъ воздвигнуть храмъ (замѣчу, что эта странная гипербола не можетъ оправдываться даже самой экзальтированной дружбой), то я могу доказать вамъ, что, съ моей точки зрѣнія, Россія оцѣнила меня, можетъ быть, выше моего достоинства.—Правда, что театральная дирекція всю жизнь поступала со мною отвратительно; что высшее и чиновное общество не ѣздило въ мои оперы; что нѣсколько газетныхъ писавъ относились обо мнѣ неблагонамѣренно, стыдясъ, однако-же, подписывать имена свои. Но все это должно отнести къ случайному, временному порядку вещей, и все это, взятое въ обратномъ дѣйствіи, не было бы еще для меня истиннымъ вознагражденіемъ за труды. Примѣръ вамъ—Глинка, который во всемъ этомъ имѣлъ полный успѣхъ — и всегда былъ недоволенъ. Вы спросите: въ чемъ же я полагаю вознагражденіе себѣ, въ чемъ?.. А въ сочувствіи нѣкоторыхъ призванныхъ понимать и любить все доброе, изящное, благородное. Въ этихъ непритворныхъ слезахъ, которыя видѣлъ я на глазахъ многихъ милыхъ слушательницъ моихъ, — слезахъ, которымъ не воспрепятствовали ни отсутствіе аристократіи, ни гнусная постановка оперы, ни глупыя разсужденія полунатаковъ. Наконецъ, въ тѣхъ вечерахъ, которые я когда-то проводилъ съ вами и другими милыми сердцу и слуху, и во многомъ, многомъ, неразгаданномъ для большинства людей. Вы знаете, что я всегда пишу для кого-нибудь; что писалъ и для васъ,

¹⁾ Тамъ же, стр. 421.

²⁾ Л. И. Кармалина (тогда еще Бѣленицына), превосходная пѣвица, была въ то время въ Италіи, и въ апрѣлѣ 1857 г. миланскія газеты восторженно отзывались объ ея пѣніи въ концертѣ, въ которомъ она принимала участіе.

когда вамъ этого хотѣлось... Итакъ, ежели вы и другіе, для кого я писалъ, цѣните талантъ мой, — на что же мнѣ поклоненіе дирекціи, чиновниковъ и газетъ? Для меня, какъ артиста, вы и тѣ, другіе — составляете Россію: стало быть, съ моей точки зрѣнія, Россія вполне оцѣнила меня. Ясно?.. Нынѣшнее лѣто (1857 г.) я провелъ въ совершенномъ бездѣйствіи, даже въ скукѣ. Проектовъ и начатковъ у меня много, а когда кончу? Богъ вѣдаетъ!“

Будучи человѣкомъ вполне независимымъ, обеспеченнымъ въ матеріальномъ отношеніи, и не стремясь составить себѣ артистическую карьеру во что бы то ни стало, Даргомыжскій могъ располагать занятія сообразно съ своими индивидуальными стремленіями: онъ работалъ, когда являлась къ тому охота, отдавался музыкальному творчеству, когда являлось вдохновеніе, принимался за трудъ только по увлеченію, и никогда никакая внѣшняя, такъ сказать, причина не побуждала его писать тѣ или другія произведенія. Поэтому въ числѣ его композиторскихъ работъ нѣтъ ни одной, написанной по какому-нибудь случаю, нѣтъ тѣхъ *rièses d'occasion*, которыя пишутся для разныхъ торжествъ, какихъ вообще немало почти у всѣхъ композиторовъ, и которыя всегда — худшія изъ ихъ произведеній. Точно также никогда не писалъ Даргомыжскій съ цѣлью полученія гонорара за свои произведенія; да, къ тому же, въ то время русскіе композиторы не только не могли рассчитывать на матеріальныя выгоды отъ продажи своихъ произведеній, но даже съ трудомъ находили издателей. Такъ, напримѣръ, Глинка за всѣ свои произведенія ничего не получилъ отъ издателя; Даргомыжскій отпечаталъ „Русалку“ на свой счетъ, „на заемныя деньги“, какъ онъ упоминалъ въ одномъ изъ своихъ писемъ ¹⁾, и утѣшалъ еще себя тѣмъ, что эта затѣя обойдется ему только рублей въ 700 серебромъ. Пожалуй этимъ объясняется отчасти причина, почему Даргомыжскій писалъ сравнительно очень немного; но зато все, что написалъ, — было ли это хорошо, или худо, — все представляло непосредственное отраженіе его стремленій, его взглядовъ на искусство, его художественныхъ принциповъ; во все, имъ создаваемое, онъ влагалъ свою талантливость, свою душу и свои лучшія силы.

Даргомыжскій не имѣлъ собственной семьи, т.-е. не былъ женатъ, хотя былъ большой поклонникъ женской половины рода человѣческаго, и часто говаривалъ: „не будь на свѣтѣ женщины-пѣвицы, то я бы никогда не былъ композиторомъ; онѣ всю жизнь вдохновляли меня“. Онъ жилъ съ отцомъ до самой его смерти

¹⁾ „Русская Старина“, 1875 г., мартъ, стр. 573.

въ 1864 г., а затѣмъ—съ одной изъ своихъ сестеръ, занимая около двадцати лѣтъ квартиру въ одномъ и томъ же домѣ Есакова, въ Моховой улицѣ, около Симеоновской церкви; въ этомъ домѣ онъ и умеръ. Около него всегда группировалось небольшое общество музыкантовъ и любителей музыки, находившихъ у Даргомыжскаго всегда радушный приѣмъ и видѣвшихъ въ немъ человека неподкупно-честнаго, благороднаго, веселаго, полного неподдѣльнаго юмора, сохранившаго до конца своей жизни вполне юношескую теплоту сердца,—такъ характеризовалъ его В. Т. Соколовъ, близко и хорошо знавшій Даргомыжскаго съ 1856 г. и сообщавшій въ своихъ „Воспоминаніяхъ“¹⁾ о немъ нѣкоторыя интересныя подробности о его жизни. „У Даргомыжскаго,—рассказываетъ г. Соколовъ,—по два раза въ недѣлю собирався тѣсный кружокъ его близкихъ знакомыхъ и устраивались музыкальные вечера, на которыхъ всегда присутствовалъ его старикъ-отецъ, Сергій Николаевичъ, большой любитель пѣнія и преимущественно произведеній своего сына и Глинки. На этихъ вечерахъ, собиравшимися любителями пѣнія и ученицами Даргомыжскаго (онъ давалъ уроки пѣнія gratis, только у себя на квартирѣ и только дамамъ и дѣвицамъ²⁾) исполнялись, кромѣ его произведеній, произведенія Глинки, Монюшки, Глюка, Вебера, Мегюля, Обера и т. д., однимъ словомъ, все, что было хорошаго въ вокальной музыкѣ того времени, за исключеніемъ только итальянской музыки, которая пѣлась на этихъ вечерахъ изрѣдка, и то ради шутки. Позднѣе, на вечерахъ Даргомыжскаго исполнялась вся опера (кромѣ хоровъ) „Кавказскій Пльнникъ“, Кюи, отрывки изъ оперы „Мазепа“, барона Фитингофа, отрывки изъ „Юдиои“, Сѣрова, его же „Pater noster“ и др. произведенія. Въ „Воспоминаніяхъ“ г. Соколова приведенъ большой списокъ посѣтителей этихъ вечеровъ; изъ музыкантовъ, композиторовъ тамъ названы: Ю. К. Арнольдъ и Титовъ, бывавшіе постоянно, и затѣмъ изрѣдка посѣщавшіе вечера—Сѣровъ, Вильбоа, Делюсто, Фитингофъ, Балакиревъ, Кюи, Мусоргскій, Римскій-Корсаковъ; изъ нихъ четверо послѣднихъ въ послѣдствіи совсѣмъ перестали появляться на этихъ вечерахъ, бывая у Даргомыжскаго въ другіе дни.—Вечера эти отличались полной свободой дѣйствія; кто нерасположенъ былъ пѣть, тотъ могъ оставаться весь вечеръ въ качествѣ слушателя,

¹⁾ „Русская Старина“, 1885 г., май, стр. 339—365.

²⁾ Даргомыжскій сдѣлалъ исключеніе только однажды для одного бѣднаго молодого человека, по фамилии Жебеневъ, обладавшаго прекраснымъ теноромъ; но занятія съ нимъ Даргомыжскаго остались безъ особенныхъ результатовъ, по причинѣ малой способности ученика.

но во время исполненія какой-нибудь пьесы наблюдалась полная тишина, ревниво охраняемая отцомъ Даргомыжскаго. Въ 10 часовъ старикъ уходилъ обыкновенно спать, и тогда верѣдео играли на фортепіано въ четыре руки (чего не любилъ старикъ, и при немъ не играли); исполнителями были самъ Даргомыжскій почти постоянно съ М. Р. Щиглевымъ. Иногда также и танцевали; для танцевъ игралъ большею частью самъ Даргомыжскій, импровизируя кадрили и польки; но эти импровизаціи, по замѣчанію г. Соколова, интересныя въ музыкальномъ отношеніи, для танцевъ были мало-удобны, тяжеловѣсны и угловаты. Ужинать оставались только самые близкіе знакомые: 6—10 человекъ. За этими скромными ужинами, состоявшими обыкновенно изъ одного блюда и сладкаго пирожнаго, иногда засиживались, въ веселыхъ разговорахъ, до поздней ночи. Большею частью, передъ уходомъ, не вставая изъ-за стола, пѣли разныя серенады; однажды вздумалось спѣть хоромъ увертюру изъ „Фрейшютца“, и, хотя съ большими затрудненіями и остановками, все-таки пропѣли ее до конца. Эти пріятельскія собранія Даргомыжскій очень любилъ, какъ то свидѣтельствуютъ многія мѣста его писемъ.

1858-ой годъ ознаменовался для Даргомыжскаго постановкой въ первый разъ его „Русалки“ въ Москвѣ, въ бенефисъ пѣвицы Семеновой. Для этого была снята копія съ единственнаго существовавшаго до того экземпляра партитуры „Русалки“, хранившагося въ театрѣ-циркѣ. Театръ этотъ сгорѣлъ въ томъ же году, и въ этомъ пожарѣ погибли всѣ партитуры оперъ тогдашняго репертуара, въ томъ числѣ и партитура „Русалки“, которая пропала бы безвозвратно, еслибы не была снята съ нея, какъ упомянуто выше, копія для московской сцены. Немало было труда Даргомыжскому возобновить по копіи и выправить отдѣльныя оркестровыя и вокальныя партіи своей оперы, тѣмъ болѣе, что это была слѣпная работа, такъ какъ предполагалось, что „Русалка“ пойдетъ на сценѣ Александринскаго театра, куда, послѣ пожара, были перенесены оперныя представленія. Но вмѣсто „Русалки“ возобновили „Эсмеральду“. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Л. И. Кармалиной (30-го ноября 1859 г.) ¹⁾, Даргомыжскій, между прочимъ, изрекъ такой приговоръ своей первой оперѣ: „Музыка неважная, часто пошлая, какъ то бываетъ у Галеви или Мейербера; но въ драматическихъ сценахъ уже проглядываетъ тотъ языкъ правды и силы, который впослѣдствіи старался я развить въ русской своей музыкѣ“. Не стѣсняясь жесткостью

¹⁾ „Русская Старина“, 1875 г., июль, стр. 426.

приговора относительно своихъ раннихъ произведеній, Даргомыжскій умѣлъ относиться къ нимъ критически, видя въ нихъ только первую стадію развитія своего композиторскаго таланта. Въ томъ же письмѣ Даргомыжскій упоминаетъ объ образованіи въ Петербургѣ музыкальнаго общества, высказывая, что великую пользу общества онъ признаетъ вполне и даже состоитъ членомъ въ особо учрежденномъ комитетѣ для разбора сочиненій, присужденія наградъ и проч.; но при этомъ признается, что мало сочувствуетъ симфоническимъ концертамъ общества. „Концерты меня не занимаютъ, — писалъ Даргомыжскій. — Послѣ театра, послѣ драматической музыки, они для меня скучны. Притомъ же не люблю шарлатанства, педантическихъ споровъ знатоковъ, неудавшихся композиторовъ и журнальныхъ слугъ. А въ концертахъ все это свирѣпствуетъ въ сильномъ разгарѣ, и горе тому артисту, который не захотѣлъ бы принять участія въ этихъ морально-булачныхъ бояхъ. Еслибы вы знали, какъ я спокойно провожу время дома, въ немногочисленномъ и преданномъ искусству кружкѣ. Русская музыка исполняется у насъ просто, дѣльно, безъ всякой вычурной эффектности. Однимъ словомъ — исполненіе такое, какое любилъ покойный другъ нашъ Михайло Ивановичъ (Глинка)“. Какъ Глинка, такъ и Даргомыжскій, оба были прекрасными исполнителями вокальной музыки; немало пѣвицъ образовалось подъ ихъ непосредственнымъ руководствомъ и подъ вліяніемъ ихъ произведеній. Простота, естественность, выразительность безъ рѣзкихъ эффектовъ, ясное, отчетливое и вѣрное произношеніе словъ, — вотъ тѣ качества, которыхъ требовали они отъ своихъ ученицъ, и которыя характеризуютъ школу пѣнія, выработавшуюся согласно требованіямъ русской вокальной музыки, имѣющей свои особенности, отличныя отъ музыки итальянской, нѣмецкой и т. п. Какое значеніе придавалъ Даргомыжскій русской школѣ пѣнія, показываетъ слѣдующая выдержка изъ его письма къ Л. И. Кармалиной, по поводу ея успѣховъ въ концертахъ: „Ежели вы, при дивномъ своемъ талантѣ, сохранили въ пѣніи направленіе, данное вамъ здѣсь русскими композиторами (которые такъ усердно вами занимались), то и я не удивляюсь вашимъ успѣхамъ. Естественность и благородство пѣнія русской школы не могутъ не произвести отраднаго впечатлѣнія посреди вычурныя нынѣшней итальянской, криковъ французской и манерности нѣмецкой школъ“. Далѣе онъ говоритъ о значеніи русской музыки, дѣлая тонкій намекъ на нѣмецкія тенденціи Русскаго Музыкальнаго Общества: „А сколько у насъ записныхъ знатоковъ, которые оспариваютъ возможность существованія русской школы не

только въ пѣніи, но даже въ композиціи. Между тѣмъ она прогрѣзлась явственно, и чѣмъ болѣе заведется у насъ общество, развивающихъ вкусъ къ нѣмецкой музыкѣ, тѣмъ рельефнѣе выступитъ наша русская. Тушить ее уже поздно. Не знаю, до какой степени суждено развиваться ей впереди, но существованіе ея уже внесено въ скрижали искусства. Скажутъ: мало русскихъ твореній. Тѣмъ лучше. Бутылка спирта бываетъ полезнѣе бочки разведеннаго водою вина.

Въ 1860 году, Даргомыжскій задумалъ-было писать волшебнo-комическую оперу подъ названіемъ: „Рогдана“, но скоро оставилъ эту работу, написавъ всего пять нумеровъ, изданныхъ уже послѣ его смерти, именно: дуэттино и комическую пѣсню—вещи довольно слабыя, и три очень хорошихъ хора (восточный хоръ отшельниковъ, хоръ волшебныхъ дѣвъ надъ спящей Рогданой и хоръ дѣвушекъ), часто и съ большимъ успѣхомъ исполнявшіеся въ концертахъ. Въ числѣ произведеній Даргомыжскаго, изданныхъ послѣ его смерти, имѣется также дуэтъ Орлика съ Кочубеемъ, изъ оперы „Мазепа“, написанный, вѣроятно, въ то же приблизительно время, какъ и вышеуказанные отрывки изъ „Рогданы“; нельзя сказать съ достовѣрностью, когда именно написанъ этотъ дуэтъ, и было ли у Даргомыжскаго серьезное намѣреніе писать оперу „Мазепа“, такъ какъ ни въ его автобіографіи, ни въ письмахъ, нигдѣ объ этомъ не упоминается ни слова. Нѣтъ сомнѣнія, что эти попытки мало удовлетворяли Даргомыжскаго, и кромѣ того недостаточный въ то время успѣхъ прежнихъ его произведеній не особенно располагалъ его приняться за большой трудъ. Вообще, послѣ окончанія партитуры „Русалки“, Даргомыжскій не проявлялъ большого рвенія къ творчеству и довольно пессимистически относился къ своимъ композиторскимъ работамъ. Такъ, въ февралѣ 1863 г., онъ писалъ Н. В. Кукольникову ¹⁾: „Ты спрашиваешь, какъ идетъ моя музыка? да какъ ей идти? Проходъ-то тѣсенъ. Съ одной стороны, гнусный произволъ дирекціи, съ другой—яркое невѣжество публики. Начатую комическую оперу я положительно бросилъ. Пишу разныя характеристическія фантазіи для оркестра. Напримѣръ, польскій казачокъ, русскую сказку, чухонскую пляску и проч. Новизна этихъ элементовъ можетъ, пожалуй, приглянуться за границей, куда давно стремлюсь въ мечтахъ моихъ. Здѣсь мнѣ страхъ какъ душно! А если эти мои вещи окажутся лишними на землѣ, то прослушаю самъ, потѣпнусь—да и въ огонь (разумѣется, вещи,

¹⁾ „Музыкальный Сезонъ“, 1870 г., № 5.

а не себя)! Много у меня рукописей, обреченных на таковую участь“.

Изъ упоминаемыхъ въ этомъ письмѣ фантазій напечатаны, въ партитурахъ для оркестра и въ переложеніи для фортепіано, три: „Малороссійскій казачокъ“, „Баба Яга“, „Чухонская фантазія“. Даргомыжскій не былъ симфонистомъ и, какъ уже упомянуто, не выказывалъ склонности къ болѣе или менѣе сложнымъ музыкальнымъ формамъ. Но названныя его три оркестровыя фантазіи заслуживаютъ вниманія, какъ произведенія, въ которыхъ опять-таки отразилась своеобразность таланта Даргомыжскаго, и которыя, какъ по замыслу, такъ и по выполненію, вполне оригинальны и самобытны. Всѣ три фантазіи не претендуютъ на серьезное значеніе, — онѣ написаны въ видѣ шутки; это комическая музыка, въ которой бездна юмора и въ причудливыхъ тѣмахъ, и въ ихъ курьезномъ развитіи, и въ гармонизаціи, нарочито оригинальной и замысловатой, и, наконецъ, въ самой инструментовкѣ; это, такъ сказать, музыкальный гротескъ, иногда, пожалуй, близкій къ каррикатурѣ, но не переходящій за границу художественности. Среди комичныхъ, совсѣмъ неожиданныхъ оборотовъ мелодіи и курьезнѣйшихъ сочетаній аккордовъ, попадаются граціозныя музыкальныя фразы и энергическіе эпизоды, полные музыкальнаго интереса — гротескъ прекрасно контрастируетъ съ художественною красотой и изяществомъ. Все это сдѣлано съ большою талантливостью, оригинальностью, и нельзя не удивляться остроумной изобрѣтательности, выказанной здѣсь Даргомыжскимъ въ разнообразнѣйшихъ и совсѣмъ новыхъ приѣмахъ, придающихъ столько своеобразности фактурѣ его фантазій. Изъ нихъ болѣе извѣстная, чаще другихъ исполняемая — „Казачокъ“, но въ то же время она болѣе слабая сравнительно съ двумя другими фантазіями; можетъ быть, „Казачокъ“ былъ навѣянъ „Камаринской“ Глинки, однако по своему плану и по выполненію это вполне самостоятельное произведеніе. Комическую музыкальную картину представляетъ шутка-фантазія „Баба-Яга, или съ Волги пашь Riga“: вначалѣ слышна извѣстная русская пѣсня: „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ“, развитіе и обработка которой не лишены вкуса и хорошихъ музыкальных достоинствъ; интересно здѣсь постепенное измѣненіе гармоническаго сопровожденія, измѣняющаго характеръ мелодіи и придающаго ей въ концѣ первой части крайне причудливый, нарочито уродливый видъ. Средняя часть фантазіи представляетъ изображеніе Бабы-Яги, ѣдущей въ ступѣ; сдѣлано это смѣло, оригинально и очень удачно; нельзя передать словами весь комизмъ курьезной музыки, характеризующей движеніе ступы съ Бабой-

Ягой, — движеніе сначала тяжеловѣсное, потомъ оживленно-неуловимое, все болѣе и болѣе ускоряющееся до какаго-то бѣшеннаго полета. Эта дикая картина юмористически контрастируетъ съ внезапно смѣняющею ее, наивною до пошловатости, нѣмецкой пѣсенкой „Аппа-Магіа“, на которой построена третья часть фантазіи. Все вмѣстѣ — это музыкальная шутка, по замыслу оркестровый пустячокъ; но этотъ пустячокъ сдѣланъ такъ своеобразно, такъ талантливо, въ немъ столько прекрасныхъ деталей, гармоническихъ и инструментальныхъ, что онъ несравненно интереснѣе многихъ произведеній, претендующихъ на серьезное значеніе. „Чухонская фантазія“, написанная на народныя финскія тѣмы, безусловно лучшая изъ всѣхъ трехъ оркестровыхъ фантазій Даргомыжскаго. Здѣсь на каждой страницѣ находимъ изумительно-разнообразныя приемы, ритмическіе, гармоническіе и инструментальные, совсѣмъ небывалые, неожиданные, въ высшей степени остроумные и своеобразные; каждая страница свидѣтельствуетъ о большомъ мастерствѣ, необычайной изобрѣтательности и высокой талантливости. Неподдѣльный юморъ „Чухонской фантазіи“, при хорошемъ ея исполненіи, производитъ неотразимое впечатлѣніе, непременно вызывая въ слушателяхъ самое веселое настроеніе, и, конечно, каждый музыкантъ, свободный отъ крайнихъ эстетическихъ теорій, съумѣетъ оцѣнить въ этомъ произведеніи оригинальность, новизну и талантливость, какъ замысла, такъ и выполненія.

Осенью 1864 г., Даргомыжскій отправился за границу; это было его второе заграничное путешествіе. Проведя нѣсколько дней въ Варшавѣ, въ обществѣ композитора Монюшки ¹⁾, Даргомыжскій, черезъ Бромбергъ и Берлинъ, проѣхалъ въ Лейпцигъ, гдѣ прожилъ около двухъ мѣсяцевъ. Уѣзжая изъ Петербурга, онъ не имѣлъ опредѣленнаго намѣренія непременно продуцировать свою музыку за границей; онъ ѣхалъ не за артистической славой, а желалъ только удалиться на время отъ петербургскихъ, — какъ онъ выражался, — „гнусностей“ и развлечься новизной и разнообразіемъ „цыганской жизни“; однако-же, захватилъ съ собою ноты „на всякій случай“, т.-е. если представится возможность исполненія его произведеній, безъ всякихъ особенныхъ съ

¹⁾ Относительно Монюшки Даргомыжскій писалъ изъ Варшавы 9-го ноября 1864 г. (см. „Русскую Старину“, 1875 г., апрѣль, стр. 799): „Игралъ онъ мнѣ свои новыя оперы. Талантъ его нѣсколько опошлѣлся подъ гнетомъ тупоумной публики, но при всемъ томъ не въ примѣръ выше обоихъ нашихъ композиторовъ“. (Даргомыжскій подразумѣваетъ здѣсь А. Г. Рубинштейна и Сѣрова, поставившаго за годъ передъ тѣмъ свою первую оперу „Юдифь“).

его стороны хлопотъ. Но на первыхъ же порахъ пребыванія за границей, Даргомыжскій пришелъ къ такимъ выводамъ и заключеніямъ, которые врядъ-ли могли возбудить въ немъ желаніе представить тамъ свои произведенія на судъ публики. „Всѣ столичные публики, — писалъ онъ изъ Брюсселя 19-го декабря 1864 г. ¹⁾, — въ одинаковой степени невѣжественны въ отношеніи хорошаго и изящнаго въ искусствахъ; — что касается пониманія дѣла, то здѣсь развѣ немногимъ получше петербургскаго. Въ театрахъ, кажется, музыкальное искусство погнѣбло безвозвратно. — Искусство еще живетъ и сохраняется въ музыкальных артистическихъ кругахъ. Но живительная сила этихъ музыкальных круговъ зависитъ часто отъ одного или двухъ замѣчательныхъ дѣятелей по части музыки. — Вездѣ нахожу я борьбу новой передовой музыки съ отсталыми профессорами. Въ этомъ отношеніи мнѣ кажется, что наша національная школа должна имѣть большой шагъ впереди передъ такою называемою „Nephe Deutsche-Musik“. Эти послѣдніе выводы Даргомыжскій дѣлалъ на основаніи того расположенія и вниманія, которое выказывали многіе артисты лично ему и его произведеніямъ, а также по тому уваженію, съ какимъ они относились къ произведеніямъ Глинки. Въ Лейпцигѣ Даргомыжскій пріѣхалъ почти никому неизвѣстный; но онъ скоро ознакомился съ лейпцигскими музыкантами и въ ихъ артистическихъ кружкахъ исполнялъ на фортепіано свои произведенія. „Все, что я ни игралъ изъ своихъ сочиненій, — писалъ онъ сестрѣ своей Софьѣ Сергѣевнѣ Степановой ²⁾, „оказалось или sehr neu, или interessant“. Поэтому Даргомыжскій не сомнѣвался, что Лейпцигъ охотно приметъ бы его въ число своихъ концертныхъ, а можетъ быть даже и оперныхъ дѣятелей, еслибы онъ могъ выжить тамъ нѣкоторое время. Но, въ общемъ, Лейпцигъ пришелся ему не по вкусу, онъ тамъ скучалъ и находилъ невозможнымъ „оставаться долго въ законтѣломъ городѣ, — какъ онъ выражался, — гдѣ нѣтъ театровъ, гдѣ женщины уроды, гдѣ обѣдаютъ въ часъ, а въ 10-ть часовъ вечера уже храпятъ, а на улицахъ тушатъ фонари“. Такимъ образомъ, пребываніе Даргомыжскаго въ Лейпцигѣ осталось безъ особыхъ результатовъ относительно его музыкальной дѣятельности, да, вѣроятно, и не могло имѣть лучшихъ результатовъ; хотя тамошніе музыканты и находили его произведенія „новыми и интересными“, но врядъ-ли нашъ композиторъ могъ рассчиты-

¹⁾ „Русская Старина“, 1875 г., июнь, стр. 263—264.

²⁾ „Русская Старина“, 1875 г., апрѣль, стр. 804.

вать на хорошій успѣхъ въ лейпцигскихъ концертахъ, отличающихся и по настоящее время своею традиціонною склонностью къ старой школѣ и весьма малымъ расположеніемъ къ новой музыкѣ.

Совсѣмъ другое нашелъ Даргомыжскій въ Брюсселѣ, гдѣ, среди музыкантовъ, онъ пользовался уже извѣстностью, такъ какъ въ библиотекѣ брюссельской консерваторіи имѣлись его произведенія, и директоръ консерваторіи, извѣстный музыкальный теоретикъ Фетисъ, писалъ о Даргомыжскомъ въ своихъ журнальныхъ статьяхъ. Благодаря этому, брюссельскіе музыканты имѣли уже понятіе о композиторской дѣятельности Даргомыжскаго и потому встрѣчали его съ интересомъ, оказывая ему большое вниманіе и даже нѣкоторый почетъ, какимъ въ Петербургѣ онъ никогда не пользовался. Его приглашали на многочисленныя музыкальныя собранія, на квартетные вечера, на спѣвки хоровыхъ обществъ; вездѣ старались доставить ему наиболѣе интересныя развлеченія, исполняя для него сочиненія бельгійскихъ композиторовъ. — Главный капельмейстеръ въ Брюсселѣ, Гансенъ ¹⁾, при первой же встрѣчѣ съ Даргомыжскимъ, предложилъ исполнить въ ближайшемъ концертѣ тѣ его произведенія, какія онъ пожелаетъ. Даргомыжскій выбралъ увертюру изъ оперы „Русалка“ и оркестровую фантазію „Казачоѣ“. Когда былъ собранъ оркестръ для репетированія этихъ произведеній, Даргомыжскій, — какъ онъ выражался въ письмѣ изъ Брюсселя, отъ 20-го декабря 1864 г., — „приздумался: я мысленно очутился передъ довольно щеотливою дѣйствительностью. Одному, въ большой столицѣ, въ одномъ изъ самыхъ музыкальныхъ городовъ, не имѣя никакой европейской извѣстности, выходить на судъ 86-ти человекъ артистовъ серьезныхъ, переигравшихъ и переслушавшихъ всевозможныя музыкальныя произведенія, — артистовъ, съ которыми ни родства, ни свойства, ни дружбы не имѣю, которыхъ созвали только для того, чтобы исполнить мои сочиненія (этого вообще всѣ оркестры

¹⁾ Charles-Louis Hanssens, бывшій въ то время капельмейстеромъ въ театрѣ de la Monnaie въ Брюсселѣ, одинъ изъ выдающихся бельгійскихъ композиторовъ, родился въ Гентѣ въ 1802 г., умеръ въ Брюсселѣ въ 1871 г.; онъ написалъ нѣсколько оперъ, симфоній, увертюръ, много балетовъ, фантазій для оркестра, нѣсколько мессъ, реквиѣмъ, концерты для фортепіано, для скрипки, для віолончели и т. д. Даргомыжскій, въ своихъ заграничныхъ письмахъ, отзывался о Гансенѣ, какъ объ одномъ изъ замѣчательныхъ артистовъ, не увлекавшемся ни именемъ, ни авторитетомъ, и любящемъ новое. „Весьма естественно, — пишетъ Даргомыжскій, — что русская музыка, своеобразно основанная на сѣвѣнхъ національныхъ элементахъ, а по фактурѣ — не уступающая никакой нѣмецкой музыкѣ, преимущественно обращаетъ на себя его вниманіе“.

зѣло не любить!), наконецъ, которые привыкли громко и безъ всякихъ церемоній выражать свое мнѣніе,—было о чемъ подумать!—О публикѣ забочусь я мало. Публика, какъ всѣ публики—кукушка! Но съ здѣшнимъ артистическимъ міромъ прошу не шутить.—Онъ хочетъ новаго да жизненнаго, а обработка сама собой ¹⁾. Однако, опасенія Даргомыжскаго были неосновательны и напрасны. Музыканты оркестра приняли его увертюру „Русалка“ и „Казачокъ“ съ такими рукоплесканіями и похвалами, что газета „Etoile Belge“ сообщала объ этой репетиціи какъ объ „одномъ изъ интереснѣйшихъ музыкальныхъ собраній, на которомъ Даргомыжскій имѣлъ великій успѣхъ“. Такой же успѣхъ имѣлъ онъ и на публичномъ концертѣ 7-го января 1865 г. Большая концертная зала общества „La Grande Harmonie“ была переполнена публикой, громко аплодировавшей, вмѣстѣ съ оркестромъ, нашему композитору; дамы толпились вокругъ него и на перерывъ приглашали къ себѣ, добиваясь его знакомства. Даргомыжскій сдѣлался предметомъ молвы; даже слуга въ отелѣ, гдѣ онъ жилъ, говорилъ ему: „Monsieur, on cause de vous; on dit que vous êtes un homme de talent“. Газеты напечатали отчеты, полные похвалы. „Indépendance Belge“ (12-го января 1865 г.) помѣстила на своихъ страницахъ приблизительно такой отзывъ: „Второй концертъ ассоціаціи брюссельскихъ музыкантовъ доставилъ любителямъ рѣдкій случай оцѣнить достоинство одного русскаго композитора. Г. Александръ Даргомыжскій, очень извѣстный петербургскому музыкальному міру, представилъ въ первый разъ свои сочиненія на судъ брюссельской публики. Исполняли увертюру для большого оркестра и фантазію, на казацкую плясовую тему, также для оркестра. Если г. Даргомыжскій аматеръ, по своему положенію, то онъ въ то же время художникъ, по своему таланту. Оба его произведенія обличаютъ полное знаніе техническихъ средствъ и въ то же время доказываютъ творческую способность совершенно необычайную“, и т. д. Другая, ежедневная брюссельская газета, указывая на достоинства и оригинальность произведеній Даргомыжскаго и сообщая, что онъ вполне справедливо заслужилъ единодушный восторженный вызовъ, какъ со стороны публики, такъ и оркестра,—высказывала, что подобный пріемъ, сдѣланный русскому композитору, долженъ бы побудить распорядителей концерта вторично исполнить его произведенія, для лучшей ихъ оцѣнки.—По поводу этихъ и подобныхъ отзывовъ прессы, Даргомыжскій писалъ, между прочимъ, изъ Брюс-

¹⁾ „Русская Старина“, 1875 г., апрѣль, стр. 806—807.

селя своему хорошему знакомому, М. Р. Щиглеву: „Вы недозвольны статейками обо мнѣ бельгійскихъ журналовъ? напрасно. Онѣ, конечно, написаны слегка; — зато передаютъ факты безъ искаженія; выражаютъ впечатлѣніе, произведенное на кругъ артистическій и на публику, вѣрно. А это для меня важнѣе всего. Въ нашей русской журналистикѣ то именно и отвратительно, что она часто изъ блага дѣлаетъ черное. Притомъ могли ли, напримеръ, быть для меня утѣшительны длинныя рецензіи Толстого, Сѣрова и Арнольда, когда я на всякомъ шагѣ долженъ былъ переносить гнусныя оскорбленія отъ дирекціи и отъ всякой журнальной и другой сволочи? Здѣсь не пишутъ рецензій — зато уважаютъ человѣка съ талантомъ; не разбираютъ сочиненій — зато наслаждаются творчествомъ и особенно новизною мыслей. Развѣ это не лучше?“

О произведеніяхъ Даргомыжскаго, исполненныхъ въ Брюсселѣ, отзывались также и парижскія газеты; такимъ образомъ, исполненіе увертюры „Русалка“ и „Казачка“ сразу доставило Даргомыжскому такой успѣхъ, которому могли бы позавидовать многіе изъ артистовъ, добивающихся извѣстности и славы. Особенно пріятно Даргомыжскому было то, что онъ достигъ успѣха безъ всякихъ трудовъ, хлопотъ или искательствъ у музыкантовъ и журналистовъ, на что онъ не былъ вовсе способенъ. Въ Брюсселѣ онъ проводилъ время беззаботно, весело; посѣщалъ общество, всюду встрѣчая радушіе, ходилъ по театрамъ, смотрѣлъ балеты, представленія въ циркѣ и, жуируя, гуляя, шутя, въ какія-нибудь три недѣли достигъ, по брюссельскимъ понятіямъ, блестящихъ результатовъ: „Mais vous tombez continuellement dans le beugre“, — остряли надъ нимъ брюссельскіе музыканты. — Въ письмахъ изъ Брюсселя Даргомыжскій высказывалъ сожалѣніе, что съ нимъ нѣтъ никого изъ русскихъ пѣвицъ („мы бы здѣсь надѣлали шуму“, — писалъ онъ) и что въ распоряженіи ассоціаціи брюссельскихъ музыкантовъ не было хора, а потому невозможно было исполнить тамъ ничего изъ его вокальныхъ произведеній. Однако увертюрой „Русалка“ и „Казачкомъ“ въ Брюсселѣ не ограничились, и для слѣдующаго концерта были выбраны танцы изъ 2-го дѣйствія „Русалки“. Но Даргомыжскій не дождался ихъ публичнаго исполненія и уѣхалъ въ Парижъ; танцы его исполнялись въ брюссельскихъ концертахъ дважды, но уже въ его отсутствіи. Тогда же шелъ вопросъ о постановкѣ на брюссельской сценѣ одной изъ его оперъ. Даргомыжскій хотѣлъ поставить „Торжество Вакха“, не рѣшаясь рискнуть на постановку „Русалки“, изъ опасенія, что брюссельская публика не

пойметъ этой оперы, написанной, большею частью, въ стилѣ, много отличающемся отъ оперъ другихъ современныхъ композиторовъ; но вообще онъ мало заботился о томъ, поставятъ или нѣтъ которую-нибудь изъ его оперъ, и не прилагалъ къ тому никакихъ, съ своей стороны, стараній. Такъ, между прочимъ, писалъ онъ М. Р. Щиглеву ¹⁾: „Видя участіе ваше и многихъ другихъ во мнѣ, какъ русскомъ артистѣ, я долженъ винить себя въ томъ, что такъ мало хлопочу объ исполненіи здѣсь моихъ произведеній, а только пользуюсь случаями, которые сами собою представляются. Что дѣлать? не тѣ годы: успѣхи меня не утѣшаютъ; какимъ вы знали меня въ Петербургѣ, таковъ я и здѣсь. Предпочитаю въ тишинѣ промузыкалить вечеръ съ смазливенькой бельгійкой, чѣмъ ѣхать въ какое-нибудь блестящее собраніе — искать связей и протекцій. Я, впрочемъ, предлагалъ поставить здѣсь „Торжество Вакха“, потому что еще не слышалъ его на сценѣ. Гансенсъ и музыканты отъ этого не прочь. Но дирекція оперы находитъ это, въ нынѣшній сезонъ, невозможнымъ. Приглашаютъ на будущій годъ ставить „Эсмеральду“. А на будущій годъ Богъ вѣдаетъ, что будетъ. Впередъ загадывать нельзя. Притомъ „Эсмеральду“ я уже слышалъ. Она меня не интересуетъ.

2-го февраля 1865 г., Даргомыжскій выѣхалъ изъ Брюсселя и вечеромъ того же дня былъ уже въ Парижѣ, гдѣ, судя по его письмамъ, онъ проводилъ время пріятно и весело: много гулялъ по парижскимъ бульварамъ, часто бывалъ въ театрахъ, успѣшно училъ французенокъ пѣть русскіе романсы. „Одна такъ пристрастилась къ моимъ романсамъ, — писалъ онъ, — что ничего болѣе не поетъ“, и съ своими русскими знакомыми подсмѣивался надъ легкомысліемъ и шарлатанствомъ французовъ. Сравнивая вынесенныя тогда впечатлѣнія съ впечатлѣніями своего перваго пріѣзда во Францію въ 1845 г., Даргомыжскій вывелъ заключеніе, что Парижъ, въ теченіе двадцати лѣтъ, изумительно перемѣнился; насколько онъ выигралъ въ наружномъ отношеніи, на столько же упалъ морально. „Стоило гильотинировать въ 1792 году сорокъ тысячъ невинныхъ людей, — замѣчаетъ Даргомыжскій, — чтобы впасть въ нынѣшнее рабство! И смѣшно, и гадко! „Неотрадные выводы сдѣлалъ Даргомыжскій и относительно искусства, находя, что какъ искусство, такъ и литература, за исключеніемъ драматической, находились въ Парижѣ въ полномъ упадкѣ. О сношеніяхъ своихъ съ парижскими музыкантами онъ писалъ очень мало. „Съ артистическимъ міромъ я тоже немножко позна-

¹⁾ „Русская Старина“, 1875 г., апрѣль, стр. 810—811.

комился", — упоминаетъ онъ въ одномъ изъ своихъ парижскихъ писемъ. — „Но дальше я не пойду, потому что мнѣ дѣлають такіа дурацкія предложенія, что я въ глаза имъ хохочу, и, разумеется, не поддаюсь. Все это такъ глупо, что описывать не стоитъ. Искусства здѣсь въ совершенномъ упадѣѣ. Процвѣтаетъ только смѣхотворный элементъ“.

Свое заграничное путешествіе Даргомыжскій закончилъ поѣздкой въ Лондонъ, куда онъ ѣздилъ въ сообществѣ съ однимъ изъ его пріятелей. Объ этой небольшой поѣздкѣ имѣется въ письмахъ Даргомыжскаго только такая коротенькая замѣтка: „Вотъ мы опять въ Парижѣ. Вся наша поѣздка въ Лондонъ продолжалась 6 дней. Не взирая на болѣзнь, которая одолѣла меня при переѣздахъ по морю, Лондонъ оставилъ во мнѣ впечатлѣніе очаровательнаго, великолѣпнаго сна. Парижъ можетъ служить Лондону веселымъ предмѣстьемъ — и только“. — Вскорѣ затѣмъ Даргомыжскій уѣхалъ изъ Парижа и въ маѣ 1865 г. вернулся въ Петербургъ, пробывъ за границей около пяти мѣсяцевъ.

IV.

Въ то время, когда Даргомыжскій пожиналъ лавры въ Брюсселѣ, въ концѣ 1864 г., въ Петербургѣ предназначалось возобновить его „Русалку“ на сценѣ Маріинскаго театра. Но театральные враги Даргомыжскаго и тутъ нашли возможность ему повредить, задумавъ замѣнить талантливую артистку Ю. О. Платонову, разучившую партію Наташи подъ руководствомъ самого композитора, другою, весьма немusыкальною и вообще плохую пѣвицею. Результатъ былъ тотъ, что „Русалка“ въ тотъ сезонъ совсѣмъ не исполнялась. Самъ Даргомыжскій отнесся къ этой исторіи совершенно равнодушно. „Вы, можетъ быть, не повѣрите, — писалъ онъ изъ Брюсселя: — „но я до такой степени считаю музыкальное мое поприще проиграннымъ въ Петербургѣ, что принимаю перетасовку пѣвицы дирекціею совершенно хладнокровно. Жаль мнѣ только Платонову, которая хорошо поняла и, кажется, полюбила мою оперу“¹⁾. Однако, на этотъ разъ Даргомыжскій ошибался; его музыкальное поприще не было проиграно. Когда „Русалка“ была возобновлена, въ концѣ 1865 г., хотя со старыми декорациями и старыми костюмами, но съ хорошими

¹⁾ Впослѣдствіи Даргомыжскій говорилъ, что Ю. О. Платонова, изъ всѣхъ исполнявшихъ роль Наташи въ „Русалкѣ“, лучшая, и какъ пѣвица, и какъ актриса.

исполнителями въ главныхъ роляхъ (Платонова, Леонова, Никольскій и Петровъ)—успѣхъ превзошелъ всѣ ожиданія; опера пошла такъ, какъ будто никогда прежде не исполнялась, давала полные сборы, и на многихъ представленіяхъ авторъ былъ предметомъ восторженныхъ овацій. Черезъ два года, въ 1867 г., сдѣлана была для „Русалки“ новая обстановка, подъ управленіемъ новаго капельмейстера, Направника (замѣнилъ умершаго Лядова); оперу начали давать безъ прежнихъ обезображивающихъ ее купюръ, въ болѣе тщательномъ исполненіи, и съ того времени „Русалка“ до сихъ поръ составляетъ одно изъ лучшихъ украшеній русской оперной сцены; не выходя изъ репертуара обоихъ императорскихъ оперныхъ театровъ (въ Петербургѣ и въ Москвѣ), она исполняется въ настоящее время на всѣхъ нашихъ провинціальныхъ оперныхъ сценахъ и сдѣлалась такою же популярною оперою, какъ „Жизнь за Царя“.

Въ то же время измѣнилось и общественное положеніе Даргомыжскаго. Осенью 1867 г., онъ былъ избранъ предсѣдателемъ с.-петербургской дирекціи Русскаго Музыкальнаго Общества; это почетное избраніе было какъ бы официальнымъ признаніемъ его заслугъ въ русской музыкѣ. Въ то время А. Г. Рубинштейнъ, стоявшій прежде во главѣ Русскаго Музыкальнаго Общества, оставилъ мѣсто директора с.-петербургской консерваторіи и отказался отъ дирижированія въ симфоническихъ концертахъ Общества. По инициативѣ Даргомыжскаго, управленіе концертами было предложено М. А. Балакиреву; тогда же былъ приглашенъ для нѣсколькихъ концертовъ Берлиозъ. На петербургскомъ музыкальномъ горизонтѣ загоралась новая свѣтлая заря, горячо привѣтствуемая наиболѣе преданными искусству, съ надеждой на блестящее будущее. Новое, интересное направленіе концертовъ Русскаго Музыкальнаго Общества, направленіе вполне отвѣчающее современному состоянію искусства; новые музыкальные композиторскіе таланты, выступившіе около того же времени—все это, вмѣстѣ съ тогдашнимъ успѣхомъ „Русалки“, не могло не оживить Даргомыжскаго, котораго, какъ мы видѣли изъ его писемъ, далеко не удовлетворяло ни прежнее состояніе музыкальнаго искусства въ Петербургѣ, ни его собственное артистическое положеніе. Теперь онъ нашелъ сферу, соотвѣтствующую его художественнымъ стремленіямъ, и увѣренность, что его композиторскія работы не будутъ чужды прогрессу русскаго музыкальнаго искусства. Въ кружѣ талантливыхъ молодыхъ композиторовъ, какъ Балакиревъ, Кюи, Римскій-Корсаковъ, Мусоргскій, Бородинъ, съ которыми онъ сталъ въ болѣе или менѣе близкія отношенія, онъ

встрѣтилъ музыкантовъ, сходныхъ съ нимъ по взглядамъ на задачи музыкальнаго творчества; это были не любители и любительницы, собиравшіеся у Даргомыжскаго, съ которыми онъ былъ не прочь „помузыкалить“ въ свободное время, а достойные товарищи по искусству, художники, полные талантовъ, молодой энергіи, обнаруживающіе столько смѣлости въ борьбѣ съ устарѣлыми традиціями и въ своихъ стремленіяхъ къ новизнѣ. На его, такъ сказать, глазахъ создавались новыя музыкальныя произведенія, въ которыхъ Даргомыжскій не могъ не видѣть близкаго сродства съ своими произведеніями; онъ, конечно, понималъ, что та правда музыкальнаго выраженія, къ которой онъ всегда стремился въ своихъ композиторскихъ работахъ, точно также составляетъ краеугольный камень творчества его молодыхъ друзей, что въ музыкальной драмѣ они шли по одному съ нимъ пути, преслѣдуя одинаковыя съ нимъ цѣли, и что вообще они являлись послѣдователями того же направленія въ искусствѣ, приверженцемъ котораго онъ былъ и самъ. Частыя, близкія сношенія съ этими молодыми композиторами пробудили творческую фантазію Даргомыжскаго, долго остававшуюся почти въ полнѣйшемъ бездѣйствіи. Видя, что русская музыка вступаетъ въ новый періодъ, обѣщая роскошнѣйшіе результаты, Даргомыжскому захотѣлось самому принять непосредственное участіе въ совершающемся на его глазахъ движеніи въ области музыкальнаго искусства, и онъ съ горячею, чисто юношескою энергіею принялся за оперу „Каменный Гость“, которую имѣлъ въ виду еще ранѣе, но тогда не чувствовалъ въ себѣ силъ, потребныхъ для выполненія этой задачи, въ той формѣ и въ томъ направленіи, въ какихъ она была имъ задумана.

Въ письмахъ Даргомыжскаго находимъ интересныя указанія, какъ относился онъ къ своему новому произведенію, и какъ постепенно онъ все болѣе и болѣе увлекался своей работой. Сначала онъ смотрѣлъ на свой трудъ только какъ бы на попытку робкую, несмѣлую, которой онъ, кажется, не довѣрялъ. „Забавляюсь надъ Донъ-Жуаномъ Пушкина“, — писалъ онъ 17-го іюля 1866 года ¹⁾: — „Пробую дѣло небывалое: пишу музыку на сцены „Каменнаго Гостя“ — такъ, какъ онъ есть, не измѣняя ни одного слова. Конечно, никто не станетъ этого слушать. Но чѣмъ же я-то хуже другихъ? Для меня недурно“. Тогда работа подвигалась медленно, — Даргомыжскій не придавалъ еще ей серьезнаго значенія; затѣмъ, у него, какъ у предсѣдателя дирекціи Русскаго

¹⁾ „Русская Старина“, 1875 г., іюль, стр. 433.

Музыкальнаго Общества, были заботы и хлопоты по консерваториѣ и по устройству абонементныхъ концертовъ; въ тому же здоровье его было въ плохомъ состояніи и ухудшалось все болѣе и болѣе. Послѣ возвращенія изъ-за границы, онъ жаловался на мучившій его ревматизмъ, а въ началѣ 1868 г. у него обнаружилия явные и опасные признаки аневризма сердца. Но удивительное дѣло: чѣмъ болѣе развивалась его болѣзнь, тѣмъ сильнѣе работала его творческая фантазія. Въ концѣ января 1868 г., онъ пишетъ одному своему пріятелю ¹⁾: „О себѣ не могу сказать вамъ ничего утѣшительнаго. Болѣзнь моя, кажется, усиливается. Послѣ-завтра обѣщала быть ко мнѣ Боткина. Будетъ ли отъ него толкъ—Богъ вѣдаетъ. Выѣзжать мнѣ становится труднѣе. Взамѣнъ того, при нервическомъ моемъ состояніи у меня расходилась творческая жилка такъ, какъ бывало только въ молодости. Это, въ самомъ дѣлѣ, странное явленіе! Сидя за фортепьянами, больной и сгорбленный, я въ пять дней подвинулъ своего „Каменнаго Гостя“ такъ, какъ бы здоровый и въ два мѣсяца его не подвинулъ“.

Кромѣ С. П. Боткина, Даргомыжскаго пользовалъ также профессоръ Богдановскій; но дни его были уже сочтены, болѣзнь быстро прогрессиовала. Ему было воспрещено всякое волненіе, всякое безпокойство и даже лишнее движеніе; онъ почти не выходилъ изъ дому; физическія силы его слабѣли. Но, и лежа въ подушкахъ, онъ не оставлялъ своего труда; быстро подвигалось его послѣднее произведеніе, и каждая написанная имъ тогда страница свидѣтельствуетъ, что творческое вдохновеніе его не покидало, что его музыкальная изобрѣтательность какъ бы не имѣла предѣловъ. Въ это время онъ уже смотрѣлъ на своего „Каменнаго Гостя“ не какъ на какую-нибудь попытку, не имѣющую значенія и забавлявшую только его самого, а какъ на серьезный, капитальный трудъ, въ который онъ вкладывалъ свои лучшія творческія силы. „Вы, можетъ быть, подумаете, что я, подѣ старость лѣтъ, пишу что-нибудь пустенькое, вяленькое?“ — писалъ Даргомыжскій 9-го апрѣля 1868 г. Л. И. Кармалиной ²⁾:—„Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ. Пишу не я, а какая-то сила, для меня невѣдомая. „Каменный Гость“ обратилъ мое вниманіе еще лѣтъ пять тому назадъ, когда я былъ совершенно здоровъ, и я — отшатнулся передъ колоссальностью этой работы. А теперь, больной, въ теченіе двухъ съ половиной мѣсяцевъ, написалъ почти $\frac{3}{4}$ всей оперы. Вы поймете, что это за трудъ, когда узнаете,

¹⁾ Тамъ же, июль, стр. 265.

²⁾ „Русская Старина“, 1875 г., июль, стр. 434.

что я пишу музыку на текстъ Пушкина, не измѣняя и не прибавляя ни одного слова. Конечно, это произведеніе будетъ не для многихъ, зато мой музыкальный кружокъ зѣло доволенъ трудомъ моимъ. Посылаю вамъ отрывокъ газеты. Это отголосокъ о моемъ „Гостѣ“ всей злобной Балакиревской партіи“. Подъ этимъ отголоскомъ Даргомыжскій подразумѣвалъ статью г. Кюи: „Каменный Гость Пушкина и Даргомыжскаго“, въ фельетонѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ (28-го марта 1868 г.); въ статьѣ этой было указано то высокое значеніе, которое будетъ имѣть въ искусствѣ „Каменный Гость“ съ музыкой Даргомыжскаго—произведеніе, которое займетъ почетное и передовое мѣсто не только въ исторіи русской оперы, но и въ исторіи всемірной оперы, какъ первый серьезный, честный и необыкновенно талантливый опытъ, такъ близко подходящій къ оперному идеалу.

Между тѣмъ нашлись люди, не постѣснившіеся заявить даже печатно свои соболѣзнованія, что Даргомыжскій подчинился пагубному, будто-бы, вліянію молодыхъ музыкантовъ-новаторовъ, совратившихъ его съ пути истины и подбившихъ его написать оперу въ радикальнѣйшемъ направленіи, съ отступленіемъ отъ всѣхъ извѣстныхъ, общепринятыхъ формъ и правилъ. Подобное обвиненіе Даргомыжскаго въ подчиненіи чужому вліянію или чужимъ совѣтамъ—и несправедливо, и нелогично. Вся творческая его дѣятельность доказываетъ, что онъ всегда шелъ своимъ собственнымъ, самостоятельнымъ путемъ; всѣ его произведенія, за исключеніемъ немногихъ, самыхъ раннихъ, носятъ отпечатокъ совершенно особеннаго, своеобразнаго характера, присущаго именно таланту Даргомыжскаго. „Каменный Гость“ проникнутъ тѣмъ же самымъ характеромъ, какъ и другія его произведенія, а планъ этой оперы, ея направленіе и стиль ея музыки, вполне естественно исходятъ изъ предшествующихъ его работъ. Лучшія мѣста „Русалки“—тѣ, что написаны въ декламационно-речитативномъ стилѣ, и романсы Даргомыжскаго позднѣйшаго времени очень близки къ „Каменному Гостю“, отличающемуся тѣмъ, что декламационный стиль музыки, разрабатываемый Даргомыжскимъ и прежде, въ этой оперѣ выдержанъ съ болѣею послѣдовательностью, рациональностью и законченностью. „Каменный Гость“ представляетъ логическое, естественное слѣдствіе всей прежней композиторской дѣятельности Даргомыжскаго и особенностей его таланта; идя въ томъ направленіи, которое онъ взялъ еще въ „Русалкѣ“, онъ необходимо долженъ былъ придти къ стилю и къ формѣ, въ какихъ написанъ „Каменный Гость“.

Принимаясь за музыку въ „Каменному Гостю“, Даргомыжскій

не имѣлъ въ виду создать какой-нибудь новый типъ оперы, произвести реформу въ оперной музыкѣ; если же онъ написалъ оперу, существенно отличающуюся по формамъ и по стилю музыки отъ другихъ оперъ, то сдѣлалъ это не вслѣдствіе какихъ-либо апріористическихъ тенденцій, а потому, что къ тому привели условія, при которыхъ онъ задумалъ свое произведеніе. Главное условіе, положенное Даргомыжскимъ въ основаніе своей задачи, заключалось въ томъ, чтобы сохранить весь текстъ Пушкина въ полнѣйшей цѣлости, не сокращая, не прибавляя и не измѣняя ни одного слова ¹⁾; затѣмъ, онъ задумалъ написать музыку къ „Каменному Гостю“ такъ, чтобы въ исполненіи отнюдь не утратились ясность, отчетливость каждаго стиха, — однимъ словомъ, чтобы не было пожертвовано ни однимъ преимуществомъ текста для чисто музыкальных цѣлей. Отсюда истекаютъ какъ общій планъ оперы, особенности фактуры и самый стиль музыки, такъ и всѣ достоинства и недостатки этого произведенія. Для выполненія задачи, въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ она была задумана, Даргомыжскій долженъ былъ совсѣмъ отрѣшиться отъ условныхъ традиціонныхъ формъ прежнихъ оперъ. Еслибы онъ вздумалъ ввести въ свою оперу аріи, дуэты, ансамбли, хоры, — то для этого пришлось бы, такъ сказать, перекроить сцены Пушкина, сдѣлать въ нихъ измѣненія, дополненія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нарушить непрерывность сценическаго дѣйствія. Чтобы избѣгнуть подобныхъ передѣловъ, противорѣчившихъ основному плану Даргомыжскаго, необходимо было безусловно отказаться отъ всѣхъ арій, ансамблей и хоровъ, и писать всю оперу въ стилѣ мелодическаго речитатива, что и выполнено Даргомыжскимъ съ большою послѣдовательностью и выдержанностью; только въ одной сценѣ (2-я картина 1-го акта) за ужиномъ у Лауры, — гдѣ въ текстѣ Пушкина обозначено: „Лаура поетъ“, — Даргомыжскій вставилъ два законченныхъ нумера романсовъ; все же остальное въ оперѣ „Каменный Гость“

¹⁾ Слѣдуетъ имѣть въ виду, что Даргомыжскій пользовался текстомъ Пушкинскаго „Каменнаго Гостя“ по изданію Глазунова, Заикина и К°, 1841 г., и дѣйствительно не сдѣлалъ никакихъ отступленій отъ этого текста; поэтому въ его оперѣ нѣтъ тѣхъ измѣненій въ текстѣ „Каменнаго Гостя“, которыя вошли въ позднѣйшія изданія сочиненій Пушкина, именно: тамъ нѣтъ 12 стиховъ послѣ словъ Донны Анны: „Такъ это Донъ-Жуанъ“ (въ сценѣ IV), и трехстишіе не замѣнено позднѣйшимъ вариантомъ:

„Когда-бы я тебя обманывалъ,
Признался-ль-бы, сказалъ-ли-бы то имя
Котораго не можешь ты и слышать?“
„Когда-бъ я васъ обманывалъ,
Признался-ль бы, сказалъ-бы я то имя,
Котораго не можете вы слышать?“.

тѣсно связано съ текстомъ и льется въ непрерывныхъ музыкальныхъ рѣчахъ, въ мелодическихъ речитативахъ. Такимъ образомъ, получился совершенно новый типъ драматической музыки, отличающійся отъ всѣхъ прежнихъ оперъ; Даргомыжскій, не задаваясь идеею преобразованія оперной музыки, тѣмъ не менѣе, быть можетъ, совсѣмъ безсознательно, въ „Каменномъ Гостѣ“ вступилъ на путь рациональныхъ коренныхъ реформъ.

Если сравнивать „Каменнаго Гостя“ съ операми другого современнаго реформатора оперной музыки, Рихарда Вагнера, то, пожалуй, можно найти нѣкоторую аналогію во взглядахъ обоихъ композиторовъ на задачи драматической музыки и въ ихъ стремленіяхъ создать новый родъ музыкально-сценическихъ произведеній, гдѣ драмѣ было бы предоставлено первенствующее значеніе, и музыка воспроизводила бы, съ возможно болѣею вѣрностью и правдою, содержаніе и всѣ подробности текста драмы. Но Даргомыжскій отнюдь не былъ послѣдователемъ Вагнера, къ которому онъ относился скорѣе отрицательно, какъ тѣ доводятъ слѣдующія строки, писанныя Даргомыжскимъ, лѣтомъ 1856 г., Сѣрову ¹⁾: „Вагнера (оперу „Тангейзеръ“) вамъ еще не возвращаю; просмотрѣлъ только полъ-оперы. Вы правы: поэзія въ сценическомъ распредѣленіи оперы—много. Въ музыкѣ указываетъ онъ дорогу новую и дѣльную; но въ неестественномъ пѣніи его и въ прямыхъ, хотя мѣстами очень занимательныхъ, гармонизаціяхъ, выглядываетъ какое-то страданіе. Will und kann nicht! Правда—правдой, а вѣдь надобенъ и вкусъ!“ —Согласуясь съ Вагнеромъ въ основныхъ положеніяхъ относительно общаго направленія въ оперной музыкѣ, Даргомыжскій отрицалъ тѣ приемы, посредствомъ которыхъ Вагнеръ разсчитывалъ осуществить задуманную имъ реформу. Поэтому, если есть нѣкоторая аналогія въ тѣхъ замыслахъ, которыми руководствовались оба реформатора оперной музыки, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, существуетъ и громадное различіе въ осуществленіи ими своихъ намѣреній. Вагнеръ для своихъ оперъ самъ писалъ либретто, вводя въ нихъ сцены наиболѣе благодарныя для музыкальной обработки, включая въ нихъ стихи, спеціально приновреленные, подогнанные для музыкальныхъ цѣлей. — Даргомыжскій взялъ готовый текстъ Пушкина, написанный никакъ не для музыки, и въ стихахъ гениальнаго поэта не измѣнилъ ни одного слова. Вагнеръ въ своихъ операхъ голосамъ предоставлялъ крайне незначительную роль или, вѣрнѣе, никакой роли,—весь музыкальный матеріалъ у него сосредоточивается (за

¹⁾ „Музыкальный Сезонъ“, 1870 г., № 5.

весьма немногими исключеніями) въ оркестрѣ, который поглощаетъ голоса пѣвцовъ и пѣвицъ и, виѣсть съ тѣмъ, и текстъ либретто. Въ „Каменномъ Гостѣ“, наоборотъ, музыкальный интересъ, главнымъ образомъ, сосредоточивается на вокальных партіяхъ, мелодическая естественная декламация которыхъ, охраняя ясность и отчетливость стиховъ текста, придаетъ имъ еще большую красоту и выразительность; оркестру предоставлено только дополнять музыкальную характеристику сценическихъ и драматическихъ положеній. Затѣмъ, въ операхъ Вагнера видна дѣланность, работа, подведеніе музыки подъ заранее установленные приемы, для достиженія извѣстныхъ тенденціозныхъ цѣлей, и во всемъ этомъ чувствуется творческое безсиліе, такъ удачно охарактеризованное Даргомыжскимъ фразой: „Will und kann nicht!“ Въ „Каменномъ Гостѣ“ находимъ непосредственное вдохновеніе, талантливость, бьющую ключомъ, и художественную изобрѣтательность изумительную. Большое различіе—въ самомъ принципѣ и въ характерѣ дѣятельности обоихъ композиторовъ. Вагнеръ задумалъ оперную реформу въ силу теоретическихъ разсужденій, признавая современное состояніе опернаго дѣла неотвѣчающимъ дѣйствительнымъ требованіямъ драматической музыки, и, намѣтивъ заранее планъ задуманныхъ реформъ, для пропаганды ихъ, исписалъ цѣлые томы теоретическихъ трактатовъ; затѣмъ, своею необычайною энергіею и настойчивостью заставилъ признать его новаторскія идеи, какъ нѣчто непреложное, истинное, вводящее искусство въ новый фазисъ существованія. Даргомыжскій, наоборотъ, не задумывая никакой реформы, написалъ своего „Каменнаго Гостя“,—оперу, стоящую гораздо ближе къ идеалу драматической музыки, чѣмъ всѣ Вагнеровскія затѣи,—не вслѣдствіе разсудочныхъ теоретическихъ выводовъ, а потому, что къ этому его привели особенности его таланта, непосредственное вдохновеніе и условія того поэтическаго произведенія, которое было имъ выбрано для его оперы. Врядъ-ли даже онъ сознавалъ, насколько серьезна была разрѣшаемая имъ задача, и какое существенное значеніе долженъ имѣть его „Каменный Гость“ въ дальнѣйшемъ развитіи оперной музыки. Онъ создавалъ свою послѣднюю оперу, мучимый страданіями предсмертной болѣзни, и съ печальною увѣренностью предсказывалъ, что этотъ послѣдній плодъ его творчества „будетъ произведеніемъ не для многихъ“.

Композиторскія достоинства Даргомыжскаго, уже указанныя при разборѣ его романсовъ, „Русалки“ и другихъ произведеній, его изобрѣтательность въ тематическомъ и въ гармоническомъ отношеніи, его способность къ музыкальной характеристикѣ дѣй-

ствующихъ лицъ и драматическихъ положеній, въ „Каменномъ Гостѣ“ выступаютъ еще въ болѣе лучшемъ, въ болѣе богатомъ видѣ, а сила декламаторскаго таланта, въ которомъ Даргомыжскій не имѣлъ соперниковъ, является здѣсь въ совершенствѣ дѣйствительно изумительномъ; трудно представить болѣе вѣрную и естественную фразировку и интонацію стиховъ сценъ Пушкина, чѣмъ та, которую подсказало Даргомыжскому его вдохновеніе, и совершенно справедливо сдѣланное однимъ изъ музыкальныхъ критиковъ замѣчаніе, что „Каменный Гостѣ“, въ отношеніи музыкальной декламации—„кодексъ, который музыкальнымъ композиторамъ слѣдуетъ изучать постоянно и съ величайшимъ тщаніемъ“¹⁾. — Въ текстѣ „Каменнаго Гостя“, при всей поэтичности его сюжета и роскоши стиховъ, встрѣчаются разговоры совсѣмъ обыденные, чисто разсудочные. Конечно, речитативы, написанные на подобныхъ антимусикальных, болѣею частью отрывочныхъ, фразы, не могутъ представлять особеннаго музыкальнаго интереса. За исключеніемъ такихъ речитативовъ, которыхъ, въ сущности, немного, вся опера богата музыкальнымъ содержаніемъ, богата въ отношеніи музыкальной тематичности, пѣвуча и мелодична. Противники „Каменнаго Гостя“ преимущественно указываютъ въ немъ бѣдность мелодическаго содержанія; но, въ примѣненіи къ этой оперѣ, это совсѣмъ шаткая почва для критики. Правда, здѣсь нѣтъ легко запоминаемыхъ, шаблонныхъ кантиленныхъ мелодій въ 8 тактовъ, съ репризами и репликами; здѣсь музыкальныя тѣмы вполнѣ подчиняются тексту, ихъ конструкція зависитъ отъ словъ и содержанія текста, съ которымъ онѣ связаны неразрывно, — какъ фразы текста, онѣ то короче, то длиннѣе, постоянно чередуются, почти совсѣмъ не повторяются: что ни новая фраза—то новая мелодія, одна красивѣе другой, и, въ общей совокупности, въ этой оперѣ такое множество музыкальныхъ тѣмъ, что приходится только удивляться необыкновенной мелодической изобрѣтательности ея автора. Достоинство „Каменнаго Гостя“, въ мелодическомъ отношеніи, приобретаетъ еще большее значеніе, если обратить вниманіе на то, что вездѣ строго соблюдена правильность декламации, что мелодіи воспроизводятъ текстъ съ изумительною правдою музыкальнаго выраженія, что почти каждая тѣма, сама по себѣ, обладаетъ музыкальною красотою и значеніемъ, и что, наконецъ, комбинація отдѣльныхъ музыкальныхъ фразъ произведена съ большимъ совершенствомъ: самыя разнообразныя музыкальныя фразы, слѣдуя другъ за другомъ, какъ бы истекая

¹⁾ „С.-Петербургскія Вѣдомости“, 1872 г., № 55.

одна изъ другой съ естественною плавностію, сливаются въ одно цѣлое, такъ что въ стилѣ музыки „Каменнаго Гостя“ рѣшительно нельзя найти той мозаичности, которая, казалось бы, должна была обнаружиться, въ виду массы разнообразныхъ музыкальных фразъ, составляющихъ речитативы этой оперы.

Въ гармоническомъ отношеніи „Каменный Гость“ очень богатъ и интересенъ. Даргомыжскій гармонизировалъ свои мелодическіе речитативы тонко, ново, талантливо, и нерѣдко удачными гармоническими комбинаціями достигалъ изумительно правдивой, тонкой характеристики сценическихъ положеній и дѣйствующихъ лицъ, выказывая точно также бездну изобрѣтательности и остроумія въ оригинальнѣйшихъ и интереснѣйшихъ сочетаніяхъ аккордовъ. Мѣстами, изрѣдка, можно подмѣтить въ „Каменномъ Гостѣ“ гармоническія и модуляціонныя натяжки, не оправдываемыя хорошимъ вкусомъ; но это объясняется частью склонностію Даргомыжскаго къ рискованнымъ, иногда жестковатымъ, гармоніямъ, частью спѣшностію работы, оставшейся, какъ извѣстно, неоконченною, что помѣшало Даргомыжскому исправить и сгладить гармоническія, вѣроятно случайныя, шероховатости. — Въ общемъ, въ это произведеніе Даргомыжскій внесъ всѣ лучшія и богатѣйшія музыкальныя средства, которыми онъ располагалъ, примѣнилъ къ нему свои лучшія творческія силы. Большая опытность, мастерство и талантливость видны въ каждой страницѣ этой замѣчательной партитуры, а тѣ ея сцены, которыя представляютъ болѣе благодарный матеріалъ для музыкальной обработки, — свидѣтельствуютъ объ истинномъ вдохновеніи большой силы и глубины.

Мы говорили, что достоинства и недостатки оперы „Каменный Гость“ обуславливаются текстомъ Пушкинскихъ драматическихъ сценъ, которымъ Даргомыжскій подчинялъ свою музыку. Всецѣло, такъ сказать, съ самоотверженіемъ, жертвуя тою самостоятельностью, которою пользуются другіе оперные композиторы. Самый сюжетъ „Каменнаго Гостя“, драматическая форма, въ которой онъ написанъ Пушкинымъ, наконецъ, превосходные стихи — представляютъ прекрасныя данныя для оперы; въ то же время эти сцены, заключая мало лирическихъ моментовъ и изрядное количество прозаическихъ отрывочныхъ разговоровъ, задаютъ трудную и неблагоприятную задачу для опернаго композитора. Детальный разборъ оперы „Каменный Гость“ укажетъ, насколько эти свойства драматическихъ сценъ Пушкина отразились на музыкѣ Даргомыжскаго.

Первая картина 1-го акта представляетъ мало благопріятныхъ условій для музыки. Донъ-Жуанъ, тайно вернувшійся изъ ссылки,

ведетъ съ Лепорелло, у монастыря близъ Мадрида, разговоры, поясняющіе положеніе сценическаго дѣйствія, и никакая творческая фантазія не могла придать этимъ прозаическимъ рѣчамъ много музыкальнаго интереса. Но поэтическое воспоминаніе Донъ-Жуана: „Бѣдная Инеза! Ея ужъ нѣтъ! Какъ я любилъ ее!“ и т. д. — дало возможность написать красивую, задумчивую музыку, вполне соответствующую увлекающейся поэтической натурѣ Донъ-Жуана, способнаго на теплое и искреннее, хотя и мимолетное, чувство. Ироническія реплики Лепорелло, какъ въ этомъ эпизодѣ, такъ и въ предшествующихъ разговорахъ, также чудесно обрисовываютъ его юмористическую личность, такъ что уже въ самомъ началѣ оперы Донъ-Жуанъ и Лепорелло имѣютъ вполне определенную музыкальную характеристику. Появленіе монаха, оповѣщающаго, что тотчасъ пріѣдетъ въ монастырь вдова командора, убитаго Донъ-Жуаномъ, Донна-Анна, молиться у мужниной гробницы, — сопровождается широко расположенными аккордами; музыка проникнута отчасти религіознымъ настроеніемъ, выдержаннымъ удачно во всей роли монаха и въ его сдержанныхъ отвѣтахъ на шутивые разспросы Донъ-Жуана и Лепорелло. Донна-Анна только проходитъ въ ворота монастыря, обращаясь въ монаху съ лаконической фразой: „Отецъ мой, отоприте“; но и этотъ коротенькій эпизодъ не прошелъ для музыки безслѣдно, а послужилъ для неподобной музыкальной обрисовки молодой женщины и ея полу-мистическаго настроенія. Вся 1-я картина въ общемъ сдѣлана превосходно; хотя отсутствіе здѣсь лиризма и преобладаніе холодныхъ разговорныхъ фразъ, повторяемъ, не благопріятствовало полету музыкальной фантазіи композитора, но во всемъ видна мастерская опытная рука высоко-одареннаго художника, прекрасно справившагося съ своею трудною задачею.

Во второй картинѣ 1-го акта, — ужинъ у актрисы Лауры, — Лаура поетъ своимъ гостямъ два романса („Одѣлась туманомъ Гренада“ и „Я здѣсь, Инезилья“), единственные два нумера въ законченной формѣ во всей оперѣ, оба красивые по музыкѣ, эффектные и благодарные для исполненія. Между романсами вставленъ эпизодъ ссоры Лауры съ однимъ изъ ея гостей, Донъ-Карлосомъ, братомъ убитаго Донъ-Жуаномъ командора; эпизодъ этотъ интересенъ по энергической выразительности, правдѣ и естественности речитативовъ ссорящихся. Выше похвалъ — слѣдующая любовная сцена Лауры и Донъ-Карлоса, въ которой музыка Даргомыжскаго придаетъ стихамъ текста такой горячій колоритъ, столько поэтической прелести, что эта сцена производитъ на слушателей чарующее впечатлѣніе, какое не вызовутъ

безъ музыки ни одинъ декламаторъ, никакіе актеры, какъ бы талантливы они не были. Какъ чудесно хорошо, напимѣръ, монологъ Донъ-Карлоса: „Скажи, Лаура, который годъ тебѣ?..“ гдѣ лиризмъ текста вдохновилъ Даргомыжскаго на музыку замѣчательной мелодической красоты. Еще лучше, еще интереснѣе въ музыкальномъ отношеніи, картина теплой южной ночи при стихахъ Лауры: „Приди,—открой балконъ. Какъ небо тихо! Недвижимъ теплый воздухъ“, и т. д. Здѣсь тематическая красота, тонкость гармоніи и разнообразіе ритмовъ сообщаютъ музыкѣ чудесную колоритность и прекрасно обрисовываютъ характеръ поэтической сцены; это—однѣ изъ лучшихъ, удачнѣйшихъ страницъ оперы; по фактурѣ онѣ новы и оригинальны. Любовная сцена эта прерывается внезапнымъ появленіемъ Донъ-Жуана. Остриевистыя фразы дѣйствующихъ лицъ при неожиданной встрѣчѣ опять представляютъ моментъ неблагоприятный для музыки, и опять нельзя не удивляться изобрѣтательности Даргомыжскаго, нашедшаго выразительные, естественные речитативы, вполне соответствующіе сценическому положенію. Отмѣтимъ еще здѣсь прекрасную оркестровую картину поединка Донъ-Жуана съ Донъ-Карлосомъ и оркестровое же заключеніе этой картины, производящее впечатлѣніе какъ бы теплаго воспоминанія объ убитомъ Донъ-Карлосѣ, лежащемъ мертвымъ среди опустѣлой сцены.

Второе дѣйствіе, лучшее изъ всѣхъ трехъ, заключаетъ музыкальныя сцены, полныя истиннаго, неподдѣльнаго вдохновенія. Донъ-Жуанъ, переодѣтый монахомъ, у памятника командора, въ ожиданіи Донны-Анны, которой онъ намѣренъ объясниться въ любви,—подсмѣивается надъ могильной статуей („Какимъ онъ здѣсь представленъ исполиномъ! Что за Геркулесъ! а самъ покойникъ малъ былъ и щедушенъ“, и т. д.); здѣсь речитативы проникнуты юморомъ и тонкимъ комизмомъ, оркестровое сопровожденіе необыкновенно удачно иллюстрируетъ детали ироническихъ замѣчаній Донъ-Жуана. Появляется Донна-Анна; въ прекрасно характеризующихъ ее красивыхъ музыкальныхъ фразахъ бездна грусти, протости, граціи и женственности; съ ними вполне гармонируютъ первыя сдержанныя фразы мнимаго монаха; но его рѣчи становятся постепенно все оживленнѣе, теплѣе, любовнѣе, и на словахъ: „У вашихъ ногъ прощенья умоляю“,—достигаютъ страсти, горячаго увлеченія. Здѣсь все безподобно, все проникнуто истиннымъ вдохновеніемъ, каждая музыкальная фраза прочувствована и свидѣтельствуетъ о тонкости пониманія каждой детали драмы и о необыкновенной способности охарактеризовывать музыкой всѣ мельчайшія измѣненія чувства и настроенія.

Сколько, напримѣръ, увлеченія, теплоты и, пожалуй, даже искренности въ монологахъ Донъ-Жуана: „Мнѣ молиться съ вами, Донна-Анна!..“ и „О, пусть умру сейчасъ у вашихъ ногъ...“, — сколько страстныхъ, энергическихъ порывовъ въ его фразахъ: „но видѣть васъ долженъ я, когда уже на жизнь я осужденъ“ или „когда-бъ я былъ безумецъ“, и т. д. Воспроизводя типъ Донъ-Жуана вполнѣ согласно съ намѣреніями Пушкина, охарактеризовавшаго своего героя способнымъ въ любовныхъ объясненіяхъ не оставаться бездушнымъ, холоднымъ эгоистомъ, но увлекаться въ своихъ рѣчахъ до горячаго, страстнаго правдиваго чувства, — Даргомыжскій придавалъ музыкѣ въ речитативахъ Донъ-Жуана характеръ искренняго увлеченія, отбѣняя ее мѣстами нарочито утрированной выразительностью декламации, въ которой слышны ложь и притворство, въ родѣ, напримѣръ, аффектированнаго отвѣта: „Смерти!“ на вопросъ Донны-Анны, чего онъ требуетъ, — или изворотливой фразы: „Случай, Донна-Анна, случай увлекъ меня“, и т. п. Такимъ образомъ, въ этой сценѣ мы видимъ тонко обдуманную музыкальную характеристику типа Донъ-Жуана, прекрасно понятаго композиторомъ и воспроизведеннаго имъ съ изумительною талантливостью. Точно также неподобно выдержанъ характеръ Донны-Анны; какъ правдиво, естественно звучать ея несмѣлыя, отрывистыя слова, которыми она хочетъ остановить потокъ страстныхъ изліяній Донъ-Жуана; сколько неподдѣльнаго ужаса въ ея возгласѣ: „О, Боже мой! и здѣсь, при этомъ гробѣ!“ и, вслѣдъ затѣмъ, сколько чисто женской робости въ прерывающихся словахъ: „если кто взойдетъ...“; сколько, наконецъ, кокетства въ фразѣ: „Подите прочь, вы человѣкъ опасный; я слушать васъ боюсь“! Сдѣлано это опять съ такимъ глубокимъ пониманіемъ, съ такою тщательностью въ каждой детали и съ такою художественностью въ общемъ, что Даргомыжскаго можно бы назвать музыкантомъ-психологомъ, — такъ изумительно талантливо умѣлъ онъ передавать самыя разнообразныя душевныя настроенія. Вся эта большая сцена написана со страстью, съ горячностью и съ вдохновеніемъ; по красивости музыки, по правдѣ и естественности музыкальнаго выраженія, по общей концепціи и по всѣмъ детальнымъ частностямъ она безусловно не имѣетъ себѣ равной во всей оперной музыкѣ; какъ гениальна она по стихамъ Пушкина, такъ же гениальна она и по музыкѣ Даргомыжскаго, и трудно сказать, кому изъ двухъ художниковъ болѣе обязана эта совокупная музыкально-драматическая сцена за то чарующее впечатлѣніе, которое она производитъ на слушателей.

Другая большая сцена 2-го акта, гдѣ Донъ-Жуанъ въ вос-

торгѣ, что Донна-Анна назначила ему свиданіе, дурачится съ Лепорелло, заставляя его звать статую командора придти къ его вдовѣ и стать у двери на часахъ, — точно также заключаетъ первоклассныя достоинства, пожалуй не мѣншія, чѣмъ въ предшествующей сценѣ; но музыка здѣсь совсѣмъ другого характера. Комическое положеніе Лепорелло, его трусость чудесно выражены въ отрывистыхъ, боязливыхъ фразахъ; наоборотъ, речитативы Донъ-Жуана, особенно его рѣчь къ статуѣ, проникнуты достоинствомъ, съ оттѣнкомъ нѣсколько хвастливой самоувѣренности. Здѣсь же является впервые музыкальная характеристика статуи командора, сдѣланная замѣчательно смѣло и удачно на фразѣ изъ пяти нотъ, повышающихся и понижающихся цѣлыми тонами, что сообщаетъ музыкѣ тяжелый, мрачный, суровый характеръ; эта короткая, пятинотная фраза употреблена Даргомыжскимъ въ многочисленныхъ и разнообразныхъ комбинаціяхъ, при замѣчательно своеобразныхъ гармоніяхъ, съ большимъ мастерствомъ, представляющимъ изумительный *tour de force* композиторской изобрѣтательности.

Третій актъ тоже богатъ прекрасной музыкой; горячія, страстные рѣчи Донъ-Жуана, женская кокетливость Донны-Анны, ея обморокъ, когда она узнаетъ скрываемое до того имя Донъ-Жуана, ея слабое сопротивленіе его ласкамъ — все это охарактеризовано музыкой съ такою же талантливостью, правдою и естественностью, какъ и въ первой сценѣ 2-го акта. Если же здѣсь музыка производитъ менѣе сильное, менѣе цѣльное впечатлѣніе, то вслѣдствіе той причины, что въ этой сценѣ также немало короткихъ разговорныхъ фразъ, крайне неблагоприятныхъ для музыкальной декламации, которыя поѣтому, уменьшая музыкальный интересъ, охлаждають общее впечатлѣніе. Но, съ появленія статуи командора, до конца оперы, музыка представляетъ рядъ чудеснѣйшихъ художественныхъ концепцій, отличающихся необыкновенною оригинальностью и новизною фактуры. Опять появляется мрачная тема изъ пяти нотъ цѣлыми тонами; здѣсь ея развитіе еще шире, еще разнообразнѣе. Музыка пріобрѣтаетъ характеръ угрожающій, подавляющій; короткія фразы, произносимыя статуей на двухъ только нотахъ, звучатъ какъ неотразимый, роковой приговоръ судьбы; страстные возгласы Донъ-Жуана, полныя предсмертной муки и отчаянія, еще болѣе увеличиваютъ трагизмъ этой неподобной музыкальной сцены, задуманной и выполненной съ изумительною смѣлостью и истинною геніальностью.

Даргомыжскій не успѣлъ вполне окончить своего „Каменнаго Гостя“. Согласно его желанію, то, что онъ не успѣлъ сдѣлать

въ этой оперѣ, было окончено Ц. А. Кюи и Н. А. Римскимъ-Корсаковымъ. Г-нъ Кюи дописалъ музыку въ 10¹/₂ стихамъ въ концѣ 1-й картины 1-го акта, очень удачно выдержавъ стиль и манеру Даргомыжскаго; онъ же написалъ оказавшееся необходимымъ небольшое оркестровое вступленіе въ оперѣ, причемъ, чтобы не вносить посторонней музыки, построилъ вступленіе на двухъ тѣмахъ Даргомыжскаго (на тѣмъ, цѣлыми тонами, командора и на тѣмъ Донъ-Жуана, когда онъ подходитъ къ статуѣ), придавъ имъ нѣкоторое развитіе и соединивъ ихъ контрапунктически. Римскій-Корсаковъ инструментовалъ оперу съ свойственною ему талантливостью и неподражаемымъ мастерствомъ; при этомъ ему пришлось кое-что, оставленное Даргомыжскимъ въ видѣ набросковъ, частью дополнить, частью измѣнить въ гармоническомъ отношеніи, что сдѣлано съ большою сдержанностью и осторожностью, вполнѣ согласуясь съ намѣреніями автора и съ стилемъ его музыки ¹⁾.

„Каменный Гость“, наиболѣе зрѣлое и талантливое изъ всѣхъ произведеній Даргомыжскаго, занимаетъ особое исключительное мѣсто по тому направленію, по которому слѣдовалъ въ немъ авторъ, осуществляя свои художественныя намѣренія съ замѣчательною послѣдовательностью и рациональностью. Въ этомъ произведеніи, Даргомыжскій далъ одно изъ рѣшеній вопроса о „музыкальной драмѣ“, которая, рано или поздно, должна замѣнить оперы, въ ихъ прежней традиціонной, устарѣлой, отжившей свой вѣкъ формѣ, не удовлетворяющей требованіямъ современнаго искусства. Въ „Каменномъ Гостѣ“ мы видимъ именно одно изъ рѣшеній этого вопроса, хотя и не придаемъ такому рѣшенію значенія общности, не признавая въ „Каменномъ Гостѣ“ того единственнаго типа, по которому должны быть написаны впредь всѣ оперы. Въ этомъ произведеніи, Даргомыжскій былъ слишкомъ связанъ текстомъ (въ которомъ онъ разумно и основательно не хотѣлъ дѣлать никакихъ измѣненій), не заключающимъ вполнѣ хорошихъ данныхъ для музыки, и потому, вынужденный расходовать творческую изобрѣтательность часто на весьма немusicalныя цѣли, въ то же время онъ не могъ пользоваться всѣми средствами драматической музыки; выработывая декламационно-речитативный стиль и примѣняя его нерѣдко къ сухимъ, прозаическимъ, отрывочнымъ разговорамъ, онъ не находилъ въ текстѣ и десяти строкъ

¹⁾ Въ фортепіанномъ переложеніи оперы „Каменный Гость“ (изд. В. Бесселя и К^о), сдѣланномъ по оркестровой партитурѣ, тѣ изъ набросковъ Даргомыжскаго, которые пришлось измѣнить, напечатаны мелкимъ шрифтомъ на особыхъ нотныхъ линейкахъ.

подъ-рядъ лирической поэзіи, которыя дали бы возможность болѣе широкаго развитія вокальной мелодіи; точно также не имѣлъ основанія ввести въ свою оперу ни вокальных массъ-хоровъ, ни сочетанія голосовъ-ансамблей, которые, не будучи безусловно необходимыми въ оперѣ, но хорошо мотивированные, согласующіеся съ содержаніемъ и ходомъ дѣйствія драмы, представляютъ для драматической музыки слишкомъ богатые и разнообразныя средства, чтобы совершенно ихъ игнорировать. Такимъ образомъ, въ „Каменномъ Гостѣ“ затронуты не всѣ стороны драматической музыки, а потому онъ не можетъ служить общимъ типомъ; но это произведеніе представляетъ прекрасный образецъ и служить пунктомъ отправленія для дальнѣйшаго развитія и преобразованія оперной музыки. Современные русскіе композиторы съ этой именно точки зрѣнія смотрятъ на „Каменнаго Гостя“; слѣдуя направленію, по которому шелъ Даргомыжскій, охотно и съ любовью примѣняя и разрабатывая въ своихъ операхъ декламаціонно-речитативный стиль, они не замыкаются въ тѣсныя рамки, въ которыхъ написанъ „Каменный Гость“, но на рационалистической, такъ сказать, почвѣ сего послѣдняго разрабатываютъ также и другія стороны драматической музыки.

Судя по письмамъ Даргомыжскаго, „Каменный Гость“ всецѣло наполнялъ его существованіе въ послѣдніе мѣсяцы его жизни; среди испытываемыхъ имъ физическихъ страданій, вслѣдствіе тяжелой болѣзни, послѣдній его художественный трудъ служилъ для него источникомъ высшихъ наслажденій. Въ теченіе 1868 г. у Даргомыжскаго, несмотря на его болѣзнь, часто бывали, какъ онъ называлъ, „импровизированные рауты“, собиравалась „Балакиревская партія“, бывали пѣвицы Ю. Ѳ. Платонова, А. А. Хвостова (Полякова), А. Н. Пургольдъ (Моласъ) и прекрасная піанистка Н. Н. Пургольдъ (Римская-Корсакова). Въ концѣ года, когда „Каменный Гость“ былъ уже почти совсѣмъ оконченъ, на этихъ раутахъ начались пробы новаго произведенія; самъ Даргомыжскій исполнялъ Донъ-Жуана, Мусоргскій пѣлъ партіи Лепорелло и Донъ-Карлоса; названныя пѣвицы исполняли партіи Доны-Анны и Лауры; Н. Н. Пургольдъ на фортепіано выполняла роль оркестра. Посѣщавшій рауты Даргомыжскаго, В. В. Стасовъ, въ своей статьѣ: „М. П. Мусоргскій“, упоминаетъ, между прочимъ, объ этихъ пробахъ, выражаясь: „Наврядъ-ли удастся кому-нибудь услышать на театрѣ великое произведеніе Даргомыжскаго въ такомъ совершенномъ исполненіи ¹⁾. Новымъ произведеніемъ

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“, 1881 г., т. III, іюнь, стр. 512.

интересовались и въ дирекціи театровъ; въ концѣ 1868 года, тогдашній министръ императорскаго двора, графъ А. В. Адлербергъ присылалъ къ Даргомыжскому узнать: когда онъ надѣется окончить „Каменнаго Гостя“ и какъ желаетъ распредѣлить роли ¹⁾. Сдѣланное тогда Даргомыжскимъ распредѣленіе главныхъ ролей было сохранено и впослѣдствіи, при постановкѣ его оперы на сценѣ ²⁾.

В. Т. Соколовъ, въ своихъ воспоминаніяхъ о Даргомыжскомъ, нашелъ, что Александръ Сергѣевичъ предчувствовалъ свою близкую кончину. Онъ часто говорилъ: „я чувствую, что я скоро умру, что „Каменный Гость“ будетъ моя лебединая мѣся“. Предчувствіе его не обманывало: смерть приближалась къ нему быстро. Лечившіе его наши извѣстные врачи-профессора, Боткинъ и Богдановскій, не могли спасти его жизнь; онъ умеръ отъ аневризма сердца, 5-го января 1869 г. Прахъ его погребенъ на кладбищѣ Александро-Невской лавры, гдѣ уже раньше покоился М. И. Глинка, и гдѣ впослѣдствіи были также похоронены Сѣровъ и Мусоргскій.

Не лишены интереса обстоятельства, сопровождавшія дальнейшую судьбу послѣдняго произведенія Даргомыжскаго, прежде чѣмъ оно появилось на сценѣ. Когда опера была окончена гг. Римскимъ-Корсаковымъ и Кюи и въ сентябрѣ 1870 г. была представлена 1-номъ Кюи въ театральную дирекцію, явились серьезныя препятствія къ постановкѣ ея на сцену. Даргомыжскій при жизни говорилъ, что 3.000 р. за „Каменнаго Гостя“ удовлетворили бы его; эту же цифру гонорара заявилъ опекунъ наслѣдниковъ умершаго композитора, г. Кашкаревъ, не соглашаясь разрѣшить исполненіе „Каменнаго Гостя“ ранѣ полученія полностью означенной суммы. По существовавшему тогда положенію (1827 г.), относительно авторскаго вознагражденія, русскій композиторъ не могъ получить за свою оперу болѣе 1.143 р. (4.000 р. ассиг.). Министерство императорскаго двора не хотѣло сдѣлать никакого исключенія относительно „Каменнаго Гостя“; съ другой стороны, г. Кашкаревъ не соглашался ни на какія комбинаціи, придумываемыя для вознагражденія наслѣдниковъ Даргомыжскаго, и твердо стоялъ на своемъ требованіи. Казалось, „Каменному Гостю“ не суждено было скоро появиться на сценѣ; но въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 27-го ноября 1870 г. было напечатано открытое

¹⁾ „Воспоминанія“ В. Т. Соколова, „Русская Старина“ 1885 г. май, стр. 351.

²⁾ Донъ-Жуанъ—Комисаржевскій; Лепорелло—Петровъ, Донна-Анна—Платонова; роль Лауры была предназначена Лавровской, но, за оставленіемъ ея сцены, роль эта была поручена Ильиной, а потомъ Абариновой.

письмо г. Кюи, объяснявшего вышеизложенныя обстоятельства,— и это сразу придало дѣлу совсѣмъ неожиданный оборотъ. На другой же день, въ той же газетѣ, появился отзывъ г. Бритнева, который предлагалъ собрать складчиной сумму, потребную для постановки „Каменнаго Гостя“, и прислать въ редакцію газеты 512 р., собранные уже имъ для этой цѣли среди своихъ знакомыхъ. На слѣдующій день, также въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, было напечатано воззваніе В. В. Стасова, съ предложеніемъ с.-петербургскому Собранію Художниковъ приобрести „Каменнаго Гостя“ (на деньги, имѣющія быть собранными съ специально устроеннаго для сего концерта) и „подарить его русскому театру, русскому народу“. Собраніе Художниковъ немедленно откликнулось на это воззваніе и поручило своему распорядительному комитету устроить концертъ, сборъ съ котораго былъ бы обращенъ на покупку оперы „Каменный Гость“ для постановки ея повсемѣстно; кромѣ того, Собраніе постановило устроить подписку въ пользу того же фонда, и тогда же членами Собранія было пожертвовано 234 р. Наконецъ, было рѣшено, по мѣрѣ увеличенія фонда, войти въ соглашеніе съ опекуномъ наслѣдниковъ Даргомыжскаго объ условіяхъ изданія „Каменнаго Гостя“ изданіемъ с.-петербургскаго Собранія Художниковъ ¹⁾. Редакція „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ также открыла подписку на фондъ для приобретенія этой оперы и сообщала, что къ 7-му декабря 1870 г. было ею собрано 853 р. ²⁾.—Благодаря такому, можно сказать, безпримѣрному въ лѣтописяхъ искусства, горячему участію публики въ судьбѣ художественнаго произведенія, опера „Каменный Гость“, приобретенная отъ наслѣдниковъ Даргомыжскаго на деньги, собранныя по подпискѣ, была поставлена на сценѣ (первое представленіе состоялось въ февралѣ 1872 г.) и напечатана въ видѣ фортепіаннаго переложенія съ текстомъ ³⁾.

Предсказаніе Даргомыжскаго, что его послѣднее произведеніе „будетъ не для многихъ“,—подтвердилось: на сценѣ „Каменный Гость“ успѣха не имѣлъ, да и не могъ имѣть; это произведеніе, по стилю музыки и по своей фактурѣ, слишкомъ отличается отъ тѣхъ оперъ, на которыхъ развились и выработались вкусы большинства публики. Высокія достоинства и художественныя красоты этой оперы имѣютъ пока только небольшой контингентъ цѣнителей среди нашихъ современныхъ композиторовъ, нашедшихъ

¹⁾ „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1870 г., № 343.

²⁾ То же, № 339.

³⁾ Для изданія оперы сдѣлано было соглашеніе съ музыкальной торгашей В. Бессель и К^о, приобретшей „Каменнаго Гостя“ въ свою собственность.

въ „Каменномъ Гостѣ“, какъ уже упомянуто, прекрасный образецъ для дальнѣйшаго развитія оперной музыки, и среди болѣе воспримчивыхъ къ художественнымъ произведеніямъ, болѣе подготовленныхъ въ музыкальномъ отношеніи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, способныхъ отрѣшиться отъ узкихъ рутинныхъ взглядовъ на задачи искусства и цѣнить тѣхъ гениальныхъ художниковъ, которые, расширяя тѣсные предѣлы искусства, открываютъ для него новые пути, новые горизонты. Не только послѣдняя опера Даргомыжскаго, но, какъ мы видѣли, и другія его произведенія, не имѣли быстрого успѣха и распространенія въ публикѣ, составляя предметъ уваженія и поклоненія избраннаго меньшинства, умѣвшаго опцѣнить въ нихъ хорошія качества, новизну и талантливость выполненія. Даргомыжскій принадлежалъ къ разряду тѣхъ художниковъ, къ которымъ можно примѣнить слова Шиллера:

Wer für die Besten seiner Zeit gelebt,
Der hat gelebt für alle Zeiten.

Оцѣнка его композиторской дѣятельности принадлежитъ исторіи музыки; но уже и теперь можно съ увѣренностью сказать, что ему будетъ отведено одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ. Даргомыжскій былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ художниковъ, которые обладаютъ настолько самобытнымъ и сильнымъ талантомъ, что могутъ сказать новое слово въ сферѣ своего художественнаго творчества. Не только его послѣдняя опера, но и его „Русалка“, большая часть его романсовъ, а также его оркестровыя фантазіи, однимъ словомъ, вся его композиторская дѣятельность, свидѣлствуютъ о его постоянномъ стремленіи впередъ, о желаніи выйти изъ старой, традиціонной области и попытать новыя, неизвѣданныя еще формы и приемы музыкальнаго искусства. Мы видѣли, насколько это ему удалось и сколько сдѣлано имъ дѣйствительно превосходнаго, обогатившаго музыкальную литературу оригинальными талантливыми произведеніями, заслуживающими серьезнаго вниманія и изученія. Мы упоминали также о томъ вліяніи, которое оказали произведенія Даргомыжскаго на позднѣйшихъ русскихъ композиторовъ; вліяніе это пустило глубокіе и прочные корни, отразилось въ сильной степени на современной нашей оперной и вообще вокальной музыкѣ и несомнѣнно отразится еще сильнѣе въ будущемъ, а потому нельзя не признать, что композиторская дѣятельность Даргомыжскаго имѣетъ серьезное и существенно важное значеніе въ развитіи музыкальнаго искусства въ Россіи.

П. Трифоновъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ФОНТАНЪ.

Съ восточнаго.

Подъ солнцемъ лѣта, въ часъ полдневный,
Въ песекъ горючемъ я шагаль,
Недвижный зной, тяжелый, гнѣвный,
Лицо пустыни сожигаль.
Объяты ужасомъ, застыли
Утесы мгlistою грядой.
На нихъ, сквозъ дымку ѣдею пыли,
Кой-гдѣ видѣлся мохъ сѣдой,
И росъ бурьянъ мертворожденный.
Порой, корзиной нагруженный,
Черезъ дорогу осликъ брѣлъ;
Арбы, скрипя, влеклись волами,
Кружился ястребъ, и орелъ
Парилъ надъ сѣрыми скалами.
И зной, и мгла, и блескъ, и сонъ,
Казалось, въ душу проникали.
Я шель, въ забытѣ погружень,
Исполненъ страха и печали.

И вдругъ какихъ-то близкихъ струй
Въ тиши слышалось журчанье,—
Нѣжнѣй, чѣмъ дѣтскій поцѣлуй,
Звучнѣй, чѣмъ гурій лобзанье.

И въ тѣлѣ немощномъ моемъ
 Проснулись бодрость и веселье,
 Когда сокрытый водоемъ
 Передо мной блеснулъ въ ущельѣ.
 Бѣжалъ изъ камня ключъ живой,
 И надъ живымъ ключемъ фонтана
 Глаголь неизблемый корана
 Былъ врѣзанъ набожной рукой.

Молитву небу прошептавши,
 Къ студеной влагѣ я приникъ.
 —Благословенъ, Господь, создавшій
 Въ груди скалы живой родникъ!
 Благословенъ, кто въ духъ мой мрачный,
 Сухой, какъ груды этихъ скалъ,
 Внѣдрилъ источникъ слезъ прозрачный
 И письма любви вписалъ!

КАЗБЕКУ.

Ни одиночество, ни вѣчное молчанье
 Твой гордый духъ сковать испугомъ не могли.
 Ты рвался къ небесамъ изъ темныхъ нѣдръ земли,—
 Быть къ солнцу ближе всѣхъ влекло тебя желанье.

И вдругъ ты вырвался, весь пламенемъ объять,
 Кипучій, радостный, порвавъ земныя цѣпи.
 Сбылась твоя мечта: съ высотъ небесъ твой взглядъ
 Два моря озиралъ, холмы, долины, степи...

Ты суеты земной слышалъ вѣчный гулъ
 И безпріютныхъ звѣздъ увидѣлъ ходъ безцѣльный,
 Но, вмѣсто радости, въ познанъ почерпнулъ
 Безвыходную скорбь и ужасъ безпредѣльный.

Съ тѣхъ поръ среди небесъ томишься ты одинъ,
 И взоръ твой ледяной созвѣздія пугаетъ.
 Не смѣетъ человѣкъ, орелъ не посягаетъ
 Твоихъ коснуться грозныхъ льдинъ.

Но не безплодна скорбь титана.
Лишь только внешнее тепло
Твое суровое чело
Начнетъ лобзать, и солнце, рано
Зажегшись въ яркой синевѣ,
Прильнетъ къ сѣдой твоей главѣ,—
Ты, скрывшись пологомъ тумана,
Тихонько плачешь... И, родясь
Отъ слезъ твоихъ, ручьи, потоки
Бѣгутъ и, въ грудь земли глубоко
По тайнымъ жиламъ разбредясь,
Плодотворять холмы и доли.
Земля готовить пиръ веселый.
А ты, создавшій этотъ пиръ
Своими чистыми слезами,
Стоишь, всѣмъ чуждый, и на міръ
Взираешь скорбными очами...

Н. Минскій.

Н О В Ъ Й Ш А Я

ПОЛЬСКАЯ ИСТОРИОГРАФІЯ

И ПЕРЕВОРОТЪ ВЪ НЕЙ.

(1861 — 1886.)

I.

Въ маѣ текущаго года исполнилось двадцать-пять лѣтъ со дня смерти Іоахима Лелевеля, который былъ главою исторической школы, господствовавшей въ Польшѣ съ тридцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія болѣе цѣлой четверти вѣка. Школа эта, смѣнившая болѣе раннюю школу лудскаго епископа Адама Нарушевича, который положилъ начало польской національной исторіографіи послѣ простого компиляторства XVIII вѣка, сама уже дѣлается достояніемъ исторіи: основныя идеи Лелевеля не пережили и на двадцать-пять лѣтъ его смерти. Съ начала шестидесятыхъ годовъ польская національная исторіографія сдѣлала такіе значительные успѣхи, что все зданіе польской исторіи было, такъ сказать, заново перестроено и отдѣлано, и современники Лелевеля не узнали бы въ немъ, пожалуй, изображенія прошлыхъ судебъ своей родины. Во-первыхъ, за послѣднія двадцать-пять лѣтъ разыскано было въ архивахъ и обнародовано очень много совершенно новаго историческаго матеріала: въ шестидесятыхъ годахъ особенно усилилось въ Польшѣ издательство памятниковъ старины, благодаря щедрости такихъ извѣстныхъ меценатовъ, какъ Дзялынскіе, Красинскіе, Пржездзѣцкіе, Рачинскіе, и благодаря дѣятель-

ности такихъ учреждений, какъ краковская Академія наукъ, познанское Общество любителей наукъ, львовскій Wydział krajowy, варшавское издательство историческихъ документовъ. Во-вторыхъ, за послѣднюю четверть вѣка польскіе ученые обратили вниманіе на эпохи и явленія родной исторіи, бывшія у ихъ предшественниковъ въ забросѣ: достаточно указать, какъ быстро двинулось впередъ изученіе религіозной реформаціи XVI вѣка въ Рѣчи Посполитой, для котораго не было ничего сдѣлано ни школой Нарушевича, ни школой Лелевеля; во время господства послѣдней оно привлекало къ себѣ только любознательность Лукашевича, автора нѣсколькихъ монографій, посвященныхъ исторіи польскихъ диссидентовъ и представляющихъ изъ себя сборники сырого матеріала, безъ философскаго освѣщенія, да интересовало, съ точки зрѣнія болѣе публицистической, протестанта - поляка гр. Красинскаго, писавшаго притомъ по-англійски. И другіе отдѣлы польской исторіи, изъ коихъ многіе игнорировались въ эпоху Лелевеля, получили послѣ его смерти болѣе тщательную разработку въ многочисленныхъ монографіяхъ, статьяхъ и этюдахъ. Уже эти два обстоятельства, т.-е. усилившееся издательство памятниковъ и изученіе отдѣльныхъ вопросовъ польской исторіи, способны были произвести цѣлый переворотъ въ національной исторіи поляковъ; но этимъ дѣло не ограничилось. Только за послѣднее, сравнительно недавнее, время польскіе историки стали приходить къ убѣжденію, что для пониманія своего нужно лучше знать и чужое, и начали относиться съ мѣньшимъ недовѣріемъ къ тому, что писалось по исторіи ихъ родины иноземными учеными, и какъ-разъ въ это время иностранная историографія представила нѣсколько цѣнныхъ трудовъ по прошлому бывшей Рѣчи Посполитой, оказавшихъ свою долю вліянія на національныхъ польскихъ историковъ. Сравнительно лучшее знакомство съ чужимъ историческимъ опытомъ, съ которымъ явилась возможность сопоставить свой, и съ данными и методами исторической науки въ другихъ странахъ расширило умственный кругозоръ польскихъ историковъ, и самый характеръ польской историографіи сталъ измѣняться: именно, въ изслѣдованіе начали вносить болѣе научнаго духа, враждебнаго всякимъ не-критическимъ традиціямъ и предвзятымъ мнѣніямъ. Послѣ смерти Лелевеля польское общество постигли новыя политическія разочарованія, заставившія его отнестись съ большею критикою къ излюбленнымъ историческимъ теоріямъ: самъ собою являлся вопросъ: почему же всѣ эти частныя и общественныя добродѣтели польскаго народа, о которыхъ столько писалось въ книгахъ, не привели его къ тому, чѣмъ

пользуются теперь другія націи, и вопросъ этотъ действительно требовалъ разрѣшенія. Рѣшить его можетъ только исторія; нужно ее допросить, и допросить не такъ, какъ допрашивали прежде: на мѣсто традиціонныхъ взглядовъ нужно было извлечь изъ могильнаго сна архивовъ непосредственныя свидѣтельства предковъ; нужно было обратиться къ изученію вопросовъ, бывшихъ раньше въ забросѣ, познакомиться ближе съ ходомъ развитія другихъ народовъ, оставить систематическое игнорированіе чужихъ работъ по исторіи Польши. Старыя традиціи были сильно поколеблены столкновеніемъ съ суровою дѣйствительностью и соприкосновеніемъ съ болѣе трезвою наукою, и тѣмъ низкихъ истинъ выдвинулись впередъ на счетъ возвышающаго обмана; историческая правда начала возвышаться надъ классическою и романтическою идеализаціей „доразборовой“ польщизны.

Едва-ли у другого какого-либо народа существовало столько стимуловъ идеализировать свое прошлое, какъ у поляковъ, хотя катастрофа, постигшая ихъ отечество въ послѣдней трети прошлаго вѣка, была роковымъ подведеніемъ итоговъ всему прошлому Рѣчи-Посполитой, „разобранной“ въ три приѣма по частямъ сосѣдними державами. Изъ всѣхъ народовъ, сами поляки позднѣе другихъ стали понимать истинныя причины паденія старой Польши: трагическая судьба родной земли заставила ихъ перенести всѣ свои симпатіи въ прошлое и, сравнивая съ нимъ обидное настоящее, сдѣлать изъ этого прошлаго предметъ полу-религіознаго культа, а культурно-спеціальныя традиціи польскаго общества, пережившія политическое паденіе государства, до такой степени крѣпко коренились во всемъ умственномъ складѣ интеллигентнаго поляка, что для критическаго къ нимъ отношенія настоящая пора могла наступить только впослѣдствіи. Все развитіе польской исторіографіи совершалось уже послѣ политической катастрофы Рѣчи-Посполитой: Нестору польскихъ историковъ, Нарушевичу, только однимъ годомъ пришлось пережить послѣдній „разборъ“ Польши, и его ближайшіе преемники писали уже подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ событій, продиктовавшихъ *finem Poloniae*. Въ эту эпоху представителями націи чувствовалась горечь обиды, жалость къ самимъ себѣ, сожалѣніе объ утраченномъ политическомъ существованіи, и все это должно было отразиться на исторіографіи началомъ идеализаціи бывшей Рѣчи-Посполитой. Съ другой стороны, современники печальнаго событія видѣли только его внѣшнюю сторону и ближайшія причины: оно представлялось умамъ поляковъ какъ результатъ чужого насилія, какъ слѣдствіе временно дѣйствовавшихъ неблагоприятныхъ обстоя-

тельствъ. Не могло, повидимому, придти въ голову, что виновниками катастрофы были не однѣ сосѣднія державы, и что паденіе польскаго государства подготовлялось издавна, и было потому результатомъ всего предыдущаго теченія культурно-соціальной жизни въ Рѣчи-Посполитой. Если кто и понималъ въ свое время, что губило Польшу, то не всѣ раздѣляли его взгляды, да притомъ мало-по-малу они начинали забываться, тѣмъ болѣе, что становилось и „непатріотичнымъ“ ихъ высказывать. Само направленіе школы Нарушевича способствовало тому, что прошлое Польши, какъ слѣдуетъ, не могло быть понятно. „Классическая“ манера этой школы выдвигала на первый планъ славныя дѣянія, нисколько не приучая проникать вглубь духовной и общественной жизни націи, а исторія старой Польши богата фактами, способными къ изображенію въ героическомъ стилѣ: внѣшній блескъ военныхъ подвиговъ, отголоски разудалой шляхетской жизни, бурная политическая жизнь, слава королей, полководцевъ, законодателей, магнатовъ, закрывали отъ глазъ самый соціальный организмъ Польши съ его неизмѣнными болѣзнями, развитіе которыхъ грозило неминуемой смертью. Та же „классическая“ манера заставляла дорожить больше изложеніемъ, нежели изслѣдованіемъ, и сама, подъ конецъ своего существованія, выродилась въ холодную декламацию, въ которой было много пышныхъ словъ, но очень мало серьезной мысли. Лелевель явился настоящимъ обновителемъ польской исторіографіи, но идеализація польской старины, развившаяся въ школѣ Нарушевича, сохранилась и въ основанномъ имъ самимъ направленіи. Характеръ этой идеализаціи, правда, измѣнился: классическій стиль, приведшій къ риторикѣ, уступилъ мѣсто романтическимъ вліяніямъ. Въ это время и катастрофа, постигшая Рѣчь-Посполитую, могла разсматриваться уже на нѣкоторомъ разстояніи: внѣшнія обстоятельства и ближайшія причины паденія Польши, заслонявшія, для современниковъ событія и для перваго поколѣнія поляковъ послѣ катастрофы, причины факта, внутреннія и болѣе отдаленныя, стали понемногу принимать болѣе скромные размѣры, и изъ-за нихъ стали выдвигаться впередъ именно эти внутреннія и отдаленныя причины. Новое тяжелое испытаніе, которому подвергла себя польская нація въ 1830 году, завершило переходъ отъ школы Нарушевича къ школѣ Лелевеля: началась эмиграція за границу, въ которой участвовалъ и Лелевель, и здѣсь, на чужбинѣ, у политическихъ изгнанниковъ достигла своего апогея романтическая идеализація польской исторіи, особенно въ такъ-называемомъ мессіанизмѣ. Эта идеализація, чуждая классической декламации,

но весьма склонная къ своеобразному мистицизму, положила печать на всю польскую историографию второй трети текущего столѣтія. Возникаетъ фантастическая философія исторіи Польши, соотвѣтствующая мечтаніямъ экзальтированнаго патріотизма Товянскихъ и Вронскихъ, но весьма мало похожая на правду. Шагъ впередъ былъ сдѣланъ Лелевелемъ въ томъ отношеніи, что онъ дѣлаетъ первую серьезную попытку объяснить паденіе Польши не изъ однѣхъ внѣшнихъ причинъ, дѣйствовавшихъ въ довольно ограниченный періодъ времени, но изъ причинъ внутреннихъ, восходящихъ къ болѣе раннимъ эпохамъ. Объясненіе судьбы польской націи Лелевель далъ чисто апріористическое: это была въ умственной жизни Европы пора, когда рядомъ съ значительными успѣхами исторической науки, все болѣе и болѣе основывавшейся на критическомъ изученіи источниковъ и объективномъ построеніи фактовъ, распространяла свое вліяніе идеалистическая философія, вносившая въ историографию привычку къ апріорному мысленію. Лелевель, который своими трудами оказывалъ важныя услуги наукѣ, находился подъ вліяніемъ этой философіи, когда взялся за построеніе своего общаго взгляда на исторію польской націи: онъ вообразилъ себѣ извѣстный исконный идеалъ своей націи, осуществленіе котораго ему, такъ сказать, мерещилось въ формахъ быта первоначальной Польши; идеалъ этотъ былъ не чѣмъ инымъ, какъ возведеніемъ на степень вѣковѣчной политической идеи польскаго народа — явленій польской государственности эпохи упадка Рѣчи-Посполитой, при помощи принциповъ апріорной философіи, родственной нѣмецкому націоналистическому идеализму того времени, догматовъ политическаго радикализма, шедшаго изъ Франціи, и представленій поэтическаго романтизма, который получилъ у поляковъ мистическую, религіозную окраску. Не блескъ славныхъ дѣяній составлялъ величіе Польши, а ея идеалъ, и причиной паденія Рѣчи-Посполитой было объявлено то, что нація не только не развила вполне этого своего идеала, но съ извѣстнаго момента стала ему измѣнять, его искажать. Этимъ своимъ идеаломъ Польша рѣшительнымъ образомъ выдѣлялась изъ другихъ европейскихъ націй: она становилась чѣмъ-то исключительнымъ въ человѣчествѣ, и апріорное построеніе ея исторіи, далеко не соотвѣтствуя дѣйствительному ходу этой исторіи, дѣлалось чѣмъ-то въ родѣ догмата національной вѣры, поддерживая патріотическое упованіе на лучшее будущее. Когда, съ одной стороны, настоящая научная дѣятельность польскихъ историковъ, возбужденная трудами Лелевеля, накопила большое количество настоящихъ данныхъ для болѣе

вѣрнаго построенія національной исторіи, а съ другой стороны, начали разсѣиваться фантастическіе міражи историческаго романтизма и пораспатались основы политическаго доктринерства, сталъ постепенно вырисовываться изъ тумана образъ настоящей — „доразборовой“ Польши; онъ только укрѣпилъ историковъ въ мысли, пущенной въ обращеніе Лелевелемъ, что причины паденія Рѣчи Посполитой нужно искать не внѣ ея и не въ ближайшее только къ катастрофѣ время, и искать не тѣмъ путемъ, по которому шла школа Лелевеля, но совершенно инымъ, идя отъ факта къ идеѣ, не наоборотъ, и притягиваясь къ тому, какъ шла исторія у другихъ народовъ, а также прислушиваясь къ мнѣніямъ чужихъ историковъ о прошломъ польскихъ націй и государства, не замыкаясь въ созерцаніи собственнаго національнаго идеала и одиѣхъ своихъ историческихъ судебъ. Какъ на время паденія школы Нарушевича и зарожденія школы Лелевеля, я указалъ на польскую революцію 1830 года: рубежъ, отдѣляющій современную польскую исторіографію отъ Лелевелевскаго направленія, представляютъ собою событія 1863 года, до которыхъ самъ Лелевель не дожилъ только два года. Составляя продолженіе этой школы, теперешняя историческая наука въ Польшѣ стала въ разрѣзъ со многими ея философскими и политическими идеями и историческими построеніями. Эта перемѣна выразилась какъ въ спеціальныхъ монографіяхъ по эпохѣ польскихъ раздѣловъ, такъ и въ общихъ сочиненіяхъ по всей исторіи Польши.

Нигдѣ, по отзыву одного польскаго историка, перемѣна въ приѣмахъ изслѣдованія и въ выводахъ науки, пропедшая въ польской исторической литературѣ послѣ Лелевеля, не бросается въ глаза съ такою силою, какъ именно въ новѣйшихъ сочиненіяхъ, посвященныхъ послѣднимъ днямъ Рѣчи-Посполитой. Работы Шуйскаго (четвертый томъ Исторіи Польши, 1866), Калинки (Послѣдніе годы царствованія Станислава Августа, 1868 г., и особенно Четырехлѣтній сеймъ, 1880 и слѣд. ¹⁾), Корзона (Внутреннее состояніе Польши при Станиславѣ-Августѣ, 1881), Крашевскаго (Польша во времена трехъ раздѣловъ, 1874—1875), не считая другихъ болѣе мелкихъ работъ, совершенно упразднили все сдѣланное по этому предмету самимъ Лелевелемъ и его послѣдователями. Я особенно выдѣляю здѣсь изученіе этой эпохи. Паденіе Польши не только создало особенныя

¹⁾ Сочиненіе это еще не окончено: въ непродолжительномъ времени ожидается выходъ въ свѣтъ второй половины второго тома.

условія, при которыхъ должна была развиваться польская исторіографія въ XIX вѣѣ, но сдѣлалось однимъ изъ главныхъ ея вопросовъ, какъ по количеству историческихъ трудовъ, посвященныхъ самой эпохѣ, такъ и по значенію своему въ общемъ настроеніи польской исторіи, и если сочиненія шестидесятыхъ, семидесятыхъ и начала восьмидесятыхъ годовъ, разсматривающихъ время „разборовъ“ Рѣчи-Посполитой, написаны совершенно иначе, нежели писались болѣе ранніе труды на ту же тему, то это можетъ служить однимъ изъ явныхъ признаковъ общаго поворота въ польской исторіографіи.

Катастрофа, случившаяся съ Рѣчью-Посполитой, принадлежитъ къ числу событій, проводящихъ рѣзкую грань между двумя различными періодами въ историческомъ бытіи народа. Бываютъ въ жизни націй и государствъ эпохи крутого перелома, когда въ сравнительно короткій промежутокъ сразу измѣняются самыя существенныя условія культурно-соціальной жизни, когда всему предыдущему подводятся итоги и начинается совершенно новая жизнь. Обыкновенно такія эпохи кризиса, привлекая къ себѣ особое вниманіе частныхъ историковъ, въ то же время дѣлаются своего рода центрами историко-философскаго мышленія: все предыдущее развитіе разсматривается съ точки зрѣнія процесса, приведшаго къ этому перелому, и изъ его сущности объясняются главнѣйшія явленія послѣдующей эволюціи, такъ что отъ того или иного отношенія къ такой эпохѣ зависитъ въ своихъ основахъ весь философскій взглядъ почти на все цѣлое національной исторіи. Въ нашемъ прошломъ, со времени объединенія русской земли Москвою, такое значеніе безспорно принадлежитъ царствованію великаго преобразователя, отдѣлившему новую Россію отъ старой, „до-Петровской“ Руси, и если между двумя главными формулами философіи нашей національной исторіи существуетъ коренное различіе, то оно заключается именно въ пониманіи и оцѣнкѣ Петровской реформы: она была переломомъ русской жизни, завершеніемъ цѣлаго крупнаго отдѣла нашей исторіи и началомъ новаго. Во Франціи такое же мѣсто принадлежитъ революціи 1789 г., унесшей въ своихъ волнахъ „старый порядокъ“, который ее и подготовилъ, и намѣтившей дальнѣйшую судьбу французской націи. Чѣмъ круче переломъ, чѣмъ большую сферу жизни онъ захватываетъ, тѣмъ долѣе онъ подготавлился и тѣмъ больше оставляетъ послѣ себя прочныхъ результатовъ, а потому тѣмъ удобнѣе можетъ сдѣлаться центральнымъ вопросомъ въ философіи исторіи того или другого народа. Такъ, философія русской исторіи до извѣстной степени можетъ быть

сведена къ разсмотрѣнію процесса, приведшаго къ Петровской реформѣ и ея результатовъ для современнаго бытія Россіи, и къ оцѣнкѣ реформы какъ по отношенію къ тому, что она замѣнила, такъ и по отношенію къ созданному ею. Равнымъ образомъ, въ „старомъ порядкѣ“, революціи и современномъ обществѣ, ею созданномъ, заключается философія новой исторіи Франціи. Паденіе Рѣчи-Посполитой имѣетъ одинаковое значеніе для поляковъ: къ этому событію, какъ къ финалу, какъ къ заключительному аккорду, словно резюмирующему въ себѣ всю пьесу, приходитъ вся ихъ государственная исторія, и изъ положенія, созданнаго для дальнѣйшаго бытія польской націи, развивается вся новѣйшая ея исторія за послѣднія сто лѣтъ. Чѣмъ болѣе успѣховъ дѣлаетъ историческая наука, тѣмъ все менѣе и менѣе такіа крупныя событія, какъ Петровская реформа, французская революція и паденіе Польши, бывшія крутыми кризисами въ жизни трехъ народовъ, являются дѣломъ внѣшняго случая и временно сложившихся въ извѣстную комбинацію обстоятельствъ, тѣмъ все болѣе и болѣе наука выслѣживаетъ историческое подготовленіе факта, его внутреннія причины, ища ихъ не вблизи факта только, а и на очень почтенномъ разстояніи во времени. По отношенію къ политической катастрофѣ Польши, національная исторіографія поляковъ стала на такую точку зрѣнія впервые только при Лелевелѣ: ему первому явилась въ голову мысль искать объясненія паденія Рѣчи-Посполитой, которое для послѣдователей Нарушевича было дѣломъ внѣшней силы и временныхъ обстоятельствъ, именно, въ самой Польшѣ и въ ея далекомъ прошломъ, и у него впервые мы встрѣчаемся съ критикой всей польской исторіи. Если Лелевель отъ своихъ предшественниковъ унаслѣдовалъ склонность идеализировать прошлое своей родины, то характеръ этой идеализаціи измѣнился: онъ создалъ фантастическое представленіе о сущности исторической польщизны и объяснилъ трагическую судьбу государства измѣнной національной идеѣ, и въ этомъ-то объясненіи заключается его критика польской исторіи. Новая историческая школа унаслѣдовала отъ Лелевеля начала критическаго отношенія, дала ему дальнѣйшее развитіе и, отринувъ всякую мысль о національномъ идеалѣ, когда-то, будто бы, осуществлявшемся въ жизни, стала искать болѣе научнымъ путемъ тѣ причины, которыя погубили политическую самостоятельность польскаго народа. То обстоятельство, что исторіографія въ Польшѣ пришлось развиваться главнымъ образомъ послѣ паденія національнаго государства, и сдѣлало изъ этого паденія главный фактъ, который долженъ быть объясненъ всѣмъ государственнымъ прошлымъ націи:

въ немъ долженъ былъ быть найденъ моментъ поворота въ жизни народа къ окончательной катастрофѣ, должны были быть найдены еще болѣе раннія причины того, что государство свернуло на дорогу, приведшую его, черезъ извѣстный промежутокъ времени, къ гибели. Тотъ фактъ, что Шуйскій, Калинка, Корзонъ и др., работая надъ эпохой раздѣловъ Рѣчи-Посполитой, отнеслись къ своему предмету иначе, нежели историки Нарушевичевской и Лелевелевской школы, скрываетъ за собою другое явленіе, болѣе важное, т.-е. переворотъ въ общихъ взглядахъ на прошлое Польши, переходъ къ новому воззрѣнію на весь историческій процессъ, завершившійся „разборами“ Рѣчи-Посполитой между сосѣдами. Нашей читающей публикѣ новыя явленія въ польской историографіи остались большею частью неизвѣстными. Если переводы романовъ и повѣстей современныхъ польскихъ писателей: Крашевскаго, Сенкевича, Болеслава Пруса, Элизы Оржешко, позволяютъ русскому читателю слѣдить за тѣмъ, что дѣлается въ польской беллетристикѣ, то успѣхи національной историографіи поляковъ для большинства нашего общества какъ бы не существуютъ. Вообще мы не можемъ похвастаться хорошимъ знакомствомъ съ польской исторіей, несмотря на то, что она переплеталась съ самаго начала съ нашими историческими судьбами, что значительная часть русскаго народа долгое время находилась подъ властью Рѣчи-Посполитой, и что въ составъ российской имперіи входятъ цѣлыя области не только Польши исторической, но и этнографической. Правда, наши историки, русскіе и всеобщіе, не оставляютъ безъ вниманія польскихъ историческихъ дѣлъ, какъ по отношенію къ нашей собственной исторіи, такъ и независимо отъ такого особаго интереса, представляемаго для насъ прошлымъ Рѣчи-Посполитой, и за послѣднія двадцать-пять лѣтъ наша наука обогатилась такими трудами, какъ книги большею частью профессоровъ: Герье (Борьба за польскій престолъ), Жуковича (Кардиналъ Гозій и польская церковь его времени), Иловайскаго (Гродненскій сеймъ), Костомарова (Послѣдніе годы Рѣчи-Посполитой), Любовича (Исторія реформаціи въ Польшѣ), Соловьева (Исторія паденія Польши), Трачевскаго (Польское безкоролье по прекращеніи династіи Ягеллоновъ), не считая статей, разбросанныхъ по журналамъ и сборникамъ; но для ознакомленія съ общимъ ходомъ польской исторіи у насъ ничего не существуетъ, кромѣ переводовъ двухъ устарѣлыхъ сочиненій Бантке и Шмита, едва-ли притомъ существующихъ въ продажѣ, и краткихъ очерковъ въ родѣ тѣхъ, которые помѣщены, напр., въ

Курсъ новой исторіи Соловьева или недавно вышедшемъ второмъ томѣ Русской исторіи Бестужева-Рюмина. Всего этого, конечно, недостаточно, тѣмъ болѣе, что за послѣднее время польская исторія была за-ново перестроена національными учеными. Можно указать на двѣ книги, вышедшія въ 1879 и 1880 годахъ, которыя подводятъ итоги подъ успѣхами польской исторіографіи по смерти Лелевеля и даютъ новый взглядъ на государственное прошлое Польши: одна изъ нихъ, съ содержаніемъ болѣе идейнымъ, называется Очеркомъ исторіи Польши (*Dzieje Polski w zagysie*) и принадлежитъ перу краковскаго профессора Михаила Бобржинскаго; авторомъ другой, болѣе фактической, названной Двѣнадцать книгъ польской исторіи, былъ краковский же профессоръ, нынѣ умершій, Іосифъ Шуйскій. Первая положительно должна была бы быть переведена по-русски: сравнительно небольшой объемъ (два не особенно компактныхъ тома во-второмъ изданіи 1881 г.), стройность въ расположеніи частей, общеинтересность содержанія и общедоступность изложенія, соединенныя съ объективнымъ, въ смыслѣ нетенденціозности, отношеніемъ къ предмету и широкимъ обобщеніемъ, несомнѣнно, доставили бы „*Dziejom Polski w zagysie*“ Бобржинскаго, переведеннымъ на русскій языкъ, немалое количество читателей, и, конечно, за этимъ дѣло не станеть, такъ что, смѣло можно надѣяться, появленіе этого труда въ русскомъ переводѣ—только вопросъ времени. Двѣнадцать книгъ Шуйскаго имѣютъ менѣе популярный характеръ, хотя въ общемъ представляютъ изъ себя такой же компендіумъ (въ одномъ томѣ), какъ и трудъ Бобржинскаго.

На оба эти сочиненія мы указываемъ, какъ на зрѣлые плоды всего развитія исторической науки въ Польшѣ послѣ Лелевелевской школы. По словамъ талантливаго автора „*Dziejow Polski w zagysie*“ въ предисловіи къ этому труду, современная детальная и монографическая разработка польскими историками прошлаго Рѣчи-Посполитой бросаетъ на исторію послѣдней, взятую въ цѣломъ, совершенно новый свѣтъ, и взгляды, къ которымъ приходитъ національная исторіографія, отличаются, какъ небо отъ земли, отъ всего того, чему училось поколѣніе автора изъ школьныхъ руководствъ. И Шуйскій, еще двадцать лѣтъ тому назадъ издавшій четырехъ-томную исторію Польши, во вступленіи къ своимъ Двѣнадцати книгамъ указываетъ на ту же общую перемену въ взглядахъ польскихъ историковъ: „работа надъ исторіей прежней Польши,—говоритъ онъ,—находится въ стадіи полного развитія; съ каждымъ годомъ умножается запасъ матеріала и съ каждымъ годомъ растеть число монографій, въ которыхъ обрабатываются от-

дѣльные эпизоды на основаніи большаго количества источниковъ и лучшаго метода изслѣдованія“, и, — прибавляетъ Шуйскій, — въ виду этихъ успѣховъ въ области специальныхъ и частныхъ работъ, весьма быстро старѣютъ общія изложенія польской исторіи, и взгляды, которые добываются ученымъ міромъ, постоянно разрушаютъ распространенныя въ публикѣ представленія о прошломъ Польши; публика же, — основательно замѣчаетъ Шуйскій, — прежде всего интересуется именно общими взглядами и въ нихъ ищетъ поученія. До выхода въ свѣтъ трудовъ Бобржинскаго и Шуйскаго, польское общество должно было довольствоваться главнымъ образомъ построеніями Лелевелевскаго направленія, довольно-таки пораспатававшимися и не соответствовавшими болѣе ни постановкѣ и рѣшенію многихъ вопросовъ въ детальныхъ изслѣдованіяхъ и монографіяхъ, ни болѣе трезвому отношенію современныхъ поляковъ къ родной дѣйствительности, и оба названные автора взяли за удовлетвореніе ощущавшейся обществомъ потребности въ болѣе вѣрныхъ общихъ взглядахъ и въ болѣе научныхъ выводахъ. Если буквально понимать слова Бобржинскаго, у поляковъ за послѣднее время явились даже такіе историки, которые, специализируясь въ какой-нибудь тѣсной области, хвастаются тѣмъ, что о цѣломъ національной исторіи не имѣютъ никакого понятія, но зато знаютъ до мельчайшихъ подробностей ходъ дипломатическихъ переговоровъ за какія-нибудь десять — пятнадцать лѣтъ, и тутъ надѣлали великихъ открытій. Составляя свой компендіумъ, Бобржинскій именно имѣлъ въ виду то, что общество не можетъ же ждать, пока частныя и специальные изслѣдованія все обнимутъ, разберутъ, освѣтятъ, а потому, — говоритъ онъ, — историкъ уже теперь обязанъ подѣлиться съ образованною публикою тѣми результатами, до которыхъ въ данную минуту дошла наука. И Шуйскій исходитъ изъ того положенія, что ни одно поколѣніе не должно быть лишено историческаго поученія: отсюда обязанность историка, время отъ времени, прерывать свои изслѣдованія для общихъ обзоровъ, которые подводили бы итоги подъ послѣдними результатами такихъ изслѣдованій. Этотъ-то характеръ книгъ Бобржинскаго и Шуйскаго при стремленіи ихъ авторовъ популяризировать выводы современной исторіографіи и дѣлаетъ оба труда достойными вниманія и со стороны русскаго общества.

II.

Съ особымъ интересомъ читаются „Dzieje Polski w zagysie“ Бобржинскаго: отличаясь отъ новаго труда Шуйскаго, какъ имъ сказали, большею идейностью содержанія и популярностью изложенія, этотъ компендіумъ польской исторіи съ древнѣйшихъ временъ до паденія Рѣчи-Посполитой вмѣстѣ съ тѣмъ написанъ съ гораздо болѣе критическимъ взглядомъ на все прошлое, нежели появившееся почти одновременно сочиненіе Шуйскаго. Появленіе книги Бобржинскаго въ 1879 г. произвело даже сильную сенсацию въ прессѣ и обществѣ. Книга разошлась въ два года, и потребовалось ея второе изданіе, чему, конечно, способствовала и возникшая по ея поводу полемика. Между многочисленными критиками и рецензіями особенное вниманіе обратили на себя статьи Шуйскаго, кс. Калинки и Смолки: первый помѣстилъ въ варшавскомъ журналѣ „Niwa“ нѣсколько замѣчаній на исторію Польши Михаила Бобржинскаго; второй выпустилъ въ Краковѣ брошюру подъ заглавіемъ: О книгѣ М. Бобржинскаго „Dzieje Polski w zagysie“, а третьему—она и отвѣтъ автора своимъ критикамъ дали поводъ распространиться въ варшавскомъ „Ateneum“ О понятіи, задачѣ и положеніи исторіи¹⁾. На разныя газетныя рецензіи самъ Бобржинскій отвѣчалъ брошюрой подъ названіемъ: Во имя исторической правды, въ которой изложилъ свои взгляды на задачу исторіи и ея современное состояніе,—а потомъ посвятилъ нѣсколько страницъ во второмъ изданіи книги разсмотрѣнію сдѣланныхъ ему возраженій. Мы не будемъ касаться здѣсь всей полемики, вызванной появленіемъ „Dziejów Polski w zagysie“, а отмѣтимъ только главные ея пункты.

Въ развитіи исторической науки за послѣднія сто съ небольшимъ лѣтъ весьма важную роль играютъ общія теоретическія разсужденія, опредѣляющія взглядъ на исторію, ея предметъ, задачу, методъ и т. п. Съ этой стороны и было сдѣлано первое нападеніе на трудъ Бобржинскаго; но это нападеніе, сводившееся, въ сущности, къ указанію на мелкіе промахи и даже опечатки, принятыя за таковыя, къ перетолковыванію словъ автора и просто брани, характерно только потому, что Бобржинскому пришлось разъяснять своимъ рецензентамъ самыя элементарныя понятія

¹⁾ Cf. Stanisław Smolka. Szkice historyczne. Warszawa. 1882. Serya pierwsza, стр. 281 и слѣд. (Słowo o historyi).

исторической науки, возражая, напимѣрь, на такія идеи, будто отъ разоблаченія исторической правды для народа можетъ происходить вредъ, или будто необходимо, ради возбужденія энтузіазма въ обществѣ, представлять его прошлое въ украшенномъ видѣ: подобныя идеи, будучи высказаны рецензентами, характеризуютъ, конечно, не польскую историографію, а, такъ сказать, ходячія въ обществѣ и журналистикѣ мнѣнія, и противъ нихъ-то главнымъ образомъ направилъ авторъ „Dziejów Polski w zagysie“ свою защитительную брошюру. Ея появленіе заставило заговорить историка Смолку. Различивъ въ „незаурядной“ (niepospolitej) книгѣ Бобржинскаго двѣ разныя стороны, именно: изложеніе общихъ и единогласныхъ сужденій представителей новѣйшей исторической школы въ Польшѣ и собственныя сужденія автора, которыя, однако, находятся въ тѣсномъ родствѣ съ общимъ направлениемъ и главными воззрѣніями этой историографіи, и защитивъ автора, „во имя исторической правды“, отъ несправедливыхъ упрековъ „публицистической критики“, Смолка замѣчаетъ, однако, что едва-ли всѣ исторіи пойдутъ подъ знаменемъ общихъ идей относительно исторіи, высказанныхъ въ защитительной брошюрѣ. Горячо становясь на сторону своего коллеги противъ рецензентовъ, онъ вооружился противъ взгляда Бобржинскаго, по которому „работа историка есть не что иное, какъ собраніе историческихъ фактовъ и примѣненіе къ нимъ выводовъ социальныхъ и политическихъ наукъ“. Въ польской литературѣ, по той дисциплинѣ, которой нѣмцы дали ученое названіе историкѣ (die Historik), въ моментъ начала этого спора между Бобржинскимъ и его критиками, существовало только одно уже позабытое и устарѣлое сочиненіе Лелевеля, вышедшее черезъ годъ по его смерти ¹⁾, и такимъ образомъ появленіе защитительной брошюры Бобржинскаго, вызванной нападеніями на его книгу, послужило поводомъ къ тому, чтобы самыя важныя вопросы „историкѣ“ впервые сдѣлались въ польской литературѣ предметомъ серьезнаго обсужденія. Излагать здѣсь теоретическія идеи Бобржинскаго и Смолки, къ коему присоединился и Шуйскій, здѣсь не мѣсто, тѣмъ болѣе, что авторъ „Dziejów Polski w zagysie“ изложилъ свои взгляды, очевидно, хорошенько ихъ не продумавши, вызванный къ этому большею частью задорными и часто тупыми нападками рецензентовъ, рубившихъ, что называется, съ плеча, и тѣмъ болѣе, что, по собственному его признанію, эти взгляды

¹⁾ Lelewel. Historyka. Warszawa. 1862. Здѣсь идетъ рѣчь о легкомъ изученіи исторіи, объ ея развѣтвленіи и наукахъ, стоящихъ съ нею въ связи, о необходимости основательнаго знанія исторіи, о томъ, каковъ долженъ быть историкъ.

не были развиты въ брошюрѣ съ достаточною опредѣленностью и ясностью. Наконецъ, для русской публики полемика эта не представляетъ ничего существенно новаго. Особенное вниманіе читателя мы позволимъ себѣ обратить на заявленіе Смолки, что книга Бобржинскаго — результатъ успѣховъ польской исторіографіи за послѣднее время. „Извѣстно,—говоритъ онъ,—что въ теченіе десяти слишкомъ лѣтъ (писано въ 1879 г.) совершился въ нашей исторіографіи важный переворотъ, результаты котораго по большей части еще не проникли въ читающую публику. Нѣтъ ничего удивительнаго, что подъ влияніемъ болѣе оживленнаго движенія въ области нашего бытописанія выработались среди историковъ взгляды, съ которыми соглашаются почти всѣ принадлежащіе къ этому цеху, хотя большая публика не имѣла еще случая съ ними познакомиться. Книга Бобржинскаго прежде всего имѣетъ ту заслугу, что стремится стать выраженіемъ этихъ взглядовъ, хорошимъ ихъ проводникомъ въ болѣе широкую среду читающей публики. Но,—продолжаетъ Смолка,—на этомъ не кончается заслуга и достоинство этой книги. Никто не станетъ спорить, что, кромѣ этого элемента, трудъ Бобржинскаго заключаетъ много сужденій и взглядовъ, которые принадлежатъ исключительно самому автору и, поскольку удержатся, будутъ его личной заслугой. Съ общимъ основнымъ взглядомъ, проведеннымъ во всемъ сочиненіи, со всѣмъ тѣмъ, что представляетъ изъ себя выраженіе единогласнаго приговора современной исторической школы, эти взгляды имѣютъ такое несомнѣнное сродство, что имъ нельзя отказать въ общемъ источникѣ, который есть, безспорно, нынѣшнее направленіе, нынѣшнее положеніе исторіографической работы“. Слѣдовательно, въ общемъ, при всемъ разногласіи Бобржинскаго и Смолки въ теоретическихъ вопросахъ „историка“, основные ихъ взгляды на польскую исторію объявляются, въ сущности, ненаходящимися въ рѣзкомъ противорѣчій, и если періодическая пресса такъ набросилась на трудъ краковскаго профессора, то потому только, что рецензенты, помня уроки старыхъ историческихъ руководствъ и не имѣя яснаго представленія о современномъ состояніи исторической науки вообще, были мало знакомы съ тѣмъ, что сдѣлано было польской исторіографіей по смерти Лелевеля, и приписали лично самому Бобржинскому вещи, которыя давнымъ-давно были общимъ достояніемъ „цеха историковъ“, какъ выражается Смолка, и тѣмъ еще болѣе, что авторъ „Dziejów Polski w zagysie“ пошелъ самъ нѣсколько далѣе и вездѣ очень опредѣленно поставилъ les points sur les i.

Взгляды Бобржинскаго — совершенная противоположность Леле-

велевской традиціи. Шуйскій во вступленіи къ своему компендіуму равнымъ образомъ называетъ свою четырехъ-томную Исторію Польши, появившуюся въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ, „реакціей противъ доктрины Лелевеля и его сторонниковъ“, и такъ же на дѣло смотритъ и Бобржинскій, объявляя, что на новые пути польскую историографію вывели именно Шуйскій и кс. Калинка, которые не только нашли послѣдователей въ младшемъ поколѣніи, но даже увлекли, напр., такого горячаго сторонника Лелевелевской доктрины, какъ Яроховскій. Между тѣмъ въ числѣ оппонентовъ Бобржинскаго оказался и Шуйскій. Не касаясь здѣсь пунктовъ разногласія обоихъ историковъ по частнымъ вопросамъ польской исторіи и, между прочимъ, по вопросу о дѣленіи ея на періоды (свое Бобржинскій защищалъ въ особой статьѣ „O podziale historyi polskiej na okresy“, помѣщенной въ „Niwie“ за 1879 г. и вышедшей отдѣльной брошюрой въ 1880 г., а по частнымъ вопросамъ возраженія Шуйскому сдѣлать въ примѣчаніяхъ ко второму изданію своей книги) и не затрогивая спора объ отношеніи исторіи къ наукамъ социальнымъ и политическимъ, мы можемъ свести взглядъ Шуйскаго на книгу Бобржинскаго къ слѣдующему. Младшій историкъ стоитъ на точкѣ зрѣнія исторической отвѣтственности отдѣльныхъ лицъ, народовъ и правительствъ, и старшій его коллега поставилъ ему въ упрекъ, что, выдвигая впередъ эту отвѣтственность, онъ мало принималъ въ расчетъ смягчающія обстоятельства. Критикъ соглашается съ авторомъ книги въ объясненіи причинъ паденія Польши, — а ихъ выясненіе — красная нить, проходящая черезъ все сочиненіе, — но находитъ, такъ сказать, неловкимъ, что Бобржинскій въ изложеніи новой польской исторіи при каждомъ отдѣльномъ историческомъ фактѣ не ссылается на эти болѣе раннія причины, помѣшавшія Польшѣ въ новое время пойти болѣе правильнымъ путемъ: поступая иначе, по мнѣнію критика, авторъ могъ бы лишить печальную картину національнаго упадка черезъ-чуръ рѣжущихъ глаза яркихъ красокъ. Соображеніе очень характерное! Но оно лучше всего объясняетъ намъ разницу, существующую между обоими историками: при общемъ основномъ взглядѣ, Бобржинскій высказываетъ его смѣлѣе, прямѣе и открытѣе, не останавливаясь передъ логическими выводами изъ своей мысли и не заботясь о томъ, чтобы смягчить впечатлѣніе, которое должно отъ нихъ получиться. Историка обвиняли даже въ крайнемъ пессимизмѣ: только Шуйскій, а также и кс. Калинка нашли, что авторъ слишкомъ оптимистично отнесся къ XVI вѣку, эпохѣ религіозной реформаціи, выдвинутой Бобржинскимъ какъ время,

когда въ лучшей части общества была идея благотворныхъ политическихъ реформъ; но не нужно забывать, что Шуйскій въ своихъ взглядахъ на религіозную реформацію XVI вѣка является католикомъ-доктринеромъ, а отъ Калинки, какъ всендза, и нечего ожидать объективнаго отношенія къ нововѣрію въ Рѣчи-Посполитой XVI вѣка. Въ этомъ частномъ вопросѣ Бобржинскій — болѣе настоящій историкъ, чѣмъ его критикъ, и между прочимъ именно въ отношеніи современныхъ польскихъ историковъ къ религіозной реформаціи въ Польшѣ особенно рельефно выражается общій переворотъ въ польской исторіографіи за послѣднее время. Во второмъ изданіи своей книги, по поводу общаго упрека въ пессимизмъ, нашъ историкъ самъ говоритъ: „Упрекъ въ пессимизмъ можно было бы сдѣлать только моему очерку двухъ послѣднихъ вѣковъ, — вѣковъ несомнѣннаго, всѣми признаннаго упадка. Я ихъ представилъ, не спорю, ярко“. Вотъ это-то критическое отношеніе къ прошлому родины и произвело сенсацію въ польскомъ обществѣ: отсюда и всѣ газетныя нападки на автора, всѣ эти обвиненія въ мараніи собственнаго гнѣзда и нигилизмъ, несмотря на чисто научный, далеко не демагогическій тонъ книги и основную ея идею, что если Польшѣ чего не доставало въ эпоху ея упадка, такъ это именно сильной монархической власти или вообще правительства. Послѣдняя мысль есть вмѣстѣ съ тѣмъ и убѣжденіе Шуйскаго. Замѣчу кстати, что Двѣнадцатъ книгъ этого историка вышли по отпечатаніи перваго тома труда Бобржинскаго вторымъ изданіемъ, что дало ему возможность, при печатаніи втораго тома, снабдить его нѣсколькими примѣчаніями на нѣкоторыя частныя мнѣнія, высказанныя въ трудѣ его критика. Впрочемъ, въ этомъ второмъ изданіи, Бобржинскій воспользовался кое-какими поправками къ его труду, сдѣланными въ критикахъ Шуйскаго и кс. Калинки.

Теперь о послѣднемъ изъ серьезныхъ критиковъ. Авторъ капитальной работы о четырехъ-лѣтнемъ сеймѣ вооружился противъ опѣнки въ книгѣ фактовъ, не на основаніи моральнаго достоинства ихъ намѣренія, а на основаніи слѣдствій и результатовъ, т.-е. критикомъ выставленъ нѣкоторый общій тезисъ, о которомъ „историка“ должна, конечно, составить опредѣленное мнѣніе. Но любопытно то, — какъ это показалъ Бобржинскій, — что самъ Калинка не придерживается строгаго указаннаго правила въ своихъ историческихъ трудахъ. Понятно также, что взглядъ автора на реформацію ¹⁾ и католическую реакцію вызвалъ у Калинки нѣсколько

¹⁾ Объ этомъ см. мою статью „Реформація и католическая реакція въ Польшѣ“ („Вѣстникъ Европы“, 1886, августъ — ноябрь).

возражений: католическому критику не понравилось, что историкъ разсматриваетъ ту и другую не съ морально-религіозной точки зрѣнія, а съ точки зрѣнія политической, ставя вопросъ, насколько каждое изъ этихъ явленій могло помочь польской націи организовать у себя прочную правительственную власть. Польская публика не привыкла къ такому обращенію съ католицизмомъ, и если ранѣе существовали сочиненія, авторы коихъ становились на аналогичную точку зрѣнія, то это были спеціальныя труды, не могшіе привлечь къ себѣ такого количества читателей, какое выпало на долю „Dziejów Polski w zagysie“.

Изъ этого краткаго обзора критикъ и общаго приѣма, сдѣланнаго книгѣ газетными рецензентами, читатель можетъ видѣть, насколько она соотвѣтствовала, въ моментъ своего появленія, ходячимъ въ обществѣ мнѣніямъ. Польская историографія разрабатывалась въ тиши ученыхъ кабинетовъ; новые камни для перестройки зданія польской исторіи были разбросаны по спеціальнымъ монографіямъ и мелкимъ статьямъ, и общество сравнительно мало знало, насколько работа національныхъ ученыхъ успѣла перевернуть вверхъ дномъ все, что считалось прежде прочно установленнымъ и ненарушимымъ, когда на него, какъ свѣтъ на голову, свалилось сочиненіе Бобржинскаго; для польской публики это была новость, къ которой она не была подготовлена, и если, со стороны серьезныхъ ученыхъ, приѣмъ книгѣ былъ оказанъ вообще совершенно иной, то и изъ ихъ лагеря раздались нѣкоторые голоса, находившіе автора немного радикальнымъ. Въ сущности, Бобржинскій — болѣе искренній писатель и смѣлый мыслитель, у котораго есть *le courage de son opinion* — качество, рѣдко встрѣчающееся въ обществахъ, гдѣ, въ силу особыхъ обстоятельствъ, уклоненіе отъ господствующихъ традицій и отступленіе отъ признанныхъ авторитетовъ равносильны чуть не измѣнѣ національной святыни. Для одного изъ добровольцевъ критики, Бобржинскій именно потому и представился „нигилистомъ“, что осмѣлился отнестись критически къ одному изъ лучшихъ представителей историографіи въ Польшѣ, Шайнохъ, зачисливъ его въ Лелевельскую „школу“, и тѣмъ умалилъ его самостоятельность. Кстати, и этотъ фактъ, что Бобржинскій отнесъ къ Лелевелевской школѣ и Шайноху, на котораго Шуйскій смотритъ какъ на писателя, „выдобывшаго“ польскую историографію изъ той (т.-е. Лелевелевской) эпохи, — и этотъ фактъ можетъ служить указаніемъ на то, насколько дальше Шуйскаго ушелъ Бобржинскій отъ Лелевелевскихъ традицій.

Подводя итоги подъ современной историографіей въ Польшѣ,

развивая далѣе ея основные принципы, впервые изобразивъ своимъ соотечественникамъ прошлое ихъ родины совершенно въ новомъ свѣтѣ, Бобржинскій оказалъ и наукѣ польской, и польскому обществу, большую услугу, и онъ имѣлъ утѣшеніе написать въ началѣ предисловія ко второму изданію своего „Очерка исторіи Польши“ слѣдующія слова: „Лучшимъ отвѣтомъ на цѣлый рядъ критикъ, лучшей, вмѣстѣ съ тѣмъ, защитой моей книги будетъ второе ея изданіе“. Книга нашла читателей, и въ настоящую минуту, по слухамъ, должно выйти и третье изданіе.

III.

Чтобы понять, въ чемъ же заключается, главнымъ образомъ, переворотъ, происшедшій въ польской національной исторіографіи послѣ Лелевеля, — лучше всего сравнить его общій взглядъ на исторію Польши со взглядомъ Бобржинскаго.

Научныя заслуги Лелевеля относятся, главнымъ образомъ, къ его изслѣдованіямъ по исторіи раннихъ эпохъ въ политическомъ существованіи Польши; времена позднѣйшія онъ изображалъ безъ достаточнаго матеріала и безъ разработки того, который могъ быть въ его распоряженіи, — и изображалъ съ политическимъ аподиктизмомъ, вытекавшимъ изъ его личныхъ убѣжденій и собственной исторической роли, такъ что его воззрѣнія далеко не совпадали съ польскою дѣйствительностью послѣднихъ вѣковъ. Основная его идея заключалась въ ученіи о томъ, что у польскаго народа искони есть извѣстный политическій и общественный идеалъ: когда народъ къ нему приближался, онъ шелъ впередъ, — и приходилъ въ упадокъ, отъ него удаляясь. Идеалъ этотъ — свобода въ государственныхъ и общественныхъ отношеніяхъ; во всей своей широтѣ онъ былъ осуществленъ, по Лелевелю, только разъ въ славянскомъ общинномъ быту (*gminowładztwo*, верховенство общины), на-сторожѣ котораго стояли первые Болеславы. Когда „можновладство“, т.-е. аристократическіе элементы общества, уничтожило свободу народа и княжескую власть, съ середины XII в. почти до конца XIV-го, Польша находилась въ упадкѣ, и только въ слѣдующемъ періодѣ совершился подъемъ гражданскаго духа въ лучшей части народа: аристократическое правленіе было сломлено и расцвѣло шляхетское „гминовладство“. Послѣднее, однако, не исполнило своей задачи, а этой задачей было, по мнѣнію Лелевеля, возвращеніе свободы деревенскому люду и совершенное осуществленіе республиканской формы правленія;

потому-то Рѣчь-Посполитая съ начала XVII в. приходитъ опять въ упадокъ, приводящій ее въ окончательному паденію, изъ всего народъ можетъ возродиться только путемъ возвращенія къ своему исконному идеалу, — къ установленію свободы сельскихъ массъ и республиканскаго управленія. Эта историческая конструкція представляетъ изъ себя идеализацію шляхетской Рѣчи-Посполитой и вноситъ много невѣрнаго въ представленіе прошлыхъ судебъ Польши; первоначальная эпоха Болеславовъ рисуется въ идеальномъ свѣтѣ, начало шляхетскаго правленія на сеймахъ отнесено къ XIV и XV в., когда, на самомъ дѣлѣ, оно развивается въ XVI, и именно въ эту эпоху, а не въ XII или XIII вѣкѣ, произошло ухудшеніе въ положеніи народныхъ массъ, возникла эта неволя деревенскаго люда. „Чисто доктринерскимъ способомъ, — говоритъ Бобржинскій, — онъ идеализировалъ пагубные законы второй половины XVI в., не взирая на ихъ слѣдствіе, т.-е. анархію, и считалъ за преступленіе позднѣйшія попытки, которыя клонились къ сокрушенію этой золотой вольности“. Идея Лелевеля не нашла поддержки въ историческомъ опытѣ другихъ народовъ, и его послѣдователи очень просто устранили вытекающее отсюда затрудненіе, признавъ за польскимъ народомъ особую миссію въ человѣчествѣ и позволивъ этому народу, какъ выражается Бобржинскій, „существовать безъ уваженія къ правительству и закону, безъ войска и податей“, такъ что изъ желанія Лелевеля объяснить паденіе Рѣчи-Посполитой возникла ея апотеоза. „Такимъ образомъ, — говоритъ Шуйскій, совершенно въ этомъ отношеніи сходясь съ Бобржинскимъ, — изъ одного изъ самыхъ младшихъ народовъ, выступившихъ на арену цивилизаціи европейскаго Запада, мы стали, въ собственныхъ глазахъ, народомъ, опережающимъ весь Западъ развитіемъ у себя конституціонныхъ и республиканскихъ формъ; изъ ошибокъ и заблужденій политической мысли мы свили себѣ идеальные лавровые вѣнки, очень вредные; въ вольной элекціи королей, въ конфедераціяхъ, даже въ „liberum veto“, мы усматривали положительныя явленія, которыми слѣдуетъ гордиться. Борьбу съ идеей правительства мы переносили въ тѣ времена, когда это правительство находилось въ самыхъ трудныхъ условіяхъ и только одно оно представляло интересы государственной самостоятельности“.

Такова основная идея Лелевеля, и таково отношеніе къ ней новѣйшихъ національныхъ историковъ Польши. Лелевель объяснялъ паденіе Польши измѣной національному идеалу, нашедшему только неполное осуществленіе въ шляхетской Рѣчи-Посполитой; теперешніе польскіе историки видятъ причину этого паденія въ

томъ, что ихъ отечество не пошло тою дорогою, по какой шли другіе европейскіе народы; по Лелевелю, исконнымъ идеаломъ польской націи была политическая и общественная свобода въ республиканскихъ формахъ; по убѣжденію новыхъ польскихъ историковъ, все спасеніе ихъ родины могло заключаться только въ установленіи крѣпкой правительственной власти. Этотъ-то тезисъ и развиваетъ съ особенною настойчивостію Бобржинскій въ своей книгѣ. Для насъ такое воззрѣніе на исторію Рѣчи-Посполитой—не новость. „Вслѣдствіе безобразно односторонняго развитія одного сословія, — говоритъ, напр., Соловьевъ, — вслѣдствіе внутренняго безнарядья, Польша потеряла свое политическое значеніе, ея независимость была только номинальною, болѣе вѣка она уже страдала изнурительною лихорадкою, истощавшею ея силы“¹⁾. „Всякому, — говоритъ еще г. Иловайскій, — сколько-нибудь знакомому съ ходомъ польской исторіи, извѣстно, что Польша пала жертвой своей анархіи, и что анархія эта была слѣдствіемъ крайняго ослабленія центральной власти и чудовищнаго развитія шляхетскаго сословія, въ себѣ одномъ воплотившаго все польское государство и весь польскій народъ“²⁾. Для общества, воспитаннаго въ Лелевелевскихъ традиціяхъ, такая мысль, конечно, должна была показаться новостью, но и для русскаго читателя много новаго представить она въ томъ развитіи, какое получила особенно у Бобржинскаго: пусть мы знаемъ, что Польшу погубило ея политическое безнарядье, какъ Соловьевъ переводитъ соответствующее польское слово „nierząd“, и убѣжденіе самихъ поляковъ, что именно имъ-то и стоитъ Рѣчь-Посполитая (Polska nierządem stoi), — но историческая наука должна объяснить происхожденіе этого безнарядья, не прибѣгая, по возможности, къ гипотетическимъ врожденнымъ свойствамъ націи, къ сваливанію всего на національный характеръ. Для русскаго читателя, книга Бобржинскаго, занявшагося вопросомъ о происхожденіи польскаго „не-ржонда“, можетъ представить тѣмъ большій интересъ, что у насъ довольно распространено мнѣніе, сваливающее всѣ бѣды польскаго народа въ прошломъ на національный характеръ поляковъ, и именно врожденный, а не привитый извѣстнымъ воспитаніемъ, которое складывается, такъ или иначе, подъ вліяніемъ причинъ чисто историческихъ. Такое мнѣніе нашло ходъ и въ нашей наукѣ; сдѣлавши выписку изъ сочиненія г. Иловайскаго, я и теперь сошлюсь на него же. Указавши на общія

¹⁾ Соловьевъ. Исторія паденія Польши. Москва. 1863. Стр. 9.

²⁾ Иловайскій. Гродненскій сеймъ 1793 года. Москва. 1870. Стр. XII.

причины паденія Польши, г. Иловайскій замѣчаетъ, что „эти очевидныя или ближайшія явленія, въ свою очередь, были также слѣдствіемъ разныхъ причинъ и условій“. Изъ нихъ на первый планъ онъ ставитъ именно народный характеръ, находя, что у поляковъ нѣтъ способности къ организаціи и инстинкта самосохраненія, и доказывая отсутствіе послѣдняго призваніемъ на свою землю нѣмецкаго ордена и пассивнымъ отношеніемъ къ чрезмѣрному размноженію еврейскаго населенія внутри своего государственнаго организма. Но измѣнялись отношенія, обстоятельства, воспитывавшія духъ представителей націи,—и вмѣсто стараго „*nie rozwalam*“, дѣлавшаго невозможной правильную организацію, являлась, наоборотъ, способность къ сплоченію, съ строгою дисциплиною, и національное самосохраненіе дѣлалось однимъ изъ самыхъ живучихъ инстинктовъ польскаго общества. Замѣчу вкратцѣ, что у Бобржинскаго во второмъ томѣ (по второму изданію), гдѣ онъ излагаетъ польскую исторію въ новое время, есть положительныя указанія, подѣ влияніемъ какихъ культурно-соціальныхъ условій и вообще причинъ историческихъ выработывалась типическая фигура буйнаго и недалководнаго польскаго шляхтича, видѣвшаго свободу во всякомъ отсутствіи настоящей дисциплины и не понимавшаго истинныхъ потребностей своего государства. То, что считаютъ народнымъ польскимъ характеромъ, есть, въ сущности, характеръ одной шляхты въ извѣстную эпоху, и характеръ этотъ объясняется ея положеніемъ и ролью въ государствѣ, ея воспитаніемъ, образомъ жизни, политическими идеями, а все это—продуктъ исторіи. Самая характеристика, сдѣланная г. Иловайскимъ, списана именно съ шляхты, и нѣкоторые положительные качества польскаго національнаго характера, которые отмѣчаетъ историкъ, совершенно неприложимы къ массѣ забитаго и пассивнаго „поспольства“. Одно то, что въ одной и той же націи могли возникнуть двѣ такія противоположности во всемъ психическомъ складѣ двухъ сословій, каковы: типическій шляхтичъ, съ одной стороны, и совершенно безцвѣтный хлопь,—вноситъ въ гипотезу національнаго характера неразрѣшимое противорѣчіе; изъ одного и того же этнографическаго матеріала исторія, въ самомъ дѣлѣ, выработала и шляхтича, съ его „*nie rozwalam*“, которое волею одного лица останавливало теченіе государственныхъ дѣлъ, и хлопа, съ его „*radam do nog*“, т.-е. рабской покорностью передъ всѣми перипетіями судьбы. Не задаваясь вовсе вопросомъ о національномъ характерѣ своихъ соотечественниковъ, какъ искони и постоянно дѣйствовавшей въ исторіи силы, Бобржинскій отвергаетъ эту гипотезу тѣмъ, что въ причинахъ

чисто историческихъ ищетъ объясненія того безнарядья, которое, по его мнѣнію, какъ и по мнѣнію русскихъ (да и не однихъ русскихъ) историковъ, погубило Рѣчь-Посполитую. Въ этомъ отношеніи разсматриваемый историкъ сходится и съ Шуйскимъ, какъ мы видѣли изъ его отношенія къ воззрѣнію Лелевелевской школы.

Девизъ современной польской исторіографіи—выступать противъ утвержденія, что народъ польскій палъ только въ силу внѣшнихъ причинъ, и искать внутри самого польскаго общества причинъ его политической гибели, останавливаясь на мысли, что главная причина—въ безнарядѣ ¹⁾. „Не границы и не сосѣди,—говоритъ, напр., Бобржинскій, — только нашъ внутренній разладъ довелъ насъ до потери государственнаго существованія“. И свою основную мысль онъ развиваетъ слѣдующимъ образомъ: „Какія бы мы ни находили теперь причины нашего паденія, будетъ ли это притѣсненіе народа шляхтой, или приниженное положеніе городовъ, или моральный упадокъ и умственный регрессъ въ интеллигенціи, все это будутъ только второстепенныя явленія, которыя въ другихъ мѣстахъ выступали еще въ худшемъ видѣ, но ни одного народа не доводили до утраты политическаго бытія. Вездѣ именно въ другихъ мѣстахъ, —сейчасъ же поясняетъ Бобржинскій,—существовало правительство, которое, усмотрѣвъ зло, раньше или позже, поправляло или уменьшало его. У однихъ только насъ недоставало этого оздоравливающаго фактора, недоставало правительства, которое въ рѣшительную минуту сокупило бы около себя, хотя и разрозненныя, общественныя силы и придало бы имъ единое направленіе. Если, поэтому, проживъ побѣдоносно столько вѣковъ, въ концѣ XVIII-го столѣтія мы не могли противостоять опасности, приходившей извнѣ, то единственная причина этого заключалась въ нашемъ внутреннемъ безнарядѣ. Тѣ, которые насъ дѣлили, не разъ находились между собою въ грозномъ раздорѣ; не одинъ изъ нихъ намъ помогъ бы, еслибы только и мы могли и хотѣли, съ своей стороны, оказать ему хотя бы самую незначительную помощь противъ его соперниковъ“. Весь второй томъ своихъ „Dziejów Polski w zarysie“ Бобржинскій посвящаетъ, главнымъ образомъ, только выясненію причинъ, почему въ Рѣчи-Посполитой не возникло сильной центральной власти, находя вообще, что кто пишетъ исторію Польши съ XVI-го вѣка, тотъ долженъ выдвинуть на первый планъ эту сторону національной жизни, „тѣмъ болѣе, —прибавляетъ онъ,—что

¹⁾ См. Bobrzyński, II, 334. — Szujski, 383—384

около этого важнаго вопроса (т.-е. организаціи правительственной власти) вращались тогда всѣ усилія націи“. Новую исторію Польши Бобржинскій начинаетъ съ конца XV-го вѣка, и какъ разъ въ тѣхъ явленіяхъ, въ которыхъ Лелевель видѣлъ возвращеніе страны къ ея исконному идеалу, усматриваетъ причины, погубившія Польшу. „Знакомаясь со взглядомъ Лелевеля,—говоритъ онъ,—мы теперь удивляемся, какъ можно было впасть въ такія заблужденія и ошибки. Слыша постоянно, какъ прославляется свобода, мы удивляемся, какъ можно было проглядѣть другое условіе здороваго развитія каждаго народа, именно силу и упругость его правительственной власти. Мы не понимаемъ, какъ можно было развитіе и паденіе народа поставить въ зависимость отъ гминовладства, т.-е. только отъ одной формы правленія, которую каждый народъ у себя необходимо преобразовываетъ и измѣняетъ по мѣрѣ своего развитія“. Последнія слова показываютъ, что Бобржинскій не отождествляетъ сильной правительственной власти съ абсолютизмомъ. Онъ очень сочувственно относится къ той программѣ „направы Рѣчи-Посполитой“, которую на сеймахъ середины XVI-го вѣка проводили протестантскіе „земскіе послы“, къ программѣ, какъ онъ выражается, „парламентарной монархіи“¹⁾, и въ паденіи этой программы видитъ большое несчастье для Польши. Дѣло шло о томъ, чтобы утвердить преобладаніе общаго, или „вального“, сейма надъ областными сеймиками, добиться для депутатовъ, или „пословъ“, совершенныхъ полномочій отъ ихъ избирателей, установить рѣшеніе дѣлъ на сеймѣ большинствомъ голосовъ, а не единогласіемъ, котораго никогда нельзя было достигнуть, и лишить сенатъ, или королевскую „раду“, представлявшую собою аристократическіе элементы, самостоятельности—такъ, чтобы король могъ идти и за мнѣніемъ меньшинства сената. Вообще, Бобржинскій высоко ставитъ политическія идеи передовой, протестантской части шляхты, господствовавшей на сеймахъ пятидесятихъ и шестидесятихъ годовъ XVI-го вѣка, и, приводя другія ея требованія, въ одномъ мѣстѣ, замѣчаетъ, что „это была, несомнѣнно, самая широкая политическая программа, какая только была въ польскомъ народѣ на протяженіи десяти вѣковъ его существованія“. Новая форма, о которой мечтали земскіе послы XVI-го вѣка, не утвердилась: сеймъ продолжалъ оставаться конгрессомъ уполномоченныхъ съ сеймиковъ, на коихъ политически неразви-

¹⁾ См. объ этомъ въ упомянутой статьѣ: „Реформація и католическая реакція въ Польшѣ“.

тая шляхта рѣшала государственныя дѣла; изъ принципа единогласія „пословъ“ на такомъ конгрессѣ выработалось „liberum veto“, „срываніе“ сеймовъ голосомъ одного посла, кричавшаго свое „nie pozwalam“; „можновладство“, представленное въ королевской „радѣ“, забрало въ руки много силы. При Сигизмундѣ-Августѣ (1548—1572) программа „посольской избы“ пала, а съ его смертью прекратилась династія Ягеллоновъ, и польскій престолъ сдѣлался окончательно избирательнымъ. Люди, политически развитые, стремились, по крайней мѣрѣ, къ тому, чтобы элекція короля принадлежала представительному сейму, а не толпѣ шляхты, собиравшейся потомъ для выбора на поле между Варшавой и ея предмѣстьемъ, Волей; но уже начинали выработываться новыя идеи о „золотой вольности“, и въ число условій выбора (*pacta conventa*) стали ставить, чтобы король-электъ употреблялъ свои заграничныя средства на нужды новаго своего государства, т.-е. заступалъ народъ въ исполненіи его прямой обязанности дѣлиться своимъ достаткомъ для государственныхъ потребностей, причемъ королю не давалось никакого дѣйствительнаго авторитета, котораго, впрочемъ, былъ лишень и сеймъ; буйныя сеймики и ни отъ кого *de facto* независимая администрація, состоявшая изъ „можновладства“, судили, рядили и хозяйничали, тогда какъ избранный король, во внѣшней политикѣ, насколько отъ него зависѣло, преслѣдовалъ свои личныя цѣли, готовый иногда жертвовать существенными интересами Рѣчи-Посполитой. Все это—факты извѣстные; но Бобржинскій тщательно разбираетъ причины, къ нимъ приведшія, и идеи, лежавшія въ ихъ основѣ. Говоря о царствованіи Сигизмунда III-го Вазы, онъ дѣлаетъ, между прочимъ, такое замѣчаніе: „думать объ абсолютизмѣ у народа, который уже сто лѣтъ привыкъ къ политической свободѣ, было вещью трудной, но зато тѣмъ болѣе слѣдовало думать объ учрежденіи, которое примирило бы свободу съ порядкомъ, о парламентарномъ министерствѣ, которое, будучи выбраннымъ изъ сеймоваго большинства, могло бы управлять и приказывать отъ имени короля, но въ духѣ націи“. Вопросъ объ этомъ былъ поставленъ въ началѣ XVII-го вѣка и рѣшенъ отрицательно, и съ того времени Бобржинскій ведетъ начало постоянного упадка Польши. Надеясь на то, какъ въ другихъ мѣстахъ реформація и католическая реакція способствовали усиленію правительственной власти, онъ указываетъ на то, что „для Польши даромъ прошли эти два великія историческія теченія, несшія съ собою сильное правительство и развитіе, и, такимъ образомъ, она была обречена два вѣка ожидать новаго историче-

скаго движенія, которымъ была французская революція“. Указывая на конфедераціи, возможность коихъ обуславливалась отсутствіемъ всякаго настоящаго правительства, онъ прибавляетъ, что „не это иной, какъ только конфедерація, сгубила окончательно“ Рѣчи-Посполитую. Вотъ въ какомъ смыслѣ Бобржинскій понимаетъ главный политическій вопросъ послѣднихъ трехъ вѣковъ польской исторіи. Въ 1772 г., произошелъ первый раздѣлъ Польши, и съ нея Бобржинскій датируетъ эпоху „возрожденія въ упадѣ“. Въ 1775 г., подъ влияніемъ Россіи, въ Рѣчи-Посполитой возникъ такъ-называемый „постоянный совѣтъ“ (*rada nieustająca*); Бобржинскій приветствуетъ его учрежденіе, ибо это была, — говоритъ онъ, — настоящая исполнительная власть, правительство, въ которомъ такъ давно нуждалась Польша“. Находя слабыя стороны въ этомъ учрежденіи, онъ, тѣмъ не менѣе, прибавляетъ: „зато, въ сравненіи съ прежнимъ порядкомъ вещей, *rada nieustająca* была громаднымъ шагомъ впередъ; какъ постепенный переходъ отъ полнаго безнарядья (*bezładu*) къ сильному правительству, она была во всѣхъ отношеніяхъ хорошимъ учрежденіемъ (*znakomitą instytucją*)“. Но уже было поздно: поляки и этого не стерпѣли, тѣмъ болѣе, что правительство это возникло по инициативѣ иностранной державы; черезъ 20 лѣтъ польское государство перестало существовать.

Мы сдѣлали этотъ краткій очеркъ взглядовъ Бобржинскаго не ради ознакомленія читателя съ внутренней политической исторіей Рѣчи-Посполитой въ XVI, XVII и XVIII вѣкахъ, — для этого потребовалась бы, конечно, цѣлая статья большихъ размѣровъ, — а чтобы иллюстрировать нѣкоторыми указаніями основную идею его книги. Повторять все, что говоритъ нашъ историкъ о развитіи безнарядья въ Польшѣ, объ его общихъ причинахъ и особыхъ обстоятельствахъ, ему способствовавшихъ, о реформахъ, которыя предпринимались, и о причинахъ ихъ неудачи, о ходѣ событій, въ зависимости отъ внѣшней политики — значило бы, пожалуй, перевести добрую треть или четверть втораго тома „*Dziejów Polski w zagusie*“. Я позволю себѣ еще остановить вниманіе читателя на нѣкоторыхъ общихъ положеніяхъ, выставленныхъ самимъ Бобржинскимъ, а затѣмъ перейду къ другимъ явленіямъ, которыя разсматриваются въ книгѣ и не имѣютъ уже отношенія къ тому, было ли въ Рѣчи-Посполитой сильное правительство, или она все болѣе и болѣе запутывалась въ своемъ безнарядѣ.

IV.

Польша пала отъ своего внутренняго безнарядья. — Гдѣ основныя причины того, что въ ней не организовалось сильной правительственной власти? — Обобщая свои историческіе выводы, Бобржинскій приходитъ къ слѣдующему заключенію объ этихъ причинахъ или обстоятельствахъ, которые затрудняли организацію правительства, и съ нимъ въ этомъ отношеніи соглашается Шуйскій. „Одна изъ нихъ, — говоритъ именно Бобржинскій, — есть наша молодость, ибо мы на пять вѣковъ позднѣе, нежели Западъ, выступили на поприще его цивилизаціи; другая — обширность преимущественно земледѣльческой страны въ отношеніи къ народонаселенію, а сверхъ этого — то, что наши лучшія силы бросились на востокъ, на Русь и Литву, вслѣдствіе чего силы, оставшіяся въ краѣ, уменьшенныя и ослабленныя, не могли выполнить задачи — создать правительство въ духъ новаго времени (powożytnego rządu)“. Но такія же условія — и молодость, и слабая населенность обширной земледѣльческой страны, и эмиграція за ея первоначальныя предѣлы — существовали и для русской исторіи, а между тѣмъ московское государство пошло совсѣмъ по иной политической дорогѣ, чѣмъ польское. Другими словами, сами по себѣ указанныя Бобржинскимъ причины не могли произвести факта, да и самъ историкъ приводитъ ихъ вовсе не ради того, чтобы идти по стопамъ своихъ предшественниковъ, которые занимались оправданіемъ политическихъ ошибокъ и анархій „независящими обстоятельствами“, какъ выражается самъ нашъ авторъ. Говоря о молодости Польши, онъ имѣетъ въ виду, что государство это, развиваясь по началамъ западной цивилизаціи, отставало отъ другихъ западныхъ народовъ на пять вѣковъ: въ началѣ новой исторіи стояли передъ поляками громадныя задачи — вопросъ религіозной свободы и тѣсно связанное съ нею дѣло новой государственной организаціи, и „мы, — говоритъ Бобржинскій, — бросились сюда съ горячностью, и тутъ только рельефно проявилось наше младенческое безсиліе“. Около того же времени, дажѣ, польскій народъ не обладалъ достаточными силами, чтобы отстоять себя отъ германскаго Drang nach Osten, и поляки схватились за литовско-русскую унію, какъ за средство спасенія, но колонизація и цивилизація обширныхъ русскихъ и литовскихъ пространствъ отвлекли лучшія силы отъ центра, вмѣсто того, чтобы увеличить ихъ на болѣе тѣсной территоріи, объединить и возбудить къ болѣе глубокому историческому движенію; „поду-

имѣтъ,—поясняетъ Бобржинскій,—что эти миллионы польскаго населенія, этотъ капиталъ и трудъ, которые мы двинули на Востокъ, остались бы въ нашихъ этнографическихъ границахъ,—по какой бы совсѣмъ иной дорогѣ пошло наше внутреннее развитіе! Болѣе густое населеніе, — не имѣй оно возможности пропитывать себя однимъ земледѣліемъ,—должно было бы обратиться къ промышленности и торговлѣ, заселить города, и въ мѣщанскомъ элементѣ создать противовѣсъ шляхтѣ. Болѣе трудныя условія повседневной жизни, болѣе трудная борьба за существованіе закалили бы нашъ національный характеръ, возбудили бы страсти, укрепили бы энергію и, сѣзвивъ сферу мысли, расширили бы сферу дѣйствія. Доведенные до внутренней борьбы, грозной, но рѣшительной, мы вынесли бы изъ нея сильное правительство и ясное представленіе о дальнѣйшемъ направленіи нашихъ стремленій и дѣятельности. Однако, безъ уніи мы не могли бы удержаться, а унія насъ внутренне обезиливала“.

Историческая дедукція опредѣленныхъ фактовъ изъ общихъ причинъ—вещь довольно опасная; допустимъ, что въ соображеніяхъ Бобржинскаго есть доля правды,—а допустить это даетъ право его представленіе общаго хода польской исторіи, хорошо обставленное фактами; — но еслибы намъ пришлось обобщать, хотя бы на основаніи матеріала, заключеннаго въ однихъ „Dzieje Polski w zagusie“, мы выдвинули бы на первый планъ не отрицательныя причины, т.-е. не то, чего недоставало Польшѣ, по мнѣнію Бобржинскаго, въ родѣ, напр., болѣе старой цивилизаціи и болѣе населенности страны, потому что тутъ можно толковать и такъ, и сякъ,—а поставили бы на первое мѣсто причины положительныя, именно самый способъ образованія единаго польскаго государства изъ прежнихъ удѣльныхъ княжествъ, развитія отношеній между отдѣльными классами населенія и т. п., независимо отъ того, съ какими моментами западно-европейской исторіи все это совпадало по времени и въ какихъ географическихъ границахъ, болѣе тѣсныхъ или болѣе обширныхъ, совершалось. Конечно, то, на что Бобржинскій обращаетъ вниманіе, имѣло свое значеніе; но разъ онъ указываетъ только на это, его формулировка причинъ, почему въ Польшѣ не возникло сильной правительственной власти, оказывается неудовлетворительной. Впрочемъ, его самого и не особенно занималъ вопросъ о „независящихъ обстоятельствахъ“. Конечно, таковъ общій взглядъ Бобржинскаго: такіа „независящія отъ насъ обстоятельства“ были, но главная вина наша: это—наша анархія! Почему-то, однако, историкъ, резюмируя общія соображенія о ходѣ польской исто-

ріи, вытекающія изъ всей его книги, не счелъ нужнымъ собрать во-едино все то, что говорится у него о сущности общественнаго и политическаго процесса польской исторіи, взятаго въ немъ самомъ. Въ заключительной главѣ сочиненія, гдѣ подводятся общіе итоги, авторъ оставляетъ безъ разсмотрѣнія самое главное, — происхожденіе безнарядья изъ способа образованія польскаго общества и государства. Тутъ, по нашему мнѣнію, прежде всего, на основаніи самой же книги, должна была бы идти рѣчь о томъ: какъ и почему государство попало въ руки шляхты; почему старыя удѣльныя княжества (*dzielnice*) не сплутились совершенно въ единое государство и не выработалось центральнаго органа шляхетскаго правительства? Такимъ не могъ быть сеймъ, который не получилъ окончательнаго преобладанія надъ мѣстными сеймами, въ которомъ не выработалось рѣшенія дѣлъ, по большинству голосовъ, и который былъ безсиленъ по отношенію къ можновладческому сенату и областной администраціи. Какъ, далѣе, эти явленія государственной жизни, возведенныя въ принципъ, перешли въ теорію, и почему, наконецъ, королевская власть превратилась въ пустой титулъ, безъ всякаго самостоятельнаго значенія въ дѣлахъ внутренней политики и управленія? Книга Бобржинскаго даетъ отвѣты на всѣ эти вопросы; но авторъ, въ своихъ послѣднихъ обобщеніяхъ, не касаясь этой стороны дѣла, обращается къ болѣе проблематическимъ причинамъ, которыя, по его мнѣнію, затрудняли образованіе сильной правительственной власти, тогда какъ тутъ прежде всего слѣдовало бы остановиться на причинахъ, которыя сами по себѣ вели именно къ ослабленію правительства.

Исторія знаетъ нѣсколько примѣровъ тому, какъ новая власть, возникая среди старыхъ учрежденій, продолжаетъ съ ними уживаться, въ то же время подкапываясь подъ нихъ; таково было сосредоточеніе *imregium*'а римскаго народа въ рукахъ одного лица, въ то время, какъ продолжали еще существовать римскія республиканскія учрежденія; таково было и развитіе королевскаго абсолютизма въ феодальной Франціи. Въ обоихъ этихъ случаяхъ новое начало, оставляя неприкосновенными старыя формы, въ то же время лишаетъ ихъ внутренняго содержанія, переноса на себя всю ту силу, которая принадлежала этимъ старымъ формамъ; римскій императоръ, облеченный *imregium*'омъ надъ провинціями державнаго римскаго народа, вмѣстѣ съ тѣмъ получаетъ власть и надъ самой римской республикой, возлагая на себя званіе и права республиканскихъ магистратовъ; французскій король, равнымъ образомъ, изъ „перваго между равными“,

какими были суверенные феодальные сеньеры, превращается въ государя, который сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ всю власть надъ страной, прежде раздробленную между ними. Въ Польшѣ новою властью (какимъ образомъ—мы здѣсь не говоримъ) сдѣлалась шляхта, и возникла республика, или, какъ называютъ ее поляки, Рѣчь-Посполитая, но республика съ королемъ, т.-е. съ сохраненіемъ стариннаго учрежденія. Былъ моментъ, когда между обоими началами возможенъ былъ компромиссъ въ формѣ, какъ мы видѣли по представленію Бобржинскаго, „парламентарной монархіи“; но для этого необходимо было преобладаніе общаго сейма надъ областными сеймиками съ рѣшеніемъ дѣлъ на сеймѣ по большинству голосовъ. „Вальный“ сеймъ, однако, остался конгрессомъ уполномоченныхъ пословъ отъ отдѣльных „земель“, на которыя дѣлилась Рѣчь-Посполитая, составившаяся изъ удѣльных княжествъ, соединенныхъ между собою, такъ сказать, лично уніей; ко времени образованія сейма, изъ коего могъ бы выработаться сначала монархическій парламентъ, а потомъ не выработалось чисто республиканскаго учрежденія, королевская власть еще не сплотила окончательно единаго, централизованнаго государства, и изъ ея стараго воззрѣнія на особность отдѣльных „земель“ съ ихъ сеймиками вышла даже помѣха попыткѣ земскихъ пословъ сломить самостоятельность мѣстныхъ сеймиковъ. Росту политическаго значенія шляхты соотвѣтствовало ослабленіе королевской власти; но, ослабляя ее, сеймъ себя не укрѣплялъ перенесеніемъ на себя задачи королевской власти—объединить Польшу; онъ остался по прежнему конгрессомъ земскихъ пословъ, которому приходилось считаться и съ сеймиками, и съ меньшинствомъ въ собственной средѣ, а это ему не дозволило перенести на себя или на назначенное имъ лицо того, что принадлежало прежде королю и могло бы получить дальнѣйшее развитіе; королевская же власть, сдѣлавшись, съ одной стороны, избирательной, потеряла подъ собою историческую почву, а съ другой—обязанная своимъ происхожденіемъ безформенной толпѣ „элекціоннаго сейма“, а не правильному учрежденію, не могла съ старымъ именемъ превратиться въ новый республиканскій магистратъ съ исполнительною властью. При этомъ, учрежденіе, которое ставило бы короля, оставалось конгрессомъ, и въ то же время, у такого короля и не могло быть высшей исполнительной власти въ виду слѣдующаго обстоятельства: прежняя королевская власть до возникновенія сейма и начала „вольной элекціи“ не успѣла создать административной централизаціи, вполне отъ себя зависимой, вытѣснивъ изъ управленія областями

старые можновладческіе элементы, а сейму потомъ это сдѣлать было бы и трудно, потому что именно эти можновладческіе элементы имѣли силу на сеймикахъ, состоявшихъ изъ всей мѣстной шляхты и не успѣвшихъ сдѣлаться просто мѣстами для выбора пословъ въ сеймъ и учрежденіями для завѣдыванія мѣстными дѣлами. Въ результатѣ получилась республика безъ настоящаго республиканскаго правительства, но съ „намалеваннымъ“ королемъ, какимъ, напр., не хотѣлъ быть Стефанъ Баторій, т.-е. верховная власть въ государствѣ не нашла для себя подходящаго органа; это не была ни монархія, окруженная республиканскими учрежденіями, ни настоящая республика, а именно какое-то безнарядье, которымъ и стояла Польша цѣлые два вѣка, и въ которомъ поляки даже стали видѣть какую-то гарантію своего политическаго бытія и даже высшую форму государственной жизни. Таковъ вкратцѣ нашъ общій выводъ относительно причинъ внутренняго безнарядья въ Рѣчи-Посполитой, и это представленіе вытекаетъ изъ всей книги Бобржинскаго. Не развивая здѣсь своего общаго взгляда, не дополняя его выписками изъ разныхъ мѣстъ книги новѣйшаго представителя польской національной исторіографіи, мы указываемъ только на то, что именно надлежало бы выдвинуть Бобржинскому на первый планъ въ заключительной главѣ своего прекраснаго труда. Въ концѣ концовъ, развитіе польскаго государственнаго быта не рѣшило задачи превращенія средневѣковой монархіи, собранной изъ разныхъ „земель“, которыя были когда-то самостоятельными княжествами, въ новое государство, въ формѣ ли монархіи парламентарной, или абсолютной, или же въ формѣ республики. Последняя въ Рѣчи-Посполитой, притомъ, непременно приняла бы аристократическій характеръ; поляки сравнивали свою Рѣчь-Посполитую съ античными демократіями, и именно съ ними она идетъ въ сравненіе, потому что въ ней „народомъ“ была только шляхта (szlachta — *pańó*), а то, что въ новое время называютъ народомъ, соответствовало разнымъ, напр., спартанскимъ илотамъ и періекамъ, стоявшимъ внѣ государства и даже не имѣвшимъ, какъ илоты, личной свободы. Странно, что Бобржинскій, дающій вообще хорошую характеристику „шляхетской золотой вольности“, сохраняетъ на этотъ счетъ кое-гдѣ старое воззрѣніе. Такъ, напр., въ одномъ мѣстѣ (II, 23), мы у него читаемъ, что „польскій сеймъ не былъ, какъ другіе заграничные парламенты, представительствомъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ сословій, но былъ органомъ цѣлаго народа (это съ исключеніемъ-то изъ сейма мѣщанъ и крестьянъ?) и государства, не для защиты сослов-

ныхъ интересовъ и привилегій, но для общаго блага" (это сеймъ-то, который принижалъ городъ и закрѣпощалъ крестьянъ, какъ самъ въ другихъ мѣстахъ рассказываетъ Бобржинскій). Разница съ „заграничными парламентами“ есть, но не такая: въ нихъ, кромѣ дворянства, были представлены и духовенство, и горожане, а иногда и крестьяне (напр., въ Швеціи, отчасти во французскихъ *états généraux*, гдѣ правомъ представительства въ концѣ пользовались не только города, но и сельскія общины, составившія вмѣстѣ съ ними *tiers état*), а сеймъ польскій былъ односложный, чисто шляхетскій. Даже выраженіе: *naród—szlachta*, иногда встрѣчается у Бобржинскаго.

Государство безъ настоящей правительственной власти, общество, состоящее изъ вольной шляхты, распоряжавшейся имуществомъ, трудомъ и жизнью хлоповъ,—вотъ чѣмъ была Рѣчь-Посполитая. Бобржинскій въ непривлекательномъ видѣ рисуетъ и развитіе шляхетско-хлопскихъ отношеній, не въ примѣръ одному изъ своихъ коллегъ по историческимъ занятіямъ, Вал. Приборовскому, написавшему недавно книжку: „Крестьяне у насъ и въ другихъ мѣстахъ“, съ явной тенденціей облить шляхетскихъ предковъ въ глазахъ ихъ потомковъ. Бобржинскій разрываетъ съ этой традиціей, и, конечно, не оппонируетъ Лелевелю, когда онъ усматриваетъ въ неволѣ деревенскаго люда одну изъ причинъ гибели Польши; онъ только указываетъ, что неволя эта существовала и въ другихъ мѣстахъ, но что въ другихъ мѣстахъ существовало и правительство, которое, такъ или иначе, боролось со зломъ, не давая хотя бы превратиться крѣпостному праву въ полное рабовладѣльчество и все-таки ограничивая произволъ господъ по отношенію къ ихъ подданнымъ. Это государство безъ правительства, это общество, въ которомъ господствовалъ произволъ одного сословія, подверглось еще вліянію косныхъ началъ католицизма и развращающей педагогики и политики іезуитизма. Эта сторона дѣла, равнымъ образомъ, нашла прекрасное освѣщеніе въ книгѣ Бобржинскаго: онъ совершенно свободно, безъ всякаго доктринерства, характеризующаго, напр., Шуйскаго, отнесся къ реформациі и католической реакціи въ Польшѣ, и выставилъ на видъ все зло, какое принесли обществу и государству іезуиты, убивъ свободу мысли, развивъ религіозный фанатизмъ, поставивъ интересы римской куріи выше интересовъ націи и внушивъ шляхтѣ такую мысль, что лучшая гарантія золотой вольности, т.-е., въ сущности, беззарядья—въ томъ католицизмѣ, который они утверждали на развалинахъ гуманистическаго и протестантскаго движенія XVI-го вѣка. Реформація и католическая реакція,—го-

ворить Бобржинскій, — прошли для блага Рѣчи-Посполитой безслѣдно, и государству пришлось ждать новаго историческаго движенія — французской революціи; но онъ пропустилъ еще одно явленіе — „просвѣщенный абсолютизмъ“ XVIII-го вѣка. Одна сторона этой политики заключалась въ борьбѣ государственной власти съ средневѣковыми аристократическими и клерикальными силами (вспомнимъ Іосифа II въ Австріи). Въ Польшѣ не было государственной власти, страна находилась въ рукахъ именно аристократическихъ и клерикальных классовъ общества. Правда, система „просвѣщеннаго абсолютизма“ не нашла примѣненія и во Франціи, но тамъ былъ крѣпкій государственный организмъ, и переходъ власти отъ старой династіи къ національному собранію нанесъ ударъ старому социальному порядку, а въ Польшѣ, гдѣ власть приходилось еще создавать, попытка реформы, встрѣтивъ аристократическую и клерикальную оппозицію, привела къ паденію самого государства.

V.

Изъ трехъ державъ, подѣлившихъ Рѣчь-Посполитую, наибольшее количество вражды со стороны поляковъ выпало на долю Россіи. Подъ вліяніемъ этого чувства и развивалась польская національная историографія. Между тѣмъ русско-польскія отношенія составляютъ одну изъ важныхъ сторонъ исторіи Польши, и выясненіе ихъ есть одна изъ самыхъ серьезныхъ задачъ русскихъ и польскихъ историковъ. Строгая научная мысль будетъ торжествовать весьма крупную побѣду, когда взгляды русскихъ и польскихъ историковъ на этотъ предметъ не будутъ существеннымъ образомъ разниться между собою. И въ этомъ смыслѣ книга Бобржинскаго знаменуетъ поворотъ польской историографіи къ большей научности. Къ этой сторонѣ дѣла я и перехожу съ намѣреніемъ попутно отвѣтить и на такой вопросъ: допустимъ, что Рѣчь-Посполитая, доведенная, на самомъ дѣлѣ, до полного внутренняго разложенія своимъ безнарядьемъ, пошла бы по иной дорогѣ и сохранилась какъ самостоятельное государство; смогли бы — спрашивается — она удержать за собою свои старыя границы?

Вопросъ о русско-польскихъ отношеніяхъ распадается на два вопроса: первый касается того общаго факта, что подъ властью польскаго государства находилась масса русскихъ земель; второй относится къ роли русскаго государства въ польскихъ историческихъ судьбахъ.

Одинъ изъ основныхъ фактовъ исторіи Польши заключается въ перемѣщеніи, такъ сказать, всего польскаго государства съ запада на востокъ; его первоначальныя границы западныя и восточныя или гораздо западнѣе, чѣмъ тѣ же границы въ эпоху паденія Рѣчи-Посполитой. Этимъ обуславливались историческія судьбы Польши; на западѣ она теряла земли и населеніе, которыя могли бы легче слиться съ ядромъ государства, и приобрѣтала на востокѣ области, которыя должны были тяготѣть къ иному государственному центру. Другими словами, Польша не удержала съ самаго начала то, что легко могла ассимилировать съ собою, и возмѣстила утрату тамъ, гдѣ ассимиляціонная работа разбивалась о сильное сопротивленіе. Почему же поляки были вытѣснены изъ своей западной позиціи и устремились въ противоположную сторону? Этотъ вопросъ мы рассмотримъ прежде, нежели перейдемъ къ специально русско-польскимъ отношеніямъ.

Настоящую польщизну составляли Великая и Малая Польша съ Мазовіей; эти земли были сперва на востокѣ государства, включавшаго въ себя и Силезію, и Поморье, и даже земли полабскихъ славянъ, а въ концѣ онѣ уже составляли западную окраину, потому что и Силезія, и Поморье, а тѣмъ болѣе страна на востокѣ къ Эльбѣ давнымъ-давно были подъ чужою властью; на востокѣ же отъ Малой Польши и Мазовіи лежали обширныя литовскія и русскія пространства, вошедшія въ составъ Рѣчи-Посполитой. Выпираемая съ запада, Польша и двигалась на востокъ; на западѣ, кромѣ того, она допустила образованіе двухъ сильныхъ нѣмецкихъ государствъ, т.-е. Габсбургской и Гогенцоллернской монархій, а на востокѣ она встрѣтилась съ процессомъ собиранія русской земли, и уже утрата для Рѣчи-Посполитой восточной своей окраины по андрусовскому договору была началомъ конца для польскаго господства въ западной Руси. Въ эпоху образованія польскаго государства, страной, на которую оно должно было распространить свою власть, была территорія между Эльбой и Вислой съ запада на востокъ, и между Балтійскимъ моремъ и Судетскими горами, съ сѣвера на югъ, территорія, населенная славянскими племенами, находившимися въ близкомъ родствѣ съ тѣмъ, которое положило у себя начало государству, и государство это лежало въ самомъ центрѣ этой страны. На западѣ отъ нея жили нѣмцы, начинавшіе уже свой вѣковой *Drang nach Osten*; на югѣ существовалъ другой государственный центръ западнаго славянства—Чехія, а за Вислой слились племена литовскія. Первоначальнымъ стремленіемъ Польши было объединить подъ своею властью всю эту страну и даже выйти за ея предѣлы, но обла-

даніе Моравіей, Словаціей и червенскими городами, присоединенными къ Польшѣ Болеславомъ Храбрымъ (992—1025), было кратковременно, и по его смерти эти приобрѣтенія отошли къ Чехіи, Венгріи и Руси. Гораздо важнѣе было подчиненіе Силезіи, Поморья между нижнимъ Одеромъ и нижней Вислой, а также полабовъ; силезяне, поморяне и полабы еще нигуда не тяготѣли, и представляли этнографическій матеріалъ, весьма удобный для включенія въ начинавшую слагаться польскую націю; подобно мазурамъ, жившимъ на востокъ отъ первоначальнаго ядра польскаго государства. На западѣ Польша не выполнила своей миссіи: не удержала за собою сѣверо-западнаго угла между Эльбой и моремъ. Подъ напоромъ германизма, полабамъ и поморянамъ естественно было бы искать сближенія съ молодымъ польскимъ государствомъ, которое возникло какъ разъ въ время, чтобы образовать оплотъ противъ германизации, — но вышло иначе. Съ одной стороны, Польша образовалась немного поздно, чтобы съ успѣхомъ бороться съ нѣмцами на Эльбѣ: она не успѣла утвердить здѣсь своей позиціи до начала нѣмецкаго *Drang nach Osten*. Съ другой стороны, принятіе государствомъ христіанства, бывшее актомъ самосохраненія, совершилось нѣсколько рано по отношенію къ объединенію сѣверо-западной славянщины; когда крестилась русская земля, она была уже до извѣстной степени объединена, а здѣсь принятіе христіанства предшествовало объединенію, и послѣ Болеслава Храбраго, кромѣ княжескихъ усобицъ и стремленія племенныхъ группъ къ обособленію, мы встрѣчаемся съ языческой реакціей противъ новой религіи. Христіанство уже проникало въ Польшу инымъ путемъ, съ юго-западной ея окраины. Утвержденіе католицизма въ Польшѣ ставило ее въ связь съ нѣмцами, втягивало ее въ сферу интересовъ „священной римской имперіи“, съ которою ей и пришлось дѣйствовать за-одно въ насильственномъ миссіонерствѣ среди языческихъ племенъ. Казиміру I (1040—1058), только при помощи нѣмцевъ (а также и Руси въ Мазовіи, гдѣ, равнымъ образомъ, племенное возстаніе соединилось съ языческой реакціей), удалось возстановить разсыпавшееся государство, но уже не въ Болеславскихъ границахъ; западная окраина ускользнула отъ этого новаго объединенія, и если Болеславъ Кривоустый (1102—1139) сумѣлъ присоединить къ своему государству часть Поморья, а князей другой части поставить въ зависимость отъ себя отношенія, и довольно успѣшно дѣйствовалъ среди полабовъ, то наступившее по его смерти раздѣленіе Польши на удѣльные княжества (*dzielnice*) остановило расширеніе Польши на западъ. Великая и Малая

Польша съ Мазовіей, сдѣлавшейся передовымъ постомъ польщины на востоѣ, и въ разъединеніи сохранили сознаніе своей связи, но ни поморяне, ни, тѣмъ болѣе, полабы еще не успѣли проникнуться „польской идеей“, и имъ не на что было опереться въ борьбѣ съ колонизаціей. Мало того: даже Силезія, успѣвшая болѣе прирасти къ ядру польскаго государства, начинаетъ обособляться въ этотъ періодъ, отрываться отъ польской жизни, тѣмъ болѣе, что средоточіе послѣдней, съ перенесеніемъ западной границы съ Эльбы на Одеръ, съ этимъ первымъ отступленіемъ Польши, перемѣщается изъ бассейна Варты въ бассейнъ Вислы. Въ Силезіи въ XIII вѣкѣ дѣлаетъ успѣхи германизація; старое ядро государства, Великая Польша, раздробившаяся на два княжества, почти бездѣйствуетъ; Малая Польша отълекается въ сторону галицкой Руси, сдѣлавшейся въ послѣдствіи *locus minoris resistentiae* при новомъ наступательномъ движеніи объединенной, въ началѣ XIV в., Польши; Мазовія, не будучи въ состояніи одна справиться съ литовскими пруссами, призываетъ къ себѣ на помощь нѣмецкій рыцарскій орденъ, который утверждаетъ на балтійскомъ побережьи у нижняго теченія Вислы, чтобы въ послѣдствіи распространить свою власть и на часть Поморья. Междуцарствіе въ Германіи и сопровождавшая его анархія, по прекращеніи династіи Гогенштауфеновъ, были бы для Польши удобнымъ моментомъ для борьбы за Эльбу и Поморье, но сама Польша незадолго была опустошена монгольскимъ нашествіемъ, и князья польскіе стали, по примѣру, раньше данному Силезіей, искать спасенія въ нѣмецкой колонизаціи, которая тѣмъ болѣе должна была удалась, что нѣмцы толпами уходили въ Польшу отъ „кулачнаго права“, господствовавшаго тогда на ихъ родинѣ. Вмѣшиваясь во внутреннюю политику своего новаго отечества, играя роль въ междукняжескихъ отношеніяхъ, пришельцы эти стали представлять политическую опасность для національной самостоятельности польскихъ княжествъ. Въ послѣднихъ, въ концѣ XIII в., началось нѣкоторое движеніе въ смыслѣ объединенія, но дѣло это было сдѣлано Чехіей. Уже давно дѣлались попытки со стороны Польши и со стороны Чехіи къ объединенію западнаго славянства, и на рубежѣ XIII и XIV вѣковъ чешскій король Вацлавъ дѣлаетъ новую: онъ взялъ на вѣрность себѣ присягу отъ князей силезскихъ и распространилъ свое верховенство и на другія „дѣльницы“ Польши, подготовивъ этимъ, впрочемъ, только дѣятельность національнаго объединителя государства—брестско-куявскаго князя Владислава Локотека. „Кто знаетъ,—говоритъ Бобржинскій,—смогли ли бы мы, безъ короткаго царствованія Вацлава, когда-

либо сами добиться образованія единой монархіи“. Но это образованіе было куплено дорогою цѣною: Чехія удержала за собою Силезію, которую Казиміръ Великій (1332—1370) и формально ей уступилъ, чѣмъ Польша оттѣснялась и отъ верхняго теченія Одера. Впрочемъ Силезія уже успѣла поотвыкнуть отъ Польши за полтора вѣка удѣльнаго періода, а Казиміръ былъ вынужденъ чѣмъ-нибудь вознаградить Чехію за отказъ отъ агрессивной политики Вацлава. Случилось также, что тотъ же Казиміръ долженъ былъ согласиться еще на одно вознагражденіе. Въ началѣ XIV в., — нѣмецкій орденъ утверждаетъ свою власть на западъ отъ Вислы, въ части Поморья, но Казиміръ Великій отступается отъ Поморья, лишь бы возвратить отъ нѣмецкаго ордена забранныя имъ Куявію и Добржинскую землю, клинъ территоріи на югъ отъ Торна, между Великою Польшею и Мазовіей (сохранившей самостоятельность до прекращенія мѣстной линіи князей въ первой половинѣ XVI вѣка). Такимъ образомъ, именно эпоха Казиміра Великаго была временемъ отступленія вновь объединившейся Польши отъ запада, гдѣ будущая австрійская Чехія отторгла себѣ Силезію, а нѣмецкій орденъ, ставшій впослѣдствіи Пруссіей, утвердился въ Поморьѣ; это была своего рода прелюдія въ польскимъ раздѣламъ, происшедшимъ четыре вѣка спустя. Но эта же эпоха была началомъ движенія Польши на востокъ: съ одной стороны, ослабленіе южной Руси отъ татарскаго погрома, княжескихъ усобицъ, перенесеніе сцены исторической жизни на сѣверо-востокъ, съ другой, вытѣсненіе самой Польши съ запада, перенесеніе ея центра на юго-востокъ прежней территоріи, заставляли государство Казиміра Великаго расширяться на счетъ Руси, а вмѣстѣ съ этимъ, въ то же время, является мысль искать для борьбы съ нѣмецкимъ орденомъ, отрѣзавшимъ Польшу отъ моря, помощи въ союзѣ съ Литвой, которая сама забрала подъ свою власть не мало русскихъ земель. Государство Казиміра Великаго уже на цѣлую треть состояло изъ Руси, а соединеніе съ Литвой включало еще болѣе русскихъ земель въ будущую Рѣчь-Посполитую.

Таковы были историческія обстоятельства, которыя двигали польское государство на востокъ. Впослѣдствіи были времена, благоприятствовавшія болѣе дѣятельной роли Польши на западѣ, но Польша ими не воспользовалась. О линіи Эльбы помышлять было поздно, но Силезія и Поморье еще могли сдѣлаться польскими. Въ началѣ XV в. у поляковъ и чеховъ былъ общій интересъ — борьба съ нѣмцами: Польша воюетъ съ нѣмецкимъ орденомъ, въ Чехіи происходитъ гуситское движеніе, и въ этомъ лежала возможность чешско-польскаго союза. Польскому королю предла-

гается чешская корона, сами поляки сочувствуют гуситскому движению изъ расчетовъ политико-національныхъ, — но религіозныя соображенія католической іерархіи, заправлявшей тогда всѣми дѣлами въ Польшѣ, берутъ перевѣсъ, и чешское движеніе проходить для нея безслѣдно, потому что и планъ этой іерархіи — получить Силезію изъ рукъ императора Сигизмунда, въ награду за невмѣшательство въ чешскія дѣла — не осуществился. Другая ошибка польской политики была въ прусскомъ дѣлѣ: при Казимірѣ Ягеллончикѣ, во второй половинѣ XV в., „подданные“ ордена отдаются подъ власть Польши, которая ведетъ удачную войну съ орденомъ, отнимаетъ у него западную часть его владѣній, т.-е. часть Поморья съ двумя кусками земли на правомъ берегу Вислы (польская Пруссія), а восточную (орденская Пруссія) — ставить въ вассальную отъ себя зависимость (1466); но, какъ извѣстно, дѣло, начатое такъ успѣшно, въ XVI в., было оставлено. Около того же времени былъ упущенъ случай завладѣть Силезіей: рѣшено было оставить эту область за Чехіей, въ виду возможности занятія чешскаго престола Ягеллонами. Въ 1471 г., старшій сынъ польскаго короля, Владиславъ, въ самомъ дѣлѣ, дѣлается чешскимъ королемъ, но, помимо желанія и вопреки волѣ отца, хотѣвшаго посадить на вакантный венгерскій престолъ другого своего сына, онъ дѣлается, въ концѣ XV в., и королемъ венгерскимъ, а, при соединеніи силъ Чехіи и Венгріи, думать о приобрѣтеніи Силезіи было мудрено. Въ годъ смерти Казимира Ягеллончика, границы Польши были на западѣ тѣ самыя, какія мы видимъ передъ „разборомъ“ 1772 г. Въ новое время велась борьба и за Силезію, и за ту часть Помераніи, которая осталась невключенною въ польское государство; но Рѣчь-Посполитая оставалась безучастной въ этой борьбѣ: внутреннее безнарядье XVII и XVIII вѣковъ, „миссія“ Польши на востокъ и капитальныя ошибки польской политики XVI в. на западѣ, помѣшали Рѣчи-Посполитой пользоваться подходящими случаями для возвращенія Силезіи и Поморья. Естественной задачею польской политики было, въ XVI в., во-первыхъ, не допускать усиленія на счетъ Чехіи и Венгріи какой-либо державы, разъ нельзя было удержать оба эти государства въ династической связи съ Рѣчью-Посполитою, а во-вторыхъ, стремиться къ превращенію и „орденской“ Пруссіи въ „королевскую“. Дѣла пошли не такъ: Сигизмундъ I-й (1506 — 1548), вопреки совѣтамъ своего предусмотрительнаго канцлера, Яна Ласкаго, допустилъ воцареніе въ Чехіи и Венгріи Габсбурговъ, согласившись на примѣненіе къ этимъ землямъ извѣстной свадебной политики Австріи (*Bella gerant alii, tu, felix Austria,*

nube) въ формѣ двойного брака внука и внучки императора Максимилиана съ дочерью и сыномъ чешско-венгерскаго Ягеллона, и тотъ же Сигизмундъ I допускаетъ Альбрехта Бранденбургскаго сдѣлаться грессмейстеромъ въ „орденской“ Пруссіи, населеніе которой готово было поддаться Польшѣ; потомъ ведетъ съ нимъ успѣшную войну, но, не докончивъ дѣла, возвращаетъ взятые у ордена города, соглашается на превращеніе его въ свѣтское наслѣдственное герцогство въ вассальной зависимости отъ Польши и распространяетъ право наслѣдованія на братьевъ Альбрехта (1525), а Сигизмундъ II-й Августъ утверждаетъ это право и за потомствомъ бранденбургскаго курфюршескаго дома (1563). Такимъ образомъ, въ XVI в., съ поущенія и даже съ помощью Польши, на ея границахъ возникаютъ габсбургская и гогенцоллернская силы: Чехія съ Силезіей и Венгрія отходятъ къ Австріи, а „королевская“ Пруссія очутилась между двумя владѣніями Гогенцоллернской династіи, которымъ въ будущемъ предстояло соединиться, а потомъ и слиться, устранивъ польскую власть въ „королевской“ Пруссіи. Для Польши послѣднее было невыгодно въ томъ отношеніи, что она сама создавала противъ себя враждебную силу на берегу Балтійскаго моря, за обладаніе которымъ предстояла борьба въ XVII и XVIII в., когда Рѣчь-Посполитая, и по своему внутреннему безнарядю, не могла имѣть хорошей вѣншней политики. Впрочемъ, въ первой половинѣ XVII вѣка, счастье снова улыбалось Рѣчи-Посполитой. Происходитъ тридцатилѣтняя война; Чехія, отложившаяся отъ Габсбурговъ, искала себѣ короля, и къ ней слѣдовало придти на помощь; заключивъ союзъ съ протестантскими князьями на сѣверѣ Германіи, Рѣчь-Посполитая могла бы разыграть въ войнѣ ту роль, которая выпала на долю Швеціи при Густавѣ-Адольфѣ и Оксенштирнѣ, но въ Польшѣ тогда происходила католическая реакція, и воспитанный іезуитами Сигизмундъ III, вопреки національнымъ интересамъ, держится союза съ Австріей, подавлявшей протестантизмъ въ Чехіи и всей Германіи, мечтаетъ о возвращеніи Швеціи въ лоно единой спасающей церкви и хлопочетъ о томъ, чтобы и московское государство подчинить „апостольскому престолу“; польскій престолъ былъ для этого короля только средствомъ, цѣлью котораго была обширная католическая реакція, и самъ онъ охотно бы „уступилъ“ Рѣчь-Посполитую Австріи, лишь бы она помогла ему возвратитъ себѣ утраченный наслѣдственный престолъ Швеціи, ради утвержденія въ ней католицизма. При иной политикѣ Польша могла бы завладѣть Силезією, не допустить Чехію до бѣлогорскаго пораженія, усилить свое значеніе на сѣ-

веро-востокъ тогдашней Германіи, предупредивъ въ этомъ отношеніи Швецію и Бранденбургскую династію, но она избрала другой путь — служеніе цѣлямъ католической реакціи и агрессивной политикѣ католицизма по отношенію къ православію. Владиславъ IV-й докончилъ дѣло своего отца, отдавшаго вѣсти еще вассальное герцогство Пруссію во владѣніе курфюршеской бранденбургской линіи; онъ не принялъ предложенія кардинала Ришелье приступить къ анти-габсбургскому союзу съ заманчивой надеждой получить Силезію и занять болѣе важную политическую позицію въ средней Европѣ. Но тутъ уже начиналось внутреннее безарядье, ослаблявшее государство извнѣ, дѣлавшее польскій престолъ предметомъ иностранныхъ интригъ, а католическая политика на востокѣ уже успѣла вызвать казацкое возстаніе, бывшее началомъ конца Польши съ этой стороны.

Вотъ какъ выпиралась постепенно Польша изъ своей западной позиціи. Этотъ очеркъ сдѣланъ былъ нами въ слѣдующихъ цѣляхъ: во-первыхъ, онъ можетъ познакомить читателя, конечно, въ самыхъ общихъ чертахъ, со взглядами Бобржинскаго на неблагоприятныя обстоятельства и политическія ошибки, которыя не дозволяли польскому государству обставить себя лучше на западѣ; во-вторыхъ, изъ этого очерка мы видимъ, что движеніе Польши на востокъ, бывшее для нея роковымъ, обуславливалось неудачами на западѣ, отъ чего бы эти неудачи ни происходили — отъ независимыхъ ли обстоятельствъ, или отъ собственныхъ ошибокъ, и усматриваемъ двойную связь между этой, какъ выражается Бобржинскій, „абдикаціей“ на западѣ и „миссіей“ на востокѣ, потому что именно западныя дѣла толкали Польшу на востокъ, а восточныя, въ свою очередь, отвлекали вниманіе отъ того, что происходило съ противоположной стороны; въ-третьихъ, во всей этой исторіи игралъ важную роль католицизмъ, который три раза заставлялъ Польшу дѣйствовать въ-разрѣзъ съ ея политико-національными интересами, поставивъ ее въ связь съ нѣмцами противъ славянъ, остававшихся язычниками, заставивъ ее отказаться отъ союза съ Чехіей въ гуситскую эпоху и отклонивъ Рѣчь-Посполитую отъ прямой ея задачи на западѣ во время тридцатилѣтней войны; но именно католическая же политика и создала польскому государству затрудненія на востокѣ. Въ общемъ, побѣды католицизма въ Польшѣ надъ начинавшимъ проникать въ нее славянскимъ богослуженіемъ въ началѣ исторіи польскаго народа, надъ чешскими гуситскими симпатіями въ первой половинѣ XV в. и надъ реформаціей во второй половинѣ XVI в. сопровождались вытѣсненіемъ Польши изъ ея западной позиціи, и тотъ же като-

лицизмъ, въ формѣ іезуитской реакціи, обусловивъ культурный застой общества, въ XVII и XVIII вѣкахъ, и даже опредѣливъ внутреннюю политику государства, составилъ содержаніе той „провиденціальной“ или просто „исторической мисси“ Рѣчи-Посполитой на востокъ, о которой говорятъ польскіе историки. Именно въ связи со взглядомъ на этотъ предметъ и интересно разсмотрѣть воззрѣнія Бобржинскаго относительно русско-польскихъ отношеній въ ранній періодъ, до начала вмѣшательства Россіи во внутреннія дѣла Рѣчи-Посполитой. Прежніе польскіе историки, въ общемъ, оправдывали движеніе польскаго государства на востокъ миссіей своего народа — распространять католицизмъ среди схизматическаго населенія, и дѣйствительно, вся польская исторія складывалась такъ, что и отступленіе Польши съ запада, и наступленіе ея на востокъ, стояло въ извѣстной связи съ ея католицизмомъ. Если Бобржинскій, хотя и не всегда особенно ясно, приводитъ въ связь политическія ошибки Польши въ XV и XVII вѣкахъ съ католической реакціей противъ гуситства и протестантизма, то и въ разсмотрѣніи русско-польскихъ дѣлъ мы въ правѣ ожидать отъ него иной точки зрѣнія, чѣмъ у большинства его предшественниковъ.

VI.

Констатируя какой-либо общій фактъ, историки могутъ, помимо ссылокъ на ряды производшихъ его причинъ, искать въ этомъ фактѣ общей идеи по его цѣли, по выражаемому имъ стремленію силъ, которыя его произвели. Общій фактъ въ прошломъ Польши — отступленіе ея съ запада на востокъ, и оно, объясняясь изъ массы внутреннихъ и внѣшнихъ причинъ, дѣйствовавшихъ въ одномъ направленіи, въ то же время могло оцѣниваться съ точки зрѣнія исторической мисси, которую при этомъ выполняла Польша, разъ въ роли польскаго государства въ русскихъ земляхъ можно было найти, такъ сказать, извѣстную идею. Эта идея была опредѣлена польской исторіографіей, какъ распространеніе западной цивилизаціи, причемъ послѣдняя понималась, большею частью, въ связи съ культурными и социальными началами католицизма. Таковъ, въ общихъ чертахъ, взглядъ Шуйскаго. Въ первомъ своемъ трудѣ, по общей исторіи Польши, заключая рассказъ о походѣ Болеслава на кievскую Русь, этотъ историкъ, напр., говоритъ: „Кіевъ достался Ярославу (Мудрому), но мысль распространенія цивилизаціи на востокъ осталась въ Польшѣ,

какъ традиція Болеславовскихъ временъ, а позднѣе перешла и въ жизнь" ¹⁾. Собственно говоря, тогдашняя Русь, долѣе вѣка находившаяся въ оживленныхъ сношеніяхъ съ Византіей, была, конечно, цивилизованнѣе тогдашней Польши, только-что вступившей въ сношенія съ культурнымъ Западомъ, но для католика-доктринера, какимъ является Шуйскій въ своихъ историческихъ работахъ, все дѣло не въ степени цивилизаціи, а въ ея типѣ; высшимъ же типомъ является для него католическая культура. Поэтому, напр., въ своей интересной книжкѣ, „Возрожденіе и реформація въ Польшѣ“, онъ игнорируетъ прогрессивныя стороны протестантизма XVI в., видя въ немъ возвращеніе къ языческимъ началамъ! Между тѣмъ въ Польшѣ XVI в. не одни протестанты требовали націонализаціи церкви съ богослуженіемъ на родномъ языкѣ, брака священниковъ и причащенія подъ обоими видами; здѣсь, разумѣется, историку трудно было усмотрѣть язычество, но онъ и въ этихъ требованіяхъ увидѣлъ регрессивныя явленія, говоря, что еслибы Польша все это осуществила, то отказалась бы отъ своей высокой цивилизаторской миссіи, совершивъ „ретрогрессию“ къ Руси, которая употребляла народный языкъ въ богослуженіи, имѣла женатое духовенство и причащалась подъ обоими видами, т.-е. Польша подчинилась бы тому, надъ чѣмъ призвана была господствовать, въ силу своей высшей цивилизаціи, и что должно было до нея поднять. У Бобржинскаго нѣтъ такого конфессіональнаго субъективизма, и я уже указывалъ на это, упоминая, напр., объ его отношеніи къ протестантизму. Мы увидимъ еще, что историкъ этотъ, не въ примѣръ большинству своихъ предшественниковъ, не игнорируетъ силы и вліянія русскаго элемента въ великомъ княжествѣ литовскомъ; стремленіе нѣкоторыхъ польскихъ ученыхъ и публицистовъ—скрыть преобладающее значеніе русскаго элемента въ исторіи Литвы и выставить исключительно польскій—совершенно чуждо Бобржинскому. Такимъ образомъ, въ двухъ существенныхъ пунктахъ, въ вѣроисповѣдномъ и національномъ, онъ отказывается отъ традицій польской исторіографіи въ разсмотрѣніи русско-польскихъ отношеній съ культурной точки зрѣнія. Но идея цивилизаторской миссіи Польши въ литовско-русскихъ земляхъ осталась въ основѣ воззрѣній Бобржинскаго, и такъ какъ въ этой миссіи онъ видѣлъ одну изъ историческихъ бѣдъ Польши, не давшихъ утвердиться въ государствѣ прочному порядку и заставлявшихъ народъ тратить свои силы безъ непосредственной для себя пользы, то въ

¹⁾ J. Szujski. „Dzieje Polski“. I, 667.

его представленіи миссія, о которой онъ говоритъ, получила характеръ нѣкотораго самопожертвованія со стороны польскаго народа.

Бобржинскій не отвергаетъ нѣкотораго вліянія „восточной цивилизаціи“ на первоначальную Польшу, вліянія, шедшаго черезъ Русь или черезъ Моравію и Чехію. Сосѣдняя съ Русью Хорватія и въ ней Краковъ долго сохраняли слѣды славянскаго богослуженія и византійскаго искусства, а въ борьбѣ Болеслава Смѣлаго съ польскимъ епископатомъ (во второй половинѣ XI в.), по словамъ Бобржинскаго, „тѣсныя отношенія къ Руси утвердили въ тогдашней Польшѣ понятіе о неограниченной автократіи монарховъ“, по отношенію къ церкви. Вообще Бобржинскій склоненъ въ раннюю эпоху допустить болѣе вліянія со стороны Руси на Польшу, чѣмъ обратное вліяніе, а это одно заставило бы его отказаться отъ взгляда Шуйскаго, по которому цивилизаторская миссія Польши на Руси относится къ традиціямъ изъ Болеславовскихъ временъ, еслибы нашему историку пришлось прямо высказаться по этому вопросу. Начало позднѣйшимъ русско-польскимъ отношеніямъ было положено присоединеніемъ къ Польшѣ галицкой Руси при Казимірѣ Великомъ, въ 1340 г.; это было именно начало политическаго движенія польскаго государства на востокъ, если даже и допустить, вмѣстѣ съ Бобржинскимъ, ранѣе возникшее движеніе колонизаціонное въ тѣхъ размѣрахъ, какіе ему придаетъ историкъ. Въ фактѣ присоединенія Червонной Руси онъ видитъ проявленіе „жизненной и культурной силы Польши“ того времени; государство „научилось крѣпко привязывать къ себѣ добытые края“, охраняя ихъ подъ своей опекой, но оставляя имъ свои законы и учрежденія. Въ томъ же XIV в. произошло соединеніе Польши и Литвы, еще шире открывавшее двери на востокъ передъ польскимъ вліяніемъ, но Бобржинскій не разъ отмѣчаетъ, что Литва была, въ сущности, русскимъ государствомъ. Со времени Гедимина,—говоритъ онъ,—„на русскихъ земляхъ опиралась сила литовскихъ князей, отсюда заимствовали политическія учрежденія, отсюда переносили къ себѣ обычаи, перенимали языкъ... Какъ сильно,—говоритъ онъ еще,—распространялось въ Литвѣ вліяніе Руси, доказательствомъ можетъ служить то, что Ольгердъ, желая жениться на русской княжнѣ, принялъ лично крещеніе отъ греческаго священника... Маленькая горсть литвиновъ,—прибавляетъ онъ,—завоевавши разстроенную въ политическомъ отношеніи, но обширную, болѣе населенную, болѣе богатую, относительно цивилизованную, Русь, могла навязать ей свое правленіе, но не была въ состояніи ее денационализиро-

вать, навязать ей свою языческую вѣру, свой языкъ и обычаи. Русская цивилизація побѣдила толпы литвиновъ. Ольгердовичи, имѣя на Руси свои владѣнія и княжества, приняли христіанство и обрусѣли (*zruszczyli się*), а языкъ и вліяніе русскихъ стали господствовать даже при велико-княжескомъ дворѣ Ягеллы. Соединеніе съ Польшей,—замѣчаетъ польскій историкъ,—принятіе римскаго обряда, представлялись поэтому собственно Литвѣ какъ средство спасенія отъ мстительнаго крестоноснаго ордена, а вмѣстѣ съ тѣмъ какъ освобожденіе отъ русскаго вліянія“. Бобржинскій забываетъ, однако, прибавить, что это „освобожденіе“ могло быть, въ сущности, только перемѣной русскаго вліянія на польское, и не ставитъ вопроса: что было выгиднѣе для „горсти литвиновъ“—оставаться ли въ культурной связи съ тѣми землями, которыя составляли большую и самую важную часть ихъ государства, или подчиниться культурѣ чужого государства, т.-е. сдѣлаться орудіемъ силы, враждебной тѣмъ самымъ землямъ, на которыхъ опиралось все могущество литовскихъ князей? Принятіе католицизма Литвой было не столько освобожденіемъ отъ русскаго вліянія, во всякомъ случаѣ—своего, домашняго, сколько подчиненіемъ вліянію чужому, иностранному. „Горсть литвиновъ“, быть можетъ, ни выигрывала, ни проигрывала; проиграло большинство населенія великаго княжества литовскаго, а выиграла Польша. Соединеніе было не съ „горстью литвиновъ“, а съ цѣлымъ русскимъ краемъ, который не могъ подчиниться польской культурѣ безъ борьбы, ослабившей самую Польшу. Послѣдняя теперь рѣшительнѣе бросается въ восточную политику, отчасти ради нея совершаетъ рядъ „абдизацій“ на западѣ, и польское государство не пользуется усиленіемъ своимъ отъ соединенія съ Литвой и Русью для болѣе энергичной западной политики, а видитъ въ немъ средство для агрессіи на востокъ; эта агрессія получила характеръ католическій, вслѣдствіе развитія въ самой Польшѣ „можновладства“, „шляхетской вольности“, опасной для народныхъ массъ, за которыми начинало возвышаться единоплеменное и единовѣрное московское государство.

Какъ же освѣщаетъ эти факты польскій историкъ? Для него важно то, что соединеніе Литвы съ Польшею дѣлало для послѣдней возможнымъ „исполненіе великой миссіи, на которую ей указалъ уже Казиміръ Великій,—цивилизація востока“. Но самъ же Бобржинскій указываетъ на то, въ какомъ смыслѣ нужно понимать эту цивилизацію; онъ отмѣчаетъ, во-первыхъ, что время соединенія было эпохой, когда „польское правительство, по прин-

ципу монархическое, фактически дѣлалось аристократическимъ“, причемъ „паны“ являются одержимыми „лихорадкой наживы“, и что дѣло тѣснѣйшей уніи съ Литвой, во-вторыхъ, попало въ руки той самой католической іерархіи, которая разстроила союзъ Польши съ гуситскимъ движеніемъ въ Чехіи, помышляя въ то же время о дополненіи польско-литовской политической уніи унією религіозною и ослабленіи русскаго элемента въ Литвѣ. „Весьма трудная задача, — говоритъ Бобржинскій, — ожидала Витовта съ русскимъ элементомъ, который составлялъ преобладающую часть его подданныхъ и принадлежалъ къ восточной, но христіанской церкви (выше рѣчь шла объ обращеніи Жмуди), который имѣлъ свою старую цивилизацію, который еще недавно шелъ впереди на Литвѣ, и столицу государства, Вильну, считалъ за одинъ изъ своихъ главныхъ центровъ“. Притѣснять русскихъ, — продолжаетъ онъ, — Витовтъ и не смѣлъ, и не могъ, но, „открывая на Литву доступъ польскому вліянію, католической церкви и западной цивилизаціи, онъ умѣлъ безъ насилія управляться съ русскимъ элементомъ, преобладавшимъ и недавно еще господствовавшимъ въ его государствѣ. Къ сожалѣнію, — заключаетъ Бобржинскій, — поляки не сумѣли идти по его стопамъ“. Я отмѣчаю здѣсь у новаго польскаго историка двѣ вещи: постоянное признание русской силы въ Литвѣ и порицаніе послѣдующей польской политики по отношенію къ русскимъ; но напрасно Бобржинскій не выдвигаетъ на первый планъ то соображеніе, что и безъ насилія съ своей стороны польское вліяніе встрѣчало бы упорное сопротивленіе со стороны русскаго элемента, и что передъ усиливающимся натискомъ полонизма русскій элементъ долженъ былъ искать спасенія у Москвы. Говоря о состояніи Польши въ концѣ XV в., Бобржинскій обращаетъ вниманіе на силу русской стихіи въ Литвѣ того времени: „литовскій элементъ, — отмѣчаетъ онъ, — несмотря на принатіе католицизма, отступаетъ на второй планъ передъ русскимъ (w obec ruszczyzny), который господствуетъ даже въ управленіи и при великокняжескомъ дворѣ въ языкѣ и письменности, и ищетъ для себя центра тяжести въ Вильнѣ“; но, указывая на то, что только на югѣ Руси (въ Галичинѣ, на Подолѣ и, до извѣстной степени, въ Волыни) полонизація верховъ общества сдѣлала больше успѣховъ, онъ обращаетъ вниманіе только на тяготѣніе мѣстной шляхты къ католицизму и польцизнѣ, упуская изъ виду обостреніе соціальной розни между шляхтою и хлопами, въ силу культурнаго раскола въ населеніи, образовавшагося вслѣдствіе окатоличенія и ополченія верховъ общества. Сравнительно съ своими предшественниками,

Бобржинскій смотритъ на всѣ эти отношенія болѣе согласно съ действительными историческими фактами, но кое-гдѣ онъ не договариваетъ того, что нужно было бы сказать, а потому его взгляды, довольно вѣрные въ общемъ, нуждаются въ значительномъ пополненіи. Это — прогрессъ сравнительно съ постановкой тѣхъ же вопросовъ у прежнихъ польскихъ историковъ (даже у Шуйскаго), но кое-гдѣ и у Бобржинскаго мы встрѣчаемъ не совсемъ вѣрные взгляды.

Къ числу послѣднихъ относится одно его соображеніе слѣдующаго содержанія. И онъ говоритъ о стремленіи литовской Руси на востокъ, но не въ смыслъ тяготѣнія къ другому культурно-политическому центру, а въ смыслъ цивилизаціоннаго похода. „Пораженіе Витовта на Ворсклѣ въ 1422 г.,—говоритъ Бобржинскій,—воспрепятствовало стремленію Польши и литовской Руси достигнуть на востокъ естественныхъ границъ своихъ, коими были Черное море и великія степи, разграничивающія Европу съ Азіей“. Но литовская Русь могла бы помогать Польшѣ въ исполненіи ея „миссіи“ только въ томъ случаѣ, еслибы сама сдѣлалась совершенно польскою, и еслибы съ востока на западъ не началось другое движеніе, у котораго была своя, болѣе реальная, миссія, именно по отношенію къ литовской Руси. Бобржинскій понимаетъ хорошо, что польское движеніе (а не польское и литовско-русское, какъ онъ говоритъ), съ одной стороны, и московское, съ другой, должны были столкнуться, и что это роковое для Рѣчи-Посполитой столкновение было неизбежно. Рассказавъ вкратцѣ о возвышеніи Москвы, онъ продолжаетъ: „такимъ образомъ, одна противъ другой стали двѣ грозныя силы, которыя стремились къ одной цѣли,—къ соединенію Руси,—но съ различными тенденціями... Между двумя такими діаметрально противоположными направленіями дѣло должно было дойти до вѣковой борьбы, которую могло разрѣшить только полное паденіе (*stanowcze rokopanie i złamanie*) той или другой стороны“. Здѣсь вопросъ поставленъ прямо, а потому и кажется страннымъ разсужденіе Бобржинскаго о препятствіи, созданномъ пораженіемъ при Ворсклѣ движенію Польши и литовской Руси на востокъ, причемъ послѣдняя какъ будто должна была играть роль авангарда первой, при исполненіи ея „миссіи“. Само дальѣйшее движеніе на востокъ, разумѣется, только усиливало бы въ великомъ княжествѣ литовскомъ русскій элементъ, ту „рущизну“, на преобладаніе которой жаловались польскіе политики, и самъ Бобржинскій находить, что именно этотъ своего рода *Drang nach Osten* ослаблялъ Польшу; она тратила тамъ безъ корысти

для себя свои силы. Но это не все еще: если Польша себя ослабляла исполненіемъ своей „культурной мисси“, то миссиа эта должна была встрѣтить отпоръ, пассивное и даже активное сопротивленіе со стороны населенія, не желавшаго утратить своей народности и привести польское государство въ столкновеніе съ Москвой. Это обстоятельство мало выяснено въ книгѣ Бобржинскаго: онъ ставитъ вопросъ, что было бы, еслибы изъ Польши на Русь не уходили люди, капиталы, рабочія руки, но мало обращаетъ вниманія на то, что уже было на самомъ дѣлѣ. Сначала, дѣйствительно, борьба могла имѣть видъ соперничества между двумя центрами, Москвой и Вильной, которыя начали въ XIV в. собираніе русской земли, но въ XVI в., съ успѣхами колонизма въ великомъ княжествѣ литовскомъ, московско-литовскій споръ двухъ политическихъ центровъ одного народа превращается въ споръ русско-польскій—двухъ, такъ сказать, національныхъ идей.

Самъ Бобржинскій замѣчаетъ эту переимѣну, но приписываетъ ее неумѣлой политикѣ Сигизмунда I, который, вмѣсто того, чтобы опираться въ Литвѣ на русскій элементъ, дѣйствовалъ за-одно съ католическими и ополячившимися литвинами. На нашъ взглядъ, такая политика вытекала изъ самаго характера польско-литовскаго соединенія: чтобы удержать въ соединеніи съ собою великое княжество литовское, Польша не могла иначе поступить, какъ поддерживая въ Литвѣ родственные элементы, и если начиналась колонизація литовско-русскихъ пановъ, то какимъ образомъ самъ Сигизмундъ I, католическій великій князь литовскій изъ польской націи, могъ опираться на „рущизну“?

Вообще Бобржинскій любитъ выдвигать на первый планъ соображенія о томъ, что было бы, какъ скоро рѣчь заходить о русско-польскихъ отношеніяхъ. Такъ онъ поступаетъ и въ вопросѣ о церковной уніи конца XVI в., стоявшей въ связи съ тѣмъ возвращеніемъ къ католицизму при помощи отцовъ общества Іисуса, которое характеризуетъ польскую націю въ ту эпоху. Унію, въ томъ видѣ, какъ она была проведена, онъ считаетъ положительно политическою ошибкою: уніа принесла бы, говоритъ онъ,—пользу, еслибы правительство было сильнѣе, еслибы католическій епископатъ не обходился такъ дурно съ уніатскимъ, еслибы для польскихъ колонистовъ настроили побольше костеловъ, чтобы католики не ходили въ уніатскія церкви и черезъ это не руссифицировались. Такія соображенія блѣднѣютъ, однако, передъ дѣйствительными фактами, на которыхъ слѣдовало бы сосредоточить все вниманіе. „Не всѣ русскіе, —говоритъ Бобржинскій,—приняли

унію; значительная часть ихъ осталась въ прежней церкви, преимущественно, казаки а эти русскіе увидѣли теперь свой центр тяжести въ Москвѣ, къ которой, сверхъ того, толкали ихъ все учащавшіяся, но безцѣльныя, по своей спорадичности (?), притѣсненія... Горько, — прибавляетъ онъ, — высказать тутъ всю правду. Въ церковной сферѣ шляхетская гордость и исключительность принесли самые дурные плоды“. Однако и тутъ къ „горькой правдѣ“ у польскаго историка примѣшивается такое опять соображеніе: „русская шляхта, — замѣчаетъ онъ, — не устояла передъ искушеніемъ принять римскій обрядъ, упрочивавшій ея политическое вліяніе и положеніе, но не думала о томъ, чтобы за собою потянуть и своихъ подданныхъ“; а потому онъ ставитъ вопросъ: не больше ли сдѣлалъ бы для церкви и „польскости“ католицизмъ безъ уніи? Неудача уніи авторомъ сваливается на іезуитовъ, а по поводу попытки утвердить католицизмъ и въ самой Москвѣ онъ говоритъ такъ: „не эта дсрога вела Польшу къ цивилизации и ассимиляціи Москвы, но предпріятіе, которымъ руководило пылкое воображеніе іезуитовъ, и не могло принять другой оборотъ“, — хотя онъ и не объясняетъ, какимъ же образомъ могла бы произойти эта ассимиляція, если не брать въ расчетъ нѣсколькихъ строкъ объ открывавшейся передъ династіей Вазы перспективѣ занять и московскій престолъ. Въ этихъ строкахъ опять — соображеніе о томъ, что, по представленію историка, могло бы случиться: это открыло бы дорогу западной цивилизаціи на обширный сѣверъ, сблизило бы и даже соединило бы два родственныхъ народа въ одно государство; но „неполитичная“ пропаганда католицизма испортила дѣло, и Сигизмундъ III упустилъ минуту, „которая несомнѣнно рѣшала судьбу Москвы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Польши“. Однако, думаемъ мы, пропаганда католицизма въ литовской Руси, въ принципѣ одобряемая авторомъ, послѣдовательно приводила къ стремленію водворить католицизмъ и въ Руси московской, а Ягеллоновская унія съ Чехіей, окончившаяся неудачей, должна была бы привести къ мысли, что унія съ Москвою имѣла еще менѣе шансовъ на успѣхъ. Притомъ изъ-за династическаго соединенія съ Чехіей Польша осталась безъ Силезіи, а унія съ Москвою, все равно, грозила бы Польшѣ утратой русскихъ земель; еще когда шла рѣчь о кандидатурѣ Ивана Грознаго на польскій престолъ, московскій царь, въ видѣ условія съ своей стороны, ставилъ возвращеніе части Руси. Оставляя область предположеній, связанныхъ у Бобжинскаго всегда съ указаніями на польскія политическія ошибки, которыя въ большинствѣ случаевъ вытекали изъ самой сути дѣла, и, переходя въ

область фактовъ, подлежащихъ оцѣнкѣ не съ точки зрѣнія одной ихъ политичности или неполитичности, нашъ историкъ старается не скрывать „горькой правды“: „плантаторское“, какъ онъ выражается, хозяйничанье пановъ надъ хлопами въ русскихъ земляхъ заставляло угнетаемыхъ бѣжать къ казакамъ, а если бѣглецы были католики, то принимать и русскую вѣру. Начались казацкія войны, которыя польскими историками, — какъ говоритъ самъ Бобржинскій, — съ большою охотою были бы обойдены молчаніемъ; а войны эти, вызванныя іезуитскою политикою и „плантаторскимъ“ хозяйничаньемъ, только оживили въ Рѣчи-Посполитой и восточную церковь, и русскій элементъ. И здѣсь, впрочемъ, разныя соображенія гадательнаго свойства опять отодвигаютъ на задній планъ дѣйствительные факты, которыхъ самъ авторъ не скрываетъ. Бобржинскій перечисляетъ ошибки официальной польской политики въ казацкомъ дѣлѣ; положимъ, что болѣе мудрая и твердая политика правительства собственно по отношенію къ казакамъ, сдѣлала бы невозможными войны съ ними, но развѣ не важнѣе тотъ общій фактъ, что, по отношенію къ остальному русскому населенію Рѣчи-Посполитой, цивилизаціонная миссія Польши, по признанію самого историка, свелась къ „плантаторскимъ“ отношеніямъ между ополоченнымъ паномъ и русскимъ хлопомъ и къ религіознымъ притѣсненіямъ „дизунитовъ“? По самому существу своему, эта миссія государства, подавившаго „акаатолическія“ движенія въ своей господствующей цивилизаціи, по крайней мѣрѣ, въ религіозной сферѣ, не могла быть иной, когда, въ концѣ XVI в., къ двумъ центрамъ общеевропейской католической реакціи — Мадриду Филиппа II и Вѣнѣ Рудольфа II — присоединился третій, т. е. Варшава Сигизмунда III. При такомъ характерѣ польскаго господства въ русскихъ земляхъ, отпаденіе ихъ отъ Рѣчи-Посполитой было вопросомъ времени, пала ли бы сама Польша, или съумѣла бы устоять въ своихъ этнографическихъ предѣлахъ, выходъ изъ которыхъ, по мнѣнію самого Бобржинскаго, былъ для нея невыгоденъ. Такимъ образомъ, въ то самое время, когда Рѣчь-Посполитая на западѣ своими руками помогала Австріи и Пруссіи занять болѣе прочную позицію, а внутри государства начинало царствовать безнарядье, на востокѣ казацкія войны готовятъ событія, программа которыхъ была предначертана успѣхами Алексѣя Михайловича, позволявшими ему думать, что за нимъ навсегда останутся Малороссія и Бѣлороссія, Волинь, Подолія и Литва.

Въ разсмотрѣнныхъ здѣсь взглядахъ Бобржинскаго на русско-польскія отношенія особеннаго вниманія заслуживаетъ, во-первыхъ, то, что польскій историкъ не стремится, подобно прежнимъ

писателямъ, умалить значеніе русскаго элемента въ Литвѣ, и, вторыхъ, то, что онъ, напирая, главнымъ образомъ, правда, на польскія ошибки въ русскихъ земляхъ, не старается скрывать отъ своихъ соотечественниковъ еще болѣе горькой правды, не въ примѣръ прежнимъ писателямъ, которые охотно замалчивали многіе факты. Это тоже одинъ изъ результатовъ общаго поворота польской національной историографіи отъ старыхъ традицій. То же самое мы имѣемъ право сказать и о части ениги, посвященной эпохѣ русскаго вліянія на польскія дѣла вплоть до паденія Рѣчи-Посполитой.

VII.

Извѣстно, что для Рѣчи-Посполитой XVIII-ый вѣкъ былъ эпохой постоянного иностраннаго вмѣшательства во внутреннія дѣла государства; это былъ одинъ изъ результатовъ политическаго безнарядья, а преслѣдованія диссидентовъ давали только лишній поводъ для такого вмѣшательства. Въ самыхъ мрачныхъ краскахъ изображаетъ Бобржинскій это время. Цѣлая глава второго тома, охватывающая полстолѣтія, отъ выступленія Петра Великаго въ роли примирителя между Августомъ II и шляхтой до перваго „разбора“ Польши, озаглавлена у Бобржинскаго: „Преобладаніе Россіи“ (1717—1773), а за нею послѣдняя глава — „Возрожденіе въ паденіи“. На этихъ двухъ главахъ, трактующихъ о новомъ фазисѣ польско-русскихъ отношеній, я и остановлю вниманіе читателя, имѣя въ виду именно взгляды автора на эти отношенія. Изображая состояніе упадка, въ какомъ находилась Рѣчь-Посполитая, Бобржинскій говоритъ, между прочимъ, что въ планы русской политики входило завладѣть всею Польшею. „Пока Россія думала, что она одна будетъ въ состояніи включить въ свой составъ всю Польшу, то, полагаясь уже на свое преобладаніе, ожидала только удобнаго момента, чтобы не оглядываясь на Пруссію и Австрію и не допустить ихъ до участія въ раздѣлѣ. Пруссія и Австрія стояли, однако, на стражѣ своихъ интересовъ, готовые помѣшать занятію всей Польши Россіею и сильнаго, вслѣдствіе этого, увеличенія послѣдней. Такъ, до поры, до времени, оправдывался на самомъ дѣлѣ девизъ тогдашней польской шляхты, что Польша держится своимъ безнарядьемъ“. Изъ двухъ, единственно возможныхъ для тогдашней Рѣчи-Посполитой, перспективъ — раздѣла между сосѣдями и подчиненія Россіи — историкъ отдастъ предпочтеніе второй; поэтому онъ считаетъ большою ошибкой Чарторыйскихъ, что они отвернулись отъ Россіи,

которая имъ же помогала въ реформѣ государства, и пошла противъ нея. Императрица Екатерина II, — говоритъ нашъ историкъ, — „очевидно, боясь, что безграничная анархія заохотитъ Австрію и, въ особенности, Пруссію протянуть руку къ легкой добычѣ, стремилась сохранить Польшу для Россіи цѣлой и нераздѣльной, и съ этою цѣлью помогла усмирению черезъ-чуръ грозныхъ проявленій анархіи. Дѣятельное и на видъ безкорыстное вмѣшательство въ польскія дѣла отдавало ей и такъ верховенство надъ Рѣчью-Посполитой, безъ всякаго окупа сосѣдямъ. Россія хорошо знала, что польское правительство, установленное при ея помощи, не будетъ въ состояніи долгое время обойтись безъ поддержки, что оно либо сдѣлается совершеннымъ ея орудіемъ, либо, выступивъ противъ нея, падетъ“. Но, — продолжаетъ Бобржинскій, — „едва немного укрѣпивъ правительство, задумали Чарторыйскіе немедленно выступить противъ Россіи и начать самостоятельную заграничную политику“, надѣясь подкупить въ свою пользу весь народъ въ роли защитниковъ дорогихъ ему религіозныхъ убѣжденій; они и выступили противъ Россіи въ диссидентскомъ вопросѣ. Начались новыя смуты, и Фридрихъ II выступилъ со своимъ планомъ дѣлеж. „Это былъ планъ, — говоритъ Бобржинскій, — задуманный одинаково какъ противъ Польши, такъ и противъ Россіи, ибо Россія, уже и такъ имѣя всю Польшу подъ своимъ верховенствомъ и вліяніемъ, должна была видѣть въ каждомъ уменьшеніи ея пространства уменьшеніе сферы своей дѣятельности и вліянія. Не иначе понимала это и Екатерина, и потому... рѣшительно этому воспротивилась“, а своему послу въ Варшавѣ „рекомендовала употребить всѣ средства для успокоенія Польши и уничтоженія предлога къ раздѣлу“. Къ несчастью, прибавляетъ Бобржинскій, сдѣлать это не удалось: „никто въ Польшѣ, — говоритъ онъ, — не допускалъ такой грозной опасности; все находилось подъ вліяніемъ вражды къ Россіи, и даже король съ Чарторыйскими не смѣли высказываться за Россію“. Только боязнь, что въ Польшѣ очутятся Пруссія и Австрія, и раздраженіе противъ поляковъ и ихъ „неблагодарнаго“ короля — склонили Екатерину къ раздѣлу Рѣчи-Посполитой, но, говоритъ Бобржинскій, наименѣе пользы принесъ онъ Россіи. Почему же онъ такъ думаетъ? Онъ принимаетъ въ расчетъ только малонаселенность территоріи, взятой Россією, забывая составъ населенія. „То, — говоритъ Бобржинскій, — что она получила, было для нея ничѣмъ, а между тѣмъ стѣснило ея политику по отношенію къ Австріи и Пруссіи. Вину раздѣла въ Польшѣ приписали не Пруссіи, а ей, подъ вліяніемъ ли раздраженія, вызваннаго недавнимъ непо-

средственнымъ насиліемъ и борьбой, или подъ вліяніемъ чувства, что Россія, господствуя въ Польшѣ и взявши ее подъ свою опеку, тѣмъ не менѣе допустила отдачу польскихъ владѣній германизациі. Россія чувствовала, что ей слѣдовало завладѣть всей Польшей, но не удержала этого своего положенія и приняла, въ концѣ концовъ, раздѣлъ, навязанный ей Пруссіею“.

Таковъ взглядъ Бобржинскаго на происхожденіе перваго раздѣла Польши и на роль Россіи въ этомъ дѣлѣ. Говоря объ историческихъ трудахъ по этой эпохѣ въ польской литературѣ, онъ замѣчаетъ, что именно въ этой области наиболѣе ощутителенъ переворотъ, происшедшій въ польской историографіи послѣ Лелевеля. Бобржинскій снимаетъ всю отвѣтственность съ Россіи и даже утверждаетъ, что спасеніемъ для Польши былъ именно союзъ съ Россіей, но у него совершенно не выясненъ вопросъ, могла ли бы Польша—еслибы удержалась—сохранить за собою свои восточныя границы, и не должна ли бы была Россія, хлопоча, если ужъ на то пошло, о недопущеніи раздѣла съ Австріей и Пруссіей, въ то же время стремиться въ болѣе тѣсному присоединенію русскихъ земель Рѣчи-Посполитой, нежели тотъ „союзъ“, который фактически существовалъ съ Польшею въ видѣ преобладанія петербургскаго кабинета въ Варшавѣ.

„Выдавъ,—говоритъ Бобржинскій,—изъ польскихъ провинцій, такой большой окупъ Пруссіи и Австріи, Россія сохранила себѣ полное верховенство надъ оставшеюся Рѣчью-Посполитою и продиктовала ей такую форму правительства, которая лучше всего могла служить этой цѣли“, т.-е. преобладанію Россіи въ Польшѣ. Rada nieustająca была организована русскимъ правительствомъ такъ, чтобы всегда господствовать надъ этимъ польскимъ правительствомъ, и въ то же время Россія должна была „приложить стараніе, чтобы охранить край отъ анархіи и дальнѣйшихъ раздѣловъ“. Выше я привелъ мнѣніе Бобржинскаго объ этомъ учрежденіи, какъ о „настоящей исполнительной власти“, какъ о „правительствѣ“, въ которомъ такъ давно нуждалась Польша“. Общее отношеніе Бобржинскаго къ этому созданному Россіей учрежденію—сочувственное, и что Россія поддерживала заведенный ею порядокъ вещей противъ анархическихъ элементовъ въ аристократіи, равнымъ образомъ, отмѣчено у него съ сочувствіемъ. Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ,—говоритъ нашъ историкъ,—у „Польши для выбора было три дороги: или союзъ съ Россіей, или союзъ съ Пруссіей, или же совершенный нейтралитетъ по отношенію къ обѣимъ державамъ... Выгоднѣе,—продолжаетъ онъ,—представлялся русско-польскій союзъ, ибо у одной Россіи былъ жизнен-

ный въ томъ интересъ, чтобы не допускать увеличенія Пруссіи и Австріи на счетъ Польши. Союзъ этотъ, соединенный, очевидно, съ полнымъ отказомъ со стороны Польши отъ самостоятельной вѣдѣнной политики, укрѣплялъ зависимость Рѣчи-Посполитой отъ Россіи, но обезпечивалъ ея границы и облегчалъ спокойную внутреннюю реформу"; усиленію же зависимой Польши Россія не могла сопротивляться. Но Польша пошла противъ Россіи; явилась „патріотическая“ партія, видѣвшая въ *radzie nieustającej* только русское орудіе, и „тѣ,—прибавляетъ Бобржинскій,—которые не хотѣли сомнительной русской гарантіи, бросились въ объятія прусской политики, прямо стремившейся ко второму разбору Рѣчи-Посполитой“. *Rada nieustająca* перестала существовать по милости „патріотовъ“ и сторонниковъ прежняго безнарядья и „золотой вольности“. Тогда Екатерина предоставила Польшу своей судьбѣ и коварной, по отношенію къ Рѣчи-Посполитой, прусской политикѣ. „Не хотѣла и не пробовала Польша,—говоритъ Бобржинскій,—постепенной и спокойной реформы, купленной цѣною подчиненія Россіи, произвела она реформу рѣшительную (дѣло идетъ о конституціи 3-го мая 1791 г.), направила ее прямо противъ преобладанія Россіи; а силъ своихъ не измѣрила“; Россіи же помогла въ восстановленіи стараго порядка, какъ извѣстно, торговицкая конфедерація. Произошелъ второй раздѣлъ, и въ оставшейся нераздѣленной части Рѣчи-Посполитой восстановлена была *gada nieustająca*. Дальнѣйшіе факты извѣстны; послѣдовалъ третій „разборъ“, бывшій *finis Poloniae*. Ближайшей причиной этого финала Рѣчи-Посполитой Бобржинскій считаетъ недостатокъ политическаго смысла, а роль Россіи представляетъ вынужденною поведеніемъ самихъ поляковъ, какъ тѣхъ, которые выступили противъ политики Екатерины II, такъ и тѣхъ, которые сами призывали русскую императрицу къ вмѣшательству въ польскія дѣла.

Бобржинскій, какъ мы видѣли, любитъ дѣлать предположенія на тѣму, что было бы, еслибы польская политика принимала иное направленіе. Общій его взглядъ такой, что еслибы Польша поддерживала союзъ съ Россіей, то послѣдняя не допустила бы до раздѣла ея территоріи. „Усиленію зависимой Польши,—говоритъ нашъ историкъ,—она не могла противиться, ибо такимъ способомъ (т.-е. укрѣпленіемъ Рѣчи-Посполитой) приобрѣтала себѣ стража со стороны запада въ моментъ, когда напрягала всѣ силы для рѣшенія великаго восточнаго вопроса“. Допустимъ, что союзъ этотъ не расторгся бы, и Польша, настоящая этнографическая Польша, не была бы раздѣлена тогда между Австріей и Пруссіей;

но возможно ли было бы, чтобы Россія не воспользовалась тогда же или нѣсколько поздѣе, быть можетъ, случаемъ, чтобы рѣшить вѣковой споръ о Руси и Литвѣ. Польша ихъ добровольно не отдала бы, и чтобы ихъ получить, Россіи, дѣйствительно, оставалось бы включить въ свой составъ всю Польшу, что вызвало бы сопротивленіе и со стороны самихъ поляковъ, а также Австріи и Пруссіи, или же сдѣлать то, что и произошло на самомъ дѣлѣ. Это былъ роковой вопросъ, и самъ Бобржинскій отмѣтилъ его роковое значеніе, говоря еще о первомъ возвышеніи Москвы. Польшу погубило ея безнарядье, но къ гибели вело ее и то, что независимыя обстоятельства и политическія ошибки произвели отступленіе Польши съ запада, гдѣ славянскія земли, ей когда-то принадлежавшія или наиболѣе для нея сподручныя, достались Габсбургской и Гогенцоллернской династіямъ, и наступленіе ея на востокъ, гдѣ ея миссія встрѣтилась съ миссіей другого государства, имѣвшаго болѣе шансовъ на успѣхъ. Бобржинскій не разбираетъ этого вопроса, но, быть можетъ, его взглядъ на то, что Польша могла бы сохранить свою цѣлость только въ союзѣ съ Россіей, относится къ числу наиболѣе вѣрныхъ его соображеній, хотя едва-ли это могла быть цѣлость въ границахъ 1772 года, чтобы не сказать болѣе рѣшительно о томъ, какой долженъ былъ быть исходъ рокового спора за литовскую Русь.

Въ польской національной исторіографіи *Dzieje Polski w zagysie* Бобржинскаго представляютъ изъ себя то, что нѣмцы называютъ *ein erschermachendes Werk*. Вліяніе ея сказалось и на компендіумѣ польской исторіи старшаго представителя національной исторіографіи въ Польшѣ, Шуйскаго. Есть пункты, въ которыхъ Шуйскій и Бобржинскій расходятся, но къ труду второго вполне можно приложить слова, написанныя вторымъ въ концѣ Двѣнадцати книгъ польской исторіи. Вотъ эти слова: „За эпохой, въ которую апологія была главнымъ знаменемъ польской исторіографіи, наступаетъ другая, когда среди серьезныхъ работъ, среди все болѣе и болѣе растущаго историческаго матеріала, рушатся прежнія апологетическія системы, а прошлое должно выступить въ свѣтѣ сравнительнаго метода и общихъ законовъ, познаваемыхъ изъ историческаго опыта. Въ новомъ этомъ направленіи могутъ быть увлеченія и односторонность, появляющіяся время отъ времени; оно, однако, имѣетъ будущее и непоколебимое право на существованіе, ибо стремится дать обществу объективную истину. Направленіе это положило конецъ не-

счастному и столь долговременному заблужденію—защитѣ и апо-
теозѣ анархичной Польши“.

Отъ незнанія собственной исторіи или ложнаго о ней пред-
ставленія всякое общество только страдаетъ, и новыя польскіе исто-
рики много сдѣлали за послѣднія двадцать-пять лѣтъ не только для
универсальной „науки для науки“, но и для національнаго само-
сознанія своихъ соотечественниковъ. И Шуйскій, и Бобржинскій,
своими трудами придаютъ значеніе поученія. Особенно напирать
на это Бобржинскій, хотя и оговаривается, что само по себѣ
еще изученіе исторіи неспособно создать положительной про-
граммы для будущаго. „Обращаясь со всѣмъ рвеніемъ къ исто-
рическимъ изслѣдованіямъ, не будемъ требовать отъ нашей исто-
ріи болѣе того, что она можетъ намъ дать, не будемъ искать
въ ней всей программы нашей теперешней дѣятельности и работы,
приспособимъ новую программу къ новымъ, измѣнившимся обстоя-
тельствамъ“. Эти слова Бобржинскаго мы читаемъ въ самомъ
концѣ его книги, и надо надѣяться, что эта книга будетъ спо-
собствовать политическому воспитанію польскаго общества, въ
которомъ оно такъ нуждается, и польская историографія за послѣд-
нія двадцать-пять лѣтъ сослужить хорошую службу передъ своимъ
обществомъ, поставивъ своимъ девизомъ — объективную исто-
рическую истину и критическое отношеніе къ прошлому Рѣчи-
Посполитой. Этотъ переворотъ въ польской національной исто-
риографіи не долженъ оставаться незамѣченнымъ у насъ.

Н. Каръевъ.

МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

VI.—На лонъ природы и сельско-хозяйственныхъ ухищреній *).

1.—Хозяйственный мужичокъ.

Извѣстно ли читателю, какъ поступаетъ хозяйственный мужикъ, чтобъ обезпечить сытость для себя и своего семейства?—О! это цѣлая наука. Тутъ и хитрость амія, и изворотливость дипломата, и тщательное знакомство съ окружающею средою, ея обычаями и преданіями, и, наконецъ, глубокое знаніе человеческого сердца.

Прежде всего, онъ начинаетъ съ самого себя, съ своей семьи, съ работника или работницы, ежели у него есть, съ людей, со-зываемыхъ на помочи, и т. д. И главная забота его заключается въ томъ, чтобъ этотъ рабочій улей какъ можно умѣреннѣе потреблялъ ѣды и, въ то же время, былъ достаточно сытъ, чтобы устоять въ непрерывной работѣ. Первый предметъ, представляющійся его вниманію—хлѣбъ. Онъ не подаетъ на столъ мягкаго хлѣба, а непремѣнно черствый — почему? — потому что черствый хлѣбъ спорѣе; мягкаго хлѣба вдвое съѣшь. Затѣмъ, онъ круглый годъ лѣзетъ въ кашу не коровье масло, а конопляное, хотя первое можно найти дома, а второе нужно кушать, и оно обойдется почти не дешевле коровьяго — почему? — потому что налей мужику коровьяго масла, онъ вдвое каши съѣстъ. Свѣжую убойну онъ употребляетъ только по самымъ большимъ праздникамъ, потому что она дорога, да въ деревнѣ ея, пожалуй, и не найдешь, но главное, потому что тутъ ужъ ему не сладить съ расчетомъ: —

*) См. выше, ноябрь, 229 стр.

каково бы ни было качество убоины, мужикъ набрасывается на нее и наѣдается ею до пресыщенія. Одно средство—за рѣдкими исключеніями, совсѣмъ изгнать ее изъ насыщающаго обихода.

Не менѣе мудро поступаетъ онъ и съ гостями во время пированій, которыя приходятся на большіе праздники, какъ Рождество, Пасха или престольные, и на такіа семейныя торжества, какъ свадьба, крестины, именины хозяйки и хозяина. Онъ прямо подноситъ приходящему гостю большой стаканъ водки, чтобы онъ сразу захмелѣлъ.

— Какъ поднесу я ему стаканъ,—говоритъ онъ:—его сразу ошеломить; ни пить, ни ѣсть потомъ не захочется. А коли будетъ онъ съ самаго начала по рюмочкамъ пить, такъ онъ одинъ всю водку сожретъ, да и ѣды на него не напасешься.

Скотину онъ тоже закармливаетъ съ осени. Осенью она и сѣна съ сырцой поѣсть, да и тѣло скорѣе нагуляетъ. Какъ нагуляетъ тѣло, она ужъ зимой немного корму запроситъ, а къ веснѣ, когда у всѣхъ кормы къ концу подойдутъ, подкинешь ей соломенной рѣзки—и на томъ Богъ проститъ. Все-таки она до новой травы выдержать, съ цѣлыми ногами въ поле выйдетъ.

Таковы характеристическія черты крестьянскаго хозяйственнаго быта, тѣ черты, которыми опредѣляется дальнѣйшее его жизнестроительство. Голова скромнаго хозяйственнаго мужичка не знаетъ отдыха; съ утра до вечера она занята всевозможными устройтельными подробностями. Много лежитъ на немъ обязанностей: прежде всего нужно, конечно, опредѣлить крайній минимумъ, чтобы прокормить себя и семью; потомъ—подумать объ уплатѣ денежныхъ сборовъ и отыскать средства для выполненія этой обузы; наконецъ, ежели окажутся лишки, то пометчать и о такъ-называемой „полной чашѣ“. Но расчеты его черезъ-чуръ часто нарушаются. Безпрестанно встрѣчаются экстренные расходы: то свадьба въ домѣ, то крестины—все это составляетъ предметъ мучительныхъ заботъ. Мужику все нужно; но главнѣе всего нужна предусмотрительность, умѣнье заблаговременно приготовиться и запастись, способность изнураться, не жалѣть личнаго труда, лишь бы какъ можно меньше истратить денегъ.

Деньги—это кровная язва крестьянскаго быта. Дома крестьянинъ очень мало въ нихъ нуждается—только на соль, да вино, да на праздничную убоину. Отъ времени до времени требуется сшить дѣвушкѣ-невѣстѣ ситцевый сарафанъ, купить платокъ, готовый шугайчикъ; по возвращеніи изъ поѣздки въ городъ, хочется побаловать ребятъ калачомъ или баранками. Въ кои-то вѣки онъ купитъ праздничный армякъ синяго сукна для себя и недорогой

матеріи на сарафанъ для жены. Вотъ и вся его домашняя денежная трата. Остальное онъ долженъ добыть на уплату всевозможныхъ сборовъ.

Ради нихъ, онъ обязывается урвать отъ своего куска нѣчто, считающееся „лишнимъ“, и свезти это лишнее на продажу въ городъ; ради нихъ, онъ липаетъ семью молока и отпаиваетъ теленка, котораго тоже везетъ въ городъ; ради нихъ, онъ, въ дождь и стужу, идетъ за тридцать-сорокъ верстъ въ городъ пѣшкомъ съ возомъ „лишняго“ сѣна; ради нихъ, его обшчитываетъ, обмѣриваетъ и ругаетъ северными словами купецъ или кулакъ; ради нихъ, въ самой деревнѣ его держать въ ежовыхъ рукавицахъ міроѣдъ. Самого его не только не тянетъ къ міроѣдству, но онъ и способностей къ нему не имѣетъ: онъ просто толковый и хозяйственный мужикъ.

Не удивительно, стало быть, что онъ весь погруженъ въ одну думу: спасти себя и присныхъ.

И онъ настолько привыкъ къ этой думѣ, настолько усвоилъ ее съ молодыхъ ногтей, что не можетъ представить себѣ жизни въ иныхъ условіяхъ, чѣмъ тѣ, которыя какъ будто сами собой создались для него. Онъ идетъ за возомъ въ городъ, думаетъ и въ то же время ищетъ глазами. Подкова на дорогѣ валяется — онъ ее за пазуху спрячетъ (найденная подкова предвѣщаетъ счастье); бумажку кто-нибудь обронилъ, окурокъ папироски — онъ и ихъ подниметъ; даже клочокъ навоза кинетъ въ телѣгу и привезетъ домой. Сегодня клочокъ, завтра клочокъ — смотришь, анъ и цѣлый возокъ наберется. Въ городѣ онъ отстаиваетъ себя до послѣдней крайности, но почти всегда безъ успѣха, потому что городская обстановка ошеломляетъ его; тамъ все бары живутъ да купцы, которые тоже барами смотреть — чуть что, и городской къ нимъ на помощь подоспѣетъ, въ кутузку его, силопага, потащатъ. Гдѣ ему, темному и безграмотному мужику, спастись отъ всѣхъ ловушекъ, которыя специально для него разставлены? Поэтому онъ продаетъ свой товаръ по произвольно-установленной цѣнѣ, наскоро кормить лошадь и, сдѣлавши необходимыя закупки, спѣшить за-свѣтло доѣхать домой. Здѣсь онъ рассчитываетъ себя, откладываетъ гроши къ грошамъ, разглаживаетъ и рассматриваетъ на свѣтъ скомканныя ассигнаціи и прячетъ выручку въ заѣтную кубышку. Въ большинствѣ случаевъ оказывается, что получка далеко не оправдываетъ ожиданій.

Подобныя неудачи встрѣчаются очень часто и до боли его трогаютъ. Но онъ отъ него не зависятъ: все равно, застигнутъ ли онъ его, или благополучно пройдутъ мимо, — все равно, ему

и еще, и еще придется идти имъ на-встрѣчу и подчиниться. Надо, стало быть, забыть о неудачахъ и стараться наверстать на чемъ-нибудь другомъ. И онъ, не успѣвши отдохнуть съ дороги, обходить дворъ, осматриваетъ, все ли вездѣ въ порядкѣ, заданъ ли скоту кормъ, жирѣетъ ли поросенокъ, котораго откармливаютъ на продажу, не стерлась ли ось въ телегѣ, на мѣстѣ ли чеки, не подгнили ли слѣги на крышѣ двора, можно ли надѣяться, что вонъ этотъ столбъ, одинъ изъ тѣхъ, которые поддерживаютъ дворъ, нѣкоторое время еще простонитъ. Онъ беретъ въ руки топоръ и до самаго ужина стучитъ имъ и облаживаетъ замѣченные огрѣхи. Словомъ сказать, спасаетъ себя.

Въ свое время онъ припасается, стараясь прежде всего вырвать то, что достается задаромъ, а потомъ уже думаетъ о томъ, чтобы какъ можно дешевле приобрести то, чего нельзя достать иначе, какъ за деньги. Лѣтомъ оврагъ, раздѣляющій деревню на двѣ половины, совсѣмъ засыхаетъ; но въ весеннее половодье онъ наполняется до краевъ водою, бурлитъ и шумитъ. Изъ сосѣдней рѣчки Пишковки заходитъ туда рыба: головли, ерши, язи, плотва, окуни, щуки. Заботливый хозяинъ пользуется этимъ даровымъ прибыткомъ и ставитъ вѣрши. Онъ больше всего радуется щуцѣ, которая хоть и костлява, но зато попадаетъ крупныхъ размѣровъ и притомъ годна къ солѣ въ-прокъ. Онъ наполняетъ ею всѣ кадочки и боченки, какіе только найдутся въ домѣ, и въ продолженіе всего лѣта лакомить себя, семью и домохозяцевъ соленою рыбой. Рыба тверда, почти несъѣдобна, но зато она спорѣ, ее меньше сѣдять — и это все, что требуется доказать. Притомъ же, на столъ ставится чашка не съ пустыми щами, а щи съ рыбой; а это означаетъ тароватость. Про таково мужика говорить: „онъ живетъ таровато, у него щи съ рыбой ѣдятъ“. И работники идутъ къ нему охотнѣе, и помочъ онъ скорѣе сберетъ.

Весной же онъ запасается солониной. Прослышавъ, что гдѣ-нибудь корова отъ безкормицы еле-жива, а владѣльца этой коровы сборами нажимаютъ, — устроится съ тремя-четырьмя другими заботливыми хозяевами въ складчину и купятъ коровью мясную тушу за пять рублей. Въ ней больше костей, нежели мяса, да и мясо неуваристое, точно мочало, а все-таки мало-мало двѣнадцать пудовъ этого мяса найдется — пудъ-то обойдется какихъ-нибудь сорокъ копѣекъ. И вотъ у него на все лѣто солонины хватитъ. За неимѣніемъ погребовъ, солонина зарывается въ землю, но въ наступленію лѣтняго мясоѣда все-таки сильно припахиваетъ; но это дѣлаетъ ее еще спорѣе. Мужикъ и съ запахомъ

убоину съѣсть, но, разумеется, меньше, нежели еслибъ она была совсѣмъ свѣжая. Стало быть, и тутъ выгода.

Главное, поддержать въ исправности силы, необходимыя для лѣтней страды. Не наѣдаться, а именно только въ мѣру себя поддерживать. А какъ и чѣмъ этого достигнуть—вопросъ второстепенный.

Лѣтомъ мужикъ весь въ работѣ. Лѣнливый и захудалый мужичонко—и тотъ не сходитъ съ полосы, а хозяйственный мужичокъ просто-на-просто мретъ на ней. Онъ почти не спитъ; ложится поздно, встаетъ съ зарей (по вечерней и утренней зарѣ косить траву спорѣе) и спѣшитъ на работу. Вѣчно тревожимый думою о насущномъ хлѣбѣ, онъ набралъ у сосѣдняго помѣщика пустошныхъ покосовъ исполу и даже изъ третьей копны, косить до глубокой осени, и только съ большой натугой успѣваетъ справиться съ работой. И жена, и взрослые дѣти—всѣ мучатся хуже каторги; даже подростки—и тѣ раздѣляютъ общую страдную муку. Зато, въ концѣ августа, онъ уже можетъ разсчитать, что своего хлѣба у него хватитъ до масляной. Но сѣна вдоволь: есть чѣмъ и скотину прокормить, и на сторону продать можно. Сѣно—главная его надежда. Земельный надѣлъ такъ ограниченъ, что зернового хлѣба сѣется малость; сѣна же онъ можетъ добыть задаромъ, то-есть, только потративъ, не жалѣючи, свой личный трудъ на уборку. Мало его личного труда—онъ ходитъ по сосѣдямъ, собираетъ помочи. Обыкновенно, на помочи выходятъ въ праздники, а это тоже доставляетъ своего рода спѣлость: прогульныхъ дней меньше. Всѣ знаютъ, что у него и рыбы, и мяса насолено, и коноплянаго масла непочатый боченокъ стоитъ, и чарка водки найдется—и идутъ къ нему. Идутъ весело, съ пѣснями, работаютъ споро; онъ въ первой косѣ. Хотя съ работы возвращаются не поздно, но на міру работа идетъ вдвое спорѣе; все-таки угощенье наполовину дешевле обойдется, нежели ту же пустошь наемными рабочими убрать. Да и хозяину веселѣе, когда кругомъ все кипитъ и спорится. Это, можетъ быть, одинъ изъ рѣдкихъ минутъ, когда въ немъ сердце взаправду играетъ.

Однако, къ концу страды, даже онъ начинаетъ тощать на работѣ. Лицо у него почернѣло подъ слоемъ въѣвшейся пыли; домашніе еле бродятъ. Къ счастью, страда кончается: и съ ози-мымъ отсѣялись, и снопы съ поля свезены и сложены въ скирды, и послѣднее сѣно убрали. Наступаетъ осень, иногда румяная, иногда сопровождаемая ливнями. Осень тоже имѣетъ свою страду, но уже болѣе снисходительную. Работаютъ преимущественно подъ крышей или вблизи дома, на гумнѣ, на огородѣ. Слышится

стужъ цѣповъ; воздухъ насыщается запахомъ созрѣвшихъ овощей. Но хозяйственный мужичокъ зорко слѣдитъ за атмосферическими измѣненіями, потому что и сплошь румяная осень можетъ повредить, и отъ слишкомъ частыхъ дождей хозяйство, пожалуй, пострадаетъ. Всего лучше, ежели погода перемежающаяся — тогда его сердце успокоивается до весны. Онъ ходитъ въ поле и любитъ на ростъ озими. Но и тутъ ужъ мелькаетъ въ его головѣ предательская мысль: осень всключетъ, да какъ-то весна захочетъ! Что, ежели вдругъ весна придетъ бездождная, или сплошь переполненная дождями? — Пойдутъ на низинахъ вымочки — своего зерна не соберешь; или на низинахъ хорошо взойдетъ, да наверху сгоритъ! — мучительно думается ему.

Но загадывать до весны далеко: какъ-нибудь изворачивались прежде, изворотимся и впередъ. На то онъ и слыветъ въ околотѣхъ умнымъ и хозяйственнымъ мужикомъ. Рожь не удастся, овесъ уродится. Ежели совсѣмъ неурожайный годъ будетъ, онъ кого-нибудь изъ сыновей на фабрику пошлетъ, а самъ въ извозъ уѣдетъ или дрова пилить наймется. Нужда, конечно, будетъ, но въдъ крестьянину нужду знать никогда не лишнее.

Осенью онъ запасается на зиму. Самъ съ взрослыми сыновьями — цѣлый день въ лѣсу, готовить дрова и сучья; или молотить на гумнѣ, справляеть на зиму сору. Ежели найдется досугъ, то, для наполненія его, у него есть и ремесло. Дуги на продажу готовить, бондарничаетъ, веревки вьетъ. Женскій персоналъ, между тѣмъ, занимается зимнимъ припасомъ. Стучать сѣчки о корыто, наполненное ядрѣной капустой; солится небольшой запасъ огурцовъ, въ видѣ лакомства, на праздники; ходенемъ-ходить ткацкій станокъ, заготовляя краснѣ и шерстяную рѣдину, которыми зимой обшиваютъ семью. Минуты нѣтъ отдохнуть. Даже съ наступленіемъ сумерекъ, при свѣтѣ керосиновой лампочки (такое освѣщеніе дешевле лучины стоитъ) — и тутъ дѣло найдется. Большакъ новый лапотъ плететь или старый починиваетъ; старуха шерстяные чулки и карпетки вялетъ; молодухи прядутъ. Благословенный трудъ не покидаетъ этой семьи; онъ не кажется ей каторгой, а составляетъ естественный жизненный процессъ. Поздно вечеромъ (сидятъ долго, но зато встаютъ позднѣе — гдѣ еще до свѣту!) ужинаютъ и ложатся спать. Временно каторга прекращается.

Ночью изба представляетъ собою нѣчто въ родѣ нестерпимой клоаки. Домочадцевъ скучилось такъ много, что и полъ занять, и палаты, и лавки по стѣнамъ. Изба полна срадомъ и стопами этого замученнаго хозяйственностью люда. У мужика

есть, кромѣ избы, и „чистая“ горница, но она не топится, ради сбереженія дровъ, и вообще въ ней даже лѣтомъ рѣдко живутъ; она существуетъ на показъ и открывается только въ праздники. Хорошо еще, что жилая изба топится по „черному“; утромъ, чуть свѣтъ, затопить хозяйка печку, и дымъ поглотить скопившіеся въ избѣ миазмы. Этотъ дымъ выѣдаетъ глаза, щекошетъ ноздри. Въ безпрестанно отворяемую дверь врывается холодный воздухъ. Сонные домочадцы, разбуженные запахомъ гари и холодомъ, вскакиваютъ какъ встрепанные и бѣгутъ на крыльцо, гдѣ на веревкѣ качается рукомойникъ. Зато, часа черезъ два, когда семейный обѣдъ готовъ, хозяйка заботливо закутываетъ печь, и въ избѣ дѣлается свѣтло и тепло. „Точно въ раю!“ говорить она довольнымъ голосомъ.

Только въ короткій рождественскій мясоѣдъ жизнь становится какъ будто льготнѣе. Молодежь отдыхаетъ; даже старики позволяютъ себѣ относительную свободу, хотя хозяйственный мужичокъ и тутъ не упускаетъ случая, дающаго возможность съ выгодой употребить свой трудъ. Днемъ, около сумерекъ, деревенская улица полна катающимися. Парни, усадивъ въ сани гурьбы дѣвушекъ, настигиваютъ лошадей и мчатся во всю прыть. Слышатся гиканья, крики, смѣхъ. Накатаются до-сыта, иззябнутъ, но въ избу заходить не надолго. Зажгутся въ избахъ огни — пора на посѣдн. Соберутся въ очередную избу, играютъ пѣсни и веселятся до пѣтуховъ. Тутъ парни высматриваютъ невѣсту, завязываются сватовства на красную горку; любовь вступаетъ въ свои права.

Въ это же время, по преимуществу, хозяйственный мужичокъ играетъ свадьбы.

Женитьба сына не требуетъ особенныхъ приготовленій. Сынъ беретъ бабу въ домъ, а дома все идетъ своимъ чередомъ; прибавляется только лишняя работница. Присмотрѣть невѣсту, уговориться на счетъ приданого, установить норму расходовъ для пированій и на плату за вѣнчаніе — вотъ все, что требуется. Но къ свадьбѣ дочери готовятъ издалека и исподволь, чтобъ расходъ не былъ чувствителенъ. Дочь имѣетъ собственную коробью, въ которую сама собираетъ свое приданое. Ей каждый годъ отдѣляется небольшой клочокъ земли и дается горсточка льну на посѣвъ; этотъ ленъ она сама сѣетъ, обдѣлываетъ и затѣмъ готовить изъ него для себя краснѣ. Все заготовленное она прячетъ въ коробью, вмѣстѣ съ полученными въ разное время подарками: платками, бусами, нарядными сарафанами и т. д.

Съ наступленіемъ времени выхода въ замужество — приданое

готово; остается только выбрать корову или телку, смотря по достаткамъ. Еслибы мужичокъ не предусмотрѣлъ загодя всѣхъ этихъ мелочей, онъ, навѣрное, почувствовалъ бы значительный уронъ въ своемъ хозяйствѣ. А теперь словно ничего не случилось; отдали любимое дѣтище въ чужіе люди, отпировали свадьбу, какъ быть надлежитъ—только и всего.

Выше я сказалъ, что хозяйственный мужичокъ играетъ домашнія свадьбы (или, точнѣе, женить сына, потому что дочь выдается, когда женихъ найдется) преимущественно въ концѣ рождественскаго мясоѣда. Въ этомъ дѣлѣ имъ тоже руководить мудрость змѣя и твердая рѣшимость не потерпѣть ущерба въ жизнестроительномъ обиходѣ. Своевременно приведенная въ домъ сноха родить, при такомъ расчетѣ, не раньше осени; слѣдовательно, всю лѣтнюю страду она отбудетъ свободно. И не только будущую страду, но и предбудущую, потому что ребенокъ, родившійся съ осени, успѣетъ мало-мальски окрѣпнуть и не будетъ слишкомъ часто отрывать мать отъ работы. Женить на красную горку тоже удобно, съ точки зрѣнія ближайшей страды, но зато предбудущая уже не дастъ достаточнаго обезпеченія: ребенокъ будетъ малъ и слабъ.

Какъ видитъ читатель, никакихъ думъ у хозяйственного мужика нѣтъ, кромѣ думы о жизнестроительствѣ. Ради нея онъ отдаетъ себя и семью въ жертву каторгѣ, ради нея терпѣливо выносить всякія неожиданности. Она затемняетъ въ немъ даже любовь къ семьѣ. Онъ всецѣло отдаетъ ей самого себя, но—и только. Той любви, которая заставляетъ видѣть въ женѣ, сынѣ, дочери нѣчто ненаглядное, неприкосновенное для обидъ, не существуетъ для него. И всю семью онъ успѣлъ на свой ладъ дисциплинировать; и жена, и дѣти, видятъ въ немъ главу семьи, котораго слѣдуетъ безпрекословно слушаться, но горячее чувство любви замѣнилось для нихъ простою формальностью—и не согреваетъ ихъ сердце.

Наконецъ, идеаль „полной чаши“ достигнуть. Изба прочна и хорошо ухичена; запасу вдоволь, скотины въ избытѣ, дѣти—въ порядкѣ. Въ домѣ царствуютъ миръ и согласіе; даже въ кубышкѣ денѣга, на черный день, водится. Въ такомъ положеніи до міроѣдства—одинъ только шагъ. Но хозяйственный мужикъ отъ природы чуждъ кровопивства; его не соблазняетъ ни лавочка, ни кабакъ. Непрерывнымъ трудомъ и думою о будущемъ онъ достигъ известной степени зажиточности—и будетъ съ него. По прежнему—онъ отказывается отъ чайничества, по прежнему—ѣсть хлѣбъ черствый, а не мягкій, по прежнему—осторожно обращается съ сѣжей

убоной. Еслибъ онъ поступилъ иначе, ему было бы не по себѣ, онъ пересталъ бы быть самимъ собой.

Но съ „полною чашей“ приходитъ и старость. Мало-по-малу силы слабѣютъ; онъ не можетъ уже идти сорокъ верстъ за возомъ въ городъ и не выносить тяжелой работы. Старческое недомоганіе обступаетъ со всѣхъ сторонъ; онъ долго преодолагаетъ себя, но, наконецъ, влѣзаетъ на печь и замолкаетъ.

На арену хозяйственности выступаетъ большакъ-сынъ. Если онъ удался, вся семья слѣдуетъ его указаніямъ, и, по крайней мѣрѣ, при жизни старика, не выказываетъ розни. Но, по временамъ, стремленіе къ особничеству все-таки прорывается. Младшіе сыновья припрятываютъ деньги, — не все на общее дѣло отдаютъ, что выработаютъ на сторонѣ. Между снохами появляются „занозы“, которыя разстраиваютъ мужей.

— Умру, все растащатъ! — думается старику, и болить, ахъ, болить его хозяйственное сердце!

Наконецъ, онъ умираетъ. Умираетъ тихо, честно, почти свято. За гробомъ слѣдуетъ жена съ толпою сыновей, дочерей, снохъ и внучатъ. Послѣ погребенія совершаютъ поминки, въ которыхъ участвуетъ вся деревня. Всѣ поминаютъ добромъ покойника. „Честный былъ, трудовой мужикъ — настоящій хрестіанинъ!“

Да, это былъ дѣйствительно честный и разумный мужикъ. Онъ достигъ своей цѣли: довелъ свой домъ до полной чаши. Но спрашивается: съ какой стороны подойти въ этому разумному мужику? какимъ образомъ увѣрить его, что не о хлѣбѣ единомъ живъ бываетъ человѣкъ?

2. — Сельскій священникъ.

Въ основѣ существованія сельскаго священника лежитъ та же мысль, какъ и у хозяйственнаго мужика: обезпечить себя и семью отъ вторженія нужды. Та же мучительная дума о завтрашнемъ днѣ, то же неотступное желаніе заблаговременно опредѣлить мельчайшія подробности жизнестроительства, съ цѣлью избѣжать неожиданностей. Впрочемъ, оговариваюсь: я говорю исключительно о священникѣ бѣднаго прихода и, притомъ, держащагося старозавѣтныхъ преданій, словомъ сказать, о священникѣ, не отказавшемся отъ личнаго сельско-хозяйственнаго труда. О священникахъ новой формации я знаю очень мало, хотя слышалъ, что большинство ихъ уже относится, напримѣръ, къ полеводству довольно холодно (отдаютъ свой земельный участокъ въ кортому). Какой типъ священника лучше и любезнѣе для народа, это покажетъ

время; но личныя мои симпатіи несомнѣнно тянутъ къ прежнему типу, и я очень радъ, что онъ исчезаетъ настолько медленно, что и теперь еще составляетъ большинство. Но даже и тамъ, гдѣ уже появился новый „батьюшка“, рядомъ съ нимъ живутъ дьячокъ или пономарь, которымъ ужъ никакъ нельзя существовать иначе, какъ существовали ихъ отцы и дѣти.

Поэтому все, что я скажу дальше о сельскомъ священникѣ, вполне примѣнимо и къ причетническому быту, но, разумѣется, въ удвоенной степени, потому что и нужда здѣсь двойная, и размѣры обезпечивающихъ средствъ вдвое и втрое меньше.

Нужда сельскаго священника значительно превышаетъ нужду хозяйственнаго мужика. Священникъ живетъ шире не потому, чтобъ это была его прихоть, а по необходимости: поповская обстановка изстари такъ сложилась. У него домъ больше—такой достался ему при поступленіи на мѣсто; въ этомъ домѣ, не считая стряпущей, по крайней мѣрѣ, двѣ горницы, которыя отапливаются зимой „по чистому“, и это требуетъ лишнихъ дровъ; онъ круглый годъ нанимаетъ работницу, а на лѣто и работника, потому что земли у него больше, а стало быть больше и скота—одному съ попадѣй за всѣмъ не доглядѣть; одежда его и жены дороже стоитъ, хотя бы ни онъ, ни она, не имѣли никакихъ попользовеній къ франтовству; для него самоваръ почти обязателенъ, да и закуска въ запасѣ имѣется, потому что его во всякое время можетъ посѣтить нечаянный гость: благочинный, ревизоръ изъ уѣзднаго духовнаго правленія, чиновникъ, пріѣхавшій на слѣдствіе или по другимъ казеннымъ дѣламъ, становой приставъ, волостной старшина, наконецъ, просто проѣзжій человекъ, за мятелью или непогодой не рѣшающійся продолжать путь. Куда толкнуться?—на постояломъ дворѣ пьянство, холодъ, вонь—айда къ попу! И священникъ, волей-неволей, заказываетъ работницѣ самоваръ и подаетъ угощеніе. Но что всего больше угнетаетъ священника—это дѣти. Ихъ надо воспитать, а воспитать—значить, подносить подарки, прилично одѣвать, содержать на наемной квартирѣ и покупныхъ хлѣбахъ, сначала въ уѣздномъ городѣ, а потомъ и въ губернскомъ. Язва, которую вносятъ съ собой деньги въ обиходъ хозяйственнаго мужика, въ священническомъ обиходѣ оказывается двойною и тройною. Вездѣ дыры, вездѣ заткнуть надо. И домъ достался ему—только слово, что домъ; стѣны ветхія, набаты подъ поломъ сгнили, половицы колеблются. Всюду дуетъ, вездѣ надо заплату поставить—на долго ли? И дворъ, того гляди, повалится—хоть новый строй. У дочери-невѣсты платья подошли, а по близости, у сосѣда священника, свадьбу скоро играть будутъ;

ежели не ѣхать—люди осудятъ, а ежели ѣхать—надо и самому приформиться, и семью обшить. Въ старомъ-то сарафанѣ и пригожую дѣвушку никто за себя не возьметъ. Сидитъ батюшка, поздно вечеромъ, за приходскими книгами и думаетъ крѣпкую думу: „никакъ не извернусь!“ Придется ему вытянуться въ струну, урѣзать себя, отказаться отъ куска, лишь бы уговорить женскій персоналъ, который уже загодя предвкушаетъ удовольствіе предстоящаго свадебнаго пироваія.

Приходъ малъ и бѣденъ. Съ праздничнымъ причтъ ходить разъ пять въ годъ, причемъ мужики отдѣлываются трешницами или пятишницами; даже мѣстный міроѣдъ больше двугривеннаго не даетъ. Сколько съ сорока-пятидесяти дворовъ такихъ грошей наберешь? Церковь пустуетъ; еле хватаетъ церковныхъ доходовъ на покупку муки для просфоръ и краснаго вина. Молебны рѣдкіе, за потребу—плата ничтожная, свадебъ мало. Соберется въ годъ рублей сотни полторы—и тѣ надо съ причетниками подѣлить; очистится ли, нѣтъ ли, послѣ дѣлежа, на его пай, сотни рублей? Жалованье тоже несообразное,—и не увидишь, какъ оно между пальцевъ уйдетъ. Единственная прочная надежда на землю и на личный трудъ. Да и то еще какъ Богъ совершить.

Извѣстно, что въ церквамъ обязательно прирѣзывается до тридцати-трехъ десятинъ земли. Въ иныхъ приходахъ бываютъ и жертвованныя земли, но это встрѣчается рѣдко. Двѣ трети этой земли (ежели нѣтъ дьякона) составляютъ долю священника; остальная треть отдается двумъ причетникамъ. Вотъ на этихъ-то двадцати-двухъ десятинахъ и сосредоточиваетъ священникъ свои упованія. Изъ нихъ до шести десятинъ на его долю подъ лѣсомъ приходится, десятины двѣ подъ лугомъ, около десятины уйдетъ подъ усадьбу съ огородомъ, подъ церковь, подъ площадь. Десятинъ, приблизительно, двѣнадцать священникъ распахиваетъ да съ четверть десятины удѣляетъ подъ ленъ женѣ и дочерямъ.

Хорошо еще, что церковная земля лежитъ въ сторонѣ, а то не уберечься бы попу отъ потравъ. Но и теперь въ церковномъ лѣсу постоянно плѣшкины оказываются. Напрасно пономарь Филатычъ встаетъ ночью и крадется въ лѣсъ, чтобъ изловить порубщиковъ, напрасно разглядываетъ онъ слѣды телѣги или саней, и верѣдко даже доходитъ до самаго двора, куда привезенъ похищенный лѣсъ,—порубщикъ всегда съумѣетъ отпереться, да и односельцы покроютъ его.

Въ полеводствѣ священникъ (назову его отцомъ Николаемъ) держится старой, трехпольной системы. Новшества—не въ характерѣ духовенства, да и не съ чѣмъ въ нимъ приступить. Нужны

усовершенствованныя орудія, а у него въ распоряженіи только соха да борона. Но главная бѣда—удобренія мало. Скота—двѣ коровы, штукъ пять-шесть овецъ да лошадь—тутъ, вмѣстѣ съ небольшимъ огородцемъ, и одной десятины поля, какъ слѣдуетъ, не удобрить, а ему приходится удобрять четыре. Поэтому земля удобряется кой-какъ, и даетъ соотвѣтственный урожай. Рѣдко послѣдній достигаетъ размѣра самъ-четверть для ржи и самъ третьей для овса. Тутъ и на сѣмена отложить надо, и самому продовольствоваться, и на сторону хоть немного продать.

Хозяйственный священникъ самъ пахать и боронить, чередуясь съ работникомъ, ежели такой у него есть. Въ воспоминаніяхъ моего дѣтства неизгладимо запечатлѣлась фигура нашего стараго батюшки, въ бѣлой рубашкѣ на выпускѣ, съ волосами, заплетенными въ косичку. Онъ бодро напиралъ всей грудью на соху и понукалъ лошадь, и сряду около двухъ недѣль безъ отдыха проводить въ этомъ тяжеломъ трудѣ, смѣняя соху бороной. А заборонить—смотришь, черезъ двѣ недѣли опять или подъ овесъ запахивать нужно, или подъ озимъ двоить.

Помочи при пашиѣ не въ обычаѣ. Міряне, еслибъ и собрались на помочъ, то не вспахали бы, а только взболтали бы землю, каждый на свой образецъ. При крѣпостномъ правѣ, обратится, бывало, священникъ къ помѣщику: „позвольте дня на два работничка“ тотъ и даетъ. А нынче, даже если и есть въ силѣ господская экономія, то въ ней хоть шаромъ покати. Впрочемъ, ежели церковный староста дружить съ священникомъ, то иногда уговорить двухъ-трехъ особенно набожныхъ прихожанъ—самъ-четверть урвать часа по три собственной паши и вспашутъ батюшкѣ десятинку. Такой помочи священникъ особенно радъ: ни „подносить“, ни угощать помощниковъ не нужно,—на ласковомъ словѣ довольны.

Сѣнокосъ обыкновенно убирается помочью, но между этою помочью и тою, которую устраиваетъ хозяйственный мужичокъ, существуетъ громадная разница. Мужичокъ приглашаетъ такихъ же хозяйственныхъ мужиковъ-сосѣдей, какъ онъ самъ; работа у нихъ кипитъ, потому что они взаимно другъ съ другомъ чередуются. Нынѣшнее воскресенье у него помочъ, въ слѣдующій праздничный день онъ самъ идетъ на помочъ къ сосѣду. Священникъ обращается за помочью ко всему міру; всѣ общаются, а на-завтра добрая половина не явится.

— Припасу на сорокъ человѣкъ наготовлено,—горюетъ батюшка,—а пришло двадцать человѣкъ! хоть въ навозъ выливай щи!

Народъ собрался разнокалиберный, работа идетъ вяло. Попъ

самъ въ первой косѣ идетъ, но прихожане не торопятся, смотреть на солнышко, и часа черезъ полтора уже намекаютъ, что обѣдать пора. Ужъ обнесли однажды по стакану воды и по ломтю хлѣба съ солью—приходится по другому обнести, лишь бы отдать часть обѣда. Но работа даже и послѣ этого идетъ все вялѣе и вялѣе; нѣкоторые и косы побросали.

— Не ваторжные!—раздается въ толпѣ.

Дѣлать нечего, надо собирать обѣдъ. Священникъ и вся семья суетятся, потчуютъ. Въ кашу льется то же постное масло, во щи нарѣзывается та же солонина съ запашкой; но то, что сходитъ съ рукъ своему брату, крестьянину, ставится священнику въ укоръ. „Работали до седьмого пота, а онъ гнилятиной кормить!“

Наконецъ, обѣдъ конченъ. Священникъ съ вымученной улыбкой говорить:

— А ну-те, господа міряне, на дорожку еще часикъ бы покосили!

Но половина мірянъ уже разошлась, и молча, безъ пѣсенъ, возвращается по домамъ.

Хорошо, что въ сѣнокосу подоспѣли на каникулы сыновья. Старшій уже кончаетъ семинарію и басомъ читаетъ за обѣдней апостола; младшіе тоже, по крестьянскому выраженію, гогочутъ. Съ ихъ помощью, батюшка успѣваетъ покончить съ остальнымъ сѣнокосомъ.

Попадья и съ своей стороны собираетъ помочь: на сушку сѣна, на жнитво. Тутъ та же процедура, та же вялость и неспорость въ работѣ.

— Смотрѣть на этихъ бабъ тошно!—мучительно думаетъ попадья, но вслухъ говоритъ:—А вы, бабыньки, для отца-то духовнаго постарайтесь! не шибко соломой трясите: неравно половина зерна на полосѣ останется.

Къ половинѣ сентября начинаетъ сводить священникъ полевые счета, и только вздрагиваетъ отъ боли. Оказывается, что ежели отложить на сѣмена, то останется ржи четвертей десять-двѣнадцать да овса четвертей двадцать. Тутъ—и на собственное продовольствіе, и на кормъ скоту, и на продажу.

Нѣкоторые священники пчелами занимаются, колодъ по двадцати, по тридцати держатъ. Это занятіе выгодное. Пчела работает даромъ, но надо умѣть съ ней отваживаться. Ежели есть въ домѣ старикъ-отецъ или тестъ (оставшійся за штатомъ), то обыкновенно онъ занимается пчелами, и во время роенія не отходить отъ ульевъ. Ежели нѣтъ такого старика, то и эта забота падаетъ на долю священника, мѣшая его полевымъ работамъ,

потому что пчела капризна: какъ разъ не усмотришь—и новый рой на глазахъ улетѣлъ. Однако все-таки тутъ довольно чувствительное подспорье. Около перваго Спаса прѣдетъ прасоль, который скупасть медъ и воскъ—пожалуй, рублей двадцать-тридцать и наберется.

Есть у священника и еще подспорье—это сборы съ прихожанъ натуральными произведеніями. О Пасхѣ каждымъ прихожаниномъ удѣляется ему на заутрени, при христосованіи, нѣсколько яицъ; при освященіи пасхъ (вмѣсто которыхъ употребляются ватрушки) тоже вырѣзывается кусокъ. Священникъ стоитъ съ крестомъ въ рукахъ, а сбоку, на столѣ, лукошко, наполняемое яйцами. И у причетниковъ по лукошку, и у дѣтей священника, и причетниковъ—каждаго одѣляютъ: кто одно, кто два яйца положить. То же самое повторяется и на славленіи, которое производится цѣлой гурьбой. А на другой день матушка по приходу съ лукошкомъ ходитъ—опять яйца. Если славить идутъ въ дальнюю деревню, то запрягаютъ лошадь и нагружаютъ телегу лукошками. Яицъ набирается много, дѣвать нѣкуда; кусковъ—тоже. Ъдятъ цѣлую недѣлю, всего прѣсть не могутъ. Поэтому солить яйца въ-прокъ, а куски ватрушекъ сушить. Хоть и не вѣсть какая пища, а все же годится для наполненія желудка.

Другое подспорье—поминальные пироги и блины. И отъ нихъ удѣляется часть священнику и церковному причту. Недаромъ сложилась пословица: поповское брюхо, что бѣрдо, все мнѣтъ. Горькая это пословица, обидная, а дѣлать нечего: изъ пѣсни слова не выкинешь.

Третье, и самое значительное, подспорье—новъ. Около Вадьяженя, священникъ ѣздитъ по приходу въ телегѣ и собираетъ новую рожь и овесъ. Кто насыплетъ въ мѣшокъ того и другого по гарницу, а кто—и на два расщедрится. Слѣдомъ за батюшкой является и матушка—ей тоже по горсточкѣ льняного сѣмени винутъ.

Какъ и хозяйственный мужичокъ, священникъ на круглый годъ запасается съ осени. Въ это время весь его домашній обиходъ опредѣляется вполне точно. Что успѣлъ наготовить и собрать къ Покрову—больше этого не будетъ. Въ это же время и покушной запасъ можно дешевле купить: и въ городѣ, и по деревнямъ, всего въ изобиліи. Упустишь минуту, когда, напримеръ, крупа или пшеничная мука на пятакъ за пудъ дешевле,—кайся потомъ весь годъ.

Питается священникъ въ своей семьѣ совершенно такъ же, какъ и хозяйственный мужичокъ. Точно такъ же осторожно обо-

даться съ убоиной; ѣсть кашу не всякій день, и лить въ нее не коровье масло, а постное; хлѣбъ подаетъ на столъ черствый и солить похлѣбку не во время варки ея (соляныхъ частицъ много улетучивается), а тогда, когда она уже стоитъ на столѣ. „Недосоль на столѣ, а пересоль на спинѣ“, — шутить онъ, ради оправданія своихъ черезъ-чуръ уже экономическихъ соображеній. Зато „на показъ“ онъ и самоваръ имѣетъ, и закуску держать, — чтобы гость понималъ, что онъ, какъ и прочіе, по-людски живетъ.

Однако хозяйственный мужичокъ позволяетъ себѣ думать о „полной чашѣ“, и нерѣдко даже достигаетъ ея, а священнику нивогда и на мысль представленіе о „полной чашѣ“ не приходитъ. Единственное, чего онъ добивается — это свести у года концы съ концами. И вполне доволенъ, ежели это ему удастся.

— Мужичокъ въ сто кратъ лучше нашего живетъ, — говоритъ онъ попадѣ: — у него, по крайности, руки не связаны, да и семья въ сборѣ. Какъ хочетъ, такъ и распорядится, и собой, и семьей.

— Вонъ на Петра Матѣева посмотрѣть любо! — вторитъ ему попадѣ: — старшаго сына въ запрошломъ году женилъ, другого — по осени женить собирается. Двѣ новыхъ работницы въ домѣ прибудетъ. Самъ и въ городъ воздѣкъ сына свезетъ, самъ и купить, и продать — на этомъ одномъ сколько выгадаетъ! А мы, словно прикованные, сидимъ у окошка да ждемъ барышника: какую онъ цѣну назначить — на томъ и спасибо.

— А старость придетъ, въ заштатъ отчислятъ, землю отберутъ... Ахъ, старость! старость!

Голова отца Николая осаждается невеселыми думами, сердце — въ постоянной тревогѣ.

Основа, на которой зиждется его существованіе, до того тонка, что малѣйшій неосторожный шагъ неминуемо повлечетъ за собой нужду. Сыновья у него, съ дѣтскихъ лѣтъ, въ разбродѣ, да и не воротятся домой, потому что, по окончаніи курса, пристроятся на сторонѣ. Только дочери дома; ихъ и радъ бы сбыть, да съ безприданницами придется еще подождать.

Ни поговорить по душѣ не съ кѣмъ, ни посоветоваться. Какъ ни просто держать себя священникъ, все же онъ не свой братъ, — безъ нужды мужикъ къ нему не пойдетъ. Сиди дома, думай думу, дѣла не дѣлай, отъ дѣла не бѣгай. Зимніе долгіе вечера наполнить нечѣмъ: нѣтъ у него ремесла. Ежели поученія сочинять, такъ не всякій на то способность имѣетъ, а сверхъ того, вонъ ихъ цѣлая книга на всякіе случаи готова. Ходитъ отецъ Николай

по горницѣ; портреты епархіальныхъ архіереевъ разсматриваетъ; радъ-радехонекъ, когда пробьетъ, наконецъ, девять часовъ. Поставятъ на столъ пустые щи, а тамъ, по молитвѣ, и спать. Во снѣ онъ видитъ, что коммиссія объ улучшеніи быта духовенства устроивается.

— А я во снѣ видѣлъ, что намъ жалованья прибавили, — сообщаетъ онъ женѣ: — а чтó, ежели сонъ-то вѣщій?

— Добро! ступай-ка скотинѣ кормъ задавать. Ужѣ на картахъ погадаемъ, прибавятъ ли тебѣ жалованья, или нѣтъ.

Годы тянутся за годами, сѣрые, полные тоски. Священникъ мечтаетъ о другомъ приходѣ, гдѣ больше доходовъ, но мечты его сбываются рѣдко. Онъ и бѣденъ, и протекціи не имѣетъ. Хорошо, ежели и старое-то мѣсто успѣетъ за собой закрѣпить до тѣхъ поръ, побуда силы не оставили. Старшую дочь онъ, наконецъ, успѣлъ выдать замужъ—ничего, живетъ хорошо. Одной заботой меньше. Но какихъ хлопотъ ему это стоило! Нужно было и въ прихожанамъ обращаться, и какихъ-то старыхъ „благодѣтелей“ вспомнить, просить, кланяться, за каждый грошъ благодарить. Ради этого онъ въ городъ съѣздилъ, всѣхъ кушцовъ обошелъ, всѣхъ назвалъ ревнителями и истинными сынами церкви. И вездѣ слышалъ: „выпьемъ, батя!“—и хорошо, хорошо, если въ результатѣ оказывалась зелененькая. А изъявъ, причиненный этимъ событіемъ въ собственномъ хозяйствѣ—самъ по себѣ. Пришлось корову продать, въ долги влѣзть. Будетъ памятна отцу Николѣ эта свадьба.

А невзгоды, между тѣмъ, идутъ своимъ чередомъ. То капли дождя не канетъ — сгорѣло все; то ливни льютъ — все сопрѣло, сгнило. Вотъ онъ, подпоясанный, въ бѣлой рубашкѣ на-выпускъ, идетъ съ лукошкомъ въ рукахъ. На дворѣ—который день дождикъ льетъ, отъ работы совсѣмъ отбило. Снопы съ поля убирать бы надо, да погода не пускаетъ, а снопы ужъ прорасти начали. „Сѣмянъ не соберемъ!“ говоритъ онъ себѣ, и страхъ передъ завтрашнимъ днемъ ни на минуту не покидаетъ его. Дожливая погода приводитъ урожай на грибы, и онъ все время проводитъ въ лѣсу. Беретъ батюшка грибы и на небо поглядываетъ, не прояснится ли гдѣ хоть кусочекъ. Вотъ, слава Богу, въ сторонкѣ слой облаковъ какъ будто потоньше становится; вотъ и синевы ключокъ показался... слава Богу! завтра, можетъ быть, и солнышко выглянетъ.

Выглядеть солнышко—деревня оживетъ. Священникъ со всею семьей спѣшитъ возить снопы, складывать ихъ въ скирды, и начинается молотить. И все-таки оказывается, что дожди свое дѣло

сдѣлали: и зерно вышло легкое, и меньше его. На цѣлыхъ двадцать-пять процентовъ урожай вышелъ меньше противъ прошлогодняго.

Ни одного дня, который не отравлялся бы думою о бусѣхъ, ни одной радости. Куда ни оглянется батюшка, все ему или чуждо, или на всѣ голоса кричить: нужда! нужда! нужда! Сынъ ли окончилъ курсъ—и это не радуетъ: онъ совсѣмъ исчезнетъ для него, а можетъ быть и забудетъ о старикѣ-отцѣ. Дочь ли выдастъ замужъ—и она уйдетъ въ люди, и ее онъ не увидитъ. Всякая минута, приближающая его къ старости, приносить ему горе.

И вотъ, старость ужъ за плечами стоитъ. Священникъ начинаетъ плохо разбирать печатное; рука его еле держитъ потиръ; о тяжелыхъ полевыхъ работахъ онъ и не помышляетъ. Семья его разбрелась окончательно. Старшій сынъ ужъ лѣтъ десять профессорствуетъ въ дальней епархіальной семинаріи; второй сынъ священствуетъ гдѣ-то въ Сибири; третій—не задался: не кончилъ курса и опредѣлился писцомъ въ одно изъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ. Дочери тоже повданы замужъ, а одна ушла въ монастырь. Помощи ждать неоткуда, потому что у всѣхъ свои заботы, свои семьи. Землю батюшка сдать въ кортому, и одинъ-на-одинъ съ попадѣй коротаетъ старческій вѣкъ. Вдвоемъ имъ немного нужно, но впереди ждетъ неминуемый „заплатъ“...

Наконецъ, грозная минута настала: старикъ отчисленъ за штатъ. Приѣзжаетъ молодой священникъ, для котораго, въ свою очередь, начинается сказка объ изнурительномъ жизнестроительствѣ. На вырученные деньги за старый домъ, заплатный священникъ ставитъ себѣ нѣчто въ родѣ сторожки и удаляется въ нее, питаясь крохами, падающими со скудной трапезы своего замѣстителя, ежели послѣдній, по добротѣ сердца или по добровольно принятому обязательству, соглашается что-нибудь удѣлить.

По старой привычкѣ, а отчасти и по необходимости, отецъ Николай ходитъ въ свитѣ причетниковъ по приходу за яйцами, за новью; но его надѣляютъ ужъ скупомъ...

Горькое начало, горькое существованіе, горькій конецъ!

8. — Помѣщикъ.

Я буду говорить собственно о средней полосѣ Россіи, и притомъ о помѣщикѣ средней руки, не очень крупномъ и не совсѣмъ мелкопомѣстномъ.

Крупные землевладельцы встрѣчаются рѣдко. Они забрали благую часть: отрѣзали крестьянамъ въ надѣлъ пахатную землю, а сами остались при такъ-называемыхъ оброчныхъ статьяхъ: лѣсахъ, лугахъ, рыбныхъ ловляхъ и т. п. Пашню, какая осталась въ излишество, запустили подъ пастбище и тоже обратили въ оброчную статью. Скота держатъ малость, только на случай приѣзда; старинныя каменные хозяйственные постройки отчасти распроданы, отчасти пустуютъ и приходятъ въ ветхость. Очевидно, что, при такихъ условіяхъ, требуется не хозяйство, а только конторскій надзоръ и счетоводство. Въ определенное время сдаются въ конторѣ съ торговъ участки лѣса, луговъ, мельницы, постоянные дворы, пастбище и прочія статьи. Доходъ получается безъ хлопотъ, издержки по управленію незначительны. Живетъ себѣ владѣлецъ припѣваючи въ столицѣ или за границей, и много-много, ежели на мѣсяцъ, на два, заглянетъ лѣтомъ съ семьей въ усадьбу, чтобъ убѣдиться, все ли на своемъ мѣстѣ, не кривитъ ли душой управляющій и въ порядкѣ ли садъ.

Но, кромѣ того, есть и еще соображеніе: эти посѣщенія напоминаютъ дѣтямъ, что они—русскіе, а гувернерамъ и гувернанткамъ, ихъ окружающимъ, свидѣлствуютъ, что и въ Россіи возможна своего рода *vie de château*. Дѣти заходятъ въ деревни и видятъ крестьянскихъ дѣтей, о которыхъ имъ говорятъ: „они такія же, какъ и вы!“ Но французскія-гувернантки никакъ не хотятъ съ этимъ согласиться, и восклицаетъ: „*c'est une race d'hommes tout-à-fait à part!*“ И затѣмъ, воротившись съ экскурсіи домой, ѣсть персики, вишни и прочіе фрукты, подаваемые въ изобиліи за завтракомъ и обѣдомъ, и опять восклицаетъ: „*ah! que c'est beau! que c'est succulent! cela me rappelle les fruits de ma chère Touraine!*“

Повторяю: это не хозяйство, а конторское управленіе.

Что касается до мелкопомѣстныхъ дворянъ, то они уже въ самомъ началѣ крестьянской реформы почти совсѣмъ исчезли съ сельскохозяйственной арены. Продали оставшіеся за надѣломъ отрѣзки крестьянамъ позажиточнѣе (изъ нихъ въ скоромъ времени образовались міроѣды) и разбѣжались, куда глаза глядятъ. Вообще, судьба этихъ людей представляетъ изрядную загадку: никто не слѣдилъ за ихъ исчезновеніемъ, никто не помнитъ о нихъ, не знаетъ, что съ ними случилось. Такого-то видѣли въ Москвѣ—„совсѣмъ обносился“; такого-то встрѣтили на желѣзной дорогѣ—въ кондукторахъ служить. А большинство совсѣмъ какъ въ воду кануло. Во всякомъ случаѣ, эта помѣщичья разновид-

ность встрѣчается въ настоящее время какъ рѣдкое исключеніе. Ее замѣнилъ разночинецъ, который хозяйствуетъ на свой образецъ.

Помѣщикъ средней руки обладаетъ очень неважными средствами. Въ старину у него было душъ двѣсти-триста крестьянъ, а за надѣломъ ихъ въ его распоряженіи осталось отъ шести до семи сотъ десятинъ земли. Усадьба некрасивая, въ захолустѣ; домъ, похожій на крохотную базарму; службы ветшаютъ; о „заведеніяхъ“, парѣ, рѣкѣ и въ поминѣ нѣтъ. Рѣдко гдѣ встрѣтишь ручеекъ, на которомъ, для вида, поставлена мельница, а воды и на одинъ поставъ не хватаетъ. Небольшой садикъ съ яблонями да огородецъ сбоку, а при въѣздѣ въ усадьбу—прудокъ, похожій на помойную яму. Кругомъ ровное мѣсто, безъ малѣйшаго пригорка, такъ что нѣтъ и признака таеъ-называемого красиваго мѣстоположенія. Земля тоже не особенно чивая. Половина подъ пустошами, десятинъ съ сотню подъ лѣсомъ, о заливныхъ лугахъ и слыхомъ не слыхать. Природа ничего не дала здѣсь даромъ, все приходится съ бою брать.

Жить въ такой обстановкѣ непривлекательно, ежели на первомъ планѣ не стоитъ сельско-хозяйственный интересъ. Сосѣдство ограниченное, а ежели и есть, то разнокалиберное, несимпатичное; матеріальныя средства небольшія; однообразіе, и въ природѣ, и въ людяхъ, изумительное: порадовать взоры не на чемъ. Чтобы не чувствовать, какъ часъ за часомъ тянется сѣрая жизнь, нужно, чтобы человѣка со всѣхъ сторонъ охватили мелочи, чтобы онѣ съ утра до вечера не давали ему опомниться. Тогда онъ не увидитъ, какъ пролетѣлъ день, и когда настанетъ время отдыха, то заснетъ, какъ убитый. „Я ни разу боленъ не былъ, съ тѣхъ поръ, какъ поселился въ деревнѣ!“—говоритъ онъ, съ гордостью вытягивая мускулистыя руки, — „да и не скучалъ никогда: времени нѣтъ!“

Помѣщиковъ средней руки имѣется три типа: во-первыхъ,—равнодушный, во-вторыхъ—убѣжденный, и въ-третьихъ—изворачивающійся, съ помощью прижимки.

О равнодушномъ помѣщикѣ въ этомъ этюдѣ не будетъ рѣчи, по тѣмъ же соображеніямъ, какъ и о крупномъ землевладѣльцѣ: ни тотъ, ни другой, хозяйственнымъ дѣломъ не занимаются. Равнодушный помѣщикъ на скорую руку устроился съ крестьянами, оставилъ за собой пустошъ, небольшой кусокъ лѣсу, пашню запустилъ, овна въ домѣ заколотилъ досками, скотъ распродалъ,

и, поставивъ во главѣ выморочнаго имущества не то управителя, не то сторожа (преимущественно изъ отставныхъ солдатъ), уѣхалъ.

— Ты за лѣсомъ смотри, паче глазу его береги! — сказалъ онъ сторожу на прощанье: — буду наѣзжать; ежели замѣчу порубку — не спущу! Да мебель изъ дома чтобъ не растащили!

— Будьте покойны, вашескородіе!

— Пустоша сдавай въ еортому; пашню, вѣроятно, крестьяне подъ поскотину наймутъ: имъ скотъ выгнать нѣкуда. Жалованье тебѣ назначаю въ годъ двѣсти рублей, на твоихъ харчахъ. Рассчитывай себя изъ доходовъ, а что больше выручишь — присылай. Вотъ здѣсь, во флигельѣ, и живи. А для протопленія можешь сучьями пользоваться.

— Много доволенъ, вашескородіе!

Затѣмъ, онъ пріискалъ въ Петербургѣ мѣстечко и живетъ на жалованье да на проценты выкупного свидѣтельства. Изрѣдка получаетъ изъ деревни то двѣсти, то триста рублей, и говоритъ знакомымъ: — Я сегодня доходъ изъ деревни получилъ.

Въ теченіе десяти лѣтъ онъ только однажды посѣтилъ родное пепелище. Вошелъ въ домъ, понюхалъ и сказалъ:

— У, да какъ здѣсь пахнетъ!

Потомъ обошелъ лѣсъ и, замѣтивъ мѣстами порубки, пригрозилъ сторожу („Безъ этого, вашескородіе, невозможно!“). Узнавъ, что съ пустошами дѣло идетъ плохо: крестьяне совсѣмъ ихъ не разбираютъ.

— Кон загрубѣли, кон березничкомъ поросли, — жаловался сторожъ.

— Тѣмъ лучше; современемъ лѣсъ будетъ!

— И лѣсу не будетъ; крестьяне расти не дадутъ. Вскочить березка, — сейчасъ вершину на вѣники срѣжутъ!

Въ два дня онъ все осмотрѣлъ и въ заключеніе сказалъ:

— Ну, чортъ съ вами! Вотъ сынъ у меня растеть; можетъ быть, онъ хозяйничать захочеть. Дамъ ему тогда денегъ на обзаведеніе, и пускай онъ хлопочеть. Только вотъ лѣсъ пуще всего береги, старикъ! Ежели еще разъ порубку замѣчу — спуску не дамъ!

Убѣжденный помѣщикъ (быть можетъ, тотъ самый сынъ „равнодушнаго“, о которомъ сейчасъ упомянуто) вѣрить, что сельское хозяйство составляетъ главную основу благосостоянія страны. Это теоретическая сторона его міросозерцанія. Съ практической стороны, онъ убѣжденъ, что нигдѣ такъ выгодно нельзя помѣстить капиталъ. Но, разумѣется, надо терпѣніе, настойчивость, соотвѣтственный капиталъ и извѣстный запасъ свѣденій.

Терпѣніемъ и настойчивостью онъ обладаетъ; капиталъ, хотя и небольшой, у него есть. Свѣденіями онъ тоже запасае. Кое-что онъ за границей видѣлъ, кое-чему научился изъ книгъ, кое-что слышалъ отъ опытныхъ сельскихъ хозяевъ. Но главному, разумѣется, научить сама практика, сближеніе съ разумнымъ мужикомъ и наглядное знакомство съ сосѣдними хозяйствами. Хотя онъ еще молодъ и не жила въ деревнѣ, но увѣренъ, что предстоящая задача совсѣмъ не такъ головоломна, какъ увѣряютъ. Не боги горшки обжигаютъ, — и простые смертные, при помощи доброй воли, сдѣлаютъ это сдѣлать.

Теперешнее его убѣжденіе таково: надо какъ можно больше производить молока. Большое количество молока предполагаетъ большое стадо коровъ. Кромѣ молока, стадо дастъ ему удобреніе; удобреніе повлечетъ за собой большее количество зерна и достаточно сѣна для продовольствія рогатаго скота и лошадей. Молочное хозяйство должно окупить всѣ текущіе расходы по полевой операціи; зерно должно представлять собой чистый доходъ. Вотъ цѣль, къ которой должны быть направлены всѣ усилія.

— И я достигну этой цѣли, — говоритъ онъ. — Вездѣ, въ цѣломъ мірѣ, полеводство даетъ хотя и не блестящій, но вполне вѣрный барышъ; — не можетъ быть, чтобы мы одни составляли исключеніе!

Съ такими намѣреніями онъ пріѣзжаетъ на хозяйство, и повсюду застаётъ запустѣніе. Прежде, нежели приступить къ полеводству, надо собственную обстановку устроить такъ, чтобы и ему, и семьѣ, существовать было можно. Жену онъ тоже успѣлъ настроить въ своемъ направленіи, такъ что и во снѣ она коровъ видитъ; за дѣтей заранѣе радуется, какія они вырастутъ крѣпкія и здоровыя на вольномъ деревенскомъ воздухѣ. Но и жена, и дѣти прежде всего нуждаются въ обстановкѣ, въ хорошо защищенномъ домѣ, не представляющемъ риска для простуды и вообще имѣющемъ видъ жилого помѣщенія.

Ежели имѣніе досталось ему по наслѣдству — разумѣется, онъ по-неволѣ мирится съ неудачами первыхъ шаговъ; но ежели онъ купилъ имѣніе, то въ его сердце заползаетъ червь сомнѣнія. Дѣло въ томъ, что онъ былъ слишкомъ довѣрчивъ; смотрѣлъ и не доглядѣлъ. Начать съ того, что онъ купилъ имѣніе ранней весной (никто въ это время не осматриваетъ имѣній), когда поля еще покрыты снѣгомъ, дороги въ лѣсъ завалены и домъ стоитъ нетопленный; когда годовой запасъ зерна и сѣна подходитъ къ концу, а скотъ, по самому ходу вещей, тощъ („уви-

дите, какъ за лѣто онъ отгуляется!“). Слѣдовательно, ничего доскональнымъ образомъ ни осмотрѣть, ни опредѣлить невозможно.

И точно: вездѣ, куда онъ теперь ни оглянется, продавецъ обманулъ его. Домъ протекаетъ; накаты подъ поломъ ветхи; фундаментъ въ одномъ мѣстѣ осѣлъ; корму до новой травы не хватить; наконецъ, меленка, которая, покуда онъ осматривалъ имѣніе, работала на оба постава и была завалена мѣшками съ зерномъ, — молчить.

— Воды только на одинъ поставъ и хватаетъ, да и для одного-то помольцевъ нѣтъ, — говоритъ мельникъ. — Какая это мельница! Только горе съ ней!

— Какъ же при мнѣ она на оба постава работала, да и зерна было навезено вдоволь?

— А мы дня два передъ тѣмъ воду копали, да мужичкамъ по округу объявили, что за полцѣны молоть будемъ... вотъ и работала мельница.

— Мы и сами въ ту пору дивились, — сообщаетъ, въ свою очередь, староста (изъ мѣстныхъ мужичковъ), котораго онъ, на время своего отсутствія, по случаю совершенія купчей и первыхъ закупокъ, оставилъ присмотрѣть за усадьбой: — видите — въ полѣ еще снѣгъ не тронулся, въ лѣсѣ проѣзду нѣтъ, а вы осматривать пріѣхали. Старый-то баринъ садовнику Пѣтрѣ цѣлковый-руш посулилъ, чтобъ васъ въ лѣсѣ провезъ по межѣ: и направо, и налево — все, дескать, его лѣсъ!

И батюшка, пришедшій съ просвирой поздравить его съ пріѣздомъ, присовокупляетъ:

— И у меня, грѣшнымъ дѣломъ, вертѣлось на языкѣ: погодите до тепла, не поспѣшайте! Но при семъ думалось и такъ: ежели господинъ поспѣшаетъ, — стало быть, ему надобно.

Словомъ сказать, совсѣмъ онъ не то купилъ, что смотрѣлъ.

Но повторяю: наслѣдственное ли имѣніе, или благопріобрѣтенное, во всякомъ случаѣ, надо начать съ домашней обстановки, отложивъ на время мечты объ усовершенствованныхъ приемахъ полеводства, объ улучшеніи породы скота, и т. п. Все въ упадкѣ: и домъ, и скотный дворъ, и службы, все требуетъ коренного, серьезнаго ремонта.

Цѣлое лѣто кипитъ въ домѣ работа. Помѣщикъ перебрался на одну половину дома, а другую предоставилъ въ распоряженіе плотниковъ и маляровъ. Съ варкою раздается стукъ топоровъ, пѣніе пѣсенъ, а изъ отворенныхъ оконъ валитъ ѣдкая пыль. Плотники подняли полы и рубятъ новые накаты; кровельщики влѣзли на крышу, звеня желѣзными листами, вбиваютъ гвозди.

На-дняхъ прїѣдутъ штукатуры и маляры—и ладъ будетъ въ полной формѣ. У дѣтей съ утра до вечера головки болятъ; днемъ, въ хорошую погоду, они на воздухѣ, въ саду, но въ дождь прїюта найти не могутъ.

— Надо же примириться съ этимъ,—утѣшаетъ помѣщикъ:—вѣдь мы не на одинъ годъ устроиваемся!

Но что всего чувствительнѣе—уходитъ масса денегъ, и нѣтъ увѣренности, что онѣ уходятъ производительно. Не успѣли покончить одну работу, какъ въ перспективѣ уже видѣется другая. И все такія работы, которыя представляютъ только безвозвратную трату. Вездѣ—подлость, мерзость, обманъ. Плотники работаютъ кое-какъ, маляры на цѣлую недѣлю запоздали. Помѣщикъ за всѣмъ смотритъ самъ, но его обманываютъ въ глаза. Онъ и понимаетъ, что его обманываютъ, но что-то въ этомъ обманѣ есть такое, чего онъ раскрыть и объяснить не можетъ. Приходится махнуть рукой и сказать себѣ: — ахъ, хоть бы поскорѣе кончилось!

Покуда въ домѣ идетъ содомъ, онъ осматриваетъ свои владѣнія. Освѣдомляется, гдѣ въ послѣдній разъ сѣяли озимъ (пашня ужъ два года сряду пустуетъ), и нанимаетъ топографа, чтобы снятъ полевую землю на планъ и разбилъ на шесть участковъ, по числу полей. Оказывается, что въ каждомъ полѣ придется по двадцати десятинъ, и онъ спѣшитъ посѣять овесъ съ клеверомъ на томъ мѣстѣ, гдѣ было старое озимое.

— А впереди у меня будетъ паровое поле, которое я лѣтомъ приготовлю подъ озимъ,—толкуетъ онъ топографу: — надо не сразу, а постепенно работать.

— Поспѣшность потребна только блохъ ловить! — развязно откликается топографъ.

— Гм... блохъ... да! — задумчиво вторитъ ему хозяинъ и, обращаясь къ старостѣ, спрашиваетъ: — давно ли со скотнаго двора навоза не вывозили?

— Да года два ужъ не возимъ:—скотина по-уши въ грязи стоитъ.

— Ну, видишь ли, хоть скота у меня и немного, но такъ какъ удобрение два года вошло, то и достаточно будетъ подъ озимъ! А съ будущей осени заведу скота сколько слѣдуетъ, и тогда ужъ...

Осмотрѣвши поля, ѣдетъ на бѣговыхъ дрожжахъ въ лѣсъ. То тамъ куртинка, то тутъ. Есть куртинки частыя, а есть и рѣдичь. Лѣсъ, по преимуществу, дровяной—кое-гдѣ деревцо на

холостую постройку годно. Но, въ совокупности, десятинь съ сотню наберется.

— Въ случаѣ надобности, можно будетъ и тово...—нашепты-
вать ему тайный голосъ.

А староста точно слышитъ этотъ голосъ и говорить:

— Вотъ эту куртинку старый баринъ еще съ осени соби-
рался продать.

— Съ осени?—машинально вторить помѣщикамъ.

— Точно такъ. Мнѣ, говорить, она не къ мѣсту, а между
тѣмъ за нее хорошія деньги дадутъ. Березнякъ здѣсь крупный,
стеколистый; саженой сто швырка съ десятины наберется.

— Гм... однакожъ!

Осмотрѣвши лѣсъ, ѣдутъ на пустошъ.

— Вотъ на этой пустоши бываетъ трава, мужички даже
исполу съ охотой берутъ. Болотце вонъ тамъ въ уголку, такъ
острець растеть,—лошади его ѣдятъ. А вотъ, въ Лисей-Норѣ—
тамъ и вовсе ничего не растеть: ни травы, ни лѣсу. Продать бы
вамъ, сударь, эту пустошь!

— А мы попробуемъ обработать ее.

— Какъ ее обрабатываешь! Земля въ ней какъ камень ски-
пѣлась, липяими поросла. Тронуть ее, такъ всѣ сохи перело-
маешь, да и навозу она пропасть сожретъ. А навозъ-то за пять
верстъ возить нужно.

— А сколько за нее дадутъ, если продать?

— Рублей сто дадутъ, кому нужно.

— Помилуй! въ ней слишкомъ сорокъ десятинь!

— Какая земля, такая и цѣна. И сто рублей на дорогѣ
не валяются. Со стами-то рублями мужичокъ все хозяйство обору-
дуетъ, да еще останется.

Невесело возвращаться домой съ такими результатами, а
дома барыня чуть не плачетъ.

— Помилуй!—жалуется она:—когда же ты навозъ вывезешь
велишь? вѣдь коровы по-уши въ грязи вязнутъ.

— Погоди, душа моя, дай отсѣяться съ яровымъ.

— Нечего годить; скоро мы совсѣмъ безъ молока будемъ.
Двадцать коровъ на дворѣ, а для дома недостаеетъ. Давеча Володя
сливокъ просить, послала на скотную—нѣтъ сливокъ; принесли
молока, да и то жидкаго.

— Должно быть, прислуга...

— Помилуй! въ деревнѣ жить, да прислугѣ въ молокоѣ отка-
зывать! Извѣстно, по бутылкѣ на человѣка берутъ. Шесть чело-
вѣкъ—шесть бутылокъ.

— Однако!

— Нѣтъ, это коровы такія... Одна корова два года ялова ходить, чайную чашечку въ день доить; коровъ съ семь перестарки, остальные — запущены. Всѣхъ надо на мясо продать, все стадо возобновить, да и скотницу прогнать. И быка другого необходимо купить — теперешняго коровы не любятъ.

— А я надѣялся постепенно усовершенствовать стадо. Конечно, нужно и прикупить, да не все же вдругъ...

Заранѣ принятыя рѣшенія оказываются построенными на пескѣ. Дѣйствительность представляется въ такомъ видѣ: стройка валится; коровы запущены, не даютъ достаточно молока, даже для продовольствія; прислуга, привезенная изъ города, извольничилась; а глядя на нее, и мѣстная прислуга начинаетъ пошаливать; лошади тощи, никогда не видятъ овса. Даже пошла хорошаго нѣтъ, потому что единственный въ усадьбѣ прудъ съ незапамятныхъ временъ не чищенъ („вотъ осенью вычищу — сколько я изъ него наилку на десятины вывезу!“ мечтаетъ баринъ). Все надо припасти и исправить разомъ, какъ бы по мановенію волшебства, потому что въ жизнестроительствѣ всѣ подробности связаны: запусти одинъ — и все остальное въ упадокъ придетъ. Малѣйшая оплошность, словно червоточина, проникнетъ всюду, и всѣ заботы приведутъ къ нулю. Какая масса денегъ потребуется, чтобъ все это исполнить?! Гдѣ ихъ вять?

Но помѣщикъ не даромъ называетъ себя убѣжденнымъ. Онъ принимаетъ героическое рѣшеніе и откладываетъ добрую часть капитала на хозяйственные реформы. Для деревенской жизни ему за-глаза достаточно процентовъ съ остальной части капитала („масло свое, живность своя, хлѣбъ свой“, и т. д.). Настоящаго сѣвооборота онъ, конечно, не дожидается раньше трехъ лѣтъ, но зато, къ тому времени, у него все будетъ готово, все на чеку: и постройки, и стадо, и усовершенствованныя орудія — словомъ сказать, весь живой и мертвый сельско-хозяйственный инвентарь. И на одной изъ пустошей онъ мечтаетъ самостоятельный хуторокъ завести. Выстроить скотный дворъ и при немъ небольшой флигелекъ для рабочихъ, съ чистою комнатою на случай прїѣзда. Прудокъ выроетъ, огородецъ разведетъ.

— Мы туда чай пить будемъ ѣздить, — сообщаетъ онъ женѣ. — Это дѣтямъ удовольствіе доставить, а мы, между тѣмъ, присмотримъ...

Черезъ три года, хозяйство въ полномъ ходу. Поля удобрены („вонъ на ту десятину гуано положили“), клеверъ въ обоихъ поляхъ вскопился густо; стадо большое, больше ста головъ (хо-

рошій хозяинъ не менѣе $1\frac{1}{2}$ штуки на десятину пашни держать); коровы сытыя, породистыя; скотный дворъ содержится опрятно, каждая корова имѣетъ свой кондуктнѣй списокъ: чуть начала давать молока меньше—сейчасъ соберутъ совѣтъ, и начинаютъ добиваться, какимъ образомъ и отъ чего. И добьются. Главная скотница—отъ Широбокова; молочница—ученица Верещагина; обѣ получаютъ хорошее жалованье; работники—тоже исправные, обходятся съ орудіями умѣючи. Кормить онъ ихъ сытно, хотя по-крестьянски, т.-е. льетъ въ кашу не скоромное, а постное масло и солонину даетъ съ запашикомъ. Во всякомъ случаѣ, ропота на плохую пищу не слышитъ, а это только и нужно. И домъ, и службы, послѣ капитальнаго ремонта, особенныхъ затратъ не требуютъ. И, въ довершеніе всего, по каждой отрасли заведена двойная бухгалтерія. Словомъ сказать, хозяйство идетъ по маслу. Правда, что половины капитала какъ не бывало, но со временемъ она возвратится съ лихвою. Терпѣніе и настойчивость—вотъ главное.

Ни въ томъ, ни въ другомъ, у него недостатка нѣтъ. Убѣжденный хозяинъ съ утра до вечера хлопочетъ; встаетъ въ одно время съ рабочими, и въ одно время съ ними полдничаетъ, обѣдаетъ, и отдыхаетъ. Вездѣ—онъ самъ; на пашнѣ ни малѣйшаго огрѣха не пропустить; на сѣнокосѣ сейчасъ замѣтитъ, который работникъ не чисто коситъ. А на скотномъ дворѣ хлопочетъ жена. При себѣ заставляетъ коровъ доить, при себѣ приказываетъ кормъ задавать. Добрую корову погладить, велитъ кусокъ чернаго хлѣба съ солью принести и изъ своихъ рукъ накормить; худой, не берегущей о хозяйской выгодѣ, коровѣ пальцемъ погрозитъ. Заглянетъ въ молочную—и сама засучитъ рукава, попробуетъ масло бить. И удовольствіе, и выгода—все вмѣстѣ.

Дѣти, между тѣмъ, здоровѣютъ на чистомъ воздухѣ; старшій сыночекъ ужъ учиться началъ—того гляди, и вплотную придется заняться имъ.

Послѣ цѣлаго года работы и неустанныхъ хлопотъ приводится въ дѣйствіе двойная бухгалтерія. Сводятся счета. Оказывается—доходъ ужъ есть, но маленькій, около двухсотъ рублей.

— Маловато, —соглашается помѣщикъ:—но на будущій годъ...

— На службѣ ты куда больше получилъ бы! — замѣчаетъ жена.

На будущій годъ доходъ увеличивается до трехсотъ рублей. Работать - работать, суетился - суетился, капиталъ растратилъ, трудъ положилъ, и все-таки меньше рубля въ день осталось. За то масло—свое, картофель—свой, живность—своя... А впрочемъ,

вѣдь и это не такъ. По двойной бухгалтеріи, и за масло, и за живность деньги заплатили...

Кромѣ того: хотя все устроено капитально и прочно, но это же можетъ поручиться за будущее? Вѣдь не вѣчны же, въ самомъ дѣлѣ, накаты; нельзя же думать, чтобъ на крышѣ краска никогда не выгорѣла... Вонъ въ молочной на крышу-то понадѣялись, старую оставили, а она мохомъ ужъ поросла!

Наконецъ, нельзя терять изъ вида и того, что старшій сынъ совсѣмъ ужъ поспѣлъ—хоть сейчасъ вези въ гимназію. Убѣжденный помѣщикъ начинаетъ задумываться и все больше и больше обращается къ прошлому. У него много товарищей; нѣкоторые изъ нихъ ужъ дѣйствительные статскіе совѣтники, а одинъ даже тайный совѣтникъ есть. Всѣ получаютъ содержаніе, которое ихъ обезпечиваетъ; сверхъ того, большинство участвуетъ въ промышленныхъ компаніяхъ, пользуется учредительскими паями...

А онъ что? Какъ вышелъ изъ „заведенія“ коллежскимъ секретаремъ (лѣтъ двѣнадцать за границей потомъ прожилъ, все хозяйству учился), такъ и теперь коллежскій секретарь. Даже земскія собранія ни разу не посѣтилъ, въ мировые не баллотировался. Связи всѣ растерялъ, съ бывшими товарищами переписки прекратилъ, съ деревенскими сосѣдами не познакомился. Только и побывать, однажды въ три года, у „интеллигентнаго работника“, полюбопытствовалъ, какъ у него хозяйство идетъ.

Интеллигентный работникъ, Анпетовъ, поселился, года четыре тому назадъ, въ десяти верстахъ отъ убѣжденного помѣщика, вмѣстѣ съ отставнымъ солдатомъ, Финагенчемъ. Купилъ Анпетовъ за-дешево небольшую пустошь, приобрѣлъ двѣ коровы, лошадь, нѣсколько овецъ, запаса орудіями, выстроилъ избу на крестьянскій манеръ и началъ работать. Солдатъ былъ женатый и жилъ не въ качествѣ наемника, а на правахъ пайщика—и убытки, и барыши пополамъ; только процентъ на затраченный капиталъ предполагался къ зачету изъ дохода. Но куда еще ничего у пайщиковъ не выяснилось, кромѣ пустыхъ щей да хлѣба, который они ѣли. Но, разумѣется, они надѣялись, что въ будущемъ трудъ прокормитъ ихъ.

— Какъ дѣла?—спрашивалъ его помѣщикъ.

Въ отвѣтъ на это, интеллигентный рабочій показавъ мозолистыя руки.

— Вотъ, куда, что въ результатѣ получилось, — молвилъ онъ: — ну, да вѣдь мы съ Финагенчемъ не отстанемъ. Теперь только коровы и выручаютъ насъ. Сами молоко не ѣдимъ, такъ Финагенчъ въ недѣлю разъ-другой на сыроварню возитъ. Но потомъ...

И въ заключеніе не удержался и обругалъ посѣтителя.

— Вы—бѣлоручки,—сказалъ онъ:—по пашнѣ да по сѣнокосу съ тросточкой похаживаете. Попробовали бы вы сами десятину вспахать или восемь часовъ косой помахать, какъ мы... небось, пропала бы охота баловаться хозяйствомъ!

Разумѣется, онъ не попробовалъ; нашелъ, что довольно и того, что онъ за всѣмъ самъ слѣдитъ, всему даетъ тонъ. Кабы не его неустанный руководящій трудъ—развѣ цвѣли бы клеверомъ его поля? развѣ давала бы рожь самъ—дѣвѣнадцать? развѣ заготовлялось бы на скотномъ дворѣ такое количество масла? Стало быть, Анпетовъ совралъ, назвавши его бѣлоручкой. И онъ работаетъ, только трудъ его называется „руководящимъ“.

Однако, на другой день онъ пожелалъ провѣрить оцѣнку Анпетова. Выйдя изъ дому, онъ увидѣлъ, что работникъ Семенъ ужъ похаживаетъ по полю съ плугомъ. Лошадь — бѣлая, Семенъ въ бѣлой рубашкѣ — издали кажется, точно бѣлый лебедь разсѣкаетъ волны. Но, по мѣрѣ приближенія къ пашнѣ, оказывалось, что рубашка на Семенѣ не совсѣмъ бѣлая, а пропитанная потомъ.

— Дай-ко, я попахую! — предложилъ помѣщикъ Семену.

— Куда же вамъ! только ручьи себѣ намозолите!

— Нѣтъ, дай!

Онъ сталъ за плугомъ, но не успѣлъ пройти и двухъ сажень, какъ уже задохся; плугъ выскочилъ у него изъ рукъ, и лошадь побѣжала по пашнѣ, цѣпляясь лемехомъ за землю.

— Стой, каторжная! — кричалъ Семенъ на лошадь.

А баринъ, между тѣмъ, стоялъ на мѣстѣ и покатывался словно пьяный.

„Дѣйствительно, — думалъ онъ: — пахарь — это... Но все-таки Анпетовъ совралъ. Пахать я, конечно, не могу, но, въ сущности, это и не мое дѣло. Мое дѣло—руководить, вдохнуть душу, а все остальное“...

Такъ, на этомъ онъ и успокоился. И даже, возвратясь домой, сказалъ женѣ:

— Пробовать я сегодня пахать—не могу. Это не мое дѣло. Мое дѣло—вдохнуть душу, распорядиться, руководить. Это тоже трудъ, и не маленький!

— Еще бы! — отозвалась жена.

Словомъ сказать, погружаясь въ море хозяйственныхъ мелочей, убѣжденный помѣщикъ душу свою мало-по-малу истратилъ на вытягиванье гроша за грошомъ. Онъ ничего не читалъ, ничѣмъ не интересовался, потерялъ понятіе о комфортѣ и красотѣ. Яма, въ

которой стояла усадьба, вполне удовлетворяла его; онъ находилъ, что зимою въ ней теплѣе. Онъ одичалъ, потерялъ разговоръ. Однажды заѣхалъ къ нему исправникъ и завелъ разговоръ о сербскихъ дѣлахъ. Онъ слушалъ, но только изъ учтивости не зѣвалъ. Въ головѣ у него совсѣмъ не сербскія дѣла были, а бычокъ, котораго онъ недавно купилъ.

— Хотите, я вамъ бычка своего покажу? — не выдержалъ онъ.

— Съ удовольствіемъ.

Пошли на скотный дворъ, вывели бычка — красавецъ! грудь широкая, ноги крѣпкія и, несмотря на дѣтскій возрастъ (всего шесть мѣсяцевъ), — ужъ сердится.

— Вотъ такъ бычокъ! — не выдержалъ, въ свою очередь, исправникъ.

— Это — надежда моего скотнаго двора! это столпъ, на которомъ зиждется все будущее моего молочнаго хозяйства! Четыре мѣсяца тому назадъ, восемьдесятъ рублей за него заплатилъ, а теперь и за полтора не отдамъ...

Словомъ сказать, совсѣмъ всякую способность къ обществу утратилъ.

А въ результатѣ оказывалось чистой прибылью все-таки триста рублей. Хорошо, что еще помѣщеніе, въ которомъ онъ ютился съ семьей, не попало въ двойную бухгалтерію, а то быть бы убытку рублей въ семьсотъ-восемьсотъ.

— Ты думаешь, мало такая квартира стоитъ? — не разъ говорилъ онъ женѣ: — да кухня отдѣльная, да флигель... Ежели все-то сосчитать...

— Ну, что тутъ! надо же гдѣ-нибудь жить!

Однако сынъ все растетъ да растетъ; поэтому самая естественная родительская обязанность заставляетъ позаботиться о его воспитаніи. Убѣжденный помѣщикъ понимаетъ это, и начинаетъ заглядывать въ будущее.

— Надо же какъ-нибудь насчетъ Володи порѣшить — осторожно заговариваетъ онъ.

— Надо, — соглашается съ нимъ жена.

— Я думаю, не написать ли къ Звѣркову? Онъ, по-товарищески, приметъ его на свое попеченіе, опредѣлитъ...

— Что твой Звѣрковъ! Онъ и думать забылъ о тебѣ! Звѣрковъ! — вотъ о комъ вспомнилъ! Надо самимъ ѣхать въ Петербургъ. Поселишься тамъ, — и товарищи о тебѣ вспомнятъ. И сына опредѣлишь, и самъ мѣсто найдешь. Опять человѣкомъ сдѣлаешься.

Наболѣвшее слово вырвалось, и высказала его, по обыкно-

венію, жена. Высказала рѣзко, безъ подготовленій, забывъ, что вчера говорила совсѣмъ другое. Во всякомъ случаѣ, мужу остается только рѣшить: да или нѣтъ. Но какой отличный предлогъ! Сынъ! Не по капризу они бросаютъ деревню, а во имя священныхъ обязанностей.

— Ты думаешь?—цѣдить онъ сквозь губы.

— Чего думать! Цѣлый день съ утра до вечера точно въ огнѣ горимъ. И въ слякоть, и въ жару — никогда покоя не знаемъ. Посмотри, на что я похожа стала! на что ты самъ похожъ! А доходовъ все нѣтъ. Рожь самъ-двѣнадцать, въ молокѣ хоть купайся, все въ полномъ ходу—хоть на выставку, а въ результатъ... триста рублей!

— Да, есть тутъ загадка какая-то.

— Никакой загадки нѣтъ. Баловство одно это хозяйство со всѣми затѣями и усовершенствованіями. Только деньги словно въ пропасть бросили. Уѣдемъ, пока въ конецъ не разорились.

— Ну, все-таки... Знаешь, я рассчитывалъ, кромѣ того, и на окружающихъ вліяніе имѣть...

— Лучше бы ты о себѣ думалъ, а другимъ предоставилъ бы жить, какъ сами хотятъ. Никто на тебя не смотритъ, никто примѣра съ тебя не беретъ. Самъ видишь! Стало быть, никому и не нужно.

Разговоръ возобновляется чаще и чаще и съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ болѣе и болѣе опредѣленный характеръ. Подстрекательницей является все-таки жена.

— Вотъ что я тебѣ скажу,—говоритъ она однажды: — хозяйство у насъ такъ поставлено, что и безъ личнаго надзора можетъ идти. Староста у насъ честный, а ежели ты сто рублей въ годъ ему прибавишь, то онъ вполне тебя замѣнитъ. Но если ты захочешь, то можешь и самъ съ апрѣля до октября здѣсь жить, а я съ дѣтьми на каникулы буду пріѣзжать. Вотъ что я сдѣлаю. Теперь іюль мѣсяцъ въ концѣ, а въ августѣ пріемные экзамены начнутся. Черезъ недѣлю я уѣду съ Володей въ Петербургъ. Съѣзжу въ твоимъ товарищамъ—ты письма мнѣ дашь—подыщу квартиру и опредѣлю Володю, а ты въ октябрю уберешься съ хлѣбомъ и пріѣдешь къ намъ съ Вѣрочкой и съ Анной Ивановной (гувернантка). Анна Ивановна! вѣдь вы безъ меня на скотномъ присмотрите?

— Съ удовольствіемъ.

— Ну, такъ вотъ...

Сказано—сдѣлано. Черезъ недѣлю жена собрала сына и уѣхала въ Петербургъ. Къ концу августа, убѣжденный помѣщикъ полу-

члѣмъ извѣстіе, что сынъ выдержалъ экзаменъ въ гимназію, а Звѣрковъ, Жизнѣевъ, Эльманъ и другіе товарищи дали слово опредѣлить къ дѣлу и отца.

Въ началѣ октября онъ уѣхалъ изъ деревни, наказавъ старостѣ вести хозяйство по заведенному порядку.

Теперь онъ состоитъ гдѣ-то чиновникомъ особыхъ порученій, а сверхъ того имѣетъ выгодныя частныя занятія. Въ одной компаніи директорствуетъ, въ другой выбранъ членомъ ревизіонной комиссіи. Пробуетъ и самъ сочинять проекты новыхъ предприятий, и, быть можетъ, будетъ имѣть успѣхъ. Словомъ сказать, хлопочетъ и суетится такъ же, какъ и въ деревнѣ, но уже около болѣе прибыльныхъ мелочей.

Въ деревню онъ заглядываетъ недѣли на двѣ въ теченіе года: больше разживаться некогда. Но жена съ дѣтьми проводитъ тамъ ваникулы, и — упаси Богъ, ежели чтѣ замѣтитъ! А впрочемъ она не ошиблась въ старостѣ: хозяйство идетъ хоть и не такъ красиво, какъ прежде, но стоитъ дешевле. Дохода очищается триста рублей.

Рядомъ съ убѣжденнымъ помѣщикомъ процвѣтаетъ другой помѣщикъ, Кононъ Лукичъ Лобковъ, и процвѣтаетъ достаточно. Удовлетворительно. Подобно сосѣду своему, онъ надѣется на землю и вѣритъ, что она дастъ ему возможность существовать; но возможность эту онъ ставитъ въ зависимость отъ множества подспорьевъ, которыя къ полеводству вовсе не относятся.

Земли у него немного, десятинъ пятьсотъ съ небольшимъ. Изъ нихъ сто подѣ пашней въ трехъ поляхъ (онъ держится отцовскихъ порядковъ), около полтора ста подѣ лѣсомъ, слишкомъ двѣсти подѣ пустошами да около пятидесяти подѣ лугомъ; болотце есть, острецъ въ немъ хорошо растетъ, а кругомъ, по мокрому мѣсту, травка мяконькая. Но нѣтъ той пяди, изъ которой онъ не извлекалъ бы пользу, кромѣ лѣса, который онъ, до поры до времени, бережетъ. И, благодареніе Создателю, живетъ, — не роскошествуетъ, но и на недостатки не жалуется.

Лобковъ не заботится ни о томъ, чтобъ хозяйство его считалось образцовымъ, ни о томъ, чтобъ примѣръ его вліялъ на сосѣдей, побуждалъ ихъ къ признанію пользы усовершенствованныхъ приемовъ земледѣлія, и т. д. Онъ рассуждаетъ просто и ясно: лучше получить прибыли четыре зерна изъ пяти, нежели одно изъ десяти. Очевидно, онъ не столько рассчитываетъ на силу урожая, сколько на дешевизну и даже на безвозмездность необходимаго для обработки земли труда.

Вотъ съ этою-то цѣлью и изобрѣтена имъ цѣлая хитросплетенная система подспорьевъ.

Первое мѣсто въ ряду подспорьевъ занимаетъ прижимка. Кононъ Лукичъ подкрадывался къ ней издалека, еще въ то время, когда только-что пошли слухи о предстоящей крестьянской передрягѣ (такъ называется онъ упраздненіе крѣпостной зависимости). Въ то время, онъ всячески ласкалъ крестьянъ и обнадеживалъ ихъ: „вотъ ужъ, будете вольные, и заживемъ мы по-сосѣдски миркомъ да ладкомъ. Ни вы меня, ни я васъ—все у насъ будетъ по хорошему“. Такъ что когда наступилъ срокъ для составленія уставной грамоты, то онъ безъ малѣйшаго труда опуталъ будущихъ „сосѣдушекъ“ со всѣхъ сторонъ. И себя, и крестьянъ раздѣлилъ дорогою: по одну сторону дороги—его земля (пахатная), по другую—надѣльная; по одну сторону—его усадьба, по другую—крестьянской порядковъ. А сзади деревни крестьянское поле, и кругомъ, куда ни взгляни,—господскій лѣсъ.

— Вы пашни больше берите,—увѣщевалъ онъ крестьянъ:—въ ней вся ваша надежда. За лѣсомъ не гонитесь: я и сучьевъ на протопленіе, и валѣжнику на лучину, хоть задаромъ, добрымъ сосѣдямъ отпущу! Луговъ тоже немного вамъ нужно—у меня пустошей сколько угодно есть. На кой мнѣ ихъ шутъ! только горе одно... хоть даромъ косите!

Словомъ сказать, такъ обставилъ дѣло, что мужичку курицы выпустить некуда. Курица глупа, не разсуждаетъ, что свое и что чужое, бредетъ туда, гдѣ лучше,—за это ее сейчасъ въ супъ. Ищетъ баба курицу, съ ногъ сбилась, а Кононъ Лукичъ молчитъ.

— Вы, что ли, Кононъ Лукичъ, курицу взяли?—пристаетъ она къ барину.

— Не знаю; видѣлъ я давеча курицу у себя въ огородѣ, а твоя ли, моя ли—Христосъ ихъ разберетъ!

— Куда же она дѣвалась?

— Должно быть, въ супъ ко мнѣ попала. Не ходи въ огородъ!—за это я не только чужой, но и своей курицѣ потачки не дамъ!

Что бабѣ дѣлать? Не судиться же изъ-за курицы! Обругаетъ барина, да онъ уже обтерпѣлся. Въ глаза его „мучителемъ“ зовутъ, а онъ только опояску на халатѣ обдергиваетъ.

И полеводство свое онъ расположилъ съ расчетомъ. Когда у крестьянъ земля подъ паромъ, у него, черезъ дорогу, овесъ посѣянъ. Видитъ скотина—на пару ей взять нечего, а тутъ же, чуть не подъ самымъ рыломъ, цѣлое море зелени. Нѣтъ-нѣтъ,

да и забредеть въ господскіе овсы, а ее оттуда кнутъями да съ хозяина — штрафъ. Потравила своегона на гривенникъ, а штрафу — рубль. „Хоть все поле стравите — мнѣ же лучше! — ухмыляется Кононъ Лукичъ: — ни градобитіевъ бояться не нужно, ни бабамъ за жнитво платить!“

Однако онъ настолько добръ, что денегъ за штрафы не требуетъ.

— Мнѣ на что деньги! — говоритъ онъ: — на свѣчку Богу да на лампадное маслице у меня и своихъ хватитъ! А ты вотъ что, другъ: съ тебя за поправу слѣдуетъ рубль, такъ ты мнѣ, вмѣсто того, полдесятинки вспаши да сдвой, а ужъ посѣю я самъ. Такъ мы съ тобой по хорошему и разойдемся.

— Мучитель вы нашъ, Кононъ Лукичъ!

— Ты говоришь: — мучитель, а я говорю: — правило такое есть. На чужую собственность не заглядывайся. Я къ тебѣ не хожу, ты ко мнѣ не ходи. Знаешь ли ты, что такое собственность? Ею, другъ, государство держится. Потому всякому своего жалъ; а коли своего жалъ, такъ, стало быть, и чужого касаться не слѣдуетъ. Всѣ другъ по дружкѣ живутъ: я тебя берегу, ты — меня... потому что у каждаго есть собственность. А ежели кто это забываетъ — значить, тотъ и государству измѣнникъ да и вообще... ну, просто, значить, ничего нестоющій человекъ!

Словомъ сказать, и поправы, и порубки, не печалятъ его, а радуютъ. Всякій нанесенный ему ущербъ опѣненъ заблаговременно. на все установлена опредѣленная такса. Цѣлый день онъ бродитъ по полямъ, по лугамъ, по лѣсу, ничего не пропустить и словно чутьемъ угадаетъ виновнаго. — Даже ночью однимъ ухомъ спать, а другимъ — прислушивается.

На первыхъ порахъ послѣ освобожденія, онъ завалилъ мирового посредника жалобами, и постоянно судился, хотя почти всегда проигрывалъ дѣла; но крестьянамъ даже выигрывать надобло: выиграешь мѣдный пятакъ, а времени прогуляешь на рубль. Постепенно они подчинялись; отводили душу, ругая Лобкова въ глаза, по назначеннымъ десятинамъ обрабатывали исправно, не кривя душой. Чего еще лучше!

Другое подспорье — это система такъ-называемыхъ одолженій. У мужичка къ веснѣ и хлѣбъ, и сѣно подошли, а Кононъ Лукичъ всегда готовъ, по-сосѣдски, одолжить.

— Одолжили бы, сударь, пудика два мучки до осени? — кланяется мужичокъ.

— Съ удовольствіемъ, другъ. И процента не возьму: я тебѣ два пуда, и ты мнѣ два пуда — святое дѣло! Извѣстно, за

благодарность ты что-нибудь поработаешь... Что бы, напимѣрь?—ну, напимѣрь, хозяйка твоя съ сношеньями полдесятинки овса мнѣ сожнеть. Ахъ, хороша у тебя старшая сноха... я-а-дреная!

— Помилуйте, Кононъ Лукичъ!—полдесятины-то овса сжать мало-мало два съ полтиной отдать нужно!

— Это ежели деньгами платить, а мнѣ—за благодарность. Я вѣдь не неволю; мнѣ и гуляючи отработаете. Наступитъ время, поспѣетъ овесъ—бабыньки-то твои и не увидятъ, какъ шута полдесятинки сожнутъ!

За первымъ мужичкомъ слѣдуетъ другой, за другимъ—третій и такъ далѣе. У всѣхъ нужда, и всѣхъ Кононъ Лукичъ готовъ надѣлать. Весной онъ обезпечиваетъ себѣ обработку и уборку полей. Съ наступленіемъ лѣта, онъ точно такъ же обезпечиваетъ уборку сѣнокоса.

Здѣсь ему приходится на помощь третье отличнѣйшее подспорье—пустошъ.

— Берите у меня пустошъ!—совѣтуетъ онъ мужичкамъ:—я съ васъ ни денегъ, ни сѣна не возьму—на что мнѣ! Вотъ лужокъ мой всѣмъ міромъ уберете—я и за то благодаренъ буду! Вы это тутъ на гулянкахъ сдѣлаете, а мнѣ—подспорье!

— Все на гулянкахъ да на гулянкахъ!—и то круглый годъ гуляемъ у васъ, словно на барщинѣ!—возражаютъ мужички:—вы бы лучше, какъ и другіе, Кононъ Лукичъ: за деньги либо исполу...

— Что вы, Христось съ вами!—да мнѣ стыдно будетъ въ люди глаза показать, если я съ сосѣдами на деньги пойду! Я—вамъ, вы—мнѣ; вотъ какъ по-христіански слѣдуетъ. А какъ скосите мнѣ лужокъ,—я вамъ ведро поставлю да пирогами обдѣлю—это само собой.

Словомъ сказать, благодаря подспорьямъ, гуляютъ у него мужички на работѣ, а онъ пропитывается.

Скота онъ держитъ немного и стада своего не совершенствуетъ, хотя отъ покупки доброй коровы-ярославки—не прочь: удой отъ нея хорошъ, да и ухода изысканнаго не требуетъ. Это онъ даже въ патриотизмъ себѣ вмѣняетъ.

— Чѣмъ по за-границамъ деньги транжирить,—говоритъ онъ:—лучше свое, отечественное поощрять... такъ ли?

Но, чтобъ получить достаточное количество навоза, онъ придумалъ опять своего рода подспорье. Осенью ѣздитъ по ярмаркамъ и сельскимъ аукціонамъ и скупаетъ лошадей-палошницъ. Рублей по десяти за голову, штукъ шестьдесятъ онъ такихъ

одровъ накупить и поставить на зиму на мякину¹ да на соломенную рѣзку, чтобъ только не подохла скотина. Къ веснѣ слегка овсецомъ подправить—и продаетъ. Ту же лошадь, въ виду наступленія рабочаго времени, мужичокъ за сорокъ рублей купить—смотришь, рублей десять-пятнадцать барышеа съ каждой головы наберется. А навозъ самъ по себѣ... конскій навозъ!

Тутъ барышокъ, тамъ барышокъ, вездѣ, за что онъ ни возьмется—вездѣ барышокъ. Правда, что онъ съ утра до вечера мается, маклachtet, мелочничаетъ, но зато сытъ. Живетъ онъ одиноко; многіе даже думаютъ, что у него совсѣмъ семьи нѣтъ. Но это не такъ: есть у него семья, да только не удалась она. Есть жена, да полудурье, и притомъ попиваетъ,—никому онъ ея не кажетъ. Есть два сына: одинъ—на Кавказѣ ротнымъ командиромъ служить, другой—въ морякахъ. Оба лѣтъ двадцать къ нему глазъ не кажутъ—очень ужъ онъ въ дѣтствѣ тиранилъ—и даже не пишутъ. Есть и дочь, да онъ ее проклялъ. Но онъ до такой степени „изворовался“ въ сельско-хозяйственныхъ ухищреніяхъ, что даже не замѣчаетъ отсутствія семьи.

Однажды, послѣ одного изъ судьбищъ, заѣхалъ къ нему мировой посредникъ и разговорился.

— Изъ чего только вы хлопочете, Кононъ Лукичъ?—спросилъ посредникъ.

— А вы изъ чего?

— Я... какъ же возможно! Я—служу, посильную пользу обществу приношу.

— Всѣ мы изъ-за одного бьемся... кормиться хотимъ. Вы глядите въ книгу и видите фигу—за это деньги получаете; я—около хозяйства колочусь. Сытъ—и слава Богу!

Посредникъ обидѣлся (передъ нимъ дѣйствительно, какъ будто, фигу вдругъ выросла) и уѣхалъ, а Кононъ Лукичъ остался дома и продолжалъ „колотиться“ по-старому. Зайдетъ въ лѣсъ—бабу поймаетъ, лукошко съ грибами отниметъ; заглянетъ въ поле—скотину выгонитъ и штрафъ возьметъ. Съ утра до вечера все въ маятъ да въ маятъ. Только въ праздникъ къ обѣднѣ сходить, и, какъ ударять къ „Достойной“, непременно падетъ на колѣни, вынетъ платокъ и отъ избытка чувствъ сморкнется.

Зимой ему посвободнѣе. Но и тутъ онъ нашелъ себѣ занятіе: ябеды пишетъ. Доноситъ на священника, что онъ въ такой-то царскій день молебна не служилъ; на Аншетова—что онъ своимъ примѣромъ въ смущеніе приводитъ; на сельскаго старосту—что онъ, будучи вызванъ въ воскресенье къ исправнику, такъ отважно выразился, что даже міряне потупили очи.

Словомъ сказать, совершенно доволенъ, что его со всѣхъ сторонъ обступили мелочи, ни дыхнуть, ни подумать ни о чемъ не даютъ. Цѣною этого онъ сытъ и здоровъ, — а больше ему ничего и не требуется.

4.—Міроѣды.

И міроѣдъ не чуждъ природѣ. Разумѣется, не въ смыслѣ сельско-хозяйственномъ, а въ томъ, что и онъ производитъ свой чужеродный промыселъ на лонѣ природы, въ вольномъ воздухѣ, въ виду луговъ, лѣсовъ и болотъ.

Міроѣды — порожденіе новѣйшихъ временъ. Хотя и въ дореформенное время этотъ терминъ существовалъ, но означалъ онъ совсѣмъ не то, что теперь означаетъ. Собственно говоря, былъ и тогда міроѣдъ, въ современномъ значеніи этого слова, но онъ ютился въ области крѣпостного права, и, конечно, не назывался міроѣдомъ. Затѣмъ, въ средѣ государственныхъ крестьянъ, міроѣдами прозывались „коштаны“, т.-е. горлопаны, волновавшіе мірскія сходки и находившіеся на замѣчаніи у начальства, какъ бунтовщики; въ средѣ мѣщанъ, подъ этой же фирмой процвѣтали „кулаки“, которые подстерегали у заставъ крестьянъ, ѣдущихъ въ городъ съ продуктами, и почти силой уводили ихъ въ купеческіе дворы, гдѣ ихъ обсчитывали, обмѣривали и обвѣшивали. Наконецъ, были прасолы, ѣздившіе по усадьбамъ и деревнямъ и скупавшіе и продававшіе всякій сельскій продуктъ. По тогдашнему простому времени, и этого было довольно.

Истинный міроѣдъ зачался одновременно съ упраздненіемъ крѣпостного права, но настоящимъ образомъ онъ оперился, оформился и расцвѣлъ, благодаря сивушной реформѣ.

Крестьянская реформа создала обстановку. Она дала деревенскому люду общину, но общину своеобразную, содержаніе которой исчерпывалось круговою порукой, облегчавшей исправный платежъ податей и повинностей. Ни въ какомъ другомъ отношеніи, эта новоявленная община ни обезпеченія, ни ручательства, не представляла. Для захудалого мужика она еще могла бы представлять нѣкоторое обезпеченіе въ смыслѣ болѣе равномернаго распредѣленія денежныхъ сборовъ; но вѣдь для подобныхъ платежныхъ единицъ (имъ присвоивается кличка „нерадивыхъ“) существуютъ соотвѣтствующія мѣры побужденія, — стало быть, тутъ и безъ равномерности можно обойтись. Для мужика сильнаго, успѣвшаго „забраться“ еще при крѣпостномъ правѣ, община представляла выгоду лишь въ томъ случаѣ, если рядомъ съ нею

плю порабощеніе болѣе слабыхъ платежныхъ единицъ. Человѣку сильному и предприимчивому тяжело подчиниться общиннымъ порядкамъ, которые прежде всего обезличиваютъ его, налагаютъ путы на всю его дѣятельность, вторгаются въ его жизненную обстановку и вообще держатъ подъ угрозой „сравненія съ прочими“. Идеалы сильного деревенскаго мужика не особенно высоки, но онъ крѣпко держится за нихъ, употребляя на осуществленіе ихъ весь запасъ хитрости, лукавства и умѣлости, который находится въ его распоряженіи. Чтобы достигнуть этого, надобно прежде всего ослабить до минимума путы, связывающія его дѣятельность, устроиться такъ, чтобы стоять въ сторонѣ отъ прочей „гольтепы“, чтобы порядки послѣдней не были для него обязательны, чтобы за нимъ обезпечена была личная свобода дѣйствій; словомъ сказать, чтобы имя его пользовалось почетомъ въ мірѣ сельскихъ властей, и черезъ посредство ихъ производило давленіе на голь мірскую. Затѣмъ, по сущей справедливости, не лишнее извлечь и осязательную выгоду изъ созданнаго такимъ образомъ привилегированнаго положенія. Потому что, какъ бы ни были ослаблены узы его зависимости отъ общины, все-таки онъ числится членомъ ея, слѣдовательно—привязанъ къ извѣстному мѣсту, стѣсненъ въ передвиженіяхъ. Надо вознаграждать себя за это. По зрѣломъ размысленіи, такое вознагражденіе онъ можетъ добыть, не ходя далеко, въ нѣдрахъ той „гольтепы“, которая окружаетъ его. Надо только предварительно самого себя освободить отъ путъ совѣсти, и съ легкимъ сердцемъ приступить къ задачѣ, которая ему предстоитъ и формулируется двумя словами: „ѣсть міръ“. И онъ рѣшается на этотъ подвигъ тѣмъ съ мѣньшимъ затрудненіемъ, что слово „совѣсть“ имѣетъ для него значеніе, обозначающее очень ограниченный кругъ нравственныхъ представленій самаго ходячаго свойства. Онъ разсуждаетъ такъ:—Я выбрался изъ нужды—стало быть, и другіе имѣютъ возможность выбраться; а если они не дѣлаютъ этого, то это происходитъ оттого, что они не умѣютъ управлять собою. Учить ихъ некогда, да и не зачѣмъ, а надо просто-на-просто ѣсть ихъ, хотя бы ради того, чтобы личный ихъ трудъ не растрчивался на вѣтеръ,—а гдѣ-нибудь производилъ накопленіе. „Гдѣ-нибудь“—это у него. Отсюда названіе „міроѣдъ“.

Наицѣлесообразнѣйшее средство для удовлетворенія алчности дала ему сивушная реформа. Она каждую деревню наградила кабакомъ и отъ кабачика потребовала только соблюденія двухъ условій: приговора общества и нравственнаго ценза. Приговоръ общества міроѣду достать очень легко: стоитъ только выставить

„гольтепѣ“ ведро или два (смотря по величинѣ деревни)—и приговоръ готовъ. Въ большинствѣ случаевъ, кромѣ официального приговора, давался еще дополнительный, которымъ постановлялось: никому другому въ деревнѣ другого кабака не разрѣшать и никому изъ членовъ общества въ кабакахъ сосѣднихъ деревень не пить, подъ опасеніемъ штрафа, а пить исключительно у него, има рекъ, міроѣда. Что же касается до нравственнаго ценза, то добыть его еще легче. Мужикъ онъ обстоятельный, исправный, никого явно не убилъ, не ограбилъ, а стало быть, и подъ судомъ не бывалъ. Онъ міроѣдъ,—только и всего; но развѣ міроѣдство подлежитъ компетенціи суда?

Дешевизна водки произвела оглушающее дѣйствіе. „Гольтепа“ массой потянулась въ кабаки. Какъ-будто она сразу хотѣла вознаградить себя за долгій искусь лишенія продукта, который, въ виду ея одичалости, представлялъ для нея громадный соблазнъ. Но, сверхъ того, ей необходимо было забыться, уторѣть. Обида преслѣдуетъ ее всюду: и дома, и на улицѣ. Только кабаки, въ лицѣ своего властелина, видятъ въ немъ равноправнаго потребителя и ограждаютъ эту равноправность. Только въ кабаки онъ самъ-большой и можетъ прикрикнуть даже на самого міроѣда. „Ты что озорничаетъ? наливай до краевъ!“ И міроѣдъ не отвѣтитъ на его окрикъ, а только ухмыльнется въ бороду.

„Разоренье“ вошло въ полный фазисъ своего развитія. Пропивались заработанныя тяжкимъ трудомъ деньги, и ежели денегъ не доставало—пропивалась самая жизнь. Рабочія орудія, скотъ, одежда, личный трудъ, будущій урожай,—все потянулось къ кабаку и словно пропадало въ утробѣ кабатчика. А рядомъ съ кабакомъ стояла лавочка, гдѣ весь деревенскій товаръ былъ налицо, начиная отъ гвоздя до женскаго головного платка. Зачѣмъ запасаться дома, зачѣмъ копить, коль скоро все въ лавочкѣ найти можно?! И денегъ не нужно—знай, хребтомъ шевели: міроѣдъ своего не упуститъ! онъ, братъ, укажетъ, гдѣ и какъ шевелить!

И дѣйствительно: онъ укажетъ. Онъ знаетъ каждого члена окружающей „гольтепы“ и можетъ во всякое время опредѣлить, кто чего стоитъ. Вотъ этотъ хребетъ еще долго выдержитъ, а вонъ тотъ ужъ надламывается. Первому можно безъ риска вѣрить; что касается до второго, то не лишнее и остерегаться. И изба, и клѣтъ, и соха, и всякій гвоздь въ избѣ—все на виду у міроѣда, и все принимается имъ въ расчетъ. Даже семейное положеніе: у кого сынъ на фабрикѣ, у кого дочь въ казачкахъ: въ крайнемъ случаѣ, и они отработать долгъ могутъ. Мужичья изба словно фонарь—все въ ней наружу. Вонъ она стоитъ, оголивши

рёбра, словно осто́въ звѣря. Тамъ бревно изъ пазовъ выпило, тутъ — иструпѣло совсѣмъ; солома на крышѣ гниётъ, вѣтромъ ее истрепало, на кормъ скотинѣ клочья весной повытаскали. Но и изъ этой груды полуистлѣвшаго хлама пользышекъ извлечь можно. Вонъ онъ! вонъ! около телѣги копошится! Э, да онъ, видно, остатки сѣна на возъ навивать хочетъ!..

— Авдѣй, а Авдѣй! никакъ ты сѣно-то въ городъ везешь? — кричить міроѣдъ на всю улицу.

— Собрался-было, Петръ Матѣвичъ, — робко отъликается Авдѣй, чувствуя угрозу.

— Вези лучше ко мнѣ — тѣ же деньги, да и въ городъ ѣздить не нужно. А коли искупить что въ городѣ хотѣлъ, такъ и у меня въ лавкѣ товару довольно.

Авдѣй не прекословить. Вязанку за вязанкой онъ перетаскиваетъ сѣно во дворъ въ міроѣду, и получаетъ расчетъ. Въ городѣ сѣно тридцать копѣекъ стоитъ, міроѣдъ даетъ двадцать-пять: — «экой ты, братецъ! поѣхалъ бы въ городъ — навѣрное, больше пяти копѣекъ на пудъ истрясъ бы!»

— Чтой-то, Петръ Матѣвичъ, словно бы маловато вѣсу у васъ выходитъ! Надо быть, сѣна у меня тридцать пудовъ было, а у васъ двадцать-семь вѣсы показываютъ...

— Чудакъ, братецъ, ты! развѣ я вѣшаю? стрѣлка вѣшаетъ! Вонъ смотри стрѣлку-то — прямо стоитъ? А коли прямо — значить, вѣрно.

— У Петра Матѣвича вѣсы живые: сколько ему захочется, столько и вѣсятъ! — шутить сосѣдъ, тоже членъ мірской гольтепы, случайно проходя мимо.

Попутить прохожій, попутить и самъ продавецъ, попутить и міроѣдъ — такъ на шуткѣ и помирятся. Расчетъ будетъ сдѣланъ все-таки какъ міроѣду хочется; но, въ добрый часъ, онъ и косушку поднести не прочь.

— Вотъ на этомъ спасибо! — благодарить Авдѣй: — добѣръ ты, Петръ Матѣвичъ! это такъ только вороги твои клепятъ, будто ты крестьянское горе сосеешь... Ишь вѣдь! и денежки до копѣчки заплатилъ, и косушку поднесъ; кто, кромѣ Петра Матѣвича, такъ сдѣлаетъ? — Ну, а теперь пойти въ старостѣ, хоть пятишницу въ недоимку отдать. И то намеренъ стегать меня собирался.

Съ утра до ночи голова міроѣда занята расчетами; съ утра до ночи взоръ его вглядывается въ деревенскую даль. Заручившись деревенской статистикой, онъ мало того, что знаетъ хозяйственное положеніе каждаго однообщественника, какъ свое соб-

ственное, но можеть даже напомнить односельцу о такихъ предметахъ, о которыхъ тотъ и самъ позабылъ.

— А помнишь, дядя Семень, рыдванъ у тебя телѣжный старенькій былъ—гдѣ онъ теперь?

— Ахъ, прахъ те побери!—спохватывается дядя Семень:—и взаправду вѣдь былъ! гдѣ онъ теперь? Вотъ ловко находку нашель!

И бѣжить домой, обшариваетъ дворъ и, наконецъ, гдѣ-нибудь въ пустомъ хлѣву, гдѣ осенью поросенка откармливали, находитъ остовъ телѣжнаго рыдвана.

— Нашель!—радуется онъ на всю улицу:—ишь ты, починить его мало-мальски, и опять за новый пойдеть! И съ чего это я его бросилъ!

— За новый онъ не пойдеть—это ты вздоръ мелешь!—резонно говоритъ Петръ Матвѣичъ:—и бросилъ ты его оттого, что онъ ужъ совсѣмъ изрѣпетился. А коли хочешь за него полштофъ—бери!

— Получай!—соглашается дядя Семень:—чтожъ! кабы не ты, я и не вспомнилъ бы, что у меня на дворѣ кладъ есть. Ахъ, добѣрь ты, Петръ Матвѣичъ, ужъ такъ ты добѣрь, такъ добѣрь!

Дядя Семень доволенъ, потому что онъ сутки пьянъ. Петръ Матвѣичъ тоже доволенъ, потому что онъ почистилъ телѣжный рыдванъ, обиль его изнутри рогожей,--и будетъ онъ ему еще долго служить наравнѣ съ новыми.

Мірофды, по родоприсхожденію, бываютъ двухъ сортовъ: аборигены и наѣзжіе.

Мірофдъ-аборигентъ ѣстъ своихъ однообщественниковъ, а потому для него обязательна извѣстная доля осмотрительности. Онъ зачался еще при крѣпостномъ правѣ и принадлежалъ къ числу тѣхъ благомысленныхъ мужичковъ, которыми такъ любили хвалиться помѣщики. Во всей округѣ онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ „министра“, и помѣщикъ не только не препятствовалъ ему разживаться, но даже помогалъ,—участвовалъ въ его торговыхъ операціяхъ или просто ссужалъ за проценты деньгами. Односельцевъ благомысленный мужикъ не трогалъ, такъ какъ это было бы въ ущербъ помѣщику; онъ велъ свои обороты на сторонѣ, посѣщая базары и ярмарки. И искупалъ, и продавалъ все, что представлялось въ данную минуту выгоднымъ, не держась специальности; но въ результатѣ нерѣдко образовывался значительный капиталъ. Съ паденіемъ крѣпостного права, нѣкоторые изъ „благомысленныхъ“ выписались въ купцы, но большинство, по есте-

ственному ходу вещей, превратилось въ міроѣдовъ. Такое прошлое, не представляя особенныхъ задатковъ дѣйствительной благомысленности, все-таки свидѣтельствовало о недюжинномъ умѣ и о способности извлекать пользу изъ окружающей среды и тѣхъ условій, въ которыхъ она живетъ. И точно: никто зорче его не приемотрится, никто основательнѣе не взвѣситъ. Онъ непременно возьметъ „свое“, но возьметъ во-время и именно столько, сколько можно.

Выше я сказалъ, что онъ напомнить дядѣ Семену о существованіи заброшеннаго тѣлѣжнаго рыдвана, но, одновременно съ этимъ, онъ прочтетъ дядѣ Авдѣю наставленіе, что вести на базаръ послѣднюю животину, значить окончательно разорить домъ, что можно потерпѣть, оборотиться и т. д. Вообще, гдѣ слѣдуетъ, онъ нажметъ, а гдѣ слѣдуетъ, и отдохнуть дастъ. Дать мужику безъ резону потачку—онъ носъ задеретъ; но, съ другой стороны, дать захудалому отдохнуть—онъ и опять исподволь обростетъ. И опять его стриги, сколько хочется.

На этомъ умѣньѣ—взять во время и сколько можно—основанъ весь расчетъ міроѣда-аборигена. „Гольтепа“ мірская знаетъ это, и не скрываетъ отъ себя, что отъ помѣщика она попала въ крѣпость міроѣду. Но процессъ этого перехода произошелъ такъ незамѣтно и естественно, и отношенія, которыя изъ него вытекли, такъ чужды насильственности, что приходится только подчиниться имъ. И дѣйствительно, „гольтепа“ подчинилась; и не только въ силу тяготѣющаго надъ ней рока, но и не безъ нѣкоторой доли сознательности. Она понимаетъ, что къ ней присосалось нѣчто чужеродное, благодаря которому она постепенно опускается все глубже и глубже, но не чувствуетъ тисковъ, не нащупываетъ дна. Существова лишь въ качествѣ живого рабочаго инвентаря, она только то и имѣетъ, чтѣ въ обрѣзъ необходимо для поддержанія этого инвентаря въ надлежащей исправности.

Что касается до селско-хозяйственныхъ оборотовъ міроѣда-аборигена, то онъ ведетъ свое полеводство тѣмъ же порядкомъ, какъ и „хозяйственный мужичокъ“. Онъ любитъ и холить землю, какъ настоящій крестьянинъ, но уже не работаетъ ее самъ, а предпочитаетъ пользоваться дешевымъ или даровымъ трудомъ кабальной гольтепы. Сколько находится у него въ распоряженіи этого труда, столько беретъ онъ и земли. Онъ не гонится за большими селско-хозяйственными предпріятіями, ибо знаетъ, что сила его не тутъ, а въ той неприступной крѣпости, которую онъ создалъ себѣ, благодаря кабаку и торговымъ оборотамъ. Такъ что всѣ его требованія, относительно земли, какъ надѣль-

ной, такъ и арендуемой, ограничиваются тѣмъ, чтобъ результаты ея производительности доставались ему даромъ, составляли чистую прибыль.

Кромѣ міроѣда-аборигена, въ деревняхъ нерѣдко встрѣчается міроѣдъ наѣзжій. Послѣдній является на мѣсто уже вполне свободнымъ отъ тѣхъ сложныхъ соображеній, которыя отъ времени до времени волнуютъ міроѣда-аборигена. Онъ, собственно говоря, человѣкъ выморочный. Не будучи членомъ общины, онъ не чувствуетъ себя связаннымъ ни съ ея интересами, ни съ ея людьми. Въ его глазахъ, община есть объектъ для эксплуатаціи — и ничего больше. Онъ беретъ съ этого объекта все, что можетъ, беретъ нагло, ни передъ чѣмъ не задумываясь, и зная, что сегодня онъ тутъ, а завтра — въ иномъ мѣстѣ. Быть можетъ, онъ присасывается не такъ видно, какъ мѣстный аборигенъ, но зато всѣ его прижимки наглядны, безстыдны и ненавистны. Міроѣдъ-аборигенъ возбуждаетъ страхъ; міроѣдъ наѣзжій — ненависть. Онъ самъ это отлично понимаетъ, и потому находится въ вѣчномъ трепетѣ краснаго пѣтуха.

Наѣзжій міроѣдъ — разночинецъ; это или бывшій дворовый человѣкъ, или мѣщанинъ изъ сосѣдняго города, соблазнившійся барышами, которые сулила сивушная реформа, или, наконецъ, оставшійся безъ мѣста, по случаю реформъ, чиновникъ. Иногда (впрочемъ, какъ рѣдкое исключеніе) міроѣдомъ является и самъ бывшій помѣщикъ.

Бывшій дворовый человѣкъ непремѣнно возлежалъ на лонѣ у своего помѣщика. То-есть, служилъ камердинеромъ, выполнялъ негласныя порученія, подлаживался къ барскимъ привычкамъ, изучалъ барскіе вкусы и вообще пользовался довѣріемъ настолько, что имѣлъ право обшаривать барскіе карманы и входить, въ отсутствіе барина, въ комнату, гдѣ находился незапертый ящикъ съ деньгами. Онъ воровалъ господскія сигары и потчивалъ ими друзей, ѣлъ съ господскаго стола, ходилъ въ гости въ господскомъ платьѣ, и вообще получилъ вкусъ къ барской жизни. Друзья барина величали его по имени и по отчеству; нѣкоторые занимали у него деньги и жали ему руку.

Ежели баринъ велъ картежную игру, то камердинеру представлялась доходная статья настолько значительная, что устраняла всякія подозрѣнія относительно его честности. При картахъ — вино, бутылки неслучайныя; наворачиваются счастливые игроки, которымъ и сто рублей выбросить на водку расторопному лакею ничего не стоитъ. Правда, что онъ ночей не спалъ, ногъ подъ собой не слышалъ, но зато у него скопился настолько значи-

тельный капиталъ, что онъ, уже при первомъ слухѣ о предстоящей эмансипаціи, началъ тосковать о самостоятельности. И когда роковой часъ наступилъ, то онъ, давъ барину время раздѣлаться съ крестьянами, въ самый день полученія выкупной ссуды бросилъ его на произволъ судьбы.

— Наворовалъ довольно?—внезапно прозрѣлъ баринъ.

— Послужилъ—и будетъ,—отвѣчалъ свромно вчерашній довѣренный слуга.

И что же! несмотря на прозрѣніе, барина сейчасъ же начала угнетать тоска: „Куда я теперь дѣнусь? Все былъ Иванъ Ѳомичъ—и вдругъ его нѣтъ! все у него на рукахъ было; все онъ зналъ, и подать, и принять; зналъ привычки каждаго гостя, чѣмъ кому угодить—когда все это опять наладится?“—И долго тосковалъ баринъ, долго пересчитывалъ оставшуюся послѣ Ивана Ѳомича посуду, бѣлье, вспоминалъ о какихъ-то исчезнувшихъ пиджакахъ, галстукахъ, жилетахъ; но, наконецъ, махнулъ рукой и зажилъ по старому.

Между тѣмъ Иванъ Ѳомичъ ужъ облюбовалъ себѣ мѣстечко въ деревенскомъ посѣлѣ. Ахъ, хорошо мѣстечко! Въ самой серединѣ деревни, на берегу обрыва, на днѣ котораго пробился ключъ! Кстати, тутъ оказалась и упалая изба. Владѣлецъ ея, зажиточный легковой извозчикъ, вслѣдъ за объявленіемъ воли, собралъ семейство, заколотилъ окна избы досками и совсѣмъ переселился въ Москву.

Иванъ Ѳомичъ выставилъ міру два ведра и получилъ приговоръ; затѣмъ сошелся за-дешево съ хозяиномъ упалой избы и открылъ „постоялый дворъ“, пристроивъ сбоку небольшой флигелекъ подъ лавочку. Не принявъ еще окончательнаго рѣшенія насчетъ своего будущаго,—въ головѣ его мелькалъ городъ съ его шумомъ, суетою и соблазнами,—онъ устроилъ себѣ въ деревнѣ лишь временное гнѣздо, которое, однакожъ, было вполне достаточно для начатія атаки. И онъ повелъ эту атаку быстро, нагло и горячо.

Въ селско-хозяйственномъ смыслѣ, дѣйствія Ивана Ѳомича имѣютъ тотъ же временный характеръ. Онъ охотно снимаетъ въ краткосрочную аренду земельные участки, въ особенности запущенныя старыя пашни, поросшія мелкимъ лѣсомъ; поросль выжжетъ, землю распахнетъ „за благодарность“, сниметъ хлѣбъ-другой, ограбитъ землю и уйдетъ. Еще охотнѣе онъ занимается лѣснымъ дѣломъ. Купить лѣсочекъ подъ вырубку, срубить все до послѣдней годовалой березки, а голое мѣсто отдать въ кортому подъ пастбу скота. Такъ что, когда, по окончаніи аренд-

наго срока, вырубка возвратится къ владѣльцу, то послѣдній можетъ быть увѣренъ, что тутъ ужъ никогда даже осинка не вырастетъ.

И благо Ивану Ѳомичу, что онъ устроивается въ деревнѣ лишь временно. Деревенскій постоянный дворъ для него только школа, въ которой онъ приобретаетъ знанія и навыки, необходимые для грабительства въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Но, кромѣ того, годы, проведенные въ деревнѣ, полезны и въ томъ отношеніи, что они даютъ время забыть его лакейское прошлое. Въ сущности, онъ ни на минуту не спускаетъ глазъ съ Петербурга, и уже видитъ себя настоящимъ торговцемъ, владѣльцемъ, на первое время, хоть табачнаго магазина. И кто знаетъ, что ему сулитъ будущее? Быть можетъ, онъ будетъ членомъ общественнаго управленія, членомъ санитарной комиссіи, водопроводной субкомиссіи и проч.—вообще, необходимою спицей въ колесницѣ. Можетъ быть, на груди его будетъ блистать медаль, а можетъ быть...

.

О прочихъ наѣзжихъ міроѣдахъ распространяться я не буду. Они ведутъ свое дѣло съ тою же наглостью и горячностью, какъ и Иванъ Ѳомичъ,—только размахъ у нихъ не такъ широкъ и перспективы уже. И чиновникъ, и мѣщанинъ, навсегда заѣжуютъ въ деревнѣ, безъ малѣйшей надежды попасть въ члены суб-суб-комиссіи для вывозки изъ города нечистотъ.

Подобно хозяйственному мужику, сельскому священнику и помѣщику, міроѣдъ всю жизнь колотится около крохъ, не чувствуя подъ ногами иной почвы и не усматривая впереди ничего, кромѣ крохъ. Всѣхъ одинаково обступили мелочи, всѣ одинаково въ нихъ одиѣхъ видятъ обезпеченіе противъ угрозъ завтрашняго дня. Но поэтому-то именно мелочи, на общепринятомъ языкѣ, и называются: „дѣломъ“, а все остальное—мечтаніемъ, угрозою...

Н. Щедринъ.

ОБМАНЫ СОЗНАНІЯ

О Ч Е Р К Ъ .

Какъ бы глубоко ни были убѣждены мы въ непогрѣшимости нашего сознанія, какъ бы много мы ни довѣряли его голосу, тѣмъ не менѣе, едва-ли найдется человѣкъ, могущій съ полной увѣренностью сказать, что ему никогда не приходилось ошибаться въ жизни и дѣлаться жертвой какихъ-нибудь иллюзій и невольныхъ самообмановъ, и сказанное относится не только къ сферѣ явленій практической жизни, но и къ области строгихъ научныхъ изслѣдованій.

Охотнѣе всего мы допускаемъ возможность ошибокъ во всемъ томъ, что относится къ оцѣнѣ явленій далекаго прошлаго, къ области воспоминаній и основанныхъ на нихъ умозаключеній и сужденій, такъ какъ изъ опыта будничной жизни мы знаемъ, что слѣды разнообразныхъ прошлыхъ впечатлѣній, представленій, являются недолговѣчными, стираются съ теченіемъ времени и оставляютъ, такимъ образомъ, неизгладимые пробѣлы въ цѣпи нашихъ представленій о явленіяхъ давно минувшаго времени.

Уже нѣсколько труднѣе признаемъ мы возможность ошибочныхъ сужденій въ сферѣ явленій текущей жизни; каждый изъ насъ судить о нихъ по своему, т.-е. опираясь на наличную сумму впечатлѣній и представленій, выводитъ, на основаніи логическаго сопоставленія ихъ, опредѣленные заключенія о причинѣ явленій, и эти заключенія считаетъ наиболѣе близкими къ истинѣ. Тѣмъ не менѣе, въ области сужденій, относящихся къ сложнымъ явленіямъ текущей жизни, мы все же внутренно допускаемъ всегда нѣкоторую вѣроятность возможныхъ ошибокъ, и вслѣдствіе этого нерѣдко вступаемъ въ споры съ людьми противоположныхъ воз-

зрѣній, съ цѣлью или переубѣдить своихъ противниковъ, или исправиться самимъ въ собственныхъ своихъ ошибкахъ.

Труднѣе всего допускаемъ мы возможность ошибокъ въ сферѣ непосредственныхъ воспріятій нашими органами чувствъ разнообразныхъ впечатлѣній внѣшняго міра, вслѣдствіе чего громадное большинство людей твердо вѣритъ въ непогрѣшимость первыхъ показаній своихъ чувствъ, т.-е. первыхъ впечатлѣній, возникающихъ въ нашемъ сознаніи, о качественныхъ и пространственныхъ отношеніяхъ окружающаго насъ вещественнаго міра. Всѣ мы, болѣе или менѣе, сходимся въ оцѣнкѣ цвѣта, величины, вѣся тѣлъ, разстоянія, отдѣляющаго ихъ отъ насъ, въ оцѣнкѣ направленія, силы, высоты звуковъ, и т. д., вслѣдствіе чего въ насъ невольно крѣпнеть вѣра въ то, что воспріятія нашихъ чувствъ отличаются своей непоколебимой вѣрностью. Единоголасное признаніе всѣми однихъ и тѣхъ же впечатлѣній и представленій, вызываемыхъ одними и тѣми же предметами и явленіями внѣшняго міра, и принимается обыкновенно какъ лучшее ручательство за полную достовѣрность этихъ впечатлѣній и представленій. Это довѣріе къ чувственнымъ воспріятіямъ настолько бываетъ велико, что, въ случаѣ какихъ-либо сомнѣній насчетъ вѣрности нашихъ сужденій, мы обыкновенно прибѣгаемъ къ нашему глазу, уху, осязанію, и т. д., какъ къ механизмамъ строгаго контроля.

Какъ ни вѣрно, однако, то положеніе, что показанія нашихъ органовъ чувствъ являются психическими элементами, осложненными наименьшимъ числомъ ошибокъ, тѣмъ не менѣе, при внимательномъ изученіи дѣла, легко убѣдиться, что и въ сферѣ разнообразныхъ чувственныхъ воспріятій встрѣчаются нерѣдко весьма крупныя ошибки въ оцѣнкѣ самыхъ элементарныхъ свойствъ предметовъ и явленій окружающаго насъ міра, ведущія къ иллюзіямъ, т.-е. къ ложнымъ толкованіямъ воспринятыхъ нами впечатлѣній. Мы, въ сущности, крайне легко впадаемъ въ ошибки при оцѣнкѣ дѣйствительной величины предметовъ, формы ихъ, разстоянія, окраски, направленія звуковъ и т. д., и не замѣчаемъ этого обыкновенно, какъ потому, что не обращаемъ на эти ошибки достаточнаго вниманія и свыкаемся съ ними, такъ и по той причинѣ, что ошибки эти, являясь, въ большей или меньшей степени, достояніемъ всѣхъ здоровыхъ людей, не составляютъ чего-либо исключительнаго, выходящаго изъ ряду вонъ.

Настоящій очеркъ имѣетъ цѣлью сгруппировать въ одно цѣлое наиболѣе выдающіяся ошибки нашихъ чувственныхъ воспріятій и сужденій и указать, гдѣ возможно, на первые источники этихъ ошибокъ. Всѣ эти ошибки, свойственныя здоровымъ людямъ, мы,

простоты ради, отнесли къ области обмановъ сознанія, такъ какъ онѣ протекають въ предѣлахъ человѣческаго сознанія и при дѣятельномъ участіи его. Анализъ этихъ обмановъ нормальнаго здороваго сознанія выпадаетъ на долю психо-физиологии въ той же мѣрѣ, въ какой анализъ обмановъ ненормальнаго сознанія душевно-больныхъ составляетъ одну изъ важныхъ задачъ психіатріи.

Чтобы, по возможности, полнѣе обнять предстоящую намъ задачу, необходимо, однако, прежде всего ознакомиться, хотя бы въ общихъ чертахъ, съ механизмомъ пріобрѣтенія нашихъ знаній, т.-е. съ процессами, протекающими въ насъ при возникновеніи въ нашемъ сознаніи тѣхъ или иныхъ ощущеній, представленій и понятій. Знакомство съ этимъ предметомъ дастъ возможность оцѣнить настоящую природу нашихъ знаній, ихъ истинный, правдивый, и ложный, ошибочный характеръ, и укажетъ, въ общемъ, на то, гдѣ слѣдуетъ искать причины разнообразныхъ невольныхъ ошибочныхъ сужденій, жертвой которыхъ дѣлается нерѣдко человѣческое сознаніе.

Вѣдь открытіе истины или, по крайней мѣрѣ, приближеніе къ ней должно составлять высшую цѣль, преслѣдуемую каждымъ мыслящимъ человѣкомъ, какъ въ области наукъ, такъ и въ сферѣ практической жизни, и такое естественное стремленіе человѣка къ истинѣ имѣетъ то глубокое основаніе, что всякое истинное знаніе идетъ лишь на пользу и благоденствіе человѣчества, тогда какъ все ложное, обманчивое, подтачиваетъ его жизнь и ведетъ ее къ упадку и разрушенію.

Какимъ же критеріемъ долженъ руководиться человѣкъ при различеніи истины отъ заблужденія, правды отъ лжи? Гдѣ грань, отдѣляющая область иллюзій отъ области истинныхъ знаній, руководясь которой, человѣкъ легко могъ бы ориентироваться въ своихъ сужденіяхъ и оцѣнить ихъ истинный или правдивый характеръ? Какими мѣрами, наконецъ, могъ бы человѣкъ обезпечить себя отъ наплыва ложныхъ сужденій? Все это вопросы жгучіе, близко связанные съ жизнью человѣка, и не даромъ они являлись предметомъ изученія лучшихъ философовъ и натуралистовъ всѣхъ временъ и народовъ.

Въ настоящее время, характеризующееся болѣе реальнымъ, опытнымъ направленіемъ, сравнительно съ прежнимъ—болѣе умозрительнымъ, можно приблизиться къ посильному выясненію этихъ вопросовъ съ двухъ разныхъ сторонъ. Во-первыхъ, слѣдовало бы выяснить, въ какой мѣрѣ наши представленія о вещахъ и явленіяхъ окружающаго насъ міра соотвѣтствуютъ дѣйствительности, и какъ на этомъ основаніи слѣдуетъ понимать истину въ нашемъ

воспріятіи и мысленіи. Во-вторыхъ, слѣдовало бы, насколько возможно, опредѣлить на фактахъ область невольныхъ ошибокъ, жертвой которыхъ дѣлается человѣческое сознаніе.

Первая задача достигается, въ большей или меньшей степени, изученіемъ механизма приобрѣтенія знаній, доставляемымъ намъ теоріей познаванія, вторая же—психо-физиологическими наблюденіями надъ ложными воспріятіями и сужденіями. Такъ какъ факты послѣдней категоріи находятся въ неразрывной связи съ данными теоріи познаванія и получаютъ, съ точки зрѣнія послѣдней, надлежащее освѣщеніе, то и естественнѣе всего начать съ изложенія теоріи познаванія.

Всѣ знанія наши состоятъ, какъ извѣстно, изъ ряда опредѣленныхъ представленій о предметахъ и явленіяхъ какъ внѣшняго міра, такъ и внутренняго, присущаго намъ. Хранителемъ и связывателемъ всѣхъ этихъ представленій воедино является человѣческое сознаніе, и это послѣднее, по наиболѣе мѣткому опредѣленію Гербарта, есть сумма всѣхъ дѣйствительныхъ, т.-е. одновременно имѣющихся на-лицо представленій. Изъ этого, очевидно, слѣдуетъ, что показанія нашего сознанія достовѣрны лишь въ той мѣрѣ, въ какой составляющія его представленія соотвѣтствуютъ дѣйствительности. На сколько же,—спрашивается,—представленія наши отвѣчаютъ этому основному требованію, и въ какомъ смыслѣ могутъ наши представленія служить вѣрнымъ отраженіемъ дѣйствительности?

На этомъ вопросѣ встрѣчаются, съ двухъ разныхъ точекъ зрѣнія, философія и естествознаніе. Первая, занимающаяся духовной стороною дѣла, стремится выдѣлить изъ представленій и понятій то, что, такъ или иначе, имѣетъ отношеніе къ тѣлесному міру, съ цѣлью опредѣлить точнѣе то, что принадлежитъ собственной дѣятельности духа. Естествознаніе же, производя ту же аналитическую работу, только на почвѣ фактовъ и тонкихъ, точныхъ способовъ изслѣдованія, имѣетъ, главнымъ образомъ, въ виду выяснитъ громадное значеніе міра тѣлесныхъ впечатлѣній и функцій мозга въ развитіи нашихъ представленій.

Философія, на почвѣ самонаблюденія и теоретическихъ умозрѣній, и естествознаніе, на почвѣ опытовъ и наблюденій, сдѣлали уже не мало въ разъясненіи процессовъ познаванія. Рознь въ воззрѣніяхъ на этотъ предметъ, существовавшая вначалѣ, по мѣрѣ развитія наукъ, начала постепенно сглаживаться, и если въ настоящее время естествознаніе и расходится съ философіей во

взглядахъ на ходъ психологическаго развитія нашихъ представленій и понятій, то это разнорѣчіе относится лишь къ вопросамъ второстепеннаго характера, а отнюдь не къ основнымъ воззрѣніямъ на дѣло.

Вся область сознанія, на основаніи которой мы судимъ о предметахъ и явленіяхъ природы, состоитъ, какъ мы уже сказали, изъ комбинацій цѣлаго ряда представленій, какъ прошлыхъ, такъ и настоящихъ. Условія, опредѣляющія правильную работу сознанія, лежатъ какъ въ опредѣленной физической организаціи центральной нервной системы и, въ особенности, коркового вещества мозговыхъ полушарій, такъ и въ зависящихъ отъ этого психологическихъ свойствахъ нашего мозга — образовывать изъ соединенія различныхъ ощущеній представленія, связывать эти послѣднія въ опредѣленные группы и въ опредѣленномъ порядкѣ, воспроизводить уже прошлыя представленія, по законамъ ассоціаціи, и фиксировать въ опредѣленный моментъ, по желанію человека, всю силу вниманія больше на однихъ представленіяхъ, чѣмъ на другихъ, сознаваемыхъ имъ одновременно.

Всѣ эти психическія дѣятельности, ясно сознаваемые человекомъ, совершаются по опредѣленнымъ законамъ нормальнаго мышленія. Для наглядности назовемъ всю сумму имѣющихся налицо одновременныхъ представленій внутреннимъ полемъ зрѣнія нашего сознанія, по аналогіи съ внѣшнимъ полемъ зрѣнія нашего глаза; обширность и разнообразіе этого внутренняго поля должны, очевидно, зависѣть отъ числа и качества выполняющихъ это поле зрѣнія ощущеній, представленій и чувствъ. Подобно тому, какъ глазъ нашъ можетъ фиксировать изъ числа имѣющихся въ его внѣшнемъ полѣ зрѣнія предметовъ любой изъ нихъ и видѣть его яснѣе остальныхъ, такъ и сознаніе способно сосредоточиться на одномъ или нѣсколькихъ, имѣющихся въ его внутреннемъ полѣ, ощущеній, представленій и воспринимать ихъ ярче и детальнѣе остальныхъ, находящихся внѣ сферы внутренней фиксационной точки сознанія. Эта драгоценная способность сознанія, извѣстная въ обыденной жизни подъ названіемъ вниманія, является могучимъ орудіемъ познанія природы.

Нынѣ не подлежитъ уже сомнѣнію, что внутреннее поле нашего сознанія совершенно исчезаетъ послѣ разрушенія сѣрой коры большихъ полушарій головного мозга, и это заключеніе вытекаетъ не только изъ массы клиническихъ наблюденій, но и изъ цѣлаго ряда опытовъ на животныхъ и, въ особенности, на обезьянахъ, доказавшихъ, что въ корѣ мозговыхъ полушарій заложены психическіе центры разнообразныхъ ощущеній, послѣ раз-

рушенія которыхъ уничтожается всякая возможность возникновенія разнообразныхъ сознательныхъ ощущеній, несмотря на цѣлость внѣшнихъ органовъ чувствъ и чувствующихъ нервовъ, связывающихъ ихъ съ мозгомъ.

Мы не станемъ утруждать читателя приведеніемъ многочисленныхъ патологическихъ наблюденій надъ людьми съ пораженіями сѣрой коры мозговыхъ полушарій, тѣмъ болѣе, что о нихъ была уже рѣчь въ прежнихъ бесѣдахъ моихъ о психомоторныхъ центрахъ. Потеря или помутнѣніе сознанія является наиболѣе частымъ и характеристическимъ признакомъ подобнаго рода пораженій, разъ они обнимаютъ болѣе или менѣе распространенную область сѣрой коры мозговыхъ полушарій. Здѣсь ограничусь краткимъ указаніемъ болѣе новѣйшихъ опытовъ Ферье и Мунка, выяснившихъ, что психическіе центры разнообразныхъ ощущеній—свѣтовыхъ, слуховыхъ, вкусовыхъ, обонятельныхъ, осязательныхъ—и центры мышечнаго чувства заложены въ опредѣленныхъ извилинахъ мозговой коры. Осторожно удаляя у обезьянъ и собакъ тѣ или другіе участки сѣраго вещества мозговыхъ полушарій, авторы эти замѣтили, что животныя, послѣ этого, переставали сознательно реагировать то на свѣтъ, то на звукъ, то на осязательныя раздраженія, и т. д. Опираясь на многочисленные опыты подобнаго рода, ими, и, въ особенности, Мункомъ, была выстроена топографическая карта распредѣленія чувствующихъ центровъ въ толщѣ сѣрой коры мозговыхъ полушарій. Противъ подобной локализациі весьма энергично выступилъ Гольцъ, утверждающій, что операція выщипанія различныхъ отдѣльныхъ участковъ коры влечетъ за собою не исключеніе функціи того или другого органа чувства, а ведетъ къ преемственному общему отупѣнію животнаго, выраженному тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе участокъ сѣрой коры удаляется изъ головного мозга. Авторъ этотъ въ выводахъ своихъ ничѣмъ, въ сущности, не отличается отъ давнишнихъ воззрѣній на этотъ предметъ Легаллуа и Флуранса. Едва-ли, однако, отрицательные взгляды Гольца, въ этомъ отношеніи, въ состояніи поколебать точные опыты Ферье надъ обезьянами, наглядно доказавшіе вѣрность, въ принципѣ, теоріи локализациі. Гольцъ оперировалъ исключительно на собакахъ, и несмотря на то, что онъ является рьянымъ противникомъ теоріи локализациі функцій въ сѣрой корѣ мозговыхъ полушарій, онъ все же долженъ былъ признать фактъ, идущій въ разрѣзъ съ его воззрѣніями, а именно, что пораженіе сѣрой коры переднихъ долей полушарій мозга вызываетъ у собакъ чаще всего разстройство въ сферѣ движеній, а заднихъ—въ сферѣ чувствъ. Мало того: мы обязаны ему указаніемъ на тотъ любо-

пытный фактъ, что даже характеръ и настроеніе животнаго находятся въ близкой зависимости отъ цѣлости опредѣленныхъ участковъ мозговыхъ полушарій; такъ, послѣ удаленія темянныхъ долей полушарій, собаки, по нраву добрыя, ласковыя, дѣлаются злыми, раздражительными, тогда какъ ничего подобнаго не наблюдается въ случаѣ полнаго разрушенія затылочныхъ долей.

Если мы и не послѣдуемъ за Мункомъ въ дѣлѣ уже черезчуръ детальнаго локализованія чувственныхъ площадей въ сѣрой корѣ мозговыхъ полушарій, то все же, на основаніи наличной суммы многочисленныхъ и точныхъ опытныхъ данныхъ, едва-ли возможно въ настоящее время сомнѣваться въ томъ, что различные внѣшніе органы чувствъ представляются ближе связанными съ одними центральными участками мозговой коры, нежели съ другими. Тутъ, въ сѣрой корѣ, заложены нервныя центры, служащіе, при возбужденіи своемъ, орудіями возникновенія разнообразныхъ элементарныхъ ощущеній и дальнѣйшей переработки ихъ въ высшіе элементы психическаго ряда, которыми выражается разумная, произвольная дѣятельность животныхъ и человѣка.

Воля, являющаяся результатомъ борьбы разнообразныхъ представленій и вытекающихъ изъ нихъ влеченій, встрѣчаетъ въ сѣрой же корѣ мозговыхъ полушарій и первыя двигательныя центры для вызова тѣхъ или иныхъ, намѣченныхъ сознаніемъ, движеній, и, кромѣ того, такіе центральные механизмы, пользуясь которыми, она въ состояніи задерживать тотъ или другой психическій или тѣлесный актъ.

Мы въ правѣ, поэтому, сказать, что сѣрая кора мозговыхъ полушарій является главнымъ механизмомъ всѣхъ сознательныхъ психическихъ функцій, какъ у высшихъ животныхъ, такъ и у человѣка.

Говоря это, намъ все же не слѣдуетъ забывать, что если для насъ и ясенъ анатомическій субстратъ психологическихъ функцій, если намъ извѣстны и нѣкоторые физико-химическіе процессы, протекающіе въ корѣ мозговыхъ полушарій при дѣятельности заключенныхъ въ ней центровъ, то все же самый переходъ этихъ матеріальныхъ центральныхъ процессовъ въ элементы, хотя бы и простѣйшіе, нашего сознанія, остается по сіе время величайшей загадкой, и такой, которая, по мнѣнію нѣкоторыхъ выдающихся современныхъ біологовъ, останется навсегда непостижимой тайной для человѣческаго ума. Намъ остается пока довольствоваться изученіемъ, такъ сказать, внѣшней стороны дѣла, т.-е. процессовъ, предшествующихъ и сопутствующихъ развитію и теченію нашихъ сознательныхъ функцій мозга.

Итакъ, мы остановились на томъ, что внутреннее поле зрѣнія нашего сознанія, по которому мы судимъ о предметахъ и явленіяхъ природы, состоитъ изъ цѣлаго ряда представленій, смѣняющихся и сочетающихся въ самомъ разнообразномъ направленіи, то исчезающихъ, то появляющихся, или невольно, или по желанію. Это внутреннее поле нашего сознанія можетъ имѣть цѣну для человѣка только въ томъ случаѣ, если показанія его, т.-е. сумма имѣющихся на-лицо представленій и понятій, соотвѣтствуютъ міру дѣйствительности, т.-е. существованію и теченію различныхъ явленій во внѣшнемъ, вещественномъ мірѣ. Какую цѣну можетъ имѣть, напримѣръ, разстроенное сознаніе упомянутаго, во внутреннемъ полѣ зрѣнія котораго безсвязно пробѣгаютъ иллюзорныя и галлюцинаторныя представленія, не имѣющія ничего общаго съ дѣйствительностью? Очевидно, что вся суть нормальнаго сознанія лежитъ въ образованіи правильныхъ представленій о предметахъ и явленіяхъ природы, т.-е. такихъ, которыя соотвѣтствовали бы существующимъ предметамъ и явленіямъ въ реальномъ мірѣ.

Мы доходимъ, такимъ образомъ, до самаго ядра теоріи познанія, а именно до вопроса о томъ, что же такое самыя представленія: суть ли они копія съ окружающихъ предметовъ и явленій, или только условныя психическіе символы ихъ? Отвѣтъ на эти вопросы можетъ быть данъ только путемъ изученія исторіи развитія нашихъ представленій.

Въ обществѣ весьма распространенъ тотъ взглядъ, что между нашими представленіями и соотвѣтствующими имъ предметами или явленіями природы, существуетъ полнѣйшее тождество; что первыя являются, такъ сказать, прямымъ отраженіемъ или образами послѣднихъ; на этомъ основаніи, мы склонны приписывать объективному міру реальныхъ предметовъ и явленій всѣ тѣ характеристическія особенности, съ которыми они рисуются въ нашемъ представленіи.

Легко, однако, доказать, что этого тождества, въ дѣйствительности, не существуетъ, и что познанія наши о вещественномъ мірѣ явленій представляются чисто субъективными, и потому не могутъ быть навязываемы предметамъ самимъ по себѣ.

Возьмемъ любое представленіе о какомъ-либо предметѣ внѣшняго міра, разложимъ его на составныя части, и мы увидимъ, что оно состоитъ изъ цѣлаго ряда связанныхъ между собою ощущеній, свидѣтельствующихъ о величинѣ, формѣ, окраскѣ, твердости, и т. д., и воспринятыхъ нами, чрезъ посредство нашихъ органовъ чувствъ. Ощущенія эти, будучи различны для каждаго отдѣльнаго предмета и повторяясь для каждаго изъ нихъ опредѣленными груп-

нами, одновременно, путемъ повторенія впечатлѣній, связываются, или, какъ говорятъ, ассоціируются между собою и переходятъ въ представленія.

Всѣ представленія наши имѣютъ, слѣдовательно, корни свои въ ощущеніяхъ, доставляемыхъ сознанию органами чувствъ подѣ влияніемъ внѣшнихъ впечатлѣній, и сказанное вѣрно не только для представленій о предметахъ и явленіяхъ, доступныхъ нашимъ органамъ чувствъ, но и для абстрактныхъ представленій, являющихся необходимымъ послѣдствіемъ какихъ-нибудь теорій и умозрѣній, хотя бы, напримѣръ, и для представленія объ атомѣ. Говоря объ атомѣ, мы невольно представляемъ его себѣ въ круглой формѣ и тѣмъ самымъ выдаемъ генетическую связь чисто умозрительнаго представленія объ этомъ съ зрительными и осязательными ощущеніями.

Итакъ, ощущенія, доставляемые разнообразными органами чувствъ, являются основными элементами, изъ разнообразнаго сочетанія которыхъ образуются представленія.

Извѣстное изреченіе англійскаго философа Локка: „*nihil est in intellectu, quod non fuerit in sensu*“, представляется, слѣдовательно, въ основѣ своей, правильнымъ, въ особенности, по отношенію къ простѣйшимъ конкретнымъ элементарнымъ представленіямъ; но оно не можетъ быть распространено на всю массу представленій, составляющихъ достояніе мыслящаго человѣка, такъ какъ представленія, возникающія въ нашемъ сознаніи, комбинируются по опредѣленнымъ законамъ мышленія, обобщаются и переходятъ въ высшія, болѣе отвлеченныя, представленія и понятія, съ которыми воспріятія нашихъ органовъ чувствъ не стоятъ уже въ непосредственной связи. Такъ, наука выработала, напримѣръ, отвлеченныя представленія объ атомѣ, о свѣтовомъ движеніи ээира, и т. д., хотя органы чувствъ не въ состояніи уловить ни мельчайшей частицы матеріи, ни самаго движенія ээира. Мысль Локка слѣдуетъ, конечно, понимать въ томъ смыслѣ, что человѣкъ, лишенный, напр., зрѣнія или осязанія, и т. д., никогда не будетъ въ состояніи составить себѣ какихъ-либо зрительныхъ, осязательныхъ или вкусовыхъ представленій, и съ этимъ, конечно, едва-ли кто не согласится. Намъ лично извѣстенъ весьма развитой и образованный человѣкъ, ослѣпшій уже болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ и утратившій всѣ свои прошлыя зрительныя представленія и всякую возможность воспроизводить ихъ въ своемъ воображеніи. Крайне интересенъ также, въ этомъ отношеніи, слѣдующій, извѣстный въ литературѣ, случай: Лаура Бриджмэнъ родилась глухонѣмою, ослѣпла совершенно на второмъ году жизни

и затѣмъ вскорѣ, вслѣдствіе какого-то гнойнаго процесса, потеряла вкусъ и обоняніе. Обладая однимъ только чувствомъ для сообщенія съ внѣшнимъ міромъ, а именно осязаніемъ, она, тѣмъ не менѣе, пользуясь показаніями его, получила хорошее образованіе и приобрѣла разностороннія свѣденія; но вся психическая дѣятельность ея была построена только на рядѣ осязательныхъ и мышечныхъ ощущеній, и это выражалось уже прямо тѣмъ, что, по свидѣтельству д-ра Гау, она постоянно думала и грезилась только языкомъ пальцевъ.

Итакъ, первымъ толчкомъ къ возникновенію представленій, изъ которыхъ складывается наше сознаніе, являются чувственные воспріятія, доставляемые нашему мозгу нашими органами чувствъ.

Въ чемъ же, — спрашивается, — состоитъ этотъ механизмъ чувственныхъ воспріятій, ведущій къ возникновенію ощущеній? По общепринятому ученію І. Мюллера о специфической энергіи нервовъ чувствъ, качество каждаго ощущенія есть лишь своеобразная функція субстанціи каждаго нерва чувства, т.-е. когда мы ощущаемъ свѣтъ, звукъ, запахъ, и т. д., то до сознанія доходитъ не самое внѣшнее впечатлѣніе, а лишь специфическая реакція на него нашихъ нервовъ чувствъ. Эта специфическая энергія зрительнаго, обонятельнаго, слухового и т. д. чувствующихъ нервовъ выражается, во-первыхъ, тѣмъ, что каждый нервъ чувства возбуждается только опредѣленными раздражителями: зрительный нервъ — свѣтомъ, слуховой нервъ — звукомъ, и т. д.; и во-вторыхъ, тѣмъ, что каждый нервъ чувства на общія нервныя раздраженія, т.-е. на механическія, химическія, электрическія, реагируетъ въ присущей ему специфической формѣ. Какимъ бы способомъ, напримеръ, ни раздражать зрительный нервъ — уколами, щипками, солью или электрическимъ токомъ — въ результатѣ всегда получается свѣтовое ощущеніе и не что другое; слуховой нервъ при тѣхъ же условіяхъ даетъ постоянно слуховыя ощущенія, и т. д.

Въ настоящее время, когда стало несомнѣнно извѣстно, что всѣ нервы являются, подобно телеграфнымъ проволокамъ, не чѣмъ инымъ, какъ простыми проводниками возбужденій, ученіе І. Мюллера измѣнилось въ томъ смыслѣ, что специфическая энергія выпадаетъ не на долю нервовъ чувствъ, а на ихъ концевыя аппараты, какъ на периферіи, такъ и въ мозгу.

Периферическія концевыя образованія нервовъ чувствъ припоровлены къ воспріятію опредѣленныхъ формъ движенія въ одномъ случаѣ свѣтового эира (глазъ), въ другомъ — звуковыхъ воздушныхъ волнъ (ухо), и т. д., тогда какъ центральныя кон-

цевыя образованія, представляющіяся въ формѣ центровъ, распределенныхъ группами въ борѣ мозговыхъ полушарій, являются мѣстами, въ которыхъ возбужденія, исходящія изъ периферическихъ органовъ чувствъ, превращаются въ опредѣленные сознательныя свѣтовые, звуковыя и т. п. ощущенія. Чувствующие же нервы, связывающіе периферическіе органы чувствъ съ мозговыми центрами, можно сравнить съ телеграфными проволоками, въ которыхъ проводится, какъ извѣстно, одинъ и тотъ же родъ электрическаго тока; но и тутъ также, смотря по характеру соединенныхъ съ проволокой концевыхъ аппаратовъ, одинъ и тотъ же токъ можетъ вызывать самыя разнообразныя эффекты: двигать машины, взрывать мины, развивать свѣтъ, разлагать воду и т. п.

Этотъ взглядъ на дѣло отнюдь не уничтожаетъ ученія І. Мюллера о специфической энергіи чувствъ и только перемѣщаетъ эту энергію съ нервовъ чувствъ на ихъ концевые аппараты.

Изъ сказаннаго, очевидно, слѣдуетъ, что коренныя разницы въ ощущеніи, т.-е. такія, которыми, напримѣръ, свѣтовые ощущенія отличаются отъ слуховыхъ, обонятельныхъ, вкусовыхъ, осязательныхъ и т. д., вовсе не зависятъ отъ рода внѣшняго раздраженія, вызывающаго то или другое ощущеніе, а исключительно отъ чувствующаго нерва, приводимаго имъ въ возбужденіе. Такъ, мы уже видѣли, что свѣтовые ощущенія могутъ вызываться дѣйствіемъ самыхъ разнообразныхъ внѣшнихъ раздражителей — механическихъ, электрическихъ, химическихъ, не имѣющихъ ничего общаго между собою, лишь бы раздражители эти падали на зрительный нервъ, и то же самое можно сказать относительно остальныхъ формъ ощущеній — слуховыхъ, обонятельныхъ, и т. д.

Различныя же качества ощущеній, возникающихъ въ сферѣ одного и того же органа чувства, т.-е. уже болѣе второстепенныя различія въ ощущеніяхъ, находятся въ несомнѣнно тѣсной зависимости отъ характера и рода внѣшняго раздраженія; такъ, напримѣръ, различные цвѣта, окраска предметовъ или лучей, зависятъ отъ разницъ въ скорости волнообразнаго колебанія свѣтового зѣира, возбуждающаго сѣтчатку глаза; разница музыкальныхъ тоновъ зависитъ отъ различій въ скорости колебанія звуковыхъ волнъ, возбуждающихъ наше ухо, и т. д.

На этомъ основаніи мы легко можемъ себѣ представить безчисленный рядъ постепенныхъ переходовъ отъ одного цвѣта къ другому, переходы отъ одной яркости свѣта къ другой или постепенные переходы музыкальныхъ тоновъ одного въ другой, и въ то же время становимся въ-тупикъ при мысли отыскать посте-

пенные переходы отъ краснаго цвѣта къ сладкому вкусу, или отъ звука къ запаху, или отъ осязательнаго ощущенія къ вкусу.

Такимъ образомъ, ощущенія наши суть собственно дѣйствія, вызываемыя внѣшними причинами въ нашихъ органахъ чувствъ, и самая форма этого дѣйствія существенно зависитъ отъ рода центральнаго аппарата, приводимаго при этомъ въ дѣятельность. Поскольку качества нашихъ ощущеній служатъ выразителями въ нашемъ сознаніи особенностей внѣшнихъ впечатлѣній, постольку они могутъ служить знаками или символами, а отнюдь не образами или изображеніями ихъ. Последнее недопустимо уже потому, что отъ образа или изображенія требуется нѣкотораго рода равенство или сходство съ изображаемымъ предметомъ, чего, какъ мы видѣли, на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Отъ знака же или символа требуется лишь то, чтобы равные объекты при одинаковыхъ условіяхъ вызывали въ насъ одни и тѣ же знаки или символы.

Несмотря, однако, на то, что ощущенія, изъ которыхъ складываются въ нашемъ сознаніи представленія, являются лишь условными знаками или символами объектовъ и явленій внѣшняго міра, мы все же, пользуясь ими, можемъ улавливать закономерность въ явленіяхъ природы. И, въ самомъ дѣлѣ, каждый законъ природы выражаетъ только то, что вслѣдъ за предшествующими условіями, равными въ извѣстномъ отношеніи, всегда являются послѣдствія, равныя въ другомъ опредѣленномъ отношеніи. Если каждое изъ предшествующихъ и послѣдующихъ условій отмѣчается въ нашемъ сознаніи опредѣленнымъ знакомъ или символомъ, то понятно, что, пользуясь этими знаками, можно уловить законъ, управляющій тѣми или другими явленіями природы.

Такимъ образомъ, качества ощущеній, являющіяся субъективными символами чего-то или существующаго, или совершающагося внѣ насъ, въ сущности, представляютъ лишь опредѣленную субъективную форму созерцанія. Въ этомъ отношеніи выводы современной физиологической психологіи совпадаютъ съ воззрѣніями Кантовской философіи.

Кантъ, какъ извѣстно, не ограничился только этимъ и пошелъ еще далѣе, утверждая, что не только качества ощущеній обуславливаются особенностями нашей способности созерцанія, но и самыя представленія о пространствѣ и времени являются лишь общими субъективными формами нашего созерцанія, подъ которыя подводятся всѣ чувственные воспріятія, и это положеніе вытекаетъ, повидимому, изъ того факта, что всѣ воспріятія наши изъ внѣшняго міра совершаются для нашего сознанія въ опре-

дѣленное время и въ опредѣленномъ мѣстѣ. Другими словами, представленія наши о пространствѣ и времени являются, по Канту, прирожденной особенностью нашего духовнаго склада, т.-е. такими, которыя уже существуютъ въ насъ до какого-либо опыта, и всѣ послѣдующія чувственныя воспріятія, изъ которыхъ образуются ощущенія, облекаются въ готовые уже общія формы созерцанія и локализируются въ пространствѣ и времени. Какъ извѣстно, Кантъ признавалъ, что не только общія формы пространственнаго созерцанія даны уже до всякаго опыта, но что въ нихъ уже заключены болѣе детальныя пространственныя опредѣленія въ той формѣ, въ какой они выражаются нѣкоторыми геометрическими аксіомами, какъ напримѣръ:

Между двумя точками мыслима только одна кратчайшая линія, и эта линія есть прямая.

Черезъ данныя три точки можетъ быть проведена только одна плоскость; всякая плоскость есть поверхность, съ которою совпадаетъ всякая прямая линія, разъ эта послѣдняя касается до поверхности двумя своими точками.

Черезъ данную точку можетъ быть проведена лишь одна прямая линія, параллельная другой данной прямой линіи. Параллельными же являются линіи, лежащія въ одной плоскости и не пересѣкающіяся ни на какомъ конечномъ разстояніи.

Кантъ считалъ „время“ за данную уже до опыта, т.-е. трансцендентальную форму внутренняго созерцанія, тогда какъ „пространство“ — за соотвѣтствующую форму внѣшняго созерцанія.

Такимъ образомъ, и пространственныя опредѣленія Кантъ считаетъ настолько же мало присущими реальному міру существующихъ и совершающихся событій, насколько цвѣтъ, запахъ, вкусъ и другія свойства присущи не предметамъ самимъ по себѣ, а нашимъ субъективнымъ воспріятіямъ разнообразныхъ чувственныхъ впечатлѣній.

Спрашивается теперь: насколько данныя фізіологической психологіи могутъ быть согласованы съ этимъ воззрѣніемъ?

Если задаться вопросомъ о томъ, не существуетъ ли какого-нибудь общаго, непосредственно уловимаго нами, признака, характеризующаго наши пространственныя воспріятія, то таковымъ окажется тотъ фактъ, что движенія нашего тѣла и органовъ ставятъ насъ въ другія отношенія къ воспринимаемымъ нами объектамъ и чрезъ это измѣняютъ то впечатлѣніе, которое они производятъ на насъ. Волевой импульсъ къ движенію, посылаемый нами чрезъ посредство двигательныхъ нервовъ къ мышцамъ, есть нѣчто непосредственно нами ощущаемое, такъ какъ мы

чувствуемъ при этомъ, что мы дѣлаемъ что-то. О томъ, что творится въ насъ при этомъ, мы, въ сущности, не имѣемъ непосредственнаго представленія, и только физиологія открываетъ намъ, что при этомъ возбуждаются двигательные нервы, приводящіе, въ свою очередь, въ дѣйствіе мышцы, и т. д. Несмотря, однако, на это невѣденіе, мы, путемъ цѣлаго ряда опытовъ и наблюденій научаемся отлично опредѣлять, какія очевидныя двигательныя дѣйствія слѣдуютъ за каждой отдѣльной двигательной волевой иннервацией, т.-е. за каждой волевой посылкой двигательныхъ импульсовъ къ мышцамъ. Объ этихъ импульсахъ мы внутренне сознаемъ лишь то, что они могутъ вызывать опредѣленные уже на опытѣ движенія, и, слѣдовательно, эти послѣдніе могутъ служить мѣрой для различенія разныхъ импульсовъ въ нашемъ собственномъ представленіи.

Обширность и разнообразіе нашихъ произвольно-двигательныхъ иннерваций, т.-е. способности нашей посылать волевые импульсы къ движенію различныхъ членовъ и органовъ, гарантированы вполнѣ анатомическимъ устройствомъ нервно-мышечной системы.

Если бросить взглядъ на картину распредѣленія произвольныхъ мышцъ нашего скелета съ подходящими къ нимъ изъ центральной нервной системы нервными волокнами, то легко замѣтить, какъ изъ сферы головного и спинного мозга выходятъ нервныя волокна, въ видѣ толстыхъ бѣлыхъ пучковъ, развѣтвляющихся все болѣе и болѣе, по мѣрѣ хода своего къ периферіи, и теряющихся въ мышечныхъ массахъ.

Если прослѣдить микроскопическимъ путемъ за ходомъ этихъ нервныхъ волоконъ въ двухъ направленіяхъ, а именно, къ мозгу и къ мышцамъ, то легко видѣть, что они на периферіи заканчиваются въ первичныхъ мышечныхъ пучкахъ, изъ которыхъ сложены мышцы нашего тѣла, а въ центральной нервной системѣ исходятъ изъ нервныхъ центровъ, какъ спинного, такъ и головного мозга.

Сами нервныя волокна являются подъ микроскопомъ въ формѣ отдѣльныхъ цилиндрическихъ трубочекъ, снабженныхъ особеннымъ футляромъ, внутри котораго проходитъ самая драгоценная часть нервного волокна—это осевой цилиндръ, предназначенный для проведенія нервного возбужденія, приводящаго мышцы въ сокращеніе. Это возбужденіе, несомнѣнно, исходитъ изъ нервныхъ центровъ, что доказывается, во-первыхъ, тѣмъ, что осевые цилиндры нервныхъ волоконъ выходятъ прямо изъ нервныхъ центровъ и составляютъ прямое продолженіе одного изъ отростковъ

этихъ послѣднихъ; а съ другой стороны, тѣмъ, что послѣ разрушенія центровъ исчезаютъ всякіе слѣды какъ произвольныхъ, такъ и отраженныхъ движеній. Такіе двигательные центры заложены какъ въ спинномъ мозгу, такъ и въ различныхъ отдѣлахъ головного мозга и—что особенно важно—даже въ сѣрой корѣ мозговыхъ полушарій, гдѣ они представляются въ формѣ гигантскихъ клѣтокъ, находящихся ближе всѣхъ остальныхъ двигательныхъ центровъ къ услугамъ воли.

Эти двигательные нервные импульсы, возникая въ сферѣ нервныхъ центровъ, проводятся нервными волокнами вплоть до каждаго, почти отдѣльнаго, мышечнаго пучка.

Нами описана пока, въ общихъ чертахъ, двигательная сторона нервно-мышечнаго механизма, лежащаго въ основѣ разнообразныхъ движеній какъ всего тѣла, въ общемъ, такъ и отдѣльныхъ его членовъ. Въ этомъ сложномъ механизмѣ существуетъ, однако, еще и другой существенный придатокъ.

Исслѣдованія послѣднихъ лѣтъ показали, что мышцы нашего тѣла снабжены, кромѣ двигательныхъ нервныхъ волоконъ, еще и другими чувствующими мышечными нервами, проводящими возбужденіе отъ мышцъ къ мозгу и дающими нашему сознанію возможность судить о томъ состояніи, въ которомъ находится та или иная мышца въ тѣлѣ. При той или другой степени и формѣ сокращенія эти чувствующіе мышечные нервы механически возбуждаются колебаніями въ напряженіи мышцъ и посылаютъ въ нашъ головной мозгъ центростремительныя возбужденія, воспринимаемыя нашимъ сознаніемъ въ формѣ опредѣленнаго мышечнаго чувства. Руководясь этимъ чувствомъ, мы въ состояніи всегда съ закрытыми глазами точно опредѣлить, въ какой фазѣ своего сокращенія находится та или другая группа мышцъ въ тѣлѣ, и слѣдовательно мы можемъ точно судить о положеніи нашихъ членовъ въ пространствѣ и о взаимномъ отношеніи ихъ. Благодаря тѣсной связи между ними, или, какъ говорятъ, ассоціаціи, устанавливающейся между опредѣленными волевыми двигательными импульсами, возникающими въ головномъ мозгу, и сопровождающими эти движенія колебаніями мышечнаго чувства, мы научаемся строго опредѣлять, какія движенія должны слѣдовать за опредѣленными произвольно-двигательными усилями или импульсами.

Какъ центры волевыхъ движеній, такъ и мышечнаго чувства находятся въ опредѣленныхъ, сосѣднихъ другъ къ другу, участкахъ сѣрой коры мозговыхъ полушарій, и поэтому ассоціированная дѣятельность ихъ находитъ и съ анатомической стороны крайне благоприятныя условія.

При исключеніи мышечнаго чувства, достигаемаго, напримѣръ, путемъ перерожденія или перерѣзки заднихъ корешковъ или заднихъ столбовъ спинного мозга, у животныхъ и у людей появляется неспособность производить правильныя, сочетанныя, сложныя движенія, какія необходимы, напр., для акта ходьбы, акта поднесенія стакана воды ко рту, и т. д. Этотъ недостатокъ мышечнаго чувства компенсируется, правда, до нѣкоторой степени еще зрѣніемъ, слѣдящимъ за каждой фазой производимыхъ движеній, но зато при закрытыхъ глазахъ всѣ эти сложные двигательные акты дѣлаются положительно невозможными.

О томъ, какое громадное значеніе имѣетъ мышечное чувство въ опредѣленіи положенія нашихъ членовъ въ пространствѣ, можно судить изъ слѣдующаго, легко воспроизводимаго, опыта: если утромъ, только-что проснувшись и не двинувъ еще ни однимъ членомъ тѣла, задаться цѣлью опредѣлить, при закрытыхъ глазахъ, положеніе рукъ или ногъ, находятся ли онѣ въ вытянутомъ или въ согнутомъ положеніи, сближены ли онѣ или, наоборотъ, раздвинуты, и т. д., то оказывается, что рѣшеніе столь простой задачи является для человѣка положительно невозможнымъ, и онъ впадаетъ при этомъ въ самыя грубыя ошибки. Все дѣло въ томъ, что при расслабленномъ состояніи мышцъ, въ моментъ пробужденія отъ сна, сознаніе, будучи лишено указаній, доставляемыхъ мышечнымъ чувствомъ, неспособно бываетъ опредѣлить состояніе, въ которомъ находятся мышцы нашихъ членовъ, а чрезъ это и положеніе послѣднихъ; но стоитъ только шевельнуть тѣмъ или другимъ членомъ и вызвать въ себѣ, тѣмъ самымъ, ощущенія изъ сферы мышечнаго чувства, какъ поставленная задача рѣшается въ одинъ мигъ.

Мышечная система нашего скелета является, среди всѣхъ остальныхъ системъ органовъ, аппаратомъ, по преимуществу, подчиненнымъ намъ, и если вспомнить, что, по изслѣдованіямъ Бишофа, она у взрослого человѣка составляетъ около 42% вѣса всего тѣла, и что каждое почти первичное мышечное волокно снабжено двигательными и чувствующими нервами, то для каждаго станетъ сразу ясно то обширное значеніе, которое должно выпадать на волю произвольно-двигательныхъ иннерваций въ сознательной психической жизни человѣка и, въ особенности, въ развитіи его пространственныхъ представлений.

Когда мы, пользуясь нервно-мышечной системой, посылаемъ волевые импульсы къ движенію, — напр., обращаемъ взглядъ въ ту или другую сторону, двигаемъ руками, ходимъ, и т. д., то мы находимъ, что одинъ рядъ ощущеній опредѣленнаго качества,

доставляемый органами чувствъ, измѣняется, тогда какъ другія сознаваемые нами психическія состоянія, каковы воспоминанія, намѣренія, желанія, и т. д., при этомъ остаются безъ перемѣны. Этимъ самымъ устанавливается рѣзкое отличіе въ нашемъ непосредственномъ представленіи между ощущеніями перваго и втораго рода. Если назвать тѣ отношенія между воспріятіями и объектами, которыя могутъ быть измѣнены нашими произвольно-двигательными импульсами, — пространственными, то окажется, что всѣ ощущенія изъ сферы внѣшнихъ чувствъ должны опредѣляться пространственно, такъ какъ всѣ ощущенія этого рода постоянно сопровождаются различнаго рода двигательной иннервацией. Воспріятія же другихъ психическихъ дѣятельностей, какъ несвязанныя съ этой иннервацией, вовсе не носятъ пространственнаго характера. Поэтому пространство представляется намъ въ чувственной формѣ снабженнымъ качествами нашихъ двигательныхъ ощущеній, какъ тѣхъ, которыя сопровождаютъ всѣ передвиженія нашего тѣла, такъ и отдѣльныхъ его членовъ и органовъ.

Такъ какъ въ основѣ различія пространственныхъ воспріятій лежатъ различныя качества нашихъ двигательныхъ ощущеній, то въ этомъ смыслѣ и пространственные воспріятія представляютъ лишь извѣстную субъективную форму созерцанія, также какъ и различныя, по своему качеству, воспріятія краснаго, сладкаго, холоднаго, и т. д.

Съ только-что развитой точки зрѣнія чувство пространства можно было бы принять за врожденную намъ и данную уже до какого бы то ни было опыта, субъективную форму созерцанія, постольку, поскольку пространственные воспріятія неразрывно связаны съ двигательными волевыми импульсами, существующими до появленія какихъ-либо внѣшнихъ воспріятій уже въ силу готовой организаціи нервно-мышечной системы. Поэтому возможность къ произведенію двигательныхъ импульсовъ и, слѣдовательно, къ образованію пространственныхъ воспріятій дана уже до всякаго внѣшняго опыта; развитіе же, при помощи ихъ, правильныхъ пространственныхъ представленій, мыслимо только при одновременномъ сочетаніи двигательныхъ ощущеній съ воспріятіями внѣшнихъ чувствъ; только при этомъ условіи послѣднія принимаютъ пространственный характеръ.

Сказаннымъ выражается фізіолого-психологическая точка зрѣнія на механизмъ пространственныхъ представленій, защищаемая самымъ выдающимся біологомъ нашихъ дней — Гельмгольтцемъ, и она, какъ видно, подтверждая, въ общемъ, взглядъ Канта на

пространство, какъ на извѣстную форму субъективнаго созерцанія, въ то же время ограничиваетъ врожденность пространственныхъ представленій тѣмъ, что только одинъ изъ факторовъ развитія этихъ послѣднихъ данъ уже до всякаго опыта, т.-е. является врожденнымъ,—это возможность двигательныхъ иннервацій, непосредственно ощущаемыхъ нами; развитіе же конкретныхъ пространственныхъ представленій нуждается въ содѣйствіи внѣшнихъ впечатлѣній, немислимыхъ безъ внѣшняго опыта.

Сказанное подтверждается многочисленными опытами и наблюденіями надъ развитіемъ пространственныхъ представленій путемъ двухъ, главныхъ въ этомъ отношеніи, органовъ чувствъ — осязанія и зрѣнія. И въ самомъ дѣлѣ, для полученія пространственныхъ представленій и опредѣленія пространственныхъ отношеній между объектами внѣшняго міра, мы передвигаемъ точки осязающей поверхности кожи или самую чувствительную точку нашего глаза, т.-е. желтое пятно, съ одной части объекта на сосѣднія, и только путемъ такого сочетанія волевыхъ двигательныхъ иннервацій съ впечатлѣніями отъ внѣшнихъ предметовъ мы научаемся распознавать разстоянія, величину предметовъ и т. д. Мы только постепенно вырабатываемъ въ себѣ правильныя и детальныя пространственныя представленія путемъ безчисленнаго повторенія опредѣленныхъ двигательныхъ иннервацій съ впечатлѣніями внѣшнихъ чувствъ. Впрочемъ къ этой сторонѣ дѣла намъ придется еще возвратиться болѣе подробно.

Съ самыхъ раннихъ дней жизни мы относимся не пассивно къ вторгающимся въ наше сознаніе впечатлѣніямъ изъ внѣшняго міра, но, наоборотъ, наблюдаемъ при непрерывной собственной дѣятельности, и чрезъ это познаемъ существованіе закономѣрнаго отношенія между нашими двигательными иннерваціонными импульсами и сопутствующими измѣненіями, въ качествѣ разнообразныхъ ощущеній, и каждое наше произвольное движеніе, которымъ мы измѣняемъ впечатлѣнія, получаемыя нами отъ объектовъ внѣшняго міра, можно рассматривать какъ опытъ, посредствомъ котораго мы провѣряемъ вѣрность нашихъ воспріятій въ пространственномъ порядкѣ.

По той послѣдовательности, съ которою воспроизводятся въ нашемъ сознаніи тѣ или другія чувственныя воспріятія и представленія, мы судимъ о промежуткахъ времени, отдѣляющихъ ихъ и, слѣдовательно, время, въ сущности, представляетъ, подобно пространству, извѣстную форму внутренняго созерцанія, но только основанную на послѣдовательномъ теченіи и воспроизведеніи разнообразныхъ ощущеній и представленій. Для того, чтобы ощу-

щенія и представленія, слѣдующія другъ за другомъ, могли вызывать въ нихъ представленіе о времени, они должны непременно отличаться другъ отъ друга. Непрерывное теченіе однообразныхъ или, говоря точнѣе, вполне однородныхъ ощущеній или представленій, — еслибы оно было только возможно, — не могло бы вызвать въ насъ какого-либо представленія о времени, такъ какъ оно не сопровождалось бы никакими уловимыми послѣдовательными измѣненіями сознанія. Такъ какъ, однако, въ дѣйствительности, такое однообразное состояніе нашего сознанія немислимо, въ теченіе даже самыхъ короткихъ промежутковъ времени, вслѣдствіе постоянной смѣны впечатлѣній, измѣненій ихъ какъ со стороны силы, такъ и качества, а также и измѣненій какъ въ направленіи, такъ и напряженіи самого вниманія, то все это ведетъ, въ совокупности, къ непрерывной смѣнѣ состояній нашего сознанія и обуславливаетъ представленіе о непрерывно текущемъ времени.

Изъ сказаннаго, очевидно, слѣдуетъ, что чѣмъ большее количество разнообразныхъ ощущеній и представленій пробѣгаетъ другъ за другомъ, въ данную единицу времени, чрезъ поле зрѣнія нашего сознанія, тѣмъ больше будетъ казаться продолжительность протекшаго промежутка времени. Смѣна впечатлѣній лежитъ, такимъ образомъ, въ основѣ нашего субъективнаго чувства о времени, и это вѣрно не только по отношенію къ оцѣнкѣ текущаго времени, но и промежутковъ; отдѣляющихъ насъ отъ событій давно минувшихъ дней. И тутъ время, отдѣляющее насъ отъ какого-нибудь давно прошедшаго событія, будетъ казаться тѣмъ длиннѣе, чѣмъ большее количество представленій мы будемъ въ состояніи воспроизвести въ нашей памяти, начиная отъ него и кончая переживаемымъ нами моментомъ жизни. Подобно тому, какъ разстояніе, отдѣляющее насъ отъ какого-нибудь отдаленнаго предмета, кажется намъ тѣмъ больше, чѣмъ большее число промежуточныхъ предметовъ, въ видѣ какъ бы единицъ измѣренія, находится въ полѣ зрѣнія нашего глаза, такъ точно и время кажется намъ тѣмъ длиннѣе, чѣмъ большее число промежуточныхъ воспоминаній отдѣляетъ насъ отъ давно минувшаго событія.

Разобравъ, въ общихъ чертахъ, настоящій характеръ основныхъ элементовъ нашего сознанія, мы видимъ, что ощущенія и представленія, пробѣгающія чрезъ внутреннее поле зрѣнія нашего сознанія, являются чисто-субъективными знаками или символами чего-то существующаго или совершающагося во внѣшней природѣ, и сказанное относится не только къ качеству разнообразныхъ ощущеній и представленій, но и къ общимъ формамъ,

въ которыхъ они воспринимаются въ нашемъ сознаниі, т.-е. къ пространству и времени. Всѣ эти элементы сознанія добываются человѣкомъ постепенно съ самыхъ первыхъ дней жизни, путемъ многочисленныхъ и повторенныхъ опытовъ и наблюденій, и являются лишь определенной субъективной формой созерцанія предметовъ и явленій природы уже потому, что мы воспринимаемъ непосредственно не самые предметы или явленія, а лишь измѣненія, вызываемыя ими въ нашемъ сознаниі.

Такъ какъ знанія наши являются, вслѣдствіе одного уже этого, чисто-условными, символическими, то понятно, что о природѣ вещей самихъ по себѣ, т.-е. о самой субстанціи, мы не можемъ составить себѣ какого-либо точнаго представленія. Для насъ несомнѣнно, что въ мірѣ существуетъ вещество, существуютъ матеріальныя массы, которыя вѣчно измѣняются. Субстанція, въ самомъ абстрактномъ смыслѣ, есть что-то независимое отъ всего остального и существующее въ теченіи всѣхъ временъ.

Въ силу символическаго значенія нашихъ ощущеній и образуемыхъ изъ нихъ представленій, понятія наши о веществе остаются до сихъ поръ и останутся навсегда проблематичными, и намъ доступны лишь законы, управляющіе явленіями природы, т.-е. постоянно остающіяся отношенія между измѣнчивыми величинами, которыя могутъ отмѣчаться въ нашемъ сознаниі соответствующими символическими знаками.

Блестящимъ примѣромъ того, насколько представленія наши о субстанціи или матеріи могутъ быть сбивчивыми, служить, между прочимъ, тотъ фактъ, что еще въ сравнительно недавнее время и свѣтъ, и теплоту, принимали за особое вещество, распространенное по вселенной и пропитывающее предметы внѣшняго міра, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, они оказались лишь особой формой молекулярнаго движенія какъ частицъ матеріи, такъ и свѣтового эѳира.

Что же касается до способности человѣческаго ума улавливать закономерность въ явленіяхъ природы, то мы находимъ ее уже въ дѣйствиі съ самой ранней зарі нашего интеллектуальнаго развитія. При первомъ же наплывѣ внѣшнихъ впечатлѣній отъ насъ не въ состояніи ускользнуть та постоянная зависимость, которая существуетъ между непосредственно ощущаемыми нами двигательными волевыми импульсами и вызываемыми ими измѣненіями въ качествѣ воспринимаемыхъ нами извнѣ впечатлѣній и ощущеній. Определеннымъ иннерваціоннымъ волевымъ импульсамъ соответствуютъ всегда одни и тѣ же измѣненія въ ощущеніи. Эти постоянныя отношенія между измѣнчивыми величи-

нами и развиваютъ исподволь вѣру въ законѣрность явленій природы, и такъ какъ двигательные волевые импульсы возникаютъ насчетъ особыхъ усилій воли, то въ сознаниі и складывается постепенно представленіе о силѣ, какъ о причинѣ явленій, причемъ представленія о силѣ и о причинѣ дѣлаются синонимами. Представленія о силѣ или о причинѣ, выработанныя чисто субъективно на почвѣ самонаблюденія, затѣмъ переносятся нами и на явленія внѣшней природы, стоящія другъ съ другомъ въ причинной связи.

Легко доказать, что въ указанныхъ психо-физиологическихъ условіяхъ кроется главный источникъ развитія самосознанія и различенія своего я отъ не-я. Два пути ведутъ къ выясненію поставленной задачи: одинъ, болѣе умозрительный, опирающійся на анализъ элементовъ, входящихъ въ составъ представленій, и другой, болѣе конкретный, слѣдящій за реальными условіями развитія нашихъ пространственныхъ представленій и субъективирования и объективирования нашихъ ощущеній и представленій. Обратимся сперва къ доводамъ болѣе умозрительнаго характера.

Въ сознаниі нашемо возникаютъ, какъ это мы видѣли, дѣльныя группы представленій, въ составъ которыхъ входятъ какъ чувственные воспріятія, навязанныя намъ дѣйствіемъ на наши органы чувствъ предметовъ и явленій внѣшняго міра, такъ и чувственные воспріятія отъ волевыхъ движеній нашихъ членовъ и органовъ, осложняющія постоянно всѣ воспріятія нашихъ органовъ чувствъ.

Въ этомъ, такъ сказать, сплавѣ или комплектѣ чувственныхъ воспріятій, входящихъ въ составъ разнообразныхъ представленій, мы вскорѣ, путемъ опыта, научаемся различать двѣ, существенно различныя по своему характеру, категоріи ощущеній: одну — въ которой мы являемся совершенно пассивными зрителями — это тѣ чувственные воспріятія, которыя вызываються дѣйствіемъ на наши органы чувствъ разнообразныхъ внѣшнихъ раздражителей, и другую категорію, носящую болѣе активный характеръ, въ составъ которой входятъ непосредственно уловимыя нашимъ сознаниемъ ощущенія отъ собственныхъ волевыхъ движеній нашихъ членовъ, сопровождающихъ актъ воспріятія внѣшнихъ впечатлѣній; эти ощущенія, вызываемыя мышечными движеніями, могутъ быть всегда воспроизведены по желанію, помимо всякихъ внѣшнихъ впечатлѣній, и находятся, слѣдовательно, всегда къ услугамъ воли.

Изъ чувственныхъ воспріятій, движеній нашихъ членовъ и другихъ ощущеній, доставляемыхъ намъ частями и членами нашего тѣла, формируется все болѣе и болѣе въ нашемъ со-

знаніи одна постоянная группа представленій, зависящая непосредственно отъ насъ, отъ нашей воли, и она-то и ложится въ основу различенія своего я отъ не-я. Воля, какъ факторъ, какъ сила, управляющая движеніями, а чрезъ это и измѣненіями ощущеній, доставляемыхъ органами чувствъ, по мѣрѣ развитія сознанія, получаетъ все болѣе и болѣе преобладающее значеніе, и, такимъ образомъ, крѣпнеть самосознаніе человека, рѣзче обрисовывается грань, отдѣляющая его я отъ не-я, т.-е. объектовъ внѣшняго міра.

Представимъ себѣ человека, не подвергавшагося еще никакому жизненному опыту, т.-е. дѣйствію какихъ-либо внѣшнихъ впечатлѣній, и попавшаго въ первый разъ въ среду, состоящую изъ покоящихся предметовъ. Ощущенія, вызываемыя въ немъ этими объектами, будутъ оставаться неизмѣнными до тѣхъ поръ, пока человекъ не произведетъ самъ какихъ-либо движеній; но какъ только онъ начнетъ двигать глазами или руками или начнетъ ходить, и т. д., то тотчасъ измѣнятся и ощущенія, и если онъ ~~тѣмъ~~ того возвратится къ первоначальному состоянію покоя, то и всѣ ощущенія его возвратятся къ прежнему своему виду.

Очевидно, что сумма наличныхъ ощущеній, при совершенно одной и той же внѣшней обстановкѣ, рѣзко мѣняется подвліяніемъ внимательства определенной группы двигательныхъ волевыхъ импульсовъ и при томъ всегда въ определенномъ смыслѣ. Въ другой разъ, попадая въ иную обстановку, человекъ замѣчаетъ, что кругъ наличныхъ ощущеній и представленій, при той же группѣ двигательныхъ волевыхъ импульсовъ, является совершенно другимъ. Чрезъ это кругъ наличныхъ ощущеній, въ отдѣльных частяхъ своихъ, является какъ бы чѣмъ-то, даннымъ независимо отъ насъ, является объектомъ, внѣ насъ существующимъ. Въ сознаніи нашемъ, вслѣдствіе этого, происходитъ различеніе тѣхъ измѣненій въ ощущеніи, которыя вызываются двигательными волевыми импульсами и могущими вновь быть устраненными по желанію, отъ тѣхъ перемѣнъ въ ощущеніи, которыя не являются послѣдствіемъ волевыхъ движеній нашихъ членовъ и не могутъ быть устранены волей. Послѣднее опредѣленіе является отрицательнымъ, но изъ него-то и вытекаетъ представленіе о не-я, т.-е. объ объективномъ внѣшнемъ мірѣ, независимомъ отъ нашего я, т.-е. отъ внутренняго міра самосознанія и воли.

Вышеприведенными соображеніями ясно обрисовывается важное значеніе произвольно-двигательныхъ иннерваций, управляющихъ мышечными движеніями нашего тѣла, въ дѣлѣ развитія нашего самосознанія, нашего я въ отличіе отъ не-я, т.-е. отъ объектив-

наго окружающаго насъ міра. Тѣ символическіе знаки, которыми отмѣчаются въ нашемъ сознаніи различныя произвольно-двигательныя иннерваціи, являются, такимъ образомъ, источникомъ не только нашихъ пространственныхъ воспріятій, но и развитія самосознанія, различенія нашего я отъ *не-я*, т.-е. отъ внѣшняго окружающаго насъ міра.

Представимъ себѣ теперь человѣка, поставленнаго съ самыхъ раннихъ дней жизни въ невозможность производить какія-либо произвольныя движенія своими членами и органами, хотя бы, напримѣръ, вслѣдствіе перерѣзки или перерожденія всѣхъ двигательныхъ центровъ или нервовъ. Легко предсказать, что въ немъ, несмотря на присутствіе всѣхъ органовъ чувствъ и остальныхъ физиологическихъ функцій, никогда не разовьется самосознаніе и представленіе о своемъ я въ отличіе отъ *не-я*. Онъ не былъ бы въ состояніи отдѣлить себя въ своемъ сознаніи отъ окружающаго его міра, не могъ бы составить себѣ какихъ-либо правильныхъ пространственныхъ представленій и сдѣлался бы жертвой невольныхъ заблужденій, устраняющихъ всякую возможность правильныхъ сужденій или умозаключеній какъ о себѣ самомъ, такъ и объ окружающихъ его явленіяхъ. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что, какъ на это уже указалъ Фихте, представленію о своемъ я человѣкъ необходимо противопоставляетъ представленіе о *не-я*, т.-е. о кажемся объективномъ мірѣ, такъ какъ это составляетъ необходимое условіе его мыслительной дѣятельности.

Къ тому же выводу, относительно роли произвольно-двигательныхъ иннервацій мышцъ въ развитіи нашихъ представленій о я и *не-я*, т.-е. въ различеніи себя отъ окружающаго міра, приводитъ и конкретный анализъ развитія нашихъ пространственныхъ представленій.

Мы уже видѣли выше, что міръ предметовъ и явленій, въ томъ видѣ, въ какомъ рисуется онъ въ нашемъ сознаніи, существуетъ лишь въ нашемъ представленіи, и что онъ является, слѣдовательно, извѣстной формой внутренняго созерцанія; что объекты, находящіеся въ пространствѣ, представляются намъ облеченными въ качества нашихъ собственныхъ ощущеній, и что различныя свойства предметовъ, какъ, напримѣръ, цвѣтъ, твердость, вкусъ, запахъ, и т. д., являются лишь особыми специфическими реакціями нашей нервной системы на внѣшнія раздраженія и вовсе не могутъ быть отнесены къ предметамъ внѣшняго міра самимъ по себѣ.

Спрашивается теперь: на какомъ основаніи человѣкъ относитъ

однѣ символическія субъективныя реакціи своего мозга на впечатлѣнія во внѣшній міръ, другія же, наоборотъ, относятъ къ себѣ, къ своему личному я? Вѣдь, на самомъ дѣлѣ, и тѣ, и другія реакціи протекаютъ въ насъ самихъ, въ элементахъ нашего мозга, а между тѣмъ однѣ изъ нихъ мы объективируемъ, т.-е. относимъ къ предметамъ и явленіямъ, находящимся и совершающимся внѣ насъ, во внѣшнемъ мірѣ; другія же, наоборотъ, мы субъективируемъ и относимъ къ области нашего я. Является ли эта способность къ объективированію нашихъ ощущеній и представлений врожденной или, напротивъ того, приобретенной путемъ жизненнаго опыта? Представителями первого взгляда, т.-е. врожденности этой способности, являются нотивисты, съ Герингомъ во главѣ; они полагаютъ, что въ самомъ устройствѣ нашихъ органовъ чувствъ, передаваемомъ наследственно, даны всѣ условія для объективированія впечатлѣній безъ какого бы то ни было предварительнаго опыта; при первомъ же возбужденіи, напримѣръ, какой-либо точки сѣтчатки нашего глаза, мы сразу, въ силу унаслѣдованныхъ свойствъ, относимъ причину раздраженія во внѣшній міръ, и то же, будто, относится и ко всѣмъ остальнымъ органамъ чувствъ. Правда, способность точно локализовать источники разнообразныхъ впечатлѣній во внѣшнемъ пространствѣ совершенствуется по мѣрѣ упражненія, но основное свойство нашихъ органовъ чувствъ къ объективированію уже присуще имъ до всякаго опыта. Таково мнѣніе нотивистовъ.

Представителями же второго взгляда, т.-е. приобретенности нашей способности къ объективированію, являются эмпирики, съ Гельмгольцемъ во главѣ. Съ точки зрѣнія послѣдней школы, способность къ объективированію развивается исподволь, путемъ жизненнаго опыта, путемъ упражненія нашихъ органовъ чувствъ. Не имѣя здѣсь возможности вдаваться въ подробный разборъ воззрѣній этихъ двухъ школъ, скажу здѣсь коротко, что взглядъ эмпириковъ имѣетъ за себя гораздо болѣе массу фактовъ и наблюденій, и потому можетъ считаться болѣе достовернымъ. Остановимся здѣсь хотя бы на двухъ чувствахъ, особенно рѣзко выдающихся своей способностью къ объективированію, т.-е. на зрѣніи и осязаніи.

Съ первыхъ дней жизни, ребенокъ, по какимъ бы то ни было внутреннимъ мотивамъ, производитъ самыя разнообразныя движенія своими мышцами, непосредственно воспринимаемыя его сознаніемъ, въ которомъ они запечатлѣваются въ формѣ опредѣленныхъ ощущеній изъ сферы мышечнаго чувства; по мѣрѣ повторенія этихъ движеній, ребенокъ выучивается намѣренному воспроизведенію ихъ.

Въ этихъ двигательныхъ ощущеніяхъ присоединяются осязательныя ощущенія, возникающія всякій разъ, какъ до поверхности его кожи дотрогивается любой предметъ. Такъ какъ не всѣ волевые движенія ребенка сопровождаются осязательными ощущеніями, а только нѣкоторые изъ нихъ, и именно тѣ, которыя приводятъ осязательную поверхность его кожи въ соприкосновеніе съ тѣмъ или другимъ предметомъ, то ребенокъ приходитъ къ заключенію, что источники осязательныхъ впечатлѣній лежатъ не въ немъ самомъ, не въ его еще смутномъ я, а въ чемъ-то постороннемъ. Упражня далѣе свое осязаніе путемъ передвиженія своихъ осязающихъ поверхностей по различнымъ предметамъ и членамъ своего тѣла, ему рѣзко бросается въ глаза разница осязательныхъ ощущеній въ двухъ сравниваемыхъ между собою случаяхъ, а именно: когда онъ дотрогивается до поверхности своего тѣла, то въ сознаніи его возникаютъ двойныя осязательныя ощущенія, какъ отъ привасающейся чувствующей поверхности, такъ и той, до которой онъ касается, тогда какъ во всѣхъ остальныхъ случаяхъ касанія до постороннихъ предметовъ въ сознаніи возникаетъ лишь одиночное осязательное ощущеніе. Этимъ путемъ человекъ, съ самыхъ первыхъ дней жизни, научается постепенно различать точки своего собственнаго тѣла отъ другихъ внѣшнихъ, чуждыхъ ему, предметовъ, т.-е. этимъ кладется основа перваго грубаго различенія своего я отъ тѣла внѣшняго міра, и въ то же время выясняется, что кожа есть мѣсто возникновенія осязательныхъ ощущеній, куда онъ и объективируетъ всѣ свои осязательныя ощущенія и представленія.

Путемъ комбинаціи разнообразныхъ осязательныхъ ощущеній съ двигательными иннервационными импульсами, требующимися для передвиженія нашихъ осязающихъ органовъ по поверхности всего тѣла, человекъ узнаетъ не только общія границы, отдѣляющія его тѣло отъ внѣшняго міра, но и разстоянія, на которыхъ находятся другъ отъ друга различныя точки его осязающей поверхности. Несомнѣнно поэтому, что осязаніе, въ сочетаніи съ двигательными волевыми импульсами, является первымъ орудіемъ ориентированія ребенка въ пространствѣ, т.-е. разграниченія своего я отъ окружающаго его внѣшняго міра.

Эта комбинація осязательныхъ ощущеній съ произвольно-двигательными иннервациями вмѣшивается, затѣмъ, далѣе въ процессъ объективированія и другихъ ощущеній, и представленій, доставляемыхъ остальными органами чувствъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что мы научаемся объективировать и зрительныя ощущенія путемъ жизненнаго опыта и упражненія,

причемъ контролирующимъ механизмомъ являются вначатѣ осязательныя ощущенія, въ связи съ произвольно двигательными иннерваціями. Въ пользу этого говорятъ, по крайней мѣрѣ, наблюденія надъ слѣпорожденными, прозрѣвшими вслѣдъ за операцией. Наиболѣе подробно сообщены случаи такого рода Чезальденомъ, Цардропомъ и Францемъ. Всѣ они, безъ исключенія, указываютъ на то, что прозрѣвшіе отъ операціи слѣпорожденные не имѣютъ понятія объ удаленіи предметовъ, а о формѣ и величинѣ ихъ имѣютъ лишь весьма смутное представленіе. Далекіе предметы кажутся настолько близкими, что люди эти боятся, какъ бы не наткнуться на нихъ, и имъ представляется, что предметы эти какъ бы касаются ихъ. О перспективѣ и расположеніи тѣней на картинѣ у нихъ нѣтъ ни малѣйшаго представленія, и каждая картина кажется имъ лишь пестро размазанною плоскостью. Если простыя фигуры и узнавались субъектомъ, то только послѣ нѣкотораго размышленія, причемъ они соображались, по ихъ словамъ, съ ощущеніемъ въ концахъ пальцевъ, т.-е. съ воспроизведенными знакомыми имъ осязательными ощущеніями.

Если у слѣпорожденныхъ и прозрѣвшихъ вслѣдъ за операцией взрослыхъ людей бываетъ такъ плохо развита способность къ объективированію зрительныхъ ощущеній и къ локализациі ихъ въ пространствѣ, то едва-ли мыслимо допустить, чтобы у ребенка, получающаго впервые зрительныя впечатлѣнія, способность къ объективированію была сильнѣе развита. Напротивъ того, все говоритъ, повидимому, въ пользу того, что эта способность должна стоять у ребенка еще на болѣе низкой ступени развитія, такъ какъ у всѣхъ почти оперированныхъ слѣпорожденныхъ, о которыхъ была рѣчь, нѣкоторое количество свѣта все же могло проникать въ глазъ чрезъ вѣки въ теченіе всей предшествующей жизни ихъ. Только пуская въ ходъ свои произвольно-двигательныя иннерваціи, приводящія въ движеніе руки, ноги, вмѣстѣ съ осязательной поверхностью ихъ, ребенокъ, путемъ постепеннаго упражненія, убѣждается, что источники нашихъ зрительныхъ впечатлѣній лежатъ внѣ насъ на томъ или иномъ разстояніи, и на помощь ему приходятъ еще и глазныя мышцы, управляющія сведеніемъ глазъ или измѣняющія выпуклость хрусталика и пускаемыя въ ходъ всякій разъ, какъ ребенокъ желаетъ получить ясныя изображенія предметовъ, находящихся на различномъ разстояніи. Всѣ эти произвольно-двигательныя иннерваціи глазныхъ мышцъ, сопровождающія и обуславливающія ясное видѣніе предметовъ, служатъ впослѣдствіи мѣриломъ, опредѣляющимъ наши

представленія о разстояніи, раздѣляющемъ насъ отъ окружающихъ насъ предметовъ, и т. д.

Сказанное только — что объ этихъ двухъ органахъ чувствъ, т.-е. о зрѣніи и осязаніи, отличающихся наиболѣе рѣзкой способностью къ объективированію, тѣмъ болѣе имѣетъ силу и для остальныхъ органовъ чувствъ.

Путемъ безчисленнаго повторенія и упражненія нашихъ осязательныхъ и зрительныхъ актовъ, способность къ объективированію тѣхъ и другихъ ощущеній и представленій и къ точной локализации ихъ въ пространствѣ до такой степени изошряется, что мы уже, впоследствии, всякое раздраженіе сѣтчатки невольно относимъ наружу, также какъ и раздраженіе остальныхъ органовъ чувствъ.

Въ развитіи способности къ объективированію весьма важная роль выпадаетъ, такимъ образомъ, на долю нашихъ произвольно-двигательныхъ иннервацій, опредѣляющихъ, лучше всего, всякія пространственныя отношенія; и это заключеніе подкрѣпляется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что способность къ объективированію, въ сферѣ различныхъ органовъ чувствъ, находится въ прямомъ отношеніи къ ихъ подвижности. Наиболѣе подвижныя изъ нихъ — глаза, органы осязанія — являются и наиболѣе объективирующими.

Всѣ ощущенія, доставляемыя нашему сознанію всѣми органами чувствъ, въ большей или меньшей степени объективируются, и исключеніемъ являются только ощущенія изъ сферы общаго чувства, т.-е. ощущеніе боли, недомоганія, и т. д. Фактъ этотъ долженъ быть теперь понятенъ, такъ какъ ощущенія эти не поддаются контролю остальныхъ органовъ чувствъ съ сопровождающими ихъ дѣятельность мышечными движеніями. Вслѣдствіе этого ощущенія изъ сферы общаго чувства отличаются своей крайней субъективностью и неопредѣленностью пространственной локализации.

Такимъ образомъ, объективированіе и субъективированіе различныхъ ощущеній и представленій, точное разграниченіе своего я отъ не-я, вырабатываются только путемъ жизненнаго опыта, въ которомъ на долю нашихъ произвольныхъ движеній, въ связи съ осязаніемъ, выпадаетъ первенствующая роль.

Прослѣдивъ, въ общихъ чертахъ, механизмъ развитія элементовъ нашего сознанія, выдѣленія самосознанія и нашего я въ отличіе отъ не-я, мы видимъ, что вся работа эта развертывается на чисто-субъективной почвѣ, не представляющей ни малѣйшаго то-

жества съ міромъ реальныхъ предметовъ и явленій въ томъ видѣ, въ какомъ они, быть можетъ, существуютъ сами по себѣ. О мірѣ этомъ мы въ состояніи, слѣдовательно, судить лишь условно, такъ какъ ощущенія и представленія, вызываемыя имъ въ нашемъ сознаніи, могутъ имѣть значеніе лишь условныхъ знаковь или символовъ, а не копій или непосредственныхъ образовъ предметовъ и явленій внѣшняго міра. Это основное положеніе современной теоріи познаванія имѣетъ высокую теоретическую важность. Изъ него явно слѣдуетъ, что символическимъ языкомъ нашихъ ощущеній и представленій мы не въ состояніи проникнуть въ сущность того, что называется субстанціей; но зато, пользуясь имъ, человѣкъ имѣетъ полную возможность улавливать законы, управляющіе явленіями природы, а это представляетъ самую существенную часть дѣла, въ виду неудержимаго влеченія человѣка отыскивать вездѣ причину явленій.

Мы научаемся съ самыхъ раннихъ лѣтъ жизни вѣрить въ законмѣрность всего происходящаго; законмѣрность же явленій есть необходимое условіе для ихъ пониманія, и потому убѣжденіе въ законмѣрности всего совершающагося выражаетъ, въ то же время, и вѣру въ возможность уясненія себѣ явленій природы. Эта вѣра въ законмѣрность протекающихъ въ мірѣ явленій, въ связи съ врожденнымъ влеченіемъ человѣка искать всюду причины явленій, привела къ тому, что мысль человѣка уже управляетъ многими явленіями природы, что она привела и приводитъ въ порядокъ факты и уже предопредѣляетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ будущее, какъ это мы видимъ рѣзче всего въ астрономіи.

Назовемъ принципъ нашего мышленія, побуждающій насъ искать всегда и всюду причину явленій, закономъ причинности, и спросимъ себя: откуда взялся онъ, является ли онъ приобрѣтеннымъ, или врожденнымъ? Юмъ, какъ извѣстно, смотритъ на законъ причинности какъ на приобрѣтенный, и въ основу его ставитъ процессъ ассоціаціи идей; всякое явленіе возникаетъ при наличности извѣстныхъ предшествующихъ или сопутствующихъ условій и само служитъ источникомъ послѣдующихъ дѣйствій; представленія, соотвѣтствующія этимъ актамъ, при частомъ повтореніи этихъ послѣднихъ, ассоціируются и образуютъ такую прочную связь, что возникновеніе въ нашемъ сознаніи одного изъ представленій влечетъ за собою невольно рядъ ближайшихъ послѣдующихъ представленій, стоящихъ, по отношенію къ первымъ, какъ дѣйствіе къ причинѣ. Этотъ-то процессъ ассоціирования идей и представленій, развивающійся и крѣпнущій путемъ жизненнаго опыта и упражненія, и служить, по мнѣнію Юма, источникомъ

возникновенія въ насъ чувства причинности, т.-е. того психическаго фактора, по которому мы за всякимъ явленіемъ признаемъ опредѣленные причины и послѣдующія дѣйствія. Не будь въ насъ способности къ ассоцірованію идей и представленій, не могло бы и развиться чувство причинности; такъ полагалъ цитируемый нами здѣсь англійскій философъ.

Кантъ же, напротивъ того, доказывалъ, что законъ причинности не приобретається путемъ опыта, а является врожденнымъ, и этотъ взглядъ на дѣло поддерживается также и Гельмгольцемъ. Особенно интересна для насъ аргументація послѣдняго, знаменитаго біолога. Законъ причинности основанъ на томъ индуктивномъ заключеніи, что наблюденныя передъ тѣмъ закономѣрныя отношенія между явленіями останутся навсегда неизмѣнными и для всѣхъ будущихъ подобныхъ случаевъ. Между тѣмъ мы не имѣемъ другого ручательства за примѣнимость закона причинности, какъ его послѣдствія; доказать его опытнымъ путемъ невозможно, такъ какъ первые же шаги всякаго опыта немислимы безъ примѣненія индуктивныхъ заключеній. Поэтому законъ причинности существуетъ для нашего сознанія уже а priori и, въ сущности, представляется трансцендентальнымъ, т.-е. существующимъ уже до всякаго опыта.

Вытекающее изъ этого закона влеченіе человѣка къ отысканію причинъ разнообразныхъ явленій представляется столь же роковымъ и могучимъ, какъ влеченіе голоднаго къ пищѣ, и неудовлетвореніе предъявляемыхъ имъ требованій вызываетъ интеллектуальный голодъ, пагубный не менѣе матеріальнаго.

Законъ причинности лежитъ въ основѣ теоріи познаванія; изъ него, какъ изъ общаго корня, развились всѣ области человѣческаго знанія.

Испытующій умъ человѣка, вѣчно стремящійся къ изысканію причинъ явленій, т.-е. къ опредѣленію законовъ, управляющихъ ими, нерѣдко пускался за поисками такихъ истинъ, которыя недоступны человѣческому пониманію, что весьма значительно замедляло ходъ развитія положительныхъ знаній. Сюда относятся, конечно, всѣ продолжительныя и, по большей части, безплодныя попытки метафизики проникнуть въ сущность вещей, въ природу вещей или самой субстанціи, тормазившія немало успѣшный ходъ развитія наукъ.

Мы уже видѣли раньше, что субъективный, символическій характеръ нашихъ ощущеній и слагающихся изъ нихъ представленій, т.-е. главныхъ основныхъ элементовъ сознанія, исключаетъ всякую возможность пониманія нами субстанціи вещей самой по

себѣ и только дозволяетъ улавливать измѣненія, совершающіяся въ массахъ при взаимномъ дѣйствіи ихъ другъ на друга. Качества предметовъ не представляютъ собою, слѣдовательно, чего-либо абсолютнаго, существующаго независимо, а являются лишь выраженіемъ отношеній одного предмета къ другому. Такъ, говоря о растворимости тѣла, мы имѣемъ въ виду отношеніе данныхъ тѣла къ опредѣленнымъ жидкостямъ; говоря о вѣсѣ, мы имѣемъ въ виду давленіе, оказываемое ими или на различныя части нашего тѣла, или на чашку вѣсовъ; говоря о цвѣтѣ тѣла, мы разумѣемъ свѣтовое впечатлѣніе, вызываемое ими при дѣйствіи ихъ на сѣтчатку нашего глаза, и т. д. Свойства предметовъ являются, слѣдовательно, дѣйствіями матеріальныхъ массъ, какъ другъ на друга, такъ и на чувствующие органы нашего тѣла. Всякое же явленіе сводится на измѣненіе свойствъ предметовъ подъ вліяніемъ дѣйствія ихъ другъ на друга. Это дѣйствіе мыслимо только путемъ движенія или цѣлыхъ массъ, или составляющихъ ихъ молекулъ, и потому на движеніе слѣдуетъ смотрѣть какъ на причину, связывающую предметы въ форму явленій.

Всякій научный анализъ стремится свести (фактически или только въ представленіи) измѣненія, наблюдаемые въ природѣ, на извѣстную форму движенія; тамъ, гдѣ удастся достигнуть этого, мы говоримъ, что явленіе понято нами; тамъ же, гдѣ мы не видимъ никакой возможности свести явленіе на механическія дѣйствія частицъ матеріи, мы находимся на границѣ нашихъ знаній и признаемъ наше невѣденіе.

Съ этой общей точки зрѣнія, вся безконечная цѣпь міровыхъ явленій представляетъ лишь переходы одной формы движенія въ другую, и невольно являющийся вопросъ о возникновеніи перваго движенія во вселенной представляется для нашего мышленія столь же непонятнымъ, какъ и то, прекратится ли оно когда-нибудь. Законъ причинности представляется нашему мышленію одинаково безконечнымъ въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ, какъ примѣнительно ко всему прошлому, такъ и ко всему будущему вселенной. Матерія, съ ея двумя формами массоваго и молекулярнаго движенія, представляется вѣчною, и поэтому вопросы о началѣ и концѣ всего существующаго являются противорѣчащими врожденному намъ закону причинности и не могутъ быть включены въ рядъ задачъ, подлежащихъ нашему рѣшенію.

Ограничивъ, такимъ образомъ, на основаніи психо-физиологическаго анализа механизма пріобрѣтенія знаній, область вопросовъ, подлежащихъ рѣшенію и опредѣливъ ясно задачи, кото-

рыми может задаваться человѣческій умъ, и тѣми, передъ которыми онъ безсиленъ, философія, въ связи съ фізіологической психологіей, оказала важную услугу всемірной наукѣ въ томъ отношеніи, что въ настоящее время уже ни въ одной отрасли человѣческихъ знаній не наблюдается тщетныхъ попытокъ проникнуть въ сущность субстанціи, въ сущность вещей и явленій, и, согласно съ этимъ, телеологическій взглядъ на теченіе міровыхъ явленій, т.-е. взглядъ, признающій опредѣленные заранѣе цѣли, преслѣдуемые явленіями внѣшней природы, все болѣе и болѣе ограничивается.

Отъ вопросовъ: что такое субстанція, т.-е. что такое въ сущности вещи сами по себѣ, и почему явленія природы протекаютъ такъ, а не иначе, умъ современнаго изслѣдователя отрѣшился навсегда, и это, конечно, въ добрый часъ, такъ какъ этимъ самымъ усилія его ума уже не тратятся даромъ на открытіе истинъ, недоступныхъ его пониманію, а направляются всецѣло на плодотворную и сподручную работу установленія законовъ, по которымъ протекаютъ явленія природы, т.-е. причинной зависимости между ними. Работа же эта вполне поддается символическому языку нашихъ ощущеній и представленій, пользуясь которыми наше сознаніе, по опредѣленнымъ законамъ мышленія, вырабатываетъ понятія и теоріи, обнимающія ту или другую область міровыхъ явленій.

При этой драгоцѣнной работѣ человѣческаго ума онъ наталкивается на многія препятствія, затрудняющія ходъ развитія правильныхъ представленій и понятій о предметахъ и явленіяхъ природы. Мы указали выше, что всѣ элементы нашего сознанія являются продуктами психической переработки внѣшнихъ воспріятій дѣятельностью аппаратовъ, заложенныхъ въ сѣрой корѣ мозговыхъ полушарій. Для возможности правильной работы сознанія требуется, слѣдовательно, нормальная дѣятельность нашихъ органовъ чувствъ и связанныхъ съ ними центральныхъ аппаратовъ сѣрой коры мозговыхъ полушарій. Первые должны отличаться высокой степенью чувствительности и воспріимчивости къ разнообразнымъ впечатлѣніямъ и тѣмъ, чтобы символическія выраженія ихъ реакціи въ нашемъ сознаніи соответствовали чему-либо опредѣленному, дѣйствительно существующему или совершающемуся въ реальномъ мірѣ; отъ вторыхъ же требуется правильная психическая переработка ощущеній въ форму представленій, понятій, и т. д., по законамъ нормальнаго мышленія.

Между тѣмъ, въ дѣйствительности, даже при нормальныхъ условіяхъ, наблюдается немалое число уклоненій въ функціяхъ

органовъ чувствъ и мозга, приводящихъ наше сознание къ ошибочнымъ заключеніямъ—къ констатированію такихъ объектовъ и явленій, къ установленію такой причинной зависимости или законовъ, которыхъ, въ дѣйствительности, вовсе не существуетъ.

Случаи эти, названные нами „обманами сознания“, встрѣчаются въ жизни весьма нерѣдко, и изученіе ихъ представляется во многихъ отношеніяхъ поучительнымъ; съ одной стороны, потому, что знаніе невольныхъ обмановъ сознания и причинъ, обусловливающихъ ихъ, даетъ возможность человѣку не дѣлаться жертвой ихъ; съ другой же, потому, что они служатъ наиболѣе убѣдительнымъ доводомъ того, насколько осторожно слѣдуетъ относиться къ показаніямъ своего сознания и къ вытекающимъ изъ нихъ взглядамъ на явленія какъ вѣшной природы, такъ и индивидуальной и общественной жизни.

Непосредственный контроль показаній одного органа чувства другимъ, точное, многостороннее взвѣшиваніе того или другого взгляда или воззрѣнія, въ особенности въ вопросахъ, касающихся сложныхъ явленій жизни, — являются безусловно необходимыми для цѣли отертыя истины или приближенія къ ней.

Мы такъ привыкли вѣрить въ голосъ своего сознания, въ правоту его выводовъ и заключеній, вопреки, нерѣдко, цѣлой массѣ противоположныхъ утвержденій, что случаи, въ которыхъ можно безусловно обличить сознание наше въ ошибкахъ, при оцѣнкѣ даже сравнительно простыхъ явленій, приобрѣтаютъ особенно важный, какъ теоретическій, такъ и нравственный, интересъ.

Насколько же осторожно слѣдуетъ относиться къ непогрѣшимости сознания въ вопросахъ болѣе сложнаго характера, не поддающихся экспериментальной провѣркѣ?

Каковы же, — спрашивается, — эти уличенныя ошибки сознания, и какъ онѣ объясняются?

Такъ какъ сознание наше составляетъ опредѣленные представленія на основаніи качествъ разнообразныхъ и отношеній ихъ въ пространствѣ и времени, то понятно, что ошибочныя сужденія наши могутъ относиться, прежде всего, или къ оцѣнкѣ качественныхъ сторонъ нашихъ воспріятій, или отношеній ихъ въ пространствѣ и времени. Другими словами, мы можемъ, съ одной стороны, ошибаться въ опредѣленіяхъ качества разнообразныхъ зрительныхъ, слуховыхъ, осязательныхъ, вкусовыхъ, обонятельныхъ ощущеній, т.-е. въ оцѣнкѣ, напр., окраски предметовъ, степени ихъ яркости, высоты тоновъ, температуры, вѣса, предметовъ вкуса, запаха ихъ и т. д.; съ другой — мы можемъ ошибочно судить о разстояніи предметовъ, величинѣ, формѣ ихъ, о

движеніи и покоѣ ихъ и, наконецъ, о продолжительности времени, съ которою протекають тѣ или иныя явленія.

Возможно допустить уже а priori, что во всѣхъ только-что перечисленныхъ нами областяхъ нашихъ разнообразныхъ воспріятій сознание наше нерѣдко вовлекается въ ошибки, т.-е. даетъ фальшивыя показанія, вовсе не соотвѣтствующія дѣйствительности, и эта возможность уже прямо вытекаетъ изъ того факта, что до сознанія нашего доходятъ не самыя внѣшнія впечатлѣнія, а лишь реакція на нихъ нашихъ органовъ чувствъ съ ихъ центральными мозговыми аппаратами. Измѣнится, почему бы то ни было, эта реакція, и въ сознаніи нашемъ тотчасъ появятся психическіе знаки или символы ложнаго характера, вводящіе наше сознание въ ложныя умозаключенія.

Такъ какъ органы чувствъ являются первыми посредниками между впечатлѣніями внѣшняго міра и нашимъ сознаніемъ, то дѣятельность ихъ и можетъ прежде всего служить источникомъ многочисленныхъ обмановъ сознанія.

Такъ какъ, съ другой стороны, въ процессъ возникновенія разнообразныхъ психическихъ элементовъ нашего сознанія участвуетъ сѣрая кора мозговыхъ полушарій, то и различная реакція этой коры на внѣшнія впечатлѣнія должна отражаться, какъ на возникновеніи въ немъ тѣхъ или другихъ ощущеній и представленій, такъ и на дальнѣйшемъ комбинированіи и переходѣ ихъ въ высшіе психическіе элементы—понятія, обобщенія, и т. д. Реакція же коры мозговыхъ полушарій является величиной крайне измѣнчивой, въ зависимости отъ цѣлаго ряда условій; изученіе послѣднихъ необходимо въ видахъ оцѣнки правильности дѣятельности нашего сознанія или ея ошибочныхъ уклоненій.

Наконецъ, сознание впадаетъ нерѣдко въ ошибочныя заключенія, такъ сказать, высшей категоріи, благодаря невольному примѣненію къ анализу явленій ошибочныхъ методовъ или приемовъ мышленія.

И. ТАРХАНОВЪ.

ИЗЪ ТЕННИСОНА

Умеръ я—не ходи на могилу ко мнѣ,
Не тревожь меня въ сладостномъ снѣ,
И въ младенчески-немощной скорби своей
Слезъ ненужныхъ не лей!
Пыль съ могилы моей будутъ вѣтры сметать,
Будутъ плакать надъ нею дожди:
Что-жъ тебѣ еще бѣдный мой прахъ попирать?!
Проходи!

Виновата ли ты,—не заботься о томъ
И, какъ я, позабуди обо всемъ:
Ты свободна! съ вѣмъ хочешь иди подъ вѣнецъ—
Я измученъ въ конецъ!
И теперь я лежу глубоко подъ землей,
Сердце спитъ безмятежно въ груди:
Для надорванныхъ силъ такъ отраденъ покой...
Проходи!

В. С. Лихачевъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ

ОБЪ

А. Н. ОСТРОВСКОМЪ

МАТЕРІАЛЫ ДЛІ ЕГО БІОГРАФІИ.

...Наши первыя отношенія съ Александромъ Николаевичемъ Островскимъ начались съ московской гимназіи, въ 1840 г., гдѣ я учился вмѣстѣ съ нимъ и его братомъ, Михаиломъ Николаевичемъ. Александръ Николаевичъ былъ старше насъ на три класса, и тогда уже онъ любилъ театръ, часто посѣщалъ его; мы съ великимъ удовольствіемъ и интересомъ слушали его мастерскіе рассказы объ игрѣ Мочалова, Щепкина, Львовой-Синецкой и др.

Первое, что онъ напечаталъ въ издававшемся В. Н. Драшусовымъ „Московскомъ Листѣ“ (1847 г.), было: „Картина семейнаго счастья“, обратившая на себя всеобщее вниманіе по необыкновенно типичному языку и живости характеровъ; несмотря на то, что это была только небольшая картинка, о ней говорили тогда много въ литературныхъ кружкахъ, и ее перечитала вся Москва.

Вскорѣ потомъ, въ этомъ же „Листѣ“ было напечатано нѣсколько сценъ изъ его комедіи: „Свои люди сочтемся“.

Отдавшись вполне литературнымъ занятіямъ, А. Н. Островскій началъ свои труды у Погодина въ „Москвитянинѣ“, работая въ редакціи журнала, куда и ходилъ ежедневно пѣшкомъ отъ Николы Воробина, у Яузскаго моста, на Дѣвичье-Поле—пространство, составляющее около шести верстъ. Занимался онъ тамъ корректу-

рой, составленіемъ мелкихъ статей и перепиской, и зарабатывалъ около 15 руб. въ мѣсяцъ, имѣя у отца только квартиру. „Это было тяжелое время, — говаривалъ А. Н.: — но въ молодости нужда легко переносится!“

Въ „Москвитининѣ“ была напечатана комедія „Свои люди сочтемся“, за которую онъ получилъ отъ Погодина гроши, и, съ грустью вспоминая объ этомъ, не хотѣлъ даже никогда говорить, какъ малъ былъ этотъ гонораръ. Когда онъ прочелъ у Погодина на вечерѣ въ первый разъ эту пьесу, то Шевыревъ, обратясь къ слушателямъ, сказалъ: „Поздравляю васъ, господа, съ новымъ драматическимъ свѣтиломъ въ русской литературѣ!“ — „Я не помню, какъ я пришелъ домой, — говорилъ А. Н.: — я былъ въ какомъ-то туманѣ и, не ложась спать, проходилъ всю ночь по комнатѣ, — такими сказочными словами мнѣ показались отзывы Шевырева.“

Пьеса произвела на всѣхъ сильное впечатлѣніе. П. М. Садовскій почти ежедневно читалъ ее въ обществѣ; всѣ желали слышать молодое художественное сочиненіе и прекрасное чтеніе знаменитаго артиста. По словамъ Садовскаго, извѣстный генералъ А. П. Ермоловъ, выслушавъ пьесу, сказалъ: „она не написана, она сама родилась!“

На купцовъ только она произвела дурное впечатлѣніе: они ею обидѣлись, жаловались Закревскому, который призналъ ее вредной и оскорбительной для цѣлаго сословія, донесъ куда слѣдуетъ, и автора взяли подъ надзоръ полиціи, а о самой комедіи запретили говорить въ журналахъ.

Первой пьесой Островскаго, игранный на сценѣ, была комедія „Не въ свои сани не садись“, имѣвшая громадный успѣхъ и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ; но и тутъ авторъ не угодилъ администраціи, выставивъ невыгодно дворянина и симпатично — купца. О постановкѣ этой пьесы въ Петербургѣ я говорилъ въ особой статьѣ: „Воспоминанія артиста объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ“ („Истор. Вѣстникъ“ 1886 г., январь).

На эту комедію нельзя было достать билетовъ ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ, пьеса прошла сотни разъ, а авторъ не получилъ за нее ни копѣйки. Она была дана въ бенефисъ Косицкой, а, по авторскому положенію того времени, пьесы, шедшія въ бенефисъ, дѣлались достояніемъ дирекціи бесплатно. Ту же участь претерпѣла и „Свадьба Кречинскаго“, давшая дирекціи сотню тысячъ, а автору не доставившая ни гроша.

Чтобы видѣть свою пьесу на петербургской сценѣ, Островскій пріѣзжалъ въ Петербургъ. Директоръ А. М. Гедеоновъ, принявъ его очень любезно, пригласилъ въ свою ложу, и они вмѣстѣ

смотрѣли ее. Въ этой комедіи я игралъ Бородину, и мы тутъ окончательно сблизились съ А. Н., и наши сердечныя отношенія не прерывались до его кончины.

Второй его пьесой на сценѣ была „Бѣдная невѣста“, также имѣвшая большой успѣхъ въ Москвѣ и Петербургѣ; авторъ получилъ за нее одновременную плату 700 рублей.

Комедія „Бѣдность не порокъ“ окончательно утвердила за нимъ громкое имя, и это была первая пьеса, за которую онъ получилъ перспективную плату, впрочемъ мизерную: изъ $\frac{2}{3}$ сбора двадцатую часть!

Съ каждымъ новымъ произведеніемъ Островскаго упрочивалось его имя, значеніе на сценѣ; но расположеніе театральнаго начальства, и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, отсутствовало. Начальникомъ репертуарной части въ Москвѣ былъ А. Н. Верстовскій, бесспорно человекъ, очень умный, но воспитанный въ преданіяхъ классицизма; онъ говаривалъ, что русская сцена „провоняла отъ полупубковъ Островскаго“. Въ Петербургѣ процвѣталъ Кукольникъ, мелодрама и водеvilный репертуаръ. Артисты, за исключеніемъ Мартынова и нѣсколькихъ человекъ молодежи, относились къ Островскому холодно, и начальство неохотно ставило его пьесы, несмотря на то, что онѣ интересовали публику и дѣлали большіе сборы. Въ Москвѣ же, при всемъ нерасположеніи къ его пьесамъ Верстовскаго, онѣ не сходили съ репертуара и приводили въ восторгъ публику, при блестящемъ въ то же время исполненіи артистами; эта славная эпоха московскаго театра уже не возвратится! Такого совершенства въ общемъ нельзя себѣ и представить: это былъ настоящій концертъ, исполненный первоклассными артистами; но авторъ, пользуясь и всеобщимъ уваженіемъ публики, и любовью артистовъ, и при этихъ условіяхъ не былъ обезпеченъ ни въ матеріальномъ отношеніи, ни почтенъ театральнымъ начальствомъ. Его пьесамъ начальство предпочитало мелодрамы: „Дѣтскій Докторъ“, „Донъ-Сезарь де Базанъ“ и прочую дребедень, потому что переводчики умѣли ловко обдѣлывать свои дѣла, а въ характерѣ Островскаго не было способности унижаться.

Театральная цензура того времени, безцѣльно придирчивая, относилась къ пьесамъ Островскаго очень строго. Въ моихъ неизданныхъ воспоминаніяхъ о театрѣ вотъ что рассказано по этому поводу:

...Для одного изъ моихъ бенефисовъ я представилъ въ цензуру четыре пьесы, изъ которыхъ ни одна не была одобрена. Я отправился къ Геденову и рассказалъ ему объ этомъ.

— А зачѣмъ ты выбираешь такія пьесы?—говорить онъ.

Я отвѣчалъ ему, что у цензоровъ такіе особенные взгляды, къ которымъ невозможно приладиться, и ни за одну пьесу нельзя поручиться, будетъ ли она одобрена, или запрещена.

— Что же я могу сдѣлать?

— Вы, ваше превосходительство, очень хороши съ Леонтіемъ Васильевичемъ (Дубельтъ, начальникъ III-го Отдѣленія того времени, завѣдывавшій драматической цензурой): вамъ достаточно черкнуть ему два слова, и онъ разрѣшитъ хоть одну пьесу.

— Ты какую же хочешь?

— „Картину семейнаго счастья“, Островскаго.

— Ну, хорошо, я напишу ему.

Онъ далъ мнѣ записку, и я отправился къ Дубельту. Дубельтъ былъ большой пріятель Гедерштерна; они вмѣстѣ проводили каждый вечеръ...

Дубельтъ былъ по приемамъ человѣкъ очень любезный и вѣжливый.

— Чѣмъ могу быть вамъ полезнымъ, мой любезный другъ? — спросилъ онъ меня.

— У меня горе, в. п.: бенефисъ на носу, а всѣ представленные мною пьесы не одобрены!

— Ай, ай, ай! какъ это вы, господа, выбираете такіе пьесы, которыя мы не можемъ одобрить... все непременно съ тенденціями!

— Никакихъ тенденцій, в. п.; но цензура такъ обязательна, что положительно не знаешь, что и выбрать!

— Какую же пьесу вы желаете, чтобы я вамъ дозволил?

— „Семейную картину“, Островскаго.

— Въ ней нѣтъ ничего политическаго?

— Рѣшительно ничего; это небольшая сценка изъ купеческаго быта.

— А противъ религіи?

— Какъ это можно, в. п.!

— А противъ общества?

— Помилуйте, — это просто характерная бытовая картина.

Дубельтъ позвонилъ. „Позвать ко мнѣ Гедерштерна, и чтобы онъ принесъ съ собою пьесу „Картина семейнаго счастья“, Островскаго“.

Является высокая, сухая, безстрастная фигура камергера Гедерштерна съ пьесой и толстой книгой.

— Вотъ г. Бурдинъ проситъ разрѣшить ему для бенефиса неодобренную вами пьесу Островскаго, такъ я ее дозволяю!

— Но, в. п., — началъ было Гедерштернъ.

— Дозволяю — слышите!

— Но, в. п., въ книгѣ экстрактовъ извольте прочесть...

— А, Боже мой! я сказалъ, что дозволяю! Подайте пьесу. Гедерштернъ модалъ пьесу, на которой онъ сверху написалъ: „Дозволяется. Генералъ-лейтенантъ Дубельтъ“—и не зачеркнулъ даже написаннаго прежде: „Запрещается. Генералъ-лейтенантъ Дубельтъ“. Въ этомъ видѣ и теперь хранится эта пьеса въ театральной библиотекѣ.

Комедія Островскаго „Воспитанница“ была также не одобрена цензурой къ представленію. Я сталъ хлопотать о ея дозволеніи. В. П. Бутковъ, государственный секретарь, будучи очень хорошъ съ Потаповымъ¹⁾, далъ мнѣ, по этому случаю, къ нему письмо, съ которымъ я пріѣхалъ въ III-е Отдѣленіе и отдалъ, для передачи, дежурному офицеру.

Потаповъ, выслушавши мою просьбу, сказалъ мнѣ:

— Къ сожалѣнію, г. Бурдинъ, я долженъ отказать вамъ. Я не могу дозволить того, что было запрещено моимъ предшественникомъ, генераломъ Тимашевымъ... Въ своихъ дѣйствіяхъ мы должны быть послѣдовательны. Во всемъ должна быть система. Пьеса г. Островскаго съ такимъ вреднымъ направленіемъ, что не можетъ быть допущена на сцену.

— Въ чемъ же тутъ вредное направленіе, в. п.? Это не болѣе, какъ картина нравовъ!

— Въ насмѣшкѣ и издѣвательствѣ надъ дворянствомъ. Дворяне дѣйствуютъ патриотически, приносятъ огромныя жертвы, освобождаютъ крестьянъ, и за это же потѣшаются надъ ними!

— Но, в. п., тутъ не задѣтъ ни крестьянскій вопросъ, ни благородныя чувства дворянства!

— Конечно, ничего прямо не говорится, но мы не такъ просты, чтобы не умѣть читать между строкъ. Еще разъ извините меня, но я эту пьесу не позволю для представленія.

Впослѣдствіи эта пьеса была дозволена и также очень курьезнымъ образомъ.

Временно назначенъ былъ исправляющимъ должность начальника III-го Отдѣленія генералъ Анненковъ, братъ извѣстнаго писателя П. В. Анненкова.

Пьеса И. С. Тургенева „Нахлѣбникъ“ была подъ запрещеніемъ; П. В. Анненковъ, какъ другъ И. С. Тургенева, просилъ брата разрѣшить эту комедію.

— Съ удовольствіемъ, — отвѣчалъ онъ, — и не только эту, а

¹⁾ Начальникъ III-го Отдѣленія.

всѣ тѣ, которыя ты признаешь нужными; только присылай поскорѣе, потому что на этомъ мѣстѣ я останусь очень недолго.

П. В. Анненковъ послалъ ему нѣсколько пьесъ, въ числѣ которыхъ находилась и „Воспитанница“. И вотъ такимъ образомъ она попала на сцену. Пьеса имѣла огромный успѣхъ и до сихъ поръ смотрится съ большимъ удовольствіемъ, какъ прекрасное, художественное произведеніе, не имѣющее никакого тенденціознаго характера.

Какъ оригинально смотрѣла театральная цензура на дѣло, — я разскажу еще одинъ случай.

Когда А. В. Головинъ былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія, онъ пожелалъ сблизиться съ лучшими представителями русской литературы и выразить имъ свое полное вниманіе и уваженіе. Между прочимъ онъ представилъ тогда Государю пьесу Островскаго „Мининъ“, какъ драматическое произведеніе, исполненное патріотическихъ чувствъ. Государь пожаловалъ автору брилліантовый перстень.

Итакъ, авторъ за свою пьесу получилъ Высочайшій подарокъ, а цензура запретила эту пьесу въ представленію, находя, что хотя содержаніе пьесы и патріотическое, и достойно одобренія, но представленіе ея на сценѣ несвоевременно; и пьеса пролежала нѣсколько лѣтъ въ архивѣ III-го Отдѣленія.

Комедія „Доходное мѣсто“, одобренная цензурой, по какому-то, и до сихъ поръ необъясненному, причину, была запрещена наканунѣ перваго представленія, и—также неизвѣстно почему—была вновь дозволена.

Около этого времени А. Н. Островскій обзавелся семьей; пошли дѣти, и нужды стали возрастать въ грозной пропорціи.

Онъ работалъ неустанно по цѣлымъ днямъ, не разгибая спины. Расходы были такъ велики, а вознагражденіе такъ ничтожно, что, едва кончивъ одну пьесу, онъ уже принимался за другую. Писать пьесу—это не то, что писать романъ или повѣсть, гдѣ авторъ не стѣсненъ никакими условіями, напишетъ ли онъ двадцать, или сорокъ страницъ. Въ комедіи или драмѣ все должно быть заключено въ извѣстныя рамки, изъ которыхъ драматургъ не можетъ выйти: ни лишняго лица, ни лишней сцены, а иначе и эффектъ, и цѣльность произведенія, будутъ утрачены. Каждая фраза, каждый характеръ, весь сюжетъ и развязка должны быть строго обдуманы.

Одинъ, безспорно, даровитый писатель, возмнившій о себѣ слишкомъ много, хватавшійся за все, написалъ пяти-актное

драматическое произведеніе, данное въ Москвѣ, на второмъ представленіи котораго играли четвертый актъ послѣ пятого, а пятый — послѣ третьяго. Однажды, при мнѣ ¹⁾, этотъ авторъ позволилъ себѣ сказать Островскому, что онъ недостаточно знакомъ съ техникой постройки драматическихъ пьесъ.

— Можеть быть, — скромно отвѣтилъ ему Островскій: — но въ моихъ пьесахъ еще не случалось, чтобы играли конецъ вмѣсто середины, а середину вмѣсто конца.

Между тѣмъ отношенія дирекціи къ Островскому становились все холоднѣе; явилась какая-то недоброжелательность, которую я приписываю отчужденности Островскаго отъ театральнаго начальства и нежеланія угождать. Пьесы его, дававшія полные сборы, снимались съ репертуара, замѣнялись переводными мелодрамами, на постановку которыхъ тратили большія деньги, а на постановку пьесы Островскаго не давали ничего.

Приведу примѣръ.

Для постановки пьесы: „Правда хорошо, а счастье лучше“, въ Москвѣ отказали въ ничтожномъ расходѣ на садовую бесѣдку, которую бенефициантъ Музиль сдѣлалъ на свой счетъ. Въ Петербургѣ же, во время представленія той же пьесы, въ послѣднемъ актѣ, въ столовой богатаго купца, за неизмѣнимъ стола обѣденнаго, поставили картонный да и тотъ еле живой, покрытый похожьей салфеткой, — и какъ разъ въ то время, когда Государь былъ въ театрѣ, столъ на сценѣ развалился, но къ сожалѣнію это случилось передъ поднятіемъ занавѣсы, а не во время дѣйствія.

Очень естественно, что, находясь въ подобныхъ условіяхъ, работая черезъ силу, оскорбляемый нравственно, тревожась за семью, если-бы Островскій имѣлъ здоровье Геракла, онъ бы и тогда не вынесъ, — а Александръ Николаевичъ былъ человѣкъ съ слабымъ организмомъ; всѣ огорченія глубоко западали ему въ сердце, и нервная система у него была потрясена до основанія; началось сердцебіеніе, безотчетная пугливость, постоянное тревожное состояніе, отсутствіе сна и аппетита, а вслѣдствіе этого — безсиліе работать... Между тѣмъ деньги нужны для содержанія семьи, для воспитанія дѣтей. Письма этого времени ко мнѣ дышатъ отчаяніемъ и безнадежностью; болѣзнь физическая и нравственная дошла до того, что Островскій рѣшился отказаться отъ театра.

Въ Москвѣ, по интригамъ, не хотѣли тогда ставить его „Князя Шуйскаго“ и „Димитрія Самозванца“, и вотъ какъ онъ описываетъ свое положеніе:

¹⁾ У Некрасова за обѣдомъ.

„Любезный другъ, я едва держу перо въ рукахъ; постоянное сидѣнье за работой, бессонныя ночи, совершенно разстроили мои нервы. Извѣстie, которое я получилъ отъ тебя, добило меня совершенно, хотя оно было для меня не новостью. Поутру я былъ въ конторѣ (императорскихъ театровъ), видѣлъ тамъ Чаева, слышалъ отъ него о постановкѣ его „Дмитрія Самозванца“ въ Москвѣ, но вечеромъ, когда получилъ твое письмо, мнѣ какъ-то особенно представилось все оскорбленіе, которое мнѣ наносятъ; со мной сдѣлалось дурно; сегодня я весь разбитъ и, вѣроятно, слягу. Письмо (къ министру) теперь у тебя въ рукахъ, — посылай его или разорви; дѣлай такъ, какъ уважаетъ тебѣ твоя любовь ко мнѣ“.

По моему совѣту, онъ написалъ письмо къ министру двора, и прислалъ это письмо мнѣ. Я передалъ письмо управляющему канцеляріей министерства двора; тотъ передалъ письмо министру, объяснивъ всѣ интриги, и министръ приказалъ поставить пьесу Островскаго.

Отъ 27-го сентября 1866 г. Островскій мнѣ писалъ слѣдующее:

„Объявляю тебѣ по секрету, что я совсѣмъ оставляю театральное поприще. Причины вотъ какія: выгоды отъ театра я почти не имѣю, хотя всѣ театры въ Россіи живутъ моимъ репертуаромъ. Начальство театральное ко мнѣ не благоволитъ, а мнѣ ужъ пора видѣть не только благоволеніе, но и нѣкоторое уваженіе; безъ хлопотъ и поклоновъ съ моей стороны ничего для меня не дѣлается, а ты самъ знаешь, способенъ ли я въ низкопоклонству; при моемъ положеніи въ литературѣ, играть роль вѣчно кланяющагося просителя тяжело и унижительно. Я замѣтно старѣю и постоянно нездоровъ, а потому ѣздить въ Петербургъ, ходить по высокимъ лѣстницамъ, мнѣ ужъ нельзя. Повѣрь, что я буду имѣть гораздо больше уваженія, которое я заслужилъ и котораго стою, если развяжусь съ театромъ.“

„Давши театру 25 оригинальныхъ пьесъ, я не добился, чтобы меня хоть мало отличали отъ какого-нибудь плохого переводчика. По крайней мѣрѣ, я приобрѣту себѣ спокойствіе и независимость вмѣсто хлопотъ и униженія. Современныхъ пьесъ больше писать не стану; я ужъ давно занимаюсь русской исторіей и хочу посвятить себя исключительно ей; буду писать хроники, но не для театра. На вопросъ: отчего я не ставлю своихъ пьесъ, я буду отвѣчать, что онѣ неудобны. Я беру форму „Бориса Годунова“, — такимъ образомъ постепенно и незамѣтно я отстану отъ театра...“

Несмотря на невлюбивость своего характера, Островскій имѣлъ много если не враговъ, то недоброжелателей. При появленіи каждой его новой пьесы, критика кричала: „Островскій исписался“, бранила, напр., „Лѣсъ“, „Безприданницу“, а при появленіи его новой пьесы говорили, что онъ уже не напишетъ такихъ пьесъ, какъ „Лѣсъ“, „Безприданница“ и друг., и такъ продолжалось до самой его кончины.

Театрально-литературный комитетъ, въ свою очередь, тоже влилъ дозу желчи въ его фіалъ. Онъ забаллотировалъ его веселую шутку: „Женитьба Бальзаминова“, которая дается и теперь на сценѣ съ большимъ успѣхомъ.

Дѣло было вотъ какъ: пьесу эту читали въ комитетѣ лѣтомъ, когда члены-артисты, въ томъ числѣ и я, были въ отпуску,—и не пропустили пьесы. Возвратившись изъ отпуску, мы потребовали пересмотра пьесы, основываясь на томъ, что комитетъ читалъ ее, будучи не въ полномъ составѣ, и, въ случаѣ отказа, объявили, что выйдемъ изъ состава комитета и о причинахъ ухода заявимъ публично. Желаніе наше было удовлетворено; пьеса читалась вновь и была одобрена.

Въ эти тяжелые для автора, въ сожалѣнію, не минуты, а годы, появился Добролюбовъ и разъяснилъ въ своихъ статьяхъ цѣну и значеніе Островскаго, что было для него большимъ нравственнымъ утѣшеніемъ.

На сценѣ для него также блеснулъ отрадный лучъ—это назначеніе директоромъ театровъ С. А. Геденова. Весьма умный, высокообразованный, энергичный, онъ на первыхъ порахъ горячо принялся за дѣло, тотчасъ же сошелся съ Островскимъ, далъ ему сюжетъ для „Василисы Мелентьевой“, въ которой Геденову принадлежить прологъ. Островскій съ обновленнымъ духомъ принялся за работу, и въ одинъ мѣсяцъ, въ Петербургѣ, кончилъ эту пьесу. Читая этотъ образный языкъ, тщательную обрисовку характеровъ, драматичность положеній, нельзя и думать, чтобы она вылилась такъ быстро изъ-подъ пера автора. Пьесу немедленно поставили и сыграли съ большимъ успѣхомъ, но тѣмъ и закончились благотворные лучи новаго солнца.

С. А. Геденовъ, съ самаго начала своей дѣятельности, сталъ во враждебныя отношенія съ всемогущимъ тогда барономъ Кистеромъ, который парализировалъ всѣ дѣйствія Геденова,—и Геденовъ, окончательно побѣжденный, просился въ отставку; отставки ему не дали, а власть отняли, и Геденовъ окончательно отступился отъ театра, посѣщая его, по своей обязанности, только въ тѣ дни, когда въ немъ присутствовалъ Государь. Петербургскій

театръ опускался все ниже и ниже; появился новый печальный продуктъ драматическаго искусства—оперетта. Публика сбѣгалась смотрѣть доморощенныхъ клоуновъ, ржала отъ удовольствія, глядя на высоко взбрасываемыя ноги, слушая тривиальную музыку и тривиальныя рѣчи. Гдѣ же было бороться Островскому, съ его простой, правдивой дѣйствительностью,—съ бессмысленной удаляю французскаго трепака!

Къ счастью еще, въ Москвѣ этотъ тлетворный ядъ не заразилъ сцены, и московскіе артисты дали энергическій отпоръ французской опереткѣ.

Тѣмъ не менѣе, съ появленіемъ оперетки, пьесы Островскаго стали даваться рѣже; матеріальное его положеніе еще болѣе ухудшилось. Изъ его писемъ я видѣлъ, что настроеніе его духа стало еще мрачнѣе; тревога за семью и непосильный трудъ все болѣе и болѣе разстроивали его здоровье. Это было самое тяжелое время его жизни,—время нужды и неоплатныхъ долговъ.

Въ это время на помощь явился В. И. Родиславскій съ проектомъ Общества русскихъ драматическихъ писателей. Его неустанной энергіи обязаны драматическіе авторы тѣмъ, что стали получать вознагражденіе съ частныхъ театровъ. Сначала дѣло шло очень туго,—никто не хотѣлъ платить; проектъ былъ утвержденъ не скоро; возникло множество процессовъ;—но присужденіе судомъ къ тюрьмѣ одного изъ антрепренеровъ, за „Русскую свадьбу“, соч. Сухонина, данную безъ дозволенія автора, сразу подвинуло дѣло. Мало-по-малу содержатели частныхъ театровъ стали входить въ сдѣлку съ авторами, кое-что платить, и наконецъ, когда Общество было утверждено правительствомъ, дѣло стало на твердую ногу. А. Н. Островскій былъ выбранъ единогласно председателемъ Общества и оставался въ этомъ званіи до самой кончины.

Съ того времени его матеріальныя средства стали улучшаться. Не было театра въ Россіи, гдѣ бы не давались его пьесы, и, получая за это хотя и небольшую плату, онъ все-таки съ частныхъ театровъ имѣлъ больше, чѣмъ съ казенныхъ.

Съ грустью задумаешься надъ участію А. Н. Островскаго. Во Франціи дѣй, три пьесы, написанныя Дюма и Сарду, обезпечили навсегда авторовъ; а нашъ единственный драматургъ, давшій русской сценѣ цѣлый театръ, всю жизнь нуждался, и, давая хлѣбъ всѣмъ русскимъ театрамъ въ провинціи и сотни тысячъ—дирекціи, самъ не только ничего не нажилъ, но никогда не выходилъ изъ долговъ!

Въ самое послѣднее время была образована коммиссія для пересмотра старыхъ театральныхъ постановленій и для новыхъ реформъ.

Въ трудахъ этой комиссіи приглашенъ былъ принять участіе и А. Н. Островскій. Съ юношескимъ жаромъ онъ принялся за работу для пользы страстно любимаго имъ дѣла; цѣлые дни проводилъ за составленіемъ записокъ, историческихъ докладовъ, проектовъ, но самою завѣтною мечтою его было устройство школы для драматическаго искусства. „Если я доживу до тѣхъ поръ, — говорилъ онъ, — то исполнится мечта всей моей жизни, и я спокойно скажу: нынѣ отпущаеши раба твоего съ миромъ!..“ Цѣлыхъ два года онъ посвящалъ всѣ свои труды этому дѣлу, и собранные имъ матеріалы, хранящіеся теперь у высшаго театральнаго начальства, составляютъ любопытныя страницы въ исторіи русскаго театра.

Въ самый послѣдній годъ своей жизни, А. Н. Островскій получилъ большое нравственное удовлетвореніе. Ему довѣренъ былъ московскій театръ и устройство театральной школы на предполагаемыхъ имъ основаніяхъ. Онъ сдѣлался, наконецъ, хозяиномъ русскаго театра; онъ могъ осуществить всѣ свои завѣтныя мечты: любимое дѣло было въ его собственныхъ рукахъ; ничто не мѣшало ему поставить это дѣло на надлежащую высоту: онъ устроить разсадникъ юныхъ талантовъ, очистить русскую сцену отъ плевелъ и поднять вкусъ публики!.. Сколько свѣтлыхъ надеждъ, какое ликование между артистами! Поставленные имъ пьесы: „Воевода“ и „Марія Стюартъ“, возбудили восторгъ публики, и на эти спектакли съ трудомъ доставали билеты. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали обновленія русской сцены; но дни А. Н. были уже сочтены. Физическія силы не отвѣчали силамъ духовнымъ. Переходъ отъ тихой кабинетной дѣятельности въ дѣятельности кипучей, гдѣ онъ ни минуты не имѣлъ отдыха и покоя, былъ бы подъ силу молодому, здоровому организму; ему же, обремененному тяжкими недугами, нужнѣе было спокойствіе. По словамъ пользовавшаго его доктора Остроумова, онъ не успѣвалъ остывать и приходитъ въ нормальное положеніе, и это — при болѣзни сердца, удушѣ и ревматизмѣ.

Посѣщая его почти каждый день, я видѣлъ, въ какомъ состояніи онъ возвращался со службы. Усталый, измученный, съ потухшимъ взглядомъ, онъ опускался въ кресло и въ продолженіе нѣкотораго времени не могъ вымолвить слова... „Дай мнѣ опомниться, придти въ себя, — начиналъ онъ: — я сегодня чуть не умеръ; мнѣ не хватало воздуха, нечѣмъ было дышать... ревматизмъ не позволялъ отъ боли пошевелить руками... народу, съ которымъ надо было объясняться, пропасть... потомъ доклады — я сегодня подписалъ шестьдесятъ бумагъ, — и вотъ видишь, въ какомъ состояніи воротился домой...“

Едва отдохнувъ вечеромъ, онъ отправлялся въ театры, большею частію посѣщая тотъ и другой; волновался тамъ, видя какія-либо неисправности, и дома засыпалъ безпокойнымъ, тревожнымъ сномъ. Такова была его жизнь въ послѣднее время.

Съ грустью, каждый день, я убѣждался, что онъ не только не работникъ, но и не жилецъ на бѣломъ свѣтѣ.

Къ довершенію несчастія, передъ своимъ отъѣздомъ въ деревню онъ простудился; ревматическія боли усилились въ крайней степени; по цѣлымъ часамъ онъ не могъ пошевелинуться, перенося ужасныя страданія. Докторъ объявилъ, что нѣтъ болѣе никакой надежды, и черезъ три дня по пріѣздѣ въ деревню, 2-го іюня 1886 г., его не стало...

Ө. Бурдинъ.

ВЪ СТОРОНѢ ОТЪ ЖИЗНИ

РАЗСКАЗЪ.

Было девять часовъ вечера. Качаевъ шелъ по одной изъ главныхъ улицъ Москвы. Когда онъ проходилъ мимо переулка, оттуда быстрыми шагами вышла молодая, скромно-одѣтая дѣвушка, лѣтъ двадцати, и, преградивъ Качаеву дорогу, схватила его за рукавъ пальто.

— Ради Бога, проводите меня!..—проговорила она дрожащимъ голосомъ.

— Что такое?.. Что случилось?..—торопливо спросилъ Качаевъ.

— Вотъ они... пристають!..

И она указала въ темную глубину переулка. Тамъ виднѣлись три мужскія фигуры, которыя стояли теперь на мѣстѣ.

— Я шла... они пристали... Я не знала, что дѣлать... Ради Бога!..

Фигуры повернули назадъ и утонули въ темной дали.

— Успокойтесь! — проговорилъ Качаевъ. — Успокойтесь!.. Я васъ доведу домой...

— Ахъ, нѣтъ! — быстро проговорила она. — Я бы васъ просила... если это не трудно... пѣшкомъ...

— Пойдемте пѣшкомъ! — Онъ улыбнулся, подумавъ: „Капитановъ, вѣрно, нѣтъ, а на чужой счетъ не хочетъ“...

Они пошли рядомъ по троттуару.

Осенняя мгла висѣла въ воздухѣ. Дождя не было, но туманная сырость пронизывала насквозь. Фонари свѣтили тусклыми пятнами. По мостовой гремѣли экипажи. Троттуары также еще не опустѣли: масса прохожихъ наполняла ихъ. Многіе магазины были еще открыты и бросали на улицу полосы свѣта.

Пройдя молча нѣсколько шаговъ, Качаевъ заговорилъ.

— Вы гдѣ живете?—спросилъ онъ.

— Недалеко, за бульваромъ,—пояснила дѣвушка и добавила быстро:—можетъ быть, я васъ задерживаю?..

Онъ отвѣчалъ:

— Нисколько! Мнѣ все равно!..

Въ эту минуту они поровнялись съ широкими окнами яреосвѣщенной булочной. Облитые свѣтомъ, они взглянули другъ на друга.

Качаевъ только успѣлъ замѣтить общій обликъ ея недурного личика, съ быстрыми темными глазами. А она его рассмотрѣла яснѣе. Прежде всего, ей бросилось въ глаза выраженіе мертвящей скуки, вѣявшее и отъ его умнаго, но вялаго взгляда, и отъ улыбки, которая въ это мгновеніе была у него на блѣдныхъ губахъ, и вообще отъ каждой черты его изжелта-блѣднаго, худощаваго лица, съ рѣзкими очертаніями носа и рта, съ небольшой, черной, начинавшей уже сѣдѣть, бородой и съ усами, слегка порыжѣвшими отъ табачнаго дыма. Потомъ она замѣтила одну прядь волосъ, которая выбилась у него изъ-подъ мягкой пуховой шляпы, слегка сдвинутой назадъ; прядь эта была совсѣмъ сѣдая.

„Да онъ уже старикъ!“ — подумала она и, чтобы не молчать, проговорила:

— Ужасно, право! У насъ женщинѣ нельзя пройти по улицѣ... Безобразіе!.. Такіе нахалы!..

Чувствуя себя обязаннымъ поддержать разговоръ, онъ отвѣчалъ:

— Да...

И потомъ, точно вытягивая изъ себя слова, добавилъ:

— Нахаловъ много!.. Не надо рисковать!..

— Что же дѣлать-то?! — заговорила она: — нельзя же постоянно имѣть провожатыхъ! Я живу одна... Была у знакомыхъ, теперь возвращаюсь домой... Кажется, еще не поздно! И вдругъ эти... Я ужъ къ вамъ и бросилась: вы мнѣ показались...

Она смутилась и замолкла.

Онъ улыбнулся.

— Показался скромнымъ?—спросилъ онъ.

— Если хотите,—да; именно скромнымъ. Или, лучше сказать, порядочнымъ!.. Человека сразу узнать можно: видно...

— Въ самомъ дѣлѣ?—съ добродушной ироніей спросилъ онъ. — Вы узнаете человека съ перваго взгляда?

— Ну, не совсѣмъ можно узнать, а все-таки... видно...

— Вѣрите мнѣ, что какъ есть-таки ничего не видно! —

проговорилъ Качаевъ.—И пять лѣтъ человѣка знаешь, да и то... Вообще, я вижу, что вы очень скоры на заключенія!—съ новой усмѣшкой закончилъ онъ.

Она оживилась.

— Не говорите этого!—быстро возразила она.—Я не знаю, какъ и почему, но я всегда скоро опредѣляю людей, и мнѣ не приходилось ошибаться! Вотъ вы, напримѣръ, простите безцеремонность... васъ сразу видно.

Онъ заинтересовался.

— Неужели?.. Никакъ не ожидалъ!

— Да! Прежде всего, вы—желчный человѣкъ! Вы скучаете!.. Вы, навѣрное, не служите... чиновникомъ. Вы—учитель, или... можете быть, профессоръ... писатель... Правда?

— Не угадали! Впрочемъ, мою профессію вы ни за что не опредѣлите...

Она задумалась, съ улыбкой на губахъ.

Онъ ждалъ, поглядывая на нее.

— Ну, механикъ! — проговорила она, сама же разсмѣялась и пояснила:—конечно, опредѣленно указать трудно! Но вообще, вы... человѣкъ либеральной профессіи!..

„Ого!“ — подумалъ онъ про себя, услышавъ „мудреное слово“, и отвѣчалъ:

— И тутъ не угадали! Впрочемъ, такъ какъ угадать вамъ не удастся, то я самъ скажу:—у меня нѣтъ никакой профессіи.

— Какъ?!

— Такъ! Я ничего не дѣлаю.

— Вы?!

— Да, я! Чему вы такъ удивляетесь?

— Не похожи вы...

Она не договорила.

— На кого?

— На... на праздныхъ людей.

— А вы очень презираете праздность?

Въ тонѣ его опять прозвучала добродушная иронія. Но она не замѣтила этого и отвѣчала горячо:

— Что же можетъ быть хуже?.. Я вѣдь не вѣрю, что вы такой, потому такъ прямо и говорю... Праздный человѣкъ не имѣетъ права на жизнь... Впрочемъ, что это я!—точно спохватилась она.—Вы сами это знаете!..

Она даже слегка обидѣлась.— „Что это, онъ меня экзаменуетъ, что ли?“ подумала она.

А онъ отвѣчалъ серьезно:

Томъ VI.—Декабрь, 1886.

44/15

— Представьте же себѣ, что я дѣйствительно праздный человекъ! Хотя вы и не вѣрите, а это такъ! Я ничего не дѣлаю и не хочу ничего дѣлать!.. И въ этомъ теперь моя профессія!— съ кривой усмѣшкой заключилъ онъ.

Она подняла на него глаза. Ей послышалась какая-то больная нотка въ его тонѣ. Выраженія его лица ей не было видно: онъ не смотрѣлъ на нее.

Разговоръ оборвался. Качаевъ какъ будто досадовалъ на себя, а она немного смутилась.

Они вышли къ бульвару.

Пересѣкая бульваръ, Качаевъ умышленно прибавилъ шагу. Его дама едва поспѣвала за нимъ. За бульваромъ, въ одномъ изъ переулковъ, была ея квартира. Дойдя до своихъ дверей, она остановилась.

— Я здѣсь живу,—проговорила она.—Благодарю васъ, что проводили!

И послѣ паузы добавила какъ-то несмѣло:

— Не зайдете ли когда-нибудь ко мнѣ?

Качаевъ молча поклонился, приподнявъ шляпу.

— Кстати! Мы, вѣдь, еще незнакомы! Моя фамилія Николаева! Надежда Дмитріевна!.. А вы?..

— Алексѣй Ивановичъ Качаевъ!

Она протянула ему руку.

— Право, заходите когда-нибудь!.. Въ будни у меня до пяти часовъ уроки, а вечера свободные; праздники же совсѣмъ свободные... Заходите!

И уже совсѣмъ уходя въ дверь, она крикнула еще разъ:

— Такъ я васъ жду!

Качаевъ пошелъ домой. Онъ жилъ недалеко. Два, три переулка, и онъ — дома. Онъ шелъ медленно, засунувъ руки въ карманы пальто и опустивъ голову. Съ нѣкоторыхъ поръ это сдѣлалось его постоянной походкой. Есть смыслъ ходить быстро тогда, когда стараешься сберечь время. А Качаевъ не имѣлъ въ этомъ надобности. Вотъ уже три года, какъ онъ не только не берегъ времени, но даже не зналъ, куда его дѣвать. Онъ не лгалъ Николаевой, когда говорилъ, что его профессія — праздность. Дѣйствительно, въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ, онъ ничего не дѣлалъ. Онъ даже нарочно переѣхалъ изъ Петербурга въ Москву, чтобы быть подальше отъ товарищей, съ которыми прежде работалъ. Они не давали ему покоя. Когда онъ окончательно рѣшилъ „сложить руки“, какъ онъ выражался, они, каждый по своему, стыдили и отговаривали его. Много наслушался онъ

звонкихъ и пустыхъ фразъ, много наслушался и искреннихъ увѣщаній, и кончилъ тѣмъ, что уѣхалъ въ Москву, чтобы избавиться и отъ того, и отъ другого.

Въ Москвѣ его никто не зналъ. Онъ нанялъ себѣ двѣ комнаты въ глухомъ, малолюдномъ переулкѣ, бывшемъ, въ тоже время, въ двухъ шагахъ отъ одной изъ главныхъ улицъ—явленіе, возможное только въ Москвѣ. Когда ему надоѣдало сидѣть дома, онъ шелъ бродить по улицамъ. Въ ресторанахъ, гдѣ онъ обѣдалъ, онъ завелъ знакомство съ однимъ старикомъ изъ отставныхъ военныхъ, жившимъ на скромную пенсію. Съ этимъ старикомъ онъ сходился каждый день за столомъ. Послѣ обѣда, сидя за бутылкой пива, старикъ любилъ пускаться въ разсужденія.

Онъ не бранилъ все „новое“, но, многое признавая хорошимъ, относительно остального отзывался непониманіемъ.—Можетъ быть, это и хорошо,—говаривалъ онъ:—но не понимаю я того;—видно, старъ сталъ!—Конечно, при этомъ въ его тонѣ сквозило убѣжденіе, что „тутъ и понимать нечего“. Но онъ этого не высказывалъ и былъ сдержанъ, хотя и любилъ иногда похвалить старину и поставить ее въ примѣръ нынѣшнему времени.

Качаевъ охотно слушалъ старика. Надѣ же было говорить хоть съ кѣмъ-нибудь! А старикъ былъ очень удобенъ: онъ не говорилъ громкихъ фразъ, не взывалъ, не вопилъ, не гремѣлъ „могучимъ словомъ“, а говорилъ мягкимъ тономъ, мѣрно прихлебывая пиво и попыхивая дрянной сигарой. Кромѣ того, въ его обществѣ не надо было много говорить: онъ даже не любилъ этого. Достаточно было только изрѣдка, коротенькими фразами, показывать, что его слушаешь, и съ него было довольно. Совсѣмъ тѣмъ, въ рѣчахъ старика часто слышалась значительная доза желчной ироніи, находившая отзвукъ въ сердцѣ Качаева...

Этотъ старикъ былъ единственнымъ московскимъ знакомымъ Качаева, если не считать его квартирной хозяйки, которая, изрѣдка встрѣчаясь съ Качаевымъ на лѣстницѣ, очень обязательно сообщала ему о состояніи погоды,—и хозяйской кухарки, которая, подавая Качаеву самоваръ и топя печку, не разъ совѣтовала барину обзавестись „законной супругой“, послѣ чего, по ея мнѣнію, жизнь барина „слаще будетъ“.

Между тѣмъ Качаевъ жилъ въ Москвѣ уже болѣе года. Небольшое наслѣдство, неожиданно-негаданно полученное имъ года четыре тому назадъ, давало ему возможность платить за квартиру, обѣдать каждый день и вообще жить, не нуждаясь, скромной жизнью небогатаго рантѣе, или пенсіонера, дослужившагося въ мелкихъ чинахъ до „полнаго оклада“.

Качаевъ свыкался съ такой жизнью, и только иногда злоба начинала копошиться въ немъ, и тогда противна становилась ему и его квартира, и ресторанный собесѣдникъ-старикъ, и самая жизнь, бессмысленная и безтолковая. Трудно было ему, въ тридцать два года, быть вполне довольнымъ такой жизнью, которой довольствуются старики-пансіонеры, полагающіе, что, „откатавъ вѣрой и правдой“ положенное число лѣтъ, они „свершили все земное“. И въ минуты разлада со своей жизнью тяжело становилось Качаеву. Онъ или по нѣскольку дней не выходилъ изъ своей квартиры, вмѣсто обѣда довольствуясь тѣмъ варевомъ, которое преподносила ему въ такихъ случаяхъ хозяйка, или же, наоборотъ, совсѣмъ исчезалъ изъ дому на нѣсколько дней и, по русскому обычаю, разгонялъ тоску въ безпабашномъ разгулѣ, забираясь для этого въ какія-нибудь трущобы, гдѣ, среди гомона пьяныхъ оборванцевъ, подъ звуки гармоникки, наигрывающей иной разъ пошло-плясовой, а иной разъ и унылый, за душу рвущій мотивъ какой-нибудь пѣсни, пилъ онъ водку, рюмка за рюмкой, пока не охватитъ его или глупо-пьяное веселье, или же пьяный туманъ не затемнитъ совсѣмъ сознанія.

Послѣ такихъ вспышекъ онъ снова овладѣвалъ собою, снова возвращался домой, и опять жизнь шла регулярно, включая сюда и неизмѣнныя бесѣды со старичкомъ въ ресторанѣ.

И чѣмъ дальше, тѣмъ эти вспышки повторялись все рѣже и рѣже.

„Пройдетъ время — совсѣмъ привыкну!“ — думалъ онъ по временамъ.

А сегодняшняя встрѣча слегка раздражила его. Онъ уже давно не видалъ людей дѣла. А въ Николаевой онъ узналъ работающую дѣвушку.

„Уроки у нея, — думалъ онъ теперь, шагая по направленію къ дому. — Хлопочеть, вѣроятно, кипятится, пользу хочетъ приносить!“

И въ немъ зашевелилась давно знакомая ему злость.

Ему и досадно, и завидно было.

„Къ себѣ зоветъ! — думалъ онъ, уже подходя къ дому. — Да она меня тамъ однѣми своими надеждами да всякими упованіями изъ себя выведетъ!..“

— Ну ихъ!..

И онъ вошелъ въ квартиру.

II.

Квартира была небольшая, въ двѣ комнаты, изъ которыхъ одна выходила двумя окнами въ переулокъ, а другая—однимъ окномъ во дворъ. Въ первой комнатѣ стоялъ просторный клеенчатый диванъ, два стола—одинъ весь заваленный книгами, а другой покрытый бѣлой скатертью; безобразно-большое кресло съ истрепанной обивкой изъ пестраго ситца, кривой комодъ со сломанными замками и нѣсколько тяжелыхъ стульевъ. Другая комната служила спальней. Кровать, ночной столикъ и чемоданъ въ углу—составляли всю ея обстановку. Обѣ комнаты были душныя, низкія, съ плохими обоями и покоробившимся поломъ.

Придя домой, Качаевъ снялъ шляпу и пальто и, оставшись въ темной триковой парѣ, сильно потертой на локтяхъ и болящихъ, зажегъ лампу и сейчасъ же растянулся на диванѣ, привычнымъ поворотомъ тѣла, принявъ позу поудобнѣе.

И мысли его невольно опять вернулись къ Николаевой.

„Что это вздумалось ей меня приглашать? — думалъ онъ. — Не сказали мы съ ней двухъ словъ и вдругъ зоветъ“...

„Очень нужно!.. И съ чего это она вздумала?.. А, впрочемъ, какое мнѣ дѣло? Вѣдь не пойду же я къ ней, въ самомъ дѣлѣ?!“

И онъ досадливо повернулся на диванѣ.

Но о Николаевой онъ продолжалъ думать. Эта случайная встрѣча нарушила его покой. Не то, чтобы на него могло произвести впечатлѣніе первое хорошенькое личико, которое, такъ или иначе, обратило на него вниманіе,—нѣтъ! Этого и прежде съ нимъ не бывало,—не могло быть и теперь. Повліяло на него не это, и не это смутило его. Дѣло въ томъ, что на него повѣяло чѣмъ-то прежнимъ, давно забытымъ и скороненнымъ. Не только въ словахъ, но и въ тонѣ рѣчи, и въ выраженіи глазъ молодой дѣвушки, Качаеву почудилось столько честной энергіи, столько молодой вѣры въ трудъ, что въ немъ невольно поднялось много воспоминаній. Цѣлые ряды знакомыхъ лицъ и пережитыхъ событій возстали въ его памяти...

И онъ былъ такимъ. Даже, когда его, „по недоразумѣнію“, за годъ до окончанія курса, удалили изъ университета и изъ столицы, онъ, проживъ „вдали“ два года, вернулся оттуда, еще не озлобленный и вѣрующій по старому. Онъ хотѣлъ работать и вѣрить въ пользу труда.

И онъ бросался изъ одной дѣятельности въ другую.

Искалъ, бился. И послѣ четырехъ лѣтъ исканья, — сказалъ себѣ: „Довольно!“

И сложилъ руки.

Онъ не легко пришелъ къ этому рѣшенію: много мукъ, много горя стоило оно ему, но когда онъ къ нему пришелъ, то пришелъ безповоротно. Сама жизнь привела его къ этому.

Да и кромѣ самого себя онъ видѣлъ много примѣровъ. Одни погибали, другіе смирялись, и онъ ихъ встрѣчалъ потомъ въ собственныхъ экипажахъ.

— Чтожъ, братъ! — говорили одни изъ нихъ, нѣсколько конфузясь. — Ничего не подѣлаешь!.. Лучше быть молотомъ, чѣмъ наковальней!..

А другіе даже не смущались.

— А ты все еще дуришь?! — искренно удивлялись они ему. — Пора бы ужъ бросить!..

И снисходительно улыбались при этомъ.

А когда онъ „сложилъ руки“, они же приходили къ нему, говоря:

— Какъ не стыдно!.. Человѣкъ ты молодой, способный!.. Это нечестно, наконецъ!.. Ты не имѣешь права!.. Вотъ они, идеалисты-то! Только получили средства, — сейчасъ же легъ на бокъ! Ахъ, ты!..

И много говорили ему въ этомъ родѣ. И онъ умѣлъ сдерживаться и не выгонялъ вонъ этихъ говорунцовъ.

Впрочемъ они его меньше мучили, чѣмъ „вѣрующіе“.

Тѣ тоже осуждали его, но честно и прямо.

— Это малодушіе! — кричали они. — Вамъ нужно сейчасъ результатовъ!.. Подождите: пройдетъ время, все успокоится, жизнь пойдетъ нормально, тогда и все будетъ! Нужно терпѣніе!..

Онъ хорошо зналъ, что и у большинства изъ нихъ не хватить терпѣнія, что и они или съ отчаянія кинутся въ омутъ... или тоже смирятся. Онъ убѣждалъ ихъ въ этомъ, но они не вѣрили ему и только осуждали его же.

Ему и больно, и жалко было смотреть на нихъ.

И онъ отъ нихъ уѣхалъ.

Теперь уже болѣе года онъ не сталкивался съ ними, и вдругъ сегодня, неожиданно-негаданно, эта встрѣча съ Николаевой!..

— Да чего же это я о ней думаю?! — уже вслухъ упрекнулъ онъ себя теперь и, вскочивъ съ дивана, сѣлъ къ столу и взялся за книгу.

Но чтеніе не удавалось. По временамъ онъ даже совсѣмъ отводилъ глаза отъ книги и задумывался...

III.

На другой день, возвращаясь домой послѣ обѣда, онъ, повинаясь невольному влеченію, пошелъ по тому переулку, гдѣ была квартира Николаевой. Почти поровнявшись съ ея квартирой, онъ услышалъ, что его кто-то зоветъ.

— Алексѣй Ивановичъ!

Онъ оглянулся.

Его нагоняла Николаева.

— Я увидела, что вы ко мнѣ идете, и окликнула... Я сегодня опоздала: послѣ урока меня оставили обѣдать... Идите!

Онъ отвѣтилъ ей на пожатіе руки и, не возражая, пошелъ съ ней рядомъ.

— Это очень мило съ вашей стороны, что вы сегодня собрались,—быстро заговорила Николаева.—Мы хоть и случайно познакомились съ вами, но я очень рада васъ видѣть!..

Вошли въ квартиру.

Николаева занимала небольшую, но опрятную комнату въ нижнемъ этажѣ. Скромно меблированная, съ однимъ угломъ, отгороженнымъ ширмой, комната эта носила на себѣ слѣды присутствія женщины. Несмотря на то, что здѣсь и помину не было о туалетѣ, духахъ и пудрѣ, а все это замѣнялось книгами и тетрадками, разложенными и на столѣ, и на этажеркѣ, — въ самомъ размѣщеніи вещей, въ манерѣ разставить мебель, во всемъ чувствовалась женщина.

Еще не стемнѣло, и сѣрый свѣтъ осенняго дня наполнялъ комнату, проходя черезъ небольшое окно, украшенное изящно подвязанной, чистенькой занавѣской. Чистенькіе обои, мебель подъ бѣлыми чехлами, небольшой войлочный коверъ у письменнаго стола и нѣсколько симметрично развѣшенныхъ портретовъ по стѣнамъ—все это придавало комнатѣ уютный видъ.

— Снимайте пальто и садитесь! — пригласила Николаева, сама снимая свой драповый ватерпруфъ и котиковую шапочку.

Усѣвшись въ кресло, Качаевъ съ удовольствіемъ поглядывалъ кругомъ. На него хорошо подѣйствовала и обстановка квартиры, и присутствіе этой темнорусой дѣвушки, съ простымъ, но хорошенькимъ русскимъ личикомъ, съ умными глазками и со стройной фигурой, одѣтой въ темно-коричневое шерстяное платье, скромно, но хорошо сшитое, безъ всякой отдѣлки, съ узенькимъ бѣлымъ воротничкомъ и рукавчиками.

— Какъ видите, у меня изба не красна углами,—улыбну-

лась Николаева, занимая мѣсто противъ гостя.—Не могу, впрочемъ, похвалиться, чтобъ она была красна и пирогами, но чаю мы съ вами напьемся!..

Качаевъ силился что-нибудь отвѣтить въ тонъ, но кончилъ тѣмъ, что смолчалъ. Онъ совсѣмъ отвыкъ отъ общества и теперь проклиналъ себя, зачѣмъ онъ зашелъ сюда, зачѣмъ, наконецъ, не возразилъ, когда дѣвушка высказала предположеніе, что онъ идетъ въ ней: онъ вовсе не къ ней шелъ.

„Пожалуй, вообразить, что это я не вытерпѣлъ и на другой же день прибѣжалъ!.. Какъ это глупо, однако!“

И онъ совсѣмъ смутился.

Она замѣтила это, но, не подавая и вида, затѣяла легкій разговоръ, причемъ больше говорила сама, а Качаеву давала возможность отдѣлываться коротенькими отвѣтами.

Потомъ она заговорила о себѣ, и съ какой-то наивной откровенностью выболтала всю свою біографію.

Отецъ ея былъ военнымъ. Онъ давно умеръ, и ея мать жила гдѣ-то въ провинціи, довольствуясь пенсіей. У нея есть братъ. Онъ—студентъ здѣшняго университета. Она сама кончила гимназію и потомъ была на педагогическихъ курсахъ. Теперь она даетъ частные уроки. Въ работѣ у нея нѣтъ недостатка и заработкомъ она довольна. Но ей хочется быть городской учительницей, чтобы учить бѣдныхъ дѣтей. Ей обѣщали это мѣсто къ будущему году. Теперь, чтобы заранѣе примѣниться къ уровню развитія дѣтей изъ простонародья, она учить двухъ дѣтей здѣшняго дворника. Конечно, денегъ она съ нихъ не беретъ, но она, вѣдь, не изъ-за денегъ и взялась... Когда ей дадутъ мѣсто городской учительницы, она будетъ вполне счастлива.

— Право, хотъ чѣмъ-нибудь поможешь этимъ бѣднымъ ребятишкамъ!..—заключила она.—А то бѣгаютъ они совсѣмъ какими-то дикарями! Даже жалко смотрѣть!

— Конечно!—отвѣчалъ онъ, хотя въ душѣ ему ужасно хотѣлось задать ей вопросъ:—а увѣрены ли вы, что вы сдѣлаете добро этимъ дѣтямъ, когда научите ихъ?..

Но онъ удержался и не спросилъ. Во-первыхъ, ему не хотѣлось сразу высказываться, а во-вторыхъ—хотя онъ самъ не сознавалъ этого—ему жалъ было тронуть своимъ скептицизмомъ это вѣрующее, счастливое существо.

А она продолжала свою непринужденную болтовню, нисколько не смущаясь молчаливостью собесѣдника, который въ душѣ не могъ не сознаться, что въ средѣ „вѣрующихъ“ и работающихъ ему никогда еще не приходилось видѣть болѣе симпатичнаго

женскаго существа, говорящаго о своей работѣ безъ громкихъ фразъ, но и безъ умышленной, дѣланной простоты, и не бьющаго на эффектъ ни неестественной рѣзкостью манеръ, ни кричащей небрежностью костюма.

— Однако, что же это я все болтаю о себѣ!—проговорила она, смѣясь.—Я отъисповѣдалась; теперь—ваша очередь! Рекомендуйтесь!

Смущеніе его успѣло уже пройти, и онъ отвѣчалъ:

— Извольте!.. Я — полнѣйшая противоположность вамъ!.. Помните, я вамъ говорилъ вчера, что я ничего не дѣлаю?.. Ну, такъ знайте: я говорилъ вамъ сущую правду.

— Такъ вы, вѣроятно... помѣщикъ?—съ дѣтски-откровеннымъ разочарованіемъ въ тонѣ и въ выраженіи лица спросила она.

Онъ невольно улыбнулся.

— Нѣтъ, не помѣщикъ,—проговорилъ онъ.—Но, впрочемъ, если хотите, капиталистъ, потому что живу на проценты съ капитала...

— Вотъ какъ!—не сдержалась она и смолкла.

„Это совсѣмъ ребенокъ!“—сказалъ себѣ Качаевъ, и въ то же время, повинувшись невольному желанію оправдаться передъ этимъ ребенкомъ,—проговорилъ:

— Только вы не подумайте, что я всегда такимъ былъ!

Она сдѣлала большіе глаза.

— И я работалъ, было время!—пояснилъ онъ.

— А теперь чтó же?!

— Теперь... не вѣрю я въ пользу своего труда, и нахожу, что не стоитъ биться и хлопотать!..

Она встрепенулась.

— Какъ это?—заговорила она.—Что же вы... чѣмъ же вы занимались?..

— За многое я самъ брался, а о многомъ по другимъ сужу...

Она совсѣмъ взволновалась.

— Простите, но я совсѣмъ не понимаю васъ! Я...

— Да и не поймете!..—грустно проговорилъ онъ.—То-есть, когда-нибудь, можетъ, и поймете, но не теперь...

— Почему это?

— А потому, что слишкомъ въ васъ вѣры много, слишкомъ молоды вы еще, вотъ почему не поймете!.. Да и не дай Богъ понять вамъ!—добавилъ онъ уже про себя.

Она смотрѣла на него во всѣ глаза, точно стараясь на лицѣ его прочесть разъясненіе загадки. А онъ съ минуту молчалъ,

опустивъ голову, а потомъ вскинулъ глазами и проговорилъ совсѣмъ другимъ тономъ:

— Да мы объ этомъ лучше толковать не станемъ! Все равно, не стоимъ! Давайте лучше о другомъ говорить!

— Давайте! — обидѣлась она, подумавъ про себя: — „онъ меня, кажется, за дуру считаетъ!“

Теперь разговоръ повелъ онъ. Заговорили о какомъ-то новомъ романѣ, печатавшемся въ одномъ изъ ежемѣсячныхъ журналовъ. Не сошлись во взглядахъ и заспорили.

Она забыла обиду и горячо защищала свое мнѣніе. Не переставая считать ее ребенкомъ, онъ ей умышленно уступалъ и, заставляя ее высказываться, удивлялся ея развитію. Она не замѣчала, что, на этотъ разъ, онъ, дѣйствительно, „экзаменуетъ“ ее, и искренно высказывалась.

Когда онъ уже совсѣмъ сдавался въ спорѣ, въ дверь постучали.

Онъ поморщился и какъ бы приготовился встать.

Она замѣтила это и проговорила:

— Это, вѣрно, мой братъ!

И крикнула:

— Войдите!

IV.

Вошелъ молодой человѣкъ, средняго роста, съ здоровымъ цвѣтомъ широкаго лица, отгнѣнявшагося небольшой темно-русой бородкой и такими же усами. Одѣтъ онъ былъ болѣе чѣмъ скромно: когда онъ снялъ пальто, то остался въ сѣрой фланелевой блузѣ, стянутой въ талии чернымъ ремнемъ, и въ черныхъ суконныхъ брюкахъ, сильно отрепанныхъ внизу.

Увидѣвъ незнакомое лицо, молодой человѣкъ уставился на него внимательнымъ взглядомъ своихъ сѣрыхъ глазъ и, проведя рукой по густой шевелюрѣ своихъ волосъ, слегка поклонился.

Качаевъ отвѣтилъ на поклонъ.

— Мой братъ... — отрекомендовала Николаева вошедшаго. Качаевъ представился самъ.

Всѣ сѣли.

— Ты съ урока? — мелькомъ спросила Надежда Дмитриевна брата.

— Нѣтъ, отъ товарища... урокъ позже...

— Что ты давно не былъ?

— Времени нѣтъ!

— А мы, вотъ, заспорили, — начала Николаева и изложила сюжетъ спора.

Разговоръ сдѣлался общимъ.

Студентъ горячился. Онъ не былъ согласенъ ни съ Качаевымъ, ни съ сестрой. Вообще, по его мнѣнію, романъ безъ тенденции гроша не стоитъ. Онъ и не думаетъ отрицать искусство, но признаетъ его какъ нѣчто служебное... Въ концѣ концовъ, онъ полагаетъ, что романъ, о которомъ идетъ споръ, не стоитъ этого.

— Но позволъ! — перебила брата Надежда Дмитріевна. — Во всякомъ случаѣ, этотъ романъ хорошъ: онъ доставляетъ эстетическое наслажденіе, онъ...

— Ну, и носись съ этимъ эстетическимъ наслажденіемъ! — уже крикнулъ Николаевъ. — А мнѣ его не нужно! Мнѣ направленіе давай!

И онъ разразился цѣлой филиппикой противъ нѣкоторыхъ беллетристовъ. Надежда Дмитріевна продолжала споръ, но Качаевъ замолкъ. Грустно-ироническая улыбка невольно появилась на его губахъ: эти два юныя существа такъ горячо спорили о значеніи искусства, точно вся жизнь ихъ зависѣла отъ разрѣшенія этого спора. Они готовы были поссориться.

— Ты ничего не понимаешь! — кричалъ Николаевъ сестрѣ. — Еслибы ты понимала, ты бы не смѣла такъ разсуждать!.. Теперь не такое время, чтобы...

Она не дала ему договорить.

— Во всякое время искусство имѣетъ свои права! — возразила она. — Романистъ не обязанъ непременно разрѣшать вопросы!

— Кто же, по твоему, романистъ? — вскочилъ онъ съ мѣста. — Сказочникъ, что-ли? Старая нянька, которая тѣшитъ любовь дѣтей ко всякимъ исторіямъ?!

— Я не говорю этого. „Беллетристъ долженъ упражнять въ читателѣ хорошія чувства“! — процитировала она выраженіе одного критика.

— Чепуха! Это слишкомъ неопредѣленно!

— Напротивъ!..

Споръ грозилъ быть безконечнымъ. О Качаевѣ даже совсѣмъ забыли. Разговоръ уже далеко ушелъ отъ романа и перешелъ на общіе вопросы... Надежда Дмитріевна почти замолкла, чувствуя себя некомпетентной. Тогда студентъ обратился къ Качаеву и вызвалъ его на разговоръ. Качаевъ сначала отвѣчалъ односложно, но потомъ его задѣли за-живое. Его проняли вѣрованія студента, и онъ заговорилъ:

— Позвольте! Все это прекрасно, но въ комъ вы найдете поддержку? Въ комъ? Всѣ слишкомъ любятъ свою шкуру и свой карманъ, чтобы хоть чѣмъ-нибудь рисковать!.. Оглянитесь кругомъ себя!.. Да, наконецъ, взгляните внимательно въ вашу среду, въ среду вашихъ товарищей: развѣ вы не согласитесь, что цѣлая масса ихъ мѣтитъ, такъ сказать, въ столоначальники?!

— Чтожъ изъ этого?! Такіе есть вездѣ, но есть и честные люди! Они спятъ теперь...

— Нѣтъ, не спать! — перебилъ Качаевъ. — Не спать они, а замерли!.. Они не хотятъ безсмысленно стараться разбить лбомъ каменную стѣну—вотъ и все!..

— Что же, по вашему,—и они свихнулись?

— Нѣтъ! Просто себѣ, они. слушаются разсудка!

— Не разсудочность это, а низость!

Качаевъ вспыхнулъ.

— Послушайте!—возразилъ онъ.—Не говорите такъ! Вы не имѣете права такъ осуждать. (Онъ даже всталъ съ мѣста.) Посмотрите на меня! Видите эти сѣдые волосы? Ну, вотъ! А я не старикъ: мнѣ тридцать-два года. И эту сѣдину я приобретаю, переходя отъ тѣхъ надеждъ, которыя имѣете теперь вы, къ тѣмъ взглядамъ, которые имѣю теперь я. Вѣрьте, что этотъ переходъ былъ нелегокъ! Всѣ надежды, одушевлявшія меня, разбились не сразу, а по частямъ, по кусочкамъ. Мнѣ казалось тогда, что это отъ моей души отрывали куски. У меня сердце кровью обливалось! И чѣмъ меньше надеждъ оставалось у меня, тѣмъ болѣе я дорожилъ ими, тѣмъ болѣе держался за нихъ, какъ за остатки ушедшей жизни!.. И когда эти послѣднія надежды ушли, тогда я почувствовалъ, что отъ меня жизнь ушла, и я мертвецомъ сталъ... И такихъ, какъ я, не мало. Только одни, въ отчаяніи, въ омутъ кидаются, другіе пускаютъ себѣ пулю въ лобъ, а большинство стихаетъ и смиряется—и кончается тѣмъ, что старается пристроиться... А я кончилъ тѣмъ, что отошелъ отъ жизни въ сторону и, какъ инвалидъ, только смотрю на жизнь, а въ ней участія не принимаю, потому что ни лобъ себѣ за-даромъ расшибать не хочу, ни бѣгать, какъ бѣлка въ колесѣ—тоже!..

Въ концѣ своей рѣчи, Качаевъ даже задыхался отъ волненія. Его потухшіе глаза снова горѣли, пряди сѣдыхъ волосъ упали на лобъ, а на щекахъ проступила краска.

Договоривъ, онъ, утомленный, опустился въ кресло, и черезъ секунду былъ опять прежнимъ Качаевымъ—вылымъ, сдержаннымъ, съ желчной улыбкой на блѣдныхъ губахъ.

Ему не сразу отвѣтили. Его откровенность поразила всѣхъ.

Студентъ совсѣмъ опѣшилъ, а Надежда Дмитріевна съ глубокимъ сочувствіемъ, смѣшаннымъ съ живымъ любопытствомъ, смотрѣла на Качаева, не спуская съ него взгляда.

Теперь онъ получалъ въ ея глазахъ опредѣленную фizioномію. Если она и не вполне поняла его, то все-таки для нея ясно было, что, до извѣстной степени, ее не обмануло ея первое впечатлѣніе. Она рада была, что Качаевъ высказался, не только такъ рада, какъ радуется каждая женщина, когда ей удастся заглянуть челоуѣку въ душу; нѣтъ, кромѣ этого, Качаевъ былъ ей теперь интересенъ, какъ челоуѣкъ, много думавшій и много испытывшій. Она сама постоянно пытливо вглядывалась въ окружающія ея явленія, сама много думала, стараясь понять и осмыслить жизнь, составивъ себѣ опредѣленные взгляды на вещи, и теперь надѣялась, что Качаевъ ей поможетъ въ этомъ. Помимо того, когда она узнала, что онъ много перестрадалъ, и поняла, что онъ, конечно, и теперь несчастливъ, то въ ней зазвучали безпредѣльной жалостью тѣ чуткія струны, которыя такъ отзывчивы въ женской душѣ на всякое чужое горе и страданіе.

А Николаевъ былъ пораженъ.

— Такъ вотъ вы какой!—въ раздумьи произнесъ онъ послѣ минуты молчанія.

Видимо, его поразили не только слова Качаева, но и самое открытіе, что Качаевъ — такой.

Разговоръ оборвался. И на этотъ разъ Качаевъ первый снова завелъ его. Самымъ простымъ, спокойнымъ тономъ онъ заговорилъ со студентомъ о комъ-то изъ профессоровъ. Брать и сестра съ удивленіемъ мелькомъ переглянулись, но разговоръ поддерживали.

Потомъ Надежда Дмитріевна вышла распорядиться насчетъ чая. Студентъ собрался уходить.

— Подожди,—вернувшись, останавливала его сестра.

— Нельзя: я и такъ ужъ, пожалуй, запоздалъ!

Прощаясь, онъ крѣпко пожалъ руку Качаеву и попросилъ:

— Позвольте мнѣ когда-нибудь зайти къ вамъ!

— Сдѣлайте одолженіе!

И Качаевъ далъ свой адресъ.

Студентъ ушелъ.

V.

Подали самоваръ и лампу.

Надежда Дмитріевна не хотѣла отпустить Качаева безъ чая.

Въ душѣ она надѣялась, не заговорить ли онъ опять откровенно.

Но онъ, вмѣсто этого, сдѣлался умышленно разговорчивъ, говоря о пустякахъ и имѣя въ виду, такимъ образомъ, не дать возможности дѣвушкамъ снова поднять серьёзные вопросы. Она дѣйствительно не рѣшилась его перебивать, и только, когда онъ уходилъ, особенно убѣдительно просила, почти умоляла его:

— Пожалуйста же заходите! Будемъ знакомы!.. Я буду ждать!

Онъ общался.

На улицѣ его охватило сыростью. Но онъ не пошелъ домой, а безцѣльно побрелъ по троттуару. Ему хотѣлось пройти, чтобы освѣжиться.

Повернувъ за уголъ, онъ попалъ въ царство большой улицы. Громъ экипажныхъ колесъ сразу оглушилъ его. Неслись кареты, коляски, дребезжали извозчичьи пролетки. Прохожіе, съ московской безцеремонностью, толкали другъ друга. У дверей кафе-шантана стояла полиція. Въ эти гостепріимныя двери то и дѣло входили мужскія и женскія фигуры. Нѣкоторые подъѣзжали въ экипажахъ. Немного дальше былъ трактиръ. Изъ дверей его несло запахомъ кушаній и слышались звуки „машинъ“. Двери тоже хлопали поминутно. Когда Качаевъ проходилъ мимо нихъ, оттуда вышла подгулявшая компанія молодежи и, толкаясь и пошатываясь, пошла по улицѣ, нахально заглядывая въ лица встрѣчавшихся женщинъ. Около магазина бѣлья Качаева обогнали двое, повидимому, влюбленныхъ: ему было лѣтъ двадцать съ небольшимъ, а она смотрѣла совсѣмъ еще ребенкомъ. Глаза ея блестѣли оживленіемъ. Онъ что-то говорилъ, наклонясь къ самому ея уху, жестикулируя лѣвой рукой, такъ какъ правая была занята: они шли подъ-руку. Черезъ нѣсколько шаговъ, Качаевъ наткнулся на оживленный споръ. Двѣ дамы, подъ охраной кавалера, стояли у витрины перчаточника и горячо спорили о преимуществахъ цвѣтовъ шведскихъ перчатокъ. Кавалеръ молча покуривалъ сигару, заглядываясь на пробѣгавшихъ по троттуару модистокъ. Дальше, у темнаго переулка, притаилась баба въ лохмотьяхъ, съ ребенкомъ на рукахъ: она просила милостыню. И надъ всѣмъ этимъ разстилалось хмурое сентябрьское небо, съ мигавшими на немъ звѣздами, мѣстами пробившимися сквозь темную пелену.

Невыносимая тоска сжала сердце Качаева. Весь этотъ шумъ, вся бѣготня, вся сутолока бойкой улицы, вмѣсто того, чтобы развлечь, только раздражали его. Каждый безпечный гуляка, встрѣчавшійся на пути, и каждый прохожій, шедшій съ дѣловымъ видомъ, одинаково поднимали въ немъ желчь. Въ каждомъ изъ нихъ

въ эти минуты онъ видѣлъ не просто человека, а частицу той стихійной силы, которая раздавила много жизней,—также и его жизнь,—и еще раздавить современемъ жизнь многихъ другихъ, между прочимъ, и его новыхъ знакомыхъ, брата и сестры, если они не смирятся и не станутъ сами бѣгать и метаться, устроивая только свои личныя дѣлишки, хлопоча только о своихъ личныхъ интересахъ.

„Впрочемъ я неправъ!“—остановилъ онъ себя.—„Меня не раздавилъ жерновъ жизни: я посторонился!.. Отошелъ къ сторонѣ!“—припомнилъ онъ фразу, повторяющуюся чуть не черезъ каждыя десять словъ въ одной изъ пошлыхъ современныхъ комедій-фарсовъ.—„Отошелъ!.. Но легко ли мнѣ отъ этого?..“

Нѣтъ, ему было нелегко. И теперь онъ опять бранилъ себя, что пошелъ къ Николаевой: это напрасно взволновало его.

„Ушелъ отъ жизни—ну, и сиди въ своему углу!“ говорилъ онъ теперь себѣ. „Философствуй съ тѣми, кто тоже не живетъ, хотя бы потому, что старъ сталъ!“

И онъ вспомнилъ своего старичка-пенсіонера.

„Вотъ онъ не растревожить, не взволнуетъ! А къ живымъ людямъ и соваться нечего!“

Онъ повернулъ домой. Съ какимъ-то суевѣрнымъ страхомъ обошелъ онъ переулокъ, гдѣ жила Николаева, и вошелъ къ себѣ.

„Довольно! Не пойду я къ нимъ!“

Онъ забылъ, что разрѣшилъ студенту придти къ себѣ.

VI.

А студентъ явился на другой же день вечеромъ.

Уже совсѣмъ стемнѣло. Качаевъ зажегъ свою низкую кабинетную лампу и сѣлъ къ столу съ книгой. Ламповый свѣтъ освѣщалъ только столъ и пятномъ падалъ на полъ. Но комната была погружена во мракъ.

Въ дверь постучали.

— Войдите!—крикнулъ Качаевъ, снимая ламповый абажуръ. Усилившійся свѣтъ ударилъ прямо въ лицо вошедшему.

Качаевъ узналъ его: это былъ Николаевъ.

— Я вамъ не помѣшаю, если посижу у васъ немного?—спросилъ тотъ, не снимая еще пальто и стоя въ выжидательной позѣ.

— Нисколько!—отвѣчалъ Качаевъ и подумалъ про себя: „Какъ онъ, однако, потропился!“

Николаевъ снялъ пальто, пожалъ руку Качаеву и сѣлъ вмѣстѣ съ нимъ къ столу.

На улицѣ стояла мгла и завывалъ вѣтеръ, бросая въ окна цѣлыя массы мелкаго, холоднаго дождя.

— Какова погодка-то!—проговорилъ Качаевъ.

— Да...—мелькомъ отвѣтилъ студентъ и продолжалъ:—А я къ вамъ, Алексѣй Ивановичъ, по поводу вчерашняго разговора...

Качаевъ поморщился.

— Вчера мы не договорили какъ-то... Я бы хотѣлъ по-обстоятельнѣе поговорить съ вами...

Качаева стала разбирать злость.

„Что онъ, за поученіями, что-ли, ко мнѣ пришелъ?“ мелькнуло у него въ головѣ, и онъ взглянулъ на своего гостя.

Но въ выраженіи лица Николаева было столько чего-то хорошаго, честнаго, что злость мигомъ стихла въ сердцѣ Качаева, и онъ отвѣчалъ:

— Извольте, поговоримъ! Хотя едва-ли... едва-ли мы поймемъ другъ друга.

Тогда Николаевъ заговорилъ. Онъ высказывалъ свои надежды... Качаевъ опровергалъ ихъ. Николаевъ защищался, какъ могъ и какъ умѣлъ, горячился, доказывалъ, ссылаясь на исторію... Качаевъ доказывалъ примѣрами, захватывая ихъ изъ жизни. Онъ вызвалъ въ своей памяти множество случаевъ... Объ однихъ онъ слышалъ, другіе совершились при немъ, а въ нѣкоторыхъ онъ принималъ личное участіе... Разбитыя, изломанныя жизни, разрушенныя вѣрованія, безсильная злоба и отчаяніе—вотъ результаты, къ которымъ приводили эти случаи...

Говоря, Качаевъ и самъ взволновался. Иронически-сдержанный тонъ его уступалъ мѣсто желчной горячности. Подъ-конецъ онъ уже съ какой-то больной злобой разбивалъ своего собесѣдника, гадко радуясь, что разрушаетъ его надежды.

— Если вѣрить вамъ, то что же дѣлать-то?..—спросилъ, наконецъ, Николаевъ, какъ-то безсильно опустивъ руки.

— Не знаю!—пожалъ плечами Качаевъ.

— Но вы сами...

— Я?!.. Я похоронилъ себя вотъ здѣсь, въ этихъ двухъ комнатахъ,—вотъ что я сдѣлалъ!

— Да не всякій же можетъ это!.. Да, наконецъ, развѣ это идеаль?..

— Кто-жъ вамъ говорить, что я хочу себя выставить идеаломъ?! Я — одинъ изъ раздавленныхъ, одинъ изъ калѣкъ — и только!

— И вы этимъ разсужденіемъ себя оправдываете?..

— И не думаю! Да, вотъ что, юноша!—поднялся Качаевъ со стула.—Оставьте вы это! Вашими воззваніями вы меня, все равно, не примете: правъ я или неправъ—я отдаю отчетъ передъ своей совѣстью... Требовать отъ меня дѣятельности — это все равно, что заставлять невѣрующаго молиться. Какъ тамъ, такъ и тутъ, пользы ждать нечего!.. Пусть мнѣ вернуть мой прежній оптимизмъ, тогда я опять прежній буду!.. А пока этого нѣтъ, до тѣхъ поръ я буду сидѣть сложа руки, потому что, по моему, это все-таки честнѣе, чѣмъ „пристроиваться“!.. Поняли?

Николаевъ не отвѣчалъ. Засунувъ руку въ карманъ, а другою теребя бороду, онъ задумчиво ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

Качаевъ тоже смолкъ и снова сѣлъ на мѣсто, машинально перелистывая страницы лежавшей передъ нимъ книги.

— Наконецъ, журналистика...—послѣ долгой паузы выговорилъ Николаевъ.

— Журналистика?!..—встряхнулъ Качаевъ своей сѣдой головой.—Да что вы, ребенокъ, что-ли?.. Въ журналистикѣ на два, на три честныхъ шопота приходится цѣлый громъ проданныхъ подлыхъ голосовъ! Нравы кабака и кафе-шантана перешли теперь въ журналистику и душатъ въ ней все честное и правдивое!.. Честные голоса едва слышны! Да и что изъ того, что они слышны?! Развѣ журналистика вліяетъ у насъ на жизнь?! Эхъ! Да что говорить! Вглядитесь вы да вдумайтесь-ка во все лучшее!..

— Но вѣдь это все временно...

— Да?.. Вы думаете?.. Чтожъ, можетъ быть, это и временно, а дальше иначе будетъ: похуже немного.

— А я думаю иначе. Я...

— Ну, если вы думаете иначе, то и поступайте сообразно съ этимъ!—уже крикнулъ Качаевъ:—а меня въ покоѣ оставьте!..

— Я васъ не понимаю!—слегка покраснѣлъ Николаевъ.—Выясненіе взглядовъ...

— Такъ, такъ!—перебилъ Качаевъ съ горькимъ смѣхомъ.—Да поймите вы, наконецъ, что я не хочу никакихъ разговоровъ, никакихъ выясненій! Въ томъ-то и горе, что для меня все слишкомъ ясно! Вы скажете, что я могу ошибаться?.. Можетъ быть. Но я-то самъ не допускаю этого... А эта болтовня, что „выясненіями“ называется, изъ меня всѣ жилы вытягиваетъ. Вы думаете, что я такъ, по капризу, все бросилъ?.. Такъ знайте, что нѣтъ, не по капризу! Вы, вотъ, мнѣ сейчасъ журналистику

въ носъ сунули... Знайте же, что я самъ работалъ въ журналистикѣ, и бросилъ, потому что понялъ, что не стоитъ, смыслѣтъ теперь бумагу-то марать!.. И запомните вы, что вообще я не по капризу все бросилъ, а сознательно! И если я ошибаюсь, то... ну, потому, что-ли, что у меня голова неправильно устроена, думаетъ не такъ! Но не передѣлайте же вы мнѣ мою голову-то?!.. Голову не перетѣлайте, а измучить меня—измучаете!.. Оставьте! Не троньте вы меня!..

Послѣднія слова Качаевъ проговорилъ слабо, едва слышно, задыхаясь и отмахиваясь рукой. На лицѣ его отражалось страданіе, и, договоривъ, онъ откинулся на спинку стула, сжавъ себѣ голову обѣими руками.

Николаевъ смутился. Онъ не ожидалъ этого. Передъ нимъ былъ если и не правый, то, во всякомъ случаѣ, измученный человѣкъ.

— Алексѣй Ивановичъ!—мягко началъ тогда онъ, близко подойдя къ Качаеву.—Вы извините меня! Я не хотѣлъ... вы... мнѣ больно было слышать все это... вотъ я васъ и разстроилъ! Вы простите!

Качаевъ встрепнулся.

— Что вы это, батенька?!..—заговорилъ онъ, привѣтливо глядя на молодого человѣка и протягивая ему обѣ руки.—Что вы?!.. Развѣ вы виноваты, что я боленъ?!.. Вѣдь я совсѣмъ боленъ... душой и нервами...—пояснилъ онъ съ насильственной улыбкой:—ну, вотъ, и того... разстроился.

Онъ снова замолкъ и снова устало откинулся на спинку стула.

— Я вижу это... понимаю...—проговорилъ Николаевъ.—Я лучше уйду!—вдругъ точно спохватился онъ.—Вы отдохнете!..

И, не дожидаясь отвѣта, онъ взялся за пальто.

Качаевъ его не удерживалъ, и всталъ его проводить.

— А что, Алексѣй Ивановичъ, когда-нибудь зайдете къ сестрѣ, а?..

— Хорошо... хорошо...

На прощанье Николаевъ сжалъ руку Качаева обѣими руками.

Когда дверь за ушедшимъ заперлась, Качаевъ рухнулся въ кресло.

— Зачѣмъ все это, зачѣмъ?.. простоналъ онъ вслухъ, безсильно уронивъ голову на грудь.

VII.

Прямо отъ Качаева Николаевъ бросился къ сестрѣ.

Всю дорогу, какъ живой, стоялъ передъ нимъ образъ Качаева, съ его страдальческимъ лицомъ и ранней сѣдиной, серебрившей его волосы. Николаевъ чувствовалъ у него что-то точно оторвалось отъ сердца и какая-то пустота образовывалась въ немъ. Онъ не соглашался съ словами Качаева, отстаивалъ свою вѣру и готовъ былъ отстаивать ее еще. Но то, чего не сдѣлали слова Качаева, то сдѣлать тонъ его словъ, его утомленный, прерывающійся голосъ, его горячая вспышка, окончившаяся полнымъ упадкомъ силъ, и вообще вся его нервность и болѣзненность. Все это поразило Николаева, какъ-то подавило его и заставило обратить большее вниманіе на слова Качаева.

— Онъ говоритъ: „вглядѣться, вдуматься“. Чтожъ, я буду вглядываться, буду думать... И всѣ его слова побольше взвѣшу. Самъ-то только онъ, бѣдняга, что будетъ дѣлать?!.. Развѣ можно такъ жить, какъ онъ живетъ? Развѣ можно долго стерпѣть такую жизнь?..

И образъ Качаева все больше и больше рисовался молодому человѣку въ страдальческомъ ореолѣ мученичества.

VIII.

Надежда Дмитріевна сидѣла за чаемъ, когда къ ней вошелъ братъ.

— Что съ тобой, Борисъ?—съ беспокойствомъ спросила она.

— А что?

— Да ты чѣмъ-то разстроены, взволнованы?!..

— И отъ Качаева,—кратко отвѣчалъ Борисъ Дмитріевичъ, точно этимъ было все сказано.

— Ты былъ у Качаева?—оживилась дѣвушка. — Ну, говори же, рассказывай, что онъ тамъ?

— Несчастный онъ человѣкъ, вотъ что!—со вздохомъ проговорилъ юноша, садясь къ столу.

Дѣвушка слегка вздрогнула, но молчала, зная, что братъ если началъ говорить, то самъ все доскажетъ.

— Онъ совсѣмъ мертвый человѣкъ,—продолжалъ, между тѣмъ, Николаевъ.—Сегодня мы много говорили, много спорили, и онъ

высказался!.. Я одного не понимаю, какъ у него хватаетъ силы жить?.. Вотъ слушай!..

И Николаевъ передалъ сестрѣ подробности своего разговора съ Качаевымъ.

— Кончилось тѣмъ,—заключилъ онъ,—что бѣдняга чуть не упалъ въ обморокъ.

— Значить, онъ, въ самомъ дѣлѣ, боленъ?—озабоченно спросила дѣвушка.

— А то какъ же?!—не безъ досады отвѣчалъ студентъ.—Я думаю, если человѣкъ столько переиспыталъ да такъ перемучился, такъ здоровымъ не будетъ! У него, можетъ быть, въ душѣ, что называется, живого мѣста не осталось!.. Я и то клянусь, что погорячился, увлекся споромъ, ничего не замѣчалъ и разстроилъ его... Впрочемъ, зато я узналъ много такого, о чемъ стоить подумать!—точно про себя проговорилъ Николаевъ и продолжалъ:—Съ нимъ надо не спорить и не тревожить его, а прежде всего надо ему покой дать, какъ инвалиду... Если-бы ты его сегодня слышала и, главное, видѣла бы, какъ онъ говорилъ—ты бы тогда это поняла... Этотъ человѣкъ—сила, но только сложенная сила!..

Студентъ смолкъ. Видимо, онъ чисто-юношески увлекся Качаевымъ. Нечего и говорить, что сестра сочувствовала ему.

— Слушай, Борисъ!—попробовала возразить она:—неужели для него все кончено?

— Чтожъ? Не думаешь ли ты, что разными уговариваньями можно вернуть ему силы?..

— Нѣтъ, но...

— Что?

— Онъ совсѣмъ одинъ, да?

— Какъ это?—Я не понимаю...

— У него нѣтъ ни семьи, ни родныхъ?..

— Насколько я могъ судить изъ тѣхъ отрывковъ сегодняшняго разговора, когда онъ говорилъ о себѣ, я заключаю, что онъ одинъ... Три года тому назадъ, его сестра умерла въ чахоткѣ... Но и она послѣднее время жила далеко отъ него...

— Знаешь, Боря, мнѣ кажется, что еслибы онъ не былъ одинъ...

— Что еще?!—перервалъ Николаевъ.—Небось, ты думаешь, тогда лучше было бы?.. Брось ты эти сентименты, Надя! Стыдно! Человѣкъ, такъ сказать, вѣру въ жизнь потерялъ, а ты тутъ объ одиночествѣ! Еслибъ онъ живымъ человѣкомъ былъ, такъ и одиночество—вздоръ: нашлись бы близкіе люди, родные по духу! А

если заживо схоронилъ себя человѣкъ, то никакая дружба, никакая любовь не вызоветъ его къ жизни! Вздоръ это! Тутъ дѣло не въ одиночествѣ.

Дѣвушка не возражала. Но она думала свое.

Чай пили почти молча, изрѣдка перекидываясь отрывочными замѣчаніями, причемъ Надежда Дмитриевна мелькомъ спросила, гдѣ живетъ Качаевъ.

Послѣ чая Борисъ собрался уходить.

— Да, Надя!—сказалъ онъ, прощаясь съ сестрой. — Много мнѣ сказалъ сегодня Качаевъ, очень много!.. И надъ его словами надо подумать!..

И, нахлобучивъ шляпу на глаза, Николаевъ вышелъ изъ комнаты.

IX.

Морозило. Полдень былъ ясный, и солнце ярко било въ окна квартиры Качаева. Болѣе блѣдный, чѣмъ обыкновенно, со слѣдами бессонницы на лицѣ, совсѣмъ одѣтый, лежалъ онъ навзничъ на диванѣ, засунувъ руки подъ голову. На столѣ стоялъ потухшій самоваръ и валялась раскрытая книга. Недопитый стаканъ остывшаго чаю стоялъ тутъ же.

Уже болѣе двухъ часовъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Качаевъ всталъ съ постели. Во всю ночь онъ спалъ всего какой-нибудь часъ. Къ утру у него разболѣлась голова, и онъ всталъ, одѣлся, велѣлъ подать чай и сѣлъ къ столу съ книгой. Книга эта—одинъ изъ недавнихъ переведенныхъ французскихъ романовъ—была на-дняхъ взята имъ изъ библіотеки. Вообще, последнее время, онъ читалъ преимущественно повѣсти и съ особеннымъ удовольствіемъ хватался за тѣ произведенія, которыя далеки отъ русской „современности“. Читая ихъ, онъ отдыхалъ душой, на время забывая дѣйствительность. Онъ даже въ душѣ завидовалъ писателямъ-художникамъ. Онъ находилъ, что какъ ни тяжела окружающая ихъ дѣйствительность, но они могутъ жить сносно: не имѣя своей жизни—они могутъ жить жизнью своихъ героевъ. Въ самомъ творчествѣ есть наслажденіе, а кромѣ того, служа искусству, служивъ обществу. Разсуждая такъ, Качаевъ даже самъ пробовалъ писать романъ. Но ничего не вышло. Прежде всего, Качаевъ былъ совсѣмъ не художникъ, и самъ понималъ это. Кромѣ того, желая романомъ доказать свои взгляды на текущую жизнь, Качаевъ рисковалъ никогда не увидѣть своего романа въ печати: приходилось касаться слишкомъ многого... И, написавъ три

главы, онъ забросилъ эту работу. Къ этому, конечно, не мало побудилъ его и вопросъ „зачѣмъ?“ — вопросъ, который послѣднее время преслѣдовалъ его постоянно. „Не стоитъ!“ было всегдашнимъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ. Этотъ же отвѣтъ порѣшилъ и съ романомъ. „Зачѣмъ?“ Зачѣмъ писать романъ?.. Для того, чтобы доказать читателю, что не стоитъ работать, не стоитъ биться, что надо „махнуть рукой“? Да еслибъ даже и удалось доказать это, то къ чему это поведетъ? „Зачѣмъ?“

— Не стоитъ! — опять-таки отвѣтилъ себѣ Качаевъ, и романъ былъ заброшенъ.

Желаніе взяться за романъ было послѣдней вспышкой жизни въ умирающемъ. На этомъ все покончилось. Теперь ужъ не было никакихъ желаній. Человѣкъ умеръ.

Впрочемъ иногда что-то шевелилось въ немъ. Это „что-то“ — была злоба.

Вчера, напримѣръ, послѣ ухода Николаева, злоба страшно разбушевалась. Качаевъ злился на себя. Онъ не могъ себѣ простить, что способенъ еще волноваться.

„Зачѣмъ я спорилъ съ такой горячностью? Къ чему это? Стоить-ли?..“

Онъ полагалъ, что не стоитъ. Конечно, эти воспоминанія о прошломъ, этоковыранье въ трудно-заживляемыхъ ранахъ души и выставка ихъ на показъ, заставляли органически волноваться. Но Качаевъ не хотѣлъ и этого. Даже этого онъ не хотѣлъ себѣ позволить.

„Пора совсѣмъ успокоиться!.. Пусть все идетъ мимо меня...“

Этого онъ и хотѣлъ добиться. И злился, когда замѣчалъ, что это не удастся. Злился и проклиналъ онъ себя.

Сегодня, во время безконечной ночи, онъ даже дошелъ до того, что злился на себя за свою злобу.

„И злости не должно быть!“ кричалъ онъ про себя. „Ничего не должно быть!..“

И теперь, лежа навзничъ на диванѣ, онъ еще разъ это подумалъ.

„Надо, необходимо надо совсѣмъ смирить себя!“

Именно „смирить“. Онъ такъ и подумалъ. Смирить и заморить въ себѣ все, что еще до сихъ поръ трепещетъ и даетъ себя чувствовать.

„Это необходимо!“

„Зачѣмъ?“ — вдругъ явился опять вопросъ. — „Ну, удастся все это, все замреть, затихнетъ, страданій и волненій не будетъ. А потомъ что?“

Этотъ вопросъ молніей прорѣзалъ мозгъ Качаева.

„Потомъ что?“

Онъ даже приподнялся на диванѣ, съ испуганнымъ лицомъ и весь похолодѣвъ.

„Ну, ну!..“ пыталъ онъ самъ себя:— „потомъ что?..“

Потомъ остается личная жизнь.

И только?

Да, и только.

Такъ неужели три года безпощадной ломки своей души приведутъ только къ тому, что сравняешься со „шкурными людьми“?..

„А то къ чему-же?!.. Къ чему же другому можетъ привести систематическое стремленіе убить въ себѣ человѣка?!..“

Качаевъ обмеръ. Его охватило ужасомъ. На мгновеніе ему даже показалось, что онъ теряетъ разсудокъ. Какъ?!.. Онъ столько времени ломалъ себя, передѣлывалъ, трудился надъ собой, и ему ни разу не пришло въ голову, что онъ только тѣшилъ мыслью, что „сторонится отъ жизни“, что дѣйствительно „посторониться отъ жизни“ нельзя, что онъ только обманывалъ себя надеждой, что не „пристроился“ какъ другіе, и что поэтому выше, лучше ихъ...

Теперь онъ мгновенно понялъ, что онъ тоже „пристроивался“, только на другой ладъ.

„И тѣ, другіе — тоже, можетъ быть, ломали себя, тоже мучились и потомъ ужъ стихли!..“

Такъ неужели онъ этого хочет?..

Да, онъ идетъ къ этому. Только аппетиты у него скромнѣе. Другіе, смирившись, ищутъ „мѣстечекъ“ и „окладовъ“, а онъ довольствуется своимъ „капитальцемъ“. Разница — только въ размѣрахъ...

Боже, какъ гадокъ сталъ онъ себѣ въ эти минуты!.. Жгучій стыдъ охватилъ его. Онъ даже невольнымъ движеніемъ закрылъ себѣ лицо руками, точно боясь смотрѣть вокругъ себя. Отвращеніе къ самому себѣ овладѣло имъ всецѣло. Онъ готовъ былъ, еслибы могъ, раздавить, заплевать себя... Ему ужъ стало даже казаться, что онъ не ошибался, а сознательно ломалъ комедію, рисовался передъ самимъ собою, обманывалъ самъ себя.

„Что же, иди дальше, убивай въ себѣ человѣка!“ — говорилъ онъ теперь себѣ. — „Старайся!.. А когда совсѣмъ замретъ въ тебѣ душа, тогда устройвай свое счастье!“

И новая мысль поразила его. Онъ отнялъ руки отъ лица.

„Да развѣ я могъ бы устроить свое личное счастье?“

Нѣтъ, не могъ бы. Не могъ бы потому, что душа его слишкомъ изныла и изболѣла. Не могъ бы потому, что сердце его истерзалось муками. Для счастья нужна любовь въ жизни, нуженъ интересъ къ ней, а что же въ жизни онъ можетъ любить и чѣмъ онъ можетъ интересоваться, когда отъ всего, что онъ цѣнилъ, онъ отказался, и всѣ чувства, которыя были ему дороги, онъ заглушилъ въ себѣ?.. Развѣ явятся новые вумиры, и новыя чувства къ нимъ родятся въ пустой груди...

Но какія?..

Въ самомъ дѣлѣ, какія?.. Выборъ не великъ: или погоня за богатствомъ и вообще „положеніемъ въ обществѣ“, или тихое, уютное „семейное гнѣздышко“, со всѣми его атрибутами...

Къ чему-жъ бы онъ пристроился?“

И онъ сразу, всѣмъ существомъ своимъ, почувствовалъ, что ни къ чему: ни къ тому, ни къ другому. Почему? А потому, что никогда ни къ тому, ни къ другому, его не тянуло, а теперь слишкомъ ужъ долго и сильно болѣлъ онъ другой любовью, слишкомъ перемучился за другіе идеалы...

„Старъ я, чтобы новыхъ боговъ заводить!“ — подумалъ онъ.

И онъ былъ правъ. Кто рано начинаетъ „смиряться“, тому легче передѣлывать себя на новый ладъ; а кто много и долго „терпѣлъ за вѣру“, тотъ развѣ только вмѣстѣ съ сердцемъ вырветъ ее изъ груди... И не найдетъ ужъ потомъ онъ новое сердце, чтобы новаго бога имъ любить, а такъ и останется съ пустотой въ груди...

И если и будетъ потомъ еще жить, то жить изо дня въ день, бессмысленно, безтолково, безъ всякихъ надеждъ, стремленій и желаній. А безъ этого нѣтъ счастья. Безъ этого жизнь мертва.

И Качаевъ понялъ, что только такой, мертвой, жизни онъ можетъ теперь добиться.

Это сознаніе его облегчило. Онъ настолько еще „человѣкъ былъ“, что обрадовался, когда понялъ, что, опуская руки и отказываясь отъ борьбы, онъ этой цѣной не покупаетъ себѣ счастье, а только хочетъ покоя... А счастья для него нѣтъ. Покой же... но это — покой мертвеца...

Итакъ, онъ умираетъ... Онъ умереть нравственно, душевно... Ну, а что же дѣлать съ физической жизнью, которая будетъ все-таки шевелиться, будетъ заявлять свои права?..

Убить и ее!

Этотъ отвѣтъ показался Качаеву какимъ-то неожиданнымъ голосомъ со стороны, — такъ чуждъ онъ былъ до сихъ поръ этой

мысли. Боже мой! это такъ просто, такъ коротко... Не надо ни ломать себя, ни терзаться...

„Одинъ винжала лишь ударъ“... припомнились ему слова Гамлета.

Да. Одинъ ударъ или одинъ нажимъ револьверной пружины... Какъ скоро... и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ глупо!.. Человѣкъ боролся, мучился, хлопоталъ, метался—и все для того, чтобъ самому же „поставить надъ собой крестъ“, сознавая отлично, что ничего ты въ жизни не сдѣлалъ, и сколько еще ни хлопочи и ни бейся, и дальше ничего не сдѣлаешь, а потому покончи-ва лучше свое бесполезное болтанье изъ стороны въ сторону... Покончи... перестань метаться... Успокойся!..

„Да! это будетъ ужъ совсѣмъ спокойствіе!“—съ нехорошей улыбкой сказалъ себѣ Качаевъ.

Онъ даже теперь удивлялся, почему раньше такая простая мысль, такой простой исходъ—не приходили ему въ голову.

„Прежде, положимъ, была вѣра въ пользу своей жизни... Ну, а потомъ, теперь-то что?..“

Онъ не нашелъ отвѣта.

„Но если это раньше не приходило ему въ голову, то теперь пришло; значить, теперь исходъ найденъ?“

„Да, найденъ!“

И, сказавъ себѣ это, онъ сейчасъ же опять-таки какъ-то органически почувствовалъ, что сказалъ неправду: ему ясно стало, что если умомъ онъ и пришелъ въ выводъ, что „надо кончить“, но все-таки этого онъ не сдѣлаетъ. Онъ до того это отлично чувствовалъ, что даже самъ удивился. Ни сомнѣніямъ, ни колебаніямъ, не было мѣста.

„Я этого не могу!“

Это не онъ сказалъ себѣ, а это какъ-то само сказалось.

„Не могу... но почему же?“—спросилъ онъ тогда себя.

И онъ началъ копаться въ своей душѣ, чтобы отыскать причину. Ему хотѣлось узнать, инстинктъ ли только самосохраненія говорить въ немъ, или что-нибудь другое, высшее.

„Если у человѣка ничего не осталось въ жизни, то что же можетъ удерживать его?..“

Конечно, ничто, кромѣ инстинкта. Но, въ данную минуту, ему почему-то казалось, что не одинъ инстинктъ въ немъ говорить, а и еще что-то. И вотъ это „что-то“ ему и хотѣлось разыскать.

Насколько могъ и умѣлъ, онъ распластывалъ передъ собой свою душу, стараясь найти, нѣтъ ли гдѣ тамъ чего-нибудь, не заронилась ли тамъ гдѣ-нибудь хоть искорка какой-либо надежды.

Но нѣтъ! Тамъ было пусто и мертво.

И вдругъ, неожиданно, безпричинно какъ-то, мелькнулъ передъ нимъ ласковый взглядъ Надежды Дмитриевны. Туманно и смутно мелькнулъ онъ сначала, но потомъ все яснѣе и яснѣе вырисовывался въ его воображеніи. Затѣмъ явилось передъ нимъ и все личико дѣвушки, а наконецъ и вся она, съ ея молодой, безискусственной граціей движеній, такая, какою онъ видѣлъ ее, когда былъ у нея и когда она съ такимъ сочувствіемъ (онъ замѣтилъ это и только сейчасъ уличилъ себя въ это), съ такой лаской глядѣла на него. Вотъ именно такою она и явилась теперь передъ нимъ, точно отвѣтъ на его вопросъ.

Конечно, это могло быть не отвѣтомъ, а случаемъ, но все-таки это удивило Качаева.

„Чтожъ это такое?“ опѣшилъ онъ. „Неужели?!..“

И онъ громко и злобно разсмѣялся надъ самимъ собой.

„Этого бы еще недоставало!.. Ха, ха ха!.. Да нѣтъ! Вздоръ это! Конечно, вздоръ!.. Надо мнѣ просто выйти на улицу, пройтись немного, освѣжиться... А то, пожалуй, я тутъ, чортъ знаетъ, до чего додумуюсь...“

Онъ вскочилъ съ мѣста и взялся за пальто.

„Ха, ха, ха!.. Вотъ нелѣпость-то! Ха, ха, ха!..“

Опять онъ вслухъ смѣялся надъ собой, но въ то же время не могъ не чувствовать, что въ его сердцѣ дѣлалось что-то странное, непривычное: какое-то живое ощущеніе певелилось въ немъ. Онъ чувствовалъ это, но не хотѣлъ замѣчать и не спускалъ съ лица дѣланной улыбки, точно стараясь обмануть кого-то.

„Вздоръ!“ — проворчалъ онъ, наконецъ, еще разъ, и, совсѣмъ одѣвшись, пошелъ къ дверямъ.

И здѣсь, у самаго порога, наткнулся на почтальона. Почтальонъ передалъ письмо и скрылся.

„Отъ кого это?“ — удивился Качаевъ.

Онъ отвѣтъ получать письма. Переѣхавъ въ Москву, онъ нарочно не далъ никому адреса.

„Нашли! Разыскали!“ — не безъ досады подумалъ онъ.

Письмо было городское, съ адресомъ, написаннымъ женскою рукой. Качаевъ какъ-то нахмурилъ брови и вскрылъ конвертъ. Развернувъ письмо, онъ прежде всего взглянулъ на подпись. Тамъ ясно и четко стояло: „Надежда Николаева“.

Что-то точно запрыгало въ груди Качаева, но онъ заставилъ себя подумать:

„Та-акъ!.. И она вслѣдъ за братцемъ!..“

Но, когда онъ читалъ письмо, у него дрожали руки.

„Алексѣй Ивановичъ! — писала Николаева. — Вчера мы съ братомъ долго говорили о васъ. Онъ мнѣ все разсказалъ, весь разговоръ съ вами. Притомъ онъ очень досадовалъ на себя, что васъ обезпечилъ и разстроилъ. Онъ сказалъ, что вы нездоровы.

„Алексѣй Ивановичъ! Позвольте мнѣ придти къ вамъ! Я съ вами не буду говорить о томъ, что васъ можетъ разстроить, а только такъ немного посижу у васъ, пока не надоѣмъ. Скажу вамъ правду: хотя мы съ вами познакомились совсѣмъ неожиданно и видѣлись всего два раза, но въ вашемъ обществѣ я чувствую себя очень хорошо. Пишу вамъ это прямо и безъ церемоніи: вы—такой человѣкъ, съ которымъ можно быть откровенной.

„Жду отвѣта“.

Нижѣ прилагался письменный адресъ.

Качаевъ перечелъ письмо нѣсколько разъ, не сходя съ того мѣста, гдѣ засталъ его почтальонъ.

Наконецъ, онъ точно очнулся.

„Вотъ-те-и-на!..“ — растерянно вздохнулъ онъ и потомъ снова заставилъ себя подумать: „Наивность какая!.. Ужъ не женишка ли барышня себѣ подцѣпить хочетъ?.. Можетъ, работать-то надоѣло, такъ муженекъ требуется?!“

Это было уже гадко. И Качаевъ самъ сейчасъ же это понялъ.

Потомъ, не онимая пальто, съ неестественно-сосредоточеннымъ лицомъ, подошелъ онъ къ письменному столу и сѣлъ въ кресло.

„Отвѣтить надо“, — подумалъ онъ.

Ему почему-то даже и не пришло въ голову, что письмо можно оставить вовсе безъ отвѣта.

„Что же ей написать?“

И въ первую минуту онъ даже разсердился на себя за этотъ вопросъ.

„Уже размякъ!“ — стыдилъ онъ себя. — „Что отвѣтить?! Дура пишетъ глупости, а я еще раздумываю, что отвѣтить?.. Ужъ не въ любовь ли вамъ, Алексѣй Ивановичъ, поиграть желательно?.. Этого бы еще неоставало!“

И опять неестественный, натянутый смѣхъ, и опять въ сердцѣ что-то странное.

„Однако надо же писать!“

Онъ взялся за перо.

„Милостивая Государыня, Надежда Дмитриевна!“ — началъ писать онъ. — „Признаюсь, я крайне удивился“...

Въ это мгновеніе опять на него выглянуло откуда-то личико дѣвушки. И ему показалось, что на глазахъ ея слезы...

Онъ смялъ начатое письмо и бросилъ его подъ столъ.

„Ну, что же, зови ее, приглашай, начинай романъ!“ — злобствовалъ онъ надъ собой. — „Мерзость какая!“

И онъ снова началъ письмо прежняго содержанія, и снова не дописавъ его и, смятое, бросилъ подъ столъ.

И вдругъ ему припомнилась сцена изъ какого-то романа, гдѣ влюбленный юноша такимъ образомъ мучится надъ письмомъ къ своему „предмету“.

„Да, ну-же, рѣшайся!“ — какъ капризный мальчикъ дергалъ онъ самъ себя за свои сѣдые волосы. — „Ну-же!..“

А ощущеніе жизни все сильнѣй и сильнѣй шевелилось въ его сердцѣ и нешутя давало себя чувствовать. Неопредѣленное желаніе чего-то живого, волнующаго — охватывало организмъ. Качаевъ не могъ дать себѣ отчета, что это было съ нимъ; но онъ чувствовалъ, что, противъ воли его разсудка, вся душа его участвуетъ въ разрѣшеніи вопроса объ этомъ письмѣ, — душа, которая почувала тутъ ожиданіе могущей явиться жизни, ожиданіе чего-то, что хоть на время, но оживитъ и согрѣетъ все и дастъ всему жизнь. И противъ воли его разсудка все существо его точно проснулось и требовало этой жизни.

Да жизнь ли это?..

Это возраженіе было уже слабо. И тогда; весь охваченный мгновеннымъ туманомъ, сжимая себѣ лобъ рукой, Качаевъ написалъ:

„Приходите!“

И выронилъ перо, — точно усталъ.

Потомъ мгновенно, мелькомъ, явилась у него мысль изорвать письмо, уничтожить это написанное слово... но, вмѣсто этого, онъ вложилъ письмо въ конвертъ, наклеилъ марку, торопливо набросалъ адресъ и, точно боясь, что разсудокъ вернуть свою силу и помѣшаетъ ему, торопливо кинулся къ дверямъ, чтобы послать письмо въ ящикъ.

Только у дверей онъ пріостановился. Какая-то тѣнь мгновенно пробѣжала по лицу его, сейчасъ же исчезла, и онъ чуть не бѣгомъ бросился искать дворника и приказалъ ему скорѣй опустить письмо.

Вернувшись потомъ въ комнату, Качаевъ съ какимъ-то не-

доумѣніемъ посмотрѣлъ вокругъ себя; сдавленный вздохъ вырвался изъ его груди, и онъ вслухъ проговорилъ:

— Н-ну!.. Самъ я себя не понимаю!..

И въ давно небываломъ волненіи заходилъ по комнатѣ.

Х.

Сумерки сгущались. Медленно, плавно уходилъ короткій осенній день. Углы комнаты давно уже утонули во мракѣ, и только у самыхъ оконъ еще лежали полосы свѣта. Вѣтеръ тоскливо вылъ въ трубѣ какими-то ноющими переливами. На улицѣ уже горѣли фонари, желтыми пятнами выдѣляясь на темно-сѣромъ фонѣ наступающаго вечера.

Качаевъ еще не зажигалъ огня. Онъ сидѣлъ у окна, облокотившись на подоконникъ, и машинально глядѣлъ прямо передъ собой, уставившись глазами въ свѣтящуюся точку, видную въ окнѣ противоположнаго дома.

Уже вторые сутки прошли съ тѣхъ поръ, какъ онъ написалъ Надеждѣ Дмитріевнѣ: „приходите!“. Отправивъ письмо, цѣлый день онъ былъ какъ помѣшанный. Цѣлый день онъ растерянно глядѣлъ вокругъ себя, цѣлый день не могъ взяться ни за книгу, ни за ѣду. То онъ, какъ очумѣлый, недвижно сидѣлъ на одномъ мѣстѣ, то вдругъ вскакивалъ на ноги и начиналъ метаться по комнатѣ, наморщивая лобъ и потирая его рукой, точно желая собраться съ мыслями, привести ихъ въ порядокъ. Потомъ снова садился на мѣсто и снова опять вскакивалъ.

Изъ дому онъ не выходилъ. Когда кухарка принесла ему обѣдъ, онъ даже не притронулся къ нему и, нетерпѣливо выслушавъ по этому поводу соболѣзнованіе добродушной бабы, поторопился выпроводить ее и заперъ за ней дверь.

По его расчету, Николаева должна была получить письмо въ тотъ же день, къ вечеру. И вотъ, какъ только наступилъ вечеръ, Качаевъ сталъ совсѣмъ выходить изъ себя отъ волненія. Мысленно рисовалъ онъ передъ собой выраженіе личика дѣвушки, когда она получитъ письмо. Сначала безпокойство, опасеніе, а потомъ восторгъ...

Такъ подумалъ было онъ, но сейчасъ же остановился.

„Чтожъ это? Ужъ не воображаю ли я, что она въ меня влюбилась?..“

Онъ уличилъ себя. Дѣйствительно, совершенно безсознательно въ немъ создалась увѣренность въ чемъ-то подобномъ. И, понявъ

это, онъ сейчасъ же пристыдилъ себя. Потомъ, по привычкѣ, усвоенной имъ за послѣднее время, онъ началъ копать въ своей душѣ, чтобы понять, откуда взялась эта увѣренность. Неужели она основалась на письмѣ? Но развѣ письмо говоритъ о любви? Развѣ содержанію этого письма нельзя придать тысячу разныхъ значеній? Да, наконецъ, развѣ есть смыслъ предположить любовь послѣ двухъ свиданій?..

И, къ своему удивленію, на послѣдній вопросъ онъ отвѣтилъ себѣ утвердительно: если на него повліяли эти два свиданія, то развѣ не могли они повліять на нее?..

И вдругъ онъ точно спохватился: развѣ самъ-то онъ влюбленъ?..

До сихъ поръ онъ и мысленно не произносилъ про себя этого слова. Онъ не называлъ того, что творилось въ его душѣ. И только сію минуту названіе этого чувства неожиданно вырвалось у него. До сихъ поръ онъ не сознавалъ, что съ нимъ дѣлается, чувалъ, что дѣлается что-то странное, но, не вполне сознавая его, не могъ съ нимъ и бороться. Теперь же ему вдругъ все стало ясно. А опредѣливъ свое чувство, онъ получилъ откуда-то силы для борьбы съ нимъ.

„Такъ вотъ она, любовь-то!..“ подумалъ онъ про себя, точно остановившись передъ какимъ-то невиданнымъ звѣремъ.

До сихъ поръ онъ не зналъ любви. Была въ его жизни одна дѣвушка, съ которой онъ былъ „роднымъ по духу“, рядомъ жилъ, вмѣстѣ учился, вмѣстѣ читалъ, мечталъ и надѣялся, и потомъ близко сошелся съ нею. Онъ былъ съ ней друженъ и принималъ это за любовь. Но это не было любовью: сначала они вмѣстѣ обѣдали, потому что это было удобнѣе, вмѣстѣ записывались въ бібліотекѣ, потому что это было экономнѣе, и, наконецъ, сошлись вмѣстѣ... потому что оба были молоды. Выборъ ихъ остановился другъ на другѣ потому, что они знали другъ друга больше, чѣмъ кого-нибудь, потому что свыклись другъ съ другомъ и, наконецъ, даже отчасти, пожалуй, потому, что жили рядомъ.

Это не было любовью, да и продолжалось недолго: дѣвушка уѣхала въ другой городъ, и связь лопнула. Качаевъ поскучалъ немного, но потомъ нашелъ друга въ лицѣ одного товарища.

Съ тѣхъ поръ онъ не зналъ ничего и похожаго на любовь. И вдругъ, теперь, когда онъ самъ считалъ себя мертвымъ человекомъ, въ немъ явилось это живое чувство.

И опредѣливъ и назвавъ его, Качаевъ въ ту же минуту рѣшилъ вытравить его изъ сердца. Ему и смѣшно, и досадно было. Онъ самъ засмѣялся надъ собой. Онъ даже вдругъ подошелъ

зеркалу: ему хотѣлось теперь посмотрѣть свое лицо. Ему казалось, что на лицѣ его долженъ былъ лежать отпечатокъ „этой глупости“. Но, сколько онъ ни разсматривалъ себя, онъ не замѣтилъ никакой перемѣны: зеркало не передаетъ мелкихъ оттѣнковъ въ выраженіи глазъ.

Потомъ онъ сталъ обдумывать, что ему дѣлать. Письмо было написано, такъ что она, вѣроятно, придетъ. Послать телеграмму съ отмѣной приглашенія было бы глупо: это значило бы придать значеніе всей этой исторіи. А этого Качаевъ не хотѣлъ. Онъ, даже самъ не сознавая этого, за себя боялся: ему хотѣлось увѣрить самого себя, что все это—пустяки, глупость. Онъ даже доказывалъ себѣ это на разные лады.

Между прочимъ его поражало, что, насколько онъ помнилъ, послѣ двухъ свиданій съ Надеждой Дмитріевной, онъ, казалось, не вынесъ особенныхъ впечатлѣній, или, по крайней мѣрѣ, не признавалъ ихъ. И потомъ, когда онъ думалъ уже о смерти, вдругъ явившійся въ воспоминаніи образъ—разомъ, точно волной, охватилъ его своими чарами.

„Но теперь... довольно!“ — рѣшилъ онъ.

Больше онъ не дастъ себѣ воли. О, у него есть характеръ!..

„Но какъ бы то ни было, а дѣвушка придетъ... Чтожъ, надо только приготовиться къ встрѣчѣ!..“

И онъ заранѣе обдумалъ, какъ ее встрѣтить. Онъ будетъ вѣжливъ — и только. Разговоръ онъ постарается держать на пустякахъ. Онъ даже не позволитъ ей прикоснуться къ своему душевному міру. Всякую попытку въ такомъ родѣ (а попытки эти будутъ онъ увѣренъ въ этомъ) онъ остановитъ въ самомъ началѣ. Онъ ясно покажетъ ей, что и не думаетъ говорить съ ней откровенно, — онъ оттолкнетъ ее своей холодной замкнутостью. Онъ сдѣлаетъ видъ, что совсѣмъ не понялъ или (и это еще лучше!) не обратилъ вниманія на тонъ ея записки. Онъ принялъ эту записку за простое желаніе познакомиться.

„А что же другое есть въ этой запискѣ?..“ — вдругъ остановилъ онъ себя.

Видимо, онъ продолжаетъ думать, что дѣвушка въ него влюблена. Однако это глупо! Ужъ не видитъ ли онъ чего-нибудь особеннаго въ томъ, что дѣвушка хочетъ придти къ нему, одинокому человѣку?..

Но вѣдь онъ имѣетъ дѣло не съ институткой, боящейся чихнуть безъ разрѣшенія родителей!

Надежда Дмитріевна живетъ своимъ трудомъ и, конечно, не возвращается въ той средѣ, гдѣ войти въ комнату мужчины счи-

тается возможнымъ только при условіи „беззабѣтной“ любви къ нему... Неужели онъ этого не понимаетъ?... Онъ самъ своимъ воображеніемъ раздулъ значеніе записки.

И ему вдругъ стало стыдно...

„И что это за пошлый отвѣтъ: — „приходите“! Какое-то снисходительное величіе!.. Это просто невѣжливо!..“

И у него мелькнула мысль, что, послѣ такого отвѣта, дѣвушка, можетъ быть, даже и совсѣмъ не придетъ.

„Впрочемъ тѣмъ лучше! — сказалъ онъ себѣ. — Вѣдь я же и хочу, чтобъ этихъ глупостей не было...“

Но онъ сейчасъ же понялъ, что лжетъ. Ощущеніе боли при мысли, что дѣвушка не придетъ, сейчасъ же дало себя замѣтить.

„Что же это со мной?“ — обезпокоился онъ опять, и снова заставилъ себя отвѣтить: — „дурь нашла!“

И рѣшился больше не думать обо всемъ этомъ. Придетъ она — онъ ее приметъ такъ, какъ рѣшилъ; не придетъ — тѣмъ лучше: и онъ больше не пойдетъ къ ней.

Но, несмотря на это рѣшеніе, онъ, проснувшись среди ночи, всталъ и перечелъ записку Надежды Дмитріевны, и хотя, спохватившись, и разсердился на себя за это, но уже не спалъ до утра и цѣлый день до самыхъ сумерекъ былъ нервно возбужденъ.

И теперь, сидя у своего окна и машинально глядя на окно противоположнаго дома, онъ думалъ о своей ожидаемой гостьѣ.

Гдѣ-то скрипнула дверь. Онъ вздрогнулъ и оглянулся. Но это кто-то прошелъ по корридору, и опять все стихло.

„Когда-же это, наконецъ, она придетъ?!“ — совсѣмъ ужъ взволновался онъ, вставая съ мѣста.

Она пришла скоро, черезъ нѣсколько минутъ. Только онъ успѣлъ зажечь лампу, потому что совсѣмъ стемнѣло, какъ у его двери послышался голосъ:

— Гдѣ здѣсь живетъ господинъ Качаевъ?

Онъ вздрогнулъ, кинулся — было къ дверямъ, но остановился: онъ вѣдь рѣшился быть твердымъ.

Кухарка указала гостьѣ входъ. Постучали въ дверь.

— Войдите! — крикнулъ Качаевъ какимъ-то точно сорвавшимся голосомъ.

XI.

Дверь отворилась, и вошла Надежда Дмитріевна.

— Здравствуйте, Алексѣй Ивановичъ!

Качаевъ пошелъ къ ней на-встрѣчу и какъ-то глядя куда-то въ сторону, протянулъ ей руку.

рѣ-
было
дѣлѣ

Не дожидаясь приглашенія, она сняла свой ватерпруфъ и осталась въ томъ же самомъ коричневомъ платьѣ, въ какомъ онъ видѣлъ ее въ прошлый разъ, и въ котиковой шапочкѣ, изъ подъ которой выбивались мягкіе, слегка вьющіеся волосы.

— Какая у васъ славная квартирка!—непринужденно проговорила дѣвушка, окинувъ глазами комнату.

— Да... небольшая...—какъ-то черезъ силу вытягивая слова, проговорилъ Качаевъ.—Пожалуйста, садитесь!—вдругъ быстро добавилъ онъ, спохватившись, что они все еще стоятъ у дверей.

Надежда Дмитриевна сѣла на диванъ. Хотя она и старалась держать себя непринужденно, но на лицѣ ея было замѣтно смущеніе: ее стѣсняло волненіе Качаева,—волненіе, которое такъ и бросалось въ глаза.

А онъ сѣлъ вблизи ея на кресло и съ какой-то глупой застѣнчивостью юноши-подростка разсматривалъ свои руки, не зная, что начать говорить.

— Алексѣй Ивановичъ! Вамъ, можетъ быть, непріятно мое присутствіе?—услышалъ онъ надъ собой мягкій, ласковый голосъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Ради Бога, не думайте этого!—точно испугался онъ, и машинально, безсознательно чуть не взявъ руку Надежды Дмитриевны, и только едва-едва успѣлъ во время остановиться.

Она сначала удивленно взглянула на него, удивленная его горячностью, но потомъ женское чутье подсказало ей кое-что, и въ улахъ ея губъ мелькнула ласковая улыбка.

— Такъ зачѣмъ же вы... такой?—проговорила она уже безъ тѣни смущенія, а даже какъ бы ободряя его своимъ тономъ.

— Я... что же... я ничего...—забормоталъ онъ, и вдругъ, точно собравшись съ силами, съ неестественной развязностью откинулся на спинку кресла, вызвалъ на лицѣ свою насмѣшливую улыбку и началъ говорить своимъ всегдашнимъ тономъ, изрѣдка только точно срываясь и измѣняя голосъ.

— Я очень радъ васъ видѣть,—развязно говорилъ онъ.—Только заранѣе васъ прошу не поднимать со мной „вопросовъ“. („Однако я даже, кажется, дерзокъ!“—подумалъ онъ про себя)...—Не прикажете ли чаю?..

— Благодарю! Отъ чая я не откажусь, но немного послѣ; успѣемъ еще!

Нотка ласковой снисходительности слегка звучала въ тонѣ этого отвѣта: женщина уже сознала свою силу.

И это сознаніе, сказавшееся въ тонѣ, сразу сбило съ Качаева его развязность, и онъ опять смутился.

— Конечно, успѣемъ...—опять началъ онъ разсматривать свои руки.—Я только сказалъ („Боже!—о чемъ бы это начать говорить?“—мелькнуло у него въ головѣ).—Конечно, вечеръ великъ... Ну, что вамъ братъ? Какъ онъ поживаетъ?..—вдругъ спросилъ Качаевъ („Это некстати, но все равно!“—рѣшилъ онъ мысленно) и уставился глазами на Надежду Дмитріевну.

— Мой братъ,—просто отвѣчала она:—теперь ходитъ совсѣмъ растерянный. Сегодня онъ заходилъ ко мнѣ на нѣсколько минутъ, и я совсѣмъ его не узнала... Онъ вами бредитъ...—Она улыбнулась. —Вы сильно повліяли на него!—добавила она уже серьезно и какъ будто даже озабоченно.

— Вотъ ужъ этого я не желалъ!—такъ взволновался Качаевъ, что даже смущеніе съ него слетѣло.—Этого ужъ я не желалъ!.. И говорилъ я не для этого... И къ чему это, право?.. Не надо и затѣвать со мной такихъ разговоровъ... Я ничего не хочу, я не проповѣдникъ... Я хочу только покоя, хочу, чтобъ меня не трогали.

— Это самое мнѣ и говорилъ братъ,—тихо отвѣчала Надежда Дмитріевна и добавила:—даже, когда я сказала, что пойду къ вамъ, онъ мнѣ не совѣтовалъ это дѣлать, говорилъ, что вамъ надо дать покой... Но я думала... надѣялась, что я васъ не обезпокою?..

Въ тонѣ ея послѣдняго вопроса слышалась тонкая доля невольнаго, естественнаго кокетства.

„Вотъ сейчасъ надо ей отвѣтить на это грубостью и... довольно!“—сказалъ онъ себѣ, но вслухъ отвѣчалъ такъ:

— Конечно, нѣтъ!.. Что же... чѣмъ же?..

— Я такъ и думала,—уже совсѣмъ смѣло начала она.—Чѣмъ же, въ самомъ дѣлѣ, я могу васъ обезпокоить?!.. Объ особенно высокихъ матеріяхъ я съ вами толковать не буду, потому что въ этомъ дѣлѣ я очень мало понимаю, а по наслышкѣ говорить не люблю.—Она добродушно улыбнулась.—Просто, посижу, поговорю съ вами!.. Можетъ, даже и развлеку немного васъ своей болтовней. Только вотъ вы какой-то... такой... точно недовольный?.. Можетъ быть, я не въ время пришла, а? Скажите правду!

„Какъ же не въ время, когда я цѣлыя сутки истомился въ ожиданіи?“—готовъ былъ крикнуть онъ, но сдержался.

— У меня сегодня вполнѣ свободный вечеръ, сумѣлъ онъ небрежно отвѣтить.

Она едва скрыла улыбку, — такъ замѣтно было, что онъ ломается.

— Вотъ и отлично!—продолжала она:—значитъ, я вамъ не

помѣшала. („И зачѣмъ онъ мучаетъ себя? Къ чему эта борьба?“ — подумала она.)

Они оба смолкли. На этотъ разъ и она не находила словъ для разговора. Случайно глаза ея упали на обложку книги, лежавшей на столѣ. Она протянула къ ней руку, спросивъ въ полъ-оборота:

— Можно?..

Онъ молча придвинулъ ей книгу.

Это былъ тотъ самый романъ, который онъ читалъ послѣднее время. Она начала перелистывать книгу, изрѣдка вскидывая на него глазами. Онъ замѣчалъ эти взгляды и совсѣмъ терялся. Но, несмотря на его смущеніе, ему не могло не броситься въ глаза, что она держится съ нимъ теперь совсѣмъ иначе, чѣмъ держалась въ прошлый разъ. Не говоря уже про мелкіе оттѣнки обращенія, которые могли бы даже ускользнуть отъ его вниманія, но и помимо ихъ общій тонъ былъ совершенно другой: въ прошлый разъ она слегка смущалась и робѣла передъ нимъ, а теперь (онъ не могъ не замѣтить этого) въ ея обращеніи проглядывало снисхожденіе, и робѣлъ уже онъ. Какъ только онъ ясно созналъ это, ему стало досадно на себя и захотѣлось напустить на себя смѣлости, заговорить развязно и вообще попасть въ свой обыкновенный тонъ, „сдѣлаться самимъ собой“, какъ онъ мысленно выразился. Но онъ упускалъ изъ виду, что если-бы теперь онъ сдѣлался самимъ собой, то онъ былъ бы способенъ въ безумномъ порывѣ упасть передъ ней на колѣни и цѣловать край ея платья, которое, казалось, такъ шло и къ ея скромному, ласковому личику, и къ ея стройной и мягко-граціозной фигурѣ. Стараясь „сдѣлаться самимъ собой“, онъ, собственно говоря, хотѣлъ сдѣлаться такимъ, какимъ онъ былъ. Но это было невозможно. И вотъ онъ продолжалъ сидѣть съ прежней глупой застѣнчивостью, съ прежней неловкостью взглядовъ и движеній.

А она вполнѣ понимала его. Съ первой встрѣчи заинтересованная имъ, со второй — понявшая, что онъ страдаетъ, она, послѣ разговора съ братомъ, твердо рѣшила пойти къ нему. Два стимула, такъ часто рождающіе любовь въ женщинѣ, — любопытство къ оригинальному душевному складу человѣка и желаніе облегчить страдальца — въ данномъ случаѣ оба были на-лицо, и быстро вспыхнуло чувство, противъ котораго простая, неизломанная дѣвушка и не думала бороться, а отдалась на его волю и пошла туда, куда звало ее оно.

Выѣстъ съ чувствомъ явилась и сопровождающая его чуткость, граничащая съ прозрѣніемъ, чуткость, которая почти всегда про-

сыпается въ сердцѣ женщины, когда его охватитъ любовь. Эта чуткость объяснила дѣвушкѣ и внутренній смыслъ краткой записки, гдѣ стояло только одно слово: „приходите!“, — и ту странную манеру держать себя, которую проявлялъ теперь Качаевъ. Все это было для нея ясно и понятно, и если теперь, по временамъ, смущеніе овладѣвало и ею, то только потому, что ей было неловко за Качаева, что она смущалась его смущеніемъ, входила въ его положеніе и никакъ не могла придумать, чѣмъ бы облегчить его. И, въ то же время, сердце ея наполнялось радостью отъ сознанія причинъ этого смущенія, которое происходило, (она ясно понимала это) отъ нежеланія Качаева выдать себя передъ ней. Дѣвушка чула свою побѣду и радовалась ей. Но если въ этой радости и была крошечная доля торжества обыкновеннаго женскаго самолюбія, то все-таки большую часть ея составляла радость за Качаева: дѣвушка вѣрила, что теперь она спасетъ Качаева и дастъ ему счастье.

А онъ терялся все больше и больше. Чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе и труднѣе становилось ему сдерживать и ломать себя, и тѣмъ сильнѣе и сильнѣе отражалась эта борьба на ея теперешнемъ результатѣ — смущеніи.

Наконецъ, она отложила книгу и, повернувшись къ Качаеву и даже слегка наклонившись къ нему, видимо внезапно рѣшилась на что-то и заговорила.

— Алексѣй Ивановичъ, — начала она, умоляя и вмѣстѣ съ тѣмъ опять какъ бы ободряя его взглядомъ: — зачѣмъ вы неискренни со мной, зачѣмъ вы играете роль?..

Это былъ смѣлый приступъ. Она сама испугалась, когда сдѣлала его. Качаевъ могъ даже вспылить въ отвѣтъ на это. Развѣ онъ далъ ей право на такой тонъ?!..

Но онъ не вспылилъ. Онъ вздрогнулъ, точно испугался, и какъ-то безпомощно взглянулъ на нее.

— Отвѣчайте же! Зачѣмъ? — продолжала настаивать она, ободряя его не только взглядомъ, но и улыбкой.

Но онъ успѣлъ уже собраться съ силами. Не глядя на нее, онъ отвѣчалъ:

— Простите, Надежда Дмитріевна, но... я замѣчаю, что нашъ разговоръ принимаетъ какой-то странный оборотъ и... вообще... вообще я не понимаю... не понимаю цѣли... Очевидно, между нами существуетъ какое-то недоразумѣніе, которое... („Ну-же, смѣлѣй, не мямли!“ — прикрикнулъ онъ на себя)... которое, во всякомъ случаѣ, слѣдовало бы прекратить...

Онъ постарался винуть на нее вопросительно-строгій взглядъ,

но вмѣсто этого въ его глазахъ таѣ и отразилась его внутренняя, скрытая отъ него самого, боязнь, что вотъ-вотъ она обидится, встанетъ и уйдетъ.

Но она продолжала понимать его, и не обидѣлась, дотронулась до его руки, лежавшей на ручкѣ кресла, и проговорила:

— Полно вамъ! О какомъ недоразумѣніи вы говорите?.. Зачѣмъ вы неискренни, еще разъ повторяю вамъ?.. Вы напускаете на себя... Алексѣй Ивановичъ! (голосъ ея какъ-то особенно зазвучалъ)—зачѣмъ вы боитесь себя?.. Вѣдь я совсѣмъ понимаю васъ, все понимаю!..

Не давая ей договорить, онъ вдругъ порывисто вскочилъ съ мѣста, страшно пораженный и испуганный, что она поняла его. Его мгновенно поразила мысль, что дѣвушка навѣрное смѣется надъ нимъ, что она не можетъ не смѣяться, потому что, конечно, смѣшонъ человѣкъ съ сѣдой головой, человѣкъ, который увѣряетъ, что онъ „отошелъ отъ жизни въ сторону“, и который въ то же время млѣетъ (онъ такъ и подумалъ: „млѣетъ“) въ присутствіи хорошенькой дѣвушки.

И боязнь быть смѣшнымъ заставила его быть грубымъ.

Онъ сказалъ:

— Изъ уваженія къ вамъ, Надежда Дмитриевна, я еще разъ прошу васъ оставить разговоръ въ такомъ тонѣ: онъ, по моему, даже обиденъ для вашего самолюбія!

Послѣднюю фразу онъ счумѣлъ сопроводить иронической улыбкой, которая кое-какъ ему удалась.

А она... еслибъ она его не жалѣла, то непременно бы разсмѣялась,—до того видѣла она его насквозь. Но женскій тактъ подсказалъ ей, что „на сегодня довольно“. И она сама схитрила. Поднявшись, въ свою очередь, съ мѣста, она сказала:

— Я вижу, что сегодня мы съ вами не сговоримся, Алексѣй Ивановичъ, и потому ухожу...

„Зачѣмъ же?“—чуть не крикнулъ онъ, но закусилъ губы и молча поклонился.

Дѣвушка стала надѣвать свой ватерпруфъ.

Качаевъ стоялъ неподвижно, одной рукой опершись о спинку кресла, а другой вертя часовую цѣпочку.

„Ну, что-же, останови ее: видишь, она уходитъ!“—такъ и стучало въ голову Качаева.—„Подумай только: вотъ, сейчасъ, запрется за ней дверь, и ты останешься опять одинъ въ своей комнатѣ... Совсѣмъ одинъ!.. Опять холодомъ повѣетъ на тебя!.. Смотри: вотъ она умышленно долго застегиваетъ пальто: она

ждать... Протяни къ ней руки, позови ее... Скорѣй, пока не поздно!"

"Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!" — сказалъ себѣ Качаевъ и молчалъ, продолжая стоять неподвижно, и теперь даже не могъ уже остановить ее, — такое странное, жгучее наслажденіе доставляла ему та душевная боль, которая его теперь терзала.

"Вотъ-вотъ... она ужъ совсѣмъ готова... совсѣмъ уходитъ"... Дѣйствительно, она совсѣмъ уходила.

— До свиданія, — протянула она Качаеву руку.

— До свиданія!

Самъ не зная почему, онъ даже не подалъ ей руки. Онъ даже замеръ отъ страха, когда сдѣлалъ это, но все-таки сдѣлалъ, и въ это мгновеніе больное, жгучее чувство наслажденія еще больше заняло въ его груди.

Не больше двухъ секундъ простояла дѣвушка на мѣстѣ, какъ бы удивленная сначала, но потомъ, понявъ и тутъ Качаева, ласково посмотрѣла на него еще разъ и вышла.

Когда она шла по корридору, улыбка счастья играла на ея губахъ.

"Только зачѣмъ онъ самъ себя мучаетъ?" — пожалѣла она.

Она была увѣрена, что Качаевъ самъ призоветъ ее опять.

"А если нѣтъ? — задала она себѣ вопросъ, и сейчасъ же отвѣтила: — тогда я сама еще разъ приду къ нему!"

Что въ этотъ слѣдующій разъ Качаевъ будетъ другой — дѣвушка ни минуты не сомнѣвалась.

XII.

Когда дверь за Надеждой Дмитриевной заперлась, Качаева разомъ охватило ощущеніе пустоты. Кромѣ того, ему показалось, что въ комнатѣ стало какъ будто темнѣе. Онъ сейчасъ же сошелъ съ мѣста и началъ ходить отъ стѣны до стѣны, засунувъ руки въ карманы и понутивъ голову.

"Ну, вотъ, и добился! Ушла! — говорилъ онъ себѣ. — Радуйся теперь!.. Радуйся же!.."

Онъ мысленно кричалъ на себя. Заставляя себя радоваться, онъ не могъ даже теперь опредѣленно страдать. Онъ не сожалѣлъ о сдѣланномъ и не проклиналъ себя. Ни на одно мгновеніе у него не мелькнуло даже желаніе броситься вслѣдъ за Надеждой Дмитриевной и вернуть ее. Онъ не страдалъ, не мучился: онъ ощущалъ пустоту — и только.

Когда, находившись в досталь по комнатѣ, онъ попробовалъ было, наконецъ, взяться за книгу, то сейчасъ же почувствовалъ, что не можетъ читать, что нечего и думать объ этомъ. Когда, послѣ этого, онъ попробовалъ было начать копаться въ какихъ-то рукописяхъ, онъ достигъ только того, что переложилъ съ мѣста на мѣсто два листа исписанной бумаги и опустилъ руки. Тогда, испуганный своимъ состояніемъ, онъ, самъ не зная зачѣмъ, взялъ стулъ, сѣлъ возлѣ комода, выдвинулъ верхній ящикъ и сталъ разбираться въ бѣльѣ. Но и эта возня прервалась въ самомъ началѣ, и онъ вдругъ, на мгновеніе, выпрямился, какъ-то безпомощно подкинулъ глаза вверхъ, потомъ закрылъ себѣ лицо руками и, склонившись головой на край комоднаго ящика, громко, по-ревисто зарыдалъ...

ХІІІ.

На другой день, вернувшись съ уроковъ, Надежда Дмитріевна получила отъ Качаева такое письмо:

„Уважаемая Надежда Дмитріевна!

„Прежде чѣмъ вы получите это письмо, меня уже не будетъ въ Москвѣ, поэтому я позволяю себѣ теперь быть вполне откровеннымъ.

„Не знаю, дѣйствительно ли вы вполне поняли мое вчерашнее глупое поведеніе, и потому объясняю его вамъ: я люблю васъ, но не хотѣлъ этого показать и боролся съ самимъ собой. Можетъ быть, вы спросите: зачѣмъ я это дѣлалъ? Отвѣчу и на это: потому что не имѣлъ права поступать иначе. Т.-е., вчера, пожалуй, даже я не потому боролся, такъ какъ вчера я не признавалъ еще этого „неимѣнья права“ настолько, насколько я его теперь сознаю. Вчера просто разсудокъ говорилъ мнѣ, что я долженъ побѣдить себя, но почему?—я этого не признавалъ еще такъ ясно и полно, какъ сознаю теперь, послѣ бессонной ночи, которою я всю цѣликомъ посвятилъ думамъ объ этомъ. И теперь я понялъ и осмыслилъ это все. Я не потому бѣгу отъ васъ, что боюсь за себя, и не потому (я не лѣзу въ герои!), чтобы я считалъ себя не вправѣ отдаться своему чувству, потому только, что я, какъ ушедшій отъ жизни человѣкъ, не имѣю права и на радости жизни. Нѣтъ, не потому! Ни то, ни другое не остановило бы меня, потому что слишкомъ сильно и неожиданно это чувство овладѣло мной,—и не сегодня такъ завтра, я былъ бы совсѣмъ побѣжденъ. Нѣтъ, не въ томъ дѣло! Просто, я, по счастью,

подумать о васъ, и въ этихъ мысляхъ о васъ и нашелъ силу для борьбы съ самимъ собою. Я понялъ, что, еслибъ я пришелъ къ вамъ молить васъ о любви, вы бы ужъ хотя бы изъ-за одной жалости не оттолкнули меня. Подумайте же сами, что тогда было бы?.. Вы — живой человѣкъ, я — мертвецъ. Въ васъ живетъ вѣра въ свой трудъ, вы привязаны къ своему дѣлу — я давно „сложилъ руки“. Допускаю, что, несмотря на это, первое время наша жизнь могла бы идти сносно. Меня бы оживила ваша непосредственность, ваша здоровая, неизломанная душа, и мнѣ бы казалось, что я ожилъ. Но потомъ? Вы бы работали, а я лежалъ бы на боку... Сами вы согласитесь, что такая жизнь была бы невозможна. Вы приходили бы домой послѣ работы, и встрѣчали бы во мнѣ человѣка, который смотритъ на вашъ трудъ какъ на пустое убиванье времени. Вы говорили бы мнѣ о своихъ надеждахъ и мечтахъ — я бы только смѣялся и надъ тѣмъ, и надъ другимъ. Наконецъ, самыя ваши увлеченія злили бы меня, — я бы раздражался, оскорблялъ бы васъ (не удивляйтесь: это непременно было бы)! Чѣмъ же бы это все кончилось? Къ чему бы привела насъ такая жизнь?.. Или я ушелъ бы отъ васъ, не стерпѣвъ близости такого чуждаго мнѣ по духу человѣка, или же (и я думаю, что это вѣрнѣе) я сдѣлалъ бы васъ такою, какою я самъ, т.-е., такою же невѣрующей. Но ушли ли бы вы тогда тоже „въ сторону отъ жизни“, или же, наоборотъ, потерявъ вѣру, совсѣмъ бы измѣнились и... Богъ еще знаетъ, что вышло бы тогда изъ васъ!.. Допустить, что вы передѣляли бы меня, — нельзя! Конечно, это говорю про себя я самъ, но я на досугъ такъ привыкъ копаться въ своей душѣ, что, право, могу вѣрно судить о себѣ. Впрочемъ, пожалуй, тутъ и спорить-то не о чемъ! Еслибъ я былъ отвлеченный философъ-пессимистъ, разсуждающій о цѣнности жизни, то ваша любовь могла бы развить всю мою философію. Но я совсѣмъ не то. Мой пессимизмъ не сочиненъ и не отъ Шопенгауэра, и не отъ Гартмана заимствованъ, а выношенъ на моей собственной шкурѣ, моей собственной душой выстраданъ, изъ жизни взятъ и связанъ съ нею. Философы иногда философствуютъ сами по себѣ, а жизнь свою устрояютъ тоже само по себѣ, а я такъ не могу. Съ тѣхъ поръ, какъ я прочелъ первую дѣльную и честную книгу, я сталъ болѣть общественными вопросами, „вельтшмерцъ“ сталъ страдать. Давно во мнѣ этотъ „вельтшмерцъ“ сидитъ, и никакой любви его изъ меня выколотить не удастся. Вспышка пройдетъ, душа опять дѣла запроситъ, а его нѣтъ...

„Впрочемъ зачѣмъ я это вамъ пишу? Я и не предполагаю, что вы вздумали бы изъ меня все человѣческое выколачивать: не

такая вы!.. Я хотѣлъ только сказать, что вѣры новой въ меня вы не вдохнете, оптимистомъ меня снова не сдѣлаете, именно потому, что пессимизмъ мой не сочиненный, а выстраданный и изъ живыхъ наблюденій взятый. Всякія ваши увѣренія я примѣрами разобью и этими же примѣрами свое вамъ докажу. А вы мнѣ другихъ примѣровъ не подберете, потому что нѣтъ ихъ, и вѣры своей не докажете, потому что нельзя ее доказать. Ну, и выйдетъ такъ, какъ я говорю: или я уйду отъ васъ, или васъ стублю, потому что живой съ мертвымъ не уживутся.

„Все это я написалъ вамъ для того, чтобы пояснить, почему я убѣгаю отъ васъ и въ чемъ нашелъ силы, чтобы побороть свою дурь.

„А теперь прощайте, дорогая моя, милая, любимая! Прощайте! Отъ всей души желаю вамъ всякаго счастья!.. Простите, что противъ воли нарушилъ вашу покой!.. Прощайте!..

„Алексѣй Качаевъ“.

А внизу было приписано, очевидно позже и стоя, наскоро, такъ какъ строки или вѣсь и были набросаны неразборчиво:

„А на досугѣ подумайте, что, просвѣщая богатенькихъ балбесовъ и балбесиновъ, не культивируете ли вы „пиявицъ страны родной“?...

„Привѣтъ вашему брату!“

Почти въ то же время, когда Надежда Дмитриевна читала это письмо, Качаевъ сѣлся въ вагонъ почтоваго поѣзда одной изъ южныхъ желѣзныхъ дорогъ.

Онъ былъ такой же, какъ прежде, сдержанный, ровный въ движеніяхъ, и только по особенно сильно осунувшемуся лицу его, по воспаленнымъ бессонницей глазамъ да по замѣтно-прибавившейся сѣдинѣ и можно было заключить, что за послѣдніе дни онъ пережилъ много тяжелыхъ минутъ.

Поѣздъ тронулся. Качаевъ выглянулъ въ окно на Москву, потомъ провелъ рукой по глазамъ и снова откинулся въ глубину вагона, тутъ же почему-то припомнивъ своего знакома пенсіонера-старичка, о которомъ совсѣмъ забылъ послѣднее время.

„Теперь онъ, вѣроятно, обѣдаетъ... Поди, меня поджидаетъ!..“

И Качаевъ улыбнулся доброй улыбкой: этотъ старикъ никогда не мѣшалъ ему быть „въ сторонѣ отъ жизни“.

В. Ларинъ.

ЛОНДОНСКІЕ ПРОЛЕТАРІИ

Романъ Вальтера Безанта.

Окончаніе.

XV.—Общество филантропическихъ брошюръ *).

Самымъ безхитростнымъ манеромъ, вслѣдствіе простого разговора Валентины съ Клодомъ на скамьѣ въ паркѣ Виллморъ, образовалось новое товарищество, которое и дало довольно важные результаты. Со временемъ исторія этого товарищества, вѣроятно, будетъ подробно написана.

— Ну, что же дальше Клодъ?—спрашивала Валентина.

— Какъ что дальше?—возразилъ Клодъ:—прежде надо спросить, съ чего начать?

— Начать съ того, что у меня очень много знакомыхъ въ Иви-Лэнъ. Я могу разспрашивать ихъ безбоязненно. Они всѣ очень дружески ко мнѣ относятся и не думаютъ, что я стараюсь объ ихъ же исправленіи.

— Я полагаю, что никто не любитъ, чтобы другіе заботились о его исправленіи,—замѣтилъ Клодъ.—Представьте, что рабочіе составили бы общество исправленія манеръ высшихъ классовъ. Вѣдь досадно было бы знать, что сотни мужчинъ и женщинъ расхаживаютъ по Вестъ-Энду съ цѣлью поднять нравственный уровень его обитателей. Какъ бы вамъ понравилось, Валентина, знать, что достойные люди носятъ въ петлицѣ голубыя ленточки единственно съ цѣлью развить въ васъ умѣренность? Понравилось ли бы вамъ,

*) См. выше: ноябрь, 270.

еслибы васъ приглашали на чашку чая для нравоученій о вашей нравственности?

— Нѣтъ, я бы очень разсердилась.

— Ну, вотъ, и я думаю также, что ваши друзья въ Иви-Лэнъ очень бы разсердились, еслибъ догадались, что мы заботимся объ ихъ исправленіи. Терпѣніе, Валентина, и будемъ собирать факты.

Въ Иви-Лэнъ стоитъ небольшая церковь, о которой выше уже упоминалось. Она очень скромныхъ размѣровъ, но гордится — и по справедливости — чистотой христіанскаго ученія, которое всегда проповѣдывалось въ ней вѣрными пастырями, чуждыми всякой суетности. Церковь хотя невелика, но въ ней есть все, что нужно; есть галерея, есть полукруглое окно на заднемъ фасадѣ и два на переднемъ. Въ ней есть также и органъ, и столъ, на которомъ стоитъ конторка, и который по воскресеньямъ служитъ вмѣсто кафедръ. Въ ней помѣщается, по крайней мѣрѣ, сорокъ человѣкъ, не считая галереи. Одной изъ первыхъ вещей, которую сдѣлала Валентина и Клодъ, было нанять эту церковь для иного рода времяпрепровожденія. Валентина поставила въ ней фортепіано и пригласила обитательницъ Иви-Лэнъ приходить иногда по вечерамъ вмѣстѣ съ дѣтьми. Она угощала ихъ чаемъ и пѣла имъ. Докторъ, у котораго былъ хорошій басъ, тоже пѣлъ или декламировалъ стихи, а иногда и Клодъ читалъ что-нибудь вслухъ. Сначала всѣ женщины приходили, потому что это было ново и забавно. Затѣмъ тѣ, которымъ больше нравилось играть на собственныхъ языкахъ, бросили ходить и возобновили уличныя засѣданія. Но нашлись и такія, которыя предпочли тишину и порядочность церковныхъ сборищъ уличному шуму. Отъ этихъ-то миролюбивыхъ женщинъ Валентина разузнала о настоящей жизни бѣдныхъ людей. Вы можете разговаривать по цѣлымъ часамъ съ этими людьми безъ всякаго результата, и вдругъ неожиданно и, быть можетъ, отъ самой глупой женщины въ мірѣ услышите какой-нибудь намекъ, фактъ, отъ котораго забьется ваше сердце, потому что это освѣтитъ вамъ цѣлый рядъ явленій и укажетъ, какъ дѣйствовать, тогда какъ передъ тѣмъ вы бесплодно ломали голову.

— Мнѣ пришла въ голову одна мысль, — сказала однажды Валентина Клоду: — мнѣ кажется, что намъ было бы легче побудить мужчинъ помогать женщинамъ, еслибы мы могли приучить ихъ побольше заботиться о своемъ домашнемъ очагѣ.

— Вы, конечно, связываете женщинъ съ домашнимъ очагомъ.

— Какъ вы думаете, практична ли моя идея? Не заняться ли намъ проповѣдью? Мы такъ тихо подвигаемся впередъ.

— Не отчаивайтесь, Валентина. Мы неизбежно будемъ очень тихо двигаться впередъ, хотя бы посвятили всю свою жизнь нашему дѣлу. Вѣдь мы затѣяли совсѣмъ невозможное. Мы затѣяли найти способъ, какъ улучшить положеніе вашихъ друзей. Что касается высказанной вами сейчасъ мысли, то, можетъ быть, она и не глупа, но кто объяснить ее людямъ?

— Разумѣется, вы, Клодъ.

Клодъ засмѣялся.

— О! разумѣется, я все могу. Ну, что же, повинуюсь. Настоящіе Авгіевы конюшни были, полагаю, въ Иви-Лэнъ, и рѣка, которую въ нихъ спустили, была Реджентс-каналъ. Въ тѣ дни онъ назывался каналомъ знанія.

Эта бесѣда положила первое основаніе ассоціаціи филантропическихъ брошюръ. Я знаю, дѣлались попытки приписать другимъ лицамъ основаніе этого весьма замѣчательнаго общества, и многіе хвастаются, что они были его основателями. Но истиннымъ основателемъ былъ не кто иной, какъ Валентина, а первыми его членами — только она и Клодъ. Они начали съ того, что израсходовали первоначально полъ-соверена, и напечатали брошюру, которую Валентина раздала своимъ пріятельницамъ — женщинамъ Иви-Лэна. Всѣ первыя брошюры написаны ими, хотя надо сказать, что докторъ очень рано присоединился къ нимъ. Мало-по-малу, было написано и роздано много брошюръ. О томъ, какъ дѣло расширялось во всѣхъ направленіяхъ; какъ въ Манчестерѣ, Бирмингемѣ и Брадфордѣ, гдѣ люди особенно доступны новымъ идеямъ, прослышали про эти брошюры, и стали требовать ихъ все въ большемъ и большемъ количествѣ; какъ, наконецъ, о нихъ всѣ заговорили, какъ богатые люди стали давать деньги на изданіе новыхъ брошюръ, и какъ, наконецъ, сами брошюры расходятся въ огромномъ количествѣ, явились уже сами доходной статьёй, и какъ участникамъ въ дѣлѣ пришлось уже завести цѣлую контору и нанять нѣсколькихъ клерковъ, и какъ эта контора мало-по-малу разрослась въ огромный торговый складъ и въ скоромъ времени перейдетъ въ громадное зданіе, которое строится на берегу Темзы, — все это принадлежитъ исторіи, и она должна быть написана въ ближайшемъ будущемъ, когда общество филантропическихъ брошюръ исполнитъ свое дѣло, разсѣетъ знаніе по всему свѣту, и въ простыхъ словахъ научитъ людей мудрымъ правиламъ жизни. „Еслибы, — сказано въ первоначальномъ объявленіи общества, — еслибы англичане также старались о распространеніи знанія, какъ они стараются о распространеніи христіанства въ одной изъ его формъ, а именно, евангелической, то невѣжество давнымъ-давно

было бы уже разсѣяно“. — „Хотите ли вы, — говорилось дальше въ объявленіи, — научить людей — пишите брошюры и излагайте въ нихъ простыя правила жизни и подкрѣпляйте ихъ разумными и понятными доводами. Затѣмъ раздавайте эти брошюры народу, изъ улицы въ улицу, изъ дома въ домъ. Пишите брошюры, рядъ брошюръ, о всѣхъ добродѣтеляхъ и о всѣхъ порокахъ, излагая такъ же ревностно — какъ это такъ долго дѣлалось и дѣлается въ религіозныхъ брошюрахъ — объ истинной гигиенѣ души и тѣла и о послѣдствіяхъ нарушенія ея законовъ“.

— Первымъ дѣломъ, — сказалъ Клодъ, пока обсуждалось это объявленіе, — это написать брошюры.

— Разумѣется, Клодъ, вы ихъ напишете.

— Разумѣется, Валентина: я вѣдь энциклопедія.

— Вы можете совѣтоваться съ энциклопедіей. Начнемъ медленно.

— Мы составимъ ассоціацію, — сказалъ Клодъ. — Вы будете президентомъ, а я — секретаремъ; мы назовемъ себя „обществомъ филантропическихъ брошюръ“, чтобы отличить себя отъ другихъ ассоціацій, которыя когда-либо пытались исправить міръ въ отношеніи комфорта, манеръ и культуры. Я думаю, что это названіе звучитъ хорошо и достигается цѣли. А теперь, Валентина, займемся составленіемъ самихъ брошюръ и ихъ заглавій.

Не думайте, чтобы легко было написать такія брошюры. Многія изъ первыхъ брошюръ оказались нигуда негодными, потому что не уловили настоящаго тона и взяли то нотой ниже, то нотой выше. Въ брошюрѣ должно быть высказано нѣчто определенное и ясное, для того, чтобы она достигла цѣли, и притомъ кратко. Иногда, форма діалога можетъ быть наиболѣе пригодна, иногда — басня, иногда — какой-нибудь рассказъ въ исторической формѣ. Въ сущности, всѣ литературныя формы могутъ быть полезны, за исключеніемъ сатиры. Последняя будетъ безусловно бесполезнымъ орудіемъ, если ею вздумаютъ исправлять привычки рабочаго класса; съ такимъ же успѣхомъ можно было бы заговорить съ ними по-гречески или по-еврейски.

Удачнѣйшими изъ брошюръ первой серіи были брошюры о домоводствѣ. Онѣ начинались съ трактата о женахъ, указывая, какъ мужу слѣдуетъ обращаться съ женой, и соответствующая брошюра объ обязанности жены къ мужу. Затѣмъ шли брошюры объ обязанностяхъ родителей къ дѣтямъ, и обратно; брошюра о языкѣ и о томъ, какихъ выраженій слѣдуетъ избѣгать; брошюра о содержаніи дома; о женскомъ платьѣ; объ обѣдѣ; о чистотѣ улицъ; о водѣ; о чистомъ воздухѣ; о развлеченіяхъ; о праздни-

вахъ; о пивѣ; о красивыхъ вещахъ; о прическѣ; о сапогахъ; о высокой и низкой заработной платѣ, и въ послѣдней брошюрѣ съ большою осторожностью указывалась рабочимъ неправильность того, что они позволяютъ своимъ дочерямъ и сестрамъ соглашаться на такую заработную плату, которая не позволяетъ имъ быть сытыми и здоровыми; о рабочихъ часахъ, и такъ далѣе. Когда докторъ вступилъ въ ихъ ассоціацію, онъ написалъ нѣсколько брошюръ о нѣкоторыхъ болѣзняхъ и о способѣ ихъ предупрежденія; о нѣкоторыхъ элементарныхъ понятіяхъ изъ физиологіи; о пищѣ и о томъ, какъ ее слѣдуетъ употреблять; о физическихъ упражненіяхъ; о табакѣ и многомъ другомъ.

Позднѣе появились брошюры, трактовавшія объ обязанностяхъ и преимуществахъ англійскаго подданнаго; изъ этихъ брошюръ англійскій рабочій узналъ о томъ, чего ему не говорили ни школа, ни газета, — объ удивительномъ ходѣ и развитіи исторіи его страны: какъ она создавалась, продолжалась и преуспѣвала, и о своемъ наслѣдіи въ мірѣ, и о томъ, что значитъ быть англичаниномъ. Последнія брошюры трактовали о коопераціи мужчинъ и женщинъ, и если эти брошюры вызовутъ общую лигу труда, о которой мечталъ докторъ, то любопытно будетъ прослѣдить за ея возникновеніемъ и развитіемъ. Нечего распространяться о замѣчательномъ дѣйствіи брошюрокъ на Иви-Лэнтъ, потому что оно уже всѣмъ извѣстно, и эта улица стала улицей выставки. Дома въ ней такъ же чисты и опрятны, какъ въ голландской деревнѣ, ставни бѣлыя; маленькая часовня превратилась въ концертную и большую залу, таверна „Аделаида“ — въ уличный клубъ; цвѣты стоятъ на каждомъ окнѣ и стекла въ нихъ чистыя. Внутри домовъ полы вымыты; стѣны вычищены, вода фильтруется; мужчины бросили пить; они никогда не ругаются, кромѣ какъ въ самыхъ неизбежныхъ случаяхъ. Они не бьютъ своихъ женъ; женщины не визжатъ и не ругаются; ссоръ почти не слышать; всѣ одинаково стали разборчивы насчетъ мяса, пива, чая, кофе, хлѣба и одежды; каждая семья дѣлаетъ еженедѣльные сбереженія.

Еще значительнѣе было развитіе учрежденія, признаннаго необходимымъ наравнѣ съ брошюрами, а именно: уличные комитеты. У каждой улицы есть теперь свой комитетъ, выбираемый самими жителями. До сихъ поръ ихъ обязанности были чисто санитарныя; но постепенно онѣ вторгаются въ область нравственности и уже стали грозой мусорщиковъ, дворниковъ и домовладѣльцевъ. Кромѣ того, другія улицы послѣдовали примѣру Иви-Лэна и избрали тоже уличные комитеты. На эти послѣдніе общество филантропическихъ брошюръ взираетъ съ особенной надеждой. Вѣдь какъ

по части нравственности, такъ и санитарныхъ мѣръ и вообще образа жизни ничего нельзя навязать людямъ, которые сами не захотятъ ничего сдѣлать. Но подумайте только, какую важную роль можетъ получить уличный комитетъ съ теченіемъ времени? Гдѣ найдутъ убѣжище воръ и грабитель, если уличный комитетъ будетъ зорко исполнять свои обязанности? Гдѣ приклонять голову анархистъ и динамитчикъ, если уличный комитетъ откажется ихъ укрывать? Что будетъ дѣлать лэндлордъ, который откажется произвести въ своемъ домѣ необходимыя поправки?

Моисей, какъ намъ извѣстно, сразу далъ народу и законы нравственности, и санитарныя, и гигиеническія правила,—земное, какъ и небесное. Но вѣдь и то сказать: онъ имѣлъ дѣло съ избраннымъ народомъ, и даже съ такимъ результаты оказались не столь благопріятны, какъ было желательно. Быть можетъ, Клодъ и Валентина поступили благоразумнѣе, научивъ людей сначала опрятности, а затѣмъ уже заговорили о нравственности, предоставивъ преподаваніе религіи тѣмъ, кому это вѣдать надлежитъ.

Но съ сожалѣніемъ должно сказать, что пасторъ св. Агаты отказался отъ участія въ обществѣ, потому что оно не было отдано подъ начало его секты и потому что въ брошюрахъ не говорилось о дисциплинѣ, покаяніи и карахъ, предназначенныхъ для грѣшниковъ.

XVI.—Шаги за дѣврью.

Двѣ недѣли спустя послѣ страшнаго сна, напугавшаго миссисъ Монументъ, и когда она уже начала забывать о немъ, онъ снова повторился. И, какъ и въ первый разъ,—вмѣстѣ со звукомъ хорошо знакомыхъ шаговъ.

Дѣло было вечеромъ, передъ солнечнымъ закатомъ; старуха напилась уже чаю и отослала Роду домой. Она ждала дочку Полли и сидѣла въ большихъ креслахъ около потухшаго камина, съ работой въ рукахъ. Вечеръ былъ теплый, и послѣ хорошей чашки чая человѣкъ можетъ чувствовать себя лучше, чѣмъ это вообще дано смертнымъ. Миссисъ Монументъ, какъ разъ въ эту минуту, не испытывала никакихъ ревматическихъ и иныхъ болѣзней. А это—вещь довольно необыкновенная для человѣка, достигшаго шестидесятилѣтняго возраста. Всѣ эти причины, вмѣстѣ взятые, повели къ тому, что миссисъ Монументъ выронила изъ рукъ работу и мирно задремала.

Она спала около получаса, и вдругъ съ крикомъ проснулась.

Она вздрогнула и выпрямилась въ креслѣ, поблѣднѣвъ, какъ смерть, вытянувъ впередъ руки и безпомощно поводя кругомъ слѣпыми глазами.

— Шаги! я опять слышу его шаги! — Она прислушалась, но шаговъ больше не было слышно. Слышно было, какъ ѣхала конка и звонилъ колокольчикъ; стучали проѣзжавшіе, тяжело нагруженные фургоны; свистѣлъ паровозъ; проходили прохожіе; играла шарманка; но тѣхъ шаговъ, что разбудили ее, — не слышно было. То были особые шаги, ни на какіе другіе не похожіе. Миссисъ Монументъ сидѣла и прислушивалась, но ничего не слыхала.

— Это сонъ, — пролепетала она: — все тотъ же сонъ! Но кто-то былъ въ комнатѣ! Я знаю, что кто-то былъ въ комнатѣ!

Она чувствовала это инстинктомъ слѣпыхъ, которые сознаютъ присутствіе вещей, не видя ихъ и не притрогиваясь къ нимъ. И въ то время, какъ она застыла въ позѣ ужаса и отчаянія, калитка отворилась, и въ садъ богадельни вошла ея дочь Полли.

Миссисъ Монументъ ошибалась: это былъ не сонъ. Она слышала шаги своего мужа, потому что онъ стоялъ передъ ней, глядя ей въ лицо. Онъ вовсе не умеръ, а былъ живъ и только-что отпущенъ по билету изъ тюрьмы. Ему возвратили свободу. Его отпустили на всѣ четыре стороны, наградивъ документомъ, извѣстнымъ подъ именемъ отпускного билета. День или два спустя послѣ своего освобожденія, онъ пришелъ повидаться съ женой, какъ сдѣлалъ бы всякій добрый мужъ, послѣ двадцати-лѣтняго отсутствія. Въ тотъ день она уже легла спать, и потому онъ ушелъ, не повидавшись съ ней. Дѣла, или, вѣрнѣе сказать, жадный, волчій аппетитъ къ вину и всякаго рода развлеченіямъ, послѣ двадцати-лѣтняго воздержанія, отвлекли его на цѣлыхъ двѣ недѣли. А теперь, истративъ всѣ деньги, онъ опять пришелъ.

За нѣсколько минутъ до того, какъ миссисъ Монументъ съ врикомъ проснулась, въ богадельнѣ подходилъ человѣкъ довольно преклонныхъ лѣтъ. Онъ былъ чисто одѣтъ въ приличный сѣрый костюмъ, съ круглой шляпой на головѣ. Онъ былъ деликатнаго сложенія и ниже средняго роста; худой, тщедушный человѣкъ, съ рѣзкими чертами лица и маленькими, изящными руками. Волосы у него были коротко острижены и совсѣмъ сѣдые, а щеки гладко выбриты; блестящіе глаза окружены множествомъ мелкихъ морщинъ. Онъ похожъ былъ на камердинера или буфетчика изъ очень знатнаго дома, или на швейцара въ одномъ изъ модныхъ клубовъ, словомъ — на весьма respectable слугу, и тѣмъ страннѣе было его появленіе въ такомъ мѣстѣ, гдѣ совсѣмъ нѣтъ

лакеевъ, и гдѣ иные клубы, кромѣ политическихъ, совсѣмъ неизвѣстны. Безъ сомнѣнія, онъ казался особой респектабельной, и только невѣрная походка обличала какъ бы иностранца, непривычнаго къ люднымъ улицамъ. Онъ остановился передъ низкой кирпичной стѣной, съ калиткой по срединѣ, и съ минуту колебался, войти или нѣтъ. Затѣмъ отворилъ калитку и вошелъ въ богаделенскій садъ, окружавшій группу коттеджей.

Человѣкъ повернулъ направо и направился къ послѣднему изъ коттеджей, въ которомъ жила миссисъ Монументъ. Наблюдательный человѣкъ замѣтилъ бы, что онъ шелъ почти неслышно; всякій, конечно, можетъ научиться такъ ходить, но, во всякомъ случаѣ, это—искусство, требующее большой практики. Дойдя до двери коттеджа, настежь раскрытой, онъ заглянулъ въ нее. Передъ потухшимъ каминомъ сидѣла старуха съ бѣлыми волосами и спала. Человѣкъ съ любопытствомъ поглядѣлъ на нее.

— Она перемѣнилась, — пробормоталъ онъ. — Любопытно, узнаетъ ли она меня и чтó скажетъ, когда увидитъ? Любопытно, извѣстно ли ей, что я живъ, а не умеръ?

Онъ неслышно вошелъ и оглядѣлся. Женщина не просыпалась. Въ комнатѣ не было ничего, что стоило бы украсть, если-бы онъ пришелъ за тѣмъ, чтобы воровать; въ ней не было также ничего интереснаго для него, но, когда глаза его остановились на полкѣ съ книгами, онъ вивнулъ головой съ довольнымъ видомъ. До сихъ поръ книги, его книги, находятся здѣсь,—онъ, значить, не позабытъ. На столѣ лежало питье и иголки въ корзинкѣ, а подлѣ—разорванный конвертъ. Онъ взялъ его, такъ какъ былъ крайне любопытенъ, и прочиталъ адресъ: „Клуду Монументу, эсквайру. 25, Кингсъ-Бенчъ-Уокъ, Тэмплъ“. Конвертъ этотъ оставила здѣсь Валентина.

„Клудъ Монументъ! Да, теперь онъ припомнилъ! У него былъ сынъ, котораго онъ называлъ Клудомъ. Значить, его сынъ живъ и живетъ въ Тэмплѣ, гдѣ живутъ судейскіе. Быть можетъ, онъ у одного изъ нихъ клэркомъ. Какъ странно, что его сынъ клэркомъ у какого-нибудь законовѣда! Что за странная иронія судьбы!“

Онъ сложилъ конвертъ и положилъ его въ карманъ. Конвертъ могъ ему пригодиться. Человѣкъ этотъ былъ, въ сущности, не кто иной, какъ самъ великій Джемсъ Керью, признанный авторитетъ въ своей профессіи, царь грабителей. Его снова, послѣ двадцати-пяти-лѣтняго заключенія, выпустили на свѣтъ божій, ничѣмъ не заслужившій такого бѣдствія.

Когда такого человѣка, какъ Джемсъ Керью, выпускаютъ на

свободу, то слѣдовало бы предупреждать добрыхъ людей. Его шаги слышала бѣдная богаделенская старушка на дняхъ вечеромъ. Онъ приходилъ, увидѣлъ, что въ еомнатѣ темно и пусто, и опять ушелъ. Теперь онъ вернулся, чтобы сообщить о своемъ освобожденіи своей любящей семьѣ и поглядѣть, что изъ этого воспослѣдуетъ. Двадцать лѣтъ тюремнаго содержанія не располагають человѣка къ честной работѣ; если удастся высосать денегъ изъ жены и дѣтей, то, разумѣется, онъ употребить всѣ къ тому усилія.

Быть можетъ, половица скрипнула подъ его ногами; быть можетъ, онъ забылъ обычную осторожность—не знаю, но вдругъ женщина проснулась и, выправившись въ креслѣ, закричала:

— Его шаги! Я опять слышу его шаги!—Онъ тотчасъ понялъ, что жена его слѣпа. Ея вытаращенные глаза уставились въ него, но тщетно, и онъ догадался, что она слѣпа, по ея протянутымъ рукамъ и вообще безпомощнымъ жестамъ. Это было для него неожиданно: поспѣшно и безъ всякаго шума перешелъ онъ черезъ порогъ, отошелъ отъ дверей, сталъ между грядами капусты, притаился и ждалъ. Жена его была слѣпа и въ богадельнѣ. Онъ приготовился къ переменамъ. Онъ зналъ, что жизнь не стоитъ на мѣстѣ; дѣти должны вырасти; быть можетъ, они будутъ стыдиться отца; мать ихъ относилась къ подвигамъ отца съ глупымъ предубѣжденіемъ. Онъ не сомнѣвался, что она постаралась сдѣлать изъ нихъ честныхъ людей; тогда какъ онъ самъ, если-бы ему предоставили воспитывать дѣтей, образовалъ бы изъ нихъ искуснѣйшихъ воровъ, веселую, дружную семью, которая въ изобиліи пользовалась бы земными плодами—чужими, разумѣется. Стыдъ и срамъ, что человѣку не позволяютъ, хотя бы даже изъ тюрьмы, руководить воспитаніемъ своихъ собственныхъ дѣтей, въ ихъ собственномъ интересѣ. Но если они честные люди и не захотятъ признать родного отца, то должны откупиться отъ него и назначить ему еженедѣльное содержаніе. Но кто бы думалъ, что его жена ослѣпнетъ? Онъ не зналъ, что сказать и сдѣлать, а потому притаился и молчалъ. Она же, шатаясь, подошла къ дверямъ и, протянувъ руки, кричала:

— Кто тамъ, кто тамъ?

Мистеръ Керью не отвѣчалъ. Онъ было твердо вознамѣрился явиться къ ней и сказать: „Ну, вотъ, я опять вернулся назадъ. Подавай мнѣ всѣ деньги, какія у тебя есть. Говори, гдѣ дѣти? Мнѣ понадобятся деньги, пока я не вернусь къ моему старому ремеслу. Что касается раскаянія, то объ этомъ лучше не думай и, пожалуйста, удержи языкъ за зубами“.

Вотъ любезная рѣчь, которую онъ было приготовилъ для своей жены. Но онъ увидѣлъ сѣдую и слѣпую старуху, и искра гуманности, гнѣздившаяся гдѣ-то въ глубинѣ его души, помѣшала ему произнести эту рѣчь, а пока онъ стоялъ посреди грядъ съ капустой, между имъ и его женой появилось третье лицо—какая-то молодая барышня.

— Мама,—сказала она, беря слѣпую за руку:—что это такое?—Она естественнымъ образомъ объяснила ужасъ и безпомощно протянутыя руки старухи присутствіемъ чужого, незнакомаго человѣка.

— Опять мой сонъ! О, Полли, слава Богу, что ты пришла, моя душа! Я опять видѣла страшный сонъ. Я опять слышала его шаги. Милая, милая! я сама себя не помню отъ ужаса. Неужели мертвецъ приходитъ меня мучить?

— Опять тѣ же шаги?

— Шаги твоего отца, душа моя. И кто-то былъ въ моей комнатѣ. Я чувствовала это. Кто-то былъ въ моей комнатѣ. Должно быть, его привидѣніе.

Валентина повернула къ человѣку лицо, исполненное такого ужаса, омерзѣнія и стыда, что это поразило его, несмотря на то, что совѣсть въ немъ была какъ бы выжжена, а двадцать лѣтъ тюремнаго заключенія только пуще ожесточили его. Но передъ этимъ взглядомъ онъ опустилъ глаза.

Какъ странно! Она не спускала глазъ съ человѣка, какъ укротитель дикихъ звѣрей—съ того звѣря, котораго хочетъ обуздать.

— Вы увѣрены, что вы опять слышали его шаги?

— Совершенно увѣрена! Какъ будто я могла забыть его шаги! Незванный гость самодовольно улыбнулся.

— Я слышала его шаги, осторожные, какъ кошачьи. Ахъ, Полли! слава Богу, что ты пришла!—сказала она, цѣпляясь за дочь.

— Успокойтесь, матушка!—проговорила Валентина страннымъ голосомъ и съ пылающимъ лицомъ.—Онъ давно уже умеръ, нять лѣтъ тому назадъ,—и слава Богу!—негодный, скверный человѣкъ умеръ въ тюрьмѣ той жалкой смертью, какую заслуживалъ, и схороненъ, какъ того заслуживалъ, посреди себѣ подобныхъ воровъ и разбойниковъ. Не дрожите такъ, мама!—онъ умеръ, и мы позабыли его и всѣ его гадости.

— Такъ, такъ, душа моя! Но вѣдь это твой родной отецъ. Не говори дурно про отца съ матерью, потому что это приносить несчастье. И къ тому же, онъ умеръ. Но почему же я слышала его шаги?

— Не знаю; но здѣсь никого нѣтъ, милая, — солгала Валентина. — Вамъ это приснилось; а теперь пойдите въ комнату, сядьте и успокойтесь. Я пойду и соберу вамъ что-нибудь на ужинъ: салату или чего-нибудь другого. Я вернусь черезъ пять минутъ. Сидите и не бойтесь. Бѣдная, бѣдная, какъ вы испугались! Но вѣдь теперь я съ вами, и если-бы кто-нибудь вдумалъ васъ испугать, то я выгнала бы его.

Усадивъ старушку въ кресло, она вышла въ садъ и знакомъ пригласила посѣтителя слѣдовать за собой. Онъ повиновался и пошелъ между грядками, гдѣ шаговъ его не было слышно.

Выйдя изъ сада, Валентина повернула въ первую улицу направо, которая оказалась вновь проведенной и съ недостроенными кирпичными домами. Никто никогда не гуляетъ въ недостроенной улицѣ, даже влюбленные, которые всюду ходятъ гулять, но только не между рядами противныхъ кирпичей.

Наконецъ она остановилась и съ яростью повернулась къ человѣку.

— Негодяй! — вскрикнула она: — я знаю, кто вы. О, низкій и скверный негодяй! Мы думали, что вы умерли; мы радовались тому, что вы умерли, какъ жалкая крыса въ западнѣ, въ своей тюремной кельѣ, и схоронены на тюремномъ кладбищѣ.

— Чтѣ вы говорите?!

— Молчать! не смѣть говорить!

Она поняла, что случилась самая страшная вещь въ мирѣ, какая только могла съ ними случиться. Страшная для каждаго изъ нихъ. Для бѣдной старушки, для Джо, честнаго и уважабельнаго Джо, у котораго не было ничего, кромѣ честнаго имени, для Сама, Меленды и — всего ужаснѣе — для Клода, и... нѣтъ, нѣтъ... Виолета не должна объ этомъ узнать, ни за что на свѣтѣ! Она понимала, чего этому человѣку нужно, и въ ней кипѣло бѣшенство, потому что она не была его дочерью.

— Вы, значитъ, не умерли и воспользовались своей свободой, чтобы придти и пугать свою жену. Вамъ бы слѣдовало заботиться въ какой-нибудь уголъ и схоронить въ немъ свой позоръ, пока смерть не придетъ за вами. О! я знаю вашу исторію, вашу постыдную исторію!

— Вы звали ее матерью, — сказалъ онъ, бессмысленно тараща на нее свои глаза: — а между тѣмъ сами вы барышня... или, можетъ быть, вы — горничная?

Она не отвѣчала.

— Если она вамъ мать, то вы, значитъ, моя дочь.

Она опять не отвѣчала.

— И, нечего сказать, почтительную дочь она изъ васъ воспитала!—Онъ провапшлся, и смѣлость вернулась къ нему.—Я ей задамъ за это,—слышите?—я вамъ задамъ! Слышите?—обѣимъ вамъ задамъ! Таково-то ваше дочернее повиновеніе? Развѣ вы забыли пятую заповѣдь? Припомните, пока я не возьмъ и не свернулу вашу непочтительную шею!

Онъ говорилъ еще грубѣе, но сущность его словъ была такова. Онъ даже помахалъ кулакомъ передъ лицомъ Валентины, но не очень увѣренно.

— Если вы осмѣлитесь хотя пальцемъ меня тронуть,—отвѣчала Валентина,—то я переломаю вамъ всѣ кости, негодный чепухѣкъ!

Она была гораздо выше его ростомъ и, повидимому, сильнѣе. Кромѣ того, въ глазахъ ея сверкало такое бѣшенство, и вся ея фигура выражала, что она это непремѣнно сдѣлаетъ и съ превеликимъ удовольствіемъ, а потому онъ струсилъ.

— Но вы, однако, моя дочь?—спросилъ онъ:—какъ васъ зовутъ?

— Меня зовутъ Полли,—отвѣчала она послѣ нѣкотораго колебанія.—Вашу младшую дочь окрестили Марлей.

— Хорошая же изъ васъ вышла Марля! Вотъ что значитъ, когда дѣвушка воспитывается безъ отца! И чѣмъ вы живете, желалъ бы я знать? Марля—да, теперь я припоминаю! Въ тюрьмѣ позабудешь многое. У меня еще была дочь Меленда и трое мальчиковъ: Джо, Самъ и Клодъ; хорошенькій мальчикъ былъ Клодъ, похожъ на меня. Я назвалъ его Клодомъ, въ честь Клода Дюваля, царя разбойниковъ.

Валентина вздрогнула. Клодъ былъ похожъ на него, а также, увы, и Віолета. Сходство бросалось въ глаза.

— Ну, довольно,—сказалъ онъ.—Не будьте такой злюшкой. Я вернулся, и этого вамъ не передѣлать. Будемъ жить въ мирѣ. Боже мой! я вовсе не хочу ссориться. Я никогда не любилъ ссоры. Мать скажетъ вамъ, что я всегда былъ миролюбивый человекъ, лишь бы у меня былъ грогъ, портвейнъ и хересъ. И вы хорошенькая дѣвушка, душа моя, и съ энергическимъ характеромъ. Прекрасно; я васъ за это уважаю. Вы сдѣлаете постоять за свою мать, не правда ли? Поцѣлуй, ну, поцѣлуй своего стараго отца, моя дорогая Марля!

Онъ сдѣлалъ движеніе, какъ бы собираясь поцѣловать ее. Валентина съ содроганіемъ—или, вѣрнѣе, —Валентина съ отвращеніемъ отскочила назадъ и изо всей мочи ударила его по щекѣ, такъ что онъ пошатнулся. Король Ричардъ Львиное Сердце не

нанесъ бы болѣе мѣткого удара: чтобы этотъ негодный преступникъ, этотъ воръ, вздумалъ ее поцѣловать!

— О!—вскричала она:—только троньте меня, я васъ убью!— Онъ поднялъ шляпу, свалившуюся съ головы, и безсмысленно глядѣлъ. Слыханное ли дѣло, чтобы дочь прибила родного отца!

— О! какая жалость, какая ужасная жалость,—продолжала жестокосердая Валентина,—что вы не умерли!

Онъ занылъ, держа шляпу въ рукахъ и обращаясь къ безчувственнымъ кирпичамъ:

— Я вернулся домой послѣ двадцати-лѣтняго отсутствія,—жаловался онъ:—и въ первую же свободную минуту спѣшу повидаться съ женою; я сбросилъ съ себя ветхаго Адама и намѣреваюсь облегчить ея участь, скрасить послѣдніе ея дни. Я исполнилъ раскаяніи и оставилъ всѣ суетныя мысли, какъ часто говорилъ доброму тюремному пастору, который вѣрилъ этому... (онъ ослабился; затѣмъ продолжалъ съ серьезнымъ лицомъ:)—что же касается моей репутаціи, то я собираюсь возстановить ее въ глазахъ добрыхъ людей и рассчитываю, что ко мнѣ отнесутся съ должной симпатіей. И, вмѣсто того, что же я нахожу? Родная дочь ругаетъ меня и бьетъ старика-отца! Но я готовъ подставить и другую щеку!—и онъ въ дѣйствительности подставилъ щеку, но Валентина не воспользовалась этимъ.

— Молчите!—сказала она повелительно:—я знаю, что вы умѣете разговаривать, но довольно разговоровъ и выслушайте меня. Вы уйдете далеко, далеко отсюда, на другой конецъ Лондона. Мнѣ все равно—куда, только подальше. Вы не будете беспокоить свою жену, ни письмами, ни попытками свидѣться съ нею или какъ-нибудь извѣщать ее, что вы живы. О! мы такъ часто благодарили Бога, что вы умерли, и не можемъ допустить, чтобы вы ожили. Вы умерли, слышите! Самое первое условіе: чтобы вы не видѣлись съ вашей женой и никогда, никогда не писали ей.

— Слышу. Жду, что дальше будетъ.

Тѣмъ временемъ онъ замѣтилъ—по старой привычкѣ къ наблюдательности—двѣ, три вещи, удивлявшія его и наводившія на размышленія: у дѣвушки были бѣлыя, нѣжныя руки; на пальцахъ не видно было слѣдовъ иголки или отъ другой какой грубой работы; платье ея было просто, но хорошо сшито, а ноги обуты въ изящныя и сшитыя по мѣркѣ ботинки. „Только барышни носятъ сшитыя по мѣркѣ ботинки“,—подумалъ онъ.—„Но какимъ образомъ его дочь могла быть барышней?“

— Второе условіе—это чтобы вы никогда не входили въ сношенія ни съ кѣмъ изъ вашихъ дѣтей и не разыскивали, гдѣ они

жить. Слышите? Я не хочу, чтобы вы отравляли имъ жизнь вашимъ присутствіемъ.

— Предположимъ, что я не дамъ такого обѣщанія. Зачѣмъ я буду обѣщать это?

— Въ такомъ случаѣ, вы не получите никакой помощи. Даю вамъ честное слово, что вы не получите отъ насъ ни пенса, а пугать жену мы помѣшаемъ вамъ силой, если понадобится. Хотя бы вы умирали съ голода подъ заборомъ, мы вамъ не поможемъ.

Трудно представить, какъ бы встрѣтила Валентина этого человека, если-бы она знала всю правду относительно Полли. Одно несомнѣнно: она не разговаривала бы съ нимъ такъ безцеремонно и не закатила бы ему такой здоровой пощечины.

— Я хочу только честной работы,—запыхалъ онъ:—дайте мнѣ честную работу, и я не буду никого беспокоить. Вы не будете даже знать, что у васъ есть отецъ. Я прощаю вамъ ваши жесткія слова и ваши побои. Будемъ жить въ мирѣ.

— Я не вѣрю, чтобы вы хотѣли работать,—сказала Валентина:—вы не работали, прежде чѣмъ попали въ тюрьму, и я не вѣрю, чтобы вы начали работать теперь. Вамъ нужно вино, табакъ и праздность. Хорошо, я доставлю вамъ то, что нужно, но съ условіемъ. Сколько у васъ денегъ?

Онъ со вздохомъ отвѣчалъ, что у него нѣтъ ни одного шиллинга, и, конечно, солгалъ. Онъ началъ объяснять, забывъ то, что сказалъ раньше, а именно, что только-что вышелъ изъ тюрьмы, что истратилъ всѣ деньги въ бесполезныхъ поискахъ за работой.

— Я усталъ, я отбилъ себѣ ноги,—продолжалъ онъ со вздохомъ:—но не жалуюсь на усталость и принимаю ее какъ наказание за грѣхи.

— Поднимите ногу.

Онъ повиновался. Двадцать лѣтъ тюремнаго заключенія кого угодно сдѣлають послушнымъ.

— Это неправда! ваши сапоги совсѣмъ новые; совсѣмъ не видно, чтобы вы такъ много ходили.

— И это моя родная дочь! А я-то думалъ, что она пожалѣетъ меня и успокоитъ своего несчастнаго отца! Ахъ, какое у нея жесткое сердце, какое жесткое! Пусть лучше у меня будутъ мозоли на ногахъ, чѣмъ такое жесткое сердце!

— Мнѣ не надо ни вашихъ обѣщаній, ни вашихъ увѣреній,—продолжала Валентина.—Я не желаю дальше слушать вашихъ лицемѣрныхъ разглагольствованій. Я вамъ дамъ—она подумала, какую бы наименьшую сумму предложить ему—я вамъ буду да-

вать по соверену въ недѣлю, до тѣхъ поръ, пока вы будете держаться въ сторонѣ. Съ той минуты, какъ вы покажетесь кому-нибудь изъ своихъ дѣтей или напугаете свою жену, вы не получите ни пенса. Слышите? И понимаете?

— Да, слышу и понимаю. Но чтѣ такое соверенъ? Изъ-за этого не стоитъ давать никакихъ обѣщаній. Я могу издержать соверенъ въ день, и не подумать объ этомъ.

— Ну, такъ заработайте соверенъ въ день.

— Если вы можете давать по соверену въ недѣлю, то можете дать и два. Я не буду спрашивать, откуда вы ихъ берете. Я вѣдь хорошо знаю, моя душа, что у горничныхъ бываютъ всякаго рода доходы.

И онъ такъ хитро посмотрѣлъ на Валентину, — что та чуть-чуть его опять не ударила. Когда женщины начинаютъ драться, то онѣ быстро входятъ во вкусъ — за доказательствами стоитъ только обратиться къ исторіи.

— Я дамъ вамъ одинъ соверенъ въ недѣлю — и ни пенса больше, и то если вы согласитесь на мои условія. Вотъ вамъ на эту недѣлю.

Она раскрыла кошелекъ и вынула изъ него золотую монету. Глаза его алчно уставились на кошелекъ, въ которомъ — фактъ этотъ не ускользнулъ отъ его вниманія — было еще нѣсколько золотыхъ монетъ.

— Этотъ соверенъ будетъ первымъ и послѣднимъ, если вы нарушите мои условія. Если же нѣтъ, то я пришлю вамъ на будущей недѣлѣ другой, по тому адресу, который вы мнѣ дадите. Она подала ему листокъ изъ записной книжки, и онъ написалъ на немъ свой адресъ.

— Вы можете адресовать свои письма въ богадельню, на имя матери, но не смѣйте подписываться своимъ именемъ и не вздумайте называть меня своей дочерью.

— Но кто же вы? — спросилъ онъ, глядя на нее съ удивленіемъ и восхищеніемъ. — Кто же вы, если не моя дочь? Дочь Эстеры Монументъ должна бы была быть прачкой. Кто же вы?

— Этого я вамъ не скажу. Помните только, что каждый изъ вашихъ дѣтей — никто изъ нихъ не знаетъ истины — встрѣтитъ васъ съ ужасомъ и стыдомъ. Ни одинъ не поможетъ вамъ, кромѣ меня. Ну, вотъ и выбирайте, чтѣ хотите. Или берите мои двадцать шиллинговъ въ недѣлю и уходите, по добру, по здорovu, пьянствовать вмѣстѣ съ ворами и негодяями — вашими пріятелями. Если же вы откажетесь отъ моихъ условій или взду-

маете беспокоить кого-нибудь из насъ, то увидите, много ли вы выжмете изъ всѣхъ насъ, вмѣстѣ взятыхъ. Ступайте!

Онъ повиновался и побрелъ по улицѣ, не говоря ни слова.

— Нѣтъ,—сказала она:—не по этой улицѣ. Она проходитъ мимо богадельни, и ваша жена можетъ снова услышать ваши шаги. Ступайте вотъ здѣсь.

— Но я не знаю этой дороги.

— Мнѣ все равно. Ступайте,—говорятъ вамъ!

Онъ повиновался и медленно пошелъ, безпрестанно оборачиваясь, и каждый разъ видѣлъ дѣвушку стоящую на дорогѣ и глядѣвшею ему вслѣдъ.

Когда онъ скрылся изъ виду, Валентина медленно вернулась въ богадельню.

— Какой ужасный сонъ, Полли!—не правда ли?

— Ужасный, мама. Но я не думаю, чтобы онъ опять вамъ приснился. Я останусь у васъ ночевать, чтобы вамъ не было страшно. Вѣдь вамъ не будетъ страшно, если вы будете не оди́нъ?

— Полли, милая моя, совсѣмъ не страшно, когда ты здѣсь. И я такъ рада, когда мнѣ есть съ кѣмъ говорить о моихъ тревогахъ.

XVII.—LE PÈRE PRODIGE.

Отпущенный по билету каторжникъ покорно ушелъ, но, свернувъ въ другую улицу, сталъ раздумывать,—то-есть замышлять недоброе. Еслибы онъ только могъ забрать въ руки эту дѣвушку, которая назвалась его дочерью! Какая красивая дѣвушка, и съ такими приличными манерами, какъ у барышни, и какая храбрая! Чего бы онъ не могъ достичь, еслибы такая дѣвушка помогала ему!

Думая о дочери, естественно было вспомнить и про сына. Мистеръ Керью задумался о сыновьяхъ: у него три сына, и всѣ трое уже взрослые; одинъ изъ нихъ ремесленникъ, онъ это знаетъ; что касается двухъ другихъ, то это вопросъ: чтó они за люди? Она смѣла запретить ему показываться своимъ дѣтямъ! Чортъ бы ее побралъ съ ея условіями! Онъ поступить такъ, какъ ему вздумается. Вздумаетъ—и пойдетъ къ дѣтямъ. Рабочій, —размышлялъ онъ,—конечно, женатъ и небогатъ. Денегъ съ него получить можно развѣ только на бутылку пива. Къ тому же, онъ не знаетъ его адреса, также какъ и второго сына; но остается еще младшій—Клодъ, который живетъ въ Тэмплѣ. Онъ знаетъ о Тэмплѣ только то, что это мѣсто, излюбленное законовѣдами, классомъ лю-

дей, особенно ему неприятнымъ, въ которому онъ безъ разбора причислялъ полисменовъ, сыщиковъ и судей. Его сынъ игралъ тамъ занятія, какія—онъ не зналъ; вѣроятно, клерка. Само собою разумѣется, что всякая профессія имъ казалась лучше отцовской! Онъ вынулъ украденный конвертъ изъ кармана: „Клодъ Монументъ, эсквайръ. 25, Кингсъ-Бенчъ-Уонъ.“

— Отчего же и не попытаться?—сказалъ онъ.—Быть можетъ, у малаго есть деньги. Я попытаюсь.

Послѣ того, какъ онъ разстался съ дочерью, онъ все время пилъ, и выпитая водка придавала ему храбрости нарушить условіе и, такимъ образомъ, рискнуть потерять обѣщанный ему еженедѣльный доходъ. Какъ бы то ни было,—онъ нарушилъ условіе и, однако, не потерялъ своего дохода, какъ мы дальше увидимъ.

Въ тотъ самый вечеръ, часовъ въ десять, Клодъ сидѣлъ одинъ въ своей квартирѣ. Онъ не читалъ и не писалъ, хотя лампа стояла на столѣ, а книга лежала на колѣняхъ, но задумчиво смотрѣлъ на огонь, разведенный въ каминѣ, потому что вечеръ былъ холоденъ и сыръ. На улицахъ Тампла было тихо и безлюдно. Мало кто еще жилъ въ немъ; большинство же уѣхало за городъ. Я думаю, что во всемъ этомъ мѣстѣ одинъ Клодъ только и былъ изъ живыхъ людей, за исключеніемъ полисмена. И типина была такая же абсолютная, какъ та, что воцарилась въ немъ, послѣ того, какъ былъ уничтоженъ орденъ тамплиеровъ, а гроссмейстеръ и его рыцари сожжены.

Онъ думалъ о странномъ дѣлѣ, за которое взялся, и о Валентинѣ, считавшей себя его сестрой, но не бывшей ею, объ ея разгорѣвшихся щекахъ и сверкавшихъ глазахъ, объ ея голосѣ, трогавшемъ его, подобно большому, великолѣпному органу. Онъ думалъ также, что его душевному покою грозитъ опасность, если онъ будетъ слишкомъ много думать объ этихъ глазахъ и объ этомъ голосѣ.

Вдругъ, среди безмолвія ночи, онъ услышалъ шаги на лѣстницѣ, и затѣмъ кто-то постучался въ его дверь.

Онъ съ удивленіемъ подумалъ: „кто бы могъ быть этотъ поздній и неожиданный посѣтитель?“

Онъ былъ ему незнакомъ: пожилой, худой и тощій, съ сѣдыми волосами человѣкъ стоялъ у его двери.

— Поворнѣйше прошу извинить, сэръ,—сказалъ онъ, снимая шляпу.—Я пришелъ повидаться съ однимъ мальчикомъ; зовутъ его Клодъ Монументъ; онъ работаетъ на этой лѣстницѣ. Быть можетъ, онъ въ нижнемъ этажѣ, гдѣ живетъ прислуга?

— Развѣ вы не умѣете читать? Имя стоитъ на двери.

Онъ прочиталъ и какъ будто удивился.

— Я—Клодъ Монументъ. Что вамъ нужно отъ меня?

— Вы—Клодъ Монументъ? вы?

Въ сѣняхъ, гдѣ стоялъ Клодъ, было темно, но при свѣтѣ газоваго рожка на лѣстницѣ мистеръ Керью увидѣлъ, что его сынъ—совсѣмъ не то, что онъ ожидалъ.

— Развѣ вашего барина дома нѣтъ, молодой человѣкъ? — прошепталъ онъ.

— Что вы хотите сказать?

— Вашъ баринъ,—развѣ его дома нѣтъ?

— Мой баринъ?

— Не можете ли вы провести меня куда-нибудь, гдѣ мы могли бы поговорить безъ помѣхи? Мнѣ необходимо надо переговорить съ вами.

— Кто вы такой?

— Я именно и пришелъ затѣмъ, чтобы вамъ это сказать. Мнѣ надобно сообщить вамъ радостное извѣстіе; но скажите: неужели вы—Клодъ Монументъ? Вѣдь вы одѣты какъ джентльменъ.

— Но кто же вы такой?

— Говорятъ вамъ, что я пришелъ къ вамъ, чтобы это сообщить.

Клодъ колебался.—Вы здѣсь у меня на квартирѣ,—сказалъ онъ.

— Господи Боже мой! Неужели это ваша квартира? Ваша собственная? Чортъ знаетъ! да какъ же это? И дѣвочка тоже совсѣмъ какъ барышня. Да, пора было мнѣ придти и узнать, въ чемъ дѣло. Слушайте, молодой человѣкъ: если вы здѣсь живете и если у васъ никого нѣтъ, то пустите-ка меня къ вамъ войти. Я долженъ вамъ нѣчто сообщить, нѣчто такое, чему вы будете очень рады. Но мы должны быть совсѣмъ одни. Это—семейная тайна, молодой человѣкъ, семейная тайна, о которой нельзя говорить при всѣхъ и во всеуслышаніе.

— Войдите когда такъ.

Клодъ выпустилъ мистера Керью и заперъ дверь, предчувствуя худое. Предчувствіе въ этихъ случаяхъ рѣдко бываетъ пріятно, какъ и холодный вѣтеръ передъ дождемъ. Оно приходитъ слишкомъ поздно, для того, чтобы человѣкъ могъ принять предосторожность, и почти въ тотъ самый моментъ, когда оно явится, бѣда уже стряслась надъ нимъ. Однако людей тѣшитъ впоследствии мысль, что предчувствіе все-таки было.

— Ну, — сказалъ Клодъ, проведя посѣтителя въ комнату и запирая дверь:—кто вы такой? Я не думаю, чтобы я когда-нибудь васъ видѣлъ.

На столѣ стояла лампа съ абажуромъ, такъ что въ комнатѣ

сравнительно было темно. Человѣкъ снялъ шляпу и неловко держалъ ее въ обѣихъ рукахъ, точно это было ему непривычно; и дѣйствительно, въ послѣднія двадцать лѣтъ, онъ носилъ совсѣмъ другого рода шляпу. Клодъ увидѣлъ, что онъ сѣдъ, гладко выбрить и, кажется, слабаго тѣлосложенія.

— Ну, скорѣе говорите вашу важную новость.

Старикъ прокашлялся.

— Вправду ли и во-истину ли вы, молодой человѣкъ, Клодъ Монументъ?

— Меня такъ зовутъ.

У Клода не было долговъ, а потому этотъ человѣкъ не могъ быть кредиторомъ. Быть можетъ, это былъ нищій, изъ породы тѣхъ, что собираютъ деньги по подпискѣ. Но нищіе этого рода приходятъ обыкновенно днемъ. Клодъ начиналъ беспокоиться.

— Вы—сынъ миссисъ Монументъ, которая жила въ Гакней-Маршъ, и—если можно говорить объ этомъ съ такимъ франтомъ, какъ вы—стирала бѣлье, была бѣдная, но честная женщина?

— Моя мать была прачкой,—подтвердилъ Клодъ.

— Ну, такъ я ничего не понимаю! — продолжалъ гость.

— Вы похожи на джентльмена, а та...—онъ прикусилъ языкъ.

— И вы живете между законниками?

— Я живу между законниками.—Клодъ снялъ абажуръ съ лампы. Человѣкъ былъ одѣтъ прилично. Онъ не былъ похожъ на нищаго и навѣрное желалъ что-то отъ него выгнать.

— Но кто же вы сами-то?

Керью не отвѣчалъ. Онъ оглядывалъ комнату, которая говорила объ извѣстнаго рода довольствѣ: въ ней была покойная мебель, картины, нѣсколько призовыхъ серебряныхъ кубковъ и книги, груды книгъ. Были портьеры и ковры, словомъ—все то, что дѣлаетъ комнату комфортабельной и красивой. На каминѣ стояли большіе фотографическіе портреты двухъ дѣвушекъ. Керью узналъ одну изъ нихъ.

— Это Марля,—пробормоталъ онъ,—а другая, должно быть, Меленда. Это ваши собственныя вещи?—спросилъ онъ.

— Разумѣется.

— А ваша мать живетъ въ богадельнѣ?

Клодъ покраснѣлъ, но сдержалъ свою досаду.

— Какое вамъ до этого дѣло? Говорите, зачѣмъ вы пришли.

— Если таково ваше обращеніе съ матерью, то какъ бы вы поступили съ своимъ несчастнымъ отцомъ?

Клодъ разсмѣялся.

— Послушайте, говорите скорѣе, зачѣмъ вы пришли, или я васъ выгоню за дверь.

— Если-бы вашъ несчастный отецъ пришелъ къ вамъ послѣ двадцати-лѣтней разлуки, если-бы онъ стоялъ передъ вами, голодный и всѣми покинутый, съ чистой совѣстью и съ отпускнымъ билетомъ въ карманѣ, отсидѣвъ свой срокъ въ тюрьмѣ, не боясь никого, ни полицмена, ни судьи,—неужели вы съ презрѣніемъ отнеслись бы къ нему и, какъ мать, отправили бы его въ богадельню, на весь остатокъ дней?

— Развѣ вы сюда пришли зачѣмъ, чтобы задавать вопросы? Ну-съ, извольте скорѣе говорить, въ чемъ дѣло, или уходите. Что касается моего отца, то оставьте его въ покоѣ: онъ двадцать лѣтъ какъ умеръ.

— А представьте, что онъ не умеръ!—точно прошипѣлъ Керью, взглянувъ прямо въ лицо Клоду, но только на минуту, и зачѣмъ снова опутивъ глаза.

— Представьте, что вашъ отецъ вовсе не умеръ!

— Я ничего такого не могу себѣ представить.

— Кто вамъ сказать, что онъ умеръ?

— Не знаю; я съ дѣтства слышала, что онъ умеръ.

— Говорилъ вамъ кто, гдѣ и какъ онъ умеръ?

— Нѣтъ, я никогда не спрашивала объ этомъ.

— А говорили вамъ, чѣмъ онъ занимался?

— Мой отецъ былъ слесарь, и, говорятъ, очень искусный.

— Да, вы правы, молодой человѣкъ: онъ былъ очень искусный слесарь; во всемъ Лондонѣ не было искуснѣе его. Слесарь! и вотъ все, что вы о немъ знаете? Подумать, что дѣти могутъ быть такъ дурно воспитаны! Итакъ, вы думаете, что вашъ отецъ былъ простой рабочій, и только. Это они вамъ рассказали? И то, что онъ умеръ? И это вамъ тоже сказали? Все одно къ одному. Чтобы заставить васъ стыдиться родного отца, они васъ увѣрили, что онъ былъ простой слесарь. Такъ вѣдь?

— Все это очень странно!

Клодъ чувствовалъ себя неловко въ присутствіи человѣка, глядѣвшаго на него съ такимъ любопытствомъ, осыпая его вопросами и самъ не отвѣчая ни на одинъ.

— Что же, скажете мнѣ вы, кто вы?

— Сейчасъ, сейчасъ скажу. Онъ былъ слесарь и искусный ремесленникъ, и гдѣ-то умеръ; никто не знаетъ,—гдѣ; никто изъ его дѣтей не освѣдомлялся объ этомъ, никто о немъ не заботился; они даже отреклись отъ его фамиліи и приняли материнскую.

— Что такое? Отреклись отъ его фамиліи?

— Юный джентльменъ,—продолжалъ онъ:—мнѣ надо сдѣлать вамъ весьма важное сообщеніе. Дайте мнѣ что-нибудь, что бы меня облегчило.

— Вотъ бумага и перья.

— Мнѣ надо водки, сказалъ человѣкъ.—Я цѣлыхъ двадцать лѣтъ не пилъ, и только теперь опять началъ. Дайте мнѣ, говорю вамъ, чего-нибудь выпить.

Клодъ далъ ему виски. Онъ выпилъ полъ-стакана чистой водки, а затѣмъ разбавилъ ее водой.

— Вотъ это другое дѣло. Теперь я сяду, съ вашего позволенія.—Онъ усѣлся.

— Покойное кресло. Вы, франты, знаете, какъ понѣжить себя. И подумать, что вы такой франтъ, а ваша мать—въ богадельнѣ, а отецъ отпущенъ по билету изъ тюрьмы!

— Что такое?—Клодъ вздрогнулъ.—Повторите, что такое вы сказали?

— Готовъ повторить двадцать разъ: вашъ отецъ отпущенъ по билету изъ тюрьмы. От-пу-щенъ изъ тю-рь-мы по би-ле-ту, такъ какъ срокъ его заключенія не вполне отбытъ имъ.

Клодъ не назвалъ его лжецомъ; онъ только тупо глядѣлъ на него.

— Я сто разъ повторяю это, если хотите,—продолжалъ незнакомецъ.—Вашъ отецъ...

— Нѣтъ, нѣтъ не говорите этого больше! Не смѣйте, не смѣйте говорить этого!

— Какой вздоръ! Надѣюсь, что вы не стыдитесь этого? Вамъ нечего этого стыдиться! Получить отпускной билетъ очень почетно. Только тѣ изъ заключенныхъ, которые хорошо ведутъ себя и хорошо аттестованы тюремнымъ священникомъ, получаютъ его. Мой добрый священникъ былъ очень высокаго обо мнѣ мнѣнія, когда меня отпустили.

— Вашъ священникъ? вашъ? развѣ вы тоже преступникъ, отпущенный изъ тюрьмы по билету?

— Послушайте-ка, молодой человѣкъ: не говорите о преступникахъ такъ, какъ будто бы это была грязь, которую вы топчете ногами. Вы сами, вѣроятно, будете преступникомъ; большинство молодыхъ людей, рано или поздно, бываютъ преступниками. Преступникъ! да! и почему бы нѣтъ? Повѣрьте, что многіе, которые бѣгаютъ на свободѣ, похуже тѣхъ, которые сидятъ въ тюрьмѣ. Да и вы сами—чѣмъ вы зарабатываете деньги, чтобы жить съ такимъ комфортомъ? Ну-ка, скажите! Спортomъ, или картами, или чѣмъ тамъ еще?

Клодъ чувствовалъ головокруженіе и тошноту, и ничего не отвѣчалъ.

— Ты можешь быть со мной откровеннымъ, мальчикъ, потому что я—тутъ онъ понизилъ голосъ и опустилъ глаза: — видишь ли, Клодъ, ты давно меня не видалъ, и я не могу ждать, чтобы ты меня помнилъ. Но я—твой отецъ, не кто иной, какъ твой отецъ.

— Вы? мой отецъ? Вы?!

Керью закинулъ одну ногу на другую и ухмыльнулся. Онъ высказалъ свою тайну и сталъ смѣлѣе.

— Да, Клодъ, я—твой отецъ. Я не могъ видѣться съ тобой, какъ бы мнѣ хотѣлось, и никто изъ васъ тоже не навѣщалъ меня. Конечно, если-бы вы знали, что я живъ, вы приходили бы такъ часто, какъ только можно. Дай пожать твою руку. Ты—красивый мальчикъ, и я горжусь тобой.

— Мой отецъ? вы? — повторилъ Клодъ, но не взялъ протянутой руки.

Отпущенный преступникъ выругался такъ громко, какъ еслибы онъ былъ нормандскимъ королемъ. Потомъ сталъ увѣрять Клода, еще съ большимъ краснорѣчіемъ, что онъ—его отецъ. Клодъ глядѣлъ на него и слушалъ, не говоря ни слова.

— Слушай, мальчикъ: ты долженъ гордиться твоимъ отцомъ, потому что я не кто иной, какъ великій Керью, о которомъ ты, конечно, слыхалъ.

Лицо Клода не выразило никакого волненія при этомъ извѣстіи.

— Джемсъ Керью! Какъ! неужели же ты нигде не слышалъ про Джемса Керью? „Король грабителей“—называли его одни, а другіе—„принцъ воровъ“; его имя было во всѣхъ газетахъ, и вся страна толковала о его подвигахъ. Джемсъ Керью! Какъ! Неужели же ты нигде не слышалъ про Джемса Керью?

— Къ сожалѣнію,—отвѣчалъ Клодъ:—никогда, до сихъ поръ, я не слышалъ о его имени.

— О! — произнесъ мистеръ Керью съ глубокимъ негодованіемъ.—И это тотъ самый мальчикъ, котораго я предназначалъ себѣ въ преемники! Я рѣшилъ, что одного изъ своихъ сыновей непременно обучу своей профессіи, и для того назвалъ тебя Клодомъ Дюваль, въ честь самаго смѣлаго разбойника въ исторіи.

Клодъ впервые въ жизни пожелалъ перемѣнить свое имя на какое-нибудь другое.

Мистеръ Керью смотрѣлъ на сына съ сомнѣніемъ. Въ лицѣ Клода не было замѣтно ни гордости, ни радости, а напротивъ того—горе и отвращеніе.

— Не хочешь, значить, пожать мнѣ руку?

Онъ протянулъ прощающую, отеческую руку.

— Нѣтъ,—сказалъ Клодъ,— не хочу.

— Ладно.—Керью надѣлъ шляпу.—Я теперь уйду, и опять приду, когда у тебя будутъ твои франты-пріятели. И тогда приду и отрекомендуюсь имъ преступникомъ, отпущеннымъ по билету, и твоимъ отцомъ.

— Дѣлайте, какъ хотите!

Мистеръ Керью колебался.

— Не дашь ли мнѣ хоть сколько-нибудь денегъ?

— Не дамъ, уходите.

— Твой отецъ съ голода умираетъ.

— Неправда. Вы только-что вышли изъ тюрьмы. У васъ должны быть деньги. Ступайте.

— Я пришелъ послѣ двадцати-лѣтней разлуки и нашелъ своего сына франтомъ, и вотъ какъ онъ обращается съ своимъ раскаявшимся отцомъ!—Онъ сдѣлалъ видъ, будто собирается заплакать.

— Уходите. Я ничего вамъ не дамъ. Избавьте меня отъ себя, отъ вашихъ исторій и вашего тюремнаго притворства.—Онъ содрогнулся отъ стыда.—У васъ есть мой адресъ; вы можете мнѣ прислать свой. Если мы и согласимся вамъ помочь, то съ тѣмъ условіемъ, чтобы вы никому изъ насъ не показывались на глаза.

— Ухожу. Мнѣ очень грустно, что я пришелъ къ такому безчувственному сыну. Но у меня есть другія дѣти. Да, они будутъ добрѣе къ своему отцу. Они будутъ добрыми самаритянами.

Клодъ не отвѣчалъ.

— У меня есть сынъ мой Джо, старшій; онъ, вѣроятно, теперь уже женатъ. Его жена и дѣти съ радостью увидятъ и примутъ въ свой домъ старика. И, кромѣ того, есть еще Самъ. Я легко разыщу Сама. Онъ навѣрное будетъ радъ меня видѣть. И потомъ моя бѣдная жена въ богадельнѣ. Бѣдная старуха! У нея нѣтъ денегъ, но она раздѣлитъ со мной послѣднюю корку. И затѣмъ двѣ дѣвушки. Это, вѣрно, ихъ портреты?—Онъ указалъ на двѣ фотографіи.—Которая изъ нихъ Марля и которая Меленда?

Клодъ взялъ фотографіи и положилъ ихъ на каминѣ внизъ лицомъ. Ему нестерпимо было, что на нихъ смотреть этотъ человѣкъ.

— Стойте!—завричалъ онъ:—не смѣйте ходить къ моимъ сестрамъ! слышите-ли?—Ему хотѣлось схватить этого человѣка за шиворотъ и потрясти его; но какое-то чувство сыновней почтитель-

ности или сыновняго отвращенія помѣшало ему. Нѣтъ никакой возможности взять за шиворотъ родного отца, какимъ бы онъ ни былъ негодеемъ. Валентина, правда, прибила мистера Керью по щекамъ, но вѣдь она знала, что онъ ей не отецъ.

— Великій Боже!—вскричалъ Клодъ, глядя на Керью съ отчаяніемъ:—намъ сказали, что вы умерли. Мы думали, что вы умерли. Мы думали—намъ такъ сказали—что вы были честный человѣкъ. Вы должны были бы давнымъ-давно умереть.

— Неужели?—Керью ослабился:—ну, я съ этимъ не согласенъ, и намѣреваюсь прожить еще лѣтъ тридцать. Тюрьма—здоровое мѣсто, хотя въ ней и держать человѣка на діэтѣ. Я чувствую себя такимъ же молодымъ и здоровымъ, какъ еслибы мнѣ было не шестьдесятъ лѣтъ, а двадцать-пять. Я намѣренъ жить до девяноста лѣтъ и буду часто приходить къ тебѣ. Да, мы будемъ часто видѣться, мой сынъ. О! очень часто, мой милый Клодъ!

Клодъ сдѣлалъ усиліе и удержался отъ брани.

— Вы слышали, что я вамъ сказалъ о сестрахъ?

— Объяснись, мой сынъ. Я боюсь, что ты, кажется, думаешь приказывать отцу. Ты, вѣрно, забылъ, что въ писаніи сказано, чтобы дѣти повиновались родителямъ.

— Я говорилъ, чтобы вы не смѣли разыскивать сестеръ!

— Почему же такъ, мой сынъ?

— Потому, что для насъ стыдъ и срамъ, что вы живы, и онѣ счастливы, думая, что вы умерли.

— Вотъ и все?

— Нѣтъ, потому что онѣ и не слыхивали, бѣдняжки, что ихъ отецъ—преступникъ.

Мистеръ Керью засунулъ руки въ карманъ и засвисталъ.

— Предположимъ, что я желаю видѣть своихъ дочерей. Ты внималъ ли въ чувства отца? Но такъ и быть: я человѣкъ миролюбивый, и со мной всегда можно сговориться. Сколько ты мнѣ дашь за это?

Клодъ колебался. Ясно, что человѣкъ этотъ хотѣлъ, чтобы ему заплатили; но сколько?

— Не знаю,—отвѣчалъ онъ:—я долженъ посоветоваться съ братомъ.

— Что онъ,—тоже франтъ? Чортъ меня побери, если я что-нибудь понимаю въ этомъ.

— Нѣтъ, онъ слесарь по ремеслу.

— Если такъ, то я не буду ждать, что скажетъ Джо. Я изъ тѣхъ, которые лнуть къ богатымъ; гдѣ деньги, тамъ и я,

а деньги, очевидно, здѣсь. Если мы съ тобой не придемъ къ соглашенію...

Тутъ онъ разразился потокомъ словъ, какихъ ему не позволяли говорить въ тюрьмѣ, и затѣмъ объявилъ:

— Если мы съ тобою не придемъ къ соглашенію, то отсюда прямо я пойду въ богадельню и напугаю старуху до полу-смерти, а завтра найду Меленду и Марлю и представлюсь всѣмъ ихъ друзьямъ.

Десять минутъ спустя, мистеръ Керью спускался съ лѣстницы. У него было тридцатью шиллингами больше въ карманѣ.

Ему дано было, кромѣ того, обѣщаніе, что эта сумма будетъ уплачиваться ему еженедѣльно, но съ двумя или тремя условіями. Условія, въ сущности, были тѣ же, какія ему поставила и Валентина. Онъ не долженъ былъ давать знать о своемъ существованіи и навязывать свою персону кому-нибудь изъ дѣтей, въ особенности, дочерямъ. Если онъ нарушитъ эти условія, то Клодъ торжественно завѣрялъ его, что онъ больше не получитъ отъ него ни пенса, а также ни отъ кого изъ его братьевъ или сестеръ.

Родитель возразилъ на это, что его единственное желаніе—жить добродѣтельно и искупить прошлое въ глазахъ свѣта.

Клодъ можетъ ему довѣриться. Великое дѣло, когда сынъ довѣряетъ отцу, и даже въ посланіи къ коринѣянамъ сказано...

— Довольно! — сказалъ Клодъ. — Вотъ вамъ тридцать шиллинговъ. Слѣдующіе я пошлю по вашему адресу, а сюда не смѣйте приходить за ними; я не желаю больше васъ видѣть.

— Они ни за что не скажутъ другъ другу, — бормоталъ мистеръ Керью, спускаясь съ лѣстницы. — Они постыдятся сказать другъ другу, и я буду получать съ обоихъ два фунта десять шиллинговъ въ недѣлю. Я не даромъ провелъ сегодняшний день; нѣтъ, не даромъ.

XVIII.—НА КЛАДБИЩѢ.

Когда отецъ оставилъ Клода, онъ простоялъ нѣсколько минутъ на ногахъ, прислушиваясь къ шагамъ на лѣстницѣ; они были такъ же легки, какъ шаги дѣвушки, но онъ слышалъ ихъ на пескѣ, которымъ былъ посыпанъ дворъ.

Затѣмъ они затихли, и онъ поднялъ голову и вздохнулъ съ облегченіемъ. Въ зеркалѣ надъ каминомъ Клодъ увидѣлъ свое лицо, и вздрогнулъ и покраснѣлъ отъ стыда: онъ, безспорно, узналъ черты человѣка, который только-что оставилъ его. Сходство

мелькнуло и тотчас же пропало, но онъ видѣлъ его; онъ былъ сынъ этого человѣка. Сынъ уличеннаго преступника, грабителя, человѣка, отпущеннаго по билету изъ тюрьмы! Онъ—не сынъ, какъ онъ прежде и часто съ гордостью думалъ, какого-нибудь простого, но честнаго человѣка, къ памяти котораго онъ относился съ сыновней гордостью и почтеніемъ, но сынъ человѣка, который большую часть жизни провелъ въ тюрьмѣ и самъ носилъ фальшивое имя, такъ какъ былъ не Монументъ, а Керью. Одно дѣло—быть сыномъ честнаго работника, пробившимъ себѣ путь въ жизни, и другое—быть сыномъ преступника. Эти слова звучали у него въ ушахъ, вся комната была ими полна: сынъ преступника, сынъ вора, сынъ разбойника...—Я эмигрирую,—сказалъ онъ самому себѣ:—перемѣню имя и уѣду въ отдаленную колонію, гдѣ никто не будетъ знать, кто я таковъ.

Безумный планъ!—потому что нѣтъ такой колоніи, близкой или отдаленной, которая приняла бы человѣка, не узнавъ о немъ всю его подноготную: кто его отецъ, что онъ сдѣлалъ, почему онъ оставилъ свое отечество. Онъ можетъ скрывать всѣ эти вещи, сколько ему угодно, но ихъ разузнають помимо его воли. Во всякомъ случаѣ, ему придется водиться съ обществомъ не лучше того, которое собирается въ кабакъ. Онъ будетъ *déclassé*.

Лондонъ—единственный городъ, гдѣ возможно подобное укрывательство. Тотъ, кто путешествуетъ,—какъ говорить поэтъ,—можетъ мѣнять небо, но не настроеніе. Онъ можетъ также перемѣнить имя, но не исторію, которая неизмѣнна и неизгладима, и хороша она или дурна, но честные колонисты непремѣнно будутъ настаивать на томъ, чтобы узнать ее, прежде чѣмъ допустить его въ свое общество. Клодъ, не знавшій объ этомъ фактѣ, вспомнилъ, что ему нельзя эмигрировать, потому что онъ не можетъ бросить своихъ близкихъ. Онъ подумалъ о бѣдѣ, угрожающей всѣмъ имъ: его матери, Джо, Саму, Мелендѣ, Валентинѣ и Виолетѣ. Онъ вспомнилъ о ихъ безпомощномъ состояніи. Неужели онъ будетъ такой трусъ, что бросить ихъ? Неужели онъ броситъ ихъ на произволъ этому созданію?

Онъ простоялъ въ своей комнатѣ, по крайней мѣрѣ, съ часъ, стараясь собраться съ духомъ, но все никакъ не могъ. Затѣмъ слабая надежда проснулась въ немъ. Джо говорилъ, что ихъ отецъ умеръ. Что если этотъ человѣкъ обманщикъ? Къ чему было Джо говорить, что онъ умеръ? Утопающій хватается за соломенку, и онъ рѣшилъ, что немедленно пойдетъ и посоветуется съ Джо. Умъ его былъ разстроенъ ужаснымъ отвращеніемъ, и онъ забылъ, что теперь уже около полуночи; схватилъ

пляпу и вышелъ изъ дому, чтобы идти въ Тоттенгэмъ. Онъ прошелъ по Флитъ-Стритъ, гдѣ еще было довольно много народу, въ особенности, запоздалыхъ журналистовъ, по Лютгэдъ-Гиль все еще оживленному, и вдоль Чипсайда, гдѣ потокъ жизни все еще катился, хотя уже и узкимъ ручейкомъ. Около банка толпились послѣдніе омнибусы, съ большимъ шумомъ и гвалтомъ. Но Корнгилль былъ тихъ. Когда Клодъ пришелъ въ Тоттенгэмъ и остановился у дома Джо, съ закрытыми ставнями, онъ тутъ только сообразилъ, что уже глубокая ночь на дворѣ, и что всѣ давно уже спятъ. Конечно, онъ могъ разбудить брата, но какъ объяснить онъ его женѣ и дѣтямъ такое необычное посѣщеніе? Онъ могъ бы уйти обратно домой, но тогда зачѣмъ же онъ приходилъ? Не лучше ли ему гдѣ-нибудь дожидаться утра? Онъ вспомнилъ, что въ Тоттенгэмѣ есть кладбище, и отправился туда. Долго сидѣлъ онъ на одной изъ плитъ, покрывавшихъ могилы; въ умѣ его проносились тысячи мыслей, пока онъ, наконецъ, не заснулъ.

Было около восьми часовъ, когда онъ проснулся, — слишкомъ поздно, чтобы идти къ брату, который уже навѣрное ушелъ изъ дому на работу. Клодъ рѣшилъ, что никому не скажетъ своей тайны; пусть она будетъ извѣстна только ему одному.

„Хорошо бы было немного почиститься, — подумалъ Клодъ, глядя на свое запыленное платье: — да недурно было бы почистить и сапоги. Пойду, увидаюсь съ матерью“.

Онъ нашелъ ее уже одѣтой и сидящей въ креслахъ, и, къ великому его удивленію, Валентина была у нея.

— Клодъ! — вскричала Валентина: — вы здѣсь, въ такой ранній часъ?

Клодъ поклонился и поцѣловалъ мать.

— Поцѣлуй его, Полли! — сказала старушка повелительнымъ тономъ, какимъ всегда говорила съ дочерью. — Неужели ты не можешь поцѣловать родного брата?

Валентина покраснѣла, но повиновалась, т.-е. вмѣсто щекъ, протянула ему руку, которую тотъ и поцѣловалъ.

— Но какимъ образомъ вы здѣсь, Валентина? — спросилъ онъ.

— Я провела всю ночь съ матерью; она вчера испугалась, и мнѣ не хотѣлось оставить ее одну.

— Полли, поди купи три яйца и кусочекъ сала, — твой братъ, вѣрно, голоденъ; вотъ тебѣ деньги, бѣги скорѣе.

Валентина разсмѣялась и побѣжала исполнить порученіе старушки.

— Чтò за чудесная дѣвушка, Клодъ! — сказала старушка: — въ

ней золотое сердце! Вчера я такъ испугалась, охъ, такъ испугалась!

— Чего же, матушка?

— Я слышала шаги, мой другъ, шаги мертваго человѣка, твоего отца! Я знаю, что это только сонъ, потому что Полли пришла минутой спустя и сказала, что она никого не видала. Но все же я такъ испугалась, что Полли осталась со мной на ночь.

— Въ какое это время было?

— Вечеромъ, около восьми часовъ.

— И вы потомъ ничего больше не слышали?

— Нѣтъ, ничего.

— Не думайте больше объ этомъ,—замѣтилъ Клодъ. Это, вѣрно, были шаги его отца. Но какимъ образомъ Валентина не видала его, и откуда онъ добылъ его адресъ?

Тутъ вернулась Валентина съ покупками.

— У васъ очень утомленный видъ, Клодъ,—замѣтила она:—синяки подъ глазами и очень утомленный видъ. Отчего это? Вы слишкомъ скоро шли или заработались?

— Я чувствую себя хорошо. Но мнѣ кажется, что и вы блѣдны, Валентина; не случилось ли чего-нибудь?

— Нѣтъ, что же могло случиться?—отвѣчала она уклончиво.

Они невольно наблюдали другъ за другомъ, и оба думали о страшной тайнѣ, которую они оба знали, но тщательно скрывали другъ отъ друга. Клодъ ѣлъ и пилъ, проголодавшись послѣ ночи, проведенной подъ открытымъ небомъ, и старался смѣяться и быть веселымъ. Но между нимъ и Валентиной стояло привидѣніе — каждый изъ нихъ видѣлъ его, хотя скрывалъ отъ другого — съ хитрыми глазами и наглымъ лицомъ, грозя превратить всю ихъ невинную радость въ горе, и гордость — въ стыдъ.

XIX.— ДАМА СЪ ЗОНТИКОМЪ.

Валентина сидѣла и ждала съ нетерпѣніемъ, что теперь предприметъ выпущенный изъ тюрьмы преступникъ. Онъ поступилъ совсѣмъ такъ, какъ слѣдовало ожидать потому что на слѣдующій же день Валентина получила отъ него письмо, адресованное въ богадельню и объявлявшее, что, по несчастной случайности, онъ потерялъ данный ему ею конвертъ, и теперь былъ безъ денегъ, но надѣется, что дочь выручитъ изъ бѣды огорченнаго отца. Она не отвѣчала на это письмо. Два дня спустя, пришло другое. Ему представляется великолѣпнѣйшая окказія,

писалъ онъ, приобрести за тридцать фунтовъ табачную лавочку. Требуется всего лишь тридцать фунтовъ стерлинговъ, чтобы онъ могъ начать честную и порядочную жизнь. Если она дастъ ему эти деньги, то онъ отказывается отъ еженедѣльной пенсiи. Валентина внимательно прочитала письмо. Человѣкъ, очевидно, испытывалъ ее. Разумѣется, нечего было и думать давать ему денегъ. Единственное средство справиться съ нимъ, — думала она, — это дать ему понять, что онъ ничего не получитъ, если не будетъ исполнять условiе. Она вознамѣрилась снова повидаться съ нимъ, хотя и не ждала отъ этого большого проку. Она написала ему о томъ, чтобы онъ пришелъ въ садъ позади церкви Святого Луки, въ субботу, въ двѣнадцать часовъ дня.

Мистеръ Керью аккуратно явился на свиданiе. Онъ пришелъ, однако, получасомъ ранѣе назначеннаго времени и въ сопровожденiи какой-то дѣвушки. Она была одѣта скромно и прилично. Лицо было закрыто густой вуалью, а въ рукахъ она держала зонтикъ, обшитый чернымъ кружевомъ — одинъ изъ тѣхъ инструментовъ, посредствомъ котораго дамы могутъ наблюдать за другими, не выставляя себя на показъ.

— Она еще не приходила, — сказалъ Керью, оглядываясь. — Ничего! Она сейчасъ придетъ. А ты садъ вотъ здѣсь и жди, пока она не уйдетъ. А тогда встань и иди за нею. Найди, гдѣ она живетъ, и приди мнѣ сказать.

— Хорошо, хорошо, дядюшка, — отвѣчала дѣвушка, ухмыляясь: — не въ первый разъ! И какъ это весело видѣть, какъ онъ идетъ, ни о чемъ не подозревая, а я-то, по другой сторонѣ улицы, сама по себѣ, и какъ будто мнѣ и дѣла нѣтъ, да такъ по пятамъ и доведу ихъ до дому, а на другой день кто-нибудь изъ насъ явится къ нимъ, и пойдетъ потѣха.

— Ну, тутъ совсѣмъ другое дѣло, — отвѣчалъ мистеръ Керью. — Это мое дѣло. Ты должна только узнать, гдѣ она живетъ, и больше ничего. За это ты и деньги получаешь.

— Согласна, дядя.

Эта дѣвушка, безъ сомнѣнiя, будетъ принята, со временемъ, на службу въ сыскное отдѣленiе; но пока, она была частнымъ повѣреннымъ небольшого, скромнаго синдиката, для котораго раскрывала всякаго рода тайны — различныхъ людей, домовъ, лавокъ, лавочниковъ, клерковъ, клерджименовъ, ихъ личныхъ дѣлъ и интересовъ, разныхъ клубовъ, спортсменскихъ, игорныхъ, и ихъ членовъ. Когда, послѣ безконечныхъ усилiй, лжи, выдумокъ, главнымъ образомъ, при содѣйствii этой умной молодой особы, компанiя завладѣвала чѣмъ-нибудь секретомъ, она то эксплуатировала

его для собственныхъ цѣлей; то продавала секретъ или молчаніе, иногда за весьма значительную сумму денегъ, и въ цѣломъ, если молодая особа была дѣятельна и ей везло, то зарабатывались большія деньги. Иногда же—случалось—попадали и въ тюрьму.

— Чтожь, дядя,—сказала дѣвушка:—вѣдь я разыскала тебѣ, гдѣ живутъ сыновья старухи?

— Развѣ я говорю, что ты не сыскала? Да вѣдь тебѣ за это хорошо и заплатили. А для меня изъ этого пока никакого толку не вышло.

Мистеръ Керью отошелъ отъ нея и сталъ ходить взадъ и впередъ по асфальтовому троттуару, время отъ времени взглядывая на полисмена такъ, какъ должна глядѣть куропатка, хотя бы и не въ охотничій сезонъ, на человѣка съ ружьемъ. Валентина скоро пришла. Мистеръ Керью по ея взгляду увидѣлъ, что ему будетъ съ ней не мало хлопотъ. Тѣмъ не менѣе, онъ протянулъ отеческую и примирительную руку.

— Вы писали мнѣ,—сказала она, сурово отказываясь пожать протянутую руку:—вы писали два письма ко мнѣ; въ одномъ вы наврали про совершенъ, который я вамъ дала, а въ другомъ — про табачную лавку.

— Ей Богу, не совралъ,—все святая истина. Чудеснѣйшій случай! другого такого не дожидаться! И лавка-то, представьте, рядомъ съ церковью. Какъ это удобно для спасенія души!

— Я говорила вамъ въ прошлый разъ и повторяю, что не дамъ вамъ болѣе одного фунта въ недѣлю, а если вы нарушите мои условія, то не получите ровно ничего. Поняли?

— Да чтожь, душа моя, я думалъ, что это одни разговоры. Мало ли что говорится! А какъ прижмешь человѣка, онъ и другое запоетъ.

— Ничего не получите! Вотъ все, что я могу вамъ сказать; а теперь уходите!

— Послушай-ка, моя милая,—началъ было онъ нахально, но выраженіе лица дѣвушки или близкое присутствіе полисмена повліяли такъ, что онъ договорилъ шопотомъ:

— Послушайте! вашъ отецъ—выпущенный изъ тюрьмы преступникъ, и ваше имя—вовсе не Монументъ, а Керью; вы—дочь преступника и вора, и стыдитесь этого. Вотъ что вы такое. Вы стыдитесь больше, чѣмъ на фунтъ въ недѣлю,—ну, и платите какъ слѣдуетъ.

— Вы ничего больше не получите.

— Мнѣ мало этихъ денегъ. Подавай сто фунтовъ!

— Вотъ какъ!

— Сто фунтовъ. Я готовъ взять эти деньги частью золотомъ, а частью билетами; половину сегодня, а другую—послѣ-завтра.

— Вы, значить, должны попросить ихъ у кого-нибудь другого.

— Я попрошу у жены. Пойду въ богадельню.

— Негодный трусъ! вы ничего не получите!

— Ну, такъ я попрошу у сыновей: сначала у одного, а потомъ и у другого. Я знаю, гдѣ они живутъ.

Валентина перемѣнилась въ лицѣ.

— Видите ли, моя красавица,—продолжалъ онъ съ насмѣшливой гримасой:—вашъ отецъ совсѣмъ не такъ глупъ, какъ вы думали.—Но дѣвушка уже оправилась.

— Дѣлайте, какъ хотите; я сказала все, что нужно.

— Я заставлю тебя дѣлать такъ, какъ я хочу! — отвѣчалъ онъ съ грубой бранью.—Подавай сто фунтовъ. Это мое первое и послѣднее слово. Я не прошу больше и не возьму меньше. Я вѣдь не спрашиваю, гдѣ ты берешь фунтъ стерлинговъ въ недѣлю; по всей вѣроятности, изъ хозяйскихъ денегъ или изъ кассы. На кой чортъ мнѣ знать, откуда ты ихъ берешь!

Она стояла со сложенными руками и равнодушнымъ видомъ, какъ будто не слышала того, что онъ говоритъ.

— Я могла бы сдѣлать для васъ только одно.

— Что такое?

— Я бы назначила вамъ извѣстную пенсію, съ тѣмъ, чтобы вы уѣхали за границу и нивогда не возвращались въ Англію.

— Какъ! оставить Лондонъ, когда я только-что сюда пріѣхалъ?

— Да, вы должны будете оставить Англію, но я назначу вамъ хорошую пенсію.

— Оставить Англію? въ мои годы? Ни за что!

— Вы слышали все, что я хотѣла вамъ сказать. Теперь ступайте! Оставьте меня здѣсь. Избавьте меня отъ вашего отвратительнаго присутствія.

Мистеръ Керью повиновался, но мысленно далъ себѣ клятву отомстить своей безчеловѣчной дочери. Къ тому же ему надо было открыть, гдѣ и чѣмъ она живетъ, и почему съ такимъ стараніемъ скрываетъ отъ братьевъ его появленіе.

Что касается Валентины, то ей хотѣлось сообщить полиціему, расхаживавшему по саду, нѣкоторыя новыя идеи объ уголовной системѣ. Она должна была бы заключать,—сказала бы она ему,—статью, опредѣляющую пожизненное тюремное заключеніе для

такого человека, какъ этотъ. Ему можно было бы разрѣшить нѣкоторыя удобства жизни, какъ табакъ, опредѣленную порцію воды и разрѣшеніе держать газъ зажженнымъ—ну, хоть, скажемъ, до десяти часовъ вечера. Но его не слѣдовало бы ни на одну минуту выпускать изъ тюрьмы. Мѣсто его заключенія можно было бы, пожалуй, и не называть тюрьмой, но убѣжищемъ для кающихся или что-нибудь въ этомъ родѣ, чтобы смягчить кающуюся жестокость приговора. Но она, однако, не сообщила этихъ идей полисмену, а вышла изъ сада и пошла домой. Дѣвушка съ зонтикомъ, обшитымъ чернымъ кружевомъ, тоже встала съ мѣста и пошла за ней. Полисменъ поглядѣлъ и замѣтилъ это обстоятельство. Сначала одна дѣвушка пришла въ садъ съ мужчиной, затѣмъ пришла другая дѣвушка. Человекъ поговорилъ съ этой дѣвушкой. Первая дѣвушка ждала. Затѣмъ вторая дѣвушка ушла одна. Первая дѣвушка послѣдовала за второй. Тутъ что-то кроется. Но онъ былъ дежурнымъ въ саду, и не могъ идти за ними и узнать, въ чемъ дѣло.

Слѣдить и наблюдать за Валентиной было очень легко, потому что она шла проворно, не глядя по сторонамъ, и была такъ углублена въ свои собственныя мысли, что женщина могла бы идти рядомъ съ нею, не возбуждая ея подозрѣнія. Она перешла черезъ Сити-Родъ и шла все прямо, до тѣхъ поръ, пока не пришла въ Гокстонъ-Стритъ, гдѣ повернула направо. Дѣвушка послѣдовала за нею. Валентина дошла до конца улицы и свернула въ грязный и узкій переулокъ. Дѣвушка остановилась у угла и наблюдала. Въ переулкѣ былъ трактиръ,—можетъ быть, она туда шла; но нѣтъ, она вошла въ домъ напротивъ трактира. Шпіонка стала въ углу, не спуская глазъ съ дома, и ждала въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ. Не могла же она тутъ жить; это нелѣпо. Молодые барышни не могутъ жить въ такомъ мѣстѣ. Однако, такъ какъ она не выходила изъ дому, то шпіонка вошла въ улицу, и, не видя, кого бы она могла разспросить, вошла въ трактиръ и велѣла подать себѣ закуску.

— Не живетъ ли здѣсь молодая дама?—спросила она лакея:— въ домѣ, въ томъ домѣ, напротивъ?

— Живетъ, — отвѣчалъ тотъ, — а что вамъ отъ нея нужно? Если что худое, то лучше уходите, по добру, по здорову!

— Худое? Что вы! Господи Боже! Я ее обожаю! Такая милая, добрая дама. А гдѣ она живетъ взаправду?

— Какъ гдѣ? Здѣсь.

— О! Значитъ ея мужъ здѣсь работаетъ?

— Какой мужъ? Она не замужемъ.

— О! Такъ чѣмъ же она живетъ?

— Подите и спросите у нея самой.

Дѣвушка поглядѣла на домъ. То былъ бѣдный, жалкій домикъ. Значить, она изъ бѣдныхъ. Чего же хочетъ отъ нея старикъ—ея новый пріятель—отъ этой молодой особы? Но это не ея дѣло. Конечно, чего-нибудь подлаго и низкаго, потому что, какъ она знала, всѣ ея товарищи подлы и низки. Она ушла и въ точности передала то, что видѣла.

Мистеръ Керью былъ чрезвычайно удивленъ такимъ неожиданнымъ открытіемъ. Его дочь, корчившая изъ себя такую важную птицу и разсуждавшая такъ, какъ еслибы у нея были тысячи въ карманѣ, носившая такіа перчатки и ботинки, какія носятъ только барыни, живетъ въ Гокстонъ-Стритѣ, въ самомъ низкомъ и бѣдномъ кварталѣ Лондона, въ такомъ кварталѣ, гдѣ бы ему было стыдно показаться. И она жила въ одной комнатѣ, въ такихъ перчаткахъ и въ такихъ ботинкахъ? Что бы все это значило?

— Какъ жаль, моя душа,—сказалъ онъ,—что ты не узнала, откуда она беретъ деньги, потому что деньги у нея есть.

— Еслибы вы мнѣ сказали, что это вамъ нужно, и зачѣмъ нужно, то я, можетъ быть, и разузнала бы. Но вы сказали только: „найди, гдѣ она живетъ“;—ну чтожъ, я и нашла, и трактирный слуга, который сказалъ мнѣ это, чуть не откусилъ мнѣ голову за то, что я это спросила.

Что же она такое?

— Я думаю, что она—изъ тѣхъ, которые раздаютъ библію и хотятъ сдѣлать всѣхъ людей добродѣтельными. Они на всякія штуки поднимаются, и дѣлаются такими же хитрыми, какъ мы съ вами. Ну, вотъ, я и думаю, что эта молодая барышня тоже въ этомъ родѣ, дяденька; а, вотъ, что вамъ отъ нея нужно,—это бы мнѣ хотѣлось знать.

Мистеръ Керью покачалъ головой. Онъ чувствовалъ самое искреннее отвращеніе ко всѣмъ формамъ религіи, добродѣтели и нравственности, и думалъ, что это передастся его потомству. Кромѣ того, чтобы заниматься такими дѣлами, женщина должна быть настоящей барышней, а его дочка Марья была просто-напросто—дочь прачки. Съ грустью должно сказать, что онъ вывелъ очень невыгодное для нея заключеніе, а именно, что она принадлежитъ къ тому же сорту людей, какъ и онъ самъ, и боится, чтобы ея предпріятію не помѣшало открытіе профессіи ея отца и его возвращеніе къ дѣятельности. —Но,—пробормоталъ онъ,—сто фунтовъ я изъ нея выпарапаю.

XX. — НѢЖНЫЙ РОДИТЕЛЬ.

Въ продолженіе двухъ недѣль, мистеръ Керью никому не надоедалъ изъ своихъ дѣтей, великодушно согласившись принимать двадцать шиллинговъ въ недѣлю отъ одного и тридцать шиллинговъ—отъ другого. Причина такого скромнаго поведенія заключалась въ томъ, что онъ еще не составилъ себѣ обширнаго круга знакомства, — для джентльмена его профессіи, щеголявшаго такимъ искусствомъ, трудно найти подходящее общество, — а потому онъ сидѣлъ одинъ и развлекался табакомъ, виномъ и книгами. Пятидесяти шиллинговъ въ недѣлю было достаточно для его простыхъ вкусовъ. Поэтому изъ чисто-дьявольской злости и съ прямымъ намѣреніемъ раздосадовать и пристыдить своего сына, Клода, пришелъ онъ вторично въ Тэмплъ. Дверь была заперта; тѣмъ не менѣе, мистеръ Керью отворилъ ее, помощью простого инструмента, который всегда носилъ съ собой. Когда Клодъ вернулся около полуночи, то услышалъ, идя по лѣстницѣ, что играютъ на скрипкѣ—и недурно. Услышать скрипку въ Кингс-Бенчъ-Уокъ довольно странно. Подойдя къ двери, онъ услышалъ, что на скрипкѣ играютъ въ его собственной квартирѣ, а открывъ дверь, увидѣлъ, что игралъ его отецъ. Онъ сидѣлъ на стулѣ; во рту у него была маленькая трубочка, а на столѣ стояла бутылка вина, полусусушенная, и стаканъ.

— Радъ видѣть меня, Клодъ?—спросилъ онъ, кивая головой и ухмыляясь. — Я такъ и думалъ, что ты будешь радъ, потому и пришелъ. Сюда вѣдь порядочный конецъ изъ Уайтъ-Чепелль. Я вѣдь сказалъ тебѣ, что буду иногда заходить. Тебя не было дома, — ну, вотъ, я и отперъ дверь. Отъ меня вѣдь дверей не стоитъ запираеть. Въ цѣлой странѣ не найдется замка, который бы я не сумѣлъ отпереть! Вотъ я и расположился, какъ видишь, со всѣми удобствами.

Клодъ вздохнулъ, точно застонать, а отецъ его, съ нескрываемой радостью, глядѣлъ на смущеніе сына, и продолжалъ разговоръ, который, въ сущности, былъ монологомъ. Долго болталъ онъ, пока Клодъ не сказалъ, наконецъ:

— Христа ради! уже за полночь: выпейте свое вино и уходите!

— Я уйду, когда мнѣ вздумается.

— Что же, вы ждете, чтобы я васъ выгналъ?

— А я все-таки не пойду. Вотъ тебѣ и весь разговоръ.

Онъ выпилъ еще стаканъ бургонскаго. Клодъ молчалъ.

— Я намѣренъ разыскать остальныхъ моихъ дѣтей и потребовать, чтобы они содержали отца.

— Въ такомъ случаѣ,—возражалъ Клодъ,—намъ остается только одно: эмигрировать. Сестры и я, мы уѣдемъ изъ Англіи, куда-нибудь подальше отъ васъ. Самъ и Джо останутся, чтобы оберегать отъ васъ матушку. Будьте увѣрены,—прибавилъ онъ мрачно,—что они встрѣтятъ васъ какъ слѣдуетъ, если вы вздумаете къ нимъ явиться.

— Они славные ребята,—сказалъ отецъ:—они не будутъ воротить отъ меня носа, словно какіе-нибудь джентльмены. Туда же, джентльмена корчить!

— Вотъ вы увидите, какіе они славные ребята: суньтесь только къ нимъ, и они васъ удивятъ своимъ хорошимъ обращеніемъ. Я отсюда вижу, какъ Самъ выпрыгнетъ васъ за дверь, если вы посмѣете его увѣрять, что вы—его отецъ, честный слесарь. Да и то, въ самомъ дѣлѣ, мы всѣ можемъ признать васъ за самозванца. Я жалѣю, что не сообразилъ этого раньше.

— Ну, полно, полно, Клодъ!

Однако это замѣчаніе, видимо, смутило его. Что, въ самомъ дѣлѣ, если его дѣти станутъ утверждать, что онъ—самозванецъ? Это можетъ быть для него довольно хлопотливо.

Эта страшная ночь прошла, наконецъ. Человѣкъ пилъ, курилъ и болталъ. Онъ болталъ скороговоркой, и ему было, по-видимому, все равно, слушаетъ его Клодъ или нѣтъ. Ему было достаточно, что онъ не спитъ. Онъ нарочно болталъ о такихъ вещахъ, о которыхъ сыну было особенно унижительно слышать: о своихъ преступленіяхъ, смѣлыхъ и удачныхъ; о перемѣнахъ своей профессіи, которыя неизмѣнно приводили его въ тюрьму; о своемъ последнемъ грабежѣ, во время котораго онъ укралъ великолѣпные брилліанты одной знатной дамы и благополучно скрылся бы съ ними, если бы не шельма-полисменъ, который случайно его задержалъ, и котораго онъ чуть было не убилъ въ последовавшей затѣмъ дракѣ; какъ его судили за грабежъ и насиліе и присудили къ двадцати-лѣтнему тюремному заключенію; о своей жизни въ тюрьмѣ и о томъ, какъ онъ водилъ за носъ доктора и священника, и т. п. Клодъ стоялъ все время у камина, ни слова не возражая. Человѣкъ болталъ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, во время которыхъ Клодъ терпѣлъ адскую пытку. Часы пробили четыре. Тогда Керью медленно всталъ. Вино, выпитое имъ, нисколько на него не повліяло. Онъ совсѣмъ не былъ пьянъ, и языкъ его нисколько не заплетался. Онъ глядѣлъ только злѣе,

точно, благодаря вину, отчетливѣе отпечатывалось на лицѣ его имя звѣря или звѣриное число.

— Я пойду спать, — сказалъ онъ. — Съ тобой необыкновенно весело, другъ мой Клодъ. Я, впрочемъ, знаю, что такъ будетъ. Я часто буду приходить къ тебѣ.

Дверь въ спальню была открыта. Онъ прошелъ туда, бросился на кровать, не раздѣваясь, и немедленно заснулъ. Клодъ съѣлъ со вздохомъ облегченія. Но онъ слишкомъ усталъ, чтобы чувствовать стыдъ или позоръ своего положенія, и заснулъ въ креслахъ. Когда онъ проснулся, было уже девять часовъ, и его хозяйка была въ комнатѣ. Онъ вспомнилъ о ночномъ гостѣ и поспѣшилъ въ спальню, но Керью уже ушелъ. Онъ унесъ съ собой и скрипку.

XXI.—Докторъ объясняется.

„Докторъ влюбленъ въ васъ“. Это свѣденіе сообщилъ Валентинъ не кто иной, какъ старый, оборванный джентльменъ нижняго этажа. Такого рода извѣстіе всегда заставляетъ дѣвушку задуматься. Оно дѣлаетъ также интереснымъ въ ея глазахъ то лицо, о которомъ ей это сообщаютъ. Оно становится болѣе достойнымъ уваженія въ ея глазахъ, а сама она дѣлается осторожнѣе и наблюдательнѣе.

Валентина замѣтила, во-первыхъ, что докторъ навѣщалъ больную Лотти съ аккуратностью, доходившей до усердія, но это еще, само по себѣ, не составляло симптома. Но онъ оставался гораздо долѣе, чѣмъ было нужно, и во время визита пользовался всякимъ случаемъ, чтобы поговорить съ ней. Опять-таки и это, само по себѣ, не было симптомомъ, потому что Валентина была единственная молодая барышня, живущая въ околотеѣ доктора, — въ сущности, единственная барышня, которую онъ встрѣчалъ въ жизни, и къ тому же привлекательная, такъ что мудренаго не было, что ему пріятно было съ ней разговаривать; симпатія еще не есть любовь. Но вотъ она замѣтила перемѣну въ его разговорѣ: онъ сталъ говорить о самомъ себѣ. А это уже, какъ всякій знаетъ — важный симптомъ; онъ говорилъ ей о своемъ положеніи, о своихъ надеждахъ, о своей прошлой жизни и о своихъ мнѣніяхъ. Будучи заинтересованъ ею, онъ желалъ, какъ это естественно, заинтересовать и ее собою. Это ему удалось, такъ какъ онъ былъ интересный человѣкъ. Мало-по-малу онъ сталъ жаловаться на свою судьбу.

— Помилуйте, — возражала она: — ваша жизнь — самая прекрасная, самая безкорыстная въ свѣтѣ!

— Неужели? Гм! — съ насмѣшкой ухмыльнулся онъ.

— Прекраснѣйшая и благороднѣйшая, — настаивала она. — Вы каждому другъ, вы всюду являетесь, принося съ собой здоровье и облегченіе.

— Ну, да, руки мои заняты, день-деньской, приготовленіемъ пилюль и капель, такъ что, съ этой стороны, вы, пожалуй, и правы: дѣла у меня много. Еслибы я не бросилъ отцовскую лавку, то долженъ бы былъ стоять съ аршиномъ за прилавкомъ. Дѣлать пилюли или отбѣривать каленкоръ — разница не особенно велика; но за каленкоръ платятъ деньги.

— Деньги! — Дѣвушка, у которой ихъ было такъ много, натурально питала къ нимъ величайшее презрѣніе. — Деньги! На что такому человѣку, какъ вы, деньги? Чтò бы вы дѣлали съ ними? деньги не могутъ двигать впередъ науку.

— Вы думаете, что безъ денегъ легче жить на свѣтѣ?

— Вы можете быть полезны людямъ и безъ денегъ.

— Ну, вотъ, опять вы объ этой пользѣ. Полезенъ другимъ! Я бы хотѣлъ быть полезнымъ и для самого себя. Я работаю вдвое больше чернорабочаго, а получаю — сколько и онъ. И гдѣ же я живу для науки?

— Ну, какъ же? Вы каждый день должны узнавать что-нибудь новое.

— О! узнавать дѣйствіе лекарствъ и симптомы болѣзни! Да, конечно, это лучше, чѣмъ стоять за прилавкомъ, съ аршиномъ и ножницами въ рукахъ; но я самъ хотѣлъ бы двигать науку, не свои собственныя знанія, но науку вообще. Я честолюбивъ; но женщины этого не понимаютъ.

— Нѣтъ, мы иногда это понимаемъ, — смиренно отвѣчала она.

У молодого доктора было, дѣйствительно, мало причинъ быть довольнымъ жизнью. Практика его была обширнѣе, нежели это было удобно, — и чѣмъ болѣе она расширялась, тѣмъ бѣднѣе становился онъ, чтò, по истинѣ, можно считать удивительнымъ результатомъ успѣха. Ему платили шиллингами и полукронами; онъ жилъ въ маленькомъ домикѣ со старухой-служанкой, которая ему плохо прислуживала. Онъ самъ дѣлалъ свои лекарства и рассылалъ ихъ съ мальчишкой, который служилъ ему помощникомъ. Онъ весь день ходилъ по улицамъ, а иногда и всю ночь; обѣдалъ и отдыхалъ гдѣ и какъ попало; ему некогда было читать, а жажда знанія была, дѣйствительно, въ немъ велика. Танталъ, полагаю, былъ молодымъ докторомъ въ бѣдномъ околоткѣ, страстно

желавшимъ досуга, чтобы заниматься научными изслѣдованіями. У него не было никакого общества, и единственный его пріятель былъ викарій св. Агаты, мистеръ Рандаль Смитъ, да и съ тѣмъ онъ ссорился, каждый разъ, какъ встрѣчался.

— Смитъ,—сказалъ онъ, разъ вечеромъ, когда урвалъ минуту, чтобы выкурить трубку и выпить стаканъ пива (само собою разумѣется, что мистеръ Смитъ не курилъ, и носилъ голубую ленточку „общества трезвости“ съ такою же гордостью, какъ еслибы то былъ орденъ „Подвязки“):—Смитъ, размышляли ли вы когда-нибудь серьезно о любви?

Блѣдное лицо мистера Рандала Смита покраснѣло.

— Мое дѣло,—гордо произнесъ онъ,—требуетъ безбрачія.

— Пожалуйста, не забирайтесь на ходули безъ всякой нужды. Мое дѣло тоже требуетъ безбрачія, потому что моихъ доходовъ едва хватаетъ одному. Но я говорю совсѣмъ не объ этомъ. Почему это человѣкъ не можетъ прожить, не влюбившись? Почему ему непременно надо увлечься женщиной? Она, по всей вѣроятности, ничего не знаетъ и нисколько не интересуется тѣмъ, что его интересуетъ; она, по всей вѣроятности, глупа, и онъ не можетъ быть такъ свободенъ, когда женится, какъ былъ холостымъ.

— Быть можетъ,—отвѣчалъ клерджименъ,—что у нея есть такія качества, которые его въ ней привлекають.

— Нельзя же влюбиться только въ хорошенькое личико, или, по крайней мѣрѣ, одинъ только дуракъ влюбляется за это, или же изъ-за тонкой таліи. Я—анатомъ, и знаю, что значитъ тонкая талія. Это, можетъ быть, очень красиво, но слишкомъ тонко для того дѣла, для котораго талія предназначается природой, а потому постоянно портится. Не можете же вы влюбиться въ тонкую талію.

— Нѣтъ,—мистеръ Рандаль Смитъ немедленно сообразилъ свое преимущество:—вы влюбляетесь въ душу.

— Ахъ! это вашъ департаментъ! Я никогда не видалъ души въ анатомическомъ театрѣ и никогда не слышалъ, чтобы это ее видѣлъ. Все, что я знаю, это—что не бываетъ болѣзней, произведенныхъ душою, такъ что она не можетъ составлять часть тѣла.

— Она и не составляетъ,—продолжалъ клерджименъ, пользуясь своимъ преимуществомъ:—потому-то вы въ нее и влюбляетесь.

Докторъ, наконецъ, высказался: это случилось въ началѣ октября, за недѣлю до отъѣзда Валентины.

— Вы черезъ недѣлю уѣзжаете?—спросилъ онъ.

— Да, на нѣкоторое время. Вы будете каждый день, безъ меня, навѣщать Лотти? Не правда ли?

— Я сдѣлаю все, что могу, для нея и для васъ. Прежде,

нежели вы уйдете—они сидѣли въ комнатѣ Валентины, но говорили совершенно свободно при Лотти, которая, повидимому, не обращала никакого вниманія на ихъ разговоры:—прежде нежели вы уйдете, я хочу, чтобы вы узнали,—хотя изъ этого ничего не выйдетъ, но просто только, чтобы вы это знали,—что здѣсь есть два человѣка, которые въ васъ влюблены.

— О! зачѣмъ вы это мнѣ говорите?—отвѣчала она, покраснѣвъ.

— Быть можетъ, это не особенно лестно, потому что люди эти живутъ въ Гокстонѣ, но, тѣмъ не менѣе, это фактъ.

— Оставьте, докторъ.

— Нѣтъ, я долженъ досказать. Одинъ изъ нихъ—Рандаъ Смитъ. Онъ признался въ этомъ прошлой ночью. Онъ говоритъ, что давно уже влюбленъ въ васъ. Конечно, такъ какъ онъ не можетъ смотрѣть на вещи прямо, то увѣряетъ, что полюбилъ васъ изъ благодарности за вашу доброту къ его мальчикамъ, за то, что вы имъ пѣли, и тому подобные пустяки! Но онъ объ этомъ вамъ не скажетъ, потому что онъ обрекъ себя на безбрачїе, въ интересахъ своей церкви. Ха! ха! ха! и потому, что вы не подчиняетесь дисциплинѣ,—такъ онъ называетъ исповѣдь, церковныя наказанія и тому подобное.

— Бѣдный мистеръ Смитъ! Я теперь буду о себѣ лучшаго мнѣнія, потому что еще не встрѣчала болѣе безкорыстнаго человѣка, чѣмъ онъ.

— Что касается другого человѣка, то, полагаю, вы угадаете, кто онъ.

Она встрѣтилась съ нимъ глазами, безъ всякаго смущенія и краски въ лицѣ.

— Вы говорите о самомъ себѣ?

— Да. Я не понимаю, почему это случилось, но это такъ.

— Вѣроятно, это—результатъ общаго искаженія и нереальности жизни,—объяснила Валентина.

— Нѣтъ, это такъ же реально, какъ невралгія, и такъ же трудно излечимо. Я не знаю, кто вы, но я знаю, что вы. Смитъ не ждетъ отъ васъ никакого отвѣта. Но я желалъ бы знать, что вы мнѣ отвѣтите?

— Только то, что женщина должна гордиться тѣмъ, что два такихъ человѣка симпатизируютъ ей. Сохраните ли вы мнѣ всегда вашу симпатію?

Она протянула ему руку, но онъ ея не взялъ.

— Я говорилъ про любовь, а не про симпатію,—мрачно отвѣчалъ онъ.—Ну, чтожъ? вы сказали именно то, что я ожидалъ, что вы скажете; но только вы это выразили мягче, нежели

я ожидаѣ... или заслуживалъ. Хотя я знаю, — когда мужчина влюбленъ въ женщину, то онъ не можетъ ей этого не сказать, еслибы она даже была принцесса королевскаго дома. Но—довольно объ этомъ.

Онъ всталъ, подошелъ къ кровати и наклонился надъ Лотти.

— Вы сегодня чувствуете себя получше? Хорошо спали? Отлично. Не говорите много. Позовите Меленду, и пусть она съ вами разговариваетъ, а сами не разговаривайте. Лежите смирно; скоро вамъ будетъ хорошо, совсѣмъ хорошо.

— Валентина!—прошептала Лотти, когда ушелъ докторъ:— вы уѣзжаете черезъ нѣсколько дней? Я слышала то, что вы говорили.

— Да, милочка, только на день или на два. Я скоро вернусь. Не бойтесь.

— Докторъ любитъ васъ. Всѣ васъ любятъ, кромѣ Меленды. А мнѣ скоро будетъ совсѣмъ хорошо. О! я знаю теперь, что онъ этимъ хочетъ сказать! Я теперь понимаю все, гораздо лучше, чѣмъ когда вы пріѣхали. Ахъ, еслибы я еще разъ могла увидѣть Тилли, прежде чѣмъ мнѣ будетъ совсѣмъ хорошо.

— Лотти, Лотти, мое бѣдное дитя!

— Не плачьте, Валентина. Быть можетъ, Меленда смягчится... когда мнѣ будетъ совсѣмъ хорошо и я усну, потому что мы были съ ней такими друзьями. А вы были такъ добры ко мнѣ. Вы будете терпѣливы съ Мелендой, не правда ли?

XXII.—О томъ, какъ Меленду муштровали.

Меленда, отнеся оконченную работу въ магазинъ, обыкновенно возвращалась оттуда съ деньгами и новой работой; если послѣдней было довольно и если ей везло счастье, то она приходила домой не позже двѣнадцати или часа пополудни. Но въ одинъ прекрасный день, въ концѣ сентября мѣсяца, она вернулась только въ семь часовъ вечера, и пришла въ комнату Валентины съ пустыми руками.

— Они муштровали меня,—сказала она, съ трудомъ переводя духъ.— Они весь день муштровали меня.

— О, Меленда! — прошептала Лотти.

Сегодня Лотти чувствовала себя дурно и могла говорить только шопотомъ.

— О, Меленда!

— Еще хорошо, что кончили. Не говори этого Лиззи, по-

тому что все это изъ-за нея. Она стала ужасно небрежна въ послѣднее время.

— Что значить муштровать?—спросила Валентина Меленду:—вы страшно блѣдны.

Меленда была мужественная дѣвушка и сильная, но дневной трудъ, каковъ бы онъ ни былъ, очевидно, измучилъ ее. Она тяжело опустилась на стулъ и кинула свою шляпу на полъ. Щеки ея были блѣдны, но глаза красны и сердиты.

— Я устала, вотъ и все. И вы бы устали на моемъ мѣстѣ. И притомъ, я проголодалась... Нѣтъ, я ничего не возьму изъ вашего буфета. Въ моей комнатѣ есть холодный чай и хлѣбъ съ масломъ.

Валентина принесла ей чай и хлѣбъ съ масломъ. Впервые Меленда принимала отъ нея услугу. Но, принимая пищу изъ рукъ Валентины, она сохраняла свою независимость тѣмъ, что это были ея собственные хлѣбъ и масло.

— Что такое муштровать?—опять спросила Валентина.

— Въ послѣдній разъ, какъ они ее муштровали,—прошептала Лотти,—она тотчасъ лишилась чувствъ, какъ пришла домой, и мы съ трудомъ привели ее въ себя. Пожалуйста, милая Меленда, не падай въ обморокъ!

— Не упаду; мнѣ теперь лучше. Не говорите только Лиззи, что это изъ-за ея работы.

— Но что значить муштровать? — спросила Валентина въ третій разъ.

— Я пошла туда,—продолжала Меленда, съ жадностью жуя хлѣбъ съ масломъ,—въ половинѣ десятого утра. Я думала, что приду во-время. И пришла... Приказчикъ, сегодня, былъ тотъ жирный, съ усами... взялъ мою работу и понесъ. Потомъ зоветъ меня и говорить: „станьте тутъ,—говорить:—они сейчасъ выпллютъ вамъ деньги за работу“. А самъ ухмыляется, и другія дѣвушки, которыя стояли въ магазинѣ, ожидая очереди, переглянулись между собой и шепчутъ мнѣ: „Ахъ, вы, бѣдняжка! онъ будетъ муштровать васъ“. Конечно, я это и сама знала, и такъ оно и было.

— О!..

— Муштровали васъ? — спросила Валентина въ четвертый разъ.

— Теперь мнѣ лучше, — продолжала Меленда, оканчивая свой хлѣбъ съ масломъ:—но когда я возвращалась домой, Лотти, я думала, что упаду!

— Но что же они съ вами дѣлаютъ?

— Они ничего не дѣлають. Они только велятъ вамъ стоять и ждать, и держать такъ безъ конца. Если вы уйдете, то они вамъ говорятъ, когда вы вернетесь назадъ, что работа была, но отдана другой дѣвушкѣ. Вы должны дожидаться, и денегъ, и новой работы, столько, сколько имъ вздумается. Иногда они муштруютъ женщину въ продолженіе пяти или шести дней, а у нея дома ребятишки кричатъ съ голода. Да какое имъ до этого дѣло!

— О! но это невозможно! неужели они продержали васъ стоя весь день? Вы простояли весь день на ногахъ? И безъ пищи?

— А вы какъ бы думали? — сказала Меленда. — Конечно, и не обѣдала, и чая не пила.

— Меленда, — сказала Валентина: — это-нибудь долженъ былъ бы за васъ заступиться. О! вѣдь это стыдъ, вѣдь это ужасъ, что такое!

— Не хочу, чтобы кто-нибудь за меня вступался! — яростно закричала Меленда: — говорю вамъ, что не хочу и не хочу! Я всегда была независима и всегда буду.

Этой фразой утѣшала она себя, и хотя это была только фраза, но она производила свое дѣйствіе.

— Независима!.. О, Меленда, какая же это независимость!

На другое утро, Меленда опять пошла за деньгами и за работой. Опять приказчикъ приказалъ ей стоять и ждать. Ее промуштровали и второй день — наказаніе, показывающее, какъ велика была ея вина.

Меленда повиновалась съ гнѣвнымъ румянцемъ на щекахъ.

Нѣкоторые изъ женщинъ, стоящихъ въ магазинѣ, шептали ей, что это безсовѣстно и безбожно. Это все, что могли сдѣлать женщины. „Это безсовѣстно и безбожно“, — шептали онѣ такъ тихо, чтобы конторщики не слышали. Вся исторія женщины заключается и выражается въ этихъ четырехъ краткихъ словахъ: „это безсовѣстно и безбожно“.

На третій день, она опять пошла, и ей опять было приказано стоять и ждать. Она повиновалась и поворно приготовилась къ трехъ-дневной пыткѣ.

Быть можетъ, даже и на этомъ дѣло не покончилось бы, еслибы въ дѣло не вмѣшалось постороннее лицо. Валентина была такимъ лицомъ. Когда она увидѣла, что Меленда и на третій день не вернулась въ полдень, она объявила, что долге этого терпѣть нельзя.

Было около часа по-полудни. Меленда стояла одинокая, въ углу комнаты, поодаль отъ народа, входившаго и выходившаго

изъ магазина. Теперь она уже ничего не ждала, кромѣ того, чтобы поскорѣе наступило семь часовъ. Ждать ей приходилось еще шесть часовъ, и она потихоньку переминалась съ ноги на ногу, чтобы облегчить боль, испытываемую ею въ ногахъ. Когда она увидѣла входившую Валентину, то переимѣнилась въ лицѣ, и ей стало стыдно. „Въ самомъ дѣлѣ, — подумала она, — какъ я независима! есть чѣмъ гордиться!“ Валентина оглядѣлась кругомъ, увидѣла Меленду въ углу и затѣмъ обратилась къ человѣку за прилавкомъ. То былъ какъ разъ тотъ самый жирный приказчикъ, о которомъ говорила Меленда.

— Скажите, пожалуйста, — спросила Валентина: — это по вашему приказу здѣсь пытаются дѣвушекъ?

— Я не понимаю, что вы хотите сказать, — отвѣчалъ онъ.

— Это по вашему приказу муштрують дѣвушекъ, какъ вы это называете.

— Нѣтъ, не по моему. Приказы приходятъ сверху.

— Укажите мнѣ, пожалуйста, гдѣ я могу найти главнаго представителя этой фирмы?

— О, полноте! — засмѣялся клеркъ. — Что вы это выдумали? Неужели вы воображаете, что онъ станетъ беспокоиться изъ-за какой-то работницы?

— Проведите меня, пожалуйста, къ нему.

— Ну, нѣтъ, извините. Это будетъ стоить дороже, чѣмъ мое мѣсто.

— Ну, такъ скажите мнѣ его имя.

— О! это съ удовольствіемъ. Вы можете прочитать его имя на мѣдной доскѣ, прибитой на двери.

Онъ смутно видѣлъ сѣвось туманъ обыденной рутины, отъ которой можетъ поглупѣть и болѣе умный человѣкъ, что съ нимъ разговариваетъ не простая дѣвушка, а дѣвица, и что дѣло, пожалуй, не обойдется безъ исторіи.

Исторія и поднялась, только не очень большая, потому что, въ самомъ дѣлѣ, нельзя же ожидать, чтобы старшій представитель такой крупной фирмы особенно обезпечился изъ-за какой-то ничтожной работницы. Черезъ десять минутъ Валентина появилась въ сопровожденіи престарѣлаго джентльмена добродушнаго вида.

— Поглядите сами, — сказала она съ негодованіемъ: — вы не можете отклонять отвѣтственности за отвратительныя жестокости, совершаемыя отъ вашего имени.

— Жестокости! что вы говорите, моя дорогая леди? Жестокости — въ моемъ домѣ? Это нелѣпно! посмотримъ, что за жестокости такія.

Онъ взглянулъ на ея карточку: „Миссъ Валентина Эльдриджъ“.

— Я дочь лэди Мильдредъ Эльдриджъ,—сказала она, инстинктивно затрогивая слабую струну.—А теперь, сэръ, сдѣлайте одолженіе, скажите, съ вашего ли согласія или по вашему приказу заставляютъ вотъ эту дѣвушку стоять вдѣсь цѣлыхъ три дня сряду, съ половины десятого утра до семи часовъ вечера—приблизительно около десяти часовъ въ сутки—не позволяя ей ни уйти, ни сѣсть въ продолженіе этого времени? Стоять весь день не ѣвши, съ девяти часовъ до семи! Чтѣ бы вы сказали, если бы такъ поступили съ вашей родной дочерью?

— Но, въ самомъ дѣлѣ, это нѣсколько...

— Цѣлыхъ три дня!..—Валентина была въ такомъ негодованіи, что наговорила болѣе, чѣмъ слѣдуетъ.—Понимаете ли вы, чтѣ значитъ стоять десять часовъ сряду на мѣстѣ? Понимаете ли вы, каково пробыть не ѣвши цѣлый день? Извѣстно ли вамъ, что все это время ей не выдавали заработанныхъ денегъ? Вы, полагаю, имѣете право давать ей нищенскую плату и надирать ее тяжкимъ трудомъ, но имѣете ли вы право пытаться ее?

— Одну минуту, миссъ Эльдриджъ.

Онъ позвалъ привазища и вышелъ съ нимъ изъ магазина.

— Мнѣ говорятъ,—сказалъ онъ, возвращаясь,—что этой дѣвушкѣ вовсе не приказывали стоять, а только подождать; что никто ей не мѣшалъ сѣсть или идти домой обѣдать, еслибы она захотѣла; работы же не выдавали ей три дня въ видѣ слабого, очень слабого наказанія за преступную небрежность. Надѣюсь, что при такихъ обстоятельствахъ вы возьмете назадъ ваши рѣзкія выраженія.

Онъ говорилъ съ большимъ достоинствомъ, но щеки его были красны.

— Не возьму. Все это—пустыя отговорки! Неправда, что дѣвушка могла сѣсть или уйти; ее намѣренно пытали. У васъ въ обычаѣ пытаться бѣдныхъ, беззащитныхъ женщинъ, которые на васъ работаютъ.

— Во всякомъ случаѣ, этого больше не случится съ этой дѣвушкой. Мы выдадимъ ей заработанные ею деньги, и пусть она идетъ на всѣ четыре стороны. Мы вычеркнемъ ея имя изъ нашихъ списковъ. Такъ какъ дисциплину называютъ жестокостью, а доброту пыткой, то лучше будетъ, если вы, миссъ Эльдриджъ, помѣстите вашу протекѣ куда-нибудь на другое мѣсто. Я, къ сожалѣнію, больше не могу быть ей полезенъ.

Трудно себѣ представить, какъ величественно онъ высказалъ

все это; затѣмъ снялъ шляпу и ушелъ. Его уже и слѣдъ простылъ, когда Валентина нашла ему отвѣтъ, но далеко не такой величественный.

— Ну, вотъ, вы теперь и безъ работы, — сказалъ приказчикъ. — Подумать, сколько шума изъ-за пустяковъ!

— Надѣюсь, что вы поставите стулъ для той дѣвушки, которую, въ слѣдующій разъ, вздумаете муштровать? — спросила Валентина.

— Что же, миссъ, — сказалъ онъ, припоминая слова своего принципала: — я велѣлъ ей ждать, но не приказывалъ стоять! Развѣ моя вина, что тутъ нѣтъ стула?

— Насъ всегда заставляютъ стоять, — замѣтила Меленда: — ну, да не бѣда, найду другое мѣсто.

Онѣ ушли; Валентина чувствовала себя, однако, виноватой. Она пришла въ ярость при человѣкѣ, извѣстномъ всему Лондону своей благотворительностью. Она напугала его, и, должно быть, онъ чувствовалъ себя не совсѣмъ ловко, не смотря на свой величественный видъ, потому что вечеромъ, за большимъ обѣдомъ, много толковалъ о женской заработной платѣ. И онъ, и собесѣдники его, разумѣется, соглашались, что эта плата регулируется, во-первыхъ, положеніемъ рабочаго рынка и, во-вторыхъ, производительными силами. Всѣ болѣе или менѣе соглашались въ томъ, что желательно увеличить заработную плату женщинъ и дѣвушекъ, не нарушая законовъ политической экономіи. Онъ не разсказалъ исторіи про муштровку, потому что въ ней были не совсѣмъ пріятныя для него стороны. У него не выходило изъ головы блѣдное лицо и дрожащія руки дѣвушки, которую онъ муштровалъ. Оттого онъ и чувствовалъ себя не совсѣмъ ловко; кромѣ того, онъ боялся, чтобы исторія не проникла въ газеты.

— По вашей милости, я осталась безъ работы, Валентина, — сказала Меленда, но безъ досады: — не бѣда; вы ему славно намылили голову. Ему это не понравилось, хотя онъ и храбрился. Теперь уже вѣрно мѣсяцъ или два не будутъ муштровать дѣвушекъ.

XXIII.—МЕЛЕНДА ПОВЕЖДЕНА.

Итакъ, благодаря доброжелательному, но не совсѣмъ, быть можетъ, благоразумному вмѣшательству Валентины, дѣвушки остались безъ работы. Лиззи, предоставивъ заботу о будущемъ Мелендѣ, слонялась по улицѣ, аккуратно появляясь въ обѣденное

время въ комнатѣ Валентины; если она любила что-нибудь, такъ это праздность, и такъ какъ теперь могла быть сытой, и не работая, то и довольствовалась настоящимъ, и не особенно стремилась снова обметывать петли. Меленда искала работы и, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, не находила ея.

— У Меленды совсѣмъ нѣтъ больше денегъ,—сказала Лиззи, послѣ четырехъ-или пяти-дневныхъ поисковъ:—вчера у нея оставалось только два пенса, сегодня же нѣтъ ничего,—и ни кусочка хлѣба.

Она высказала это такъ, какъ бы не придавала этому ровно никакого значенія. Въ низменныхъ слояхъ общества безденежье и безработица—не такое необыкновенное дѣло, чтобы возбуждать удивленіе или сожалѣніе; кромѣ того, онѣ и раньше бывали безъ денегъ, и всегда какъ-нибудь выпутывались. Валентина побѣжала въ комнату Меленды. Дѣвушка сидѣла у стола, на которомъ не было никакой работы. Глаза ея были мрачны и стали еще мрачнѣе, когда она увидѣла Валентину.

— Что вамъ здѣсь нужно?—спросила она.—Я васъ не просила о помощи и не попрошу. Я лучше умру съ голода.

— О, Меленда, вы уже и безъ того голодаете! Милая моя, если вы не хотите одолжаться, то возьмите у меня денегъ въ займы.

— Нѣтъ, ничего не хочу брать отъ васъ.

— Вы уже много взяли отъ меня. Возьмите и еще немножко.

— Что такое я отъ васъ взяла?

— Вы взяли для своихъ друзей то, что не хотѣли взять для себя.

— Лиззи можетъ дѣлать что хочетъ; что касается Лотти...—тутъ голосъ ея прервался, и слезы навернулись на глаза.

— Ахъ, Меленда, не омрачайте послѣднихъ дней Лотти, не отравляйте ей смерть своею жестокостью!

— Ея послѣднихъ дней?—Меленда вскочила съ мѣста.—Что такое вы говорите?

— Я говорю, что она умираетъ. Она проживетъ три недѣли, можетъ быть, три мѣсяца, но все же она умираетъ! Ничто не можетъ ее спасти.

— Лотти умираетъ! Лотти умираетъ!—и Меленда въ отчаяніи опустилась на стулъ. Она, конечно, знала, что Лотти не выздоровѣетъ больше. Но все же не ожидала, что развязка такъ близка.

— Она скоро уйдетъ отъ насъ, моя душа, но пока она еще жива,—Меленда, сестра моя, помирись со мной, сдѣлай это ради нея! Она еще сегодня утромъ говорила: „еслибы только

Меленда смягчилась!“ Докторъ сказалъ ей, что она умретъ, и она нисколько не боится, бѣдняжка, но она безпокоится изъ-за тебя. Смири свое строптивое и гордое сердце, Меленда, и повѣрь, что я люблю тебя!

Слезы текли изъ глазъ Меленды.

— О! въ чему все это?—вскричала она:—въ чему все это?—Лотти умираетъ, и я останусь совсѣмъ одна! Вы — барышня; я вовсе не вѣрю, что вы—моя сестра, Полли. Самъ говорить, что Полли—та, другая, потому что она похожа на дочку Джо, Роду. Да и какъ можете вы меня любить, если вы даже и Полли? Посмотрите на ваше платье и на мое.

— Мое платье! Какое дѣло до платья! Развѣ вы думаете, что я цѣлыхъ три мѣсяца, видя, какъ вы мужественны, преданы Лотти и добры съ Лиззи, не научилась любить и уважать васъ?

— О! что изъ этого!—вскричала дѣвушка: —я всегда сердита и не въ духѣ, даже съ Лотти.

Она отняла руку, которую держала Валентина, и провела ею по мокрымъ глазамъ.

— Возьмите меня въ друзья!—сказала Валентина и, обнявъ руками шею бѣдной Меленды, поцѣловала ее разъ десять кряду.

— Я говорила, когда я пріѣхала, что, быть можетъ, я ваша сестра Полли, но, можетъ быть, и нѣтъ; но что за дѣло! будемъ сестрами. Хотите? Хотите?

— Если... если вамъ угодно,—отвѣчала Меленда съ такими рыданіями и слезами, какія приличествуютъ побѣжденному.

— Если такъ, душа моя, сестры должны дѣлать удобное другъ другу; я буду угождать вамъ, а вы—мнѣ. И прежде всего я васъ переодѣну.

Меленда была побѣждена. Валентина побѣжала въ свою комнату и вернулась съ цѣлымъ узломъ вещей.

Она заставила Меленду переодѣться и надѣть все новое и сама причесала ей волосы. Съ истинно-художественнымъ чутьемъ Валентина зачесала назадъ безобразную бахрому, заплела въ косу густые рыжіе волосы Меленды и уложила ихъ короной на головѣ. Эффектъ былъ поразительный. Во-первыхъ, открылся широкій, бѣлый лобъ и выиграли глаза Меленды, большіе, ясные глаза, съ открытымъ, твердымъ взглядомъ. Впервые лицо ея стало таковымъ, какимъ предназначила ему быть природа: некрасивымъ, но умнымъ и выразительнымъ. Въ сѣромъ платьѣ, которое подарила ей Валентина, съ бѣлыми маншетами, никто бы не узналъ прежней оборванной дѣвушки.

— Что касается работы,—сказала ей Валентина,—то это мое

дѣло. Мы составимъ кооперативное общество, и вы будете въ немъ председательницей.

Мелендѣ нелегко было понять, что значить кооперативное общество и какая можетъ быть отъ него польза для рабочихъ дѣвушекъ, но она принимала на вѣру всѣ слова Валентины, и, разъ уступивъ, превратилась въ ея слѣплого приверженца и согласна была дѣлать все, чего ни потребуетъ Валентина.

XXIV.—Лиззи искушаютъ.

Въ то время, какъ происходило все вышеописанное, Лиззи, незамѣтно для другихъ, вышла на улицу, чувствуя себя обиженной и заброшенной. Для такихъ дѣвушекъ, которыя вполнѣ сознають свою бѣдность и личное ничтожество, нѣтъ большаго счастья какъ „вниманіе“ къ ихъ особѣ, и нѣтъ большей обиды, какъ пренебреженіе. Она ревновала; она обѣдала у Валентины въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, и безъ всякой гордости принимала ея подарки, и между тѣмъ никто съ ней не носился. А стоило Мелендѣ только сдаться, какъ поднялась такая радость, какъ о раскаявшемся грѣшникѣ. Меленду ласкали и цѣловали, а на нее не обращали никакого вниманія. Кромѣ того, Меленда не будетъ уже больше рабочей дѣвушкой—это ясно; никакая рабочая дѣвушка не можетъ быть такъ одѣта, какъ она. Валентина—ея сестра, и Валентина уѣзжаетъ, и, конечно, Меленда уѣдетъ вмѣстѣ съ ней, а Лотти умираетъ. Что же будетъ съ нею? Кто найдетъ ей работу, которую до сихъ поръ всегда находила ей Меленда? Какъ она будетъ жить? У нея въ мірѣ не было друзей, кромѣ этихъ двухъ дѣвушекъ. Въ послѣднее время, нанелся, правда, человѣкъ, называвшій себя ея другомъ. Въ карманѣ у нея лежало письмо отъ него,—не первое, далеко уже не первое, и которое она уже успѣла разъ десять перечитать. То было любовное письмо. Человѣкъ, который его писалъ, снова и снова говорилъ, что любить ее, и думаетъ о ней день и ночь. Теперь она рѣшилась согласиться на его предложеніе. Она купила за пенни листъ почтовой бумаги и конвертъ, а лавочница была такъ добра, что позволила ей написать за своей собственной конторкой и своимъ собственнымъ перомъ.

„Лотти,—писала она,—умираетъ. Меленда скоро уѣдетъ. У нея новое платье и новая прическа. А я останусь совсѣмъ одна. Я не могу быть одна. Поэтому отправлюсь съ вами завтра. Напишите, гдѣ мнѣ васъ встрѣтить. Ваша пріятельница — Лиззи“.

Она надписала адресъ и отправила письмо по почтѣ, истра-

тивъ на это послѣднее оставшееся у нея пенни. Было около двухъ часовъ пополудни. Онъ получить это письмо черезъ два или три часа. Отвѣтъ она получить на слѣдующее утро. Теперь, когда дѣло было сдѣлано, она чувствовала большое волненіе. Ей было страшно идти домой. Подобно Евѣ, ей хотѣлось спрятаться. У нея не было больше денегъ, и она была страшно голодна, но идти домой все-таки боялась. Ей казалось, что у нея по глазамъ узнаютъ то, что она сдѣлала. Онѣ прочитаютъ это на ея лицѣ, которое горѣло. А если онѣ догадаются, — что она имъ скажетъ?

Было уже очень поздно, около одиннадцати часовъ вечера, когда она рѣшилась вернуться домой. У отца ея горѣла свѣча; она растворила дверь и вошла въ его комнату. Онъ сидѣлъ на стулѣ, неподвижный и задумчивый, какъ это было съ нимъ каждый вечеръ.

— Не могу ли я чѣмъ-нибудь услужить вамъ, папѣ? — спросила она. Въ послѣдній разъ приходится ей услуживать ему!

— Это ты, Лиззи? — спросилъ онъ, встряхивая головой, какъ человѣкъ, приходящій въ себя. — Нѣтъ, душа моя, благодарю тебя. Въ чему тебѣ услуживать мнѣ? Я ничего не могу сдѣлать для тебя, ни теперь, ни послѣ. Тебѣ бы надо другого отца, который могъ бы что-нибудь сдѣлать для тебя.

— Что же дѣлать? — не ваша вина, что вы такъ страшно бѣдны.

— Я полагаю, что моя вина, что у меня есть дочь, которой приходится дѣлать мою бѣдность. Но не бѣда. У тебя есть теперь новый другъ.

— Если вы разумѣете Валентину, то ошибаетесь. Она уѣзжаетъ и увозитъ съ собой Меленду. А Лотти умираетъ.

— Если она и уѣдетъ, то скоро вернется назадъ. Она заходила ко мнѣ сегодня вечеромъ. Твоя судьба обезпечена, Лиззи.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Ступай навѣрхъ, дитя мое; она сама тебѣ скажетъ.

Лиззи колебалась. Она въ послѣдній разъ видѣла своего отца. Ей было жаль его, жаль слабого, сѣдого старика въ безвыходной нищетѣ. Она съ минуту медлила. Жестово было бросать его, но она ничего не могла сдѣлать для него, ни онъ для нея. Она затворила дверь и пошла навѣрхъ. Меленда сидѣла въ своей комнатѣ. Великій Боже! что случилось? Она читала книгу, быть можетъ, не безъ хвастовства; но вѣдь это случилось въ первый разъ въ продолженіе восьми лѣтъ, и Меленда чувствовала, что это придаетъ ей нѣкоторую важность; она читала книгу при

свѣтъ лампы съ хорошенькимъ абажуромъ, а на окнахъ повѣшены были бѣлыя занавѣси, на полу лежалъ новый коверъ и стояла новая постель. Лиззи ахнула.

— Меленда, чтѣ все это значить?

— Лиззи — начала Меленда, которая вовсе не была такая дѣвушка, чтобы быть пассивно-добродѣтельной, — напротивъ того, она становилась горячимъ миссіонеромъ тѣхъ идей, которыми увлекалась: — Лиззи, пора тебѣ отучиться шататься по улицамъ до полуночи. Это неприлично.

— Чтожъ, Меленда, ты сама еще вчера гуляла по улицамъ. Что такое случилось? Мы съ тобой, кажется, порядочныя дѣвушки, хотя ты и зачесала назадъ свою бахрому. Откуда такая перемѣна въ комнатѣ?

— Она намъ подарила всѣ эти вещи, — тебѣ и мнѣ.

— Тебѣ и мнѣ? Развѣ она не уѣзжаетъ?

— Нѣтъ, она уѣзжаетъ черезъ два или три дня.

— А ты развѣ не уѣзжаешь съ ней?

— И не думаю. Я останусь съ тобой и буду ходить за Лотти. Докторъ говоритъ, что, какъ только будетъ возможно, ее слѣдуетъ перевезти на островъ Уайтъ, и тогда, быть можетъ, она проживетъ всю зиму, при хорошемъ уходѣ. Мы съ тобою будемъ за нею ухаживать.

— А откуда мы возьмемъ деньги и работу?

— Она даетъ намъ и деньги, и работу. О! Лиззи, какая я была дура! Она такъ заботится о насъ. Она — самая добрая дѣвушка въ мірѣ. Самъ говорить, что не она — Полли, а та, другая, которая плакала, потому что она похожа на Роду. Но мнѣ все равно, потому что я люблю эту, а до той мнѣ дѣла нѣтъ.

— Да, хорошо тебѣ, но обо мнѣ она не думаетъ!

— Нѣтъ, думаетъ, столько же о тебѣ, сколько и обо мнѣ. Не будь завистлива, Лиззи! Будемъ счастливы, пока можно, и не будемъ злиться. Я знаю, что у меня скверный характеръ, но вѣдь мы вѣчно голодали, и Лотти такъ больна! Бѣдная Лотти!

Меленда умокла и вытерла слезы на глазахъ.

— Она купила тебѣ новое платье, Лиззи, и все утро говорила о тебѣ. Неужели ты думала, Лиззи, что мы уѣдемъ и бросимъ тебя? Какъ тебѣ не стыдно! Я бы о тебѣ никогда такъ дурно не подумала. Ты знаешь, что она вернется назадъ и будетъ жить здѣсь, и у насъ будетъ общее дѣло. Я, собственно говоря, хорошенько не понимаю, какъ это сдѣлается, но мы будемъ, какъ мужчины, работать на артельныхъ основаніяхъ.

Лиззи ничего не отвѣчала и легла спать. Но оттого ли, что

кровать была новая, или оттого, что она была голодна, или оттого, что она ошибалась, думая, что про нее позабыли,—но только она не спала всю ночь, и если ей случалось на минутку забыться сномъ, ей тотчасъ же снилось, что Меленда бѣжитъ за нею съ палкой въ рукахъ и съ яростнымъ лицомъ, между тѣмъ какъ Лотти рыдаетъ, а Валентина съ презрѣніемъ указываетъ на нее пальцемъ жителямъ Иви-Лэна.

XXV.—Уличныя

На другое утро, когда Валентина заговорила съ Лиззи о своихъ планахъ, Лиззи залилась слезами, повторяя съ отчаяніемъ: —Зачѣмъ вы мнѣ этого не сказали вчера утромъ! зачѣмъ вы этого не сказали!

— Милое мое дитя, въ чемъ дѣло? Мнѣ очень жаль, если вышло что-нибудь непріятное оттого, что я не сказала вамъ этого вчера.

Валентина предложила-было Мелендѣ отправиться къ матери въ богадельню, а Лиззи предоставить ходить за Лотти.

— Я не могу ходить за Лотти,—отвѣчала Лиззи съ разгорѣвшимися щеками.—Не уѣзжайте и не бросайте Лотти!

— Но куда же вы-то отправляетесь?

— Я отправляюсь... Я сама не знаю, куда я отправляюсь. Она вскочила и убѣжала въ другую комнату.

— Подожди здѣсь, Меленда, это надо выяснитъ.

Она побѣжала вслѣдъ за дѣвушкой.

— Лиззи! — вскричала она, схвативъ ее за руку: — отчего вы не можете остаться съ Лотти? Лотти знаетъ объ этомъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста, ничего не говорите ей объ этомъ!

— А вашъ отецъ знаетъ объ этомъ?

— Онъ не замѣтитъ моего отсутствія; не говорите отцу, я должна идти.

— Если такъ, то я пойду съ вами; я васъ не пущу одну.

Лиззи сѣла. Глаза, которыхъ она боялась, были устремлены на нее и—какъ она ожидала—полны упрека.

— Куда вы идете, Лиззи?

— Я думала, что меня забыли и оставили одну. Какое вамъ дѣло до меня? Я вамъ не сестра, какъ Меленда, вы обо мнѣ не заботитесь, какъ о Лотти. Если я останусь одна и безъ работы, то умру съ голода. Пустите меня! какое вамъ до меня дѣло?

— Какъ какое дѣло? Неужели вы думаете, что мы не за-

ботимся о васъ? Говорите сейчасъ, какое безразсудство вы придумали?

Лиззи съ виноватымъ видомъ повѣсила голову.

— Я знаю, что васъ видали гуляющейсъ какимъ-то джентльменомъ. Что онъ вамъ говорилъ?

— Онъ хочетъ увести меня съ собой, чтобы я служила ему моделью. Онъ хочетъ рисовать мое лицо и глаза. Ну, что же тутъ худого?

— Если онъ ничего худого не замышляетъ, то почему онъ не пришелъ сюда и не попросилъ васъ открыто при Мелендѣ и при Лотти?

— О!—и дѣвушка опять заплакала:—я говорила, что не могу оставить Лотти и Меленду, я двадцать разъ говорила, а онъ все не унимается. Онъ знаетъ, гдѣ меня можно встрѣтить, и иногда, когда я бывала такъ страшно голодна, онъ угощалъ меня котлеткой. Но я не брала отъ него денегъ. О, пожалуйста, не говорите Мелендѣ, потому что она прибѣетъ меня, и не говорите Лотти, потому что она будетъ плакать!

— Лиззи, вы больше чѣмъ безразсудны, но вы еще не все мнѣ сказали.

Лиззи чувствовала укоривненный взглядъ, устремленный на нее, и во всемъ созналась.

— Тогда онъ сталъ мнѣ писать письма,—о, какія чудныя письма!—и третьяго-дня пришло еще одно; вотъ оно.

Она вынула письмо изъ кармана и подала его Валентинѣ.

— Могу я его прочитать?

Валентина раскрыла письмо и прочитала его.

— Милая моя, это письмо дурного человѣка, лукаваго обманщика. Все, что онъ говорить—неправда. Неправда, что вы—самая красивая дѣвушка. О, какая нелѣпость! Есть сотни и тысячи красивѣе васъ. Очень дурно льстить дѣвушекъ такимъ нелѣпымъ образомъ. И какъ можетъ онъ любить? Вѣдь онъ джентльменъ, говорите вы, а вы—простая, необразованная дѣвушка. Вы даже не умѣете разговаривать съ джентльменомъ. Какъ же онъ можетъ быть влюбленъ въ васъ?

Какъ видите, Валентина была еще очень неопытна въ дѣлѣ любви, и все еще сохраняла наивную увѣренность въ то, что джентльменъ не можетъ влюбиться въ дѣвушку, которая ниже его по своему общественному положенію. Многія барышни вѣрятъ въ это даже послѣ того, какъ ихъ братья женятся на горничныхъ.

— И вы не любите его, Лиззи. Вы не можете любить человѣка, который вамъ не ровня и котораго вы не можете понимать,

— что также доказывало ея неопытность въ любовныхъ дѣлахъ и незнаніе сердца человѣческаго, которое, если только исторія не лжетъ, иногда отказывается признавать искусственную разницу въ рожденіи, общественномъ положеніи и воспитаніи.

— Вы не любите этого человѣка, — повторила Валентина.

— Не знаю, я его боюсь.

Въ назначенный часъ, Валентина отправилась на свиданіе вмѣсто Лиззи. Никакихъ болѣе точныхъ указаній ей не было сдѣлано. Ей просто предстояло встрѣтиться въ полдень съ незнакомымъ джентльменомъ у дверей церкви Св. Іоанна. Этого, впрочемъ, указанія было достаточно, потому что джентльмены не часто появляются на улицѣ Говстона. Она пришла въ назначенное мѣсто, нѣсколькими минутами раньше назначеннаго часа, но джентльменъ уже стоялъ. По крайней мѣрѣ, тамъ стоялъ мужчина, одѣтый какъ джентльменъ. То былъ, безъ сомнѣнія, негодяй, писавшій тѣ письма. Двухъ джентльменовъ не могло придти, въ одинъ и тотъ же часъ, въ назначенное мѣсто! Извозчицья карета дождалась его и его жертвы.

Сердце дѣвушки сильно билось. Она сама не знала, что ему сказать. Человѣкъ глядѣлъ въ противоположную сторону, но обернулся, когда она подошла къ нему ближе. Великій Боже! То былъ не кто иной, какъ мистеръ Коннейрсъ.

— Вы?! — вскричала она.

— Миссъ Валентина!

— Вы? Возможно ли!

Она припомнила, что встрѣтила его какъ-то ранѣе, на томъ же самомъ мѣстѣ; онъ тогда сконфузился, а теперь и того пуще. Она больше не сомнѣвалась, что онъ — тотъ самый человѣкъ, котораго ей нужно видѣть.

— Вы дожидаетесь, — сказала она, — одной особы, и приготовили карету, чтобы увезти ее?

Онъ ни слова не отвѣчалъ.

— Вы дожидаетесь мою пріятельницу, Лиззи. Я принесла вамъ назадъ банковый билетъ, который вы ей прислали. Она не придетъ.

Онъ взялъ банковый билетъ.

— Я просилъ ее, — сказалъ онъ, — позволить мнѣ срисовать ея лицо.

— Я читала ваши письма. Они въ моихъ рукахъ. Ступайте!

Мистеръ Коннейрсъ былъ человѣкъ замѣчательно наглый; но бываютъ такіе случаи, когда самые наглые люди теряются. Онъ

ничего не отвѣчалъ. Да и что могъ онъ сказать, если она читала его письма?

— Ступайте!—повторила Валентина, указывая пальцемъ на карету.

Онъ повернулся и пошелъ къ каретѣ, не говоря ни слова въ свое оправданіе. Она читала его письма—какое могло быть послѣ этого оправданіе?

XXVI. — Алисія.

— На Россель-Скверъ!—приказалъ онъ кучеру.

На Россель-Скверѣ жила Алисія, въ одномъ изъ самыхъ красивыхъ и большихъ домовъ, солидно меблированномъ, со множествомъ картинъ на стѣнахъ, какъ оно и подобало въ домѣ вдовы торговца картинами. Джекъ Коннейрсъ ненавидѣлъ этотъ домъ, ненавидѣлъ мебель и картины, потому что все это было связано съ его прошлымъ, съ той жизнью, отъ которой онъ хотѣлъ тщетно избавиться. Дичь и плоды на картинахъ, висѣвшихъ въ столовой, пейзажи въ гостиной и портреты—не фамилные, конечно,—на лестницѣ, массивная мебель—все говорило о богатствѣ и торговлѣ; а онъ хотѣлъ богатства и не хотѣлъ торговли.

Увы! теперь всему этому конецъ. Сегодня утромъ окончательно рухнули всѣ его шансы и надежды. Ему нечего больше объ этомъ думать.

Алисія не было дома. Джекъ подождать ее, а пока написалъ короткую записку лэди Мильдредъ. Невесело было писать эту записку; но лучше было самому уйти, нежели быть выгнаннымъ.

„Дорогая лэди Мильдредъ!—писалъ онъ:—когда я говорилъ съ вами въ Иль-Фракомбѣ и открылъ вамъ, какъ я тогда думалъ, все свое сердце, я тогда не зналъ, я не могъ предвидѣть, что жестоко ошибаюсь. А между тѣмъ оказалось, что это такъ, и я теперь вынужденъ обратиться къ вашему милосердію и просить васъ простить меня. Я раньше любилъ другую лэди, и теперь убѣдился, что ошибался, когда думалъ, что разлюбилъ ее. Къ счастью, я не говорилъ миссъ Віолетѣ ничего такого, за что могъ бы теперь упрекнуть себя. Еще разъ прошу вашего снисхожденія, дорогая лэди Мильдредъ, и остаюсь искренно преданнымъ вамъ—Джекъ Коннейрсъ“.

Непріятно было писать это письмо, но дѣлать было нечего. Лучше сдѣлать видъ, что самъ уходишь, нежели быть выгнаннымъ.

Алисія вернулась довольно поздно и сильно проголодавшись.

Она была изъ тѣхъ женщинъ, которыя отличаются прекраснымъ аппетитомъ.

— Ты здѣсь, Джэкъ? Я поджидала тебя. Но прежде всего позавтракаемъ. У тебя такое вытянутое лицо, что я знаю, зачѣмъ ты прїѣхалъ. Тебѣ надо сначала подкрѣпить себя, чтобы собраться съ духомъ. Пожалуйста, не дѣлай лишнихъ церемоній. Мнѣ было бы прїятнѣе всего, еслибы ты по-просту, безъ затѣй, сказалъ: „Алисія, я взялся за умъ и готовъ на тебѣ жениться“. Но, вѣроятно, это покажется тебѣ недостаточно торжественнымъ.

Они позавтракали за большимъ обѣденнымъ столомъ изъ краснаго дерева, среди картинъ, изображавшихъ дичь и плоды. Ну, можетъ ли человѣкъ быть корифеемъ искусства, культуры и высшей критики, если онъ каждый день сидитъ посреди такихъ картинъ и женится на вдовѣ торговца картинами?!

— Ну, Джэкъ, — сказала вдова: — хочешь папироску? или можешь объясняться безъ табаку? Ты знаешь, я его не боюсь.

Джэкъ началъ, не безъ торжественности, излагать свое дѣло, въ самомъ благопріятномъ для себя свѣтѣ. Онъ говорилъ, — и дама его громко хохотала, пока онъ это говорилъ, — что поведеніе его должно казаться недостойнымъ; что самъ онъ не понимаетъ, какъ могъ онъ быть такъ слѣпъ; цѣлыхъ три мѣсяца онъ былъ въ положеніи человѣка, который борется съ самимъ собой; онъ старался убѣдить себя, что его счастье заключается совсѣмъ не тамъ, гдѣ оно дѣйствительно было. — Эта иллюзія, — заключилъ онъ весьма напыщенно: — эта иллюзія, Алисія, теперь разсѣялась.

— Вѣрно, молодая лэди тебѣ отказала, Джэкъ?

— Нѣтъ. Я сдѣлалъ предложеніе молодой лэди, сознаюсь въ этомъ, черезъ посредство ея матери. Она — дочь и наслѣдница покойнаго сэра Ланселота Эльдриджа...

— Что же это значитъ, Джэкъ?

— Это значитъ, что я вернулся къ моей прежней любви... къ моей первой привязанности...

— О! — она приняла это извѣщеніе съ сомнѣніемъ, потому что оно было связано съ недостаточнымъ жаромъ.

— Я имѣю основаніе думать, что расположеніе лэди Мильдредъ ко мнѣ, быть можетъ, раздѣляется — замѣть, Алисія, что я говорю: быть можетъ, потому что не утверждаю положительно, что мнѣ извѣстны чувства молодой особы — быть можетъ, раздѣляется ея дочерью...

— Ну?..

— Я, однако, написалъ лэди Мильдредъ, и дамъ тебѣ про-

читать мое письмо. Вотъ оно. — Онъ вынулъ письмо и подаль ей. Ты видишь: это добровольный отказъ ..

— Джэкъ! — Она поспѣшно пробѣжала письмо. — Вполнѣ ли, вполнѣ ли ты откровененъ со мной?

— Вполнѣ, Алисія. Я всегда былъ откровененъ съ тобой.

— И это не изъ-за денегъ?

— Ты, вѣроятно, хочешь сказать, что у меня мало денегъ. Это совершенно вѣрно. Я никогда и не скрывалъ этого отъ тебя. Но это не изъ-за денегъ. Во всякомъ случаѣ, у молодой особы полны карманы денегъ, гораздо болѣе, чѣмъ у тебя. Но это не изъ-за денегъ, Алисія; я не такой алчный человѣкъ, какъ ты думаешь. И если я отказался отъ той, другой дѣвушки, то только изъ любви къ тебѣ. Прости меня, Алисія; можетъ быть, современемъ, ты будешь мною гордиться...

— Увидимъ, — сказала она съ недовѣрчивой усмѣшкой. — Ну, Джэкъ, я глупа, что прощаю тебѣ. Всякая другая женщина прогнала бы тебя послѣ всего, что было. Но когда мы будемъ женаты... смотри... Теперь можешь поцѣловать меня, если хочешь.

Джэкъ повиновался ей, но какъ будто не особенно охотно.

XXVII.—Вернись, о, Суламита!

И вотъ, наконецъ, наступило утро послѣ дня, который Валентина должна была провести въ Гокстонѣ. Всему на свѣтѣ наступаетъ конецъ. Послѣдній день. Она оглядѣла маленькую комнату, въ которой провела три длинныхъ лѣтнихъ мѣсяца добровольной узницей и, наконецъ, полюбила ее. Ей грустно было съ нею разставаться. Но она вернется въ нее уже не какъ гостя, а какъ постоянная жилица. Она твердо это рѣшила. Но она не будетъ больше жить въ одной комнатѣ; это вовсе не нужно. Довольно, что она въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ была собственной служанкой, кухаркой и горничной; довольно съ нея носить воду по лѣстницѣ, мести комнату, готовить обѣдъ, убирать постель. Она вернется назадъ и будетъ жить въ собственномъ домѣ, который себѣ выстроитъ.

Сходя внизъ по лѣстницѣ, Валентина встрѣтила своего пріятеля писца, отправлявшагося на дневной заработокъ къ нѣмецкимъ эмигрантамъ. Въ послѣднее время былъ большой приливъ польскихъ евреевъ, устроившихъ себѣ маленькую еврейскую Польшу на одномъ изъ гокстонскихъ дворовъ. Они привезли съ собой, должно быть, нѣсколько боченковъ родимой грязи, такъ что чувствовали себя совсѣмъ какъ дома и жили общественнымъ

подаваніемъ, часть котораго перепадала и писцу. Онъ даже заработалъ себѣ столько денегъ, что могъ купить себѣ новую пару сапогъ. Подобно сборщику податей, онъ носилъ чернильницу въ одномъ изъ кармановъ жилета, а въ другомъ — перо. Почтовая бумага хранилась въ истрепанномъ, старомъ кожаномъ портфелѣ, который былъ когда-то коричневаго цвѣта, а теперь, съ годами, сталъ чернымъ. Онъ встрѣтилъ Валентину весело, хотя епископъ въ эту минуту лежалъ опасно боленъ, и вся его семья собралась въ епископскомъ дворцѣ, а трое докторовъ призваны были на консультацію.

— Но предположимъ, что епископъ умретъ, — сказала Валентина: — тогда и вашимъ мечтамъ будетъ конецъ.

— Да, — отвѣчалъ онъ съ кроткой улыбкой: — да, если епископъ не выздоровѣетъ, тогда моимъ мечтамъ будетъ конецъ, потому что я самъ епископъ, какъ вамъ извѣстно. Вы сегодня насъ покидаете?

— Завтра утромъ. Тамъ, куда я ѣду, у меня тоже есть мать и сестра. Развѣ вы не думаете, что мнѣ пора ихъ навѣстить?

Они стояли на дворѣ, и старикъ указалъ тросточкой на окно Меленды, которое было открыто, и на немъ виднѣлась чистая стора и новая занавѣсь. Затѣмъ онъ обвелъ тросточкой и другіе дома, потомъ указалъ на маленькихъ дѣтей, вышедшихъ на дворъ, словно муравьи въ муравейникѣ, и на женщинъ, сѣвшихъ на дневную работу. Все это онъ дѣлалъ медленно и торжественно, какъ человѣкъ, собирающійся сдѣлать важное внушеніе.

— Знаете ли, — спросилъ онъ, по окончаніи этой церемоніи: — знаете ли, что всѣ они скажутъ по случаю вашего отъѣзда?

— Что же они скажутъ?

— Они скажутъ: „вернись, о, Суламита!“ — И медленно пошелъ своей дорогой, съ своими сутуловатыми плечами, сѣдой бородой и оборваннымъ скруткумъ, старикъ, которому слѣдовало бы запретить всякую работу, и о которомъ слѣдовало бы заботиться и доставить все, что нужно для такихъ стариковъ: книги, солнечный свѣтъ, тепло и общество. Въ хорошо устроенномъ государствѣ такъ оно и будетъ — для всѣхъ одинаково, для грѣшниковъ, какъ и для праведныхъ, для герцоговъ, какъ и для землепосовъ. Валентина тоже пошла по Иви-Лэну, заходя во всѣ дома, гдѣ у нея были пріатели, то-есть почти въ каждый домъ, чтобы проститься съ ними. Дѣти бѣжали за ней, хватаясь за ея руки и цѣпляясь за платье. Это, разумеется, ничего не значило, потому что дѣти довѣряютъ и любятъ каж-

даго, кто съ ними добръ. „Возвращайтесь скорѣе!“ — кричали они: — „возвращайтесь скорѣе!“

У дверей института для мальчиковъ она встрѣтила досто-
почтеннаго мистера Смита Рандаля. Онъ былъ блѣденъ и изму-
ченъ, потому что провелъ въ Лондонѣ все лѣто; кромѣ того,
роздалъ всѣ свои деньги, и его длинный сюртукъ и широкопо-
лая черная шляпа были истасканы, потому что ему не на что
было купить новыхъ, и онъ имѣлъ видъ жалкаго оборванца.

— Я знаю, что вы уѣзжаете, — мрачно проговорилъ онъ: —
мнѣ сказать объ этомъ докторъ.

— Я опять вернусь.

— Удивительно уже и то, что вы такъ долго оставались.
Ваше отсутствіе будетъ замѣтно, хотя вы никогда и не ходили
въ церковь.

— Въ вашу церковь?

— О! сколько добра вы могли бы сдѣлать, еслибы захотѣли!
Вы могли бы всѣхъ моихъ мальчиковъ привлечь къ церкви; они
бы поспѣвовали за вами. Для нихъ единственное спасеніе — цер-
ковная дисциплина и исповѣдь. Я знаю, что вы смѣтаете надъ
нами, но только путемъ исповѣди можно забрать въ руки народъ
и поставить священника на должное мѣсто.

— Ну, чтожъ, мистеръ Смитъ, если вы будете исповѣды-
ваться у доктора, то онъ будетъ исповѣдываться у васъ; развѣ
вамъ этого не довольно? Оставимъ исповѣдь, и расскажите мнѣ
про себя. Вы что-то блѣдны, и вамъ бы слѣдовало отдохнуть.

— Къ несчастію, я не могу уѣхать.

Глядя на этого молодого человѣка, Валентина вспомнила, что
на такую точно жизнь, полную лишеній, промѣнялъ Клодъ свою
карьеру. Что какъ она наскучить ему?

XXVIII.—Послѣдній вечеръ.

— Вы должны сегодня провести съ нами вечеръ, Клодъ, —
сказала Валентина. — Это мой послѣдній вечеръ, и мы собираемся
пить чай въ комнатѣ Меленды. Кромѣ того, я желаю, чтобы вы
были какъ можно любезнѣе съ этой бѣдной дѣвушкой.

— Вашъ послѣдній вечеръ! Какъ много произошло, Вален-
тина, съ тѣхъ поръ, какъ вы сюда пріѣхали!

— Да, много. Но, Клодъ, вы должны развеселиться. Мы
постараемся разгладить морщины на вашемъ лбу и разсѣять пе-
чальное выраженіе въ глазахъ.

— Вамъ не легко будетъ сдѣлать это, Валентина. Судьба слишкомъ ко мнѣ немилостива.

Она догадывалась, что его мрачное настроеніе происходитъ оттого, что онъ знаетъ исторію своего отца, хотя не была увѣрена, насколько онъ ее знаетъ.

— Вы не сожалѣете о своемъ выборѣ, Клодъ?

— У меня не было выбора, — мрачно отвѣчалъ онъ. — Я думалъ, что у меня есть выборъ, но у меня его нѣтъ. Бываютъ люди, которые осуждены на неизвѣстность съ самаго рожденія; они могутъ быть счастливы только тогда, когда они неизвѣстны и позабыты.

Клодъ былъ болѣе обыкновеннаго мраченъ, потому что страдалъ отъ остраго припадающаго болѣзни, не описанной ни въ какой медицинской книгѣ. Ни Цельсій, ни Галленъ не описываютъ ея симптомовъ. У нея нѣтъ названія, но она порождается семейнымъ стыдомъ. Его превосходный отецъ, въ терзаніяхъ сына находившій восхитительную для себя забаву и рѣшившій, что дочь, живущую въ Гокстонѣ, не стоитъ навѣщать, пока она аккуратно платитъ совершенно въ недѣлю, — приходилъ теперь, во всѣ часы дня и ночи, на его квартиру, которую и отпиралъ ключемъ, самимъ имъ сфабрикованнымъ. Онъ носилъ платье Клода, пилъ его вино, просиживалъ у него по цѣлымъ днямъ, играя на скрипкѣ и куря трубку, рылся въ его ящикахъ и читалъ всѣ его бумаги, даже и стихи, въ которыхъ каждый молодой человѣкъ облегчаетъ свою душу, и письма отъ его пріятелей. Онъ приходилъ утромъ и оставался весь день. Онъ приходилъ вечеромъ и оставался всю ночь. Клодъ могъ бы перемѣнить квартиру, но къ чему бы это привело? Онъ послѣдовалъ бы за нимъ. Онъ постоянно просилъ денегъ и всегда получалъ, хотя и не столько, сколько просилъ, благодаря угрозѣ: — если онъ не получитъ денегъ, то пойдетъ къ дочерямъ. Онъ принялся даже таскать вещи, которыя легко было унести и заложить, какъ-то: серебряныя ложки, книги въ дорогихъ переплетахъ и картины, причемъ очень добросовѣстно приносилъ квитанцію сыну. Клодъ не возражалъ. Пусть этотъ человѣкъ дѣлаетъ, что хочетъ, лишь бы оставался неизвѣстнымъ для остальныхъ членовъ семьи.

Клодъ заставилъ, однако, себя принять веселый видъ, и остался съ Валентиной. Они всѣ пили чай въ комнатѣ Меленды. Собраніе было тихое. Начать съ того, что Меленда конфузилась въ новой для нея роли „любезной Меленды“, но все же играла эту роль. Новая прическа совершенно измѣнила ея лицо, и глаза не казались такими сердитыми. Двухъ дней хорошаго питанія

достаточно было, чтобы изгнать выраженіе голода съ ея лица. Она вела себя тихо и спокойно и потому, что боялась брата, который ничего не сказалъ о великомъ и поразительномъ превращеніи, даже не поздравилъ, потому что былъ занятъ совсѣмъ другимъ. Что касается Лиззи, то она все еще находилась подъ вліяніемъ раскаянія и, кромѣ того, побаивалась, чтобы поклонникъ ея не явился за нею лично въ домъ и не сталъ настаивать на исполненіи ея обѣщанія. Наконецъ, и самое главное, тѣнь смерти витала въ этомъ мѣстѣ, и въ сосѣдней комнатѣ лежала дѣвушка, терпѣливо ожидавшая ея призыва.

Осенній день уже смѣнялся сумерками, такъ какъ въ половинѣ октября солнце садится рано. Занавѣсы были задернуты, огонь въ каминѣ горѣлъ, лампа была зажжена, и Меленда находила, что ея комната почти такъ же хороша, какъ и комната Валентины. Постѣ чая они всѣ усьмались вокругъ камина. Валентина держала Меленду за руку. Въ семь часовъ они услышали шаги на лѣстницѣ, и въ дверяхъ появился не кто иной, какъ Джо, въ сопровожденіи дочки Рода и Сама.

— Мама сказала намъ, что вы завтра уѣзжаете... Господи! что за чудеса случились съ этой комнатой?

— Мы подружились, наконецъ, съ Мелендой, — отвѣчала Валентина. — Входите, милая Рода! входите, Самъ!

— Итакъ, вы уѣзжаете, — повторилъ медленно Джо, не сводя глазъ съ Меленды, такъ какъ, очевидно, переменна въ ея наружности поразила его. — Вы уѣзжаете отъ насъ. — Старшему брату слѣдуетъ высказаться за всю семью, въ особенно важныхъ случаяхъ или на семейномъ совѣтѣ, и Джо охотно принялъ на себя эту отвѣтственность и готовъ былъ выполнить обязанность главы семьи, хотя Клодъ и былъ джентльменъ, а Самъ — великій человѣкъ.

— Вы уѣзжаете, и мы всѣ объ этомъ сожалѣемъ. Мы застали матушку въ слезахъ. Не правда ли, Рода? И Меленда пожалѣветъ, и Лиззи, и та бѣдная дѣвушка, которая лежитъ въ сосѣдней комнатѣ. Ей будетъ очень трудно безъ васъ.

— Но я скоро вернусь, — отвѣчала Валентина, — и поселюсь въ Говстонѣ, а также и Клодъ.

— Васъ сначала пріѣзжало двое, и вы говорили, что не знаете, которая изъ васъ двухъ — Полли; но та, другая, больше не возвращалась, и мы просимъ васъ передать ей, что ей нечего насъ стыдиться. Еслибы она хотѣла насъ видѣть, то могла бы пріѣхать съ вами, но вы скажите ей, что она очень милая и хорошенькая барышня, и что на нее глядѣть пріятно, но что мы

не сокрушаемся оттого, что она не хочет насъ видѣть. Не забудьте передать ей, что мы отъ нея ничего не требуемъ и не ждемъ.

Самъ фыркнулъ, а Меленда мотнула головой. Она покори-лась ей одной, и вовсе не намѣрена была покоряться еще кому-нибудь.

— Пусть она не боится, что кто-нибудь изъ ея родственниковъ будетъ навязываться ей или вздумаетъ къ ней прѣхать, кромѣ Клода, а Клодъ—джентльменъ. Что касается васъ, то—Поли вы или нѣтъ, но вы—настоящая барышня, и мы всегда рады васъ видѣть.

— Благодарю васъ, Джо,—отвѣчала Валентина.—Если Виолета, какъ вы думаете, предпочтетъ свою теперешнюю жизнь жизни съ нами, что весьма вѣроятно, то я непременно передамъ ей то, что вы мнѣ сказали.

— А теперь намъ пора идти,—сказалъ Джо:—пойдемъ, Рода; прощайте, миссъ Эльдриджъ.

Онъ взялъ протянутую ему руку почтительно, но не братски, изъ чего она поняла, что онъ угадалъ ея тайну. Вскорѣ затѣмъ Меленда и Лиззи отправились посмотрѣть за Лотти, и Валентина осталась одна съ Клодомъ и Самомъ.

— Что вы намѣрены дѣлать, когда вернетесь назадъ? —спросилъ Самъ.—Вы не можете принести никакой общей пользы, хотя и можете помочь двумъ или тремъ дѣвушкамъ. Ничего нельзя сдѣлать истинно-полезнаго, пока мы не перемѣнимъ всей системы.

— Мы предоставимъ перемѣнить ее вамъ, Самъ,—отвѣчала Валентина:—а тѣмъ временемъ будемъ дѣйствовать, принимая свѣтъ какъ онъ есть и довольствуясь маленькими средствами и маленькими путями.

— Какой толкъ спорить съ женщиной!—сказалъ Самъ, обращаясь къ Клоду.—Вотъ мы стараемся произвести величайшій переворотъ въ мірѣ, а она удивляется, что мы не носимся съ нѣсколькими рабочими женщинами.

— Мы, конечно, не можемъ ждать, чтобы вы, имѣя въ головѣ такую величественную задачу, заботились о своихъ сестрахъ,—отвѣтила Валентина.

Самъ повторилъ всѣ свои прежніе аргументы и ушелъ, разсерженный тѣмъ, что не могъ убѣдить ихъ.

— Мнѣ тоже пора,—сказалъ Клодъ, берясь за шляпу.—Я радъ, что они приходили сегодня вечеромъ. Увы! лѣто прошло, и вы увѣжаете. Покойной ночи, Валентина, и прощайте.

— Почему такое торжественное прощаніе, Клодь?

— Потому что прошедшее не повторяется...

— Ничто не повторяется, но все идетъ дальше. Если вы пойдете пѣшкомъ, то и я пройду съ вами. О, я не боюсь возвращаться одна. Никто никогда меня не обижаетъ.

Они вышли вмѣстѣ. Улицы были полны народа, потому что погода была хороша и былъ субботній вечеръ.

— Постарайтесь забыть свои личныя тревоги, Клодь!—сказала Валентина:—думайте не о себѣ, а о другихъ, и предоставьте мертвецамъ спокойно лежать въ могилѣ.

— Я бы очень желалъ, чтобы это было возможно, но какъ быть, если мертвецы выходятъ изъ могилъ?

Валентина ничего больше не сказала. Быть можетъ, что онъ узналъ даже больше того, чѣмъ она опасалась. Онъ пожалъ ея руку, и они расстались. Онъ остановился на перекресткѣ улицы и наблюдалъ за ея стройной фигурой, быстро скользящей по мостовой. Но Валентина не прошла и тридцати шаговъ, какъ онъ увидалъ нѣчто такое, что заставило его тоже повернуть назадъ и послѣдовать за нею, хотя и въ нѣкоторомъ разстояніи. Улица была освѣщена слабо, но, тѣмъ не менѣе, Клодь могъ разглядѣть фигуру, стоявшую на противоположномъ концѣ Иви-Лэна. Народу ходило много, но, очевидно, эта фигура кого-то ожидала, и когда Валентина повернула въ Иви-Лэнь, человѣкъ перешелъ черезъ улицу и пошелъ за ней. Онъ слѣдовалъ за ней на разстояніи трехъ или четырехъ ярдовъ, и Клодь дивился, чтб бы это значило. Но когда онъ прошелъ подъ газовымъ фонаремъ, и Клодь увидѣлъ его лицо,—великій Боже! то былъ его отецъ. Чтб ему нужно отъ Валентины? Конечно, ему хочется нарушить данное слово и испугать ее. То былъ его отецъ, и по нѣкоторому движенію въ его плечахъ Клодь догадался, что онъ пьянъ. Клодь ускорилъ шагъ, и первымъ его движеніемъ было остановить отца; но онъ сдержался, потому что зналъ, что тотъ произведетъ скандалъ на улицѣ. Онъ рѣшилъ подождать, пока Валентина не войдетъ въ домъ, но ускорилъ шагъ, чтобы быть готовымъ вмѣшаться, если понадобится его защита.

На улицѣ было много женщинъ, болтавшихъ, несмотря на то, что былъ уже одиннадцатый часъ и вечеръ прохладный. Было также многое-множество дѣтей, игравшихъ и кричащихъ. Валентина проходила мимо нихъ, раскланиваясь и перекидываясь привѣтствіями. Толпа разступалась направо и налево и давала ей дорогу, потому что всѣ ее знали; толпа разступалась также и передъ мистеромъ Керью, потому что она всегда даетъ

дорогу пьяному. Но Клоду они не давали дороги, и ему пришлось протискиваться, и ребятишки попадались ему подъ ноги, а потому онъ отсталъ и не могъ предупредить того, чего болѣе всего опасался.

Въ нижнемъ этажѣ Валентина нашла дверь мистера Лэна раскрытою настежъ. Въ комнатѣ его горѣла свѣча. Она заглянула въ комнату и дружески поклонилась.

— Вы лучше себя чувствуете сегодня вечеромъ?—спросила она.

— Нисколько не лучше, нисколько не лучше, — отвѣчалъ онъ. — Скоро, скоро моимъ грѣзамъ наступить конецъ.

— Я надѣюсь, что нѣтъ. Нельзя ли продлить ваши грѣзы?

— Это не отъ меня зависитъ. Надѣюсь, что вы не думаете, что я могу измѣнять рѣшенія судьбы. Добрый епископъ на смертномъ одрѣ, и я увѣренъ, что онъ больше не выздоровѣетъ. Дѣти съ нимъ. Во всѣхъ церквахъ его епархіи молятся за него. Много изъ людей переживаютъ семидесяти-лѣтній возрастъ и болѣе того; большею частью, это такіе люди, которые только даромъ бременятъ землю; жизнь ихъ—только одинъ сплошной позоръ, какъ моя, напримѣръ. Но такіе люди, какъ епископъ, обыкновенно рано умираютъ. Ну, чтожъ, онъ попадетъ въ рай. Но чтѣ я-то буду дѣлать, когда онъ умретъ и будетъ похороненъ?

— Право, мистеръ Лэнъ, не знаю. Вамъ надо выдумать какое-нибудь другое развлеченіе по вечерамъ.

— Развлеченіе? для меня?—Онъ покачалъ головой, и она съ нимъ простилась.

Тутъ старуха, которая жила въ комнатѣ окнами на дворъ, выползла изъ своей берлоги.

— Васъ спрашивалъ какой-то джентльменъ, душа моя, — сказала она. — Не молодой джентльменъ, о, нѣтъ! пожилой джентльменъ, настоящій джентльменъ; съ трубкой во рту и немножко подъ хмелькомъ, съ очень пріятными манерами, щедрый и великодушный.

— Джентльменъ? спрашивалъ меня?

— Да, душа моя, и очень хотѣлось ему узнать, какъ вы живете и чтѣ вы дѣлаете. Онъ забросалъ меня вопросами (она умолчала, что онъ началъ съ того, что далъ ей шиллингъ) про все, какъ вы живете и откуда берете деньги. Но я была очень осторожна, о! очень осторожна! Я ничего не сказала ему про молодого джентльмена. Потому что мнѣ кажется, что онъ изъ ревнивыхъ.

— О! — сказала Валентина нетерпѣливо: — какое можетъ быть до меня дѣло какому-то пожилому джентльмену?

— Я надѣюсь, что не будетъ никакихъ непріятностей изъ-за молодого джентльмена. Можетъ быть, онъ разспрашивалъ не изъ ревности. Можетъ быть, это одинъ изъ законниковъ, которые являются въ послѣднюю минуту, когда свадьба объявлена и обручальныя кольца, такъ сказать, куплены. Въ такомъ случаѣ, душа моя, послушайте моего совѣта: не отдавайте писемъ назадъ, смотрите, не отдавайте писемъ! Заставьте ихъ заплатить. Сдерите съ нихъ фунтовъ пятьсотъ стерлинговъ... Вотъ онъ самъ! Смотрите же, не забывайте, что я вамъ сказала про письма.

Случилось какъ разъ, что мистеръ Керью въ этотъ вечеръ, когда онъ пропустилъ только двѣ или три рюмочки, задумался о томъ, почему его дочь живетъ въ Иви-Лэнѣ, и откуда она достаетъ деньги, и какимъ образомъ она стала похожа на барышню, и какъ чудесно бы было, еслибы онъ ее поймалъ и сдѣлалъ бы ее своей союзницей и помощницей. Такія вещи бывали, но прежде всего необходимо узнать ея исторію. Онъ пропустилъ еще рюмочку или двѣ, и затѣмъ рѣшилъ отправиться въ Иви-Лэнъ и разузнать, въ чемъ дѣло. И вотъ, онъ пришелъ и, не заставъ Валентину, сталъ разспрашивать старуху, которая и выболтала ему все. Правда, что и выбалтывать-то особенно было нечего. Послѣ того онъ сталъ ждать Валентину.

— Ну, вотъ, моя милая, — началъ онъ съ пріятнымъ видомъ, — я и разыскалъ тебя. Ты не ожидала меня, не правда ли? Это пріятный сюрпризъ тебѣ. Какъ отецъ, я рѣшилъ, что обязанъ разузнать, какъ и чѣмъ ты живешь? Мой долгъ убѣдиться, честно ли живутъ мои дѣти, и первымъ удовольствіемъ моимъ будетъ дать имъ добрый совѣтъ на этотъ счетъ.

— Уходите, — сказала Валентина.

Старуха остановилась у лѣстницы и наблюдала. Ей хотѣлось узнать: что это — законникъ или ревнивецъ.

— Уходите! — повторила Валентина.

Керью засмѣялся; водка придавала ему храбрости, а не то онъ бы ушелъ.

— Полно, душа моя! — прошепталъ мистеръ Керью: — будемъ говорить по-дружески. Поцѣлуй меня.

Онъ положилъ руку на ея плечо. Валентина отскочила отъ него съ крикомъ. Меленда услышала ее, выбѣжала изъ комнаты, въ два прыжка сбѣжала съ лѣстницы и заслонила ее собой.

— Послушайте, что вамъ нужно? — закричала она. — Не бойся, Валентина; это какой-нибудь пьяница, который забрелъ не туда,

куда ему слѣдуетъ. Я не испугаюсь никакого человѣка, пьянаго или трезваго, и ты не бойся! Ну, а теперь пошелъ вонъ!

— Не суйся не въ свое дѣло, молодая женщина. Эй, лучше не суйся!

— Пошелъ вонъ!—твердо повторила Меленда:—или я тебя выпвырну за дверь.

— Нѣтъ,—продолжалъ онъ,—это рѣшительно непостижимо! Они всѣ должны были бы гордиться мной. Каждый долженъ бы гордиться такимъ человѣкомъ, какъ я. И ты бы гордилась, моя душа! Ты очень кого-то мнѣ напоминаешь, кого я прежде зналъ. Право, замѣчательное сходство. Такого другого человѣка, какъ я, нѣтъ въ цѣломъ Лондонѣ. Вѣдь я—Джемсъ Керью! великій Джемсъ Керью! Кто не слыхалъ про Джемса Керью? Меня прозвали когда-то королемъ воровъ. Я—король Джемсъ первый, его величество король Керью!

— Пошелъ вонъ,—повторила Меленда,—или я разорву тебя въ клочки.

Но тутъ чья-то рука легла на плечо Керью.

— Пойдемте,—сказалъ Клодъ.

— А, это ты? — сказалъ старикъ и принялся странно ругаться.

— Не пойду,—сказалъ онъ:—останусь на всю ночь, если захочу.

У двери уже собралась толпа народа, и ждала, что изъ этого всего выйдетъ. Но тутъ произошла странная и удивительная вещь. Дверь комнаты нижняго этажа отворилась; изъ нея вышелъ медленными и нетвердыми шагами старикъ, котораго они всѣ знали, безобидный старикъ, жившій среди нихъ столько лѣтъ и никогда ни съ кѣмъ не говорившій. Въ одной рукѣ онъ несъ зажженную свѣчу, другая была сжата въ кулакъ и дрожала. Лицо его было смертельно блѣдно, но глаза горѣли.

— О!—сказалъ онъ съ глубокимъ и довольнымъ вздохомъ:—наконецъ-то я нашелъ моего врага! Я умираю, но услышалъ его голосъ! Епископъ,—обратился онъ къ Валентинѣ,—умираетъ, и я умираю, но я знаю, что не умру, не увидѣвшись съ нимъ снова.

Керью взглянулъ на него и тоже узналъ его. Онъ мгновенно отрезвѣлъ.

— Вы? — сказалъ онъ:—вы? Я думаю, что вы давно уже умерли. — И въ то время, какъ старикъ, передавшій подсвѣчникъ Валентинѣ, протянулъ къ нему обѣ руки, онъ быстро выбѣжалъ изъ комнаты и пустился бѣжать по улицѣ.

Но по его пятамъ гналось такъ долго отсрочиваемое возмездіе. Казалось, что ихъ никто не замѣтилъ, такъ какъ никто не послѣдовалъ за ними и не остановилъ ихъ. Они промелькнули въ толпѣ, какъ бы незримые ею. Когда Клодъ думалъ объ этомъ въ послѣдствіи, ему это постоянно представлялось чѣмъ-то сверхъестественнымъ. Хотя улицы были полны народа, но это странное преслѣдованіе совсѣмъ не привлекало ничьего вниманія, точно будто оно было незримо. Бѣглецъ былъ полонъ невыразимаго ужаса,—того ужаса, который овладѣваетъ человѣкомъ, когда давно забытое преступленіе вдругъ всплываетъ наружу, и спасеніе невозможно, а на прощеніе нельзя больше рассчитывать. А преслѣдователь былъ полонъ такого бѣшенства, такой жажды мести и удовольствія отъ того, что онъ можетъ, наконецъ, ее удовлетворить, какое наполняло сердце Фредегонды, когда, послѣ многихъ лѣтъ ожиданія, она увидѣла Брунегильду, привязанную къ копытамъ дикой лошади. Бѣглецъ тщетно спасался бѣгствомъ; онъ зналъ, что за нимъ гонится смерть, отъ которой ему не убѣжать. Она гналась за нимъ во образѣ старика, съ длинными, худыми ногами, съ непокрытой головой, сѣдыми волосами, развѣвавшимися вокругъ нея, въ лохмотьяхъ, задыхавшагося, блѣднаго, какъ смерть, и съ протянутыми впередъ руками. Позади Сентъ-Джонсъ-Рода есть небольшая площадка, въ томъ мѣстѣ, гдѣ мостъ перекинутъ черезъ каналъ, а по ту сторону моста шла узкая дорожка вдоль берега рѣки. Дорожка была темная и узкая. Керью соскочилъ на нее, рассчитывая, что тутъ ему будетъ легче укрыться. Но не тутъ-то было. Только-что онъ достигъ этой дорожки, какъ мстительная рука схватила его за плечо. Онъ повернулся и взглянулъ на своего врага. Кого онъ испугался? бѣднаго, стараго, полуживого старика, который голодалъ на свободѣ все то время, которое онъ находился на сытныхъ тюремныхъ хлѣбахъ. Онъ казался такимъ истощеннымъ и слабымъ, что Джемсъ Керью громко расхохотался, забывъ о своемъ страхѣ. Онъ испугался только потому, что былъ пьянъ. Испугаться слабого старика, который не могъ бы справиться даже съ дѣвушкой!

— Слушай!—вскричалъ мистеръ Лэнъ, схватывая руками своего врага и тряса его за шиворотъ:—Керью, отдай мнѣ назадъ мою испорченную жизнь!

Джемсъ Керью готовъ былъ снова расхохотаться, но въ эту минуту лицо его врага исказилось судорогой, острая и внезапная боль снова и въ послѣдній разъ сдавила его сердце, и онъ повалился въ воду, увлекая въ своемъ паденіи и своего врага. Послышался крикъ ужаса и агоніи, плескъ воды, и затѣмъ все стихло...

— Кто это былъ?—спросила Меленда, когда они ушли.

— Пьяный человѣкъ,—отвѣчала Валентина.

— Но онъ, повидимому, тебя знаетъ, и Клода также? Но что же такое онъ сдѣлалъ отцу Лиззи?

— Не знаю,—сказалъ Клодъ:—но про него я знаю, что онъ очень дурной человѣкъ. Не спрашивай меня больше ни о чемъ, Меленда.

— Хорошо,—отвѣчала Меленда:—по крайней мѣрѣ, онъ ушелъ. Пойдемъ наверхъ, Валентина.

Она оставила ихъ и вернулась къ Лотти. Старуха-жилица, которую жегъ шиллингъ въ карманѣ, украдкою вышла изъ дома и окольными путями направилась въ кабакъ; толпа у двери разошлась, разочарованная, потому что никакого скандала не воспослѣдовало.

— Онъ ушелъ, Валентина,—сказалъ Клодъ:—а вы знаете, кто онъ?

— Да, я знаю его. Что-нибудь страшное произойдетъ. Лиззинъ отецъ ему какъ-нибудь отомститъ. Они—старые враги. О! будетъ бѣда, непременно.

— Если такъ, — сказалъ Клодъ:—кто-нибудь долженъ тутъ остаться, чтобы васъ оберегать. Идите теперь наверхъ, Валентина, покойной ночи.

Валентина повиновалась. Она не спросила Клода, какъ онъ тутъ очутился. Ей казалось вполне естественнымъ, что во время опасности она встрѣтила его покровительство. Тѣмъ временемъ Клодъ заперъ дверь на улицу, сѣлъ на лѣстницу и сталъ ждать. Онъ просидѣлъ на своемъ неудобномъ мѣстѣ два или три часа, и затѣмъ вспомнилъ, что въ сосѣдней комнатѣ есть кресло. Онъ перемѣнилъ позицію, но не давалъ себѣ заснуть. Странно! старикъ не возвращался: что-нибудь случилось. Клодъ волновался и предчувствовалъ бѣду. Въ половинѣ октября ночи долгія; солнце не встаетъ раньше шести часовъ. Клодъ сидѣлъ и ждалъ всю долгую ночь. Никто изъ нихъ не возвращался. Что касается одного, то онъ, вѣроятно, въ Тэмплѣ, спитъ на постели Клода, или пьетъ, куритъ, или играетъ на скрипкѣ. Но гдѣ же другой, Лиззинъ отецъ? Наконецъ, наступило утро. Незадолго до восьми часовъ, молодое и голодное населеніе Иви-Лэна стало подниматься; старшіе по воскреснымъ днямъ оставались въ постели до полудня. Валентина вышла на лѣстницу.

— Какъ? вы уже здѣсь, Клодъ?—спросила она съ удивленіемъ.

— Какъ, Валентина? неужели вы думали, что я уйду и оставляю васъ на произволъ судьбы?

— Какъ? вы пробыли здѣсь всю ночь? Вы стерегли меня. О, Клодъ, это слишкомъ много...

— Не говорите этого, Валентина. Не думайте обо мнѣ. Но скажите мнѣ... что вы знаете объ этомъ человѣкѣ? Почему онъ пришелъ сюда? Почему онъ васъ провожалъ?

— А что вы о немъ знаете, Клодъ?

— Я знаю все, что только можно знать.

— И я тоже. Не будемъ объ этомъ говорить. Я узнала всю исторію уже съ мѣсяцъ тому назадъ... И Джо, и матушка, думаютъ, что онъ умеръ.

— Но какъ же вы-то узнали?

Валентина въ короткихъ словахъ рассказала свою повѣсть, умолчавъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ, между прочимъ, о пощечинѣ, данной ею мистеру Керью.

— Я купила его молчаніе,—заклѣчила она:—я каждую недѣлю посылала ему деньги, но я знала, что, рано или поздно, все откроется. Клодъ, будьте мужественны. Отроемъ все Джо и придумаемъ что-нибудь, чтобы спасти отъ него остальныхъ.

— Я тоже подкупалъ его,—сказалъ Клодъ:—но больше не буду давать ему денегъ. Слава Богу, что вы выѣхали отъ него, Валентина, а также и Віолета. Она не должна ничего знать. Что касается васъ, Валентина, вы собирались уѣзжать сегодня; уѣзжайте сейчасъ же. Я боюсь, чтобы не случилось какого скандала, и чтобы ваше имя не было замѣшано. Мы обязаны избѣжать этого ради лэди Мильдредъ. Я сейчасъ найму вамъ кэбъ. А вы пока соберите свои вещи.

Валентина повиновалась. Вещей она съ собою никакихъ не увозила. Она поручила Лотти попеченіямъ Меленды, поцѣловала дѣвушекъ, простилась съ Клодомъ, обѣщая вернуться черезъ нѣсколько дней, чтобы затѣмъ совсѣмъ поселиться въ Гокстонъ и сообщая вести предпринятое ими дѣло, сѣла въ кэбъ и уѣхала. Клодъ остался и все утро прождалъ въ комнатѣ мистера Лэна. Позднѣе туда пришла Лиззи, но нисколько не удивилась и не встревожилась, узнавъ, что отецъ не ночевалъ дома. Это случилось съ нимъ и прежде, когда у него бывала работа. Клодъ ничего не сказалъ ей о томъ, что зналъ или подозрѣвалъ. Въ два часа Клодъ нашель, что ему долѣше нельзя ждать. Быть можетъ, отецъ его уже находится въ Тэмпль. Онъ пошелъ туда, но нѣтъ, и тамъ его не было. Ничто не носило слѣда его присутствія: не было просыпаннаго табаку, ни пустыхъ бутылокъ. Клодъ догадался, что это не просто, и дѣйствительно, съ этихъ поръ никто и никогда больше не видѣлъ его отца.

А. Э.

НОВЫЯ РОЗЫСКАНІЯ

ВЪ

НАРОДНО-ПОЭТИЧЕСКОЙ СТАРИНѢ

— Изъ исторіи романа и повѣсти. Матеріалы и изслѣдованія академика А. Н. Веселовскаго. Выпускъ первый. Греко-византійскій періодъ. Спб. 1886.

— Южно-русскія былинны. III—XI. Академика А. Н. Веселовскаго. Спб. 1884.

Когда мы говорили, нѣсколько лѣтъ назадъ, объ изслѣдованіяхъ А. Н. Веселовскаго въ области средневѣковой поэзіи, которая уже занимаютъ видное мѣсто въ составѣ самѣй европейской науки, а въ разъясненіи русской народно-поэтической старины бывали часто настоящими открытіями, мы высказывали сожалѣніе, что его труды оставались очень мало извѣстны даже между тѣми русскими читателями, которымъ, повидимому, они должны бы быть особенно близки ¹⁾: мы разумѣли то обстоятельство, что въ ходячихъ изложеніяхъ древней русской народной поэзіи, и особливо въ учебникахъ, до сихъ поръ повторяются такія положенія, которыя не могутъ имѣть мѣста послѣ объясненій, даваемыхъ нашимъ ученымъ. Въ свое время мы приводили примѣры, и они до сихъ поръ остаются дѣйствительны: то новое, что указано г. Веселовскимъ, все еще не перешло въ литературное обращеніе, и учебники продолжаютъ снабжать слушателей уроковъ „русской словесности“ скучнымъ повтореніемъ старыхъ ошибокъ. Поставщики учебныхъ книгъ не имѣютъ въ этомъ случаѣ никакого оправданія:

¹⁾ См. „Вѣсти. Евр.“ 1883, ноябрь.

вопросъ можетъ быть труденъ, но они — „спеціалисты“, и съ нихъ должно требовать знакомства съ положеніемъ науки, особливо когда они сами предъявляютъ драконовскія требованія къ ученикамъ, обязаннымъ изучать ихъ педагогическія издѣлія. Но что касается обыкновеннаго любознательнаго читателя, то его незнакомство съ этимъ предметомъ можетъ найти себѣ нѣкоторое объясненіе — во внѣшней формѣ изслѣдованій г. Веселовскаго. Объ этой формѣ мы также имѣли случай говорить прежде. Изложеніе г. Веселовскаго — чисто ученое, гелертерское; начиная свои изысканія, онъ рѣдко даетъ какія-нибудь руководящія общія указанія, вступаетъ *in medias res*, беретъ вопросъ прямо съ того пункта, на которомъ онъ стоитъ въ данную минуту въ спеціальной литературѣ, а послѣднюю всегда предполагаетъ извѣстной. Поэтому чтеніе его вполне доступно лишь для тѣхъ, кто стоитъ на близкомъ съ нимъ уровнѣ въ знакомствѣ съ этой литературой, а такихъ читателей найдется не много, и самое чтеніе потребуетъ справокъ и сравненій. Авторъ нисколько не облегчаетъ труда читателя и въ другомъ отношеніи: привыкнувши самъ вращаться въ громадномъ матеріалѣ средневѣковой литературы, западно-европейской, византійско-славянской (и, наконецъ, въ переводахъ — восточной), онъ не затрудняется цитировать ея произведенія на старыхъ европейскихъ языкахъ, обладаніе которыми не есть, конечно, дѣло часто встрѣчающееся; спѣша справиться съ тѣмъ огромнымъ матеріаломъ сравненій и сближеній въ области народной поэзіи, мѣта, языка, который присутствуетъ въ его памяти, авторъ бросаетъ изобильныя цитаты безъ особыхъ объясненій и, напр., въ своей новой книгѣ приводитъ цѣлыя страницы средне-греческихъ памятниковъ безъ всякаго перевода, — хотя иной разъ самый этотъ текстъ требовалъ бы объясненій. Не мудрено, что немногіе читатели отваживаются слѣдить за авторомъ въ его изложеніи. Его труды остаются достояніемъ немногихъ, и нельзя не пожалѣть, что авторъ прилагаетъ такъ мало заботы къ тому, чтобы сдѣлать свои труды болѣе доступными. Этотъ способъ работы былъ бы понятенъ въ такой научно-богатой литературѣ, какъ нѣмецкая, французская, англійская, но литература русская находится далеко не въ такихъ условіяхъ. Гдѣ наука считаетъ свою исторію многими сотнями лѣтъ, гдѣ она имѣетъ опору въ богатомъ развитіи ученыхъ силъ, въ широкомъ распространеніи школы и общественнаго образованія, въ давнемъ обширномъ запасѣ научнаго изслѣдованія, тамъ она можетъ дойти до послѣднихъ предѣловъ спеціализаціи и въ выборѣ предметовъ изслѣдованія, и въ изложеніи, и самая спеціализація становится въ наше время условіемъ

поступательнаго движенія науки. Но если и самые большіе европейскіе ученые не считаютъ нужнымъ заператься въ своихъ лабораторіяхъ и являются съ трудами общаго характера, писанными притомъ доступно для обыкновенныхъ образованныхъ людей, тѣмъ болѣе подобная обязанность лежала бы на русскомъ ученомъ; въ сожалѣнію, онъ не имѣетъ за собой ни многовѣковой исторіи науки (когда, напр., европейскіе университеты празднуютъ свои пятисотъ- и четырехсотъ-лѣтніе юбилеи, наши университеты, кромѣ московскаго, набираютъ себѣ едва по пятидесяти лѣтъ, — и то какой исторіи!), ни широкаго общественнаго образованія, и его роль, по всему смыслу нашей общественной жизни, должна состоять не только въ томъ, чтобы слѣдовать за успѣхами спеціальной науки и работать для нея, но и содѣйствовать укрѣпленію ея элементарныхъ ростковъ въ массѣ общества. Достигнуть этого, т.-е. соединить спеціальное изслѣдованіе съ обобщеніемъ, доступнымъ для большого числа читателей, т.-е. съ укрѣпленіемъ корней науки въ самомъ обществѣ, было бы и не такъ трудно: во многихъ случаяхъ довольно было бы нѣсколькихъ объяснительныхъ словъ, перевода на русскій языкъ цитатъ, взятыхъ съ мало извѣстныхъ языковъ, и т. п. Правда, предметъ изслѣдованій г. Веселовскаго еще новъ въ самой европейской наукѣ. Поэзія среднихъ вѣковъ, въ первый разъ вызванная изъ забвенія романтизмомъ и тогда привлекавшая первое научное вниманіе, въ сущности, только теперь подвергается точному и подробному осмотру; намятники ея, собственно говоря, до сихъ поръ, не приведены въ извѣстность; съ каждымъ годомъ являются изданія новыхъ текстовъ, множество другихъ еще остается въ рукописяхъ, такъ что изслѣдователь не только открываетъ новыя точки зрѣнія и дѣлаетъ новыя приложенія критики, но вводитъ обыкновенно и совершенно новый матеріалъ, который прежде вовсе не имѣлся въ виду. Для ученаго это открытіе новаго матеріала представляетъ одинъ изъ сильнѣйшихъ научныхъ интересовъ; онъ встрѣчаетъ здѣсь иногда совсѣмъ новыя стороны поэтической жизни, которыхъ раньше не подозрѣвалось; горизонтъ его наблюденій расширяется; наблюдаемое ранѣе явленіе пріобрѣтаетъ новую значительность и тѣмъ самымъ отстраняется прежняя точка зрѣнія и возникаютъ новыя историческія положенія. Нашъ ученый въполнѣ захваченъ этимъ новымъ потокомъ розысковъ въ средневѣковой старинѣ, которые въ настоящую минуту все больше и больше распространяются въ европейской литературѣ. Ему самому принадлежитъ много любопытнѣйшихъ сближеній между литературными явленіями русскаго и славянскаго Востока и европейскаго

Запада въ средніе вѣка; имъ введено въ европейскій научный запасъ много любопытныхъ данныхъ, которыя въ немъ прежде отсутствовали, и въ своихъ трудахъ онъ особенно старается раскрывать эти соотношенія, до сихъ поръ почти неизвѣстныя или слишкомъ мало тронутыя учеными западно-европейскими. При этомъ г. Веселовскій не довольствуется тѣмъ матеріаломъ, какой представляетъ масса изданій средневѣковой литературы, появляющихся въ настоящее время; онъ привлекаетъ нерѣдко и памятники еще неизданные; мы находимъ у него многочисленныя цитаты изъ рукописей, какъ нашихъ русско-славянскихъ, такъ и греческихъ и западныхъ; онъ обращается за своимъ матеріаломъ въ Британскій Музей и вѣнскую библіотеку, въ Познань, въ Римъ, въ аббатство Гротта-феррата, и т. д.; съ содѣйствіемъ своихъ ученыхъ друзей, онъ разбираетъ памятники византійскіе и восточные, и т. д. Если изъ этого громаднаго и разнообразнаго матеріала извлекаются неожиданные выводы, которыми объясняется иная черта западной или нашей поэзіи и самого быта; если въ этихъ, повидимому, столь далекихъ и чуждыхъ другъ другу областяхъ открывается интимная связь и взаимность, то понятенъ глубокій историческій интересъ этихъ изысканій и та страсть, съ которою новые изслѣдователи, и въ числѣ ихъ нашъ ученый, все дальше расширяютъ область своихъ поисковъ, не думая объ обобщеніи, почти забывая о его необходимости.

Но эта необходимость существуетъ. Какъ скоро новое изслѣдованіе должно затронуть общія стороны явленій, оно не можетъ не почувствовать неполноты или ошибочности прежняго взгляда и должно замѣстить его своимъ новымъ опытомъ; и дѣйствительно это новое изученіе должно сильно видоизмѣнить, иногда совсѣмъ преобразовать, старыя представленія какъ о ходѣ литературнаго развитія вообще, такъ, въ частности, представленія о средневѣковой литературѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ теоріи литературы, какъ и въ цѣломъ вопросѣ эстетики, готовится поворотъ, который долженъ иначе поставить и философскія основанія искусства, и историческое пониманіе литературы. Прежнія метафизическія толкованія искусства отживаютъ окончательно свое время, вмѣстѣ съ самой метафизикой; какъ въ объясненіи духовной человѣческой природы наука опирается уже на данныхъ опытной психо-физиологіи, такъ, съ другой стороны, исторія и науки соціологическія даютъ новое направленіе историческимъ изученіямъ литературы. „Чистое искусство“, понятіе „красоты“, „поэтическое творчество“, ступени и разряды литературнаго развитія, все больше сводятся съ туман-

ныхъ высотъ отвлеченной теоріи къ реальнымъ фактамъ жизни — личности, общества и самихъ народныхъ массъ, и на почвѣ исторіи приобрѣтаются данныя, которыя, вмѣстѣ съ опытнымъ изученіемъ психологической жизни, должны дать новую форму теоріи. Новѣйшія изслѣдованія средневѣковой поэзіи общають особенно любопытные результаты въ этомъ отношеніи, потому что никогда до сихъ поръ не дѣлалось столь обширныхъ изученій массоваго творчества въ области мѣта, преданія и поэзіи, въ ихъ различныхъ фазисахъ, и творчества международнаго.

Новая книга г. Веселовскаго, занятая изслѣдованіями изъ той же области средневѣковой литературы, затрогиваетъ и этотъ общій вопросъ. Книга открывается любопытнымъ введеніемъ, подъ заглавіемъ: „Исторія или теорія романа“, гдѣ авторъ касается теоріи романа и задаетъ вопросъ — насколько обычное представленіе о романѣ или вообще о литературномъ развитіи совпадаетъ съ указаніями, какія даетъ новѣйшее историческое изученіе. Онъ начинается съ того, что въ исторіи поэтическихъ родовъ есть извѣстная послѣдовательность, не вездѣ одинаково выдержанная, но столь, однако, замѣтная, что она производитъ впечатлѣніе законности. Какъ ростъ общественнаго и народнаго самосознанія выражается новыми политическими формами, развитіемъ философіи изъ религіи, исторіи изъ эпоса, такъ онъ выражается и чередованіемъ формъ поэтическихъ. Во всякомъ цѣльномъ литературномъ развитіи на первой ступени замѣчается то безыменное поэтическое творчество, которое обозначается названіемъ эпоса, а на послѣдней — тѣ произведенія, которыя не имѣютъ уже никакого традиціоннаго значенія и бываютъ результатомъ чисто личнаго авторства — повѣсть и романъ, а въ серединѣ между ними — цѣлый историческій періодъ, отмѣченный выдѣленіемъ лирики и драмы. При какихъ условіяхъ совершалось это развитіе и чередованіе поэтическихъ родовъ?

Исторія и теорія поэзіи давно замѣтили это явленіе, которое особенно рельефно выразилось въ древне-греческой литературѣ, — всего больше изученной въ то время (въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго вѣка), когда на старомъ классическомъ преданіи начали строиться новыя теоріи поэзіи. Въ этихъ теоріяхъ была, однако, та односторонность, что историческій фактъ былъ изученъ далеко не полно и ему давалось болѣе метафизическое, чѣмъ историко-критическое объясненіе. Изученія средневѣковой литературы, расширивъ область наблюденія, дали, вмѣстѣ съ тѣмъ, возможность изучать факты ближе, въ болѣе тѣсной связи съ различными проявленіями народной жизни: теорія утрачиваетъ

свою отвлеченную исключительность и подходить ближе къ реальнымъ фактамъ народнаго развитія. Новѣйшія европейскія литературы имѣли вообще другой историческій путь, чѣмъ литература Греціи; на первой порѣ ихъ, когда онѣ переживали ту начальную ступень, которая здѣсь, какъ въ древней Греціи, была отмѣчена эпосомъ, онѣ подпадають сильному вліянію классическаго преданія, унаслѣдованнаго отъ западной и восточной имперіи. Чисто народный, независимый процессъ развитія былъ нарушенъ готовыми запасами книжнаго знанія и книжной поэзіи; но тѣмъ не менѣе и въ этой сложной судьбѣ западныхъ литературъ, насколько въ нихъ дѣйствовала народная струя, можно замѣтить параллельное явленіе, указывающее на тотъ же основной процессъ. Опытъ, доставляемый изученіемъ среднихъ вѣковъ, помогаетъ освѣтить и исправить прежніе взгляды тѣмъ болѣе, что на средне-вѣковой жизни можно было ближе замѣчать сложные проявленія этого процесса, отголоски котораго достигаютъ въ народномъ обрядѣ и въ народной пѣснѣ до нашихъ дней. Съ этимъ новымъ историческимъ матеріаломъ въ рукахъ и г. Веселовскій даетъ нѣсколько общихъ замѣтокъ о ходѣ развитія литературныхъ формъ. Первое зарожденіе поэтической жизни онъ представляетъ такимъ образомъ: „Въ началѣ, въ пра-исторіи поэтическаго и вообще художественнаго развитія, слѣдуетъ предположить извѣстный синкретизмъ, не смѣшеніе, а отсутствіе различія между опредѣленными поэтическими родами, поэзіей и другими искусствами; нѣчто, до сихъ поръ живущее въ поэзіи народнаго обряда, какъ въ старо-греческихъ народныхъ празднествахъ въ честь Діониса: поэзія поется и пляшется, сопровождается извѣстнымъ мимическимъ дѣйствіемъ, выражающимъ тѣлодвиженіями эпическую канву пѣсни. Это, въ одно и то же время, и эпосъ, и лирика, не отдѣленная отъ музыки, и драма; то, и другое, и третье,—понятое формально, какъ формы поэтическаго выраженія, которыя, наполненные соотвѣтствующимъ содержаніемъ, выступаютъ передъ нами послѣдовательно, какъ—эпосъ, лирика, драма. На первый разъ, это—эпическій речитативъ съ лирическими порывами, обрашеніями, припѣвами; драматическое дѣйствіе безъ драмы.

„Изъ этого синкретическаго безразличія происходитъ, съ теченіемъ времени, рядъ выдѣленій. Выдѣляется, изъ связи съ пляской и драматической игрой, лирико-эпическая пѣсня, съ содержаніемъ, заимствованнымъ изъ стараго міаа, преданія, либо навѣянная какимъ-нибудь событіемъ, взволновавшимъ народныя симпатіи. Мы можемъ составить себѣ приблизительное понятіе о нихъ по стилю гомерическихъ гимновъ (за вычетомъ ихъ худо-

жественной обработки), по средневѣковой кантиленѣ (напр. о св. Фаронѣ), по сербскимъ и малорусскимъ историческимъ пѣснямъ-думамъ. Эпическій разсказъ, но глубоко захватывающій интѣресы, страсти пѣвца, потому патетическій. Такого рода пѣсня могла еще нѣкоторое время держаться при синкретическомъ обрядѣ, послѣ того, какъ она уже выдѣлилась изъ его состава: на Фарейскихъ островахъ плясали, очевидно, мимически, пѣсню о пораженіи Сигурдомъ змѣя Фафнира, какъ въ Греціи — свадьбу Зевса и Геры, у Лонга — мнѣ о Панѣ и Сирингѣ.

„Паѣось держится немногими поколѣніями; затѣмъ настроеніе замираетъ вмѣстѣ съ непосредственностью, но остается интѣресъ къ содержанію пѣсни: изъ лирико-эпической она становится эпической, матеріаломъ не для пѣвца, а для сказателя. Такого отношенія малорусскихъ думъ къ великорусскимъ былинамъ: надъ былинной никто не заплачетъ, какъ гомеровскій грекъ надъ разсказомъ Фемія и Демодока, какъ малороссъ надъ своею думой“.

Эпическая пѣсня, обособившись, ходитъ въ народѣ, варьируется, наконецъ, группируется около извѣстнаго героя или событія, напр., около Сиды, Ильи Муромца, битвы на Коссовомъ полѣ; образуются полу-народные, полу-сознательные циклы, своды пѣсенъ, которые и могли стать основой большихъ эпосовъ, какъ „Иліада“, пѣсня о Роландѣ, и пр. Этимъ и заканчивается первый періодъ поэтическаго развитія. Эпосъ предполагаетъ обильное распространеніе эпическихъ пѣсенъ съ извѣстнымъ внутреннимъ единствомъ содержанія, интересующаго массы. Эпическая поэзія особенно богата въ эпохи, слѣдующія за періодами борьбы, когда слагается самостоятельное самосознаніе. „Эпика, — говоритъ авторъ, — идетъ по слѣдамъ исторіи“, и, относительно ея мифическаго содержанія, авторъ приходитъ къ совершенно иному заключенію, чѣмъ та школа, которая представляла героическій эпосъ человѣческимъ примѣненіемъ исторіи боговъ, переложеніемъ религіознаго (языческаго) мифа въ земные богатырскіе подвиги. Авторъ думаетъ наоборотъ: „Видѣть въ древнихъ эпическихъ пѣсняхъ — мифы, приуроченные къ землѣ, въ герояхъ — боговъ, облекшихся въ человѣческую, хотя еще въ грандіозный, образъ, — означало бы идти противъ теченія: антропоморфическій мифъ (а о немъ только и можетъ быть рѣчь въ данномъ случаѣ) слагается по образцу эпоса, а не наоборотъ; Гомеръ создаетъ греческихъ боговъ. Сходство мифическихъ, эпическихъ, наконецъ, сказочныхъ схемъ не указываетъ необходимо на генетическую связь... оно объясняется не генезисомъ одного мотива изъ другого, а

предположеніемъ общихъ мотивовъ, столь же обязательныхъ для человѣческаго творчества, какъ схема языка для выраженія мысли; творчество ограничивается сочетаніемъ данныхъ схемъ. Въ этомъ смыслѣ сказка можетъ быть настолько же отраженіемъ міа, насколько осадкомъ эпической пѣсни или — народной книги“.

Для характеристики такъ-называемаго эпическаго міросозерцанія, состоящаго, какъ извѣстно, въ общности нравственнаго и общественнаго пониманія и въ отсутствіи личнаго творчества, авторъ пользуется извѣстной книгой Шпильгагена ¹⁾, сдѣлавшаго, по словамъ г. Веселовскаго, эту характеристику „съ картинностью романиста“, но и „съ односторонностью человѣка, для котораго весь эпосъ выразился типически въ Гомерѣ“. Мы укажемъ дальше, въ какой односторонности нашъ авторъ упрекаетъ Шпильгагена.

Эпосъ могъ держаться лишь до тѣхъ поръ, пока сохранялось единеніе пѣвца и народа. Очевидно, что это было возможно для историческаго народа лишь на извѣстной ступени его развитія. Должно было наступить время, когда историческій процессъ усложнить отношенія, выдѣлить извѣстныя политическія группы, привести къ различію степеней просвѣщенія и понятій и ввести новый элементъ — единичную личность. Съ этимъ наступаетъ и новый періодъ въ развитіи поэзіи. „Обособленность личности означаетъ: ослабленіе чувства солидарности между общественной единицей и обществомъ, понятіемъ всецѣло; иное пониманіе религіозныхъ и политическихъ вопросовъ, чѣмъ ходячее въ большинствѣ; у единицы является свой особый, болѣе или менѣе ограниченный міръ, во всякомъ случаѣ, не тождественный съ общимъ, иногда прямо ему противоположный; есть желаніе заявиться передъ этимъ общимъ, сосчитаться съ нимъ, тѣмъ болѣе, чѣмъ дороже чувство только-что отвоёваннаго внутренняго міра съ его новыми откровеніями. Они просятъ исхода и находятъ его — въ личной философіи, объясняющей себѣ явленія жизни и міроустройства не совсѣмъ такъ, какъ учило о томъ общее религіозное преданіе, нерѣдко въ разрѣзъ съ нимъ; въ личной поэзіи, личной не въ томъ только смыслѣ, что она исходитъ изъ единицы, впервые ощутившей себя не сказателемъ общаго, всѣмъ извѣстнаго, преданія, а творцомъ-поэтомъ, но и потому, что эта поэзія уйдетъ на долгое время въ анализъ собственнаго „я“, его горя и радости, его порывовъ и разочарованій.

„Таковъ генезисъ лирической поэзіи, но въ то же время и

¹⁾ Beiträge zur Theorie und Technik des Romans. Leipzig, 1883, — о которой въ свое время данъ былъ отчетъ въ „Вѣстн. Евр.“, 1884.

драмы. Новый, личный поэтъ не могъ относиться къ содержанію древняго эпического преданія такъ же, какъ пѣвецъ гомеровской эпохи: онъ настолько отчужденъ отъ него, насколько, отчасти, по крайней мѣрѣ, разложилъ его въ своемъ сознаніи, вложилъ въ него свою собственную душу. Приученный къ самонаблюденію, къ анализу своей психики, онъ вносилъ его и въ тѣ традиціонныя, мифическія рассказы, которые составляли основныя тѣмы эпоса. Отъ этого получалось новое освѣщеніе: главный интересъ не сосредоточивался, какъ въ былое время, на событіи, а на участіи, которое принимало въ немъ то или другое лицо, на ихъ мотивахъ и побужденіяхъ, на ихъ внутренней борьбѣ, однимъ словомъ, на всемъ томъ мірѣ личности, который раскрытъ былъ новымъ прогрессомъ исторіи“.

Съ этимъ даны были всѣ условія развитія литературы въ совершенно иномъ направленіи: личное творчество дѣлается господствующимъ; предметомъ поэзіи становятся уже не боги и герои, а простая бытовая жизнь съ ея движеніемъ, страстями и интересами; являются возможность и матеріалъ новеллы и романа. — Этотъ переходъ литературныхъ формъ наблюдается очень ясно въ греческой литературѣ, которая съ большою цѣльностью переживала различные періоды историческаго развитія. Въ литературѣ римской, подчинившейся сильному греческому вліянію, а затѣмъ и въ литературѣ средневѣковой, гдѣ также рано является нарушающее вмѣшательство классическихъ преданій и вліяніе христіанское, этой цѣльности не было; тѣмъ не менѣе, и здѣсь, въ среднихъ вѣкахъ, можно наблюдать дѣйствіе тѣхъ же самыхъ элементовъ поэтическаго развитія — вездѣ, гдѣ они были представлены ихъ собственнымъ силамъ, внѣ вліяній школы и книги.

„Надо перенестись къ половинѣ среднихъ вѣковъ, чтобы снова встрѣтиться съ зарожденіемъ поэтическихъ рассказовъ, которые на этотъ разъ, дѣйствительно, хотя и нѣсколько случайно назовутся романами. Говоря о средневѣковой литературѣ, слѣдуетъ поступиться той идеей цѣльности, которую мы выносимъ, напр., изъ изученія литературы греческой. Новымъ людямъ пришлось во многомъ начинать съизнова, но многое привнесено было и со стороны, и вліяніе классическаго преданія опредѣлило формально или и ускорило ходъ естественной эволюціи. Тѣмъ не менѣе, ходъ ея ясенъ и послѣдовательность та же. Западныя люди также начали съ эпоса, остатки котораго до сихъ поръ живутъ въ народной былевой пѣснѣ и синкретическомъ обрядѣ. У насъ есть свѣденія о древнихъ лирико-эпическихъ кантиленахъ, и весьма вѣроятно, что эпическія пѣсни прошли черезъ

народный сводъ, прежде чѣмъ подвергнуться литературной обработкѣ въ древнѣйшихъ французскихъ Chansons de geste и Нибелунгахъ.

„И на западѣ появленіе лирики, какъ особой литературной формы, въ отличіе отъ народной, вызвано было опредѣленнымъ общественнымъ прогрессомъ, выдѣленіемъ личнаго сознанія изъ массоваго — на первый разъ на почвѣ сословно-рыцарской. Лирика явилась, когда сознана была цѣнность личнаго чувства, религіознаго или поэтическаго настроенія, личнаго поэтическаго подвига. Я указываю на трубадуровъ и миннезингеровъ; они также субъективны и сословно-тенденціозны, какъ Алкей.

„Явленіе средневѣковой драмы, по сравненію съ греческой, выходитъ изъ органической связи развитія: церковь рано приняла ее подъ свой покровъ, сдѣлала литургической мистеріей; ея дальнѣйшая разработка шла въ той же колѣѣ, опредѣленной церковнымъ преданіемъ. Для оцѣнки естественнаго роста литературы она не идетъ въ счетъ.—Зато рыцарскій романъ непосредственно обусловленъ тѣми же причинами, которыя вызвали и лирику“.

За рыцарскимъ романомъ или рядомъ съ нимъ развивается новелла, и изъ этихъ средневѣковыхъ источниковъ, подъ разнообразными вліяніями европейскихъ національностей и общественныхъ условій, вырастаютъ тѣ многоразличныя формы, въ какихъ романъ существуетъ въ европейской литературѣ въ настоящее время. Авторъ даетъ любопытныя замѣтки объ этой исторіи европейскаго романа. Характеристика современнаго романиста, сдѣланная Шпильгагеномъ, кажется ему удачною со стороны, такъ сказать, психологической, но онъ находитъ страннымъ то безпрестанное сравненіе современнаго романа съ Гомеромъ, къ которому обращается Шпильгагенъ для этой характеристики; авторъ находитъ неумѣстнымъ и его вопросъ: „Новелла или романъ?“ — потому что этотъ вопросъ идетъ не о сущности дѣла, а о кличкахъ. Приводимъ одинъ эпизодъ. Противопоставляя постоянно современный романъ и Гомера, Шпильгагенъ останавливается, между прочимъ, на томъ обстоятельстве, что наши романы и новеллы пишутся прозой, тогда какъ эпосъ знаетъ только стихъ. „Это (стихъ) была драгоценная связь (Einband),—говоритъ Шпильгагенъ,—безъ которой его листки разлетались бы въ теченіе его странствованій по ту и по сю сторону греческаго моря, разбѣгались бы, какъ негодная мякина. Стихъ былъ Аріадниной нитью для пѣвца, при помощи которой онъ могъ спускаться въ лабиринтъ своихъ пѣсень, рассчитывая выйти къ свѣту. Болѣе того: онъ сдерживалъ фантазію, принуждая еѣ созерцать міръ и лю-

дей лишь въ свѣтѣ идеи, изображать ихъ идеально—потому что стихъ исключаетъ все прозаически-грубое и плоское, какъ чистая масса льда въ глетчерахъ не принимаетъ въ себя сора и щебня. Гекзаметръ не допустилъ бы сказать даже о Өерситѣ, что онъ схватилъ—насморѣ; мы скажемъ подобное не объ одномъ только Өерситѣ; мы увидимъ нашихъ героевъ въ халатѣ и туфляхъ, не потому, чтобы мы были неизлечимыми филистерами и прирожденными камердинерами, а потому, что мы—люди новаго времени. Мы иначе смотримъ на всё, чѣмъ древніе, видимъ дальше и ближе ихъ, видимъ такіа ускользающія величины, которыхъ они не схватили бы своимъ макроскопическимъ взглядомъ, еслибы онѣ и существовали въ ихъ время; а инныя изъ нихъ и не существовали вовсе. Дѣло въ томъ, что свѣтъ съ тѣхъ поръ расширился настолько, что мы болѣе не знаемъ, гдѣ стоятъ пограничные столбы Геркулеса—или же знаемъ, что ихъ и вовсе нѣтъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, свѣтъ этотъ сталъ богаче содержаніемъ, такъ богатъ, что тогдашняя точка представляется намъ теперь цѣлымъ міромъ. И не въ области одной лишь физической природы: въ насъ самихъ, въ нашемъ мозгу и сердцѣ снуется и создается цѣлый новый міръ мыслей и ощущеній, о которыхъ не чаяли гомеровскіе греки. И этотъ ли широкій, богатый, безконечно разнообразный внѣшній и внутренній міръ возсоздать современному эпикю въ поэмѣ и пѣснѣ?”

Разумѣется, нѣтъ, отвѣчаетъ Веселовскій, и объясняетъ, что ни греческіе романисты, ни средне-вѣковые рассказчики рыцарскихъ исторій объ этомъ не думали,—не потому, чтобы перестали вѣрить въ Геркулесовы столбы или выучились владѣть микроскопомъ, а потому, что они уже чувствовали себя чѣмъ-то отдѣльнымъ отъ эпика: они не были простыми рассказчиками стараго преданія, а хотѣли изображать новое и реальное или то, что имъ казалось реальнымъ. Появленіе новой формы было слѣдствіемъ измѣненія самаго содержанія, и она не случайно, не по чьему либо произволу установилась такъ прочно, что теоретики романа хлопочутъ теперь опредѣлять законность этой формы въ связи съ жизнью и понятіями нашего времени, „подсказывая ей особое трансцендентальное значеніе“.

„Но теорія лучше сдѣлаетъ,—замѣчаетъ г. Веселовскій,—если чаще будетъ прислушиваться къ урокамъ исторіи. Исторія поэтического рода—лучшая повѣрка его теоріи: она сдѣлаетъ невозможными слишкомъ широкія, хотя бы поэтическія, обобщенія, укажетъ надлежащее мѣсто и тѣмъ блестящимъ критическимъ замѣткамъ, которыми исполнена книга Шпильгагена, и удалитъ изъ

„теоріи романа“ рѣдко, но рѣзко бьющій въ глаза характеръ рецептуры. Намъ, разумѣется, любопытно бываетъ проникнуть, вмѣстѣ съ поэтомъ, романистомъ, въ тайники его мастерской... но мы никогда не узнаемъ тайну единенія автора съ его героями... Процессъ личнаго творчества, по словамъ Шпильгагена, „покрытъ завѣсой, которую никто и никогда не поднималъ и не подниметь“; но мы можемъ ближе опредѣлять его границы, слѣдя за вѣковой исторіей литературныхъ теченій и стараясь уяснить ихъ внутреннюю законность, ограничивающую личный, хотя бы и гениальный, починъ“ (стр. 26—27).

Съ этой точки зрѣнія, сравненія современнаго романа съ Гомеромъ, какія дѣлаетъ Шпильгагенъ, окажутся чистымъ произволомъ, лишеннымъ всякаго основанія по существу дѣла, какъ останется произволомъ и всякое подобное теоретизированіе, лишенное исторической опоры. Въ самомъ дѣлѣ, къ сравненію привлекаются явленія столь различныхъ эпохъ, столь различныхъ ступеней быта и пониманія, что прилагать къ нимъ одну точку зрѣнія становится простымъ анахронизмомъ. Единственный путь объясненія литературныхъ формъ есть исторія, обставленная всѣмъ тѣмъ разнообразнымъ матеріаломъ—національности, эпохи, быта, традицій, матеріаломъ, какой именно вводится новѣйшей историко-литературной школой.

Въ ряду любопытныхъ результатовъ, уже приобретенныхъ этой школой, труды г. Веселовскаго принесли свою большую долю. Послѣдній сборникъ его изслѣдованій, озаглавленный „Изъ исторіи романа и повѣсти“, посвященъ роману греко-византійскаго періода, мало извѣстному вообще, а въ нашей литературѣ въ особенности. Какъ всегда, книга Веселовскаго не есть цѣльный, законченный трудъ, а сборникъ отдѣльныхъ специальныхъ изслѣдованій, внутреннихъ тѣмъ стараніемъ развѣдать почву, открыть и установить факты, о которомъ мы выше упоминали. Послѣ введенія слѣдуютъ статьи: „Христіанскія превращенія греческаго романа—житіе Ксантиппы, Поликсены и Ревекки“; „Эпизодъ о Таврѣ и Меніи въ апокрифическомъ житіи св. Панкратія“; далѣе обширный трактатъ—„Къ вопросу объ источникахъ сербской Александрии“. Тѣма перваго изъ изслѣдованій очень нова и въ европейской ученой литературѣ; это—тѣ дальнѣйшія развитія, какія получилъ древній греческій романъ въ христіанскую эпоху. Съ одной стороны, онъ продолжался внѣшнимъ образомъ въ романѣ византійскомъ на старыя тѣмы приключеній, съ другой стороны—въ небольшой группѣ памятниковъ, которые авторъ обозначаетъ романомъ христіанскимъ. Авторъ останавли-

вается только на этомъ послѣднемъ. Собственный византійскій романъ представляетъ древне-греческую форму въ ея упадѣ: онъ повторяетъ старые сюжеты, усложняя ихъ новыми подробностями, и не вноситъ ничего жизненнаго, кромѣ немногихъ примѣровъ возникавшаго реализма въ бытовыхъ изображеніяхъ и нѣкоторыхъ отраженій народнаго стиля. Романъ христіанскій представляетъ нѣчто иное: здѣсь несомнѣнно вліяніе жизни, той жизни, гдѣ, со введеніемъ христіанства, произошелъ цѣлый громаднѣйшій переворотъ во всей области религіозныхъ, нравственныхъ и бытовыхъ понятій и формъ. Первая христіанская пора была полнымъ и страстнымъ отрицаніемъ стараго язычества, а вмѣстѣ и его литературы: какъ вообще христіанинъ отвергалъ все старое преданіе, какъ прямое созданіе язычества, причѣмъ даже идеализованная древне-греческая религія, превращавшаяся въ философію, казалась только грубымъ идолопоклонствомъ и прямымъ служеніемъ діаволу, такъ христіанскій писатель столь же рѣшительно отвергалъ старую поэзію, гдѣ такъ много мѣста занимали эти боги, казавшіеся теперь переодѣтыми демонами, и та любовь, которая представлялась теперь лишь безстыдствомъ и развратомъ. Христіанскій бытъ первыхъ вѣковъ, съ его строгой религіозностью и моралью, съ его отрицаніемъ всякой тѣлесной слабости и суровыми аскетическими требованіями, давалъ слишкомъ мало почвы для развитія обычнаго романа: самымъ характернымъ выраженіемъ той эпохи была легенда—то фантастическая, когда она стремилась открывать тайны начала и конца свѣта, чудеса божественной силы; то возвышенно-нравоучительная, когда изображала борьбу подвижниковъ христіанства за истину вѣры противъ неистовства гонителей; то безгранично аскетическая, когда рисовала Ойваидскія пустыни, отреченіе отъ міра и отъ самого себя. Какой могъ быть романъ, когда предполагаемый герой его съ самаго начала отрицался отъ тѣхъ отношеній, какія составляли все содержаніе романа; когда герой не искалъ и не придавалъ ни малѣйшаго значенія своей красавицѣ и, если родители, въ своей заботливости, сами принесли ему молодую, богатую, красивую жену, оставался къ ней совершенно равнодушнѣйшій, несмотря на ея собственныя прельщенія, и наконецъ, не вступая въ брачныя отношенія, убѣждалъ и ее служить высшей любви, проповѣдовать новую вѣру, идти въ монастырь или на мученичество? Несмотря на то, въ томъ отдѣлѣ христіанской литературы, который прямо соприкасался съ бытомъ въ видѣ „житія“, нашла свое мѣсто и традиція романа; старая привычка проводила мотивы и приемы романа и въ новое содержаніе. Любовь, хотя и стала, по мнѣнію новыхъ писате-

лей, безстыдствомъ, обурежала, однако, людей; жизнь—руководила ли ея античная „судьба“, или христіанское „провидѣніе“—исполнена была всевозможными случайностями, удачами или бѣдствіями, разлуками и свиданіями, опасностями и избавленіями, — и для этихъ случаевъ старый романъ представлялъ уже разработанные приемы, которыми воспользовалась и новая литература. Во многихъ произведеніяхъ первыхъ вѣковъ христіанства именно обнаруживается это взаимодѣйствіе стараго романа и аскетической легенды, взаимодѣйствіе съ различною степенью преобладанія того или другого элемента. Нашъ авторъ указалъ нѣсколько любопытныхъ эпизодовъ этого историко-литературнаго явленія въ разборѣ нѣсколькихъ „бесѣдъ“ и „житій“, причемъ вводитъ въ изслѣдованіе этой эпохи новые факты изъ старыхъ греческихъ и славянскихъ рукописей, какъ напр. названное выше апокрифическое житіе Панкратія.

„Что такое — христіанскій романъ? Chassang включаетъ въ его область и апокрифы, особливо отреченныя „дѣянія“; Baring-Gould, кромѣ того, — цѣлый рядъ житій. Для того и другого изслѣдователя, стало быть, главное въ понятіи романа — фикція, что, само по себѣ, еще не отдѣляетъ его ни отъ эпоса, ни отъ сказки; ни тотъ, ни другой не различаютъ сознательной личной фикціи отъ традиціонной и унаслѣдованной, составляющей объектъ общаго или мѣстнаго преданія и вѣры, т.-е. моментъ эпоса. Въ области апокрифа и христіанской, особливо мученической, легенды, его необходимо признать для извѣстной поры развитія. Выдѣлить въ этой области моментъ романа—это, въ сущности, вопросъ стили и литературныхъ приемовъ. Греческій романъ выдвинулъ на первый планъ мотивъ личной любви; перипетіи любовниковъ поставили вопросъ о судьбѣ, управляющей человѣческими дѣлами; перипетіи сводились къ приемамъ: странствованія, разлуки, похищенія, спознанія.—Вопросы личной жизни и ея отношеній къ верховному водительству поставлены были и христіанствомъ; всякій разъ, когда въ какомъ-нибудь произведеніи христіанскаго характера эти мотивы совпадаютъ содержательно съ мотивами греческаго романа и выражаются въ его формахъ—позволено говорить о романическихъ приемахъ житій... Въ томъ же смыслѣ понимаю я сближеніе „пасторали“ и „робинзонады“ греческаго романа—съ христіанской идеализаціей Оиваиды и чудесъ египетскаго отшельничества“.

Авторъ останавливается на одномъ любопытномъ произведеніи—такъ-называемыхъ „Климентинахъ“ („бесѣды“ одного изъ писателей перваго вѣка, Климента Римскаго), въ которыхъ именно

сказываются двѣ противоположныя точки зрѣнія на любовь. Въ старомъ греческомъ романѣ любовь была чувство физическое, но обнимавшее все существо человѣка, и въ этомъ смыслѣ одухотворенное, становившееся судьбой. Въ „Климентинахъ“, Климентъ-язычникъ томится религіозными сомнѣніями и, на вопросъ александрійскаго грамматика Аппіона о причинѣ его душевнаго недуга, прикидывается влюбленнымъ безъ надежды на успѣхъ. Аппіонъ совѣтуетъ ему обратиться къ магіи, и когда совѣтъ не былъ принятъ, то Аппіонъ предлагаетъ ему, что напишетъ его мнимой возлюбленной письмо съ такими „похвалами прелюбодѣйству“, противъ которыхъ не устоитъ никакая женщина. Это письмо, приведенное въ „Климентинахъ“, представляетъ цѣлый трактатъ о любви, съ точки зрѣнія античнаго романа. Климентъ дѣлаетъ видъ, что отправилъ это письмо по назначенію и получилъ отвѣтъ, — который былъ написанъ имъ самимъ. Это — полное опроверженіе Аппіона съ христіанской точки зрѣнія: Эротъ, восхваляемый Аппіономъ, не признается мнимой возлюбленной Климента; это — вовсе не богъ, а вождельніе самого человѣка; любовныя похождения боговъ придуманы самими людьми, чтобы этимъ мнимымъ примѣромъ прикрыть собственное распутство; да и боги эти — не боги, а тираны и маги, „гробницы которыхъ и теперь еще видны“ (распространенное тогда объясненіе, по которому языческіе боги были обоготворенные люди, герои и волшебники). Любовь внушена творцомъ для продолженія человѣческаго рода и должна принадлежать законному браку и семьѣ, и въ объясненіе этого предмета вводится исторія испытаній матери и семьи самого Климента, исторія съ приключеніями на манеръ стараго романа, но съ христіанскимъ нравоученіемъ, гдѣ благополучный конецъ является наградой цѣломудрія.

Было бы долго останавливаться на подробностяхъ, собранныхъ г. Веселовскимъ изъ памятниковъ первыхъ временъ христіанства; въ нашей литературѣ этотъ трактатъ является первымъ въ своемъ родѣ. Довольно сказать, что здѣсь затронутъ одинъ изъ наименѣе разработанныхъ вопросовъ въ исторіи литературы, любопытный именно по смѣшенію элементовъ самыхъ разнородныхъ, даже противоположныхъ, и какъ новый образчикъ постепенности развитія, связывающей самыя несходныя міровоззрѣнія. Мы упомянули, что, кромѣ „Климентинъ“, предметомъ изслѣдованія г. Веселовскаго было еще нѣсколько житій; въ числѣ ихъ были еще неизданныя, и авторъ, по обыкновенію съ огромнымъ запасомъ начитанности и съ помощію массы сближеній, старается опредѣлить ихъ эпоху, мѣсто происхожденія, устано-

вить историческія соотношенія, и въ заключеніе говоритъ: „Я хотѣлъ обратить вниманіе на струю романа, обусловившую инныя литературныя обработки житійныхъ сюжетовъ. Эта литературная сторона дѣла, какъ мнѣ кажется, слишкомъ мало обращала на себя вниманія при научной разработкѣ житій. Они привлекали историка, особливо историка церкви, вызывая вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ текстовъ, ихъ сохранившихъ, о большей или меньшей достовѣрности данныхъ, ими представляемыхъ, или, наоборотъ, объ ея отсутствіи и богатствѣ народно-мифологическаго содержанія, напр. въ легендѣ о св. Педагѣ (Usener), и т. п. Но легенда—не только историческій, а, для извѣстной поры развитія, и литературный фактъ: она слагалась по извѣстному образцу, допускала реторическое развитіе, обогащаясь общими мѣстами житійнаго стиля, привлекая себѣ изъ круга любимыхъ чудесъ и видѣній тѣ, которыя наиболѣе отвѣчали образу восхваляемаго святого или подвижницы. Такъ развивался, изойдя изъ простѣйшей пѣсни народно-историческаго характера, и свѣтскій феодальный эпосъ, параллельно съ величественнымъ эпосомъ христіанской легенды, такъ удачно охарактеризованнымъ Ренаномъ. Тамъ и здѣсь первичный фактъ принадлежитъ исторіи и непосредственному вѣрованію, но его идеализація совершалась въ области литературныхъ теченій, по приѣмамъ, которые полезно было бы изучить совмѣстно“.

Наибольшая доля новаго тома изслѣдованій г. Веселовскаго посвящена такъ-называемой „Александріи“, роману объ Александрѣ Македонскомъ, составляющему одно изъ знаменитѣйшихъ произведеній средневѣковой литературы, повидимому, одинаково популярное вездѣ, и на Востокѣ, и на Западѣ. Въ нашей старой письменности „Александрія“ пользовалась также великой славой и съ своего перваго появленія (вѣроятно, въ XV-мъ вѣкѣ) она нѣсколько столѣтій ходила въ рукописяхъ, и послѣдніе ея списки (иногда съ картинками въ извѣстномъ старомъ стилѣ) дѣлались еще въ XVIII-мъ столѣтіи, а, можетъ быть, доходили и до XIX-го. Какъ много другихъ произведеній подобнаго рода, наша „Александрія“ пришла къ намъ готовою изъ южно-славянскаго источника, и великая ея популярность объясняется тѣмъ же, что дало ей славу во всемъ грамотномъ средневѣковомъ мірѣ. Во-первыхъ, знаменитый герой изображается въ чертахъ, близкихъ къ любимому богатырству; его сказочное происхожденіе, его подвиги съ юныхъ лѣтъ вводили его въ привычную сферу эпоса; но, кромѣ того, онъ отличается великою мудростью—онъ стремится понять всѣ тайны міра на землѣ, на воздушной высотѣ и въ морской

глубинѣ; наконецъ, онъ не совсѣмъ язычникъ — онъ выше язычниковъ по своимъ мыслямъ о высшемъ Провидѣніи, и въ его исторію вводится прямо ветхозавѣтный пророкъ Іеремія. Исторія походовъ Александра должна была нравиться какъ рядъ славныхъ богатырскихъ подвиговъ, а затѣмъ, когда онъ отправился въ невѣдомыя страны Востока, за предѣлы Персіи и Индіи, его путешествіе было цѣлой фантастической географіей, совмѣщавшей средневѣковыя преданія о всевозможныхъ чудесахъ и чудовищахъ природы. Онъ встрѣчаетъ удивительныя явленія природы и невиданныя существа — громадныя горы, страшныя озера, кишачія змѣями, мрачныя пустыни, великановъ и пигмеевъ, кинкефаловъ, т.-е. людей съ собачьими головами, и всякія другія ужасающія чудища; встрѣчаетъ также блаженныхъ людей, проходитъ мимо Адама и Евы, въ видѣ людей огромной величины, прикованныхъ къ горамъ и искупающихъ тяжкими страданіями свое прегрѣшеніе — ихъ вопли слышались за нѣсколько дней пути; наконецъ, онъ доходитъ до самаго рая или, собственно, до высокой и громадной мѣдной стѣны, за которою рай скрытъ и черезъ которую невозможно проникнуть.

Литературная исторія „Александріи“ чрезвычайно обширна и сложна. Этотъ памятникъ распространенъ былъ, повидимому, во всѣхъ, безъ исключенія, литературахъ средневѣковаго Запада и Востока до самой Средней Азіи. Понятно, что въ обычномъ распространеніи поэтическихъ народно-блжннхъ сюжетовъ этотъ памятникъ подвергался — въ каждомъ новомъ изложеніи — извѣстнымъ варіаціямъ, распространеніямъ, такъ что въ настоящее время онъ существуетъ во множествѣ различныхъ редакцій, изученіе которыхъ важно тѣмъ, что именно раскрываетъ процессъ видоизмѣненія первоначальной поэтической основы подъ различными вліяніями, дѣйствовавшими въ области преданія, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, даетъ угадывать пути распространенія романа изъ одной литературы въ другую.

Въ послѣднія двадцать, тридцать лѣтъ, „Александрія“ возбуждала особенный интересъ изслѣдователей средневѣковой литературы: издано много текстовъ ея, собрано множество объясненій различныхъ ея частностей, и въ этой ученой критикѣ трудъ г. Бесловскаго займетъ одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ по богатству привлеченнаго къ объясненію матеріала и по мѣткости часто неожиданныхъ соображеній. Въ старой славянской письменности, „Александрія“ существуетъ въ двухъ южно-славянскихъ пересказахъ: одинъ изъ нихъ — сербскій — и послужилъ предметомъ спеціального изслѣдованія г. Веселовскаго. Ориги-

наль этой сербской редакціи былъ, безъ сомнѣнія, средне-греческій, но она не сходится вполне ни съ извѣстными греческими, ни съ западными редакціями, и, заключая въ себѣ особенные варианты, доставляетъ объясненія для другихъ текстовъ. Такимъ образомъ, въ литературной исторіи „Александрии“ сербская редакція представляетъ интересъ своеобразнаго изложенія, для котораго еще не нашелся непосредственный источникъ, и она остается пока единственнымъ указаніемъ на эту предполагаемую, но неизвѣстную еще форму этого памятника. Таковъ специальный вопросъ относительно исторіи текста, разясняемый въ изслѣдованіи; но авторъ вообще пересматриваетъ все содержаніе „Александрии“ по сербской редакціи, и даетъ цѣлый рядъ изслѣдованій объ основныхъ эпизодахъ знаменитаго романа, въ связи со множествомъ иныхъ баснословно-поэтическихъ представлений среднихъ вѣковъ. Эти эпизоды слѣдующіе: 1) юность и первые подвиги Александра до пришествія въ Іерусалимъ; 2) сличеніе одной редакціи Псевдо-Каллисѣена (такъ называютъ автора греческаго текста) съ планомъ сербской „Александрии“; 3) Александръ въ Египтѣ; война съ Даріемъ; 4) эпизодъ о нагомудрецахъ (брахманахъ); 5) страна блаженныхъ въ „Александрии“ и рахманы-рехавиты въ апокрифическомъ „Хожденіи Зосимы“; 6) св. Макарій и другая легенда о блаженномъ житіи; 7) Гермій и Іеремія въ сербской „Александрии“; 8) Іеремія „Александрии“ и народныя преданія объ Александрѣ; 9) война съ Поромъ; амазонки и царица Кандака; 10) мудрыя изреченія Александра; 11) кончина Александра; 12) нѣсколько выводовъ. Далѣе, отдѣльные трактаты: о хананеяхъ-кинокефалахъ и объ иконографическихъ изображеніяхъ св. Христофора (этотъ святой, по преданію носившій на себѣ Христа, иногда изображался въ древности съ собачьей головою) и, наконецъ, о болгарскихъ сказаніяхъ объ Александрѣ Македонскомъ.

Въ обстановкѣ всѣхъ этихъ преданій становится ясно, почему баснословная исторія Александра получила такую славу. Мы замѣтили выше, что Александръ въ его исторіи, обозначаемой именемъ Псевдо-Каллисѣена, представляется почти не язычникомъ; несмотря на его рожденіе, отъ египетскаго волхва, обставленное языческими чарами, несмотря на все окружающее, онъ поставленъ выше грубаго язычества; онъ вѣритъ въ высшую божественную силу, непохожую на языческія божества, и вообще былъ идеализированъ въ полу-христіанскаго героя. Подвиги его были сверхъестественны и сближались, съ одной стороны, съ тѣмъ, что мечталось самой народной фантазіи, съ другой—похожи были

на то, что совершали позднѣе христіанскіе подвижники: такъ, въ глубинѣ Азіи, куда до него не проникалъ никто, Александръ видитъ тѣ же чудеса (чудовищныхъ людей и животныхъ, людей блаженныхъ, Адама и Еву, стѣны рая), видѣтъ которыя удостоились потомъ немногіе христіанскіе странники, о чемъ разсказываютъ ихъ апокрифическія житія и „хожденія“. Жизнь Александра обставлена языческими и ветхозавѣтными пророчествами; она руководится таинственной судьбой; онъ завоевываетъ весь тогдашній свѣтъ, и баснословное жизнеописаніе заводитъ его въ такія страны самой Европы, гдѣ вовсе не бывалъ Александръ историческій (напомнимъ, что нашимъ старымъ книжникамъ нравилось вспоминать его сношенія со скинами, въ которыхъ предполагались предки Руси); онъ умираетъ молодымъ, въ цвѣтѣ лѣтъ, какъ эпическое преданіе любитъ вообще представлять своихъ героевъ.

Въ старомъ русскомъ „Преніи живота и смерти“, смерть похваляется, что никто отъ нея не ушелъ: „Александръ Македонскій и удалой, и храбръ, и всей подсолнечной царь и государь былъ, да и того азъ взяла!“

„Это представленіе,—говоритъ г. Веселовскій,—чего-то рокового усиливалось, въ иной связи, тѣмъ мѣстомъ, какое выпало на долю Александра въ талмудическихъ и христіанскихъ толкованіяхъ Даніиловыхъ пророчествъ. Вся его историческая роль явилась въ фаталистическомъ освѣщеніи: любѣдитель персовъ, создавшій всемірное господство македонянъ, онъ пришелъ какъ бы за тѣмъ, чтобы уготовить такое же господство римскаго имени. Римляне славны уже тѣмъ однимъ, что переняли власть македонянъ,—говоритъ Златоустъ въ одномъ мѣстѣ (въ бесѣдахъ на посланія апостола Павла), особенно характерномъ для репутаціи Александра въ христіанской средѣ. Упомянутія церковныхъ писателей первыхъ вѣковъ даютъ матеріалъ для исторіи позднѣйшихъ редакцій „Александрій“... Въ такой средѣ,—продолжаетъ Веселовскій,—становится понятно сложеніе „христіанизованныхъ“ Александрій, въ родѣ нашей и включенной эпизодомъ въ житіе Макарія Римскаго; понятна своеобразная историко-политическая идея Псевдо-Мессодіевыхъ откровеній, дѣлающая Олимпиаду-Хусіеу матерью не только Александра, но и Византіи, сыновья которой властвуютъ въ Римѣ, Царьградѣ и Александріи,—какъ, съ другой стороны, насъ не поразятъ ни церковныя изображенія легенды о полетѣ Александра на грифахъ, примѣнительно къ Исаи (гл. XIV), ни помѣщеніе одного изъ чудесныхъ эпизодовъ Александрій въ „Цвѣтникѣ“ XVI в., среди чудесъ, со-

вершившихся въ Печерской обители, съ заглавіемъ: „А се иное чудо Александра“.

Мудрыя изреченія Александра, собранныя у Псевдо-Каллисоена, также пользовались большою славою. Вся исторія македонскаго героя отличается назидательнымъ характеромъ: правдоучительныя изреченія приписаны здѣсь и Дарію, и царю Пору, и особливо Александру. Еще задолго до Псевдо-Каллисоена личность Александра складывается въ поэтическій образъ царя-философа: таковъ онъ уже у Плутарха; такимъ онъ изображается въ Талмудѣ и во множествѣ произведеній, связанныхъ различнымъ образомъ съ „Александріей“. „Въ то время, — замѣчаетъ Веселовскій, — какъ средне-вѣковые жонглеры увлекались представленіемъ блестящаго щедраго царя, старая и новая новелла любила ставить его въ положенія, вызывавшія общіе вопросы и философскія сомнѣнія“. Таковы рассказы Цицерона, Валерія Максима, позднѣе, блаженнаго Августина и т. д. Александръ изображался бесѣдующимъ съ брахманами - гимнософистами, съ мудрецами, философами; въ одномъ средне-вѣковомъ рассказѣ онъ бесѣдуетъ съ наслѣдникомъ древнихъ царей, который, отказавшись отъ власти, проводить время въ склепѣ, гдѣ перебираетъ кости, стараясь узнать, какія изъ нихъ принадлежали царямъ, какія — рабамъ, и не находитъ между ними никакой разницы. Самые отцы церкви, какъ Василій Великій, Григорій Назіанзинъ, Златоустъ, приводятъ примѣры его мудрости, воздержанія, милосердія, цитируютъ его изреченія, и самые его пороки упоминаются какъ бы затѣмъ только, чтобы отмѣнить его высокія достоинства: и такимъ героемъ и мудрецомъ овладѣвали человѣческія слабости ¹⁾).

Разборъ сербской „Александріи“ наводитъ автора на вопросъ о характерѣ того ближайшаго источника, изъ котораго она была заимствована. Греческія собственныя имена, упоминаемыя въ исторіи, передаются въ сербскомъ текстѣ въ непривычномъ видѣ: частію, эти имена являются въ ихъ обыкновенномъ видѣ, но рядомъ съ тѣмъ онѣ передаются въ какой-то латинизированной формѣ, въ какой онѣ встрѣчаются въ другомъ старомъ памятникѣ, такъ-называемой „Троянской притчѣ“ ²⁾).

Г. Веселовскій считаетъ возможнымъ объяснять эти формы латинскимъ или романскимъ прототипомъ самаго греческаго текста, изъ котораго была заимствована сербская „Александрія“,

¹⁾ Стр. 420—424.

²⁾ Напр.: Пріамушъ, Ацилешъ, Парияжъ, даже Еленуша, Венуша, Калистенушъ, Селевкушъ и т. п.

или тѣмъ, что пересказчикъ ея былъ начитанъ въ такихъ книгахъ, гдѣ являлись эти, по-романски передѣланныя, греческія имена ¹⁾. Въ самомъ греческомъ текстѣ встрѣчаются слова восточныя, славянскія—передѣланныя на греческій ладъ, средне-вѣковыя латинскія, наконецъ, итальянскія или романскія. Эти романизмы не совпадаютъ между собою ни въ разныхъ греческихъ редакціяхъ, ни съ подобными словами въ рукописяхъ сербской „Александри“, которыя также не сходятся между собой. Для рѣшенія вопроса о происхожденіи этихъ особенностей языка и о времени самаго памятника нужны еще новыя сличенія и, особенно, новыя тексты. Вопросу о времени происхожденія греческаго памятника авторъ посвящаетъ лишь немногія замѣчанія, какъ и вопросу о времени и мѣстности славянскаго перевода (стр. 445 и слѣд.).

Изъ отдѣльныхъ изслѣдованій отмѣтимъ то, которое посвящено болгарскимъ сказаніямъ объ Александрѣ, тѣмъ, которыя собраны въ извѣстной „Славянской Вѣдѣ“ г. Верковича. Этотъ сборникъ (два печатныхъ тома и большая масса еще неизданныхъ пѣсенъ) составляетъ до сихъ поръ не исполнѣнную задачу. Г. Верковичъ выступилъ съ нимъ уже давно, какъ съ великимъ открытіемъ, заключавшимъ древнѣйшія преданія, какія только существуютъ въ славянскомъ племени: преданія восходили, ни больше, ни меньше, какъ ко временамъ индійскимъ (въ пѣсняхъ упоминается будто-бы богъ Вишну), ко временамъ древней Греціи (въ пѣсняхъ передавались, напр., сказанія объ Орфѣѣ, память о которомъ предполагалась сохранившейся на мѣстѣ), ко временамъ Александра Македонскаго (пѣсни о которомъ должны были быть непосредственно продолжавшимся преданіемъ о самой его исторической эпохѣ); присоединялись, наконецъ, пѣсни неопредѣленно мифологическія, также долженствовавшія относиться къ незапамятнымъ временамъ первобытной древности. Первый опытъ изданія, сдѣланный г. Верковичемъ, произвелъ не то впечатлѣніе, какового онъ ожидалъ. Тексты были столь необычны, что прежде всего они возбудили недовѣріе и предположеніе, что пѣсни принадлежать не древнему, а, напротивъ, самому новѣйшему времени; недовѣріе было такъ сильно, что никто изъ компетентныхъ ученыхъ не считалъ нужнымъ заняться изслѣдованіемъ вопроса объ ихъ подлинности или — поддѣлѣ. Нашлось, наконецъ, и нѣсколько лицъ, которыя увѣровали въ „Славянскую Вѣду“. Прежде всего это былъ Дозонъ, французскій переводчикъ болгарскихъ пѣсенъ, бывавшій и на мѣстахъ; но затѣмъ и

¹⁾ Стр. 381, 437—443.

болѣе спеціальныя ученые, которые, кромѣ печатныхъ пѣсенъ, имѣли случай познакомиться и съ остальною массою „Славянской Веды“, остававшеюся въ рукописи. Это были Гейтлеръ, чешскій филологъ, бывшій профессоромъ въ Загребѣ (нынѣ уже умершій), а у насъ г. Всеволодъ Миллеръ; тотъ и другой настаивали на подлинности пѣсенъ, и ихъ увѣренность подтверждалась до известной степени тѣмъ, что варианты нѣкоторыхъ пѣсенъ Верковича (именно обще-миѳологическихъ) были встрѣчены въ народномъ обращеніи и изданы лицами, не возбуждавшими сомнѣнія. Впрочемъ, какъ мы замѣтили, многое изъ собранія Верковича еще остается неизданнымъ и „Веда“ не встрѣтила еще цѣльнаго и категорическаго разбора; прежде всего нужно было, конечно, провѣрить все это на мѣстѣ,—но положеніе Болгаріи въ послѣдніе годы, даже послѣ ея освобожденія, не было особенно благопріятно для ученыхъ наблюденій, а мѣстность, гдѣ скрывалась „Веда“, принадлежить къ наименѣе известнымъ захолустьямъ Болгаріи: эта мѣстность — Родопскія горы, а спеціальныя хранители „Веды“ — помаки, магометанскіе болгары; наконецъ, если-бы чего-нибудь не отыскалось на мѣстѣ, можно было объяснять нынѣшнее отсутствіе хранителей „Веды“ военными тревогами Болгаріи. Таковъ сборникъ, въ которомъ заключены, между прочимъ, пѣсни объ Александрѣ, разбираемыя г. Веселовскимъ; хотя, впрочемъ, это не чистыя пѣсни, потому что ихъ метрика разрушена и онѣ пересказываются, какъ сказки.

Нашъ авторъ не ставитъ вопроса о подлинности цѣлаго собранія и выбираетъ изъ него лишь то, что относится къ Александру. Сборникъ Верковича онъ „устраняетъ изъ области собственно народной литературы“ (стр. 494), но считаетъ возможнымъ переходъ книжной „Александрии“ въ дѣйствительно народный поэтический капиталъ, въ преданія и пѣсни. Это послѣднее случилось не разъ, и славянская „Александрія“, известная уже съ очень стараго времени, могла оставить свой слѣдъ въ народѣ, поддержанный школьными свѣденіями и приуроченіями къ Александру нынѣшнихъ мѣстностей, принадлежавшихъ древней Македоніи. Въ пѣсняхъ или сказкахъ Верковича г. Веселовскій именно находитъ отголоски книжной „Александрии“; въ другихъ случаяхъ имя героя случайно попадаетъ въ пѣсню, не имѣющую никакого отношенія къ преданіямъ о немъ. Какъ опредѣлить въ нѣкоторыхъ преданіяхъ долю мѣстной, не-книжной, саги, онъ затрудняется, за недостаткомъ данныхъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ находитъ очевиднымъ, что преданіе создано было людьми грамотными или наслышанными (стр. 493). Но что, кромѣ „Але-

ксандріи“, былъ и другой, чисто вѣжливый или швольный, источникъ сказаній „Славянской Веды“ объ Александрѣ, это можно видѣть изъ того, что нѣкоторыя подробности ихъ взяты просто изъ Плутарха.

Другая книга, о которой мы хотѣли говорить: „Южно-русскія былины“, вышла еще два года тому назадъ ¹⁾, но по той же причинѣ, которую мы выше указали, объ этой книгѣ все еще можно говорить какъ о новой: едва-ли она извѣстна большинству даже тѣхъ читателей, которымъ не чужды вопросы исторіи русской литературы. И эта книга, какъ обыкновенно труды г. Веселовскаго, состоитъ изъ ряда эпизодическихъ изысканій, которыя, исходя отъ южно-русскихъ былинъ, раскидываются на далекое, не легко обозримое, пространство средневѣковой литературы и народной поэзіи. Тѣмы, на которыхъ останавливается авторъ, слѣдующія: былины о Саулѣ Леванидовичѣ и греческая пѣсня объ Армури; былины объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ и старый французскій романъ объ Иракли; богатыри-сурожцы, Суровецъ-суздалецъ и Чурила Пленковичъ; Дюкъ Степановичъ и западныя параллели къ пѣснямъ о немъ; какъ перевелись на Руси богатыри; царь Константинъ въ русскихъ и южно-славянскихъ пѣсняхъ; бой Ильи Муромца съ сыномъ; Алексѣй Поповичъ и Тугаринъ; Илья Муромецъ и Идолище; Алеша, „бабій пересмѣшникъ“, и сюжетъ Шекспировскаго „Цимбелина“.

Не можемъ еще разъ не высказать сожалѣнія, что труды нашего автора, по своему изложенію, остаются недоступны для большаго круга читателей. Предметъ ихъ исполненъ интереса, и они бросаютъ столько новаго свѣта на судьбу нашего древняго эпическаго преданія, что исторія нашего эпоса получаетъ новый видъ, обогащается такими чертами, которыя до сихъ поръ или едва только намѣчались, или даже совсѣмъ не были предполагаемы. Дѣло въ томъ, что нашъ эпосъ, такъ недавно открытый нашей наукою и оказавшійся, къ удивленію, столь богатымъ и привязаннымъ къ такой отдаленной старинѣ, сохранился, однако, для насъ не въ старыхъ памятникахъ, сколько-нибудь близкихъ къ эпохѣ самаго творчества, какъ греческая „Иліада“, какъ романскія и германскія эпопеи среднихъ вѣковъ, а именно только въ народномъ преданіи, котораго почти абсолютно не хотѣли знать старые книжники, и которое мы записали только недавно, чуть

¹⁾ Раньше мы имѣли случай упоминать только о вышедшихъ прежде первыхъ главахъ этого изслѣдованія.

не вчера. Въ теченіе многихъ вѣковъ нашъ эпосъ лишенъ быть для своего сохраненія всякой книжной помощи: его сбереженіе предоставлено было одной народной памяти; между тѣмъ шла исторія, совершались событія, потрясавшія все бытіе государства и народа, и въ массѣ эпосъ необходимо заглушался, переходилъ на новыя тѣмы и теперь уцѣлѣть лишь въ такихъ заголустахъ, куда не проникали историческія волненія. Онъ уцѣлѣть особливо на глухомъ Сѣверѣ, въ средѣ простыхъ деревенскихъ людей, предоставленныхъ самимъ себѣ, воспитавшихъ въ себѣ, силою привычки, особую любовь къ этой старинѣ и особую способность сживаться съ формами и языкомъ эпоса. Но и здѣсь, въ длинномъ рядѣ поколѣній, старое сказаніе не могло, конечно, не испытать вліянія времени, не могло не забываться и не переимчиваться; старая жизнь, старыя имена переставали быть понятными; новый бытъ, новыя представленія вторгались неудержимо и не могли не отражаться на пѣснѣ разрушительно; она больше и больше теряла ясную печать старины, затуманивалась, раздвоялась, варьировалась; одному герою приписывались дѣянія, ему не принадлежавшія; сходныя событія сливались; имена искажались почти до неузнаваемости; старыя событія смѣшивались съ болѣе знакомыми позднѣйшими, и т. д. Въ такомъ смѣшанномъ составѣ древній эпосъ дошелъ до нашего времени, и нало еще удивляться, что въ немъ все-таки сбереглось столько индивидуальных особенностей его героевъ, столько подробностей, которыя дышать несомнѣнной древностью.

Въ прежнихъ изслѣдованіяхъ это положеніе дѣла не осталось, конечно, незамѣченнымъ, но эти изслѣдованія рассматривали былинный эпосъ почти исключительно только въ немъ самомъ, въ его собственномъ кругѣ преданій, — сначала только извлекая изъ него выводы о складѣ русскаго народнаго творчества и объясняя его извѣстными историческими положеніями (такъ это дѣлалось до 40-хъ годовъ); въ послѣдствіи къ нему примѣнены были выясненныя Гриммовой школой понятія о значеніи народнаго эпоса въ связи съ народной мифологіей, и сдѣланы были нѣкоторыя сличенія его содержанія съ параллельными чертами въ поэзіи другихъ народовъ; но сближенія оставались чисто формальными, объяснявшими приемы и стиль, но не содержаніе былины, которое истолковывалось древнимъ туземнымъ мифомъ, а потомъ исторіей. Между тѣмъ параллели бывали иногда такъ близки, что надо было обратить вниманіе на совпаденія, которыя должны были перестать казаться только случайными, обще-эпическими, и при неразработанности этой стороны предмета г. Стасовъ могъ выступить

съ своей оригинальной теоріей, представлявшей русскую былинѣ какъ порожденіе восточной поэзіи, а г. Безсоновъ—придумывать свои мистическія толкованія. Эти послѣднія не имѣли никакого успѣха, потому что были слишкомъ явно произвольны; но теорія г. Стасова произвела не малый переполохъ, результатомъ котораго была сознанныя потребность болѣе критическаго изслѣдованія самаго содержанія былинъ. Въ то время уже дѣлались первыя опыты въ этомъ направленіи, которое теперь пріобрѣло господствующее положеніе въ объясненіи вопроса. Это—взглядъ и приемы Веселовскаго, Ягича, Дашкевича, Жданова, Кирпичникова и др. Ближайшее изученіе былиннаго эпоса, въ связи, съ одной стороны, съ нашими письменными памятниками, съ другой—съ средневѣковой поэзіи другихъ народовъ, ставило внѣ сомнѣнія, что многое, чтó полагалось у насъ самороднымъ и исконнымъ до-христіанскимъ созданіемъ русскаго народнаго творчества, было, напротивъ, явленіемъ позднимъ, напр. почерпнуто изъ христіанскаго легендарнаго источника, и только переработано народной фантазіей до такой формы, въ которой на первый взглядъ невозможно угадать подлинника. То, чтó было дѣйствительно мифологическаго, остается и до-нынѣ мало-объясненнымъ; но объемъ этого мифологическаго въ народномъ эпосѣ сильно сократился сравнительно съ прежними представленіями и, напротивъ, выступаютъ все нагляднѣе и ярче черты историческаго характера, такія, въ которыхъ можно услѣдить начало иныхъ эпическихъ героев и складъ изображенія.

Говоря прежде объ изслѣдованіяхъ Веселовскаго, мы приводили примѣры; настоящій трудъ представляетъ новое ихъ изобиліе. Рѣчь идетъ о былинахъ южно-русскихъ — тѣхъ, которыя привязаны къ Кіеву, къ князю Владиміру и къ древнимъ историческимъ отношеніямъ южной Руси. Какъ мы выше говорили, вопросъ изслѣдованія здѣсь очень сложенъ. Въ тѣхъ смутныхъ очертаніяхъ, съ какими древній эпосъ является въ его современныхъ пересказахъ, надо было выдѣлать его дѣйствительную основу; среди массы подробностей и варіантовъ отличить старое и существенное отъ новаго и случайнаго, которое въ теченіе вѣковъ закрывало первоначальную тѣму чертами, внесенными по какой-нибудь аналогіи въ замѣну забытаго; наконецъ, въ возстановленномъ гипотетически сюжетѣ найти историческій смыслъ его появленія, или, можетъ быть, его иноземный источникъ. Работа чрезвычайно трудная по качеству нашихъ текстовъ. Взятыя сами по себѣ, они въ нѣкоторыхъ особливо сложныхъ смѣшеніяхъ почти не даютъ возможности оріентироваться и опредѣлить точную при-

надлежность подробностей. Единственный вѣрный путь представляло въ подобныхъ случаяхъ сличеніе нашихъ былинныхъ тѣмъ съ однородными явленіями эпоса другихъ народовъ. Давно уже было замѣчено, что подобныхъ параллелей встрѣчается не мало, между прочимъ, даже въ исторіи главнѣйшаго русскаго богатыря, Ильи-Муромца; и подобнымъ путемъ г. Веселовскому удавалось приходить къ чрезвычайно любопытнымъ выводамъ относительно многихъ книжно-народныхъ и чисто-народныхъ сказаній. — Въ новыхъ изысканіяхъ о южно-русской былинѣ онъ также достигаетъ результатовъ большого историческаго интереса.

Въ числѣ этихъ былинъ есть разрядъ такихъ, которыя намекаютъ на какое-то отношеніе къ Византіи: являются пари съ именами на греческій ладъ — Саулъ Леванидовичъ, Константинъ Сауиловичъ, Эммануилъ и т. п.; является „сорочина долгополая“, представляющая неизвѣстныхъ намъ собственно сарацинъ; описываются богатыри съ заморскими нравами, какъ Чурила Пленковичъ, Дюкъ Степановичъ, которые представляются прямо чужими людьми, съ особыми нравами и манерами; наконецъ, мелкія подробности въ названіяхъ предметовъ, географическихъ именахъ, и т. д. Прежде полагали обыкновенно, что это иноземное изображено было самостоятельно самимъ русскимъ эпосомъ, который отразилъ здѣсь старыя условія южной Руси, ея международныя связи и сосѣдство. Поиски въ средневѣковой поэзіи византійской и западной приводятъ къ иному заключенію. Мы не имѣемъ возможности слѣдить за подробностями изслѣдованій Веселовскаго, и укажемъ лишь нѣкоторыя общія соображенія, какія изъ нихъ слѣдуютъ. Эти былины, намекающія на Византію, далеко не составляя единичнаго созданія русскаго эпоса, имѣютъ, напротивъ, такія византійскія параллели, или прямыя, или косвенныя, которыя не оставляютъ сомнѣнія въ существованіи извѣстной народно-поэтической связи нашего стараго юга съ Византіей или съ греческими колоніями въ его сосѣдствѣ. Изслѣдовавши, такъ сказать, анатомически, былинку о Саулѣ Леванидовичѣ или Иванѣ Гостинѣ сынѣ, нашъ авторъ восстанавливаетъ первоначальную послѣдовательность ихъ сюжетовъ и въ то же время находитъ въ старомъ византійскомъ эпосѣ произведенія, представляющія съ ними полную аналогію. Такъ, для первой изъ названныхъ былинъ эта аналогія открывается въ средне-греческой поэмѣ объ Армури, недавно изданной г. Дестунисомъ по рукописи Публичной Библіотеки; для второй — аналогія нашлась въ старо-французскомъ романѣ, которому Веселовскій указываетъ византійскую подладеу. Въ томъ и другомъ случаѣ, мы имѣемъ греческіе прототипы, одинъ въ

наличности, другой — указываемый его чужезарными обработками. Сама византийская старина средних вѣковъ далеко не разработана, и все еще производятся поиски и находки византийскихъ эпическихъ произведений, въ которыхъ уже не разъ встрѣчены были первообразы нашихъ древнихъ памятниковъ. Теперь находятся любопытныя параллели и для нѣкоторыхъ эпизодовъ нашего былиннаго эпоса.

Византийская эпоха, какъ можно было бы ожидать а priori, создала свою новую народную поэзію, и въ томъ числѣ эпосъ. Старое античное преданіе послѣ золотого вѣка греческой литературы стало распадаться; распространеніе христіанства не могло не подорвать его еще болѣе, но поэтический инстинктъ продолжалъ жить въ народѣ, и постепенно сложилась новая поэзія, съ отголосками стараго преданія и обычая, съ окраскою новой вѣры, съ фактами новыхъ историческихъ отношеній. Времена національной борьбы, затрогивающей жизненные интересы народа, по преимуществу отражаются въ эпической пѣснѣ, и такія условія наступили и здѣсь. Средне-греческій народъ византийской имперіи снова увидѣлъ себя великимъ національнымъ цѣлымъ: въ его средѣ создалось обширное, сильное государство, которое пользовалось великой славой, но должно было вести тяжелую борьбу съ появившимися рано врагами, которымъ суждено было, наконецъ, сокрушить имперію. Борьба съ восточными народами была издавна привычною борьбою греко-римскаго міра, и теперь она доставила матеріалъ для эпоса. Онъ довольно рано попалъ въ книгу. Такова была поэма о Дигенисѣ, переводъ которой былъ извѣстенъ въ старой русской литературѣ; таковы пѣсни о сынѣ Андроника, объ Армури, и пр., сюжеты которыхъ относятся къ борьбѣ съ сарацинами. Этотъ средне-греческій эпосъ очень любопытенъ между прочимъ, въ сравненіи съ русской былинной. Это — чисто новое произведеніе народно-поэтическаго творчества: народъ, уже имѣвшій свое славное прошлое, какъ бы снова очутился въ томъ первобытномъ архаическомъ состояніи, въ какомъ можетъ образоваться эпосъ, и формы этого эпоса складываются такъ, какъ будто онъ не имѣлъ никакихъ классическихъ antecedentовъ. Новая исторія произвела новыя пѣсни, какъ подобнымъ образомъ въ русскомъ народѣ древній кievскій эпосъ забылся на югѣ и смѣненъ былъ въ XVI—XVII-мъ вѣкахъ вторичнымъ эпосомъ малорусской думы. Средне-греческій эпосъ попалъ въ руки книжниковъ, но въ ихъ поэмахъ несомнѣнно присутствіе народнаго творчества въ той или другой степени. Пѣсня объ Армури (сохранившаяся не вполне) носить несомнѣнные слѣды народнаго

склада и очень похожа на былинну своими приёмами: такой же заповѣтъ или вступленіе, такая же постройка разсказа, тѣ же сравненія и эпическія преувеличенія. Армури—молодой богатырь; онъ родился въ отсутствіи отца—отецъ воевалъ съ сарацинами и попалъ въ плѣнъ; Армури растетъ не по днямъ, а по часамъ; еще мальчикомъ онъ берется за оружіе и на чудесномъ конѣ уѣзжаетъ освобождать отца. Когда онъ просился у матери поѣхать въ первый разъ верхомъ, она удерживаетъ его: онъ еще слишкомъ малъ; „а если хочешь ты верхомъ поѣхать,—говоритъ она ему,—то тамъ, наверху, виситъ копьё отца твоего, что государемъ-батюшкой твоимъ изъ Вавилоніи вято, сверху и донизу все золотое, жемчугомъ обсыпано; согнешь его разъ, согнешь два раза, а какъ три раза согнешь, тогда и поѣдешь“. Мальчикъ съ плачемъ поднимается на лѣстницу и смѣясь съ лѣстницы спускается: прежде чѣмъ онъ схватилъ копьё—оно уже давало себя хватать; прежде чѣмъ встряхнулъ его—оно встряхивалось; онъ привязалъ его къ своей рукѣ—оно согнулось. Какъ увидѣла это мать, она велитъ архонтамъ осѣдлать вороного отцовскаго коня, что уже двѣнадцать лѣтъ воды не пивалъ, что двѣнадцать лѣтъ подъ верхомъ не бывалъ, что разѣдаетъ подкову гвоздчатую, что стоитъ какъ вкопанный.—Сѣлъ на него Армури, и пока сказали: прощайте, онъ уже умчался на тридцать миль, а пока отозвались ему, умчался на шестьдесятъ-пять. Когда онъ подъѣхалъ къ Евфрату и искалъ переѣзда, надъ нимъ съ противоположнаго берега подсмѣивается сарацинъ: у сарацинъ такіе кони, что вѣтеръ нагоняютъ и куропатоку на-лету хватаютъ, а Евфрата не могутъ переѣхать, а онъ хочетъ переѣхать Евфратъ на своей клыченѣ. Армури разозлился на эти слова и, съ помощію ангела, который далъ ему какой-то совѣтъ, перебрался на своемъ конѣ черезъ Евфратъ. Здѣсь онъ находитъ несчетное войско, и чтобы не упрекнули его, что онъ нападаетъ на невооруженныхъ, онъ кричитъ сарацинамъ, „поганымъ собакамъ“, чтобы они вооружались; онъ нападаетъ на нихъ и, конечно, побиваетъ все ихъ войско. Сарацинскій эмиръ, испуганный поражениемъ, находитъ только одно средство избавиться отъ молодого богатыря: у него въ тюрьмѣ сидитъ старый плѣнный богатырь; это — Армури-отецъ, и эмиръ проситъ его убѣдить сына помиловать сарацинъ, и тогда онъ возьметъ его зятемъ, и будутъ они жить въ мирѣ... Чѣмъ кончилось дѣло, неизвѣстно, потому что конца въ греческой пѣснѣ недостаетъ; по другимъ вариантамъ этого сюжета, богатырь-отецъ выходитъ на борьбу съ молодымъ, въ которомъ и узнаетъ своего сына.

Мы скажемъ дальше о самой тѣмѣ разсказа и приведемъ здѣсь нѣсколько примѣровъ того сходства эпическихъ приѣмовъ, которое поражаетъ въ греческихъ поэмахъ и русскихъ былинахъ; много этихъ примѣровъ собрано Веселовскимъ. Между прочимъ, повторяется здѣсь та же самая неумѣренность поэтическихъ сравненій, которая еще недавно считалась особой чертой русскаго эпоса. Стремительная поѣздка Армури имѣетъ цѣлый рядъ соотвѣтствій въ нашихъ пѣсняхъ. Русская былина говоритъ о богатырской ѣздѣ: „Только видѣли стараго сѣдучиса, а не видѣли стараго поѣдучиса, — только куревко въ полѣ воскурилось, — туманъ въ полѣ затуманился“. Скакать черезъ рѣки, горы и доли для нашихъ богатырей—дѣло обыкновенное. Какъ молодой Армури не хочетъ нападать на непріятеля непрigотовленнаго, такъ и у насъ не нападаютъ на спящаго врага: „Не честь-то мнѣ хвала да молодецкая—а бить-то мнѣ-ка соннаго что мертваго“. Передъ началомъ битвы греческій богатырь бросаетъ въ небо саблю и подхватываетъ ее на-лету; эта игра съ оружіемъ обыкновенна и въ нашихъ былинахъ. „Мы имѣемъ дѣло,—замѣчаетъ Веселовскій,—съ типическимъ образомъ, характеризующимъ представление битвы—богатырской потѣхой, въ которой весело и кичливо проявляется молодецкая удалъ. Въ русскихъ, сербскихъ, болгарскихъ (и румынскихъ) пѣсняхъ витязь, выѣзжая на бой, точно расправляетъ свои мышцы, швыряя высоко, подъ облака, свою палицу, копьѣ, либо саблю, и подхватывая на-лету тяжелое оружіе, которымъ вращаетъ легко, точно лебединымъ перомъ“. Очень любопытно, что самый способъ битвы одинъ и тотъ же. Армури „начинаетъ бой крѣпко мужественно, все по краямъ рубить, а середина изводилась“. Въ нашей былинѣ Константинъ Сауиловичъ „зачалъ татаровъ съ края бить“, и т. п. Богатырская сила Армури сказывается съ самыхъ юныхъ лѣтъ; другой богатырь, сынъ Андроника, двухъ лѣтъ уже хватается за мечъ, и когда ему было три года, о немъ уже слава гремитъ; третій греческій богатырь въ пятницу родился, въ субботу его окрестили, а въ воскресенье онъ проситъ дать ему пощелкать бобовъ, на пятый день онъ берется за саблю, на шестой—за копьѣ, а на седьмой—похваляется, что не боится никакого храбреца. Примѣры изъ нашей быliny извѣстны: „Сталъ Васинька на улочку похаживать, — не легкія шуточки пошучивать:—за руку возьметъ, рука прочь,—за ногу возьметъ, нога прочь“, и пр. Богатырскій конь также особенный; это—или молодой жеребенокъ, или старый, заброшенный, отцовскій или дѣдовскій, конь, который ожидаетъ молодого витязя, чтобы помолодѣть. Въ греческой пѣснѣ конь сѣдаетъ подкову съ гво-

дами, раздробляетъ камень и желѣзо; онъ такъ легкоѣ, что не подымаетъ пыли; когда онъ мчится, то спереди точно молнія, сзади будто громъ; чтобы сказать быстрее, конь требуетъ, чтобы на него положили двѣнадцать сѣделъ, десять попоны и восемнадцать подпругъ, только не надо его шпорить, и т. п. Изображеніе коня въ русской былинѣ извѣстно: подъ русскимъ богатыремъ „конь какъ лютый звѣрь, — изъ ноздрей-то искры сыплются, — изъ ушей-то дымъ столбомъ стоитъ“. Онъ скачетъ „выше дерева стоячаго, ниже облака ходячаго, горы и доли между ногъ пускаетъ, быстрыя рѣки перепрыгиваетъ, широкія раздолья хвостомъ устилаетъ“. Сѣдлатъ такого коня также надо было особеннымъ образомъ; на коня кладутъ потники на потники, войлоки на войлоки, наверхъ кладутъ черкасское сѣдло и затягиваютъ „двѣнадцать тугихъ подпругъ“, и, сверхъ того, еще тринадцатую „для ради увѣрны богатырскія“. Русскія сказки знаютъ и невзрачнаго, „шелудиваго“ жеребенка, котораго богатырь кормитъ сарачинскимъ пшеномъ, поитъ медвяной сытой, валяетъ въ травѣ по утренней росѣ, послѣ чего онъ становится настоящимъ богатырскимъ конемъ; и стараго коня, служившаго прежнимъ богатырямъ и заброшеннаго; есть и такіе чудесные кони, которыхъ кормятъ горячими углями.

Указавши сходство въ эпическомъ складѣ пѣсни греческой и русской, г. Веселовскій нашелъ въ нашей былинѣ самый сюжетъ греческаго Армури, именно въ былинахъ о Саулѣ или Саурѣ Леванидовичѣ, конечно, съ разными варіаціями, но съ несомнѣннымъ тождествомъ самой тѣмы разсказа и, между прочимъ, съ недостающимъ въ греческой пѣснѣ концомъ. Планъ этого сюжета, по выводамъ автора, былъ таковъ: 1) отецъ въ отлучкѣ, въ плѣну; 2) сынъ, родившійся въ его отсутствіи, съизмала проявляетъ богатырскую силу, ѣдетъ отыскивать отца, побиваетъ вражье войско; 3) противъ него высылаютъ плѣнника-отца; поединокъ и спознаніе (стр. 34). Богатырь отецъ носить въ былинахъ имя Саула и Саура; жена его — Елена Азвяковна или Александровна, сынъ — Константинъ; все это, по мнѣнію Веселовскаго, указываетъ на византійское пѣсенное или историческое преданіе, присутствующее и въ другихъ былинахъ: по пѣснямъ объ Ильѣ Муромцѣ, Константинъ Боголюбовичъ и его жена, Елена Александровна, царятъ въ Константинополѣ; Константинъ или Саулъ Леванидовичъ, извѣстный изъ духовныхъ стиховъ, происходитъ, вѣроятно, отъ Левона или Леона, извѣстнаго по баснословнымъ письменнымъ исторіямъ. Съ этими именами не гармонируютъ „татары“, названные въ одномъ вариантѣ быliny, но въ другомъ мѣстѣ

упоминаются именно „сарацины“ — вѣроятно, тѣ самые, съ которыми бьется Армури. „Я не далеко отъ предположенія, — говоритъ г. Веселовскій, — что за былинной о Саулѣ Леванидовичѣ скрывается оригиналъ какой-нибудь греческой народно-эпической пѣсни, близкой по типу къ пѣснѣ объ Армури и также воспѣвавшей бытвы юнаго храбреца съ малоазійскими исконными врагами Византіи. Благодаря своей обособленности отъ кievскаго и владиміровскаго центровъ, къ которымъ притянуло почти все древнее содержаніе нашего эпоса, эта былина сохранила въ относительной свѣжести слѣды своего происхожденія — въ именахъ дѣйствующихъ лицъ и сарациновъ, которыхъ другой вариантъ былины уже переименовалъ татарами.

„Предположеніе, что византійскія былины могли проникнуть на югъ Россіи и занять мѣсто въ ея эпическомъ циклѣ, не имѣетъ, само по себѣ, ничего невѣроятнаго. Слѣдуетъ припомнить греческую колонизацію нашего Крыма, роль Сурожа въ судьбахъ древней Россіи, международное пѣсенное общеніе, сплавивавшее средневѣковую Европу тѣснѣе и многообразнѣе, чѣмъ мы обыкновенно полагаемъ. Греческія пѣсни о сыновьяхъ Романа Лекапина (945 г.) пѣлись, по свидѣтельству Ліутпранда, не только въ Европѣ, но и въ Африкѣ и Азіи; въ этомъ такая же доля риторическаго преувеличенія, какъ и у автора „Слова о Полку Игоревѣ“, заставляющаго нѣмцевъ и венеціанъ, грековъ и мораванъ вторить пѣснямъ о славныхъ подвигахъ кievскихъ князей. Но за шаржемъ скрывается и доля дѣйствительности: отрывки византійскихъ новеллъ заходили уже въ X-мъ вѣкѣ къ нѣмецкимъ шпильманамъ; византійскіе отголоски легко встрѣтить въ поэмахъ о Ротерѣ, о Нуг- и Wolddietrich'ахъ. Русскіе перепѣвы византійскихъ пѣсенъ принадлежатъ тому же теченію, и ихъ необходимо принять въ расчетъ, изслѣдуя судьбы византійскаго вліянія на литературу запада“.

Другой примѣръ византійской тѣмы, сохранившейся въ древней русской обработкѣ, представляютъ, по объясненію автора, былины объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ и близкія къ нимъ былины объ Иванѣ Вдовкинѣ сынѣ. Ихъ первоначальный планъ, восстанавливаемый по разнымъ вариантамъ, былъ таковъ: 1) Иванъ (Гостинный сынъ) родится отъ старыхъ, дотолѣ бездѣтныхъ родителей, вслѣдствіе ихъ молитвы и обѣта. Какой-то старикъ научаетъ его, какъ достать чудеснаго жеребенка; быть можетъ, Ивану приписаны были и какія-нибудь другія чудесныя познанія (сказка о доставаніи коня; былина о Ваньѣ Вдовкинѣ сынѣ). 2) Отецъ его умираетъ; его вдова продаетъ сына (былина объ Иванѣ Го-

стиномъ сынѣ). 3) Иванъ является при дворѣ какого-то царя; онъ обладаетъ вѣщими знаніями (былица объ Иванѣ Вдовинѣ сынѣ), испытываетъ, въ запуски съ царскими конями, быстроту своего жеребенка (былина объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ). 4) Онъ указываетъ царю на его сверстницу-невѣсту, оказывающуюся впоследствии невѣрной женой (стр. 54). Прямого византійскаго подлинника этой тѣмы пока не встрѣтилось; но довольно ясное косвенное указаніе на нее г. Веселовскій напелъ въ старомъ французскомъ романѣ объ Иракліи, XII-го вѣка, основанномъ на какомъ-то потерянномъ византійскомъ источникѣ. Сходство основной мысли въ старо-французскомъ (византійскомъ) романѣ и въ русской былинѣ едва-ли подлежить сомнѣнію: Само собою разумѣется, что не могло не оказаться значительныхъ варіантовъ между двумя изложеніями одной тѣмы, изъ которыхъ одно закрѣплено письменнымъ памятникомъ, близкимъ къ эпохѣ самаго подлинника, но допустившимъ поэтическія добавленія чужого поэта (во французской поэмѣ), а другое въ теченіе многихъ вѣковъ оставалось чисто устнымъ пересказомъ, по необходимости испытаннымъ всѣ случайности, какимъ всегда подвергается народно-поэтическое произведеніе, живущее только въ устахъ народа. „Три первыхъ отдѣла повѣсти объ Иракліи,—говоритъ г. Веселовскій,—сличенныя съ соотвѣствующими отдѣлами схемы, установленной нами для пѣсенъ объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ, представляютъ существенно то же содержаніе, тамъ и здѣсь сгруппированное вокругъ одного лица. Разница въ томъ, что поэма сохранила отдѣльные эпизоды въ связи, въ единствѣ цѣлаго, тогда какъ въ русскомъ пѣсенномъ преданіи являются лишь отрывки и намеки, кое-гдѣ связанные общимъ именемъ героя, но такъ слабо, что лишь сравненіе съ византійско-французскимъ разсказомъ объ Иракліи дало намъ возможность признать въ разныхъ подробностяхъ былины эпизоды одного и того же дѣйствія“... (стр. 65). „Я не утверждаю,—продолжаетъ г. Веселовскій,—чтобы источникомъ нашихъ пѣсенъ объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ былъ именно подлинникъ „Иракліи“, и удовлетворяюсь гипотезой, что этотъ источникъ былъ близокъ къ тому подлиннику“. Отсюда, наприкладъ, могла войти въ нашу былину и такая подробность, какъ купцы „вавилоняне“, которыхъ нашъ пересказчикъ едва-ли могъ найти въ эпическомъ запасѣ своей памяти. Перешедши къ намъ, византійская сказка принята была въ составъ южно-русскихъ былинъ подъ условіемъ извѣстныхъ приуроченій и измѣненій. „Ей пришлось найтись въ новой, болѣе простой бытовой обстановкѣ и поступиться многимъ, что не шло къ новой средѣ, либо полу-

нятое необходимо облекалось въ болѣе грубыя формы“. Подобное приуроченіе къ новой средѣ и вмѣстѣ грубое пониманіе нашъ авторъ указываетъ, напримѣръ, въ извѣстныхъ чертахъ другого былиннаго героя, Чурилы, относящагося къ тому же византійскому циклу южно русскихъ-преданій: его „щапленье“ и щегольство являются совершенно лубочными въ сравненіи съ византійскими юношами, которые красуются предъ византійской героиней французскаго романа. „Тѣмъ же деревенскимъ шаржемъ, дающимъ чувствовать за собою болѣе утонченный подлинникъ, отзывается въ пѣсняхъ о Чурилѣ вычурное описаніе его дворца, его любовныя привлеченія, впечатлѣніе, производимое имъ на женщинъ: это—на столько же грубость житейскаго взгляда, на сколько грубое усвоеніе чужого“ (стр. 67—68).

Далѣе, тѣмъ былинъ о Суровцѣ-Суздальцѣ и Чурилѣ Пленковичѣ нашъ авторъ касался уже и прежде; теперь онъ разбираетъ ихъ подробнѣе и опять дѣлаетъ не мало любопытныхъ указаній, подтверждающихъ его прежнее предположеніе. Исследователи, раньше говорившіе объ этихъ былинахъ, догадывались, что въ Чурилѣ изображается человекъ иноземный, но его имя оставалось невразумительно, а г. Безсоновъ, по обыкновенію, отискалъ въ именахъ Чурилы и его отца миеологическое и мистическое значеніе. Г. Веселовскій давно уже объяснилъ, что здѣсь нѣтъ ничего таинственнаго, что имя Чурилы есть не болѣе какъ народная передѣлка имени: Кириллъ, а имя его отца, Пленка, есть не что иное, какъ фонетическое измѣненіе, въ старину также не рѣдкое, изъ слова: Франкъ. О богатырѣ Суровцѣ и раньше говорили, что это есть сурожець, житель Сурожа или Сугдайи (нынѣ Судакъ) въ Крыму, города, нѣкогда знаменитаго своею торговлею византійскою, потомъ генуэзскою. Чурила является въ русской былинѣ не столько богатыремъ, сколько культурнымъ человекомъ, а понятіе культурности выразилось наивнымъ удивленіемъ къ ловкости, граничившей съ фиглярствомъ, къ щегольству и нарядности, переходившимъ въ жеманство. Извѣстны былинныя описанія великолѣпія дворца Чурилы, которому дивился князь Владиміръ, и его собственнаго франтовства:

„Дворъ-отъ у Чурила на семи верстахъ,
Около двора все булатнѣй тинъ,
Верхній-то были все точёные,
Подворотенки-то были дорогъ рыбій зубъ,
Надъ воротами иконъ до семьдесятъ,
На дворѣ есть теремовъ до семи-ихъ сотъ“.

У дворца трое сѣней: одни сѣни рѣшетчатыя, другія—серебряныя, третія на золотѣ. Теремъ наполненъ чудесами: „Въ терему полъ-середа одного серебра, стѣны-потолокъ красна золота, на небѣ солнце и въ теремѣ солнце, на небѣ мѣсяцъ и въ теремѣ мѣсяцъ, на небѣ звѣзды разсыплются, въ теремѣ звѣзды разсыплются“.

Между прочимъ, указывая параллели этимъ описаніямъ въ средневѣковой литературѣ, г. Веселовскій думаетъ, что это общее мѣсто могло имѣть реальное основаніе въ какихъ-нибудь хитрыхъ деталяхъ средневѣковой архитектуры. Описаніе самого Чурилы чрезвычайно вычурно: „Одинъ молодецъ лучше всѣхъ... шея у Чурилы будто бѣлый снѣгъ, а личико будто маковъ цвѣтъ, очи будто у ясна сокола, брови будто у черна соболя; съ коня на коня перескакиваетъ, у молодцовъ шапочки подхватываетъ, на головушки шапочки покладываетъ“. Въ другомъ вариантѣ эта послѣдняя подробность развивается такъ: „Съ коня-де на конь перескакиваетъ, изъ сѣдла въ сѣдло перемахиваетъ, чрезъ третье да на четвертое, въ верхъ копые да подбрасываетъ, изъ ручки въ ручку подхватываетъ“. Ловкое наѣздничество изображается уже какъ фиглярство. Когда онъ идетъ по улицѣ, передъ нимъ несутъ „подсолнечникъ“, т.-е. зонтикъ, чтобы солнце не заpekло его бѣлаго лица; когда онъ гуляетъ, то подъ нимъ трава-муравка не топчется и лазоревый цвѣточекъ не ломится, и зеленый кафтанъ не тряхнется; подъ его пятау воробей проскочить; когда онъ потряхиваетъ желтыми кудрями, то точно скатный жемчугъ разсыпается. Красота его сводитъ женщинъ съ ума: гдѣ глядятъ на него дѣвушки, заборы трещать, гдѣ молодушки—тамъ оконницы звенять, а гдѣ старицы—рвутъ на себѣ манатки; есть и другія подробности, гдѣ описаніе доходитъ до послѣднихъ предѣловъ реализма. Надо думать, что многое въ этихъ описаніяхъ сохранилось еще изъ старыхъ формъ былины, и онѣ передаютъ то впечатлѣніе, какое производили греко-романскіе гости на грубоватыхъ сосѣдей блескомъ своей культурной обстановки и изящной ловкости; самъ князь Владиміръ пришелъ въ изумленіе отъ дворца Чурилы.

Какъ заходили къ намъ эти византійскія сказанія, трудно, конечно, сказать съ точностью. „Пути могли быть разные, точно не услѣдимые. Пѣсня нерѣдко заносится случайно, и эту возможность необходимо имѣть въ виду въ тѣхъ случаяхъ, когда пути болѣе прочнаго и постояннаго вліянія не указаны какими-нибудь историческими или географическими условіями, напр., сосѣдствомъ. Такія условія представляла именно южная Россія; я имѣю, глав-

нымъ образомъ, въ виду греческія колоніи крымскаго полуострова и обусловленныя ими культурныя, религіозныя, а затѣмъ, быть можетъ, и народно-поэтическія связи“.

Перехода къ намъ, эти византійскія сказанія подвергались тѣмъ измѣненіямъ, о которыхъ мы упоминали; цѣльность терялась, подробности приурочивались къ новой средѣ и нерѣдко грубѣли; но, освоившись на новой почвѣ, они сливались съ ея произведеніями. „Всюду замѣтна утрата внутренняго мотивированія, объяснимая еще однимъ измѣненіемъ, которому, по необходимости, должна была подвергнуться византійская сага, примкнувъ къ владимировскому эпосу; она должна была поступиться своимъ единствомъ, должна была разбрестись по мелочамъ, чтобы послужить другому единству, болѣе широкому. Это единство, символически воплотившееся въ лицѣ князя Владимира—и есть русскій богатырскій эпосъ. Не одна лишь византійская легенда о чудесномъ юношѣ, многія другія пришлыя сказанія вошли въ его составъ; но его народность лежитъ именно въ характерѣ этого состава, въ организмѣ цѣлаго, не въ случайныхъ матеріалахъ, пошедшихъ на его созданіе“.

Эти нѣсколько образчиковъ даютъ понятіе объ интересѣ новыхъ изслѣдованій не только литературномъ, но и историческомъ. Останавливаться на другихъ сюжетахъ, затронутыхъ г. Веселовскимъ, было бы слишкомъ долго; по ихъ поводу онъ опять дѣлаетъ массу сличеній въ византійско-славянской и средневѣковой западной поэтической литературѣ. Въ результатѣ, былина выходитъ изъ того архаическаго тумана, какой до сихъ поръ окружалъ ея происхожденіе; она въ первый разъ выясняется, обставленная родственными преданіями другихъ народовъ и историческими чертами опредѣленнаго времени. Въ одной, сейчасъ указанной, категоріи былинь для насъ несомнѣнно отерывается мало-объясненный до сихъ поръ фактъ народно-поэтическихъ связей съ византійскимъ міромъ. Эти связи были весьма естественны. Въ то время, когда древняя Русь вступила съ Византіей въ тѣсное церковное единство и получала съ греко-славянскаго юга обширную церковную литературу, которая и для самой Руси послужила сильнымъ возбужденіемъ церковнаго просвѣщенія; когда въ то же время существовали съ Византіей отношенія политическія, торговля, культурныя; когда совершались благочестивыя странствія русскихъ людей къ греческимъ святынямъ и приносилась масса поэзи легендарной, — естественно было ожидать, что проникнетъ при этомъ и извѣстная доля народно-поэтическихъ сказаній. Онѣ дѣйствительно являлись въ видѣ произведеній книжныхъ (какъ „Троян-

ская притча“, „Девгеніево Дѣяніе“, позднѣе „Александрія“, и т. п.) и, какъ теперь мы видимъ, въ видѣ чисто народныхъ эпическихъ исторій, которыя, пришедши изъ чужого источника, усваивались въ новой средѣ до того, что становились прочнымъ приобретениемъ и разрабатывались дальше въ народномъ стилѣ. Неопытность въ вопросахъ литературной исторіи внушала у насъ многимъ, даже инымъ специалистамъ, болѣе или менѣе сильное предубѣжденіе противъ подобныхъ указаній чужезарнаго происхожденія въ иныхъ сюжетахъ нашей народной поэзіи: имъ казалось, будто бы эти указанія означаютъ недостаточное уваженіе къ достоинству нашей національности. Извѣстно, какія нареканія навлекъ на себя въ этомъ отношеніи г. Стасовъ съ своей теоріей „происхожденія русскихъ былинъ“. На него въ особенности напали съ этой точки зрѣнія и мало думали о томъ, что невѣрное указаніе можетъ быть отвергнуто только фактической критикой. Но статьи г. Стасова заключали, однако, не мало вѣрныхъ указаній объ ошибочности прежнихъ толкованій; между прочимъ, онъ уже обратилъ вниманіе на тотъ недостатокъ мотивировки во многихъ былинахъ, который замѣченъ опять и новымъ изслѣдователемъ и объясняется теперь—для нѣкоторыхъ былинъ—полузабытымъ повтореніемъ византійскихъ сюжетовъ. Г. Веселовскій, возвращаясь къ вопросу происхожденія былинъ съ новымъ многостороннимъ запасомъ данныхъ, опять говоритъ о чужеземныхъ элементахъ нашей былины. Онъ категорически объясняетъ, что это и не могло иначе быть, что въ составъ русскаго эпоса заходили, кромѣ своихъ, и чужія странствующія тѣмы: „свои или чужія—все равно: ибо народный эпосъ всякаго историческаго народа, по необходимости, международный“ (стр. 401).

Въ заключеніе приводимъ еще одинъ любопытный эпизодъ того же рода изъ новаго небольшого изслѣдованія г. Веселовскаго ¹⁾, на этотъ разъ изъ совсѣмъ другой области нашего эпоса. Изъ немногихъ героев былины новгородской особенно характеренъ богатырь-купецъ Садко, который, благодаря новѣйшему интересу или модѣ на народное, былъ популяризованъ и въ поэзіи, и въ живописи, и въ музыкѣ. Анализируя посвященные ему былины, авторъ, по обыкновенію, разлагаетъ ихъ на составныя части и находитъ въ нихъ элементы сказки и легенды, и, между прочимъ, для основной черты разсказа—путешествія по морю, бури, бросанія между путниками жеребья и выкидыванія одного изъ нихъ въ море,—находитъ параллель въ старо-фран-

¹⁾ Archiv für slavische Philologie, 1886, стр. 282—291.

цузскомъ романѣ „Tristan le Léonois“ (извѣстномъ по рукописи XIV ст.), гдѣ самый герой называется „Садокъ“ (форма, которую уже раньше считали болѣе правильной и для самого русскаго героя). Совпаденіе именъ и самой тѣмы не кажутся автору случайными. Продолженіе исторіи во французскомъ романѣ не совпадаетъ именно съ исторіей нашего Садка, но сходится съ другими средневѣковыми тѣмами, также разработанными въ русской былинѣ и сказкѣ, между прочимъ съ одной старой еврейско-нѣмецкой книгой. Не рѣшаясь на опредѣленный выводъ относительно факта заимствованія, авторъ дѣлаетъ вопросъ: не должно ли возвести имя Садка и сказку изъ еврейско-нѣмецкой книги къ тому періоду, когда ересь жидовствующихъ получила господство въ Новгородѣ и бросила корни даже въ православной Москвѣ, и когда, вмѣстѣ съ тѣмъ, древне-русская библейская исторія („Палея“) дала мѣсто новымъ добавленіямъ изъ талмудическихъ легендъ и сказокъ?

Однимъ словомъ, въ своей новой исторіи, восстанавливаемой сличеніемъ основныхъ сюжетовъ и частныхъ содержанія, былина перестаетъ быть чѣмъ-то произвольно-поэтическимъ и, напротивъ, все болѣе получаетъ реальную основу въ цѣломъ старомъ народномъ міросозерцаніи и въ условіяхъ дѣйствительной жизни народа, въ его историческихъ отношеніяхъ и международныхъ связяхъ. Эти послѣднія, извѣстныя намъ по дѣламъ политическимъ и по сношеніямъ торговымъ и бытовымъ древней Руси, весьма естественно могли отразиться и въ народно-поэтической дѣятельности; иногда этому послѣднему могли содѣйствовать связи книжныя, но иногда поэтическая взаимность совершалась прямо личными сношеніями черезъ бывалыхъ людей. При отсутствіи или слабomъ развитіи книжности надо предполагать гораздо болѣе сильный обмѣнъ устныхъ поэтическихъ преданій и рассказовъ; и если, по показанію „Слова о Полку Игоревѣ“, греки, нѣмцы и венеціанцы, не говоря о мораванахъ, воспѣвали славу русскихъ князей; если въ самомъ дѣлѣ извѣстно по памятникамъ, что въ Германіи въ XII—XIII вѣкѣ знали о „русскомъ Ильѣ“, т.-е. Ильѣ-Муромцѣ, и знали, очевидно, именно по устному сказанію, то нисколько не удивительно, что и на Руси знали поэтическіе рассказы греческіе, нѣмецкіе и романскіе.

А. Пыпинъ.

ВОПРОСЪ О СЛІЯНІИ ВЛАСТЕЙ

НА НИЗШЕЙ СТУПЕНИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНІЯ ¹⁾.

Преобразование нашего мѣстнаго управленія вступило или вступаетъ, повидимому, въ новый фазисъ—послѣдній передъ окончательнымъ рѣшеніемъ. Основанія проектируемой реформы никому въ точности неизвѣстны; но, судя по намекамъ офиціозной печати, подкрѣпляемымъ нѣкоторыми другими обстоятельствами, можно предполагать, что въ нихъ есть кое-что общее съ программой меньшинства Кахановской комиссіи — той самой программой, обсужденію которой было посвящено, годъ тому назадъ, одно изъ Внутреннихъ Обозрѣній нашего журнала (1885 г., № 10). Одинъ изъ главныхъ пунктовъ этой программы требуетъ соединенія, въ рукахъ завѣдывающаго участкомъ, функцій административныхъ и судебныхъ, т.-е. рѣшительнаго разрыва съ принципомъ отдѣленія администраціи отъ суда, введеннымъ въ нашу жизнь судебными уставами 1864-го года. Чѣмъ вѣроятнѣе, въ настоящую минуту, такая постановка вопроса, тѣмъ болѣе необходимымъ представляется всесторонній его разборъ, примѣненный къ условіямъ русской современной дѣйствительности.

¹⁾ Предлагаемая статья совпадаетъ въ главныхъ чертахъ съ рефератомъ автора ея по тому же предмету, представленнымъ въ одно изъ послѣднихъ засѣданій С.-Петербургскаго Юридическаго Общества.

I.

Съ половины прошедшаго вѣка такъ-называемое раздѣленіе властей не переставало принадлежать къ числу наиболѣе спорныхъ и важныхъ задачъ науки и практики государственнаго управленія. Возведенное въ „Духъ законовъ“, Монтескье, на степень основной гарантіи политической свободы, оно изучалось преимущественно въ связи съ конституціонными вопросами, съ представительными учрежденіями, и именно съ этой стороны составляло предметъ нескончаемой полемики, начало которой относится еще къ до-революціонному времени. Для насъ, поставившихъ себѣ цѣлью разсмотрѣть сліяніе властей на низшей ступени государственной іерархіи, эта полемика интересна лишь настолько, насколько она касается различія между отдѣльными правительственными функціями. Можно признавать единство и нераздѣльность государственной власти, можно находить, что теорія взаимнаго уравновѣшенія, взаимнаго сдерживанья равноправныхъ между собою властей, не имѣетъ прочныхъ основъ ни въ исторіи, ни въ философіи права—и все-таки высоко цѣнить такое устройство управленія, при которомъ одинъ родъ функцій не смѣшивался бы съ другими и общность источника власти не исключала бы независимости и обособленности ея органовъ. Другими словами, необходимо различать раздѣленіе властей отъ раздѣленія власти. По справедливому замѣчанію единственнаго русскаго писателя, специально разработавшаго вопросъ о раздѣленіи властей — покойнаго профессора ярославскаго Демидовскаго лица Ворошилова („Критическій обзоръ ученія о раздѣленіи властей“, Ярославль, 1872), — „терминъ: раздѣленіе властей, хотя и установившійся въ языкѣ политическихъ писателей и государственныхъ дѣятелей, заключаетъ въ себѣ несообразность съ понятіемъ о власти; онъ выражаетъ собою только одну сторону взаимнаго отношенія властей—отдѣльность ихъ дѣйствій, и совершенно упускаетъ изъ виду другую—все то, что связываетъ эти отдѣльныя дѣйствія въ одно общее“. Къ такому же выводу приходитъ и новѣйшій французскій писатель, Сень-Жиронъ, написавшій цѣлую книгу о раздѣленіи властей („Essai sur la séparation des pouvoirs dans l'ordre politique, administratif et judiciaire“, 1881) и еще разъ коснувшійся его въ своемъ курсѣ конституціоннаго права („Manuel de droit constitutionnel“, 1884). „Хотя мы и удерживаемъ классическую формулу раздѣленія властей (séparation des pouvoirs)“,—говоритъ онъ въ послѣдней изъ названныхъ нами книгъ, —„но необходимо имѣть въ виду, что она не отличается точностью, и что правильнѣе было бы замѣнить ее выраженіемъ: раздѣленіе

власти (*division du pouvoir*), или еще лучше: раздѣленіе функцій власти (*division des fonctions du pouvoir*)". То же самое, въ сущности, разумѣютъ подъ именемъ раздѣленія властей и тѣ русскіе ученые, которые продолжаютъ употреблять этотъ терминъ. „Система подчиненныхъ властей“, — читаемъ мы въ „Началахъ русскаго государственнаго права“ профессора А. Д. Градовскаго, — „удовлетворяетъ требованію раздѣленія властей, необходимаго во всякой формѣ правленія. Принципъ раздѣленія властей не предполагаетъ образованіе среди государства трехъ или двухъ суверенныхъ органовъ власти, съ особыми функціями. Во всякомъ государствѣ какое-либо учрежденіе сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ всю полноту верховной власти. Оно является источникомъ всякой власти и всѣ прочія установленія дѣйствуютъ его именемъ и по его полномочію. Но принципъ раздѣленія властей находитъ себѣ примѣненіе тамъ, гдѣ возникаетъ вопросъ объ осуществленіи различныхъ правъ государственной власти“. Очевидно, что терминъ: раздѣленіе властей — долженъ быть понимаемъ здѣсь въ смыслѣ раздѣленія власти. Раздѣленіе властей — это фикція, не выдерживающая прикосновенія съ жизнью; раздѣленіе власти — это фактъ, столь же неизбѣжный, столь же разнообразный въ своихъ степеняхъ и отбѣнкахъ, какъ и раздѣленіе труда, и подобно раздѣленію труда имѣющій свою исторію. Несмотря на авторитетъ Монтескьё, поддержаннаго Блэкстономъ, теорія раздѣленія властей скоро встрѣтила сильныя возраженія — напр., со стороны знаменитаго „Федералиста“¹⁾, — и теперь едва-ли имѣетъ сторонниковъ, ни въ чемъ не отступающихъ отъ первоначальной формулы; раздѣленіе власти, наоборотъ, признается со всѣхъ сторонъ и допускается даже тѣми, кто всего больше стоитъ за единый ея источникъ и за неограниченную ея силу. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно привести мнѣніе Штала. Государственная власть — съ точки зрѣнія этого доктринера и систематика абсолютизма — есть недѣлимое цѣлое, какъ всякое лицо, всякая воля; она не дѣлится ни по властямъ, ни по субъектамъ — но, по своему осуществленію, она подчиняется различнымъ условіямъ и имѣетъ въ своемъ распоряженіи различныя, болѣе или менѣе самостоятельныя органы. Различіе органовъ основывается на различныхъ отношеніяхъ власти къ закону и къ правамъ отдѣльныхъ лицъ.

Если раздѣленіе властей и раздѣленіе власти — далеко не одно

¹⁾ Периодическое изданіе, выходившее въ 1787—88 г. и посвященное разъясненію и защитѣ конституціи Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, составленной конвентомъ 1787 г., но подлежавшей еще утвержденію отдѣльныхъ штатовъ. Большинство статей принадлежатъ перу Гамильтона и Мадисона, игравшихъ видную роль въ послѣдующей исторіи Сѣверной Америки.

и то же, то отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы стремленіе къ первому осталось безъ всякихъ результатовъ по отношенію къ второму. Напротивъ того, такіе результаты имѣются на-лицо, и притомъ въ двоякомъ видѣ. Въ области доктрины защитники и противники раздѣленія властей способствовали выясненію характеристическихъ свойствъ, которыми отличаются между собою разныя отрасли правительственной дѣятельности; въ области политической жизни, мечты о раздѣленіи властей дали реальный плодъ, въ образѣ болѣе правильнаго, болѣе послѣдовательнаго и выдержаннаго раздѣленія власти. Ученіе Монтескьё, усвоенное учредительнымъ собраніемъ и внесенное имъ въ декларацию правъ человека ¹⁾, привело — по выраженію нѣмецкаго юриста, какъ нельзя болѣе далекаго отъ всякаго увлеченія абсолютными формулами ²⁾ — къ первой попыткѣ принципиальнаго разграниченія (*grundsätzliche Scheidung*) администраціи и суда. Эта попытка была сдѣлана французскимъ закономъ о судоустройствѣ (*loi sur l'organisation judiciaire*), утвержденнымъ 24-го августа 1790 г. и имѣвшимъ рѣшительное вліяніе на развитіе всѣхъ континентальныхъ европейскихъ законодательствъ. Вмѣстительство администраціи въ отправленіе правосудія, да и вообще смѣшеніе административныхъ функцій съ судебными, ограничивалось съ тѣхъ поръ все больше и больше — и параллельно съ этимъ шла теоретическая мотивировка началъ, оправдывающихъ и вызывающихъ такое ограниченіе. Чѣмъ тверже сознавалось различіе задачъ и цѣлей, преслѣдуемыхъ администраціей и судомъ, тѣмъ яснѣе становилась необходимость и неизбежность соответствующаго различія въ приемахъ и способахъ дѣйствія, исключающая соединеніе въ одномъ лицѣ или учрежденіи обязанностей судебныхъ и административныхъ. Возьмемъ, напримѣръ, одну изъ самыхъ раннихъ работъ по судоустройству, какимъ оно вышло изъ рукъ революціи и первой имперіи — трактатъ Ганріона-де-Пансэ о судебной власти (*De l'autorité judiciaire*), до сихъ поръ пользующійся заслуженною извѣстностью. Авторъ его — почтенный юристъ, родившійся еще въ первой половинѣ XVIII-го вѣка и окончившій свою карьеру, при Карлѣ X-мъ, первымъ президентомъ кассаціоннаго суда — не придерживается формулы Монтескьё о трехъ властяхъ, признаетъ ихъ только двѣ — законодательную и исполнительную, — но настаиваетъ, тѣмъ не менѣе, на полной раздѣльности суда и администраціи, особенно въ монархіяхъ. „Нѣкоторые изъ европейскихъ прави-

¹⁾ „Общество“, — гласитъ статья 16-ая этой декларации, — „въ которомъ не обозначена гарантія правъ и не опредѣлено раздѣленіе властей, не имѣетъ конституціи“, т. е. не можетъ считаться правильно организованнымъ.

²⁾ Германъ Шульце, авторъ одного изъ новѣйшихъ и лучшихъ руководствъ по прусскому государственному праву.

тельствъ“, — говоритъ онъ, — „отличаются отъ азіатскихъ только независимостью судебнаго сословія — и этого достаточно, чтобы относиться къ тѣмъ и другимъ съ совершенно различными чувствами... Репрессивная власть можетъ принадлежать либо самому монарху, либо суду, — но интересъ и мудрость монарха требуютъ, чтобы онъ никогда не принималъ непосредственно на себя пользованія этою властью. Отправленіе правосудія должно исходить отъ людей, которымъ монархъ даетъ званіе судьи, а законъ — привилегію несмѣняемости... Судебная власть имѣетъ дѣло только съ спорами, уже возникшими, съ правами, нарушенными или угрожаемыми, съ лицами, преданными суду или обратившимися къ его посредству; она можетъ только удовлетворить или отклонить предъявленное къ ней требованіе. Административная власть, наоборотъ, можетъ дѣйствовать по собственному побужденію, не только въ виду настоящаго, но и въ виду будущаго; она можетъ принимать мѣры, которыхъ никто отъ нея не требуетъ, можетъ охранять интересы, которымъ никто еще не угрожаетъ, предусматривать потребности, которыя еще никѣмъ не заявлены“. Развивая ту же самую мысль, другой французскій юристъ (Беріа-Сень-При: „*Théorie du droit français*“) отводитъ судебной власти среднее мѣсто между законодательною и исполнительною. Судебная власть, — говоритъ онъ, — не есть проявленіе воли или дѣйствія государства; она вызывается необходимостью безпристрастнаго посредничества между спорящими лицами, безпристрастнаго примѣненія закона къ отдѣльному, частному случаю. Законодательная власть устанавливаетъ обязанности; судебная власть признаетъ, что данная обязанность распространяется на данное лицо; исполнительная власть понуждаетъ къ исполненію обязанности. Жюль Симонъ („*La Liberté*“) видитъ въ исполнительной власти олицетвореніе прогрессивной силы закона, въ судебной — его охраненіе; первая должна воодушевляться чувствами націи, второй свойственно безусловное безпристрастіе. Лабулэ („*Histoire des Etats-Unis*“) считаетъ раздѣленіе властей „простою истиной наблюденія“, т.-е. выводомъ изъ фактовъ, но это не мѣшаетъ ему возставать противъ соединенія въ однѣхъ рукахъ судебныхъ и административныхъ функций. Вивьенъ, какъ и Ганріонъ де-Пансэ, считаетъ судебную власть отраслью исполнительной власти — въ обширномъ смыслѣ этого слова, — но отраслью вполне особою, отличающеюся отъ администраціи и сферою, и образомъ дѣйствій. Такъ смотритъ на дѣло и Сень-Жиронъ, на котораго мы уже ссылались; признавая отправленіе правосудія функцией исполнительной — въ томъ смыслѣ, что оно направлено къ исполненію закона, — онъ утверждаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что оно должно быть абсолютно отдѣлено отъ всѣхъ другихъ общественныхъ функций, и что судьи не должны имѣть ничего общаго съ но-

сителями этихъ функций. „До сихъ поръ“,—говоритъ Сень-Жиронъ, —„намъ часто приходилось настаивать на необходимости единства, взаимнаго содѣйствія между различными органами властей; здѣсь, наоборотъ, необходима безусловная замкнутость и изолированность, безусловная независимость воли и дѣйствія. Другія власти неизбежно занимаются политикой; для суда она должна быть совершенно чуждой. Право—вотъ единственный предметъ вниманія и заботъ судьи, единственная цѣль его стремленій. Если онъ увлекается страстями или предразсудками, онъ перестаетъ быть судьей и становится опаснымъ, вреднымъ тираномъ, угрожающимъ свободѣ, спокойствію и благосостоянію страны... Правительство, администрація, юстиція имѣютъ одну и ту же цѣль, но достигаютъ ея различными средствами. Средства, которыми располагаетъ юстиція, слишкомъ несходны съ остальными, чтобы можно было поручить отправленіе правосудія органамъ правительственнымъ или административнымъ. Насколько іерархія и дисциплина необходимы для правительства и администраціи, настолько же необходима для правосудія полная свобода“.

Въ нѣмецкой политической и философско-юридической литературѣ мысль о самостоятельности и отдѣльности судебной власти получила право гражданства еще со временъ Канта; она встрѣчается у писателей самыхъ противоположныхъ направленій и совмѣщается съ самымъ различнымъ отношеніемъ къ вопросу о раздѣленіи властей. Одни приурочиваютъ судебную власть къ законодательной, другіе—къ исполнительной, но за смѣшеніе судебныхъ и административныхъ функций не стоятъ ни рационалисты, ни представители исторической школы,—ни демократы, ни абсолютисты. То же самое можно сказать и объ англійскихъ писателяхъ, съ наибольшою рѣшительностью возражающихъ противъ формулы Монтескьё (лордъ Джонъ Россель, лордъ Брумъ). По удачному выраженію Германна Шульце, отдѣленіе суда отъ администраціи является продуктомъ „общеевропейскаго правосознанія“ (*europäisches Gesamtrechtsbewusstsein*); отсюда всѣ побѣды, одержанныя имъ и въ теоріи, и въ практикѣ. На материкѣ Европы сліяніе администраціи и суда—по крайней мѣрѣ въ области чисто-судебной ¹⁾—исчезло почти безслѣдно; остатки его, кое-гдѣ сохранившіеся, только рѣзче выставляютъ на видъ торжество противоположнаго принципа. Въ Венгріи, на примѣръ, окружные начальники—органы исполнительной власти—облечены правомъ рѣшать нѣкоторыя маловажныя дѣла, но только въ такомъ случаѣ,

¹⁾ Чисто-судебную область мы противопоставляемъ здѣсь области административной юстиціи, обнимающей собою споры между частными лицами и правительственными органами, по предметамъ публичнаго права.

если они выдержали экзаменъ изъ юридическихъ наукъ или отправляли на практикѣ обязанности судьи.

Есть, правда, одно государство, съ занимающей насъ точки зрѣнія рѣзко, повидимому, отличающееся отъ всѣхъ остальныхъ: это Англія, въ которой мировые судьи издавна соединяли и до сихъ поръ соединяютъ въ своихъ рукахъ судебную власть съ административною. На самомъ дѣлѣ, однако, это различіе вовсе не такъ велико, какъ кажется съ перваго взгляда. Не говоримъ уже о томъ, что англійскимъ мировымъ судьямъ не принадлежитъ юрисдикція по дѣламъ гражданскимъ; всего важнѣе то, что они вносятъ и въ свою административную дѣятельность приемы и привычки судебного разбирательства. „Управленіе“,—говоритъ Гнейстъ¹⁾,—„укладывается у мировыхъ судей въ правильныя формы судебного процесса; этому способствуетъ многочисленность юристовъ (стряпчихъ), вездѣ готовыхъ служить мировымъ судьямъ въ качествѣ дѣлопроизводителей или протоколистовъ. Границы личнаго усмотрѣнія судей—равно какъ и матеріальное право, которое имъ предстоитъ примѣнять,—опредѣлены наглядно и твердо подробными постановленіями законовъ, пополняемыхъ и исправляемыхъ, по мѣрѣ надобности и съ искуснымъ приспособленіемъ къ требованіямъ жизни, новыми парламентскими статутами. Руководимое обычаемъ, примѣненіе закона къ житейскимъ отношеніямъ развиваетъ въ мировомъ судѣ сознаніе достоинства и долга, привычку объективнаго, безпристрастнаго обсужденія спорныхъ правъ и сталкивающихся между собою интересовъ. Практика, освященная закономъ, требуетъ, притомъ, чтобы судья устранялъ себя отъ рѣшенія всѣхъ дѣлъ, въ которыхъ онъ имѣетъ хотя бы косвенный интересъ, какъ владѣлецъ недвижимой собственности или какъ работодатель. Имѣющему надобность въ мировомъ судѣ предстоитъ, наконецъ, выборъ между всѣми судьями округа, т.-е. по меньшей мѣрѣ между пятью лицами“. Понятно, что въ виду этихъ особенностей англійскаго мирового суда,—къ которымъ нужно присоединить еще право каждаго гражданина преслѣдовать должностное лицо, за злоупотребленіе власти, непосредственно передъ судомъ, безъ всякихъ административныхъ разрѣшеній,—Гнейстъ, при всемъ сочувствіи своемъ къ англійскимъ порядкамъ, не требуетъ и не предлагаетъ перенесенія ихъ въ Германію или вообще на континентъ Европы. Реформы, которыхъ онъ желаетъ для своего отечества и которыя перечислены имъ подробно въ названной нами книгѣ, не имѣютъ ничего общаго съ сліяніемъ властей. „Архимедовымъ“

¹⁾ „Verwaltung, Justiz, Rechtsweg, Staatsverwaltung und Selbstverwaltung nach englischen und deutschen Verhältnissen“. Berlin, 1869.

пунктомъ для правомѣрнаго государства онъ считаетъ самоуправленіе, поддержанное прочно - устроеннымъ коллегіальнымъ судомъ. „Англійская система, — читаемъ мы дальше, — упрощаетъ задачу, отождествляя, въ лицѣ мировыхъ судей, управление и судъ. На континентѣ Европы необходимо было систематическое ихъ раздѣленіе, безъ котораго отправленіе правосудія, вовлеченное въ безформенную полицейскую систему, потеряло бы, среди всемогущества бюрократіи, всякую твердую точку опоры. Въ Англіи соединеніе обѣихъ сторонъ государственной дѣятельности привело, наоборотъ, къ тому, что полицейская власть, усвоивъ себѣ гласное и состязательное дѣлопроизводство, возвысилась на степень судебной и представляетъ всѣ гарантіи законности и справедливости — гарантіи болѣе существенныя, чѣмъ наше раздѣленіе администраціи и суда, сосредоточивающее полицейскія функціи въ рукахъ министра и его подчиненныхъ. Тѣмъ не менѣе на практикѣ всегда окажется, что формы самоуправления, основанныя на соединеніи администраціи и суда, непримѣнимы къ континентальнымъ европейскимъ государствамъ. На континентѣ всякая реформа управленія должна примыкать къ существующимъ порядкамъ, и соединеніе властей мыслимо здѣсь только въ видѣ предварительнаго разбора полицейскихъ нарушеній“. Къ такому же выводу приходитъ и другой поклонникъ англійской мировой юстиціи, Поль Леруа-Болье („l'Administration locale en France et en Angleterre“). „Если самоуправленіе“, — говоритъ онъ, — „пустило въ Англіи столь глубокіе корни, то это зависитъ не отъ того или другого административнаго механизма; механизмъ, наоборотъ, далекъ отъ совершенства — крѣпокъ и здоровъ народный духъ, умѣющий извлекать изъ аномальныхъ порядковъ прочныя и счастливыя результаты. Заимствовать у Англіи систему мѣстнаго управленія было бы поэтому ничѣмъ неизвинимымъ безумствомъ, ведущимъ къ общему недовольству и къ неизбѣжнымъ бѣдствіямъ“. „Въ Англіи“, — говоритъ тотъ же авторъ въ другомъ мѣстѣ, — „нѣтъ традиціоннаго антагонизма между сословіями; въ ея прошедшемъ не было разрыва, раздѣлившаго общество на противоположные лагеря. Богатые землевладѣльцы привыкли жить въ своихъ имѣніяхъ; они интересуются мѣстными дѣлами и сочувствуютъ окружающему населенію, которое, въ свою очередь, относится къ нимъ почтительно и довѣрчиво. Общественное мнѣніе имѣетъ такую силу, что не нуждается въ формулированіи своихъ приговоровъ; оно чувствуется и тогда, когда къ нему не обращаются съ прямымъ вопросомъ, оно руководитъ выборомъ людей, и нѣтъ никого, кто бы не былъ вынужденъ считаться съ его голосомъ. Вотъ почему въ Англіи

цѣлые вѣка безвредно существуетъ аномалія, на континентѣ Европы немыслимая безъ самыхъ громадныхъ злоупотребленій“.

II.

Въ Россіи отдѣленіе суда отъ администраціи совершилось позже, чѣмъ гдѣ бы то ни было на западѣ Европы. На низшей ступени управленія — единственной, которую мы изучаемъ въ настоящей статьѣ, — сліяніе разнородныхъ функцій долго выражалось у насъ въ всемогуществѣ полицейской власти. Земскіе суды, какъ видно уже изъ самаго ихъ названія, не были исключительно полицейскими учрежденіями; *de facto* судъ и расправу творили и становые пристава, и окружные начальники (вѣдомства государственныхъ имуществъ), а надъ крѣпостными крестьянами тяготѣла судебно-полицейская власть помѣщиковъ. Безобразіе этой системы, къ концу пятидесятихъ годовъ, было признано всѣми. Когда депутаты (перваго призыва) отъ губернскихъ комитетовъ, подготовлявшихъ крестьянскую реформу, прибыли въ Петербургъ, въ программу, заявленную ими редакціонной комиссіи, входило строгое разграниченіе властей судебной, административной и полицейской. То же самое требованіе повторялось и въ отзѣвахъ отдѣльныхъ депутатовъ, даже такихъ, которые наиболѣе склонялись на сторону крѣпостничества (напр., Безобразова). Наиболѣе рѣшительное и наилучшее мотивированное изъ всѣхъ представленныхъ тогда мнѣній — мнѣніе А. М. Унковскаго, выражавшее собою взглядъ всего тверского комитета — разсматриваетъ необходимость раздѣленія властей (полицейской, судебной и распорядительной) какъ аксіому, не требующую доказательствъ, потому что никто противъ нея не спорить. „Всякое исполнительное учрежденіе и должностное лицо“, — говоритъ г. Унковскій, — „имѣетъ (въ Россіи) надъ человѣческой личностью всѣ роды властей, и кругъ его дѣйствій ограниченъ только географически. Суда въ Россіи вовсе нѣтъ, ибо нашъ судъ не имѣетъ, въ дѣйствительности, никакой власти; онъ является только формальностью, машиной, исполняющей волю полновластныхъ исполнительныхъ учрежденій, въ совершенной зависимости отъ которыхъ находятся всѣ судебныя должностныя лица. Вслѣдствіе этого вся администрація наша представляетъ цѣлую систему злоупотребленій, возведеную на степень государственнаго устройства“. Если, несмотря на распространенность такихъ взглядовъ, меньше всего встрѣчавшихъ противодѣйствіе со стороны редакціонной комиссіи, Положенія 19-го февраля 1861 г. все-таки соединили въ рукахъ мирового по-

средника судебныя функціи съ административными, то это объясняется условіями переходнаго времени, переходнымъ характеромъ самой должности посредника. Лучшимъ доказательствомъ тому служатъ основныя положенія судебной реформы, установившія — не дальше какъ черезъ полтора года послѣ освобожденія крестьянъ — отдѣльность и самостоятельность судебной власти. По этому предмету въ средѣ соединенныхъ департаментовъ Государственнаго Совѣта не произошло даже никакого принципиальнаго разногласія, хотя между лицами, принимавшими участіе въ преніяхъ, многія были извѣстны своимъ консервативнымъ образомъ мыслей и нерасположеніемъ къ нововведеніямъ (назовемъ, для примѣра, принца Петра Ольденбургскаго, графа Панина, князя Гагарина). Правда, два члена признавали необходимымъ сохранить за администраціей право подвергать своею властью, въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ, лишенію свободы — но это мнѣніе, отвергнутое большинствомъ (девятью членами), не касалось будничнаго, обыкновеннаго теченія дѣлъ, т.-е. именно той стороны вопроса, которая насъ теперь интересуетъ. „Смѣшеніе властей“, — читаемъ мы въ журналѣ соединенныхъ департаментовъ, — „было отчасти неизбѣжнымъ послѣдствіемъ крѣпостного состоянія... Помѣщикъ былъ, для своихъ крестьянъ, и администраторомъ, и судьей, а это по необходимости должно было отразиться и на крестьянахъ другихъ вѣдомствъ; и у нихъ власти хозяйственныя и полицейскія сдѣлались, вмѣстѣ съ тѣмъ, и судебными... Отсюда смѣшеніе властей проникло и въ общее управленіе имперіи. Вмѣшательство администраціи, ослабляя истинное значеніе суда, останавливаетъ правильное исполненіе правосудія. Эти неудобства обратили уже на себя съ нѣкотораго времени особенное вниманіе правительства, и вопросъ объ отдѣленіи судебной власти отъ административной вошелъ въ программу работъ не только по преобразованію судебного порядка, но и по устройству полицейской и вообще административной части“¹⁾. Въ всеподданнѣйшемъ докладѣ предсѣдателя Государственнаго Совѣта, при которомъ работы соединенныхъ департаментовъ были представлены на усмотрѣніе Государя, отдѣленіе судебной власти отъ исполнительной, административной и законодательной поставлено на первый планъ, какъ одинъ изъ краеугольныхъ камней реформы.

Лишь только рѣшено было, въ принципѣ, учрежденіе мировыхъ судей, въ высшихъ правительственныхъ сферахъ возникъ вопросъ о будущемъ отношеніи ихъ къ мировымъ посредникамъ. Министръ внут-

¹⁾ Въ принципѣ этотъ вопросъ былъ предрѣшенъ уже Высочайшимъ повелѣніемъ 27 марта 1859 г., признавшимъ необходимость преобразованія полиціи и губернскихъ учреждений.

реннихъ дѣлъ полагалъ предоставить мировымъ посредникамъ, впредь до открытія мирового суда, нѣкоторыя изъ функцій, предназначенныхъ послѣднему, а затѣмъ—соединить обязанности мирового судьи и мирового посредника въ одно цѣлое, возложивъ и тѣ, и другія, на мировыхъ судей. Противъ этого возражалъ министръ юстиціи, находя, что соединеніе въ одномъ лицѣ обязанностей мирового судьи и мирового посредника было бы несогласно съ началомъ раздѣленія властей судебной и административной, только-что введеннымъ въ наше законодательство. Съ этими двумя взглядами встрѣтилась, уже послѣ обнародованія судебныхъ уставовъ 1864 г., коммиссія, учрежденная для окончанія работъ по преобразованію судебной части. Въ средѣ коммиссіи также произошло разногласіе; четыре члена согласились съ министромъ юстиціи, шесть членовъ — съ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Не останавливаясь, покаместъ, на доводахъ, приведенныхъ тѣми и другими, напомнимъ только, что окончательно восторжествовало мнѣніе, болѣе соотвѣтствовавшее смыслу основныхъ положеній и духу только-что совершившейся судебной реформы. Мировые посредники продолжали существовать рядомъ съ мировыми судьями, уступивъ имъ свою судебную власть и сохранивъ за собою одни дѣла распорядительнаго свойства. Когда, въ началѣ семидесятыхъ годовъ возникъ вопросъ объ упраздненіи мировыхъ посредниковъ, высшая законодательная инстанція не допускала и мысли о передачѣ ихъ административныхъ обязанностей мировымъ судьямъ; она осталась при убѣжденіи, что сліяніе мировыхъ крестьянскихъ и мировыхъ судебныхъ установленій имѣло бы послѣдствіемъ коренное измѣненіе характера и значенія мирового судебного института. Къ вѣдомству суда были отнесены, вслѣдствіе этого, только споры между помѣщиками и крестьянами и отчасти нотаріальныя обязанности, лежавшія на посредникахъ, а остальные функціи раздѣлены между полиціей, вновь учрежденными (закономъ 27-го іюня 1874 г.) уѣздными по крестьянскимъ дѣламъ присутствіями и непремѣнными членами этихъ присутствій. Отступленіе отъ общаго руководящаго начала было допущено лишь одно: крестьянскія присутствія унаслѣдовали отъ сѣздовъ мировыхъ посредниковъ кассационную власть по отношенію къ рѣшеніямъ волостныхъ судовъ.

Если законъ 1874 г. оставилъ неприкосновеннымъ отдѣленіе администраціи отъ суда, то это еще не значитъ, чтобы мысль о сліяніи судебныхъ. и административныхъ функцій была въ то время вовсе изъята изъ общественнаго оборота. Напротивъ того, она начинала заявлять о себѣ съ большою настойчивостью. Это была эпоха второй

дворянской реакціи ¹⁾, эпоха усиленного сословнаго прожектёрства, упражнявшагося, между прочимъ, и на вопросахъ мѣстнаго управленія. Пропагандируя такъ-называемую всесословную волость — или, лучше сказать, пародію на это учрежденіе, — защитники сословнаго принципа отстаивали необходимость соединенія, въ лицѣ волостного головы, полицейской, судебной и административной власти. Въ пользу такого соединенія высказывались и отдѣльные лица, и уполномоченные отъ цѣлыхъ дворянскихъ собраний. Къ счастью для Россіи, вся эта агитація прошла безслѣдно; сліяніе властей было сдано въ архивъ и вновь появилось на свѣтъ только тогда, когда „новыя вѣянія“ вызвали наружу всѣ теченія и направленія, существовавшія въ средѣ земства. Между разнообразными проектами, составленными вслѣдствіе извѣстнаго запроса графа Лорисъ-Меликова (о преобразованіи крестьянскихъ учреждений), есть и такіе, въ основаніи которыхъ лежить соединеніе властей; но замѣчательна малочисленность, замѣчательна и судьба этихъ проектовъ. О тѣхъ предположеніяхъ, въ которыхъ соединеніе властей допускалось лишь какъ исключеніе или какъ печальная временная необходимость, мы говорить не будемъ; для насъ интересны только рѣшительныя, открытыя попытки провести въ жизнь разсматриваемое нами начало. Такія попытки мы находимъ въ проектѣ Д. Θ. Самарина, представленномъ въ московскую губернскую земскую комиссію, и въ проектѣ симбирской „общей комиссіи“ ²⁾. Оба проекта сходились въ томъ, что возлагали на лицо, стоящее во главѣ мелкой территоріальной единицы, и судебную, и административную власть; главная разница между ними была та, что первый уничтожалъ, а второй — сохранялъ крестьянскую волость. Симбирскій проектъ создавалъ, надъ теперешними волостными старшинами, „земскаго судью“, облакая его правами бывшаго мирового посредника, правами нынѣшняго мирового судьи и сверхъ того „земско-полицейскою“ властью. По мысли г. Самарина, „волостной мировой судья“ долженъ былъ соединить въ своемъ лицѣ функціи нынѣшняго мирового судьи съ обязанностями члена земской управы, наблюдателя за сельскимъ общественнымъ управленіемъ и представителя административной (но не полицейской) власти. Это послѣднее предположеніе было отвергнуто и большинствомъ земской комиссіи, и большинствомъ уѣздныхъ земскихъ собраний; въ московское губернское собраніе былъ внесенъ — и также отвергнутъ — проектъ, устанавливавшій администра-

¹⁾ Подробности см. въ книгѣ В. Ю. Скалона: „Земскіе взгляды на реформу мѣстнаго управленія“. Москва, 1884.

²⁾ Первую дворянскую реакцію мы относимъ къ 1865—66 г.; главнымъ органомъ ея служила газета „Вѣсть“, а крайнимъ выраженіемъ — извѣстный московскій адресъ.

тивную (не-самоуправляющуюся) волость, но безъ соединенія въ лицѣ „земскаго волостного старшины“ судебной и административной власти. За симбирскій проектъ или, говоря точнѣе, за проектъ большинства симбирской „общей комиссіи“—высказалось только одно (алатырское) уѣздное земское собраніе.

Въ такъ-называемой Кахановской комиссіи, учрежденной для разработки проекта реформы мѣстнаго управленія, соединеніе властей сначала не нашло ни одного приверженца; общія положенія, составленныя „совѣщаніемъ“,—т.-е. тѣми членами комиссіи, которые одни работали въ первые три года ея существованія,—не предоставляли „волостелю“ ничего похожаго на судебную власть. Молчаніе объяснительной записки заставляетъ предполагать, что вопросъ о сліяніи властей вовсе даже и не былъ возбуждаемъ въ средѣ „совѣщанія“; онъ выступилъ на сцену только тогда, когда къ составу комиссіи присоединились „мѣстные дѣятели“, т.-е. губернаторы, предводители дворянства и предсѣдатели земскихъ управъ, приглашенные предсѣдателемъ комиссіи и министромъ внутреннихъ дѣлъ. Меньшинство этихъ мѣстныхъ дѣятелей, къ которымъ присоединилось и меньшинство представителей центрального управленія, высказалось за соединеніе въ лицѣ будущихъ участковыхъ начальниковъ административныхъ обязанностей съ судебными, на тѣхъ же, приблизительно, основаніяхъ, какъ это предлагалось большинствомъ симбирской общей комиссіи. Крестьянская волость должна была остаться въ настоящемъ своемъ видѣ, а надъ нѣсколькими волостями, соединенными въ участокъ (довольно крупныхъ размѣровъ), долженъ былъ быть поставленъ судья-администраторъ, приближающійся къ типу бывшаго мирового посредника, но съ болѣе широкимъ кругомъ дѣйствій. Когда это предположеніе было отвергнуто большинствомъ комиссіи, вопросъ о соединеніи властей возникъ снова, въ нѣсколько иной формѣ: была высказана мысль, что участковому начальнику должно быть предоставлено по меньшей мѣрѣ разрѣшеніе самыхъ маловажныхъ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ. Другіе члены комиссіи стояли за облеченіе участковаго начальника административно-карательною властью, т.-е. правомъ налагать денежныя штрафы за неисполненіе законныхъ требованій администраціи. Оба вопроса были переданы въ подъ-комиссію, многими членами которой опять высказывалась мысль о необходимости соединенія властей, въ размѣрахъ по возможности широкимъ, а административно-карательная власть признавалась полезною, но недостаточною палліативной мѣрой. Разсмотрѣвъ докладъ подъ-комиссіи, большинство комиссіи согласилось облечь участковаго начальника административно-карательною властью; вопросъ о соединеніи властей не былъ подвергнутъ новому обсужденію, но двое изъ

числа мѣстныхъ дѣятелей заявили еще разъ о невозможности для нихъ присоединиться, хотя бы условно, къ мнѣнію о раздѣльности административной власти отъ судебной на низшей ступени управленія. Вскорѣ послѣ того Кахановская коммиссія была закрыта, и дальнѣйшее направленіе ввѣреннаго ей дѣла перешло въ руки министерства внутреннихъ дѣлъ.

III.

Все сказанное нами до сихъ поръ устанавливаетъ, если можно такъ выразиться, сильную презумпцію противъ соединенія властей судебной и административной, хотя бы и на одной только низшей ступени государственнаго управленія. Принципъ раздѣленія власти, выясненный и освѣщенный вѣковой работой теоріи и практики, вмѣщаетъ въ себѣ все, что было справедливаго и вѣрнаго въ принципѣ раздѣленія властей. Въ этой новой формѣ онъ почти перестаетъ быть предметомъ спора, принимается представителями самыхъ разнообразныхъ направленій, усердно и успѣшно проводится въ жизнь. Учрежденія, съ нимъ несогласныя, продолжаютъ существовать исключительно въ силу особыхъ условій, которыхъ нельзя воспроизвести искусственно, нельзя пересадить на чужую почву. У насъ соединеніе властей отходить въ прошедшее вмѣстѣ съ наиболѣе мрачными сторонами до-реформеннаго строя, и попытки сохранить его остатки отклоняются, сознательно и настойчиво, одна за другою, въ самый разгаръ преобразованій, обновившихъ Россію. Повторяемъ еще разъ — все это говорить а priori за необходимость систематическаго, повсемѣстнаго, строгаго раздѣленія власти; consensus omnium весьма тяжело ложится на всѣхъ и можетъ быть игнорируемъ развѣ узкими эмпириками, у которыхъ только и свѣта, что въ ихъ окошкѣ. Для окончательнаго разрѣшенія вопроса нужно, однако, пойти еще дальше. Политика — не математика; она не допускаетъ аксіомъ, не знаетъ правилъ безъ исключеній. Есть обстоятельства, устраняющія въ данную минуту примѣненіе самаго безспорнаго, повидимому, принципа; есть соображенія мѣстнаго и временнаго свойства, законно берущія верхъ надъ общимъ выводомъ доктрины. Само собою разумѣется, что они должны быть очень крупны, очень сильны — тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше важность начала, съ которымъ они идутъ въ разрѣзъ. Посмотримъ, съ этой точки зрѣнія, на аргументы, приводимые нашими новѣйшими защитниками соединенія властей.

На первый планъ выставляется обыкновенно воспоминаніе о мировыхъ посредникахъ. Наслѣдники и преемники той группы, съ ко-

торую боролись посредники перваго призыва, не находятъ теперь достаточно громкихъ словъ, чтобы возвеличить по достоинству дѣятельность „преждевременно уничтоженнаго“ учрежденія. Оставляя въ сторонѣ противорѣчіе между прежними нападеніями и нынѣшними похвалами, замѣтимъ только, что обстановка, при которой были учреждены мировые посредники, не имѣетъ ничего общаго съ условіями нашей эпохи. Приходя на смѣну полицейскому и помѣщичьему произволу, власть мирового посредника, изъ какихъ бы элементовъ она ни состояла, должна была показаться образцомъ законности и правильности. Такою она, дѣйствительно, и была въ сравненіи съ порядкомъ, непосредственно ей предшествовавшимъ. Какъ бы энергично ни напиралъ посредникъ на вновь учрежденное крестьянское самоуправленіе, все-таки оно предоставляло крестьянамъ просторъ, о которомъ они еще недавно не могли и мечтать; какъ бы стремительно и строго ни относились посредникъ къ отдѣльнымъ крестьянамъ, въ качествѣ администратора и судьи, все-таки онъ не могъ превзойти сокрушительной силы до-реформеннаго исправника или станового пристава. Соединеніе властей никого не удивляло, никому не представлялось чѣмъ-то ненормальнымъ и необычнымъ—и въ огромномъ большинствѣ случаевъ чувствовалось гораздо меньше, переносилось гораздо легче, чѣмъ прежде. Возбуждающимъ и возвышающимъ образомъ дѣйствовала на посредниковъ, въ первое время послѣ освобожденія крестьянъ, необычайная важность возложенной на нихъ задачи. Какъ только сознаніе этой важности стало меркнуть—отчасти подъ влияніемъ привычки, отчасти вслѣдствіе увеличенія числа развязанныхъ узловъ, устроенныхъ отношеній, отчасти, наконецъ, вслѣдствіе переменъ въ общемъ настроеніи умовъ,—начался и упадокъ учрежденія, черпавшаго свою силу не столько въ себѣ самомъ, сколько въ величинѣ создавшей его минуты. Въ будни 1863 года посредники были уже далеко не тѣмъ, чѣмъ въ праздники 1861 года; не тотъ былъ даже личный ихъ составъ, многихъ лучшихъ уже не насчитывалось между ними. Сокращеніе участковъ, какъ и „бѣгство“ изъ посредниковъ, началось раньше судебной и земской реформы, къ которымъ любили приурочивать и то, и другое, панегиристы заднимъ числомъ, запоздалые хвалители похороненныхъ порядковъ ¹⁾. Не вездѣ же было введено земство; во многихъ мѣстахъ долго не были открываемы даже судебно-мировыя учрежденія—а уровень мировыхъ посредниковъ клонился къ пониженію вездѣ, клонился къ нему безъ остановки, начиная съ половины шестидесятыхъ годовъ. Исторія этого

¹⁾ Помимо оффиціальныхъ путей, мысль о сліяніи властей проводилась и въ періодической печати—въ особенности „Русью“, очутившеюся, по этому вопросу, въ одномъ лагерѣ съ органами реакціи.

института до сихъ поръ не разработана почти вовсе; различныя фазисы ея не отдѣлены одинъ отъ другого съ достаточною ясностью; мы не можемъ подтвердить нашихъ словъ точными фактическими данными—но столь же мало подтверждено ими и опровергаемое нами мнѣніе о причинахъ процвѣтанія и отцвѣтанія мировыхъ посредниковъ. Ничѣмъ не доказано, да и не можетъ быть доказано, чтобы поворотный пунктъ въ ихъ жизни наступилъ именно и только вслѣдствіе появленія, параллельно съ ними, земскихъ управъ и мировыхъ судей.—Какъ бы то ни было, мировые посредники исчезли—и вмѣстѣ съ ними или еще раньше ихъ исчезло все то, что составляло счастливую особенность ихъ положенія. Исчезло или до крайности ослабѣло воспоминаніе о до-реформенныхъ порядкахъ, заставлявшее мириться даже съ злоупотребленіями посреднической власти; исчезла привычка къ необузданному произволу, послѣ котораго казалось мягкимъ самое широкое пользованіе самыми широкими полномочіями; исчезла неопытность, готовая безропотно и безпрекословно подчиниться всякому властному руководству. Сознаніе права, несмотря на множество невыгодныхъ условій, успѣло хоть сколько-нибудь проникнуть въ народъ: онъ понимаетъ, хоть и не всегда ясно, значеніе суда, разницу между приказомъ и приговоромъ, между распоряженіемъ, основаннымъ на усмотрѣніи, и рѣшеніемъ, основаннымъ на законѣ. Далеко не свободный отъ опеки, онъ все же хоть сколько-нибудь познакомился съ удобствами и выгодами самостоятельности. Большая разница—перейти отъ худшаго къ лучшему, или отъ лучшаго къ худшему, даже когда худшее, въ послѣднемъ случаѣ, ничѣмъ не уступаетъ лучшему—въ первомъ. Сколько бы ни было у проектируемаго участковаго начальника точекъ соприкосновенія съ прежнимъ мировымъ посредникомъ, между ними всегда будетъ одно существенно-важное различіе, обуславливаемое генезисомъ обоихъ учреждений. Одно изъ нихъ знаменовало собою пониженіе суммы официальнаго давленія—другое будетъ знаменовать собою ея повышеніе; одно, заступая мѣсто полнаго безразличія и сліянія властей, пролагало путь къ ихъ гармоническому обособленію—другое, отрекаясь отъ достигнутыхъ такимъ образомъ результатовъ, будетъ идти въ направленіи прямо противоположномъ; одно было движеніемъ впередъ—другое будетъ движеніемъ назадъ.

Ссылка на мировыхъ посредниковъ—это аргументъ сантиментальнаго свойства, обращающійся больше къ чувству, чѣмъ къ разсудку; это нѣчто въ родѣ опернаго пригѣва: „Вотъ какъ жили при Аскольдѣ наши дѣды и отцы“,—нѣчто въ родѣ воспоминаній старика о добрыхъ временахъ его молодости. Не лишено того же оттѣнка и другое указаніе—указаніе на авторитетъ составителей судебныхъ уставовъ.

Фальшивая нота, звучащая въ восхваленіи мировыхъ посредниковъ, слышится здѣсь еще яснѣе; къ составителямъ судебныхъ уставовъ апеллируютъ именно тѣ, кто всего охотнѣе уложилъ бы въ могилу основныя начала судебной реформы. Болѣе чѣмъ сомнительная по своимъ мотивамъ, апелліація эта неосновательна и по существу. Тѣ члены комиссіи 1865 г. ¹⁾, которые высказались за соединеніе въ одномъ лицѣ обязанностей мирового посредника и мирового судьи, имѣли передъ собою совсѣмъ не ту комбинацію обстоятельствъ, какая существуетъ въ настоящее время. Мировые посредники были на-лицо, обладая и административною, и судебною властью; рѣчь шла только о томъ, чтобы нѣсколько расширить послѣднюю, подчинивъ ей гражданскія дѣла и все населеніе участка. Теперь соединеніе властей пришлось бы создавать вновь, послѣ двадцати-лѣтняго промежутка. Этимъ однимъ—возможность опираться на мнѣніе 1865 г.; и тогда, впрочемъ, встрѣтившее сильную оппозицію въ средѣ самой комиссіи,—устраняется совершенно.

IV.

Обратимся отъ прошедшаго къ настоящему. Въ пользу соединенія—въ лицѣ участковаго начальника—судебной и административной власти приводятся обыкновенно слѣдующія практическія соображенія, опирающіяся—или старающіяся опереться—на указанія дѣйствительности. У насъ на мѣстѣ слишкомъ много властей; населеніе не знаетъ, къ которой изъ нихъ въ какомъ случаѣ обратиться, и часто остается совершенно безпомощнымъ. Масса напраснаго труда уходитъ на пререканія властей между собою, на исполненіе нѣсколькими властями такого ряда дѣлъ, который весь удобно могъ бы быть порученъ одной изъ нихъ. Ограниченность круга дѣйствій уменьшаетъ авторитетъ власти въ глазахъ населенія, не всегда встрѣчающаго въ ней ту поддержку, на которую оно рассчитываетъ. Власти отдалены отъ населенія, которое, вслѣдствіе этого, сплошь и рядомъ, вовсе не обращается къ ихъ защитѣ; въ особенности это можно сказать о мелкихъ судебныхъ дѣлахъ. Отдаленность власти способствуетъ также развитію письменности, предающему безграмотную массу въ руки писарей и „аблакатовъ“. Надзоръ за органами крестьянскаго самоуправленія становится, подъ вліяніемъ той же причины, мнимымъ или случайнымъ. Всякая попытка измѣнить это положеніе вещей, не сопровождаемая

¹⁾ Не слѣдуетъ смѣшивать эту комиссію съ тою, на которой лежало составленіе самыхъ судебныхъ уставовъ, и которая закончила свои занятія еще въ 1864 г.; въ составъ первой вошли не всѣ члены послѣдней.

соединеніемъ функцій судебныхъ и административныхъ, потребовала бы слишкомъ большихъ затратъ, непосильныхъ для населенія, и все-таки осталась бы безплодной, вслѣдствіе недостаточнаго числа лицъ, способныхъ и готовыхъ принять участіе въ дѣлахъ мѣстнаго управленія. Наоборотъ, для реформы, основанной на сліянніи властей, легко найдутся и личныя, и матеріальныя средства. Строгое раздѣленіе властей — принципъ чисто книжный, давно опровергнутый опытомъ жизни; оно не существуетъ у насъ даже въ настоящее время, потому что на мировыхъ судьяхъ лежатъ и теперь нѣкоторыя обязанности вовсе не судебного свойства. Къ усиленію произвола соединеніе властей не приведетъ; наоборотъ, оно положитъ конецъ произволу волостного управленія и, въ особенности, волостныхъ писарей. Независимость новыхъ органовъ управленія можетъ быть ограждена въ такой же мѣрѣ, какъ ограждена теперь независимость мировыхъ судей.

Разборъ всѣхъ этихъ доводовъ усложняется тѣмъ, что подъ однимъ именемъ не всегда разумѣется одно и то же понятіе. Мы едва-ли ошибемся, если сгруппируемъ защитниковъ соединенія властей въ двѣ главныя категоріи. Одни хотятъ раздѣленія уѣзда на небольшое число крупныхъ территоріальныхъ единицъ — немногимъ развѣ большее, чѣмъ число теперешнихъ мировыхъ участковъ, — съ тѣмъ, чтобы во главѣ каждой изъ нихъ стоялъ мировой судья, облеченный, по отношенію къ крестьянамъ, властью бывшаго мирового посредника; другихъ исполнительныхъ обязанностей прямо на него возложить не предполагается. Косвенно, впрочемъ, онъ является и администраторомъ, потому что исполнительныя обязанности оставляются за волостными старшинами, подчиняемыми его властному надзору. Другое мнѣніе клонится къ учрежденію мелкихъ территоріальныхъ единицъ и къ сосредоточенію, въ лицѣ завѣдывающаго такою единицей, всѣхъ административныхъ функцій и нѣкоторыхъ судебныхъ — а именно разбора маловажныхъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ. Этими двумя взглядами не исчерпывается, конечно, весь кругъ варіацій на разсматриваемую нами тему; есть мнѣнія среднія, соединяющія, напримѣръ, величину участковъ съ всеобъемлемостью власти судьи-администратора, — но они меньше распространены и не требуютъ отдѣльнаго разбора.

Остановимся сначала на первой группѣ, особенно интересной уже потому, что къ ней принадлежатъ почти всѣ члены меньшинства Кахановской комиссіи. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что проектируемое ею соединеніе властей не устранистъ ни одного изъ неудобствъ, которыми мотивируется необходимость перемѣны. Изъ среды должностныхъ лицъ, образующихъ въ настоящее время мѣстное

управленіе, исчезнетъ, съ принятіемъ проекта, только одно—непременный членъ крестьянскаго присутствія. Перестанетъ существовать, правда, и крестьянское присутствіе—но его мѣсто займетъ съѣздъ участковыхъ начальниковъ, для рѣшенія дѣлъ по надзору за крестьянскимъ самоуправленіемъ. Этотъ съѣздъ, несмотря на тождество лицъ, не будетъ совпадать съ съѣздомъ мировыхъ судей, потому что для того и другого будутъ, безъ сомнѣнія, установлены различныя формы производства, различныя пути и способы обжалованія. Возможность сомнѣній относительно подсудности или подвѣдомственности останется, слѣдовательно, прежняя, хотя нельзя не замѣтить, что и теперь пререканія между крестьянскими и судебными учрежденіями встрѣчаются крайне рѣдко. Судебная власть не приблизится къ населенію; вчинаніе маловажныхъ исковъ и обвиненій будетъ столь же затруднительно, какъ и въ настоящее время. Приблизится только разборъ жалобъ на крестьянское самоуправленіе, но не въ такой мѣрѣ, чтобы доставить существенное облегченіе жалующимся. Если крестьянинъ, имѣющій поводъ къ начатію судебного дѣла, отказывается иногда отъ его веденія, вслѣдствіе отдаленности пребыванія мирового судьи, то столь же обыкновенны будутъ случаи отказа отъ жалобы на дѣйствія—или бездѣйствіе—крестьянскихъ властей, потому что судья-посредникъ будетъ развѣ немногимъ доступнѣе и ближе, чѣмъ мировой судья. Для административныхъ дѣлъ, не входящихъ въ кругъ надзора за крестьянскими властями, потребуются особые органы—или, если такихъ органовъ учреждено не будетъ, главный недостатокъ мѣстнаго управленія останется неустраненнымъ и неуменьшеннымъ. Этотъ недостатокъ, по общему признанію, заключается въ отсутствіи правильно организованнаго исполненія—исполненія распоряженій, исходящихъ какъ отъ правительства, такъ и отъ земства. Со всѣхъ сторонъ слышится единогласный отзывъ, что волостныя правленія, волостные старшины не могутъ справиться съ этой задачей, что она должна быть передана въ другія руки—а между тѣмъ краеугольнымъ камнемъ системы, о которой мы теперь говоримъ, служить именно сохраненіе крестьянской волости въ настоящемъ ея видѣ. Нельзя же предполагать, что волостные старшины, выѣстъ съ волостными писарями, сдѣлаются другими людьми, какъ только ихъ коснется опекающая рука участковыхъ начальниковъ. Наблюденіе и исполненіе—далеко не одно и то же; самый строгій, самый бдительный надзоръ не можетъ создать недостающихъ способностей и силъ, не можетъ превратить никуда негодное колесо въ правильно дѣйствующую паровую машину... Если уваженіемъ и довѣріемъ населенія можетъ пользоваться лишь такое должностное лицо, которому все подвѣдомо и всѣ подвластны, то этому условію

не будетъ удовлетворять и проектируемый участковый начальникъ; онъ не будетъ ни администраторомъ, въ обширномъ смыслѣ слова, ни полицейскимъ чиновникомъ; ему часто придется отсылать просителей къ другимъ мѣстамъ и лицамъ. Само собою разумѣется, впрочемъ, что, въ дѣйствительности, уваженіе и довѣріе приобретаются путемъ, не имѣющимъ ничего общаго съ всевластіемъ. Защитники соединенія властей не отрицаютъ, что уваженіемъ пользуются, вообще говоря, и теперешніе мировые судьи; они даже основываютъ на этомъ цѣлесообразность расширенія правъ и функций мирового суда. А что, если главнымъ источникомъ уваженія служилъ и служить исключительно-судебный характеръ нынѣшней дѣятельности мировыхъ судей?..

Судья, по самому существу своего призванія, долженъ отлучаться изъ мѣста своего постоянного пребыванія не слишкомъ часто и не иначе, какъ въ определенное время; всякій имѣющій въ немъ надобность долженъ быть увѣренъ, что найдетъ его дома, за исключеніемъ дней, заранѣе назначенныхъ для присутствованія на сѣздѣ или для выѣзда въ другіе пункты участка. Недавнее распоряженіе сената, обязывающее мировыхъ судей принимать прошенія и разбирать дѣла ежедневно, представляется, можетъ быть, слишкомъ рѣшительнымъ и безусловнымъ, но въ основаніи его лежитъ вѣрное пониманіе судейскихъ обязанностей. Чего же слѣдуетъ ожидать, если мировой судья, оставаясь судьей, сдѣлается, вмѣстѣ съ тѣмъ, вторымъ, исправленнымъ изданіемъ мирового посредника? Одно изъ двухъ: или онъ будетъ обращать больше вниманія на разборъ судебныхъ дѣлъ, или на первый планъ выступитъ распорядительная сторона его дѣятельности. Въ первомъ случаѣ, волостнымъ правленіямъ придется долго ждать начальническихъ посѣщеній; лицамъ, недовольнымъ дѣйствіями старшины, по прежнему придется прибѣгать къ письменнымъ жалобамъ; разѣзды по волостямъ приобретутъ періодическій характеръ, исключая почти вовсе возможность внезапныхъ ревизій. Въ послѣднемъ случаѣ, дожидаться придется тяжущимся и обвиняемымъ—а вездѣ-сущимъ судья-посредникъ все-таки не будетъ, и преобладаніе письменности только уменьшится, но далеко не исчезнетъ. Представимъ себѣ, въ самомъ дѣлѣ, положеніе должностного лица, назначившаго, на извѣстное число, разборъ нѣсколькихъ десятковъ судебныхъ дѣлъ и получающаго, наканунѣ этого дня, извѣстіе о безпорядкахъ, требующихъ бытности его на мѣстѣ, въ пятидесяти верстахъ отъ камеры. Какъ поступить: чѣмъ пожертвовать, что отложить? Не слѣдуетъ ли опасаться, что при частомъ повтореніи подобныхъ комбинацій судья-администраторъ привыкнетъ пренебрегать въ равной мѣрѣ обѣими категоріями своихъ обязанностей? „Всего не передѣлаешь, на части не разорвешься“,—скажетъ онъ, и станетъ оправдывать свои судебные

недочеты — неотложными административными занятіями, и наоборот, — съ тѣмъ большимъ удобствомъ, что начальство по тому и другому роду дѣлъ будетъ у него не одно и то же. Нужно ли прибавлять, что всѣ эти замѣчанія относятся съ удвоенною силой къ „волостному мировому судѣ“, созданному проектомъ г. Самарина, или вообще къ должностному лицу, сосредоточивающему въ своихъ рукахъ безчисленное множество разнообразнѣйшихъ функцій? Если трудно вообразить себѣ правильную дѣятельность судьи, облеченнаго, въ то же время, контролирующею властью надъ крестьянскимъ самоуправленіемъ, то что же сказать о Протеѣ, переходящемъ отъ разбора судебныхъ дѣлъ къ починкѣ земскихъ дорогъ, отъ починки земскихъ дорогъ къ собранію статистическихъ свѣдѣній, отъ собранія статистическихъ свѣдѣній къ распоряженіямъ по призыву новобранцевъ, отъ распоряженій по призыву новобранцевъ къ учету сельскаго старосты. — и такъ далѣе до безконечности, причемъ театромъ дѣйствій служить пространство въ нѣсколько сотъ квадратныхъ верстъ, съ нѣсколькими десятками тысячъ населенія? Не ясно ли, что мы вступаемъ здѣсь на всѣхъ парусахъ въ область фантазій, смѣющейся надъ всякимъ серьезнымъ разборомъ?

Ко второму типу судьи-администратора, — т.-е. къ начальнику мелкой территоріальной единицы, служащему исполнительнымъ органомъ правительства и земства и облеченному, вмѣстѣ съ тѣмъ, правомъ рѣшенія наименѣе важныхъ судебныхъ дѣлъ, — нѣкоторыя изъ возраженій, сдѣланныхъ нами противъ перваго типа, очевидно непримѣнимы. Такой судья-администраторъ дѣйствительно приблизилъ бы судъ къ нуждающемуся въ немъ населенію, да и самое отправленіе разнообразныхъ обязанностей, на немъ лежащихъ, было бы, сравнительно, болѣе осуществимо, потому что онѣ были бы заключены въ кругъ несравненно болѣе тѣсный. Мелкихъ территоріальныхъ единицъ — если принять въ основаніе разсчета обыкновенно приводимыя съ той и другой стороны цифры — было бы приблизительно втрое больше, чѣмъ крупныхъ, и настолько же меньше былъ бы трудъ управленія ими, при одинаковой степени соединенія властей. Мы уже видѣли, однако, что въ двухъ главныхъ системахъ, нами изучаемыхъ, соединеніе властей одинаковымъ названо быть не можетъ. Въ мелкой единицѣ оно проектируется гораздо болѣе полнымъ, чѣмъ въ крупной — и этимъ уничтожается, отчасти, преимущество первой надъ послѣдней. Участковому начальнику въ мелкой единицѣ — какою ее рисуетъ воображеніе защитниковъ соединенія властей — пришлось бы проводить все время въ хлопотахъ и разбѣздахъ, несовмѣстимыхъ съ правильною судебною дѣятельностью. Выгодныя послѣдствія близости суда были бы парализованы труд-

ностью найти судью на мѣстѣ и добиться отъ него скорого и основательнаго рѣшенія. Съ другой стороны, образованіе, рядомъ со всѣми прежними, новой судебной инстанціи было бы сопряжено съ цѣлой массой неудобствъ и затрудненій. Между мировыми и участковыми судьями неизбежно возникли бы пререканія о подсудности; однородныя дѣла, при ничтожной разницѣ въ цѣнѣ иска, стали бы разрѣшаться на различныхъ основаніяхъ и въ различномъ смыслѣ, къ крайнему недоумѣнію и соблазну населенія. Найти въ уѣздѣ десять-пятнадцать лицъ, которымъ можно было бы поручить, помимо административныхъ обязанностей, еще единоличное рѣшеніе судебныхъ дѣлъ, было бы, сплошь и рядомъ, задачей почти неисполнимой. Незачѣмъ прибѣгать къ крайнимъ средствамъ, когда цѣль можетъ быть достигнута гораздо легче и проще. Чтобы придвинуть судъ къ населенію, достаточно было бы расширить кругъ дѣйствій волостного суда, улучшивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, его организацію, — признать обязательнымъ періодическій выѣздъ мировыхъ судей, для разбора дѣлъ, въ разные пункты мирового участка и освободить отъ излишняго формализма какъ производство, такъ и рѣшеніе дѣлъ въ мировомъ судѣ (напримѣръ, допустить разбирательство безъ бытности истца, отказавшагося отъ явки въ судъ, предоставить мировому судѣ большій просторъ относительно допроса свидѣтелей, и т. п.). Не нужно, наконецъ, преувеличивать слабыя стороны нынѣшняго положенія дѣлъ, насколько оно обуславливается отдаленностью мирового суда отъ нѣкоторыхъ мѣстностей, ему подсудныхъ. Наиболѣе бѣдный классъ населенія мало чувствуетъ эту отдаленность, потому что, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, имѣетъ дѣло съ волостнымъ судомъ, — а для тѣхъ, кто всего чаще обращается къ мировому суду, разстояніе въ 40 — 50 верстъ не составляетъ трудно-преодолимой преграды. Интересно было бы собрать статистическія свѣденія о числѣ дѣлъ, поступающихъ къ мировому судѣ изъ каждой волости его участка, чтобы опредѣлить зависимость этого числа отъ разстоянія между волостью и камерой судьи. Намъ случилось исполнить эту работу по отношенію къ одному изъ уѣздовъ петербургской губерніи — и мы убѣдились въ томъ, что съ уменьшеніемъ разстоянія далеко не всегда увеличивается (принимая въ расчетъ количество населенія) цифра судебныхъ дѣлъ.

V.

Переходимъ къ финансовой сторонѣ вопроса. Здѣсь мы будемъ имѣть дѣло только съ первымъ изъ двухъ разбираемыхъ мѣнній, потому что стоимость устройства мелкой территоріальной единицы,

очевидно, не зависить отъ предоставленія или непредоставленія ея начальнику права рѣшать маловажныя судебныя дѣла. Защитники соединенія властей въ лицѣ мирового судьи направляютъ свои усилія къ тому, чтобы доказать, съ одной стороны, дешевизну системы, удерживающей крестьянскую волость и воскрешающей мировыхъ посредниковъ; съ другой стороны — дороговизну противоположной системы, создающей мелкую земскую единицу безъ соединенія властей. Оба тезиса опровергаются цифрами, не подлежащими никакому сомнѣнію и спору. Допустимъ, что средняя стоимость управленія мелкой земской единицей, обнимающей собою отъ двухъ до трехъ теперешнихъ волостей, достигла бы, согласно съ тенденціознѣйшимъ изъ всѣхъ расчетовъ, четырехъ тысячъ рублей ¹⁾; даже въ такомъ случаѣ она не превзошла бы того, во что обходится теперь содержаніе волостныхъ управленій. Въ московской губерніи каждая волость расходуетъ на свое управленіе, среднимъ числомъ, до 1,600 рублей; если бы въ составъ мелкой земской единицы вошло, въ среднемъ выводѣ, по $2\frac{1}{2}$ волости, то содержаніе ея управленія не потребовало бы ни одного лишняго рубля. Между тѣмъ во многихъ губерніяхъ волостные расходы значительно выше, чѣмъ въ московской; въ тамбовской губерніи, напримѣръ, общая ихъ цифра превышаетъ соотвѣтствующую цифру по московской губерніи почти на полтораста тысячъ; въ саратовской губерніи — на семьдесятъ-пять тысячъ рублей. Необходимо, далѣе, имѣть въ виду, что теперь всѣ издержки по волостному управленію — хотя имъ и пользуются всѣ сословія, хотя оно и служить всему государству — упадаютъ на однихъ крестьянъ, между тѣмъ какъ издержки по содержанію мелкой территоріальной единицы (хотя бы и не самоуправляющейся) были бы распределены между всѣми классами населенія. Коренная реформа мѣстнаго управленія, чуждая всякаго смѣшенія властей, могла бы быть совершена безъ увеличенія на одну копейку обложенія народной массы.

Не потребовала бы эта реформа и слишкомъ большого запаса личныхъ силъ, которымъ не располагаютъ наши уѣзды. При такой организаціи мелкой земской единицы, которая позволяла бы поставить во главѣ ея управленія всякое грамотное лицо, не могло бы встрѣтиться недостатка въ кандидатахъ на званіе волостного стар-

¹⁾ На самомъ дѣлѣ, этотъ расчетъ до крайности преувеличенъ. На жалованье участковому назначается, напримѣръ, 1,500 рублей, между тѣмъ какъ за сумму вдвое меньшую служатъ теперь нѣкоторые члены уѣздныхъ земскихъ управъ; на жалованье письмоводителю, съ квартирными деньгами — 750 рублей, которыхъ не получаетъ, вѣроятно, ни одинъ письмоводитель мирового судьи; на наемъ помѣщенія, отопленіе и освѣщеніе его — 500 рублей, между тѣмъ какъ въ большинствѣ сельскихъ школъ эти издержки не превышаютъ 75 рублей.

шинны или участковаго начальника; весьма вѣроятно, что, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, оно доставалось бы на долю людей, до известной степени, образованныхъ. Упраздненіе непремѣнныхъ членовъ крестьянскихъ присутствій, а можетъ быть, и членовъ земскихъ управъ ¹⁾, способствовало бы увеличенію числа лицъ, способныхъ и готовыхъ посвятить себя заведыванію участками или волостями. Значительную перемѣну къ лучшему могло бы произвести, въ этомъ отношеніи, только прекращеніе или ослабленіе абсентеизма, отъ котораго страдаетъ теперь наша провинціальная жизнь. Отъ чего можно ожидать обратнаго движенія въ деревню — отъ соединенія ли властей, или отъ иной комбинаціи условій,—къ этому вопросу мы еще возвратимся.

Если бы судебная власть соединилась съ административной въ лицѣ мировыхъ судей, до крайности ненормальнымъ сдѣлалось бы положеніе послѣднихъ по отношенію къ высшимъ инстанціямъ. Надъ ними очутились бы два вѣдомства, на многое смотряція неодинаково, не всегда согласныя въ требованіяхъ отъ подчиненныхъ, въ способѣ оффики ихъ дѣйствій. Положимъ, что независимость администраторовъ-судей была бы ограждена въ такой же мѣрѣ, какъ и независимость прежнихъ мировыхъ посредниковъ и теперешнихъ мировыхъ судей; все-таки они не были бы изъяты изъ-подъ вліянія обоихъ вѣдомствъ, съ которыми имъ приходилось бы считаться—вѣдомствъ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ,—и это вліяніе невозможно было бы приурочить исключительно къ одному роду занятій. Взгляды административныхъ сферъ неизбѣжно нашли бы себѣ путь въ область правосудія, существенно видоизмѣняя его стремленія и задачи. Таковой двойственности не было въ дѣятельности мировыхъ посредниковъ, административный характеръ которыхъ рѣшительно преобладалъ надъ судебнымъ; они не имѣли никакого прикосновенія къ министерству юстиціи и не рисковали очутиться между двухъ огней. Далекое не единогласными представляются, вдобавокъ, предположенія по вопросу о порядкѣ опредѣленія администраторовъ-судей. Однимъ проектамъ, имѣющимъ въ виду замѣщеніе этихъ должностей по выбору, противопоставляются другіе, отстаивающіе назначеніе ихъ правительственною властью. Къ какимъ затрудненіямъ привести, въ послѣднемъ случаѣ, соединеніе въ одномъ лицѣ судебныхъ и административныхъ функцій—это понятно безъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій.

Соединеніе властей,—говорятъ его защитники,—существуетъ, de

¹⁾ Обладая мѣстными исполнительными органами, въ лицѣ волостныхъ старшинъ или участковыхъ, и дѣтельными помощниками—въ видѣ всесословныхъ волостныхъ сходовъ, земство могло бы значительно сократить число своихъ центральныхъ агентовъ.

факто, и въ настоящее время; въ доказательство этого положенія указывается на обязанности мировыхъ судей по охраненію имуществъ, по нотаріальной части, по открытію сельскихъ избирательныхъ сѣздовъ. Изъ всѣхъ этихъ функцій,—къ которымъ можно еще присоединить разсмотрѣніе мировыми сѣздами просьбъ о разлученіи супруговъ, вслѣдствіе ссылки одного изъ нихъ,—ни одна не имѣетъ чисто-административнаго характера. Дѣла по охраненію имуществъ вездѣ отнесены, въ большей или меньшей степени, къ вѣдомству суда, потому что они производятся съ такимъ же строгимъ соблюденіемъ законныхъ формъ и обрядовъ, съ такимъ же устраненіемъ всего походяго на произволъ, съ такимъ же исключительнымъ вниманіемъ къ правамъ частныхъ лицъ, какъ и дѣла судебныя въ собственномъ смыслѣ слова. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что къ участію въ охраненіи имуществъ привлечены, кромѣ мировыхъ судей, и общія судебныя мѣста. Ближе подходитъ къ судебнымъ функціямъ и нотаріальная часть, также регулируемая во всѣхъ отношеніяхъ положительными предписаніями закона; не даромъ же старшіе нотаріусы состоятъ при окружныхъ судахъ,—какъ и гипотечныя отдѣленія, гдѣ они существуютъ,—а младшіе нотаріусы непосредственно подчинены суду. Разлученіе супруговъ, рано или поздно, сдѣлается и у насъ всецѣло достояніемъ судебной власти. Открытіе избирательныхъ сѣздовъ не имѣетъ непосредственныхъ точекъ соприкосновенія съ судебными обязанностями, но не заключаетъ въ себѣ ничего противорѣчащаго имъ; оно требуетъ такого же безпристрастія, какъ и отправленіе правосудія, такого же нейтральнаго отношенія къ сторонамъ, такого же вниманія къ установленнымъ формамъ. Совершаясь одинъ разъ въ три года, оно не отвлекаетъ судью отъ прямыхъ его занятій. Это одна изъ тѣхъ функцій, которыя могутъ быть возложены безразлично на каждого мѣстнаго жителя, облеченнаго довѣріемъ населенія. Соединеніе властей становится опаснымъ только тогда, когда соединяемыя власти разнородны по самому своему существу, по своимъ цѣлямъ, по способу пользованія ими. Ничего подобнаго мы не видимъ у насъ (на низшей ступени государственнаго управленія) въ настоящее время, и ссылка на существующій порядокъ должна быть исключена изъ числа доводовъ въ пользу оспариваемой нами реформы. Скажемъ болѣе: не говорятъ за нее даже недавнія законодательныя мѣры, принятія въ то время, когда въ правительственныхъ сферахъ былъ уже поднятъ вопросъ о соединеніи властей. Мы имѣемъ въ виду Высочайше утвержденное 12-го іюня нынѣшняго года мнѣніе Государственнаго Совѣта объ управленіи туркестанскимъ краемъ. Уже если соединеніе властей гдѣ-нибудь допустимо, то скорѣе всего

именно въ отдаленной, недавно завоеванной, мало-культурной окраинѣ государства. И что же? Оно допущено въ туркестанскомъ краѣ лишь въ весьма небольшихъ размѣрахъ и съ существенными ограниченіями. Наряду съ администраціей поставлена самостоятельная судебная власть, въ лицѣ мировыхъ судей; никакихъ административныхъ обязанностей на мировыхъ судей не возложено, а административнымъ должностнымъ лицамъ (уѣзднымъ начальникамъ и участковымъ приставамъ) хотя и предоставлено право налагать своею властью, за маловажные проступки, небольшія наказанія (не свыше семидневнаго ареста и пятнадцатирублеваго штрафа), но только по отношенію къ туземцамъ.

Спѣшимъ сдѣлать одну оговорку. Возставая противъ соединенія властей, мы отнюдь не отрицаемъ, въ принципѣ, возможность предоставленія исполнительнымъ органамъ такъ-называемой (не совсѣмъ точно) административно-карательной власти, т.-е. права налагать не большіе денежные штрафы за неисполненіе законныхъ требованій администраціи. Необходимымъ коррективомъ этой власти является, въ нашихъ глазахъ, только одно: право жаловаться на наложеніе штрафа въ судебномъ порядкѣ, т.-е. не начальству, а суду. Другими словами, мы допускаемъ именно то, что называется у Гнейста (въ приведенной нами цитатѣ) предварительнымъ разборомъ полицейскихъ нарушеній. Вотъ что говоритъ по этому поводу профессоръ Фойницкій („Курсъ уголовного судопроизводства“, т. I): „судебный порядокъ требуетъ отъ государства много затратъ какъ личныхъ силъ, такъ и финансовыхъ средствъ. Онѣ необходимы въ дѣлахъ извѣстной важности, но примѣненіе судебного порядка и по дѣламъ незначительнымъ, гдѣ затронуты ничтожные интересы, было бы крайне тягостно для государства. Отсюда вытекаетъ, что достаточнымъ основаніемъ для отступленія отъ судебного порядка слѣдуетъ признавать маловажность дѣла. Но это понятіе имѣетъ двѣ стороны: объективную и субъективную. Прежнія теоріи и законодательства довольствовались первою изъ нихъ; но лишеніе, незначительное для одного лица, можетъ быть крайне значительнымъ для другого, и поэтому необходимо дополнить объективную мѣрку правомъ субъективной оцѣнки, принявъ, что дѣла, признаваемые объективно-маловажными, тогда только устраняются отъ судебного порядка, когда лицо, противъ котораго они направляются, не возражаетъ противъ не-судебнаго ихъ разбора. Поставленное въ эти предѣлы, не-судебное производство не составляетъ аномаліи въ общей системѣ судебного порядка“. По буквальному смыслу этого мнѣнія, главныя основанія котораго мы вполнѣ раздѣляемъ, несогласіе лица, противъ котораго направлено маловажное обвиненіе, устраняетъ са-

мое не-судебное разбирательство, т.-е. прямо направляетъ дѣло къ судебному разсмотрѣнію. Намъ кажется, что интересы правосудія и права обвиняемаго ограждаются въ такой же мѣрѣ судебнымъ обжалованіемъ приговора, постановленнаго въ не-судебномъ порядкѣ; неправильнымъ слѣдуетъ признать только совершенное устраненіе судебного разбора, т.-е. допущеніе жалобы на не-судебный приговоръ въ учрежденіе также не-судебное, административное. Нашему законодательству знакомы обѣ системы; первая—судебное обжалованіе—существуетъ, напримѣръ, по отношенію къ нарушеніямъ питейнаго устава (законъ 28-го мая 1883 г.); вторая—обжалованіе не-судебное—по отношенію къ нѣкоторымъ нарушеніямъ фабричныхъ правилъ (законъ 3-го іюня 1886 г.). За вторую систему высказалось большинство Кахановской комиссіи, но она, очевидно, не выдерживаетъ критики и не оправдывается ни теоретическими, ни практическими соображеніями.

VI.

Мы подходимъ теперь къ центральному пункту спора—къ основному мотиву проектируемой перемѣны. Этотъ мотивъ не всегда и не всѣми высказывается съ достаточною прямою; мы готовы допустить, что не всѣми онъ отчетливо и сознается,—но это отнюдь не мѣшаетъ его господствующей роли. Всякая партія имѣетъ своих *enfants terribles* — иначе говоря, своихъ юродивыхъ или юродствующихъ,—готовыхъ произнести во всеуслышаніе то самое „последнее слово“, которое тщательно скрываютъ одни, котораго даже самимъ себѣ не договариваютъ другіе. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ; одна изъ реакціонныхъ газетъ проговорила, намѣренно или ненамѣренно, и раскрыла передъ нами давно угаданныя, впрочемъ, карты своихъ партнеровъ. Установляя, съ своей точки зрѣнія, цѣль проектируемой административной реформы, она формулировала ее слѣдующими знаменательными словами: „такъ урегулировать функціи мѣстныхъ учреждений и ихъ взаимныя отношенія, чтобы крестьяне имѣли постоянного начальника, чтобы помѣщики имѣли дѣйствительную, а не фиктивную охрану и защиту въ полиціи и въ судѣ“. Въ чемъ другомъ, а въ откровенности этой формулѣ отказать никакъ нельзя. Начальство—для массы, для мужика; охрана и защита—для небольшого меньшинства, для привилегированнаго землевладѣльца: вотъ двухцвѣтное знамя, подъ которымъ идутъ въ бой наши „преобразователи наоборотъ“. Само собою разумѣется, что его гораздо охотѣе прячутъ и прикрываютъ, чѣмъ выставляютъ на видъ во всей его наготѣ. Рѣчь идетъ, болѣею частью, объ инте-

ресахъ крестьянства, о беззащитности его и безпомощности, о необходимости, именно для него, въ видахъ собственнаго его блага, „властной руки“ и „показателя пути“ (выраженія, пущенныя въ ходъ покойною „Русью“), которые оберегали бы его отъ эксплуатаціи кулаковъ и міроѣдовъ, вели бы его впередъ, къ развитію и благосостоянію. Кто и въ какой степени вѣрить собственнымъ своимъ фразамъ, кто и въ какой степени видитъ въ нихъ только ширму или отводъ глазъ — въ разсмотрѣніе этого вопроса мы не входимъ, да онъ для насъ и не интересенъ; важно то, къ какимъ результатамъ неизбѣжно должна привести извѣстная реформа, а не то, какіе результаты отъ нея ожидаются или общаются. Посмотримъ, съ этой точки зрѣнія, на послѣдствія соединенія властей.

Въ сословнической программѣ — это необходимо не упускать изъ виду — соединеніе властей является только частью пѣлаго, въ составъ котораго входитъ, съ одной стороны, переустройство земства въ смыслѣ раздѣльности сословій и преобладанія помѣстнаго дворянства, съ другой — избраніе участковыхъ начальниковъ (и еще нѣкоторыхъ уѣздныхъ властей) исключительно или преимущественно изъ той же дворянской среды. Какъ ни характеристична именно эта совокупность требованій, мы готовы выдѣлить изъ нея, на время, одно соединеніе властей и предположить, что всѣ остальные вопросы будутъ разрѣшены въ возможно лучшемъ смыслѣ, т.-е. съ сохраненіемъ безсословнаго земства и съ предоставленіемъ ему избирать администраторовъ-судей, не стѣсняясь сословнымъ ихъ цензомъ. Даже при такомъ положеніи вещей, до крайности далеко отъ надеждъ и стремленій сословнической группы, соединеніе властей угрожало бы, въ нашихъ глазахъ, весьма серьезною опасностью. Необходимость удержатъ для судей-администраторовъ, по меньшей мѣрѣ, настоящій образовательный (а можетъ быть, и имущественный) цензъ мировыхъ судей привела бы къ фактическому сосредоточенію власти въ рукахъ одного сословія или одной группы населенія. Административныя обязанности, въ отдѣльности взятыя, могутъ быть поручены (на низшей ступени управленія) и лицамъ мало образованнымъ; для успѣшнаго исполненія ихъ нужна здѣсь только энергія, распорядительность, честность. Для судебной дѣятельности однихъ этихъ условій недостаточно; кругъ лицъ, подлежащихъ избранію, сужился бы самъ собою, даже помимо предписанія закона, какъ только въ виду избирателей имѣлось бы соединеніе въ рукахъ избираемаго обязанностей административныхъ и судебныхъ. Если избраніе мировыхъ судей, преимущественно изъ среды высшаго сословія, не приносить въ настоящее время никакихъ вредныхъ послѣдствій, то это обуславливается исключительно судебнымъ характеромъ ихъ власти. Имъ не принадле-

жить начальство надъ массою; огромное большинство населенія не имѣетъ никакихъ судебныхъ дѣлъ и не чувствуетъ себя ни въ какой зависимости отъ судьи. Вращаясь въ рѣзко-опредѣленныхъ рамкахъ судебной сферы, мировые судьи усваиваютъ себѣ, въ большей или меньшей степени, ея преданія и взгляды, сознаютъ себя исполнителями закона, охранителями права. Представимъ себѣ теперь, что мировые судьи облакаются административною властью, хотя бы только тою, какая принадлежала мировымъ посредникамъ. Пассивная, выжидательная роль, свойственная судѣ, сразу переплетается съ активной; продолжая рѣшать, онъ начинаетъ распоряжаться. Въ нашемъ бюрократическомъ мірѣ бывали случаи, когда одно и то же лицо, по разнымъ своимъ званіямъ, являлось по-очередно вопрошающимъ и отвѣчающимъ, требующимъ и отказывающимъ, просящимъ и разрѣшающимъ; но самые ревностные приверженцы канцелярскихъ фикцій едва-ли имѣли наивность вѣрить въ серьезность такой переписки съ самимъ собою. Переходя съ одного стула на другой или даже изъ одного зданія въ другое, чиновный „совѣститель“ оставался неизмѣнно при одномъ и томъ же взглядѣ на дѣло, — развѣ если за него работали, въ разныхъ помѣщеніяхъ, разные лица, а онъ только подписывалъ составленные ими бумаги. Съ занимающей насъ точки зрѣнія, совѣстительство функцій ничѣмъ существенно не отличается отъ совѣстительства должностей. Двойственность обязанностей, какъ и двойственность званій, не влечетъ за собой раздвоенія натуры; умственный и душевный складъ человѣка не измѣняется, смотря по тому, находится ли у него въ рукахъ дѣло въ синей или въ бѣлой оберткѣ. Судья-администраторъ можетъ быть — то судьей, то администраторомъ — только по имени; на самомъ дѣлѣ, онъ будетъ вносить въ одну отрасль своихъ занятій привычки и приемы, приобретенные въ другой, и въ образующейся такимъ образомъ смѣси неизбежно будетъ преобладать одна черта, налагающая свою печать на всѣ остальные. Какою, по теоріи вѣроятностей, будетъ эта черта на нашей почвѣ — это опредѣлить не трудно. Въ возможности дѣйствовать по усмотрѣнію, по произволу, есть нѣчто несомнѣнно привлекательное; обладая ею въ одномъ направленіи, невольно стремишься удержать ее за собою и во всѣхъ другихъ. Это стремленіе можетъ быть сдержано глубоко вкоренившимся чувствомъ долга, корпоративными традиціями, обстановкой, постоянно напоминающей о законѣ, бдительнымъ контролемъ общественнаго мнѣнія, осуждающаго самоуправство. Тамъ, гдѣ всѣ эти условія имѣются на-лицо — напримѣръ, въ Англіи — судья-администраторъ, какъ мы уже видѣли, остается судьей даже при отправленіи своихъ административныхъ обязанностей; въ противномъ случаѣ, онъ слишкомъ легко можетъ оставаться

администраторомъ даже при отправленіи обязанностей судебныхъ. У насъ всѣ шансы, къ сожалѣнію, на сторонѣ послѣдняго исхода. Законность еще не вошла у насъ въ плоть и кровь; привычка и наклонность къ произволу еще не утрачена; прочныхъ судебныхъ традицій нѣтъ; типъ настоящаго судьи только-что началъ вырабатываться; общественное мнѣніе въ провинціи почти не существуетъ и не имѣетъ, болѣею частью, ни органовъ для своего выраженія, ни даже источниковъ, изъ которыхъ оно могло бы черпать данныя для своихъ сужденій. Ошибочно было бы утѣшать себя мыслью, что административныхъ функций у мирового судьи будетъ немного, и притомъ самое ихъ свойство будетъ болѣе контролирующее, чѣмъ распорядительное. Довольно того, что мировой судья сдѣлается начальникомъ крестьянскихъ властей—тѣхъ самыхъ властей, которыя, по смыслу разбираемаго нами проекта, должны остаться единственными низшими исполнительными органами въ уѣздѣ. Дѣйствуя черезъ посредство этихъ подчиненныхъ ему и зависящихъ отъ него органовъ, мировой судья будетъ, *de facto*, полновластнымъ хозяиномъ своего участка—тѣмъ болѣе полновластнымъ, что ему же, безъ сомнѣнія, будетъ предоставленъ и разборъ жалобъ на рѣшенія волостныхъ судовъ, и что непосредственно надъ нимъ будетъ поставлена инстанція, составленная изъ его товарищей. Полновластіе и правосудіе—понятія, настолько же исключаютъ одно другое, какъ произволъ и право.

Мы исходили до сихъ поръ изъ предположенія, что судьи-администраторы избираются безсловнымъ земствомъ, изъ среды лицъ, удовлетворяющихъ только образовательному цензу. При такомъ порядкѣ есть хоть какая-нибудь гарантія противъ систематическаго пристрастія избранныхъ; но что, если выборъ ихъ перейдетъ въ руки собраній съ преобладающимъ дворянскимъ элементомъ, собраній, составленныхъ изъ представителей „бытовыхъ союзовъ“, т.-е. изъ блюстителей „бытовыхъ интересовъ“? Что, если самое право быть избраннымъ будетъ признано *de jure* или утверждено *de facto* за однимъ классомъ населенія? Не ясно ли, какой колоритъ, какой смыслъ должно будетъ получить тогда полновластіе мировыхъ судей? Полновластіе маленькихъ сатраповъ опасно вообще, но еще во сто кратъ опаснѣе полновластіе тенденціозное. Такимъ оно должно быть, по мнѣнію тѣхъ, кто требуетъ начальства—надъ крестьянами, охраны и защиты—для помѣщиковъ; такимъ оно и будетъ, если осуществится сословническая программа. Приведемъ только одинъ примѣръ, достаточный для выясненія нашей мысли. Новый законъ о наймѣ сельскихъ рабочихъ устранилъ, какъ извѣстно, два главныхъ требованія одностороннихъ оберегателей землевладѣльческаго интереса:

обязательность договорнаго листа и насильственное, по суду, водвореніе рабочихъ. Если рабочий, нанятый по договорному листу, не явится къ хозяину или уйдетъ отъ него до срока, хозяинъ можетъ заявить о томъ общей или волостной полиціи, которая разыскиваетъ рабочаго и обязываетъ его вернуться къ нанимателю; въ случаѣ неисполненія имъ этой обязанности — безъ уважительныхъ причинъ — въ назначенный полиціею срокъ, полиція сообщаетъ о томъ мировому судья, для привлеченія виновнаго къ уголовной отвѣтственности (Положеніе 12-го іюня 1886 г., ст. 99, 100, 101, 103). Этотъ порядокъ обезпечиваетъ, до извѣстной степени, правъ рабочаго, но только до тѣхъ поръ, пока существуетъ раздѣльность полицейской и судебной власти. Разысканный полиціею и понуждаемый ею къ исполненію договора, рабочий — въ настоящее время — сознаетъ, что окончательное рѣшеніе дѣла зависить отъ судьи, что онъ не будетъ подвергнутъ наказанію, если докажетъ уважительность причинъ неявки — хотя бы полиція и не признавала ихъ достаточными для освобожденія его отъ договорныхъ обязанностей. И теперь, безъ сомнѣнія, возможно такое полицейское „воздѣйствіе“, которое окажется равносильнымъ насильственному водворенію рабочаго — но это будетъ уже злоупотребленіемъ, исключеніемъ изъ общаго правила. Совсѣмъ другое дѣло, если волостная полиція будетъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ мирового судьи. Ея „понужденіе“ получить тогда непреодолимую силу, ея отрицательное отношеніе къ „причинамъ неявки“ будетъ имѣть характеръ предрѣшенія, съ которымъ, въ большинствѣ случаевъ, не станетъ и бороться рабочий. „Водвореніе“, отклоненное законодателемъ, явится на сцену въ самой худшей, замаскированной своей формѣ. Захочетъ мировой судья — явится, фактически, и обязательность договорнаго листа. Если рѣшенія мирового судьи будутъ систематически неблагоприятны для нанимающихся безъ договорнаго листа; если вотчинная полиція, по словесному „внушенію“ судьи, станетъ, съ своей стороны, „внушать“ ищущимъ работы, что они должны брать договорные листы; если, наконецъ, землевладѣльцы, „бытовые интересы“ которыхъ представляетъ мировой судья, станутъ уклоняться отъ найма рабочихъ безъ договорныхъ листовъ, то свобода выбора между той или другой формой найма, неприкосновенная по закону, на практикѣ исчезнетъ почти безслѣдно... Мы нарочно взяли нашъ примѣръ изъ области личнаго найма, потому что именно здѣсь всего сильнѣе антагонизмъ „бытовыхъ интересовъ“ и „бытовыхъ союзовъ“, здѣсь всего вѣроятнѣе — и всего опаснѣе — тенденціозная эксплуатація соединенія властей.

Мы только-что упомянули объ антагонизмѣ нашихъ „бытовыхъ союзовъ“. Ошибочно было бы преувеличивать его значеніе — но еще

большой ошибкой было бы игнорировать его или упускать изъ виду. Въ основаніи его лежитъ, прежде всего, ослабѣвшее, но не угасшее воспоминаніе о вѣрноподданномъ правѣ. Кто имѣлъ случай соприкасаться съ крестьянами и слышать откровенные ихъ отзывы, тотъ едва-ли можетъ сомнѣваться въ глубокомъ, традиціонномъ недовѣріи ихъ къ высшему классу вообще и къ помѣщикамъ въ особенности. Недовѣріе это нѣсколько уменьшилось, благодаря общей дѣятельности сословій въ земской сферѣ, благодаря, еще болѣе, не вполнѣ сословной организаціи мѣстнаго управленія; быть можетъ, оно скоро уступило бы мѣсто противоположному чувству, еслибы точекъ соприкосновенія между различными группами населенія стало еще больше, еслибы онѣ сошлись въ дружномъ трудѣ на почвѣ всесословной волости, еслибы пали послѣднія податныя привилегіи меньшинства, еслибы мечты о начальствованіи, о власти, смѣнились мыслью о содѣйствіи, добровольно предлагаемомъ и свободно принимаемомъ. Наоборотъ, недо-вѣріе должно усилиться и обостриться, какъ только одно сословіе, послѣ двадцатилѣтняго промежутка, опять окажется во всеоружіи власти по отношенію къ другому. Къ нашему помѣстному дворянству непримѣнимъ отзывъ Леруа-Болье объ англійской джентри; рассматриваемое какъ одно цѣлое, оно не привыкло ни жить въ деревнѣ, ни интересоваться (безкорыстно) мѣстными дѣлами, ни сочувствовать окружающему населенію. Не вызоветъ, не создастъ этой привычки предоставленіе ему власти надъ мѣстными жителями; она можетъ развиваться только постепенно, подъ вліяніемъ чувства долга, сознанія обязанности, а не подъ вліяніемъ вѣры въ какое-то прирожденное право. Кто возвратится въ деревню изъ-за званій и должностей, проектируемыхъ сословнической программой, тотъ принесетъ населенію, въ лучшемъ случаѣ, очень мало пользы. Приманка, достаточная для искателей положенія, не подѣйствуетъ на тѣхъ, кто хочетъ работать для общаго блага. Перспектива власти, граничащей съ произволомъ, — власти, вручаемой меньшинствомъ для служенія меньшинству, испугаетъ, оттолкнетъ именно лучшую часть молодежи, наиболѣе желательный контингентъ мѣстныхъ дѣятелей. Насъ увѣряютъ, что теперь въ деревнѣ жить нельзя, что для обитаемости ея (рѣчь идетъ, конечно, объ обитателяхъ привилегированныхъ) необходима безопасность, необходимы порядокъ и благоустройство, въ свою очередь, немыслимые безъ „сильной власти“ (ce qu'on appelle un pouvoir fort). Въ этихъ увѣреніяхъ очень мало правды; но если и допустить, что они безусловно справедливы, остается еще доказать, что соединеніе властей—единственное или лучшее средство къ водворенію всѣхъ благъ, перечисленныхъ выше. Власть можетъ быть сильна, не будучи всеобъемлющей; гармонія между судомъ и адми-

нистраціей возможна и безъ сліянiя ихъ въ одно цѣлое. Улучшеніе личнаго состава земскихъ собраній, установленіе нормальныхъ отношеній между земскими учрежденіями и правительственною властью, организація всесословной, самоуправляющейся волости и вмѣстѣ съ нею—низшихъ исполнительныхъ органовъ, общихъ для администраціи и земства, освобожденіе полиціи отъ массы обязанностей, ей несвойственныхъ, реформа волостного суда, поднятіе образовательнаго уровня мировыхъ судей, уничтоженіе излишнихъ формальностей, извращающихъ характеръ мирового разбирательства—вотъ настоящій путь къ исцѣленію золъ, отъ которыхъ страдаетъ нашъ уѣздъ и, въ особенности, наша деревня ¹⁾. Для сліянiя властей здѣсь нѣтъ ни повода, ни мѣста. Оно не нужно, вредно, опасно; говоря словами Леруа-Болье, вполне примѣнимыми къ настоящему положенію дѣлъ въ Россіи, оно можетъ привести только къ „общему недовольству и неизбѣжнымъ бѣдствіямъ“. Шансовъ осуществленія его, къ счастью, весьма немногo; нельзя же допустить, чтобы коренные жители внутреннихъ губерній были лишены, въ силу общаго закона, такой гарантіи, которая сохраняется за ними спеціальнымъ закономъ (Положеніемъ о туркестанскомъ краѣ), даже въ случаѣ переселенія ихъ въ полу-дикую, азіатскую окраину Россіи.

К. Арсеньевъ.

¹⁾ Само собою разумѣется, что мы говоримъ здѣсь только о преобразованіи мѣстнаго управленія, а не о другихъ реформахъ, безъ которыхъ оно не можетъ вполне достигнуть своей цѣли.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 декабря, 1886 г.

Отчеты фабричных инспекторов за первый годъ ихъ дѣятельности. — Отношеніе фабрикантовъ къ правиламъ о малолѣтнихъ рабочихъ. — Уменьшеніе числа малолѣтнихъ на фабрикахъ, ихъ заработокъ и школьное ихъ обученіе. — Тенденціозныя нападенія на инспекцію. — Проектируемая паспортная реформа.

Истекшій 1885 годъ былъ первымъ, въ продолженіе котораго повсемѣстно дѣйствовала фабричная инспекція. Въ Москву и Владимірѣ фабричные инспекторы были назначены уже въ концѣ 1882 г., вслѣдъ за обнародованіемъ закона о фабричной работѣ малолѣтнихъ, — и отчеты ихъ за 1883 г., разобранные нами въ свое время ¹⁾, дали понятіе о томъ, къ чему можетъ и должно стремиться новое учрежденіе; но окончательную организацію оно получило лишь въ силу правилъ 12-го іюня 1884 г., образовавшихъ девять фабричныхъ округовъ. Во главѣ каждого округа стоитъ инспекторъ съ однимъ помощникомъ; тотъ и другой живутъ въ разныхъ городахъ и раздѣляютъ между собою губерніи, входящія въ составъ округа. Передъ нами лежатъ теперь отчеты по всѣмъ девяти округамъ, далеко не равные между собою ни по количеству, ни по обработкѣ сообщаемыхъ ими данныхъ, но представляющіе, въ общей сложности, массу драгоцѣннаго матеріала.

Любопытенъ, прежде всего, уже самый личный составъ фабричной инспекціи. Между восемнадцатью представителями ея мы встрѣчаемъ одного профессора, шесть докторовъ (въ томъ числѣ трехъ инспекторовъ и трехъ помощниковъ инспектора) и пять инженеръ-технологовъ или инженеръ-механиковъ (въ томъ числѣ одного инспектора). Очевидно, что при назначеніи этихъ должностныхъ лицъ высшее финансовое управленіе руководствовалось не обыкновенными,

¹⁾ См. Внутр. Обзоръ въ № 11 за 1884 г. и Литер. Обзоръ въ № 2 за 1885 г.

заурядными служебными соображеніями; оно искало людей не въ канцеляріяхъ, а въ тѣхъ сферахъ, гдѣ всего скорѣе можно было приобрѣсти опытность и знанія, необходимыя для новой должности. При участіи докторовъ можно опредѣлять всего успѣшнѣе условія, вредно дѣйствующія на здоровье рабочихъ, и средства устранить или уменьшить, по возможности, вліяніе этихъ условій; участіе техническихъ служить ручательствомъ въ томъ, что мѣры, принимаемыя съ цѣлью оздоровленія фабрикъ, окажутся практически осуществимыми. Не случайной, по всей вѣроятности, представляется и такая группировка должностныхъ лицъ, при которой инспекторъ-докторъ получаетъ въ помощники техника (округа владимірскій, виленскій, харьковскій), а инспекторъ-техникъ или профессоръ — доктора (округа московскій, кіевскій). Научныя свѣденія одного изъ инспекторовъ и близкое его знакомство съ практикой западно-европейскихъ государствъ способствуютъ правильному пониманію нѣкоторыхъ явленій, вездѣ идущихъ рука объ руку съ реформой фабричнаго законодательства. Скажемъ болѣе: хорошую сторону системы, принятой министерствомъ финансовъ при назначеніи агентовъ фабричной инспекціи, мы видимъ не только въ спеціальной подготовкѣ большинства назначенныхъ лицъ, но и въ ихъ непричастности къ бюрократической рутинѣ. Есть отрасли управленія, въ которыхъ безъ нея обойтись нельзя, или въ которыхъ она, по крайней мѣрѣ, не особенно неумѣстна; но въ такомъ новомъ и живомъ дѣлѣ, какъ фабричная инспекція, весьма важно было сразу стать не на ту почву, которая истоптана цѣлыми поколѣніями чиновниковъ. Необходимо было отодвинуться какъ можно дальше отъ пристрастія къ перепискѣ, отъ механическаго, безучастнаго отношенія къ дѣлу, понимаемому не иначе, какъ въ видѣ ряда бумагъ въ казенной оберткѣ; необходимо было стать лицомъ къ лицу съ жизнью, удѣлить кабинетному труду только меньшую часть служебнаго времени, отвести главную роль личному наблюденію и опыту. Само собою разумѣется, что всего этого можно было достигнуть и съ персоналомъ, удачно подобраннымъ въ департаментахъ и присутственныхъ мѣстахъ; но вѣроятность ошибки неудачнаго выбора была бы здѣсь значительно больше. Весьма можетъ быть, что при болѣе рѣшительномъ разрывѣ съ канцелярскими традиціями уровень результатовъ, данныхъ первымъ годомъ дѣятельности инспекціи, поднялся бы еще выше. Лучшіе отчеты — лучшіе не по редакціи, а по богатству собраннаго матеріала и по освѣщенію вытекающихъ изъ него выводовъ — принадлежать именно представителямъ трехъ названныхъ нами категорій, и это едва-ли можно объяснить простою случайностью.

Всѣ отчеты представляютъ одну общую черту, неизбежность ко-

торой можно было заранее предвидѣть: крайнюю непропорціональность между числомъ фабрикъ и числомъ инспекторскихъ посѣщеній. А между тѣмъ ни одинъ изъ агентовъ инспекціи не щадилъ своихъ силъ, не боялся разѣздовъ; пространство, обнимаемое этими разѣздами, превышаетъ иногда десять тысячъ верстъ, причемъ значительную часть пути приходилось проѣзжать на лошадяхъ, со всѣми трудностями и неудобствами этого способа передвиженія. Установить точное отношеніе между числомъ посѣщенныхъ и непосѣщенныхъ фабрикъ не вездѣ возможно, потому что не всѣ отчеты даютъ общую цифру всѣхъ фабричныхъ заведеній округа, да едва ли и можно опредѣлить ее съ полною достовѣрностью; агентамъ инспекціи часто приходится не только осматривать фабрики, но и отыскивать ихъ, т.-е. обнаруживать ихъ существованіе. Такъ, на примѣръ, помощникъ казанскаго инспектора нашелъ въ городѣ Оренбургѣ двѣнадцать фабрикъ, не показанныхъ въ спискѣ мѣстнаго статистическаго комитета; объ открытіи красильной фабрики въ дмитровскомъ уѣздѣ (московской губерніи) московскій инспекторъ узналъ случайно, изъ разговора съ ямщикомъ—ни въ земскихъ, ни въ полицейскихъ свѣдѣніяхъ она показана не была, хотя существовала уже цѣлый годъ. Въ какой степени можно, затѣмъ, вѣрить даннымъ, относящимся къ мѣстностямъ глухимъ и отдаленнымъ—это понятно само собою. Какъ бы то ни было, несоразмѣрность задачъ инспекціи съ силами, которыми она располагаетъ, вытекаетъ съ достаточною ясностью и изъ официальныхъ цифръ, сообщаемыхъ нѣкоторыми отчетами. Въ московскомъ округѣ, на примѣръ, числится однихъ заводовъ и фабрикъ 6.034; къ этому нужно прибавить, въ Москвѣ и уѣздныхъ городахъ московской губерніи, 798 ремесленныхъ заведеній, подлежащихъ надзору инспекціи (по другимъ губерніямъ округа о числѣ ремесленныхъ заведеній этого рода свѣдѣній нѣтъ, да и по московской они не отличаются полнотой). Осмотрѣно инспекціей, въ 1885 г., 460 фабрикъ и ремесленныхъ заведеній; не осмотрѣно число въ четырнадцать разъ большее. Въ одной московской губерніи всѣхъ заведеній, подлежащихъ вѣдомству инспекціи, около трехъ тысячъ. Законъ 3-го іюня 1886 г. учредилъ десять новыхъ должностей помощника инспектора, съ распределеніемъ ихъ между тремя губерніями, въ которыхъ введены въ дѣйствіе новыя фабричныя правила—московскою, петербургскою и владимірскою. Если и допустить, что въ московскую губернію назначено будетъ изъ нихъ больше половины—шесть человекъ,—то каждому новому помощнику инспектора придется осматривать ежегодно около 500 заведеній, т.-е. по два заведенія въ рабочій день, не счи-

тая столь необходимых повторительных осмотров ¹⁾. Такой трудъ, очевидно, долженъ быть признанъ непосильнымъ и неисполнимымъ. Въ харьковскомъ округѣ осматрѣно 658 заведеній изъ 2.552, въ владимірскомъ—292 изъ 4.065, въ казанскомъ—405 изъ 3.200, въ воронежскомъ — 841 изъ 12.807. Вездѣ, такимъ образомъ, разсматриваемое нами отношеніе оказывается весьма неблагоприятнымъ для правильного хода дѣла. Средняя цифра посѣщеній (считая всѣ осмотры, какъ первоначальные, такъ и повторительные), приходящихся на долю каждаго агента инспекціи—около четырехсотъ; если считать на каждую фабрику, въ среднемъ выводѣ, только по полтора посѣщенія въ годъ (что очень мало), то для одного воронежскаго округа, напримѣръ, понадобилось бы сорокъ-восемь агентовъ инспекціи. Уменьшивъ это число хотя бы на половину—такъ какъ, съ увеличеніемъ штата инспекціи, она приблизилась бы къ мѣсту нахождения фабрикъ, посѣщеніе которыхъ, соответственно съ этимъ, могло бы происходить гораздо чаще, безъ громадной потери времени на разъѣзды ²⁾,—мы получимъ все-таки такую крупную цифру, о которой въ дѣйствительности не можетъ быть и рѣчи. А между тѣмъ центръ тяжести инспекторскаго контроля — по справедливому замѣчанію профессора Янжула (инспектора московскаго округа), подтверждаемому вполне остальными отчетами, — безспорно лежитъ въ неоднократныхъ, частныхъ, по возможности, посѣщеніяхъ фабрикъ. Даже двукратное посѣщеніе фабрики оказывается недостаточнымъ, если между обоими посѣщеніями проходитъ около года. Только повторенные осмотры могутъ поселить въ фабрикантахъ убѣжденіе въ необходимости точнаго и добросовѣстнаго исполненія закона, только они могутъ дать инспекціи возможность различать неумышленное, случайное несоблюденіе правилъ отъ систематическаго нарушенія ихъ или обхода—а отъ этого различія зависитъ дальнѣйшій образъ дѣйствій инспекціи, т.-е. возбужденіе или невозбужденіе судебного преслѣдованія. Изъ четырехъ актовъ, составленныхъ г. Янжуломъ для привлеченія фабрикантовъ къ судебной отвѣтственности, только два были вызваны вторымъ посѣщеніемъ фабрики: одинъ былъ составленъ при третьемъ, одинъ — при четвертомъ

¹⁾ Настоящій составъ инспекціи мы въ расчетъ не принимаемъ, потому что въ московскомъ округѣ числится, кромѣ московской, еще пять губерній, изъ которыхъ въ двухъ—рязанской и тульской—больше чѣмъ по тысячѣ фабрикъ.

²⁾ Объ этой потерѣ можно судить по одному примѣру: въ составъ района, взятаго инспекторомъ воронежскаго округа въ свое непосредственное заведѣваніе, входятъ губерніи воронежская, пензенская, самарская, саратовская и астраханская. По истинѣ—дистанція огромнаго размаха!

посѣщеніи ¹⁾). Изъ пяти такихъ же актовъ, составленныхъ инспекторомъ казанскаго округа, четыре были вызваны вторымъ посѣщеніемъ фабрики, только одинъ—первымъ; изъ четырехъ актовъ помощника инспектора харьковскаго округа одинъ былъ вызванъ третьимъ, одинъ—четвертымъ, два—пятымъ посѣщеніемъ. Необходимо, при томъ, имѣть въ виду, что до сихъ поръ главной, почти единственной задачей фабричной инспекціи было наблюденіе за исполненіемъ правилъ о фабричной работѣ малолѣтнихъ; законъ 3-го іюня 1886 г. значительно расширяетъ и усложняетъ дѣятельность инспекціи, подчиняя ей надзору внутренній распорядокъ на фабрикахъ, установленіе таксъ, взысканіе штрафовъ, и т. п. Правда, эта часть закона введена въ дѣйствіе, покажеться, только въ трехъ губерніяхъ, названныхъ нами выше; но вѣдь распространеніе ея на всѣ фабричныя округа—только вопросъ времени, потому что другая часть закона рискуетъ, въ противномъ случаѣ, остаться мертвой буквой. Чѣмъ больше по числу и чѣмъ выше по важности обязанности, возложенныя на инспекцію, тѣмъ болѣе необходимы частыя посѣщенія фабрикъ; чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно припомнить, что только въ бытность инспектора на фабрикахъ возможно обнаруженіе неправильностей и злоупотребленій въ наложеніи штрафовъ.

Все сказанное нами до сихъ поръ заставляетъ насъ возвратиться еще разъ, и еще настойчивѣе, чѣмъ прежде, къ мысли, выраженной нами вслѣдъ за изданіемъ закона 1-го іюня 1882 г. ²⁾, къ мысли о необходимости усилить и облегчить дѣятельность фабричной инспекціи привлеченіемъ къ участию въ ней земскихъ и городскихъ учреждений, а также сотрудниковъ-добровольцевъ изъ среды мѣстнаго населенія. На помощь другихъ должностныхъ лицъ и правительственныхъ учреждений инспекція, какъ видно изъ отчетовъ, разсчитывать не можетъ, не потому, конечно, чтобы они противодействовали, сознательно и намѣренно, задачамъ инспекціи, а потому, что они слишкомъ заняты своими непосредственными обязанностями и слишкомъ мало знакомы съ законами о фабричной работѣ. Весьма мало содѣйствія, съ занимающей насъ точки зрѣнія, оказали инспекціи даже чины акцизнаго вѣдомства, по отношенію къ тѣмъ заводамъ, которые подчинены акцизному надзору. Одинъ изъ инспекторовъ имѣетъ даже основаніе думать, что „многіе низшіе чины акцизнаго вѣдомства, можетъ быть во избѣжаніе лишнихъ хлопотъ, наклонны скорѣе толковать законъ въ смыслѣ безусловнаго воспрепятствія работы малолѣтнихъ на подвѣ-

¹⁾ Всего въ московскомъ округѣ посѣщены были по два раза 92 фабрики, по три раза—16, по четыре раза—четыре.

²⁾ См. Внутр. Обзоръ въ № 8 „Вѣстника Европы“ за 1882 г., а также въ № 11 за 1884 и въ № 5 за 1885 г.

домственныхъ имъ заводахъ; по крайней мѣрѣ, ни въ какомъ другомъ родѣ производствъ не замѣчается такого повального изгнанія малолѣтнихъ". Къ такому же заключенію приближается и другой инспекторъ, въ одномъ изъ южныхъ округовъ. Полиція усердно способствовала инспекціи въ ознакомленіи фабрикантовъ съ требованіями закона, въ понужденіи ихъ къ исполненію установленныхъ формальностей, но весьма рѣдко обнаруживала нарушенія закона—и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго; полицейскихъ чиновъ слишкомъ немного, и они слишкомъ завалены дѣломъ, чтобы отъ нихъ можно было ожидать усиленной работы въ области фабричнаго надзора. Московская полиція два раза довела до свѣденія инспектора о злоупотребленіяхъ, допускаемыхъ на московскихъ заводахъ—но это явленіе исключительное; надѣяться на частое повтореніе его совершенно невозможно. Единственную дѣйствительную поддержку инспекціи можетъ найти со стороны общественныхъ учреждений и частныхъ лицъ, сочувствующихъ ея задачамъ. Существуютъ же во Франціи мѣстныя комиссіи для надзора за фабриками, немало помогающія правительственной инспекціи; отчего бы не учредить нѣчто подобное и у насъ? Помимо земскихъ и городскихъ управъ, наблюдать за фабриками могли бы, по приглашенію инспекторовъ, земскіе и городскіе врачи, мировые судьи, гласные земскихъ собраній, священники, учителя начальныхъ и другихъ школъ, мѣстные землевладѣльцы. Незачѣмъ было бы облекать ихъ какою-либо властью; достаточно было бы предоставить имъ право посѣщать фабрики и затѣмъ сообщать все замѣченное ими инспектору или помощнику инспектора, отъ которыхъ и зависѣло бы принять тѣ или другія дальнѣйшія мѣры. Трудъ каждаго наблюдателя былъ бы невеликъ, и многіе согласились бы нести его безъ всякаго вознагражденія.

Замѣчательно единогласіе, съ которымъ констатируется во всѣхъ, безъ исключенія, отчетахъ медленное и трудное усвоеніе закона самими фабрикантами и управляющими ихъ или представителями. Мы очень хорошо знаемъ, что знаменитая формула: „незнаніемъ закона никто отговариваться не можетъ“, существуетъ у насъ только на бумагѣ, что знакомство съ законами, вновь издаваемыми и давно дѣйствующими, распространено у насъ до крайности мало; но все-таки нельзя не подивиться тому, что ясныя, простыя правила, регулирующія работу малолѣтнихъ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ не могли быть усвоены лицами, непосредственно въ нихъ заинтересованными. Разгадку этой странности мы отыскали, кажется, въ отчетѣ казанскаго инспектора. Разсказъ его такъ характеристиченъ, что мы приведемъ его *in extenso*: „при первомъ моемъ посѣщеніи промышленнаго заведенія, завѣдующій этимъ заведеніемъ обыкно-

венно дѣлалъ видъ, что недоумѣваетъ, зачѣмъ пріѣхалъ къ нему фабричный инспекторъ, и на вопросъ мой, былъ ли извѣстенъ ему законъ 1-го іюня 1882 г., отвѣчалъ, что законъ этотъ не былъ ему извѣстенъ, что отъ меня онъ слышитъ о немъ въ первый разъ. На вопросъ мой, не получалъ ли промышленникъ, черезъ мѣстную полицію, еще въ концѣ 1882 г. печатнаго циркуляра министерства финансовъ, съ приложеніемъ полнаго текста закона,—обыкновенно слѣдовало новое увѣреніе, что ничего подобнаго получено не было; когда же, какъ это не разъ случалось, я вынималъ изъ портфеля и предъявлялъ промышленнику подлинную его росписку, данную имъ полиціи въ полученіи упомянутаго циркуляра, то промышленникъ заявлялъ, что росписка дѣйствительно имъ дана, но что онъ объ этомъ забывалъ. Въ концѣ концовъ онъ принужденъ былъ, однако, сознаться, что всѣ постановленія о малолѣтнихъ рабочихъ ему извѣстны. Тѣ же фабриканты, которыхъ я не могъ уличить во лжи вышеописаннымъ способомъ, продолжали, конечно, утверждать свое полное невѣденіе о содержаніи закона. Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что и въ другихъ округахъ невѣденіе или непониманіе закона было, болѣею частью, столь же мнимымъ, какъ въ казанскомъ. Отговариваясь незнаніемъ, фабриканты, въ сущности, рассчитывали на то, что законъ вовсе не будетъ приведенъ въ дѣйствіе—этому предположенію способствовала отсрочка, данная фабрикантамъ вслѣдъ за обнародованіемъ закона,—или исполненіе его будетъ только кажущимся, несерьезнымъ. Въ этой увѣренности фабриканты казанскаго округа оставались и послѣ того, какъ инспектору удалось сбить ихъ съ первой ихъ позиціи. Средствомъ, на которомъ они остановились, было „формальное подчиненіе закону, идущее параллельно съ полнымъ нарушеніемъ его основныхъ требованій“. „Въ цѣлесообразности этого средства“,—читаемъ мы въ отчетѣ казанскаго инспектора,—„многіе промышленники убѣждались, какъ я замѣтилъ, даже къ концу первой бесѣды своей со мною. Разспросивъ меня о размѣрахъ округа, о числѣ моихъ помощниковъ, о порядкѣ привлеченія къ отвѣтственности за нарушеніе закона и о степени этой отвѣтственности, они становились мягче, уступчивѣе, но послѣ моего отъѣзда все оставалось по старому. Малолѣтніе продолжали работать наравнѣ со взрослыми, а для того чтобы чины инспекціи, въ случаѣ новаго посѣщенія фабрики, не могли обнаружить нарушенія закона, дѣтямъ и взрослымъ рабочимъ дѣлалось наставленіе, что именно они должны отвѣчать на вопросы инспектора“. По отношенію къ ближайшимъ наблюдателямъ—полицейскимъ чинамъ—употреблялся иной образъ дѣйствій; ихъ старались убѣдить всѣми способами въ гибельности примѣненія закона. „Хорошихъ словъ по поводу закона“,—говорить

харьковскій инспекторъ,—„намъ довелось слышать отъ фабрикантовъ не мало, но тѣмъ поразительнѣе было, что въ заведеніяхъ такихъ фабрикантовъ до нашего посѣщенія обыкновенно все шло по старому, дѣти работали наравнѣ со взрослыми по 12—14 часовъ въ сутки. Подчиненіе новому закону совершалось вяло и неохотно“. Въ воронежскомъ округѣ „многіе промышленники съ недоумѣніемъ спрашивали, что за дѣло правительству до дѣтей и съ какой стати на нихъ обратили такое вниманіе; имъ казалось, что заниматься такою мелочью не соответствуетъ достоинству правительства (1); другимъ новый законъ представляется ненужнымъ, стѣснительнымъ вторженіемъ въ домашнюю жизнь и дѣла промышленника“. Бывали и случаи грубости по отношенію къ чинамъ инспекціи (кіевскій округъ), бывали попытки не допускать ихъ въ помѣщеніе фабрики (петербургскій округъ), оспорить ихъ право на разспросъ рабочихъ (московскій округъ); но въ эти рѣзкія формы неудовольствіе фабрикантовъ облекалось рѣдко,—они предпочитали держаться политики пассивнаго сопротивленія. О предложеніи „гонорара“ упоминается только въ одномъ отчетѣ (виленскомъ); „наивные представители фабрики“,—замѣчаетъ по этому поводу инспекторъ,—„смѣшивали, вѣроятно, чиновъ инспекціи съ губернскими механиками, которыхъ они за испытаніе паровиковъ обязаны, какъ извѣстно, вознаграждать“.

Послѣ отговорокъ незнаніемъ закона, послѣ попытокъ оставить его безъ исполненія, дѣло вступило въ третій фазисъ, въ которомъ оно находится и до сихъ поръ; началось увольненіе малолѣтнихъ рабочихъ, съ цѣлью освободиться, этимъ путемъ, отъ наблюденія и внимательства инспекціи. Размѣры этого движенія въ разныхъ округахъ не одинаково велики, да и свѣденія, сообщаемыя о немъ въ отчетахъ, не одинаково точны,—но проявляется оно повсемѣстно. Никакихъ численныхъ данныхъ объ уменьшеніи числа малолѣтнихъ рабочихъ мы не находимъ по тремъ округамъ—варшавскому, казанскому и кіевскому; но изъ нихъ только въ одномъ первомъ удаленіе малолѣтнихъ рабочихъ имѣло скорѣе случайный, чѣмъ общій характеръ. „Увольненіе малолѣтнихъ съ нѣкоторыхъ фабрикъ“,—говоритъ инспекторъ варшавскаго округа,—„послѣдовало по совершенной невозможности согласовать требованія закона съ мѣстнымъ фабричнымъ устройствомъ или же съ самыми условіями производства въ данномъ заведеніи“. Это объясненіе крайне неопредѣленно (неопредѣленностью и неполнотою отличается, вообще говоря, и весь отчетъ по варшавскому округу; на одномъ уровнѣ съ нимъ стоитъ, въ этомъ отношеніи, только отчетъ с.-петербургскаго инспектора). Что это за устройство, что это за условія, мѣшающія примѣненію новаго закона—мы такъ и не узнаемъ; но все-таки несомнѣннымъ остается тотъ фактъ, что

въ фабричныхъ заведеніяхъ варшавскаго округа число малолѣтнихъ рабочихъ уменьшилось весьма мало. Въ заведеніяхъ, осматрѣнныхъ инспекціей, ихъ числится почти 6 тысячъ—около $7\frac{1}{3}\%$ общаго числа рабочихъ. Въ казанскомъ округѣ малолѣтнихъ рабочихъ при осмотрахъ найдено 671 (около $3\frac{1}{2}\%$); общаго вывода о томъ, насколько ихъ стало меньше вслѣдствіе новаго закона, мы въ отчетѣ не встрѣчаемъ, но изъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ данныхъ видно, что случаи удаленія малолѣтнихъ, въ видахъ освобожденія отъ контроля, встрѣчались и въ губерніяхъ казанскаго округа. То же самое слѣдуетъ сказать и о кievскомъ округѣ, въ которомъ малолѣтнихъ рабочихъ было 2.179 (около $8\frac{1}{2}\%$). Въ остальныхъ шести округахъ, о которыхъ есть болѣе точныя свѣденія, положеніе дѣлъ представляется въ слѣдующемъ видѣ. Въ виленскомъ округѣ число удаленныхъ малолѣтнихъ не превышаетъ пятнадцати процентовъ; при осмотрахъ ихъ найдено было 2.523, а по позднѣйшимъ сообщеніямъ, полученнымъ инспекціей, ихъ числится 2.132 (около $13\frac{1}{2}\%$ общаго числа рабочихъ). Около одной трети (30—35%) убыль малолѣтнихъ составляетъ въ округахъ воронежскомъ и петербургскомъ; въ первомъ изъ нихъ удалено около 1.500 малолѣтнихъ рабочихъ (оставалось, во время осмотровъ, 3.151—около $11\frac{1}{2}\%$ общаго числа рабочихъ); во второмъ удалено 1.054, осталось 2.214 (около $3\frac{1}{2}\%$ общаго числа рабочихъ). Всего сильнѣе убыль малолѣтнихъ рабочихъ—въ округахъ харьковскомъ, владимірскомъ и московскомъ; она составляетъ здѣсь отъ 60 до 70%. Въ харьковскомъ округѣ малолѣтнихъ оказалось первоначально 3.325 (около $10\frac{3}{4}\%$ общаго числа рабочихъ), но затѣмъ распушено было около 2.000. Во владимірской губерніи малолѣтніе рабочіе составляли, въ 1883 г., около $10\frac{1}{2}\%$ общаго числа рабочихъ. При первыхъ посѣщеніяхъ 1885 г. этотъ процентъ оказался понизившимся до $5\frac{1}{2}\%$, при послѣдующихъ—до 4%. Во всемъ владимірскомъ округѣ малолѣтнихъ, при первыхъ посѣщеніяхъ 1885 г., оказалось 6.049—около $6\frac{1}{4}\%$ общаго числа рабочихъ; при вторыхъ посѣщеніяхъ, обнимавшихъ вдвое меньшее число рабочихъ, число малолѣтнихъ оказалось слишкомъ вдвое меньшимъ (около 4%). Въ московской губерніи процентное отношеніе числа малолѣтнихъ рабочихъ къ общему числу рабочихъ понизилось въ 1885 г., сравнительно съ 1883-мъ, почти вдвое (вмѣсто $9\frac{1}{2}$ — $3\frac{1}{2}\%$); по всему московскому округу малолѣтнихъ рабочихъ, при осмотрахъ 1885 г., оказалось 4.727 (около 4% общаго числа рабочихъ). Обсужденію всѣхъ этихъ цифръ необходимо предпослать одно общее замѣчаніе. Въ разныхъ округахъ онѣ добыты разными путями и имѣютъ, поэтому, не совсѣмъ одинаковое значеніе. Такъ, напримѣръ, отчеты виленскій, петербургскій и харьковскій имѣютъ въ виду только убыль, понесен-

ную послѣ первыхъ осмотровъ 1885 г.; а въ округахъ воронежскомъ, владимірскомъ и московскомъ принимается въ расчетъ убыль гораздо болѣе давняя, начинавшаяся вслѣдъ за обнародованіемъ закона 1882 г. или, по крайней мѣрѣ, вмѣстѣ съ непріязненнымъ отношеніемъ къ нему со стороны фабрикантовъ. Особенно рано и сильно это отношеніе отразилось на положеніи дѣлъ въ губерніяхъ московской и владимірской, потому что здѣсь фабриканты познакомились съ требованіями инспекціи и съ ея энергіей уже въ 1883 г., за два года до примѣненія закона къ другимъ мѣстностямъ имперіи. Не одинаково, сверхъ того, и отношеніе инспекціи къ нѣкоторымъ постановленіямъ закона и дополняющихъ его инструкцій. Такъ, напримѣръ, въ виленскомъ округѣ малолѣтніе продолжаютъ работать на спичечныхъ фабрикахъ, въ числѣ, уменьшившемся только на одну четверть; между тѣмъ въ харьковскомъ округѣ малолѣтніе вовсе исчезли со спичечныхъ фабрикъ, вслѣдствіе распоряженія инспекціи, основаннаго на невозможности разобщить накатное и съемочное отдѣленія фабрики, гдѣ разрѣшена работа малолѣтнихъ, отъ остальныхъ отдѣленій, гдѣ она запрещена безусловно. Весьма можетъ быть, что еслибы способъ опредѣленія убыли малолѣтнихъ былъ вездѣ одинъ и тотъ же, и не было бы, притомъ, разницы въ самомъ пониманіи и примѣненіи закона, размѣры убыли по округамъ оказались бы далеко не столь различными, какими мы видимъ ихъ въ настоящее время.

Какъ бы то ни было, число малолѣтнихъ рабочихъ несомнѣнно уменьшилось, и уменьшилось весьма значительно. До извѣстной степени, эта убыль является не только неизбежнымъ, заранѣе предусмотрѣннымъ, но и вполне желаннымъ послѣдствіемъ новаго закона. Безусловно удаливъ съ заводовъ и фабрикъ дѣтей, не достигшихъ десяти лѣтъ, допустивъ работу малолѣтнихъ, имѣющихъ отъ роду отъ десяти до двѣнадцати лѣтъ, лишь въ видѣ временнаго, строго ограниченнаго исключенія, выдѣливъ вредныя и изнурительныя работы изъ числа тѣхъ, на которыя могутъ быть употребляемы малолѣтніе отъ двѣнадцати до пятнадцати лѣтъ, законодатель не могъ не знать, что подѣйствіе его воли подойдетъ значительное число дѣтей; въ этомъ и заключалось его прямое намѣреніе. Сожалѣніе о томъ, что у массы дѣтей отнята возможность зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба, представляется, по меньшей мѣрѣ, весьма неблагоприятнымъ. Преждевременно тратить силы и здоровье на едва оплачиваемый и ничему, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, не обучающій трудъ—не только не гуманно, но и не расчетливо. Стоить только прочесть, хотя бы въ отчетахъ по округамъ харьковскому, кіевскому и воронежскому, описаніе работъ, на которыя до сихъ поръ преимущественно употреблялись малолѣтніе, чтобы убѣдиться въ цѣлесооб-

разности правилъ, охраняющихъ здоровье будущихъ поколѣній ¹⁾. Соболѣзнуютъ о судьбѣ малолѣтнихъ, лишаемыхъ работы, преимущественно сами фабриканты—но это не мѣшаетъ имъ увеличивать, безъ всякой надобности, число оплакиваемыхъ ими жертвъ, удаляя съ фабрикъ и такихъ малолѣтнихъ, которые спокойно могли бы тамъ остаться (см. отчеты по округамъ' казанскому, воронежскому, кievскому, харьковскому). Правда, ропщутъ иногда и родители малолѣтнихъ, удаляемыхъ съ фабрики на основаніи закона—но этотъ ропотъ легко уступаетъ мѣсто противоположному настроенію. Послѣ личныхъ бесѣдъ съ инспекторомъ — читаемъ мы въ воронежскомъ отчетѣ, — рабочіе часто признавали пользу новыхъ правилъ; нѣкоторые изъ нихъ „выражали сожалѣніе о томъ, что такого закона не было во время собственнаго ихъ малолѣтства; тогда бы—говорили они—у насъ и силы сбереглись, и болѣзней было бы меньше. Особенно чуткими къ смыслу закона оказывались матери; гнетущая бѣдность, съ одной стороны, и любовь матери къ дѣтямъ—съ другой, вступали въ борьбу, и правда закона обыкновенно одерживала верхъ, уничтожая сожалѣніе о потерѣ дѣтскаго заработка“.

Не подлежитъ, однако, ни малѣйшему сомнѣнію, что удаляются съ фабрикъ не одни только тѣ малолѣтніе рабочіе, которые подходятъ подъ дѣйствіе закона. Мотивомъ изгнанія, распространяющагося иногда на цѣлыя массы дѣтей, служить, сплошь и рядомъ, нежеланіе фабрикантовъ подчиниться требованіямъ новыхъ правилъ—нежеланіе, вызываемое, въ свою очередь, или опасеніемъ контроля, или боязнью преслѣдованій за ненамѣренное нарушеніе формальностей, или просто раздраженіемъ, досадой. Киевскому инспектору приходилось выслушивать такіа рѣчи: „возьмите вы всѣхъ малолѣтнихъ себѣ, я держать ихъ больше не буду и завтра же всѣхъ разотчу“ — и за угрозой часто слѣдовало дѣйствительное исполненіе. Внезапное отнятіе работы у множества малолѣтнихъ, за которыми она могла быть сохранена на точномъ основаніи закона, весьма прискорбно—но это явленіе временное, ничего не доказывающее ни противъ самой реформы, ни противъ образа дѣйствій инспекціи. Нѣчто подобное, въ первое время послѣ регламентаціи фабричной работы, мы видимъ и въ Англіи, и въ Германіи,—но тамъ это никого не смутило, никого не испугало. Привыкнуть къ новымъ порядкамъ всегда и вездѣ трудно, особенно когда они представляютъ собою переходъ отъ „усмотрѣнія“

¹⁾ Ограничимся только одною выпиской изъ воронежскаго отчета: „до принятія закона 1-го іюня, малолѣтнему, на спичечной фабрикѣ, приходилось сначала уложить шестьдесятъ тысячъ спичекъ въ четыреста коробокъ, потомъ коробки—въ ящики, и за этотъ трудъ получить 10 копѣекъ на своихъ харчахъ, рискуя отравиться фосфоромъ.“

къ законности и влекутъ за собою нѣкоторое уменьшеніе „коммерческой прибыли“. У насъ, вдобавокъ, примѣненіе закона 1-го іюня совпало съ общимъ промышленнымъ кризисомъ. Фабрикантамъ легче было приспособиться къ измѣнившимся условіямъ, но легче было, вмѣстѣ съ тѣмъ, и замѣнить увольняемыхъ малолѣтнихъ другими дешевыми рабочими. Когда новое расширеніе оборотовъ повлечетъ за собою болѣе большой запросъ на рабочихъ, а слѣдовательно и увеличеніе заработной платы, собственная выгода фабрикантовъ заставитъ ихъ возвратиться къ дѣтскому труду, насколько онъ разрѣшенъ закономъ. Это ожиданіе мы встрѣчаемъ во многихъ отчетахъ; нѣкоторые изъ нихъ удостовѣряютъ, что обратное движеніе началось или начинается уже теперь. Иные фабриканты—говоритъ владимірскій отчетъ, —то распускали малолѣтнихъ, то снова ихъ принимали, то уменьшали, то увеличивали число ихъ, назначали ихъ то къ однимъ занятіямъ, то къ другимъ; словомъ, весь годъ фабриканты только принаравливались къ требованіямъ закона, а потому нѣтъ основанія предполагать, что удаленіе малолѣтнихъ будетъ идти стесcendo впредъ до полного исчезновенія ихъ на фабрикахъ. Въ харьковскомъ округѣ суконныя фабрики удалили малолѣтнихъ, по выраженію отчета, сгораяча, въ надеждѣ, между прочимъ, на одно новое изобрѣтеніе; но оно не принесло ожидаемыхъ результатовъ, и суконныя фабрики, побуждаемые, кромѣ того, недостаткомъ рабочихъ рукъ, поговариваютъ уже о возвращеніи къ дѣтскому труду, причемъ хотятъ пригласить дѣтей и такія фирмы, которыя прежде ихъ трудомъ совсѣмъ не пользовались. Инспекторъ московскаго округа получилъ отъ одной изъ крупныхъ мануфактуръ, 31-го августа, заявленіе о томъ, что она не намѣрена больше держать у себя малолѣтнихъ, а 11-го сентября это заявленіе было взято назадъ, и малолѣтніе, въ числѣ 90 человекъ, оставлены на фабрикѣ. Еще знаменательнѣе слѣдующія слова казанскаго отчета. „Увѣренность промышленниковъ, что выгоднѣе вовсе удалить малолѣтнихъ, чѣмъ подчиниться требованіямъ закона, продолжается обыкновенно недолго, и почти каждый промышленникъ, пользовавшійся прежде дѣтскимъ трудомъ, кончаетъ тѣмъ, что вновь принимаетъ къ себѣ малолѣтнихъ рабочихъ“. Гарантіей выгоднаго, въ близкомъ будущемъ, поворота можетъ служить, по нашему мнѣнію, еще одно обстоятельство. Удаленіе малолѣтнихъ, какъ мы уже видѣли, часто коренится въ желаніи фабрикантовъ остаться, по возможности, въ сторонѣ отъ инспекторскаго надзора. Чѣмъ шире будетъ кругъ дѣйствій инспекціи, тѣмъ меньше, очевидно, будетъ имѣть силы это основаніе къ увольненію малолѣтнихъ. Теперь, въ большинствѣ губерній, такимъ путемъ можно еще чего-либо достигнуть, потому что работа малолѣтнихъ всего больше останавли-

ваетъ на себѣ вниманіе инспекціи, всего больше обуславливаетъ собою настойчивость ея контроля и число ея посѣщеній; но когда вездѣ будутъ введены въ дѣйствіе „особыя правила“ 3-го іюня, тогда интенсивность надзора за фабрикой перестанетъ зависѣть отъ присутствія или отсутствія на ней малолѣтнихъ—и упадетъ, слѣдовательно, одинъ изъ стимуловъ, побуждающихъ обходиться безъ дѣтскаго труда.

Отчеты фабричной инспекціи обнаруживаютъ еще одно замѣчательное явленіе, говорящее противъ изгнанія малолѣтнихъ: это — устойчивость получаемой малолѣтними заработной платы, несмотря на уменьшеніе числа рабочихъ часовъ. Только въ одномъ отчетѣ (петербургскомъ) пониженіе платы выставляется какъ общее правило, изъ котораго, однако, есть исключенія. Въ округахъ виленскомъ, владимірскомъ, варшавскомъ, воронежскомъ, московскомъ сохраненіе прежней платы—явленіе весьма обыкновенное или даже преобладающее; въ округахъ харьковскомъ и казанскомъ о пониженіи платы совсѣмъ не слышно. Инспекторъ харьковскаго округа видитъ въ этомъ новое подтвержденіе давно доказаннаго факта, что производительность работы, при уменьшеніи чрезмѣрно длиннаго рабочаго дня, если не увеличивается, то, по крайней мѣрѣ, и не уменьшается, а выигрышъ, въ смыслѣ увеличенія досуга, получается громадный. Къ тому же выводу приходитъ и инспекторъ московскаго округа, на основаніи хотя и немногихъ, но тщательно провѣренныхъ фактическихъ данныхъ. Въ устойчивости заработка малолѣтнихъ онъ видитъ—и совершенно справедливо—доказательство тому, что низкая, сравнительно, интенсивность труда вовсе не составляетъ качества, приращеннаго русскому рабочему, а зависить отъ тѣхъ неблагопріятныхъ условій, при которыхъ онъ работалъ до сихъ поръ и работаетъ, вообще говоря, въ настоящее время.

Разсуждая а priori, можно было опасаться, что примѣненіе закона 1-го іюня будетъ до крайности затруднено максимальными нормами дневной и непрерывной работы, устанавливаемыми для малолѣтнихъ. Практика не оправдываетъ этихъ опасеній, по крайней мѣрѣ въ наиболѣе рѣзкой ихъ формѣ. Многія фабрики не нашли даже нужнымъ доводить работу малолѣтнихъ до предѣльнаго срока, допускаемаго закономъ; въ московскомъ округѣ такихъ фабрикъ оказывается двадцать-четыре (изъ 78, о которыхъ въ этомъ отношеніи собраны точныя свѣденія). Замѣна восьми-часовой работы малолѣтнихъ, съ перерывомъ для отдыха, шести-часовою непрерывною работою встрѣчается рѣдко; въ харьковскомъ округѣ такихъ случаевъ не было вовсе. Владимірскій инспекторъ жалуется только на отступленія фабрикъ отъ распредѣленія работъ, заранѣе заявленнаго инспекціи,—отступленія, мѣшающія правильному контролю. Московскій инспекторъ также

констатируетъ возможность злоупотребленій, зависящихъ отъ недостаточной опредѣленности правилъ о перерывахъ работы и отъ чрезмерной растянутости рабочаго времени ¹⁾, и предлагаетъ устранить это неудобство небольшими, вполне удобо-осуществимыми поправками въ законѣ. Есть, правда, промыслы, къ которымъ трудно примѣнить общія постановленія о срокахъ работы—но дѣло и здѣсь можетъ быть улажено безобидно для обѣихъ сторонъ, путемъ приспособленія фабричныхъ правилъ къ особенностямъ промысла. Такъ напримѣръ, на стеклянныхъ и хрустальныхъ заводахъ продолжительность работы обуславливается процессомъ варки стекла, болѣе медленнымъ въ однихъ случаяхъ, болѣе скорымъ—въ другихъ. Работа малолѣтнихъ на стеклянныхъ заводахъ принадлежитъ къ числу самыхъ вредныхъ, и лучшимъ выходомъ изъ затрудненія, по мнѣнію профессора Янжула, было бы совершенное ея запрещеніе; но если-бы это было признано неудобнымъ, можно было бы, по англійскому образцу, разрѣшить малолѣтнимъ работать черезъ день по двѣнадцать часовъ въ сутки. Нѣтъ, однимъ словомъ, ни одного случая, въ которомъ ограниченіе рабочаго времени могло бы служить непреодолимымъ препятствіемъ къ пользованію дѣтской фабричной работой.

Точное соблюденіе правилъ о фабричной работѣ малолѣтнихъ возможно только тогда, когда возрастъ малолѣтнихъ удостовѣренъ несомнѣнными данными, т.-е. метрическими свидѣтельствами или выписками изъ метрическихъ книгъ; показаніямъ паспортовъ довѣрять невозможно: тамъ часто съ намѣреніемъ прибавляютъ малолѣтнему нѣсколько лишнихъ лѣтъ. Къ сожалѣнію, снабженіе малолѣтнихъ метриками почти вездѣ затрудняется со стороны священниковъ требованіемъ вознагражденія, непосильнаго для родителей малолѣтнихъ. Только въ варшавскомъ округѣ, по удостовѣренію инспекціи, метрики выдавались совершенно безпрепятственно; отчеты петербургскій и казанскій вовсе не касаются этого вопроса—во всѣхъ остальныхъ отчетахъ повторяются однѣ и тѣ же жалобы. „Намъ неоднократно приходилось выслушивать заявленія, что священники требуютъ довольно высокую плату за выдачу метрическихъ выписей—до 3 рублей, не считая гербоваго сбора“ (киевскій отчетъ). „Священники взимали за выдачу документовъ по три, четыре, пяти рублей, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ плата эта доходила даже до восьми рублей. Иногда, ради удешевленія, выдавалось одно общее

¹⁾ Работа малолѣтнихъ, по закону, не можетъ начинаться раньше 5 ч. утра и оканчиваться позже 9 час. вечера. На нѣкоторыхъ фабрикахъ московскаго округа малолѣтніе работаютъ отъ 6 до 8 ч. утра, отъ 9 до 11 и отъ 2 до 4 час. дня, отъ 5 до 7 час. вечера; работа растягивается, такимъ образомъ, почти на цѣлый день, къ явной невыгодѣ малолѣтнихъ.

свидѣтельство 10—15 дѣтямъ—но это, такъ сказать, закрѣпляло ихъ къ одному заведенію или требовало, въ случаѣ перехода кого-либо изъ нихъ на другую фабрику, новаго свидѣтельства, т.-е. новаго чувствительнаго расхода“ (воронежскій отчетъ). Въ харьковскомъ округѣ принятіе такихъ „гуртовыхъ“ свидѣтельствъ было запрещено инспекціей, въ виду только-что объясненнаго ихъ неудобства, а плата за выдачу отдѣльныхъ выписей доходила до 10 рублей. Въ виленскомъ округѣ требованіе гонорара за метрики (въ размѣрѣ отъ 1 до 3 рублей и болѣе) предъявлялось какъ раввинами, такъ и христіанскими священниками, причемъ на ходатайство инспекціи о болѣе льготныхъ условіяхъ выдачи всего сочувственнѣе отозвалось лютеранское духовенство. Владимірскому инспектору „постоянно приходилось слышать отъ фабрикантовъ и рабочихъ жалобы на чрезмѣрные требованія сельскихъ священниковъ—отъ 3 до 10 рублей за выпись“. Въ московскомъ округѣ требованія эти были болѣе скромны, вращаясь около рубля, но все же и они оказывались трудно исполнимыми, такъ что на одной фабрикѣ одиннадцать малолѣтнихъ были уволены, вслѣдствіе непредставленія метрикъ. Когда другая фабрика, для предупрежденія такого результата, обратилась къ священнику съ просьбою о выдачѣ выписей за плату въ 30 копѣекъ, священникъ отвѣчалъ, „въ рѣзкомъ и не лишенномъ язвительности письмѣ, что у него есть свое начальство, которое никакихъ распоряженій относительно безмездной выдачи выписей не сдѣлало, и что никто не обязанъ трудиться даромъ“. Въ виду постоянства и общераспространенности столь печальныхъ явленій, слѣдовало бы, какъ намъ кажется, обязать духовенство всѣхъ исповѣданій къ выдачѣ метрическихъ выписей, на предметъ поступленія малолѣтнихъ въ фабричныя рабочіе, бесплатно или за опредѣленное небольшое вознагражденіе; справедливо было бы также освободить эти выписки отъ гербоваго сбора или, по меньшей мѣрѣ, понизить его до минимума—пяти копѣекъ.

Презвычайно туго и неуспѣшно примѣняются на практикѣ правила о школьномъ обученіи малолѣтнихъ фабричныхъ рабочихъ, хотя процентъ грамотныхъ между ними вездѣ невеликъ, а иногда и крайне незначителен¹⁾. Даже тамъ, гдѣ при фабрикахъ существуютъ школы, учатся въ нихъ, большею частью, не малолѣтніе рабочіе, а

¹⁾ Выше всего этотъ процентъ въ петербургскомъ округѣ (вмѣстѣ съ полуграмотными—67%, а если считать и типографіи, въ которыхъ особенно много грамотныхъ—81%). Въ воронежскомъ округѣ онъ спускается до 40% (а если исключить полуграмотныхъ, большею частью едва умѣющихъ читать,—до 16%); въ округахъ кievскомъ и владимірскомъ онъ составляетъ около 30, въ харьковскомъ — около 19, въ виленскомъ—около 13½%.

дѣти взрослыхъ рабочихъ. Въ округахъ кievскомъ и харьковскомъ школьное обученіе малолѣтнихъ рабочихъ, можно сказать, вовсе не существуетъ; въ харьковскомъ ожидаютъ, по крайней мѣрѣ, первыя попытки въ этомъ направленіи; о кievскомъ округѣ даже и того сказать нельзя. Въ московскомъ округѣ закрыто нѣсколько школъ, гдѣ прежде обучались малолѣтніе рабочіе. Всего лучше, сравнительно, поставлено дѣло въ округахъ владимірскомъ и варшавскомъ—но и въ другихъ, благодаря новому закону и усиліямъ инспекціи, начинается движеніе, уже принесшее хорошіе плоды. Въ воронежскомъ округѣ крупныя заводы, и прежде содержавшіе школы для дѣтей взрослыхъ рабочихъ, устроили или устрояють школы для малолѣтнихъ, работающихъ на заводѣ: открываются, съ этою цѣлью, фабричныя школы и въ такой глуши, какъ, напримѣръ, красноуфимскій уѣздъ пермской губерніи (казанскаго округа). Во владимірскомъ округѣ число специально-фабричныхъ школъ растетъ, и нѣкоторыя изъ числа прежде существовавшихъ посѣщаются малолѣтними рабочими весьма аккуратно, въ числѣ ста и болѣе человекъ, раздѣленныхъ, болѣею частью, на двѣ смѣны. Въ московскомъ округѣ, взамѣнъ закрываемыхъ школъ, появляются новыя.

Нельзя не отмѣтить, при этомъ, слѣдующій фактъ, дѣлающій величайшую честь одному изъ московскихъ фабрикантовъ. С. И. Четвериковъ, директоръ-распорядитель городищенской суконной мануфактуры, имѣетъ уже, по словамъ отчета, превосходную школу въ сосѣдней съ фабрикою деревнѣ, но не хочетъ посылать туда малолѣтнихъ рабочихъ и открываетъ для нихъ специальную школу. „Посѣщеніе деревенской школы фабричными рабочими“,—пишетъ онъ инспектору,—„является, въ моихъ глазахъ, полнымъ нарушеніемъ нравственнаго строя школы. Мальчики 13—14 лѣтъ, работая бокъ-о-бокъ съ взрослыми парнями и дѣвками, невольно пропитываются духомъ разврата, противъ котораго на фабрикахъ безсильна всякая администрація. Привести такой элементъ въ тѣсное школьное соприкосновеніе съ крестьянскими дѣтьми 8—11 лѣтъ я рѣшиться не могу“.

Настоянія фабричной инспекціи на школьномъ обученіи малолѣтнихъ были бы, безъ сомнѣнія, гораздо энергичнѣе, если-бы фабриканты больше дорожили дѣтскою работою. При настоящемъ положеніи дѣлъ, слишкомъ усиленныя требованія могли бы привести къ совершенному отказу отъ дѣтскаго труда—а избѣжать этого результата старались всѣ представители инспекціи. Для обвиненія ихъ въ безтактности, въ нарушеніи правила: *pas trop de zèle*—не представляется ни малѣйшаго основанія. Отличительною чертой ихъ образа дѣйствій была осторожность, мягкость; отъ принятія рѣшительныхъ мѣръ они воздерживались, по возможности, даже тогда, когда имѣли

къ тому и поводъ, и право. Отсюда незначительное число судебныхъ преслѣдованій, возбужденныхъ инспекціею; въ большинствѣ случаевъ, притомъ—какъ мы уже видѣли, — фабриканты привлекались къ отвѣтственности лишь при одномъ изъ повторенныхъ посѣщеній, когда обнаруживалось упорное, систематическое неисполненіе закона. Въ четырехъ округахъ (варшавскомъ, виленскомъ, воронежскомъ и кievскомъ) судебныхъ преслѣдованій не было возбуждено вовсе; въ владимірскомъ округѣ было заведено только одно судебное дѣло, въ петербургскомъ—три, въ московскомъ и харьковскомъ — по четыре, въ казанскомъ — восемь. Двадцать дѣлъ на девять округовъ — это очень немного. Одно изъ нихъ прекращено за смертью обвиняемаго; объ исходѣ дѣла нѣтъ свѣденій въ четырехъ случаяхъ; изъ числа остальныхъ пятнадцати дѣлъ только одно окончилось оправдательнымъ приговоромъ, что также подтверждаетъ осмотрительность дѣйствій инспекціи. Во многихъ случаяхъ размѣръ штрафа былъ опредѣляемъ судомъ въ высшей мѣрѣ, а въ казанскомъ округѣ трое изъ обвиняемыхъ присуждены даже къ лишенію свободы. Раскрытія нарушенія весьма часто оставались безъ преслѣдованія, если они зависѣли больше отъ недоумѣнія, чѣмъ отъ злой воли, или если фабрикантъ бралъ на себя обязательство ихъ исправить; дѣло прекращалось иногда даже послѣ составленія протокола. Самое наглядное понятіе о результатахъ, достигаемыхъ этимъ способомъ дѣйствій, даетъ отчетъ виленскаго инспектора. На одной изъ обширныхъ табачныхъ фабрикъ гродненской губерніи законъ 1-го іюня не исполнялся вовсе, несмотря на настоянія инспекціи. Прежде чѣмъ приступить къ возбужденію преслѣдованія, инспекторъ, вмѣстѣ съ своимъ помощникомъ, еще разъ разъяснилъ фабриканту его обязанности. Фабрикантъ (еврей) сознался въ своей винѣ и просилъ недѣлю времени, чтобъ все привести въ надлежащій порядокъ. Отсрочка, послѣ нѣкотораго колебанія, была ему дана — и онъ сдержалъ свое слово въ точности. Всѣ 147 малолѣтнихъ были записаны имъ въ шнуровую книгу, съ принятіемъ на его счетъ расхода по гербовымъ маркамъ для возрастныхъ документовъ, и затѣмъ сроеъ работы малолѣтнихъ сокращенъ до узаконенной нормы, хотя для этого пришлось измѣнить весь порядокъ работъ на фабрикѣ, пользующейся трудомъ шестисотъ рабочихъ. По справедливому замѣчанію инспектора, судебное преслѣдованіе едва-ли привело бы такъ скоро къ желанной цѣли. Приведемъ еще одну выписку изъ отчета виленскаго инспектора, любопытную въ другомъ отношеніи: „уразумѣвъ яснѣе сущность дѣла, евреи относятся къ закону (о фабричной работѣ малолѣтнихъ) совсѣмъ не такъ враждебно, какъ можно было бы предполагать по общеустановившемуся о нихъ мнѣнію. Основа закона —

чувство любви къ дѣтямъ — совсѣмъ не чуждо евреямъ, и подѣ влияніемъ его они способны поступиться матеріальными интересами. Сокративъ волею-неволею срокъ работы дѣтямъ до восьми часовъ, еврей-фабриканты сохранили, большею частью, ту же заработную плату, какую дѣти получали при 10 — 12-часовой работѣ. Затѣмъ, на еврейскихъ фабрикахъ бросается въ глаза отсутствіе грубости и деспотизма съ рабочими-дѣтьми. Толчки, подзатыльники, волосотрепки и т. п. здѣсь совсѣмъ не въ обычаѣ. Не подтверждаютъ ли эти слова (сказанныя кореннымъ русскимъ) извѣстную поговорку: „не тотъ жидъ, кто еврей, а тотъ жидъ, кто жидъ“?

Мы далеко не исчерпали всего интереснаго, представляемаго отчетами фабричныхъ инспекторовъ, и непременно возвратимся къ нимъ еще разъ. Сказаннаго нами достаточно, впрочемъ, для оцѣнки нападеній, которымъ начинаетъ подвергаться фабричная инспекція. Есть вражда почетная для тѣхъ, противъ которыхъ она направлена — и именно такова неприязнь, возбуждаемая инспекціей. Въ печати эта неприязнь проявляется въ двухъ видахъ: въ принципиальномъ отрицаніи задачъ инспекціи — и въ заподозриваніи или осмѣяніи отдѣльных ея дѣйствій. Поводы къ нападеніямъ также различны; иногда въ основаніи ихъ лежитъ прямо или косвенно задѣтый личный интересъ, иногда — неспособность или нежеланіе понять законъ и изучить его исполненіе. Чтобы подорвать регламентацію фабричной работы въ самомъ ея корнѣ, одна изъ московскихъ газетъ выставляетъ слѣдующую формулу: „Законодательное расширеніе личнаго произвола — ничуть не прогрессъ, въ какой бы сферѣ оно ни примѣнялось и какими бы добрыми намѣреніями ни было одушевлено“. Не ясно ли, что это — одинъ только отголосокъ манчестерской доктрины, давно опровергнутый и наукой, и жизнью? Можно ли, притомъ, говорить, по поводу фабричной инспекціи, о личномъ произволѣ, когда всѣ дѣйствія ея основаны на законѣ и подлежатъ контролю суда или, по крайней мѣрѣ, губернскихъ фабричныхъ присутствій? Поводомъ къ разглагольствованіямъ о произволѣ послужило, въ данномъ случаѣ, сообщеніе другой московской газеты, оказавшееся впослѣдствіи плодомъ забавной ошибки. Защитникъ фабрикантовъ обвинялъ московскаго инспектора въ самовольномъ и безпричинномъ исключеніи изъ таесы, представленной на его утвержденіе (въ силу „особыхъ правилъ“ 3-го іюня) одною фабричною лавкой, разныхъ предметовъ потребленія, преимущественно постныхъ (отсюда было выведено заключеніе, что цѣль инспектора — противодѣйствовать употребленію постной пищи, т.-е. соблюденію постовъ!). Оказалось, между тѣмъ, что всѣ эти предметы были исключены не изъ таесы, а только изъ списка товаровъ, ко-

торые могутъ быть отпускаемы въ кредитъ. Во избѣжаніе задолженности и эксплуатаціи рабочихъ, отпускъ въ кредитъ изъ фабричныхъ лавокъ допущенъ инспекторомъ только для предметовъ первой необходимости — и это, безъ сомнѣнія, совершенно разумно и понятно. Порохъ обвиненій, смѣшанныхъ съ инсинуаціями, разстрѣлянъ, такимъ образомъ, совершенно напрасно. Напрасны также всѣ глумленія надъ „дилеттантизмомъ“ и „либерализмомъ“ инспекторовъ, надъ длиною ихъ отчетовъ, пущенныя въ ходъ одною петербургскою газетою; ей не привыкли вѣрить на слово, да и охраненіе жизни и здоровья малолѣтнихъ — не такой предметъ, отъ котораго можно отдѣлаться однѣми шуточками... Если московская газета (уже третья по счету: солонъ, должно быть, пришелся нѣкоторымъ московскимъ сферамъ законъ 1-го іюня!) называетъ фабричныхъ инспекторовъ „мелкими чиновниками министерства финансовъ“, если она иронически удивляется „расторопности и ловкости“ г. Янжула, совмѣщающаго въ своемъ лицѣ должности профессора и фабричнаго инспектора, то это свидѣтельствуетъ только о неспокойномъ состояніи духа, въ которомъ находился авторъ статьи. Гоненіе противъ „совмѣстительства“, выразившееся въ правительственныхъ распоряженіяхъ 1884 и 1885 г., имѣетъ свое *raison d'être* только тогда, когда одно изъ „совмѣщаемыхъ“ званій идетъ въ разрѣзъ съ другимъ, когда соединеніе ихъ даетъ поводъ къ злоупотребленію служебнымъ вліяніемъ, къ подозрѣніямъ, вреднымъ для достоинства государственной службы. Возложеніе на профессора административныхъ функцій, соприкасающихся, такъ или иначе, съ его спеціальностью, ничего подобнаго въ себѣ не заключаетъ. Мы не видимъ причины, по которой профессоръ-медикъ не могъ бы быть директоромъ больницы, профессоръ-юристъ — судьей или прокуроромъ (а также адвокатомъ), профессоръ-экономистъ или статистикъ — членомъ совѣта крестьянскаго поземельнаго банка или фабричнымъ инспекторомъ. Весь вопросъ сводится здѣсь къ тому, обладаетъ ли данное лицо достаточными физическими и умственными силами, чтобы справиться какъ слѣдуетъ, съ своими различными обязанностями. Непосильное для одного легко для другого; никакого общаго правила на этотъ счетъ быть не можетъ, и утверждать, безъ всякихъ фактическихъ основаній, что отъ службы г. Янжула въ вѣдомствахъ министерства финансовъ и министерства народнаго просвѣщенія долженъ произтекать „ущербъ и вредъ“ и для того, и для другого — по меньшей мѣрѣ, весьма рискованно. Какъ исполняетъ г. Янжулъ свои профессорскія обязанности — мы судить не беремся, но за дѣятельность его по фабричной инспекціи говорятъ съ достаточною ясностью оба его отчета. Смущаться упреками, дѣлаемыми ему въ печати, почтенный

профессоръ, по всей вѣроятности, не станетъ; чтобы отнестись къ нимъ хладнокровно, ему стоить только припомнить, что въ послѣднее время польза, приносимая учрежденіемъ, почти всегда прямо пропорціональна рѣзкости сыплющихся на него обвиненій.

Прежде, чѣмъ перейти къ другому предмету, скажемъ еще нѣсколько словъ объ одномъ важномъ вопросѣ, касающемся новаго фабричнаго законодательства. Рѣчь идетъ о значеніи столичныхъ фабричныхъ присутствій, учрежденныхъ „особыми правилами“ 3 іюня, на-ряду съ губернскими фабричными присутствіями. Обладаютъ ли первыя, въ предѣлахъ столичной территоріи, всѣми безъ исключенія правами, предоставленными послѣднимъ, или же общій надзоръ за фабриками, право изданія обязательныхъ постановленій и руководство дѣйствіями фабричной инспекціи принадлежать, и по отношенію къ столицамъ, только губернскимъ присутствіямъ, а кругъ дѣйствія столичныхъ присутствій ограничивается разборомъ отдѣльных случаевъ нарушенія фабричныхъ правилъ? „Юридическій Вѣстникъ“, возбудившій этотъ вопросъ, разрѣшаетъ его въ послѣднемъ смыслѣ. Не воспроизводя его аргументаціи, насколько она основана на толкованіи буквы „особыхъ правилъ“ — это потребовало бы слишкомъ много времени и мѣста, — скажемъ только, что мы безусловно раздѣляемъ его мнѣніе, потому что оно вполне согласно съ смысломъ и духомъ закона. Поставить столичныя присутствія на одну доску съ губернскими, значило бы раздвоить надзоръ за инспекціей, возложить на нее исполненіе существенно различныхъ или прямо противоположныхъ между собою постановленій — и притомъ отдать столичныя фабрики въ вѣденіе лицъ, являющихся въ этомъ дѣлѣ заинтересованною стороною. Члены совѣта торговли и мануфактуръ или отдѣленія этого совѣта, — замѣняющіе, въ столичныхъ присутствіяхъ, представителей города и земства, — тѣ же фабриканты; странно было бы ожидать отъ нихъ безпристрастнаго отношенія къ фабричной инспекціи. Еслибы толкованіе „особыхъ правилъ“, поддерживаемое „Юридическимъ Вѣстникомъ“, не было принято на практикѣ, то одною изъ самыхъ настоятельныхъ потребностей фабричнаго дѣла явилось бы измѣненіе, въ законодательномъ порядкѣ, либо состава, либо компетенціи столичныхъ фабричныхъ присутствій.

Разрѣшеніе вопроса о подушной подати поставило на очередь другой вопросъ, столь же давнишній и столь же упорно цѣлые десятки лѣтъ не двигавшійся съ мѣста — вопросъ о паспортахъ. Въ началѣ 1886-го года, при министерствѣ финансовъ была учреждена „паспортная подготовительная коммиссія“, быстро окончившая свою

работу и уже представившая ее на разсмотрѣніе другой, болѣе обширной комиссіи; отсюда дѣло перейдетъ въ Государственный Совѣтъ и будетъ, по всей вѣроятности, приведено къ концу еще до закрытія текущей законодательной сессіи. Радикальнаго разрыва съ прошедшимъ проектъ, составленный подготовительною комиссіею, не представляетъ; она была заранѣе стѣснена инструкціей, обязавшей ее оставить за правительственными и общественными учрежденіями „возможность должнаго наблюденія за передвиженіемъ населенія“, а также сохранить хотя отчасти источникъ дохода, каковымъ служилъ и до сихъ поръ служить паспортный сборъ. Сообразно съ этимъ, комиссія удерживаетъ паспорта, удерживаетъ и фискальное ихъ значеніе. Съ полицейской точки зрѣнія паспорта признаются необходимыми не только въ качествѣ временной, переходной мѣры, вызванной нахожденіемъ нѣкоторыхъ мѣстностей имперіи въ состояніи усиленной охраны, но и въ качествѣ постоянного учрежденія, обусловливаемаго малочисленностью нашей полиціи, особенностями ея организаціи и „несерьезнымъ отношеніемъ населенія къ своимъ обязанностямъ“ (какимъ?). Комиссія полагаетъ даже, что съ отиѣною узаконенныхъ видовъ, населеніе едва-ли что-либо у насъ бы выиграло. „Въ настоящее время“,—говоритъ она,—„паспортъ есть документъ безспорный, и предъявитель его можетъ не опасаться какихъ-либо, иногда ни на чемъ неоснованныхъ, придирокъ; между тѣмъ удостовѣреніе личности, посредствомъ опѣнки полицейскими чинами разнообразныхъ доказательствъ, неизбѣжно поведетъ къ затрудненіямъ и недоразумѣніямъ, а иногда и къ злоупотребленіямъ со стороны полиціи“. Нельзя отрицать, что въ этихъ соображеніяхъ есть значительная доля правды и знанія русской дѣйствительности. При настоящемъ положеніи вещей, совершенная отиѣна паспортовъ, какъ способъ удостовѣренія личности, не привела бы, пожалуй, ни къ какому ощутительно-полезному результату, да и едва-ли долго удержалась бы въ силѣ. Если въ Берлинѣ, съ нѣкоторыхъ поръ, требуются отъ пріѣзжающихъ паспорта, если въ Австріи каждый долженъ имѣть „легитимационный билетъ“, то трудно допустить, чтобы въ Россіи „безпаспортность“ теперь же могла бы сдѣлаться общимъ правиломъ и пустить прочныя корни. Примириться съ сохраненіемъ паспортовъ приходится по-неволѣ, лишь бы только были уничтожены всѣ неужныя стѣсненія и неудобства, сопряженные съ нынѣшнею паспортною системою. Этому условію проектъ подготовительной комиссіи удовлетворяетъ только отчасти.

Лучшая сторона проекта заключается въ стремленіи къ объединенію паспортныхъ постановленій для всѣхъ классовъ и сословій. Главный типъ узаконеннаго вида устанавливается одинъ—паспортъ

ная книжка; паспорта и билеты составляютъ исключеніе, зависящее, притомъ, не отъ принадлежности къ тому или другому сословію. На полученіе паспортной книжки имѣютъ право какъ дворяне, такъ и мѣщане или крестьяне; для лицъ купческаго сословія особыя годовыя свидѣтельства требуются только въ виду того, что права, сопряженныя съ принадлежностью къ этому сословію, приобретаются изъ года въ годъ, вносимъ гильдейскаго сбора. Паспортная книжка имѣетъ силу въ теченіе десяти лѣтъ; паспорта срокомъ на одинъ годъ, шесть мѣсяцевъ или три мѣсяца выдаются тѣмъ, кто не имѣетъ права на полученіе паспортной книжки,—напримѣръ, лицамъ, не отбывшимъ еще воинской повинности, состоящимъ подъ надзоромъ полиціи, евреямъ и т. п.¹⁾ Вмѣстѣ съ сословнымъ характеромъ, паспортныя постановленія теряютъ и значеніе гарантіи исправнаго платежа налоговъ. По справедливому замѣчанію комиссіи, съ отмѣною подушной подати бѣльшая часть окладныхъ платежей, остающихся на бывшихъ податныхъ сословіяхъ, взимаются съ недвижимыхъ имуществъ и ими обезпечиваются. Таковы выкупные платежи, таковъ государственный поземельный налогъ, таковы земскіе сборы. Ограничивать, изъ-за нихъ, передвиженіе плательщиковъ нѣтъ никакой причины. Остаются, затѣмъ, земскія натуральныя повинности, а также повинности общественныя, какъ денежныя, такъ и натуральныя; но комиссія совершенно правильно находитъ, что и онѣ не могутъ служить препятствіемъ для свободныхъ отлучекъ крестьянъ и мѣщанъ изъ мѣста постояннаго жительства. Съ лицъ состоятельныхъ общества всегда будутъ имѣть возможность взыскать повинности, несмотря на отлучку, а удержаніе неимущихъ на мѣстѣ жительства, устанавливая для нихъ нѣчто въ родѣ крѣпостной зависимости отъ общества, не достигало бы цѣли, такъ какъ мѣшало бы покрытію повинностей посредствомъ постороннихъ заработковъ.

Если-бы изъ этихъ главныхъ основаній, принятыхъ комиссіею, были сдѣланы только строго логическіе выводы, то намъ оставалось бы только выразить полное согласіе съ проектомъ; къ сожалѣнію, это не совсѣмъ такъ. Спрашивается, прежде всего: почему паспортныя книжки выдаются только на десять лѣтъ, а не безсрочно, т. е. пожизненно? По тремъ соображеніямъ,—отвѣчаетъ комиссія: при безсрочной выдачѣ ихъ, можно было бы фактически выходить изъ общества безъ его разрѣшенія—всякій видъ, по истеченіи, болѣе или менѣе, продолжительнаго времени, можетъ сдѣлаться негоднымъ, какъ по внѣшности, такъ и по заключающимся въ немъ свѣденіямъ о лич-

¹⁾ Проектируются еще билеты, выдаваемые—бесплатно и на срокъ не болѣе года—лицамъ, не достигшимъ восемнадцатилѣтняго возраста и еще нѣкоторымъ группамъ или категоріямъ лицъ, болѣею частью немногочисленнымъ.

ности—паспортный сборъ, наконецъ, понизился бы до слишкомъ незначительныхъ размѣровъ. Эти соображенія едва-ли могутъ быть признаны уважительными. Пока выходъ изъ общества обуславливается согласіемъ послѣдняго, никакая давность не можетъ разорвать связь, существующую между обществомъ и отдѣльнымъ его членомъ; въ другое общество онъ, безъ увольненія изъ перваго, не можетъ быть принятъ, обязательства его передъ обществомъ не уничтожаются фактическимъ ихъ игнорированіемъ. Потерять изъ виду отсутствующаго члена общество можетъ весьма легко и до истеченія десяти лѣтъ. Допустимъ, что на крестьянинѣ или мѣщанинѣ накопится, за десять лѣтъ, крупная недоимка общественнаго сбора; неужели справедливо было бы отказать ему изъ-за этого въ выдачѣ новой паспортной книжки—т.-е. заставить его вернуться въ мѣсто приписки,—разъ что по признанію самой комиссіи „отлучающіеся на долгій срокъ во время отлучки, въ сущности, почти и не пользуются тѣми мѣстными выгодами, для осуществленія которыхъ установлены общественныя повинности“?.. Въ случаѣ ветхости книжки, подчистокъ, помарокъ и т. п. она можетъ или даже должна быть замѣнена другою и до окончанія десятилѣтняго срока; что касается до „особыхъ примѣтъ“, которыя могутъ измѣниться въ теченіе десятилѣтняго срока, то кто же придаетъ имъ серьезное значеніе? Не проще ли было бы вовсе не требовать описанія ихъ въ паспортѣ или паспортной книжкѣ, не лучше ли было бы отказаться, разъ навсегда, отъ повторенія стараго припѣва: „особыхъ примѣтъ — нѣтъ“? Финансовый расчетъ также не говоритъ противъ безсрочности паспортной книжки. Сама по себѣ паспортная книжка оплачивается, на основаніи проекта, только пятидесятью копѣйками; заплатить ли каждый изъ насъ эту сумму одинъ разъ въ жизни, или, среднимъ числомъ, раза два-три—это, очевидно, все равно. Главный доходъ отъ паспортныхъ книжекъ будетъ извлекаться ежегодной наклейкой на нихъ рублевой гербовой марки, безъ чего обладатель книжки не въ правѣ отлучиться изъ предѣловъ своего уѣзда—а этотъ доходъ вовсе не зависитъ отъ срочности или безсрочности паспортныхъ книжекъ. Если намъ возразятъ, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ паспортная книжка придетъ въ ветхость ранѣе десяти лѣтъ и все-таки потребуетъ замѣны, то мы отвѣтимъ на это, что такая замѣна существенно отлична отъ выдачи новой книжки на слѣдующія десять лѣтъ. Для полученія новой книжки проектъ обязываетъ крестьянина или мѣщанина обратиться къ подлежащему (по мѣсту приписки) общественному управленію, которое можетъ и отказать ему въ ея выдачѣ (если, напримеръ, на немъ числится недоимка общественнаго сбора); наоборотъ, простая замѣна книжки безпрепятственно производится мѣстною,

по жительству даннаго лица, полиціею. Въ виду всего сказаннаго, нельзя не пожелать, чтобы вновь вводимыя паспортныя книжки были выдаваемы безсрочно. Измѣненію, сообразно съ этимъ, подлежали бы и нѣкоторыя другія, второстепенныя, правила проекта. Незачѣмъ требовать, напримѣръ, чтобы паспортныя книжки замѣнялись новыми при всякомъ перечисленіи изъ одного общества въ другое и даже при всякой перемѣнѣ постоянного мѣста жительства ¹⁾; незачѣмъ устанавливать, что, въ случаѣ утраты вида, онъ можетъ быть возобновленъ только тою властью, отъ которой зависѣла бы выдача его въ первый разъ. Одно изъ главныхъ неудобствъ теперешней паспортной системы — это вынужденное обращеніе крестьянъ и мѣщанъ, при всякой перемѣнѣ паспорта, къ своему сословному управленію. Оно не только влечетъ за собою лишнія хлопоты и потерю времени, но становится источникомъ поборовъ, обременительность которыхъ признаетъ и сама комиссія. Необходимо, поэтому, уменьшить какъ можно больше число случаевъ, требующихъ перемѣны вида, и перенести всецѣло самую процедуру перемѣны изъ сословныхъ управленій въ мѣстную полицію. Комиссія слишкомъ часто останавливается, въ этомъ отношеніи, на поль-дорогѣ.

Весьма опаснымъ и вовсе нецѣлесообразнымъ кажется намъ слѣдующее постановленіе проекта: „паспортныя книжки могутъ быть отбираемы, по установленнымъ приговорамъ мѣщанскихъ и крестьянскихъ обществъ, у тѣхъ изъ принадлежащихъ къ нимъ лицъ, кои, находясь въ отлучкѣ, оставляютъ на мѣстѣ постоянного жительства безъ призрѣнія членовъ своей семьи или воспитателей, нуждающихся въ средствахъ къ жизни и не могущихъ снискивать себѣ пропитаніе личнымъ трудомъ“. Комиссія мотивируетъ это постановленіе обязанностью обществъ заботиться о призрѣніи своихъ членовъ; но вѣдь общества становятся, такимъ образомъ, судьей въ собственномъ своемъ дѣлѣ. Чтобы прибѣгнуть къ принудительному возвращенію общественника, для нихъ достаточно будетъ иногда одного опасенія, что, рано или поздно, имъ придется взять на себя содержаніе его семьи; весьма возможны и такія требованія, настоящимъ, дѣйствительнымъ основаніемъ которыхъ будетъ служить нерасположеніе мѣстныхъ властей къ отсутствующему общественнику — или желаніе сорвать съ него что-нибудь за разрѣшеніе дальнѣйшей отлучки. Много ли пользы принесетъ, притомъ, вынужденное возвращеніе въ деревню человѣка, отвыкшаго отъ земледѣльческаго труда или вовсе къ нему неспособнаго? Не уменьшитъ ли оно иногда шансы пропитанія семьи,

¹⁾ Этотъ переходъ или эту перемѣну слѣдовало бы только отмѣчать въ паспортной книжкѣ; такую же отмѣтку слѣдовало бы установить и при вступленіи въ бракъ.

вмѣсто того, чтобы ихъ увеличить?.. Уже если будетъ признано нужнымъ сохранить разбираемую нами статью проекта, то слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, разрѣшить призываемому откупаться отъ требованія взносомъ суммы, достаточной для содержанія, въ теченіе года, безпомощныхъ членовъ его семьи. Размѣръ этой суммы, сообразно съ числомъ и возрастомъ нуждающихся и съ заработкомъ главы семьи, могъ бы быть опредѣляемъ мировымъ судьей.

Если выдача и возобновленіе видовъ будутъ поставлены въ такія условія, которыя служили бы достаточной гарантіей противъ поборовъ и притѣсненій, то расходъ, сопряженный съ полученіемъ вида и съ пользованіемъ имъ при отлучкахъ, будетъ весьма умѣренный. Мы видѣли уже, во что должна обходиться выдача паспортной книжки и какимъ сборомъ оплачивается ежегодно употребленіе ея внѣ предѣловъ уѣзда: 50 копѣекъ одновременно и 1 рубль въ годъ—плата небольшая, особенно если принять въ соображеніе, что одинъ только казенный сборъ съ годового паспорта составляетъ въ настоящее время 1 руб. 45 коп. Цѣна срочныхъ паспортовъ также уменьшается: за годовой паспортъ предполагается взимать 1 руб. (вмѣсто 1 руб. 45 к.), за шестимѣсячный—60 коп. (вмѣсто 85 коп.), за трехмѣсячный—30 к. (вмѣсто 60 коп.). По приблизительному расчету комиссіи, при такихъ нормахъ платежа паспортный сборъ понизится, противъ теперешней его суммы (3.415,000 руб.), на полъ-милліона рублей. Идти еще дальше, при настоящемъ положеніи нашихъ финансовъ, было бы довольно трудно. Существеннымъ облегченіемъ для населенія послужать, кромѣ того, устанавливаемые проектомъ льготныя правила отсрочки паспортовъ, а также разрѣшеніе отлучаться безъ письменнаго вида не на тридцать, какъ теперь, а на пятьдесятъ верстъ отъ постоянного мѣста жительства.

Оставаясь въ предѣлахъ своей специальной задачи, комиссія не могла, конечно, предлагать реформы, не имѣющей прямой, непосредственной связи съ паспортнымъ вопросомъ; но, читая составленный ею проектъ и объяснительную къ нему записку, невольно поражаешься тѣмъ, какъ много еще сохранилось въ нашемъ законодательствѣ устарѣлыхъ, отжившихъ, стѣснительныхъ правилъ. Какою вопіющею аномаліей представляется, напримѣръ, запрещеніе выдавать замужнимъ женщинамъ паспортныя книжки и даже паспорта безъ согласія на то ихъ мужей! Особенно наглядной эта аномалія является именно въ законопроектѣ, направленномъ къ расширенію и обезпеченію свободы передвиженія. Очень живо чувствуются также неудобства порядка, при которомъ возможны до сихъ поръ натуральныя повинности, лежащія на одномъ сословіи и непередаваемыя на деньги; чувствуется и необходимость уменьшить личную зависимость мѣщанъ

и крестьянъ отъ обществъ, въ составъ которыхъ они входятъ. Проектъ комиссіи напоминаетъ, наконецъ, и о еврейскомъ вопросѣ, столь давно поставленномъ и все еще неразрѣшенномъ. Признавая „крайнюю сбивчивость и неопредѣленность“ паспортныхъ правилъ о евреяхъ, комиссія не нашла возможнымъ приступить къ ихъ пересмотру, въ виду существованія особой комиссіи (подъ предсѣдательствомъ графа Палена) для совокупнаго обсужденія всѣхъ сторонъ еврейскаго вопроса.

ЗАМѢТКА.

О попыткѣ къ улучшенію нашего денежнаго обращенія послѣ восточной войны *).

Размѣны нашихъ кредитныхъ билетовъ рубль за рубль существовалъ съ 1839 г. до 1857 г., т.-е. почти тридцать лѣтъ, съ перерывомъ только во время крымской войны ¹⁾, при размѣнномъ фондѣ въ послѣднемъ году въ 110 мил. руб. мет. и при кредитныхъ билетахъ на сумму 730 мил. рублей. По заключеніи мира, курсъ нашего кредитнаго рубля не подвергся тотчасъ же чувствительному пониженію, несмотря на то, что въ этихъ 730 мил. р. было до 400 мил. р., выпущенныхъ на расходы войны, отчасти потому, что значительная часть вновь выпущенныхъ денегъ, не находя себѣ помѣщенія въ торговыхъ и промышленныхъ предпріятіяхъ, слабо еще развитыхъ, скопилась въ тогдашнихъ казенныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ, а отчасти потому, что снятіе блокады нашихъ портовъ оживило отпускную торговлю.

Неизвѣстно, сколько времени продолжался бы такой порядокъ вещей, если-бы бывший тогда министръ финансовъ, Брокъ, озабочиваясь тѣмъ, что означенныя учрежденія, не находя употребленія своимъ чрезмѣрно скопившимся вкладамъ, будутъ обременены уплатою за нихъ процентовъ, не понизилъ банковаго процента, какъ по займамъ, такъ и по вкладамъ, каковымъ пониженіемъ должно было воспользоваться и государственное казначейство, будучи обременено громад-

*) Настоящая статья составляетъ часть изготавляемаго къ печати сочиненія подъ заглавіемъ: „Почему семь лѣтъ мирнаго времени не принесли никакого улучшенія въ нашихъ финансахъ?“

¹⁾ Въ 1854 г.—88,02 мет. за 1 р. кред.; въ 1855—90,68, и въ 1856—100,47.

ными этимъ учрежденіямъ долгами. А какъ эта мѣра совпадала съ постановленіемъ о постройкѣ первой у насъ сѣти желѣзныхъ дорогъ (уст. гл. общ. 1857 г.) и съ значительнымъ оживленіемъ промышленности и торговли послѣ войны (такъ-называемою тогда акціонерною горячкою), то послѣдствіемъ всего этого было то, что всѣ билеты, выпущенные во время войны, снова появились на свѣтъ божій, и вкладчики такъ усердно стали выбирать свои деньги изъ кредитныхъ учреждений, что государственное казначейство было поставлено въ весьма затруднительное положеніе, пользовавшись продолжительное время широкимъ въ этихъ учрежденіяхъ кредитомъ, для удовлетворенія своихъ бюджетныхъ требованій. Результатомъ всего этого были три мѣры, принятыя уже преемникомъ Брока, Княжевичемъ, а именно:

- 1) Закрытіе означенныхъ учреждений и замѣна ихъ государственнымъ банкомъ, основаннымъ на новыхъ началахъ;
- 2) Выпускъ кредитныхъ билетовъ на 100 мил. руб., для удовлетворенія вкладчиковъ наличными деньгами; и—
- 3) Обмѣнъ вкладныхъ билетовъ кредитныхъ установленій на 4% непрерывно-доходные и 5%-банковые билеты на сумму болѣе 200 мил. руб.

Кредитный рубль въ 1858 году стоилъ еще 94,65 к. мет. и продолжалъ нѣкоторое время держаться на этомъ приблизительно уровнѣ, главнѣйше вслѣдствіе временнаго прилива къ намъ иностранныхъ капиталовъ на постройку желѣзныхъ дорогъ, оживленія промышленности и постоянного возрастанія нашего отпуска.

Въ 1862—1863 году, когда въ первый разъ была сдѣлана попытка къ восстановленію цѣнности нашего рубля, курсъ былъ 85¹/₆ коп. мет., при размѣнномъ фондѣ 92 мил. р. мет. и кредитныхъ билетахъ на 720 мил. руб. Попытка эта, какъ извѣстно, не удалась, и, можетъ быть, не столько отъ способа исполненія, какъ тогда объ этомъ думали, сколько отъ возникшихъ политическихъ обстоятельствъ, а именно—польскаго мятежа, когда Франція и Англія, повидимому, готовились стать во враждебныя къ намъ отношенія, и когда, вслѣдствіе того, парижскій банкирскій домъ Ротшильда отказался исполнить заключенное съ нами условіе о второмъ займѣ, необходимомъ для означенной операціи.

Эта неудача заставила наше финансовое управленіе отказаться отъ всякихъ дальнѣйшихъ въ этомъ направленіи мѣръ. Курсъ продолжалъ падать до 1866 г., но, вслѣдствіе продолжавшагося, отъ времени до времени, прилива къ намъ иностранныхъ капиталовъ на постройку желѣзныхъ дорогъ и мирнаго времени, курсъ колебался въ благопріятномъ для насъ направленіи, и въ 1875 г., т.-е. до появленія первыхъ смуть на Балканскомъ полуостровѣ, кредитный рубль

стоилъ 85 коп. мет. Колебанія курса, въ этотъ промежутокъ времени, зависѣли, главнѣйшимъ образомъ, отъ большаго или меньшаго отпуска нашихъ товаровъ, отъ возраставшихъ заграничныхъ платежей по займамъ и по выпускаемымъ акціямъ и облигаціямъ желѣзныхъ дорогъ, и отъ уплаты за заграничныя для этихъ дорогъ заказы. Съ приближеніемъ войны, курсъ нашъ пошелъ быстро къ пониженію, дошелъ до 75 к. мет., а въ тяжелые дни плевненскихъ событій—до 60 коп. По окончаніи войны, онъ возвысился въ 1878 году до 67 к., вслѣдствіе значительнаго въ томъ году отпуска отъ насъ, но съ тѣмъ чтобы снова упасть до 63 коп. въ 1880 г., по случаю дурного урожая.

Къ концу этого года, кредитныхъ билетовъ было въ обращеніи (въ круглой цифрѣ) 1,133 мил. руб., изъ коихъ 417 мил. р., выпущенныхъ временно, на военныя надобности, но значившихся въ пассивѣ государственнаго банка подъ рубрикою: „временно выпущенныхъ для поддержанія кассъ государственнаго банка“. Разнѣнный фондъ составлялъ около 180 мил. р. мет.

При такомъ положеніи денежнаго нашего рынка, предпринята была новая попытка, если не къ полному восстановленію цѣнности нашего бумажнаго рубля, то, по крайней мѣрѣ, къ поднятію его до той высоты, на которой онъ стоялъ до войны. Вслѣдствіе сего, 1-го января 1881 г. послѣдовалъ Высочайшій указъ на имя министра финансовъ слѣдующаго содержанія:

„На основаніи Высочайшаго повелѣнія Нашего 26-го сентября 1876 г., чрезвычайные расходы военнаго времени покрывались, отчасти, позаймствованіями суммъ изъ государственнаго банка, а для производства таковыхъ авансовъ государственный банкъ выпускалъ кредитные билеты.

„Нынѣ, по представленію вашему, въ особомъ комитетѣ разсмотрѣнному, Мы признали за благо, прекратить означенныя позаймствованія, принять, вмѣстѣ съ тѣмъ, мѣры къ усиленію средствъ государственнаго банка, для доставленія оному возможности производить изъ своихъ наличныхъ суммъ, какъ платежи по распоряженіямъ государственнаго казначейства, такъ и ссуды для воспособленія торговлѣ и промышленности, на точномъ основаніи устава государственнаго банка, не прибѣгая къ дальнѣйшимъ выпускамъ кредитныхъ билетовъ, съ тѣмъ, чтобы количество выпущенныхъ уже кредитныхъ билетовъ было сокращено по мѣрѣ возможности.

„Въ сихъ видахъ повелѣваемъ:

„1) Уплатить нынѣ же изъ средствъ государственнаго казначейства государственному банку сумму, потребную для уменьшенія до четырехъ сотъ милліоновъ рублей долга банку по произведеннымъ имъ за счетъ казны расходамъ.

„2) Погашать остальную сумму долга—400 мил. руб. ежегодными съ 1881 года уплатами изъ казны банку въ размѣрѣ пятидесяти милліоновъ рублей въ годъ;

„и 3) Уничтожать кредитные билеты по мѣрѣ накопленія ихъ въ кассахъ банка и по соображенію съ потребностью въ денежномъ обращеніи.

„Возлагая на васъ исполненіе сего указа Нашего, мы имѣемъ въ виду установить болѣе правильныя отношенія государственнаго казначейства къ государственному банку и способствовать постепенному упроченію денежной единицы, безъ внезапнаго стѣсненія денежнаго рынка и происходящихъ отъ сего промышленныхъ и торговыхъ затрудненій“.

Этотъ указъ былъ принятъ общественнымъ мнѣніемъ весьма сочувственно, какъ первая серьезная мѣра къ поднятію нашего курса, хотя до той высоты, на которой онъ стоялъ до войны.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этомъ указѣ видно было намѣреніе правительства придать неразмѣнности нашихъ бумажныхъ денегъ характеръ временный, эпизодическій, такъ какъ, при значительной суммѣ выпущенныхъ во время войны билетовъ, эта несоразмѣрность грозила сдѣлаться чѣмъ-то постояннымъ, неизбѣжнымъ, безсрочнымъ, что не только было бы противно достоинству правительства, но, конечно, уронило бы и самое политическое значеніе Россіи, какъ великой державы, при всякихъ международныхъ усложненіяхъ, въ наше время столь частыхъ. Деньги, какъ извѣстно, суть нервъ войны, но, конечно, не деньги бумажныя.

Ожиданія эти, однако, не сбылись, и вотъ прошло почти шесть лѣтъ со дня изданія указа 1881 года, а уничтожена только съ небольшимъ $\frac{1}{8}$ временно выпущенныхъ билетовъ, а именно: 30 милл.—14-го декабря 1883 г.; 30 милл.—6-го іюня 1884 г., и 27 милл.—10-го января 1885 года.

Для уясненія настоящаго дѣла, необходимо дать себѣ отчетъ, что значать въ нашей финансовой фразеологій выраженія: во 1-хъ, позаймствованія изъ государственнаго банка, коими отчасти покрывались расходы послѣдней войны; и во 2-хъ, кредитные билеты, временно выпущенные для поддержанія кассъ государственнаго банка.

Позаймствованія собственно значать то, что чрезъ банкъ давались приказы экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ напечатать новые кредитные билеты на ту или другую сумму. Банкъ есть такая же составная часть министерства финансовъ, какъ и всякій другой департаментъ или канцеларія, ибо онъ не можетъ отказать

въ кредитъ государственному казначейству (какъ это случалось съ банками англійскимъ и французскимъ). Кассы же банка для своихъ коммерческихъ операций во время войны вовсе не нуждались въ новыхъ подкрѣпленіяхъ, или, другими словами, въ новыхъ выпускахъ кредитныхъ билетовъ. Если они не нуждались въ нихъ до войны, то тѣмъ менѣе могли нуждаться въ нихъ во время войны, когда коммерческія предпріятія не расширяются, а всегда ограничиваются. Поэтому вновь выпущенные билеты были нужны исключительно для удовлетворенія военныхъ расходовъ.

Изъ этого прямо слѣдуетъ, что уничтоженіе новыхъ кредитныхъ билетовъ, на большую или меньшую сумму, не было вовсе въ зависимости отъ потребностей денежнаго рынка, и что ему не могла угрожать никакая внезапность, тѣмъ болѣе, что уничтоженіе билетовъ было заранѣе ограничено скромною цифрою пятидесяти милліоновъ руб. въ годъ, при общей ихъ массѣ свыше одного милліарда ста-тридцати трехъ милліоновъ.

Въ нѣкоторой мѣрѣ, такое значеніе могло бы имѣть лишь такое постановленіе, которое относилось бы къ сокращенію билетовъ прежнихъ выпусковъ, а не новыхъ, временныхъ, имѣвшихъ специальнымъ назначеніемъ не нужды промышленности и торговли, а исключительно потребности государственнаго казначейства, и если-бы, притомъ, не была опредѣлена заранѣе та сумма, на которую билеты должны быть ежегодно уничтожаемы.

Если-бы на долю того министра финансовъ, по инициативѣ коего состоялся вышеприведенный указъ, выпала и задача его выполненія, то, по всему вѣроятію, онъ выполнилъ бы эту задачу согласно съ общимъ смысломъ указа, а не руководствовался бы при этомъ содержащимися въ немъ условіями, ослаблявшими самое значеніе этой мѣры. Но преемникъ его, вступившій въ управленіе министерствомъ четыре мѣсяца послѣ изданія вышеупомянутаго указа, отнесся иначе къ предназначенному этимъ указомъ погашенію кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ на военные расходы. Такое заключеніе мы основываемъ на всѣхъ тѣхъ объясненіяхъ его по настоящему предмету, кои содержатся во всеподданнѣйшихъ докладахъ по государственнымъ росписямъ, начиная съ 1882 г. Такъ, изъ доклада по росписи на этотъ годъ можно прямо заключить, что уплата банку 67 милл. руб. сдѣлана была вовсе не для уничтоженія кредитныхъ билетовъ, а совершенно съ другою цѣлью.

Въ этомъ докладѣ сказано, что означенная уплата будетъ имѣть то полезное вліяніе, что обезпечить удовлетвореніе нуждъ промышленности и торговли, и что часть употребленныхъ для уплаты банку суммъ можетъ послужить къ развитію учета и ссудъ въ банкахъ и тѣмъ

увеличить банковыя прибыли, необходимыя для покрытія пониженія по выкупнымъ платежамъ. Хотя далѣе говорится, что нельзя сомнѣваться, что эта уплата, способствуя поддержанію цѣнности кредитнаго рубля, уменьшить на многіе миллионы цифру государственныхъ расходовъ, какъ заграничныхъ, такъ и внутреннихъ, но ожиданіе это не осуществилось. Въ продолженіе всего этого года курсъ скорѣе склонялся къ нѣкоторому упадку, нежели къ возвышенію, несмотря на то, что въ этомъ году не было серьезныхъ политическихъ затрудненій, и что финансовыя результаты этого года были гораздо удовлетворительнѣе предыдущаго.

Финансовый міръ вѣритъ только въ такую мѣру къ поддержанію курса, которая сопровождается уничтоженіемъ части излишнихъ кредитныхъ билетовъ, а не передачею ихъ въ банкъ, откуда они вновь появляются на свѣтъ божій или для промышленныхъ предпріятій, конечно, нерѣдко рискованныхъ, или даже просто для потребностей казны ¹⁾, какъ объ этомъ и заявлялось въ означенномъ докладѣ, который разсѣялъ всякія могущія быть еще сомнѣнія о томъ, что интересы банка и интересы государственнаго казначейства совершенно тождественны. Если же есть деньги, то всегда найдутся и охотники ихъ занимать. Поощрять займы—сохраненіемъ въ изобиліи бумажныхъ денегъ, не значитъ ли это возбуждать сопровождаемое всегда кризисами искусственное и временное развитіе промышленности, коего такъ справедливо опасался (какъ это оправдывается настоящими событіями) одинъ изъ бывшихъ министровъ финансовъ (С. А. Грейгъ) и чему такъ содѣйствуетъ нынѣшнее министерство финансовъ, какъ передачею кредитныхъ билетовъ въ банкъ, для промышленныхъ цѣлей, такъ и безпрестаннымъ возвышеніемъ покровительственныхъ пошлинъ.

Когда, наконецъ, къ іюлю 1884 года, было въ разное время уничтожено дѣйствительно до 60 милл. руб. кредитныхъ билетовъ, то курсъ сразу поднялся болѣе чѣмъ на 10%, и если не удержался на этомъ уровнѣ до возникшихъ на Балканскомъ полуостровѣ политическихъ затрудненій, то, можетъ быть, именно потому, что изъ объясненій по росписямъ на 1884 и 1885 годы нельзя было не убѣдиться въ нежеланіи министерства финансовъ слѣдовать неуклонно и далѣе по этому пути. Такъ, въ докладѣ по росписи на 1884-й г. было сказано, что платежи банку ложатся бременемъ на государственное казначейство и составляютъ, въ сущности, только обращеніе

¹⁾ Во французской газетѣ „Economete“ была напечатана корреспонденція изъ Петербурга, въ которой было сказано, что операціями вновь образованныхъ земельныхъ банковъ министерство финансовъ, косвеннымъ образомъ, снова увеличиваетъ въ Россіи бумажное денежное обращеніе. Это заявленіе опровергнуто не было.

существующаго безпроцентнаго долга въ процентный ¹⁾). Изъ этого нельзя не вывести заключенія, что министерство финансовъ считаетъ невыгоднымъ для казны заключать займы для сокращенія кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ во время войны. Съ другой стороны, изъ всѣхъ этихъ, явно противорѣчащихъ одно другому, объясненій, а также и распоряженій по этому предмету, нельзя также вывести и другого заключенія, считаетъ ли министерство финансовъ, что улучшеніе курса можетъ быть достигнуто сокращеніемъ общей массы кредитныхъ билетовъ до той суммы, которая была въ обращеніи до войны, или же, напротивъ того, полагаетъ, что эта мѣра, при неразмѣнности остающихся въ обращеніи билетовъ, послужитъ только къ обремененію государственнаго казначейства, замѣняя, какъ оно выразилось, безпроцентный долгъ процентнымъ?

Въ первомъ случаѣ, слѣдовало исполнять указъ 1881 года въ томъ смыслѣ, какъ его понимали всѣ, т.-е. что черезъ 8 лѣтъ у насъ будутъ изъяты изъ обращенія всѣ билеты, выпущенные во время войны, а не ограничиваться, въ теченіе 6-ти лѣтъ, уничтоженіемъ только немного болѣе $\frac{1}{2}$ ихъ части. Если продолжать эту операцію въ тѣхъ же размѣрахъ, то всѣ вновь выпущенные билеты будутъ изъяты изъ обращенія не ближе какъ черезъ 30 лѣтъ послѣ изданія указа. А это, въ сущности, равнялось бы тому, что они никогда не будутъ изъяты, такъ какъ въ наши тревожные дни, въ такое продолжительное время, можно сказать съ увѣренностью, неизбѣжно встрѣтятся такіа внѣшнія обстоятельства, кои вынудятъ правительство прибѣгнуть снова къ бумажнымъ деньгамъ. Если же уничтоженіе кредитныхъ билетовъ не признается мѣрою полезною, для улучшенія нашего курса, то ближе всего было бы испросить разрѣшеніе на отміну указа 1881 года ²⁾. Занимать деньги только для расши-

¹⁾ Мы отказываемся согласить это объясненіе съ вышеприведеннымъ о томъ, что уплати банку служатъ къ поддержанію курса и тѣмъ сокращаютъ на многіе миллионы расходы государственнаго казначейства. Изъ перваго изъ этихъ объясненій слѣдуетъ заключить, что министерство финансовъ и само не ожидаетъ улучшенія курса въ томъ случаѣ, если передаваемые въ банкъ суммы не будутъ служить къ уничтоженію кредитныхъ билетовъ; а изъ втораго объясненія слѣдуетъ вывести противное сему заключеніе.

²⁾ Этотъ указъ можно считать нынѣ, на самомъ дѣлѣ, почти уже и отминеннымъ, такъ какъ въ государственную роспись на 1886 г. не включенъ вовсе расходъ на уплату долга банку. Такимъ образомъ, сначала указъ не исполнялся по общему его духу, а съ нынѣшняго года и по буквальному его смыслу, ибо если уничтоженіе билетовъ обставлено въ указѣ нѣкоторыми условіями, то ежегодныя уплати банку будутъ безусловны. Хотя же въ докладѣ по этой росписи и сказано, что уплата банку только приостанавливается, но мы знаемъ по опыту, что значать у насъ слова: „приостановить, или отложить до болѣе благопріятнаго времени“. Это значитъ всегда — отказаться вовсе отъ той или другой мѣры.

ренія операцій государственнаго банка не представляется никакой надобности, при изобиліи бумажныхъ денегъ и общемъ застоѣ дѣлъ, послѣдствіемъ чего явилось значительное скопленіе суммъ, какъ въ государственномъ банкѣ, такъ и въ частныхъ банкахъ, что, какъ извѣстно, и способствовало заключенію послѣдняго займа, по небывалому до того низкому проценту.

Въ одномъ изъ докладовъ по государственнымъ росписямъ мы встрѣтили мнѣніе, что улучшенія курса слѣдуетъ ожидать отъ увеличенія общаго въ странѣ благосостоянія, и что высокой курсъ долженъ быть результатомъ цѣлаго ряда лѣтъ превышенія государственныхъ доходовъ надъ государственными расходами.

Но исторія нынѣшняго столѣтія не можетъ указать ни на одно европейское государство, которое бы находилось въ такомъ счастливомъ положеніи. Вездѣ, напротивъ того, годы съ избыткомъ доходовъ перемежаются съ годами дефицитными, и тирлирь ни у одного правительства на-лицо не имѣется. Времена Великаго Курфюрста, хранившаго въ подвалахъ своего дворца золото, собираемое съ народа, давно уже миновались. Ждать для Россіи подобной манны небесной, не похоже ли это на то, какъ если-бы докторъ, призванный къ тяжело-больному острою болѣзнію, вмѣсто прописки ему лекарства, утѣшалъ бы его совѣтомъ ждать выздоровленія отъ природы?

Если-бы нынѣшнее министерство финансовъ смотрѣло на неразрѣшныя ассигнаціи глазами покойнаго гр. Канкрина, называвшаго ихъ сладкимъ ядомъ, и потому было бы убѣждено, что постепенное исправленіе нашего денежнаго обращенія должно составлять главную его задачу, подобно тому, какъ М. Х. Рейтернъ, въ шестидесятыхъ годахъ, былъ убѣжденъ, что постройка въ Россіи желѣзныхъ дорогъ должна составлять главную его заботу, — то оно дѣйствовало бы совсѣмъ иначе. Оно не только исполняло бы указъ 1881 г. въ томъ смыслѣ, какъ общественное мнѣніе понимало его, но, можетъ быть, посредствомъ кредитныхъ операцій, старалось бы изъять изъ обращенія болѣшую часть новыхъ билетовъ, и, во всякомъ случаѣ, поставило бы эту операцію внѣ бюджетныхъ соображеній, подобно тому, какъ и М. Х. Рейтернъ если успѣлъ, не болѣе какъ въ какихъ-нибудь 8 лѣтъ, покрыть Россію сѣтью желѣзныхъ дорогъ, несмотря на многія неблагопріятныя обстоятельства, то только потому, что поставилъ это дѣло внѣ зависимости отъ бюджета, образовавъ особый желѣзнодорожный фондъ.

Въ нынѣшнемъ столѣтіи всѣ европейскія государства, а также и сѣверо-американскіе штаты, вели войны отчасти на бумажные деньги, или, что все равно, на банковые билеты съ принудительнымъ курсомъ. Но всѣ они, по заключеніи мира, старались изъять ихъ

изъ обращенія. Даже Италия, не имѣющая ни обширной территоріи, ни значительной промышленности, сѣумѣла, послѣ войны за объединеніе, заключить заемъ въ 600 милл. фр., для приведенія въ порядокъ своего денежнаго обращенія, и вполнѣ въ этомъ успѣла. Итальянскія бумажныя лиры идутъ нынѣ *al pari*.

Уменьшать, въ мирное время, количество неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ въ Россіи еще болѣе необходимо, нежели гдѣ-либо. При нашемъ политическомъ и финансовомъ положеніи, мы, болѣе нежели какое-либо государство, будемъ вынуждены вести наши войны на бумажныя деньги. А что же они тогда будутъ стоить, если не стараться уменьшать ихъ количество въ мирное время?

Въ замѣчаніяхъ своихъ на извѣстную записку г. Смирнова, министерство финансовъ, между прочимъ, говорило, что если выпустить еще кредитныхъ билетовъ на 300 милл. руб., то нашъ рубль будетъ стоить 25 коп. Если оно, такимъ образомъ, признаетъ, что увеличеніе билетовъ роняетъ ихъ цѣну, то должно признать и противное, а именно, что ихъ уменьшеніе должно сопровождаться увеличеніемъ ихъ цѣнности, хотя бы остальная ихъ масса и оставалась еще, по прежнему, неразмѣнною.

Если-бы мы, не мудрствуя лукаво, послѣдовали вышеприведеннымъ примѣрамъ другихъ странъ, то, по малой мѣрѣ, избѣжали бы болѣе части дефицитовъ, въ продолженіе шести послѣднихъ лѣтъ повторяющихся изъ году въ годъ все въ болѣешихъ и въ болѣешихъ размѣрахъ, а вслѣдствіе того не нужно бы было и устанавливать такихъ налоговъ, какъ, напр., девятая копѣйка на градусъ спирта, которая не увеличила, а скорѣе уменьшила питейный доходъ, или дополнительная десятикопѣечная (металлическая) пошлина съ фунта чая, сыгравшая роль лишней капли въ полномъ стаканѣ. Она снова возбудила прекратившуюся было, при умѣренной пошлинѣ, контрабанду чаемъ на западной сухопутной границѣ и поощрила употребленіе подмѣсей къ чаю, вредныхъ для здоровья.

Никогда, можетъ быть, еще не оправдалась съ такою поразительною ясностью справедливость знаменитаго изреченія Роберта Пили: „въ дѣлѣ финансовъ нужна смѣлость“.

Министерство финансовъ признаетъ кредитные билеты безпроцентнымъ для государственнаго казначейства долгомъ. Постараемся, насколько можно, въ общихъ чертахъ, выяснить, во что они обходятся и правительству, и народу.

Мы далеки отъ мысли предположить, чтобы, послѣ восточной войны, можно было принять такіа мѣры, кои сразу сдѣлали бы возможнымъ размѣнъ кредитныхъ билетовъ рубль за рубль.

Для увеличенія въ нужномъ для этого размѣрѣ нашего размѣнаго фонда, пожалуй, не достало бы металла и на всемъ земномъ шарѣ; а измѣнять на билетахъ надписи, какъ это нѣкоторые предлагаютъ, ровно ни къ чему бы не повело. Но мы думаемъ, основываясь на историческихъ примѣрахъ, что если-бы своевременно были приняты мѣры для изыятія изъ обращенія всѣхъ тѣхъ билетовъ, кои были выпущены собственно для военныхъ расходовъ, и если-бы, при этомъ, было намѣчено, въ яркихъ чертахъ, то направленіе, коему въ этомъ дѣлѣ правительство намѣрено слѣдовать неизмѣнно и въ будущемъ, то, при всѣхъ другихъ обстоятельствахъ равныхъ и при достигнутомъ въ нашу пользу торговомъ балансѣ, нашъ курсъ могъ бы подняться въ тѣ годы, когда не было особыхъ внѣшнихъ затрудненій, до той высоты, на которой онъ находился въ 1874 г., когда не было еще и слышно о какихъ-либо затрудненіяхъ на Балканскомъ полуостровѣ, т.-е. нашъ кредитный рубль стоилъ бы 343 сант. вѣсто нынѣшнихъ 242 сантимовъ.

Посмотримъ теперь, какое бы это оказало вліяніе на нашъ бюджетный расходъ.

По государственной росписи на 1885 г., курсовая разность по долгамъ, заключеннымъ на металлическую валюту, и по облигаціямъ желѣзныхъ дорогъ, выпущеннымъ также на эту валюту, составляетъ 36.642,999 р. кред. ¹⁾ Эта разность, при курсѣ 1874 года, сократилась бы на 42%, и это сокращеніе уже одно было бы достаточно для покрытія процентовъ по займамъ, кои были бы сдѣланы для изыятія изъ обращенія болѣе $\frac{3}{4}$ всей суммы временно выпущенныхъ билетовъ.

Кромѣ того, получились бы значительныя сбереженія и по другимъ расходамъ и заграничнымъ заказамъ на армію и флотъ, а также на содержаніе миссій и консульствъ.

Поступленія въ казну отъ тѣхъ желѣзнодорожныхъ обществъ, кои сами выпускали свои акціи и облигаціи на металлическую валюту и находятся еще въ задолженности у правительства, были бы также, при высокомъ курсѣ, гораздо значительнѣе нынѣшнихъ.

Такъ, напр., съ варшавской и нижегородской дорогъ, которыя, по условіямъ своего устава, обязаны вносить въ казну половину избытка своего чистаго дохода сверхъ гарантіи, поступило въ казну за 1885 годъ только 34 тыс. руб. съ небольшимъ, а если-бы курсъ былъ at par, то поступило бы около 2 милл. руб.; столько же получили бы и акціонеры.

¹⁾ На самомъ дѣлѣ, эта разность должна превышать 40 милл. руб., ибо дѣйствительный въ этомъ году курсъ былъ ниже принятаго для нашихъ смѣтъ (1 р. 50 в. кред. за 1 руб. металл.).

Часто приходится слышать, что желѣзныя наши дороги разоряютъ казну. Нѣтъ, не желѣзныя дороги, а низкій курсъ, такъ какъ мы большую часть дорогъ построили на металлическую валюту, а доходы съ нихъ получаемъ кредитными рублями.

А сколько отъ низкаго курса теряетъ народное хозяйство при выпискѣ изъ-за границы многихъ предметовъ, безъ которыхъ мы обойтись не можемъ! А сколько бы денегъ сберегли тѣ сотни тысячъ людей, кои ежегодно выѣзжаютъ отъ насъ за границу. Это невозможно и сосчитать.

Мы встрѣчаемся иногда съ официальнымъ мнѣніемъ министерства финансовъ, что низкій курсъ способствуетъ нашему отпуску.

Нельзя не согласиться съ отзывомъ противъ этого, со стороны одного официального органа кн. Бисмарка, что низкій курсъ если и можетъ оживить временно отпускную торговлю,—за то страна дорого поплатится во всѣхъ другихъ отношеніяхъ.

И. Колецовъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го декабря (19 ноября) 1886 г.

Тронная рѣчь германскаго императора.—Отвѣтъ гр. Робиланта на запросъ о внѣшней политикѣ Италіи.—Законопроектъ объ увеличеніи мирнаго состава германской арміи.—Объясненіе Фрейсине въ палатѣ о внѣшней политикѣ Франціи.—По поводу преній о бюджетѣ въ палатѣ депутатовъ, и откровенія Дювала.—Болгарскія дѣла и отъѣздъ барона Каульбарса въ Петербургъ.

„...Отношенія германской имперіи ко всѣмъ иностраннымъ государствамъ—дружественныя и удовлетворительныя; политика е. в. императора постоянно направлена къ тому, чтобы не только сохранить блага мира нѣмецкому народу, но и придать силу въ совѣтѣ Европы (im Rate Europas) тому вліянію на поддержаніе согласнаго единства всѣхъ государствъ, какое вытекаетъ для нѣмецкой политики изъ ея доказаннаго миролюбія, изъ прибрѣтеннаго ею довѣрія со стороны другихъ правительствъ, изъ отсутствія личныхъ интересовъ въ текущихъ вопросахъ и, особенно, изъ тѣсной дружбы, которая соединяетъ е. в. императора съ обоими сосѣдними императорскими дворами“ —такъ заключалась тронная рѣчь, которою было открыто 25-го (13-го) ноября четвертое засѣданіе шестого законодательнаго періода германскаго рейхстага. Этой рѣчи и именно этихъ словъ въ ней ожидала съ нетерпѣніемъ вся Европа въ теченіе всего истекшаго мѣсяца; эта рѣчь и по времени была, такъ сказать, заключительною въ томъ „совѣтѣ Европы“, о которомъ упоминаетъ германскій императоръ, и въ которомъ почти всѣ перво-классныя государства уже успѣли подать свой голосъ въ теченіе ноября; казалось, она будетъ вмѣстѣ и рѣшающею, по тому фактическому положенію, какое занимаетъ Германія въ этомъ „совѣтѣ Европы“; думали, что послѣ этой рѣчи вопросъ о сохраненіи мира перестанетъ быть вопросомъ. Но даже и „Кѣльнская Газета“, отъ которой скорѣе всего можно было ожидать оптимистическихъ взглядовъ, не могла не сопроводить эту тронную рѣчь такимъ замѣчаніемъ: „если-бы для сохраненія мира достаточно было силы и воли такой одной могущественной имперіи, какъ Германія, то миръ былъ бы вполне обезпеченъ Европѣ“. Газета не выясняетъ, кто именно имѣется въ виду, какъ возможный нарушитель европейскаго мира,—но все, что говорилось въ теченіе ноября въ официальномъ органѣ имперскаго канцлера,

по поводу болгарскихъ дѣлъ, — наконецъ, и то обстоятельство, что въ тронной рѣчи упоминается объ увѣренности въ сохраненіи мира, очевидно, для нѣкотораго уравновѣшенія требованій правительства усилить вооруженіе имперіи въ мирное время, мотивируемое, притомъ, указаніемъ на вооруженія Россіи и Франціи — все это должно было охладить оптимизмъ вѣрующихъ въ неизбежность европейскаго мира. Болѣе близкими къ истинѣ и болѣе осторожными кажутся тѣ, которые въ тронной рѣчи императора германскаго не усмотрятъ ничего такого, что могло бы съ основаніемъ ослабить впечатлѣнія, произведенныя на „совѣтъ Европы“, въ ноябрѣ, извѣстнымъ спичемъ маркиза Сольсбери и не менѣе извѣстными, но еще болѣе рѣшительно враждебными нашей политикѣ рѣчами Тиссы и Кальноки, когда-то считавшагося даже „руссофиломъ“, въ сравненіи, по крайней мѣрѣ, съ Андраши.

Въ Италіи, правительство, въ лицѣ графа Робиланта, высказалось, отвѣчая на запросы въ парламентѣ, нѣсколькими днями послѣ германской тронной рѣчи, а потому рѣчь итальянскаго министра, имѣвшая возможность принять въ соображеніе слова императора германскаго, получаетъ еще большее значеніе, нежели австро-венгерскія рѣчи, не по матеріальному значенію Италіи, но именно потому, что она была сказана послѣ тронной рѣчи въ рейхстагѣ, — и официальный органъ германскаго канцлера уже назвалъ рѣчь гр. Робиланта „миролюбивою“.

Мы знаемъ въ настоящую минуту эту „миролюбивую“ рѣчь по сокращенному тексту телеграммы. Графъ Робилантъ, точно также какъ и тронная рѣчь германскаго императора, на сдѣланные ему запросы въ итальянской палатѣ депутатовъ, началъ съ стереотипнаго заявленія, что „Италія находится въ дружественныхъ отношеніяхъ ко всѣмъ державамъ. Отношенія къ Германіи и Австро-Венгріи свидѣлствуютъ о полной сердечности и взаимномъ довѣріи. Итальянское правительство присоединилось къ мирной программѣ средне-европейскихъ державъ. Оно будетъ и впредь держаться этой программы въ той же формѣ и мѣрѣ, какъ то было до настоящаго времени, предоставляя себѣ, впрочемъ, придать соглашенію этому болѣе тѣсный характеръ, соотвѣтственно взаимнымъ интересамъ. Съ Англіей Италія связана особыми, традиціонными для итальянской политики, узами дружбы, которая, если-бы того потребовали обстоятельства, можетъ стать еще тѣснѣе...“ Какъ мы упоминали въ прошедшемъ обзорѣ, Англія помогла нѣкогда Италіи освободиться отъ притязаній Франціи, облагодѣтельствовавшей Италію освобожденіемъ послѣдней отъ австрійскаго ига, что стоило Франціи не мало крови и денегъ. Затѣмъ, графъ Робилантъ сослался на объясненія, данныя имъ въ январѣ мѣсяцѣ палатѣ депутатовъ, и сказалъ, что и теперь

держится тѣхъ же воззрѣній. Онъ напомнилъ „о симпатіяхъ Италіи къ прежнему болгарскому князю и въ Болгаріи. Итальянское правительство и не скрывало этихъ симпатій. Прежде всего, однако, оно должно заботиться о сохраненіи мира при настоящихъ событіяхъ, въ которыхъ Италія не заинтересована прямо—по крайней мѣрѣ, пока не произойдетъ какого-либо столкновенія или не послѣдуетъ сепаратной сдѣлки между нѣкоторыми державами...“ Понятно, что въ настоящую минуту столкновенія можно ожидать только между Россією и Австрією, а „сепаратною сдѣлкою“, въ глазахъ Италіи, можетъ считаться только союзъ Россіи съ Франціей, о которыхъ въ рѣчи гр. Робиланта вовсе и не упоминается. „Никто, впрочемъ,—закончилъ итальянскій министр,—не станетъ сомнѣваться въ энергическомъ содѣйствіи Италіи, на которое можетъ вполне рассчитывать каждая держава, желающая, подобно Италіи, сохраненія мира и соблюденія договоровъ“.

Изъ содержанія тринной рѣчи германскаго императора вытекаетъ пока одно, какъ вполне несомнѣнное, обстоятельство, а именно, то, что предстоящая сессія рейхстага, отношенія въ немъ различныхъ партій между собою и въ политикѣ имперскаго канцлера, наконецъ, тѣ „откровенія“, какія послѣдуютъ со стороны самого канцлера—все это представить нынѣшній разъ такую важность, что вся Европа будетъ слѣдить за преніями въ германскомъ рейхстагѣ почти съ тѣмъ же интересомъ, съ какимъ въ каждомъ государствѣ слѣдили бы за ходомъ внутреннихъ дѣлъ. Съ нѣкоторою увѣренностью можно предвидѣть уже теперь, что германскій канцлеръ найдетъ себѣ большое подспорье въ томъ возбужденіи, какое обнаруживается въ общественномъ мнѣніи Германіи, безъ различія партій, противъ насъ; въ германскомъ рейхстагѣ произойдетъ приблизительно то же, что произошло въ Австріи, а именно, требованія правительства увеличить военный бюджетъ и количественный составъ арміи въ мирное время не встрѣтятъ себѣ никакой сколько-нибудь серьезной оппозиціи. Недаромъ германскій императоръ, принимая, на слѣдующій день по открытіи сессіи рейхстага, президента рейхстага, лично выразилъ свое убѣжденіе въ особенной важности новаго военнаго законопроекта; общалъ, что военный министръ разъяснитъ подробности рейхстагу весьма важныя данныя, относительно усиленія арміи во Франціи и Россіи, и въ заключеніе замѣтилъ, что „другіе парламенты (австрійскій, итальянскій) дѣйствуютъ съ предупредительностью въ требованіяхъ со стороны правительства средствъ на нужды арміи“, и что въ этомъ отношеніи „другія державы (Австрія и Италія) опередили Германію“.

Къ законопроекту, внесенному правительствомъ на обсужденіе

рейхстага, мирный составъ германской арміи, съ 1-го апрѣля 1887 года на новый срокъ „септенната“ — военного семилѣтія — т.-е. по 31-е марта 1894 г., опредѣляется въ 468,409 человекъ; въ эту цифру не входятъ однолѣтніе волонтеры. Пѣхота составитъ 534 батальона; кавалерія—465 эскадроновъ; полевая артиллерія—364 баттарей; пѣшная артиллерія — 31 баттарей; піонеры — 19 батальоновъ, и 18 батальоновъ—обозныхъ. Кредитъ испрашивается: для расходовъ обыкновенныхъ 23 милл. марокъ (около 12 милл. рублей), и экстраординарныхъ—24 милліона. Текстъ самого законопроекта весьма кратокъ; всѣ подробности заключены въ изложеніи мотивовъ.

Въ самомъ началѣ этого изложенія напоминаетъ, что численный составъ германской арміи въ 1870 г. былъ 378,069 человекъ; въ 1871 г. онъ былъ поднятъ до 401,059 чел., а въ 1881 — до 427,274 чел.; численный составъ флота поднялся, за то же время, съ 5,744 на 13,892 чел. Несмотря на такой послѣдовательный ростъ военныхъ силъ Германіи, — продолжаетъ изложеніе мотивовъ законопроекта — положеніе военныхъ силъ Европы измѣнилось къ невыгодѣ Германіи: „Новая имперія, вышедшая изъ побѣдоносной войны, подвергается опасности не быть болѣе въ состояніи поддерживать свою политику, направленную къ сохраненію мира, въ случаѣ, когда явится угроза европейскаго столкновенія. Но есть еще нѣчто худшее: если сама Германія будетъ вовлечена въ войну,—то, въ такомъ случаѣ, въ опасности очутится независимость Германіи, только-что ею приобрѣтенная; а потому необходимо добросовѣстѣйшимъ образомъ сравнить германскую армію съ сосѣдними“.

Какъ видно изъ дальнѣйшаго хода изложенія мотивовъ, подѣ „сосѣдними“ арміями разумѣются, конечно, только французская и русская. Обѣ онѣ и представлены рейхстагу въ слѣдующемъ видѣ.

Франція, при населеніи, меньшемъ, чѣмъ Германія, подняла мирный составъ своей арміи, достигавшій въ 1870 г. цифры 358,846 чел., до 444,477 чел. въ 1881 г. и до 471,811 чел. въ 1886 г.; такимъ образомъ, мирный составъ арміи увеличился во Франціи на 1,22% всего населенія. Франція имѣетъ, въ настоящее время, 649 батальоновъ пѣхоты, 446 баттарей полевой артиллеріи съ 1656 пушками и 851 фургономъ, и ожидаетъ увеличенія артиллеріи на 54 пушки. По послѣднему проекту военного закона, французская армія будетъ увеличена на 44,000 человекъ.

Относительно Россіи, въ изложеніи мотивовъ говорится, что она совершенно реорганизовала армію послѣ восточной войны; она увеличила еще численный составъ призыва, который и прежде былъ выше по числу призыва другихъ армій; она систематически пополняла свою дорожную сѣть; усиливая свои наличныя силы, она усо-

вершенствовала систему мобилизаціи. Пѣхота и полевая артиллерія вычисляются, въ „изложеніи мотивовъ“, въ 984 батальона, 547,450 чел., безъ офицеровъ, 395 баттарей, съ 1,736 пушками.

Флотъ французскій вычисленъ въ 67,336 чел., а русскій — въ 26,292 человекъ.

Изъ такой картины выводится заключеніе о необходимости для Германіи новыхъ усилій и новыхъ жертвъ, чтобы возвратить прежнее отношеніе военныхъ силъ Германіи къ военнымъ силамъ двухъ сосѣдей. „Безъ сомнѣнія, мѣры къ тому — говорить „изложеніе мотивовъ“ — наложить на Германію новыя жертвы; но если наши сосѣди рѣшились принести такія же жертвы и еще большія, съ цѣлью увеличенія наступательныхъ силъ противъ Германіи, то ей остается выборъ между двумя положеніями: или рѣшиться на новыя жертвы, или сдѣлаться свидѣтелями уменьшенія степени безопасности, какою пользуется въ настоящее время Германія“.

За картиною сравнительнаго численнаго состава армій слѣдуетъ такая же сравнительная картина военныхъ бюджетовъ. По „изложенію мотивовъ“, весь военный, какъ сухопутный, такъ и морской бюджетъ Германіи, достигнувшій, въ 1870 году, 272 милліоновъ марокъ (около 140 милл. рублей), поднялся, въ 1880 г., до 403 милліоновъ марокъ, а въ 1886 г. — до 446 милл. мар. (около 225 милл. рублей); отсюда слѣдуетъ, что въ Германіи армія стоить 9 мар. 52 пф. на человѣка наведенія. Военный бюджетъ французскій, за то же время, поднялся съ 397 на 826 милл. марокъ, и стоить населенію 21 марка 57 пф. на человѣка. Русскій военный бюджетъ представленъ, въ мотивахъ къ законопроекту, въ цифрѣ 785 милл. марокъ: на 279 милл. марокъ выше сравнительно съ 1870 г. и на 87 милл. марокъ — съ 1880 годомъ.

Въ „изложеніи мотивовъ законопроекта“ самую важную часть составляетъ его общее заключеніе: собственно, увеличеніе численнаго состава арміи въ Германіи должно было бы послѣдовать не ранѣе апрѣля 1888 г.; „но“ — говорится въ „изложеніи“ — въ виду положенія вещей, какое образовалось по ту сторону германскихъ границъ, всякое промедленіе нашей реорганизаціи могло бы повлечь за собою самыя тяжкія послѣдствія. Что касается увеличенія арміи путемъ уменьшенія срока службы, то это невозможно: въ дѣйствительности, продолжительность службы въ пѣхотѣ, въ среднемъ выводѣ, не больше 2 лѣтъ и 4 мѣсяцевъ. Съ другой стороны, необходимо, чтобы Германія уравнивала численное превосходство силъ сосѣднихъ государствъ, съ которыми, вѣроятно, ей придется вступить въ борьбу въ будущемъ, — лучшею организаціею своихъ силъ; требуемое увели-

ченіе пойдетъ, главнымъ образомъ, на пѣхоту, но необходимо въ то же время усилить желѣзнодорожный корпусъ и артиллерію“.

Вскорѣ послѣ произнесенія тронной рѣчи, почти одновременно съ гр. Робилантомъ, 15-го (29-го) ноября, отвѣчалъ и Фрейсинé на сдѣланные ему запросы въ палатѣ по иностранной политикѣ. Въ настоящую минуту рѣчь Фрейсинé знакома намъ пока по анализу ея въ телеграммахъ; но и въ такомъ краткомъ видѣ она даетъ довольно ясное понятіе объ истинномъ ея значеніи. Наша печать, въ виду рѣчей Сольсбери, Тиссы, Кальноки, гр. Робиланта и даже въ виду тронной рѣчи, слишкомъ довѣрчиво отнеслась къ словамъ Фрейсинé: „изъ всѣхъ рѣчей, произнесенныхъ за послѣднее время, — говоритъ одна изъ здѣшнихъ газетъ, — рѣчь французскаго министра-президента представляется намъ единственнымъ отраднымъ явленіемъ въ нынѣшнее тяжелое для Россіи время: Франція не только нейтрализуетъ военное могущество Германіи, но и охлаждаетъ воинственный задоръ англійскихъ государственныхъ людей; большаго мы, при настоящихъ обстоятельствахъ, отъ нея и ожидать не можемъ“. Мы охотно раздѣлили бы такой оптимизмъ, если-бы въ той же газетѣ не прочли депешу изъ Парижа: „князь Гогенлоэ (германскій посланникъ) поздравилъ Фрейсинé, отъ имени князя Бисмарка, съ произнесенной имъ рѣчью“.

Въ тронной рѣчи — мы видѣли — говорится о миролюбіи Германіи, и Фрейсинé, въ своей рѣчи, завѣряетъ Европу, что „правительство во Франціи не хочетъ войны“; онъ присоединяетъ къ этому такой мотивъ, которому никакъ нельзя отказать въ искренности: „война, — говорилъ Фрейсинé, — могла бы лишь воспрепятствовать осуществленію необходимыхъ внутреннихъ реформъ“, — и это совершенно справедливо, если подумать о высказанномъ на дняхъ въ палатѣ депутатовъ, во время преній по бюджету, однимъ изъ депутатовъ — Раулемъ Дювалемъ; слова послѣдняго произвели сильное впечатлѣніе на палату, благодаря той смѣлости, съ которою ораторъ высказалъ Франціи нѣсколько горькихъ истинъ, подтверждающихъ искренность вышеприведенныхъ словъ Фрейсинé о необходимости внутреннихъ реформъ для Франціи, т. е. рѣшительной перемѣны внутренней политики. Въ настоящую минуту Франція, въ финансовомъ отношеніи, какъ оказывается, находится въ такомъ положеніи, въ какомъ она могла бы быть только послѣ несчастной войны, стоившей ей 6 милліардовъ: въ теченіе послѣднихъ какихъ-нибудь десяти лѣтъ Франція издержала на 6 милліардовъ больше, нежели получила доходовъ за то же время — и это среди полного спокойствія въ Европѣ. „Относительно расходовъ на войско, — говоритъ одинъ изъ знатоковъ современнаго

положенія Франціи, — Франція, несмотря на громадный расходъ въ 900 милліоновъ, въ настоящее время, сравнительно съ другими государствами, представляется не болѣе сильною, того, какъ она была при военномъ бюджетѣ въ 600 милліоновъ, когда она не несла на своей спинѣ расходовъ ни по объединенію Италіи, ни по объединенію, особенно, Германіи. Германія, съ своими 45 милліонами населенія издерживаетъ на войско и флотъ менѣе 700 милліоновъ, считая въ этой суммѣ и передѣлку матеріала по вооруженію“¹⁾).

„Revue des deux Mondes“, приводя подобныя же факты изъ современнаго мало-удовлетворительнаго экономическаго положенія Франціи, сложившагося подъ вліяніемъ борьбы внутреннихъ партій за власть, заключаетъ словами: „для возвышенія Франціи въ глазахъ европейскихъ народовъ, ей необходима политика внутренняго умиротворенія, которая составляетъ силу каждой націи“ — а не военныя предпріятія, и, вообще, не политика приключеній и реванша. Если окажется вышеприведенное извѣстіе о поздравленіи Фрейсинэ со стороны Бисмарка, по поводу послѣдней рѣчи французскаго премьера, выдумкою, то, во всякомъ случаѣ, оно хорошо выдуманно: рѣчь Фрейсинэ дѣйствительно и искренне миролюбива. Болгарскій вопросъ, по словамъ Фрейсинэ, непосредственно не интересуется Франціи; египетскій вопросъ весьма интересуется, и нельзя допустить, чтобы Египетъ находился въ рукахъ посторонней державы; но, по словамъ Фрейсинэ, тамъ не предстоитъ Франціи никакой опасности, такъ какъ англичане пришли въ Египетъ только лишь для восстановленія тамъ порядка, и признаютъ, что Египетъ долженъ быть самъ у себя хозяиномъ, — однимъ словомъ, изъ всѣхъ ноябрскихъ рѣчей, рѣчь Фрейсинэ самая миролюбивая, и тотъ, кто возложилъ бы какія-нибудь надежды на то, что Франція выйдетъ изъ своего пассивнаго положенія, можетъ легко ошибиться, такъ какъ ея государственные люди оказываются въ настоящую минуту удовлетворенными въ египетскомъ вопросѣ.

Такимъ образомъ, въ итогъ всего, что было высказано въ послѣднее время въ „совѣтѣ Европы“, обнаруживаются совершенно неожиданныя результаты, не имѣющіе ничего общаго съ тою увѣренностью въ неизблемость европейскаго мира, какою были проникнуты всѣ еще весьма недавно, въ эпоху послѣднихъ свиданій государственныхъ людей Россіи, Германіи и Австріи.

Между тѣмъ событія въ Болгаріи, за послѣдній мѣсяцъ, шли своимъ чередомъ, не безъ зависимости, конечно, отъ того, что гово-

¹⁾ Henri Germain, Lettres sur la situation financière, à M-r le Directeur du „Temps“, 4 et 10 novembre, 1886.

рилось въ „совѣтъ Европы“. Мы оставили болгарскія дѣла, мѣсяцъ тому назадъ, на созваніи въ Тырновъ Великаго Собранія и прибытіи двухъ нашихъ клиперовъ въ Варну. Избранный Великимъ Собраніемъ, 11 ноября (30 октября), принцъ датскій Вальдемаръ отказался отъ предложеннаго ему княжескаго достоинства, согласно выраженной волѣ его отца, датскаго короля, поставленной опять въ зависимость отъ „настоящихъ условій“. Результатомъ такого отказа было вовсе не то, чего можно было бы желать, съ нашей точки зрѣнія, а именно: Собраніе утвердило регентство, замѣнивъ Каравелова—Живковимъ, и само было отсрочено на неопредѣленное время, но не распушено. Съ той минуты для Болгаріи началось то положеніе, при которомъ, какъ говорится, самыя малыя причины бываютъ способны порождать весьма важныя послѣдствія. 8 (20) ноября, въ нашихъ газетахъ появилось телеграфное извѣстіе изъ Софіи, отъ 6 (18) ноября, о томъ, что еще 24 октября одинъ изъ кавасовъ (служителей, или сторожей) русскаго генеральнаго консульства въ Филиппополь, посланный поздно вечеромъ на телеграфную станцію для подачи телеграммъ, былъ схваченъ и такъ сильно избитъ, что жизнь его оказалась въ опасности. „Освѣдомившись,—говоритъ правительственное сообщеніе, отъ 8 ноября,—что нападеніе совершено было по распоряженію военныхъ властей, генераль Каульбарсъ обратился къ г. Начевичу съ требованіемъ о смѣнѣ командира мѣстной бригады и коменданта города, о примѣрномъ наказаніи людей, принимавшихъ участіе въ нападеніи, и объ отданіи, затѣмъ, обычныхъ военныхъ почестей русскому флагу. Генераль Каульбарсъ предупредилъ г. Начевича, что, въ случаѣ неполученія изложеннаго удовлетворенія до вечера 5-го ноября, онъ не преминетъ покинуть Болгарію. Такъ какъ въ срокъ этому не было получено не только потребованнаго удовлетворенія, но и отвѣта, то генераль Каульбарсъ долженъ выѣхать изъ Софіи сегодня утромъ. Всѣмъ консуламъ, какъ въ Болгаріи, такъ и въ Восточной Румеліи, равнымъ образомъ, послано приказаніе оставить свои посты“.

9-го ноября генераль Каульбарсъ, а за нимъ и всѣ наши дипломатическіе агенты оставили Болгарію; въ послѣднемъ циркулярѣ, обращенномъ къ русскимъ консуламъ, нашъ бывшій дипломатическій агентъ такимъ образомъ объясняетъ прекращеніе дипломатическихъ сношеній съ Болгаріею: „Ни одно изъ требованій Россіи не было исполнено. Созывъ собранія и выборъ князя были произведены вопреки ясно выраженной волѣ Россіи. Нынѣшнее болгарское правительство утратило всякія права на довѣріе со стороны Россіи. Въ виду всего этого, Императорское правительство признаетъ присут-

ствіе агента въ Болгаріи и продолженіе сношеній съ нынѣшнимъ болгарскимъ правительствомъ ненужнымъ*.

Вслѣдъ за отъѣздомъ барона Каульбарса, появилось въ газетахъ извѣстіе о кандидатурѣ на болгарскій престолъ, съ нашей стороны, князя Дадьяна Мингрельскаго, но оно пока не имѣло официальнаго подтвержденія, и, вѣроятно, разъяснится окончательно въ ближайшемъ будущемъ.

По поводу новаго фазиса, въ который вступилъ болгарскій вопросъ послѣ 9 ноября, иностранная печать отозвалась весьма успокоительно: за границею и, главнымъ образомъ, въ органѣ германскаго канцлера усмотрѣли въ случившемся даже облегченіе къ мирному разрѣшенію болгарскаго вопроса; самый инцидентъ, по поводу передачи покровительства русскихъ подданныхъ въ Болгаріи германскимъ и французскимъ консуламъ, окончился лучше, чѣмъ—по газетнымъ извѣстіямъ—начался; даже нашъ денежный курсъ повысился послѣ 9 ноября. Но въ глазахъ нашей печати, и именно той ея части, которая еще мѣсяцъ тому назадъ думала ясно понимать болгарскій вопросъ и предлагала потому весьма опредѣленные мѣры къ его разрѣшенію,—съ отъѣздомъ генерала Каульбарса, вопросъ болгарскій утратилъ прежнюю ясность. „Московскія Вѣдомости“, по отъѣздѣ бар. Каульбарса, разсуждали уже иначе: „Наши международныя дѣла представляютъ теперь такую странную запутанность, что не только болгарамъ, но и кому хотите трудно разобраться въ нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, считать ли нынѣшнее болгарское правительство законнымъ и положеніе этой страны правильнымъ, или нѣтъ? И въ чемъ, наконецъ, заключается истинная мысль Россіи, куда направлена ея политика, чему должны сочувствовать и что поддерживать ея приверженцы и русскіе люди, ревнующіе о ея достоинствахъ и пользахъ? Настроили ли имъ свой образъ мыслей и свое чувство въ унисонъ съ политикою австро-венгерскою, которая, въ свою очередь, находится въ унисонѣ съ политикою берлинскою и лондонскою, или же, при оцѣнкѣ событій, остаются вѣрными своему патріотическому долгу и держаться русской точки зрѣнія“?

Но эта „странная запутанность“ могла бы нѣсколько выясниться, если-бы мы, не ограничиваясь узкими предѣлами данной минуты, припомнили себѣ исторію Балканскаго полуострова на пространствѣ, напримѣръ, цѣлаго вѣка. Тогда, быть можетъ, насъ менѣе удивляло бы все то, что совершается теперь въ Болгаріи, или, по крайней мѣрѣ, мы должны были бы признать, что въ Болгаріи на нашихъ глазахъ совершается буквально то самое, что въ теченіе нынѣшняго вѣка тамъ происходило уже нѣсколько разъ; Болгарія не составляетъ исключенія изъ того, что на Балканскомъ полуостровѣ

являлось общимъ правиломъ. Россія приняла наибольшее участіе въ освобожденіи Греціи, и впослѣдствіи Греція не видѣла въ этомъ повода быть всегда сторонницею Россіи очень часто — напротивъ. Исторія Румыніи, и въ томъ, и въ другомъ отношеніи, представляетъ повтореніе предыдущаго; наконецъ, Сербія на нашихъ глазахъ представила то же самое, и по настоящимъ ея отношеніямъ къ Австріи никто не заключить, что Сербія тѣмъ-нибудь и когда-нибудь была обязана Россіи. Въ Болгаріи теперь повторяется то же самое, что представила Греція, Румынія и Сербія. Такое замѣчательное повтореніе одного и того же явленія у народностей, различныхъ по своему характеру, происхожденію, говорить, что причина того заключается не въ какихъ-нибудь національных свойствахъ той или другой части балканскаго населенія. Мы старались, въ прошедшій разъ, объяснить себѣ эту аномалію сравненіемъ нашихъ отношеній къ балканскимъ народностямъ съ отношеніемъ Франціи къ государствамъ Аппенинскаго полуострова: они освобождены и соединены цѣною французской крови и денегъ, а теперь они же грозятъ той же самой Франціи съ тыла, еслибы, напримѣръ, послѣдняя вздумала напасть на Германію, въ расчетъ на содѣйствіе Россіи. Во всякомъ случаѣ, ближайшее изученіе вопроса, какимъ путемъ мы теряли мало-по-малу симпатіи въ Румыніи, Греціи и Сербіи, — несомнѣнно обязаннымъ еще недавно намъ своею свободою, — могло бы многое разъяснить въ „запутанности“ болгарскаго вопроса.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 декабря 1886.

— А. А. Клоповъ. Матеріалы для изученія хлѣбной торговли на Волгѣ. Докладъ, представленный съѣзду представителей желѣзныхъ дорогъ II группы. Спб. 1886.

Важность изученія торговли хлѣбомъ, главнѣйшимъ продуктомъ нашей производительности и предметомъ вывоза, не подлежитъ сомнѣнію. Тѣмъ не менѣе, эта торговля для русскаго общества—совершеннѣйшая *terra incognita*. Лѣтъ 20 назадъ, Географическимъ обществомъ была снаряжена экспедиція, результатомъ дѣятельности которой было нѣсколько томовъ интересныхъ матеріаловъ; но съ тѣхъ поръ произошли такія большія измѣненія въ области путей сообщенія и объемъ нашего вывоза, которыя должны были произвести радикальныя перемѣны во внутренней торговлѣ, почему матеріалы, собранныя помянутой экспедиціей, представляютъ теперь развѣ только историческій интересъ. Кромѣ трудовъ экспедиціи Географическаго общества, не было другихъ позднѣйшихъ изслѣдованій по интересующему насъ вопросу, и предпріятіе г. Клопова, изслѣдовавшаго хлѣбную торговлю въ низовьяхъ и верховьяхъ Волги, по порученію желѣзно-дорожнаго съѣзда II группы, исполненное удовлетворительно, представляло бы, разумѣется, немаловажный научный и практический интересъ. Къ сожалѣнію, мы должны сказать, что упомянутая работа вовсе не отвѣчаетъ возбуждаемымъ ея заглавіемъ ожиданіямъ: она не даетъ почти никакого понятія о томъ, что совершается въ сферѣ хлѣбной торговли на этой важнѣйшей артеріи Россіи. Это сдѣлается очевиднымъ даже при самомъ бѣгломъ обзорѣ матеріаловъ г. Клопова. Каждая работа подобнаго рода можетъ и должна заключать описательную и статистическую часть. Относительные размѣры той и другой зависятъ, между прочимъ, отъ средствъ, имѣющихся въ распоряженіи изслѣдователя. Чѣмъ бѣднѣе эти средства, тѣмъ труд-

нѣе собрать точныя статистическія данныя; тѣмъ больше поэтому изслѣдованія должны имѣть описательный характеръ. Въ особенности это примѣнимо въ Россіи, тѣмъ болѣе въ ея торговлѣ, гдѣ нѣтъ никакихъ регулирующихъ учреждений, гдѣ все ведется на личный страхъ, ощупью, гдѣ общество еще не додумалось до необходимости имѣть точныя данныя объ условіяхъ, вліяющихъ на торговлю, гдѣ не ведется почти никакихъ записей, нѣтъ точныхъ цифровыхъ данныхъ, которыя оставалось бы только собрать во-едино, сгруппировать и разработать. Такова именно была обстановка, въ которой работалъ г. Клоповъ, и если-бы онъ вѣрно оцѣнилъ свое положеніе, то ему нужно было обратить главное вниманіе на описательную часть. Обращаясь же къ его книгѣ, мы увидимъ какъ разъ противоположное.

Книга состоитъ изъ двухъ частей: таблицъ и текста. Въ таблицахъ заключены цифровыя свѣденія о количествѣ хлѣба, закупаемаго на пристаняхъ; о скорости движенія его съ мѣстъ нагрузки на низовьяхъ Волги до Петербурга; о фрахтахъ и накладныхъ расходахъ. Что же касается текста, то онъ состоитъ опять изъ такихъ же цифровыхъ свѣденій, которыя здѣсь вынесены изъ общей таблицы, разбиты на маленькія и снабжены замѣчаніями, вовсе не интересными, потому что, въ большинствѣ случаевъ, они состоятъ изъ словеснаго повторенія цифровыхъ отношеній, видныхъ изъ таблицы, безъ всякихъ выводовъ—и потому кажущихся читателю безцѣльными. Что же касается описаній, бытовыхъ данныхъ,—бѣдность ихъ поразительна и непонятна. Приходится просто спросить: что же дѣлалъ г. Клоповъ на мѣстѣ изслѣдованія? Вѣдь бесѣдовалъ же онъ съ торговцами и производителями; почему же не видно никакихъ слѣдовъ этихъ бесѣдъ? Цифровыя свѣденія нельзя считать таковыми; они получены частью путемъ разсылки по пристанямъ бланковъ съ вопросными пунктами, частью выборкою изъ бюллетеней и вѣдомостей биржевыхъ комитетовъ. Личныя сношенія при этомъ, разумѣется, тоже играли извѣстную роль; но вѣдь не все же время они вращались около тѣхъ 2—3 десятковъ цифръ, которыхъ г. Клоповъ добивался отъ своихъ собесѣдниковъ. Хотя бы для украшенія и разнообразія бесѣды, разговоръ все-таки долженъ былъ касаться другихъ условій торговли, кромѣ тѣхъ, которыя выражаются цифрою, и г. Клоповъ долженъ былъ направлять разговоръ по своему усмотрѣнію. Въ книгѣ же рѣшительно не видно, чтобы изслѣдователь задавался какими-либо описательными цѣлями, и кто разъ проѣхалъ по Волгѣ и бесѣдовалъ при этомъ съ пассажирами—вынесетъ отсюда гораздо лучшее понятіе о хлѣбной торговлѣ Волги, чѣмъ изъ цѣлой книги нашего автора. Чтобы не показаться читателю голословнымъ, укажемъ на двѣ главы по преимуществу описательнаго характера: „условіе и обстановка

хлѣбной торговли“ и „обстановка и скорость движенія каравановъ“. Обстановка хлѣбной торговли! Да по этому вопросу можно написать цѣлыя сотни страницъ, собрать тысячи интереснѣйшихъ и характеристичнѣйшихъ фактовъ. У автора же вся глава состоитъ изъ пятнадцати страницъ, гдѣ вы встрѣтите описаніе времени закупокъ, подвоза хлѣба къ пристанямъ, стоимости гужевой доставки, самаго процесса покупки хлѣба, личнаго состава торговцевъ, отношенія хлѣбо-торговцевъ къ производителямъ и между собою, и т. д. Все это очень блѣдно, нехарактерно, неново. Прочтя все описаніе, вы не узнаете недостатковъ торговли, получите о ней даже, вѣроятно, неправильное понятіе. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что при мелкихъ покупкахъ торговцы не совсѣмъ добросовѣстно принимаютъ купленный хлѣбъ и практикуютъ разнообразныя мѣры для видимаго уменьшенія купленного объема. Вѣроятно, нечужды этимъ приемамъ и поволжскіе хлѣбо-торговцы; по крайней мѣрѣ этимъ объясняется, напримѣръ, тотъ фактъ, что многіе самарскіе крестьяне, вмѣсто того, чтобы продавать свое зерно на самарскомъ рынкѣ, везутъ его въ Казань. Но г-ну Клопову эти факты неизвѣстны; мало того, онъ убѣжденъ въ противномъ: ему кажется, что это было когда-то, а теперь измѣнилось къ лучшему, и онъ спѣшитъ убѣдить въ томъ и читателя. „Въ прежнее время,— пишетъ онъ,— при взвѣшиваніи купленного хлѣба, говорятъ, нерѣдко совершались большія злоупотребленія со стороны торговцевъ; такъ, напр., при извѣстной довкости и быстротѣ насыпки, зерна въ 10-типудовую мѣру уходило больше 10-ти пудовъ“, благодаря чему, хлѣбъ, купленный такимъ образомъ, могъ продаваться во вторыя руки дешевле противъ первоначальной цѣны. Это было „въ прежнее время“; теперь все перемѣнилось, и алчные перекупщики превратились въ добродѣтельныхъ агнцевъ; если-бы было иначе, специальный изслѣдователь хлѣбной торговли, разумѣется, заявилъ бы намъ объ этомъ.

Разсматриваемая глава состоитъ, по крайней мѣрѣ, изъ 15-ти страницъ; но вотъ „обстановка и скорость движенія каравановъ“ отъ низовьевъ Волги до Петербурга занимаетъ всего 9 страницъ, причемъ обстановкѣ движенія хлѣба по Волгѣ до Рыбинска посвящено 3 страницы. Что можно уложить въ этотъ объемъ, и гдѣ подтвержденіе тѣхъ жалобъ торговцевъ и судовладельцевъ на неудобства плаванія по Волгѣ, тѣхъ обвиненій, которыя сыплются на власть за пренебреженіе къ благоустройству такого важнаго торговаго пути, каковымъ является эта огромная рѣка, пересекающая вдоль большую половину Россіи? Въ границахъ того объема, какой отведенъ этому вопросу г. Клоповымъ, можно только упомянуть, а не развить вопросъ; но въ спеціальному изслѣдованіи мы желаемъ видѣть поменьше упоминаній и намековъ на обстоятельства, въ общихъ чертахъ всѣмъ извѣстныя, и

побольше фактическаго матеріала, способнаго подтвердить или опровергнуть ходячіе взгляды.

Указанная нами бѣдность—мы готовы даже сказать: отсутствіе—описаній не можетъ быть объяснена экономіей мѣста, желаніемъ автора быть по возможности болѣе сжатымъ, помѣстить важнѣйшее, котораго у него много и безъ описаній. Не можемъ объяснить такимъ образомъ потому, что насколько экономенъ авторъ въ разсмотрѣнной части труда, настолько расточителенъ въ томъ, что касается цифры—этого слабѣйшаго мѣста всякаго экономическаго изслѣдованія. Если въ работѣ г. Клопова цифра занимаетъ нѣсколько иное положеніе, то это не за ея внутреннія достоинства, а потому что, внѣ ея, въ книгѣ почти ничего нѣтъ другого. Самая же цифра, по всей вѣроятности, такъ же неточна, такъ же произвольна, какъ и большая часть чиселъ, фигурирующихъ въ изслѣдованіяхъ, произведенныхъ на скорую руку некомпетентными лицами и несоотвѣтствующими средствами.

Статистическій матеріалъ автора состоитъ изъ данныхъ о количествѣ хлѣба, закупаемаго на Волгѣ, о быстротѣ, стоимости провоза и накладныхъ расходахъ до Петербурга. Собрать свѣденія о фрахтахъ и накладныхъ расходахъ сравнительно не трудно. Во 1-хъ, тотъ и другой расходъ не измѣняется съ каждой партіей отправляемаго хлѣба, а въ извѣстный періодъ времени и на извѣстномъ мѣстѣ составляетъ постоянную величину; фрахты такъ даже объявляются во всеобщее свѣденіе на сборной ярмаркѣ въ Симбирскѣ. Во 2-хъ, свѣденія о томъ и другомъ предметѣ печатаются въ поволжскихъ періодическихъ изданіяхъ. Поэтому мы думаемъ, что данныя автора о стоимости провоза и накладныхъ расходахъ довольно вѣрны и составляютъ наиболѣе цѣнную часть его изслѣдованія. Совершенно иное приходится сказать о цифрахъ закупокъ хлѣба на Волгѣ. Чтобы вѣрно опредѣлить эту цифру, нужно узнать всѣ закупки, сдѣланныя въ теченіе года, что уже значительно труднѣе. Даже если-бы опросить лично всякаго покупателя, и то результатъ, можетъ быть, получился бы довольно неудовлетворительный, какъ по нежеланію торговца сообщить истину, такъ и по отсутствію точныхъ записей оборотовъ. Если же, какъ это сдѣлалъ г. Клоповъ, прибѣгнуть къ разсылкѣ бланковъ съ вопросными пунктами—къ методу, несостоятельность котораго въ новѣйшее время еще разъ была обнаружена опытомъ земско-статистическихъ изслѣдованій—можно заранѣе предсказать, что собранныя цифры не будутъ соответствовать дѣйствительности. Это заключеніе подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что по нѣкоторымъ и даже важнѣйшимъ пристанямъ (напр., самарской) г. Клоповъ пользовался печатными и, разумѣется, неточными данными, со-

общенными редакціей „Нижегородскаго Биржевого Листка“. Такимъ образомъ, мы можемъ сказать, что матеріалы автора о хлѣбныхъ закупахъ на Волгѣ далеко не точны; а если такъ, то при разработкѣ ихъ слѣдуетъ быть краткимъ и не очень детализировать цифры, потому что неточная вообще цифра становится тѣмъ менѣе состоятельною, чѣмъ больше мы отъ нея требуемъ; и если все это число огуломъ, можетъ быть, еще нѣсколько соотвѣтствуетъ дѣйствительности—это соотвѣтствіе будетъ утрачиваться по мѣрѣ того, какъ мы ее разобьемъ на составныя части: ошибки этихъ послѣднихъ въ суммѣ до нѣкоторой степени парализуютъ другъ друга; и наоборотъ, разлагая сумму на слагаемыя, мы тѣмъ самымъ вполне восстанавливаемъ всю неточность данныхъ, вмѣсто приблизительной цифры даемъ совершенно невѣрную. Г. Клоповъ, повидимому, думаетъ иначе и, кромѣ того, имѣетъ странное понятіе о разработкѣ цифрового матеріала. По его мнѣнію, послѣдняя состоитъ въ перепискѣ цифръ изъ таблицы въ текстъ съ сопровождающимъ ее словеснымъ повтореніемъ того, что уже разъ высказано языкомъ цифръ. При этомъ онъ не довольствуется итоговыми данными, а разбиваетъ ихъ по пристанямъ, какъ будто бы для читателя имѣютъ важность измѣненія, совершающіяся на каждой пристани, а не въ цѣломъ районѣ. Отъ этого не только текстъ книги чрезмѣрно обременяется цифрой, но получаются постоянныя повторенія, потому что изучаемыя измѣненія, данныя на всѣхъ пристаняхъ, большею частью одинаковы и легко могли быть охарактеризованы за одинъ разъ. Если къ сказанному прибавить, что авторъ не экономитъ мѣстомъ и разбиваетъ на нѣсколько таблицъ то, что могло быть помѣщено въ одной, то читатель легко повѣритъ, какой скучный и утомительный характеръ имѣетъ изслѣдованіе автора, тѣмъ болѣе скучный, что читатель понимаетъ фиктивность цифръ и сознаетъ, что все это—арифметическія упражненія, не больше. Но зато книга автора разрастается до 250 страницъ, приобретаетъ внѣшній видъ серьезной работы. Въ этомъ, по нашему мнѣнію, заключается главный смыслъ математическихъ упражненій автора, и безъ нихъ „изслѣдованіе“ г. Клопова состояло бы только изъ таблицъ сомнительныхъ цифръ и 2—3 десятковъ страницъ текста.—В. В.

— Современный обычай и древній законъ, Максима Ковалевскаго. Москва. 1886 г.

Настоящее сочиненіе профессора Ковалевскаго—одна изъ его послѣднихъ работъ, которой онъ только-что подарилъ нашу литературу; на дняхъ появилось извѣстіе о выходѣ еще новой книги того же

автора: „Опытъ построенія эмбриологіи права“, два выпуска—„Родъ“ и „Семья“.

Вышеприведенное нами заглавіе труда М. Ковалевскаго не даетъ точнаго представленія о его содержаніи; на него яснѣе указываетъ дальнѣйшее развитіе заглавія: „Обычное право осетинъ въ историко-сравнительномъ освѣщеніи“. „Современный обычай“ этого кавказскаго народа и служитъ исходнымъ моментомъ всего труда. Авторъ изучалъ непосредственно бытъ этого народа, проводя среди него, въ двѣ поѣздки, не мало времени. Осетины, какъ это доказано въ послѣднее время и путемъ филологическимъ—народъ арійскаго происхожденія. Они до сихъ поръ сохранили, въ значительной степени, черты первобытной культуры; ихъ первобытные обычаи дожили до нашего времени; отсюда—ихъ громадное значеніе въ дѣлѣ изученія „эмбриологіи права“. Такимъ образомъ, собственно осетинское право играетъ въ книгѣ лишь служебную роль.

Мы не будемъ останавливаться на изложеніи содержанія двухъ достаточно объемистыхъ томовъ.

Чрезвычайно богатое, разностороннее содержаніе ихъ основано на глубокомъ изученіи громаднаго матеріала, съ которымъ приходилось имѣть дѣло нашему ученому изслѣдователю. Восемь лѣтъ тому назадъ, проф. Ковалевскій изложилъ свои взгляды на сравнительный приѣмъ изученія исторіи права въ брошюрѣ: „Историко-сравнительный методъ въ юриспруденціи и приѣмы изученія исторіи права“. Онъ явился тогда сторонникомъ и хорошимъ толкователемъ этого приѣма, а раньше и примѣнителемъ его, напр., въ своемъ извѣстномъ сочиненіи—„Общинное землевладѣніе, причины, ходъ и послѣдствія его разложенія“. Въ новомъ его трудѣ мы должны, такимъ образомъ, видѣть опытную руку испытаннаго изслѣдователя. Но за всѣмъ тѣмъ, самое поприще изслѣдованія, избранное почтеннымъ профессоромъ, представляетъ не мало трудностей, а потому нисколько не будетъ удивительно, если мы, признавая всѣ достоинства труда, укажемъ и на его нѣкоторые, по нашему мнѣнію, недостатки. Начнемъ съ наиболѣе заинтересовавшей насъ части труда—той части, въ которой авторъ останавливается на первобытномъ правѣ, на „древнихъ законахъ арійцевъ“, славянскихъ вообще, русскихъ въ частности. „Обычаями“ этихъ арійцевъ, ихъ „древними законами“ авторъ, впрочемъ, мало занимается; можетъ быть, они и не даютъ многого; но остановимъ наше вниманіе на томъ маломъ, чѣмъ онъ пользуется.

Въ главѣ о мести (т. II, стр. 23 и сл.), говоря „о раннихъ попыткахъ государственной власти у нѣмцевъ и славянъ ограничить месть непосредственнымъ виновникомъ злодѣянія, г. Ковалевскій доказываетъ, что „славянскимъ законодательствамъ, повидимому (?),

свойственно было стремленіе устранить отъ кровомщенія всѣхъ, кромѣ ближайшаго виновника: мсть падаетъ всецѣло на одного убійцу" (24); въ доказательство этого положенія онъ приводитъ „изъ договоровъ Олега и Игоря съ греками (X ст.), какъ бы ихъ общее постановленіе — „да держимъ будетъ сотворившій убійство отъ ближнихъ убіеннаго, да убьютъ его“. Очевидно, авторъ понимаетъ приведенную цитату такъ: что, во-первыхъ, въ ней идетъ рѣчь о мести непременно, а во-вторыхъ, мститъ позволяется или предписывается только убійцѣ. Но откуда видно, что здѣсь идетъ рѣчь о мести? Автора соблазнили „ближніе убіеннаго“, которыхъ онъ и вооружилъ правомъ мести. Но этихъ „ближнихъ“ нѣтъ въ обоихъ договорахъ, какъ онъ думаетъ: въ договорѣ Олега это постановленіе выражено такъ: „аще кто убьетъ крестьянина (христіанина, византіяца) русинъ или крестьянинъ русина, да умретъ (убійца), идѣже аще створитъ убійство“ (Христ., Влад. Будановъ, I, стр. 3, ст. 4). Здѣсь уже нѣтъ ближнихъ: мститъ некому. Нельзя же думать, что убійцѣ предоставляется умереть самому, и притомъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ совершилъ убійство? Авторъ не ссылается ни на памятникъ, ни на какое-нибудь изслѣдованіе. Приведенная имъ цитата встрѣчается только въ одномъ, болѣе позднемъ договорѣ; новѣйшій и основательнѣйшій взглядъ на данный вопросъ выработанъ профессоромъ Сергѣевичемъ, по которому ни о какой мести въ цитированныхъ статьяхъ рѣчи вовсе не идетъ. Авторъ упустилъ изъ виду, что статьи договоровъ опредѣляютъ наказаніе за убійство, совершаемое на улицахъ Константинополя, и притомъ какъ русскимъ, такъ и константинопольцемъ. На ту же статью, тѣхъ же договоровъ, ссылается г. Ковалевскій (т. II, стр. 63) и въ подтвержденіе того факта, что „право мститъ и получать плату за голову (убитаго) всегда принадлежитъ ближайшему наслѣднику убитого“; „упомянувъ о правѣ обиженнаго вознаградить себя изъ имущества обидчика“, — говоритъ онъ, — „договоры (sic) Олега и Игоря говорятъ только о ближнемъ убіеннаго“: „да возьметъ ближній убіеннаго“. Опять, и на этотъ разъ, приведенная фраза встрѣчается только въ договорѣ Олега, а договоръ Игоря говоритъ о ближнихъ, а не о ближнемъ убіеннаго (Дог. Игоря, ст. 13). А къ этому опять прибавимъ: въ статьяхъ объ убійствѣ нѣтъ рѣчи о мести: она ими отмѣняется для русскихъ въ Константинополѣ, понятно; а посему и нельзя основывать на нихъ утверждаемаго авторомъ въ данномъ случаѣ. Но г. Ковалевскій не останавливается по данному вопросу на договорахъ, о которыхъ и почтенный авторъ Христоматіи русскаго права замѣчаетъ въ своей книгѣ, что „вообще въ нихъ нельзя искать ни чисто русскаго, ни византійскаго права“ (вып. I, стр. 19, пр. 29), и опи-

рается на „Русскую Правду“, которая, въ ст. 4 Карамз. сп., постановляетъ, что „головничество“ (плата за голову убитаго) платится самими „головниками“ (убійцей). Авторъ говоритъ, что это постановленіе „Русск. Пр.“—въ полномъ соотвѣтствіи съ договорами, но онъ привелъ цитату изъ „Русск. Пр.“, не указавъ ни списка, ни статьи—въ такомъ видѣ: „а головничество (плата за убійство), а то самому головнику заплатить и съ дружины своею частью“? Цитата такъ, т.-е., вѣрнѣе, почти такъ, приведена у Иванишева, въ его работѣ: „О платѣ за убійство въ др. русск. и другихъ славянск. законодательствахъ, въ сравненіи съ германскою вирою“ (Полн. собр. соч., стр. 75).

У Иванишева, между словами „головнику“ и „заплатили“, стоитъ нѣсколько точекъ, вмѣсто „и съ“—напечатано „изъ“. Точки обозначаютъ въ цитатѣ пропускъ, котораго онъ не объясняетъ. Онъ читаетъ свою цитату, очевидно, такъ: головникъ платитъ головничество самъ изъ своей части въ общемъ семейномъ имуществѣ. Это чтеніе никѣмъ не принято и основано на точкахъ въ его цитатѣ.

Точки замѣняютъ слова—„а въ сороцѣ гривенъ“, т.-е. въ 40-ка гривнахъ; вставимъ эти слова и получимъ: „головничество, а то самому головнику заплатить; а въ сороцѣ гривенъ заплатить ему изъ дружины своею частью“. Такъ это—во всѣхъ спискахъ „Правды“. Г. Ковалевскому вторая половина цитаты вовсе ненужна, ибо она говоритъ уже совершенно о другомъ, и именно о платѣ сорока-гривенной виры (денежный штрафъ князю), которая платилась убійцей вмѣстѣ съ членами его общины въ опредѣленной части. (Будановъ, св. ст. 4 и пр. 10).

„Обычай родовыхъ обществъ нашего Кавказа“,—говоритъ г. Ковалевскій въ другомъ мѣстѣ своей книги,—„даютъ намъ ключъ къ пониманію многихъ странныхъ, на первый взглядъ, явленій древняго уголовного права“ (т. II, 122); такъ, „съ ихъ точки зрѣнія совершенно понятнымъ является отсутствіе какого-либо упоминанія о наказаніи отцеубійствъ какъ въ древнѣйшемъ греческомъ правѣ, такъ и въ русскомъ—въ Ярославовой „Правдѣ“ и уставѣ церковномъ—Св. Владиміра“ (123). Авторъ ссылается на „Левціи“ пр. Сергѣевича; но у него о церк. уст. Владиміра говорится не совсѣмъ то: въ немъ—уставъ,—пишетъ почтенный профессоръ,—„можно видѣть первое указаніе на убійство родственниковъ, какъ преступленіе“,—и именно на отцеубійство, прибавимъ отъ себя. Уставъ перечисляетъ преступленія, отданныя княземъ на судъ „церквамъ, всимъ епискупіямъ по русской земли“; а въ перечисленіи этихъ преступленій называется и такое: „отца или матеръ бьетъ (и убьетъ, и бьетъ) сынъ или дщи“ (Вл. Будановъ, I, стр. 213). Правда, наказаніе не

называется; но оно не называется въ уставѣ и относительно всѣхъ другихъ преступленій; да это и не нужно было: духовенство судило по церковнымъ правиламъ, по которымъ за отцеубійство полагалась смертная казнь. Г. Сергѣевичъ утверждаетъ, что впервые говорится о преступленіи и наказаніи отцеубійства только въ церковномъ уставѣ Ярослава; но у него говорится лишь, что уставъ Ярослава „идетъ далѣе“ устава Владиміра въ этомъ отношеніи: „аже сынъ бьетъ отца или мать, да казнятъ его волостельскою казнью, а епископу въ винѣ“ (уставъ, ст. 29), т.-е. здѣсь уже говорится о казни, говорится, что ей подвергаетъ осужденнаго не епископъ, который получаетъ лишь пошрины, а княжескій чиновникъ-волостель.

Въ отдѣлѣ о „послѣдней группѣ преступленій“ — преступленій противъ собственности (т.-е. противъ права...) мы находимъ слѣдующее: „римскому праву извѣстно убійство ночного вора, найденнаго съ личнымъ, какъ оно извѣстно и германскому; такого права не признаютъ за хозяйномъ вещи осетинскіе обычаи, какъ не признаетъ его и „Русская Правда“ (т. II, стр. 156—157); дѣлается ссылка на статьи 32, 39, 40 и 70 „Русской Правды“ Троицк. списка. Въ этихъ статьяхъ говорится: въ ст. 32 о томъ, что купившій на торгу вещь, оказавшуюся краденой, долженъ сослаться, въ свое оправданіе, на свидѣтелей или мытника (сборщика пошлинъ съ сѣлокъ), которые приносятъ присягу (кромя мытника), что владѣлецъ вещи не зналъ, у кого купилъ, у него вещь отбирается, и т. д.; въ ст. 39—о соучастникахъ въ воровствѣ, которые подвергаются всѣ одинаковому наказанію; въ ст. 40—о наказаніи за кражу коня; наконецъ, въ ст. 70—о томъ, что, въ случаѣ бѣгства вора, его ищутъ „по слѣду“—описывается самая процедура розысканія „по слѣду“. Итакъ, въ приведенныхъ статьяхъ—ни слова о ночномъ ворѣ; слѣдовательно, онѣ и не могутъ доказывать утверждаемаго г. Ковалевскимъ положенія. Но зато есть въ „Русской Правдѣ“ статьи, опровергающія это положеніе: это статьи 20 и 38 Акад. списка, ст. 37 Карамз. сп. и ст. 36 цитируемаго авторомъ Троицк. списка; всѣ онѣ говорятъ объ убійствѣ вора: „вора у клѣти. у коня, у говяда, у коровѣ татьбы,... въ пса мѣсто“ (т.-е. какъ собаку, безнаказанно).

Въ главѣ о судопроизводствѣ (т. II, стр. 211 и сл.) доказывается существованіе третейскихъ, посредническихъ судовъ у всѣхъ арійскихъ народовъ въ древнѣйшія времена, въ томъ числѣ и у славянъ, въ частности у русскихъ. Послѣднее положеніе доказывается тѣмъ явленіемъ, что „новгородскіе суды всего долѣе удерживаютъ характеръ посредническихъ“. А этотъ фактъ новгородской жизни отыскивается авторомъ по сочиненію Куницына, автора сочиненія, изданнаго въ 1843 г.: „Историческое изображеніе древняго судопроиз-

водства въ Россіи“. На основаніи этого сочиненія г. Ковалевскій рассказываетъ намъ, какъ о новгородскихъ посредническихъ судахъ, о какомъ-то одринѣ судѣ и судѣ посадника, въ которыхъ будто-бы подѣ предсѣдательствомъ посадника или княжескаго тиуна, т.-е. въ сообществѣ (?) съ судьями, избранными народомъ или поставленными отъ князя, выборные сторонами посредники рѣшаютъ... дѣла“ (211—212); при этомъ, въ „одринѣ судѣ“... присутствовало девять засѣдателей (т.-е. посредниковъ?), да сверхъ того каждая изъ тяжущихся сторонъ избирала въ судѣ одринѣ по одному посреднику. Приводятся двѣ цитаты—одна изъ лѣтописи, другая—изъ новгородской судной грамоты, обѣ по книжкѣ Куницына ¹⁾. Вся эта картина не вполне вѣрна дѣйствительности. Куницынъ не умѣлъ прочесть статей новгородской судной грамоты, сливъ двѣ, трактующія о разныхъ судахъ, въ одну—получилось нѣчто странное, давно, впрочемъ, въ ученой литературѣ отвергнутое. Куницынъ не объясняетъ, что такое „судѣ одринѣ“, ограничиваясь замѣчаніемъ, что онѣ засѣдалъ въ тиунской палатѣ (стр. 27); значитъ, Куницынъ, разумѣть подѣ этимъ судомъ не то, что разумѣть подѣ нимъ г. Ковалевскій, ибо тотъ судѣ, о которомъ рассказываетъ послѣдній, засѣдаетъ „во владычнѣхъ комнатахъ“, какъ это видно изъ приведенной имъ, въ примѣчаніи, цитаты. Какъ примирить все это? Въ новгородской судной грамотѣ, напечатанной въ Христ. Влад. Буданова—двѣ статьи вмѣсто одной у Куницына; эти статьи говорятъ о разныхъ судахъ—о судѣ тиуна и о такъ-называемомъ „докладѣ“. Судѣ тиуна и есть курьезный „одринѣ судѣ“; онѣ производился тиуномъ въ своей избѣ—одринѣ: „а въ тиунѣ—одринѣ (избѣ) быти“... и т. д. Тиунъ и судилъ тяжущихся въ присутствіи двухъ приставовъ отъ каждой стороны (ихъ помощниковъ?). „Докладъ“ же—судѣ, дѣйствительно, при участіи десяти представителей отъ пяти концовъ Новгорода, но это—высшая инстанція суда, куда дѣла переходили изъ низшихъ—и изъ посадническаго, и изъ тиунскаго—въ томъ случаѣ, когда низшіе судьи не могли почему-либо рѣшить дѣла. Тиунъ, перенесшій свое дѣло „въ докладъ“, не могъ предсѣдательствовать „у доклада“.

Въ заключеніе, приведемъ указаніе автора на Тацита по вопросу о переходѣ такъ-называемаго калыма (по осетинскому праву), т.-е. платежа женихомъ за невѣсту ея родственникамъ, въ наше приданое, т.-е. платежъ жениху семьей невѣсты. Авторъ говоритъ (т. I, стр. 247), что „первообразъ“ приданого, какъ калымъ, поступавшаго въ пользу невѣсты—есть „тотъ платежъ“, который, по словамъ

¹⁾ Авторъ почему-то оставилъ безъ вниманія „судѣ тысяцкаго“, о которомъ въ цитатѣ изъ лѣтописи тоже идетъ рѣчь, какъ о посредническомъ судѣ.

Тацита, женихъ дѣлалъ семейству невѣсты, по случаю вступленія съ нею въ бракъ (тамъ же). Но Тацитъ говоритъ не о платежѣ семейству, а о дарѣ женихомъ невѣстѣ, который поступалъ въ ея собственность и переходилъ съ нею къ мужу: „Dotem non uxori, sed uxori maritus offert. Intersunt parentes et propinqui ac munera probant“ (Germania, XVIII), т.-е. приданое даетъ не жена мужу, а мужъ женѣ. Родители и близкіе присутствуютъ (при дачѣ дара) и оцѣниваютъ дары“. Подарки эти,—прибавляетъ Тацитъ,—не предметы туалета, столь дорогіе женщинамъ, а быки, лошадь съ сбруей, щитъ съ копьемъ и мечемъ. Слѣдовало бы по этому важному вопросу обратиться и къ славянскому праву; въ немъ есть указанія — о вѣнѣ — не менѣе ясныя, чѣмъ показаніе Тацита въ его сочиненіи о германцахъ.—И. Д.

— Geschichte der russischen Litteratur von ihren Anfängen bis auf die neueste Zeit, von Alexander v. Reinholdt. Leipzig, 1884—86. (Geschichte der Weltliteratur in Einzeldarstellungen, Bd. VII. Verlag von W. Friedrich).

Книга г. Рейнгольда, начавшая выходить выпусками съ 1884 года и недавно законченная, составила томъ больше 800 страницъ: таковъ ея внѣшній объемъ; по внутреннимъ качествамъ, это—лучшая книга, какая до сихъ поръ выходила на Западѣ по исторіи русской литературы. Г. Рейнгольдтъ имѣлъ передъ другими иностранными писателями по этому предмету то великое преимущество, что онъ относился къ русской литературѣ именно не какъ иностранецъ, которому всегда трудно овладѣть языкомъ и произведеніями чужой литературы и столько же трудно понять историческія и бытовныя условія, въ которыхъ шло литературное развитіе, и безъ вѣрнаго уразумѣнія которыхъ правильная оцѣнка литературы невозможна. Для г. Рейнгольда Россія есть отечество: онъ выросъ въ средѣ русской жизни; русская литература ему понятна, какъ въ ея широкихъ историческихъ отношеніяхъ, такъ и въ мелкихъ бытовыхъ подробностяхъ; въ его распоряженіи была въ большой мѣрѣ та критическая разработка предмета, которая въ послѣднее время дошла у насъ до весьма обширныхъ размѣровъ; наконецъ, какъ видно по его книгѣ, кромѣ этихъ специальныхъ свѣдѣній, онъ подготовленъ къ постановкѣ общихъ вопросовъ, владѣетъ хорошимъ литературнымъ образованіемъ. Его книгу прочтутъ не безъ интереса и тѣ читатели, которые довольно знакомы съ вопросами нашей исторіи литературы, и переводъ этой книги (о предстоящемъ выходѣ котораго мы прочли въ газетахъ) былъ бы полезнымъ приобрѣтеніемъ для русскихъ читателей.

Въ предисловіи авторъ такъ опредѣляетъ смыслъ своей работы:

„Нашъ опытъ написать первую подробную исторію русской литературы съ первыхъ его выпусковъ вызвалъ сверхъ ожиданія благоприятныя сужденія, какъ въ нѣмецкихъ, такъ и въ русскихъ изданіяхъ, и принятъ былъ съ самымъ теплымъ сочувствіемъ. Нѣмецкіе критики привѣтствовали книгу, какъ „нѣчто совершенно новое“; уже самое начало возбудило „интересъ къ чужой литературѣ, котораго не считали даже возможнымъ“; указывалась своеобразная „манера“ изложенія и вообще выражено было желаніе, чтобы „книга съ своей стороны побудила нѣмцевъ обратиться къ источнику труднаго, но прекраснаго языка“. Русскіе критики (которые, впрочемъ, ошибочно считали автора за иностраннаго нѣмца) причисляли книгу (совершенно незаслуженнымъ образомъ) къ лучшему, что есть въ самихъ русскихъ обработкахъ предмета.

„Автору очень хорошо видны достоинства и недостатки его книги, но онъ надѣется, что и въ томъ видѣ, какъ есть, она является въ время и можетъ удовлетворить существующей въ настоящую минуту потребности иностранной публики. Онъ убѣжденъ, что своей книгой онъ (для нѣмцевъ) многое выяснитъ, устранить многіе предразсудки, исправить нѣкыя недоразумѣнія и нѣкыя превратныя взгляды. Этимъ онъ достигнетъ того, что имѣлъ въ виду; но затѣмъ авторъ ставилъ себѣ еще честолюбивую задачу—оправдать то высокое мнѣніе, какое иностранцы имѣютъ о русской литературѣ въ настоящее время. Поэтому новый періодъ ея (XIX столѣтіе) занимаетъ у него болѣе трети цѣлой книги, какъ бы ни сжато и кратко было мѣстами изложеніе. Эта часть, въ своемъ общемъ и вмѣстѣ специализированномъ изложеніи (романъ, драма, лирика), старается дать нѣчто совершенно новое.

„Съ истиннымъ удовлетвореніемъ авторъ, какъ сынъ Россіи, слѣдилъ въ послѣднія десятилѣтія за возрастающимъ за границей интересомъ къ русскому духовному развитію (Geisteskultur). Этотъ интересъ достигъ теперь баснословныхъ размѣровъ. Юліанъ Шмидтъ, Георгъ Брандесъ, де-Вогюэ, де-Губернатисъ и множество другихъ корифеевъ европейской критики дали самое одушевленное выраженіе своему удивленію, своему восторгу и изумленію. Но всего удивительнѣе звучитъ новѣйшее признаніе самаго серьезнаго и самаго разумнаго изъ французскихъ критиковъ, де-Вогюэ“ — авторъ цитируетъ тѣ слова французскаго писателя, которыя были уже приведены въ статьѣ „Вѣстника Европы“ о книгѣ „le Roman Russe“ и гдѣ высказывается ожиданіе, чтобы „русская душа“ помогла французской душѣ... „И вовсе не было случайнымъ совпаденіемъ,—замѣчаетъ г. Рейнгольдтъ, — что подобныя размышленія высказываетъ другой французъ, Сарсэ: „Никогда еще не оправдывались въ такой мѣрѣ слова,

которыя такъ часто повторялись въ XVIII столѣтіи: „отъ сѣвера къ намъ приходитъ свѣтъ“.

„Все это высказывалось спеціально по поводу новѣйшихъ триумфовъ русскаго реалистическаго романа (который, сказать мимоходомъ, считаетъ себя уже тридцать лѣтъ). Конечно, этотъ романъ можетъ быть названъ украшеніемъ всемірной литературы. Но изученіе русскаго, какъ и всякой, литературы, показываетъ намъ триумфы, которые достигнуты были и въ другихъ областяхъ“. Авторъ снова приводитъ слова Вогуэ, который господствующую черту лучшихъ созданій русской литературы видитъ въ чувствѣ человѣческой любви...

„Если,—продолжаетъ авторъ,—намъ удалось, какъ мы надѣемся, указать въ своей книгѣ, какъ въ умственномъ развитіи русскаго народа совершался этотъ процессъ исканія истины, невольнаго заблужденія и дѣятельной любви—то мы достигли того, чего желали, и уже богато вознаграждены этимъ результатомъ. Указать на все другое мы предоставляемъ нашимъ судьямъ“.

Книга г. Рейнгольда раздѣлена на три отдѣла: первый посвященъ языку, народной поэзіи и литературѣ до Петра Великаго (стр. 1—254); второй—XVIII-му столѣтію (стр. 255—479); третій—XIX-му вѣку (483—816). Въ нѣмецкомъ изложеніи въ первый разъ является сжатое, но вообще весьма обстоятельное изложеніе фактовъ древней русскаго литературы, какъ они установлены новыми изслѣдованіями, и съ обильнымъ указаніемъ самыхъ этихъ изслѣдованій. Авторъ не вдается здѣсь въ большія подробности, но умѣетъ указать существенное. Изложеніе литературы XVIII-го вѣка значительно подробнѣе, и, за малой извѣстностью самыхъ ея произведеній, авторъ приводитъ въ нѣмецкомъ переводѣ нѣсколько наиболѣе рельефныхъ отрывковъ изъ литературы прошлаго вѣка. Наконецъ, съ наибольшимъ количествомъ частныхъ изложена литература новѣйшая. Для русскіхъ читателей, знакомыхъ съ дѣломъ, это изложеніе не представитъ много новаго, но тѣмъ не менѣе книга г. Рейнгольда имѣла бы свое значеніе и для нихъ, если-бы сохранила въ переводѣ всѣ особенности своего изложенія. Дѣло въ томъ, что авторъ умѣетъ выбирать въ массѣ фактовъ наиболѣе характерное; явленія литературныя умѣетъ ставить въ связь съ историческимъ положеніемъ вещей и отличать въ нихъ нить историческаго развитія, связывающую разныя эпохи, и, наконецъ, вести разсказъ въ наглядныхъ изображеніяхъ: надъ всѣмъ господствуетъ, какъ руководящая мысль, сочувствіе къ лучшимъ интересамъ просвѣщенія и человѣчности ¹⁾. Авторъ обра-

¹⁾ Не обошлось, конечно, безъ ошибокъ, иногда похожихъ на опечатки, особенно въ отдѣлѣ о древней литературѣ. Напр., стр. 8: „andere Elemente der alt-kirchen-

щается самъ къ источникамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ знакомъ съ главнѣйшими работами какъ по исторіи литературы, такъ и по исторіи политической и бытовой, такъ что его изложеніе обыкновенно обставлено точными и характерными подробностями. Наиболѣе самостоятельнымъ трудомъ была, конечно, послѣдняя часть его сочиненія: здѣсь можетъ найтись всего больше его личныхъ сужденій и, вѣроятно, больше спорнаго, на чемъ можетъ остановиться критика. Новая русская литература была уже и раньше предметомъ изученій г. Рейнгольдта: въ нѣмецкихъ журналахъ появлялись не разъ его статьи, писанныя съ хорошимъ знаніемъ дѣла (намъ памятна, напр., прекрасно составленная характеристика Бѣлинскаго) и отличавшіяся оригинальнымъ взглядомъ, который не всегда сходилъ съ привычными положеніями нашей историко-литературной критики. Какъ ни радуется авторъ успѣху русской литературы за границей, онъ, напр., не весьма одобрялъ иныхъ нѣмецкихъ поклонниковъ Тургенева, которые, при всемъ увлеченіи русскимъ писателемъ, не умѣли понять, въ чемъ была его дѣйствительная сила и его значеніе въ русской жизни... Въ отдѣлѣ книги, посвященномъ новѣйшей литературѣ, авторъ, конечно, воспользовался и существующимъ матеріаломъ нашей критики, но столько же руководился и собственными наблюденіями литературныхъ явленій. Приводимъ два образчика его литературныхъ характеристикъ:

„Литературная критика „Современника“ находилась въ рукахъ даровитаго, къ сожалѣнію рано умершаго, Н. А. Добролюбова (1836—1861), который во многомъ напоминаетъ Бѣлинскаго. Глубоко благородная, гордая натура, онъ съ горечью чувствовалъ, что долженъ дѣйствовать въ такое время, которое всякаго честно-мыслящаго человека осуждало или на недѣятельность, или на самопожертвованіе. Хотя одаренный отъ природы нѣжнымъ, тонкимъ чувствомъ, онъ принужденъ былъ въ критикѣ говорить по большей части рѣзкимъ, горько саркастическимъ языкомъ, потому что онъ тотчасъ чувствовалъ всякую ложь, всякую поддѣлку, всякую двусмысленность, и они были ему противны: фальшивое положеніе, въ какомъ народъ стоялъ къ государству и обществу, безчувственность массы общества, соб-

slavischen Sprache sind den hebräischen, armenischen entlehnt“ и проч.; рѣчь, конечно, идетъ не о языкѣ, но о письмѣ; но и здѣсь мнѣніе о заимствованіи нѣкоторыхъ славянскихъ буквъ изъ восточныхъ алфавитовъ теперь отвергается. Стр. 5: извѣстные „сборники“ 1073 и 1076 названы „Compendien“: вѣрнѣе было бы перевести Sammlungen или Miscellaneen. Стр. 115: византійскій писатель называется Malalas, а не Malalos, и т. д. Въ изложеніи вопроса о русскихъ былинахъ недостаточно приняты во вниманіе (хотя извѣстны автору) результаты новѣйшихъ изслѣдованій объ ихъ книжно-церковныхъ и иноземныхъ элементахъ, и проч.

ственное одиночество, вражда, которую онъ встрѣчалъ вслѣдствіе своего рѣзкаго языка, наконецъ, всеобщая реакція — все это стало для него источникомъ невыразимой скорби, которая отразилась на его здоровьѣ и, наконецъ, свела его въ преждевременную могилу.

„Онъ выступилъ на свое поприще въ 1856, едва двадцати лѣтъ отъ роду, прошедши курсъ духовной семинаріи и педагогическаго института и испытавши гнетъ бѣдности,—совершенно такъ же, какъ Бѣлинскій. И однако онъ тотчасъ понялъ задачу критики, отказался отъ эстетики и взялъ мѣркой дѣйствительную жизнь, общество, какъ оно было. Такимъ образомъ, его критика стала критикой русскаго общества. Въ своемъ этюдѣ объ одномъ женскомъ характерѣ въ драмѣ Островскаго (Катерина въ „Грозѣ“) и въ рѣзкомъ разборѣ французскаго сочиненія о русской цивилизаціи (написаннаго русскимъ), онъ защищалъ такъ-называемый альтруизмъ, то-есть теорію утонченнаго эгоизма (?), который собственное счастье ставитъ въ зависимость отъ общаго блага, а это послѣднее—отъ блага каждаго отдѣльнаго лица. Отсюда само собою слѣдовало, что при томъ состояніи зависимости, въ какомъ находится право отдѣльнаго лица на личное счастье отъ общественнаго устройства, въ данномъ случаѣ съ вопросомъ о счастьи дѣло стояло плохо; мало того, — при настоящемъ порядкѣ вещей самое право подвержено было сомнѣнію. Очень понятно поэтому, что Добролюбовъ протестовалъ противъ всего дѣйствительнаго положенія вещей въ русскомъ обществѣ. Каждая строка его критическихъ статей какъ будто написана кровью его сердца... Въ этомъ отношеніи, и также по блестящему языку, высоко замѣчательны особливо его статьи: „Новый кодексъ житейской мудрости“ и разборъ романа Гончарова: „Обломовъ“. Эта послѣдняя статья любопытна еще тѣмъ, что Добролюбовъ развиваетъ здѣсь свои чрезвычайно оригинальныя идеи о постоянствѣ общественныхъ типовъ при условіи аналогическихъ отношеній общественной жизни. Лучшее изъ критическихъ произведеній Добролюбова,—двѣ большія статьи о драмахъ Островскаго, подъ заглавіемъ „Темное царство“, которыя читаются какъ романъ,—принадлежитъ вообще къ лучшему, что только представила новѣйшая европейская критика въ анализѣ писателя въ связи съ физиологіей цѣлой общественной сферы, — у нашего критика, жизни русскаго купечества. На основаніи драмъ и комедій Островскаго Добролюбовъ развѣртываетъ ужасающую картину общественной порчи, постыднаго униженія человѣческаго достоинства, вмѣстѣ съ дикостью умственной и нравственной. Тѣмъ же реалистическимъ образомъ онъ говоритъ о Тургеневѣ и Достоевскомъ...

„Главный упрекъ, который дѣлали Добролюбову, состоитъ въ томъ, будто бы онъ поставилъ своимъ девизомъ отрицаніе. Его винили

также въ профанаціи художественнаго идеала, въ литературномъ утилитаризмѣ, въ неуваженіи ко всевозможнымъ авторитетамъ (напр., въ поэзіи—къ Пушкину, въ педагогіи—къ знаменитому хирургу Пирогову, у котораго онъ указывалъ „либеральный деспотизмъ“). Его упрекали далѣе въ невѣжествѣ, поверхностномъ образованіи,—совершенно такъ же, какъ было съ Бѣлинскимъ,—и вслѣдствіе того не хотѣли признать его компетентности. Наконецъ, не могли простить ему рѣзкаго, язвительнаго, напоминающаго Бѣрне, языка въ „Свистѣ“. Онъ безъ милосердія осмѣивалъ самообольщеніе и самодовольство литераторовъ, которые воображали, что въ обличеніи и раскрытіи общественныхъ язвъ сдѣлано уже все. Его называли „дерзкимъ мальчишкой“. Теперь его имя уважается едва-ли меньше Бѣлинскаго, и не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Добролюбовъ былъ такой же боецъ за идеалъ, какъ его гениальный предшественникъ. Кто борется противъ мрака, тотъ борется за свѣтъ. И въ самомъ дѣлѣ: умственный свѣтъ, гуманность, на разумѣ, законѣ природы и на человѣчности основанныя, нормальныя общественныя отношенія и воспитаніе юношества, образованіе народа, которому принадлежали всѣ его сочувствія и въ которомъ онъ усматривалъ самые здоровые, хотя еще неразвитые общественные элементы—таковъ былъ идеалъ этого скрытаго идеалиста“.

Укажемъ еще отзывъ о М. Е. Салтыковѣ.

„Кто хотя нѣсколько знакомъ съ русской литературой XVIII-го и XIX-го столѣтія, тотъ долженъ будетъ сознаться, что русскіе обладаютъ богатой юмористической силой и значительнымъ талантомъ къ сатирѣ. Отъ Даниила Заточника, смѣявшагося надъ женщинами, до Салтыкова-Щедрина—долгій путь, на которомъ русскій юморъ и сатира изъ былинъ, сказокъ и пословицъ перешли въ рассказы, романы и драмы допетровскаго времени, когда потомъ князь Кантемиръ положилъ основаніе новой сатирѣ, которая затѣмъ получила замѣчательное развитіе у Сумарокова, въ сатирическихъ журналахъ, у баснописцевъ и въ комедіи XVIII-го вѣка. Затѣмъ пришелъ гораздо болѣе блестящій рядъ—Грибоедовъ, Гоголь, юмористы натуральной школы, Островскій, Салтыковъ... У послѣдняго сатира развертывается въ грандіозную картину, не только отечественныхъ Абдеры и Бедлама, но и всѣхъ „основъ и нитей“ общественной политической жизни за послѣднія тридцать лѣтъ. Въ теченіе этого долгаго періода Салтыковъ былъ неутомимымъ діагностомъ русскаго общества; его ухо прислушивалось къ каждому удару пульса націи: поэтому онъ былъ въ состояніи указывать самые незамѣтные симптомы общественнаго недомоганія и болѣзни, объяснять ихъ причины и предсказывать послѣдствія; онъ имѣлъ мужество смѣлою насмѣшкой и

съ несравненной ироніей разоблачать крупныхъ и мелкихъ негодяевъ, предавать ихъ позору и вообще выводить на свѣтъ гнилые элементы. Аристофанъ, Персій и Ювеналъ, авторъ „Писемъ темныхъ людей“, Раблэ, Свифтъ, авторъ „Писемъ Юніуса“ и Поль-Луи Курье, которые своей сатирой имѣли глубокое вліяніе на свое время, должны съ удовольствіемъ дать своему живущему коллегѣ почетное мѣсто въ своей средѣ“.

Авторъ дѣлаетъ довольно подробный обзоръ дѣятельности Салтыкова, съ его первыхъ произведеній до „Нестрыхъ писемъ“, умѣетъ показать основные мотивы сатиры въ послѣдовательные періоды ея развитія, въ связи съ тѣми поворотами, которые совершались во внутренней жизни русскаго общества, и объясняетъ тѣ особенности формы, какія приобрѣла сатира въ условіяхъ русской литературы (стр. 742—750).

Такимъ же образомъ авторъ даетъ обстоятельные обзоры произведеній главныхъ писателей новѣйшей русской литературы и сообщаетъ также много указаній о явленіяхъ второстепенныхъ, такъ что фактическій матеріалъ книги очень богатъ—не переходя, впрочемъ, въ простую номенклатуру и не заслоня характеристики основныхъ теченій и главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Изображеніе общаго хода литературы болѣею частію вѣрно; но въ иныхъ случаяхъ автору, знающему русскія отношенія, не мѣшало бы быть болѣе осмотрительнымъ въ выборѣ выраженій, которыя въ той формѣ, какъ они употребляются у него теперь, не соответствуютъ положенію вещей (напр., слово: партія, стр. 743); въ другихъ случаяхъ онъ могъ бы не повторять недѣльныхъ выраженій, съ которыми и самъ не соглашается (стр. 672), и т. п.

Наконецъ, кромѣ области чисто литературной, авторъ даетъ мѣсто свѣденіямъ о движеніи русской науки, объ изученіяхъ историческихъ и этнографическихъ, о журналистикѣ,—все это вообще съ точнымъ пониманіемъ дѣла и достаточными фактическими подробностями. Русскій переводъ книги (мы читали въ газетахъ заявленія самого г. Рейнгольда, что этотъ переводъ готовится) былъ бы хорошимъ приобретеніемъ для нашей литературы: въ особенности новѣйшій періодъ ея до сихъ поръ не имѣетъ у насъ такого цѣльнаго, хотя сжатаго, изложенія, какое дано въ нѣмецкой книгѣ.—А. В.

— Стихотворенія, К. Р. С.-Петербургъ, 1886. Стр. 223.

Въ нынѣшнемъ году появилось нѣсколько сборниковъ стихотвореній нашихъ молодыхъ поэтовъ за послѣднія десять лѣтъ; одинъ изъ нихъ, г. Надсонъ, недавно былъ удостоенъ преміи Академіею

Наукѣ. Надобно надѣяться, однако, что появленіе подобныхъ сборниковъ вовсе не выражаетъ намѣренія со стороны поэтовъ проститься съ лирой навсегда;—обыкновенно къ сборникамъ прибѣгаютъ авторы, чувствуя себя уже на склонѣ дней или, по крайней мѣрѣ, сознавая, что ими пройденъ главный періодъ ихъ творчества. Впрочемъ, для поэтическихъ произведеній первой эпохи творчества сборники могутъ имѣть и другое значеніе: не будучи вовсе признакомъ нѣкоторой усталости поэта, они даютъ ему средство проманиести, такъ сказать, самому приговоръ надъ первыми плодами своего творчества, и изъ того, что время отъ времени появлялось на страницахъ періодическихъ изданій, сдѣлать болѣе строгій выборъ—отказаться отъ слабаго и ограничиться лишь тѣмъ, что болѣе выдержало пробу критики.

Сборникъ стихотвореній К. Р. расположенъ въ хронологическомъ порядкѣ (1879—1886) и даетъ поэтому возможность наглядно судить о замѣтномъ ростѣ и укрѣпленіи поэтического таланта, какимъ несомнѣнно обладаетъ авторъ. Нашимъ читателямъ знакомы его почти первые опыты 1881—82 гг.: „Псалмопѣвецъ Давидъ“ и „Въ Венеціи“; въ сборникъ изъ 1879 г. помѣщено всего одно стихотвореніе, а изъ 1880 г. не заимствовано ничего. Въ этихъ первыхъ опытахъ, уступающихъ много и во многомъ стихотвореніямъ послѣдующихъ годовъ, обнаружались уже довольно ясно существенныя черты характера всей поэзіи К. Р., склонной преимущественно къ выраженію душевныхъ движеній и къ воспріятію живыхъ и непосредственныхъ впечатлѣній; отвлеченная мысль или задача, пришедшая извнѣ, очевидно, не находила себѣ равносильнаго отголоска въ душѣ поэта, а потому и не возбуждала въ той же силѣ его дарованій. Въ этомъ отношеніи, лучшія стихотворенія К. Р. всего болѣе напоминаютъ собою лирическую поэзію покойнаго граф. А. К. Толстого; первыя имѣютъ много родственнаго съ произведеніями послѣдняго. Для доказательства того достаточно, напримѣръ, привести такіа стихотворенія, какъ „Затишье“:

Голубя покоились волны,
Голубой сводъ небесный дремалъ...
Въ мертвомъ снѣ цѣпенія, безмолвный
Часъ томительный подня насталъ.
Застывала, палима лучами,
Раскаленная почва земли,
Трепетала лишь чайка крылами
И вилась, и кружилась вдали...
Притупились всѣ ощущенья,
Всѣ застыли волненія въ груди,
И душа, забывшая стремленья,
Ничего не ждала впереди.

Лишь испуганно, гдѣ-то глубоко
Въ задремавшемъ умѣ притаясь,
О минувшемъ мечта одиноко
Трепетала, кружилась, вилась...

Въ одномъ изъ стихотвореній, гдѣ К. Р. заставляетъ говорить за себя поэта, рожденнаго близъ трона, высказывается именно склонность и самого К. Р. преимущественно къ лирической поэзіи — „пѣсни“:

Я—благонь судьбы.. Ужъ съ колнбелн
Богатство, почести, внсокій санъ,
Къ возвышенной меня манили цѣли,—
Рожденіемъ къ величью я призванъ.
— Но что мнѣ роскошь, злато, власть и сила?
Не та же ли безстрастная могила
Поглотить весь мишурный этотъ блескъ,
И все, что здѣсь лишь вѣишностью намъ льстило,
Исчезнетъ, какъ волин мгновенин всплескъ.
Есть даръ иной, божественный, безцѣнный,
Онъ въ жизни для меня всего святѣй,
И ни одно сокровище вселенной
Не замѣнитъ его душѣ моей:
То пѣснь моя!...

Пожелаемъ и нашему поэту не отказываться отъ такого дара и совершенствоваться, направляя свой даръ по тому пути, который наиболѣе сроденъ его прирожденнымъ качествамъ, а именно, задумчивости и непосредственности впечатлѣнія.

НЕКРОЛОГЪ.

АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОЛОВНИНЪ.

Р. 25 марта 1821 г. — 8 ноября 1886 г.

Ровно двадцать лѣтъ тому назадъ, въ апрѣлѣ 1866 г., на самомъ рубежѣ, рѣзко отдѣлившемъ два главные періода послѣдняго царствованія, А. В. Головининъ, сойдя тогда съ арены практической государственной дѣятельности, замкнулся въ тѣсномъ кругу друзей и тѣхъ немногихъ, которые умѣли его цѣнить и въ самомъ его уединеніи. Въ наше время, когда слишкомъ довольно и двадцати дней для полного почти забвенія лица, еще недавно пользовавшагося и властью, и почетомъ, — двадцать лѣтъ могли бы служить достаточнымъ основаніемъ къ тому, чтобы изгладить въ памяти людей и самое имя того, кто уже давно не пользовался ни властью, ни вліяніемъ; а между тѣмъ, въ день погребенія А. В. Головинина, 6 ноября, въ церкви св. Пантелеймона, у гроба покойнаго собралась такая толпа лицъ изъ официального и неофициального міра, какая могла бы собраться развѣ лѣтъ двадцать тому назадъ, подъ живымъ впечатлѣніемъ дѣятельности покойнаго и того вліянія, какое можетъ имѣть каждый на все, что еще недавно зависѣло отъ его личной власти. Изъ этого видно только то, что А. В. Головининъ сошелъ съ одной арены практической государственной дѣятельности, но онъ не утратилъ вмѣстѣ съ тѣмъ ни интереса въ государственному дѣлу, ни живой связи съ дѣйствительнымъ міромъ; въ то же время, онъ всегда оставался неизмѣнно вѣрнымъ другомъ друзей, и — что встрѣчается особенно рѣдко — никогда не „сожигалъ того, чему разъ поклонялся“ — не измѣнялъ своихъ основныхъ убѣжденій. Все это было причиною того, что онъ и въ уединеніи легко могъ сохранить всю бодрость ума, не утомленнаго частыми сдѣлками и компромиссами, и свѣжесть сердца, отзывчиваго на все доброе, разумное и справедливое. Вотъ почему и двадцать лѣтъ оказались безсильными и не могли вычеркнуть изъ памяти людей чловека, какихъ вообще бываетъ немного и въ дни — лучшіе нашихъ.

Нѣтъ сомнѣнія, — эти 20 лѣтъ (1866—1886) бездѣйствія покойнаго для его біографа будутъ весьма интересными, быть можетъ, не менѣе интересными, чѣмъ самая предшествовавшая, впрочемъ весьма кратковременная, эпоха государственной дѣятельности А. В. Головинина (1861—1866 гг.), — и вотъ почему: отойдя отъ дѣла, онъ невольно превра-

тился въ нѣмого свидѣтеля и, какъ мы слышали, собралъ значительный матеріалъ для исторіи своего времени, вѣроятно, снабженный замѣтками и опѣвкою событій со стороны покойнаго; намъ говорили, что еще въ 70-хъ годахъ онъ, будто-бы, сложилъ всѣ бумаги въ желѣзный ящикъ и сдалъ ихъ на храненіе въ Публичную Библіотеку, съ тѣмъ чтобы этотъ ящикъ былъ вскрытъ извѣстное время спустя послѣ его смерти. При любви покойнаго къ обстоятельному ознакомленію со всѣмъ, что встрѣчалось ему на пути жизни, при тѣхъ средствахъ, какими онъ распоряжался для повѣрки своихъ свѣденій, его бумаги могутъ представить огромный интересъ, и такимъ образомъ онъ много лѣтъ послѣ насъ, такъ сказать, оживетъ снова, въ памяти людей, какъ безпристрастный, спокойный и разумный свидѣтель и истолкователь всего, что онъ успѣлъ наблюдать изъ своего уединеннаго кабинета, вдалекѣ отъ тревоженій дня.

Александръ Васильевичъ Головининъ, сынъ извѣстнаго мореплавателя, вице-адмирала Василья Михайловича ¹⁾ и Авдотьи Степановны (урожд. Лутковская; братъ ея, Ѳ. С. Лутковскій, дядя покойнаго А. В., былъ однимъ изъ воспитателей В. К. Константина Николаевича)—родился въ Петербургѣ 25 марта 1821 года. Головинины имѣли въ рязанской губерніи, пронскаго уѣзда, помѣстье Гулынкино; въ немъ числилось, до 1861 г., 366 душъ, а по освобожденіи крестьянъ и за полнымъ надѣломъ ихъ, въ собственности владѣтеля Гулынкина осталось всего около 400 десятинъ земли.—Десяти лѣтъ отъ роду, лѣтомъ 1831 г., А. В. имѣлъ несчастіе внезапно потерять отца, при такихъ обстоятельствахъ, которыя произвели на него неизгладимое впечатлѣніе и не мало повліяли на его характеръ. Еще утромъ въ 11 ч., 30 іюня, В. М. Головининъ, на дачѣ по петергофской дорогѣ, игралъ съ дѣтьми, вполне здоровый, а въ 4 часа того же дня его тѣло уже везли по дорогѣ въ Петербургъ, гдѣ и похоронили на городскомъ выгонѣ, нынѣ Митрофаньевское кладбище, а въ то время холерное: В. М. Головининъ скончался именно отъ холеры;—пятьдесятъ лѣтъ спустя, рядомъ съ отцомъ, А. В. похоронилъ, въ декабрѣ 1880 г., и свою мать на томъ же кладбищѣ; возлѣ нихъ теперь помѣстилась и могила самого Александра Васильевича.—До своего вдовства, Авдотья Степановна, женщина весьма образованная и умная, сама лично занималась воспитаніемъ своихъ дѣтей; но, вѣроятно, смерть главы семейства побудила ее, въ томъ же 1831 г., отдать сына въ первую гимназію, гдѣ А. В. оставался, впрочемъ, недолго; въ

¹⁾ Въ 1864 г., А. В. Головининъ издалъ полное собраніе сочиненій своего отца въ шести томахъ.

1834 г., онъ былъ переведенъ въ Лицей, гдѣ и кончилъ курсъ, 13-го декабря 1839 г., первымъ съ золотою медалью № 1; въ одномъ классѣ съ нимъ были, изъ будущихъ государственныхъ дѣятелей, М. А. Рейтернъ и бар. А. П. Николай.

Въ эпоху имп. Николая Павловича, служебная карьера молодого А. В. не представляла ничего особеннаго, хотя и тогда уже можно было подмѣтить въ немъ черты, отличавшія его отъ массы подобныхъ ему юношей, кончившихъ курсъ въ одномъ изъ самыхъ привилегированныхъ учебныхъ заведеній. Онъ началъ свою службу, въ 1840 году, поступленіемъ въ Собственную Канцелярію по управленію учебными и благотворительными заведеніями, отсюда перешелъ, въ 1843 году, секретаремъ особенной канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ Л. А. Перовскаго. Въ это время тамъ служилъ В. И. Даль и И. С. Тургеневъ, съ которыми А. В. сохранилъ до конца самыя лучшія отношенія. Изъ времени этой первоначальной службы можно отмѣтить, однако, одно серьезное порученіе, которое было возложено министромъ на А. В.; отличное исполненіе порученнаго дѣла не могло уже тогда не обратить вниманія на молодого человѣка. А. В. Головнину было, именно, поручено составить очеркъ исторіи и современнаго положенія городовъ Финляндіи. На эту работу А. В. употребилъ два года; въ это время онъ часто ѣздилъ въ Финляндію и подолгу жила тамъ. Результатомъ его работъ былъ обширный трудъ, который и теперь долженъ храниться гдѣ-нибудь въ архивахъ; лично же для А. В. эта работа имѣла тотъ результатъ, что онъ хорошо усвоилъ себѣ знаніе шведскаго языка, сверхъ англійскаго, французскаго, нѣмецкаго и итальянскаго, которыми онъ владѣлъ еще прежде. Въ самомъ концѣ 40-хъ годовъ, а именно въ 1848 г., А. В. Головнинъ вышелъ въ отставку изъ министерства вн. дѣлъ, и вслѣдъ за тѣмъ поступилъ чиновникомъ особыхъ порученій при начальникѣ главнаго морского штаба кн. Меншиковѣ; нисколько не удивительно, что племянникъ Ѳ. С. Лутковскаго и сынъ знаменитаго мореплавателя могъ легко найти себѣ мѣсто въ канцеляріяхъ морского вѣдомства; но тѣмъ особеннымъ положеніемъ, какое занялъ вскорѣ тамъ А. В. Головнинъ, онъ былъ обязанъ уже самому себѣ, своимъ личнымъ достоинствамъ и трудамъ, приблизившимъ его къ особѣ В. К. Константина Николаевича, только-что достигшаго совершеннолѣтія въ самомъ концѣ тѣхъ же 40-хъ годовъ. Покойный императоръ поручилъ юному Великому Князю заняться пересмотромъ французскаго морского устава, а кн. Меншиковъ командировалъ, по поводу этой работы, въ распоряженіе Генералъ-Адмирала именно Головнина, какъ уже извѣстнаго ему за одного изъ самыхъ образованныхъ и дѣльныхъ молодыхъ людей, находившихся въ его распоряженіи. Это было

въ 1850 году. На этой серьезной и трудной работѣ, которая не осталась безъ послѣдствій для созданія будущаго морского устава, А. В. Головининъ отрекомендовалъ себя съ наилучшей стороны; съ тѣхъ поръ онъ началъ пользоваться довѣріемъ В. К. Константина Николаевича, которое не прекращалось до самыхъ послѣднихъ дней покойнаго: такъ надобно судить по тому, самому теплому, участію, какое приняло при его погребеніи августѣйшее семейство Великаго Князя, отсутствовавшего въ это время въ Крыму.

Первый, десятилѣтній періодъ царствованія Александра Николаевича былъ началомъ и концомъ государственной дѣятельности А. В. Головинина; самое же направленіе этой дѣятельности дало обстоятельство второстепенное, а именно то, что еще въ 1859 г. онъ былъ сдѣланъ членомъ Главнаго Правленія Училищъ, при министерствѣ народнаго просвѣщенія. Всѣмъ памяты условія, при которыхъ А. В. Головининъ былъ назначенъ, въ декабрѣ 1861 г., управляющимъ министерства народнаго просвѣщенія, а чрезъ годъ утвержденъ въ этомъ званіи. Ему досталось открывать вновь петербургскій университетъ, закрытый при его преемникѣ, адм. Путятинѣ, положить начало новороссійскому университету въ Одессѣ, и озаботиться пополненіемъ профессорскаго персонала и созданіемъ новаго университетскаго устава, такъ какъ отъ прежняго устава давно уже не оставалось ни одного параграфа, который не былъ бы отмѣненъ или замѣненъ различными взаимно-противорѣчащими циркулярами. Для пополненія персонала отправлено было много молодыхъ людей за границу, а руководство ими поручено Н. И. Пирогову. Точно также для предварительнаго ознакомленія съ университетскими порядками за границей былъ командированъ въ Германію и Францію такой опытный профессоръ, какъ К. Д. Кавелинъ и др., а проектъ устава въ переводѣ былъ обсуждаемъ лучшими европейскими авторитетами. Немногіе изъ законодательныхъ памятниковъ имѣли для себя такую обстоятельную и всестороннюю предварительную разработку, какъ университетскій уставъ 1863 года. Правильная оцѣнка этого устава сдѣлалась затруднительною уже потому, что введеніе его въ жизнь не могло быть совершенно тѣмъ же лицомъ, которое руководило его составленіемъ: 14 апрѣля 1866 г., А. В. Головининъ былъ уволенъ отъ должности министра народнаго просвѣщенія, съ назначеніемъ членомъ государственнаго совѣта ¹⁾. Въ слѣдующемъ періодѣ

¹⁾ А. В. Головининъ, во время своего управленія министерствомъ, очень много сдѣлалъ для будущаго историка нашего просвѣщенія превосходнымъ изданіемъ „Сборника постановленій по мин. народн. просвѣщенія“, въ трехъ томахъ (1864 и 1865 гг.); они обнимаютъ собою все царствованіе имп. Александра I, Николая I и Александра II до 1865 года.

прошедшаго царствованія, наступившемъ одновременно съ отставкою А. В. Головнина, онъ оставался всегда въ сторонѣ отъ дѣла, если не считать назначенія его, въ 1872 г., членомъ департамента законовъ; впрочемъ, въ 1876 г. онъ выбылъ и оттуда.

Въ своемъ небольшомъ рязанскомъ помѣстьѣ А. В. долженъ былъ оставить самыя лучшія воспоминанія: въ 1861 г., въ память освобожденія крестьянъ, онъ построилъ тамъ на свой счетъ новую и просторную церковь, весьма изящную, если судить по тому, что запрестольный образъ въ ней—работы Нефа, а цвѣтныя стекла были выписаны изъ Бельгіи; кромѣ того, онъ выстроилъ для крестьянъ школу и больницу на двухъ десятинахъ земли и все это передалъ мѣстному земству, какъ мы слышали, съ капиталомъ, проценты съ котораго предназначались на поддержаніе тѣхъ двухъ учреждений.

Въ кругу друзей и близко знавшихъ А. В. Головнина смерть его произвела самое удручающее впечатлѣніе, какъ о томъ можно было судить по первымъ отзывамъ, появившимся въ печати вслѣдъ за его кончиною. Несомнѣнно, — читали мы въ газетахъ на слѣдующій же день послѣ его кончины, — у всякаго, кто встрѣчался съ Головиннымъ, при извѣстїи о его смерти, вмѣстѣ съ чувствомъ глубокаго сожалѣнія явится воспоминаніе о человѣкѣ, „который умѣлъ соединить утонченную, чрезвычайно рѣдкую и даже вовсе забытую въ наше время вѣжливость съ твердостью взглядовъ и математическою точностью выраженій. Старый лицеистъ начала 40-хъ годовъ предстанетъ предъ нами съ своими привѣтливыми приѣмами свѣтскаго человѣка, сквозь которые всегда проглядывали и рѣдкое, по своей многосторонней солидности, образованіе, и глубина взглядовъ, за которою чувствовалось бїеніе теплаго сердца, не умѣвшего старѣться и успокаиваться въ сознаніи своего личнаго довольства и почета...“

М. С.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-го декабря 1886.

Толки о послѣднихъ процессахъ печати. — Судебная „вендетта“ и добровольныя произвола. — Продолженіе похода противъ земской школы. — Петербургская дума и электрическое освѣщеніе. — Юго-Восточная Сибирь на Хабаровскомъ съѣздѣ. — Проф. С. А. Усовъ †.

Мѣсяцъ тому назадъ, въ нашей печати надѣлало много шуму одновременное присужденіе нѣсколькихъ редакторовъ къ тюремному заключенію или аресту, за клевету и диффамацию противъ частныхъ лицъ. Нельзя сказать, чтобъ этотъ шумъ былъ лишень всякаго основанія. Чрезмѣрная строгость суда, по отношенію къ редакторамъ газетъ, обвиняемымъ въ диффамациі или клеветѣ, можетъ существенно затруднить исполненіе одной изъ самыхъ важныхъ задачъ, лежащихъ на періодической печати — а обстоятельства дѣлъ, по которымъ состоялись въ послѣднее время обвинительные приговоры, позволяли утверждать, что наличность проступка допускается судомъ слишкомъ легко, и мѣра наказанія назначается слишкомъ большая. Смятенію, вызванному судебными рѣшеніями, способствовало и то, что въ рѣчи оберъ-прокурора уголовного кассационнаго департамента сената, произнесенной по одному изъ послѣднихъ процессовъ печати, провозглашенъ былъ принципъ отвѣтственности за клевету не только автора статьи, но и редактора напечатавшаго ее періодическаго изданія. Теперь, когда миновало первое впечатлѣніе, пора отнестись къ его причинамъ, по возможности, спокойно.

Заключеніе оберъ-прокурора А. Θ. Кони по дѣлу Берга состоитъ въ тѣсной связи съ заключеніемъ его по дѣлу Ахшарумова, разобраннымъ подробно въ нашей январской общественной хроникѣ. И то, и другое, доказываютъ, въ нашихъ глазахъ, въ особенности, одно: крайнюю несостоятельность дѣйствующихъ законовъ о диффамациі и клеветѣ и необходимость скорѣйшаго ихъ измѣненія, въ томъ смыслѣ, въ какомъ это проектировано комиссіею, составляющею новое уголовное уложеніе. Въ словахъ А. Θ. Кони слышится далеко не сочувственное отношеніе къ обвиненіямъ и обвинителямъ въ диффамациі — но что же ему дѣлать, — что же дѣлать судьямъ, если законъ разрѣшаетъ два различные способа преслѣдованія, изъ которыхъ одинъ почти равносильнъ невозможности обнаружить истину? Чтобы уменьшить хоть сколько-нибудь число обвиненій въ диффамациі, оберъ-

прокурору оставалось только доказать невозможность перехода от диффамации къ клеветѣ, по усмотрѣнію обвинителя и при всякомъ положеніи дѣла—и это онъ блистательно исполнилъ ¹⁾. Что касается до клеветы, то центръ тяжести вопроса лежитъ здѣсь не въ томъ, можетъ ли отвѣчать за нее редакторъ, — есть случаи, когда отвѣтственность его несомнѣнно представляется и неизбежной, и справедливой,—а въ томъ, при какихъ условіяхъ онъ имѣетъ право рассчитывать на безнаказанность. Мы имѣли уже случай объяснить, что осужденіе за клевету справедливо лишь при сознательной лжи, или, по меньшей мѣрѣ, при крайнемъ легкомысліи со стороны лица, ее распространяющаго. Требовать отъ автора — а тѣмъ болѣе, отъ редактора,—чтобы онъ былъ вполне убѣжденъ въ достовѣрности оглашаемаго факта, чтобы онъ не имѣлъ и не могъ имѣть на этотъ счетъ никакихъ сомнѣній—значить, идти слишкомъ далеко и охранять доброе имя отдѣльныхъ лицъ въ ущербъ интересамъ цѣлаго общества. Ошибка, допущенная оберъ-прокуроромъ и сенатомъ по дѣлу Ахшарумова, состоитъ, по нашему мнѣнію, именно въ томъ, что для оправданія обвиняемаго въ клеветѣ требуется доказанность убѣжденія, исключавшаго возможность сомнѣній, тогда какъ вполне достаточно было бы ограничиться разумнымъ основаніемъ, по которому оглашенное обстоятельство могло считаться достовѣрнымъ. Въ заключеніи по дѣлу Берга, общая формула требованія остается неизмѣнной, но, по отношенію къ редакторамъ, она подвергается значительному смягченію. „Въ каждомъ случаѣ обвиненія редактора въ клеветѣ“,—говоритъ оберъ-прокуроръ,—„судъ обязанъ не упускать изъ виду трудностей его спеціальнаго положенія, создаваемыхъ задачами и способами публицистической дѣятельности. Эти трудности должны указывать справедливому чувству суда тѣ границы, дальше которыхъ не должно идти требованіе основаній для убѣжденія редактора въ правдивости сотрудника... Если довѣріе къ сообщенію сотрудника основано на его общественномъ положеніи, или общепризнанныхъ нравственныхъ достоинствахъ, или на старинныхъ, испытанныхъ сношеніяхъ съ редакціею, то судъ можетъ найти, что сообщеніе, исходящее отъ такого лица, не нуж-

¹⁾ Въ виду кажущагося противорѣчія между окончательнымъ выводомъ оберъ-прокурора, предлагавшаго отнѣять приговоръ налати именно вслѣдствіе неправильнаго перехода отъ диффамации къ клеветѣ, — и опредѣленіемъ сената, оставившимъ кассационную жалобу безъ послѣдствій, можно было опасаться, что сенатъ не принялъ этой основной мысли заключенія. На самомъ дѣлѣ, какъ мы слышали, это не такъ; сенатъ отклонилъ жалобу по другимъ, чисто формальнымъ, соображеніямъ (за неуказаніемъ въ ней съ достаточною ясностью того повода къ кассациі, который былъ усмотрѣнъ въ ней оберъ-прокуроромъ).

далось въ провѣрѣ и могло вызвать въ редакторѣ убѣжденіе въ своей правдивости, снимающее съ него обвиненіе въ клеветѣ". При такомъ взглядѣ на отвѣтственность редактора, нѣтъ мѣста для чрезвычайныхъ опасеній за свободу печати, насколько она зависитъ отъ примѣненія постановленій о клеветѣ; но оградить ее вполне можетъ только новый законъ, построенный на теоріи „разумнаго основанія“.

Отыскивая причины строгости, съ которою отнесся судъ къ недавнимъ процессамъ печати, одна почтенная московская газета объяснила ее, между прочимъ, нравственнымъ упадкомъ печати, вызвавшимъ реакцію со стороны суда. Вполнѣ правильнымъ это объясненіе нельзя признать уже потому, что нѣкоторыя изъ осужденныхъ газетъ никогда не навлекали на себя упрека въ „легкости права“, въ безцеремонномъ отношеніи къ чести и доброму имени частныхъ лицъ. Взаимной солидарности, круговой поруки между органами печати не существуетъ; карать однихъ за вину другихъ было бы чересъ-чуръ несправедливо, и ничего подобнаго судъ, безъ сомнѣнія, не имѣлъ и не могъ имѣть въ виду. Скажемъ болѣе: если-бы всѣ газеты, подвергшіяся судебному преслѣдованію, отличались неуваженіемъ къ личности, страстью къ скандаламъ, то и это не могло бы, само по себѣ, ни оправдать, ни даже извинить повальнаго осужденія ихъ судомъ. Принимать въ расчетъ прошедшее газеты, обычный ея образъ дѣйствій, общую ея окраску—не политическую, конечно, а нравственную,—судъ въ правѣ лишь тогда и лишь настолько, когда и насколько идетъ рѣчь объ опредѣленіи намѣренія и цѣли, руководившихъ редакцію при оглашеніи позорящихъ обстоятельствъ. Весьма важно установить не только разумность основанія, позволившаго редакціи признать достовѣрность извѣстнаго факта, но и разумность, честность побужденій, заставившихъ ее огласить этотъ фактъ. Одной презумпціи—для осужденія—здѣсь мало. Нужно не только считать редакцію вообще способной къ легкомыслію—нужно придти къ заключенію, что она поступила легкомысленно въ данномъ случаѣ; но способствовать такому заключенію—или, наоборотъ, противодействовать ему—можетъ, конечно, и нравственный обликъ редакціи, какимъ онъ является при ближайшемъ знакомствѣ съ содержаніемъ газеты. Неудивительно, напримѣръ, что, при равенствѣ всѣхъ остальныхъ условій, французскій судъ можетъ признать клевету въ статьѣ „Figaro“ или „Gaulois“, отвергнуть ее—въ статьѣ „Temps“ или „Journal des Débats“. Это право суда вытекаетъ изъ самаго понятія о клеветѣ и не нуждается въ прямой санкціи закона; но для избѣжанія недоразумѣній, для избѣжанія неосновательныхъ упрековъ въ тенденціозности, весьма важно было бы выразить въ уголовномъ кодексѣ, что судъ въ дѣлахъ объ оглашеніи позорящихъ обстоя-

тельствъ можетъ и долженъ принимать въ соображеніе побужденія, мотивы обвиняемаго. Этому требованію удовлетворяетъ вполне проектъ редакціонной комиссіи, на основаніи котораго разглашеніе позорящаго обстоятельства, хотя бы и не доказаннаго на судѣ, не наказуемо, если оно было учинено ради государственной или общественной пользы (и, притомъ, существовало разумное основаніе считать разглашенное обстоятельство достовѣрнымъ).

Если неосновательна догадка, связавшая послѣднія рѣшенія суда съ какой-то попыткой очищенія и исправленія печати, то что же сказать о другомъ толкованіи, принадлежащемъ одной изъ петербургскихъ газетъ и усматривающемъ въ образѣ дѣйствій суда систематическую месть противъ печати? Печать позволяетъ себѣ указывать ошибки суда, предлагать измѣненія въ судебныхъ уставахъ: *inde ius*, отсюда—мѣсяцы тюремнаго заключенія и ареста, сыплющіеся на представителей печати! Болѣе нелѣпой выдумки нельзя себѣ и представить. Не говоримъ уже о томъ, что судебныя рѣшенія не коснулись какъ разъ органовъ печати, наиболѣе враждебныхъ суду, что привлечены къ отвѣтственности, наоборотъ, нѣкоторыя газеты, всегда стоящія за самостоятельность суда, за неприкосновенность основныхъ началъ судебной реформы. Если бы это было и не такъ, то все-таки не было бы мѣста для упрека, столь беззастѣнчиво бросаемаго въ лицо суду. Чтобы заподозрить нѣсколько судовъ, отъ низшихъ до высшаго, въ сознательномъ и намѣренномъ неправосудіи, вызванномъ даже не личнымъ раздраженіемъ, а какимъ-то корпоративнымъ неудовольствіемъ противъ всей вообще печати,—нужно потерять всякое чувство мѣры, всякое уваженіе къ печатному слову. Замѣйте, притомъ, какой выбранъ моментъ для обвиненія суда въ „политиканствѣ“, въ „полемиѣ“, веденной посредствомъ обвинительныхъ приговоровъ: моментъ наибольшей опасности, нависшей надъ независимымъ судомъ, моментъ наибольшей разнузданности страстей, направленныхъ противъ идеи законности и закона. „Судебная республика“ выставляется какимъ-то государствомъ въ государствѣ, ея „граждане“—членами какого-то „фармазонскаго“ союза, служащими девизу: „всѣ за одного и одинъ за всѣхъ“; и въ это самое время печать, призванная стоять на стражѣ угрожаемаго блага, присоединяется къ сонму враговъ суда, кричитъ вмѣстѣ съ ними о тенденціозности судей, о необходимости „примѣровъ“, т.-е. чрезвычайныхъ мѣропріятій, достаточныхъ для устрашающаго дѣйствія на большинство! Признаемся откровенно,—эти крики произвели на насъ тѣмъ болѣе печальное впечатлѣніе, что они не встрѣтили энергичнаго отпора со стороны другихъ органовъ ежедневной прессы, испытавшихъ на себѣ дѣйствіе „судебныхъ скорпіоновъ“. Неудоволь-

ствіе противъ судебнаго рѣшенія почти вездѣ приняло форму неудовольствія противъ суда; другими словами, произошло нѣчто въ родѣ тѣхъ обобщеній, которыми такъ часто грѣшить реакціонная печать, когда отдѣльные ошибки возводятся ею на степень общаго явленія. Если извѣстная французская поговорка предоставляетъ каждому осужденному „vingt-quatre heures pour maudire ses juges“,—то даже она ограничиваетъ это право одними судьями, постановившими обвинительный приговоръ, а не распространяетъ его на судъ вообще. Для печати памятованіе различія между судьями и судомъ обязательно еще въ несравненно большей мѣрѣ. Она можетъ оспаривать мотивы каждаго отдѣльнаго рѣшенія, но не должна строить на трехъ-четырехъ случаяхъ обвинительный актъ противъ судебной власти—не должна уже потому, что это значило бы играть въ руку всѣмъ, отрицающимъ свободу печати. „Посмотрите“,—могутъ сказать защитники произвола,—„какъ исполнилась печать, лишь только передъ представителями ея открылась перспектива тюрьмы или ареста. Не ясно ли, что она еще не созрѣла для системы исключительно судебныхъ каръ, что въ ней еще слишкомъ сильны „шкурные истинны“, что она сама не пожелала бы проиѣнать зависимость отъ администраціи на отвѣтственность передъ судомъ?“ Мы очень хорошо понимаемъ всю фальшь подобной аргументаціи, очень хорошо видимъ разницу между лишеніемъ свободы, налагаемымъ за искреннее, открытое выраженіе тѣхъ или другихъ политическихъ мнѣній, и тѣмъ же наказаніемъ, налагаемымъ за оклеветаніе какого-нибудь барышника или спекулянта; мы знаемъ, что перенести первое несравненно легче, чѣмъ послѣднее—но все-таки мы не можемъ не пожалѣть, что судебныя громы не были приняты нашей печатью съ большимъ достоинствомъ и хладнокровіемъ. Ей слѣдовало бы показать, что она не боится судебной отвѣтственности, что она готова ей подчиниться, сохраняя за собою, конечно, право критическаго анализа постигшихъ ее судебныхъ рѣшеній; ей слѣдовало бы помнить, что діпазонъ протеста противъ судебныхъ ошибокъ не долженъ быть черезъ-чуръ поднимается, сравнительно съ діпазономъ, возможнымъ, въ настоящую минуту, для протеста противъ ошибокъ административной расправы.

Какова бы ни была погрѣшность, допущенная, по занимающему насъ вопросу, нѣкоторыми органами ежедневной печати, она меркнетъ въ сравненіи съ предложеніемъ по истинѣ невѣроятнымъ—предложеніемъ подчинить проступки печати противъ частныхъ лицъ, вмѣсто суда, административнымъ карамъ! Газета, выступившая съ этимъ проектомъ, не можетъ оправдываться даже нервнымъ разстройствомъ, происходящимъ отъ укушенія „судебнымъ скорпіономъ“; она

не принадлежит къ числу тѣхъ, надъ которыми произнесены обвинительные судебные приговоры. Нужно жить въ какомъ-то совершенно особомъ мірѣ, чтобы колебаться хотя одну минуту между судебными и административными взысканіями по дѣламъ печати; что же сказать о систематическомъ предпочтеніи послѣднихъ, о готовности расширить область ихъ примѣненія? Не легко, конечно, подвергнуться аресту или тюремному заключенію—но они поражаютъ только отдѣльное лицо, оставляютъ неприкосновеннымъ самое изданіе, не нарушаютъ многочисленныхъ интересовъ, съ нимъ соединенныхъ, не налагаютъ молчанія на цѣлое направленіе... На одну доску съ удивительною мыслью о предостереженіяхъ—за клевету, о запрещеніи газетъ или журналовъ—за диффамцію, можно поставить развѣ знаменитую фразу, произнесенную въ прошломъ году однимъ смѣлымъ публицистомъ: „мы не считаемъ существующихъ законовъ о печати особенно сѣбнителными для печати“. Разгада оригинальности и тамъ, и тутъ—одна и та-же: личная обезпеченность того, кто это сказалъ, отъ административныхъ каръ. Признавая ихъ неопасными для себя, можно провозглашать „несѣбнителность“ ихъ для другихъ, можно даже пропагандировать ихъ дальнѣйшее распространеніе; для этого требуется лишь извѣстная доза равнодушія къ общему дѣлу. Существуетъ рассказъ о какой-то знатной дамѣ, удивлявшейся тому, что народъ, при недостаткѣ хлѣба, не ѣстъ сладкихъ печеній. Единственная вина этой наивной особы заключалась въ томъ, что она судила о другихъ по самой себѣ, по своему собственному положенію. Ея прямыми потомками являются теперь „благополучные“ журналисты, стоящіе въ сторонѣ отъ всякихъ бѣдъ и рѣшительно отказывающіеся понять, изъ-за чего бѣдствуютъ и жалуются другіе.

Нельзя не пожалѣть, что въ нашу печать проникаетъ такъ мало свѣдѣній о дѣятельности уѣздныхъ земскихъ собраній. Сессія ихъ закончилась теперь почти вездѣ, а изъ ея результатовъ намъ извѣстно весьма немногое. Въ петербургской періодической прессѣ, напримѣръ, упоминалось, до сихъ поръ, только о засѣданіяхъ петербургскаго уѣзднаго земскаго собранія; о томъ, что дѣлается въ другихъ уѣздахъ нашей губерніи, мы не встрѣчаемъ въ газетахъ ни одного слова. Между тѣмъ въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ совершается значительно ббльшая часть настоящаго земскаго дѣла, и пульсъ земской жизни слышится въ нихъ гораздо сильнѣе, чѣмъ въ губернскихъ. Въ нынѣшнемъ году сессія ихъ представляла, вдобавокъ, тотъ особый интересъ, что она должна была выдвинуть на первый планъ вопросъ объ отношеніи земства къ народной школѣ. Попытки замѣ-

нить земскую школу церковно-приходскою, начавшіяся уже въ прошедшемъ году и кое-гдѣ увѣнчавшіяся успѣхомъ, должны были возобновиться въ большихъ размѣрахъ и съ большею силой. И дѣйствительно, примѣръ вольскаго земства, поспѣшнѣйшаго передать свои школы въ вѣденіе духовенства, не остался безъ подражателей. Слободское (вятской губерніи) земство совсѣмъ было уже рѣшило вопросъ въ этомъ смыслѣ, но стороны не сошлись въ условіяхъ, и дѣло не состоялось. Въ аткарскомъ земскомъ собраніи (саратовской губерніи) раздалось восклицаніе: „пусть попы да дьячки учатъ народъ грамотѣ“, но оно осталось гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Въ курскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи предводителемъ атаки явился предсѣдатель собранія. Здѣсь, насколько видно изъ отчетовъ, рѣчь шла уже не о томъ, кто долженъ завѣдывать народнымъ образованіемъ, а о томъ, не составляетъ ли оно вообще излишнюю и опасную роскошь. „Образованіе только приноситъ вредъ населенію, развращаетъ крестьянъ... продуктомъ образованности являются кабатчики, кулаки, аблакаты и прочіе пройдохи... Просвѣщеніе портитъ крестьянское юношество“... Изъ такихъ аргументовъ логическій выводъ только одинъ: народная безграмотность, возведенная въ принципъ и въ идеалъ, по образцу рабовладѣльческихъ теорій! Если большинство курскаго собранія убѣдилось доводами своего представителя, то напрасно оно трудилось набирать комиссію, съ цѣлью „поставить дѣло народнаго образованія на правильный путь“; единственный путь къ освобожденію отъ „вредной образованности“—закрытіе народныхъ школъ... Не поразительна ли, однако, скудость мысли, выражающаяся въ современныхъ нападекахъ на народную школу? Лѣтъ двадцать тому назадъ, когда число сельскихъ начальныхъ школъ—а сообразно съ этимъ и число грамотныхъ—было еще крайне незначительно, предположеніе о томъ, что грамотность есть источникъ нравственной порчи, что грамотный крестьянинъ способенъ и расположенъ эксплуатировать въ свою пользу общее невѣжество окружающей его среды,—не было очевидно нелѣпнымъ; въ его защиту можно было привести кое-какіе факты, не убѣдительные, конечно, для безпристрастнаго судьи, но достаточные для скороспѣлаго, необдуманнаго приговора. Нелѣпость является на сцену только тогда, когда готовая фраза, давно пущенная въ оборотъ, повторяется въ томъ же видѣ при совершенно измѣнившихся условіяхъ. Грамотныхъ, во всякой земской губерніи, теперь такъ много, что поголовное обращеніе ихъ въ „кабатчиковъ, кулаковъ, аблакатовъ“ физически невозможно. Есть деревни, въ которыхъ грамотно все молодое поколѣніе; кто же пахнетъ тамъ землею, кто исполняетъ всѣ крестьянскія работы? Одни только неграмотные старики? О такой необыкновенной комбинаціи обстоятельствъ до сихъ поръ

еще не было слышно. Чтобы могли умножаться и благоденствовать обманщики, должна быть на-лицо масса лицъ, легко поддающихся обману; какое же преимущество имѣеть, съ этой точки зрѣнія, грамотный человѣкъ надъ множествомъ другихъ, одинаково съ нимъ грамотныхъ? Если враги народной школы не придумали до сихъ поръ ничего болѣе умнаго и дѣльнаго, то не свидѣтельствуетъ ли это, лучше всякихъ другихъ доказательствъ, о полномъ отсутствіи разумныхъ основаній для вражды, питаемой только анти-народными инстинктами и вѣрнопостнической рутинной?

Пока явленія, въ родѣ тѣхъ, которыми ознаменовалась сессія курскаго уѣзднаго земства, остаются единичными фактами, пока измѣна лучшему изъ земскихъ дѣлъ не проникла въ большинство земскихъ собраній,—для смущенія и тревоги нѣтъ еще достаточной причины. Заботливость земства о начальной школѣ принято теперь, въ разсужденіяхъ извѣстнаго сорта, объяснять модой. Несостоятельность этого объясненія очевидна; работа, непрерывно продолжавшаяся два десятилѣтія, охватившая всю земскую Россію и создавшая столько прочныхъ результатовъ, не могла быть продуктомъ мимолетнаго, поверхностнаго увлеченія. Совсѣмъ другое дѣло—теперешнее анти-школьное движеніе. Возникающее кое-гдѣ, руководимое кое-какъ, проникнутое равнодушіемъ и вялостью, оно соединяетъ въ себѣ всѣ признаки случайности, всѣ задатки недолговѣчности. Порожденное „вѣяніемъ“ — отнюдь, впрочемъ, не „новымъ“ — оно исчезнетъ, можно надѣяться, вмѣстѣ съ нимъ, оставивъ легкія пятнышки на исторіи земства, но не извративъ радикально ея характера. Земская школа—это нѣчто въ родѣ вѣрности, дорожащей своими преданіями и своею честью; она можетъ быть взята приступомъ, но не можетъ сдаться добровольно.

Намъ рѣдко случается говорить въ защиту с.-петербургской городской думы, можетъ быть потому, что дѣланные ей упреки рѣдко лишены всякаго основанія. И она, однако, подвергается иногда несправедливымъ обвиненіямъ. Къ числу безукоризненныхъ ея рѣшеній принадлежитъ, напримѣръ, постановленіе 19-го ноября по вопросу объ электрическомъ освѣщеніи столицы—а между тѣмъ и оно также не осталось свободнымъ отъ нареканій. Горькій опытъ давно уже долженъ былъ убѣдить городское управленіе въ опасности и невыгодности сдѣловъ, отдающихъ ту или другую важную отрасль городского хозяйства въ руки акціонернаго общества или торговой фирмы. Всякая попытка избѣжать этой зависимости, обойтись собственными силами, заслуживаетъ полнаго сочувствія. Неудача возможна, конечно, и на этомъ пути — но, во-первыхъ, этотъ путь еще слишкомъ мало испытанъ; во-вторыхъ, здѣсь гораздо удобнѣе

поворотъ въ другую сторону, гораздо легче исправленіе сдѣланной ошибки, приспособленіе къ новымъ, непредвидѣннымъ обстоятельствамъ. Попытка, нынѣ предпринятая думой по отношенію къ электрическому освѣщенію, ничего, впрочемъ, не предрѣшаетъ, ни въ чемъ не связываетъ городское управленіе—и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не разрываетъ внезапно связи съ тѣмъ, что сдѣлано, потому что коммисіи по освѣщенію столицы поручено войти въ соглашеніе съ фирмой Сименсъ и Гальске о продолженіи электрическаго освѣщенія до окончанія текущаго освѣтительнаго періода. Гдѣ же тутъ основаніе для упрека въ „излишнемъ вниманіи къ интересамъ газоваго общества“—упрека, сдѣланнаго думѣ одною изъ петербургскихъ газетъ, и почему эта же самая газета не упрекаетъ тѣхъ, кто въ думѣ поддерживалъ предложеніе Сименса и Гальске, въ „излишнемъ вниманіи ихъ“ къ интересамъ этихъ господъ? Не слѣдуетъ ли, скорѣе, признать, что новый оборотъ дѣла прямо угрожаетъ интересамъ газовыхъ обществъ, знаменуя собою намѣреніе города освободиться отъ акціонерныхъ узъ, стать на ноги и воспользоваться, пожалуй, правомъ выкупа разныхъ выгодныхъ — не для города — предпріятій? Если предварительныя работы перейдутъ за рубежъ будущей весны, ничто не помѣшаетъ городу продлить, на вѣкоторое время, соглашеніе съ фирмою Сименсъ и Гальске—а еслибы препятствіе къ тому встрѣтилось со стороны самой фирмы, еслибы двумъ петербургскимъ улицамъ пришлось, на короткое время, возвратиться къ скудному, сравнительно, газовому освѣщенію, то въ этомъ, право, не было бы еще большой бѣды. Не нужно упускать изъ виду, что, при нынѣшнемъ положеніи городскихъ финансовъ и городского хозяйства, электрическіе фонари на Невскомъ проспектѣ и Большой Морской—не болѣе какъ роскошь, прихоть, изъ-за которой не стоитъ „стулья ломать“. Услужливость не по разуму, выраженіемъ которой послужилъ одинъ услужливый рагъ excellence реакціонный листокъ, была готова призвать на сцену, изъ-за электрическихъ фонарей, всемогущее вмѣшательство администраціи, и чуть не требовала закрытія городской думы. Нужно надѣяться, что этотъ призывъ не будетъ услышанъ; поводомъ къ отступленію отъ законнаго порядка данный случай можетъ служить меньше чѣмъ всякій другой. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, сравнивать усиленное освѣщеніе двухъ улицъ съ вопросомъ объ устройствѣ, на примѣръ, второго постоянного моста—единственнымъ вопросомъ, разрѣшеннымъ, при дѣйствіи новаго городского положенія, въ обычныхъ путяхъ и средствъ городского самоуправленія. Но тамъ шла рѣчь о цѣлой части города, остававшейся, по временамъ, безъ сообщенія съ остальными—здѣсь идетъ рѣчь о двухъ улицахъ, для освѣщенія которыхъ еще недавно признавались вполне достаточными газовые фонари. Мы могли бы, притомъ, противопоставить этому при-

мѣру другой примѣръ, совершенно иного свойства: городъ помнить какъ не очень давно котѣли, помимо городского общественнаго управленія, облагодѣтельствовать столицу хорошими крытыми экипажами, которые были бы дѣйствительно столько же лучше дрожжекъ, сколько электричество лучше газа; но само высшее правительство тогда приняло сторону города, а не администраціи—и любопытно было бы знать, что сказалъ бы тогда по этому поводу тотъ реакціонный листокъ: вѣдь крытые извозчичьи экипажи куда были бы полезнѣе для города, чѣмъ электрическое освѣщеніе, и притомъ только двухъ улицъ; кто изъ насъ не предпочелъ бы имѣть крытые экипажи при газовомъ освѣщеніи, нежели нынѣшнія безобразныя дрожки, съ пародією на фартукъ, хотя бы онѣ и были освѣщаемы электричествомъ? И тѣмъ не менѣе, какъ мы сказали, Верховная власть одобрила отказъ города той компаніи, которая хотѣла тогда облагодѣтельствовать городъ хорошими экипажами, потому что городское общественное управленіе было не противъ хорошихъ экипажей, а противъ способа ихъ введенія; точно также и теперь оно было не противъ хорошаго освѣщенія, а противъ самаго способа его осуществленія. Такимъ представляется намъ истинное значеніе приговора городской думы 19-го ноября: довольно концессій, довольно легкой отдачи на откупъ самыхъ первыхъ потребностей городского общества,—какъ это бывало въ „доброе старое время“—въ концѣ пятидесятихъ годовъ, откуда ведетъ свое лѣтосчисленіе и газовое дѣло, и водопроводное.

Намъ доставленъ былъ въ этомъ мѣсяцѣ весьма любопытный и мало извѣстный документъ, касающійся одной изъ самыхъ отдаленныхъ окраинъ Россіи. Года два или три тому назадъ учреждено, на юго-востокѣ Сибири, новое генераль-губернаторство, обнимающее собою области Приморскую, Амурскую и Забайкальскую, съ Владивостокомъ и островомъ Сахалиномъ. Первый генераль-губернаторъ приамурскаго края нашелъ нужнымъ приступить прежде всего къ изученію обширной, мало-населенной страны, доставшейся въ его завѣдываніе. Справедливо находя, что „одинъ въ полѣ—не воинъ“¹⁾, онъ рѣшился призвать къ себѣ на помощь мѣстныя силы и обсуждать вмѣстѣ съ ними положеніе края, его потребности и средства. Для этого въ Хабаровскѣ—резиденціи генераль-губернатора—уже два раза собирався сѣздъ, второй сессіи котораго, происходившей въ февралѣ нынѣшняго года, и посвященъ отчетъ, попавшій въ наши руки. Участвовало въ засѣданіяхъ сѣзда отъ 60 до 70 человѣкъ. О званіи и занятіяхъ ихъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній; нужно полагать, что это, большею частью,—люди служащіе, потому что на восточныхъ

¹⁾ Подлинныя слова генераль-губернатора, сказанныя передъ открытіемъ сѣзда.

аванпостахъ русскаго государства административныя сферы сосредоточиваютъ въ себѣ почти всю интеллигенцію края. Это не мѣшало, по видимому, свободѣ преній; несмотря на присутствіе генераль-губернатора, не скрывавшаго своихъ собственныхъ взглядовъ, по каждому почти спорному вопросу высказывались разныя мнѣнія, до самаго конца не уступавшія мѣста искусственному единогласію. Въ составъ программы сѣзда входила не одна только оцѣнка фактовъ; ихъ часто нужно было собирать, классифицировать, повѣрять, — до такой степени мало изслѣдованы еще всѣ мѣстныя условія. Въ отчетѣ сѣзда можно найти данныя, относящіяся къ пространству края, къ его населенности, къ его фаунѣ и флорѣ, къ свойствамъ и урожайности почвы; все это только теперь приводится въ ясность и возбуждаетъ иногда большіе споры. Рядомъ съ этими элементарными задачами, сѣзду приходится останавливаться на вопросахъ въ высшей степени важныхъ — важныхъ не только для приамурской мѣстности, но и для всей Россіи, по отношенію къ которой южная и юго-восточная Сибирь представляются, между прочимъ, драгоцѣнной почвой будущихъ переселеній. Колонизація Амура и въ особенности южно-уссурійскаго края совершается уже и теперь; переселенцы идутъ туда отчасти на собственный счетъ и страхъ, отчасти на счетъ казны. Комиссія сѣзда, разсматривавшая вопросъ о переселеніи, высказалась довольно рѣшительно противъ послѣдней системы; она нашла, что казенные переселенцы — болѣею частью, люди крайне бѣдные, иногда не имѣющіе понятія о хлѣбопашествѣ (?), неблагонадежные въ нравственномъ отношеніи. Правительственнаго пособія переселенцамъ комиссія не отвергаетъ совершенно, но предлагаетъ ограничить его ссудой на издержки переѣзда, возвращаемой въ пятнадцатилѣтній срокъ. Сѣздъ оказался нѣсколько болѣе сдержаннымъ, чѣмъ комиссія; онъ высказался только въ пользу временной пріостановки переселенія на счетъ казны, пока не прекратится приливъ своекоштныхъ переселенцевъ и не выяснятся болѣе опредѣленно условія переселенія. Разбирать предположенія комиссіи и сѣзда мы не станемъ, — это завлекло бы насъ слишкомъ далеко; замѣтимъ только, что ими одними не можетъ быть регулируема переселенческая политика правительства. Весьма можетъ быть, что мѣстнымъ властямъ удобнѣе имѣть дѣло съ своекоштными переселенцами, но въ центрѣ государства необходимо принимать въ расчетъ и условія другого рода. Правительственное содѣйствіе переселенію можетъ сдѣлать его доступнымъ для тѣхъ, кто всего болѣе въ немъ нуждается — для крестьянъ малоземельныхъ и безземельныхъ, для жителей густо населенныхъ внутреннихъ губерній; наоборотъ, чѣмъ богаче переселенцы, тѣмъ меньше переселеніе представляется необходимымъ для нихъ самихъ и полезнымъ для мѣстности, которую они оставляютъ. Какъ бы то

ни было, изученіе на мѣстѣ разныхъ переселенческихъ типовъ имѣетъ несомнѣнную важность, и можно только пожелать, чтобы въ основаніи его лежало больше личныхъ наблюдений, больше фактическихъ данныхъ. Отчетъ о второмъ хабаровскомъ сѣздѣ представляетъ ихъ слишкомъ мало, ограничиваясь почти одними цифрами о количествѣ скота у обѣихъ категорій переселенцевъ и о числѣ вспаханныхъ ими десятинъ.

Съ вопросомъ о переселеніи связаны многіе другіе, не менѣе серьезныя: о приобрѣтеніи переселенцами земель въ собственность или въ пользованіе, о размѣрѣ земельныхъ участковъ, отводимыхъ переселенцамъ, о формахъ владѣнія вновь заселяемой землею. Большинство сѣзда оказывается здѣсь слишкомъ склоннымъ къ теоретическимъ рѣшеніямъ, да и самая теорія, имъ излюбленная, едва-ли отличается большою примѣнимостью къ условіямъ пустынного, вновь заселяемого края. Правда, въ заключительныхъ своихъ выводахъ сѣздъ избѣгаетъ, и на этотъ разъ, слишкомъ рѣзкихъ положеній—и это большая, съ его стороны, заслуга; но, въ концѣ концовъ, неправильный взглядъ все-таки можетъ неблагоприятно повліять на движеніе дѣла. Ошибочнымъ кажется намъ явное предпочтеніе права собственности—праву пользованія, подворнаго владѣнія—общинному, поселенія отдѣльными семьями—поселенію деревнями. Возобновлять, по этому поводу, нескончаемый споръ объ общинѣ мы, безъ сомнѣнія, не намѣрены, но не можемъ не вспомнить ту роль, которую она постоянно играла въ исторіи русскаго колонизаціоннаго движенія. Трудно понять, почему форма владѣнія, которую всюду, въ продолженіе многихъ вѣковъ, приносили съ собою русскіе переселенцы, должна быть устранена въ приамурскомъ или южно-уссурійскомъ краѣ; почему колонизаціонная работа можетъ привести здѣсь къ желанной цѣли только подъ условіемъ личной, полной собственности. Казенныя земли—неоцѣнимый запасъ будущаго; довольно уже ихъ упустило изъ своихъ рукъ государство; пора прекратить ихъ раздачу на какомъ бы то ни было иномъ основаніи, какъ мелкими участками и на правѣ долгосрочнаго пользованія. Еще болѣе странно расположеніе сѣзда къ системѣ хуторовъ, т.-е. отдѣльныхъ поселеній. Поселеніе деревнями не только свойственно русскому народу, но и представляется наиболѣе подходящимъ къ обширному, скудно населенному краю, въ которомъ не можетъ быть достаточно ограждена, мѣрами администраціи, даже элементарная личная безопасность. До какой степени сильно говоритъ въ нѣкоторыхъ членахъ сѣзда личное ихъ сочувствіе къ извѣстнымъ формамъ землевладѣнія, это видно изъ того, что они проектировали цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ къ созданію въ краѣ крупнаго землевладѣнія—а впоследствии пришлось признать эти мѣры излишними или преждевременными, потому

что заявленій о приобрѣтеніи крупныхъ участковъ ни отъ кого еще не поступало. Выжидательная политика, на которой, до поры до времени, рѣшилъ остановиться съѣздъ, представляется, при такихъ условіяхъ, самою благоразумною; она предупредитъ ошибки, которыя трудно было бы исправить, и дастъ время для распространенія другихъ, болѣе правильныхъ, взглядовъ.

Немногимъ, по всей вѣроятности, извѣстно, что такъ-называемый желтый—или китайскій—вопросъ, волнующій умы въ Соединенныхъ Штатахъ—поставленъ на очередь и у насъ, въ приамурскомъ генераль-губернаторствѣ. Онъ занимаетъ много мѣста въ трудахъ хабаровскаго съѣзда, колебавшагося между нерасположеніемъ къ китайскому элементу и признаніемъ его временной необходимости для края. Это колебаніе отразилось и въ окончательномъ заключеніи съѣзда, сформулированномъ въ слѣдующихъ словахъ: „китайцы безусловно вредны и въ политическомъ, и въ экономическомъ отношеніяхъ, но пока должны быть терпимы; „надо принимать такія мѣры, которыя, не нарушая трактатовъ и постепенно стѣсняя китайцевъ, заставляли бы ихъ уходить изъ края“. Политически вредными китайцы признаются преимущественно потому, что они крайне трудно ассимилируются съ русскими, упорно держатся своихъ особенностей; экономическій вредъ, ими приносимый, мотивируется конкуренціею ихъ съ русскими. Оказывается, однако, что конкурировать имъ, покамѣстъ, почти не съ кѣмъ, потому что китайцы занимаются больше ремеслами, чѣмъ земледѣліемъ, а русскихъ ремесленниковъ въ край очень мало. По справедливому замѣчанію одного изъ членовъ съѣзда, примѣръ Сѣверной Америки не вполне убѣдителенъ по отношенію къ Сибири. Китайскій рабочій несравненно менѣе требователенъ, чѣмъ американскій, и потому отнимаетъ у послѣдняго хлѣбъ, соглашаясь работать за безконечно малую цѣну; русскій рабочій поспорить съ китайскимъ въ ограниченности потребностей и скромности привычекъ... Гораздо рѣшительнѣе, чѣмъ противъ китайцевъ, съѣздъ высказался противъ корейцевъ, какъ потому, что они занимаются почти исключительно земледѣліемъ, такъ и потому, что принятый ими способъ обработки сильно истощаетъ землю.

Возраженія, сдѣланныя нами противъ нѣкоторыхъ взглядовъ и заключеній хабаровскаго съѣзда, не мѣшаютъ намъ отнести съ большимъ сочувствіемъ къ попыткѣ приамурскаго г. генераль-губернатора и пожелать, чтобы она не осталась безъ подражанія на другихъ окраинахъ Россіи. Гдѣ нѣтъ земскихъ учреждений, тамъ съѣзды, въ родѣ хабаровскаго, представляются ничѣмъ незамѣнимой поддержкой для администраціи, и чѣмъ шире права, которыми она облечена, тѣмъ важнѣе для нея возможность совѣщаній относительно ея задачъ и цѣлей, относительно способовъ ихъ осуществленія. Не слѣдуетъ за-

бывать, притомъ, что если и вообще провинціальная печать, за немногими исключеніями, находится у насъ въ полу-зачаточномъ состояніи, то въ особенности слаба роль, принадлежащая ей на окраинахъ государства. Полезныхъ указаній отъ нея можно ожидать здѣсь только въ рѣдкихъ случаяхъ, и необходимымъ дополненіемъ ея является свободная устная бесѣда. За генераль-губернаторомъ при амурскаго края останется заслуга инициативы въ такомъ дѣлѣ, которое непременно должно получить широкое развитіе, заслуга откровеннаго признанія, что „одинъ въ полѣ — не воинъ“. Она увеличивается тѣмъ, что результаты сѣзда не хранятся подъ спудомъ; отчетъ, о которомъ мы говорили, составленъ изъ писемъ одного изъ участниковъ сѣзда, сначала напечатанныхъ въ мѣстной газетѣ, а потомъ вышедшихъ отдѣльнымъ изданіемъ въ Владивостокѣ.

Мы получили изъ Москвы слѣдующее печальное извѣстіе о смерти одного изъ лучшихъ представителей университетской науки; охотно даемъ мѣсто у себя воспоминаніямъ о немъ со стороны одного изъ близко знавшихъ покойнаго:

„Москва только-что утратила одну изъ весьма рѣдкихъ натуръ, какихъ намъ случалось встрѣчать на жизненномъ пути — С. А. Усова. Вокругъ него смѣнялись поколѣнія, эпохи розовыхъ надеждъ уступали мѣсто сумраку, многіе падали и отставали, старѣли и мѣнялись,—онъ въ шестьдесятъ лѣтъ былъ моложе самыхъ молодыхъ и все призывалъ къ работѣ. Je suis resté debout,—могъ бы онъ съ такимъ же правомъ сказать о себѣ, какъ другой такой же стойкій человѣкъ, когда его спросили: чтó онъ дѣлалъ въ смутную пору, пережитую его родиной?

„Его исполненная фигура дышала бодростью и вносила жизнь во все, къ чему ни прикасалась: въ науку, искусство, общественную дѣятельность. Свою прямую специальность, зоологію позвоночныхъ, онъ сумѣлъ превратить въ яркую и разнообразную картину міра животныхъ со всѣми ихъ типическими особенностями; создавъ въ Москвѣ первый русскій зоологическій садъ, онъ зналъ до мелочей природу каждаго изъ его обитателей и увлекалъ талантливыми разсказами о нихъ. Это была своеобразная наука о природѣ, согрѣтая почти поэтическимъ увлеченіемъ и глубоко западавшая въ умы слушателей. Но на разработкѣ одной науки онъ не могъ остановиться; слишкомъ разностороння была его натура. Когда, въ зрѣлые годы, онъ пристрастился къ изученію вопросовъ археологіи, стараго искусства, древняго русскаго быта, и примѣнилъ къ нимъ естественно-научный методъ, все оживало подъ его руками. Коснулся онъ археологіи, и изъ односторонней гробкопательницы она дѣлалась у него дѣто-

писью всей минувшей культуры. Какъ палеонтологи по незначительному органу давно исчезнущаго животнаго воссоздавали все его строеніе, онъ умѣлъ по мелкому и ничѣмъ незамѣченному признаку въ фрескѣ, миниатюрѣ, построить оригинальное объясненіе памятника, опредѣленіе эпохи, замысла художника, — и съ удивленіемъ выслушивали эти рѣчи присяжные знатоки, столько разъ проходившіе мимо и ничего не замѣтившіе. Исторія Руси, старый и современный бытъ народа, живой его языкъ, все это захватывало его вниманіе, возбуждало мѣткія догадки и предположенія. Человѣческой жизни не хватило бы, чтобы подробно разработать все это богатство мысли.

„Таковъ былъ въ немъ ученый. Но съ рѣдкой даровитостію въ научномъ отношеніи соединялись такія же свойства общественнаго дѣятеля. Онъ неутомимо стоялъ за родной университетъ, оберегая до послѣдней возможности его самоуправленіе, отзывчивый на нужды и товарищей, и студентовъ. Онъ прожилъ и сошелъ со сцены популярнѣйшею личностію, никогда не заискивая ничьей любви. Несмѣтная толпа молодежи, собравшейся на послѣдніе его проводы и оплакивавшей его, наглядно выразила силу симпатій къ нему. Въ дни тревогъ и недоразумѣній, не только его слушатели, сроднившіеся съ нимъ, но и совсѣмъ незнакомые, шли прямо къ нему, и всегда находили помощь и совѣтъ, часто облеченный въ форму остроумной шутки. Никакихъ преградъ въ такихъ сношеніяхъ онъ не допускалъ. Въ лицѣ Усова чуть ли не вымеръ въ Москвѣ типъ стараго студента, — и его образъ особенно живо вспомнится въ годовщину 12-го января, когда осиротѣлая семья его товарищей и учениковъ не услышитъ болѣе его воспоминаній о прошломъ университета, и застольныхъ рѣчей, полныхъ вѣры въ будущее.

„Но только тѣ, кто могъ близко узнать его, не какъ ученаго или общественнаго дѣятеля, а просто какъ человѣка, — могутъ исполнѣть оцѣнить незамѣнимую утрату. Ни въ бѣглыхъ некрологахъ, ни въ біографіяхъ, не находятъ мѣста тонкія и скрытыя отъ свѣта черты, въ которыхъ человѣкъ иногда безконечно симпатичнѣе, чѣмъ въ тѣ минуты, когда онъ на аренѣ. Въ Усовѣ эти душевныя движенія глубоко схоронены были подъ оболочкой добродушнаго сарказма, шутки; въ немъ могли видѣть безпощаднаго остроумца, и не догадывались, сколько самоотверженія и гуманности скрывалось въ немъ. Тѣ же, кого, на счастье ихъ, судьба свела съ этимъ рѣдкимъ другомъ, могли бы разсказать, на какія чудеса преданности и заступничества онъ былъ способенъ...

„И такіе-то люди уходятъ, одинъ за другимъ! Не видать еще смѣны имъ, сѣро и безцвѣтно становится кругомъ... Тѣмъ горячѣе, неизмѣннѣе сохранится среди насъ благодарная память о нихъ...“

ИЗВѢЩЕНІЯ.

Отъ Редакціи. — Въ ноябрѣ мѣсяцѣ получено въ редакціи на поддержаніе сельской школы Кавелина въ селѣ Ивановѣ, тульской губерніи, бѣлевскаго уѣзда:

1) Отъ А. Д. Шумахера.	50 р. — к.	
2) По 1-ое ноября доставлено	2,037 „ 14 „	
		2,087 р. 14 к.
3) На школу и памятникъ	1,496 „ 50 „	
4) На памятникъ	321 „ — „	
		3,904 р. 64 к.

Всего по 1-ое декабря

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

МАТЕРІАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ВЪ 1886 ГОДУ.

Въ 1886-мъ году экземпляры «Вѣстника Европы» распредѣлялись слѣдующимъ образомъ по мѣсту подписки:

I. Въ губерніяхъ:

	экз.		экз.		экз.
1. Херсонск. .	223	23. Самарская .	59	45. Уфимская .	38
2. Кіевская. .	217	24. Иркутская .	58	46. Томская .	36
3. Харьковск..	161	25. Владимірск.	57	47. Обл. В. Дон.	36
4. Тифлисская.	134	26. Тверская . .	57	48. Московская .	33
5. Таврическ. .	132	27. Кубанск. об.	52	49. Енисейская .	32
6. Полтавская.	129	28. Нижегород.	52	50. Ковенская .	32
7. Екатериносл.	125	29. Терская об.	51	51. Тобольская .	32
8. Пермская. .	110	30. Сыръ-Д. об.	50	52. Астраханск.	32
9. Варшавск. .	97	31. Тульская . .	48	53. Калужская .	29
10. Тамбовская.	96	32. Ярославская	48	54. Минская. .	28
11. Казанская .	88	33. Виленская .	48	55. Петровск. .	28
12. Курская . .	88	34. Новгородск.	47	56. Лифляндск.	28
13. Черниговск.	87	35. Костромская	47	57. Могилевск. .	28
14. Волынская .	81	36. Оренбургск.	46	58. Бакинская .	28
15. Бессарабек.	81	37. Пензенская .	44	59. Вологодская	26
16. Воронежск..	80	38. Примор. об.	42	60. Кутаисская .	26
17. Подольская.	80	39. Симбирская.	42	61. Закасп. об.	25
18. Смоленская.	75	40. Псковская .	40	62. Люблинская	24
19. Саратовск. .	73	41. Забайк. об.	40	63. Семипѣтченс.	21
20. Орловская .	72	42. Гродненская	39	64. Олонецкая .	21
21. С.-Петербур.	72	43. Витебская .	38	65. Акмол. об.	18
22. Рязанская .	66	44. Вятская .	38	66. Ставропол. .	18

67. Радомская .	18	77. Сѣдлецкая .	13	87. Батумская .	6
68. Дагест. обл.	17	78. Калишская .	13	88. Выборгская.	5
69. Амурск. об.	17	79. Эриванская .	13	89. Кѣлецкая..	5
70. Ферганская .	17	80. Архангельс.	12	90. Черном. ок.	4
71. Ломжинская .	17	81. Нюландская	12	91. Тургайск.об.	2
72. Елисаветпол.	16	82. Эстляндская	12	92. Закавк. окр.	1
73. Курляндск.	15	83. Сувальская .	11	93. Тавастгуск.	1
74. Заравш. окр.	15	84. Якутск. об.	10	94. Сухумск. ок.	1
75. Карская.об.	15	85. Уральск.об.	9		
76. Семипал. об.	13	86. Плоцкая . .	8		
					4327

II. Въ С.-Петербургѣ. 1108

III. Въ Москвѣ 514

IV. За границей 135

Всего: экз. 6084

А. Хомиковскій

Управл. конторою журнала.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

АВТОРОВЪ И СТАТЕЙ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ «ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ».

въ 1886 году.

1.—Новый обличитель русскаго либерализма (май, 354).

Абаза, Н. Н. — Стихотворенія (апр., 777).

А. К. — Некрологъ. А. Н. Островскій (іюль, 438).

А—и — Одинъ изъ дѣятелей реставраціи (окт., 835).

Андреевскій, С. А. — Стихотворенія (нояб., 358).

А—овъ, П. — Изъ при-азовскаго края (нояб., 385).

Арсеньевъ, К. К. — Французская адвокатура, ея сильныя и слабыя стороны (январь, 257). — Романъ—орудіе регресса (фев., 823). — Валеріанъ Майковъ (апр., 780). — Психологія творчества въ романѣ Э. Золя (іюнь, 749). — Вопросъ о слияніи властей на низшей ступени государственнаго управленія (дек. 827).

Астыревъ, Н. — Съ сильнымъ не борись!.. (фев., 508).

Б—въ, И. — Типы латинскаго квартала (окт., 701; нояб., 139).

Биборыкинъ, П. Д. — Безвѣстная (май, 128; іюнь, 492). — Дюма-сынъ въ новомъ освѣщеніи (окт., 458).

Брикнеръ, А. — Пугачевъ (мар., 95).

Бурдигъ Ф. А. — Изъ воспоминаній объ А. Н. Островскомъ (дек. 667).

Бѣлинскій, Максимъ. — Городъ мертвыхъ (январь, 284). — Любители (авг., 515).

Бенгеровъ, С. — Молодая редакція „Москвитянина“ (фев., 581).

Весселовскій, А. рѣ. — Гадальныя книги на Западѣ и у насъ (апр., 895). — Вступительная лекція проф. Ягича (нояб., 412).

Виницкая, А. — Врачъ по призванію (іюль, 126). — Непризнанныя художники (сент., 92).

В—иъ, А. — Новое собраніе сочиненій Ф. И. Буслаева (іюнь, 845).

Ведовозовъ, В. М. — Что читать народу? (іюль, 425).

Wz. — Письма изъ Москвы (фев., 897).

Гамазовъ, М. А. — Горе отъ ума (январь, 430).

Г. Е. — Исторія, очеркъ (дек. 457)

Г. П. — Афоризмы эстетики (май, 104).

Градовскій, А. Д. — Государство и церковь въ Пруссіи (іюль, 151; августъ, 618; сент., 60).

Жоини, бар. А. Г. — Россія и Европа въ эпоху крымской войны (фев., 657; мар., 177; апр., 655; май, 253; іюнь, 543; іюль, 204; августъ, 658; сент., 179; окт., 550).

Зенченко, А. — Деревня и мировой судъ (фев., 613).

З. — Обь-енисейскій каналъ (фев., 889).

Иванюковъ, И. И. — У подошвы Эль-боруса. — Очеркъ (янв., 83; фев., 533). — Въ Сванетіи (авг., 566; сент., 5).

Карѣвъ, Н. И. — Новѣйшая польская историографія, и переворотъ въ ней (дек., 535).

К. Д. — Персидскій Эндерунъ (окт., 501).

К. М. — Два юбилея въ Берлинѣ (апр., 846).

Ки. — Галичина и Русины (сент., 111).

Ковалевскій, М. М. — У подошвы Эль-боруса (янв., 83; фев., 533). — Кризисъ въ западныхъ конституціяхъ (май, 161). — Въ Сванетіи (авг., 566; сент., 5).

Колесовъ, И. И. — О попыткѣ къ улучшенію нашего денежнаго обращенія, послѣ восточной войны (дек., 885).

Корсаковъ, Д. А. — Константинъ Дмитриевичъ Кавелинъ (май, 5; июнь, 445; июль, 21; авг., 539; окт., 731; нояб., 162).

Кривошея, Н. — Новая Земля (июль, 75; авг., 469).

Крыловъ, В. А. — Семья Пришельцевъ (нояб., 49).

Кузминская, Т. А. — Бабыя доля (апр., 607). — Вѣщенный волкъ (июнь, 596).

Кулишеръ, М. И. — Межевые обряды прежнихъ временъ (июнь, 615).

Л. А. — Старинныя дѣла (июль, 39).

Ларинъ, В. — Въ сторонѣ отъ жизни (дек., 679).

Лихачевъ, В. С. — Изъ Теннисона (дек., 666).

Луговой, А. — Не судилъ Богъ (янв., 113).

Марковъ, Е. Л. — Европейскій Востокъ (мар., 116; апр., 517).

Мартовъ. — Стихотворенія (нояб., 226).

Мережковский, Д. — Стихотворенія (фев., 849; май, 351).

Мишскій, Н. — Стихотворенія (апр., 735; май, 302; июнь, 613; июль, 346; дек., 532).

Назарьевъ, В. Н. — Новѣйшая исторія одной волости (янв., 217).

Н. А. М. — Сумасшедшій (сент., 345).

Н-ой, В. — Стихотворенія (авг., 565).

Н. — Стихотворенія (апр., 606).

О. — Государственная роспись 1884 г. и ея исполненіе (янв., 358). — Государственная роспись на 1886 годъ (фев., 875).

Пономаревъ, С. — Лѣто среди переселенцевъ (сент., 140).

Поповъ, П. — Правительственные земли и желѣзныя дороги въ Соединенныхъ Штатахъ (июнь, 790).

Пругавицъ, В. — Прогрессъ въ земельной общинѣ (май, 381).

Шпиль, А. Н. — Малорусская этнографія за послѣднія 25 лѣтъ (янв., 300). — Эпизоды изъ литературныхъ отношеній малорусско-польскихъ (фев., 725; мар., 299). — Споръ между кужанами и сѣверянами (апр., 733). — Новый вопросъ о Петрѣ Великомъ (май, 317). — До-Петровское преданіе въ XVIII-мъ вѣкѣ (июнь, 680; июль, 306). — Славянскій вопросъ по взглядамъ Ив. Аксакова (авг., 763). — Русскій романъ за границей (сент., 301). — Писатель прошлаго вѣка, вновь открытый (окт., 759). — Зоріанъ Доленга-Ходаковский (нояб., 305). — Новыя розысканія въ народно-поэтической старинѣ (дек., 790).

Редакціонная замѣтка. — Нашия ябедникамъ въ Москвѣ (мар., 398).

Скабичевскій, А. М. — Пѣсни о женской неволѣ, въ поэзіи Ю. В. Жадовской (янв., 5).

Слонимскій, Л. З. — Философія гр. Л. Н. Толстого (апр., 581). — Поэзія и проза войны (июнь, 718; июль, 349). — Новыя теоріи гр. Л. Н. Толстого (авг., 808). — По поводу недавнихъ толковъ о войнѣ (сент., 392).

С. М. — Некрологъ. Леопольдъ Ранке (июнь, 855). — А. В. Головинъ (дек., 925).

Соловьевъ, В. С. — Стихотворенія (мар., 114; июнь, 748; июль, 372; авг., 613; окт., 549; нояб., 269).

Стасовъ, В. В.—Старая и новая Россія въ картинахъ (нояб., 429).

Ст. Н.—Василій Ивановичъ (окт., 425; нояб., 5).

Тархановъ, Н. Р.—Тѣлесная жизнь, какъ броженіе (январь, 139). — Обманы сознанія (декабрь, 633).

Трофимовъ, П. А.—А. С. Даргомыжскій (нояб., 195; декабрь, 499).

Фетъ, А.—Стихотворенія (январь, 167).

Флугъ, С.—Стихотворенія (мартъ, 337; июль, 199).

Фойницкій, Н. Я.—Пенитенціарный конгрессъ въ Римѣ (мартъ, 340).

Чюмина.—Стихотворенія (июнь, 542).—Мимолетно (июль, 5).

Ш.—Женскіе врачебные курсы (январь, 345).

Шаниръ, Ольга.—Безъ любви (февраль, 469; мартъ 5; апрель, 445; май, 31).

Щедринъ, Н.—Пестрыя письма (сентябрь, 280; октябрь, 687).—Мелочи жизни (ноябрь, 229; декабрь, 589).

Э. А.—Принцъ Отто, съ англ. (январь, 174; февраль, 771; мартъ, 243). — Гелимеръ, съ нѣм. (май, 206; июнь, 630; июль, 261; августъ, 715).—Лондонскіе пролетаріи, съ англ. (сентябрь, 236; октябрь, 620; ноябрь, 270; декабрь, 722).

Языковъ, А. И.—Старый портретъ. Поэма (январь, 29).

Языковъ, Д.—Библиографическій очеркъ дѣятельности А. Н. Островскаго (июль, 447).

Яенискій, I.—Археологическая записка (сентябрь, 412).

Хроника.

I. Внутреннее Обзорѣніе.—Недавнее прошлое, изображенное въ формѣ графической таблицы. — „Сословная линия“, сталивающаяся съ облегченіемъ народной массы, съ принципомъ государственнаго вмѣшательства и съ объединеніемъ окраинъ.—Предостереженія „Гражданину“ и „Руси“. — Отвѣтъ министерства финансовъ на статьи „Московскихъ Вѣдомостей“. — Нападеніе на адвокатуру. — Проектъ закона о семейныхъ раздѣлахъ (*Январь, 378*).—Всеподданнѣйшій адресъ симбирскаго дворянства. — Оптимистическій взглядъ на предстоящую реформу мѣстнаго управленія.—Новыя выраженія, признаки и результаты „сословнаго теченія“. — Мнѣніе „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ о борьбѣ трехъ теченій.—Два слова о бюджетѣ. — Расширеніе юрисдикціи мировыхъ учреждений (*Февраль, 555*). — Отчетъ синодальнаго оберъ-прокурора за 1883 г.—Борьба съ язычествомъ и магометанствомъ на востокѣ, съ католицизмомъ—на западѣ Россіи.—Обращеніе къ православію въ Эстляндіи.—Положеніе раскола при дѣйствіи закона 8 мая. — Церковно-приходскія

школы и школы грамотности.—Нѣсколько словъ о податной инспекціи (*Мартъ, 375*). — Примѣненіе новыхъ правилъ о литейной торговлѣ.—Питейная монополія казны, какъ гарантія народной нравственности.—„Партія“, разыскиваемая московскими реакціонерами. — Нападенія на „законодательную технику“ и настоящій ихъ смыслъ. — Новыя законодательныя мѣры.—Уголовная статистика за 1880 и 1881 г. (*Апрѣль, 824*).—Законъ 18 марта о крестьянскихъ семейныхъ раздѣлахъ, сравнительно съ его же законопроектомъ. — Необходимость преобразованія уѣздныхъ земскихъ присутствій, въ видахъ соглашенія ихъ съ новымъ закономъ.—Министерскій циркуляръ по тому же предмету.—Одинъ изъ проектовъ частной поправки къ судебнымъ учреждениямъ: расширеніе правъ присяжныхъ засѣдателей. — Положеніе этого вопроса въ германскомъ законодательствѣ. — Статья г. фонъ-Резона противъ суда присяжныхъ, и данныя судебной статистики во Франціи за 1884 г. (*Май, 365*).—Новый походъ противъ учреждений, занимающагося якобы „игроу въ парламентаризмъ“. —

Настоящее значеніе большинства и меньшинства. — Растущая смѣлость лже-протестовъ. — Ложь и правда о крестьянскомъ банкѣ. — Вопросъ о слияніи общества взаимнаго поземельнаго кредита съ дворянскимъ банкомъ. — Законопроектъ о замѣнѣ оборочной подати выкупными платежами. — Замѣчательный процессъ (*Июль, 771*). — Оправдательный приговоръ по дѣлу о безпорядкахъ на Морозовской мануфактурѣ. — Нападеніе противъ такого приговора и настоящее его значеніе. — Эксплуатація его врагами финансового управленія. — Слухи о переменахъ въ устройствѣ присяжной адвокатуры. — Литературныя мнѣнія по адвокатскому вопросу (*Июль, 373*). — Статистико-экономическіе труды земства. — Новыя изданія. — Способы производства подворной переписи. — Сравненіе новыхъ изданій со старыми: отдѣлы населенія, землевладѣнія, скотоводства и т. д. — Сравнительная полнота новыхъ изданій. — Недостаточное единообразіе въ группировкѣ матеріала. — Особенности нѣкоторыхъ изданій; комбинаціонная таблица. — Критика обычнаго типа послѣдней. — Заключеніе (*Августъ, 837*). — Положеніе 12-го іюня о нѣмѣхъ сельскихъ рабочихъ, въ связи съ прежними законопроектами по этому предмету. — Договорные листы. — Срочный и безсрочный наемъ. — Поводъ къ прекращенію договора. — Вычеты изъ заработной платы. — Общая оцѣнка новаго закона; отношеніе его къ вопросу о реформѣ мѣстнаго управленія (*Сентябрь, 357*). — Законъ 3-го іюня о фабричной работѣ; его сильныя и слабыя стороны. — Губернскія по фабричнымъ дѣламъ присутствія. — Законъ 9-го іюня о поземельномъ устройствѣ чиншевиновъ, сопоставленный съ закономъ 1882 г. о вольныхъ людяхъ и съ помѣщичьими домогательствами. — Желѣзно-дорожные тарифы прямого заграничнаго сообщенія. — Новый отдѣлъ проекта уголовного уложенія (*Октябрь, 797*). — Официальныя и оффиціозныя отзывы о земствѣ. — Отчетъ крестьянскаго поземельнаго банка за 1885 г. — Вопросъ о доплатахъ и о задаткахъ. — Возрожденіе продажныхъ цѣнъ; его размѣры, причины и результаты. — Общая характеристика дѣятельности банка. — Проектируемыя постановленія о ростовщическихъ сдѣлкахъ. — Возможность соединенія денежной пени съ лишеніемъ свободы (*Ноябрь, 361*). — Отчеты фабричныхъ инспекторовъ за первый годъ ихъ дѣятельности. — Отношеніе фабрикантовъ къ правиламъ о малолѣтнихъ рабочихъ. — Уменьшеніе числа малолѣтнихъ на фабрикахъ, ихъ заработокъ и школьное обученіе. — Тенденціозныя нападенія на инспекцію. — Проектируемая паспортная форма (*Декабрь, 860*).

II. Иностранное Обозрѣніе. — Общее состояніе Европы за истекшій годъ. — Волненія и разочарованія во вѣншей политикѣ. — Паденіе министерствъ Жюля Ферри и Гладстона. — Англо-русскій споръ и болгарское объединеніе. — Результаты тройственнаго союза, скрѣпленнаго въ Кремлѣ. — Балканская война и ея послѣдствія. — Усиленіе консервативныхъ элементовъ въ Англіи и во Франціи. — Перспективы ближайшаго будущаго (*Январь, 403*). — Непрочность министерствъ въ Англіи и во Франціи. — Новые проекты германскаго канцлера. — Пруссія высылки и польскій вопросъ въ парламентѣ. — Пренія имперскаго сейма и рѣчь князя Бисмарка въ прусской палатѣ. — Опасности и увлеченія узко-національной политики. — Лордъ Сольсбери и Гладстонъ. — Радикальныя англійскія программы и ихъ исполненіе. — Планы и задачи Гладстона (*Февраль, 908*). — Утомительныя дѣла на Востокѣ. — „Маленькіе Бисмарки“ въ Сербіи. — Внутренняя политика германскаго канцлера. — Примиреніе съ партією центра и война съ поляками. — Австрійскія дѣла. — Случай съ барономъ Пино. — Уличные безпорядки въ Лондонѣ (*Мартъ, 403*). — Европейская дипломатія и болгарскій вопросъ. — Политика кн. Бисмарка. — Французскія дѣла. — Рабочее движеніе и политическія партіи. — Возстаніе рабочихъ въ Бельгіи (*Апрѣль, 861*). — Ирландскіе проекты Гладстона. — Основы предположенной автономіи и значеніе ея для Англіи. — Парламентскія рѣчи и пререканія. — Противники и сторонники реформы. — Журнальные споры. — Дѣятельность Гладстона и ея особенности (*Май, 393*). — Печальная дипломатическая кампанія. — Непослѣдовательность и безпринципность въ международной политикѣ. — Крутыя мѣры противъ Греціи и ихъ закулисная подкладка. — Новые заграничныя толки о Россіи. — Разсужденія о мнимоиъ русскомъ преобладаніи въ Европѣ и о предстоящихъ войнахъ. — Газетныя статьи и ихъ значеніе въ международныхъ дѣлахъ. — Внутреннія дѣла во Франціи (*Июнь, 303*). — Испанскія и баварскія дѣла. — Перемена короля въ Баваріи. — Личность короля Людвига II и особенности его вѣдѣн. — Французскіе принцы-претенденты. — Избирательное движеніе въ Англіи. (*Июль, 394*). — Новое министерство въ Англіи. — Неудача Гладстона и ея причины. — Особенности консервативной побѣды. — Разложеніе либеральной партіи и характеръ англійскихъ партій вообще. — „Черныя точки“ на политическомъ горизонтѣ. — Политическій и нравственный упадокъ Сербіи. — Замѣчательный „первый министръ“. — Болгарскія и сербскія дѣла (*Августъ, 875*). — Политическія тревоги

въ Европѣ. — Свиданія и переговоры въ Гаштейнѣ и Франценсбадѣ. — Ошибки печати и ихъ причины. — Отношеніе газетъ къ болгарскимъ дѣламъ. — Событія въ Болгаріи и ихъ возможная развязка. — Офиціальныя телеграммы (*Сентябрь, 379*). — Особенное положеніе балканскихъ народовъ и ихъ правительствъ. — Параллель между королевемъ Миланомъ и бывшимъ княземъ Болгаріи. — Неудачные правители и претенденты. — Отношенія между державами и болгарскія дѣла (*Октябрь, 823*). — Болгарскія дѣла и общій результатъ хода ихъ за послѣдній мѣсяцъ. — Поѣздка барона Каульбарса по Болгаріи и выборы въ Великое Собраніе. — Нота 7-го октября и отправка въ Варну двухъ клиперовъ. — Отношеніе Турціи къ болгарскому вопросу. — Истинное значеніе партій въ Болгаріи. — Сравненіе нынѣшняго положенія Балканскаго полуострова съ положеніемъ Апеннинскаго въ концѣ 50-хъ годовъ. — Правительственное сообщеніе, 21-го октября (*Ноябрь, 401*). — Тронная рѣчь германскаго императора. — Отвѣтъ гр. Робинланта на запросъ о внѣшней политикѣ Италіи. — Законопроектъ объ увеличеніи мирнаго состава германской арміи. — Объясненіе Фрейсінгъ въ палатѣ о внѣшней политикѣ Франціи. — По поводу преній о бюджетѣ въ палатѣ депутатовъ, и откровенія Дювала. — Болгарскія дѣла и отъѣздъ барона Каульбарса въ Петербургъ (*Декабрь, 896*).

III. Литературное Обзорѣніе. — Очерки русской исторической географіи, Н. П. Барсова. — Сказанія русскаго народа, собранн. И. П. Сахаровымъ. — А. В. — Иностранная политика Англіи, Сп. Уэльпола, пер. съ англ. — Л. С. (*Январь, 419*). — Основы механизма душевной дѣятельности, П. И. Ковалевскаго. — Статистическій ежегодникъ московскаго губернскаго земства 1886 г. — Матеріалы для экономическаго изученія Россіи: Торгоныя сообщенія восточной Россіи и Сибири, А. П. Субботина. — В. В. (*Февраль, 924*). — Полное собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго. — Отчетъ Имп. Публичной Библіотеки за 1883 г. — Сборникъ матеріаловъ по этнографіи, п. р. В. Ф. Миллера. — А. Н. — Политическія движенія въ западной Европѣ въ первой половинѣ нашего вѣка, Н. А. Осокина. — В. В. (*Мартъ, 415*). — Географическо-статистическій словарь Россійской Имперіи, 5 томовъ. — Бѣлорусскій сборникъ, Е. Романова. — Сынъ, рассказы, и Халуй, эпизодъ, Н. Костомарова. — Всемирный языкъ, І. М. Шлейера. — А. В. — Маркизъ О'Квичъ, Немножко философіи. — Л. С. (*Апрѣль, 879*). — Государственное право важнѣй-

шихъ европейскихъ державъ, проф. А. Градовскаго. — Исторія государственныхъ учреждений Англіи, Рудольфа Гнейста. — А. И. Скребицкій, Создатель методовъ обученія слѣпыхъ. — П. И. Правитѣль. Письма педагога и примѣрная смета расходовъ для учителей среднихъ учебныхъ заведеній. — Гр. Джаншиевъ. Веденіе неправыхъ дѣлъ. — К. К. — Историческія этюды русской жизни, Вл. Михневича. — А. Н. (*Май, 409*). — Родовые прозванія и титулы въ Россіи, Е. П. Карновича. — Записка Я. К. Грота, по поводу замѣчаній о книгѣ: „Русское правописаніе“, Алфавитный справочникъ къ послѣдней, В. Зелинскаго. — Разборъ руководствъ Я. К. Грота, М. Доброписцева. — Малорусская свадьба, Н. Янчука. — А. Н. — А. В. Романовичъ-Славатинскій, Система русскаго государственнаго права, ч. I. — К. К. — Переселенія въ Россіи, Серновскаго. — Переселеніе крестьянъ рязанской губерніи. — В. В. (*Іюль, 818*). — Записки о моей жизни, Н. И. Греча. — Ревизоръ, ком. Гоголя, изд. Н. Тихонравова. — Сибирскій Сборникъ, Н. М. Ядринцева. — А. Н. — О думѣ, въ связи съ современными ученіями о силѣ, Н. Я. Грота. — Л. С. (*Іюль, 408*). — Сравнительное языковѣденіе и первоистинная исторія, д-ра О. Шрадера. — Указатель къ письмамъ Гоголя, В. Шенрока. — Обычаи и пѣсни турецкихъ сербовъ, И. С. Ястребова. — А. П. — О вышемъ благѣ. Критическое изслѣдованіе Н. Дебольскаго. — Исторія и значеніе чиншеваго владѣнія въ западномъ краѣ. А. Рембовскаго. — Л. С. (*Августъ, 889*). — Воронежскій юбилейный сборникъ въ память трехсотлѣтія г. Воронежа. — Областные педагогическія и народныя музеи, Вс. Ковховскаго. — Историческій очеркъ Сибири, т. II, В. К. Андриевича. — А. П. — Государственный кредитъ, А. А. Исаева. — О низкомъ курсѣ нашихъ денегъ, Н. Я. Данилевскаго. — Л. С. (*Сентябрь, 397*). — Очерки исторіи развитія физико-математическихъ знаній въ Россіи, В. Бобынина. — А. Н. — О пониманіи, Вас. Розанова. — Л. С. — Вѣчные вопросы адвокатуры, Д. Невлядомскаго. — Учебникъ исторіи: Средняя Исторія, А. Трачевскаго. — К. К. (*Октябрь, 847*). — М. Е. Салтыкова, Двадцать три сказки. — Полное собраніе сочиненій В. Гюго, въ переводѣ русскіхъ писателей. Т. I. — К. К. — Ruschkiniana, В. П. Межова. — Историческое обзорѣніе Сибири, П. А. Словоцова. — А. П. (*Ноябрь, 416*). — А. Клоповъ, Матеріалы для изученія хлѣбной торговли на Волгѣ, В. В. — М. Ковалевскій, Современный обычай и древній законъ. И. Д. — Исторія русско-й литературы, А. Рейнгольда. А. В. — Стихотворенія, К. Р. (*Декабрь, 923*).

IV. Изъ Общественной Хроники. — Настроение общественнаго мнѣнія, разсматриваемое съ точки зрѣнія „могильной философіи“. — Факты, опровергающіе эту точку зрѣнія. — Вопросъ о клеветѣ и диффамации передъ судомъ сената. — Необходимость новаго уголовного кодекса. — Юбилей училища правовѣдѣнія (*Январь, 451*). — Ученые и литературные юбилеи. — Повѣрка предсказаній, сдѣланныхъ г. Строниннымъ въ началѣ семидесятихъ годовъ. — Акція и реакція, какъ ихъ предопредѣляли тогда и какъ ихъ устроила дѣйствительность (*Февраль, 934*). — И. С. Аксаковъ, † 27 января. — Предѣлы для оцѣнки его дѣятельности. — Особенности таланта покойнаго и основныя черты его стремленій. — Будущее славянофильства. — Новая годовщина 19-го февраля (*Мартъ, 430*). — Подогрѣтые толки о „русской партіи“ и объявленіе о „русскомъ дѣлѣ“. — Мнѣніи сибирскій сепаратизмъ въ связи съ вопросомъ о сибирскомъ университетѣ — Новый фазисъ вопроса о женскихъ врачебныхъ курсахъ. — Конецъ процесса города съ обществомъ спб. водопроводовъ (*Апрѣль, 898*). — Современныя болѣзни памяти, и стихотворенія Аксакова: какъ одно изъ средствъ леченія. — Взаимное отношеніе между притягивающими и отталкивающими сторонами сороковыхъ годовъ. — Походъ противъ Вѣлинскаго, предпринятый подъ флагомъ „Горя отъ ума“. — Юбилей „Ревизора“. — Интересное назначеніе (*Май, 426*). — Празднество на Черномъ морѣ. — Прекращеніе пріема на высшіе женскіе курсы; нѣсколько словъ о прошедшемъ и настоящемъ этихъ курсовъ. — Обычный грѣхъ нашей реакціонной печати. — Окончаніе процесса кроунштадтскаго банка. — Странное отношеніе къ опроверженіямъ (*Іюль, 859*). — „Смерть Ивана Ильича“, какъ событіе дня и какъ образецъ истиннаго реализма. — Мнѣніе графа Л. Н. Толстого о трудѣ мужчинъ и женщинъ. — „Графъ Василій“ и русская „либеральная партія“. — Девятый годъ самостоятельной жизни петербургскихъ городскихъ начальныхъ училищъ (*Іюль, 453*). — Рѣчь Е. И. В. Великаго Князя Владиміра Александровича въ Дерптѣ и отзывъ по ея поводу въ московской печати. — Первый шагъ къ судебной реформѣ въ остзейскомъ краѣ. — Городовое Положеніе въ остзейскомъ краѣ и его особенности. — „Махмудкины дѣти“, г-на Немировича-Данченко, и возбужденный ими проектъ объ учрежденіи цензуръ надъ цензурой. — Двадцати-пятилѣтіе „Кроунштадтскаго Вѣстника“ (*Августъ, 904*). — Г-нъ Ціонъ о русскомъ обществѣ и его партіяхъ. — Источники его свѣдѣній о „русскихъ либералахъ“. — Сравненіе „ли-

бераловъ съ нигилистами“, и предпочтеніе г-нъ Ціономъ послѣднихъ. — Превосходство русской печати предъ иностранной, и причина того (*Сентябрь, 417*). — Мировой судъ и его роль посреди нашихъ государственныхъ учреждений. — Недавній сенатскій указъ, усиливающій отчетность мировыхъ судей. — Церковно-приходскія школы въ петербургской губерніи. — Национальность, какъ основаніе судебного приговора. — Газетные толки по поводу награды редактора одной изъ газетъ (*Октябрь, 864*). — Наша ежедневная печать и иностранная политика. — Взаимное отношеніе газеты и журнала. — Обязательна ли для земства поддержка церковно-приходскихъ школъ? — Новое обостреніе старой агитаціи. — Любимыя традиціи реакціонной печати, не выдерживающія собственной ея критики. — А. И. Языковъ † (*Ноябрь, 441*). — Толки о послѣднихъ процессахъ печати. — Судебная „вендетта“ и добровольцы произвола. — Продолженіе похода противъ земской школы. — Петербургская дума и электрическое освѣщеніе. — Юго-Восточная Сибирь на Хабаровскомъ свѣздѣ. — Проф. С. А. Усовъ † (*Декабрь, 930*).

V. Библиографическій Листокъ. — Полное собраніе сочиненій А. Н. Островскаго. — Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой, Н. И. Костомарова. — Новыя разсказы и сказки для дѣтей, А. Коваленской. — Русская Исторія въ жизнеописаніяхъ, Н. И. Костомарова, т. II. — Разсказы про Суворова, А. Петрушевскаго. — Русскимъ дѣтямъ, Н. Неворова (*Январь*). — Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. 41 и 48. — Задачи этики, К. Д. Кавелина, нов. изд. — Отроческіе годы Пушкина, В. П. Авенариуса. — Дешевая бібліотека. Кохановская. — Вдоль полярныхъ окраинъ Россіи. Путеш. Норденшельда. — Оперативное акушерство, акад. А. Красовскаго (*Февраль*). — Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи, І. Первольфа. — Исторія родовъ русскаго дворянства, П. Н. Петрова. — Исторія упадка и разрушенія римской имперіи Эд. Гиббона, ч. VI. — Стихотворенія С. А. Андреевскаго. Европейская Библіотека: Изреченія въ прозѣ Гёте. — Общедоступное изданіе стихотвореній В. А. Жуковскаго (*Мартъ*). — Матеріалы для исторіи Академіи Наукъ, т. II. — Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества, т. 44, 46, 50, 51 и 52. — Собраніе трактатовъ и конвенцій, сост. Ф. Мартенсъ, т. VII. — Земля и люди, Всеобщая географія, Эд. Реклю, кн. VIII. — Горь отъ ума, А. С. Грибоедова, съ предисловіемъ: „Горь отъ ума и его критики“, А. С. Суворина. — Однолѣтнія и

двулѣтнія растенія, выборъ лучшихъ изъ нихъ и уходъ за ними. Соч. д-ра Регеля (*Апрѣль*).—Ревизоръ ком. Н. В. Гоголя, изд. Н. С. Тихонравова.—Римскія катакомбы, соч. А. Фрикена, ч. IV.—Всеобщая исторія, Г. Вебера, т. II.—Военное право въ Россіи при Петрѣ В., ч. II, П. О. Бобровскаго.—Городъ Ялта, Ф. Вебера.—Альбомъ гелиографуръ съ картинъ русскихъ художниковъ, вып. I (*Май*).—Дарвинизмъ, Н. Я. Данилевскаго.—Туркестанъ, Н. В. Мушкетова.—Очеркъ исторіи физики, Ф. Розенбергера.—Электрическое освѣщеніе, В. Чиколева.—Краткій курсъ растительной гистологій, Эд. Страсбургера.—Личное задержаніе, какъ полицейская мѣра безопасности, М. Тарасова.—Воды города С.-Петербурга, М. М. Колоколова (*Іюнь*).—Промешнее философін, т. II, Е. де-Роберти.—Исторія города Рима въ средніе вѣка, Ф. Грегоровіуса, т. VI.—Введеніе въ механику, П. Фант-деръ-Флита.—Математическое образованіе и его значеніе, В. Тенишева.—Обычай и пѣсни турецкихъ сербовъ, И. С. Ястребова.—Il Libro dell'Amore, da M. Saffini (*Іюль*).—Матеріалы для исторіи Императорской Академіи Наукъ, томъ второй.—Исторія первобытной христіанской проповѣди (до IV вѣка), Н. Барсова. И. В. Тархановъ. Гипнотизмъ, внушеніе и чтеніе мыслей.—Лессингъ. Драматическія сочиненія. Изд. О. И. Бакста (*Августъ*).—Геродотъ. Исторія въ девяти книгахъ, Ѳ. Г. Мищенко.—Не въ мѣру строгій судъ надъ Геродотомъ, Ѳ. Мищенко.—Н. Лихачевъ, Григорій Николаевичъ Городзаниновъ и его сочиненія.—Сборникъ критическихъ статей о Н. А. Некрасовѣ, В. Зелинскаго.—Матеріалы для исторіи народнаго просвѣщенія въ Россіи,

И. С. Ремезова (*Сентябрь*).—Полное собраніе сочиненій Некрасова, въ 2-хъ томахъ.—Иллюстрированная жизнь животныхъ, А. Брэма, т. III.—Полное руководство къ изученію повивальнаго искусства, д-ра П. И. Добрынина.—Лессингъ. Драматическія сочиненія.—Годъ въ пещахъ, А. Майера.—Русскія желѣзныя дороги и ихъ слабыя стороны, Н. П. Добрынина.—Катакомбы, Евгения Туръ (*Октябрь*).—Сочиненія Н. И. Пирогова, т. I.—Современный обычай и древній законъ, М. Ковалевскаго.—Какъ намъ надо жить, чтобъ здоровыми быть, С. М. Вишневскаго.—Елисей Разбѣгаевъ, романъ въ стихахъ, Л. Гусяка.—Русскіе писатели послѣ Гоголя, Ореста Миллера, ч. I и II.—Всеобщій Календарь на 1887 г. Изданіе Гоппе (*Ноябрь*).—Сборникъ Рус. Ист. Общ., т. I.V.—Пестрыя письма; Помпадурн и Помпадурши, М. Е. Салтыкова.—Жизнь и труды ап. Павла, В. Фаррара.—Этюды и очерки В. Лесевича.—Сѣверно-русскія народоправства, Н. Костомарова.—Всеобщая исторія литературы, В. Борша, вып. XX.—Русскій календарь, А. Суворина.—Календарь для врачей, В. Анрена и Воронихина (*Декабрь*).

VI. Извѣщенія.—I. Общество Любителей Россійской Словесности (*Янв.*, 467; *Май*, 443; (*Авг.*, 914).—II. Комитетъ „Общества для пособія нуждающимся студентамъ Императорской Военно-Медицинской Академіи“ (*Янв.*, 467).—III. Отъ Редакціи: пожертвованія на поддержаніе сельской школы К. Д. Кавелина (*Янв.*, 467; *Фев.*, 946; *Мар.*, 444; *Апр.*, 906; *Май*, 443; *Іюнь*, 874; *Іюль*, 467; *Авг.*, 914; *Сент.*, 424; *Окт.*, 878; *Нояб.*, 456; *Дек.* 945).

СОДЕРЖАНІЕ

ШЕСТОГО ТОМА.

НОВАБРЬ — ДЕКАБРЬ, 1886.

Книга одиннадцатая. — Ноябрь.

	стр.
ВАСИЛІЙ ІВАНОВИЧЪ. — Картины морской жизни. — Изъ далекаго прошлаго. — VIII-XIV. — Окончаніе. — И. СТ.	5
СЕМЬЯ ПРИШЕЛЬЦЕВЫХЪ. — Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ. — В. А. КРЫЛОВА.	49
ТИПЫ ЛАТИНСКАГО КВАРТАЛА. — V-VIII. — Окончаніе. — И. В-ВЪ	139
К. Д. КАВЕЛИНЪ. — Матеріалы для біографіи, изъ семейной переписки и воспоминаній. — VII. Первое время моего знакомства съ К. Д. Кавелинымъ, — 1865 г. — Д. А. КОРСАКОВА.	162
А. С. ДАРГОМЫЖСКІЙ, по его автобіографіи, письмамъ и произведеніямъ. — I-II. — П. А. ТРИФОНОВА.	195
СТИХОТВОРЕНІЯ. — I. Andante. — II. Подслушанный мотивъ. — III. Безсонница мысли. — МАРТОВА	226
МЕЛОЧИ ЖИЗНИ. — I-V. — Н. ЩЕДРИНА.	229
СТИХОТВОРЕНІЯ. — Осенней дорогой. — В. С. СОЛОВЬЕВА	269
ЛОНДОНСКІЕ ПРОЛЕТАРІИ. — Романъ Вальтера Безанта. — VIII-XIV. — А. Э.	270
ЗОРІАНЪ ДОЛЕНГА-ХОДАКОВСКІЙ. — Біографическій очеркъ. — А. Н. ПЫПИНА	305
ОТРЫВОКЪ. — Стих. С. А. АНДРЕЕВСКАГО	358
ХРОНИКА. — Внутреннее Овозрѣніе. — Офіціальные и офіціозные отзывы о земствѣ. — Отчетъ крестьянскаго поземельнаго банка за 1885 г. — Вопросъ о доплатахъ и о задаткахъ. — Возрожденіе продажныхъ цѣнъ; его размѣры, причины и результаты. — Общая характеристика дѣятельности банка. — Проектируемыя постановленія о ростовщическихъ сдѣлкахъ. — Возможность пени съ лишеніемъ свободы	361
Изъ приазовскаго края. — Письмо въ Редакцію. — И. А-ОВЪ.	385
ИНОСТРАННОЕ ОВОЗРѢНІЕ. — Болгарскія дѣла и общій результатъ хода ихъ за послѣдній мѣсяцъ. — Поездка барона Каульбарса по Болгаріи и выборы въ Великое Собраніе. — Нота 7-го октября и отправка въ Варну двухъ клиперовъ. — Отношеніе Турціи къ болгарскому вопросу. — Истинное значеніе партій въ Болгаріи. — Сравненіе нынѣшняго положенія Балканскаго полуострова съ положеніемъ Апеннинскаго въ концѣ 50-хъ годовъ. — Правительственное сообщеніе, 21-го октября	401
ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЛЕКЦІЯ ПРОФ. ЯГИЧА по славянской филологіи, въ вѣнскомъ университетѣ. — Письмо изъ Вѣны. — А. Н. ВЕСЕЛОВСКАГО	412
ЛИТЕРАТУРНОЕ ОВОЗРѢНІЕ. — М. Е. Салтыкова, Двадцать-три сказки. — Полное собраніе сочиненій В. Гюго, въ переводѣ русскихъ писателей. Т. I. — К. К. — Русchkiniapa. В. П. Межова. — Историческое обозрѣніе Сибири, П. А. Словцова. — А. П.	416
СТАРАЯ И НОВАЯ РОССІЯ въ картинахъ. — Матеріалы для русской иконографіи, Д. А. Ровинскаго. — В. В. СТАСОВА.	429
Изъ Общественной Хроники. — Наша ежедневная печать и иностранная политика. — Взаимное отношеніе газеты и журнала. — Обязательна ли для земства поддержка церковно-приходскихъ школъ? — Новое обостреніе старой агитаціи. — Любимыя традиціи реакціонной печати, не выдерживающія собственной ея критики. — А. И. Язиковъ †.	441
БІОБІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — Сочиненія Н. И. Пирогова, т. I. — Современный общій и древній законъ, М. Ковалевскаго. — Какъ намъ надо жить, чтобы здоровыми быть, С. М. Вишнева. — Елисей Разбѣгаевъ, романъ въ стихахъ, Л. Гусляка. — Русскіе писатели послѣ Гоголя, Ореста Миллера, т. I и II. — Всеобщій Календарь на 1887 г. Изданіе Гоппе.	

Книга двѣнадцатая. — Декабрь.

СТР.

Исторія.—Очеркъ.—Е. Г.	457
А. С. Даргомыжскій, по его автобіографіи, письмамъ и произведеніямъ.— III-IV.—Окончаніе.—П. А. ТРИФОНОВА.	499
Стихотворенія.—1. Фонтанъ. 2 Казбеку.—Н. МИНСКАГО	532
Новѣйшая польская исторіографія и переворотъ въ ней (1861—1886)—I-VII.— Н. И. КАРЬЕВА.	535
Мѣлочи жизни.—VI.—На лонѣ природы и сельско-хозяйственныхъ улицъ: 1. Хозяйственный мужичокъ. 2. Сельскій священникъ. 3. Помѣщикъ. 4. Мировъ.—Н. ШЕДРИНА	589
Оманы сознанія.—Очеркъ.—И. Р. ТАРХАНОВА.	633
Изъ Теннисона.—Стих. В. С. ЛИХАЧОВА.	666
Изъ воспоминаній объ А. Н. Островскомъ.—Матеріалы для его біографіи.— Ө. А. БУРДИНА.	667
Въ сторону отъ жизни.—Разсказъ.—В. ЛАРИНА.	679
Лондонскіе пролетаріи.—Романъ Вальтера Безанта.—XV-XXVIII.—Окон- чаніе.—А. Э.	722
Новыя разсказанія въ народно-поэтической старинѣ.—А. Н. ПЫПИНА.	790
Хроника.—Вопросъ о слияніи властей на низшей ступени государственнаго управленія.—К. К. АРСЕНЬЕВА	827
Внутреннее Овозрѣніе.—Отчеты фабричныхъ инспекторовъ за первый годъ ихъ дѣятельности.—Отношеніе фабрикантовъ къ правиламъ о малолѣт- нихъ рабочихъ.—Уменьшеніе числа малолѣтнихъ на фабрикахъ, ихъ за- работокъ и школьное ихъ обученіе.—Тенденціозныя нападенія на инспек- цію.—Проектируемая паспортная реформа.	860
Замѣтка.—О попыткѣ къ улучшенію нашего денежнаго обращенія послѣ восточной войны.—И. Н. КОЛЕСОВА	885
Иностранное Овозрѣніе.—Трѣхъ рѣчь германскаго императора.—Отвѣтъ гр. Робиланта на запросъ о внѣшней политикѣ Италіи.—Законопроектъ объ увеличеніи мирнаго состава германской арміи.—Объясненіе Фрейсина въ палатѣ о внѣшней политикѣ Франціи.—По поводу преній о бюджетѣ въ палатѣ депутатовъ, и откровенія Дювала.—Болгарскія дѣла и отвѣтъ барона Каульбарса въ Петербургъ	896
Литературное Овозрѣніе.—А. Клоповъ, Матеріалы для изученія хлѣбной тор- говли.—М. Ковалевскій, Современный обычай и древній законъ.— Geschichte der russischen Litteratur von ihren Anfängen bis auf die neueste Zeit, von Alexander v. Reinboldt.—Стихотворенія, К. Р.	906
Некрологъ.—А. В. Головинъ.—М. С.	925
Изъ Овощественной Хроники.—Толки о послѣднихъ процессахъ печати.—Судеб- ная „вендетта“ и добровольцы произвола.—Продолженіе похода противъ земской школы.—Петербургская дума и электрическое освѣщеніе.— Юго-Восточная Сибирь на Хабаровскомъ съѣздѣ.—Проф. С. А. Усовъ †	930
Извѣщенія.—Отъ Редакціи.—Пожертвованія на поддержаніе сельской школы К. Д. Кавелина и на надгробный ему памятникъ	945
МАТЕРІАЛЫ журнальной статистики.—„Вѣстникъ Европы“ за 1886 г.	946
Алфавитный указатель авторовъ и статей, помѣщенныхъ въ „Вѣстникъ Европы“ за 1886	948
Библиографическій Листокъ.—Сборникъ Р. Ист. Общества, т. LV.—Пестрыя письма; Помпадуръ и Помпадурши, М. Салтыкова.—Жизнь и труды ал. Павла, В. Фаррара.—Этюды и очерки В. Лесевича.—Сѣверно-русскія народоправства, Н. Костомарова.—Всеобщая исторія литературы, В. Корша, вып. XX.—Русскій Календарь А. Суворина.—Календарь для вра- чей, В. Анрена и Н. Воронихина.	

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, Т. IV. Спб. 1886. Стр. 503. Ц. 3 руб.

Содержаніе новаго выпуска составляет протоколы, журналы и указы Верховнаго тайнаго совѣта, изданные впервые подъ редакціею Н. О. Дубровина. Брусь дѣятельности этого совѣта, учрежденнаго въ 1726 г., захватили почти всю совокупность внутреннихъ и внешнихъ дѣлъ имперіи въ царствованіе Екатерины I и Петра II, а потому настоящее изданіе упомянутыхъ памятниковъ, пользовавшееся которыми было до сихъ поръ затруднено, оказываетъ большую услугу для изученія періода времени между смертью Петра В. и восшествіемъ Аныи Іоанновны. Вышедшій нинѣ первый томъ заключаетъ въ себѣ небольшое время, отъ февраля до конца іюля 1726 г.

Пестряя письма. Сочин. М. Е. Салтыкова (Щедрина). Спб. 1886. Стр. 240. Ц. 1 р. 50 к.

Помпадуръ и Помпадурши. Соч. М. Е. Салтыкова (Щедрина). Изд. 4-ое Спб. 1886. Стр. 266. Ц. 1 р. 50 к.

Изъ упомянутыхъ двухъ изданій, первое — „Пестряя письма“ — является нинѣ въ первый разъ особымъ изданіемъ и составляетъ по числу 20-й томъ полнаго собранія сочиненій М. Е. Салтыкова. Наши читатели могутъ сами судить, въ какой степени въ нихъ сохранились легкіе слѣды общаго таланта, энергіи и силы творчества маститаго сатирика; по нимъ никакъ нельзя и догадаться, что большая часть „Писемъ“ была писана въ эпоху послѣдняго тяжелаго недуга, постигшаго автора въ концѣ прошедшаго и началѣ нынѣшняго года.

Жизнь и труды св. апостола Павла, Ф. В. Фаррара, съ англ. перев. О. М. Матвѣева, т. I и II. Москва. 1887. Стр. 387 и 343. Ц. 3 р.

Обширный трудъ извѣстнаго богослова англійскаго церкви, исполненный имъ съ большимъ запасомъ учености, основательнымъ знаніемъ литературы предмета и съ подробною критикою текстовъ, представляетъ значительный интересъ и для не-спеціалиста, такъ какъ онъ найдеть въ книгѣ Фаррара обстоятельное жизнеописаніе, въ связи съ религіозными воззрѣніями, того изъ апостоловъ, который занималъ самое выдающееся мѣсто въ начинавшейся тогда борьбѣ новаго міра съ древнимъ, и характеръ ученія котораго имѣлъ существенное вліяніе на всю дальнѣйшую судьбу христіанства. Въ VII вѣкѣ, лижель даже особыя секта имени ап. Павла; павликиане думали повѣять и послѣднія связи съ ветхозаветнымъ міромъ, положивъ въ основаніе новаго праведнаго порядка вещей одно ученіе ап. Павла. Переводъ труда Фаррара на русскій языкъ нельзя не признать весьма полезнымъ вкладомъ въ нашу историческую литературу.

Этюды и очерки, В. Лесевича. Спб. 1886. Стр. 407. Ц. 2 р. 60 к.

Новый сборникъ статей извѣстнаго автора „Писемъ о научной философіи“ и опыта критики началъ позитивной философіи соединяетъ въ себѣ разбросанные по журналамъ весьма инте-

ресные его этюды изъ области литературы и философіи, за послѣдніи 12 лѣтъ (1874—1886 г.). При малознакомствѣ у насъ испанской литературы, въ этомъ сборникѣ обращаетъ на себя вниманіе этюдъ по поводу произведеній выдающагося современнаго романиста въ Испаніи, Переса Гальдоса, и разборъ романа Кастельяра, конца 70-хъ годовъ.

Сѣверно-русскія наводненія во времена удѣльно-вѣчевого уклада, Н. Костомарова. 3-е изд. Спб. 1886. Стр. 414 и 466. Ц. 4 р.

Трудъ покойнаго Н. И. Костомарова, закончившій въ себѣ его лекціи въ Спб. университетѣ въ 1860—61 гг., останется надолго классическимъ его произведеніемъ. Подъ упомянутымъ заглавіемъ разсмѣется, какъ извѣстно, исторія двухъ древнихъ городовъ-государствъ, Пскова, и Великаго Новгорода съ его колоніею Вяткою. Появленіе новаго изданія доказываетъ, что научное значеніе этого труда не утратилось, и онъ остается до сихъ поръ немаловажнымъ явленіемъ новымъ, позднѣйшимъ изслѣдованіемъ, равнаго съ нимъ достоинства.

Всеобщая исторія литературы, вып. XX, и. р. Кирпичникова. Спб. 1886. Стр. 417—576.

Новый выпускъ извѣстнаго изданія, основаннаго покойнымъ В. О. Киршемъ, продолжаетъ печатаніе въ проиждущемъ выпускѣ исторію Испаніи, Франціи и Англіи въ знаменитую эпоху „Возрожденія“, XIV-го, XV-го и XVI-го вѣка. Испанская литература этой эпохи теперь окончена; французская — приведена вся сполна, а англійская — прерывается на послѣднемъ періодѣ творчества Шекспира.

Русскій календарь на 1887 г., съ Справочною Книжкою. А. Суворина, Спб. 1887. Стр. 258 и 226. Ц. въ бум. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25.

Новое изданіе въ первомъ своемъ отдѣлѣ дополнено свѣдѣніями о Финляндіи и новою популярною статью; „Электротехника въ домашней быту“; въ „Справочную Книжку“ введены новѣйшія сообщенія, какъ-то: новый тарифъ телеграфной корреспонденціи; правила государственнаго дворянскаго банка; такса вознагражденія судебныхъ приставовъ и т. д. Желательно было бы видѣть въ нашихъ календаряхъ болѣе обстоятельное и болѣе подробное веденіе того отдѣла, который называется „Русскою лѣтописью“; въ „Русскомъ Календарѣ“ 1885 годъ занимаетъ всего 6 страницъ, и самый выборъ фактовъ носитъ характеръ случайности; напр., сентябрь 1855 г. въ русской лѣтописи ознаменовался, какъ оказывается, почти однимъ событіемъ — запрещеніемъ розничной продажи газетъ „Новости“. Не менѣе желательно было бы видѣть перечень важнѣйшихъ событій и всеобщей исторіи.

Календарь для врачей на 1887 г., въ 2-хъ частяхъ, и. р. В. Аурена и Н. Воронихина. Спб. 1887. Стр. 288, 192 и 63.

Двадцатый годъ изданія говорить самъ по себѣ о репутаціи его; обширная программа, масса свѣдѣній и указаній дѣлаютъ этотъ календарь полезнымъ и не для однихъ врачей.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

НА 1887 г.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

Годъ: Полгода: Четверть:				Годъ: Полгода: Четверть:			
Взъе доставлен. . .	15 р. 50 к.	8 р.	4 р.	Съ пересылкою . .	17 „ — „	10 „	6 „
Съ доставкою . . .	16 „ — „	9 „	5 „	За границей . . .	19 „ — „	11 „	7 „

Нумеръ журнала отдѣльно, съ доставкою и пересылкою, изъ Россіи — 2 р. 50 к.,
за границей — 3 руб.

Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается — въ Петербургѣ: 1) въ Главной Конторѣ журнала „Вѣстникъ Европы“ въ С.-Петербургѣ, на Вас. Остр., 2-я лин., 7; 2) въ ея Отдѣленіи, при книжномъ магазинѣ Э. Мелле, на Невскомъ проспектѣ; — въ Москвѣ: 1) при книжныхъ магазинахъ Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; 2) Н. П. Карбасникова, на Моховой, д. Коха, и 3) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи. — Иногородные обращаются по почтѣ въ Редацію журнала: Спб., Галерная, 20, а лично — въ Главную Контору. Тамъ же принимаются частныя извѣщенія и ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ журналѣ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редація отвѣчаетъ вполне за точную и своевременную доставку городскихъ подписчикамъ Главной Конторы и ея Отдѣленій, и тѣмъ изъ иногороднихъ и иностранныхъ, которые имѣли подписную сумму по почтѣ въ Редацію „Вѣстника Европы“, въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое утѣшеніе, едѣ (№) допущена выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса просить извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожителства; при перемѣнѣ адреса изъ городскихъ въ иногородние доплачивается 1 р. 50 к.; изъ иногороднихъ въ городскіе — 40 коп.; и изъ городскихъ или иногороднихъ въ иностранныя — недостающее до вышеуказанныхъ цифръ за границей.

Жалобы высылаются исключительно въ Редацію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже какъ по излученіи слѣдующаго нумера журнала.

Видѣны на полученіе журнала высылаются особо тѣмъ изъ иногороднихъ, которые приносятъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академ. пер., 7.

Digitized by Google